

П. Г. КЛЕПАТСКІЙ.

У 44
181

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ КІЕВСКОЙ ЗЕМЛИ.

Kywen ein hepth ist von alders aller
Russischen landen.

Cod. epis. Witoldi p. 780.

Есть у насъ знаменитая крѣпость и городъ
Кіевъ, который, впрочемъ, пренебрегается, какъ
и другіе, хотя и гласитъ одна пословица роко-
ленская, что съ его высоты видны многія мѣста.
Область, знаменитая стеченіемъ людей.

Михалонъ с. 61, 68.

ТОМЪ I.

ЛИТОВСКІЙ ПЕРІОДЪ.

ОДЕССА.

Тип. „Техникъ“, Екатерининская, 28.
1912.

П. Г. КЛЕПАТСКІЙ.

У 44
181

ОЧЕРКИ

ПО

ИСТОРИИ КІЕВСКОЙ ЗЕМЛИ.

Kywen ein hepth ist von alders aller
Russischen landen.

Cod. epis. Witoldi p. 780.

Есть у насъ знаменитая крѣпость и городъ
Кіевъ, который, впрочемъ, пренебрегается, какъ
и другіе, хотя и гласитъ одна пословица роксо-
ланская, что съ его высоты видны многія мѣста.
Область, знаменитая стеченіемъ людей.

Михалонъ с. 61, 68.

ТОМЪ I.

ЛИТОВСКІЙ ПЕРІОДЪ.

ОДЕССА.

Типографія „Техникъ“, Екатерининская, 58.

1912.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	стр.
Отъ автора	V—IX
Списокъ источниковъ и пособій	X—XIX
Введение	XXI—XLIII
Часть первая:	
Глава I. Хронологическія рамки Литовскаго періода	1—24
" II. Политическая исторія Киевской земли	24—69
" III. Управленіе	69—115
" IV. Состояніе обороны	115—138
" V. Положеніе и состояніе Церкви	138—168
Часть вторая:	
Отъ автора	170—
Очеркъ I. Мозырскій повѣтъ	171—197
" II. Овручскій повѣтъ	197—231
" III. Житомирскій повѣтъ	231—270
" IV. Любецкій повѣтъ	270—277
" V. Остерскій повѣтъ	277—286
" VI. Путивльскій повѣтъ	287—296
" VII. Черныбыльскій повѣтъ	296—313
" VIII. Киевскій повѣтъ	313—377
" IX. Черкасскій повѣтъ	377—430
a) Каневскій обводъ	393—404
b) Бѣлодерковскій обводъ	404—411
c) Черкасскій обводъ	411—430
Карты повѣтовъ—въ концѣ каждого очерка.	
Часть третья:	
Глава I. О количествѣ, движеніи и этнографическомъ составѣ населенія	433—452
" II. Объ экономическомъ бытѣ	453—470
" III. О крестьянствѣ	471—501
" IV. О мѣщанствѣ	502—509
" V. О казакахъ	510—527
" IV. О служилыхъ людяхъ	528—550
Приложеніе	551—580
Указатели:	
a) личный	581—584
b) географическій	584—593
c) предметный	593—595
Опечатки и поправки	597—599

Отдѣльный оттискъ изъ Записокъ V выпуска Историко-Филологическаго факультета Императорскаго Новороссійскаго университета.

973843

ОТ АВТОРА.

Настоящая книга является исправленным и несколько расширенным изданием работы, представленной в свое время из Историко-Филологический Факультет Импер. Новороссийского Университета на соискание золотой медали. По своему содержанию она входит в серию монографий, занимающихся исследованием областной истории, а еще точнее — истории Украины-Руси, изучению которой посвятил свой труд Киевская школа ученых, вышедших из семинарии покойного шафр проф. В. В. Антоновича. Представителем этой школы из Новороссийского университета является проф. Н. А. Ливиниченко, которому принадлежит не только выбор данной темы, но и ближайшее руководство по ее разработке. Воздадим ему должную дань уважения и благодарности!

На отдельных положениях, выдвигаемых из настоящей книги, читатель найдет то или иное разъяснение из самого текста ее; но понять, какого придерживался автор в расположении собранного им материала, нуждается из предварительного объяснения. — Уже самый заголовок данной книги — «Очерки» — в общем определяет ее физиономию. Действительно, здесь читатель найдет ряд очерков, хотя и имеющих между собою известную связь, но в то же время и не теряющих своего самостоятельного значения. Обыкновенно подобного рода сочинения ищутся по такому плану: начало открывается главой о колонизации, затем идет изложение политических событий, глава об административной и, наконец, главы о социально-экономическом бы-

тѣ населенія. Но авторъ не счелъ нужнымъ слѣдовать общепринятымъ образцамъ по двумъ причинамъ, которыя казались ему заслуживающими вниманія.

Прежде всего—Кіевская земля въ разсматриваемый періодъ раскинулась въ своихъ границахъ такъ далеко и широко, что захватила, съ одной стороны, часть глубокаго Полѣся, а съ другой—выдвинулась въ безпредѣльную степь; съ одной стороны, погрузилась въ болота, а съ другой—прошла по гранитнымъ и мѣловымъ краямъ; въ срединѣ же мы встрѣчаемъ разнообразныя сочетанія этихъ противоположностей, придающія мѣстности своеобразный колоритъ, отъсвѣчивающій такъ или иначе на экономическомъ, а отчасти—и на общественномъ бытѣ населенія. Разумѣется, въ виду этого можно было бы подѣлать всю территорію Кіевской земли на нѣсколько болѣе или менѣе крутыхъ полосъ, не приурочивая этого, такъ сказать, топографическаго дѣленія къ административному, какъ это сдѣлано авторомъ. Но тутъ вступаетъ въ свои права другое условіе, котораго нельзя было, затѣмъ, не принять въ расчетъ; это—мѣстныя особенности отдѣльныхъ повѣтовъ да дочувъ социальныхъ отношеній.

Дѣло въ томъ, что въ Литовско-русскомъ государствѣ разсматриваемаго времени (да въ немъ ли одномъ?) господствовало невыразимое разнообразіе социальныхъ отношеній—результатъ помѣстныхъ правъ и обычаевъ, сохранявшихся изъ старины, благодаря традиціонной политикѣ центральнаго правительства—старинны не рухаютъ, а новины не вводятъ.* Новины, разумѣется, вводились, ибо безъ нихъ не можетъ обойтись никакое государство, если не желаетъ сойти съ исторической сцены; но всѣ эти новины вводились не въ видѣ системы, строго обдуманной и послѣдовательно проводимой, а въ видѣ отдѣльныхъ, частныхъ случаевъ, по требованію обстоятельствъ или по капризу отдѣльныхъ лицъ. Въ концѣ концовъ, и эти новины, и старина, переплетаясь въ разнообразнѣйшихъ сочетаніяхъ и направленіяхъ, создавали изъ Литовско-русскаго государства такой разношерстный конгломератъ частей, въ которомъ и до сихъ поръ путаются компетентнѣйшіе ученые, знатоки литовско-русскаго права.

Этотъ отличительный характеръ литовско-русскаго государственнаго устройства проникалъ не только цѣлое, но и отдѣльныя его части; сказался онъ и на Кіевской землѣ. Благодаря щедрой раздачѣ привилегій, другъ съ другомъ не согласованныхъ, при содѣйствіи другихъ, уже мѣстныхъ условій, въ нѣдрахъ самой Кіевской земли возникли особенности, которыя придають отдѣльнымъ частямъ ея своеобразный характеръ. Чтобы сохранить этотъ своеобразный характеръ, по возможности, въ его настоящемъ видѣ и во всемъ разнообразіи красокъ и оттѣнковъ,—разумѣется, въ зависимости отъ количества и качества источниковъ, авторъ рѣшилъ сгруппировать находившіяся въ его распоряженіи историческія матеріалы не въ систематическомъ, а въ иномъ порядкѣ, который позволяетъ представить исторію Кіевской земли не въ абстрактномъ единствѣ, а во всемъ разнообразіи ея отдѣльныхъ частей; при этомъ, для упрощенія плана, чтобы не пришлось обращаться къ разнымъ дѣленіямъ, въ зависимости отъ разныхъ угловъ зрѣнія, явилась необходимость придерживаться административнаго дѣленія Кіевской земли какъ оно сложилось въ разсматриваемый періодъ, т. е. по повѣтамъ. Такимъ образомъ, по замыслу автора, исторія каждаго повѣта должна представлять самостоятельную очеркъ, а каждый очеркъ будетъ состоять изъ обзора колонизаціи, экономическаго состоянія и социальной группировки населенія; тамъ же, гдѣ будетъ нужно и возможно, по состоянію источниковъ, это содержаніе отдѣльныхъ очерковъ будетъ пополняться и расширяться еще нѣкоторыми другими статьями, напр., по физической географіи. Очерки отдѣльныхъ повѣтовъ выдѣлены авторомъ въ особую—вторую часть, которая и является центральной въ настоящемъ сочиненіи. Но такъ какъ, съ одной стороны, авторъ пишетъ все-таки не исторію отдѣльныхъ повѣтовъ, а исторію Кіевской земли, а съ другой—за предѣлами этихъ очерковъ остаются еще нѣкоторые общіе вопросы, имѣющіе къ разрабатываемой здѣсь темѣ непосредственное отношеніе, то къ этой центральной части присоединены еще двѣ другихъ: впереди и позади нея—въ такомъ расчетѣ, чтобы въ первую часть вошло разрѣшеніе вопросовъ, не затрагиваемыхъ непосредственно въ очеркахъ повѣтовъ, какъ политическая и церковная

история, состояние обороны, управление, а в третью и последнюю — отчасти выводы и обобщения, отчасти дополнения и комментарии ко второй части; следовательно, в третьей будет трактоваться о населении Киевской земли — его количества, движения, этнографическомъ составѣ, экономическомъ положеніи, сословной дифференціи. Кроме того, в особомъ Приложении авторъ даетъ очеркъ колонизаціи среднего Приднѣпровья в до-Монгольскій періодъ, по связи его съ настоящимъ и въ виду неопредѣленности данного вопроса въ современной наукѣ, а во Введеніи — очеркъ начальной исторіи и состоянія Литовско-русскаго государства, въ составъ котораго входила Киевская земля, по связи части съ цѣлымъ.

Безъ сомнѣнія, такой планъ отличается сложностью и нѣкоторой разбросанностью, требуя въ то же время для своего выполненія массы кропотливаго труда; тѣмъ не менѣе, чтобы сохранить провинціальныя особенности отдѣльных частей, иногда даже съ тонкими оттѣнками ихъ экономического быта и социальныхъ отношеній — съ одной стороны, и чтобы исчерпать весь матеріалъ, собранный имъ по данному вопросу — съ другой, авторъ избралъ именно этотъ, а не иной путь. Принявъ точку зрѣнія автора, его можно упрекнуть только въ одномъ, — это въ излишнихъ повтореніяхъ, которыхъ можно было бы избѣжать въ самомъ началѣ, при другихъ условіяхъ работы. Чувствуя справедливость подобнаго упрека, авторъ хотѣлъ было при окончательной редакціи устранить указанный недочетъ, но оказалось, что подобная операція требуетъ большой затраты труда и времени, не оправдываемой существомъ дѣла, а потому авторъ ограничился только сравнительно незначительными отступленіями отъ первоначальной редакціи. Опечатки и недомолвки, неизбежныя въ столь объемистомъ трудѣ и притомъ начинающаго, авторъ проситъ читателей предварительно исправить по указателю, для избѣжанія недоразумѣній, а въ остальномъ полагается на синеходительность критики.

Въ заключеніе авторъ считаетъ своимъ долгомъ еще разъ выразить сердечную признательность проф. Ив. А. Лип-

ниченко за издержки по изданію настоящей работы и за обязательную помощь книгами и совѣтами при ея исполненіи. Спасибо также проф. А. П. Доброклонскому, который въ качествѣ редактора Записокъ Новороссійскаго университета устранилъ не мало опечатокъ, не досмотрѣнныхъ авторомъ. Въ остальномъ — шеа сура.

При составлении настоящей книги авторъ имѣлъ подъ руками—

ИСТОЧНИКИ:

- Акты Западной Россіи I—II=A. З. Р.
Акты Южной и Западной Россіи I—III=A. Ю. Р.
Акты Историческіе I=A. И.
Дополненіе къ Актамъ Историческимъ, I=Д. А. И.
Supplementum ad historica Russiae monumenta I= Supplement.
Acta Tomisiana Działyńskiego=Acta Tomis.
Акты Литовской Метрики Леонтовича, выи. I—II=Акты Леонтовича.
Акты Литовско-русскаго государства Довнаръ-Запольскаго, выи. I=Акты Д.-З.
Архивъ Ю.-З. Россіи ч. I—VIII=A. Ю. З. Р.
Archivum ks. Lubartowiczów Sanguszków w Sławucie I—IV=Arch. Lub. Sang.
Архивъ Песочинскаго, изд. Стороженкомъ въ Кіев. Старинѣ 1892, II и въ Переяславск. Старинѣ, с. 72—83, изд. 1900 г.
Археографическій Сборникъ=Арх. Сбор.
Русская Историч. Библиотека IV и VI=Ист. Библ.
Древняя Россійская Вивліотека Ноникова, т. XV, изд. 1790 г.
Грамоты великихъ и удѣльныхъ князей Литовскихъ, изд. Антоновичемъ и Козловскимъ въ Кіев. Универ. Изв. за 1868 г.=Грамоты Антоновича.
Грамота Андрея Боголюбскаго Кіево-Печерскому монастырю у митр. Евгенія, Прилож. № I, с. 1—10 (I изд.), с. 167—174 (II изд.).

Грамоты Кіев. удѣльныхъ князей Половцамъ, за Сквира Д. Руадковскаго Opis' row Wasilkowskiego, с. 33—35, перепеч. у Похилевича Сказанія с. 190—1.

Дворцовые Разряды II, С. ЦВ. 1851.

Документы Московск. Арх. Министр. Юстиціи I=Д. Ю. Документы и регесты къ Истор. Литовск. Евреевъ Вернадскаго, I=Докум. и регесты.

Кілька Кіевськихъ документів XV—XVI вв. изд. Грушевскимъ въ Запискахъ Науков. Товар. ім. Шевченка, т. XI=Док. Грушевскаго, XI.

До питання про правно-державне становище Київ князів XV в., *ibid.* XXXII=Док. Грушевскаго, XXXII.

Книга Посольская Метрики Литовской, изд. Оболенскимъ и Даниловичемъ, I=Ки. Посол. I.

Литовская Метрика, изд. Археограф. Комиссіей въ Русск. Историч. Библ. т. XX=Ки. суд. дѣль.

Матеріалы для исторической топографіи г. Кіева и его окрестностей ¹⁾=Матеріалы.

Сборникъ Им. Русск. Историч. Общества, т. 35, 41, 59=Сбор. Историч.

Сборникъ кн. Оболенскаго М. 1838.

Сборникъ матеріаловъ для исторіи пановъ Радъ Литовской, изд. Малиновскимъ=Сбор. Малиновскаго.

Сборникъ Муханова М. 1856.

Codex epistolaris saeculi XV, I—II, изд. Лавицкимъ въ Monum. medii aevi, т. II и XII=Cod. epis.

Codex epistolaris Witoldi въ Monum. med. aevi, VI=Codex Witoldi.

Codex diplomaticus Poloniae Rzyszczewskiego i Muezkowskiego, I Varsaviae, 1847.

Родословіа по тремъ епископамъ по Временникъ Им. Москов. Общ. Истор. и Древностей, X, 1851.

Skarbiec dyplomatów Daniłowicza, т. I—II=Skarbiec. Zbiór praw litewskich od roku 1389 do roku 1529, Działyńskiego=Zbiór praw.

Zbiór pamiętników do dziejów polskich Hr. de Broel—Plater=Zbiór pamiętników.

¹⁾ Въ текстѣ по недосмотру Матеріалы для исторіи и топографіи.

- Źródła dziejowe Jabłonowskiego, разные томы—Zr.
 Źródła do dziejów polskich, przez M. Malinowskiego i
 A. Przędzińskiego, II—Zrz. Malinowskiego.
 Полное Собрание Русскихъ Лѣтописей, изд. Археогр.
 Ком.—Собр. лѣт.
 Лѣтописи Никоновскія, т. I—V, изд. Акад. Наукъ.
 Лѣтопись Ипатьевская, изд. Археогр. Ком. 1871 г.
 Лѣтопись Лаврентьевская, изд. Археогр. Ком. 1872 г.
 Лѣтопись О. Норманскаго во Временникъ Им. Москов.
 Общ. Ист. и Древ., т. V.
 Статуты Литовскіе 1529 и 1566 г.г. *ibid.* т. XVIII и
 XXIII.
 Списокъ городовъ Святигиблы у Коцебу, Прилож. с.
 10—12, перепеч. въ Skarbiec I, № 746.
 Списки населенныхъ мѣстъ Россійской Имперіи, изд.
 Министр. Внутр. Дѣлъ.
 Бонланъ и его историко-географич. труды относительно
 Южной Россіи, изд. Лиекоронскаго.
 Długosi Historia Polonika, t. I—II, Francofurti et Lip-
 siae, 1711—12 an.
 Gorski Commentarius rerum gestarum a Sigismundo
 Primo, въ Acta Tomiciana I.
 Gwagnin Z Kroniki Sarmacyi Europejskiej, wyd. Turow-
 skiego, Kraków, 1860 г.
 Герберштейнъ Записки о Московіи, перев. Анонима,
 С.-ПБ. 1866 г.
 Гейдештейнъ Рейнгольдъ Записки о Московской
 войнѣ, С.-ПБ. 1889 г.
 Контарини Путешествіе, въ Библ. иностранныхъ писа-
 телей, I, С.-ПБ. 1836 г.
 Михалонъ Литвинъ Огрыпки, въ Архивъ истор.-юрід.
 свѣдѣній Калачева, II, 2, 1855 г.
 Strykowski Kronika polska, litewska, zmuudzka i wszystkiej
 Rusi, I—II, Warsz. 1846.
 Пляво-Карпини Libellus historicus, въ Собрании путе-
 шествій къ Татарамъ, изд. Языковымъ въ 1828 г.; второе
 изданіе—Суворина (переводъ Маленина), С.-ПБ. 1911 г.

ПОСОБІЯ:

- Александровичъ Остерокий уѣздъ, ч. I, К. 1881 г.
 Антоновичъ Очеркъ исторіи вел. княжества Литовскаго
 до смерти Ольгерда, К. 1878 г. (перепеч. въ Мо-
 нографіяхъ, т. I).
 Его же Кіевъ, его судьба и значеніе съ XIV по XVI ст.
 (первонач. въ Кіев. Ст. 1882 г., затѣмъ—въ
 Моногр.).
 Его же Новонайденныя серебряныя монеты съ именемъ
 Владиміра (въ Трудахъ III археол. съѣзда, т. II).
 Его же Обь околичной шляхтѣ (А. Ю. З. Р. ч. IV, т. I).
 Его же Исслѣдованіе о качествахъ (въ А. Ю. З. Р. ч. III,
 т. I).
 Его же Исслѣдованіе о городахъ Ю.-З. Россіи (*ibid.*
 ч. V, т. I).
 Его же О крестьянахъ Ю.-З. Россіи (*ibid.* ч. VI, т. II).
 Багалъій Исторія Сѣверной земли до полов. XIV в. К. 1882 г.
 Его же Займанщина въ лѣвобережной Украинѣ XVIII в.
 (Кіев. Ст. 1889, XII).
 Balinski i Lipinski Starożytna Polska, wyd. II, т. II.
 Барсовъ Географія начальной лѣтописи, изд. II, 1885 г.
 Его же Географическій словарь Русской земли, 1865 г.
 Батюшковъ Волны, С.-ПБ. 1888 г.
 Баршадскій Литовскіе Евреи, С.-ПБ. 1883 г.
 Его же Аврамъ Елюфовичъ Ребичковичъ (Кіев. Ст. 1888,
 X и особо).
 Владимірскаго Будановъ Населеніе Ю.-З. Россіи отъ полов.
 XIII в. до Люблинской униі (А. Ю. З. Р., ч. VII,
 т. I—II и особо, въ двухъ выпускахъ).
 Его же Крестьянское земледѣніе въ Западной Россіи
 до полов. XVI в. Чтенія Кіев., VII).
 Его же Помѣстное право въ древнюю эпоху Литовско-
 русскаго государства (Чтенія Кіев. III и особо).
 Его же Нѣмецкое право въ Польшѣ и Литвѣ (Ж. М. Н. II,
 1868, кн. 8, 9, 11 и 12).
 Его же Церковныя имуществы Ю.-З. Россіи XVI в.
 (А. Ю. З. Р. ч. VIII, т. IV).
 Его же Обзоръ исторіи русскаго права, К. 1900 г.

- Голубевъ О древнѣйшемъ планѣ с. Кіева (Чтенія Кіев. XII).
- Голубинскій Исторія русской церкви, I—II. М-ва 1900 г.
- Грушевскій М. Очеркъ исторіи Кіевской земли съ бѣгъ бѣгъ Ярослава до конца XIV в. К. 1891 г.
- Его же Исторія Украины Руси, т. I—VII.
- Его же Южно-русскіе господарскіе замки въ полов. XVI в. (Кіев. Унив. Изв. 1890, II).
- Его же Спірні питання староруської етнографіи (Сбор. статей по славяновѣдѣнію, 1904 г.) и много другихъ.
- Голубовскій Исторія Сѣверской земли до полов. XIV в. К. 1881.
- Его же Печенегы, Тюрки и Половцы К. 1884.
- Дашкевичъ Замѣтки по исторіи Литовско-русскаго государства. К. 1885 (первое изд. 1882 г.).
- Его же Волоховская земля и ея значеніе (Труды III археол. съѣзда, т. II и особо) и др.
- Довнаръ-Запольскій Государственное хозяйство вел. кн. Литовскаго при Ягеллонахъ, ч. I. К. 1901 г.
- Его же Украинскія староства въ верх. полов. XVI в. (А. Ю. З. Р. ч. VIII, т. V и особо).
- Его же Западно-русская сельская община въ XVI в. (Ж. М. Н. П. 1897, VII и особо).
- Его же Спорные вопросы по исторіи литовско-русскаго сейма (Ж. М. Н. П. 1901, X).
- Его же Польская унія на сеймахъ до 1569 г. (Труды Славянск. комитета при Им. Москов. Археол. Общ., т. II и особо).
- Евгеній митр Описание Кіево-Софійскаго собора и Кіевской іерархіи. К. 1825.
- Его же Описание Кіево-Печерской лавры, изд. 1826 и 1831 г.г.
- Ефименко Литовско-русскіе данники и ихъ дань (Ж. М. Н. П. 1903, I).
- Ея же Дворянское землевладѣніе въ Ю.-З. Руси (Русск. Мысль. 1892, IV и V).
- Ея же Кошмы суды въ лѣвобережной Украинѣ (Кіев. Ст. 1885, X).
- Ея же Народный судъ въ Западной Руси (Русск.

- Мысль. 1893, VIII—IX). Все эти статьи вошли затѣмъ въ Сбор. Южная Русь.
- Закревскій Описание Кіева, I—II. М-ва, 1868 г.
- Зеленскій Матеріалы для географіи и статистики Россіи ч. I—Минск. губ. С.-ПБ. 1864 г.
- Зотовъ О Черниговскихъ князьяхъ по Любецкому синодику. С.-ПБ. 1892 г.
- Иванюшевъ О древнихъ сельскихъ общинахъ въ Ю.-З. Руси (Русск. Бесѣда 1857, III, перепеч. въ Собр. соч. I).
- Иловайскій Исторія Россіи, изд. 1896 г.
- Каманинъ Къ вопросу о козачествѣ до Богдана Хмельницкаго (Чтенія Кіев. VIII).
- Карповъ Исторія борьбы Московск. государства съ Литовско-польскимъ, ч. I. М-ва, 1867 г.
- Квашинъ-Самаринъ По поводу Любецкаго синодика (Чтенія Москов. 1873, IV).
- Ключевскій Курсъ русской исторіи, ч. I. М. 1908 г. (изданіе автора).
- Ковалевскій Труды, какъ источникъ права собственности на землю въ Малороссіи и на Украинѣ (Юридич. Вѣсти. 1892, V—VI).
- Константиновичъ Развалины Юрьевой Божницы въ с. Старогородкѣ (Кіев. Ст. 1896, XI).
- Корсаковъ Мера и Ростовское княжество. Казань, 1872 г.
- Котляревскій Были ли Малоруссы незаконными обитателями Польской земли? (Основа 1862, X и Собр. соч. т. I).
- Kraszewski Wspomnienia Wołynia, Polesia i Litwy. Wilno. 1840.
- Конецку Свнтригайло, вел. кн. Литовскій. С.-ПБ. 1835.
- Лаппо Отчетъ о соч. Любавскаго—Литовско-русскій сеймъ (Чтенія Москов. 1903, III).
- Latkowski Mendog, król Litewski. Kraków, 1893.
- A. Lewicki Powstanie Świdrygielly. Kraków, 1893.
- О. Левитскій. Внутреннее состояніе западно-русской церкви въ Польско-литовскомъ государствѣ въ концѣ XVI ст. и унія (А. Ю. З. Р. ч. I, т. VI).
- Его же Основныя черты внутренняго строя западно-русской церкви въ XVI и XVII в.в. (Кіев. Ст. 1884, VIII).

- Леонтовичъ Очерки исторіи литовско-русскаго права. С.-ПБ. 1894 г.
- Его же Панскій дворъ въ Литовско-русскомъ государствѣ (Варш. Унив. Изв. 1895, V).
- Его же Крестьянскій дворъ въ Литовско-русскомъ государствѣ (Ж. М. Н. П. 1896, II—IV, X, XII; 1897, IV—V).
- Его же Сельскіе промышленники (Варш. Унив. Изв. 1897 г. IV—VII).
- Его же Сельскіе ремесленники (Варш. Унив. Изв. 1898, II—III).
- Его же Крестьяне въ Россіи по литовскому праву XV—XVI ст. (Кіев. Унив. Изв. 1883, X—XI).
- Его же Сословный типъ территориально-административнаго состава Литовскаго государства и его причины (Ж. М. Н. П. 1895, VI—VII и особо).
- Его же Къ исторіи административнаго строя Литовскаго государства. Варш. 1899 (изъ Варш. Унив. Изв.).
- Его же Рада Литовско-русскаго государства (Ж. М. Н. П. 1907, IX—X).
- Его же Воиры и служилые люди въ Литов.—русск. государствѣ (Ж. М. Юст. 1907, V—VI).
- Его же Правоспособность литовско-русской шляхты (Ж. М. Н. П. 1908, III, IV, VI; 1909, II—III).
- Его же Вѣча, сеймы и сеймики вел. кн. Литовскаго (Ж. М. Н. П. 1910, II—III).
- Его же Разборъ сочиненія Любавскаго о литовско-русскомъ сеймѣ (Отчетъ о 45 приеужд. награды гр. Уварова) и др.
- Линиченко Вѣче въ Киевской области (Кіев. Унив. Изв. 1881, II—III и особо).
- Его же Черты изъ исторіи сословій въ Ю.-З. Руси XIV и XV вв. М-ва, 1894 г.
- Его же Отчетъ о настоящей работѣ по соисканію золотой медали (въ Запискахъ Новороссійскаго универ. за 1909 г., вып. III и особо).
- Лучинскій Сябры и сябринное землевладѣніе въ Малороссіи (Сѣвер. Вѣсти. 1889, I).

- Его же Займанщина и формы займочнаго землевладѣнія въ Малороссіи (Юрид. Вѣсти. 1890, III).
- Любавскій Областное дѣленіе и мѣстное самоуправленіе Литовско-русскаго государства. М. 1892.
- Его же Литовско-русскій сеймъ. М-ва, 1901 г.
- Его же Новые труды по исторіи литов.-русск. сейма (Ж. М. Н. П. 1903, II—III).
- Его же Начальная исторія малорусскаго козачества (Ж. М. Н. П. 1895, VII).
- Его же Очеркъ исторіи Литовско-русск. государства. М-ва, 1910.
- Лякоронскій Исторія Переяславской земли до полов. XIII в., изд. 1897 г.
- Его же Городища, курганы и длинные валы, находящіяся въ бассейнѣ р. Сулы (Труды XI археол. съѣзда, т. I).
- Его же Остатки древ. Лукомскаго городища въ м. Лукомлѣ, Полтавск. губ. (Кіев. Ст. 1893, IX).
- Макарій прееос. Исторія русской церкви. С.-ПБ. 1857—83.
- Максимейко Сеймы Литовско-русскаго государства до Люблинской уни. Харьковъ, 1902.
- Максимейко Русская Правда и литовско-русское право (Юбилейный Сборникъ, посвященный Владиміръ-Буданову, 1904 г.).
- М. Максимовичъ Собр. сочиненій т. I—III. К. 1876—80.
- Н. Максимовичъ Дибуръ и его бассейнъ. К. 1901.
- Малиновскій Рада вел. кн. Литовскаго, ч. I—II. Томскъ, 1903—4 г.г.
- Его же Новые труды по исторіи Литов.-русск. государства (Ж. М. Н. П. 1911, XI).
- Милорадовичъ Любечъ Черниговск. губ.—родина преп. Антонія (Чтенія Московск. 1871, II).
- Мозговой Киевская губернія. Очеркъ. К. 1881 г.
- Мушкинскій Изслѣдованіе о происхожденіи и состояніи Литовскихъ Татаръ С.-ПБ. 1857.
- Narbutt Dzieje narodu litewskiego, I—IX Wilno, 1835—41 г.г.
- Новицкій Очеркъ исторіи крестьянскаго сословія (А. Ю. З. Р. VI, I).
- Осовскій Геологическо-геогностическій очеркъ Волынской

- губ. (Труды Воляиск. губ. статистич. Комитета I, 1857 г.)
- Падалка Къ вопросу о времени основанія г. Полтаны (Чтенія Киев. X¹).
- Петровъ О новооткрытой Киевской монетѣ XIV в. (Сбор. XVIII Харьковский истор.-фил. Общества, 1910 г.)
- Похилевичъ Сказанія о населенныхъ мѣстахъ Киевской губ. К. 1864 г.
- Его же Уѣзды Киевскій и Радомысльскій. К. 1887.
- Рыбинскій Киевская митрополичья кафедра съ полов. XIII в. до конца XVI (Труды Киев. Духов. Акад. 1891, I—II).
- Руликовскій—много статей въ Słownik-ъ Geogr.
- Самоковасовъ Древніе города Россіи С.-ПБ. 1873.
- Сергѣевичъ Юридическія древности I—II С.-ПБ. 1893—6.
- Его же Лекціи и изслѣдованія по древней исторіи русскаго права. С.-ПБ. 1910.
- Słownik geograficzny królestwa Polskiego, I—XIV.
- Соболевскій Къ вопросу объ историческихъ судьбахъ Киева (Изв. Унив. Изв. 1885, VIII).
- Его же Источники Киевскаго говора (Ж. М. Н. П. 1885, II).
- Его же Лекціи по исторіи русскаго языка. К. 1888.
- Его же Населеніе Украины въ XVI в. (Жив. Ст., 1893, III).
- Его же Древне-Киевскій говоръ. (Изв. Отдѣл. русск. языка и словесности, 1905, I) и др.
- Спитко О конныхъ судахъ (Акты Виленск. ком. т. XVII).
- Спрогисъ О конныхъ судахъ (ibid. т. XVIII).
- Срезневскій Русское населеніе степей и южнаго поморья въ XI—XIV в.в. (Изв. Им. Акад. Наукъ, 1859, VIII).
- Stadnicki Synowie Gedymina т. II. Lwów, 1853 г.
- Его же Bracia Władysława Jagielly, Lwów, 1867.
- Его же Olgierd i Kiejstut, synowie Gedymina. Lwów. 1870.
- Stecki Wolyń pod względem statystycznym, historycznymi i archeologicznym, I. Lwów, 1864.
- Сумцовъ Малорусская географич. номенклатура. К. 1896 (изъ Киев. Ст.).

¹) Къ этой развѣдкѣ приложена карта черкасскихъ уходовъ, которой мы воспользовались, сдѣлавъ къ ней нѣкоторыя дополненія.

- Толстой Древнѣйшія монеты вел. кн. Киевскаго. С.-ПБ. 1882.
- Филевичъ О разработкѣ географической номенклатуры (Труды X археол. съѣзда, т. I).
- Шахматовъ Къ вопросу объ образованіи русскихъ нарѣчій (Ж. М. Н. П. 1899, IV).
- Шинлевскій Мозирщина (Архивъ историч. и практич. свѣдѣній, 1859, III).
- Wolf Książowie litewsko-ruscy. Warsz. 1895.
- Экземплярскій Великіе и удѣльные князья сѣверной Руси, II. С.-ПБ. 1891 г.
- Якубовскій Земскіе привилеи вел. кн. Литовскаго (Ж. М. Н. П. 1903, IV и VI).
- Jaroszewicz Obraz Litwy pod względem jej cywilizacyi od czasów najdawniejszych do końca XVIII w. I—III. Wilno, 1844—5.
- Нешскій Уставныя земскія грамоты Литовско-русскаго государства. К. 1889 г. (изъ Унив. Изв.)
и много другихъ, указанныхъ въ текстѣ.

ВВЕДЕНИЕ.

Въ то время, какъ Русь подъ управленіемъ князей изъ рода Рюрика достигла уже прочнаго государственнаго устройства, приняла христіанство и рѣшительно вступила къ семью культурныхъ народовъ, разрозненныя литовскія племена, занимавшія бассейнъ Западной Двины и Нѣмана, еще только выступали на сцену исторической жизни ¹⁾. Выступление это было вынуждено: съ одной стороны Русскіе, съ другой—Орденъ, а въ тылу—Поляки сильно наступали на Литовцевъ, угрожая имъ частію истребленіемъ, а частію раствореніемъ въ своей массѣ. Это заставило тѣснымихъ сплотиться, чтобы силу противопоставить силѣ. Такимъ образомъ, въ борьбѣ съ внѣшними врагами окрѣпла литовская государственность, а такъ какъ на сторонѣ враговъ въ этой борьбѣ было превосходство культуры, то волей-неволей поворожденному политическому организму пришлось усвоить себѣ и нѣкоторые результаты этой культуры—прежде всего, разумѣется, изъ области военной; такъ появились

¹⁾ Изъ общихъ сочиненій по исторіи Литвы укажемъ слѣд.: *Jagodziński*—*Obraz Litwy pod względem jej cywilizacyi od czasów najdawniejszych do końca XVIII w.* Wilno, I—III, 1844—5; *Иловайского*—*Исторія*, т. II—III; *Грушевского*—*Исторія* IV—VI; *Либавскаго*—*Счерги*—*Исторія Литовско-русскаго государства* (до Люблинской унии включительно). Въ болѣе узкихъ границахъ исторіей Литвы занимаются: *Антоновичъ*—*Очерки исторіи в. кн. Литовскаго до полов. XV ст.*, *Дашкевичъ*—*Замѣтки по исторіи Литовско-русскаго государства*, *Леонтовичъ*—*Очерки исторіи Литовско-русскаго права* (Образованіе территоріи Литовскаго государства) и др. Главнѣйшая литература по отдѣльнымъ вопросамъ будетъ указана въ своемъ мѣстѣ.

у Литовцевъ города, которыхъ мы не находимъ у нихъ еще въ началѣ XIII столѣтія.

Истиннымъ основателемъ литовскаго могущества были Мендовгъ, владѣтель Кернова и Новгородка Литовскаго ¹⁾. Дѣйствуя съ необычайной энергіей и настойчивостью, онъ успѣлъ не только объединить подъ своей верховной властью отдѣльные литовскія племена, но и отвоевать у Руси нѣкоторыя чисто русскія земли, на первомъ мѣстѣ — т. н. *Черную Русь* (въ бассейнѣ Нѣмана, съ городами: Городно, Велонимъ, Волковыискъ, Новгородокъ и др.). Такимъ образомъ, Мендовгу удалось образовать внушительное — и по размѣрамъ и по своей внѣшней силѣ — государство, съ которымъ сосѣдямъ приходилось весьма серьезно считаться. Правда, Мендовгъ палъ жертвой своей идеи, но она нашла себѣ исполнителей и послѣ его смерти: единство и могущество Литвы не рухнули, но продолжали укрѣпляться.

Слѣдующей стадіей въ этомъ процессѣ было княженіе *Гедимина*. Покоряя однихъ силою, другихъ приближая къ себѣ дальновидной политикой (родственныя связи etc.), Гедиминъ сумѣлъ успѣшно отбиться отъ своихъ внѣшнихъ враговъ и оставить дѣтямъ государство, значительно расширенное въ своихъ границахъ. Въ раздѣлѣ между Гедиминовичами пошли: Вильно и Троки, Крево, Карачевъ и Слонимъ, Пинскъ, Витебскъ, Новгородокъ, Волынь; князья Полоцкіе и Минскіе признавали надъ собою верховенство Литвы, Пековъ стоялъ въ сферѣ вліянія литовской политики.

Правленіе *Ольгерда* и *Кейстута* ²⁾ было еще шагомъ впередъ въ политическомъ развитіи Литвы. Ольгердъ былъ собственно представителемъ русской половины княжества, съ титуломъ великаго князя; Кейстутъ преслѣдовалъ интересъ собственно Литвы. Но, благодаря удивительному согласію между братьями, такая двойственность не только не отражалась вредно на дѣлахъ государства, а, напротивъ, была для него чрезвычайно полезной. Удовлетворяя внутренней политикой запросамъ „поганской“ Литвы, Кейстутъ

¹⁾ О немъ см. монографію *J. Lutkowskiego* *Mendog, król Litewski*, Kraków 1892.

²⁾ О нихъ см. специальную монографію *Свадницкаго—Olgiard i Kiejstut, synowie Gedymina*, Lwów, 1870.

въ то же время старался отстоять и внѣшнюю ея самостоятельность отъ посягательствъ со стороны Ордена. Въ борьбѣ съ послѣднимъ помогать Кейстуту иногда и Ольгердъ, но центръ тяжести его политики лежалъ не здѣсь. Обрушившій Литвинъ, Ольгердъ стремился къ собиранію русскихъ земель подъ знамя Литвы и, такъ какъ онъ предоставлялъ русской стижии возможность самобытно развиваться въ границахъ Великаго Княжества, то это стремленіе было встречено русскимъ населеніемъ довольно сочувственно. Такимъ образомъ, Ольгердомъ были подчинены: *Кіевъ*, *Брянскъ* съ *Смоленской* и *Подолье*; многія другія земли — на сѣверѣ — входили въ сферу его вліянія.

Стремленіе къ собиранію русскихъ земель необходимо приводило Ольгерда къ столкновенію съ Москвою: факты показываютъ, что и здѣсь онъ имѣлъ очевидный перевѣсъ. Успѣшно отбиваясь отъ напавшаго Ордена — на западъ, отнимая у Татаръ одну за другой земли на юго-востокъ, и придвигая границы къ теченію Угры — на сѣверѣ, молодое Литовско-русское государство, казалось, имѣло впереди великое и славное будущее. Но это только — казалось. Честолюбіе Ягайла и пронски польскихъ магнатовъ, желавшихъ приобрести дешевою цѣною обширныя земли и крѣпкихъ солдатъ, готовили Литвѣ совершенно иную участь.

Крепкимъ актомъ 14/ix 1385 г. судьбы Польши и Литвы на вѣчныя времена связывались вмѣстѣ: Ягайло обѣщала польскимъ панамъ *terras suas Lithvaniae et Russiae regnoae regni Poloniae perpetuo applicare* ¹⁾. По смыслу соглашения, гдѣ Литва трактуется только какъ часть Короны, политически особое, хотя бы династически объединенное, Великое Княжество переставало существовать: Литва становилась частью Короны, непосредственно подчиненной Польскому королю; управленіе ею на первыхъ порахъ было поручено кн. Смиргайлу, какъ „наивысшему между братіей“ ²⁾. Далекоуходящая жизнь показала, однако, что такія отношенія не выгодны для обѣихъ сторонъ — какъ Литвы, такъ и Польши; поэтому актомъ, изданнымъ въ Островѣ 5/viii 1392 г.

¹⁾ *Cod. epis. saec. XV, t. I, № 3.*

²⁾ *Cod. epis. saec. XV, t. I, № 9; cp. Dlugos: pro principali duce, ut summae rerum in Lithuania praeesset. — X, p. 118.*

и подтвержденнымъ 18/1 1401 г. въ Вильнѣ, установлено для Литвы уже *supremum principatum*, которое предоставлялось пожизненно Александру Витовту ¹⁾. Упомянутое *supremum principatum* Поляки склонны были понимать такъ, что черезъ эту уступку король Польскій не переставалъ быть „княземъ высшимъ“ Литвы и Руси и „законнымъ господиномъ“ принципата ²⁾; лицо, которому вручалось *supremum principatum*, въ глазахъ Поляковъ было не болѣе, какъ *gubernator'омъ*, установленнымъ не въ цѣляхъ закономѣрнаго отчужденія Литвы-Руси отъ польской династии и польской Короны, но единственно будто бы *propter longam distantiam eandem* ³⁾. Но, если мы будемъ обращать вниманіе не на хартии, а на дѣйствительныя отношенія, то увидимъ, что фактически Витовтъ управлялъ Великимъ Княжествомъ, мало справляясь съ видами польской политики ⁴⁾.

Слѣдующимъ шагомъ въ развитіи польско-литовскихъ отношеній былъ Городельскій актъ 2/ix 1413 г. Этимъ актомъ Литвѣ предоставлялось право имѣть своего великаго князя, избираемаго совмѣстно радами обоихъ уніонныхъ государствъ, съ согласія короли ⁵⁾. Послѣ Городельскаго акта

¹⁾ Актъ 1392 г. не сохранился; 1401 г.—у Прохаски: *Cod. Witoldi* № 233, p. 72. Ср. *Cod. epis.* II, № 179.

²⁾ *Supplementum* № 217; исправьте въ *Cod. epis. aev.* XV, t. II, № 191.

³⁾ *Cod. epis. aev.* XV, t. II, № 179; *Cod. Witoldi* p. 868, 912, 924, 945, 947.

⁴⁾ А. Лещинскій (*Powstanie Swidygielly*, str. 18, 34 и др.) и А. Прохаска (*Ostatnie lata Witolda*, str. 141 sqq.) почему-то намеренно ангажируютъ глаза на факты, вообще доверились записямъ Витовта и словеснымъ увѣреніямъ, какъ его, такъ и польскаго правительства: не думаемъ, чтобы этимъ методомъ можно было дойти до истины. Поступокъ Витовта съ частью завоеваннаго имъ Подолія, трактатъ съ Орденомъ 1398 г., наконецъ, самое домогательство короны (пропущенъ много болѣе важныхъ фактовъ) ясно, кажется, говорятъ не въ пользу упомянутыхъ авторовъ. Последній фактъ, впрочемъ, они стараются объяснить интригой Римскаго императора, напавша мысль, хотя и документально обоснованная! Будто этому многими годами не предшествовала попытка литовской знати объявить Витовта королемъ (на Салвискомъ островѣ) и будто самъ Витовтъ не пыталъ честолюбивыхъ намѣреній,—никогда!

⁵⁾ *Dzielański Zbiór praw litewskich*, str. 7—20—Пр. Броелъ-Платер *Zbiór pamietników do dziejów polskich*, str. 5—16.

было вѣдано еще нѣсколько соглашеній по тому же предмету, но разнаго содержанія, примѣнительно къ обстоятельствамъ, которыми они были вызваны: нѣкоторыя изъ нихъ трактуютъ даже не объ уніи, а о союзѣ равноправныхъ государствъ (какъ, напр., договоръ 26/iii 1532 г.) ¹⁾. Но каковы бы ни были соглашенія, ясно одно: стремленіе Литовцевъ къ самобытности и Поляковъ—къ уніи. Только тяжелыя политическія обстоятельства заставляють Литовцевъ трактовать объ этомъ предметѣ, и въ одно несчастное время, когда эти обстоятельства сдѣлались невыносимо тяжелыми для Литвы, неосторожно влинувшей въ Ливонскую войну, а съ другой стороны, въ самой Литвѣ произошла перегруппировка общественныхъ силъ, выдвинувшая на историческое поприще мелкую шляхту, ожидавшую отъ уніи большихъ выгодъ,—только тогда идея, двѣсти лѣтъ лезѣмая Поляками, получила, наконецъ, свое осуществленіе къ погибели обоихъ народовъ.

Литовско-русское государство (а такимъ оно стало послѣ принятія въ свой составъ многихъ мало-и бѣлорусскихъ земель) слагалось постепенно и въ большинствѣ случаевъ—мирнымъ путемъ. Обыкновенно литовскіе князья вступали „въ пріязнь“ съ мѣстнымъ населеніемъ, которое изъ боязни Татаръ отдавалось подъ ихъ защиту, за что получало полную свободу внутренняго самоуправленія. Если на мѣстѣ были князья, они становились въ левную зависимость отъ Литовскаго великаго князя, какъ своего сюзерена; если же данная земля не имѣла своихъ князей, либо ихъ династія пресѣкалась, то такая земля получала князей изъ рода Гедимина, на тѣхъ же условіяхъ. Такимъ образомъ, Литовско-русское государство въ теченіе около полутора столѣтій представляло изъ себя особаго рода федерацію, систему удѣловъ, которая, однако, значительно различалась отъ

¹⁾ О нихъ см. раздѣлы: *Довириъ—Зато пекало*—Польская унія на сеймахъ до 1569 г. (въ Трудахъ Славянск. Ком. при Импер. Моск. Археол. Общ. т. II и отдѣльно) и *Пилета*—Литовско-польскія уніи и отношенія къ нимъ литовско-русской шляхты (Сборникъ статей, посвящ. В. О. Ключевскому, 1909). См. также соотвѣтствующіе раздѣлы у *Грушевскаго*—Исторія IV, *Льбаевскаго*—Сеймы, *его же*—Очеркъ Литовско-русск. государства, *Миски пейм*—Сеймы, *Прохаски*—*Król Władysław Jagiello* I—II, *Лещинскаго*—*Powstanie Swidygielly* и др.

удѣльной системы до-Монгольской Руси. Правда, единство княжеского рода сохранялось и тутъ, и тамъ; но въ то время, какъ въ до-Монгольской Руси власть великаго князя была чисто номинальной, покоясь на нравственномъ авторитетѣ (старѣйшинство), а въ лучшемъ случаѣ—на личной доблести ея носителя (Владиміръ Мономахъ, Мстиславъ Вл.), въ Литовско-русскомъ государствѣ она имѣла видъ дѣйствительной силы, коренившейся въ самомъ порядкѣ вещей. Конечно, Литовскій великій князь имѣлъ на своей сторонѣ и превосходство матеріальной силы, которое необходимо для всякой власти „отъ міра сего“; но въ обычныхъ условіяхъ единство и цѣлость Литовско-русскаго государства, при относительной самостоятельности отдѣльных частей, поддерживалось не столько грубоматеріальной силой, сколько всеѣмъ строемъ этого своеобразнаго политическаго организма. Личная зависимость удѣльных князей отъ великаго обезпечивалась ихъ присягой, на условіяхъ помощи *consilio et auxilio* ¹⁾ своему сюзерену; ихъ же удѣльная самостоятельность обезпечивалась извѣстнымъ консерватизмомъ державной литовской политики („бо мы старины не рухаемъ, а повинъ не вводимъ“) и, такъ сказать, феодальной закваской, которая выражалась въ устраненіи сюзерена отъ вышатаательства во внутреннее управление его вассаловъ. Разумѣется, въ отдѣльныхъ случаяхъ, напр., по отношенію къ мелкимъ удѣльнымъ князьямъ, а при концѣ удѣльнаго періода даже и по отношенію къ крупнымъ (Кіевскій), возможны были единичныя исключенія, но въѣдь правила не безъ исключеній, и въ общемъ представленный здѣсь порядокъ соотвѣтствуетъ дѣйствительному положенію вещей въ Литовско-русскомъ государствѣ.

Съ теченіемъ времени, приблизительно со второй половины XV в., удѣльная система стала разлагаться подъ влияніемъ, съ одной стороны, фискально-державныхъ интересовъ господаря, а съ другой—узко-сословныхъ домогательствъ литовско-русскаго можновладства, пока, наконецъ, къ концу XV ст. почти все удѣльные князья не потеряли

¹⁾ Подъ *auxilium* въ данномъ случаѣ слѣдуетъ разумѣть помощь не только военную, но и денежную (подданнику)—постоянную либо экстренную, по требованію обстоятельствъ.

тѣмъ или инымъ образомъ своихъ владѣтельныхъ правъ, обратившись въ служебныхъ. Но съ паденіемъ удѣльныхъ князей, однако, не была погребена автономія бывшихъ удѣловъ: съ подчиненіемъ послѣднихъ великокняжескимъ наместникамъ, земскіе распорядки ихъ были фиксированы уставными грамотами, или (общеземскими) привилеями, которые въ общемъ и закрѣпили въѣками сложившуюся старину. Мало того: даже общее законодательство Литовско-русскаго государства выросло и развилось изъ основъ старорусскаго права, такъ что нѣкоторые исследователи затрудняются допустить въ немъ даже возможность присутствія чисто литовскихъ элементовъ ¹⁾.

Система удѣловъ служила немаловажнымъ препятствіемъ къ развитію можновладства, такъ какъ удѣльные князья, при ограниченности своихъ матеріальныхъ средствъ, не могли удѣлить изъ нихъ большой доли въ пользу служилого класса, и притомъ, на небольшой сравнительно территоріи удѣла, самая власть князя чувствуется какъ-то осязательнѣе, чѣмъ въ большомъ государствѣ. Съ уничтоженіемъ удѣльной системы, можновладство Литовско-русскаго государства стало быстро расти въ гору, не только въ смыслѣ экономическаго благосостоянія, но, по связи съ этимъ, и въ смыслѣ державныхъ правъ. Въ концѣ концовъ это можновладство сосредоточило въ своихъ рукахъ почти все прерогативы, нѣкогда принадлежавшія удѣльнымъ князьямъ, такъ что въ результатѣ Литовско-русское государство распалось, вмѣсто к.—и. десятка, на тысячи своего рода княженій—„державъ“, въ которыхъ князья и паны были полными хозяевами. Но, какъ всякое дѣло начинается сначала, такъ и это явленіе сложилось не сразу, оно имѣло свою довольно продолжительную исторію, зародившись еще въ древности.

Основа феодализма—это крупныя помѣстья: тамъ, гдѣ

¹⁾ Объ отношеніи Литовскаго Статута къ древне-русскому праву см. *Леоновичи* Русская Правда и Литовскій Статутъ (Кіев, Унив. Изв. 1865, II—IV и Записки академіи наукъ, т. II), также статьи *М. Яценко* и *Максимови* въ юбилейномъ Сборникѣ, посвященномъ памяти Владимірскаго-Буданова, 1904 г. (Записки Русской Правды и памятниковъ западно-русскаго права, Русская Правда и литовско-русское право).

нѣтъ такихъ помѣстій, не можетъ возникнуть и феодальный строй. На существованіе крупныхъ помѣстій въ этнографической Литвѣ (русская древность едва ли ихъ знала) мы встрѣчаемъ указанія уже въ документахъ XIII вѣка ¹⁾, но, несомнѣнно, они существовали и раньше. Подобныя помѣстья, нужно полагать, первоначально возникли путемъ захвата сильными людьми общинныхъ или частныхъ земель, а затѣмъ, съ усиленіемъ монархической власти, они умножились путемъ раздачъ— пожалованій, исходившихъ отъ князей. И въ этомъ послѣднемъ случаѣ на первыхъ порахъ едва-ли обошлось безъ насилія, но съ теченіемъ времени, когда помѣстная практика вошла въ народное правосознаніе, она нашла себѣ оправданіе въ принципѣ: „земля Божія да господарена“. А господарь имѣлъ большую потребность въ пользованіи этимъ принципомъ, такъ какъ постоянныя войны требовали большого числа служилыхъ людей, между тѣмъ какъ условія государственнаго хозяйства не позволяли содержать ихъ на жалованьи. Приходилось, такимъ образомъ, компенсировать службу раздачей помѣстій, — что и практиковалось литовскими господарями въ широкихъ размѣрахъ.

Сами по себѣ помѣстья, разумѣется, не представляли большой цѣнности: поэтому, вмѣстѣ съ правомъ на землю, владѣльцамъ переуступалось въ извѣстныхъ границахъ и право на службу съ нея мѣстнаго населенія. Но разъ мѣстное населеніе поставлялось въ экономическую зависимость отъ помѣщика, то уже по самой связи вещей можно было ожидать, что къ послѣднему мало-по-малу перейдетъ и юрисдикція надъ нимъ—тѣмъ болѣе, что потребность въ военной службѣ заставляла государство дѣлать все болѣе и болѣе уступокъ въ пользу служилыхъ людей. Таково происхожденіе *иммунитета*.

Иммунитетъ предоставлялъ помѣщикамъ право собственности (условной) на землю съ отчужденіемъ въ ихъ пользу также и государственныхъ правъ на лицъ, живущихъ на этой землѣ. Эти права могли переуступаться подѣ

¹⁾ Леонтовичъ. Правоспособность литовско-русской шляхты (Ж. М. Н. Пр. 1909, II, 247; III, 56), Дашкевичъ. Замѣтки по исторіи Литовско-русскаго государства, с. 17.

дѣльщиками условіями и третьимъ лицамъ (подвассаламъ), этанам—четвертымъ и т. д. Получалась, такимъ образомъ, вассальная іерархія, которая является вторымъ существеннымъ признакомъ феодальнаго строя ¹⁾.

Третьей чертой этого строя является *условность* землевладѣнія. Феодъ, помѣстье, дается только за службу и подѣ условіемъ таковой. Отсюда, какъ только феодалъ переставалъ нести службу, онъ долженъ былъ лишиться и своего феода. Поэтому, напр., женщины неохотно и съ большими ограниченіями допускались къ наследованію помѣстій.

Можно было бы указать еще много чертъ, общихъ литовскому и западно-европейскому феодальному строю, но мы, въ виду конспективности настоящей главы, ограничимся только сказаннымъ: для нашей цѣли и этого достаточно ²⁾.

Во главѣ Литовско-русскаго государства стоялъ великій князь (часто онъ же и король Польскій), которому принадлежали все виды власти: власть законодательная, судебная, военная и административная съ многочисленными развѣтвленіями. Пользовался, однако, онъ этой властью не самостоятельно, а при участіи и за совѣтомъ своей *нѣрной рады* и вальныхъ *сеймовъ*.

Рада Литовско-русскаго государства ³⁾, какъ институтъ постоянно и правомѣрно дѣйствующій, развилась изъ совѣта ближайшихъ къ государю лицъ, которые въ актахъ того

¹⁾ Слѣдуетъ оговориться, что эта сторона западнаго феодализма не достигла полнаго развитія въ Литовско-русскомъ государствѣ.

²⁾ Очень жаль, что феодальный строй Литовско-русскаго государства до сихъ поръ не подвергался специальному изслѣдованію, подобна тому, какъ это сдѣлано, напр., Павловымъ-Сильванскимъ относительно феодализма древней Руси (Московской). А вѣдь даже и на первый взглядъ литовскій феодализмъ стоитъ гораздо ближе къ западнымъ формамъ этого рода, чѣмъ московскій,—гораздо ярче и характернѣе послѣдняго (см. объ этомъ статью Любавскаго въ Энцикл. Словарѣ Брокгауза т. XXXV, с. 550—552, а также рецензію Ланно на Сѣмъ Любавскаго, с. 17 и сл.).

³⁾ О ней см. Бернадскаго—Литовскіе Евреи (гл. V), Любавскаго—Литовско-русскій сеймъ (гл. IV), рецензія на него Дошнаръ-Запольскаго, Леонтовича, Ланно и отиць Любавскаго (о нихъ—ниже); Мазешицкаго—Сеймы, Малиновскаго—Рада вел. кн. Литовскаго, ч. I—II; его же — Новые труды по исторіи Литовско-русск. государства; Леонтовича—Рада Литовско-русскаго государства.

времени фигурируют то какъ свѣтки, люди добрые, вѣры годные мужи, бояре, то—какъ думцы, совѣтники, радцы, откуда и самое названіе: рада. Возникнуть первоначально изъ неопредѣленнаго и неустойчиваго въ своемъ составѣ и компетенціи зерца—боярскаго думы, рада Великаго Княжества съ теченіемъ времени, особенно со второй половины XV в., организуется въ высшее государственное учрежденіе болѣе или менѣе опредѣленное въ своихъ вѣдѣніяхъ, проявленіяхъ и внутренней дѣеспособности.

Въ составъ рады Литовско-русскаго государства въ этой ея послѣдней стадіи входили: а) духовные сановники—бискупы и прелаты; б) областные князья—въ удѣльный періодъ, а съ прекращеніемъ удѣловъ—лишь тѣ изъ нихъ, которые занимали высшіе земскіе или дворные уряды¹⁾ или происходили отъ предковъ, которые „местца меж паны радами нашими мевали“²⁾; *officiales* и *civilians*—старшіе земскіе и дворные³⁾ урядники, исполнявшіе функціи рады въ силу занимаемыхъ ими должностей; наконецъ, д) въ составъ рады входили второстепенные урядники и паны—*dilectes ad praesentia* (специально приглашенные для даннаго случая). Послѣдній разрядъ составлялъ т. н. „другую“, или „низшую“ лавицу пановъ радныхъ—изъ „панитъ“, тогда какъ первые три разряда составляли „переднюю“, „предвѣдшую“, или „наивысшую“ лавицу—изъ „пановъ“.

Рада Литовско-русскаго государства функционировала обыкновенно въ составѣ членовъ, постоянно находившихся въ центрѣ государства (Виленскіе—бискупъ, воевода и каштелянъ, канцлеръ, маршалокъ земскій, подскарбій и разныя дворные чины). Этотъ постоянный составъ рады увеличивался случайными членами, временно, въ данный моментъ находившимися въ столицѣ—по своимъ ли дѣламъ, или по приглашенію господара. О сессіяхъ, или съѣздахъ радныхъ пановъ, приуроченныхъ къ опредѣленному времени, мы имѣ-

¹⁾ Воеводы, каштеляны, маршалки, канцлеры, подскарбіи, гетманы.

²⁾ Таковы были: Сангушки, Чарторыйскіе, Слуцкіе и др.

³⁾ Въ своей рецензіи на сочиненіе Любавскаго (Ж. М. Н. Пр. 1901 г. 464 и сл.) Довнаръ-Запольскій оспариваетъ принадлежность дворныхъ чиновъ къ составу рады; однако, какъ видно изъ отвѣта Любавскаго (*ibid.* 1903, II-III), она таки входила сюда.

емъ извѣстія только изъ XVI вѣка: по Статуту 1529 г. ежегодно должны были происходить такіе „соймы“ для рѣшенія судебныхъ, а попутно, вѣроятно, и всякихъ другихъ—дѣлъ.

Въ компетенцію рады входили дѣла: законодательныя, дипломатическія, военныя, судебныя, финансовыя, о государственныхъ регаліяхъ и др.

Законодательныя функціи рады впервые санкціонированы привилеемъ 1492 г.¹⁾, по которому *consilia et causae*, установленныя господаремъ совмѣстно съ радой, подлежатъ отвѣту въ томъ же порядкѣ, какъ и установлены, т. е. по взаимному соглашенію господара и рады²⁾. Что же касается изданія новыхъ законовъ и административныхъ распоряженій, то съ 1506 г. таковыя не могли быть издаваемы безъ совѣта и согласія пановъ рады³⁾. Такимъ образомъ, къ началу XVI в. законодательныя права рады уже ясно формулируются и, какъ таковыя, находятъ себѣ выраженіе въ Литовскомъ Статутѣ 1529 г. Именно, по III раз. § 6 этого кодекса, изданіе новыхъ законовъ и „заховане“ старыхъ „звичайствъ“ должно происходить „з ведомостью и порадою и с призволеніемъ“ пановъ рады⁴⁾.

Дипломатическія сношенія съ иностранными государствами, какъ дѣло особенно сложное и требовавшее сугубой осторожности, изстари производилось, какъ русскими, такъ и литовскими князьями по совѣту съ думцами. Этотъ старинный „звичай“ нашелъ себѣ законодательное признаніе въ общеземскомъ привилее 1492 г., по которому господарь обязывается не вести никакихъ переговоровъ съ чужими государствами безъ совѣта съ радой; рада привлекается также, совмѣстно съ господаремъ, свито соблюдать записи, сою-

¹⁾ Довнаръ-Запольскій считаетъ возможнымъ приурочить эту санкцію къ 1413 г. (рецензія на Любавскаго, с. 479—ссылка на § 11 Городельскаго привилея); но едва ли это такъ. Ср. отвѣтъ Любавскаго.

²⁾ *Dzielnýski Zbiór praw str. 62, §§ 19—21—Rzyszcowski et Muszkowski Cod. dipl. Poloniae I, 349.*

³⁾ *Dzielnýski Zbiór praw s. 98—Rzyszczew.-Muszkow. Cod. I. № 200, p. 396—Hr. Broel-Plater Zbiór pamiętników, str. 38.*

⁴⁾ Ср. VI, § 37.

зы и присяги, когда-либо и съ кѣмъ-либо заключенныя или имѣющія быть заключенными ¹⁾.

Что касается государственной обороны, то таковую государь первоначально „съ паны радами своими радилъ и справоваль“ ²⁾, безъ всякихъ ограниченій, и только ко времени перваго Литовскаго Статута компетенція его въ этой сферѣ была нѣсколько сужена („ухвала“ серебшизнь и посполитыхъ рушеній).

Наиболѣе широкой компетенціей рада Литовско-русскаго государства обладала въ отношеніи судебныхъ дѣлъ. Уже въ Судебникѣ Казимира (1468 г.) мы встрѣчаемъ улавленіе, по которому жалобы, о „порубахъ“ и „набадахъ“ должны входить непосредственно къ великому князю, а въ небытность его—къ панамъ раднымъ; послѣдніе выносятъ по дѣлу предварительное рѣшеніе, въ ожиданіи пріѣзда государя. Судебная практика пошла еще дальше въ этомъ направленіи: даже въ бытность свою въ Великомъ Княжествѣ литовскіе господа обыкновенно вершили восходившія къ нимъ дѣла не самолично, а при участіи пановъ рады. Изъ того же источника мы узнаемъ, что на усмотрѣніе государя съ радой уже въ эпоху Судебника восходили преимущественно споры, касавшіеся имущественныхъ и поземельныхъ отношеній населенія Великаго Княжества, дѣла о шляхетской чести, жалобы на злоупотребленія господарскихъ урядниковъ, апелляціи отъ областныхъ судей и нѣкоторыя др. Накопленіе тяжбныхъ дѣлъ вызвало необходимость установить опредѣленные сроки для судебныхъ засѣданій пановъ рады. По Статуту 1529 г. такіе сроки, или „роки“ назначаются „о семой суботе“ (послѣ Пасхи) и „о светомъ Покрове“—„для кривды шляхты, которые от пановъ деють або урядниковъ нашихъ панскихъ в земляхъ, в грабскахъ, у квалтехъ и въ головщинахъ, або теж и межн паны самими и ихъ подданными“ ³⁾. Впрочемъ, менѣе важныя дѣла вершились государемъ съ наличными членами рады и внѣ указанныхъ сроковъ; въ небытности же государя въ Великомъ Княжествѣ эти дѣла рѣшались самими панамъ радными.

¹⁾ Zbiór praw, str. 62, §§ 19—21=Cod. dipl. I, 349.

²⁾ Działyński Zbiór. praw, str. 299.

³⁾ VI, § 5.

Завѣдываніе финансами Великаго княжества первоначально входило исключительно въ прерогативу верховной власти. Только съ половины XV в., вслѣдствіе частыхъ отлучекъ литовскихъ господарей въ Польшу, явилась необходимость въ контролѣ пановъ рады. Такимъ образомъ, по привилею 1492 г. литовскій господарь обязывается прямыя подати и др. доходы (мытные, корчемныя, судныя пошлины), поступающіе въ скарбъ, расходовать не иначе, какъ по совѣту съ панамъ рады; для ихъ сбора ежегодно назначаются два радныхъ пана, которые и избираютъ подлежащія суммы съ населенія или самолично, или при помощи своихъ служебниковъ ¹⁾. Впрочемъ, на практикѣ, какъ собираніе, такъ и расходваніе государственныхъ податей и повинностей производилось обыкновенно по распоряженію самихъ господарей ихъ урядниками; за панамъ рады оставался только общій контроль надъ финансами господарскаго скарба, исключая тѣхъ случаевъ, когда назначались чрезвычайныя поборы, нававшіе и на ихъ имѣнія: такіе поборы не могли быть установлены безъ согласія пановъ радныхъ, равно какъ имъ же принадлежало право взиманія податей въ своихъ имѣніяхъ черезъ собственныхъ намѣстниковъ ²⁾.

Монетная регалия—„то завжды была въ мощи, владности и справованіи самого государя его милости и пановъ радъ“ ³⁾. Точно также и раздача урядовъ, какъ и земельных пожалованій, производилась съ вѣдома и за совѣтомъ пановъ рады.

Изъ всего сказаннаго видно, что рада Великаго Княжества играла весьма видную роль въ государственномъ строителствѣ, такъ что литовскаго государя даже и трудно представить безъ его рады,—„бо мы (говоритъ вел. кн. Александръ) безъ порады вашей милости (пановъ радъ) ничего въ земскомъ дѣлѣ не справуемъ“ ⁴⁾. Усиливая мысль своего предшественника, Сигизмундъ Старый въ одномъ случаѣ выразился даже такъ: „Ачѣмъ и самъ гедрь его млсть своею головою тут у ваше мети тыхъ часовъ былъ, а од-

¹⁾ Zbiór praw c. 64, § 39=Cod. dipl. Poloniae I, 350—1.

²⁾ Вертацкскій Литовскіе Епископ, с. 288.

³⁾ Zbiór praw str. 423.

⁴⁾ А. З. Р. I, № 206.

накожь бы его млетъ не могъ иного ничего вчинити только тое жъ, што си будетъ вашей млети видети и вымыслити, и вчинити ку его млети доброму и земскому" ¹⁾. И, однако, же, если мы спросимъ себя, какое мѣсто занимала рада рядомъ съ господаремъ, то должны будемъ сказать ²⁾, что она была при немъ только лишь совѣщательнымъ учрежденіемъ. Радъ принадлежали „совѣтъ“ и „призволенье“, господарю — инициатива и дѣйствіе (исполнительная власть), которое осуществлялось съ помощью подчиненныхъ ему органовъ, какъ подскарбій, маршалокъ, канцлеръ и др.

Переходимъ къ сеймамъ ³⁾.

Происхождение и развитіе дѣятельности великихъ вальныхъ (т. е. общегосударственныхъ, не областныхъ) сеймовъ стоитъ въ прямой связи съ развитіемъ потребностей государства, особенно военныхъ, и съ ростомъ политическаго сознанія литовско-русской шляхты, ростомъ, отчасти органи-

¹⁾ Сборникъ Малиновскаго, с. 167.

²⁾ Вопреки Любавскому (Сеймы сс. 370, 378, 399, 404; и въ согласіи съ Леонтовичемъ (Рада X, 311—12), Доннаръ-Запольскимъ (рецензія с. 482—8), Вернадскимъ (Литовскіе Еяры с. 287) и др.

³⁾ Вопросъ о сеймахъ Литовско-русскаго государства, хотя и имѣетъ уже свою литературу, однако, не можетъ считаться пока окончательно выясненнымъ. Главнѣйшее сочиненіе по этому вопросу — Литовско-русскій Сеймъ Любавскаго — вызвало острую полемику со стороны Максимейко, который отнесся къ нему съ полнымъ отрицаніемъ (Сеймы Литовско-русскаго государства до Люблинской уніи). Нѣсколько болѣе сдержана критика Доннаръ-Запольскаго (Спорные вопросы въ исторіи Литовско-русскаго сейма, въ Ж. М. Н. Пр. 1901 г., X), впрочемъ, тоже не чуждая крайностей. Въ рецензіи проф. Леонтовича (Отчетъ о XLV присужденіи награды гр. Уварова) есть нѣсколько цѣпныхъ замѣчаній изъ труда Любавскаго. Заслуживаетъ также вниманія его по-лѣйшая развѣдка: Вѣча, сеймы и сеймики въ вел. кн. Литовскомъ (Ж. М. Н. Пр. 1910 г., II—III). М. Ланно, за немногими исключеніями, держитъ сторону Любавскаго (Отчетъ о соч. Любавскаго — Чтенія М. Общ. Ист. и Др. 1903 г., III). Наконецъ, въ рецензіи Малиновскаго на труды Любавскаго и Ланно (Ж. М. Н. Пр. 1911 г., XI) есть нѣсколько замѣчаній о происхожденіи сеймовъ (авторъ связываетъ ихъ съ боярскою думою древ. Руси). См. еще отвѣтъ Любавскаго Доннаръ-Запольскому и Максимейко — Новые труды по исторіи Литовско-русскаго сейма (Ж. М. Н. Пр. 1903 г., II—III): здѣсь авторъ съ успѣхомъ снимаетъ съ себя обвиненія, возводимыя на него обими критиками.

ческимъ, отчасти навѣянными извѣстными образцами, представленными сосѣдной Польшей.

Литовско-русское государство, какъ извѣстно, самымъ своимъ возникновеніемъ обязано напору сосѣднихъ враговъ. до конца дней своихъ вынуждено было вести нескончаемую борьбу за существованіе, что требовало отъ него мобилизаціи всѣхъ наличныхъ силъ, въ особенности войскъ и капитала. Эта борьба ложилась тяжелымъ бременемъ на мѣстное служилое населеніе, а потому, въ такихъ вопросахъ, какъ вопросъ о посполитомъ рушеніи (земскомъ ополченіи) или о серебряннѣ (военный налогъ), правительству нельзя было обойтись безъ „совѣта“ и „призволенія“ этого населенія.

Второй мотивъ, повліявшій на возникновеніе великаго вальнаго сейма, это — широкая децентрализація Литовско-русскаго государства. Хотя къ концу XV в. литовскимъ государямъ и удалось провести политическое объединеніе Великаго Княжества (путемъ уничтоженія удѣловъ), тѣмъ не менѣе, до полного, органическаго объединенія, вѣдствіе слабости центральной власти, Литовское государство никогда не дошло: окраины очень слабо чувствовали свою связь съ центромъ. Въ виду этого, являлась потребность въ своего рода коррективѣ для приведенія въ болѣе тѣсную связь отдѣльныхъ частей и усиленія авторитета самой центральной власти. Такимъ коррективомъ, какъ разъ, и служилъ великій вальный сеймъ.

Наконецъ, происхожденіе великаго вальнаго сейма могло связываться также съ мыслью о компенсаціи политически активной части населенія объединенныхъ земель за утрату ея прежней самостоятельности. Такая компенсація, разумѣется, не могла быть столь полной, какъ это предполагалъ Максимейко ¹⁾, но, несомнѣнно, она вызывалась ходомъ развитія Литовско-русскаго государства, какъ цѣлага.

Это — одна сторона дѣла.

Съ другой стороны, сама шляхта (преимущественно можновладство), располагая достаточной матеріальной силой и вліяніемъ на массы населенія (что объясняется свое-

¹⁾ Объ этомъ см. слѣдующее примѣчаніе.

образнымъ строемъ Литовско-русского государства) и естественно, проникаясь сознаниемъ своей силы, съ течениемъ времени все болѣе и болѣе настойчиво домогается участія въ управленіи страной—прежде всего въ сферѣ, гдѣ наиболѣе затрагивались ея насущные интересы. Политическое сознание литовско-русской шляхты, вытекавшее изъ ея социально-экономическаго положенія, еще болѣе развивалось и укрѣплялось подъ влияніемъ польскихъ образцовъ и коварной политики соеѣдки, искусно возбуждавшей шляхетскіе аппетиты въ своихъ корыстныхъ видахъ.

Въ исторіи развитія великаго вальнаго сейма можно подмѣтить три періода. Первый, восходя своимъ началомъ непосредственно къ помѣстнымъ сеймамъ собственно Литвы, заканчивается княженіемъ Александра Казимировича, второй обнимаетъ княженіе Сигизмунда Старого, третій — Сигизмунда Августа, при которомъ великій вальный сеймъ получаетъ свою окончательную организацію ¹⁾.

¹⁾ М. Любавскій насчитываетъ четыре періода въ исторіи великаго вальнаго сейма Литовско-русскаго государства, изъ которыхъ два послѣдніе относятся ко времени Сигизмунда Августа: одинъ съ 1507 по 1566 г.—онъ характеризуется фактическимъ расширеніемъ компетенціи в.в. сейма на сферу общаго законодательства, и другой съ 1566 г., когда законодательная компетенція этого учрежденія закрѣпляется за нимъ de jure, и учреждается правильная система представительства. Но, какъ показалъ проф. Леонтовичъ (Отчетъ о XLV приговореніи награды гр. Уварова, с. 43), законодательныя права великаго вальнаго сейма были санкціонированы уже первыми артикулами второго и шестого раздѣловъ Статута 1529 г.; Статутъ же 1566 г. вноситъ въ конституцію этого учрежденія лишь новое положеніе о выборахъ (III, § 5), чѣмъ и характеризуется третій періодъ развитія великаго вальнаго сейма Литовско-русскаго государства.

Максимейко (с. 114) склоненъ считать всего два періода въ исторіи великаго вальнаго сейма: до 1565 г. и—послѣ, но всѣ построенія этого ученаго, обвиняющаго трудъ своего предшественника въ его конструктивной части „ошибочнымъ отъ начала и до конца“ (с. 51 и сл., 110 и сл., 145 и сл.), въ свою очередь не выдерживаютъ никакой критики. Во-первыхъ, Максимейко слишкомъ довернется Литовско-русскимъ лѣтописямъ и плохо различаетъ раду Великаго Княжества отъ сейма, вслѣдствіе чего дѣянія одной приписываетъ другому и—обратно. Во-вторыхъ, самое возникновеніе великаго вальнаго сейма онъ объясняетъ частью односторонне, а частью—и совершенно ложно. Односторонне, когда онъ утверждаетъ, что определяющей причиною образованія в.в. сеймовъ была „необходимость борьбы за существованіе

Первоначально въ этнографической Литвѣ, какъ и въ другихъ областяхъ Великаго Княжества, были свои собственыя сеймы, въ которыхъ принимала участіе мѣстная знать. Но, съ объединеніемъ государства, почувствовалась необходимость и въ объединенномъ сеймѣ, а въ соответствии съ усложненіемъ государственныхъ дѣлъ вдобавокъ—и въ расширеніемъ относительно своей компетенціи. И то и другое, т. е. объединеніе состава и расширеніе компетенціи первоначально областного сейма до значенія великаго вальнаго, стало опредѣляться къ концу XV в. При Александрѣ уже обнаружилось съ полной ясностью, что „это учрежденіе окрѣпло и устоялось въ Литовско-русскомъ государствѣ“. Въ составъ его теперь входили, кромѣ природной литовской шляхты, только „старшіе“ изъ областей аннексонъ, а компетенція великаго вальнаго сейма признавалась только въ двухъ дѣлахъ: въ дѣлѣ избранія новаго госнодара и въ дѣлѣ установленія уніи съ Польшею ¹⁾, хотя и въ этомъ періодѣ были прецеденты, которыми намѣчался дальнѣйшій путь въ эволюціи разсматриваемаго учрежденія.

Слѣдующей стадіей въ развитіи великаго вальнаго сейма

въ виду военныхъ опасностей, грозившихъ Литовской Руси, главнымъ образомъ, со стороны Москвы и Крымскихъ Татаръ²⁾ (с. II предислов., М и др. тексты); совершенно ложно,—когда допускаетъ, что „участіе Русскихъ въ общегосударственныхъ сеймахъ вытекало не изъ необходимости и распространенія государственныхъ правъ Литвы на Западную Русь“, но „какъ жертва со стороны русскихъ областей навѣстной долей своей самостоятельности“ (с. 64). Конечно, это была жертва, но не добровольная, ибо побѣдитель диктуетъ условія; а разъ такъ, то отъ этого побѣдителя и зависѣло, призвать ли присоединенныя имъ области къ участію въ общегосударственномъ строителствѣ, или—нѣтъ, и, если призвать, то—въ какихъ рамкахъ ихъ поставить. Между тѣмъ, по Максимейку выходитъ—и это было уже отмѣчено проф. Леонтовичемъ (Вѣча, сеймы и сеймики II, 246—7),—что не побѣдитель, а какъ будто побѣжденные диктуютъ условія мира и, такъ какъ они рѣшили пожертвовать своей областной самостоятельностью въ пользу государственнаго единства, сохраняя въ то же время, каждый за собой, весь комплексъ политическихъ правъ,—то и получилось, что в.в. сеймы уже въ первый день своего существованія обладали, по крайней мѣрѣ, въ потенціи, всѣми тѣми правами, какія онъ когда-либо пользовался въ теченіе почти 200 лѣтъ своего существованія. Мысль, равнѣется, а priori совершенно невѣроятная и фактически невозможная.

¹⁾ Любавскій Сеймы, с. 150.

ма было правление Сигизмунда Старого. При немъ это учреждение окончательно опредѣлилось въ своемъ составѣ (такъ что „позднѣйшія реформы коснулись только организаціи шляхетскаго представительства, но не коснулись самихъ элементовъ, изъ которыхъ слагался сеймъ“¹⁾ и значительно повысилось въ своей компетенціи. Отнынѣ правомѣрное участіе въ дѣятельности в. в. сейма получила и рядовая шляхта областей аннексоевъ, первоначально являвшаяся на сеймовыя засѣданія поголовно, *virgatum*, а съ 1512 г.—по выбору братьи²⁾, хотя желающіе и теперь могли являться на сеймъ своею „парсуною“. Такое расширение состава в. в. сейма, по справедливому замѣчанію Любавскаго, находить себѣ объясненіе въ той преобладающей цѣли, для которой стали созываться сеймы при Сигизмундѣ I³⁾. Именно, если до этого времени в. в. сеймы созывались для рѣшенія политическихъ вопросовъ, въ которыхъ рядовая шляхта мало была заинтересована, то отнынѣ дѣятельность этихъ сеймовъ направляется на рѣшеніе преимущественно такихъ вопросовъ, которые задѣвали насущные интересы шляхетской массы. Это—вопросы: о размѣрахъ военной повинности, въ частности—о количествѣ ратниковъ и денежныхъ сборовъ, которыми облагались имѣнія шляхты для военныхъ цѣлей⁴⁾. Кроме того, великіе вальные сеймы въ правленіе Сигизмунда I занимались нерѣдко и вопросами, входящими въ сферу общаго законодательства, въ направленіи котораго шляхетская масса была ближайшимъ образомъ заинтересована.

Рѣшеніе вопросовъ, связанныхъ съ осуществленіемъ войны, и затѣмъ право общаго законодательства — вотъ то новое, что входитъ въ компетенцію в. в. сейма уже въ самомъ началѣ правленія Сигизмунда I и находить себѣ выраженіе въ соответствующихъ артикулахъ Литовскаго Статута 1529 г.⁵⁾

¹⁾ Любавскій Сеймъ, с. 305.

²⁾ Док. Ю. I, 566.

³⁾ Любавскій ор. с. 301.

⁴⁾ Любавскій Сеймъ, с. 301.

⁵⁾ Нг. Broel—Plater *Zbiór pamietników* I, 146; ср. Док. М. Юст. I, 306. Стат. II, § 1; VI, § 1. Это не помѣшало, впрочемъ, тому же Сигизмунду I въ 1544 г. объявить имѣшательство в. в. сейма въ дѣла земской обороны „непотребнымъ“ (*Działyński Zbiór praw*, str. 299).

Послѣдней стадіей въ развитіи великаго вальнаго сейма является правленіе Сигизмунда Августа, при которомъ, въ связи съ учрежденіемъ провинціальныхъ сеймиковъ (1565 г.), соответствующимъ образомъ измѣняется и порядокъ выборовъ въ в. в. сеймъ (представительство отъ сеймиковъ), а немного позже—по конституціи 1569 г.—литовско-русскій великій вальный сеймъ сливается съ польскимъ въ одно учрежденіе. Въ то же время расширяется и компетенція сейма: ему, напр., предоставляется право объявленія войны, заключенія мира и др.

Обыкновенно программа очереднаго сейма намѣчалась государемъ совмѣстно съ радой, хотя это не препятствовало сеймагъ обсуждать и другіе вопросы, вносившіеся тутъ же отдѣльными его членами или группами ихъ; но рѣшенія сеймовъ, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, облекались не въ категорическую форму соизволенія, а въ форму петицій, обращенныхъ къ государю. Правда, подчасъ эти петиціи переходили въ тонъ постулатовъ, но государь и въ такихъ случаяхъ—если то соответствовало его видамъ—не задумывался давать суровую отповѣдь. Нужно, однако, замѣтить, ради безпристрастія, что самовластіе литовскихъ государей въ значительной степени ограничивалось тѣмъ, что они не располагали постояннымъ войскомъ, а это ставило ихъ въ извѣстную зависимость отъ сеймовыхъ становъ: пользуясь затруднительнымъ положеніемъ правительства, послѣдніе старались выхлопотать себѣ тѣ или другія уступки.

Хозяйство Великаго Княжества находилось въ состояніи натуральномъ¹⁾. Несмотря на изобиліе и разнообразіе естественныхъ произведеній страны, все это, за отсутствіемъ инициативы и сносныхъ путей сообщенія, при многочисленности мытныхъ заставъ (на границѣ каждой области и во многихъ владѣльческихъ имѣніяхъ), оставалось не разработаннымъ и не использованнымъ. Лѣсная площадь, напр., занимала почти половину литовско-русской территоріи, а

¹⁾ Объ этомъ см. *Вернадскаго* Аврамъ Езфовичъ Ребичковичъ, подкарпатскій земскій (Кіев. Ст. 1888 г. X и особо); его же Литовскіе Евреи, *Домаръ-Завальскаго* Очерки по исторіи западно-русскаго крестьянства и въ особенности его же Государственное хозяйство Литовской Руси при Ягеллонахъ, т. I (и единственный пока).

между тѣмъ эксплуатація ея въ сколько-нибудь значительныхъ размѣрахъ начинается только съ 50 гг. XVI столѣтія, когда была выработана лѣсная устава. Мѣха, шкуры, рыба, мясо, поташъ отпускались за границу въ большемъ количествѣ, чѣмъ лѣсъ, но вообще экспортъ Литовско-русскаго государства былъ не значителенъ: оттого подати въ господарскій скарбъ поступали обыкновенно натурой, равно какъ натурой же отбывались и государственныя повинности (постройка крѣпостей, снаряженіе войскъ, исправленіе дорогъ и мостовъ, продовольствіе пословъ и гонцовъ etc.). Только съ началомъ XVI ст. монетное обращеніе въ Литовско-русскомъ государствѣ, благодаря оживленію торговли и промышленности, усиливается, а вмѣстѣ съ тѣмъ переводятся на деньги и подати—повинности, хотя далеко не все.

Благодаря такому состоянію хозяйства, литовскіе господа рѣдко не испытывали нужды въ деньгахъ. Текущіе счета обыкновенно оплачивались мытниками, бравшими эту статью на откупъ или державшими ее „къ вѣрной рукѣ“: въ послѣднемъ случаѣ господарь выдавалъ своимъ кредиторамъ квитанціи, по которымъ они получали („габали“) обозначенныя на этихъ квитанціяхъ суммы непосредственно отъ мытниковъ. Для покрытія же чрезвычайныхъ расходовъ господарю часто приходилось обращаться, за отсутствіемъ организованнаго кредита, къ милости частныхъ лицъ, отдавая въ заставу тѣ или нѣкоторыя статьи доходовъ, чаще всего—дворы. Нужда въ деньгахъ иногда бывала такъ настоятельна, что господарю приходилось одолжаться у своихъ подданныхъ очень мелкими суммами, въ сотню—двѣ копейки грошей.

Въ административномъ отношеніи ¹⁾ Великое княжество дѣлилось на множество крупныхъ и мелкихъ округовъ, не всегда другъ другу соподчиненныхъ, во главѣ которыхъ стояли воеводы, старосты, державцы, намѣстники, тиуны—чиновники, обыкновенно назначаемые господаремъ изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ. То, что урядниками обыкновенно назначались мѣстные люди и притомъ помѣщичьи, еуще-

¹⁾ Объ этомъ см. *Люблинскаго* Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-русскаго государства, *Левитовича* Сословный типъ территориально-административнаго состава Литов.-русск. государства и его причины (Ж. М. Н. Пр. 1895 и особо) и др.

ственнымъ образомъ сказывалось и на самомъ направленіи ихъ дѣятельности: одно было полезно, а другое—вредно. Полезно было то, что подобные урядники хорошо знали мѣстные „мытчан“ и права, слѣдовательно, могли при желаніи съ ними сообразоваться, воздерживаясь отъ новинъ, которыя всегда раздражали населеніе. Вредно было то, что урядниками назначались помѣщичьи, т. е. лица съ определенными классовыми интересами: поскольку общность интересовъ вызываетъ солидарность, такія лица не всегда могли соблюдать должное безпристрастіе въ отношеніи къ разнымъ группамъ населенія. Впрочемъ, справедливость требуетъ отмѣтить, что въ отношеніи областной литовско-русской администраціи къ населенію проглядываетъ значительная патриархальность. Это объясняется отчасти тѣмъ, что упомянутая администрація еще не успѣла обособиться отъ земства—сохранила живую связь съ населеніемъ, а отчасти тѣмъ, что сословная дифференціація въ Великомъ Княжествѣ не опредѣлилась еще въ полной мѣрѣ. Опредѣлилась же она очень медленно и, не будь несчастной унии, эта дифференціація пошла бы и того медленно.

Еще судейникъ Казимира ¹⁾ трактуетъ шляхту наравнѣ съ свободнымъ населеніемъ низшихъ станомъ; напр., за участіе въ воровствѣ помѣщичьи подвергается такому же наказанію, какъ и крестьянскіе. Первый Литовскій Статутъ носитъ уже довольно замѣтную шляхетскую окраску, но и въ немъ еще шляхетство не выдѣляется, какъ исключительно привилегированное сословіе; напр., въ отношеніи великокняжескихъ рѣшеній и органовъ исполнительной власти шляхта все еще трактуется наравнѣ съ людьми низшаго свободного состоянія ²⁾. Наконецъ, во второмъ Литовскомъ Статутѣ, составленномъ подъ сильнымъ вліяніемъ польскихъ свободъ, за шляхтою уже признаются права, обезпечивающія ея интересы, какъ въ мѣстномъ законодательствѣ (сеймики), такъ и въ управленіи (суды земскіе, подкоморекіе etc.). Различіе между крупнымъ паномъ и мелкимъ шляхтичемъ, такимъ образомъ, уничтожено и шляхта in corpore

¹⁾ Искандъ въ А. З. Р. I, № 67 и у Dziatyńskiego Zbiór praw s. 36—35.

²⁾ I, §§ 5, 6, 23; III, § 16.

выступает, какъ особо привилегированное сословіе, не въ одномъ противопоставляемое всѣмъ прочимъ.

Города въ Литовскій періодъ вообще мало выдѣляются изъ массы сельскаго населенія. Въ большинствѣ случаевъ это — тѣ же села, только укрѣпленныя, — хотя и здѣсь къ концу разсматриваемаго періода замѣчается значительный прогрессъ: ремесла и торговля развиваются, многія мѣщанскія общины получаютъ Магдебургское право.

Православно-русское духовенство¹⁾ сохраняетъ право, съ разрѣшенія господара, созывать соборы для рѣшенія церковныхъ вопросовъ; въ извѣстныхъ предѣлахъ литовское законодательство предоставляетъ ему автономію, часто, впрочемъ, нарушаемую на практикѣ. Высшіе представители католическаго духовенства засѣдаютъ въ велико-княжеской радѣ — честь, какой не могло добиться православное духовенство, хотя и дѣлало къ тому попытки. Въ общемъ, однако, православное духовенство — по крайней мѣрѣ, сѣверно-и восточно-русскихъ областей — не терпитъ утѣсненія, какъ такое; его матеріальное благосостояніе даже значительно возрастаетъ къ концу разсматриваемаго періода.

Наконецъ, крестьянство²⁾, по мѣрѣ приближенія къ моменту Люблинской уніи, все болѣе и болѣе закрѣпощается: юрисдикція надъ нимъ мало-по-малу переходитъ въ руки помѣщиковъ; свободныя земли постепенно разбираются шляхтой; право выхода сокращается; крестьянскія повинности растутъ, и свободное нѣкогда населеніе все болѣе и болѣе занутивается въ сѣтяхъ помѣщиковъ. Правда, пока

¹⁾ О немъ см. *О. Левинскаго* — Внутреннее состояніе западно-русской церкви въ польско-литовскомъ государствѣ; *Чернако* — Sprawa gówpodziemienia schizmatyków i katolików na Litwie, 1432—1563 (Rozprawy, 1903, t. XLVIII); *Владимірскаго-Буданова* — Церковныя имущества ю.-з. Россіи XVI в.; также соответствующіе томы церковной исторіи пресвящ. *Макарія* и *Е. Голубинскаго*.

²⁾ Объ этомъ см. *Антоновича* О крестьянахъ Юго-Запад. Россіи (А. Ю. З. Р. ч. VI, т. II), *Новицкаго* Очеркъ исторіи крестьянскаго сословія Ю.-З. Россіи въ XV—XVIII вв. (А. Ю. З. Р. ч. VI, т. I), *Владимірскаго-Буданова* Крестьянское землевладѣніе въ Западной Россіи до полов. XVI в. (Чтенія Киев. т. VII), *Леонтовича* Крестьяне Ю.-З. Россіи по литовскому праву XV и XVI вв. (Кіев. Унив. Изв. 1863, X-XI) и др. изслѣдованія того же автора по данному вопросу.

Литва сохраняетъ еще свою самостоятельность, процессъ закрѣпощенія идетъ довольно медленно; надвигается онъ со стороны Польши и ослабѣваетъ въ обратной прогрессіи по направленію къ востоку и юго-востоку. Польско-литовская унія имѣетъ сообщить этому процессу головокружительную быстроту, вызывающую реакцію.

Таковы въ самыхъ общихъ чертахъ первоначальная исторія, устройство и состояніе того государства, къ составу котораго суждено было присоединиться Кіевской землѣ въ разсматриваемый періодъ. Подобное введеніе мы считали необходимымъ въ виду ближайшей связи, какая существуетъ всегда между цѣлымъ и частями: не имѣя представленія о цѣломъ, нельзя съ достаточной ясностью представить себѣ и положеніе отдѣльныхъ частей, вставленныхъ въ него, какъ бы въ рамку. Конечно, авторъ могъ бы отослать читателя по этому вопросу къ новому труду проф. Любавскаго¹⁾, но, во-первыхъ, этотъ трудъ составленъ въ чисто догматическомъ тонѣ, а во-вторыхъ, авторъ настоящей книги не во всемъ согласенъ съ почтеннымъ изслѣдователемъ Литовско-русскаго государства, — не говоря уже о томъ, что въ интересахъ самихъ читателей имѣтъ подъ руками болѣе краткій обзоръ даннаго предмета (единственный обзоръ въ этомъ родѣ Бершадскаго²⁾, которымъ до сихъ поръ пользовались, какъ компендіумомъ, и неполонъ, и устарѣлъ).

Сдѣлавъ это краткое введеніе, обратимся теперь къ предмету нашего спеціальнаго изслѣдованія.

¹⁾ Очеркъ исторіи Литовско-русскаго государства.

²⁾ Литовскіе Евреи, гл. V.

последней датой это событие перешло и в нашу историографию. Впрочем, уже Карамзинъ посмотрѣлъ на нее скептически¹⁾, а Стадницкій рѣшилъ передвинуть эту дату на 13 лѣтъ впередъ (1333), признавая самый фактъ завоеванія Кіева Гедиминомъ за несомнѣнный²⁾. Проф. Антоновичъ въ этомъ вопросѣ пошелъ еще дальше. Въ своемъ „Очеркѣ исторіи вел. кн. Литовскаго“ (1878 г.) онъ нашелъ возможнымъ свести рассказъ польскаго хрониста къ его первоисточнику — лѣтописи Выховца и, подвергнувъ эту послѣднюю въ соотвѣтствующей ей части тщательному и всестороннему разбору, пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ.

Рассказъ литовско-русской лѣтописи носитъ на себѣ явные слѣды мистификаціи: большая часть лицъ, дѣйствующихъ въ немъ, или вымышленна (какъ Олегъ Переяславскій, Станиславъ Кіевскій), или относится къ другому времени (какъ Владиміръ Волынскій, Романъ Брянскій и Мендовъ Альгимунтовичъ³⁾); то же и относительно городовъ, въ рассказѣ упоминаемыхъ: одни изъ нихъ, несомнѣнно, завоеваны Литовцами гораздо позже (какъ Путналь и Брянскъ), другіе, по крайней мѣрѣ въ то время, еще не существовали (какъ Черкассы и Слѣповротъ); наконецъ, и отношенія между ними совершенно не соотвѣтствуютъ дѣйствительности (пригороды Кіевскіе: Путналь, Слѣповротъ⁴⁾). Между тѣмъ инцидентъ съ нековскимъ кандидатомъ во владыки—Василемъ—съ одной стороны и рассказъ Густынской лѣтописи о взятіи подѣ Феодоромъ Кіева (и посвященіи на его мѣсто Владиміра О.)—съ другой свидѣтельствуютъ, что въ означенный 30-лѣтній промежутокъ времени въ Кіевѣ былъ свой, и притомъ самостоятельный, князь⁵⁾. Въ виду этого, проф. Антоновичъ считалъ себя въ правѣ, на достаточномъ основаніи, цѣликомъ отвергнуть рассказъ о завоеваніи Кіева при Гедиминѣ, какъ вымышленный или—скорѣе—репродуцированный изъ рассказа древнѣйшей литовско-русской лѣ-

¹⁾ Исторія государства Россійскаго, изд. Эйлеринга (V), кн. I, т. IV, с. 129 (СПБ. 1842 г.).

²⁾ Syrowie II, 25—27.

³⁾ Монографія I, с. 53.

⁴⁾ Монографія I, с. 55.

⁵⁾ Ibid. с. 51—52.

тописи о походѣ Витовта 1392 г., и датировать присоединеніе Кіева къ Литвѣ, согласно съ Густынской лѣтописью, 1362 годомъ¹⁾.

„Очерки“ Антоновича вышли въ 1878 году. Въ 1882 г. были уже написаны проф. Дашкевичемъ критическія замѣтки на нихъ²⁾, въ которыхъ авторъ старается показать, что „извѣстіе о завоеваніи южной Руси Гедиминомъ, безусловно, заключаетъ въ себѣ не мало анахронизмовъ на первый взглядъ и не можетъ быть принято историческою наукою въ томъ видѣ, въ какомъ занесено во вторую литовскую лѣтопись (Выховца) и въ хроніку Стрыйковскаго, по сущности этого извѣстія заслуживаетъ вниманія, а равно и многія подробности; не выдерживаетъ критики только общая комбинація³⁾. Со своей стороны Дашкевичъ такъ комбинируетъ факты: сначала, по его мнѣнію, совершилось завоеваніе Овруча и Житомира, естественнѣе слѣдовавшее за занятіемъ Турово-Пинской земли (уже Плино-Карпини говоритъ о безпрепятственныхъ набѣгахъ Литовцевъ на Русь), а затѣмъ—уже съ теченіемъ времени—былъ завоеванъ и Кіевъ. Въ частности, что касается послѣдняго факта, то, по мнѣнію автора критическихъ замѣтокъ, „онъ не могъ произойти въ 1320—21 гг., но легко могъ совершиться послѣ 1332 г.“; впрочемъ, этимъ не было уничтожено верховное владычество Татаръ надъ Кіевомъ, и даже князь потомъ могъ оставаться тотъ же самый, какъ оставлены были прежніе князья и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ, покоренныхъ Литвою. Смѣна Феодора Ольгердомъ, по мнѣнію Дашкевича, означала бы начало самостоятельной политики⁴⁾. Въ подтвержденіе своей мысли Дашкевичъ вводитъ еще одинъ документъ — т. н. *Межигорскую* рукопись, въ которой нѣсколько разъ повторяется сообщеніе о завоеваніи Кіева Гедиминомъ, послѣ битвы при Ирпени,—сообщеніе, по мнѣнію автора, совершенно независимое отъ литовско-русской лѣтописи. „Весь

¹⁾ Ibid. с. 52, 56.

²⁾ Пользуемся двумя изданіями: первое въ Кіев. Унив. Ил. за 1882 г. (римскою цифрою обозначаемъ книги этого изданія), второе вышло особо (въ Кіевѣ же) въ 1885 г. (у насъ—„Замѣтки“).

³⁾ VIII, 328, 329; Замѣтки, с. 42, 43.

⁴⁾ IX, 267; Замѣтки, с. 64.

вопросъ о времени присоединенія Кіева къ Литвѣ сводится т. о. къ провѣркѣ факта, сообщеннаго въ Межигорской рукописи¹⁾. Сдѣлавъ эту провѣрку, Дашкевичъ приходитъ къ выводу, что извѣстіе о завоеваніи Кіева Гедиминомъ не могло быть вымышлено, слѣдовательно, оно является несомнѣннымъ историческимъ фактомъ²⁾.

Въ настоящее время мнѣнія ученыхъ по этому вопросу раздѣляются на двѣ группы: одни ученые принимаютъ взглядъ Дашкевича, другіе—Антоновича. Есть, впрочемъ, и такіе ученые, которые склонны отдѣлить въ разсматриваемомъ вопросѣ юридическій элементъ отъ фактическаго, но въ сущности и они примыкаютъ къ Дашкевичу³⁾. Въ виду такого положенія дѣлъ, является необходимость снова пересмотрѣть вопросъ о присоединеніи Кіева къ Литовскому государству, краеугольный вопросъ, отъ котораго мы поведемъ дальнѣйшее изложеніе.

Прежде всего бросается въ глаза то обстоятельство (и это было отмѣчено уже проф. Антоновичемъ⁴⁾), что ни древнѣйшая литовско-русская лѣтопись, ни прусско-ливонскія хроники, ни Длугошъ, ни писатели современные Стрыйковскому, ни однимъ словомъ не обмолвились въ пользу завоеванія Кіева Гедиминомъ. Между тѣмъ завоеваніе цѣлой области съ городомъ, о которомъ Витовтъ однажды выразился, какъ о первоверховной столицѣ веѣхъ русскихъ земель, стоило того, чтобы о немъ упомянуть. Помимо того, самый разсказъ литовско-русской лѣтописи не внушаетъ довѣрія, какъ въ отношеніи частныхъ, такъ и въ разсужденіи общей комбинаціи событій.

¹⁾ VIII, 344; IX, 261; Замѣтки с. 58.

²⁾ Въ первой группѣ: *Воженискій Dzieje Polaku* I, 241 и 271 (1319—33 гг.); *Владимирскій-Будановъ* Населеніе юго-западной Россіи I, 39—40, 50; *Максимейко Сеймы* Литовско-русскаго государства с. 43—4, пр. 8. Во второй группѣ: *Леонтовичъ* Очерки с. 24 и 182; *Грушевскій* Очерки с. 477—92; *Замысловскій* Объясненіе къ атласу с. 55. Колеблются въ направленіи Дашкевича—проф. *Шованскій* Исторія 1896 г. II, с. 72 и пр. 16 с. 14; *Янскій* Уставная грамота с. 64; *Густовскій* Ист. р. церкви II, I, с. 161. Эти усматриваютъ въ инцидентѣ 1331 г. проявленіе, по крайней мѣрѣ, фактической зависимости Кіевского князя отъ политики Гедимины.

³⁾ Монографія I, с. 47.

Что касается первыхъ, то ихъ фантастичность въ достаточной мѣрѣ выяснена проф. Антоновичемъ. Правда, его оппоненты признали „заслуживающими вниманія многія подробности“ изъ числа тѣхъ, которыя были заподозрѣны авторомъ „Очерковъ“—и это вѣрно, поскольку, напр., дѣло касается (существованія) Бѣлгорода, Вышгорода¹⁾ и Овруча; менѣе, можетъ быть, вѣрно относительно Ольгимунта, Мендовгова сына, и Владиміра на Волыни²⁾; наконецъ, совершенно невѣрно относительно Слѣпорода и Черкасѣ³⁾.

¹⁾ М. Грушевскій ошибается, утверждая, что выраженіе акта „а Вышегородскою и Бѣлгородскою... мыти имъ не платити“ означаетъ не больше, какъ „просто трактовые пункты“ (Очерки, с. 481); уже мытисъ со своими подручными образовали поселокъ, не говоря о томъ, что столь бойкій пунктъ долженъ быть, весьма естественно, привлечь къ себѣ населеніе. Ошибается онъ также и въ другомъ случаѣ, утверждая, что существованіе поселенія Слѣпородъ Дашкевичъ доказалъ вполне убѣдительно (ibid); не смысломъ ли на Воскресенскій отрывокъ, который самъ Грушевскій, вмѣстѣ съ тѣмъ же Дашкевичемъ (VIII, с. 335; Замѣтки 49), признаетъ „сводомъ данныхъ разновременныхъ“? На терминологию же ирляковъ трудно полагаться, да и кромѣ того, они далеко не современны разсматриваемому событію: по самому сѣламу предположенію, начало ирляковъ восходитъ не далѣе, какъ ко времени Витовта, т. е. къ концу XIV в., а въ это время Слѣпородъ могъ появиться заботами Кіевскихъ князей. Наблюденіе же надъ движеніемъ колонизаціи убѣждаетъ насъ, что Задніпровскія степи обращались въ пустыню всякій разъ, когда въ Кіевѣ не было твердой и заботливой о нуждахъ мѣстнаго населенія власти, а такой власти ни до, ни вскорѣ послѣ Гедимины въ Кіевѣ какъ разъ не было, и нѣтъ основанія предполагать, чтобы она тамъ была.

²⁾ Указанія на существованіе Ольгимунта Мендовговича и Владиміра на Волыни подобраны Дашкевичемъ—VIII, 330—1 и 264—5; Замѣтки с. 44—5 и 60—61.

³⁾ Въ доказательство древности г. Черкасѣ Дашкевичъ (VIII, с. 337; Замѣтки с. 51) ссылается на упоминанія Черкисовъ у Рубрукиса и Полонуса, а также на авторитетъ Руликовскаго (*Słownik* I, 803—4) и Бруна (*Черноморье* I, с. III). Но Рубрукисъ и Полонусъ говорятъ только о кочевьяхъ Черкисовъ гдѣ-то надъ Азовскимъ или Чернымъ моремъ и объ ихъ данническихъ отношеніяхъ къ Татарамъ,—что въ существованію г. Черкасѣ на Днѣпрѣ непосредственнаго отношенія не имѣютъ; Черкассы, или Сгогкііі, какъ народность, могли существовать, но г. Черкасѣ на Днѣпрѣ могло и не быть,—а Татарамъ кто не платилъ дани? Что же касается Руликовскаго и Бруна, то оба они находятся въ зависимости отъ Болтина, который поселилъ бѣглецовъ изъ Ахматовыхъ слободъ въ Каневѣ и Черкассахъ („Примѣчанія“ I, с.

Олега въ Переславѣ и Романа въ Брянскѣ¹⁾. Что касается Киевскихъ пригородовъ, то, какъ уже замѣтилъ М. Любавскій²⁾, Антоновичъ былъ не совсемъ правъ, категорически утверждая, что Путивль и Слѣпородъ „никогда не были“ таковыми³⁾, ибо въ разсматриваемый періодъ они выступаютъ, какъ Kijowskie dzierzanie⁴⁾. Въ виду этого, мы считаемъ возможнымъ допустить, что Путивль и Слѣпородъ попали въ лѣтопись въ качествѣ Киевскихъ пригородовъ не по „незнанію“ составителями разсказа территориальныхъ отношеній южно-русскихъ земель⁵⁾, а въ силу антиципаціи— по аналогіи съ позднѣйшимъ положеніемъ вещей, какъ, съ другой стороны, Переславль былъ вызванъ къ существованію по совершенно обратному ходу мыслей.

Переходя отъ обзора частныхъ къ общей комбинаціи событій, передаваемыхъ литовско-русской лѣтописью въ одномъ разсказѣ о завоеваніяхъ Гедимина, мы не находимъ никакого затрудненія присоединиться къ мнѣнію Дашкевича, что эти событія насильственно сведены авторомъ лѣтописи воедино⁶⁾. По естественному ходу вещей, Мозырь и даже Овручъ раньше должны были перейти подъ власть литовскихъ князей, чѣмъ другія части Киевской земли, во главѣ съ столицей,—тѣмъ болѣе, что это подтверждается и

344). Но Волгину вольно было поселить этихъ бѣглецовъ не то въ Черкассахъ, а въ самой Москвѣ, однако мы не обязаны за нимъ слѣдовать, ибо относительно Ахматовыхъ слободъ Волгину пользуется тѣми же источниками, какими располагаемъ и мы, а эти источники не содержатъ въ себѣ никакихъ извѣстій о Черкассахъ (см. Лавр. лѣт. с. 457—9; Собр. лѣт. VII, 176—8; X, 162). Брунъ старается поддержать Волгина указаніемъ на существованіе азовскихъ Черкесовъ: возможно, что они тамъ действительно существовали, но кто ихъ поселилъ на Дибирѣ? Не хотеть ли авторъ видѣть Татаръ въ этой неспойственной изъ роли колонизаторовъ? Подробнѣе объ этомъ въ очеркѣ Черкасскаго погнѣта.

¹⁾ Существованія ихъ авторъ даже и не пытается установить: бесполезно.

²⁾ Областное дѣленіе, с. 245—6.

³⁾ Монографія I, с. 35.

⁴⁾ Żur. Malinowskiego II, str. 121.

⁵⁾ Монографія I, с. 55.

⁶⁾ VIII, 339—40; Забѣтки с. 63.

нѣкоторыми списками лѣтописи, независимыми отъ Быховца¹⁾.

За выключеніемъ всѣхъ указанныхъ недочетовъ, все-же можетъ случиться, что разсказъ пространной литовско-русской лѣтописи, выражаясь словами Дашкевича, представляеть только „распространеніе и произвольную обработку“ первоначально достовернаго факта. Такъ ли это на самомъ дѣлѣ? — Мы не видимъ причинъ, которыя бы заставляли насъ во что бы то ни стало считатьъ съ этимъ, даже и по мнѣнію защитниковъ его, во многихъ отношеніяхъ фабульнымъ сообщеніемъ пространной литовско-русской лѣтописи въ разнѣхъ ея спискахъ—тѣмъ болѣе, что оно не единственное въ ней. Здѣсь мы находимъ, напр., также разсказъ о столкновеніи Киевскаго же князя Святослава (не двойникъ ли онъ Станислава?) и Льва Владимірекаго съ Литовскимъ княземъ Рынггольтомъ (внукъ Трешты, вторая половина XIII в.) и другой, столь же мало вѣроятный разсказъ о завоеваніи Чернигова, Стародуба и Карачева при Скирмунтѣ²⁾. Вообще въ этой лѣтописи мы замѣчаемъ тенденцію относить болѣе позднія событія въ эпоху болѣе раннюю,—что сдѣлано Ольгердомъ, приписывать Гедимину и проч. Возможно, конечно, что авторъ или авторы этой лѣтописи пользовались и нѣкоторыми преданіями, въ которыхъ есть зерно правды. Возможно, напр., что на Ирени действительно происходило какое-нибудь столкновеніе Киевлянъ съ Литовцами, но не при Гедиминѣ и не въ той компаніи лицъ, давно умершихъ, или никогда не существовавшихъ, какая выведена на сцену литовско-русской лѣтописью. Возможно также,—и это мы попытаемся доказать,—что и Киевъ, и Брянскъ съ Путивлемъ были действительно завоеваны въ одинъ походъ, но опять-таки—не при Гедиминѣ. Помимо другихъ соображеній, на которыя насъ наводятъ размышленія надъ событіями изъ церковно-политической жизни времени Ольгерда, при Гедиминѣ всѣ эти событія являются мало вѣроятными уже потому, что могущественный совре-

¹⁾ Подробнѣе объ этомъ—дальше.

²⁾ Собр. лѣт. XVII, с. 234—5, 250, 304, 365—6, 430, 481, 234, 247, 302, 481 etc.

менникъ его—Узбекъ—едва ли бы потерпѣлъ это¹⁾. Не видно также, чтобы вспомогательные отряды Киевлянъ принимали участіе въ походахъ литовскихъ князей раньше второй половины XIV ст., а между тѣмъ, напр., въ битвѣ при р. Странѣ участвовали ополченцы почти съ всѣхъ провинцій, подчиненныхъ Литвѣ: изъ Владиміра, Бреста, Витебска, Смоленска, Полоцка²⁾. Киевъ не пошелъ также въ раздѣлъ между сыновьями Гедимина, хотя всѣ остальные его владѣнія были между ними подѣлены³⁾. Словомъ, рассказъ про странной литовско-русской лѣтописи о завоеваніи Киева при Гедиминѣ, не извѣстный намъ изъ другихъ, болѣе раннихъ источниковъ, имѣеть противъ себя массу возраженій, давно уже выставленныхъ и до сихъ поръ никѣмъ не опровергнутыхъ. Считается съ нимъ, поэтому, мы не находимъ возможности, хотя нѣкоторыя частности, м. б., и замѣтены имъ изъ народнаго преданія.

Какъ бы чувствуя, что на основаніи одной лѣтописи Выховца не возможно обосновать никакихъ прочныхъ выводовъ, не смотря на тщательную ученую аргументацію, Дашкевичъ нашелъ нужнымъ ввести въ дѣло пущенную впервые въ ученый оборотъ Стадницкимъ⁴⁾ такъ называемую *Печерскую*, или *Межигорскую* рукопись⁵⁾—сборникъ разнообразныхъ извѣстій, мало между собою связанныхъ. Въ этомъ сборникѣ есть, между прочимъ, относительно интересующаго насъ событія нѣсколько замѣтокъ, съ разными ва-

¹⁾ Аргументъ этотъ впервые выдвинутъ Зубрицкимъ въ Исторіи Галичско-русскаго княжества III, с. 265. Для ослабленія его Дашкевичъ (IX, 262; Замѣтки, с. 59; Волоховская земля, с. 106) указываетъ татарскіе набѣги 1324 и 1336 гг., но подобныя набѣги много разъ повторились и прежде и послѣ того, и нѣ какой бы то ни было зависимости отъ завоевательныхъ стремленій литовскихъ вел. князей, безразлично въ мирное и военное время.

²⁾ Аргументъ, приводимый М. Грушевскимъ въ Очеркѣ, с. 490.

³⁾ Собр. лѣт. XVII, 494; Strujkowski I, 381—2; Gwagnia, p. 70—71; Dlugos, X, 60. Это обстоятельство вынудило Стадницкаго предположить, что Киевъ или былъ отданъ Ольгимунту Гольшанскому, или же отпалъ отъ Гедимина подъ конецъ его правленія (Synowie II, 22—3). Но не проще ли было бы допустить, что Киевъ вовсе не принадлежалъ Гедимину?

⁴⁾ Synowie II, p. 26, not 45.

⁵⁾ Описаніе ея въ Киев. Стар. 1882 г. VII, с. 97—105, Антоновича.

риантами и подъ различными датами (1333, 1340, 1341) повторяющихся одно и то же. Основной текстъ этихъ замѣтокъ гласитъ: „Въ лѣто ~~свѣта~~ Гедими^н кня^н литовски“, повесталъ на князѣа Киевскаго Станислава и побѣдилъ его з рускими и чистарски^н войскомъ на^н рѣкою Прип^тю, и прогнавши татаръ Киевъ в свою власть взя^н“¹⁾. Относительно этого извѣстія Межигорской рукописи Дашкевичъ полагаетъ, что а) оно независимо отъ рассказа Выховца; б) что оба извѣстія — и Межигорской рукописи, и лѣтописи Выховца—черпали изъ одного и того же источника и в) наконецъ, что сообщеніе Межигорской рукописи заслуживаетъ полнаго довѣрія²⁾. Въ защиту каждаго изъ указанныхъ положеній Дашкевичъ приводитъ нѣкоторыя соображенія, но они намъ кажутся недостаточно вѣскими и убѣдительными.

Независимость извѣстія Межигорской рукописи отъ рассказа лѣтописи Выховца, по мнѣнію почтеннаго ученаго, доказывается тѣмъ, что оно а) имѣеть дату, какой нѣтъ въ лѣтописи Выховца, и б) что оно чуждо тѣхъ амплификацій и несообразностей, какія замѣчаются въ рассказѣ Выховца³⁾. Но дату имѣеть это извѣстіе и у Стрыйковского⁴⁾, который, несомнѣнно, замѣтывалъ его у Выховца, и въ Густынской лѣтописи, которая пользуется польскими хрониками⁵⁾. Что же касается вопроса объ амплификаціяхъ и несообразностяхъ, то, естественно, что ихъ нѣтъ въ Межигорской рукописи, ибо эта рукопись не сообщаетъ никакихъ подробностей. Слѣдуя по тому же пути, хотя и не столь рѣшительно, и автору Густынской лѣтописи удалось избѣгать амплификацій и несообразностей (нѣтъ, напр., Владиміра Волынскаго и Олега Переяславскаго, Путинль и Слѣпородъ не названы Киевскими пригородами⁶⁾)—если не всѣхъ, то только потому, что онъ вдается въ нѣкоторыя подробности. Но утверждать исключительно на этомъ основаніи, что Густынская лѣтопись въ описаніи разсматриваемаго событія пользуется

¹⁾ VIII, 341—2; Замѣтки с. 56.

²⁾ VIII, 343—4; Замѣтки с. 58.

³⁾ VIII, с. 344; Замѣтки с. 58.

⁴⁾ 1320 г.—I, 363.

⁵⁾ 1305 г.—с. 348.

⁶⁾ Густ. с. 348.

какими-то особыми источниками, не приходится: она сама выдает себя соответствующими ссылками.

Аргументируя второе свое положение, сводящее известие обоих разсматриваемых нами документов к „подобности обоим же самому“ источнику (разумется сообщение Межигорской рукописи), Дашкевичь ссылается на то, что „как в летописи, так и в Межигорской рукописи, встрѣчаются одинаковыя подробности: кн. Станиславъ и битва на Ирпени; летопись Выховца представляет исторію покоренія Кіева только подробнѣе“¹⁾. Но перевернувъ это соображеніе, мы получимъ въ обоихъ документахъ одинаковыя подробности, только Межигорская рукопись передаетъ исторію (если констатированіе факта можетъ быть названо исторіей) покоренія Кіева „короче“. Аргументація етоль же убѣдительна, но доказываетъ совершенно обратное.

Въ частности, противъ допущенія Дашкевичя о связи сказанія летописи и известія Межигорскаго манускрипта черезъ посредство „подобнаго, если не того же самаго источника“, говорить уже то, что въ Межигорскомъ манускриптѣ фигурируютъ Татары, которыхъ нѣтъ въ летописи Выховца; невозможно допустить, чтобы авторъ летописи, украшавшій событіе новоизмышленными подробностями, не внесъ въ свое повѣствованіе, съ другой стороны, того, что онъ нашелъ въ лаконическомъ источникѣ. А между тѣмъ, у Стрыйковскаго эта подробность есть²⁾. Слѣдовательно, скорѣе можно допустить, согласно съ Грушевскимъ, что составитель известія Межигорской рукописи имѣлъ въ виду и версию Стрыйковскаго³⁾, тѣмъ то, что источникъ самого Стрыйковскаго опирался на версию манускрипта.

Такъ какъ аргументація проф. Дашкевичя въ обоихъ пунктахъ оказалась мало убѣдительною, то самъ собою падаетъ и выводъ его относительно полной достовѣрности Межигорской рукописи: ни дата, ни самое событіе завоеванія Кіева Гедимниномъ ничуть не дѣлаются болѣе достовѣрными оттого, что мы ихъ встрѣчаемъ въ этомъ манускриптѣ, хотя бы и безъ амплификацій и несообразностей. Дата — по-

¹⁾ VIII, с. 343; Замѣтки с. 57.

²⁾ I, 364—5.

³⁾ Очеркъ, с. 478.

тому, что мы найдемъ въ разныхъ хроникахъ не одну дату, совершенно не согласную съ другими, и въ данномъ случаѣ Межигорская рукопись только увеличиваетъ ихъ число еще однимъ предположеніемъ;¹⁾ событіе — потому что авторъ Межигорскаго манускрипта свободно могъ позаимствовать его у Стрыйковскаго или Выховца, выбросивъ подробности, которыя ему почему-либо казались не интересными. Такъ именно поступилъ и авторъ Густынской летописи, дѣлая извлеченія изъ польскихъ хроникъ. На вопросъ Дашкевичя: какъ же въ такомъ случаѣ объяснить происхожденіе самаго сказанія пространной литовско-русской летописи о завоеваніяхъ Гедимнина? — мы не затрудняемся отвѣтить, что такъ же, какъ и всѣхъ др. фабулезныхъ сказаній этой летописи — о Рынгольтѣ, Скимунтѣ и прочихъ герояхъ древней литовской исторіи: тогда надъ этимъ не особенно задумывались. Нужно было объяснить, какъ и когда Кіевская земля очутилась

¹⁾ И притомъ ничуть не болѣе достовѣрными. Дашкевичъ старается подчеркнуть дату Межигорской рукописи — 1333 — ссылкой на запись, находящуюся при польскомъ переводѣ Нестора, объ основаніи Альбрехтомъ Гангольдтомъ замка и монастыря на р. Острѣ, а также на отрывокъ изъ инвентаря польскаго королевскаго архива, хранящагося въ копию въ Дрезденской королевской библиотекѣ (VIII, 343, IX, 265; Зам. 57, 62). Но первое опровергъ уже Грушевскій, полагая, что передаваемый въ упомянутой записи фактъ въ дѣйствительности имѣетъ мѣсто въ XVI в., около 1538 г., и упоминаемый въ ней Альбрехтъ Гангольдъ есть наѣздящій сподвижникъ Сигизмунда Старого (см. А. Ю. З. Р. ч. VII, т. I, с. 592—8, также с. 341—2; Гр. Очеркъ, 478—9); а второе опровергается болѣе исправнымъ текстомъ инвентаря, составленнаго гораздо раньше и паданнаго въ Парижѣ въ 1862 г. подъ титуломъ: Inventarium omnium et singulorum privilegiorum, litter., dipl., script. et monum., quaecumque in archivo regni in arce Cracoviensi continentur, confectum 1682, ed. E. Rybczewski. Въ отдѣлѣ Litterae palatinatus Kijoviae (р. 275) читаемъ: *Homagium Vladimiri ducis Kijoviensis Wladislawi regi Poloniae et Hedwigi Reginae consorti ejus regnoque Poloniae praestatum. Datum Luceoriae in vigilia s. Margaretae anno 1388.* Ту же дату прочелъ и Ѡ. Вержбовскій въ рукописномъ отдѣленіи библиотекки Чарторижскихъ (см. отчетъ за второе полугодіе 1876 г. Ѡ. Вержбовскій Варшава 1877 г., с. 7). Несомнѣнно, это есть то самое Homagium, которое напечатано въ Supplementum ad historiae Russiae monumenta, № 211. Впервые на это обстоятельство указалъ проф. Линиченко въ Замѣткахъ на статью Режабена, с. 92 (въ академич. сборникѣ матеріаловъ и исследованийъ о Владиславѣ-Юрѣ, князѣ всей Малой Руси).

подъ властью Литвы—и объясненіе было придумано, а какими, въ частности, ассоціаціями руководствовался его изобрѣтатель, этотъ вопросъ мы считаемъ не подлежащимъ ученому трактованію; ассоціаціи могли быть самыя разнообразныя, и притомъ ни въ какой-либо связи съ уніей (съ которой ихъ непременно хотѣтъ связать Дашкевичъ¹⁾).

Считая полемику этимъ исчерпанной, какъ же мы теперь конструируемъ ходъ событій, приведшій Киевскую землю къ подчиненію Литвѣ?

Мы имѣли уже случай упомянуть, что оккупация Литовцами Киевскаго полѣся должна была предшествовать занятію самого Киева, слѣдовала же она за присоединеніемъ къ Литвѣ Турово-Пинскихъ земель. Но вопросъ въ томъ, когда эти земли перешли къ Литовцамъ? Прямыхъ указаній на этотъ счетъ мы не имѣемъ. Правда, литовско-русскія лѣтописи сообщаютъ, что Туровъ и Пинскъ, а велѣды за ними и Мозырь съ Сѣверщиной были завоеваны Скирмунтомъ, сыномъ Мингайла²⁾, но дата этого событія, какую можно установить изъ ихъ генеалогическихъ выкладокъ, совершенно невѣроятна (конецъ XII, нач. XIII в.). Другое указаніе—точнѣе намекъ—находимъ въ Галицко-волинской лѣтописи, въ описаніи похода Данила Галицкаго на Мендовга. Пинскіе князья „имѣя леств“, отказались принять участіе въ этомъ походѣ³⁾, что, по мнѣнію проф. Грушевскаго, указываетъ, если не на ихъ вассальную зависимость отъ литовскаго князя, то во всякомъ случаѣ—на сферу его вліянія⁴⁾. Наконецъ—и это уже несомнѣнная дата,—по смерти Гедимина, Пинскій удѣлъ получилъ его сынъ Наримунтъ⁵⁾.

Велѣды за присоединеніемъ Надрипятскихъ волостей, въ составъ которыхъ входила и часть позднѣйшей Киевщины—Мозырь, наступила очередь и для Деревлянскихъ волостей—Овруча и Житомира. Уже Плино-Карини гово-

¹⁾ VIII, с. 344; Забѣгаи с. 58.

²⁾ Собр. лѣт. XVII, с. 234, 247, 302, 481; Красницкій списокъ приурочиваетъ это событіе къ Шварну (с. 234).

³⁾ Ипат. с. 543.

⁴⁾ Т. IV, с. 362, пр. I.

⁵⁾ Собр. лѣт. XVII, 494 и др., Strykowski, I, 381—2, Swagn. p. 70—71, Diagon. X, p. 60.

рить, что дорога изъ Волыни въ Киевъ была небезопасна propter Lituanos, qui saepe faciebant insultum super terram Russiae¹⁾. Въ „Началѣ государей литовскихъ“ мы имѣемъ и положительное указаніе на время присоединенія Деревской земли къ Литвѣ: „Давидовъ сынъ Видъ (преемникъ Мендовга), его же люди звали волкомъ, и тотъ прибавилъ Деревскіе земли много“²⁾. Нѣтъ серьезныхъ оснований считать это сообщеніе вымышленнымъ, во-первыхъ, потому, что авторъ „Начала“ сообщаетъ такую подробность („его же люди волкомъ звали“), которая, очевидно, хорошо запечатлѣлась въ народной памяти (ср. „Волчій хвостъ“—Ипат. лѣт. с. 55—56), и во-вторыхъ, потому, что оно называетъ отца Вида именемъ, которое вполне отвѣчаетъ исторической личности Давьяла, принимавшаго, по Галицко-волинской лѣтописи, участіе въ посольствѣ 1219 г.; въ перечнѣ многихъ князей, составлявшихъ это посольство, Давьялъ поставленъ выше Мендовга, на первомъ мѣстѣ послѣ Живинбуида (вообще же—на второмъ)³⁾. Проф. Грушевскій усматриваетъ въ Видѣ „одного зъ большихъ литовскихъ князів між часами Тройдена і Гедимина“, что вполне вѣроятно, —и считаетъ возможнымъ „звязувати його з Вудивидом (вар. Буйвид), звістнимъ намъ з Волинської лѣтописі в 1289 р.“⁴⁾, —что менѣе вѣроятно, хотя возможно.

Итакъ, если вѣрить вышеприведенному извѣстію „Начала“,—а не вѣрить ему, повторяемъ, нѣтъ достаточныхъ оснований,—то окажется, что Деревская земля была присоединена къ литовскимъ владѣніямъ не позже послѣдней четверти XIII в. Велѣды за этимъ должна была наступить очередь и за Киевомъ.

Послѣ погрома 1240 года Киевъ находился въ „обдержаніи“ Дмитрія Ейковича, воеводы кн. Ярослава⁵⁾. Преемникъ Ярослава—Александръ Ярославовичъ—также получилъ ярлыкъ „на Киевъ и всю Русскую землю“⁶⁾. Получали ли

¹⁾ По изд. Языкова, СПб. 1828 г. сар. I, p. 8—10.

²⁾ Собр. лѣт. XVII, с. 595, 607; Воскр. I, 254.

³⁾ Ипат. 492.

⁴⁾ IV, с. 11.

⁵⁾ Ипат. 535, Гуч. 340.

⁶⁾ Лаур. 448, Собр. лѣт. II, 341 и 343; VII, 159. X, 137, XV, 395—6.

подобные ярлаки и последующие владими́ро-суздальские, а затѣмъ—московскіе князья, трудно сказать, хотя Густынская летопись называетъ Киевскими князьями еще Ярослава Ярославича и Иоанна Даниловича Калиту¹⁾. Едва ли, впрочемъ, это извѣстіе позднѣйшей компиляции заслуживаетъ того довѣрія, какое ему было оказано проф. Антоновичемъ²⁾, Экземплярскимъ³⁾, Квашинимъ-Самаринымъ⁴⁾, Дашкевичемъ⁵⁾ и другими изслѣдователями русской исторіи, — иначе мы имѣли бы какія-нибудь указанія на этотъ счетъ въ сѣверныхъ изводахъ, и притомъ болѣе реальныя. Помимо того, мы имѣемъ свѣдѣнія, что Данилъ Галицкій въ разгаръ борьбы съ людьми татарскими имѣлъ намѣреніе завладѣть Киевомъ⁶⁾, что было бы съ его стороны не совсѣмъ благо-разумно, если бы Киевъ принадлежалъ въ то время кому-нибудь изъ русскихъ князей. Однако Киевъ не принадлежалъ въ то время ни Данилѣ, ни Льву Даниловичу, не смотря на завѣреніе Стрыйковского въ противномъ⁷⁾; не до Киева было тогда галицко-волинскимъ князьямъ.

Итакъ, мы не можемъ съ положительностью сказать, кому, кромѣ Татаръ, принадлежалъ Киевъ во вторую половину XIII в. (кромѣ призранныхъ правъ на него Александра Я.) и въ первую четверть XIV⁸⁾. Первое достовѣрное извѣстіе о Киевѣ въ этотъ промежуточный періодъ относится къ 30 гг. XIV в.: разумѣемъ, рассказъ летописей о постановленіи Василя епископомъ Новгородскимъ⁹⁾. Такъ какъ этотъ рассказъ имѣетъ важное значеніе для опредѣленія политическаго положенія Киевской земли около половины XIV в., то мы позволимъ себѣ остановиться на немъ нѣсколько подробнѣе.

¹⁾ с. 344 и 348.

²⁾ Монографія I, 226.

³⁾ Великіе и удѣльные князья Сѣверной Руси I, 59.

⁴⁾ По поводу Любечскаго синодика, с. 224 (только Ярослава).

⁵⁾ IX, 262; Замѣтки с. 59; Волоховская земля с. 108.

⁶⁾ Ипат. лѣт. с. 553.

⁷⁾ Kronika I, 286, 287, 303 и 311.

⁸⁾ Относительно князей Киевскаго и Сѣверскаго синодикумъ мы имѣемъ особое мнѣніе.

⁹⁾ Ник. III, 157-9; Супр. с. 55 (над. Оболенскимъ); Собр. лѣт. III, 75-6; IV, 52; V, 219; VII, 203; XV, 68.

Въ 1331 году выѣхали изъ сѣверной Руси къ митр. Феогносту (во Владиміръ-Волинскій) для посвященія въ епископскій санъ, почти одновременно, два кандидата: Василій отъ Новгородцевъ и Арсеній—отъ Пековичей. За Арсеніемъ стояли, кромѣ самихъ Пековичей, еще и литовскіе князья, во главѣ съ Гедиминомъ, въ цѣляхъ, разумѣется, надѣленія Пекова отъ новгородскаго вліянія и подчиненія его литовской политикѣ. Тѣмъ не менѣе, не смотря на столь солидную рекомендацію, Арсеній уѣхалъ „со Пековичи, посрамленъ отъ митрополита“, а Василій былъ посвященъ въ санъ архіепископа Новгородскаго и Пековского. Оставалось только добратъ до каѳедры. И вотъ, въ то время, какъ литовскій претендентъ спокойно проѣхалъ черезъ Литву и Киевъ, Новгородскій ставленникъ получилъ увѣдомленіе, что литовскій князь „отпустилъ на него 300 Литвы и велѣлъ поймать его“. Поэтому Василій съ большими предосторожностями „иде на Киевъ, бояся Литвы“ или, по другой редакціи, „меже Литвы и Києва уходомъ бѣжалъ“. Однако—не уѣжалъ. Минувъ благополучно Киевъ, владыка неожиданно былъ застигнутъ подъ Черниговомъ „разбоемъ“ Киевскимъ кн. Феодоромъ „съ баскаки въ“ 50 человекъ“. Чуть не произошло кровополитіе; но въ виду рѣшимости Новгородцевъ къ отчаянному отпору, Киевскій князь счелъ за лучшее довольствоваться откупомъ, и Василю позволено было продолжать дальше свой путь.

Такъ окончился этотъ эпизодъ, изъ котораго разные ученые выводятъ различныя слѣдствія. По мнѣнію однихъ, этотъ эпизодъ показываетъ, что Киевъ лежалъ внѣ предѣловъ Великаго Княжества, хотя, м. б., при этомъ сказывалось извѣстное вліяніе Гедимины на Киевскаго князя, вліяніе, которое естественно между сильными и слабыми соседями¹⁾. По мнѣнію же другихъ ученыхъ, разсматриваемый эпизодъ свидѣтельствуетъ, если не о юридической принадлежности Киева Литвѣ, то во всякомъ случаѣ — о его фактической зависимости отъ нея²⁾. Намъ кажется, что въ

¹⁾ Антоновичъ Монографія I, 52; Грушевскій Очеркъ 487, IV, 12, 68. Въ согласіи съ тѣмъ и другіе состоитъ также Квашинъ-Самаринъ, оп. с. 223.

²⁾ См. выше стр. 4.

томъ и въ другомъ случаѣ совершенно незаслуженно придается большое значеніе варягитамъ Супрасельской лѣтописи и примыкающихъ къ ней: „меже Литвы и Киева“. Слѣдовало бы также обратить вниманіе и на варягитъ I Новгородской лѣтописи и согласныхъ съ ней: „иде на Киевъ, бояся Литвы“, который вполне уравниваетъ смыслъ предыдущаго. Сопоставивъ т. о. два противоположныхъ по смыслу варягита, мы получимъ для сужденія о положеніи Киевскаго князя въ этотъ переходный періодъ лишь то, что заключается въ самомъ фактѣ, только что нами изложенномъ, именно—что Киевскій князь пропустилъ литовскаго претендента, а настигъ „разбоекъ“ только новгородскаго ставленника. Оставляя въ сторонѣ все случайности, которыя могли бы при этомъ играть роль, изъ этого факта можно вывести то вѣроятное слѣдствіе, что Киевскій князь указаннымъ поступкомъ въ лучшемъ случаѣ обнаружилъ боязнь передъ Гедиминомъ (почему не ограбилъ его кандидата, а ограбилъ противника?), въ худшемъ—желаніе прислужиться, а м. б. и то, что отъ Новгородскаго владыки онъ ожидалъ большей помощи, чѣмъ отъ Псковича. Но мѣра собственнаго вліянія этого князя въ подчиненной ему странѣ, очевидно, была незначительна, разъ онъ рѣшился на такой поступокъ. Можно даже сомнѣваться, былъ ли онъ изъ княжескаго рода, а не просто ставленникъ татарской орды, въ присутствіи представителя которой и совершилось ограбленіе владыки¹⁾.

Дальнѣйшія событія изъ области церковной исторіи помогаютъ намъ разобратся въ спорномъ вопросѣ о времени подчиненія Киева власти литовскихъ князей. Поэтому мы и на нихъ остановимъ свое вниманіе.

Въ послѣдніе годы правленія митр. Феогноста появляется на горизонтѣ Киевской Руси нѣкто Феодоритъ, будущій митрополитъ²⁾. Для насъ совершенно не извѣстно происхо-

¹⁾ Это, впрочемъ, не помѣшало Квашинку-Самарину (с. 224 ор. с.), Дашкевичу (IX, 264 Ср. Волохов, а. 136), Зотову (Синодникъ, с. 119) и др. считать Феодора Киевскаго—Ольговичемъ, причѣмъ первые два отождествляютъ его съ Станиславомъ Киевскимъ, а самъ Дашкевичъ, кромѣ того, дѣлаетъ его еще участникомъ посольства въ Новгородъ (I Новг. 73-4).

²⁾ Источники о Феодоритѣ: грамота патриарха къ Новгородскому владыкѣ—Русская Ист. Библи. VI, прил. № 11, с. 60-64 = у Макарія IV,

жденіе этого человѣка, но изъ актовъ Константинопольской патриархіи мы узнаемъ, что еще при жизни Феогноста онъ явился ко двору Константинопольскаго патриарха, будто бы съ извѣстіемъ о смерти митрополита, и просилъ себя посвященія на его мѣсто. Но патриархъ задержалъ Феодорита, имѣя намѣреніе предварительно навести справки у московскаго правительства о положеніи тамошнихъ дѣлъ и о личности новоявленнаго кандидата. Тогда Феодоритъ, боясь быть изблеченнымъ, бѣжалъ изъ Константинополя къ Терновскому патриарху и тамъ досталъ себя посвященіе въ санъ Киевскаго митрополита (только ли Киевскаго?). Послѣ этого онъ явился въ Киевъ и оттуда управлялъ своею паствой, правдоподобно, до самой смерти.

Тѣмъ временемъ умеръ въ Москвѣ митрон. Феогностъ, зарадивъ предъизбрать себя преемника въ лицѣ епископа Владимірскаго—Алексея. Въ силу этого предъизбранія и по желанію Московскаго вел. князя, Алексѣй явился къ Константинопольскому патриарху за посвященіемъ. Но онъ оказался не единственнымъ кандидатомъ на митрополичью кафедру. Вел. кн. Литовскій—Ольгердъ—также послалъ къ патриарху своего кандидата—Романа, съ которымъ былъ связанъ узами родства (по женѣ). Почти одновременно оба кандидата оказались во дворѣ Константиноп. патриарха. Послѣ нѣкотораго замедленія, патриархъ посвятилъ обоихъ—Алексея въ митрополита „Киевскаго и всея Руси“, а Романа—въ митрополита „Литовскаго“, съ кафедрой въ Новгородѣ. Но Романъ, имѣя за собой поддержку Ольгерда, хотѣлъ большаго: онъ хотѣлъ распространить свою власть и на всю южную Русь и на части сѣверной, состоявша въ сферѣ литовской политики. На первый разъ онъ добивался Киева, но, какъ замѣчаетъ лѣтописецъ, „приде и со Литвы Романъ чернецъ на митрополию и выиде, и не (оно) приша его киние“¹⁾. Это было въ 1354 году. Романъ, однако, не оставлялъ своихъ претензій на части митрополіи, принадлежавшія его противнику. На этой почвѣ завязалась

прил. № 6; соборное дѣланіе о перевесеніи кафедры изъ Киева во Владиміръ—Ист. Библи. VI, прил. № 12, с. 64-70 = у Макарія IV, № 8; Ник. III, 201, подъ 1352 г.—о поставленіи.

¹⁾ Собр. лѣт. XVII, 34.

упорная и продолжительная тяжба между обоими митрополитами, стоившая имъ спокойствія и денегъ,—до самой смерти Романа. Во вторую половину своего правленія Роману, однако, удалось не только отвоевать у своего соперника Кіевъ, но и распространить свое дѣйствіе на всю Сѣверщину (съ Брянскомъ), подчиненную литовскому князю.

Таковы факты изъ области церковныхъ отношеній, но они имѣютъ тѣсную связь и съ политикой. Прежде всего—въ силу чьей рекомендаціи Теодоритъ получилъ санъ митрополита Кіевского? Вѣдь не можетъ же быть, чтобы онъ, самозванно получивши посвященіе и не будучи никѣмъ протектированъ, осмѣлился явиться въ Кіевъ, а тѣмъ болѣе—могъ быть здѣсь принятъ? Отвѣтъ можетъ быть двойной: или это ставленникъ литовскаго правительства, или—кіевского. Проф. Голубинскій ¹⁾ допускаетъ первое, утверждая, что Теодоритъ былъ посланъ Ольгердомъ, что патр. писалъ Ольгерду о незаконности Теодорита и изъявилъ ему готовность законно поставить для Литвы особаго митрополита (?); что вслѣдствіе этого представленія незаконно поставленный въ митрополиты Теодоритъ былъ удаленъ тамъ съ митрополитической кафедрой (на основаніи какихъ документовъ все это?), и что вслѣдъ за удаленіемъ незаконно поставленнаго митрополита Ольгердъ прислалъ въ Константинополь другаго кандидата для поставленія въ митрополиты Литовскіе—Романа, который и былъ поставленъ ²⁾. Но съ этимъ едва ли можно согласиться. Во-первыхъ, для Ольгерда не было никакой надобности, раздобывши одного митрополита, признаннаго въ Кіевѣ, не смотря на грозныя филиппики изъ Константинополя, смѣнять его затѣмъ другимъ—съ единственною цѣлью получить легализацію Константинопольскаго патриарха: какъ трезвый политикъ, Ольгердъ цѣнилъ болѣе факты, чѣмъ ихъ моральные мотивы. Во-вторыхъ, послѣдующія событія показали, что Ольгердъ и не могъ рассчитывать на утвержденіе своего кандидата въ Кіевѣ, помимо воли мѣстнаго населенія: Романа не приняли въ Кіевѣ и не принимали до тѣхъ поръ, пока сохраняли свободу дѣйствій. Въ силу этихъ соображеній, мы полагаемъ, что Теодоритъ

¹⁾ Съ этимъ солидаренъ и Макарій IV, 319.

²⁾ Исторія церкви II, 1, с. 180, 182.

былъ ставленникомъ не Литовскаго князя, а Кіевского—Теодора. Этимъ и объясняется то, почему онъ былъ признанъ въ Кіевѣ, не смотря на противуканоническое происхожденіе его власти, и почему могъ держаться тамъ до своей смерти, не смотря на противодѣйствіе Ольгерда ¹⁾. Здѣсь мы приближаемся уже къ развязкѣ запутаннаго вопроса о времени присоединенія Кіева.

Годъ смерти Теодорита намъ неизвѣстенъ. Но въ 1356 году уже происходилъ „споръ великій“ между Романомъ и Алексѣемъ изъ-за обладанія Кіевомъ ²⁾. Инициатива этого спора принадлежала Роману, который явился на патриаршей дворъ, „требуя, чего хотѣлъ и домогался получить, изъ-за чего и произошло между ними столкновение“. Темный языкъ соборнаго опредѣленія, изъ котораго мы замѣтуемъ это выраженіе, допускаетъ просторъ для разныхъ догадокъ, но самая вѣроятная изъ нихъ—та, что, по смерти Теодорита, законнымъ митрополитомъ въ Кіевѣ былъ признанъ Алексѣй, устраненій котораго отъ Кіевской кафедры въ данномъ случаѣ и добивался Романъ (очевидно, не располагавшій еще въ то время иными способами для завладѣнія интересной для него епархіей). Рѣшеніе собора, засѣдавшаго въ Константинополѣ по этому поводу, не совѣмъ, однако, удовлетворило Романа. Правда, къ двумъ прежнимъ его епархіямъ, съ кафедрой въ Новогрудскѣ, ему были еще приданы „епископіи Малой Руси“; но самаго существеннаго онъ не добился: Кіевъ съ титуломъ „всѣя Руси“ остался за его соперникомъ ³⁾. Это было зимою 1356 г. ⁴⁾. Вслѣдъ за этимъ на югѣ происходятъ какія-то важныя событія, которыя даютъ возможность Роману, уже безъ посредничества патриаршей власти, утвердиться въ Кіевѣ. Какія же это событія?

Въ соборномъ опредѣленіи 1361 г., въ которомъ изла-

¹⁾ Былъ ли Теодоритъ признанъ также и въ Литвѣ, этого мы не знаемъ, не смотря на утвержденіе Голубинскаго; но если и былъ, то—въ томъ расчетѣ, что ставленникъ Кіевского князя скорѣе будетъ находиться подъ вліяніемъ литовскаго правительства, чѣмъ ставленникъ московскій.

²⁾ Воскр. II, 10, Ник. III, 206; X, 228.

³⁾ Соборное опредѣленіе 1361 года—Истор. Библия. VI, прил. № 13, с. 69—86.

⁴⁾ Воскр. II, 10, Ник. III, 206—7; X, 228.

гается исторія „великаго спора“ между двумя русскими митрополитами, мы читаемъ, что послѣ состоявшагося постановленія предыдущаго собора—1356 г., Романъ, „прійдя въ Кіевъ, не по праву совершалъ адѣсь литургіи и рукоположенія и дерзостно называлъ себя единственнымъ митрополитомъ Кіевскимъ и всея Руси, что вызвало смуту и замешательство въ области преосвященнаго митрополита Кіевского и всея Руси и побудило Литовскаго государя возстать противъ христіанъ и причинить имъ не мало бѣдъ и кровопролитія“¹⁾. Послы Романа, прибывшіе въ Константинополь для объясненій по этому случаю, вели себя крайне нахально, утверждая, что Романъ, имѣя большую силу у Литовскаго государя, „можетъ смѣло дѣлать все“²⁾. Но съ какихъ это поръ Романъ получилъ такую силу, чтобы могъ „смѣло дѣлать все“? Вѣдь въ 1354 году онъ не былъ принятъ въ Кіевѣ, и ничего не могъ подѣлать; и еще такъ недавно этотъ же самый Романъ,—очевидно, тогда еще безсильный дѣлать все,—добивался Кіева передъ лицомъ патриарха, и совершенно напрасно. Когда же онъ вошелъ въ силу? Очевидно, тогда, когда Кіевъ потерялъ свободу дѣйствій, лишился самостоятельности; а это могло случиться только въ промежуткѣ между концомъ 1356 г., когда происходилъ великій споръ между обоими митрополитами на патриаршемъ дворѣ, и июлемъ 1361 г., когда издано это опредѣленіе. Впрочемъ, есть возможность нѣсколько сузить этотъ промежутокъ времени, придвинувъ дату устанавливаемого нами событія къ 1356 г., именно на слѣдующихъ основаніяхъ.

Позднѣйшее соборное опредѣленіе (1380 г.) сообщаетъ намъ, между прочимъ, изъ жизни митроп. Алексѣя такой фактъ. Однажды Ольгердъ, въ неудовольствіи на Алексѣя за противодѣйствіе его политическимъ планамъ, „изымалъ его обманомъ въ то время, когда тотъ обозрѣвалъ южную Русь и подчиненныхъ его власти (тамашнихъ) христіанъ, заключилъ его подъ стражу, можетъ быть, и убилъ бы его, если бы онъ, при содѣйствіи нѣкоторыхъ, не ушелъ тайно и такимъ образомъ не избѣжалъ опасности“³⁾. „Малая Русь“

¹⁾ Ист. Вѣст. VI, с. 78, прилож.

²⁾ Ист. Вѣст. VI, прил. с. 80.

³⁾ Ист. Вѣст. Прил. № 30, с. 167—8.

въ этомъ актѣ, очевидно, обозначаетъ Кіевскую епархію, ибо всѣ другія епархіи Малой Руси были послушны Роману, и тамъ не было, съ точки зрѣнія собора, „подчиненныхъ власти Алексѣя христіанъ“. Если такъ, то мы имѣемъ возможность установить дату этого событія путемъ сопоставленія данныхъ настоящаго опредѣленія съ извѣстіями нашихъ лѣтописей.

Несомнѣнно (изъ всего вышесказаннаго), что заключеніе и ограбленіе митр. Алексѣя случилось не раньше конца 1356 г. Послѣ же этого, лѣтописи отмѣчаютъ только одно путешествіе его въ Кіевъ, продолжавшееся съ 1358 г. (январь) по 1360 годъ¹⁾. Очевидно, тогда именно и захватилъ Алексѣя Ольгердъ въ Малой Руси²⁾. Но такъ какъ это возможно было только въ томъ случаѣ, если бы Ольгердъ владѣлъ Кіевомъ, то, очевидно, завоеваніе Кіева случилось нѣсколько раньше. Когда же, наконецъ, оно случилось? Всего

¹⁾ Воскр. II, 10—11; Ник. III, 211, 14; X, 230—31; I Новг., с. 87.

²⁾ По мнѣнію проф. Грушевскаго, это событіе случилось „дѣсь по 1361 році“; до этого же момента будто бы митр. Алексѣй, наряду съ Романомъ, „перебувалъ тут (въ Кіевѣ) безъ перешкоди і венкої пригоди“ (60 про се мочать близькі йому джерсла) в р. 1358—60 (Історія IV, 68, ср. Очеркъ, с. 487—9). Но едва ли это было такъ. Какъ могъ бы митр. Алексѣй служить и управлять рядомъ съ Романомъ, своимъ „запеклымъ ворогомъ“, да еще и „безъ перешкоди і венкої пригоди“, когда соборное опредѣленіе 1361 г. ясно говоритъ, что Романъ называлъ себя единственнымъ митрополитомъ Кіевскимъ, а его послы утверждали, что опирались на силу Ольгерда, онъ „смѣло все можетъ дѣлать“? И потому—эти смуты и разлитіе крови... Выходитъ, значитъ, что „близькі йому джерсла“ говорятъ объ Алексѣѣ—совсѣмъ обратное тому, что вычиталъ въ нихъ или—правильнѣе—чего не вычиталъ проф. Грушевскій. Съ другой стороны, близькія этому же митрополиту „джерсла“ послѣ 1360 г., какъ на это, молчать о путешествіи Алексѣя въ „Малую Русь“, хотя до этого времени и послѣ того они исправнѣйшимъ образомъ отмѣчаютъ его переѣзды, а текстъ соборнаго опредѣленія 1380 г. ясно говоритъ, что послѣ смерти Романа, не смотря на приглашенія Ольгерда, Алексѣй больше не ѣздилъ въ Малую Русь, разумѣя леть его (№ 30, с. 169), хотя сдѣлалъ все возможное для приведенія въ надлежащій порядокъ тамашнихъ церковныхъ дѣлъ. Поэтому мы вполне согласны съ тѣми послѣдователями, которые относятъ „пригоду“ съ митр. Алексѣемъ въ Малой Руси именно къ 1358—60 гг. (См. Голубинскаго II, 192, Мамарія IV, 46, V, 292, Рыбинскаго I, 120, Дашкевича Литов.-Русск. госуд., IX, 264, Замѣтки с. 61 и др.

естественнѣ связать это событіе съ завоеваніемъ Сѣверщины, которое произошло, по общепринятому мнѣнію, въ концѣ 1356 или въ 1357 гг. ¹⁾ Въ такомъ случаѣ Кіевъ былъ бы промежуточнымъ этапнымъ пунктомъ по пути Ольгерда на востокъ, какъ, съ другой стороны, фактъ одновременнаго завоеванія Кіева и Брянска съ Путивлемъ находилъ-бы себѣ подтвержденіе въ народномъ преданіи, отголосокъ котораго, можетъ быть, сохранился въ рассказѣ пространной литовско-русской лѣтописи о походѣ Гедимина. Остановимся пока на этомъ.

Почему-то наши изслѣдователи — шла-ли рѣчь о Кіевѣ или о Брянскѣ—никогда не задавались мыслью о цѣлесообразности и естественности того именно плана завоеваній, какой мы предлагаемъ въ настоящей главѣ въ отношеніи Ольгерда. Что было болѣе естественно и цѣлесообразно: завоеваніе на первомъ мѣстѣ Брянска, а потомъ—Кіева, или —наоборотъ? Намъ кажется, что разъ вопросъ поставленъ именно такимъ образомъ, то нельзя не отвѣтить въ пользу послѣдняго предположенія. Во-первыхъ, церковныя событія показали, что Кіевъ, не смотря на свой упадокъ, представлялъ еще важный церковно-политическій центръ, откуда можно было бы воздѣйствовать на прилегающія страны не только мечемъ физическимъ, но и духовнымъ (выражаясь языкомъ богослововъ). Во-вторыхъ, Кіевъ своими западными и сѣверными границами упирался непосредственно въ литовскія владѣнія, тогда какъ Сѣверщина подходила къ нимъ только со стороны Днѣпра. Наконецъ, завоевавъ мимо Кіева Сѣверщину, литовскіе князья совершали какъ бы обходное движеніе въ отношеніи Кіевской земли, имѣвшее цѣлью (точнѣе—приводившее къ—) изолировать ее съ трехъ сторонъ, чтобы впоследствии она попала въ ихъ же руки. Но это было совершенно напрасно, ибо Кіевщина въ то вре-

¹⁾ 6864. Той же осени воевалъ Ольгердъ Гедимановичъ Брянскъ и Смоленскъ, и у кн. Василія Смоленскаго полонилъ сына... Того же лѣта кн. Василій прииде изъ Орды отъ царя съ пожалованіемъ и сиде на княжнѣ въ Брянскѣ, и мало время пребывавъ тамо и преставилъ. И бысть въ Брянскѣ ятежь отъ лихихъ людей и замѣти вѣліа и опустѣніе города; и потомъ нача обладати Брянскомъ великии кн. Литовскій (Ник. III, 207, Собр. лѣт. X, 228).

мя, за отсутствіемъ твердой центральной власти да и за малодолжствомъ своимъ, представляла довольно легкую добычу. Намъ, пожалуй, могутъ возразить: „а Татары“!.. Но подобное возраженіе, если бы оно было сдѣлано, не достигало бы цѣли, ибо Кіевъ и Брянскъ въ одинаковой степени принадлежали Татарамъ; съ Брянскомъ даже опаснѣе было имѣть дѣло, чѣмъ съ Кіевомъ, ибо первый лежалъ ближе къ резиденціи Золотой Орды.

Но если само дѣло, съ одной стороны, говоритъ въ нашу пользу, то съ другой — оно изобличаетъ несостоятельность тѣхъ, которые, избирая датой завоеванія Кіева 1362—3 г., связываютъ его съ походомъ на Подольскихъ Татаръ ¹⁾. Уже Дашкевичемъ было замѣчено и доказано, что Кіевъ зависѣлъ не отъ Подольскихъ, а отъ Заволжскихъ Татаръ, которымъ и впоследствии Кіевскіе князья—Ольгердовичи—платили тамгу ²⁾. Зачѣмъ же послѣ этого повторять то, что завѣдомо не имѣетъ за собой никакихъ данныхъ, но все—противъ себя? Ссылка на Густынскую лѣтопись ³⁾ также мало говоритъ въ пользу даты 1362—3 гг., ибо въ ней рѣчь идетъ не о завоеваніи Кіева,—на что тоже въ свое время настойчиво указывалъ Дашкевичъ ⁴⁾,—а о смѣщеніи Феодора, который до того времени могъ править, „какъ подручникъ вел. кн. Литовскаго“. И въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго. Напротивъ—въ пользу такого именно толкованія говоритъ традиционная политика литовскихъ князей, обыкновенно уважавшихъ старину и считавшихся съ вотчинными правами владѣльцевъ (если таковыя были въ данномъ случаѣ—у Феодора). Впрочемъ, извѣстіе Густынской компиляціи о смѣщеніи Феодора не такъ ужъ авторитетно, чтобы съ нимъ безусловно считаться. Вѣдь могло случиться, что авторъ ея,

¹⁾ Антоновичъ I, 52, 229, Грушевскій IV, 67.

²⁾ Литовско-русс. госуд. IX, 263; Замѣтки с. 60.

³⁾ Въ лѣто 6769. Въ Кіевѣ на княженіи Феодоръ. Въ лѣто 6870. Въ сіе лѣто Ольгердъ побѣди триехъ царковъ татарскихъ и зъ ордами ихъ, си есть Котлубаха, Качбел, Дмитра, и отголи отъ Подоли нагна власть татарскую. Сей Ольгердъ и инныя русскія державы во власть свою пріяте, и Кіевъ подъ Феодоромъ княземъ ваяте, и посѣди въ немъ Володымера сына своего, и нача надъ симъ владѣти, изъ же отны его дань данху (350).

⁴⁾ VIII с. 339—41; Замѣтки с. 53—55.

найти въ одномъ мѣстѣ извѣстie о княженіи Феодора, а въ другомъ—о посаженіи на Киевскомъ столѣ Владимира Ольгердовича ¹⁾, уже на собственный рискъ сдѣлать выводъ, что Ольгердъ „Кievъ подѣ Феодоремъ княземъ взять и посади въ немъ Володымера сына своего“. Но въ дѣйствительности могло быть такъ, что Феодоръ умеръ на княжескомъ столѣ, а послѣ его смерти Киевъ, въ качествѣ удѣла, получилъ отъ отца Владимиръ Ольгердовичъ — тѣмъ болѣе, что, если этотъ Феодоръ есть то самое лицо, которое намъ извѣстно по эпизоду 1331 г., то въ 60 гг. онъ былъ уже въ довольно преклонныхъ лѣтахъ.

ГЛАВА II.

Итакъ, первымъ удѣльнымъ княземъ Киевскимъ, послѣ Феодора, о жизни и дѣятельности котораго, кромѣ выше сказаннаго, мы ничего больше не знаемъ, — былъ *Владимиръ Ольгердовичъ*. Съ какого года, это, по всей вѣроятности, навсегда останется загадкой; во всякомъ случаѣ дата Густынской лѣтописи въ расчетъ не идетъ, такъ какъ фактъ посаженія Владимира Ольгердовича на Киевскомъ столѣ связанъ съ нею совершенно случайно, столь же случайно, какъ и въ Никоновскомъ изводѣ ²⁾. Есть, однако, указаніе, что это случилось не раньше 1367 года: въ этомъ году Владимиръ О. отъ имени своего отца заключалъ въ Ридзѣ рях *latrunculorum* съ Орденомъ, подписавшись на договорномъ актѣ *filius regis Lethoviae* ³⁾. Последний годъ правленія Вла-

¹⁾ См. напр., Ник. IV, 50: „Бѣ же Олгердъ даде сынови своему (Володымеру) славный и великий градъ Киевъ, а потомъ, по смерти Олгердове, отнявъ у него Киевъ, брата его Скиргайло“. Замѣтимъ, между прочимъ, что Густ. лѣт. въ этой части явно пользуется Никоновской (напр., извѣстie объ изгнаніи Іоанна Стародубскаго—Ник. IV, 5).

²⁾ Ник. IV, 50.

³⁾ Dogiel *Cd. dipl.* V, № 56, p. 78.

димира О. въ Киевѣ также не поддается точному опредѣленію: Густынская лѣт. датируетъ его 1392 ¹⁾, Стрыйковский—1394 ²⁾. Наиболѣе вѣроятной нужно считать дату Стрыйковского, ибо мы имѣемъ отъ 18. II. 1394 г. поручительную записку, выданную въ Долятичахъ Витовтомъ, Скиргайломъ, Владимиромъ и Феодоромъ Ратенскимъ за брата ихъ Андрея, въ которой Владимиръ титулуется еще *dux Kyuociensis*, а Скиргайло—*dux Litwaniac* ³⁾. Значитъ, смѣщеніе Владимира не могло произойти раньше 18. II. 1394 г. Съ другой стороны, въ инвентарѣ королевскаго двора, изданномъ Пѣкошевскимъ, есть указаніе на приготовленія къ осеннему походу на Киевъ, подѣ 1393 г. ⁴⁾ Слѣдовательно, изгнаніе Владимира О. изъ Киевскаго удѣла не приходится откладывать въ долгій ящикъ, а всего вѣроятнѣе, что оно произошло осенью 1394 г. ⁵⁾. Такимъ образомъ, принимая въ расчетъ начало и конецъ, на княженіе Владимира Ольгердовича въ Киевѣ въ общемъ приходится около 25 лѣтъ. Что же мы знаемъ о его дѣятельности за этотъ 25-лѣтній промежутокъ времени?—Всего нѣсколько отрывочныхъ фактовъ, изъ которыхъ никакой цѣльной картины создать нельзя.

Въ 1386 г., когда была объявлена унія Польши съ великимъ Литовскимъ, мы встрѣчаемъ Владимира О. въ Краковѣ по случаю коронаціи Ягайла. При этомъ онъ, вмѣстѣ съ другими литовско-русскими князьями, далъ свою записку на вѣрность Коронѣ и ея представителямъ. Эта записка сохранилась въ королевскомъ скарбѣ еще во времена Стрыйковского, у котораго и заимствуемъ настоящее извѣстie ⁶⁾. Дол-

¹⁾ I c. 352.

²⁾ Kronika II, 102—3.

³⁾ Codex epis. saeculi XV, t. I. r. № 23—Witoldi № 109.

⁴⁾ Item Sbrochoni pixidario dni regis, qum ad expeditionem versus Kyuocim ipsum dnum regem dixerit, ad mandatum dni regis pro balista I marc I gr. Item pro balisto Arnolde socio ipsius Sbrochonis ad predictam expeditionem ad mandatum dni regis I marc I gr.—Rachunki dworu króla Władysława Jagiełły i królowej Jadwigi p. 167—8. Kraków 1896 г. Wyd. Akad. Umiejętności. Еше раньше эти rationes были издааны Przeździeckim (Warszawa 1854) въ *Życie domowe Jadwigi i Jagiełły*, str. 35.

⁵⁾ Стадницкій *Bracia* c. 117—18, Wolff *Kniazowie* c. 337, Kochanowski *Witold*, w. ks. *Litews*, c. 98 и другіе принимаютъ 1395 г.

⁶⁾ Kronika II, 75. Ср. *Skarbiec* I № 536.

же быть, по объявлении унии, Владимиръ О. возвращался на некоторое время въ Киевъ. Но въ слѣдующемъ году онъ фигурируетъ снова при дворѣ, принимая участие въ торжественной встрѣчѣ Ягайла, — перваго изъ князей литовскихъ, надѣвшаго польскую корону. Воспользовавшись его присутствіемъ, Ягайло вторично беретъ у Владимира подписку на вѣрность унии ¹⁾. Тогда же въ Вильно состоялся сеймъ, на которомъ обсуждались мѣры къ распространенію въ Великомъ Княжествѣ католическаго вѣроисповѣданія ²⁾. Многие при этомъ крестились, но Владимиръ остался вѣренъ завѣтамъ своей матери—Маріи, княжны Витебской, — сохранилъ православіе. Но если Владимиру Ольгердовичу лично позволено было сохранить вѣру своего дѣтства, то, по всей вѣроятности, обязательства, волей—неволей принятая имъ въ моментъ унии и на сеймѣ Виленскомъ, вынуждали его оказывать некоторое покровительство и католикамъ: должно быть, именно съ этого момента водворяется въ Киевѣ Доминиканскій орденъ, устраиваетъ свой клинторъ, обзаводится недвижимостью и получаетъ отъ Владимира Ольгердовича привилей на сборъ покладнаго ³⁾. Въ 1388 г. — вѣроятно по случаю возстанія Витовта—Владимиръ О. въ третій разъ выдаетъ присяжную запись на вѣрность королю Владиславу, его супругѣ—кор. Ядвига съ дѣтьми ихъ и Короиѣ польской ⁴⁾. Векорѣ пришлось и на дѣлѣ показать эту вѣрность. Въ 1390 г. мы встрѣчаемъ Владимира Ольгердовича во главѣ Киевскаго ополченія оказывающимагъ ахиліумъ Ягайлу при осадѣ Гродна и другихъ городовъ, захваченныхъ Витовтомъ ⁵⁾. Это впоследствии и послужило м б. поводомъ къ его смѣщенію.

¹⁾ Статистикій Вгасіа с. 115. Авторъ пользуется рукописнымъ инвентаремъ Кромера.

²⁾ Gwagnin с. 78.

³⁾ Сохранился въ эксерпті—Описание Киево-Соф. собора, прилож. № 5. О подлинности этого пожалованія см. дальше, но связи его съ подтвердительной грамотой Олодъна В. отъ 1411 г.

⁴⁾ Supplementum № 211—Monum. med. aevi II, t. № 14.

⁵⁾ Dlugos. X, p. 125. Впоследствии, по словамъ Стрыйковскаго, Витовтъ изгнать на Владимира О. вѣдѣ именно за то, что тотъ мѣшалъ ему занять Великое Княжество и помогать Ягайлу взять у него Городно, Сурожъ, Берестое и Каменецъ-Подольскій.—Кроніка II, 102, ср. II, 88.

О фактахъ внутренней дѣятельности Владимира Ольгердовича мы имѣемъ еще меньше свѣдѣній, чѣмъ о фактахъ внѣшней. Въ этой категоріи, кромѣ грамоты Доминиканскому ордену, сохранившейся въ эксерпті, можно отмѣтить: а) грамоту предку овручскихъ земель Беховъ на владѣніе грунтами по теченію Уши, съ освобожденіемъ его отъ внешнихъ повинностей, кромѣ земской службы ¹⁾; в) грамоту потомку Тугортхана на разныя земли по правую и лѣвую сторону Дыбпра ²⁾ и, наконецъ, с) извѣстное участіе Влади-

¹⁾ А. Ю. З. Р. IV, 1, № 6.

²⁾ Грамота эта напана Руликоскимъ въ Opis'u powiatu Wasilkowskiego, Waszk. 1863 г. str. 33 (перепечатана въ книгѣ Похилевича: „Сказаніи о населенныхъ мѣстахъ Киев. губ.“ с. 190) „по польской копіи, наданной въ 1568 г. изъ канцеляріи коронной“. У Грушевскаго она возбуждала „нѣкоторыя сомнѣнія“, относительно своей подлинности, хотя онъ и не постарался объяснить, что именно въ этой грамотѣ возбуждаютъ сомнѣнія. (Очеркъ, с. 53). Дашкевичъ (VIII, с. 335; Записки с. 49, 52). Антоновичъ (I, с. 209), Владимірскаго-Вудановъ (населеніе I, с. 63—4) и др. пользуются упомянутой грамотой, какъ несомнѣннымъ документомъ. Подлинна ли она?—Начнемъ съ того, что Тугортханъ былъ тестемъ Киевскаго кн. Святополка Изяславича (Ипат. 157, Лавр. 240), а на его вучкѣ былъ женатъ сынъ Владимира Мономаха—Андрей (Ипат. 205). Значитъ, связи этого половецкаго рода съ Киевскими князьями были, и притомъ самыя близкія. Что же въ такомъ случаѣ мѣшало потомкамъ Тугортхана получить удѣлы въ Русской землѣ? По фамильному преданію князей Рожниовскихъ, сынъ Тугортхана—Карыманъ, принявъ крещеніе подъ именемъ Льва, дѣйствительно былъ надѣленъ Владимиромъ Мономахомъ обширными имѣніями, какъ въ Киевщинѣ, такъ и въ Сѣверщинѣ. Правда, Сосновскій отдѣлъ и Высогоръ, входившіе въ составъ помѣстныхъ владѣній Рожниовскихъ, не могли быть пожалованы имъ предку Владиміромъ Мономахомъ, такъ какъ не принадлежали послѣднему. Но намъ извѣстно, что сынъ Владимира Мономаха—Мстиславъ—владѣлъ Посемьемъ (М. Грушевскій т. II (изд. 2) с. 123, 134, 135), и ничто не мѣшаетъ допустить, что Сосновскій отдѣлъ былъ пожалованъ Карыману или его потомству уже при Мстиславѣ или даже въ первые годы правленія Ярополка. Наконецъ, имѣть особой нужды пожалованіе всѣхъ этихъ земель, въ полномъ составѣ, относить къ столь отдаленному времени. Для насъ достаточно будетъ самого факта, что еще въ до-Моногольскій періодъ предки Рожниовскихъ могли имѣть въ области ереднего Дыбпра свои удѣлы. Въ частности, это наиболее возможно въ отношеніи Поросы. Въ XII в. Поросье было преимущественно областью черныхъ клобуковъ: здѣсь находились ихъ города (Ипат. 279, 409) и кочевья (по Рутку-Ипат. 356). Весьма возможно, что Карыманъ, пользуясь родственными связями съ Киевскимъ княземъ,

міра О. въ церковныхъ дѣлахъ. Участіе это, между прочимъ, выразилось въ томъ, что онъ далъ у себя приютъ не признанному на Москвѣ митр. Кипріяну и освободилъ его отъ одного изъ соперниковъ, подвергнувъ такового заключенію, „въ немъ же пребысть и до смерти“¹⁾. Любопытна мотивировка этого поступка, которую излагаютъ лѣтописи въ уста Владимира Ольгердовича. Изъясняя Деонисия митрополита кн. Володимерь Ольгердовичъ Киевскій—читаемъ въ лѣтописномъ разсказѣ объ этомъ событіи,—рекъ ему сице: „почто пошелъ еси въ Царьградъ к патриарху ставитись въ митрополиты безъ нашего совѣта?“—и далъ: „се бо на Києве есть митр. Кипріянь, и той есть всея Руссии митрополитъ“²⁾. Очевидно, владѣя кафедральнымъ городомъ, Владиміръ О. претендовалъ и на выборы самого митрополита, не желая въ этомъ случаѣ пассивно подчиняться московской политикѣ.

Начиная съ 1390 г., надъ головой Владиміра Ольгердовича собираются тучи, которыя, постепенно сгущаясь, за-

будучи близки къ нему также и по вѣрѣ, получили отъ него во владѣніе Сивирскій удѣлъ на Поросль съ др. соседними землями. Возможно—и даже очень,—что тотъ самый Юрій Поросельскій, о которомъ идетъ рѣчь въ Галицко-волинской лѣтописи подъ 1289 г. (Ипат. 612), и былъ однимъ изъ потомковъ Тугортухана. Впоследствии, уже въ періодъ татарскаго владычества, потомки Тугортухана могли завладѣть и сѣверскими „отдѣлами“, если не владѣли ими раньше или если владѣли до того только землями въ предѣлахъ Переяславщины,—а Владиміръ О. своимъ привилеемъ сообщилъ санкцію этому владѣнію,—и это тѣмъ болѣе возможно, что въ удѣльный періодъ, при Ольгердовичахъ, Остерщина съ Посемьемъ принадлежала, несомнѣнно, къ составу Киевской земли. Съ другой стороны, время Владиміра О. было самымъ удобнымъ временемъ для заявленія претензій на столь обширныя пространства земли: нѣсколько позже эти претензій были бы уже слишкомъ велики и не вступали бы ихъ предъявителямъ никакой надежды на успѣхъ; следовательно, не могли быть и предъявлены. Наконецъ, впоследствии мы видимъ потомковъ Тугортухана владѣльцами многихъ имѣній, упомянутыхъ въ разсматриваемомъ привилее, а самое ихъ прованіе—Рожинское (отъ с. Рожны на Деснѣ) показываетъ, что они, дѣйствительно, имѣли владѣнія въ Остерщинѣ. Въ виду выше изложеннаго, грамоту Владиміра О. потомкамъ Тугортухана мы признаемъ подлинной и въ дальнѣйшемъ изложеніи будемъ пользоваться ея указаніями, какъ несомнѣннымъ историческимъ матеріаломъ.

¹⁾ Собр. лѣт. V, 239; VIII, 49; XI, 85 (=Ник. IV, 147—8).

²⁾ Ник. IV, 144; Собр. лѣт. XI, 85.

клинають отъ него Киевскій удѣлъ. Уже въ 1390 г.— по Стрыйковскому или въ 1391— по Длугошу, Ягайло, чтобы устранить Скиргайла отъ Вильна, назначилъ ему въ удѣлъ Киевское княжество¹⁾. Но одного назначенія было мало: нужно было взять силой Киевскій удѣлъ подъ Владиміромъ, а въ то время это не легко было выполнить влѣдствіе смуты, волновавшихъ Польско-литовское государство. Поэтому, въ 1392 году состоялся второй договоръ между Скиргайломъ и Ягайломъ— съ одной стороны и между этими двумя и Витовтомъ— съ другой, однимъ изъ условий котораго было обязательство, возложенное на Витовта и имъ принятое, iż sam Witold księstwa Kijowskiego dostawać miał nakładem swoim pod Włodimirzem, bratem Jagelowym i Skirgailowym... oddać go Skirgailowi i dziedzicom jego²⁾. Однако и на этотъ разъ дѣло не пришло къ развязкѣ, такъ какъ Скиргайло почувствовалъ себя обиженнымъ, влѣдствіе отдачи его въ подчиненіе вел. кн. Витовту. Началась кровопролитная война, поддерживаемая, съ другой стороны, Свигригайломъ въ союзѣ съ Пруссамъ, которая окончилась для Скиргайла присоединеніемъ къ его будущему Киевскому удѣлу Стародуба Сѣверскаго, Кременца Волинскаго и Старыхъ Трокъ съ ихъ волостями³⁾. Послѣ этого оставалось только добыть Киевъ подъ Владиміромъ. Изъ упомянутого уже нами инвентаря видно, что въ томъ же 1393 г., въ которомъ былъ заключенъ послѣдній договоръ, дѣйствительно, готовился походъ на Киевъ, именно осенью, но состоялся ли онъ осенью этого года, или, согласно съ литовско-русскими лѣтописями— весной слѣдующаго, во всякомъ случаѣ онъ не привелъ къ рѣшительнымъ результатамъ. „Тон же весны—читаемъ въ лѣтописи—кн. велики Витовтъ поиде, взя градъ Житомиръ и Вруччи, и приѣха къ нему Володемѣръ“, которому удалось на этотъ разъ предотвратить грозившую ему неприятность. Однако—не надолго.

¹⁾ Strykowski II, 91; Długos. X, p. 131. Длугошъ представляетъ дѣло даже такъ, будто Скиргайло уже и ad regendam Kiioviam transfertur, что было еще далеко не своевременно.

²⁾ Договоръ 6/xii 1392 г. въ Codex epis. Vitoldi № 98, p. 31, Scarbiec—№ 623. Długos. X, 136; Strykowski II, 95.

³⁾ Długos. X, p. 138; Strykowski II, 98 (подъ 1393 г.).

„Того же лѣта на осень кн. великий Витовтъ выведе его изъ Кіева и дасть ему Копыль“¹⁾. Но прежде чѣмъ получить Копыль, Владиміръ „бѣгалъ“ на Москву и только послѣ того, какъ убѣдился, что на поддержку Москвы надежда плохая, возвратился въ свое отечество и былъ надѣленъ здѣсь Копыломъ—замкомъ (какъ докладываетъ Стрыйковскій) съ великими (добавимъ: но пустыми) волостями, съ пущами, фольварками, дворами и озерами, начиная отъ Копыла и истоковъ Нѣмана, до м. Петриковичъ, на устьѣ Случи, — въ длину и ширину больше, чѣмъ на 30 миль“. По словамъ Никоновской лѣтописи, Владиміръ здѣсь и умеръ²⁾, но, какъ мы знаемъ изъ другого источника, тѣло его было перевезено въ Кіевъ и похоронено въ Печерской Лаврѣ. Въ 1446 г. сынъ Владиміра — Андрей, посѣтивъ Кіевъ, зашелъ „въ Печеру“ поклониться „отца своего гробу, кн. Владиміра Ольгердовича“³⁾, что и служить для насъ единственнымъ указаніемъ на мѣсто вѣчнаго успокоенія этого злополучнаго князя. Кайнофольскій, писавшій свою *Тератургиму* въ 1638 г., уже не упоминаетъ о существованіи надгробія Владиміра Ольгердовича и вообще не имѣетъ объ этомъ никакихъ свѣдѣній.

Первымъ дѣломъ Скиргайла, по завладѣніи Кіевомъ, было—подчинить себѣ и его пригороды: Черкасы и Звенигородъ, которые, очевидно, продолжали еще держаться, оставаясь вѣрны своему прежнему князю. Это было имъ съ успѣхомъ исполнено, и вотъ Скиргайло — полный хозяинъ въ Кіевской землѣ. Но о жизни и дѣятельности его на этомъ удѣлѣ—правда, непродолжительной—не сохранилось никакихъ свѣдѣній. Мы знаемъ только начало и конецъ его княженія. О началѣ сказано уже все, что можно было сказать, о концѣ же придется прибавить немного.

Въ литовско-русскихъ лѣтописяхъ о смерти Скиргайла читаемъ слѣдующее извѣстіе: „Восхотѣвшю кн. Скиргайлу ехати за Днепро въ ловы... Фома (намѣстникъ Софійскій) нача звати его на иирь на митрополици дворѣ. Князю же

¹⁾ Собр. лѣт. XVII, 80, 94, 168, 203, 277, 326, 388, 452, 515; Strzykowski II, 103.

²⁾ Ник. IV, 50.

³⁾ А. З. Р. I № 46.

Скиргайлу сушо у него на пиру... нецен глаголють, иже бы тотъ Фома далъ кн. Скиргайлу зеле травное пити; и съ того пиру кн. Скиргайло такъ поѣхалъ за Днепръ къ Милославицѣмъ и тамо разболелся (на) канонъ (канона) Крещенія (у четверкъ, и на Крещеніе) въ субботу в(ѣ)ха въ городъ во Кіевъ боленъ; болѣвъ 7 дней, преставился въ среду¹⁾. Обратимъ вниманіе на нѣкоторыя подробности этого сообщенія.

Прежде всего—своей ли смертью умеръ Скиргайло или насильственной? Проф. Антоновичъ предполагаетъ естественную смерть — „вѣроятно, отъ простуды“²⁾, но едва ли это было такъ: версія объ отравленіи Скиргайла мы находимъ во всѣхъ спискахъ литовско-русской лѣтописи, а также и въ польскихъ хроникахъ—Длугоша³⁾, Стрыйковского, Гвагнинна и др. Очевидно, народная молва открыто и настойчиво приписывала смерть Скиргайла дѣйствию отравы. Но какіе могли быть мотивы этого преступленія? Намъ кажется наиболѣе правдоподобнымъ въ данномъ случаѣ предположеніе проф. Голубинскаго, который допускаетъ, что Фома Наузовъ былъ сознательнымъ орудіемъ Владиміра Ольгердовича, который, несомнѣнно, долженъ былъ имѣть въ Кіевѣ своихъ слугъ и доброжелателей⁴⁾. Съ отравленіемъ Скиргайла митрополитскимъ намѣстникомъ можно поставить въ

¹⁾ Собр. лѣт. XVII, 80, 95, 169, 227, 327, 515 — дополняемъ одно извѣстіе другимъ.

²⁾ Монографія I, 234.

³⁾ Стрыйковскій (II, 103) почему-то приписалъ Длугошу версію о „забитіи“ Скиргайла и по этому случаю полемизируетъ съ нимъ, говоря, что лѣтописцы русскіе и литовскіе (Ваповскій, Кромель и Мѣховскій) *otrutnego być na ceci xdzadliwej od himiena Kijow. swiedz.* Но у Длугоша читаемъ: *Sito in poculo, quod praegustatum digito annulati, in quo virus locaverat, in vas immisso, infecerat, venenatus moritur* (X, p. 142).

NB. Маркевичъ въ Исторіи Малороссіи (I, 14-15), очевидно, не справившись съ Длугошемъ, принялъ приписываемую ему Стрыйковскимъ версію о забитіи Скиргайла и выдаетъ ее за дѣятельный фактъ.

⁴⁾ II, 337. Менѣе основательно, на нашъ взглядъ, мнѣніе тѣхъ ученыхъ, которые въ преждевременной смерти Скиргайла подозреваютъ интригу Витовта (*Барлабасъ Витовтъ и его политика до Грюнвальдской битвы*, с. 71; *Kochanowski Witold, w. ks. Litewski, str. 99*); на Кіевскомъ княженіи Скиргайло былъ уже безвреденъ для Витовта.

связь и посвященіе митр. Кириіаномъ Литвы, въ частности—Кіева въ 1396 г.: это посвященіе могло быть вызвано желаніемъ удовлетворить претензіи ближайшихъ родственниковъ Скиргайла—Ягайло и Витовта, которые въ послѣднее время находились въ мирѣ съ отравленнымъ братомъ. Если такъ, то версія Стрыйковскаго о томъ, будто Скиргайло былъ отравленъ Печерскимъ архимандритомъ, теряетъ свое значеніе. Впрочемъ, и безъ того она стоитъ не совсѣмъ твердо, вследствие своего совершеннаго одиночества.

Гдѣ былъ отравленъ Скиргайло? Согласно лѣтописямъ и Стрыйковскому, это событіе произошло на митрополичьемъ дворѣ; Другошъ утверждаетъ, что оно произошло in castro Wischegrod, prope Kiouiam. Примиряя то и другое, можно допустить, что митрополичій дворъ (дворецъ—фольваркъ) былъ въ Вышгородѣ, гдѣ и поднесенъ Скиргайлу отравленный бокалъ ab ipso religioso Rutenoium — Ѳомой Наушовымъ.

Наконецъ, послѣдній вопросъ: когда это случилось? Въ „Лѣтописцѣ вел. кн. Литовскихъ“ (онъ же и Супрасельскій епископъ¹⁾) стоитъ: „канонъ канона Крещенія“; поэтому проф. Смолька датируетъ смерть Скиргайла 10/1 1397 г.²⁾ Но въ епископѣ Уваровскомъ второе—канона—выскоблено³⁾, а въ спискахъ—Рачинскаго, Красицкаго и Археологическомъ читается: „на канонъ Крещенія у четверкъ⁴⁾“. Такъ какъ датировка „канонъ канона“ является не совсѣмъ обычной и такъ какъ, съ другой стороны, прописка въ повтореніи весьма естественна (а „Лѣтописецъ“ въ данномъ мѣстѣ въ особенности не исправленъ—есть и пропуски), то мы считаемъ болѣе правильнымъ датировать смерть Скиргайла 10/1 1396 г., что согласно и съ Густынской лѣтописью⁵⁾.

О личныхъ качествахъ Скиргайла мы имѣемъ два противоположныхъ отзыва, идущихъ изъ противоположныхъ

¹⁾ Собр. лѣт. XVII, 80.

²⁾ Najdawniejsze pomniki, въ Памятникахъ wydz. hist. fil. Ak. Um. VIII, 32. Съ этимъ согласенъ и проф. Грушевскій, Історія IV, с. 152 и 439.

³⁾ Собр. лѣт. XVII, 95.

⁴⁾ ibid. с. 327, 169, 227.

⁵⁾ с. 352.

лагерей. По словамъ Стрыйковскаго, это былъ человекъ, преданный праздности и пьянству, неустойчивый, języka i ręki do zwady grętkiej, жестокой и самоуправный¹⁾. Другошъ характеризуетъ его эпитетами: dudax, ferox natura, arte, ma ni lingua ad omnia promptus exravesendus omnibus, но тутъ же прибавляетъ: nisi illum affidua ebrietas ad vilitatem sui contemptum redegisset²⁾. Въ противоположность этому, наши лѣтописи отзываются о немъ, какъ о „добромъ и чюдномъ“ кн. Скиргайлѣ³⁾; да и сами его недоброжелатели, ослѣпленные клерикальными и національными предразсудками, подчасъ не могли не признать за нимъ и некоторыхъ положительныхъ качествъ. Тотъ же Стрыйковскій, напр., отзывъ котораго мы привели выше, называетъ Скиргайла въ другомъ мѣстѣ мужемъ великой смѣлости и пылкаго сердца, что, вмѣстѣ съ другими чертами его характера, доставило Скиргайлу zwyciężosć wszystkimъ Rusi⁴⁾. Въ чиселъ этихъ „другихъ“ качествъ нужно отмѣтить его независимость, какъ результатъ „смѣлости“ и „можности“ („имѣлъ скарби великіе“), также его преданность православному вѣрѣ, въ которой Скиргайло былъ воспитанъ изъ дѣтства, и русской національности, которую онъ усвоилъ съ молокомъ матери—Тверитянки⁵⁾.

...И понесомъ на главахъ его Священици, покше пѣсни отходные съ свѣщами изъ града Кіева ко святой Богородицѣ Печерской, и положенъ бысть чюдный и добрый кн. Скиргайло (нареченный во святомъ крещеніи Іоанъ) подлѣ гроба св. Ѳеодосія Печерскаго“.

По смерти Скиргайла, въ исторіи Кіевской земли въ теченіе 40 лѣтъ остается пробѣлъ, который можно заполнить только предположеніями. Согласно лѣтописямъ и хроникамъ, Витовтъ, услышавъ о смерти Скиргайла, поспѣшилъ послать въ Кіевъ своего намѣстника — *Ивана Ольгимунтовича Гол-*

¹⁾ Kronika II, 83.

²⁾ X, p. 120.

³⁾ Собр. лѣт. XVII, 81—515.

⁴⁾ Kronika II, 98.

⁵⁾ Собр. лѣт. II, 352; XVII, 81, 95, 169, 277, 327, 388, 458, 515; Strykowski II, 104.

манскаго, полагая тѣмъ конецъ удѣльному порядку¹⁾. Но подъ 1399 г. во всѣхъ упомянутыхъ источникахъ мы читаемъ, что въ сраженіи на Ворсклѣ былъ убитъ, между многими другими князьями, и *Иванъ Борисовичъ Кіевскій*²⁾. Съ другой стороны, около этого времени мы встрѣчаемъ уже Іоанна Ольгимунтовича на Прусской границѣ и безъ титула—Кіевскій; послѣднее извѣстіе о немъ относится къ 1401 г.³⁾ Какъ же примирить эти факты?—Первымъ примирителемъ въ этомъ дѣлѣ выступила Густынская лѣтопись, обозвавъ Ольгимунтовича Борисовичемъ: „посемъ Витовтъ посади на Кіевскомъ княженіи Іоанна Ольгимунтовича, или Борисовича“⁴⁾. Но, не говоря уже о томъ, что Иванъ Борисовичъ, по ея же словамъ, погибъ въ битвѣ на Ворсклѣ⁵⁾, между тѣмъ какъ по актовымъ даннымъ Іоаннъ Ольгимунтовичъ еще нѣсколько лѣтъ послѣ того продолжалъ здравствовать, эта версия не можетъ быть принята еще и потому, что православное имя его отца было не Борисъ, а *Михаилъ*⁶⁾. Немногимъ лучшей выходъ избралъ Wolff, предполагая, что imiona te przedstawione: Iwan Borisowicz, zamiastъ Borisъ Iwanowicz⁷⁾. Но самая худшая конъюнктура, несомнѣнно, предложена Яснскимъ, который утверждаетъ, что Іоаннъ Ольгимунтовичъ „не погибъ въ 1399 г. въ битвѣ на Ворсклѣ, но продолжалъ править Кіевомъ еще въ 1401 г.“⁸⁾.

¹⁾ Собр. лѣт. II, 352; IV, 104; V, 251; VIII, 73, XVII, 8, 97, 117, 174, 281, 330-391; Strykowski II, 116; Dlugos. X, 156.

²⁾ Strykowski II, 83; Dlugos. X, p. 61, 104, 120. По словамъ послѣдняго, Витовтъ даже опасался Скиргайла propter Ruthenorum assistentiam, qui illi propter ritum sui identitatem magnopere efficiebantur. Странно, что Голубинскій (Исторія Церквн II, 337) считаетъ Скиргайла католикомъ, ссылаясь на тотъ же текстъ, который мы приводимъ въ доказательство его православія (Dlugos. X, 104); очевидно, Корнута онъ призналъ за Скиргайла, хотя изъ реплики Краковскаго каноника по случаю смерти Скиргайла (X, 142-3) почтенный ученый могъ бы убѣдиться, что Скиргайло не былъ католикомъ.

³⁾ Wolff Князювѣ 95.

⁴⁾ с. 352.

⁵⁾ ibid.

⁶⁾ Въ Поминникѣ Кіево-Печерской Лавры читаемъ: „Князь Олгимонта, нареченнаго въ св. крещеніи Михаила“ (изд. Голубевымъ ит. VI кн. Чтеній въ историч. Общ. Нестора лѣтописца, с. 7).

⁷⁾ Князювѣ с. 95.

⁸⁾ Уставная грамота, с. 66.

Оставляя въ сторонѣ Іоанна Ольгимунтовича, съ которымъ могла произойти та же исторія, что и съ Иваномъ Борисовичемъ (какъ Густынская лѣтопись приняла Іоанна Ольгимунтовича за Ивана Борисовича, такъ другіе могли принять Ивана Борисовича за Ивана Ольгимунтовича),—кто же былъ этотъ Иванъ Борисовичъ Кіевскій, а судя по титулу—удѣльный князь? Рудиковскій¹⁾ предполагаетъ, что это былъ сынъ Бориса Михайловича Тверского, и это предположеніе, пожалуй, самое лучшее изъ числа тѣхъ, какія до сихъ поръ были высказаны; но оно стоитъ въ противорѣчій съ извѣстіями положительно всѣхъ лѣтописей и хроникъ о смерти Ивана Борисовича на Ворсклѣ, а Борисовичъ Тверской, какъ намъ извѣстно, продолжалъ править Кашинскимъ удѣломъ еще въ 1412 году²⁾.

Въ виду этого, мы должны оставить тверскихъ князей въ сторонѣ и искать кого-нибудь другого уже въ самой Литвѣ. Кого же мы находимъ здѣсь? Прежде всего и послѣ всего—Бориса Ольгердовича, у котораго могъ быть сынъ съ именемъ Ивана.

Объ этомъ Борисѣ мы имѣемъ всего три извѣстія. Первое—въ перечисленіи сыновей Ольгерда у Длугоса³⁾ (и др. хронистовъ, которые имъ пользовались, какъ Гвагиниъ, Кромеръ, М. Бѣльскій); второе—у него же: въ 1386 г. магистръ Ордена приглашался въ воспріемники Ягайла per Witandum, *Borisch et Swidrigalonem duces*⁴⁾. Наконецъ, третье извѣстіе о Борисѣ, *duxъ Lithuaniae*, сообщаетъ Гвѣздинскій анонимъ: по его словамъ, этотъ Борисъ, въ компаніи съ Скиргайломъ, въ 1385 г. отъ имени Ягайла просилъ у королевы Елизаветы руки ея дочери—Ядвиги⁵⁾. Упомянутый Бо-

¹⁾ Słownyk IV, 74. По мнѣнію Леонтовича (Очерки с. 185), это могъ быть одинъ изъ потомковъ русскихъ князей, сидѣвшихъ въ к.-л. кіевскомъ удѣлѣ до занятія Кіева Ольгердомъ. Но почему же онъ именуется *Кіевскимъ*?

²⁾ Экземплярскій Вѣстникъ и удѣльные князья II, 496.

³⁾ X, p. 61.

⁴⁾ X, p. 104.

⁵⁾ Sommesberg. Scrip. rerum Silesiacarum II, p. 134. Отсюда и пошла ошибка Стадницкаго, склоннаго отождествлять даннаго Бориса или съ княземъ на Суудалѣ—извѣстнымъ Ягайла, или съ Борисомъ Мих. Тверскимъ—тѣмъ братомъ Ягайла (Bracia str. 370—1, ср.

рисъ есть единственный владѣтельный князь, котораго находимъ въ это время въ Литвѣ, и который наиболѣе пригоденъ для нашей цѣли. Кто же изъ Ольгердовичей могъ носить это имя?

Какъ извѣстно, всѣ Ольгердовичи первоначально были крещены по греческому обряду, и большинство изъ нихъ осталось вѣрно православной Церкви до конца дней своихъ, сохранило, значитъ, и свои прежнія имена. Это Витгольтъ—Андрей, Димитрій—Корибутъ, Димитрій II Трубчевскій, Владиміръ, Константинъ, Скаргайло—Иванъ, Симонъ—Лингвентъ, Феодоръ Сангушко, пожалуй, даже и Мингайло—Миханъ¹⁾. Всѣ перечисленные выше Ольгердовичи называются православными именами или въ своихъ грамотахъ, или въ лѣтописяхъ и синодикахъ, поэтому относительно нихъ спора быть не можетъ. Нашему изслѣдованію т. о. подлежатъ только три Ольгердовича: Вигунтъ, Коригайло и Свигригайло, принявшіе католичество и утерьявшіе вѣдѣствіе этого свои православныя имена. Кто же изъ этихъ трехъ могъ называться Борисомъ? Прежде всего—это не былъ Свигригайло, названный у Длугоша рядомъ съ Борисомъ. Это могъ быть только или Вигунтъ, или Коригайло, если не искать кн. Бориса за предѣлами 12 извѣстныхъ намъ именъ Ольгердовичей.

Литовско-русскія лѣтописи, пересчитывая сыновей Ольгерда, на пятомъ или шестомъ мѣстѣ упоминаютъ Феодора, а на послѣднемъ—Василія. Отсюда Стадницкій вывелъ заключеніе, что Феодоръ—это Вигунтъ, а Василій—Коригайло, бо równie jak Wiganda, i tego kniazia, któren padł w obronie Wilna, nie mogła kronika oyczyta pominać²⁾. Кромѣ того, Стадницкому кажется, что такой именно распорядокъ въ

262). Во-первыхъ, миссія кн. Бориса заключала въ себѣ явные признаки измѣны православію, способствовать чему едва-ли согласился бы даже тверсше князь, не говоря уже о суздальскихъ; во-вторыхъ, она требовала представителей Литовскаго государства въ видѣ гарантіи за то, что ея положенія находятъ себѣ отавукъ, по крайней мѣрѣ, въ средѣ литовскихъ князей; посылать съ упомянутой миссіей чужеземныхъ князей, хотя бы и близкихъ родственниковъ правящей династіи, для литовскаго вранительства не было ни надобности, ни расчета.

¹⁾ См. Стадницкаго Bracia Władysława Jagielly.

²⁾ Op. cit. 250, стр. 242.

перечнѣ сыновей Ольгерда соответствуетъ ихъ родовому старшинству. Но послѣднее—гадательно, а пропуски въ лѣтописяхъ и хроникахъ—вещь обычная. Что же касается собственно Вигунта, то мы имѣемъ основаніе предполагать, что подъ именемъ Феодора скрывается не онъ, а Феодоръ Сангушко, какъ его прямо называетъ Стрыйковскій. Правда, версію Стрыйковскаго Стадницкій полениетъ тѣмъ, что хронистъ хотѣлъ utrzymać w swym zpisie Fedora Sanguszkę, nie przestępując przy tem liczbę dwunastu¹⁾; но нѣтъ никакой необходимости дѣлать такое предположеніе, ибо Феодоръ Ольгердовичъ, родоначальникъ Сангушковъ, дѣйствительно существовалъ, не будучи тождественъ ни съ Вигунтомъ, ни съ Коригайломъ, какъ то показывается, между прочимъ, его поручительная записка за брата Андрея отъ 1394 года (Вигунтъ умеръ въ 1392 г., Коригайло—въ 1390)²⁾. Какія же имена по христіанскимъ святцамъ носили въ такомъ случаѣ Вигунтъ и Коригайло?

Стрыйковскій завѣряетъ, что Вигунтъ ochrzestozon był w guska wiara pierwej i nazwan Wasylem³⁾, но откуда почерпнулъ хронистъ это извѣстіе, мы не знаемъ, и очень возможно, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ догадкой или его собственной, или его источника. Говоримъ „съ догадкой“ (а не съ подлиннымъ извѣстіемъ) потому, что крестное имя Василія носилъ другой князь—Владиміръ Ольгердовичъ: въ этомъ удостовѣряетъ насъ надпись на крестѣ, хранящемся въ сокровищницѣ Эчмиадзина⁴⁾. Если

¹⁾ Bracia, str. 375.

²⁾ Cod. epis. saeculi XV, t. I, 1, № 23—Witoldi, № 109; ср. Długos. X, 135; Strzykowski II, 93.

³⁾ Kronika II, 58.

⁴⁾ Съ этой надписью мы имѣли возможность познакомиться изъ письменнаго сообщенія Я. И. Смирнова, адресованнаго проф. Линиченю (отъ 4/ix 1910 г.), съ разрѣшенія обоихъ (за что большое спасибо). Упомянутая надпись на серебряныхъ обоймцахъ горно-хрустальнаго креста, пожертвованнаго Владиміромъ Ольгердовичемъ, по всей вѣроятности, Киево-Печерской лаврѣ и оттуда увезеннаго Татарами (въ 1481 году?). Нужно полагать (согласно съ проф. Смирновымъ), что этотъ крестъ былъ выкупленъ у Татаръ какимъ то армянскимъ семействомъ, которое пожертвовало его неизвѣстной намъ церкви 40 мучениковъ въ 1484 году (о чемъ извѣстна на оправѣ соответствующая замѣтка на армянскомъ языкѣ). Вотъ приблизительно

такъ, то христіанскія имена Вигунта и Коригайла намъ не извѣстны, и Борисомъ могъ быть, какъ тотъ, такъ и другой. Но, принимая во вниманіе нѣкоторыя обстоятельства, можно думать, что Борисомъ назывался именно Коригайло. Вспомнимъ трагическую смерть этого князя при защитѣ Вильно—смерть, въ которой не безосновательно винили Витовта. Эта смерть двоюроднаго брата могла лечь темнымъ пятномъ на репутацію Витовта и служить препятствіемъ къ болѣе тѣсному сближенію его съ Ягайломъ, такъ какъ Коригайло былъ вѣрнымъ слугою и союзникомъ послѣдняго. Между тѣмъ такое сближеніе къ концу XIV в. было настоятельно необходимо въ виду предстоявшаго рѣшительнаго столкновенія съ Татарами, и освободившейся за смертью Скиргайла Кіевскій удѣлъ былъ предоставленъ наслѣднику Коригайла—Іоанну Борисовичу. Любопытно, что въ 1396 г., т. е. въ годъ смерти Скиргайла, Витовтъ записалъ костелу св. Станислава (въ Вильно) на поминованіе Коригайла три села и десятину съ четвертаго¹⁾,—совпаденіе, достойное вниманія!

Что касается вопроса о томъ, занялъ ли Иванъ Борисовичъ Кіевскій удѣлъ немедленно послѣ смерти Скиргайла или только спустя годъ или полтора, этого, за отсутствіемъ данныхъ, мы установить не можемъ, хотя склонны думать, что—непосредственно.

Въ битвѣ на Ворсклѣ, какъ сказано выше, Ив. Борисовичъ Кіевскій погибъ. Кто же занялъ его мѣсто?—Пола-
воспропаденный текстъ интересующей насъ надписи (научное изданіе его будетъ сдѣлано самимъ авторомъ сообщенія).

ВЪ ЛѢТНОЕ ѿНОЕ
 ХКРЪ ТЪ НІЕЛОВЪРН
 ХЪНЬ Н ХОЛБІВЫМЪ
 КНАЗЕМЪ ВСАКН
 МЪ КИВЬСКИМЪ ВО
 ЛОДИМЪРЪ ОЛЕРДО
 ВМУС Н ѿНОМЪЗЪ ТЪМЪ
 КРЧЪ ВЪСНАСЕМЪ

¹⁾ Scarbiac I, № 658, str. 304-305.

гнемъ, что его сынъ *Іоаннъ-Владиміръ Іоанновичъ* упомянутый въ Новг.-Сѣверскомъ синодикѣ¹⁾. Почему-то все наши изслѣдователи, начиная съ Квашина-Самарина²⁾, склонны принимать князей, названныхъ въ упомянутомъ синодикѣ, за потомковъ Ольговичей, выходя, конечно, изъ предположенія, что въ Сѣверскихъ синодикахъ—мѣсто только для князей черниговской династіи. Намъ, однако, кажется, что это—заблужденіе, основанное на недоразумѣніи, и недоразумѣніе это тотчасъ же разсѣется, если мы—по аналогіи—припомнимъ, что въ Любецкомъ синодикѣ записаны не только имена неизвѣстныхъ намъ Кіевскихъ князей, но и хорошо извѣстнаго относительно своего происхожденія Скиргайла. Правда, выходя отсюда, Леонтовичъ сдѣлалъ предположеніе, что Скиргайло могъ имѣть нѣкоторое время удѣлъ въ Черниговщинѣ, рядомъ съ Корибутомъ³⁾, а Зотовъ на томъ же основаніи помѣтилъ въ число черниговскихъ князей и Михаила Евнутіевича⁴⁾; но такимъ методомъ можно зайти слишкомъ далеко—въ такія дебри, изъ которыхъ потомъ трудно будетъ выбраться. Поэтому мы предлагаемъ въ объясненіе отмѣченнаго факта нахожденія въ Сѣверскомъ синодикѣ именъ Кіевскихъ князей болѣе простую и, по нашему мнѣнію, наиболѣе близкую къ истинѣ конъюнктуру.

Намъ достовѣрно извѣстно, напр., что уже въ удѣльный періодъ все Посемье и вся Остерщина съ нижней Десной входили въ составъ Кіевской земли; въ началѣ XVI ст. сюда входила также и Любецкій повѣтъ, но входилъ ли онъ и раньше—трудно сказать. Допустимъ даже, что не входилъ. Мы имѣемъ во всякомъ случаѣ несомнѣнный фактъ, что значительная часть Старой Черниговщины, съ Путнелемъ, принадлежала Кіевскимъ князьямъ, хотя ни въ какой-либо связи ихъ съ черниговскими. Отсюда—нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что составители сѣверскихъ синодиковъ иногда заносили для памяти и имена Кіевскихъ кня-

¹⁾ Милорадовичъ Любечъ—родина преп. Антонія, с. 37, стр. 65.

²⁾ По поводу Любецкаго синодика с. 222—3. Это мнѣніе принято: Зотовымъ О Черниговскихъ князьяхъ с. 115—18; Дашкевичемъ VIII, 334, Замѣтки с. 48; Грушевскимъ Історія III, 173 (2-ое изд.) и другими.

³⁾ Очерки с. 398.

⁴⁾ О Черниговскихъ князьяхъ с. 147.

лей, такъ сказать, по связи ихъ съ черниговской территоріей, а поскольку рѣчь идетъ объ Ольгердовичахъ, то—и по родственной связи ихъ съ черниговскими князьями. Но, на нашъ взглядъ, нѣтъ надобности даже и въ такомъ предположеніи. Въдѣ въ Києво-Печерскій синодикъ занесены имена не только однихъ Киевскихъ, но и многихъ другихъ князей, какъ „здателей“ или „благотворителей“ обители, а иногда, м. б., и просто изъ чувства симпатіи къ нимъ. Выводить же отсюда, что все эти—Острожскіе, Корецкіе, Кобринскіе, Трубецкіе, Козловскіе etc. etc. имѣли какое-либо отношеніе къ Киевскому удѣлу, едва-ли кто рѣшится. Значитъ, мысль о томъ, что упомянутые въ Сѣверскихъ синодикахъ Киевскіе князья и даже Путивльскіе происходили изъ черниговской династіи—только на томъ основаніи, что они занесены въ этихъ синодикахъ, не имѣетъ подъ собою опоры. Это—во-первыхъ.

Во-вторыхъ, тѣ же ученые, слѣдуя за тѣмъ же Квашинымъ-Самаринымъ, почему-то склонны относить упомянутыхъ въ синодикахъ неизвѣстныхъ Киевскихъ князей къ переходному періоду между погромомъ Батыя и завоеваніями Ольгерда; такъ, Квашинъ-Самаринъ относитъ ихъ княженіе ко второй половинѣ XIII в. ¹⁾ Зотовъ—къ концу XIII или началу XIV в. ²⁾ Мы, однако, сомнѣваемся, чтобы вообще въ Киевѣ были тогда князья. Въ частности—что касается, напр., Андрея Вруцкого, то, если наше предположеніе относительно болѣе ранняго завоеванія (Литовцами) Овруча правильно,—а оно отъ вѣроятна,—то Андрей въ Овручѣ и тѣмъ болѣе—изъ черниговской династіи не могъ править ни въ самомъ концѣ XIII, ни въ началѣ XIV в.: для него уже не остается мѣста.

Въ силу высказанныхъ соображеній, мы считаемъ возможнымъ—во всякомъ случаѣ, не съ меньшимъ основаніемъ, чѣмъ наши предшественники—приурочить князей Новгородъ-Сѣверскаго синодика къ разсматриваемому періоду. Первый изъ нихъ—*Иоаннъ—Владиміръ Иоанновичъ*. Считаемъ его сыномъ Иоанна Борисовича и преемникомъ его на Киевскомъ столѣ. *Андрей Вруцкій* могъ быть сыномъ Иоанна-Владиміра и за-

¹⁾ По поводу Любецкаго синодика, с. 11.

²⁾ О Черниговскихъ князьяхъ по Любецкому синодику, с. 118.

нимать Овручъ еще при жизни своего отца ¹⁾. После же его смерти—нужно полагать, не слишкомъ удаленной отъ начала XIV в.,—Андрей занялъ Киевскую столъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и его предшественники, т. е. съ титуломъ удѣльнаго князя.

У этого Андрея было, между прочимъ, двѣ дочери: одна, по имени Васса, за Иваномъ В. Бѣльскимъ, другая, по имени Сошка,—за кор. Ягайломъ. Обыкновенно ихъ считаютъ княжнами Гольшанскими (отъ Иоанна О.) ²⁾. Но уже Стрыйковскій возставалъ противъ такой генеалогіи, рѣшительно утверждая, что королева Софія, а значитъ—и Васса Бѣльская—были дочери Андрея Ивановича *przedym Kijowskiego*, а на ten czas (1422 г.) *Druckiego księzcia*, внучки Витовта з *siostro* ³⁾. Въ доказательство этой мысли Стрыйковскій ссылается на десять русскихъ лѣтописцевъ, нѣскольکو литовскихъ, также на хроники Кромера, Длугоша, Ваповскаго, Мѣховскаго, Герборта etc. что, по нашему мнѣнію, должно имѣть первенствующее значеніе въ рѣшеніи вопроса о происхожденіи названныхъ князей ⁴⁾.

Судя по Сѣверскому синодику, у Андрея были также и сынъ—*Василій*, сидѣвшій въ Путивлѣ; онъ былъ убитъ Татарами. Изъ грамотъ, данныхъ Антоновичемъ и Козловскимъ, намъ извѣстенъ еще одинъ Василій, по отчеству Владиміровичъ. Изъ того, что онъ надаетъ разныя добра въ Киевскомъ Полѣсьѣ церкви св. Василія мурованого въ Овручѣ, можно заключить, что Василій В. имѣлъ своимъ удѣломъ

¹⁾ Сидѣлія—собственно, одна имена—объ этихъ князьяхъ черпаются изъ Новгородъ-Сѣверскаго синодика, по экспертизѣ изъ него м. Филарета. Перепечатана у Милородовича на с. 37, прим. 65: въ Сѣверскомъ—„князь Иоанна Володиміра Иоанновича Киевскаго и сестру его, кн. Елену, кн. Андрея Вруцкаго и сына его кн. Василія, убиенаго въ Путивлѣ“.

²⁾ Принять этотъ ходячій взглядъ и Wolff Kniazowie, 4.

³⁾ II, str. 160; ср. Густ. с. 354.

⁴⁾ Между прочимъ, Длугошъ называетъ Сошку *filiae Andrea, filii Iovnis Kijoviensis* (XI, p. 446). Баронъ Герберштейнъ въ Запискахъ о Московіи (переводъ Анонима с. 38), пользовавшійся, какъ извѣстно, русскими и польскими источниками и, кромѣ того, какъ человекъ, близкій ко двору Ягайлополь, имѣвшій возможность провѣрить ихъ показанія фамиліальными преданіями двора, называетъ Сошку „дочерью Киевскаго князя Андрея Ивановича“.

Польсье, правдоподобно, съ резиденціей въ Овручѣ¹⁾. Но происходилъ ли онъ отъ Владиміра—Іоанна Сѣверскаго синодика, или отъ Владиміра Ольгердовича, мы не беремъ рѣшать положительно, хотя скорѣе склонны думать, что отъ перваго: о Владимірѣ Ольгердовичѣ, какъ и объ его сыновьяхъ, мы все-же больше имѣемъ свѣдѣній, а родоводъ не даетъ ему сына съ именемъ Василія²⁾.

Долго ли правилъ Кіевскимъ удѣломъ Андрей Ивановичъ, не извѣстно въ точности; но такъ какъ есть основаніе предполагать, что въ 1408 г. въ Кіевѣ уже сидѣлъ Олелько Владиміровичъ, то нужно думать, что около этого времени Андрей перешелъ въ Друкъ.

О княженіи Олелька Владиміровича на Кіевскомъ удѣлѣ въ первой четверти XV в. мы имѣемъ два независимыхъ другъ отъ друга извѣстія: первое (отъ 1408 г.) принадлежитъ Стрыйковскому, второе почерпнуто изъ грамоты Олелька В. Кіевскому Доминиканскому кляштору. Стрыйковскій упоминаетъ объ Олелькѣ Владиміровичѣ совершенно случайно, излагая ходъ борьбы Витовта съ Свитригайлломъ: тогда Олелько держался стороны перваго—*wiodł swoje Kijaju*³⁾. Обыкновенно этому извѣстію не придаютъ никакого значенія, считая его вымышленнымъ, но почему оно вымышленно—того никто не беретъ объяснить надлежащимъ образомъ⁴⁾. Ме-

¹⁾ Грамоты Антоновича и Коаловскаго издали въ Кіев. Универ. изв. за 1868 г. Настоящая грамота стоитъ подъ № 37; она была вписана въ старожитное Евангеліе, принадлежавшее церкви св. Василія въ Овручѣ. Запись эту „оглядали“ въ 1551 г. Кіев. воевода Ф. Г. Пронскій и нашелъ ее „слушной“.

²⁾ Къ какому времени и къ какому предку приурочить упомянутыхъ въ выпискѣ м. Филарета изъ Кіевского синодика, послѣ Іоанна и Маріи—*Теремія, Андрея, Осодора и Іоанна* (Милорадовичъ, пр. 65, с. 37)—вопросъ темный. Но если Іоаннъ съ Маріей соответствуетъ одному изъ извѣстныхъ намъ уже Іоанновъ, то это могли быть его сыновья,—послѣдній м. б. тотъ самый „страстотерпецъ и чудотворецъ“ Путивльскій, о которомъ читаемъ въ Любецкомъ синодикѣ (по изд. Зотова с. 27—8, Милорадовича—§ 39, с. 37).

³⁾ II, str. 124.

⁴⁾ Напр., Wolff отдѣляется отъ этого извѣстія всего одной фразой—что оно не принадлежитъ къ числу *rewnych* (Князювѣ 327); точно такъ же отвѣся къ этому извѣстію и Стадницкій (Врасія, str. 123, nota 1).

жду тѣмъ въ нашемъ распоряженіи есть еще одинъ документъ, который поддерживаетъ довѣріе къ показанію Стрыйковскаго. Это—упомянутая уже нами грамота Доминиканскому монастырю¹⁾. Дата этой грамоты—1411 годъ; сама грамота, несомнѣнно, существовала, и дата ея должна быть признана внѣ всякихъ сомнѣній, не смотря на противоположныя утвержденія скептиковъ. Нужно полагать, такимъ образомъ, что Витовтъ, желая имѣть на своей сторонѣ, въ борьбѣ съ Свитригайлломъ, Олелька Владиміровича, сильнаго своимъ вліяніемъ на русское населеніе Литвы, возвратилъ ему отцовскій удѣлъ. Но, по всей вѣроятности, Олелько не оправдалъ разсчетовъ Витовта, вслѣдствіе чего и былъ смѣщенъ: въ 1422 г. трактатъ Литвы съ Орденомъ подписываетъ уже *dux Michael Iwanowicz, capitaneus Kiiowiensis*²⁾. Съ этого момента и до половины 1433 г. Михаилъ Ивановичъ Гольшанскій оставался безсмѣнно Кіевскимъ воеводой, сначала изъ руки Витовта, затѣмъ—Свитригайла, которому

¹⁾ См. Описание Кіево-Софійскаго собора м. Евгенія, приб. № 5, с. 17 (пересла отсюда въ Skarbiec II, № 957); также *Akta grodzkie i ziemskie z archiwum tak zwanego Bernardzdyńskiego we Lwowie*, t. X, № 40, str. 3. Въ обоихъ изданіяхъ стоитъ согласно одна и та же дата—1411, обозначенная въ первомъ даже не цифрой, а прописью. И для насъ совершенно непонятно, на какомъ основаніи Wolff, ссылаясь на тѣ же изданія, утверждаетъ, что эта дата *mylna* (Князювѣ 327—8). Есть, правда, ученые (напр., Малышевскій, „Доминиканецъ Яценъ Одролангъ“, с. 96 и сл.), вообще отвергавшіе подлинность этой грамоты—на томъ основаніи, что ее будто бы никто никогда не показывалъ и не видѣлъ раньше ея подтвержденія Сигизмундомъ III въ 1614 г. Но съ изданіемъ Актовъ Литовско-русскаго государства (Довнаръ-Запольскій, № 129) и послѣднее основаніе измѣняется скептикамъ, ибо въ этомъ изданіи помѣщенъ изъ оригинала Литовской Метрики взятый вырокъ кор. Сигизмунда Кіевскимъ мѣщанамъ отъ 1511 г., въ которомъ есть ссылка и на вышеупомянутую грамоту Олелька В. о покоедномъ (правда, безъ даты) и—что особенно важно—Кіевскіе мѣщане не возражаютъ противъ существованія такой грамоты, а самое содержаніе ея говоритъ не въ пользу притязаній Доминиканъ. Значитъ, она не была выдумана, въ противномъ случаѣ—и Кіевляне не признали бы ея существованія, да и Доминикане сообщали бы ей содержаніе, болѣе подходящее къ ихъ домогательствамъ.

²⁾ *Codex dipl. regni Poloniae et Mag. Ducis Lit.*, ed. M. Dogiel, t. IV, p. 115.

успѣть оказать нѣсколько весьма важныхъ услугъ ¹⁾. Судя по письмамъ Свигригайла къ магистру Лифляндскаго ордена ²⁾, еще въ юль 1433 г. Михаилъ Ивановичъ оставался на своемъ посту, какъ вѣрный слуга этого злополучнаго князя. Но уже въ сентябрѣ 1433 г. онъ былъ пойманъ подъ Ковномъ, какъ изменникъ, и, по приказанію Свигригайла, утопленъ въ Виліи подъ Витебскомъ ³⁾.

Замѣстителемъ Михаила Ивановича Гольшанскаго былъ Иванъ Владиміровичъ Ольгердовичъ, но, судя по титулу, съ какимъ упоминаютъ его источники, онъ правилъ Кіевомъ уже не въ качествѣ *capitaneus*'а, а удѣльнаго князя, подъ Свигригайломъ. Впрочемъ, правленіе его было кратковременно. Въ 1435 году, послѣ битвы подъ Вилькомиромъ, въ которой погибъ цѣлый русскій интеллигенціи, приверженцы Сигизмунда Кейстутевича „изымаша кн. Ивана Володиміровича *Кіевскаго*“ ⁴⁾, чѣмъ и окончилось его кратковременное княженіе на Кіевскомъ столѣ.

Но обратимся къ самому Свигригайлу.

Съ того момента, какъ Свигригайло былъ объявленъ вел. кн. Литовскимъ (1430 г.), Кіевъ, какъ составная часть Великаго Княжества, долженъ былъ признать его власть, и призналъ съ величайшей охотой. Даже и послѣ того, какъ прюссками польскихъ пановъ вел. кн. Литовскимъ былъ провозглашенъ Сигизмундъ Кейстутевичъ, „русскіе князі последиша Швигригайла на княженіи Кіевскомъ—прежде всего, ради важности самого столичнаго города, а затѣмъ уже—и на другихъ русскихъ земляхъ, подчиненныхъ Литвѣ“ ⁵⁾. Такимъ образомъ, Свигригайло никогда не былъ только

¹⁾ Собр. лѣт. XVII, 62, 103, 134, 180, 285, 336, 397, 462, 530—ведѣт: „кн. Михаилъ, воевода Кіевскій“. Неполнито, почему Археографъ Комиссія въ указателѣ именъ различаетъ Михаила, „князи Кіевскаго“, отъ Михаила—„Кіевскаго воеводы“.

²⁾ Wolff, *Kniaziowie*, str. 96.

³⁾ Собр. лѣт. XVII, 63, 462, 531; Стрыйковскій называетъ его Семеновъ Ивановичемъ (*Kronika II*, 190).

⁴⁾ Собр. лѣт. XVII, 64, 107, 136, 181—2, 337, 398, 532—ведѣт: „кн. Ив. В. *Кіевскаго*“. Въ спискѣ Красинскаго (*ibid.* 286) ошибочно показано, будто онъ былъ убитъ; въ Ольшевскомъ не менѣе ошибочно, им. Ив. Вл., стоятъ Михаилъ Львовича (*ibid.* 463).

⁵⁾ Густ. 354; ср. Собр. лѣт. XVII, 61, *Diugos*. XI, 539.

Кіевскимъ княземъ: при немъ судьбы Кіевской земли тѣсно связываются съ судьбами другихъ русскихъ земель въ Литовскомъ вел. княжествѣ, которыя также считали Свигригайла своимъ представителемъ. Но мы постараемся остановить вниманіе читателей преимущественно на тѣхъ моментахъ, которые имѣютъ ближайшее отношеніе къ нашей темѣ.

Наши извѣстія о Кіевской землѣ въ княженіе Свигригайла начинаются уже съ того времени, какъ на сцену выступаетъ въ качествѣ Литовскаго вел. князя его соперникъ—Сигизмундъ Кейстутевичъ. Кіевляне были дѣятельными помощниками Свигригайла въ его борьбѣ съ Сигизмундомъ. Мы видимъ ихъ вспомогательные отряды и въ неудачной схваткѣ подъ Осмяной, и въ удачной стычкѣ съ Петромъ Монтигирдовичемъ подъ Копачами, и въ рѣшительномъ сраженіи подъ Вилькомиромъ ¹⁾. Въ 1436 г., при помощи Кіевлянъ, тамошній воевода Юрша покоряетъ отложившійся было отъ Свигригайло Стародубъ ²⁾. Нѣсколько позже онъ фигурируетъ уже въ Луцкѣ—едва ли одинъ. Наконецъ, едва ли простая случайность и то, что въ числѣ убитыхъ Сигизмунда Кейстутевича оказался Кіевинъ Скобейко ³⁾.

Самъ Свигригайло, занятый борьбой преимущественно на сѣверѣ, гдѣ находились и его главные силы, не могъ, разумѣется, сколько-нибудь прочно устроиться въ Кіевѣ, но ему все-таки посвящать довольно вниманія. Такъ, около половины 1433 г. Свигригайло проведъ въ Кіевѣ, двукратно возвращаясь сюда послѣ кампаніи противъ Сигизмунда ⁴⁾. Тамъ же мы встрѣчаемъ его и въ декабрѣ слѣдующаго года, согласно индиктвой датѣ (12) одной изъ грамотъ Свигригайла, ошибочно помѣченной 1442 г. ⁵⁾. Въ началѣ 1436 г. въ Кіевъ была перенесена и главная квартира Свигригайла, доселѣ находившаяся послѣдовательно то въ Полоцкѣ (1432 г.), то въ Витебскѣ (1435 г.). Отсюда, изъ Кіе-

¹⁾ *Strykowski II*, 187, 189, 196; Собр. лѣт. XVII, 62, 64, 105, 107, 134, 180, 285—6, 336—7, 397—8, 462—3.

²⁾ *Hildenbrand Lekurk IX*, № 227.

³⁾ *Strykowski II*, 203; *Gwagnin* p. 97—98; Собр. лѣт. XVII, 534.

⁴⁾ Собр. лѣт. XVII, 63—64; *Strykowski II*, 188—96; *Diugos*, XI, 645, ср. *Арх. Собр. VII*, № 1 (datum „въ градѣ Житомирѣ“, 27 XII, 1433).

⁵⁾ *A. Ю. P. I*, № 21, *Arch. Inb.*—*Sang. I*, № 38.

ва, въ февралѣ 1436 г. Свигригайло заводитъ регулярные переговоры съ Орденомъ, которые тянутся въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Затѣмъ главная квартира Свигригайла переносится въ Луцкъ, но въ октябрѣ 1437 г. (по индикту — 1438) мы встрѣчаемъ этого князя снова въ Кіевѣ, откуда онъ выдаетъ Каленику Мишковичу привилей на разныя добра въ Овруцкомъ и Житомирскомъ повѣтахъ ¹⁾.

Въ общемъ, чувствуется, что Кіевъ игралъ не послѣднюю роль въ томъ движеніи, которымъ руководилъ Свигригайло. Не удивительно, поэтому, что враги его старались тѣмъ или инымъ способомъ захватить Кіевъ въ свои руки. Такъ, въ 1432 г. ²⁾ противники Свигригайла устроили смуту, которая привела городъ къ подчиненію Сигизмунду Кейстутевичу. Въ томъ же году Кіевъ посѣтилъ кор. Ягайло, вѣроятно, съ цѣлью утвердить его за своимъ кандидатомъ ³⁾; но лѣтомъ 1433 г. мы видимъ уже городъ въ рукахъ Свигригайла. Спустя 3 года, Сигизмундъ Кейстутевичъ снова сдѣлалъ попытку овладѣть Кіевомъ, воспользовавшись временнымъ отсутствіемъ Свигригайла, но вѣрныя своему князю Кіевляне, руководимые храбрымъ Юршей, съ помощью Татаръ, не только отбили всѣ приступы врага, но и совершенно разбили его, отнявъ въ добычу семь знаменъ, положивъ на мѣстѣ множество войска и плѣнивъ 135 изъ знатнѣйшихъ дворянъ, между коими находились многіе, нарушившіе вѣрность къ Свигригайлу; самъ полководецъ ихъ, тяжело раненный стрѣлою, бѣжалъ съ поля сраженія и укрылся въ лѣсахъ, потерявъ при этомъ еще многихъ изъ своихъ спутниковъ ⁴⁾.

¹⁾ А. Ю. Р. I, № 19, Arch. Lub.—Sang. I, № 35.

²⁾ Объ этомъ мы узнаемъ изъ донесенія Ганса Бальги, агента Крестоносцевъ, напавшаго Даниловичемъ (Skarbice II, № 1623, p. 140) и Гильдебрандомъ (Liv-Est-und Kurländisches Urtundenbuch VIII, № 855, p. 501). Въ первомъ изданіи этотъ документъ отнесенъ къ 1432, а во второмъ — къ 1434 г. Современные ученые обыкновенно принимаютъ дату 1434 (Lewicki Powstanie Swidrygiełły, str. 245 и 350, not. 15; М. Грушевскій, Історія IV, с. 186), но уже Стадницкій оспаривалъ ее, находя, что данный документъ болѣе соответствуетъ общему ходу событій 1432 г. (Bracia, str. 340, ср. 340, not. 112). Къ этому мнѣнію присоединяемся и мы.

³⁾ Густ. с. 354.

⁴⁾ Hildebrand Lekurkb, IX, № 227.

Таковы событія этого времени, въ связи съ судьбами Кіевской Земли. Каковъ же былъ самъ князь, руководившій ими? Если мы обратимся за справками къ лѣтописной традиціи, то найдемъ его личность въ самомъ непривлекательномъ освѣщеніи. Это человекъ надменный, непостоянный, легкомысленный и чревоугодливый, — такъ рекомендуетъ Свигригайла Гвагинъ въ своей Хроникѣ ¹⁾. Онъ былъ человекъ ни къ чему негодный, безпрестанно пьющій и преданный гнѣву, — такъ характеризуетъ его Стрыйковский ²⁾. Но особенно несимпатиченъ Свигригайло краковскому канонику Драгошу. По словамъ этого писателя, *dux Swidrigal... ebrietati et solaciis deditus, ingenii quidem liberalis, sed variabilis et vehementis, parumque sensati, atque dextri; nihil apud illum ratio aut gravitas valuit, omnia, ira vehemens et mutatio (erebra) animi, velut flatus quidam aurae gubernabat, ut semper crederis in illo varios et diversos perflare motus* ³⁾. „Свирѣль и неистовъ“ — таковъ общій выводъ Густынской лѣтописи, сдѣланный на основаніи польскихъ хроникъ ⁴⁾. Но дѣйствительно-ли таковъ былъ Свигригайло?

¹⁾ л. str. 90—91.

²⁾ II, 177—8.

³⁾ XI, 558. „Кн. Свигригайло — человекъ, преданный пьянству и праздности, весьма щедрый, но измѣчившій и непостоянный, какъ въ любви, такъ и въ дружбѣ; ни умъ, ни знатность для него не имѣли значенія; онъ всѣмъ управляетъ, движимый гнѣвомъ и чрезвычайной измѣчивостью характера, какъ бы дуновеніемъ нѣкотораго вѣтра, такъ что всегда въ немъ происходили различныя до противоположности движенія (души).“

⁴⁾ Густ. 356. Этотъ взглядъ господствуетъ и въ современной учебной литературѣ, въ особенности польской. Такъ, напр., Левницкій, написавшій специальное изслѣдованіе о Powstanie Swidrygiełły, характеризуетъ послѣдняго, какъ человека, *rozbawionego wszelkiej równowagi umysłowej, rządzącego się tylko namiętnością, tak, że naprawdę często posiadać by go można, że działał ze złości nieprzytomny, какъ человекъ, próżnego, samochwałę i pyszaka, niezdolnego organizatora, lichego wojownika, a walczącego chętnie najhaniebniejszymi oszczerstwami; наконецъ, какъ себязлюбца, у котораго ambicya osobista i nie tylko ambicya pokrywa się płaszczkiem zasad (str. 51). Однако, нѣсколькими строками выше авторъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что Свигригайло musiał mieć jakieś sympatyczne przymioty, że zdołał taką sympatyą u Rusinów i Litwinów, a nawet u wielu Polaków pozyskać (ibid). Вотъ отъ-то*

Прежде всего, не совсем понятно, почему столь низкий человек попал в жоаки русской партии, и почему он не был ею оставлен при первой же неудаче? Напротив даже, по свидетельству тех же источников, Свитригайло до конца своей многолетней жизни пользовался большой популярностью у русского населения. „Все к нему сходились и съезжались, говорить Стрыйковский, добродетельство, услуги, помощь, верность и дары ему оказывали“¹⁾. Магистр Лифляндский одно время даже опасался, что, если откажет в помощи Свитригайлу, то все Русские обратят против него свое оружие²⁾. И, действительно, по смерти Сигизмунда Кейстутевича, Свитригайло являлся одним из сильнейших кандидатов на великокняжеский стол, чего не скрывают и польские историки³⁾, а немецкий—Линденблатт—к этому прибавляет, что не только Русские, но и многие из Поляков желали охотно видеть его на великокняжеском престоле⁴⁾. Чем же объяснить все это? Польские историки нашли весьма простое объяснение, но, к сожалению, эта простота есть *sancta simplicitas*. Вот их объяснение, выраженное пером Длугоша и повторенное Стрыйковским: *Liberalitate maxima ad miscendo se ebrietatibus, multorum sibi animos mortalium conciliaverat, Ruthenorum singularius, in quorum ritum, licet esset Romano religionis Princeps, ferebatur inclinacior*⁵⁾. В этом объяснении центр тяжести перенесен не туда, куда бы нужно, через что и та крупица правды, которая в нем заключается, теряет свой *raison d'être*. Не то важно, что Свитригайло выпивал (хотя при той великоподвижности и неутомимости, какую он обнаружил в борьбе с своими

симпатичны черты автору и необходимо было, из интересах справедливости, указать, чего он не делает, — разумеется, из своих сил.

¹⁾ II, str. 178, op. Dlugos, XI, p. 558.

²⁾ Коцебу, с. III.

³⁾ Strujkowski, II, 206.

⁴⁾ У Коцебу op. с. 50.

⁵⁾ Dlugos XI, p. 558—9. „Величайшей щедротой и совѣстнымъ пьянствомъ онъ привлекъ къ себѣ сердца многихъ смертныхъ, въ особенности Русскихъ, къ верѣ которыхъ, хотя самъ и былъ католикъ, имѣлъ большую склонность“. Ср. Strujkowski II, str. 178 и 186.

врагами, и это подвержено величайшему сомнѣнію, тѣмъ болѣе, что иностранные союзники Свитригайла объ этомъ умалчиваютъ),—важно то, что Свитригайло поддерживалъ двѣ основныя идеи, изъ-за которыхъ въ то время проходила борьба: русскую религію и русскую національность. Къ тому же, въ его личности имѣлись нѣкоторыя черты, которыя могли привлекать къ Свитригайлу и преданныхъ друзей, и дѣятельныхъ помощниковъ.

Не знаемъ, чѣмъ объяснить сношенія Свитригайла съ папой по дѣлу о соединеніи церкви, сношенія, которыя дали папѣ поводъ назвать его своимъ возлюбленнымъ сыномъ¹⁾. Возможно, что Свитригайло, какъ человекъ, чуждый исключительности, искренно желалъ этого соединенія, хотя, можетъ быть, и не совсемъ ясно представлялъ себѣ тѣ конкретныя формы, въ которыхъ оно могло выразиться по свойственному уже въ тѣ времена проповѣдникамъ католической идеи—фанатизму. Во всякомъ случаѣ, Свитригайло оказывалъ католичеству полную терпимость: въ его время, по свидетельству летописи, былъ поставленъ въ Кіевѣ „первый костель и бискупъ“²⁾. Но, оказывая терпимость католичеству, Свитригайло въ то же время давалъ предпочтеніе православію, хотя самъ и числился католикомъ. Мы уже отмѣтили свидетельство объ этомъ Длугоша; здѣсь только прибавимъ, что тотъ же писатель въ другомъ мѣстѣ приписываетъ успѣхи Свитригайла тому, что за нимъ стояли люди *sectae Ruthenicae, quam maxime favente*³⁾. Нѣсколько, можетъ быть, усиливалъ мысль Длугоша, Стрыйковский говорить, что Свитригайло импонировалъ Русскимъ своей набожностью, не смотря на то, что былъ окрещенъ въ Краковѣ по обряду католическому⁴⁾.

Еще въ большей степени Свитригайло былъ проникнутъ русской національностью. Стрыйковский даже обвиняетъ его въ томъ, что онъ *wiecej zuzezyl* и уряды раздавалъ преимущественно Русскимъ, будто бы по вліянію жены своей Тве-

¹⁾ Послания Свитригайла у Raczyńskiego: Codex dipl. Lith. с. 365—6; отъѣзъ папы у Коцебу op. с. Прилож. с. 30—40.

²⁾ Густ. лѣт. с. 354.

³⁾ X, 140.

⁴⁾ Kronika II, 186.

ритянки. Въ извѣстныхъ границахъ это и вѣрно, хотя и здѣсь Свигригайло не знаетъ исключительности. Но что самое главное, это—то, что Свигригайло твердо стоялъ на стражѣ русской національной независимости, за которую онъ боролся до конца дней своихъ и даже передъ самой смертью совершилъ поступокъ, *ut solebat*, который сдѣлалъ его въ глазахъ Длугоша *sanae mentis inops, anima deterius agrotante, quam corpore*: онъ передалъ Луцкъ не королю, а Вел. Княжеству¹⁾.

Помимо этого, какъ мы сказали, Свигригайло въ самомъ характерѣ своемъ имѣлъ черты, которыя привлекали къ нему симпатіи общества. „Хотя Ляхъ бѣ вѣрою, но устроенъ къ брани—мужъ храбрый и крѣпокъ на ополчение“,—говорить о немъ сѣверно-русской изводъ²⁾. Дополняя эту характеристику свидѣтельствами иностранцевъ, можно приписать Свигригайлу прямоту, довѣрчивость, искренность, великодушіе и незлопамятливость³⁾. Эти его добрыя качества цѣнили не только Русскіе, но и иностранцы, лично знавшіе Свигригайла. Такъ, однажды императоръ Римскій выражалъ намѣреніе посѣтить Свигригайла, чтобы самолично возложить на него королевскую корону⁴⁾. При этомъ, разумѣется, были у Свигригайла свои слабыя стороны, наприм., чрезвычайная раздражительность, происходившая отъ излишней впечатлительности, которая иногда приводила его къ необузданнымъ поступкамъ. Такъ, онъ въ порывѣ гнѣва велѣлъ сечь поставленнаго имъ же митр. Герасима, по подозрѣнію въ измѣнѣ⁵⁾; въ другой разъ Свигригайло велѣлъ утопить Михаила Ив. Гольшанскаго въ Двинѣ, какъ свидѣтельствуютъ лѣтописцы—„безвинно“. Но при всѣхъ этихъ добрыхъ и худыхъ качествахъ, Свигригайло, очевидно, не имѣлъ талантовъ организатора и полководца, а потому и затѣянная имъ борьба въ концѣ-концовъ была проиграна.

¹⁾ Długos t. II, cap. XIII, p. 84.

²⁾ Собр. лѣт. XI, 207.

³⁾ Факты собраны въ книгѣ Коцебу: „Свигригайло, вел. князь Литовскій“.

⁴⁾ Коцебу op. c. 80.

⁵⁾ Собр. лѣт. XV: I, 61 и 63; IV, 28—8; VI, 28; Strykowski II, 190.

Еще въ сентябрѣ 1436 г. нѣкоторые киевскіе паны, во главѣ съ воеводой Юршей, поднесли документъ, по силѣ котораго Свигригайло *pro presenti possidet et cum Dei auxilium possidebit in futurum*¹⁾. Рѣчь шла о Киевской землѣ (*dominia Kijoviensia*). Послѣ этого мы имѣемъ грамоту самого Свигригайла, данную 17. X. г. въ Киевѣ²⁾, и другую, отъ 4. II. 1438 г., данную въ присутствіи Юрши, *воеводы Киевскаго*³⁾. Больше мы не имѣемъ ни одного извѣстія о принадлежности Киева Свигригайлу⁴⁾. Между тѣмъ мы знаемъ, что въ февралѣ 1441 г. въ Киевѣ сидѣлъ уже Оделько Владимировичъ, получивъ его изъ рукъ Литовскаго вел. кн. Казимира⁵⁾, очевидно, владѣвшаго Киевомъ по преемству отъ Сигизмунда Кейстутевича. Слѣдовательно, необходимо допустить, что въ періодъ времени между 1438 и 1440 гг. Киевъ былъ отобранъ у Свигригайла Сигизмундомъ Кейстутевичемъ, что согласуется, какъ съ прямымъ показаніемъ Стрыйковскаго⁶⁾, такъ и съ косвеннымъ—самого Сигизмунда Кейстутевича, въ его реляціи магистру Ордена⁷⁾.

По смерти Сигизмунда Кейстутевича и съ восшествіемъ на великокняжескій престолъ Казимира, Киевская земля была выдѣлена въ особое удѣльное княжество, предоставленное въ распоряженіе ея отчина—Оделька Владимировича⁸⁾.

¹⁾ Codex epis. saeculi XV, t. I, № 92.

²⁾ А. Ю. Р. I, № 19—Arch. Lub.—Sang. I, № 35.

³⁾ А. З. Р. I, № 36.

⁴⁾ Если не считать фальшивыхъ датъ въ А. Ю. Р. I, № 21 и Arch. Собр. VII, № 3.

⁵⁾ А. Н. I, № 259; Собр. лѣт. XVII, 542-3; Strykowski II, 212; Długos. XII, 751.

⁶⁾ II, str. 202.

⁷⁾ Długos. XII, 709.

⁸⁾ Есть извѣстіе, что по смерти Сигизмунда Кейстутевича его сыны—Михайлуша—захватили изъ Врнненска Киевъ, откуда, впрочемъ, скоро были выгнаны Яномъ Гаштольдомъ (Собр. лѣт. XVII, 542; Strykowski II, 212). Извѣстіе это возбуждаетъ нѣкоторое сомнѣніе не только относительно своей даты, но и относительно самаго событія. Когда подобный фактъ могъ имѣть мѣсто?—Проф. Любавскій (Сеймъ с. 106-7) полагаетъ, что занятіе Киева Михайлушей случилось вскорѣ послѣ смерти Сигизмунда Кейстутевича; проф. Грушевскій (IV, 457) единственно возможной датой считаетъ конецъ 40 гг.; къ тому же выводу

Послѣ своего, едва ли особенно продолжительнаго, княженія на Киевскомъ столѣ, въ началѣ XV в., Олелько В., должно быть, за сочувствіе къ посаженному въ заключеніе Свигригайлу, былъ лишенъ удѣла и нѣкоторое время пребывалъ въ совершенной неизвѣстности. Только въ 1417 году онъ снова является на сцену, по случаю своей женитьбы на внучкѣ Витовта, дочери Московскаго вел. князя Василия Дмитриевича. Можетъ быть, это обстоятельство и послужило поводомъ для примиренія Олелька съ Витовтомъ, потому что въ послѣдующее время мы уже встрѣчаемъ его при исполненіи отъѣздныхъ порученій, по довѣренности послѣдняго. Впрочемъ, это не мѣшало Олельку, на всякій случай, изъ предосторожности, препроводить своего первенца ко двору московскаго вел. князя, который назначилъ ему на содержаніе с. Мордышъ¹⁾. По смерти Витовта, Олелько В. считался въ числѣ кандидатовъ на великокняжескій столъ²⁾, хотя Свигригайло, какъ старѣйшій лѣтвнн и род-

пришелъ и Копытнянскій въ специальномъ изслѣдованіи о *Książę Michał's Zygmuntowicz's* (Kwartalnik 1906 г. т. XX, str. 152). Какая же дата наиболее правдоподобна? — Въ началѣ 40 гг. Михайлауша не могъ занять Киева, во-первыхъ, потому, что смерть отца застала его совершенно неподготовленнымъ для активныхъ операций, а во-вторыхъ, потому, что въ это время его не было въ Бранскѣ и вообще за Днѣпромъ: маршрутъ извѣстна, слѣд. не подходитъ къ дѣйствительности. Если не начало, то — значитъ — конецъ 40 гг. Здѣсь мы имѣемъ моментъ, повидимому, наиболее подходящий для данного случая: это — 1448-9 гг., когда Михайлауша, съ помощію Татаръ, велъ настоятельную кампанію противъ Казимира и на первыхъ порахъ — не безъ успѣха. Между прочимъ, имъ были завоеваны: Стародубъ, Новгородъ Сѣверскій, Бранскъ и Путивль. (Hildebrand op. с. X, p. 491, nota 2; Skarbice II, №№ 1583-4; Dlugos XIII, 48-9). Въ числѣ завоеванныхъ городовъ мы не встрѣчаемъ Киева, и трудно допустить, чтобы Михайлауша оны дѣйствительно достался. Вспомнимъ только, что въ это время въ Киевѣ сидѣлъ уже Олелько В., нагнаніе котораго изъ удѣла едва ли могло пройти незамѣченнымъ. Въ виду этого, мы полагаемъ, что извѣстіе литовско-русской лѣтописи (повторенное Стрыйковскимъ) о захватѣ Киева Михайлаушей не соответствуетъ дѣйствительности. На самомъ дѣлѣ захваченъ былъ не Киевъ, а только Путивльскій поветъ Киевской земли, что, повидимому, имело въ заблужденіе автора лѣтописи: о захватѣ Путивля онъ ничего не говоритъ.

¹⁾ Акты И. I, № 55. Факты изъ біографіи Олелька В., цитаты которыхъ не показаны, заимствуемъ у Вольфа — *Kniaziowie* str. 327-8.

²⁾ Strzykowski II, str. 177.

ствомъ, оказался сильнѣе. Въ борьбѣ Свигригайла съ Сигизмундомъ Кейстутевичемъ Олелько все время стоялъ на сторонѣ перваго; но вскорѣ послѣ Вилькомирской битвы, не извѣстно за что, Олелько былъ схваченъ по приказанію Сигизмунда и заточенъ въ Керновъ, а его жена и дѣти — въ Утяну, гдѣ и пребывали въ заключеніи до смерти своего гонителя¹⁾. Послѣ насильственной смерти Сигизмунда Кейстутевича, Олелько вторично фигурируетъ въ качествѣ кандидата на великокняжескій престолъ²⁾, но, когда избранъ былъ въ великіе князья Казимиръ Ягеллоновичъ, получаетъ въ удовлетвореніе своей отчинной удѣль — Киевъ, согласно личной просьбѣ и ходатайству пановъ рады литовской³⁾. Вѣроятно, вскорѣ послѣ того Олелько получаетъ отъ Казимира въ придачу къ Киеву Остеръ, который передъ тѣмъ находился въ держаніи князя Митька Сѣкиры⁴⁾.

О пятнадцати-лѣтней дѣятельности Олелька Вл. на Киевскомъ удѣлѣ мы имѣемъ мало свѣдѣній. Въ лѣтописяхъ — совсѣмъ ничего, незначительное же количество актовъ, дошедшихъ до нашего времени, какъ въ подлинникахъ, такъ и въ экскерптахъ⁵⁾, характеризуетъ его, какъ колонизатора, который привлекаетъ въ свой удѣлъ для заселенія неизмѣримыхъ пустошей не только русскіе, но и инородческіе элементы: Заушье и Остерщина наиболее выиграли отъ этой дѣятельности. Не менѣе важными представляются и заботы

¹⁾ Собр. лѣт. XVII, 533, Strzykowski II, 202.

²⁾ Strzykowski II, 206.

³⁾ Собр. лѣт. XVII, 542-3, Strzykowski II, 112. По словамъ Длугоса (XII, p. 751), Казимира по дорогѣ въ Вильно (въ Дубно) встрѣчалъ уже *Oliesko Dux Kiiowiensis*, но это мало вѣроятно: Олелько получилъ свой удѣлъ изъ рукъ самого Казимира.

⁴⁾ Докум. Ю. I № 1, с. 56, § 19. Ср. А. З. Р. I, № 77.

⁵⁾ А. Ю. З. Р. IV, I, № 5 — Докум. Гр. XI, № 1 (освобожденіе Ларивоша Велавскаго отъ податей и Чернибыльской недѣли, съ причисленіемъ его къ боярамъ), А. З. Р. I, № 158, ср. Arch. Lub-Saug. I, № 112 (наданіе Феодору Глинскому Боброваго, Голубьева и Радивонова въ разныхъ пов.), А. З. Р. I, № 77 (раздача разныхъ добръ въ Остершинѣ, между прочимъ, и Татарамъ), Докум. Гр. XI, № 2 (жалов. боярамъ Григорьевичамъ на Тоганче и Товаронъ; сравн. Акты Леонтовича I, № 98), Архивъ Пѣкосинскаго (жалов. Олекну Сахноичу на разныхъ добръ въ старой Переяславщинѣ и въ Киевскомъ пов.) Акты И. I, № 259 (жалов. м. Исидору).

Олелька В. о благѣ Церкви, въ то же время чуждыя и религиозной исключительности. Такъ, грамотой на имя Киевскаго митрополита отъ 5/II 1441 г. онъ подтверждаетъ неприкосновенность митрополичьей отчины со всеми ея угодьями и доходами и освобождаетъ церковныхъ людей отъ подсудности княжескимъ чиновникамъ. Въ то же время Олелько не препятствуетъ и Доминиканамъ собирать покладное, на что имъ же было выдано привилей еще въ 1411 году. Стоя на стражѣ русскихъ церковныхъ интересовъ, Олелько В. не допустилъ утвердиться въ его удѣлѣ уни, когда убѣдился, что она грозитъ православной церкви раздѣленіемъ и вообще смутами. Именно—когда убѣдился: какъ человекъ основательный, Олелько не хотѣлъ въ столь важномъ дѣлѣ поступать зря. Онъ сначала пишетъ запросъ къ Константинопольскому патриарху: „на которомъ дѣлѣ составилось единчество наше съ латиною?“¹⁾ Получивши соответствующую справку отъ патриарха и выслушавши затѣмъ доводы съ противной стороны (отъ м. Ионы), онъ, сообразно съ тѣмъ, и устанавливаетъ свои отношенія къ униатамъ. Въ 1451 г., навѣрное, не безъ его посредничества, Казимиръ вручаетъ м. Ionѣ южную половину митрополии, и Олелько своею подписью скрѣпляетъ эту передачу²⁾.

Эта дѣятельность Олелька Владиміровича, многія проявленія которой намъ совсѣмъ не извѣстны, равно какъ и симпатичная (нужно полагать) личность самого князя, снискали ему глубокую признательность Киевлянъ и уваженіе современниковъ даже за предѣлами Литовскаго государства. *Mađry, dzielny i na wszystkimъ sprawnu rap*—отзывается о немъ Стрыйковскій³⁾ „Тебе, своего господина, вѣдаю и о всемъ знаю, и отъ многихъ про тебе, великого человека, слышу—пишетъ къ Олельку митр. Iона,—яко-же еси и предней православный христіанинъ и церкви Божіей сынъ и поборатель по Божіей церкви и по законѣ и заступникъ всему православному христіанству, и тоя державы Литовскія земли

¹⁾ См. книгу Попова Истор.-литер. обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ Латинянъ (М. 1875 г.), глава III, с. 332-4. Подробности дальше.

²⁾ Акты II, I, № 42.

³⁾ Kronika II, 248.

всѣмъ христіаномъ тутошнимъ и похвала, и положеніе... ты еси начальникъ всему доброму⁴⁾. Разумѣется, эта характеристика нѣсколько односторонняя, но все же она рисуетъ передъ нами личность, выдающуюся изъ ряда вонъ по своимъ нравственнымъ качествамъ. А если мы прибавимъ еще, что одно время Литовцы выставляли даже кандидатуру Олелька на великокняжеской столѣ, то эта характеристика пополнится и другими чертами, которыя составляютъ украшеніе правителей. Въ концѣ концовъ приходится пожалѣть, что объ этой выдающейся личности мы знаемъ очень и очень немного.

Подъ конецъ своей жизни (какъ гласитъ эпитафія) „богобоязненный кн. Александръ Владиміровичъ, панъ, монархъ, наследникъ земли Киевской, смотря съ высокой башни на множество людей, когда увидѣлъ, что бьется народъ съ народомъ, королевство съ королевствомъ, сходятъ со сцены цезари, падаютъ тираны—бросаетъ княжество, презираетъ власть, отпускаетъ слугъ, самъ въ куколѣ дѣлается слугою Бога и, съ честью послуживши Ему во святомъ Печерскомъ монастырѣ, переплылъ бурное житейское море и въ цѣлости достигнулъ родной пристани“⁵⁾.

Умеръ Олелько Владиміровичъ, по лѣтописи, въ 1454 году, по Стрыйковскому—въ 1455⁶⁾, правильнѣе, въ самомъ концѣ 1455 г., ибо отъ 1/II 1455 г. (инд. 3) мы имѣемъ его аутентичную грамоту⁴⁾, а надгробіе гласитъ, что онъ „съ честью послужилъ“ Богу въ Печерскомъ монастырѣ. Должно быть, выше указанная грамота и была послѣднимъ проявленіемъ княжеской власти Олелька Владиміровича, поканчившаго свои счеты съ грѣховнымъ міромъ⁵⁾.

Олелько Владиміровичъ оставилъ послѣ себя двухъ сыновей: Семена и Михаила. Похоронивъ отца, сыновья отпра-

⁴⁾ Акты II, I, № 47.

⁵⁾ Матеріалы по исторіи и географіи Киева, Отд. II, с. 31—32; Описание Киево-Печерской Лавры, Приб. № 35; Максимовичъ II, 229.

⁶⁾ Kronika II, 248, Собр. лѣт. XVII, 549.

⁴⁾ Архивъ Пѣкосинскаго.

⁵⁾ Максимовичъ склоненъ принимать дату надгробія, скопированнаго Кальнофойскимъ, именно 6992=1484 годъ. Но почтенный монахъ, очевидно, ошибся, ибо, принявъ его дату, мы должны приписать Олельку болѣе 100 лѣтъ жизни, что трудно допустить.

вились въ Вильно хлопотать о раздѣлѣ своей дѣдины, но кор. Казимиръ воспротивился этому, а паны-рада не нашли нужнымъ поддержать просьбу Олельковичей, и имъ было отказано въ удовлетвореніи. „Король не далъ — говорить лѣтописецъ — въ раздѣлѣ между ними Кіева, но далъ Кіевъ отъ себя держать (до живота) кн. Семену, а кн. Михайло съѣлъ на отчинѣ своей, на Копылу“. Причина тому — „бо дѣдъ ихъ князь Володымиръ бѣгалъ на Москву, и тѣмъ пробѣгалъ отчину свою Кіевъ¹⁾. Причина эта, разумѣется, „неслушна“, ибо она же не помѣшала Олельку Вл. владѣть своей отчиной на правахъ удѣльнаго князя. Это есть не болѣе, какъ отговорка, знаменующая собой поворотъ литовской политики въ сторону большей централизаціи и измѣненіе настроенія литовскихъ пановъ-рады (въ числѣ которыхъ добрая половина была Русскихъ) въ сторону ихъ собственныхъ, узкошляхетскихъ интересовъ. Какъ бы то ни было, Семень оказался Кіевскимъ княземъ.

Семень Олельковичъ родился въ 1420 году и былъ крещенъ тогда же въ Слуцѣ митр. Фотіемъ²⁾. Дѣтство свое онъ провелъ при дворѣ бабки — Софьи Витовтовны, жены Московскаго вел. кн. Василія Дмитріевича, а первые годы юности — въ Утенскомъ заключеніи. Женился Семень Олельковичъ на дочери извѣстнаго вельможи, правителя въ малолѣтство Казимира — Ивана Гаштольда и, будучи уже на Кіевскомъ удѣлѣ, дважды выставлялся литовскими панами кандидатомъ на великокняжескій столъ³⁾. Правилъ Кіевомъ около 15 лѣтъ.

Таковы внѣшніе факты изъ біографіи Семена Олельковича. Во внутренней дѣятельности онъ слѣдовалъ во всемъ по пути, предначертанному его отцомъ и дѣдомъ⁴⁾: старалъ-

¹⁾ Собр. лѣт. XVII, 549; Strykowski II, 248.

²⁾ Собр. лѣт. XVII, 59.

³⁾ Strykowski II, 250-1, 259; Dlugos. t. II, lib. XIII, p. 191 и 265: *Novum Ducem magnum creare adorsi studebant animos popularium ad se traducere et Senconem Oleschkovič, Ducem Kiioviae, cui Gastavdus filiam desponderat, in Ducem Lithuaniae constituere.*

⁴⁾ Мы имѣемъ нѣсколько аутентичныхъ грамотъ Семена и нѣсколько экзептовъ изъ нихъ въ позднѣйшихъ документахъ, которыя могутъ служить матеріаломъ для характеристика дѣятельности этого князя. Грам. Антоновича № 9 (Жалов. I. Шашку на разныя мѣстна въ

ся по возможности колонизовать свой удѣлъ, не пренебрегая и инородческими элементами, оберегалъ внѣшнюю безопасность Кіевской земли¹⁾, лично предводительствуя войскомъ и стараясь, по возможности, подготовить надежные кадры для военной службы. Впрочемъ, эта сторона его дѣятельности имѣла и свои невыгодныя слѣдствія, оправдываемыя только настоятельной необходимостью: для усиленія оборонительныхъ средствъ потребовались новые расходы, которые увеличили бремя податного обложенія мѣстнаго населенія²⁾, вызывая тѣмъ его неудовольствіе³⁾.

Семень Олельковичъ оказалъ также вниманіе и къ нуждамъ православной Церкви. Подъ конецъ своей жизни, онъ возобновилъ, по долгомъ запустѣніи, Успенскую церковь въ Печерскомъ монастырѣ, „украшивъ ю красотою, якоже бѣ мощно, такожде и внутрь иконнымъ писаніемъ“, хотя все-таки и послѣ этого „украшенія“ Успенская церковь не представляла, по словамъ лѣтописца, того великолѣпія, какое имѣла до Татарскаго погрома. Семень снабдилъ ее также золотыми и серебрянными сосудами и, чтобы обезпечить постоянными доходами самую обитель, ставшую для него какъ бы патрониміальною, „привилею на сію святую

Подолія); Słownyk Geogr. III, 127 (Жалов. Осипору на мѣстна въ Виницѣ); Докум. Грушевскаго XI, № 3 (Жал. Морозову на с. Жердену); *ibid.*, № 4 (кн. Юрію Борисовичу на с. Сбрановѣ); А. З. Р. I, № 77 (указаніе на раздачу земель въ Остерницѣ — и Татарамъ); А. З. Р. I, № 158, ср. Arch. Lub.-Sang. I, № 112 (Жалов. Феодору Глинскому на с. Неукраше въ Кіев. и Жукни въ Остер. пов.); Акты Леонтовича I, № 37 (Жалов. Демиду на с. Чашница и землю Тернъ въ Путыл. пов.); *ibid.*, № 51 (Жалов. „Тышкы якомуся“ на землю въ Кіев. пов.); *ibid.*, № 282 (Жалов. п. Жигмонту на мѣстна въ Кіев. пов.); *ibid.*, № 356 (Жалов. Кичирю на селище Брилево въ Житомир. пов.); описаніе Кіево-Печерской Лавры, Прилож. № 1, с. 167—74 (Жалов. монастырск.).

¹⁾ Собр. лѣт. IV, с. 236; Dlugos. XIII, 462.

²⁾ Это же обстоятельство вызвало и повышеніе таможенныхъ ставокъ. Въ 1448 году, напр., московскій посолъ Еропникъ жаловался литовскому правительству, что „какъ княгиня Настасья въ черниці постриглася, и шн. Настасья да кн. Семень прибавили (мыта): кто си перевозеть въ суднѣ черезъ Нѣпръ, съ того имали другое тридцатое въ Кіевѣ и Вышегородское; (а кто перевозеть льдомъ Нѣпръ, ино съ того другого тридцатого не имали)“. — Сборн. Истор. XXXV, с. 9.

³⁾ А. Ю. З. Р. VII, II, № 1.

обитель, еже отъ древнихъ князей быша наданья, отдаде въ рущь архимандриту, ихъ же его прародители по плѣннии Батіевскомъ обрѣтоша¹⁾.

¹⁾ Густ. 358. Это и есть т. н. грамота Андрея Боголюбского—Китая, данная будто бы имъ Киево-Печерск. монастырю. Напечатана она въ „Описаніи“ этого монастыря, сдѣланномъ м. Еггеніемъ, — въ первомъ изд. на с. 1 — 12. Прилож. № 1, во второмъ — на с. 167—74, также у Максимовича II, 174—6, часть въ А. Ю. З. Р. т. I, т. I, № 1. Авторы „Описанія“ признаютъ ее „сомнительной“ по некоторымъ анахронизмамъ и несообразностямъ съ исторіей обстоятельствъ (с. 50). Такихъ анахронизмовъ и несообразностей можно указать не мало. Во-первыхъ, Андрей Боголюбскій не могъ давать распоряженія о подчиненіи Сѣверскихъ монастырей (Чернигов., Новгород. и Преображенск.) Печерской Лаврѣ, такъ какъ Сѣверщина ни изъ Києва, ни изъ Суздаля тогда не тинула; во-вторыхъ, по лѣтописи, Юрій Долгорукій погребенъ не у гроба преп. Феодосія, какъ въ грамотѣ, а въ церкви Спаса на Берестовѣ (Ипат. 336, Лавр. 330); въ-третьихъ, при Андр. Боголюбск. быть Конст. патріар. не Сильвестръ, а Лука Хрисовертъ, который и писалъ къ нему вразумительныя посланія; въ-четвертыхъ, въ этой грамотѣ называются пуниме бопре и счетъ ведется польскою монетою (гроши польскіе), что также несовершенно... Итакъ, грамота эта, несомнѣнно, Андр. Боголюбскому не принадлежитъ и въ этомъ смыслѣ подложна. Но мы, въ дальнѣйшемъ изложеніи будемъ пользоваться ею, какъ подлиннымъ документомъ — для разсматриваемаго періода, датируя ее тѣмъ самымъ годомъ, подъ которымъ находимъ первое упоминаніе объ этомъ „привилей“ въ лѣтописи. И это на слѣдующихъ основаніяхъ.

Едва-ли кто станетъ утверждать, что происхождение этой грамоты находится позъ рамкою разсматриваемаго періода изъ древность, потому что противъ этого говорятъ выше упомянутые факты, изъ болѣе новое время, — потому что тогда у монастырей отнимали имѣнія, а не жаловали, да и географическая номенклатура этой грамоты не соответствуетъ позднѣйшимъ даннымъ о колонизаціи. Вопросъ, такимъ образомъ, долженъ вращаться въ предѣлахъ даннаго періода. Къ какому же моменту отнести происхождение этой грамоты? Оно не должно выходить за предѣлы удѣльнаго времени, какъ то будетъ видно изъ исторіи повѣтовъ: при воеводскомъ управленіи большая половина населенныхъ мѣстъ, названныхъ въ грамотѣ, совершенно запустѣла; оно, слѣдовательно, ограничивается временемъ правленія Ольгердовичей (мѣстеческій Станиславъ изъ счета не идетъ, а Федоръ самъ терпѣлъ нужду въ матеріальныхъ средствахъ). Кто же изъ Ольгердовичей могъ выдать эту грамоту? Хотя лѣтописецъ и говоритъ, что упомянутую грамоту „прародители его (Семена) по плѣннии Батіевскомъ обрѣтоша“, но очевидно, что эти „прародители“ дальше дѣда не идутъ. Итакъ, кто же изъ этихъ трехъ Ольгердовичей далъ или — точнее — санкционировалъ эту подложную грамоту? Утверждаемъ, что самъ Семенъ О.

Семенъ Олельковичъ умеръ 3/хл 1470 г. и погребенъ въ Киево-Печерской Лаврѣ, которую незадолго передъ тѣмъ обновилъ и украсил¹⁾. Но еще предчувствуя свою смерть, онъ озаботился послать къ королю Казимиру пословъ, поручая его попеченію свое княжество, жену и дѣтей, причемъ, въ видѣ подарка и для напоминанія о своихъ подвигахъ, препроводилъ королю бѣлаго коня и лукъ, quibus cum Tartaris, praелиis secundis bellare solitus erat. Но эта трогательная преданность волѣ сюзерена не достигла своей цѣли. Lituanii — говорить современникъ тѣхъ событій — ut Ducatus ipse, iuxta et caeteri Ruthenici, in formam redigeretur provinciae, summe ex optantes, pervicerunt Casimirum Regem, ut Kiioviensibus, Martinum Gastavdi in capitaneum praeficeret²⁾. Киевляне, однако, не сразу подчинились этому рѣшенію. Они не приняли Гаштольда, „яко не токмо не князь бѣ, но болѣе, яко Ляхъ бѣ“, по замѣчанію лѣтописи³⁾. Велѣдъ за этимъ Киевляне выслали къ королю посольство съ просьбой назначить имъ княземъ Миханла Олельковича, который въ то время состоялъ королевскимъ намѣстникомъ въ Новгородѣ. „Иначе — говорили они — мы намѣрены погибнуть всѣ до одного, а другого князя не хотимъ и, прежде чѣмъ погибнуть отъ Литовцевъ, предоставляемъ въ его распоряженіе свои животы“. Но, вмѣсто удовлетворенія этой просьбы, Казимиръ вторично послалъ къ нимъ Гаштольда.

Во-первыхъ, какъ видно изъ выше изложеннаго, онъ питалъ особенное уваженіе къ Печерской Лаврѣ; во-вторыхъ, моментъ былъ какъ разъ для того подходящій — возобновленіе главной церкви этой обители; въ-третьихъ, это первое упоминаніе о существованіи разсматриваемой грамоты и, въ-четвертыхъ, — что самое главное — въ этой грамотѣ упоминается сельце *Кичери*, подъ Ловковомъ, Житомир. пов., а самъ *Кичерь*, какъ узнаемъ изъ грамоты вел. кн. Александра, служилъ бопркузъ службу при Семѣ Олельковичѣ (Акты Леонтовича I, № 356).

¹⁾ Собр. лѣт. II, 358, XVII, 549; Strykowski II, 272 (1471 г.); Dlugos. lib. II, cap. XIII, 462; Максимовичъ II, 220, Синопсисъ (изд. Спасскаго) 139-140; Матеріалы, Отд. II, с. 28-29.

²⁾ Dlugos. XIII, 462: „Литовцы, союзивши съ (прочими) Русскими, сильно желая, чтобы само княжество было обращено въ провинцію, переубѣдили короля Казимира, чтобы послать Киевлянамъ М. Гаштольда въ качествѣ намѣстника“. Ср. Strykowski II, 272.

³⁾ Густ. с. 358.

Киевляне снова прогнали непрощенного намѣстника и снова обратились къ королю съ просьбой, на этотъ разъ уже болѣе умѣренной: не настаивая исключительно на посылкѣ къ нимъ Михаила, они соглашались уже принять и кого-нибудь изъ князей греческой вѣры, наконецъ, одного изъ сыновей короля, но не простыхъ Литвиновъ, „такъ какъ—замѣчаетъ Длугошъ—они не желали подчиняться тѣмъ, которые нѣкогда платили имъ дань“. Но терпѣніе литовскаго правительства уже истощилось: оно вручило Гаштольду достаточное количество войска, съ которымъ этотъ вельможа и завоевалъ свое будущее воеводство.

И оттолкъ на Киевѣ князя престапа быти, а вмѣсто князей воеводы настана¹⁾.

Этимъ былъ нанесенъ сильный ударъ не только самому Киеву, но и вообще русскому національному движенію въ Литвѣ, потерявшему отнынѣ свой связующій центръ. Тѣмъ не менѣе, оно не скоро еще уложилось въ отведенныя для него рамки: началась реакція, которая показала себя въ разсматриваемый періодъ двумя великими революціоннаго подъема: заговоромъ Михаила Семеновича и возстаніемъ Михаила Глинскаго. Къ нимъ мы и переходимъ.

Въ моментъ смерти Семена Олельковича, его братъ—Михаилъ—состоялъ намѣстникомъ Казимира въ Великомъ Новгородѣ, по приглашенію партіи Боретскихъ. Получивъ извѣстіе о случившемся, онъ оставилъ Новгородъ и отправился въ Киевъ, но опоздалъ: городъ и вся область уже находились въ рукахъ Гаштольда. При такомъ положеніи дѣлъ, ему ничего не оставалось, какъ возвратиться въ свой наслѣдственный Комшльскій удѣлъ и поджидать болѣе удобнаго времени. А такого времени ожидать пришлось недолго, ибо и тогда уже въ Литвѣ существовало неудовольствіе безхарактерной политикой Казимира, допустившаго Поляковъ къ захвату нѣкоторыхъ частей Великаго Княжества. Недовольные сошлись и устроили заговоръ. Во главѣ этого заговора стояли: Михаилъ Олельковичъ, Феодоръ Ивановичъ Бѣльскій (внукъ Владимира О.) и кн. Иванъ Ю. Гольшанскій. О цѣли заговора наши источники говорятъ различно;

¹⁾ Густ. 358. Ср. Długos. XIII, 462.

но правдоподобіе всего, какъ это допускаетъ проф. Антоновичъ, что „заговорщики имѣли въ виду овладѣть особою Казимира, заставить его отказаться отъ великокняжескаго стола и возвести на его мѣсто Михаила Олельковича“¹⁾. Это предположеніе поддерживается, между прочимъ, письмомъ одного изъ внуковъ казеннаго Бѣльскаго, въ которомъ онъ называетъ Великое Княжество „нашей отчизной“ по линіи первой жены Ольгерда²⁾, а также и показаніемъ современника тѣхъ событій — Крапца (Вандаля), который, впрочемъ, утверждаетъ, что заговорщики имѣли въ виду для достиженія указанной цѣли убить захваченнаго въ плѣнъ Казимира со всемъ семействомъ³⁾. Кажется, на основаніи того же К. Вандаля, что заговорщики рассчитывали также и на поддержку Москвы.

Векорѣ представился и подходящий случай для цѣлей заговора. Въ 1481 году кн. Феодоръ Бѣльскій праздновалъ свою свадьбу (съ Анной С. Кобринской). Предполагалось пригласить на эту свадьбу Казимира и здѣсь обойтись съ нимъ, согласно задуманному плану. Казимиръ былъ приглашенъ и, навѣрное, не избѣжалъ бы приготовленной ему участи, но за нѣсколько дней до свадьбы заговоръ былъ открытъ. Узнавъ объ этомъ, Феодоръ Бѣльскій убѣжалъ ночью на Москву, оставивъ въ распоряженіи литовскаго правительства даже свою новобрачную жену, а два другихъ вожака „сраднымъ обычаемъ“ были пойманы „на Киевѣ“—и повелѣвъ король Польскій и Литовскій Казимиръ стяги князя Михаила Олельковича, а кн. Ивана Юрьевича, вина ихъ Богоу единому сѣдоушу“⁴⁾. Судь, очевидно, происходить въ большой тайнѣ, такъ что для современниковъ, можетъ быть, и

¹⁾ Моногр. I, 240.

²⁾ „Ино наша была отчизна Вел. Княжество Литовское, занъ же прапрадѣдъ нашъ князь Володимиръ великого князя сынъ Ольгердонъ, и какъ кн. великій Ольгердъ поимать другую жену Тверианку, и тое для другой своей жены прадѣда нашего оставилъ, а далъ тотъ столецъ, Вел. Княжество Литовское, другой своей жены дѣтемъ, сыну Ягайлу“... Древн. Рос. Виблютека, т. XV, № 6, I, с. 25 — 26; Skarbiec II, № 2373. (отъ 2 VII, 1567 г.).

³⁾ Выдержку изъ Крапца „Вандаля“ см. у Грушевскаго IV, 230; то же у Stadnickiego Bracia 194, пр. 6.

⁴⁾ Kiev. дѣт., изд. Оболенскимъ, с. 138.

дѣйствительно оставалось загадкой, за что послѣдовала на осужденных такая кара; даже въ секретныхъ архивахъ до сихъ поръ не найдено никакихъ протоколовъ по этому дѣлу. Отсюда—едва ли справедливо утверждение Антоновича, что „въ Кіевѣ, на лобномъ мѣстѣ, передъ воротами кіевскаго литовскаго замка, Кіевляне увидѣли обезглавленный трупъ одного изъ представителей излюбленнаго ими княжескаго рода“¹⁾ Если бы эта казнь, какъ и самый судъ, дѣйствительно, были столь явными, то мы имѣли бы въ своемъ распоряженіи по данному вопросу болѣе обильный актовъ или лѣтописный матеріалъ, чѣмъ тотъ, какой мы имѣемъ сейчасъ; наличный же матеріалъ весьма скуденъ²⁾.

Заговорщики были казнены, согласно точной датѣ Кіевской лѣтописи, 30 VIII, 1481 г.³⁾

Гораздо болѣе шуму надѣлало другое возстаніе, вспыхнувшее въ первые годы правленія Сигизмунда Старого, по инициативѣ Михаила Л. Глинскаго. Такъ какъ оно имѣло отношеніе и къ Кіевской землѣ, то мы изложимъ его здѣсь хотя въ самыхъ краткихъ чертахъ, остававливаясь преимущественно на томъ, что болѣе всего касается нашей задачи.

Прежде всего нѣсколько словъ о самомъ героѣ.

Михаилъ Львовичъ Глинскій былъ потомкомъ татарскаго выходца Лексы, принявшаго въ Кіевѣ крещеніе и получившаго отъ Витовта разныя имѣнія; по имени важнѣйшаго изъ нихъ прозванъ Глинскимъ⁴⁾. Для своего времени

¹⁾ Моногр. I, 241.

²⁾ Собр. лѣт. IV, 237; VI, 191 и 233; VII, 35; VIII и XII, 214; XVII, 549—50; Кіевская с. 138; упомянутое сообщеніе Краина Вандаля; рукопись, наданная Нарбуттомъ въ X прил. (с. 44—5) къ сочиненію: Dzieje narodu Litewskiego, t. VIII. Изъ писемъ Вѣльскаго и Мстиславскаго къ Кіевск. воеводѣ Гр. Ходкевичу узнаемъ, между прочимъ, что въ „сраждѣ“ Михаилу Омельковичу играть какую-то роль предокъ Ходкевичей. См. Древн. Рос. Визлію. т. XV, № VI, 2 и 4, с. 30 и 41.

³⁾ По Нарбутту, это было в *Listopadzie* 1482 г.; Антоновичъ (I, 241) удерживаетъ годъ рукописи Нарбутта, а мѣсяць заимствуетъ изъ Кіевской лѣт. Но онъ ошибается: мы не имѣемъ права предпочитать неопредѣленное показаніе Нарбуттовой рукописи точному обозначенію Кіевской лѣтописи: „в лѣто 6989 мѣд. 14, VIII 30, при воеводѣ Валенскомъ и Судимонтовичу, а Троцкомъ и Мартину Крестольтовичу“.

⁴⁾ Глинскіе имѣли въ Кіевщинѣ значительныя владѣнія, почти во всѣхъ повѣтахъ. Нѣкоторые члены этой фамиліи занимали здѣсь

Михаилъ Львовичъ былъ человекомъ выдающихся качествъ. Воспитаніе онъ получилъ за границей, при дворахъ иностранныхъ владѣтелей; нѣкоторое время служилъ въ войскахъ цезаря Максимилиана; принималъ участіе въ походѣ Альберта Саксонскаго во Фризію; былъ въ Испаніи и Италіи, упражнялся въ военномъ искусствѣ въ Валахіи, — „и между всеми королями и князьями иностранными хорошо былъ извѣстенъ и весьма почитаемъ“¹⁾. Все, безъ исключенія, современники, не скрывая своего нерасположенія къ его дѣйствіямъ, дають, однако же, о Глинскомъ самыя лестныя отзывы „Это былъ мужъ,—говоритъ, напр., о немъ Стрыйковскій—великой смѣлости, чрезвычайно дѣльный, сообразительный и на все способный“²⁾. „Онъ былъ крѣпкаго тѣлосложенія,—отчасти дополняетъ, отчасти подтверждаетъ эту характеристику бар. Герберштейнъ,—изворотливаго ума, умѣлъ дать хорошей совѣтъ, былъ равно способенъ къ хорошимъ дѣламъ и къ шуткамъ, и во всякое время былъ, какъ говорится, пріятный человекъ“³⁾. Неудивительно послѣ этого, что Глинскій, появившись подъ конецъ XV в. при дворѣ Литовскаго вел. князя Александра, снискалъ себѣ большое расположеніе не только самого государя, но и многихъ пановъ, въ особенности Русскихъ (ибо хотя онъ самъ былъ и римскаго исповѣданія, но обнаруживалъ расположеніе къ русскому закону). Повышеніе Михаила Львовича при дворѣ вошло быстрыми шагами: въ 1498 г. онъ былъ всего намѣстникомъ Утенскимъ; въ 1500 г. получилъ уже маршалство дворное, въ 1501 г.—намѣстничество Мерецкое, а ко всему этому въ придачу обширныя латифундіи, такъ что современники не безъ основанія говорили, что Михаилъ Глинскій держитъ (съ родомъ своимъ) „поль литовскаго панства“⁴⁾. Разумѣется,

также видныя должности старосты и воеводы. Изъ нихъ Иванъ Львовичъ былъ воеводой Кіевскимъ, Григорій Борисовичъ — старостой Овручскимъ, Василій Дашковичъ—старостой Черкасскимъ, Богданъ Феодоровичъ—старостой Путивльскимъ.

¹⁾ Strzykowski II, 343.

²⁾ Ibid. 342, 322.

³⁾ Переводъ Анонима, с. 164. Почти то же повторяетъ и Горскій: „M. G. Ruthenic seu Graece fidei, homo audax animo, ingenio sagax, corpore etiam robustus, ac ad pericula subeunda promptus.—Acta Tomiciana I, 15.

⁴⁾ Strzykowski с. 322.

туть же нашлись у него и зложелатели, изъ которыхъ въ особенности выдѣлялся представитель литовской родовой знати, п. Заберезинскій. Уже въ 1503 г. Михаилъ Львовичъ судился съ нимъ по поводу разныхъ инсинуацій; но главное столкновение было еще впереди.

Въ 1506 г. кор. Александръ, умирая, имѣлъ удовольствіе видѣть своего любимца увѣнчаннаго лаврами побѣды надъ Татарами (подъ Клецкомъ); но этотъ успѣхъ былъ послѣднимъ, хотя и яркимъ блескомъ славы Михаила Львовича. Съ вокняженіемъ Сигизмунда I, Глинскій, по навѣтамъ литовскихъ пановъ, и прежде всего—Заберезинскаго, лишается всѣхъ своихъ урядовъ, за исключеніемъ Утенскаго намѣстничества. Его открыто обвиняють въ измѣнѣ; по званію Заберезинскаго на судъ короля и судъ чести, онъ не получаетъ удовлетворенія. Напрасно обращается къ дипломатическому посредничеству Менгли-Гирея и Владислава Угорскаго—король не слушаетъ ихъ представленій. Истощивъ, наконецъ, всѣ легальныя средства къ восстановленію своей чести и прежняго вліянія при дворѣ, Глинскій удаляется въ свои Туровскія помѣстья, посылаетъ предварительно по адресу Польскаго короля и Литовскаго великаго князя предостереженіе, что онъ рѣшится на такой поступокъ, который заставитъ когда-нибудь раскаяться ихъ обонхъ¹⁾.

Изъ Турова Михаилъ Львовичъ отъ себя лично и отъ лица многихъ князей и бояръ греческаго закона послалъ къ вел. кн. Московскому посольство, которое сказывало, „что нишѣ на нихъ нужда пришла велика о греческомъ законѣ: нудятъ ихъ приступить къ римскому закону“. „И били намъ челомъ,—говорить объ этомъ посольствѣ кн. Василій Ивановичъ въ письмѣ къ вдовствующей королевѣ Еленѣ,—чтобы намъ пожаловати ихъ, за нихъ стати и боронити ихъ“²⁾. Посольство, разумѣется, имѣло успѣхъ. Въ ноябрѣ 1507 г. (а письмо датировано VI, 1507) Московскія войска осаждали уже Мстиславль и Кричевъ, впрочемъ, безъ всякаго успѣха. Но Глинскій въ это время, вѣроятно, еще не былъ готовъ. И только въ февралѣ слѣдующаго (1508) года, когда

¹⁾ Герберштейнъ, 162.

²⁾ А. З. Р. II, № 22.

король уѣхалъ изъ Литвы въ Краковъ, онъ поднимаетъ знамя бунта.

Какая же программа была начертана на этомъ знамени, и какими средствами заговорщики располагали для привлеченія на свою сторону союзниковъ?

Въ іюлѣ 1508 г. кор. Сигизмундъ, увѣдомляя Менгли-Гирея о случившемся, говоритъ, между прочимъ, что Глинскій „отчину нашу, вел. княжество Литовское, по смерти брата нашего, безъ бытности нашего, первѣй нисшли до нашего господарства пріѣхали, захотѣлъ подступивши, подѣ наши подѣсти“, и только, благодаря будто бы бдительности Заберезинскаго, это ему не удалось¹⁾. Но едва-ли это справедливо для того момента, къ которому отнесены королемъ замыслы Глинскаго, ибо, имѣя въ своемъ распоряженіи войско и увѣнчанный лаврами недавней побѣды, Глинскій, если бы имѣлъ намѣреніе подѣсти подъ Сигизмундомъ Великое Княжество по смерти Александра, то, несомнѣнно, выразилъ бы его въ болѣе реальныхъ формахъ. Но едва-ли можно также сомнѣваться въ томъ, что, разъ возстаніе было рѣшено, то Глинскій имѣлъ именно эту или близкую къ ней цѣль: оторвать у Сигизмунда или все Вел. Княжество, или русскія части его, хотя бы и пришлось затѣмъ поставить ихъ подъ верховенство московскаго вел. князя. Подъ такимъ именно лозунгомъ и представляютъ себя это движеніе польскіе источники²⁾. Для болѣе успѣшнаго привлеченія къ себѣ сочувствія русскаго населенія, Михаилъ Львовичъ распространялъ слухи, будто ему бояринъ Колонтай передавалъ рѣчи п. Соигъги, что на предстоящемъ сеймѣ въ Вильнѣ „всихъ насъ, Русь, мають хрестити въ Лядскую веру, а хто бы не хотѣлъ повти въ лядскую веру, тыхъ мають стнати“, и будто этотъ самый Колонтай на колѣняхъ передъ нимъ просилъ смилонаться и вступиться за русскихъ людей³⁾.

¹⁾ А. З. Р. II, № 33.

²⁾ Gopceit: Quam ad rem amicos ac fautores largitione sibi comparabat, ut his volentibus atque adjuvantibus dominatum in Lithuania occuparet,—p. 16. Ср. Gwagn. 129; Strykowski, II, 322, 346.

³⁾ А. Ю. Р. I, № 46—кн. II, Суд. дѣлъ, № 489.

Возетаніе открылось тѣмъ, что Михаилъ Львовичъ напалъ ночью 2/п 1508 г. на загородную виллу п. Забрезинскаго и велѣлъ убить его. Затѣмъ онъ бросился на Ковно съ цѣлью захватить содержавшагося тамъ въ плѣну Шигъ-Ахмата, чтобы тѣмъ легче перетянуть на свою сторону Менгли-Гирей; но это Глинскому не удалось, хотя онъ и писалъ Менгли-Гирею, что Шигъ-Ахматъ находится въ его распоряженіи ¹⁾. Послѣ этой неудачи Михаилъ Львовичъ обратился къ Мозырю, жители котораго встрѣтили его съ большою радостью и чуть-ли не съ божескими почестями. Намѣстникъ Мозырскій Якубъ Ивановичъ, по родству съ Глинскимъ, также предался на его сторону ²⁾. Велѣдствіе стеченія этихъ благоприятныхъ обстоятельствъ, Михаилъ Львовичъ устроилъ въ Мозырѣ свою главную квартиру и отсюда билъ челомъ Московскому государю, „просячи его, абы ему помочь далъ литовскихъ граничныхъ земель воевати“. Получивъ въ помощь Остафія Дашкевича съ нѣсколькими тысячами Москвичей ³⁾, Михаилъ Львовичъ, отчасти силою, а большей частью—по добровольному соглашенію, взялъ бѣлорусскіе замки: Кричевъ, Гомель, Оршу, Друцкъ и Мстиславль, а на Кіевщину выслалъ для операций своего брата—Василія. Операции этого послѣдняго и предетавляютъ для насъ особенный интересъ.

Василій Глинскій, осадивъ Овручъ и Житомиръ, по словамъ польскихъ хронистовъ, убѣждалъ кіевскую шляхту—бояръ, чтобы они добровольно пристали къ его брату, рѣшившему (и въ томъ ему Богъ, который на то его побудилъ,

¹⁾ А. З. Р. II, № 33. *

²⁾ Ibid №№ 33 и 36.

³⁾ По Сtrykowski (II, 347)—20 тысячъ, но, разумеется, это число не болѣе, какъ плодъ его собственной фантазіи. Располагая столь сильнаго поддержаніемъ, Глинскій, при его извѣстномъ искусствѣ въ военномъ дѣлѣ, сумѣлъ бы повести кампанію съ полнымъ успѣхомъ и на широкую ногу, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности онъ вынужденъ былъ ограничиться только мелкими стычками. По Антоновичу (I, 243), Остафій Дашкевичъ соединился съ Глинскимъ „во главѣ ополченія своихъ повѣтовъ“, но, къ сожалѣнію, тогда О. Д. не занималъ еще на Украинѣ никакого официального поста, будучи всего только намѣстникомъ Кричевскимъ. См. ии. II Суд. дѣлъ № 155, Сбор. Малиновскаго с. 297—301, а также Сбор. Ист. т. XXXV, № 80, с. 467.

да поможетъ!) оторвать отъ Москвы и присоединить къ Русси Великое Княжество, возобновивъ вмѣстѣ съ тѣмъ и Кіевскую монархію ¹⁾. Съ другой стороны, и посоль Менгли-Гирей—Хозишъ—„свои листы писалъ до воеводы Кіевского и до князей, и до пановъ, и мѣщанъ кіевскихъ, абы они Кіевъ подали тому зрадцѣ, Михайлу Глинскому ²⁾. Повидимому, эти убѣжденія не остались совершенно напрасными. По словамъ польскихъ писателей, они пришли въ сердце множеству кіевскихъ бояръ, із ти ніктогъу przysięgali ³⁾. Мы имѣемъ даже указаніе, что и среди духовенства нашлись сочувствующіе возетанію. Такое указаніе мы усматриваемъ въ слѣдующемъ фактѣ. По чьему-то доносу, достигнуму до короля, былъ схваченъ специально посланнымъ изъ Вильны чиновникомъ Кіево-Печерскій архимандритъ Вассіанъ и заключенъ „въ двои желѣза“. Только ходатайство кн. Конет. Острожскаго возвратило узнику свободу; но когда архимандритъ съ чрезвычайно богатыми подарками отправился по этому случаю на поклонъ къ королю, то былъ вторично схваченъ и ограбленъ въ самомъ Вильно и „въ нятство посаженъ у двои желѣза“ ⁴⁾. Эта настойчивость, съ которою преслѣдовали злополучнаго архимандрита литовскіе паны (именно литовскіе), какъ и необычайно скорая для литовскаго правительства расправа съ нимъ, произведенная специально для того посланнымъ королевскимъ чиновникомъ,—все это, кажется, уполномачиваетъ насъ заключить, что вина архимандрита Вассіана заключалась именно въ сочувствіи къ движенію, руководимому Глинскимъ и противному литовскимъ панамъ. Самъ же по себѣ документъ, на который мы опираемся, не содержитъ на этотъ счетъ никакихъ прямыхъ указаній.

Сочувствіе Кіевлянъ оказалось, однако, пассивнымъ—отчасти, м. б., и потому, что Михаилъ Львовичъ перенесъ театр военныхъ дѣйствій на сѣверъ—слишкомъ далеко отъ Кіева, Василій же Львовичъ, оперировавшій на югѣ, не имѣлъ, очевидно, ни того авторитета, ни того искусства въ

¹⁾ Strykowski II, 346; Gwagnin, 129.

²⁾ А. З. Р. II, № 33.

³⁾ Strykowski II, 346; Gwagnin, 130.

⁴⁾ А. З. Р. № 46, ии. II Суд. дѣлъ, № 139.

военномъ и дипломатическомъ дѣлѣ, которые въ высшей степени были присущи его старшему брату ¹⁾. Съ другой стороны, и внѣшнія обетоятельства не особенно благоприятствовали возстанію: надежды на помощь Менгли-Гирея оказались тщетными, а московская помощь не особенно спѣшила; въ то же время кор. Сигизмундъ обнаруживалъ большую дѣятельность, а литовскіе паны и русскіе магнаты—не меньшую готовность подавить возстаніе. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ и условій, возстаніе Михаила Львовича не только на югѣ, но и на сѣверѣ не дало прочныхъ результатовъ: съ приближеніемъ литовскихъ войскъ къ главному театру дѣйствій и бѣлорусскія приобрѣтенія Глинскаго были потеряны. Словомъ, возстаніе не удалось. Но у современниковъ и у позднѣйшихъ писателей, которые справлялись, какъ съ записками своихъ предшественниковъ, такъ и съ народнымъ преданіемъ (напр. Стрыйковскій), о выше изложенныхъ событіяхъ сохранилось такое впечатлѣніе, что возстаніе имѣло бы гораздо большій успѣхъ, еслибы было выбрано для него болѣе удобное время. *Było ich też z Rusi i z Litwy bardzo wiele (jako Jakobus Decius pisze), którzy tego Glińskiego pomagali, i byłoby ich jeszcze więcej, by był po temu czas dłuższy* ²⁾.

До сихъ поръ мы видѣли, что Кіева домогаются только его отчичи: Глинскій, повидимому, специально на Кіевѣ не останавливался. Но въ исторіи Киевской земли былъ одинъ моментъ, когда на Кіевъ выставлялъ свою кандидатуру и природный Ягелловъ: это было при вел. кн. Александрѣ, въ 1495—6 г. „Сказывали мнѣ—пишетъ по поводу дошедшихъ къ нему слуховъ вел. кн. Иванъ Васильевичъ къ великой кн. Литовской, а своей дочери—Еленѣ,—что великій

¹⁾ Хотя проф. Антоновичъ говоритъ, что „города“ Кіевскіе отворили В. Глинскому ворота (I, 243), но источники на это не уполномочиваютъ. По Стрыйковскому, В. Л. только *dobycwał Żytomira i Owruca* (II, 346). Изъ Кіев. городовъ въ дѣйствительности только одинъ *Mozыр* отворилъ свои ворота Глинскому.

²⁾ *Gwaga*. 130, *Strykowski* II, 347. Ср. Горскій, р. 22. Литература этого возстанія:

Wolff *Kniaziowie*, str 80—85; *Грушевскій* IV, 238—47; *Антоновичъ* I, 241—4; *Stadnicki* *Bracia* 177, 191—6; *Карповъ* *Исторія борьбы Московскаго государства съ Литовско-польскимъ*. М. 1867 г., ч. I.

князь да и панове думаютъ а хотятъ Жыгимонту дать въ Литовскомъ вел. княжествѣ Кіева да и иные города... а мнѣ того жаль” ¹⁾. По справкамъ оказывается, что Ивану Васильевичу сказывали дѣйствительно правду. Изъ посольскихъ рѣчей вел. кн. Александра къ королю Альбрехту, королевѣ—матери и братьямъ видно, что Сигизмундъ на самомъ дѣлѣ хотѣлъ получить въ удѣлъ Киевскую землю. Но послѣ многихъ переговоровъ это домогательство было отклонено, и королевичъ удовольствовался, вмѣсто Киевскаго удѣла, назначеннымъ ему изъ великокняжеской казны ежегоднымъ вознагражденіемъ въ размѣрѣ 3000 злотыхъ ²⁾.

На этомъ мы и заканчиваемъ свой краткій обзоръ политической исторіи Киевской земли въ Литовскій періодъ. Начинаясь она, эта исторія, какъ мы видѣли, завоеваніемъ Кіева при Ольгердѣ; продолженіемъ ея служило правленіе удѣльныхъ князей изъ литовской династии, но совершенно обрусѣвшихъ; по уничтоженіи удѣловъ, эта исторія питалась проявленіями революціоннаго характера, съ прекращеніемъ которыхъ обрывается и политическая исторія Киевской земли въ рассматриваемый періодъ. Последнимъ актомъ въ этой исторіи, но совершенно видѣленнымъ изъ связи съ предыдущими, было „одраженіе“ Киевской земли отъ Литвы, въ составѣ которой до сихъ поръ она числилась, и присоединеніе непосредственно къ польскому государственному тѣлу. Это случилось въ 1569 году.

Г Л А В А III.

Въ рассматриваемый періодъ Киевская земля составляла—то вассальное княжество, то провинцію Литовско-русскаго государства. Въ томъ и въ другомъ случаѣ она располагала особыми правительственными органами, посредствомъ которыхъ вступала въ тѣ или иныя связи съ центромъ. Но эти же правительственные органы имѣли и свою

¹⁾ А. З. Р. I, № 136 = Сбор. Истор. XXXV, № 43, с. 224—5.

²⁾ А. З. Р. I, № 135.

компетенцію—относительно внутреннего управления. Намъ, поэтому, интересно знать: какія связи соединяли Киевскую землю съ центромъ въ оба момента ея существованія, и какою компетенціей обладали ея правительственные органы въ каждый изъ этихъ моментовъ? Это — во-первыхъ и во-вторыхъ. Въ—третьихъ, Киевская земля въ рассматриваемый періодъ—по крайней мѣрѣ во второй его половинѣ—состояла изъ нѣсколькихъ административныхъ единицъ, называемыхъ *повѣтами*. Поэтому, для насъ интересно знать также: какія связи и отношенія соединяли эти единицы съ Киевомъ, и какая компетенція принадлежала ихъ правительственнымъ органамъ? По этимъ тремъ основнымъ вопросамъ мы и предполагаемъ высказаться въ настоящей главѣ.

Для сужденія по вопросу о правовомъ положеніи Киевской земли въ періодъ удѣловъ мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи *in extenso* присяжную грамоту одного изъ Киевскихъ удѣльныхъ князей и нѣсколько конкретныхъ фактовъ, которые могутъ служить по отношенію къ ней въ качествѣ иллюстраціи.

Въ своей присяжной грамотѣ, выданной кор. Ягайлу въ 1388 году, Владиміръ Ольгердовичъ (упомянутая грамота принадлежит именно ему) даетъ два обязательства: первое—*клятва вѣрности*, второе—*клятва помощи*. По первому пункту онъ обѣщаетъ, какъ присяжникъ, вѣчно, со всеми землями, замками и замочками и съ людьми, ему подчиненными, соблюдать веческую вѣрность (*fidelitas*) и должное подчиненіе (*subjectio*) Владиславу королю и его супругѣ—королевѣ Ядвигѣ, ихъ дѣтямъ и коронѣ Польской,—никогда ихъ не оставлять и другихъ господъ, кромѣ нихъ, не искать. Второй пунктъ заключаетъ въ себѣ обязательство помощи, по мѣрѣ силъ—*consilio et auxilio*¹⁾. Эти два пункта и легли въ основаніе фактическихъ отношеній Киевскихъ князей къ Литовскому государству. Вѣрность—сама по себѣ—она не имѣетъ реального содержанія, но она является первымъ и общимъ условіемъ, связующимъ часть съ цѣлымъ: нѣтъ вѣрности—разрывается связь частей. Поэтому князь, допустившій разъ невѣрность, т. е. разрушившій эту связь въ самомъ ея осно-

¹⁾ Supplementum № CCXI = Monum. medii aevi II, I, № 14.

ваніи, естественно, долженъ лишиться и всехъ выгодъ, изъ нея вытекающихъ. Помощь—*consilium et auxilium*—является всегдашнимъ и необходимымъ выраженіемъ обязательныхъ отношеній вассала къ своему сюзерену. Разница же въ положеніи вассаловъ опредѣляется, какъ формами самой помощи, такъ и объемомъ компетенціи, предоставленнымъ имъ во внутреннемъ управленіи. Государственно-правовое положеніе Киевскихъ удѣльныхъ князей обязывало ихъ участвовать въ великокняжеской радѣ и явиться на помощь сюзерену съ отрядами войска. Но въ дѣйствительности и въ томъ и въ другомъ отношеніи они пользовались значительной свободой—„яко на Украинѣ“. Мы можемъ указать въ теченіе всего удѣльнаго періода, только три документа, вышедшихъ изъ великокняжеской канцеляріи за подписью Киевскихъ князей, и только три случая, въ которыхъ Киевскіе князья принимали участіе въ военныхъ операціяхъ Вел. Княжества¹⁾.

Имѣли ли Киевскіе удѣльные князья право внѣшнихъ сношеній?—*Fidelitas et subjectio* великимъ князьямъ лишили ихъ этого права юридически, а исторія показываетъ, что Киевскіе князья не имѣли его и фактически. Приведемъ одинъ примѣръ, который нагляднымъ образомъ подтверждаетъ только что сказанное.—Въ 1455 г. Садъ-Ахматъ, разбитый своимъ противникомъ Ачь-Гиреемъ, искалъ покровительства у Киевскаго князя Семена Омельковича. Послѣдній не уемнился оказать ему гостепримство—какъ самому лично, такъ и его многочисленному двору съ остатками арміи; м. б., даже обѣцать отъ себя военную помощь. Но какъ только этотъ поступокъ Киевскаго князя дошелъ до свѣдѣнія центрального литовскаго правительства, оно не замедлило послать въ Киевъ своего чиновника—воеводу А. Одрованжа, съ требованіемъ выдачи Сады-Ахмата. Семень О. не выдалъ, и великокняжескій чиновникъ, за свою настойчивость, заплатилъ даже жизнью. Но, съ теченіемъ времени, Садъ-Ахматъ все-таки былъ захваченъ и, какъ плѣнникъ, препровожденъ въ Вильно. Киевскому князю въ своемъ необдуман-

¹⁾ Scarbiac I, №№ 538 и 540; Акты II I, № 42;—Długos. X, 125. Strykowski II, 102, 116, 124; Собр. лѣт. XVII, 48 etc. Разумѣется, этихъ случаевъ могло быть и нѣсколько больше, но только—нѣсколько.

номъ поступкѣ съ великокняжескимъ чиновникомъ пришлось оправдываться тѣмъ, будто послѣдній причинялъ Киевлѣнамъ multa et horrenda gravamina, чѣмъ и вызвалъ противъ себя народную расправу¹⁾. Впрочемъ, Длугошъ даетъ этому инциденту нѣсколько другое освѣщеніе. Но было ли дѣло такъ, или—иначе, для насъ важно то, что Киевскому князю было отказано въ правѣ вѣнскихъ сношеній.

Что касается внутренняго управленія, то по этому вопросу до сихъ поръ было высказано два противоположныхъ взгляда. По мнѣнію однихъ ученыхъ — а такихъ подавляющее большинство — Киевскіе князья во внутреннемъ управленіи были совершенно самостоятельны, что, между прочимъ, сказывается и въ ихъ титулѣ: „государь отчичъ“, „Божією милостію“ etc.²⁾ По мнѣнію же проф. Грушевскаго, „дотеперішній погляд на Київськихъ князів Володимирчів, як на вповні самостійнихъ володарів, хибний“; самостоятельными владѣтелями, по его словамъ, они никогда не были — „у внутрішніхъ справахъ своєї землі вони підлягали великому князеві і його власть обмежала дуже значно їхъ власть“³⁾. Разсмотримъ сначала послѣднее мнѣніе, чтобы потомъ перейти къ положительному рѣшенію затронутого здѣсь вопроса.

До насъ дошло двѣ грамоты кор. Казимира, изданныхъ впервые проф. Грушевскимъ въ XXXII т. „Записокъ Наукового Товариства“. Обѣ онѣ касаются одного и того же дѣла, но такъ сказать, въ разныхъ стадіяхъ его развитія. Самое же дѣло представляется въ такомъ видѣ. — Свитригайло, еще будучи въ Киевѣ, пожаловалъ своему воеводѣ Юршѣ обширныя имѣнія по теченію Лукавицы, Стугны и Вобрицы въ Киев. пов. Наслѣдникомъ этихъ имѣній былъ его сынъ — Ивашко. Но за какую-то вину или безъ вины преемникъ Свитригайла на Киевскомъ столѣ — Олелько В. — отнялъ у Юршича эти имѣнія. Обиженный обратился съ апелляціей къ

¹⁾ Dlugosz, t. II, lib. XIII, p. 181.

²⁾ Любавскій оп. с. 39, Леонтовичъ оп. с. 185—6, Антоновичъ I, 237—9, Явнскій Уставныя грамоты с. 67, Владимір-Вудановъ А. Ю. З. Р. VII, I, 51.

³⁾ Предисловіе къ изданнымъ имѣ грамотамъ въ „Запискахъ Наукового Товариства“ XXXII, с. 3.

кор. Казимиру, который при личномъ свиданіи съ Киевскимъ княземъ — „очевисто“ — предлагалъ ему возвратити конфискованныя имѣнія ихъ законному владѣльцу. Но Олелько не послушался. Это заставило короля послать неподатливому князю суровую грамоту, „абы тые села все, его отчизну, Ивашку Юршину вернулъ конечно, по нашему приказанію“. Спустя четыре мѣсяца послѣ этого, Казимиръ подтвердилъ Юршичу отчизну его въ Киев. повѣтъ, „што по нашомъ приказанію князь Александеръ В. вернулъ“. „Этотъ категорическій и безцеремонный приказъ великаго князя удѣльному Киевскому относително мѣстныхъ Киевскихъ дѣлъ и королевское наданье маестности въ Киевщинѣ, помимо Киевскаго князя“, и послужили основаніемъ для скептическаго мнѣнія проф. Грушевскаго о государственно-правовомъ положеніи Киевскихъ удѣльныхъ князей XV в. Намъ, однако, кажется, что оно слишкомъ скептическое. Прежде всего, слѣдуетъ принять во вниманіе, что вмѣшательство въ чужую компетенцію при неустановившемся правовомъ сознаніи Литовско-русскаго государства было не рѣдко. Затѣмъ, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что передъ нами все-таки единичный фактъ, съ которымъ нужно поэтому обращаться съ большою осторожностью, особенно потому, что обычная практика Литовско-русскаго государства предоставляла удѣльнымъ князьямъ, и даже болѣе мелкимъ, чѣмъ Киевскіе, право внутренняго самоуправленія. Съ своей стороны, мы можемъ указать изъ исторіи Киевской земли аналогичный же фактъ, но съ обратнымъ значеніемъ для разсматриваемаго здѣсь вопроса, который, надѣемся, нѣсколько ослабитъ аргументацію проф. Грушевскаго. Фактъ этотъ мы заимствуемъ изъ II кн. Судныхъ дѣлъ, изданной Археограф. комиссіей.

Въ одно время заспорили между собой Киевскіе земліе Суриновы съ Доротичами: кому владѣть имѣніями, выпрошенными Суриномъ подъ Доротичемъ? Обѣ спорящія стороны сослались на нѣкоего старожилу Немиру, который повѣдалъ слѣдующее: „перво, за кн. Семена Киевскаго, дедъ и отецъ и дядьки его (Доротичи) седали на отчизне своей; и кн. Семень, на его деда Давыда и на его батька Павла и на дядьки его розгневався, и отнявъ въ нихъ дедизну и отчизну ихъ, и отдалъ п. Федьку Горло-

вину; а ихъ самыхъ головами не дасть; и они пошли прочь, къ Волянню, зъ жонами и зъ детьми и со всеми статки своими. И потомъ князь Семень Киевскій умеръ; иво его дедъ Давидъ и отецъ его Павелъ и вен дядьки его били чоломъ господарю Казимеру королю, абы имъ дасть, напротивъ тое ихъ отчизны, на чомъ седети. И господарь король Казимиръ дасть¹⁾. Вудемъ ли мы представлять дѣло такъ, что Доротици не апеллировали королю на отобраніе у нихъ имѣній, или такъ, что ихъ апелляція не получила удовлетворенія — фактъ остается фактомъ: за Киевскимъ княземъ признается право лишать своихъ бояръ ихъ отчизнъ, что даже великими князьями литовскими практиковалось въ рѣдкихъ случаяхъ. Въ виду этого, фактъ, указанный проф. Грушевскимъ, мы должны признать выходящимъ изъ ряда вонъ, что, м. б., объясняется особымъ вниманіемъ короля къ памяти Юрши, послѣдніе годы свои всецѣло посвятившаго на служеніе Короны, или влияніемъ какого-нибудь особенно близкаго ко двору лица (а Казимиръ всегда поддавался такому влиянію).

Итакъ, устранивъ мѣшкіе проф. Грушевскаго, мы остаемся съ „дотеперішнімъ взглядомъ“ на Киевскихъ удѣльныхъ князей, какъ на самостоятельныхъ (во внутреннемъ управленіи) владѣтелей. Внешнимъ символомъ этой самостоятельности является чеканка собственной монеты. Доселѣ найдено два вида монетъ Киевскихъ удѣльныхъ князей, въ общемъ довольно устойчивыхъ. На оборотной сторонѣ перваго изъ нихъ изображена колонна — не то ворота, не то — знамя; на лицевой, внутри кружка изъ бусъ — тамга, окруженная славянской надписью имени Владиміра. Сравнивая форму колонны съ аналогичными изображениями на монетахъ литовскаго періода не позже Казимира и взвѣсивъ всѣ другія обстоятельства, какъ-то: присутствіе тамги, мѣста нахождения монетъ (Киевская область), имя князя и славянской шрифтъ, — можно съ достаточнымъ основаніемъ приписать чеканку этихъ монетъ Владиміру Ольгердовичу Киевскому²⁾. Мо-

¹⁾ Литовская Метрика, № 482, с. 1190—91 (XX т. Ист. библ.).

²⁾ См. рефератъ Антоновича въ Трудахъ III арх. съѣзда, т. II; съ его выводами согласился и Толстой — Древнѣйшія монеты вел. кн. Ки-

веты второго вида, сохраняя въ общемъ тотъ же типъ, имѣютъ слѣдующія отличія отъ только что нами описаннаго: а) круговая надпись на нихъ не даетъ имени князя (по чтенію г. Петрова здѣсь написано: „мастеръ Онусимовъ Новгородскій“, хотя г. Богуславскій читаетъ: „Романиново“); в) значительная часть этихъ монетъ плохой сохранности или, вѣрнѣе, плохой чеканки; е) на нихъ не повторяется крестикъ въ кругѣ изъ точекъ. О принадлежности этихъ монетъ свидѣлствуютъ инициалы, выбитые на мѣстѣ тамги: S. I. и C. I. (Скиргайло Иоантъ)¹⁾.

У себя дома Киевскіе князья вели себя по образцу великихъ. При нихъ такъ же, какъ и при великихъ князьяхъ, была своя рада, въ которую входили: должностныя лица, какъ воеводы, маршалки etc; представители родовой аристократіи и служилыхъ фамилій — князья, паны, бояре; наконецъ, представители духовенства, какъ архимандриты. Въ своихъ титулахъ Киевскіе князья величались: „Божією милостію“, „государь—отчичъ“, въ одной грамотѣ даже читается: „князь великого князства своего Киевскаго“. Изъ фактовъ внутренней дѣятельности Киевскихъ удѣльныхъ князей намъ извѣстны: земельныя раздачи, нобилитація, мѣры къ защитѣ мѣстной безопасности, обезпеченіе Церкви правами и доходами, установка мытъ. Для удобства управленія страной они подѣлили ее на намѣстничества и воеводства: при семенѣ О. Черкасскій намѣстникъ Свиродовъ кладетъ границы Киевской земли съ Валахіей, Турціей и Крымомъ; воеводы упоминаются въ жалованной Олелька м. Пендору (не говоря уже о грамотахъ Свитригайла: большому кораблю большое и плаваніе). На основаніи синодиковъ можно догадываться, что въ нѣкоторыхъ волостяхъ Киевской земли сидѣли родственники Киевскаго князя, который по отношенію къ нимъ является своего рода сюзереномъ — „княземъ вели-

скаго, с. 217—21, табл. № 12, также Гуттенъ-Чанскій — удѣльные и проч. деньги древней Руси, с. 4.

¹⁾ Извѣстія XIV арх. съѣзда; статья Богуславскаго въ „Киевлянинѣ“ за 1906 г., № 298; наиболее полное и основательное послѣдованіе монетъ Іоанна Скиргайла принадлежитъ г. Петрову (см. его рапортъ „О новооткрытой Киевской монетѣ XIV“, въ Собр. XVIII Харьков. Ист.-фил. Общ., посвященномъ проф. Сумцову, с. 74—81).

каго князства своего Киевскаго*. Вообще наши документы о дѣятельности Киевскихъ удѣльныхъ князей весьма скудны. Но, несомнѣнно, имъ принадлежали въ своемъ удѣлѣ все виды власти: законодательная, военная, судебная, административная и хозяйственно-финансовая. Словомъ, у себя дома Киевскіе удѣльные князья были полными господами—Божією милостью ¹⁾.

По смерти послѣдняго Киевскаго удѣльнаго князя—Семена Олельковича, державшаго Киевъ уже не по праву отчины, проигранной его дѣдомъ, а „зъ ласки господарской—до живота“, Киевское удѣльное княжество было обращено въ провинцію Литовскаго государства, съ титуломъ *воеводства*. Киевское воеводство—это есть административная единица, совпадающая съ границами Киевской земли. Подраздѣленіемъ ея служили: *повѣты* и *волости*. Подъ повѣтомъ мы разумѣемъ административное дѣленіе большей величины, центромъ котораго является непременно господарскій замокъ, а подъ волостью — административное дѣленіе меньшей величины, не всегда имѣвшее таковой центръ. Кромѣ того, волостями назывались часто и имѣнія частныхъ лицъ, болѣе или менѣе обширныя, но они уже не являются административнымъ дѣленіемъ въ выше указанномъ смыслѣ. Впрочемъ, въ документахъ разсматриваемаго времени все три термина не отличаются особенной устоячивостью: повѣтъ мѣшается съ воеводствомъ, волость — съ повѣтомъ ²⁾. Но въ нашемъ

¹⁾ Относящаяся сюда аутентичная матеріалъ указавъ въ своемъ мѣстѣ; здѣсь мы только дѣлаемъ изъ него общіе выводы.

²⁾ Въ 1495 г. господарскій дворянинъ Иванъ Дашковичъ проситъ у вел. кн. Александра „имѣнья въ Киевскомъ поводемъ, на имя Гостомля“ (Акты Леонтовича I, № 213). Въ этомъ случаѣ терминъ: „повѣтъ“ употребленъ въ собственномъ смыслѣ. Въ другомъ документѣ читаемъ: „село въ Киевскомъ поводемъ, на имя Тулибло“ (ibid. № 392), — очевидно, терминъ употребленъ въ несобственномъ смыслѣ—въ Киевскомъ воеводствѣ (Тулибло Черкаскаго пов.). См. еще—имѣніе въ Киевскомъ поводемъ, „въ Житомиръ“ (А. З. Р. I, № 171) и др. Подобное же смѣшеніе волости и повѣта: въ 1505 г. кор. Александръ пожаловалъ Ивану Денисовичу „имѣнья въ Чудновскомъ поводемъ, на имя Наевцы“; также „селище въ Чудновскомъ же повѣтѣ, на имя Тугочоловское“ (Акты Леонтовича II, № 715), а въ жалованной Сигизмунда I к. Острожскому читаемъ: „имѣніе въ Киев. пов., на имя Чудновъ, со всеми бояры Чудновскими

изложены каждый изъ этихъ терминовъ будетъ имѣть свой опредѣленный смыслъ, согласно съ выше изложеннымъ.

Итакъ, повѣты и волости суть административныя дѣленія Киевскаго воеводства, которое, въ свою очередь, являлось такимъ же дѣленіемъ большаго цѣлага—Литовско-русскаго государства. Во главѣ каждого изъ названныхъ дѣленій стояли особыя должностныя лица, носившія названія *воеводъ*, *старостъ* и *наместниковъ—державцевъ*. Прежде чѣмъ приступить къ изложенію правъ и обязанностей тѣхъ и другихъ, скажемъ предварительно нѣсколько словъ для выясненія самыхъ терминовъ.

Воеводы въ Литовско-русскомъ государствѣ первоначально появились въ тѣхъ земляхъ, которыя передъ тѣмъ состояли въ положеніи удѣльныхъ княжествъ; впоследствии же воеводами стали называться наместники особенно крупныхъ или въ какомъ-либо отношеніи примѣчательныхъ областей. Какъ замѣстители удѣльныхъ князей, воеводы сохранили въ своемъ положеніи нѣкоторыя прерогативы послѣднихъ. Такъ, они имѣли право участія въ великокняжеской радѣ; имъ были подчинены все другія должностныя лица по управленію отдѣльными частями воеводства; они начальствовали надъ ополченіемъ этихъ частей и имѣли верховный надзоръ вообще за всею, что совершалось въ предѣлахъ вѣренной имъ области. Менѣе опредѣленный смыслъ имѣеть терминъ: „наместникъ“. Наместниками въ Литовско-русскомъ государствѣ назывались, во-первыхъ, лица, стоявшія во главѣ повѣтовъ: наместникъ Овручскій, наместникъ Житомирскій и пр. Во-вторыхъ, наместниками назывались правители волостей: наместникъ Звягольскій, наместникъ Завшскій, наместникъ Врягинскій. Наконецъ, наместниками назывались все тѣ лица, которыя вообще кого-нибудь замѣщали. Въ документахъ мы встрѣчаемъ, напр., наместниковъ Киевскихъ воеводъ, наместниковъ старостъ или такъ назыв. подстаростихъ, даже наместниковъ наместниковъ. Въ виду такой неопредѣленности этого термина, явилась необходимость въ его замѣнѣ. Стали употреблять, вмѣсто тер-

и въ людскихъ волости Чудновской (А. З. Р. II, № 29, 1—Arch. Lab.—Sang. III, № 79).

мина: „намѣстникъ“, два другихъ термина: *староста* и *державца*. Къ концу разсматриваемаго періода названіе старость удержалось преимущественно за намѣстниками южныхъ повѣтовъ Киевской земли: Житомирскаго, Черкаскаго, отчасти Овруцкаго; названіе же „державца“ преимущественно прилагается къ правительствующимъ лицамъ сѣверныхъ повѣтовъ, какъ Остерскій, Чернобыльскій, Мозырскій,—можетъ быть, потому, что въ этихъ повѣтахъ болѣе было развито господарское хозяйство, а терминъ: „державца“ прежде всего имѣетъ смыслъ доходной статьи.

Киевскому воеводѣ, какъ и всякому другому, принадлежала власть: *военная, административная, хозяйственно-финансовая и судебная*. Разсмотримъ главнѣйшія проявленія ея подъ указанными четырьмя рубриками.

Въ военномъ отношеніи Киевскому воеводѣ были подчинены прежде всего и ближайшимъ образомъ ополченія его собственнаго повѣта: киевскіе мѣщане и бояре завшскіе ¹⁾ „винни“ были ѣздить при немъ противъ непріятели ²⁾. Затѣмъ, Киевскому воеводѣ подчинены были ополченія и другихъ повѣтовъ, входившихъ въ составъ Киевской земли, о чемъ мы имѣемъ прямыя указанія въ люстраціяхъ ³⁾. Правда, въ люстраціяхъ Черкасскъ и Канева ⁴⁾ нѣтъ специальной рубрики о томъ, чтобы обязанные военной службой являлись по первому зову Киевскаго воеводы, „якъ ихъ обоплетъ“, вѣроятно, потому, что тамошнее населеніе обыкновенно (фактически) исполняло военную службу подъ непосредственнымъ начальствомъ своихъ старостъ („яко на Украинѣ“). Но, несомнѣнно, что и здѣсь, вопреки мнѣнію Антоновича ⁵⁾

¹⁾ Заявіе въ административномъ отношеніи принадлежало къ Овруцкому повѣту, но въ военномъ — непосредственно подчинилось Киевскому воеводѣ. Подробности объ этомъ въ очеркѣ Овруцкаго повѣта.

²⁾ А. Ю. З. Р. VII, I, с. III; Зр. XX, 7; ср. А. Ю. Р. II, № 108.

³⁾ А. Ю. З. Р. VII, I, с. 144 (Житомиръ), *ibid.* с. 588 (Чернобыль), *ibid.* с. 617 (Мозырь); ч. IV, т. I, с. 40 (Овручъ). Объ Острѣ косвенное указаніе: воевода здѣсь провѣряли роты (VII, I, с. 153).

⁴⁾ А. Ю. З. Р. VII, I, №№ 14 и 15.

⁵⁾ Антоновичъ только относительно двухъ повѣтовъ (Мозырь и Чернобыльскій) соглашается, что они въ военномъ отношеніи зависѣли отъ воеводъ (Моногр. I, с. 247).

и другихъ, верховная власть Киевскаго воеводы находила себѣ примѣненіе, что доказывается, „какъ выше приведенными фактами о службѣ всѣхъ повѣтовъ, такъ и отсутствіемъ въ упомянутыхъ люстраціяхъ какихъ-либо указаній о службѣ землянъ при старостѣ, такъ, наконецъ, и тѣмъ соображеніемъ, что здѣсь дѣйствовало право Киевской земли“ ¹⁾. Очевидно, опираясь на это самое право, Киевскій воевода Андрей Немировичъ, по случаю угрожающей опасности отъ Татаръ, писалъ въ 1515 г. „до старостъ и до венхъ бояръ Киевскихъ, ижьбы съ нимъ ѣхали на службу господарскую“, о чемъ доводилъ и до свѣдѣнія государя, прося его, съ своей стороны, побудить непослушныхъ, „абы они за нимъ поспѣшили на службу господарскую“ ²⁾. Существовали также въ Литовскомъ государствѣ „давній обычай“, подтвержденный кор. Сигизмундомъ въ 1544 г., по которому старосты и державцы повѣтовъ должны были представлять своему воеводѣ списки частновладельческихъ имѣній въ цѣляхъ регистраціи военной службы ³⁾. Въ частности, по уставу 1522 г., Киево-печерскіе монахи обязывались, „коли служба наша (господарская) и земская бываесть, посылати на службу нашу съ паномъ воеводою Киевскимъ 10 человекъ на конѣхъ, у зброяхъ“ ⁴⁾, а имѣнія Печерскаго монастыря находились во всѣхъ повѣтахъ Киевской земли и меньше всего—въ Киевскомъ.

Завѣдывая подвижными контингентами, т. е. полевой арміей, Киевскіе воеводы въ то же время совмѣщали въ себѣ и обязанности комендантовъ крѣпости. Это видно, между

¹⁾ Доннаръ-Запольскій Украинскія староства с. 15.

²⁾ А. З. Р. II, № 93; ср. А. Ю. З. Р. VIII, V, № 27. Иначе объясняетъ этотъ фактъ Доннаръ-Запольскій, полагая, что старосты и бояре не послушались воеводы именно потому, что „и не обязаны были повиноваться“ (ор. с. 19). Но на с. 15 ссылки 3 (Сбор. Малиновскаго с. 205), по существу аналогичную съ выше приведенной, только положительную, авторъ использовалъ для доказательства нашей мысли, что „въ общемъ земліе всѣхъ Киевскихъ повѣтовъ отбывали службу на земкѣ Киевскомъ“,—разумѣется, еслибы представлялась необходимость, то и подъ начальствомъ своихъ старостъ (подъ воеводами—Собр. лѣт. XVII, 407, 471).

³⁾ Любавскій Областное дѣленіе, с. 853.

⁴⁾ А. З. Р., II, № 112; ср. А. Ю. Р. II, № 147.

прочимъ, изъ того, что король Сигизмундъ I, выражая свою благодарность Кіевскому воеводѣ Юрію Радивилу за удачный походъ въ Сѣверщину, желалъ, „абы е. м. тамъ (на Украинѣ) намъ будучи служили, и замокъ нашъ въ добромъ осмотрѣніи и въ осторожности мѣлъ“¹⁾. Князю К. Острожскому Сигизмундъ Августъ только въ видѣ особой милости позволить отлучаться изъ замка, и то — „подъ часть безпечный, осмотревши добре мѣсто свое на замьку нашомъ Кіеве, аж бы в таковой безпечности осталъ, яко пры немъ самомъ“²⁾. Впрочемъ, непосредственный надзоръ за замковыми сооружениями лежалъ на особомъ чиновникѣ, состоявшемъ подъ воеводой, который назывался *городничимъ* или *капиталюмъ*. Поэтому, напр., Сигизмундъ Августъ на вальномъ Виленскомъ сеймѣ общаетъ Кіевскимъ боярамъ дать соотвѣтствующія наставленія по „оправленію“ замка, какъ городничему тамошнему, такъ и воеводѣ, — послѣднему, очевидно, въ качествѣ его начальника³⁾.

На Кіевскомъ воеводѣ, какъ начальникѣ военныхъ силъ всей земли, лежала также забота и объ устройствѣ военно-служилого класса.

Мѣропріятія по экономическому устройству военно-служилого класса сводились — или къ тому, что воеводы сами отъ себя раздавали имѣнія „до воли“ господарской, или къ тому, что они наводили справки объ ихъ доходности по порученію господаря и затѣмъ вводили пожалованныхъ въ ихъ имѣнія; либо, наконецъ, къ тому, что они „объискивали“ имѣнія для лицъ, которыхъ господарю угодно было чѣмъ-нибудь пожаловать.

Пожалованіе, исходящее отъ воеводъ, всегда нуждалось въ немедленномъ подтвержденіи господаря, имѣя характеръ чисто условный — „до воли господарской“. Обыкновенно въ такихъ случаяхъ сами воеводы доводили до свѣдѣнія центральной власти о своихъ дѣйствіяхъ и просили ея санкціи⁴⁾; отвѣтъ на подобныя просьбы рѣдко бывалъ

¹⁾ А. З. Р. II, № 177.

²⁾ Сбор. Малиновскаго, с. 43.

³⁾ Дон. Ю. I, № 12, § 2; ср. А. З. Р. II, № 93.

⁴⁾ Такъ, въ 1487 г. Кіевскій воевода Юрій Пацевичъ, по случаю обѣта заграницу одного землевладѣльца, пожаловать оставленное

отрицательный, такъ какъ предполагалось, что воевода, зная имѣтныя условія и имѣя заботу о господарскомъ хозяйствѣ, не могъ дѣйствовать ему въ убытокъ. Если же случалось, что воевода жаловалъ имѣніе безъ воли господарской, то такое пожалованіе не имѣло никакой законной силы и всегда могло быть аннулировано¹⁾.

Въ большинствѣ случаевъ бывало такъ, что господарь самъ жаловалъ имѣнія сообразно съ тѣмъ, какъ его просили объ этомъ²⁾, а воеводамъ поручался только вводить во владѣніе пожалованнаго, — съ тѣмъ, однако, если его показанія относительно доходности даннаго имѣнія соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Въ противномъ случаѣ, по текстуальному смыслу привилеевъ этого рода, воеводамъ предоставлялось право опротестовать пожалованіе³⁾. Рѣдко господарь по поводу того или иного пожалованія предварительно пись-

имъ на произволъ судьбы имѣніе „комуеъ Тишка“ и просить господаря, „абымо тамъ того Тишка при той землѣ оставили“. Ходатайство воеводы удовлетворено (Акты Леонтовича I, № 51; см. еще А. Ю. Р. I, № 161).

¹⁾ Тотъ же Юрій Пацевичъ, въ бытность свою Кіевскимъ воеводой, пожаловалъ имѣніе Гостомль землинцу Сеньку Володкевичу — безъ вѣдома и воли господаря. Когда этотъ Сенько Володкевичъ, посѣвъ нѣсколькихъ лѣтъ спокойнаго владѣнія, отлучился на время изъ своего имѣнія, оно было выпрошено подъ имя ия. Ив. Данковичемъ, и возникшій по этому случаю между обоими владѣльцами споръ былъ разрѣшенъ господаремъ такимъ образомъ: „Коли Сенко листу отца нашего на то не мѣлъ, а и Юрей Пацевичъ далъ бытъ ему тое имѣніе Гостомль безъ воли отца нашего, короля е. м., присудили есмо тое имѣніе Гостомль кн. Ивану Данковичу Глинскому“ по тому, какъ перво есмо ему тое имѣніе дали“ (Акты Леонтовича I, № 300; ср. *ibid.* № 301).

²⁾ „Икъ мы никому привилеевъ нашихъ и листовъ нашихъ надъ пришло и листы наши не даемъ, а даемъ имъ такъ, какъ хто в насъ просить“. Акты Д.—З., № 184.

³⁾ Въ 1500 г. п. Данило Дѣдковичъ просить у господаря с. Треполь, въ Кіев. пов., причѣмъ повѣдалъ, что тамъ только 7 человекъ служебныхъ и неданыхъ, которые со вѣхъ-трепольскихъ угодій платятъ Кіев. воеводѣ на годъ всего по 2 лисцы и по 5 возовъ сѣна. „Ино — гласить господарскій привилей, адресованный на имя воеводы Д. Путятича, — если будетъ такъ, какъ оны намъ повѣдалъ, ино мы ему тое с. Треполь и съ тѣми людьми, и съ озеры, и съ лукою на р. Дибирѣ дали; нехай ты люди ему тожы службою служить, какъ передъ тѣмъ къ замку нашему служили, и ты бы ему въ тое село уяваніе далъ“. (Акты Леонтовича II, № 525).

менно сносился съ воеводой и только, собравъ необходимыя справки, издавалъ приказъ о ввѣдѣ пожалованнаго во владѣніе помѣстьемъ¹⁾. Иногда потребныя справки собирались тутъ же, на мѣстѣ, такъ какъ Кіевскіе воеводы, по рангу службы, входили въ составъ господарской рады и могли оказаться подъ рукою въ нужный моментъ²⁾. Въ случаѣ просьбы, обращенныхъ къ господарю о пожалованіи вообще кого-либо имѣніемъ, безъ точнаго обозначенія его названія и мѣстоположенія, воеводамъ поручалось „обыскать“ такое и „подать“ просителю³⁾.

Заботы объ устроеніи служилого класса, собственно говоря, относятся уже къ области администраціи. Административная дѣятельность Кіевскихъ воеводъ проявлялась въ многоразличныхъ видахъ и формахъ. Прежде всего, воевода обязанъ былъ слѣдить за общественной тишиной и безопасностью. Въ этихъ цѣляхъ ему поручался надзоръ за уличной нравственностью и пожарной неприкосновенностью города⁴⁾; портовый надзоръ до 1516 г. осуществлялся вое-

¹⁾ Такъ поступилъ, напр., король Казимиръ, когда къ нему обратился п. Горностай съ просьбой о пожалованіи человека Дитятковича въ Кіев. пов. Король затребовавъ по этому поводу справки у Юрія Палеяничя, по которымъ уже преемникъ Казимира рѣшилъ просьбу вѣрнаго слуги въ окончательномъ смыслѣ (Акты Д.—З., № 21, А. Ю. З. Р. VIII, IV, № 14).

²⁾ Такъ было, наприм., въ 1506 г., когда кн. Василій Мунча просилъ для своего „позивенія“ у короля Александра с. Тулеговича въ Мозыр. пов. — „а поидать намъ, штожъ с того села данн грошовое и медовое и бобровъ и кунницъ—всего того 10 коп. гр. намъ давали“. Убѣдившись изъ личныхъ разспросовъ и отвѣтовъ Кіев. воеводы Ив. Глинскаго, „какъ тая речъ такъ есть, какъ онъ намъ поведалъ“, король „а ласки своея и за его к намъ верную службу“ пожаловалъ просителя указаннымъ имѣніемъ, а воеводѣ приказалъ ввести его во владѣніе имъ (Акты Д.—З. № 95, Act. Леонтовича П, № 747).

³⁾ Такъ, въ 1497 году вел. кн. Александръ писалъ Кіев. воеводѣ Д. Путитичу, чтобы тотъ „обыскалъ гдѣ землю пашенку и далъ къ монастырю въ Кіевѣ, къ св. Николаю Пустынскому“. Въ исполненіе этого приказанія воевода, дѣйствительно, „обыскалъ землю пашенку пустую жидовскую, на рѣцѣ на Борщовцѣ, што держалъ жидъ Остроновичъ, и далъ къ монастырю“, наковое наданіе вслѣдъ за тѣмъ и было подтверждено господаремъ (А. З. Р. I, № 151).

⁴⁾ А. З. Р. I, № 170, с. 194; *ibid.* т. II, № 3, с. 3, ср. А. Ю. З. Р. II, № 103, с. 128.

водскимъ чиновникомъ осмичимъ, но и послѣ отмѣны должности осмичаго, функція эта, повидимому, осталась за воеводой¹⁾. Ему, далѣе, поручался надзоръ за всѣми прибывающими въ Кіевъ и отбывающими изъ него за границу; иностранныхъ купцовъ и пословъ, ѣдущихъ безъ надлежащаго удостовѣренія, воевода задерживалъ²⁾; Кіевляне могли отправляться съ торговыми цѣлями только „зъ его ведомостью“³⁾; въ такомъ же положеніи находились и монахи, желавшіе отправиться въ сѣвѣднія (Московскія) земли за сборомъ пожертвованій⁴⁾. Само собою разумѣется, что съ особой бдительностью воевода слѣдилъ за казаками, какъ элементомъ „своевольнымъ“: онъ велъ ихъ регистрацію и обязанъ былъ смотрѣть, „абы отъ тыхъ казаковъ своеволенство не становило“; если же такое своеволеніе уже произошло, то на обязанности воеводы лежало—поймать преступниковъ и подвергнуть ихъ заслуженному наказанію⁵⁾.

Воеводѣ, такимъ образомъ, вмѣнилось въ обязанность защищать частную ответственность и личную неприкосновенность гражданъ, не допуская „никому зъ стороны надъобычай права непосолитого и статуту земского ни въ чомъ кривды делати“⁶⁾. Особая привилегія лицъ, обществъ и учреждений воевода также обязанъ былъ соблюдать и охранять отъ покушеній другихъ⁷⁾; но господарская служба при этомъ не должна была терпѣть никакого убытка: какъ агенты правительства, воевода обязанъ былъ имѣть надзоръ и за тѣмъ, чтобы отдѣльныя лица и цѣлыя общества либо учреждения не уклонялись отъ службы государству⁸⁾.

Въ особыя отношенія воевода становился къ Церкви. Изъ очерка церковной исторіи мы узнаемъ, что были церкви

¹⁾ Довнаръ-Запольскій Государств. хозяйство, с. 394.

²⁾ А. З. Р. II, № 214, А. Ю. З. Р. VIII, V, № 21, Arch. Lub.-Sang. IV, № 242.

³⁾ А. Ю. З. Р. VIII, V, с. 111 и 188.

⁴⁾ А. З. Р. II, № 204.

⁵⁾ А. З. Р. I, 170; А. Ю. Р. I, № 105; II, № 137; А. Ю. З. Р. VIII, V, № 66.

⁶⁾ А. Ю. З. Р. VIII, V, с. 150, ср. А. Ю. Р. I, № 83; А. Ю. Р. II, № 108.

⁷⁾ А. Ю. Р. I, № 237; II, № 108; А. З. Р. I, № 207; А. Ю. З. Р. VIII, V, №№ 27, 40, 70.

⁸⁾ А. Ю. Р. II, № 111; А. З. Р. I, № 170; А. Ю. З. Р. VII, I, № 7 VIII, V, № 64 и др. (см. *тамъ*).

и монастыри, состоявшие въ господарскомъ подаваніи: господарь жаловалъ ихъ, кому хотѣлъ, даже и лицамъ свѣтскимъ¹⁾. Хотя право подаванія въ идеѣ не шло дальше самаго акта пожалованія, тѣмъ не менѣе на практикѣ оно вело часто къ фактической зависимости церкви и монастырей этой категоріи отъ исполнительныхъ органовъ господарской, а не церковной власти. Любопытно, что такой взглядъ усвоили себѣ не только подавцы хлѣбовъ духовныхъ, но и сами подаваемые. „Мы о тобѣ, вряднику (Софѣйскому) мало дбаемъ,—говорили они,—есть мы подаванье замковое, волень надъ нами п. воевода и врядники его“²⁾.

Въ господарскомъ подаваніи состояли церкви: Св. Николай (въ замкѣ), Иорданская и Рождественская³⁾, монастыри: Флоровскій, Межигорскій и Златоверхо-Михайловскій⁴⁾. Отношеніе Киевскихъ воеводъ къ этимъ учрежденіямъ выражалось въ томъ, что они могли жаловать ихъ „до воли“ господарской своимъ ставленникамъ, хотя чаще всего воеводы вводили во владѣніе пожалованныхъ самимъ господаремъ. Само собой разумѣется, что на воеводъ возлагалось особое попеченіе о церквахъ и монастыряхъ господарскаго подаванія, выражавшееся въ дѣйствіяхъ, общихъ не только въ отношеніи поминутыхъ, но также и др. церквей и монастырей г. Киева, насколько намъ фактически извѣстно. Эти дѣйствія, вытекавшія изъ положенія воеводъ, какъ представителей господаря—верховнаго патрона всей церкви, состояли въ слѣдующемъ: воеводы заботились о матеріальномъ благоустройствѣ церквей и монастырей—жаловали имъ земли и нѣкоторыя мелкія статьи доходовъ⁵⁾, охраняли ихъ права отъ стороннихъ покушеній (судъ и администрація)⁶⁾, побуждали владѣльцевъ и, вѣроятно, самихъ крестьянъ къ уплатѣ слѣдуемой имъ дани⁷⁾; наконецъ, отставляли отъ должности настоятелей, въ случаѣ совершенія послѣдними

¹⁾ А. З. Р. I, № 140.

²⁾ А. Ю. Р. I, № 238.

³⁾ Ibid. II, № 110.

⁴⁾ А. Ю. Р. II, № 148; А. З. Р. I, № 141; II, № 122.

⁵⁾ А. Ю. Р. I, № 98, 139, 145, 156; А. З. Р. II, №№ 38, 95, 102.

⁶⁾ А. З. Р. II, № 97; А. Ю. З. Р. I, VI, №№ 6, 9, 14.

⁷⁾ Грамоты Антоновича, № 37.

какихъ-либо вопіющихъ злоупотребленій¹⁾, и издавали уставы касательно распорядка монастырскаго житія, если сама община не въ состояніи была его регламентировать и поддерживать²⁾.

Какъ органъ исполнительной власти, воевода обязанъ былъ реализовать всевозможныя порученія, исходящія отъ центра: подыскивать земли для жалуемыхъ³⁾, вводить во владѣніе новопожалованныхъ⁴⁾, оказывать содѣйствіе въ нужныхъ случаяхъ господарскимъ дворинамъ⁵⁾, приводить въ исполненіе судебныя приговоры⁶⁾ и т. п.

Хозяйственно-финансовая дѣятельность Киевскихъ воеводъ выражалась въ различныхъ формахъ. Прежде всего—на нихъ лежала забота объ эксплуатаціи сельско-хозяйственныхъ угодій и управленіе господарскими дворцами, или фольварками, если таковыя были; затѣмъ—воеводы собирали нѣкоторыя роды податей и пошлинъ и завѣдывали господарскимъ скарбомъ.

¹⁾ Макарій Исторія Церкви, IX, 275.

²⁾ А. З. Р. III, № 10. Документъ относится къ Печерскому монастырю, о которомъ стоить сказать нѣсколько словъ особо, такъ какъ онъ состоялъ на особомъ положеніи, сравнительно съ прочими. Печерскій монастырь издавна пользовался правомъ выбора архимандрита, хотя въ дѣйствительности почти всегда получалъ ставленниковъ отъ самаго господаря; въ промежутки же между смертью одного и выборомъ другого архимандрита монастырь поступалъ въ распоряженіе воеводы, который позволялъ себѣ всевозможныя злоупотребленія: расхищалъ имущество архимандрита, пользовался „страшными речами“ монастыря и даже присваивалъ себѣ „зброю и церковныя речи“. При наличности архимандритомъ воеводѣ инымъ образомъ обирали монастырь: до десяти разъ въ году они наѣзжали сюда и вынуждали братію „частовать“ и дарить непрошенныхъ гостей. Все эти злоупотребленія, вошедшія въ обычай, были отменены грамотой кор. Сигизмунда отъ 4 VII 1522 г., но сомнительно, чтобы они такъ сразу и прекратились. (Кстати, отмѣтимъ здѣсь ошибку Довнаръ-Запольскаго, который относитъ отмѣну упомянутыхъ злоупотребленій къ 1570 г., ссылаясь на А. Ю. Р. II, № 147—воздвигнутую подтвердительную (Украинскія староства, с. 51), между тѣмъ какъ въ нашемъ распоряженіи имѣется первичная грамота отъ 1522 г., надъ въ А. З. Р. II, № 112).

³⁾ А. З. Р. I, №№ 93, 151; II, № 114.

⁴⁾ А. Ю. Р. I, № 57; Акты Леонтовича II, № 451, 525, 747; А. Ю. З. Р. VII, I № 7.

⁵⁾ А. З. Р. II, № 46; А. Ю. З. Р. VIII, V, № 78.

⁶⁾ Ки. суд. дѣлъ II, № 297; III, № 186.

Сельско-хозяйственные обязанности Киевских воевод, по общему установлению, выражались въ мѣропріятіяхъ, направленныхъ къ расширенію и благоустройству господарскаго хозяйства. Въ частности, въ ихъ компетенцію входило: дворцы „будовать“, оправлять, огораживать; заботиться о приумноженіи инвентаря, стада держать въ доброй „опатрности“, изыскивать новые способы доходовъ („ставы и млыны, гдѣ могутъ быть, абы были роблены“); предотвращать конкуренцію со стороны частныхъ лицъ своевременнымъ запрещеніемъ заводить предпріятія, которыя бы служили „ку шкодѣ“ господарской, напр., устройство корчемъ, млыновъ, мытницъ; эксплуатировать разныя угодья—путемъ-ли найма, обязательныхъ повинностей населенія, или сдачи ихъ въ аренду, подъ однимъ только условіемъ, чтобы это было „не шкодно“, а „пожиточно“ для господарскаго хозяйства, и проч. въ этомъ же родѣ ¹⁾.

Роль воеводы, какъ финансоваго дѣятеля, выражалась въ томъ, что онъ собиралъ подати и вообще завѣдывалъ господарскимъ скарбомъ.

Что касается сбора податей, то есть основаніе полагать, что не всѣ роды и виды ихъ находились въ завѣдываніи Киевскихъ воеводъ. Повидимому, изъ ихъ компетенціи изъята была медовая дань, которая собиралась особымъ чиновникомъ (ключникомъ), назначавшимся непосредственно господаремъ и ему обязаннымъ отчетностью. Воеводѣ въ этомъ дѣлѣ принадлежала развѣ только власть административнаго воздѣйствія на неисправныхъ плательщиковъ. Что именно таковы были отношенія между воеводой и ключникомъ, мы заключаемъ изъ того, что извѣщеніе вел. кн. Александра объ отпускѣ ведра *меду* людямъ п. Пряжовскаго, Завшской волости, адресовано къ одному только ключнику ²⁾. Но если т. о. воеводы были устранимы отъ сбора медовой дани, то въ ихъ компетенцію входилъ сборъ всѣхъ др. видовъ податей. Извѣщеніе того же вел. кн. объ отпускѣ *грошовой* и *медовой* дани съ 16 человекъ Завшской волости адресовано уже не только къ ключнику, но и къ воеводѣ, можно ду-

¹⁾ А. З. Р. II, № 159; А. Ю. Р. II, № 108; А. Ю. З. Р., VII, I, № 16; VIII, V, № 49.

²⁾ Акты Леонтовича I, № 264=Акты Д.—З. № 40.

мать—потому, что сборъ грошовой дани принадлежалъ воеводѣ ¹⁾. Это подтверждается также и выше приведенными фактами обращенія господарей къ воеводамъ за справками о доходности жалуемыхъ имѣній, о которой воевода могъ имѣть надлежащія свѣдѣнія только въ томъ случаѣ, если участвовалъ въ сборѣ податей. Кромѣ того, мы имѣемъ и прямыя указанія на роль воеводы въ этомъ дѣлѣ. Въ 1500 г., напр., Данило Дѣдковичъ, прося у господара с. Треполь, повѣдалъ ему, что жители этого села „даютъ воеводѣ Киевскому на годъ по двѣ лисены и по 5 возъ сѣножати“ ²⁾. Эти подати, поступавшія къ Киевскому воеводѣ, какъ натурой, такъ и деньгами, сохранялись въ особомъ учрежденіи, называемомъ *скарбомъ*: „скарбу нашего и воеводы нашего Киевского не надобѣ имъ стеречи“—читаемъ въ уставной грамотѣ Киевскимъ мѣщанамъ ³⁾. Впрочемъ, въ документахъ скарбъ иногда называется и *ключомъ*; напр., въ приходо-расходныхъ записяхъ времени Казимира мы читаемъ: „Митку Свириичу шуба лисья завыйковая съ ключа киевского; Петру

¹⁾ Любавскій ор. с. 781—2. Судя по личбѣ ключника Кіев. Сенъна Полозовича отъ 20. VIII. 1406 г., можно думать, что сборъ грошовой дани иногда поручался воеводами ключнику: она затѣмъ шла въ господар. скарбъ. Акты Д.—З. № 44.

²⁾ Акты Леонтовича II, № 525.

³⁾ А. З. Р. I, № 120, с. 144. Довнаръ-Запольскій (Украинскія старостыя, с. 47), оспаривая Любавскаго (Областное дѣленіе, с. 784), не соглашается съ тѣмъ, что въ Кіевѣ былъ особый скарбъ „въ который сходились господарскіе доходы изъ волостей, и изъ котораго удовлетворялись мѣстныя господарскія и земскія нужды“. Совершенно справедливо усматривая въ приведенной нами цитатѣ указаніе на существованіе въ Кіевѣ двухъ скарбовъ—воеводскаго (т. е. тѣхъ доходовъ, которые собирались на воеводу) и великокняжескаго, почтенный ученый, однако, ошибочно полагаетъ, что „послѣдній находился въ завѣдываніи ключника Киевскаго, а ключникъ непосредственно зависѣлъ отъ господарскаго скарба“. Ключники собирали только медъ, который складывался въ особомъ учрежденіи—ключѣ (на существованіе такого учрежденія въ Кіевѣ есть указаніе въ А. З. Р. II, № 102); если же имъ приходилось собирать (очевидно, по особому порученію) и что-либо другое, напр., грошовую дань, то это сдавалось въ распоряженіе воеводы (Акты Д.—З. № 44—документъ, на который ссылается авторъ). Поэтому, чтобы отстоять свою точку зрѣнія, Д.—З. надлежитъ предварительно доказать, что ключники собирали вообще всѣ виды господар. доходовъ съ волостей, а это едва-ли возможно.

Скипоровичу 7 коп. съ ключа кивского за шубу¹⁾, и проч.¹⁾. Несомнѣнно, въ обонхъ случаяхъ адѣсь употребленъ одинъ терминъ вмѣсто другого, ибо подъ ключомъ въ собственномъ смыслѣ разумѣется только клѣтъ, или погребъ, гдѣ складывалась медовая дань.

Итакъ, господарскій скарбъ находился въ завѣдываніи Киевскаго воеводы, который и черпалъ изъ него потребныя средства для удовлетворенія мѣстныхъ нуждъ. Такъ, на счетъ господарскаго скарба поднимались (съ 1522 г.) посылы и гонцы татарскіе²⁾, содержались пушкарни³⁾, оправлялся замокъ⁴⁾, нанимались слуги и поддерживалось существованіе самихъ воеводъ⁵⁾. Но случалось иногда, что легальныхъ средствъ не хватало на удовлетвореніе потребностей господарской службы; тогда воеводы рѣшались на крайнія мѣры, не предусмотрѣнныя закономъ, но, очевидно, терпимыя на практикѣ. Въ этомъ отношеніи характеренъ слѣдующій случай. Въ одно время — о годѣ и мѣсяцѣ исторія умалчиваетъ — выѣхали изъ Смоленска въ Киевъ два мѣщанина: одинъ Смоленскій, по имени Олекса Овоничъ, а другой Киевскій, по имени Толпыка. Въ Мозырѣ они на нѣкоторое время разошлись: Олекса поѣхалъ въ Киевъ, а Толпыка замѣшалъ въ Мозырѣ, причемъ Олекса взялъ съ собою въ сумкѣ 13 коп. гр., данныхъ ему товарищемъ на храненіе. Когда Олекса прибылъ въ Киевъ, его адѣсь обмыли, а пезязи изъ сумки, отбивши замки, взявъ маршалокъ Андрей Непирича на воеводу, говори: „панъ миѣ казаль взяти на потребу господарскую пезязи, бо и въ мншихъ мѣщанъ и гостей брали, где ведали, пезязи“. Для успокоенія простодушнаго мѣщанина, воевода очевидно обѣщаль заплатитъ отнятыя у него 13 коп. гр. самому Толпыкѣ. Однако, Толпыка оказался не изъ уступчивыхъ: взялъ да и потянулъ на судъ своего коллегу. И вотъ стоятъ они оба передъ земскимъ маршалкомъ и дають другъ другу отпоръ. Выслушавъ доводы обонхъ, судья постановилъ — и это для насъ имѣеть особый интересъ: „мы,

¹⁾ Акты Д.—З. с. 34 и 41.

²⁾ А. Ю. Р. I, № 106.

³⁾ Любавскій Областное дѣленіе, с. 868.

⁴⁾ Ibid. с. 842—на корчм. пеннон.

⁵⁾ Акты Д.—З. № 15.

тому porozумевши, иже потреба господарская казывала пенязей, какъ то на Вкраинѣ, а панъ Андрей мель ему тыи пенязи заплатити, нашли есмо Алексея въ томъ правого¹⁾ etc.¹⁾. Такова была административная практика.

Сборъ мыта, въ частности—„головного“ (караваннаго) и „оргишеваго“ (со степныхъ стадъ²⁾), вообще говоря, не входилъ въ компетенцію воеводъ. Впрочемъ, есть основаніе полагать, что на первыхъ порахъ, въ самомъ началѣ воеводскаго режима, дѣло обстоило нѣсколько иначе. Это явствуетъ изъ жалобъ московскаго посла Еропкина, изложенныхъ имъ передъ литовскимъ правительствомъ въ 1488 г. „Какъ наѣхалъ на Киевъ Иванъ Хоткевичъ—жаловался Еропкинъ—и онъ и зимѣ (прежде было только лѣтомъ) уставилъ другое тридцатое (мыто) въ Киевѣ вышегородское, да и по третьему грошу съ воза вышегородскаго же прибавилъ; а какъ Мартынъ на Киевъ наѣхалъ, и онъ прибавилъ тридцатое въ Чернибилѣ³⁾. Но уже въ 1486 г. Киевское мыто было продано жидамъ Симхѣ и Рябичу съ товарищами, на три года, по поводу чего король Казимиръ писалъ тогдашнему воеводѣ Юрію Пацевичу, чтобы онъ, „наше воевода, въ мытное дѣло наше не вступался ни во што, а и намѣстнику своему тежъ бы не велѣть вступатися: нехай мыто вѣдають мытники наши по давному⁴⁾“. Съ этого момента или, даже еще нѣсколько раньше, по сбору мыта (главнымъ образомъ головного и оргишеваго) установилось такое обыкновеніе оно сдавалось господаремъ на откупъ или „къ вѣрной рудѣ“ кому-нибудь постороннему, а за воеводой оставалась только обязанность защищать мытниковъ отъ притѣвленій со стороны господарскихъ кредиторовъ и, въ случаѣ нужды, помогать имъ своимъ административнымъ воздействиемъ въ сборѣ мыта и промыты. Впрочемъ, въ распоряженіи воеводъ оставалась еще нѣкоторыя, болѣе мелкія роды мытъ и пошлинъ, которыя шли частію на удовлетвореніе военныхъ и хозяйственныхъ потребностей замка, частію на содержаніе двора воеводъ, а частію, м. б., и въ ихъ личную пользу. Таковы

¹⁾ Кн. I Суд. дѣлъ № 206.

²⁾ Сбор. Ист. XXXV, с. 9.

³⁾ Бернадскій Документы и регесты къ исторіи польскихъ Евреевъ I, № 10.

были: *рыбная пошлина, капщизна, писчее, торговые пенязи, помврнос, обвѣстка* и проч.

Рыбная пошлина, неодинаковая по размѣру, различалась также и названіемъ въ зависимости отъ направленія, въ какомъ двигалось судно: пошлина, взимаемая отъ комыги или судна, спускавшагося на низъ, изъ Кіева, называлась *коргощиной*, а пошлина, взимаемая отъ комыги или судна, поднимающагося вверхъ, отъ Черкассъ, называлась *десяточнымъ*.¹⁾ *Капщизна* — это пошлина съ корчемъ, или т. н. «корчемные пенязи». Эта пошлина обыкновенно соединялась съ *писчимъ*. Съ корчмы платилось капщизны по полтретья гроша, а писчего — грошь. *Торговые пенязи* взимались за право лавочной торговли; въ приложеніи къ мясникамъ они носили специальное названіе — *яловица*. Перекупки, сидѣвшія на ряду съ хлѣбомъ или «иной яриной», платили *денегу* (каждой субботы), а новый человекъ, садясь на ряду, вносилъ *куницу* (12 гр.). *Помврнос* взималось съ тѣхъ продуктовъ, которые продавались съ воза: отъ мѣры *збожья — вѣсее*, или *подужчина* (пенязь), отъ вѣка прѣснаго меда — *новѣтчина* (2/3 гр.). *Обвѣсткой* называлась пошлина, взимаемая — по современному сказали бы мы — за приписку къ участку, но такъ какъ тогда участковъ не существовало и записей никакихъ не велось, то обвѣстка взималась при заявленіи новоприбывшаго передъ воеводимымъ намѣстникомъ. Наконецъ, воеводой собиралась *пошлина съ ремесленниковъ*: лучники два раза въ годъ давали по луку, ковали — по топору, чоботари — по парѣ сапогъ, стрѣльщики — по 10 стрѣлъ и проч. «подлугъ давнего обычная»²⁾.

Судебная власть воеводъ простиралась не на все группы населенія въ одинаковой степени и не по всемъ преступленіямъ. Безусловно имъ были подсудимы только господарскіе крестьяне и мѣщане, не пользовавшіеся Магдебургскимъ

¹⁾ Такъ въ уставной Кіев. мѣщанамъ отъ 1494 г. (А. З. Р. I № 120); въ грамотѣ же о воеводинныхъ доходахъ (ibid. № 170) эта статья выражена нѣсколько иначе: если придетъ рыба, соленая или вяленая, сверху или внизу — съ бочки рыба осмникъ воеводинъ беретъ по 6 гр. а вялыхъ и свѣжихъ — 1/2; а съ свѣжей рыбы-осетровъ, съ каждой осетнику по хребтихъ или 1/3. Ср. А. Ю. З. Р. VII, I, № 17.

²⁾ А. З. Р. I, №№ 120 и 170; А. Ю. З. Р. VII, I, № 17.

правомъ. Частновладѣльческіе люди всехъ наименованій состояли въ присудѣ своихъ господъ, а бояре — шляхта (въ томъ числѣ и духовенство) имѣли привилегію отзывать передъ судомъ воеводы до господаря. Это — общія положенія, которыя, однако, не имѣли безусловнаго значенія. Такъ, въ случаѣ тяжбы господарскаго подданнаго съ частновладѣльческимъ, назначался смѣтный судъ; если же владѣлецъ отволакивалъ право, то воевода могъ «моцно ставити» отвѣтника передъ собой черезъ дѣцкаго и давать ему управу¹⁾. Въ случаѣ исковъ на князей и бояръ — шляхту существовало такое узаконеніе. Воевода обещалъ листомъ отвѣтника, чтобы тотъ къ праву сталъ. Если тотъ уклонялся отъ этого, то воевода требовалъ его черезъ дѣцкаго и затѣмъ, «сѣвши съ князи и бояры Кіевскими», производить судъ. Впрочемъ, князьямъ и боярамъ предоставлялась привилегія отозваться на господаря; въ такомъ случаѣ воевода, въ присутствіи обоихъ тяжущихся, назначалъ «рокъ», когда имъ стать передъ господаря. Но отзывать на господаря можно было только въ двухъ случаяхъ: не вступая въ право или уже по окончаніи судебного процесса; во время же самаго судоговоренія это считалось недопустимымъ. Если, затѣмъ, кто-нибудь изъ тяжущихся, подъ какимъ-либо предлогомъ, въ назначенный «рокъ» не ставалъ къ праву передъ господаремъ, тогда воевода имѣлъ «моцно передъ собою его къ праву поставити, безъ каждаго отзванья передъ насъ (господаря) и справедливостъ тому вчинити на обѣ стороны»²⁾. Наконецъ, воеводамъ предоставлялось право суда надъ всеми группами населенія, за исключеніемъ состоявшихъ подъ Магдебургскимъ правомъ, по дѣламъ о разбоѣ съ поличнымъ, къ гвалтѣ, поджогѣ и насилуваніи женщины³⁾. По блуднымъ дѣламъ полагался судъ смѣтный съ митрополичьимъ намѣстникомъ⁴⁾. Приведемъ нѣсколько конкретныхъ примѣровъ для характеристики судебныхъ порядковъ того времени.

Въ 1507 г. Кіевская виноградничка жаловалась на игумена Николы Пустынскаго съ братією передъ воеводой Юри-

¹⁾ А. З. Р. I, № 130, II, № 30. Статутъ 1529 г. разд. VI, § 10.

²⁾ А. З. Р. II, №№ 30 и 222; Статутъ 1539 г. разд. VI, §§ 2, 4, 6.

³⁾ Статутъ 1506 г. разд. IV, § XX.

⁴⁾ А. З. Р. I, № 170.

емъ Монтковичемъ по поводу спорныхъ нивъ—Плоской и Калиновой. Для рѣшенія возникшей между ними тяжбы Киевскій воевода въ сопровожденіи довѣренныхъ лицъ ¹⁾ выѣзжалъ на спорные грунты и тамъ производилъ судъ. Въ защиту своихъ притязаній игумень покладаль передъ нимъ господарскій листъ на Плоскую и Калиновую, противъ котораго виноградника не могла дать отпора и вынуждена была сознаться, „що ти нивы господарскіи къ городу“. Въ виду этого, воевода ограничилъ спорныя владѣнія и выдалъ игумену листъ, присуждающій обѣ нивы монастырю Николи Пустынскаго. На этомъ судъ и окончился.

Въ разсматриваемомъ случаѣ, очевидно, стороны „стояли въ правѣ“ и были удовлетворены судебнымъ рѣшеніемъ воеводы. На другомъ примѣрѣ мы можемъ прослѣдить роль воеводы при отавѣ на господаря, причемъ дѣло усложняется неясною одной изъ тяжущихся сторонъ на назначенный имъ рокъ.—Около 1521 г. Виленскій воевода О. Гаштольдъ поручилъ господарскому слугѣ Ленку продать въ Ордѣ нѣкоторыя „речи“. Исполнивъ порученіе и закупивъ новыхъ товаровъ, Ленко возвращался къ пославшему его, но по дорогѣ, въ Черкассахъ, боярыня Зубрикова „заговала“ всю его покупку. Вскорѣ Ленко умеръ, и его вдовѣ пришлось вести судебный процессъ передъ Киевскимъ воеводой. Ставши передъ нимъ въ присутствіи отвѣтчицы, Ленковая сказала: „Ты заговала товаръ п. воеводинъ, а я его ни у—въ очи не видала; а п. воевода теперь на мене того смотреть и у—въ именье мое хочеть увязатися“. И о томъ отозвалися до пановъ—рады. Согласно желанію тяжущихся (соб. Зубриковой), воевода положилъ имъ рокъ на день св. Иліи, подѣ угрозой утраты права и подѣ зарукой 1000 коп. гр. на господаря и 500 коп.—на воеводу. Не смотря на это, Зубрикова все-таки не явилась на рокъ, почему состоялся заочный приговоръ въ пользу иетца, которымъ предписывалось Киевскому воеводѣ „ошечовавши тотъ товаръ, тую суму пенязей моцне на той Зубруковой правити и Ленко-

¹⁾ Любопытно отмѣтить составъ присутствія: п. Данило Дѣдковичъ, Янъ Выдра, тивуль Киевскій, земаникъ Лоза, мѣщане Киевскіе: Ганко, Филиппъ Стрѣльничковичъ и Новаша, „в нихъ было людей добрыхъ полно“.—А. Ю. З. Р. ч. I, т. VI, № 4 Ср. А. З. Р. II, № 97.

вой отдати“ ¹⁾. Неполнительная власть, такимъ образомъ, оставалась за воеводой.

Въ обоихъ выше приведенныхъ примѣрахъ мы видѣли, что воевода лично разбиралъ тяжбу. Но это не являлось непремѣннымъ условіемъ воеводскаго суда. Воевода могъ замѣнить себя во всякое время довѣренными лицами, которыя въ его отсутствіи производили слѣдствіе и постановляли приговоръ, восходившій на утвержденіе воеводы. Такъ, въ 1539 (?) г. по случаю тяжбы о спорной нивѣ между Кирилловскимъ игуменомъ (Симеономъ) съ одной стороны, и архимандр. Печерскимъ съ попомъ Николо—Притиско—Васильевскимъ—съ другой тогдашній справда воеводства Киевскаго—Владиміръ Ю. Дубровицкій-Гольшанскій высылалъ судебную комиссію въ составѣ: своего маршалка—Собестьяна Яблоновскаго, намѣст. Киевскаго Ив. Вялковича и землянина господарскаго, повѣта Киев., Василя Панкевича. Эти комиссары, прибывъ на спорныя грунты и произведя слѣдствіе, рѣшили дѣло въ пользу ц. св. Кирилла „вечными часы“ и „тую справу и судъ свой е. м. кн. Володимеру оказали“ ²⁾.

Наконецъ, еще одинъ случай воеводскаго суда. Выше мы имѣли дѣло съ проявленіемъ обычно присущей воеводамъ судебной компетенціи. Но бывали случаи, когда воеводамъ поручалось отъ самого господаря разобрать то или др. тяжбное дѣло. Въ такихъ именно случаяхъ судъ воеводы замѣнялъ инстанцію пановъ рады, и апелляція на него могла восходить только къ господарю. Такъ, въ 1545 г., „зъ расказанія господаря короля и велик. князя Жикгимонта Августа“, Киевскій воевода Фридрихъ Г. Пронскій съ другими должностными лицами своей области ³⁾ разбиралъ тяжбу между землянкой Киевской Настасіей Ленковой и Софійскимъ намѣстникомъ В. Пацкевичемъ о спорныхъ озекахъ въ Вишенскомъ имѣніи. Послѣ довольно сложнаго судебного разбирательства, весьма характернаго для исторіи

¹⁾ Кн. III Суд. дѣль № 184—6.

²⁾ А. Ю. З. Р. ч. I, т. VI, № 14.

³⁾ Составъ присутствія: Ив. В. Соломирицкій, державца Киевскій, Ив. Григорьевъ, Слузиччъ, городничій Киевскій, Петра. Пушкѣй, ротмистръ Киев.

процесса того времени, было учинено воеводой соответствующее решение, записанное в судебный лист, за печатями комиссаров¹⁾.

Говоря о главнейших функциях Киевских воевод, нельзя пройти молчаньем их важной политической роли в качестве воевод украинной области. Именно, на таких воевод в Литовском государстве обыкновенно возлагалась обязанность и вместе с тем — право сношения с соседними государствами. Так как Киевская земля граничила с владениями Орды, то Киевским воеводам предоставлялось сношение с крымскими и заволожскими ханами. В особенности часты были сношения с первыми, так как Золотая Орда к этому времени находилась уже в состоянии упадка, уступив свое место Перекопской. Эта политическая роль Киев. воевод утвердилась за ними издавна и поддерживалась традиционно в течение всего рассматриваемого периода. В 1493 г., напр., Крымский хан Менгли-Гирей напоминает вел. кн. Александру „давние дѣла“, которые состояли в том, что перед тем, за предком этого князя, „слово и указанье“ великих князей литовских „через воеводу Киевского бывало доношено“ до его предков „о добротях и о приязни“. По традиции этих „давних дѣл“ Менгли-Гирей и пишет „тими разы“ к воеводу Киев. Д. Путятичу, „абы межн имъ и господаремъ Литовскимъ доброты были“, а воевода его слова „доноситъ“ по назначению²⁾. В 1500 г. через того же Д. Путятича вел. кн. Александръ дѣлает предложение Менгли-Гирею о своемъ намерении собрать в его пользу с каждого человека в трех украинских воеводствах по 3 деньги с человека, „одно бы е. м. вѣрно и правдиво помочь господару на того неприятеля е. м. и е. м. земель“³⁾. Эти сношения с Крымцами не всегда были даже безопасны для особы воевод, не смотря на их посольскія полномочія. В 1515 г., напр., Андрей Немировичъ не без смущения явился в станъ Али-Солтана, на Тясмени, посланный королю всевозможныя предостережения и принявъ предварительно всѣ

¹⁾ А. Ю. З. Р. ч. I, т. VI, № 18.

²⁾ А. З. Р. I, № 107.

³⁾ А. З. Р. I, № 183.

мѣры, чтобы в случаѣ его задержанія или гибели, Киевскій замокъ могъ оказать надлежащее сопротивление⁴⁾. Обыкновенно в такихъ случаяхъ, для обезпеченія личности воеводы, требовались заложники отъ Орды, но ихъ не всегда можно было получить в свое время, а между темъ дѣла иногда не терпѣли отлагательства⁵⁾.

Какъ начальники цѣлой области, и притомъ весьма обширной, располагавшіе широкими полномочіями и несшіе на себя тяжелыя обязанности военныя, административныя, финансово-хозяйственныя и судебныя, съ придачей еще политическихъ, Киевскіе воеводы вынуждены были содержать при себѣ многочисленный штатъ служебниковъ. В числѣ ихъ документы называютъ — *справцевъ*, *наместниковъ*, *городничихъ*, *каштеляновъ*, *маршалковъ*, *дѣлчихъ*, *писчей*, *уязмчихъ*, *осмиковъ*, *типуновъ* и др.

Справцы обыкновенно назначались господаремъ для временнаго замѣстительства воеводъ в ихъ отсутствіе или до подысканія соответствующаго кандидата⁶⁾. Но впоследствии, при воеводахъ Янушѣ Дубровицкомъ-Гольшанскомъ, К. Острожскомъ и др., большею частью проживавшихъ в родовыхъ помѣстьяхъ или занятыхъ господарскою службой в другихъ мѣстахъ, справцы стали назначаться самими воеводами, для ихъ замѣстительства⁷⁾. Намѣстники были также замѣстителями воеводъ, но они не терли своего значенія и въ присутствіи воеводъ, какъ ихъ ближайшіе помощники по управленію. Намѣстниковъ Киевскаго воеводы мы встрѣчаемъ даже и при справцахъ⁸⁾ — и справцахъ изъ руки самихъ воеводъ, а не господаря⁹⁾. Городничіе, подъ воеводой, завѣдывали крѣпостными сооружениями и провиант-

⁴⁾ А. З. Р. II, № 93.

⁵⁾ Сбор. Муханова № 22.

⁶⁾ Грамоты Антоновича № 26; А. Ю. Р. I, № 105; А. З. Р. II, № 214.

⁷⁾ Владиміръ Ю. при братѣ Янушѣ Гольшанскомъ, Александрѣ Вишневецкій при С.-Ф. Г. Пронскомъ, Збаражскій и Чарторыйскій — при К. Острожскомъ. См. нашъ каталогъ Киев. воеводъ.

⁸⁾ Сбор. Муханова № 22 — намѣстникъ Андр. Александровичъ, „который тими разы отъ насъ въ Киевѣ на мѣстцу воеводничѣ мѣняеть“.

⁹⁾ Нам. Вишкевичъ при справцѣ Я. Ю. Гольшанскаго, Ф. Тиша при Чарторыйскомъ.

скими магазинами („шпихлерами“); имъ же поручался сборъ капицны, такъ какъ платъ съ корчемъ преимущественно предназначался на оправленіе замка. Для шафлеванья у шпихлеровъ збожы и для побиванья и покрытъя вежъ и обланковъ, кгда ся отъ ветру сонсуеть, и направенья горы*—городничіе обязывались содержать до 30 молодцевъ. За службу имъ полагался опредѣленный „юргельтъ“ изъ господарскаго скарба; вознагражденіе молодцамъ шло особо ¹⁾. Должность каштеляна—отъ castella—ближе всего подходитъ къ уряду городничаго, съ которымъ обыкновенно и сливается. Раздѣленіе этихъ урядовъ въ Киевской землѣ было вызвано „не зъ жадныхъ иныхъ причынъ, одно не хотячы тому замку украинного въ небытности воеводы въ якомъ непорядку мети,—абы уставичне на томъ замку мешкати, а всякого порадку и небезпечностей оного замку пыльне постерегать“ ²⁾. Такъ какъ за благосостояніемъ укрѣпленій уже раньше слѣдили городничіе (каштеляны появляются только въ 60 г.г. XVI в.), то на каштеляновъ была возложена обязанность предводительствовать земскимъ и мѣстнымъ городскимъ ополченіемъ ³⁾. Маршалки, по образцу великокняжескихъ, завѣдывали судомъ ⁴⁾. Дѣцкіе, вижи и увязчіе исполняли судебно-полицейскія функціи ⁵⁾. Обязанности осмика наложены въ устав. грамотѣ вел. кн. Александра Киев. мѣщанамъ о воеводинныхъ доходахъ ⁶⁾. Въ его компетенцію входило: наблюденіе за благоповеденіемъ населенія, сборъ рыбнаго мыта, судъ за мелкую покражу на берегу, за побой между женщинами и т. п. Тивуну до 1503 г. принадлежалъ судъ; съ этого же времени должность его совѣмъ упраздняется ⁷⁾.

¹⁾ А. Ю. З. Р. I, № 109; А. Ю. З. Р. VIII, V, №№ 55, 71, 75.

²⁾ А. Ю. З. Р. VIII, V, с. 169—70.

³⁾ А. З. Р. III, №№ 39 и 45; *Зг.* XX, 56.

⁴⁾ А. Ю. З. Р. I, VI № 14; Кн. I суд. дѣлъ № 266.

⁵⁾ Дѣцкіе исполняли функціи приставовъ—Статутъ 1529 г. разд. VI, §§ 4, 10 и 36; А. З. Р. I, 67. Вижи устанавливали правонарушеніе и присутствовали при исполненіи судебныхъ возмездій—Статутъ 1529 г. разд. VI, §§ 10, 31, 36; разд. VIII, § 15. Обязанности увязчата понятны: Стат. 1529 г., разд. VIII, § 19. Иногда обязанности вижа и увязчата соединялись въ должности *возного*—Стат. 1566 г. разд. IV, § 5.

⁶⁾ А. З. Р. I, № 170.

⁷⁾ А. З. Р. I, № 207.

Король Сигизмундъ I, при назначеніи Юрія Михайловича Монтовтовича на должность Киевскаго воеводы, принимая во вниманіе, „вжъ онъ маеть, на томъ замку напомъ украинномъ мѣшкаючи, не малую суму слугъ ховати ку службѣ нашой, а поживитися съ тыми слугами евоими не маеть чимъ“, придалъ ему „на поживеньо“ къ воеводству Киевскому разные доходы съ корчемъ и мыто въ его области ¹⁾. Это смѣшеніе личныхъ и служебныхъ интересовъ лишаетъ насъ возможности выдѣлить личное содержаніе воеводъ отъ содержанія ихъ двора. Можно утверждать только, что пошлины, которыми оплачивались судебно-административныя функціи самихъ воеводъ, шли въ ихъ собственную пользу; при исполненіи же этихъ функцій ихъ чиновниками, воеводы получали только известную часть дохода ²⁾. Въ виду указанной неопредѣленности въ распредѣленіи доходовъ, мы, говоря о содержаніи Киевскаго воеводы, будемъ разумѣть содержаніе не только его самого, но и его двора.

Прежде всего, на воеводу шли мелкія пошлины и спеціальныя сборы, въ родѣ—рыбнаго мыта, торговыхъ пенязей, помѣрнаго, сбора съ перекупокъ и ремесленниковъ, обвѣтки, —полюдьѣ ³⁾. Затѣмъ, какъ мы сказали, въ пользу воеводъ шли пошлины, которыми оплачивались ихъ судебно-административныя функціи. Въ числѣ ихъ укажемъ: *пересудъ*, *повинное*, *змирное*, *покалодное*, или *поважное*, *зарука*, *дѣцкованье*, *увязчье*, *вижовое*, *осмичье* и др. ⁴⁾. Третьимъ источникомъ

¹⁾ Любавскій ар. с. Приб. № 15, ср. Arch. Lab.—Sang. IV, № 213.

²⁾ Стат. 1529 г. разд. VI, § 34 и др.

³⁾ А. З. Р. I, № 170, ср. *ibid.* № 120; А. Ю. З. Р. VII, II, № 1.

⁴⁾ *Пересудъ* занимался съ истцовъ, выигравшихъ гражданскій процессъ, соответственно суммѣ иска (Стат. 1529 г. разд. VI, § 11; до 1509 г. пересудъ занимался съ оправданнаго обвиняемаго—А. З. Р. II, № 52). *Повинное*—штрафт. *Змирное*—пошлина съ тѣхъ, „кто побѣдетъ, а у праве не стоить (поєднається)“. *Покалодное*, или *поважное* занималось съ арестантовъ („кого у визанье, хотя невинного, осадитъ“). *Зарука* обыкновенно шла на господара, но могла назначаться и на воеводу (Кн. III суд. дѣлъ, № 185). *Дѣцкованье*—вознагражденіе за трудъ дѣцкаго (Стат. 1529 г. разд. VI, §§ 10 и 34). *Увязчье*—вознагражденіе за ввозъ по вѣдѣнію (Стат. 1566 г. разд. IV, § 5). *Вижовое*—вознагражденіе вижу (Стат. 1529 г. разд. VI, § 31). *Осмичье*—дохода отъ исполненія функцій осмика (А. З. Р. I, № 170). Кроме того, на воеводу шли еще товары съ возовъ, которые, вследствие перегрузки, ломались на известныхъ мѣстахъ („на

содержанія воеводъ служила эксплуатація сельско-хозяйственныхъ статей, приписанныхъ къ замку, какъ-то: бобровые гоны, озера, езы по рѣкамъ, зѣринные довы и проч.¹⁾ дворища и выгоны²⁾. Наконецъ, четвертымъ источникомъ содержанія воеводъ служили доходы, которые мы назовемъ случайными. Это—свадебная курница (съ брачующихся), коляда и петровское—праздничные подарки, подарки отъ церквей и монастырей³⁾.

Всѣхъ этихъ доходовъ, обычныхъ для намѣтниковъ—державцевъ, какъ и для воеводъ, оказывалось недостаточно для содержанія Киевскаго воеводы съ его многочисленнымъ штатомъ служебниковъ, „яко на Украинѣ“⁴⁾. Поэтому уже съ давнихъ поръ вошло въ практику давать ему вспоможеніе изъ господарскаго скарба—единовременное ли, деньгами либо товарами, или до воли господарской, обыкновенно на все время воеводства,—въ видѣ тѣхъ или другихъ доходныхъ статей. Въ приходо-расходныхъ записяхъ времени Казимира можно встрѣтить такія отмѣтки: „п. Юрю Пацовичу 300 коп. зъ мита путивльскаго“; „п. воеводе Киевскому 100 коп. зъ мита киевскаго, а 30 коп. зъ мита браньскаго, а 20 коп. зъ дани медовой зъ вясанскою“ и т. п.⁵⁾ Выдача единовременныхъ пособій изъ господарскаго скарба практиковалась и въ XVI в.; такія пособия (деньгами, сукномъ и оксамитомъ) получали, напр., Андрей Немиричъ при кор. Сигизмундѣ I⁶⁾.—Съ XVI в. ведетъ свое начало практика вспоможенія Киев. воеводъ путемъ переуступки имъ тѣхъ или иныхъ доходныхъ статей. Впервые, насколько намъ извѣстно, такимъ вспоможеніемъ воспользовался Юрій Монтовтовичъ, при своемъ назначеніи: кор. Сигизмундомъ

одну сторону по Золотымъ воротамъ, а на другую сторону по Почайнѣ рѣкѣ“.—А. Ю. З. Р. I, № 170).

ЛВ. Гдѣ не показано цитаты, см. иллюстрація.

1) А. Ю. З. Р. VII, I, № 16.

2) А. Ю. З. Р. II, № 108.

3) А. Ю. З. Р. II, № 147, ср. иллюстрацію Киева 1552 г.

4) Акты Д.—З. с. 29, 44, 49.

5) А. Ю. З. Р. VIII, V, с. 455, 457.

на „поживенья“ ему было пожаловано киевское мыто (кромѣ аргина), платъ съ корчемъ киевскихъ и половина плата съ корчами черкаской, „какъ Дѣдко року своего додержитъ“¹⁾. Преемнику Ю. Монтовтовича—кн. Ю. Гольшанскому кор. Сигизмундъ „прирекъ“ давать ежегодно по 300 коп. гр. для вспоможенія, безъ обозначенія источника, откуда имѣла быть заимствована эта сумма²⁾. Какое вспоможеніе получали послѣдующіе воеводы, мы не знаемъ; но въ 1541 г. кн. Коширскій для своего „выхованья“ и „поживенья“ слугъ своихъ получалъ отъ господаря „пенязи капщизные“ и мыто, за что, впрочемъ, обѣщалъ поднимать пословъ и гонцовъ татарскихъ³⁾. Преемнику Коширскаго—Я. Дубровницкому въ 1542 г. для той же цѣли были приданы „волость Горвольская зъ даньми медовыми и грошовыми и съ тивуницною, ничего на гошодаря не выймаючи, а дань медовая Мозырская вси, кромѣ иныхъ платовъ и доходовъ господарскихъ; а къ тому казалъ е. м. гошодарь дати ему изъ скарбу своего на выхованье, въ каждый годъ по 400 коп. гр. а по 6 поставокъ лунскихъ, а по 10 полтрышескихъ“⁴⁾. Въ дальнѣйшемъ мы видимъ въ распоряженіи Киевскихъ воеводъ въ качествѣ базисной (дополнительной) статьи ихъ поживенья—киевскую капщизну: въ 1556 г. она была пожалована Григорію Ходкевичу, въ 1560—кн. К. Острожекому⁵⁾. Ходкевичъ, кромѣ того, пользовался еще медовой данью и тивуницною (великой и малой) съ волостей: Мозырекой и Вщицкой⁶⁾, а Острожскій въ началѣ своего воеводства получалъ дополнительное вспоможеніе изъ мита киевскаго, которое затѣмъ переуступилъ (ок. 1560 г.) королю вза-мѣнъ 200 коп. гр. изъ мита лунскаго⁷⁾; сверхъ того, ему выдавалось еще ежегодно 300 коп. гр. изъ гошодар. скарба⁸⁾.

1) Любавскій Областное дѣленіе, с. 813.

2) А. Ю. З. Р. II, № 44.

3) А. Ю. З. Р. VIII, V, № 13—Arch. Lab-Sang. IV, № 213.

4) А. Ю. З. Р. I, № 111; ср. А. Ю. З. Р. VIII, V, № 23.

5) А. Ю. З. Р. VIII, V, № 50; Довнаръ-Запольскій Госуд. хозяйство, с. 428.

6) А. Ю. З. Р. VIII, V, № 50.

7) А. Ю. З. Р. II, № 139—А. Ю. З. Р. VIII, V, № 56, II.

8) А. Ю. З. Р. VIII, V, № 56, III.

Послѣ всего, что сказано выше о дѣятельности воеводъ, намъ не придется много распространяться о дѣятельности старостъ и намѣстниковъ, такъ какъ, за немногими исключениями, эти послѣдніе дѣлали въ своихъ повѣтахъ и волостяхъ то же, что воеводы—въ своемъ. Разница въ положеніи тѣхъ и другихъ сводилась, главнымъ образомъ, къ тому, что воевода могъ простираť свои функціи также на области подчиненныхъ ему старостъ и намѣстниковъ, въ то время какъ эти послѣдніе не могли выходить изъ предѣловъ порученной каждому изъ нихъ территоріи¹⁾. Такимъ образомъ, за старостами и намѣстниками въ извѣстныхъ географическихъ предѣлахъ, подъ контролемъ воеводъ, мы должны признать власть—военную, административную, судебную и финансово-хозяйственную; нѣкоторые же изъ нихъ, благодаря своему украинному положенію, сверхъ того, имѣли еще и полномочія политическія.

Какъ военачальники, старосты вѣдали: крѣпость, гарнизонъ (слугъ), земское ополченіе (не всегда) и сторожевую службу.

1. X. 1562 г. Сигизмундъ Августъ, разрѣшая Филону Кмитѣ (державца Остреків) прѣхать по своимъ дѣламъ въ Вильно, постановилъ непремѣннымъ условіемъ „на мѣстѣ своемъ на замку тамошнемъ Острекомъ отца своего оставить и въ доброй безпечности замокъ такъ, якобы и при немъ самомъ было, опатривати“²⁾. Обязанность старостъ „имѣть замокъ въ доброй опатривости“, иногда обозначаемая и въ самихъ жалованныхъ грамотахъ³⁾, въ одномъ документѣ расчленяется на слѣдующія дѣйствія: „Розказуемъ тебе—пшигь господарь,—абы еси въ часъ теперашнихъ небезпечностей людьми тамошними... тые замки наши украинные (Черкасы и Каневъ), яко могучи, и городни каменемъ, и споны, и колодьемъ, и иными всякими речми, што ку обороне замковой прислушати, запособилъ, яко бы тые замки наши въ часъ пригоды—его жъ Боже вховай—отъ непри-

¹⁾ Подробности—ниже.

²⁾ Арх. сбор. IV, № 5, ср. Skarbiec II, № 2315.

³⁾ А. Ю. З. Р. II, № 120—Arch. Lub.-Sang. IV, № 133; Сбор. Малюновскаго с. 25.

телей нашихъ безпечны быти могли“¹⁾. Гарнизонную службу въ замокъ несли т. н. слуги, составлявшие „почоть“ старосты, которымъ онъ располагалъ по своему усмотрѣнію для военныхъ надобностей. Если были въ замокъ люди пѣняжиче—жолнеры,—то они находились подъ непосредственнымъ начальствомъ своихъ ротмистровъ, въ отношеніи которыхъ староста обязывался „сполне на томъ замку мешкати и згодливѣ зъ собою поступаючи въ часъ пригоды небезпечности,—его жъ Боже вховай,—отъ неприятелей оборону тому замку господарскому чинити такъ, якъ на верность службу господарскихъ належитъ, сколько Богъ милый допоможеть“²⁾. Ключи отъ замка и спижарень (коморъ, гдѣ хранились запасы) находились у обоихъ — у ротмистра и старосты, — что приводило ко многимъ недоразумѣніямъ и едва ли не было впоследствии отмѣнено: въ такомъ случаѣ замковыя ворота скорѣе были отданы въ вѣдѣніе старосты, чѣмъ ротмистра.

Сторожевая служба на мѣстахъ урочистыхъ, вѣвъ замка, состояла въ вѣдѣніи самого старосты, но въ замокъ, вѣроятно, за ней слѣдили также и ротмистры; скорѣе всего, ротмистрамъ были подчинены адѣсь непосредственно постоянныя роты, а старостѣ—его служебники и мѣщане. Земскимъ ополченіемъ командовали сами старосты³⁾, если оно не сливалось съ ополченіемъ Кіевского повѣта⁴⁾.

Какъ военачальникъ и комендантъ, староста обязанъ былъ „ховати“ извѣстное количество слугъ для военныхъ надобностей. Если наличность таковыхъ не была достаточной, то онъ имѣлъ полномочіе увольнять тяглыхъ людей отъ ихъ обычнаго тягла и переводить на военную службу⁵⁾. Такъ какъ обезпеченіемъ послѣдней служила земля, то старосты имѣли также полномочіе надѣлать соответствующими участками своихъ слугъ и бояръ — завѣдывать экономическимъ благоустройствомъ военно-служилого класса⁶⁾.

¹⁾ А. Ю. З. Р. VIII, V, с. 65; ср. ibid. №№ 28, 29, 31, 36.

²⁾ А. Ю. З. Р. VIII, V, с. 69.

³⁾ А. Ю. З. Р. VIII, I, с. 81—2, 96, 144, 594; IV, I, с. 40.

⁴⁾ Сбор. Малюновскаго с. 205; Сбор. лѣт. XVII, с. 565.

⁵⁾ А. Ю. З. Р. VII, I, с. 625; ibid II, № 18; VIII, V, № 6.

⁶⁾ А. Ю. З. Р. IV, I, с. 51; VIII, V, № 62.

Административныя функции старосты и намѣстниковъ въ общемъ были тѣ же, что и воеводы въ ихъ повѣтъ. Старосты обязаны были прежде всего слѣдить за общественной тишиной и безопасностью. Въ этихъ цѣляхъ они учреждали надзоръ за воротами, чтобы никто не могъ войти или выйти незамѣченнымъ¹⁾, и останавливали иностранцевъ, не имѣвшихъ надлежащаго разрѣшенія на проѣздъ²⁾; караваны и пословъ старосты обязаны были обелуживать военными отрядами, если представлялась какая-либо опасность для ихъ личности или имущества³⁾. Вообще охрана личной и имущественной неприкосновенности гражданъ была одною изъ существеннѣйшихъ функций старостинской власти⁴⁾. Въ связи съ этимъ стоитъ и надзоръ за наиболѣе своевольнымъ элементомъ населенія—казаками, надзоръ, для самихъ старостъ не всегда желательный и во всякомъ случаѣ—очень трудный и отвѣтственный. Въ отношеніи казаковъ старосты должны были „повстегати“, т. е. удерживать ихъ отъ всякихъ „зачепокъ“, въ случаѣ же нарушенія общественнаго спокойствія, на старостахъ лежала обязанность разыскивать виновныхъ и привлекать ихъ къ законной отвѣтственности—„моцно за горла имати и карати“ или отсылать къ государю⁵⁾. Въ концѣ концовъ, какъ администраторы, старосты обязаны были „подданныхъ своихъ у ведомости и въ послушенствѣ своемъ мети“.

Въ 1542 г. игумень и старцы монастыря Пустьинскаго жаловались кор. Сигизмунду на Каневскихъ мѣщанъ, что тѣ присвоили себѣ земли монастырскія — данину Остафія Дашкевича, которая передъ тѣмъ, какъ при первыхъ старостахъ Каневскихъ, такъ и при теперешнемъ державцѣ Бобождѣ, они эксплуатировали только за десятину. Поддерживая монастырскихъ старцевъ, въ свою очередь и Бобождъ писалъ королю, что, по опросамъ старыхъ людей, дѣло обстоило дѣйствительно такъ, какъ было изложено челобитчиками. Въ отвѣтъ на это король издалъ такую реплику о ста-

¹⁾ А. Ю. З. Р. VII, II, № 18—VIII, V, № 6, с. 10.

²⁾ А. Ю. Р. II, № 138; А. З. Р. I, № 154; А. Ю. З. Р. VIII, V, с. 188.

³⁾ Книга Посольская I, № 22, А. Ю. З. Р. VIII, V, с. 137.

⁴⁾ А. Ю. З. Р. I, VI, № 17; VII, I, с. 132; VIII, V, № 82.

⁵⁾ А. Ю. З. Р. VIII, V, № 19, с. 32; III, I, № 3; А. Ю. Р. II, № 137.

ростинскихъ обязанностяхъ: „Ино вже, коли онъ (Бобождъ) о томъ ведомость от тамошнихъ людей взять и ихъ о тыхъ селищахъ опитоваль, а они перед нимъ сознавали, ижъ онѣ селища Колтогаевскіе здавна к тому монастырю бывали, намъ по дьямо сестъ, ижъ онъ, яко владникъ нашъ, будучи тамъ на томъ замку нашомъ, самъ конца тому уделамъ не хотѣл, а водле сознани оныхъ людей, которые перед нимъ о тыхъ селищахъ сознавали, про то бы онъ тыхъ селищъ Колтогаевскихъ земли ку тому монастырю въ супокійное держане имъ, водлугъ давного обычая, вказати не мѣлъ, але гдыжъ то онъ на розызнане и волю нашу господарскую здал и намъ въ томъ в листѣ своемъ знати дати“¹⁾. Въ данной репликѣ, очевидно, мы имѣемъ дѣло не только съ административной, но и съ судебной компетенціей старосты—державцевъ: прежде, чѣмъ ввести Пустьинскихъ старцевъ въ супокійное владѣніе спорной землей, само собою предполагается, что староста долженъ былъ установить судебнымъ порядкомъ ихъ права на эту землю. Право суда было неотъемлемой частью старостинскаго уряда, прежде всего — въ отношеніи государственныхъ крестьянъ и мѣщанъ, затѣмъ—въ отношеніи бояръ и церкви.

Право суда надъ господарскими людьми, вытекавшее изъ самаго основанія старостинской власти, санкціонировано еще въ уставной грамотѣ Киевской земли²⁾; фактическое же подтвержденіе этого права мы находимъ въ люстраціяхъ³⁾ и въ нѣкоторыхъ частныхъ актахъ старостинскаго суда⁴⁾. Подсудность бояръ замковой юрисдикціи (старосты) особенно ясно видна изъ актовъ Овруцкаго староства: бояре, при мобилизаціи ихъ, обыкновенно освобождаются отъ замковаго присуда, съ подчиненіемъ присуду Киевскаго воеводы, и—наоборотъ—если возникалъ споръ о шляхетствѣ, то справлялись, подлежалъ ли претендующій на это высокое званіе

¹⁾ А. Ю. З. Р. I, VI, № 17.

²⁾ А. З. Р. II, с. 152.

³⁾ А. Ю. З. Р. VII, I, с. 96, 98. Въ другихъ люстраціяхъ рѣчь идетъ только о „повинноватствѣ“, но последнее было неразрывно связано съ присудомъ: группы населенія, исключенныя изъ повинноватства старосты (земляне—овр. с. 40), не подлежали и ихъ присуду.

⁴⁾ Акты Д.—З. № 99.

юрисдикции и присуду замка Овручкаго; если факты подтверждали это, то претендентамъ въ побилитации отказывали. Равнымъ образомъ, достаточно было показать документъ о побилитации, даже и безъ упоминанія о присудѣ, чтобы доказать неподсудность старостинской юрисдикции¹⁾. Изъ тѣхъ же документовъ слѣдуетъ, что старостинскому присуду не подлежали земляне: они судились, согласно уставной грамотѣ, у Киевскаго воеводы, хотя, съ согласія обѣихъ сторонъ, конечно, могли судиться и у своихъ старостъ. Наконецъ, церкви и монастыри, не свободные отъ административнаго вѣдѣнія старостъ²⁾, подлежали также и ихъ присуду; по крайней мѣрѣ таковы этихъ учреждений со свѣтскими лицами разбираются мѣстными урядниками, хотя не исключена возможность (какъ всегда) обращенія и къ суду самого господаря. Для доказательства сошлемся на судебные процессы Пустьинскаго монастыря съ Черкасцами и Каневцами³⁾.

Обыкновенно староста производилъ судъ въ силу присущей ему (по должности) компетенции. Но иногда самъ господарь поручалъ старостамъ учинить судъ — потому ли, что въ свое время они не дали надлежащей управы тяжущимся, или потому, что сами тяжущіеся предпочитали сразу обратиться за судомъ къ высшей инстанціи. Такъ, въ 1562 г. Сигизмундъ Августъ, по жалобѣ Черкаскаго землинна Ивана Жубрика на Ждана Повитку (казака?) о бобровыхъ гонгахъ, велѣлъ своему старостѣ Михаилу Вишневецкому, „ижъ бысть тому подданному нашему, Жубрикови, предъ собою стать казавши, справедливость въ то ему въ нимъ учинить и справа, въ чомъ онъ противко ему вынень зосталъ, теда ему платити и за то досить учинить казати, и черезъ то гонъ бобровыхъ гонити и въ тѣ рѣчки ветунаться не осмѣлеть, жебы онъ въ томъ собѣ не шкодовалъ и намъ повторной жалобой своей нагабана о то не чинить“⁴⁾.

¹⁾ А. Ю. З. Р. IV, I, №№ 1, 2, 5, 6, 8, 9, 15 и др.; VШ, V, с. 392, 422 и др.

²⁾ Последнее сказывалось въ томъ, что старосты иногда замѣняли въ нихъ вакантныя настоятельскія мѣста, а еще чаще — получали назначеніе о состоявшемся назначеніи отъ господаря, — очевидно, въ цѣльхъ водворенія новопожалованныхъ на ихъ мѣстахъ (А. Ю. Р. I, № 80; А. З. Р. I, № 140).

³⁾ А. Ю. З. Р. VII, II, № 4; А. З. Р. II, №№ 153, 171, 233.

⁴⁾ Грамоты Антоновича № 42.

Хозяйственная дѣятельность старостъ и намѣстниковъ — державцевъ, выражалась въ мѣропріятіяхъ, направленныхъ къ обезпеченію интересовъ господарскаго хозяйства. Каждый староста въ своемъ повѣтѣ обзирался „пожитковъ господарскихъ, што будетъ адва на замокъ прислухало, и всякихъ пошлнть повинныхъ ничымъ не впуцати и того шильно смотрети, жебы некоторыи службѣи и дачки и иншыи повинности и пожитки господарскии звечыстѣи отъ замку ничымъ не отходили, ани ся уменьшали... а подданныи с тое украини прочъ ся не розиходили“¹⁾. Въ качествѣ финансово-хозяйственныхъ дѣятелей, державцевъ въ собственномъ смыслѣ, старосты и намѣстники обязаны были также исполнять разныя порученія центрального правительства, имѣвшія связь съ этой дѣятельностью, — шла ли рѣчь о доходности жалуемыхъ имѣній²⁾, или о „поданіи“ такого-то человѣка съ землею, на которой онъ сидитъ, указанному лицу³⁾, или о введѣіи этого лица во владѣніе тѣмъ, что ему пожаловано — будетъ ли то земельный надѣлъ, корчма, мыто, церковь или что-либо иное⁴⁾.

Такова была обычная компетенція старостъ и намѣстниковъ Киевской земли. Но некоторые изъ нихъ, сверхъ того, обладали и политическими полномочіями. Это были старосты и намѣстники украинскихъ повѣтовъ: Путивльскаго и Черкаскаго. Въ частности, о политической роли Путивльскихъ намѣстниковъ мы можемъ только догадываться на основаніи обычной практики Литовско-русскаго государства въ отношеніи намѣстниковъ украинскихъ повѣтовъ. О роли же Черкасскихъ старостъ мы имѣемъ конкретныя извѣстія. Такъ, въ 1522 г. Черкасскій староста Остафій Дашкевичъ доносилъ кор. Сигизмунду, что Менгли-Гирей „маеть волю тчипути со всеми своими войска въ землю непріятели своего и господарскаго — вел. кн. Московскаго“, и приглашалъ самого короля принять дѣятельное участіе въ этомъ походѣ⁵⁾. Въ

¹⁾ А. Ю. З. Р. VIII, V, с. 12.

²⁾ Акты Леонтовича II, № 627.

³⁾ Любавскій Областное дѣленіе, с. 675.

⁴⁾ А. Ю. Р. I, № 80; II, №№ 85 и 99; А. З. Р. I, № 140; Акты Леонтовича I, №№ 195, 201, 259; II, №№ 594, 627.

⁵⁾ А. З. Р. II, № 116.

1528 г. тот же Остафій Дашкевичъ велъ переговоры съ Крымскимъ царевичемъ Осламомъ-Солтаномъ о томъ, „какою бы мѣрою онъ мѣлъ съ королемъ у згуду прійти“. Дашкевичъ, дѣйствительно, своимъ посредничествомъ привелъ „у згуду“ обонхъ, за что получилъ отъ короля похвальный отзывъ, „ижъ онъ въ господарскихъ дѣлѣхъ пыльность и чуйность маетъ и за посполитое доброе земское стоитъ“¹⁾.—Само собою разумѣется, что на Черкасскихъ (и Путивльскихъ) старостахъ, „яко на пограничью живущихъ“, лежала обязанность „о поганстве Татарехъ, и о всякой справе ихъ пыльное выведанье чинити и безъ жаднаго сплюшенства чуйность великую коло того мети, и гдѣ бы отъ нихъ которое небеспеченство панству быти розумѣли, то бы за часу ведати о томъ господарю давали, а безъ вѣсти въ томъ его не держали“²⁾. Такъ, дѣйствительно, и поступали Черкасскіе старосты—Остафій Дашкевичъ, Янъ Пышко, Я. Хрщовичъ, І. Халецій и др.³⁾.

Въ качествѣ помощниковъ по управленію и суду при старостахъ и намѣстникахъ въ общемъ состояли тѣ же чины, что и при Киевскомъ воеводѣ: намѣстники и подстаростіе, городничіе, дѣккіе, вижи и проч.⁴⁾.

Въ пользу старостъ—намѣстниковъ, на содержаніе ихъ и ихъ двора, шли извѣстныя уже намъ торговыя пошлины и спеціальныя сборы, какъ рыбное мыто, торговыя пенязи, помѣрное, сборъ съ перекупокъ и ремесленниковъ, полюды съ вѣздомъ, вознагражденіе за отправленіе судебна-административныхъ функций—пересудъ, помирное, змирное, поколородное, дѣцкованье, увизчье, вижовое и пр.; доходы отъ эксплуатаціи сельско-хозяйственныхъ статей—выгонны, бобровыхъ гонъ, рыбныхъ и звѣриныхъ ловокъ и проч.; наконецъ, доходы, которые мы называли случайными: праздничныя подарки, змирская кунница и т. п. Къ этому можно еще прибавить спеціально для украинскихъ повѣтовъ — до-

¹⁾ А. З. Р. II, № 156; Ср. Сбор. Малиновскаго, с. 189, 212.

²⁾ А. Ю. З. Р. VIII, V, с. 51—2.

³⁾ А. З. Р. II, №№ 173 и 178; А. Ю. З. Р. II, № 134; Сбор. Малиновскаго с. 186, 193, 241, 252, 270, 279; А. Ю. З. Р. VIII, V, с. 5, 17, 51, 79.

⁴⁾ А. Ю. З. Р. II, №№ 123 и 138; Акты Д.—З. с. 145; люстрацій и соотвѣствующихъ §§ Статута 1529 г., разд. VI и VIII.

ходы „съ бутынокъ“¹⁾, съ лошадей, оказавшихся „въ дикахъ“, и поборы съ полонянниковъ²⁾. Но этихъ обычныхъ доходовъ оказывалось мало для содержанія старостъ и намѣстниковъ съ ихъ служебниками, почему „для поживенья“ ихъ, какъ и „для поживенья“ воеводъ, издавна вошло въ практику давать какое-нибудь сверхъ—ординарное усоможеніе. Это усоможенье состояло: или въ выдачѣ извѣстной суммы изъ господарскаго скарба, или въ переуступкѣ на извѣстный срокъ опредѣленныхъ статей господарскихъ доходовъ. Такъ, при кор. Казимирѣ намѣстникъ Житомирскій Сенько Полозовичъ получалъ поживенье изъ мыта киевскаго, намѣстникъ Путивльскій В. Глинскій—изъ сѣверской дани³⁾. Въ 1507 г. Сенько Р. получилъ уже для своего поживенья овруцкую корчму на одинъ годъ, впрочемъ, съ обязательствомъ содержать двухъ пушкарей и опрарлять пушки⁴⁾. Въ 1510 г. тому же Сеньку Романовичу были предоставлены и другія корчмы въ томъ же городѣ, съ присоединеніемъ еще и тивунства⁵⁾. Около половины XVI в. почти во всѣхъ повѣтахъ Киевской земли старостамъ и намѣстникамъ было предоставлено право сбора почти всѣхъ родовъ мытъ и въ большинствѣ случаевъ—корчманная монополія (см. люстраціи).

Все, что доселѣ было сказано нами о воеводахъ и старостахъ, за исключеніемъ немногихъ общихъ замѣчаній, рисуетъ намъ ихъ дѣятельность саму по себѣ, безъ строгаго разграниченія вѣдомства тѣхъ и другихъ. Но для ясности представленія необходимо еще показать, въ какихъ отношеніяхъ находились между собой оба вида власти: воеводская и старостинская—насколько одна другую ограничивала или одна другой подчинялась. Это, въ свою очередь, приводитъ насъ къ вопросу о томъ, имѣемъ ли мы право называть Киевскую землю именно Киевскою землею, а не конгломератомъ

¹⁾ Бутынокъ—добыча ходившихъ въ козачество; изъ нея старостѣ полагалось „одно, што лучшее: кони, або зброя, або изилы“.

²⁾ См. люстраціи и цитированныя уже §§ и раздѣлы Статутовъ.

³⁾ Акты Д.—З. с. 41, 71. Впоследствии, при Сигизмундѣ Старомъ, усоможенье изъ суммъ господарскаго скарба получали Остафій Дашкевичъ и С. Пронскій, староста Житомир. (А. Ю. З. Р. VIII, V, с. 453, 454, 457).

⁴⁾ А. Ю. З. Р. II, № 88.

⁵⁾ Любавскій Областное дѣленіе, Приб. № 21.

старости и намѣстничества, другъ отъ друга не зависящихъ и другъ съ другомъ ничѣмъ не связанныхъ?

Въ статьѣ о судьбахъ Киевской земли съ XIV по XVI ст. проф. Антоновичемъ былъ высказанъ взглядъ, что, съ переименованіемъ Киевскаго княжества въ воеводство и съ заѣмой удѣльныхъ князей Киевскими воеводами, „разрушено было административное единство Киевской земли“¹⁾. Въ свое время это положеніе было подвергнуто критикѣ авторомъ „Областного дѣленія Литовско-русскаго государства“, который пытался его опровергнуть ссылками на земскій привилей кор. Сигизмунда отъ 1507 г. и на акты, извлеченные имъ изъ Литовской метрики²⁾. Хотя мысль проф. Любавскаго о главенствѣ Киевскаго воеводы надъ всею Киевскою землею въ существѣ своемъ и была правильна, однако нельзя сказать, чтобы аргументація ей была достаточна: проф. Любавскій затронулъ въ своей книгѣ данный вопросъ, какъ и тысячю другихъ, только мимоходомъ и скорѣе указалъ путь къ его разрѣшенію, чѣмъ дѣйствительно разрѣшилъ его. Это дало поводъ проф. Леонтовичу назвать положеніе Любавскаго „простою и мало доказанною гипотезой, въ научномъ отношеніи не имѣющей никакого серьезнаго значенія“, и остаться при старомъ взглядѣ, который критиковалъ его предшественникъ³⁾. Проф. Леонтовичъ нашелъ даже возможнымъ усилить положеніе Антоновича о разъединенности Киевской земли. Антоновичъ все-таки допускалъ подчиненіе повѣтовъ Киевскому воеводѣ, хотя только въ одномъ военномъ отношеніи и еще уже: ограничивалъ это подчиненіе только двумя повѣтами—Мозырскимъ и Черныбыльскимъ⁴⁾. Леонтовичъ же категорически заявляетъ, что, съ упраздненіемъ удѣльныхъ князей, Киевская земля „разбилась на совершенно обособленныя волости и староства, не имѣвшія между собою ничего общаго“⁵⁾. Думается, однако, что оба почтенные ученые въ этомъ вопросѣ сильно заблуждаются.

¹⁾ Монографія I, 246.

²⁾ Любавскій Областное дѣленіе, с. 236—7.

³⁾ Очерки, с. 193.

⁴⁾ Монографія I, с. 247. Ошибочность этого утвержденія доказана нами выше, на стр. 78.

⁵⁾ Очерки, с. 187. Последнее слово въ этомъ вопросѣ принадле-

О подчиненіи Киев. воеводѣ старость и намѣстниковъ въ военномъ отношеніи нами въ своемъ мѣстѣ было говорено: безусловно, это подчиненіе считалось обязательнымъ. Но оно простиралось гораздо дальше—на всѣ отправленія указанныхъ урядниковъ, такъ что мы должны признать въ этомъ случаѣ существованіе въ Литовско-русскомъ государствѣ „іерархически—подчиненныхъ одна другой областныхъ инстанцій“, которыя проф. Леонтовичъ рѣшительно считаетъ противными духу литовско-русскаго права¹⁾. Докажемъ это фактами, которые всякій можетъ проверить.

Начнемъ съ того аргумента, немного только расширеннаго въ своемъ содержаніи, который былъ уже указанъ проф. Любавскимъ, именно—что Киевскимъ воеводамъ поручалось неоднократно или навести справки о состояніи того либо иного помѣстья въ ихъ области, или ввести кого-нибудь во владѣніе новопожалованнымъ имѣніемъ; часто даже безъ всякаго порученія Киевскіе воеводы извѣщались о пожалованіи опредѣленному лицу извѣстнаго имѣнія за предѣлами Киевскаго повѣта, напр., въ Черныбыльскомъ²⁾, Овручскомъ³⁾, Житомирскомъ⁴⁾, Черкасскомъ⁵⁾, Остерскомъ⁶⁾. Допустимъ на время, согласно съ Леонтовичемъ, что „въ основѣ всѣхъ подобныхъ случаевъ лежитъ система личныхъ приказаній, дававшихся лишь временно, на данные случаи“⁷⁾, —хотя въ числѣ указанныхъ нами фактовъ есть и такіе, въ которыхъ никакого приказанія не содержится: просто воевода извѣщается о пожалованіи, иногда съ оговоркой: „если будетъ такъ“... Однако допустимъ, что во всѣхъ подобныхъ случаяхъ подразумѣвается скрытое приказаніе—увязать или въ этомъ родѣ; но не покажется ли нѣсколько страннымъ то, что подобнаго рода приказанія относительно имѣній, со-

жить Донцарь-Запольскому (Украинскія староства, с. 11—24). Нѣсколько замѣчаній на изслѣдованіе послѣдняго читатель найдетъ въ дальнѣйшемъ изложеніи.

¹⁾ Очерки, с. 190.

²⁾ Акты Леонтовича I, № 73.

³⁾ Акты Леонтовича I, № 54; II, № 451.

⁴⁾ *ibid.* I, № 356; А. Ю. З. Р. VII, I, № 7, с. 48.

⁵⁾ А. Ю. Р. I, № 59.

⁶⁾ *ibid.* № 72.

⁷⁾ Очерки, с. 191.

стоящихъ въ чужихъ повѣтахъ, всегда адресуются къ воеводамъ и никогда—къ старостамъ? Намъ кажется, что, если мысль проф. Леонтовича о системѣ частныхъ приказаний правильна, то возможны случаи и обратные; но мы не знаемъ ни одного документа, который бы уполномочивалъ старосту вторгаться въ повѣтъ воеводы или даже соедѣннаго старосты,—а Леонтовичъ, къ сожалѣнью, оставилъ это безъ вниманія. Такимъ образомъ, мы должны констатировать, что документы уполномочиваютъ Киевскихъ воеводъ вторгаться въ повѣты старосты, но не уполномочиваютъ старосту вторгаться въ повѣтъ воеводы или другъ друга ¹⁾. Это—разъ.

Далѣе, мы утверждаемъ, что и въ служебномъ отношеніи авторитетъ воеводы стоялъ выше авторитета старосты: его санкція сообщала всевозможнымъ запнямъ и сдѣлкамъ большую твердость, чѣмъ санкція послѣднихъ. Чтобы не быть голословными, приведемъ два примѣра. — Въ 1507 г. п. Семенъ Полозовичъ завѣщалъ свою часть имѣнія на Припяти—Шенелчъ—Киевскому Николо—Пуустынскому монастырю, „а при томъ были: г-нъ отецъ наш архим. Печерскій Прокопій, а кн. Василій Дашковичъ Глинскій, староста Черкасскій, а Юхно Обергѣевичъ etc.; а про лѣвшюю твердость билъ есмь челомъ господину нашему кн. Ивану Львовичю Глинскому, воеводѣ Киевскому, абы его милость къ сему моему листу печатъ свою приложилъ“ (В. Глинскій тоже приложилъ) ²⁾. Въ томъ же году п. Сенько Гридковичъ тому же монастырю от-

¹⁾ Довнаръ-Занольскій склоненъ объяснять подобные факты тѣмъ, что мѣстные старосты находились въ подчиненіи у Киевскаго воеводы, а тѣмъ, что въ компетенцію послѣднего входила забота о земельномъ устройствѣ служилого класса (op. c. p. 17—18); во всѣхъ же прочихъ отношеніяхъ, т. е. въ податномъ, судебномъ, административномъ и военномъ—волость, городъ и замокъ управлялись будто бы мѣстными старостой вполне самостоятельно (ibid. c. 14). Факты, однако, показываютъ, что дискреционная власть Киевскаго воеводы распространялась и на сельское населеніе чужихъ повѣтовъ, а также и на земанъ вѣхъ отношенія къ военной службѣ. Такъ, Киевскій воевода Юрій Александровичъ пишетъ атаману и мужамъ с. Вербовичъ (Мозыр. пов.), абу були росіязні рапи швети (Zr. XX, 95); Ф. Г. Провскій напоминаетъ и приказываетъ Овруцкимъ земанамъ, чтобы они не задерживали даня въ пользу церкви св. Василя мурованого; въ противномъ случаѣ воевода угрожаетъ грабежомъ (Грамоты Антоновича, № 37).

²⁾ А. Ю. З. Р. ч. I, т. VI, № 5.

писалъ с. Гридково, на Ольшаницѣ (Черкасск. пов.), „а при томъ былъ архим. Печерскій Прокопій, а кн. Василій Д. Глинскій, староста Черкасскій, а мѣщ. кiev. Ганко etc.; а про лѣвшюю твердость билъ есмь челомъ г. нашему кн. Ивану Л. Глинскому, воеводѣ Киевскому, штобъ его милость печатъ свою приложилъ“ ¹⁾. Пожалуй, проф. Леонтовичъ скажетъ, что въ обоихъ случаяхъ печать воеводы имѣла не большее значеніе, чѣмъ печать старосты, что она требовалась, т. е., только для количества: документъ, скрѣпленный печатью двухъ урядниковъ, представлялся имѣющимъ больше вѣса, чѣмъ документъ съ одной такой печатью. Но здѣсь снова нѣсколько странно: почему къ печати старосты „для лѣвшей твердости“ требовалась печать воеводы, но никогда не встрѣчаемъ такъ, чтобы имѣющей на своемъ документѣ печать воеводы билъ челомъ о лѣвшей твердости какому-нибудь старостѣ? ²⁾.

Переходя къ положительному рѣшенію вопроса, мы утверждаемъ, что Киевскій воевода имѣлъ не только „лѣвшій“ авторитетъ по сравненію съ старостами, но и являлся по отношенію къ нимъ высшей инстанціей въ іерархическомъ смыслѣ: онъ слѣдилъ за дѣятельностью старосты и, если находилъ ихъ несообразными, имѣлъ право отмѣнять таковыя дѣйствія и дѣлать свои постановленія, взамѣнъ того ³⁾. Такъ, въ 1517 г., когда Овруцкій староста Михайло Халецкій вознамѣрился отнять у тамошнихъ земанъ Пашиничей — Волковичей ихъ имѣнія, Киевскій воевода пишетъ къ нему листъ, „присужаючи поменуеную землю Гриневи Пашиничу и Андрею Волковичу, яко отчины ихъ“ ⁴⁾. Въ 1553 г. Киевскій

¹⁾ А. Ю. З. Р. ч. I, т. VI, № 6.

²⁾ Если случалось, что староста былъ въ составѣ административно-судебнаго присутствія при воеводѣ, то ничто не мѣшало ему, разумѣется, дать свою печать и подпись въ качествѣ челоука добраго — свѣтка; но для скрѣпленія сдѣлокъ, уже скрѣпленныхъ воеводой, лично къ старостамъ никогда не обращались.

³⁾ Относительно этого существовало и общее узаконеніе. „Кожды воевода наш—читаемъ въ Статутѣ 1529 г.—и староста... и державцы наши кожды у свога воевы не маюгъ подданныхъ нашихъ иначе судити и правовати, лещъ тыми писаными правами... А шпакже которій бы а державецъ нашихъ таковою речю былъ обвиненъ, таковою кожды листъ приложено быти передъ воеводу воевоту свого, и будеть повиненъ судъ свой окатити“ (Разд. VI, § I). Ср. А. Ю. З. Р. II, № 222.

⁴⁾ А. Ю. З. Р. VIII, V, с. 388.

воевода Ф. Г. Пронский, послѣ „очевистой“ расправы съ державцей Овруцкимъ І. Халецкимъ, даетъ строгій наказъ, чтобы ни онъ самъ, ни его преемники не требовали къ своему присуду земли Беховъ и не чинили имъ никакихъ крикъ¹⁾. Подобное вмешательство Киевскаго воеводы въ распоряженія мѣстныхъ державцевъ не только признается законнымъ вышней центральной властью, но и вполне оправдывается ею; Сигизмундъ Августъ даже предписываетъ К. Острожскому неотступно защищать нѣкоторыхъ Овруцкихъ земель отъ притѣненій ихъ сосѣднимъ державцей — Филономъ Куптой²⁾. Наконецъ, мы имѣемъ еще одинъ случай прямого суда Киевскаго воеводы надъ старостой. Въ 1542 г., по жалобѣ Житомирскаго землянина Грыцка Ворони на тамошняго старосту — Богуса Коренкаго о нарушеніи права собственности, Киев. воевода Я. Ю. Голошанскій судилъ его и нашелъ неправымъ: Воронѣ дано было удовлетвореніе³⁾. Что этотъ судъ былъ вполне правомочнымъ, видно изъ того, что впоследствии Ворони предъявляли судовой листъ Киевскаго воеводы по случаю разныхъ тяжкихъ дѣлъ, и онъ всегда имѣлъ свое значеніе.

Приведенные выше факты, кажется намъ, подчеркиваютъ прямую зависимость старостинскаго уряда отъ воеводскаго. По существу зависимость эта была такая, что при другихъ обстоятельствахъ первый легко могъ оказаться въ роли простого вспомогательнаго органа при Киевскомъ воеводѣ, но широкая децентрализація, присущая Литовско-русскому государству, вносила и сюда соответствующіе коррективы: какъ населенію, такъ и старостамъ въ потребныхъ случаяхъ можно было, напр., обходя воеводу, обращаться непосредственно къ вышнимъ инстанціямъ — пановъ рады или самого господаря. Тѣмъ не менѣе, вспомогательная роль старостинскаго уряда при воеводѣ сказывалась и сказывалась, между прочимъ, въ томъ, что старосты составляли изъ себя судебно-административное присутствіе при Киевскомъ воеводѣ, вѣдавшее особо важныя дѣла. Такъ, напр., въ 1539 г., при разборѣ жалобъ Черкаскаго посполства на своего ста-

¹⁾ А. Ю. З. Р. IV, I, с. 22—3.

²⁾ А. Ю. З. Р. VIII, V, с. 404.

³⁾ А. Ю. З. Р. VII, I, № 7.

росту — Яна Пенька, въ составѣ судебного присутствія при Киевскомъ воеводѣ мы находимъ между другими лицами и державцу Чернобыльскаго — Матѳея Заморенка¹⁾. Въ 1545 г., при разборѣ спора землянки Ленковой съ Софійскимъ намѣстникомъ, въ составѣ присутствія при воеводѣ входили: Ив. Соломерецкій, *державца Каневскій*, Ив. Служичъ, городничій Киевскій и П. Пеуцкій, ротмистръ Киевскій²⁾. Правда, въ обоихъ случаяхъ воевода дѣйствовалъ „зъ росказанія“ господаря, но едва-ли это „росказанье“ касалось состава самого присутствія, судя по большому числу урядниковъ, изъ которыхъ нѣкоторые принадлежатъ даже къ церковному вѣдомству (намѣстникъ и тивунъ Софійскіе — въ первомъ случаѣ). Но еслибъ даже составъ присутствія былъ опредѣленъ „росказаньемъ“ господаря, положеніе отъ того мало мѣняется: наличность въ обоихъ случаяхъ именно Киевскихъ урядниковъ, а не к.—л. другихъ, даетъ основаніе къ заключенію, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ „правомъ Киевской земли“, а не съ минутной прихотью господаря³⁾.

¹⁾ А. З. Р. II, № 195.

²⁾ А. Ю. З. Р. I, VI, № 18.

³⁾ Къ двумъ указаннымъ фактамъ по вопросу объ особомъ судебно-административномъ присутствіи при Киевскомъ воеводѣ можно присоединить еще третій, на который ссылается проф. Любальскій въ своемъ трудѣ: „Областное дѣленіе“ etc., с. 236 (а текстуально привести его Д.—Запольскій въ известномъ уже намъ изслѣдованіи объ украинскихъ старостахъ, стр. 22—4). Фактъ слѣдующій. — Въ 1521 г. Ю. М. Радзивилонича предъявилъ господарю списокъ тѣхъ „накладовъ“, которые онъ понесъ въ бытность свою Киевскимъ воеводой на стащи и подарки татарскимъ посламъ, — „подъ себодомомъ и печатомъ воеводы Киевскаго п. Андрия Немровича а намѣстника Житомирскаго п. Дмитра Александровича и намѣстника Черкаскаго п. Остава Дашковича и иныхъ земли Киевскихъ людей добрыхъ“. Въ этомъ фактѣ обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія стороны: во-первыхъ, текстуальный смыслъ выраженія, обозначеннаго нами курсивомъ; во-вторыхъ — составъ свидѣтелей. Что касается перваго, то въ общемъ получается впечатлѣніе, будто не только документъ составленъ при участіи подписавшихъ его лицъ, но и самые расходы произведены съ ихъ вѣдома. Да иначе и быть не могло: прежде чѣмъ удостовѣрить фактъ для кого-нибудь, необходимо самому удостовѣриться въ его дѣйствительности, и притомъ „очевисто“, какъ подобаетъ доброму „свѣтку“. Что касается состава свидѣтелей, то онъ разбивается на двѣ категоріи: съ одной стороны выступаютъ намѣстники, съ другой — люди нечиновные,

Итакъ, мы приходимъ къ тому выводу, что Киевская земля, съ переименованіемъ Киевскаго княжества въ воеводство, и съ замѣной удѣльныхъ князей господарскими воеводами, не распалась на свои составныя части, ничѣмъ другъ съ другомъ не связанныя, а продолжала оставаться тою же единой Киевскою землею, какою была и до этого времени, только, разумѣется, менѣе централизованной. Въ какихъ же формахъ выражалось въ такомъ случаѣ отношеніе отдѣльныхъ старостъ и намѣтниковъ другъ къ другу и къ вое-

водѣ? Это подало поводъ Довнаръ — Запольскому отрицать въ данномъ случаѣ наличность особаго присутствія при воеводѣ; намѣтники адѣсь, по его словамъ, „являются людьми добрыми въ числѣ др. Киевскихъ землянъ и вовсе не дѣйствуютъ, какъ особое присутствіе при воеводѣ“ (ор. с. р. 22). Слѣдуетъ, однако, полагать, что почтенный ученый ошибся, сблизивъ между собой два факта, имѣющихъ совершенно различное значеніе; различіе же между ними слѣдующее. — Совершенно обычное явленіе, что надержки Киевскаго воеводы на государственныя надобности совершались съ вѣдома мѣстныхъ землянъ, которые и удостоверяють ихъ подлинность: таково было „право Киевской земли“^{*}). Наоборотъ, не обычнымъ, а особеннымъ явленіемъ, нужно считать то, что все это совершалось также и „подъ сведомомъ и печатомъ“ старостъ — намѣтниковъ, изъ которыхъ одинъ (А. Немпритъ) имѣлъ свое мѣстопробываніе не извѣстно, гдѣ (въ Мозырѣ?), другой — въ Житомирѣ, а третій — въ Черкаскахъ, совершенно въ сторонѣ отъ Кіева и другъ отъ друга. Имѣя въ виду и два раньше указанныхъ нами факта, можно утверждать, что не даромъ намѣтники и старосты во всѣхъ трехъ случаяхъ оказываются на лицѣ при Киевскомъ воеводѣ въ моментъ совершенія имъ важнѣйшихъ судебно-административно-военныхъ функций: очевидно, тутъ мы имѣемъ дѣло не съ случайнымъ совпаденіемъ, а съ постояннымъ институтомъ, именно — институтомъ судебно-административнаго ефе. присутствія при Киевскомъ воеводѣ.

*). По устной грамотѣ Киевской земли воевода обязанъ былъ творить судъ, „сѣдана съ бояры Киевскими“ (А. З. Р. II, № 30). Нужно полагать, что и въ другихъ, особо важныхъ случаяхъ, онъ поступалъ точно также; по крайней мѣрѣ грамотой кор. Сигизмунда приготовленіе пороку Киевскимъ пушкаремъ Яномъ поставлено „подъ свидомомъ и воеводинамъ и бояръ (и мѣщанъ) тамошнихъ“ (Любавскій Областное дѣленіе, с. 868); въ другомъ случаѣ Киевскій воевода (Андрей Немпритъ) дѣйствуетъ, „помысливши съ паномъ Семеномъ Полозовичомъ, съ старостомъ Вруцкимъ, и со вѣями пана Киевское земли“ (А. Ю. З. Р. VIII, IV, с. 164 — обмѣнъ землями Печерскаго монастыря и Пустынскаго). Последній фактъ любопытенъ для насъ еще и тѣмъ, что указываетъ на обычай воеводѣ въ важныхъ дѣлахъ совѣтоваться также со старостами.

водѣ?—Общимъ положеніемъ нужно признать, что отдѣльные старосты и намѣтники другъ съ другомъ непосредственно не были связаны, но правила совершенно обособленно, каждый въ своемъ повѣтѣ. По отношенію же къ воеводѣ тѣ и другіе были подчиненными органами, и это подчиненіе сказывалось, какъ въ томъ, что воевода имѣлъ право суда надъ старостами (— намѣтниками — державцами) и отмѣны ихъ незаконныхъ или нецѣлесообразныхъ постановленій, такъ и въ томъ, что онъ могъ, какъ вышняя инстанція, согласно духу литовско-русскаго права, вторгаться въ области послѣднихъ даже и безъ повода съ ихъ стороны, если то потреба господарская указывала. Въ этихъ случаяхъ старосты и намѣтники, каждый у себя дома, дѣлали въ общемъ то же, что и воевода въ своемъ собственномъ повѣтѣ.

ГЛАВА IV.

Государственная оборона—вещь, важная вообще, во всякое время, въ разсматриваемый періодъ имѣла особенное значеніе. Если въ предшествующій періодъ Киевская земля несла громадныя потери отъ набѣговъ турецкихъ, то въ настоящей ей грозила постоянная опасность со стороны Татаръ, которые со времени Батыева погрома (1240 г.) являлись юридическими, а отчасти и фактическими хозяевами въ этой мѣстности. Правда, великіе литовскіе князья, начиная съ Гедимина, умѣли обуздывать ихъ произволъ; подчасъ даже имъ удавалось то тамъ, то здѣсь приводить въ фактическую зависимость отъ себя земли, которыя и послѣ того Татары продолжали считать юридически своими. Но знаменитый споръ о томъ, „чьему знаменію быти во всемъ княженіи на деньгахъ литовскихъ“, окончился на берегахъ Ворсклы весьма печально. Съ этого времени (1399 г.) начинается рядъ татарскихъ набѣговъ на литовскія владѣнія — въ томъ числѣ и Киевскую землю, — которыя учащаются въ особенности съ того момента, какъ сформировалось вассальное въ отношеніи Турціи, но независимое отъ Золотой Орды

—Крымское ханство. Входя въ сферу дѣйствія хитрой и не разборчивой въ средствахъ московской политики, крымскіе ханы, начиная съ Менгли-Гирея, ежегодно, можно сказать, то лично, то черезъ своихъ темниковъ и сыновей, предпринимаютъ опустошительныя набѣги въ предѣлы Литовскаго и Польскаго государствъ, въ особенности же отъ нихъ доставалось Подолію и Кіевщинѣ. „На Подольскую землю или на Кіевскія мѣста“—таковъ былъ обычный маршрутъ, по которому московскіе князья посылали Крымцевъ на литовскія владѣнія.

Въ нашемъ распоряженіи въ общемъ находится довольно скудный лѣтописный матеріалъ, который не позволяетъ нарисовать картину этихъ безпрестанныхъ опустошеній во всей ея полнотѣ. Въ частности, мы имѣемъ весьма скудную свѣдѣнія по этому вопросу, напр., за время удѣльныхъ князей, хотя изъ подтвердительной грамоты Олелька Владиміровича Половцу за Сквиря на его „бардао спустошалу“ отчину и изъ разсказа Длугоша о предсмертномъ посольствѣ Семена Олельковича къ кор. Казимиру (*бѣлымъ конь и лукъ, quibus cum Tartaris praeliis secundis bellare solitus erat*) можно заключить, что и въ это время украинное положеніе Кіевской земли сильно давало себя чувствовать. Первое конкретное и достовѣрное извѣстіе (насколько намъ извѣстно) о набѣгѣ Татаръ на Кіевскую землю относится къ 1399 г. Поразивъ Витовта на Вореклѣ, Темір-Кутлудъ пошелъ „плѣняяще огнемъ и мечемъ Волынь и Литву“; Кіевъ откупился отъ него 1000 червонныхъ (Печерскій монастырь особливо далъ 30 руб.), но область Кіевская, несомнѣнно, была разорена безъ милосердія¹⁾. Спустя около 15 лѣтъ послѣ этого, Эдика сжегъ Кіевъ и Печерскій монастырь; хотя замокъ остался въ цѣлости, но разрушеніе „мѣста“ было настолько основательно, что, по выраженію лѣтописи, оно сравнялось съ землей — „и оттолѣ Кіевъ погуби красоту свою, и даже доселѣ уже не можетъ быти таковъ“²⁾. Какъ видно, это нашествіе надолго осталось въ памяти Кіевлянъ. Въ

¹⁾ Собр. лѣт. II, 352; III, 101; IV, 104; V, 251; VIII, 73; XI, 174; XVII, 48, 517; Strykowski II, 116.

²⁾ Собр. лѣт. II, 353 — 4; V, 260; XVII, 58, 98; Dlugos. XI, 375; Strykowski II, 154.

1430 году Андаръ воевалъ Литовскую землю: не взявъ Мценска, но вѣроломно захватилъ воеводу Г. Протасевича, „а волости повоевалъ, а до Кіева не доходилъ за 15 миль“¹⁾. Спустя 3 года, Татары, призванные на помощь Свиргайлдомъ, вмѣсто ожидаемой пользы, по словамъ Густынской лѣтописи, „землю его Русскую поплѣнили, около Кіева и Чернигова, огнемъ и мечемъ, безъ числа христіанъ въ плѣнь поведоша“²⁾. Въ 1467 году Заволжскіе Татары съ царемъ Маньякомъ, переправившись черезъ Днѣпръ, однимъ отрядомъ опустошили окрестности Житомира (а двумя другими — Подолію и Волынь)³⁾. Въ 1473 г. Татары великіи „пакости“ причинили окрестностямъ Кіева⁴⁾.

Ужасы времени Темір-Кутлудъ и Эдика повторились, быть можетъ, еще въ усиленной степени при Менгли-Гирей, который, „по слову вел. кн. Ивана Васильевича“, взявъ Кіевъ и отвелъ въ плѣнь его населеніе вмѣстѣ съ воеводой Ни. Ходкевичемъ; взявъ и разорилъ Житомиръ, и все, что лежало на его пути, либо истребилъ, либо изымалъ, такъ что послѣ его ухода Кіевская земля осталась „пуста“⁵⁾. Въ 1489 г. она вторично подверглась опустошенію, причемъ пострадалъ и Кіевъ⁶⁾. Въ 1497 г. Перекопскіе Татары „поплѣнили, по словамъ Кіевской лѣтописи, множество плѣна у—во Олѣвской волости и в Мозырекон“, по князья Слуцкій и Острожскій двукратно поразили ихъ въ Браславщинѣ и отняли плѣнь, положивъ на мѣстѣ самого царевича Акманлу и 340 чел. изъ его отряда⁷⁾. Спустя, однако, не болѣе 2 мѣсяцевъ, Перекопскіе Татары снова вторглись въ Литву, „невѣдущу о нихъ никомуждо (безъ вести убо идоша оу землю)“ и въ с. Скригаловѣ, недалеко отъ Мозыря, убили митр. Макарія, „и много иныхъ волостей воземши и мѣсть пожогши и людей

¹⁾ Собр. лѣт. VI, 144.

²⁾ Густ. с. 354.

³⁾ Густ. с. 358; Gwagin, с. 100; Strykowski II, 271.

⁴⁾ Густ. с. 358.

⁵⁾ Собр. лѣт. IV, 155; V, 41; VI, 140; 231 — 5; VIII, 215; XVII, 401; Сунр. с. 138; Кіевск. (объ пол. Оболенск.) с. 147.

⁶⁾ Cod. epis. I, 2, № 250; Helcel Starod. prawa polskiego pomniki II, № 4360.

⁷⁾ С. 144.

безчислено пленивши, возвратишася въ свояси¹⁾. Въ 1502—3 гг. Перекопскіе Татары, мета за покровительство Шахматъ-Гирею, нѣсколько разъ „безъ одиору“ воевали литовскія провинціи, заходя на сѣверъ до Бобруйска и на западъ—до Сандомира. Мозырскій повѣтъ былъ разоренъ, Овруцкій—тоже, причемъ въ сраженіи съ Татарами на р. Ушѣ былъ разбитъ и убитъ тамошній староста—Григорій Глиевскій²⁾. Въ 1511 г. Перекопскіе же Татары воевали по всей Литвѣ, заходя своими загонами даже до Вильна; одинъ изъ этихъ загонцовъ, оперировавшій въ окрестностяхъ Кіева, былъ разбитъ кн. Юріемъ С. Слуцкимъ, при помощи Кіевского воеводы Андрея Немирича: тогда на урочищѣ *Рутку* (20 миль за Кіевомъ) въ ночномъ сраженіи, по словамъ Стрыйковскаго³⁾, легло 8 т. Татаръ, а во время самаго бѣгства кіевская стража еще убила 700 человекъ. Такая же неудача постигла Татаръ въ 1527 году, когда они въ количествѣ 34 т. сдѣлали набѣгъ на литовскія и польскія провинціи. Тогда многіе князья и паны изъ Кіева, Подоліи и Волыни, соединивши свои силы, погромили ихъ въ 40 миль за Кіевомъ, на р. Ольшаницѣ. По словамъ Стрыйковскаго, въ этомъ сраженіи легло на мѣстѣ 24 т. Татаръ, остальные во время бѣгства вторично были настигнуты Остафіемъ Дашкевичемъ и Юріемъ Слуцкимъ и разбиты подъ Каневоиъ и Черкасами⁴⁾. Въ 1530 г. Татары вторглись уже въ лѣвобережную Украинну, но были разбиты Кіевскимъ воеводой Андреемъ Немиричемъ и кн. Ив. Дубровицкимъ съ пешими дворянами на р. Голтвѣ и Полозорѣ⁵⁾. Въ 1532 г., послѣ неудачнаго сраженія Ослаиъ—Султата, кочевавшаго въ черкасскихъ границахъ, съ Перекопскимъ Сетъ-Гиреемъ, этотъ послѣдній напалъ на Черкассы и осаждалъ ихъ въ теченіе 13 дней, но тамошній староста Остафій Дашкевичъ съ успѣхомъ отразилъ всѣ его приступы⁶⁾. Впоследствии Черкассы

¹⁾ Кіев. лѣт. с. 145.

²⁾ Собр. лѣт. II, 363; XVII, 567; Strykowski II, 318—19.

³⁾ Kronika II, 362.

⁴⁾ Собр. лѣт. XVII, 350, 405, 470; Strykowski II, 394; Gwagnin 154.

⁵⁾ Собр. лѣт. XVII, 470.

⁶⁾ Gwagnin 155—6; Собр. Малюковскаго с. 186 и 189; А. Ю. З.

вспоминали объ этомъ событіи, говоря, что тогда „ихъ ратовано“ изъ Кіева, Дибиромъ¹⁾. Спустя 5 лѣтъ послѣ этого, Татары снова явились въ предѣлахъ Кіевской земли, но были разбиты Кіевскимъ воеводой Андреемъ Немиричемъ и Каневскимъ намѣстникомъ Чижемъ—неизвѣстно гдѣ²⁾. Послѣ 1538 г. лѣтописи и хроники умалчиваютъ о татарскихъ набѣгахъ на Кіевскую землю; возможно, что ихъ больше не было, по крайней мѣрѣ—значительныхъ. Впрочемъ, въ пограничныхъ мѣстностяхъ, прилегающихъ къ степи, постоянно происходили столкновения, по инициативѣ то одной, то другой стороны. Въ 1559 г., напр., Татары „стадо животины“ взяли подъ Бѣлой Церковью и погнали въ Бѣлгородъ³⁾. Въ концѣ 50 гг. XVI вѣка Девлетъ-Гирей, мета за убытки, причиненные ему дѣйствіями Михаила Вишневецкаго, нѣсколько разъ посылалъ своихъ воеводъ подъ Каневъ и Черкассы. Изъ жалобъ польско-литовскаго правительства узнаемъ, что въ это время „Исенярь, дважды пришедъ, Каневскихъ Черкасъ повоевалъ; Нурко, дважды пришедъ, Каневу повоевалъ; а Сытырбанъ Каневу и Черкасъ завсе воуетъ“⁴⁾. Но это „воеваніе“ далеко не было такъ опустошительно, какъ прежніе набѣги тѣхъ же Татаръ; по всей вѣроятности, оно чаще всего ограничивалось грабежомъ, ибо жители Черкаскаго повѣта, „яко на Украинѣ“, привыкли соблюдать надлежащую осторожность.

Изъ этой краткой исторической справки читатель можетъ наглядно убѣдиться, до какой степени опасно было положеніе Кіевскаго обывателя того времени: ежедневно можно было ожидать появленія непрошенныхъ гостей, которые приносили съ собою смерть и плѣнъ, грабежъ и пожары.

Какія же мѣры литовско-русскаго правительство предпринимало, чтобы обезпечить спокойствіе своихъ подданныхъ отъ крымскихъ хищниковъ?

Прежде всего—дипломатическія, но онѣ рѣдко приводили къ цѣли. Противъ Крымцевъ литовско-польское правительство старалось выдвинуть ихъ естественныхъ соперни-

¹⁾ А. Ю. З. Р. VII, I, с. 91.

²⁾ Собр. лѣт. XVII, 409.

³⁾ А. Ю. Р. I, № 135.

⁴⁾ Сборы. Пет. LXXI, № 4, с. 65.

ковъ—Золотоордынцевъ, но, во-первыхъ, оно не умѣло своевременно оказать поддержки этимъ послѣднимъ, а во-вторыхъ, сама Золотая Орда въ данный періодъ находилась въ довольно печальномъ положеніи. Приведемъ одинъ фактъ въ подтвержденіе только-что сказаннаго. Въ 1501 году, по просьбѣ самого литовскаго правительства, обѣщавшаго основательную поддержку ¹⁾, Золотоордынской ханъ Шахматъ-Гирей рѣшилъ выступить противъ своего недруга Менгли-Гирейя. Первое сраженіе оказалось въ его пользу: разбитый Менгли-Гирей бѣжалъ, а Шахматъ, занявши нѣкоторые города на московскомъ рубежѣ, послалъ посольство въ Литву съ требованіемъ обѣщанной поддержки для дальнѣйшаго продолженія военныхъ операцій. Но какъ разъ въ это время случилось такъ, что умеръ Польскій король Альбрехтъ, и послы Шахматъ-Гирейя застали литовское правительство въ пылу приготовленій къ предстоявшей коронаціи Литовскаго вел. князя Александра. Моментъ, разумѣется, былъ не подходящий для похода. Поэтому Шахматовыхъ послы снабдили подарками и отправили въ обратный путь, обѣщая въ самомъ непродолжительномъ времени выслать вспомогательное литовско-польское войско. Но время шло, а эта помощь медлила. Стоя зимой въ бесплодныхъ поляхъ, изнемогая отъ стужи и голода, 100-тысячное побѣдоносное войско Шахматъ-Гирейя постепенно таяло; даже собственная жена его не выдержала такого испытанія — убѣжала къ его врагу, увлекая за собой значительную часть войска. Дѣло окончилось тѣмъ, что „Мяндикирей ц. Перекопекій, прійде въ силѣ тяжцѣ и порази Шахмата, ц. Заволжеского, яко едва со маломъ дружины утече ку Кіеву“. Здѣсь онъ былъ захваченъ и отправленъ въ Вильно, гдѣ и содержался въ заключеніи до Берестейскаго сейма ²⁾.

На помощь дипломатин поступали упоминки, но и отъ нихъ мало было проку, ибо крымскіе ханы, получая упоминки, всегда имѣли возможность сложить вину за набѣги своихъ подданныхъ на того или другого непослушнаго имъ (будто бы) темника. Вообще съ этимъ они не особенно це-

¹⁾ А. З. Р. I, № 184.

²⁾ Гусч. 363; Gwagnin 120—1; Strykowski II, 312—17.

ремонились, ибо не видѣли за литовскимъ правительствомъ фактической силы, которая могла бы ихъ принудить къ вѣрному исполненію своихъ обязательствъ. Насколько безотрадно было положеніе литовско-русскаго правительства въ этихъ обстоятельствахъ, показываетъ намѣреніе вел. кн. Александра предложить Крымскому хану Менгли-Гирейю „съ своихъ людей и съ князьскихъ и съ паньскихъ и съ боярскихъ въ земли Кіевской и въ Волынской и въ Подольской съ каждаго человѣка головы по три деньги въ каждый годъ, одно бы вже е. м. вѣрно и правдиво помочь господарю на того неприятеля е. м. земли (Московск. вел. кн.) и самъ бы постерегъ отъ своихъ людей, ажъ бы людемъ е. м. ти шкоды не дѣлали“ ¹⁾. Съ этимъ предложеніемъ былъ уже высланъ въ Орду посломъ Кіевскій воевода Д. Путятичъ, но онъ умеръ въ дорогѣ, не исполнивъ порученія.

Итакъ, на дипломатическую помощь центрального правительства не приходилось рассчитывать. Для агрессивной же политики у литовскаго правительства не хватало мужества, а, можетъ быть, и средствъ: со времени Витовта объ этомъ перестали даже и думать. Приходилось, такимъ образомъ, ограничиваться пассивной обороной. Для этой цѣли служили: а) *сторожевые посты*, б) *закли*.

Существовали опредѣленные пути, по которымъ обыкновенно Татары слѣдовали изъ Перекопа въ польско-литовскія и московскія земли. Эти пути, или „шляхи“, разумѣется, не представляли изъ себя совершеннаго подобія, хотя бы нашихъ, такъ-называемыхъ, большихъ трактовъ: это скорѣе не дороги, а направленія, въ которыхъ обыкновенно двигались Татары, руководствуясь указаніемъ кургановъ, дубравъ, рѣчекъ,—всевозможныхъ урочищъ, чтобы не заблудиться въ степи. Эти шляхи имѣли свои развѣтвленія и отроетки и были извѣстны подъ разными названіями. Кіевской земли касались только два главныхъ шляха: *Черный* и *Муравскій*.

Черный шляхъ назывался такъ потому, что начинался у Чернаго лѣса, „въ которомъ Татары привыкли таяться послѣ массовой переправы черезъ Синюю воду, (т. е. озеро очень спокойное, недалеко отъ мѣста, гдѣ Днѣпръ впадаетъ

¹⁾ А. З. Р. I, № 183.

въ море*—по не совѣмъ вразумительному опредѣленію Гвагнинна ¹⁾. Отъ Чернаго лѣса ²⁾, шляхъ, носившій его имя, направлялся на западъ, съ уклономъ на сѣверъ, по водораздѣлу Днѣпра и Буга, мимо лѣсовъ—*Нерабайла* и *Лебедина*. За Лебединомъ онъ раздѣлился на двѣ вѣтви, обхватывавшія съ двухъ сторонъ лѣса: *Ромчицъ* и *Вербицъ*. Объединившись снова противъ *Ольшанки*, Черный шляхъ слѣдовалъ дальше между лѣсами: съ одной стороны—*Кирилловымъ*, съ другой—*Майдановымъ* и *Начкинымъ*, на верховья *Баскуна* (гдѣ т. Тараща), оттуда черезъ Юшковъ Рогъ и руду *Цыцелю*—на *Ставище*, и въ верховьяхъ *Гнилой Бахвы* снова раздвоился. Одна вѣтвь, придерживаясь теченія р. Роси, шла къ *Бѣлой Церкви* и дальше по водораздѣлу *Рута* и *Каменки*—въ глубь полѣсья, а другая—отъ Гнилой Бахвы, мимо *Пятигоръ*, поворачивала на верховья *Роси*, оттуда—на водораздѣлъ *Гнилопята* и *Роставицы*, мимо Житомира,—и тоже въ Полѣсье.

Муравскій шляхъ пролегалъ въ лѣвобережной Украинѣ. Начавшись у самаго Перекопа, онъ слѣдовалъ по водораздѣлу *Малочной* и *Конки*, пересѣкалъ *Валчю*, обходилъ *Самару*, заворачивалъ на верховья *Мжи* (у Валокъ); отсюда, по водораздѣлу Дюнца и лѣвыхъ притоковъ Днѣпра, направлялся въ бассейнъ Оки—на *Тулу* и *Москву*. Муравскій шляхъ, какъ и Черный, имѣлъ нѣсколько развѣтвленій, изъ которыхъ одно переходило Сулу у *Хорошина* и пересѣкало Днѣпръ бродами у *Витичева* и *Заруба* ³⁾.

Зналъ, въ общемъ, направленія, въ какихъ двигались нападающіе, не трудно было бы заградить ихъ болѣе или менѣе сильными сторожевыми постами или „защѣками“, какъ это водилось въ Московскомъ государствѣ. Но литовское правительство на подобныя мѣропріятія соглашалось весьма неохотно, только подъ давленіемъ крайней необходимости,

¹⁾ Надъ Туронскаго, с. 123.

²⁾ На картѣ Гоцлапа Черный лѣсъ показанъ въ верховьяхъ Ингульца. См. надъ Ляскоронскаго. Киевъ, 1901 г.

³⁾ О шляхахъ см. *E. Kulikowski. Dawne drogi i szlaki po prawym brzegu Dniepru. Aton. 1878, zesz. I, t. IV. Русскіе тракты. К. 1876 г. (тамъ же и карта). Лесовско? Старинные тракты въ Южной Руси. Киев. Ст. 1882 г. VI.*

да и то реализовало ихъ далеко не въ такихъ размѣрахъ и формахъ, чтобы признать ихъ достаточными для обезпеченія государственной безопасности. Первое извѣстіе о сторожевой пограничной стражѣ, снаряженной центральнымъ правительствомъ, восходитъ, насколько намъ извѣстно, въ 20 гг. XVI столѣтія ¹⁾. Впервые, по имѣющимся въ нашемъ распоряженіи документамъ, на Виленскомъ сеймѣ было постановлено, чтобы „с поданныхъ Вел. Княжества и зъ земель и с поветовъ выправити на украинныя замки для обороны отъ неприятеля 2000 коней“. Согласно съ этимъ постановленіемъ, дѣйствительно, было послано на границы 2000 коней дворянъ пеняжныхъ „ку оборонѣ земской“ ²⁾. Но подобныя экстраординарныя постановленія были дѣйствительны только на одинъ разъ. Въ 1524 году, передъ Берестейскимъ сеймомъ, король снова приглашаетъ пановъ подумать о томъ, „сѣ чого быхмо мели две, або 3 тысячи людей дворянъ нашихъ (и козаковъ) на пенязехъ поготову мети для всякое прошлое речы скорое обороны панствамъ нашимъ отъ того поганства“ ³⁾. Предложеніе государя и на этотъ разъ было принято сеймомъ, въ результатъ чего 2000 дворянъ „на пенязехъ“ оказались размѣщенными по украиннымъ замкамъ ⁴⁾. Въ началѣ 30 гг., по соглашенію государя съ панамъ-радой, было издано новое постановленіе, которымъ налагался „платъ, якъ на люди господарьскии, такъ князьскии и паньскии—духовныхъ и свѣтскихъ—с кожъдое службы людей по два грошы, т. е. с коня по шестнадцати грошей, на выправеніе служебныхъ ку обороне“. Часть этого плата пошла на содержаніе при Киевскомъ воеводѣ 200 служебныхъ коней ⁵⁾.

Въ концѣ 30 гг. количество пограничнаго войска на Украинѣ было доведено центральнымъ правительствомъ до

¹⁾ Хотя уже въ 1498 г. имп. Максимилианъ, въ отвѣтъ на приглашеніе I Альбрехта къ объединенному походу противъ Турокъ, совѣтовать польскому правительству, совместно съ литовскимъ, *ad Boristepem contra Tartaros presidia teneret* (Чтенія Общ. Ист. и Др. Россіи. 1887 г. III, с. 139), но едва ли эта мысль была приведена тогда же въ исполненіе.

²⁾ Док. Ю. I, с. 515, 521—2.

³⁾ *Ibid.*, с. 522, 524.

⁴⁾ Любавскій. Литовско-русскій сеймъ, с. 234.

⁵⁾ Сборникъ Малиновскаго, с. 204.

2000 коней, изъ которыхъ тысяча содержалась на средства господскаго скарба при Киевскомъ воеводѣ, а другая тысяча, по раскладѣ на всѣхъ подданныхъ, обслуживала другіе украинныя замки ¹⁾. Съ этого времени, нужно думать, конное войско на жаловань отъ центрального правительства содержалось болѣе или менѣе постоянно при Киевскихъ украинскихъ замкахъ, по крайней мѣрѣ „подъ часъ небезпечный отъ неприятеля владыка отъ Московскаго, коли бы перемирья не было, а либо небезпечность которая и въ перемирные лета, кгда того потреба будетъ“ ²⁾. Изъ 50 гг. XVI вѣка мы снова имѣемъ извѣстіе о 3-тысячномъ отрядѣ коннаго войска, обслуживавшемъ Украину ³⁾. Распредѣлялся онъ такимъ образомъ: 100—200 въ Киевѣ (—50 для Вѣлой Церкви) ⁴⁾, вдвое меньше — въ Каневѣ и Черкассахъ ⁵⁾ и около 50—въ Острѣ ⁶⁾. Такое именно распредѣленіе мы устанавливаемъ, комбинируя документи 50 и 60 гг., хотя оно могло по временамъ измѣняться. Въ частности относительно Остра можно сомнѣваться, чтобы здѣсь жолнеры пребывали болѣе или менѣе постоянно (въ люстр. ихъ нѣтъ). Но относительно Киева мы имѣемъ цѣлый рядъ документовъ, изъ которыхъ видно, что въ воеводство К. Острожскаго жолнерская рота содержалась при замкѣ постоянно и обыкновенно въ составѣ 200 коней ⁷⁾.

Разумѣется, специалисты своего дѣла—жолнеры—далеко не то, что земское ополченіе—беспорядочное, неповоротливое, плохо вооруженное и мало расположенное къ военнымъ дѣйствіямъ. Въ смелѣ боевомъ жолнеры представляли изъ себя солидную силу (хотя съ технической точки зрѣнія не понятно, почему они набиралась преимущественно изъ Поляковъ, а не Русскихъ); бѣда, однако, въ томъ, что дѣйствительное ихъ количество было далеко меньше того, какое значилось на бумагѣ ⁸⁾, хотя и нормальный составъ жолнер-

¹⁾ А. Ю. З. Р. VIII, V, № 9.

²⁾ А. Ю. З. Р. VIII, V, с. 110.

³⁾ Ibid. с. 74.

⁴⁾ Ibid. с. 168.

⁵⁾ Ibid. с. 52.

⁶⁾ Ibid. с. 153. Остальное—въ Киевщинѣ.

⁷⁾ Ibid. №№ 53, 56, 72, 74, 76.

⁸⁾ А. Ю. З. Р. VIII, V, с. 168—9.

скихъ ротъ, устанавливаемый центральнымъ правительствомъ, едва-ли былъ достаточно для обслуживания границъ столь обширной земли, и притомъ—всегда угрожаемой кочевниками. Къ тому же жолнеры обыкновенно имѣли свое мѣсто-пребываніе въ замкахъ, а не въ полѣ, не смотря на „рассказаніе“ господаря лежать тамъ, „гдѣ того потреба вказывати будетъ“—на всей пограничной линіи (украинѣ) ¹⁾.

А между тѣмъ природа Киевской земли представляла значительныя выгоды для пограничной службы, на которыя обратили свое вниманіе уже современники. „Есть на Днѣпрѣ—говоритъ, напр., Гвагнинъ—нѣсколько острововъ, столь укрѣпленныхъ природою, что, еслибъ на которомъ изъ нихъ зашло нѣсколько сотъ или десятковъ сотъ человѣкъ, то и наибольшее войско ничего не могло бы тамъ подѣлать“ ²⁾. Тотъ же авторъ указываетъ и мѣста, гдѣ удобнѣе всего было бы расположить сторожевыя посты: островъ *Коганый*, который заграждаетъ переправу на Кременецкій и Кусманскій шляхи (на Подольѣ), островъ *Таманьска*, противъ устьевъ Тямени и Фезани,—и другихъ немало острововъ; еслибъ на нихъ организовать надлежащимъ образомъ оборону, то „не отважились бы Татары такъ часто приходить (въ Литву и Польшу)“. „Но“—замѣчаетъ Гвагнинъ не безъ горькой ироніи—„мы желаемъ больше обороняться отъ нихъ у Самбора“ ³⁾. Далѣе онъ намѣчаетъ выгодныя стратегическія пункты на Тямени, Ольшаницѣ и др. рѣкахъ, къ числу которыхъ можно отнести и лѣвобережняя; указываетъ, наконецъ, городища, какъ *Балаклея* надъ Чапчаклеемъ (въ сторонѣ Чернаго лѣса) и *Кременчугъ* на Днѣпрѣ (у переправы); но, по его же словамъ, все это было бы гораздо полезнѣе въ рукахъ Нѣмцевъ или Венеціанъ, чѣмъ Литовцевъ: „не были бы они такъ надбалы въ томъ, какъ мы“ ⁴⁾.

Помимо Гвагнина, и еще раньше его, на эти же обстоятельства обращалъ вниманіе литовскаго правительства и Остафій Дашкевичъ, который настоятельно совѣтовалъ на Піотроковскомъ сеймѣ поставить на Днѣпрѣ 2000 человѣкъ

¹⁾ Сбор. Малиновскаго, с. 172; А. Ю. З. Р. VIII, V, с. 81, 168.

²⁾ Изд. Туровскаго, с. 221.

³⁾ Z Kroniki, str. 222.

⁴⁾ Gwrgn. 222—3.

съ чайками, для охраны переправъ, и къ нимъ придать нѣсколько сотъ конныхъ, которые имѣли бы на своей обязанности доставку фуража охранникамъ. Тотъ же Остафій Дашкевичъ и тогда же предлагалъ укрѣпить Днѣпровскіе острова и снабдить ихъ постоянными гарнизонами. Эти совѣты были выслушаны панамъ съ большимъ вниманіемъ, м. б., даже не безъ аплодисментовъ, но—*przedzie nie stalo*. На томъ же сеймѣ нѣкоторые изъ присутствующихъ пошли еще дальше: совѣтовали завести на Украинѣ рыцарскую школу для воспитанія юношества, *ale ciż kiedy się do słowa mówić, a do gzeszy skutecznej przystąpić niesporo* ¹⁾.

Кстати — о рыцарской школѣ. Зачѣмъ понадобилась панамъ какая-то особая рыцарская школа, когда сама Украина представляла изъ себя лучшую школу для рыцарства? Въ рыцарствѣ здѣсь не было недостатка: каждый казакъ былъ „лицарь“. Нужно было только дать правильное направленіе этому своеобразному рыцарству, чтобы оно не истощало своихъ силъ понапрасну въ поединочной или въ лучшемъ случаѣ—партизанской борьбѣ, на свой рискъ и страхъ, съ кочевниками,—а несло ихъ на служеніе великимъ государственнымъ интересамъ—организованной защитѣ родной земли. Впрочемъ, литовское правительство сдѣлало было однажды попытку къ этому, хотя и не достигнувъ цѣли. Именно, незадолго до Берестейскаго сейма (1524), по порученію кор. Сигизмунда, Семень Полозовичъ и Криштофъ Кмитичъ, собравши „малый почотъ козаковъ“, ходили на низъ Днѣпра, до Товани, держать сторожевую службу „и тамъ будучи—по словамъ короля—послуги своее намъ немало вчинили, и тыхъ людей неприятелей всихъ Татаръ, которые в вл. паньстве нашомъ были, тыждень черезъ Днепръ не пропустили, и на каждый день зъ ними битву мевали и многихъ дей ихъ были, а иншии дей сами тонули“. Этотъ фактъ наглядно показывалъ литовскому правительству и обществу, сколь полезное орудіе представляло изъ себя казачество, еслибъ оно было привлечено къ правомѣрному участію въ государственной оборонѣ. Это именно обстоятельство и выдвинулъ Сигизмундъ I передъ панамъ рады.

¹⁾ Gwagn. 157.

„Кгда же они—докладывалъ король панамъ черезъ бискупа Вежгайла,—с такъ малымъ почотомъ людей таковыми послуги намъ, господарю, чинили, мы на то бачымы, кгда бы тамъ тысячта або две людей нашихъ козаковъ на Днепре мешкали, свать (знать) бы и овшемъ была отъ нихъ большая а знаменитая послуга и оборона паньствамъ нашимъ“ ¹⁾. Не знаемъ, какое дѣйствіе произвели эти доводы на пановъ рады литовской, но изъ рѣчи Остафія Дашкевича на Піотроковскомъ сеймѣ можно заключить, что они скоро были забыты.

Итакъ, за исключеніемъ этихъ попытокъ къ организаціи пограничной военной службы, которая шла отъ центра, для нуждъ мѣстнаго Киевскаго населенія не оставалось другихъ средствъ для предупрежденія нападений со стороны степи, кромѣ тѣхъ, которыми оно само располагало. Располагало же оно для этой цѣли такъ называемой „польной“ стражей, которая обыкновенно содержалась за счетъ городскихъ жителей ²⁾. Этого рода сторожевая служба состояла въ томъ, что каждый городъ, или замокъ обязывался высылать въ поле „установичне“ или „ведлугъ потреби“, обыкновенно на время полевыхъ работъ—извѣстные контингенты, которые располагались на мѣстахъ урочистыхъ—на курганахъ, по теченію рѣкъ, въ городищахъ и проч.—наблюдали за степью и, чуть только замѣчали появленіе неприятеля, извѣщали окрестное населеніе о приближеніи опасности. Послѣднему, такимъ образомъ, представлялась возможность заблаговременно укрыться подъ защиту замка или въ естественныхъ какихъ-нибудь убѣжищахъ—лѣсахъ, оврагахъ, болотахъ и т. п.—и тѣмъ спастись отъ плѣна и разграбленія. Польную стражу содержали не только украинныя замки въ собственномъ смыслѣ, какъ Черкасскій, Каневскій, Остерскій, но и тѣ, которые на значительное разстояніе были удалены отъ степи, напр., Чернобыль и Овручъ. Такимъ образомъ, на всемъ протяженіи Киевской земли разставлялся рядъ пикетовъ, изъ которыхъ предыдущій имѣлъ предупреждать послѣдующій, такъ что при извѣстной бдительности вѣсть

¹⁾ Докум. Ю. Прилож. № 4, с. 523.

²⁾ О ней смотр. иллюстраціи Киевскихъ замковъ—въ Архивѣ Ю. З. Р. ч. VII, т. I и ч. IV, т. I.

о движеніи непріятеля могла въ одинъ день изъ степныхъ окраинъ достигнуть въ глубину Польска. Но только—при известной бдительности; бдительность же кievской стражи не внушала къ себѣ особаго довѣрія. По словамъ житомирскихъ обывателей, въ польной стражѣ „не слишкомъ даже большая потреба: бо николи сторожа не встерезеть* непріятеля. Фактъ на лицо: въ 1497 г. Татары достигли Припяти „не вѣдущу о нихъ никомуждо—безъ вести оубо идоша оу землю“¹⁾, а чтобы достигнуть Припяти, нужно было пройти или черезъ всю Волынь, или черезъ всю Кіевщину. Хороша, значить, была польная стража!

Самое радикальное средство для защиты мѣстнаго населенія отъ татарскихъ нападений представляли, разумѣется, города, или замки. Имъ русское населеніе пользовалось издавна; продолжало пользоваться и въ разсматриваемый періодъ, но—къ сожалѣнію—не въ достаточной мѣрѣ. Впрочемъ, было время, когда Кіевщина могла считаться достаточно укрѣпленною: это было при Витовтѣ и при удѣльныхъ князьяхъ. Витовтъ, отмежевавъ своимъ могучимъ мечемъ границы Кіевщины по берегу Чернаго моря, оградилъ ихъ рядомъ крѣпостей, которыя, съ одной стороны, имѣли способствовать колонизаціи степей, а съ другой—преграждали бы путь кочевникамъ въ центральныя провинціи Литовско-русскаго государства. Витовту обыкновенно приписываютъ построеніе—*Качибя* (портъ на Черномъ морѣ), *Очакова* (Дашова), *Тигина*, *Бургуна*, *Тавани*, *Мишурина Рога*, *Чичакля*, *Кремичуга* и др. городовъ, расположенныхъ частію въ (тогдашнихъ) границахъ Кіевской земли, частію по сосѣдству съ нею¹⁾. Сохраняя то, что было слѣлано Витовтомъ, Кіевскіе князья, съ своей стороны, заботились о приумноженіи укрѣпленій въ своемъ удѣлѣ—не только на границахъ, но и по близости къ центру. Ихъ дѣятельности можно приписать возобновленіе или сооруженіе вновь замковъ: *Чуднова*, *Заяля*, *Житомира*, *Олевска*, *Мыкгорода*, *Васильева*, *Бѣлгорода*, *Вингорода*, *Балаклен*, м. б. *Черкассы* и др.—по правую сторону Днѣпра и многихъ городовъ—по лѣвую, какъ напр.,

¹⁾ Кіевская лѣт., изд. Оболенскимъ, с. 145.

²⁾ Владимирскій-Вудановъ—Предисловіе къ VII ч. т. I. А. Ю. З. Р., с. 56—7.

Снопородъ, *Глинскъ*, *Жоляжъ*, *Прилука*, *Биримъ*, *Синеть*, *Хотыкъ*, *Лосичи*, *Хотмыль*, *Милогобъ*, *Мужечъ*, *Оскаль*, *Донецъ* и проч. Почти все эти города названы въ ханскихъ ярлыкахъ 1507 и 1540 гг., скопированныхъ съ болѣе древнихъ ярлыковъ, еще м. б. времени Витовта, но до насъ не дошедшихъ въ подлинникахъ¹⁾. Въ XVI в. большинство названныхъ городовъ обратилось въ пустыя городища или незначительныя поселки; но въ спискѣ Свигригайла²⁾ они еще числятся въ ряду населенныхъ и торговыхъ; даже въ отъказной грамотѣ Богдана Глинскаго на с. *Гатное* (отъ 1500 г.) находимъ еще упоминаніе о пяти изъ нихъ, въ Путивльскомъ повѣтѣ, къ которымъ тянули цѣлая волости³⁾. Однако въ томъ же 1500 г. весь Путивльскій повѣтъ отошелъ къ Москвѣ, другіе города, какъ сказано, обратились въ городища, такъ что въ XVI в. можно считать существующими только 9—10 господарскихъ замковъ: *Кіевъ*, *Каневъ*, *Черкассы*, *Жи-*

¹⁾ Исторію этихъ ярлыковъ предполагаетъ Менгли-Гирей въ „словѣ“ до пановъ радъ литовскихъ. „Наши отцы цари — предокъ нашъ царь Токтамышъ с великимъ княземъ Витовтомъ пріежащие братья и принтели были великии. Царь Токтамышъ далъ великому князю Витовту Кіевъ и Смольнескъ и иныиыя города. И предокъ нашъ царь Токтамышъ на все то далъ ярлыкы свои. И после того до нашего отца до Ачъ-Кирія цари наши великие послы, приехавъ, о тыхъ выписавшихъ городахъ ярлыкы взяли. И потомъ, братъ нашъ старшій Мурдавлать царь, царемъ стал, и онъ потому жъ, — приехавши, панъ Яць Кучоковичъ а панъ Иващенко ярлыкы взяли, и твердая присяга была. А до мене приехалъ отъ брата нашего Казимира, короля, воевода Троцкий панъ Богданъ Андрушковичъ а с нимъ Иващенко, отца нашего ярлыкы взяли.“—Сбор. Малиновскаго, с. 133 = Сбор. Оболенскаго, с. 45 = *Palaski Stownik z Mendli Girajem*, № 78. Перечень переуступленныхъ городовъ см. въ А. З. Р. II, №№ 6 и 200; Сбор. Оболенскаго, с. 87—9.

²⁾ Наданъ въ Прилож. къ книгѣ Коцебу: Свигригайло, вол. кн. Литовскій, с. 10—12; перепечатанъ у Дашковича *Skarbiec I* № 746.

³⁾ А. З. Р. II, № 178. Повидному, около этого же времени продолжали еще существовать нѣкоторые города и по сю сторону Днѣпра, южнѣ Черкассы, какъ то слѣдуетъ изъ словъ Менгли-Гирей: „на Черкасской городокъ пришли есмь, и панъ ходъ которые ихъ люди на Нѣпрѣ стояли, видѣвши, шодъ свазали; сколько городокъ своихъ имѣли, бѣжали; и мы шодимъ Черкасскій городокъ въ головахъ и иныиыя города погляди: по близу они людей своихъ не оставили бѣгу для.“—Сбор. Истор. т. XLII, с. 196 (1493 год.); ср. т. XXXV, с. 290—2. Но въ XVI в. отъ городовъ южнѣ Черкассы остались только одни развалины (см. *Gwagn. str.* 221—3).

Толмиръ, Овручь, Мозырь, Черныбыль, Любечъ, Остеръ, а ок. половины XVI в.—и Бѣлая Церковь.

Что же представляли изъ себя замки этого періода?

Это были небольшія укрѣпленія, воздвигаемая въ болѣе или менѣе недоступной мѣстности, изъ дерева, по словному выраженію люстраций, „городнями, совитыми стѣнами рубленными“, т. е. изъ брусевъ, положенныхъ въ замки. Длина этихъ городенъ различна: 4—3 или менѣе сажень, смотря по размѣру брусевъ. Стѣны обыкновенно дѣлались двойныя, съ пустымъ промежуткомъ, который заполнялся пескомъ или глиной; снаружки—обмазка. Въ верху стѣны устраивались и некоторыя дополнительныя сооруженія—*блакованье*, съ крышей и съ приспособленіемъ для стрѣльбы—*подсябитъемъ*. По сторонѣ, обращенной къ городу, придѣлывался къ стѣнамъ помостъ, на который можно было взобраться только по ступенькамъ. По этому помосту ходили люди; здѣсь же стояла вода въ бочкахъ, на всякій случай—„ку оборонѣ каменя, колья дубовые, колодки“. Въ самой стѣнѣ, а иногда только при ней, обыкновенно помѣщалось *будованье*, т. е. жилия помѣщенія, саран, кладовыя. Окна ихъ иногда пробивались наружу—въ Черкасскомъ замкѣ такъ низко, что можно было „досегнуть головою“. То здѣсь, то тамъ надъ стѣнами возвышались башни—„башты“, „вежи“—различной величины и формы, изъ которыхъ одна обыкновенно ставилась надъ воротами—„вежа воротная“, а къ ней для входа опоздавшихъ во время опасности велъ „уздъ добръ (или не-добръ), ланцухи два, полчетверти сажени“. Все вежи были „съ подсябитъемъ, а покрытьемъ добрымъ (или злымъ), съ стрѣльбами земными, середними и верхними“. Внутри ихъ помѣщались военные и продовольственныя запасы. Площадь, занятая замковыми сооруженіями, была не велика: она рассчитывалась только на случай осады. Въ обыкновенное же время почти все мирное населеніе проживало въ *острогахъ*, рубленыхъ „дилеваньемъ, кольемъ дубовымъ поверху вать“¹⁾.

Таковы были матеріальныя средства защиты. При тогдашнихъ орудіяхъ нападенія, въ особенности—легкой татар-

¹⁾ О южно-русскихъ господарскихъ замкахъ въ полов. XVI в. см. рефератъ Грушевскаго въ Кіев. Университ. Изв. 1890 г., II.

ской конницы, на скорую руку, эти средства, пожалуй, если не были вполне достаточны, то во всякомъ случаѣ могли бы сослужить весьма существенную службу для мѣстнаго, какъ городского, такъ отчасти и сельскаго населенія. Въ дѣйствительности же оказывалось далеко не то. Замки строились и содержались „недбале“, безъ надлежащаго присмотра и контроля властей, такъ что многіе въ моментъ самой постройки уже носили въ себѣ зародыши разложенія. Люстраторы, специально посылаемые центральнымъ правительствомъ для осмотра и описи замковъ, съ грустью, чтобы не сказать—съ негодованіемъ, отмѣчаютъ многочисленныя дефекты, какъ въ ихъ постройкѣ, такъ и въ способахъ содержанія. Въ этомъ отношеніи люстраціи являются сплошнымъ обвинительнымъ актомъ—сказали бы мы,—если бы они къ кому-нибудь апеллировали или кого-нибудь подводили подъ отвѣтственность. Но люстраторы хорошо знали, что то и другое—безнадежно, поэтому имъ оставалось только констатировать факты... Трагическое въ исторіи Литовско-русскаго государства заключается въ томъ, что оно не располагало сильной центральной властью, вслѣдствіе чего отдѣльнымъ органамъ его, особенно на периферіи, предоставлялась широкая свобода дѣйствій, рѣдко приводившая къ благимъ результатамъ. Вотъ одинъ изъ многихъ примѣровъ для иллюстраціи литовскихъ порядковъ.— Въ половинѣ XVI в. Сигизмундъ Августъ предпринялъ опись государственныхъ имуществъ, на первомъ мѣстѣ—замковъ, чтобы урегулировать повинности населенія и привести въ лучшее состояніе государственную оборону. Для этой цѣли были посланы въ разныя провинціи Литовско-русскаго государства особые чиновники, называемые люстраторами, снабженные соответствующими полномочіями для успешнаго выполненія своей миссіи. Одинъ изъ такихъ люстраторовъ, исполненный самыми лучшими намѣреніями, пріѣхалъ въ Кіевъ, но, не смотря на свое стараніе и полномочія, предоставленныя ему господарской грамотой, не могъ собрать необходимыхъ свѣдѣній о состояніи мѣста и повѣта Кіевского. Причина—„недопущено того в небытности воеводиной“: намѣстникъ отказался отъ дачи свѣдѣній подъ тѣмъ предлогомъ, что „люди непослушни его ани подъ его моцью, але подъ городни-

чего²; а городничій оправдывался тѣмъ же, отсылая къ намѣстнику. Въ концѣ концовъ люстраторъ записалъ только то, „што есмо сами собою выведатися могли“¹). Очевидно, мѣстныя власти разсчитывали — и не безъ основанія — на полную безнаказанность. А вотъ и др. случай, не менѣе, если не болѣе, характерный для литовскихъ порядковъ. — Послѣ пожара Житомирскаго замка, случившагося при Д. Кмитѣ, кн. Константинѣ Острожскій вывезъ изъ Житомира въ свое родовое гнѣздо „20 возовъ спижу звонового и пушечнаго, 5 дѣлъ спижныхъ, 3 пушки“ — и совершенно безнаказанно (хотя впоследствии его заставили вернуть кое-что); между тѣмъ какъ житомирскіе обыватели оставались безъ всякой защиты. При такихъ порядкахъ, разумѣется, крѣпостная оборона не могла идти успѣшно.

Таковы матеріальныя средства обороны. Кто же активно велъ ее? Какіе контингенты привлекались для этой цѣли? Отвѣтъ — въ люстраціяхъ: „повинни такъ мешане, яко бояре, — читаемъ въ любой изъ нихъ — противъ людей непріятельскихъ конно и збройно бивати“. Но эти контингенты, въ особенности мѣщанскіе, мало оказывались пригодными для военныхъ цѣлей. Поэтому уже въ давнія времена, еще при удѣльныхъ князьяхъ, сталъ формироваться особый разрядъ военно-служивыхъ людей, подъ названіемъ слугъ, которые освобождались обыкновенно отъ всѣхъ пошлинъ и повинностей въ пользу государства, подъ условіемъ военной службы. По первому требованію власти, эти слуги должны были становиться въ ряды войска „конно и збройно“. При удѣльныхъ князьяхъ этихъ слугъ было большое количество: въ древнѣйшей люстраціи Киевской земли, по подсчету Довнаръ-Запольскаго, на 479 челобѣтъ (дворовъ) населенія указано 187 слугъ, т. е. больше, чѣмъ $\frac{1}{3}$ населенія²). Но съ теченіемъ времени, уже въ періодъ воеводекаго управления, съ слугами случилось то же, что и съ замками: число ихъ значительно сократилось — отчасти по причинѣ татарскихъ опустошеній³), отчасти по винѣ самихъ господарей, обраща-

¹) А. Ю. З. Р. VII, т. I, № 16, с. 123.

²) Государственное хозяйство, с. 197—9.

³) Такъ, по люстраціи Киевскаго замка, въ нему когда-то тинило 7 окрестныхъ селъ, „съ которыхъ выхаживало люду паншерного на

шихъ слугъ въ привилегированное сословіе. Въ силу указанныхъ причинъ, количество слугъ, несущихъ военную службу въ Киевской землѣ, около половины XVI в. уменьшается уже не десятками и сотнями, а единицами. Въ концѣ концовъ дѣло дошло до того, что, за listami i wolnościami, по словамъ киевскаго люстратора (1571 г.), nie masz kogo dla przejeżdżania slaków tatarskich posłać, a въ случаѣ вторженія непріятелей, некого pod nich podesłać i listów do inszych przyległych zamków dawając znać o nieprzyjacielu roznosić¹).

Выше было сказано, что военной службой обязаны были также и бояре — шляхта. Но, по первымъ, этотъ классъ не былъ особенно многочисленнымъ въ Киевской землѣ, а вторыхъ, бронированный господами привилегіями, онъ находилъ возможность уклоняться, по легальнымъ основаніямъ, отъ известной родовой службы (напр., починка замка), а по нелегальнымъ — и отъ всѣхъ. Въ 1515 г., напр., Киевскій воевода Андрей Немиричъ жалуется королю Сигизмунду, что онъ „писалъ до старостъ и до всѣхъ бояръ киевскихъ, ижьбы со мною ѣхали на службу господарскую“, но — „жадевъ зъ нихъ не хотѣлъ ѣхати“²). Не удивительно поэтому, что киевскіе замки неоднократно бывали разрушаемы до основанія, а преслѣдовать непріятеля было некому. Правда, этой бѣдѣ правительство, хотя отчасти, старалось помочь. Оно посылало въ особо важныя украинныя замки людей невѣстныхъ — жолнеровъ (конные) и драбовъ (пѣшіе)³); но опять-таки, это былъ палліативъ, а не рѣшительно и послѣдовательно проведенная мѣра: жолнеровъ мы встрѣчаемъ только въ нѣкоторыхъ замкахъ, да и то — не въ особенно большомъ количествѣ.

Въ прежнія времена, еще при старыхъ князьяхъ Киевскихъ, для защиты пограничныхъ областей, привлекались въ значительномъ количествѣ инородческіе элементы, называемые подъ названіемъ Черныхъ Клобуковъ (Турки). Въ

службу господарскую 146; а теперь — замѣчаетъ люстраторъ — тые села пусты вси“.

¹) Ж. XX, 8.

²) А. З. Р. II, № 193.

³) О жолнерахъ рѣчь была выше, о драбахъ — см. люстрація 1552 г. и А. Ю. З. Р. VIII, V, с. 52.

ихъ распоряженіе отводились пастбища, иногда предоставлялись и города, а за то эти инородцы обязаны были военной службой Кіевскому князю. Нѣчто подобное практиковалось и въ разсматриваемый періодъ. Изъ вырока, напр., кор. Казимира Маріи Трабской узнаемъ, что Олельковичи раздавали остерскія земли, между прочимъ, и кіевскимъ Татарамъ. Нѣсколько позже мы встрѣчаемъ въ числѣ военно-служиваго сословія—Жидовъ и Армянъ ¹⁾. Но въ самой широкой степени эта мѣра была примѣнена въ началѣ второй четверти XVI в., когда цѣлой ордѣ татарской было позволено кочевать въ черкасскихъ границахъ, подѣ условіемъ ихъ защиты. Дѣло было такъ. Около 1525—6 г. въ Перекопѣ произошли перемѣны, въ результатѣ которыхъ одинъ изъ хановъ, Осламъ—Султанъ, съ подчиненной ему ордой вынужденъ былъ покинуть Крымъ и искать себѣ покровительства у польско-литовскаго правительства. Съ 70-тысячной ордой этотъ Осламъ—Султанъ подошелъ къ Черкаскамъ и просилъ у тамошняго старосты совѣта, „какою бы мѣрою онъ мѣлъ“ съ его господаремъ „у згоду прійти“. Остафій Дашкевичъ посовѣтовалъ ему послать своихъ пословъ къ кор. Сигизмунду и отъ себя также послать довѣреннаго человека. 9. X. 1528 г. былъ полученъ уже отвѣтъ на это ходатайство, адресованный на имя Остафія Дашкевича. Кор. Сигизмундъ приказывалъ своему старостѣ, чтобы онъ, „порозумѣвши мѣсто“, гдѣ хотѣлъ бы Осламъ—Султанъ „на границахъ нашихъ, за города нашими мѣшкати“, отвелъ бы ему необходимое пространство пастбищъ—тамъ, „гдѣ бы отъ него паньству нашему шкоды не было, а было бы съ пожиткомъ нашимъ и земскимъ“ ²⁾. Какою, въ дѣйствительности, вышелъ пожитокъ отъ Осламъ—Султана, мы не знаемъ, но можно думать, что пожитокъ все-таки былъ, ибо угрожаемый съ юга своимъ соперникомъ Осламъ—Султанъ долженъ былъ, по возможности, занекивать передъ польско-литовскимъ правительствомъ и всѣми мѣрами стараться заслужить его расположение.

При неудовлетворительномъ состояніи государственной обороны, естественно, должна была проявиться частная

¹⁾ А. З. Р. I, №№ 77, 178; II, № 97; А. Ю. Р. I №№ 48, 124, 127, 161

²⁾ А. З. Р. II, № 150; Gwagn. 152—3.

инициатива, ибо народъ, какъ живой организмъ, если только онъ еще живой, не можетъ не сопротивляться смертной опасности. Эта инициатива проявлялась въ двухъ основныхъ формахъ: въ видѣ ли артелей промышленниковъ, объединившихся въ цѣляхъ совместной защиты своихъ „уходовъ“, или въ видѣ замковъ, воздвигаемыхъ частными лицами съ ближайшей цѣлью защиты своихъ имѣній, но въ то же время и съ обязательствомъ содержать ихъ въ состояніи обороны — для общей безопасности. Первое подлежитъ обсужденію въ третьей и послѣдней части настоящаго сочиненія, о второмъ скажемъ нѣсколько словъ въ данномъ мѣстѣ.

Въ общемъ, литовское правительство не препятствовало частнымъ лицамъ строить замки: скорѣе даже можно сказать, что поощряло разумѣется, если находило, что постройка того или другого замка не будетъ „ку шкодѣ и переказѣ тамошнимъ замкамъ и мѣстомъ“ господарскимъ. Подѣ такимъ, напр., условіемъ Сигизмундомъ I было дозволено построить замокъ Ив. Немиричу въ его кіевскомъ имѣніи — *Городицѣ*, причемъ въ привилегіи по этому случаю король выразилъ и принципиальный свой взглядъ, что „таковыя замки на украине не естъ ку шкоде, але лепшему пожитку нашому“ ¹⁾. Обыкновенно съ правомъ строить замокъ соединялись всевозможныя льготы экономического характера: дозволилось заводить торги и ярмарки, собирать мыто и проч. Но, какъ сказано выше, получая всѣ эти привилегіи, строящій замокъ обязывался содержать его въ надлежащей боевой готовности, чтобы и государство, и население имѣли отъ этого свою долю пользы. Такъ, напр., тотъ же Сигизмундъ I, разрѣшая ки. Дмитрію Веденецкому построить замокъ въ его кіевскомъ имѣніи—*Хобнолѣ*, поставилъ ему въ обязанность „въ томъ замку своемъ брони всякие и зънижи замковые тамъ мети и въ доброй опатрности его ховати и яко бронями, такъ и иными речьми, што къ замку прислухаютъ, маєть его наспижовати такъ, якъ бы часу пригоды отъ неприятеля нашего тотъ замокъ его въ доброй безпечности былъ“ ²⁾. Благодаря, съ одной стороны, настоятельной по-

¹⁾ А. Ю. З. Р. VIII, V, № 22.

²⁾ А. Ю. З. Р. VIII, V, № 14.

требности въ защитѣ, которой не могла удовлетворить государственная организація, а, съ другой, благодаря большому льготамъ, которыя давались при этомъ правительствомъ для поощренія частной инициативы, къ концу разсматриваемаго періода на территоріи Киевской земли возникаетъ около десятка частныхъ замковъ. Разумѣется, это были скорѣе *защитки*, чѣмъ настоящіе замки, но и они имѣли свое значеніе въ общей системѣ обороны страны. Такимъ образомъ появились замки—города: указанные уже выше—*Хобис* и *Городище*, замокъ капитулы Виленской на Словечной ¹⁾, *Заяголь* и *Чудноль*—ки. Острожскихъ ²⁾, *Паволоч*—Остафія Дашкевича ³⁾, *Бышевъ*—Харлецкихъ ⁴⁾, *Бѣлая-Церковь*, заложена, впрочемъ, Ф. Пронскимъ на имя господаря ⁵⁾, и нѣкоторые другіе.

Странно, что, поощряя вообще частную инициативу въ постройкѣ замковъ, литовское правительство не оказало поддержки именно тамъ, гдѣ въ ней больше всего чувствовалась потребность. Въ 1557 г. Дмитрій Ив. Вишневецкій, извѣстный рыцарь и авантюристъ, основалъ на о. Хортицѣ замокъ и былъ челомъ королю, чтобы онъ велѣлъ снабдить этотъ замокъ всѣмъ необходимымъ. Однако, король, вѣроятно, изъ опасенія, чтобы новоустроеннымъ замкомъ не завладѣли казаки и не причинили какого либо безпокойства Речипосполитой, похваливъ Вишневецкаго за его подвиги и труды, въ особенности за постройку замка „въ такъ потребномъ мѣстѣ“, просимою поддержкой все-таки не оказалъ ⁶⁾. Тогда Вишневецкій черезъ Ивана Еськовича былъ челомъ Москов. вел. кн. Ивану Васильевичу, который и снабдилъ его дѣтьми боярскими и деньгами, а пушки были добыты въ Исламъ-Кирменѣ. Такимъ образомъ, хотя и подъ чужимъ покровительствомъ, но городъ все-таки могъ служить прикрытіемъ для киевскихъ границъ. Но такъ какъ онъ дѣйствительно имѣлъ важное стратегическое значеніе, къ боль-

¹⁾ Археограф. Сбор. I, № 37.

²⁾ Arch. Lubart.—Sang. IV, № 19.

³⁾ Słownik Geogr. VII, 916—17.

⁴⁾ Ibid I, 174—5.

⁵⁾ А. Ю. З. Р. VIII, V, с. 75, ср. 107.

⁶⁾ А. Ю. Р. II, № 130.

шому ущербу для Татаръ, то они всю свою энергію употребили на то, чтобы снести его съ лица земли. Въ апрѣлѣ или маѣ 1558 г. Вишневецкій доносилъ царю, что Крымскій ханъ Девлетъ-Гирей, съ сыномъ своимъ и всею ордою Перекопскою, въ теченіе 24 дней осаждалъ его на Хортицѣ, но, потерпѣвъ большія потери, вынужденъ былъ отступить съ „великимъ срамомъ“. Однако, не смотря на эту побѣду, дни Хортицкаго городка были сочтены. Въ октябрѣ того же года Девлетъ-Гирей вторично выступилъ противъ Хортицы, на этотъ разъ уже и съ судами. Вишневецкій, за немѣнѣемъ принасовъ, вынужденъ былъ отступить къ Черкаскамъ, а городъ былъ разрушенъ—впредь до лучшаго времени ¹⁾. Такимъ образомъ, счастливая мысль Остафія Дашкевича объ укрѣпленіи Днѣпровскихъ пороговъ, съ такимъ успѣхомъ начавшая было осуществляться, благодаря халатности или трусости литовско-польскаго правительства, снова была похоронена, впредь до болѣе организованнаго выступления казачества. Въ концѣ концовъ, разумѣется, отъ этого страдала Киевская земля, такъ какъ съ уничтоженіемъ Хортицкаго городка, Татары снова приобрѣтали полную свободу дѣйствій.

На этотъ разъ, преслѣдуя, правда, свои интересы, но и не безъ пользы для Киевской земли, приняло на себя инициативу само московское правительство. Уже въ 1557 г., отвѣчая на челобитіе Вишневецкаго, король сообщалъ, что къ нему дошелъ слухъ о желаніи москов. вел. князя „будовати городъ на нашомъ крутѣ при Днѣпрѣ“. Въ маѣ 1559 г. Д. Вишневецкій, совершивъ удачный набѣгъ на Перекопъ, имѣлъ на обратномъ пути стоянку на Днѣпрѣ, „выше пороговъ, на Монастырскомъ островѣ“: здѣсь во время операций находился его конь съ запасами. Вотъ этотъ Монастырскъ и служило московское правительство, какъ важный стратегическій пунктъ, намѣреваясь его укрѣпить ²⁾. Не знаемъ—почему, м. б. изъ недовѣрія къ Вишневецкому, онъ былъ отозванъ съ Днѣпра, а на его мѣсто царь отправилъ окolicнаго Д. Адашева въ большомъ полку, поручивъ ему, между

¹⁾ Лѣтопись Нормантскаго св. 102—3, 105, 109—10, 115—16.

²⁾ А. Ю. Р. II, № 134; Сбор. Малиновскаго, с. 265—6, 270; А. Ю. З. Р. VIII, V, с. 115.

прочим, и постройку города. Это обстоятельство произвело большой переполохъ въ польско-литовскомъ лагерѣ; посыпались протесты, противъ которыхъ безсильными оказались доводы московскихъ посланцевъ, что „въ томъ стоить людей государя ихъ на Днѣпрѣ не однимъ государя ихъ людямъ оборонитъ—и королевой землѣ защита“¹⁾; ничто не помогало—и мысль о постройкѣ города на Днѣпрѣ пришлось оставить²⁾. Впрочемъ, въ тѣхъ же цѣляхъ огражденія государственной безопасности московскому правительству удалось осуществить другое намѣреніе — разставить сторожевые посты въ границахъ Киевской земли, для наблюденія за движеніемъ Татаръ, а если возможно, то и для воспрепятствованія такому движенію. Въ этихъ цѣляхъ Московскій государь просилъ, между прочимъ, въ 1551 г., Польскаго короля нарѣдко приказать своимъ Каневскимъ и Черкасскимъ намѣстникамъ, „чтобы въ Каневѣ и въ Черкасѣхъ его порубежныхъ городовъ намѣстниковъ сторожемъ на сторожи мѣста дали“ и не чинили бы имъ никакихъ кривдъ, но оказывали всяческое содѣйствіе своей осведомленностью относительно Татаръ, „чтобы христіанству отъ поганыхъ обереженъе было“³⁾.

Таково было состояніе обороны Киевской земли въ рассматриваемый періодъ. Общій выводъ, какой можно сдѣлать изъ предыдущаго описанія—тотъ, что Киевская земля при наличности тѣхъ средствъ обороны, какими она располагала или точнѣе — могла располагать, имѣла возможность, если не съ успѣхомъ, то по крайней мѣрѣ съ честью противостоять татарскимъ напеденіямъ, но совершенная непригодность административнаго механизма Литовскаго государства лишала ее надлежащей устойчивости въ борьбѣ съ кочевниками и тѣмъ причиняла населенію неисчислимыя потери.

¹⁾ Сбор. Истор. ЛХ, 583—4.

²⁾ Лѣт. Нормантскаго 118, 125, 126, 139, 143—44, А. Ю. Р. II, № 134.

³⁾ Сборн. Ист. ЛХ, № 22, с. 354; № 23, с. 356.

ГЛАВА V.

Послѣ Татарскаго погрома, по свидѣтельству позднѣйшаго соборнаго опредѣленія, Киевъ „сильно пострадалъ отъ смуты и безпорядковъ (настоящаго) времени и отъ страшнаго напора сосѣдственныхъ Аламановъ и пришелъ въ крайне бѣдственное состояніе“, такъ что не могъ уже больше обезпечить святителямъ „постоянные и вѣрные источники дохода“¹⁾. Результатомъ указанныхъ причинъ было то, что лица, поставляемые въ Константинополь на Киевскую митрополию каведру, въ дѣйствительности, въ Киевѣ пребывали меньше всего, ища себѣ „постоянныхъ и вѣрныхъ источниковъ дохода“ то на юго-западѣ, то на сѣверо-востокѣ, пока, наконецъ, не утвердился окончательно въ Москвѣ. Уже о митр. Максимѣ лѣтопись рассказываетъ, что онъ, „не терпя татарскаго насилья, остави митрополию и збѣжа изъ Киева (съ крылосомъ и) со всемъ житиемъ“²⁾. Это былъ рѣшительный моментъ въ исторіи Киевской митрополіи, ибо, съ перенесеніемъ кляроса во главѣ съ митрополитомъ, состоялось фактически и перенесеніе митрополичьей каведры. „Оттогда—говоритъ Новг. лѣт.—начаша митрополиты Киевскіе въ Москвѣ жити, а въ Киевѣ токмо намѣстники бяху“³⁾. Моральную санкцію совершившемуся факту дало народное преданіе, повѣствующее, что на пути изъ Киева во Владимиръ сбѣжавшему митрополиту явилась сама Богоматерь, которая одобрила его поступокъ и велѣла „пасти во градѣ своемъ словесныя овцы“⁴⁾. Официальной же санкціи совершившемуся факту пришлось ожидать еще долго. Только при поставленіи митр. Алексѣя было издано патриаршимъ соборомъ опредѣленіе, по которому „Киевъ, если онъ останется цѣль, имѣлъ бытъ собственнымъ престоломъ и первымъ сѣдалищемъ архіерейскимъ, а послѣ него и вмѣстѣ съ нимъ епи-

¹⁾ Русск. Историч. Библ. VI, приб. № 12, с. 63, 66, Макарій IV, прил. VIII.

²⁾ Лавр. 451; Густ. 221; Ник. III, 96; Воскр. I, 182; Тверск. 407.

³⁾ Новг. III, 221; Густ. 341. Въ Москвѣ, впрочемъ, они утвердились не сразу.

⁴⁾ Это видѣніе было запечатлѣно впоследствии на иконѣ, которую и теперь можно видѣть во Владимиро-Клязьменскомъ соборѣ. См. Доброхотова—Памятники древности, с. 74—5; Голубинскаго II, 96.

скопія Владимірекая имѣла быть вторымъ сѣдалищемъ и мѣстомъ постоянного пребыванія и упокоенія (митрополитовъ)¹⁾. Съ этого момента митрополиты Кіевскіе, за исключеніемъ немногихъ, еще меньше стали заботиться о своемъ сѣдалищѣ, „не права люди божіи, какъ достойтъ митрополитамъ, но точію церковныя приходы собираю²⁾“. Велѣдствіе этого, а также въ виду того, что Кіевская каѣдра входила въ составъ иного политическаго тѣла, имѣвшаго свои собственныя не только политическіе, но и церковныя интересы, въ теченіе всей второй половины XIV и первой половины XV вѣка возгорается борьба между заинтересованными сторонами, которая и приводитъ въ концѣ-концовъ къ обособленію кіевскаго „сѣдалища“ отъ владимірскаго или, иными словами, къ раздѣленію единой митрополіи „всѣя Руси“ на двое: на Владиміро-Московскую и Кіево-Литовскую. Таковъ общій ходъ церковныхъ событій. Обратимся теперь къ частностямъ.

Въ одной изъ предыдущихъ главъ мы имѣли случай упомянуть о митр. Теодоритѣ, который въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ занималъ Кіевскую каѣдру, не имѣя, впрочемъ, на то каноническаго права. Объ этомъ митрополитѣ мы знаемъ только то, что благоволилъ сообщить о немъ патриарху въ грамотѣ къ Новгородскому (архі)епископу, и что говорится о немъ въ соборномъ опредѣленіи по случаю перенесенія митрополитчьеи каѣдры изъ Кіева во Владиміръ³⁾, — т. е. весьма мало и едва-ли вполне достоверно. Получивъ поставленіе, вопреки канонамъ, у чужого патриарха, Теодоритъ, тѣмъ не менѣе, былъ въ Кіевѣ, откуда и управлялъ дѣлами своей паствы, правдоподобно, до самой смерти, о времени которой мы не имѣемъ точныхъ извѣстій⁴⁾. Можно, однако, предполагать, что, когда проеиходилъ въ 1556 году великій споръ между Романомъ и Алексѣемъ изъ-за обладанія Кіевской епархіей (какъ мы догадываемся), то Теодо-

¹⁾ Истор. Библи. № 12, с. 67, 70.

²⁾ А. З. Р. I, № 24.

³⁾ Рус. Истор. Библи. VI, №№ 11 и 12; Ник. лѣт. только о поставленіи—III, 201.

⁴⁾ Свидѣтельство Степанной книги (I, 45), будто бы Теодоритъ „ничтоже получила“ въ Кіевѣ, разумѣется, въ счетъ не идетъ.

рита уже не было въ живыхъ. Не извѣстно намъ также ничего достовернаго и о томъ, какъ далеко (въ географическомъ смыслѣ) простиралась власть Теодорита, хотя проф. Голубинскій и утверждаетъ, что ему были подчинены и епархіи „Малой Руси“¹⁾.

Еще не успѣлъ умереть Теодоритъ, какъ на сцену являюся два новыхъ кандидата, уполномоченныхъ отъ двухъ враждебныхъ другу другу правительствъ: московскаго и литовскаго. Не смотря на постановленіе патриаршаго собора 1347 г. о нераздѣленіи церкви, оба кандидата, благодаря своему настоянію и не безъ подкрѣпленія „вѣскихъ“ аргументовъ, получаютъ отъ патриарха посвященіе: Романъ—въ митрополиты Литовскіе съ каѣдрой въ Новогрудкѣ, а Алексѣй—въ митрополиты Кіевскіе и всѣя Руси, съ двумя оффиціальными сѣдалищами—въ Кіевѣ и Владиміръ, и третьимъ не оффиціальнымъ, но по существу самымъ главнымъ—въ Москвѣ. „И сотворися—говоритъ лѣтопись—мятежъ во святительствѣ, чего не бывало преже сего в Руси: в Царѣградѣ от патриарха поставленіи быша два митрополита на всю рускую землю—Алексѣй да Романъ; и бысть межѣ ихъ целюбие велико“²⁾. Яблокомъ раздора оказалась Южная Русь, на которую оба митрополита заявляли свои претензіи. По этому поводу завязался между ними споръ, для разрѣшенія котораго оба митрополита ѣдутъ въ Константинополь: ѣдетъ сначала Романъ съ своими жалобами и претензіями, а велѣдъ за нимъ вызывается къ допросу и Алексѣй. Это было осенью 1556 г. Патриаршій соборъ, выслушавъ обоихъ и уступая настоянію Романа, постановилъ: чтобы Алексѣй былъ и оставался, какъ былъ рукоположенъ сначала, Кіевскимъ и всѣя Руси, а Романъ, вмѣстѣ съ двумя литовскими епископіями, Полоцкою и Туровекою, съ присоединеніемъ Новгородка—митрополитчьеи каѣдры, имѣлъ еще епископіи Малой Руси³⁾. Мятежъ во святительствѣ,

¹⁾ Грамоты патриарха „въ тамошній мѣста“, которыя, очевидно, имѣли въ виду почтенный ученый, высказывая это сужденіе, ничего не доказываютъ, ибо это могла быть обыкновенная мѣра пресѣченія, принятая на всякій случай. (О выше упомянутыхъ грамотахъ говорится въ посланіи къ Новгород. еп. Моисею—Рус. Истор. Библи. VI, № 11).

²⁾ Николон. л. III, 204, Степ. кн. I, 452.

³⁾ Истор. Библи. VI, прибл. № 13, с. 75—6.

однако, продолжался еще и послѣ этого: онъ прекратился только со смертью м. Романа, которая послѣдовала въ концѣ 1361 г. ¹⁾.

По смерти Романа, м. Алексѣй оставался юридически и фактически митрополитомъ всея Руси до 1371 г., когда отъ его митрополіи была отторгнута Галицкая часть и предоставлена въ распоряженіе особаго митрополита—Антонія ²⁾. Этотъ фактъ послужилъ исходнымъ пунктомъ для новыхъ смутъ въ Русской Церкви. Ободренный уступчивостью патріарха въ отношеніи къ польскому королю, Ольгерду, съ своей стороны, заявилъ притязанія на выдѣленіе изъ владѣній м. Алексѣя подвластныхъ Литвѣ земель—тѣмъ болѣе, что для такихъ притязаній имѣлись и свои основанія. Дѣло въ томъ, что м. Алексѣй, правленіе котораго приходится на малолѣтство Дмитрія Ивановича, да и безъ того, по самому положенію своему, принималъ весьма живое участіе въ политическихъ дѣлахъ, можно сказать даже — заправлялъ ими, заставляя, по силѣ своей духовной власти, удѣльныхъ князей подчиняться волѣ велик. московскаго князя, а такъ какъ въ то время Великая Русь разбивалась на два стана: одни тянули въ сторону московскаго князя, а другіе—литовскаго, то, естественно, что м. Алексѣй оказался весьма неугоденъ Ольгерду. И это была главнѣйшая причина, почему Ольгердъ домогался отдѣльнаго митрополита ³⁾. „Дай намъ другого митрополита на Кіевъ, Смоленскъ, Тверь, Малую Русь, Новосиль, Нижній-Новгородъ“—писалъ онъ къ патріарху Филоею въ 1371 г. ⁴⁾. Вслѣдствіе этихъ жалобъ, нѣсколько разъ повторившихся, патр. Филоей въ 1373 или 1374 г. посылаетъ для разслѣдованія дѣла своего апокрисіарія, Болгарина родомъ, іеромонаха Кипріяна ⁵⁾, которому

¹⁾ Ник. IV, 3; Собр. л. XI, 1. Ср. опредѣленіе 1364 года—Истор. Вѣст. № 15.

²⁾ Рус. Ист. Вѣст. VI, приб. № 23.

³⁾ „По твоему благословенію — жаловался Ольгердъ патріарху—митрополитъ и донынѣ благословляетъ ихъ (Москвитянъ) на пролитіе крови и ни къ намъ не приходитъ, ни въ Кіевъ не наѣзжаетъ. А кто поцѣлуется крестъ ко мнѣ и убѣжитъ къ нимъ, митр. счмаетъ съ него крестное цѣлованіе“. Ист. Вѣст. VI, прибав. № 24, с. 137.

⁴⁾ Ibid. с. 139.

⁵⁾ Ник. IV, 40.

и суждено было явиться въ будущемъ причиной новаго раздѣленія митрополіи.

Кипріянь, прибывъ въ Россію, сошелся съ Ольгердомъ и подчиненными ему князьями, отъ которыхъ и запасаея надлежащими рекомендаціями. Явившись затѣмъ съ этими рекомендаціями къ патріарху и представивъ тяжкія обвиненія противъ м. Алексѣя, Кипріянь сумѣлъ добиться того, что самъ былъ посвященъ въ митрополиты Литовскіе—съ тѣмъ, чтобы послѣ смерти Алексѣя или въ случаѣ устраненія послѣдняго отъ управленія митрополіей всея Руси, занять его мѣсто ¹⁾. Но, прибывъ въ Москву, Кипріянь не встрѣтилъ ласковаго приѣма, какъ самозванецъ: „не прия его ки. великій Дмитрей Ивановичъ,—говорить лѣтописецъ,—онъ же шедъ на Кіевъ, и тамо живаше“ ²⁾.

Митр. Алексѣй умеръ 12 II 1378 г., въ глубокой старости, и погребенъ въ Чудовскомъ монастырѣ, въ Москвѣ ³⁾. Какъ только вѣсть о смерти Алексѣя дошла до Кипріяна, онъ не медля отправился въ Москву и достигъ ея, хотя и „линымъ путемъ“, такъ какъ на проѣзжихъ дорогахъ стояли люди московскаго князя съ приказаніемъ не пропускать его поѣзда. Но въ Москвѣ ждала Кипріяна большая неприятность: вел. ки. Дмитрій Ивановичъ велѣлъ заключить его подъ стражу, гдѣ Кипріянь въ теченіе двухъ дней испытывалъ всевозможныя лишенія и поруганія, — и выпроводить изъ города ⁴⁾.

Московскимъ кандидатомъ на митрополита всея Руси былъ еще при жизни Алексѣя, по желанію вел. князя, предъизбранъ Митяй, для этого случая поставленный въ Спасскіе архимандриты. Этотъ Митяй послѣ нѣкотораго замедленія и не безъ нѣкоторыхъ инцидентовъ, въ іюль 1379 г. выѣхалъ изъ Москвы на посвященіе. Но ему не суждено было занять

¹⁾ Объ этомъ мы имѣемъ два противорѣчивыхъ другъ другу соборныхъ опредѣленій: одно (отъ 1380 г.)—противъ Кипріяна (Историч. Вѣст. VI, № 30), другое—въ его пользу (отъ 1389 года. Историч. Вѣст. VI, № 33).

²⁾ Ник. IV, 48; Собр. лѣт. XI, 25; XVII, 40.

³⁾ Ник. IV, 198; Воскр. II, 25.

⁴⁾ См. посланіе Кипріяна къ Сергію Радонежскому въ Правосл. Собесѣдникѣ на 1890 г., ч. II, с. 84.

митрополичьей кафедры: въ виду Константинополя Митяй скончался ¹⁾. Тогда его спутники, въ числѣ которыхъ было 3 архимандрита, избрали изъ своей среды архим. Переяславскаго Горницкаго монастыря—Пимена, и за приличное вознагражденіе доставили ему посвященіе отъ патр. Нила ²⁾. Но вел. кн. Московскій не пожелалъ принять Пимена, а чтобы митрополія не оставалась праздною, онъ позвалъ къ себѣ Кипріяна ³⁾. Митр. Пимень, нѣсколько опоздавшій своимъ прїѣздомъ, былъ схваченъ въ Коломнѣ и отправленъ въ заключеніе въ Чухлому ⁴⁾. Однако, векоръ, уступая усиленнымъ ходатайствамъ патриарха, Дмитрій Ив. переименовалъ гнѣвъ на милость, возвратилъ изъ заточенія м. Пимена, а Кипріяну показалъ путь чести. „Не восхотѣ—говоритъ летописецъ—кн. вел. Дмитрій Ив. Московскій пресвященнаго Кипріяна м. всея Русси, и имяше к нему нелюбве. Кипріянъ же митр. с Москвы отиде в Кіевъ—и быти митрежъ по митрополи ⁵⁾“.

Кипріянъ былъ изгнанъ изъ Москвы осенью 1382 г., а въ июлѣ 1384 г. вел. кн. былъ посланъ для поставленія въ митрополиты новый кандидатъ—архіепископъ Суздальскій Діонисій. Но на обратномъ пути изъ Константинополя онъ былъ задержанъ Кіевскимъ кн. Владиміромъ Ольгердовичемъ и умеръ въ заключеніи ⁶⁾. Оставшіеся два митрополита еще долго продолжали тягаться о своихъ правахъ предъ судомъ патриаршаго собора, пока, наконецъ, въ 1389 г. Пимень не умеръ въ виду Константинополя, дважды низложенный изъ своего сана. Нѣсколькими мѣсяцами раньше умеръ и вел. кн. Дмитрій Ивановичъ, имѣвшій особое нелюбве къ Кипріяну, и эти двѣ смерти избавили Русскую Церковь отъ смуты, а митрополиту Кипріяну дали возможность проходить свое служеніе безраздѣльно на кафедрѣ Кіева и всея Руси. „Тогда же вси епископи Русси придоша къ

¹⁾ Ник. IV, 70—74; Воскр. II, 29, 30; Степ. кн. I, 468.

²⁾ Ник. IV, 75—8, Воскр. II, 31, 32; Густ. 351, Дѣянія соборовъ 1380 и 1389 гг.

³⁾ Ник. IV, 77—78; Собр. лѣт. XI, 41, 49; XVII, 42.

⁴⁾ Ник. VI, 77; Воскр. II, 32, 42.

⁵⁾ Ник. IV, 139; Собр. лѣт. VIII, 48, XI, 81; XVII, 43.

⁶⁾ Ник. IV, 144; Собр. лѣт. V, 239, VI, 144; VIII, 48—49; XI, 85.

митрополиту Кипріяну на Москву, глаголюще сице: се уже Кипріянъ митрополитъ всея Русси бысть ¹⁾“.

Кипріянъ умеръ въ 1406 г. После его смерти вел. кн. Московскій Василій Д. послалъ просить у Константинопольскаго патриарха митрополита „по старой пошлнѣ“, а вел. кн. Литовскій Витовтъ, уже безъ всякой пошлны, послалъ для посвященія своего кандидата—Полоцкаго архіепископа Феодалосія ²⁾. Но патриархъ не удовлетворилъ желанія послѣдняго, избравъ и посветивъ отъ себя пелопонесскаго Грека Фотія въ митрополиты Литовскіе и всея Руси ³⁾. Хотя, такимъ образомъ, претензіи Витовта остались неудовлетворенными, тѣмъ не менѣе онъ согласился принять Фотія—будто бы потому, какъ объяснилось впоследствии, что Фотій „нился пакы здѣ у насъ (въ Литвѣ) быти, церковь строити ⁴⁾“. Проживъ въ Литвѣ около полугода, Фотій отправился въ Москву. Тамъ онъ принялся весьма ревностно за устроеніе церковнаго хозяйства, отовсюду расхищаемого, и этимъ навлекъ на себя сильное неудовольствіе, какъ княжескихъ бояръ, такъ и своихъ слугъ. Отсюда будто бы и пошло начало вѣрхъ золь. По личному неудовольствію на митрополита, одни „дукавинъ челоуѣды“ соорили его съ княземъ московскимъ, а другіе, „свои его суще“, поссорили его съ Витовтомъ ⁵⁾. Полагая, однако, причины послѣдней ссоры въ болѣе глубокихъ явленіяхъ политическаго порядка, а до известной степени—и въ экономической политикѣ самого Фотія, заявившаго себя изряднымъ стяжателемъ ⁶⁾, мы обращаемъ вниманіе только на самый фактъ, имѣвшій важныя послѣдствія: что вел. кн. Литовскій Витовтъ, опираясь на общее неудовольствіе литовскаго духовенства своимъ верхов-

¹⁾ Ник. IV, с. 193; Собр. лѣт. V, 244; VIII, 60; XI, 122.

²⁾ Акты II, I, № 19.

³⁾ Собр. лѣт. II, 352; XI 205; Ник. V, 32.

⁴⁾ А. З. Р. I, № 25, с. 36.

⁵⁾ Ник. V, 33, 51, 53.

⁶⁾ Хотя къ обвиненіямъ, выставленнымъ противъ Фотія, можно относиться осторожно, но намъ кажется, что въ данномъ случаѣ можно согласиться съ литовскими епископами, заявившими, что Фотій „всю землю пусто сотвори няземли пошлнми и дакии елики и недобѣ-мосилнми“ (Ник. V, 51): это было въ его характерѣ.

нымъ пастыремъ, рѣшилъ использовать его въ своихъ политическихъ цѣляхъ.

Получивъ отъ епископовъ подчиненныхъ ему областей челобитіе объ обидахъ и притѣсненіяхъ, чинимыхъ Фотіемъ литовскому духовенству, съ указаніемъ на его нерадѣніе къ Киевской половинѣ своей паствы и даже ограбленіе самой Киевской кафедръ, Витовтъ рѣшилъ отдѣлать Киевскую митрополию отъ Московской ¹⁾. На первый разъ онъ распорядился прогнать изъ Киева митрополичьихъ намѣстниковъ и описать церковныя имущества. На попытку Фотія къ примиренію Витовтъ отвѣчалъ тѣмъ, что повелѣлъ „ограблени его и ни съ чимъ на Москву отпустити“ ²⁾. Затѣмъ, не зная уже по чьей инициативѣ, но едва-ли безъ вліянія литовскаго вел. князя—была составлена епископами подчиненныхъ ему областей грамота, написанная въ весьма неопредѣленныхъ выраженіяхъ, но выводъ ея ясенъ: за какое-то преступленіе—мнимое или дѣйствительное—епископы отказываютъ своему митрополиту въ послушаніи и это признаютъ своимъ конечнымъ словомъ ³⁾. Такъ какъ паства продолжительное время не можетъ быть безъ верховнаго пастыря, то естественнымъ результатомъ отреченія отъ Фотія должно было явиться поставленіе новаго митрополита. Кандидатъ въ таковыя скоро сныкался. Это былъ родной племянникъ м. Кипріяна, родомъ Болгаринъ, изъ знатной боярской фамиліи Цамблаковъ—Григорій Цамблакъ. Вызванный еще при жизни своего дяди изъ Греціи и не достигнувъ еще московской границы, Григорій получилъ извѣстіе о смерти его, вслѣдствіе чего предпочелъ оставаться въ Литвѣ и, замѣченный здѣсь, неизвѣстно по какому случаю, Витовтомъ, былъ предложенъ имъ въ кандидаты на митрополичью кафедру.

Въ 1414 г. Григорій съ обвинительной грамотой отъ литовскихъ епископовъ на своего предшественника отправился въ Константинополь за посвященіемъ, котораго не только не получалъ, но и лишился того, что имѣлъ: если вѣрнѣе показанію Фотія, то Григорій былъ лишенъ за свою

¹⁾ Ник. V, 52.

²⁾ Руск. 353; Ник. V, 53; Новгород. 1, 105; Соф. II, 140.

³⁾ А. З. Р. I, № 23; Ник. V, 52.

попытку священнаго сана ¹⁾. Послѣ этой неудачи быть составленъ въ Литвѣ соборъ изъ мѣстныхъ епископовъ, который рѣшилъ поставить митрополита, помимо патріарха; но предварительно было испробовано послѣднее средство: послали еще разъ просьбу къ патріарху о согласіи его на посвященіе Григорія. И когда все-таки патріархъ не пожелалъ исполнить этой настоятельной просьбы, похожей на угрозу, 15 XI 1415 г. былъ поставленъ въ Новгородѣ Литовскомъ соборомъ мѣстныхъ епископовъ предложенный княземъ кандидатъ. Въ оправданіе этого, не совсѣмъ обычнаго, поступка было издано отъ лица самихъ епископовъ окружное посланіе, въ которомъ излагается исторія этого дѣла съ самаго начала, затѣмъ приводятся каноническія основанія и историческіе примѣры такого способа дѣйствій въ Россіи и въ другихъ славянскихъ странахъ; указывается на подкупность патріарховъ и ихъ зависимость отъ воли византийскаго императора и, наконецъ, выдвигаются обвиненія противъ самого митрополита Фотія, своимъ небреженіемъ къ нуждамъ Киевской половины его митрополии и своимъ корыстолюбіемъ вынудившаго соборъ къ такому именно способу дѣйствій ²⁾.

Четырехлѣтнее управленіе Григорія Цамблака было кратковременнымъ эпизодомъ въ исторіи церковныхъ отношеній, ознаменованнымъ развѣ тѣмъ, что Цамблакъ ѣздилъ на Константинопольскій соборъ для засвидѣтельствованія своего, впрочемъ, запоздалаго несогласія на Флорентійскую унію ³⁾. Умеръ онъ въ концѣ 1419 или въ началѣ 1420 г. ⁴⁾. Въ томъ же 1420 году мы встрѣчаемъ уже Фотія въ полномъ согласіи съ Витовтомъ ⁵⁾, которое не прекращалось до смерти вел. князя, немногимъ предупредившей смерть самого митрополита: Фотій скончался въ первыхъ числахъ іюля 1431 г. ⁶⁾.

По смерти Фотія, не тотчасъ былъ избранъ ему въ преемники будущій м. Іона, и тѣмъ болѣе—не тотчасъ отпра-

¹⁾ Акты II, 1, № 19, с. 32.

²⁾ А. З. Р. I, № 24, ср. ibid. № 25; Собр. лѣт. III, 106; V, 259, VIII 88, 90.

³⁾ Ник. V, 70, 71.

⁴⁾ Собр. лѣт. III, 109; IV, 119; VIII, 90; XI, 235; Ник. V, 73.

⁵⁾ Собр. лѣт. XVII, 59.

⁶⁾ Ник. V, 100,—Собр. лѣт. III, 111; V, 27, 264; VI, 134; VIII, 95; XII, 15.

виделъ въ Константинополь за посвященіемъ. Между тѣмъ, бывший въ то время Литовскимъ вел. княземъ Свитригайло выслалъ къ патриарху для посвященія своего кандидата—Смоленскаго епископа Герасима, родомъ Московитина, который и былъ посвященъ въ митрополиты Литовскіе (и всея Руси?—Макарій IV, 105). Это случилось, какъ слѣдуетъ полагать, около 1432 г., а въ 1434 году тотъ же Свитригайло сожже Герасима митр. у Витебску¹⁾.

Вслѣдствіе смутъ, волновавшихъ въ то время Московское государство, московскій кандидатъ на митрополита всея Руси могъ выѣхать за посвященіемъ къ патриарху не ранѣе половины 1434 г., но опоздать: оказалось, что Греки посвятили уже на вакантную кафедру м. Исидора, родомъ, по всей вѣроятности, Грека²⁾. Ионѣ пришлось, такимъ образомъ, возвратиться ни съ чѣмъ въ Москву, а вмѣстѣ съ нимъ прибылъ туда же и его счастливый соперникъ Исидоръ—„и пріять его вел. кн. Василей Васильевичъ честию“³⁾. Между тѣмъ подоспѣлъ какъ разъ къ этому времени вопросъ о соединеніи Церквей, такъ что Исидоръ, не проживъ на своей митрополіи и полгода, нашелъ полезнымъ оставить ее и отправиться въ далекое путешествіе — въ Феррару, а оттуда во Флоренцію. Тамъ онъ заявилъ себя, какъ извѣстно, приверженцемъ уніи; былъ возведенъ за это въ легата отъ апостольскаго ребра и, съ любовнымъ согласіемъ и соодобреніемъ подписавъ соборный актъ, отправился въ обратный путь.

Возвращеніе уніата—Исидора въ Литвѣ не произвело никакихъ волненій; здѣсь его встрѣтили по-прежнему, какъ „отца своего митрополита Сидора“⁴⁾. Но въ Москвѣ принатіе уніи произвело сильный переполохъ и, какъ только явился виновникъ его, то былъ схваченъ по приказанію вел. князя и посаженъ въ темницу, „идѣже отъ свѣт. собору осужденъ бмьеть на сожженіе“⁵⁾. Ему, однако, позволено было бѣжать — и Исидоръ бѣжалъ, сначала въ Литву, а затѣмъ и дальше (Византія, Римъ).

¹⁾ Собр. лѣт. IV, 209; V, 27, 28; XVII, 61, 63.

²⁾ Собр. лѣт. III, 112; IV, 122; V, 267; VIII, 113; XII, 23; Dlugos. XII, 727.

³⁾ Густ. лѣт. 356; Ник. V, 156—7; Псков. П (Собр. V.), 30; Dlugos. XII, 728.

Послѣ такого прецедента, который показали Грековъ, какъ людей „лѣстныхъ“ и не твердыхъ въ православіи, Москвичи не имѣли уже больше желанія принимать митрополитовъ изъ Греціи. Но такъ какъ Константинопольскіе патриархи, съ своей стороны, не соглашались посвящать кандидата, избраннаго въ Москвѣ, то послѣ долгихъ проволочекъ и не безъ нѣкоторой боязни худыхъ послѣдствій Москвичи рѣшились, наконецъ, поставить митрополита соборомъ мѣстныхъ епископовъ. Это совершилось 15 XII 1448 г.¹⁾ Но мало было поставить митрополита на Москву. Нужно было добиться еще подчиненія ему русскихъ земель, входившихъ въ составъ Литовско-польскаго государства, которое въ то время представлялъ король и вел. князь Казимиръ. И мы, дѣйствительно, видимъ заботы объ этомъ свѣтскаго и духовнаго правительства Москвы.

Еще передъ поставленіемъ Ионы, если вѣрить его словамъ²⁾, вел. кн. Московскій Василій Васильевичъ сносился по этому поводу съ кор. Казимиромъ. Послѣ поставленія самъ Иона уже обращался съ окружнымъ посланіемъ ко всѣмъ „паномъ, боярамъ и воеводамъ и всѣмъ купно христоименитымъ господнимъ“ — вообще и къ нѣкоторымъ особо влиятельнымъ лицамъ — въ частности, съ приглашеніемъ содѣйствовать объединенію русской митрополіи, во всѣхъ ея частяхъ³⁾. Разумѣется, и великокняжеское московское правительство не оставалось въ сторонѣ отъ этого дѣла, вслѣдствіе чего 31 I 1451 г. формальнымъ постановленіемъ кор. Казимира, за поручительствомъ удѣльныхъ князей—Свитригайла и Олелька В., новопоставленному митрополиту былъ врученъ „столець митрополитчъ кievскій и всея Руси, какъ первѣе бывало, по уставленію и по обычаю Русскаго христіанства“⁴⁾.

Но это объединеніе, изъ котораго, впрочемъ, была вы-

¹⁾ Ник. V, 215; Собр. V, 146; VI, 167; Степен. кн. II, 78.

²⁾ Вел. кн. Василій „даже и о поставленіи въ своей землѣ митр-тѣ... обмыслаетъ о снхъ брата своего, кор. и вел. кн. Литовскаго, и тако прошенъ волю о поставленіи и грамоты его принъ, и слышавъ архіепископы“ (Макарій IV, прил. № 1, с. 362).

³⁾ Акты Н. I, № 66; ср. ibid. №№ 47, 62, 273).

⁴⁾ Акты Н. I, № 42.

ключена Галицкая епархія, продолжалось не долго. 21 VII 1458 года, съ согласія польскаго короля и литовскаго вел. князя, былъ поставленъ уніатомъ Григоріемъ Маммой въ митрополита „Кіевскаго, Литовскаго и всей нижней Россіи“ ученикъ Исидора, именемъ Григорій¹⁾. Напрасно московскій вел. князь ходатайствовалъ передъ польско-литовскимъ правительствомъ, а м. Иона съ освященнымъ соборомъ—умоляли всѣхъ и каждого не раздѣлять Русской церкви надвое: давно готовившееся совершилось. „Приде изъ Риму Григорій митрополитъ и сѣдѣ на Кіевѣ, и пріять его король и съ нимъ 8 епископовъ литовскихъ“²⁾. Признавъ создавшееся положеніе дѣль, соборъ русскихъ епископовъ въ Москвѣ, отъ 1458 г., постановилъ: „отъ святыхъ церкви сборныхъ *Московскія* Святыхъ Богородица быти неотступнымъ, и отъ нашего господина и отца Ионы м—та всея Руси... и кто по его отшествію къ Богу иной м—тъ поставленъ будетъ... на *Москвѣ*, на той великій престолъ, у гроба Св. Петра м—та Русскаго чудотворца: и намъ Архіепископамъ и Епископамъ Русскія митрополія также быти отъ святыхъ сборныхъ *церкви Московскія* Св. Богородица неотступнымъ“³⁾. „И отселѣ—говоритъ Софійская лѣтопись—раздѣлиа митрополія... сотвориа два митрополита въ Руси — одинъ на Москвѣ, а второй въ Кіевѣ“⁴⁾.

Все, доселѣ сказанное въ настоящей главѣ, было направлено, разумѣется, не къ тому, чтобы изобразить исторію лицъ, которыя въ то или иное время были избираемы и поставляемы на митрополичью кафедру Кіева и всея Руси,— а къ тому, чтобы представить въ болѣе или менѣе краткихъ, но ясныхъ чертахъ постепенное развитіе событій, которыя въ концѣ-концовъ привели къ тому, что первое и собственное сѣдалище митрополита всея Руси оказалось не подъ московскими, а подъ литовскими ставленниками. Это намъ казалось необходимымъ въ виду того, что, съ переходомъ Кіевской кафедры къ литовскимъ митрополитамъ, она тѣмъ самымъ становилась подъ верховный надзоръ литовскихъ вел.

1) Соф. II (Собр. VI), с. 167—9, 319.

2) Воскр. II, 149; Соф. II, 169.

3) Акты Н. I, № 61.

4) Собр. лѣт. VI, с. 167.

князей и входила въ связь съ другими установленіями, служащими выраженіемъ литовско-русскаго права. Поставленная въ эти конкретныя условія, она должна была, естественно, до извѣстной степени измѣнить свою фیزیономію, пока только въ отношеніи правового положенія и внутренняго быта, а затѣмъ — по уже за предѣлами разсматриваемаго періода и то — на сравнительно непродолжительное время,—и въ отношеніи догматическаго ученія. Но прежде, чѣмъ перейти къ характеристикѣ правового положенія и внутренняго быта Кіевской митрополичьей епархіи (разумѣется, въ связи ея съ положеніемъ православной Церкви въ Литовскомъ государствѣ вообще), мы возвратимся нѣсколько назадъ для обзорѣнія, поскольку это окажется возможнымъ, тѣхъ отношеній, какія установились въ предшествующемъ періодѣ между митрополитами всея Руси и ихъ кіевскимъ сѣдалищемъ. На это, кстати, особенно много времени не потребуется, такъ какъ матеріалъ, который находится въ нашемъ распоряженіи по данному вопросу, весьма скуденъ.

Начнемъ съ митр. Алексѣи.

Митр. Алексѣи, какъ намъ положительно извѣстно, былъ въ Кіевѣ всего одинъ разъ, между 1358 и 1360 г.г.¹⁾—какъ разъ въ то время, когда здѣсь господствовалъ Романъ. Разумѣется, что при такихъ условіяхъ его пріѣздъ, кромѣ смуты, въ церковную жизнь Кіевской епархіи не могъ внести ничего хорошаго. Въ иныхъ отношеніяхъ къ своему кіевскому сѣдалищу находился м. Кипріанъ, которому подолгу приходилось засиживаться въ Кіевѣ, по особымъ обстоятельствамъ его избранія и посвященія. Именно, поставленный на митрополію въ 1374 г., Кипріанъ пребывалъ въ своей Кіевской епархіи съ этого или слѣдующаго года по 1380 и съ 1382 г. по 1390—въ два приѣма около 15 лѣтъ, не считая его довольно частыхъ отлучекъ въ Константинополь. За это время Кипріанъ сумѣлъ снискать себѣ всеобщее уваженіе Кіевскихъ гражданъ, такъ что, когда онъ былъ изгнанъ изъ Москвы въ 1382 г., то въ Кіевѣ нашелъ для себя весьма радушную встрѣчу. „И пріять бысть митрополитъ отъ всихъ

1) Нак. III, 211, 214; Воскр. II, 10, 11; I Новг. 87.

со многою честью*—читаемъ въ Никоновскомъ сводѣ,—и сретша его далече отъ града со кресты и князи, и бояре, и вельможи, и народы мнози съ радостью*. Изъ дальнѣйшаго узнаемъ, что Кипріяна не только „встрѣчали“ съ радостью, но и въ продолженіе всего его пребыванія въ Кіевѣ относились къ митрополиту съ большимъ сочувствіемъ и уваженіемъ... „И пребываше Кипріянь митрополитъ въ Кіевскихъ странахъ... и вси послушаху и чествоваху его“¹⁾. При такомъ отношеніи къ Кипріяну, признанному вполнѣ законнымъ митрополитомъ, естественно, что его соперники не могли рассчитывать здѣсь на успѣхъ: за свою неосторожность Діонисій поплатился свободой—„сидѣ въ поиманье, дондеже и преставися“.²⁾ Кажется, что секретъ необыкновеннаго вліянія Кипріяна на Кіевлянъ заключался не столько въ самой личности митрополита, сколько въ томъ, что своимъ пребываніемъ въ Кіевѣ, на дворѣ св. Софій, Кипріянь поддерживалъ славную традицію этого города и тѣмъ льстилъ провинціальному чувству его гражданъ. Связь Кіевлянъ съ изблуженнымъ митрополитомъ не прерывалась и впослѣдствіи, когда, наконецъ, Кипріяну удалось фактически освоить свой титулъ Кіевского и всея Руси. Такъ, въ 1396 г. Кипріянь, обозрѣвая свои литовскія епархіи, посѣтилъ и Кіевъ — „и тамо пребысть полтора года“³⁾. Къ этому времени, между прочимъ, относится его попытка сговориться съ Константинопольскимъ патриархомъ по вопросу о соединеніи церквей, впрочемъ, безрезультатная⁴⁾. Вторично Кипріянь посѣтилъ Кіевъ незадолго передъ своею смертью, въ 1404 г. Это посѣщеніе его отмѣчено въ лѣтописи нѣкоторыми радикальными перемѣнами въ составѣ мѣстной администраціи. Такъ, онъ „поставилъ“ своего намѣстника Тимофея и слугъ (чиновниковъ),

¹⁾ Ник. IV, 48, 139—40.

²⁾ Ник. IV, 147—8; Соф. I, 239.

³⁾ Собр. лѣт. VI, 128; XI, 164.

⁴⁾ Проф. Голубинскій (II, 337) ставитъ настоящее посѣщеніе Кипріяномъ Кіева и вообще Литвы въ связь съ ограниченіемъ Скиргайла митрополитскимъ намѣстникомъ Юмой Плуеонимъ: „т. е. передъ своею смертью Скиргайло находился въ мирѣ съ королемъ и вел. княземъ, то слѣдуетъ думать, что Юмайло и Витовтъ преслѣдовали Юму своимъ гнѣвомъ, по крайней мѣрѣ требовали отъ митрополита, чтобы тотъ смѣнилъ его съ намѣстничества“.—Возможно.

имъ же приказано было на Кіевѣ всякіе дѣла и вещи хранить и управлять*, и отослать въ Москву—очевидно, за ихъ злоупотребленіе по веденію митрополитскаго хозяйства¹⁾. Въмѣсто отосланнаго Тимофея, Кипріяномъ былъ поставленъ намѣстникомъ Софійскимъ Спаской игуменъ Феодосій; „сине же и слугъ своихъ избра, и повелѣ имъ на Кіевѣ быти со архимандритомъ намѣстникомъ его“²⁾.

Менѣе удѣляли вниманія Кіеву м. Фотій — отчасти потому, что находился какъ разъ въ обратныхъ отношеніяхъ къ обоимъ правительствамъ, чѣмъ Кипріянь. Если Кипріяна не могли терпѣть на Москвѣ, но принимали болѣе или менѣе благосклонно въ Литвѣ и Польшѣ, то Фотія, наоборотъ: на терпѣли, по крайней мѣрѣ въ теченіе извѣстнаго времени, въ Литвѣ, но принимали въ Москвѣ (насколько радужно — другой вопросъ). Все-же лѣтописи приписываютъ Фотію нѣсколько посѣщеній Кіева, такъ что упреки будто бы онъ „ни во что же положи“ Кіевъ³⁾, не совсѣмъ справедливы. Первое посѣщеніе Кіева Фотіемъ относится къ 1409 г., по дорогѣ его изъ Константинополя въ Москву⁴⁾. Въ нашихъ документахъ это посѣщеніе не оставило по себѣ никакого слѣда, если не считать позднѣйшаго воспоминанія Фотія о томъ, что въ это время имъ было предложено „слово наказанія“ Кіево-печерскимъ монахамъ⁵⁾. Вторично Фотій посѣтилъ Кіевъ спустя два года, въ 1412 г. Это посѣщеніе ознаменовалось поставленіемъ во св. Софій „Савостіана владыки ко Смоленьску“⁶⁾ и „словомъ наказанія духовнаго“, ко-

¹⁾ Отсюда обвиненіи, какъ самого Витовта, такъ и литовскаго духовенства, не разъ раздававшіеся по адресу Московскихъ митрополитовъ относительно разныхъ притѣсненій и поборовъ, получаютъ для себя правдоподобное освѣщеніе. Не будучи вовсе худшими людьми, Кіево-Московскіе митрополиты этого періода провинились въ отношеніи къ южной половинѣ своей пастыри тѣмъ, что не имѣли надлежащаго надзора за дѣятельностью своихъ намѣстниковъ, ибо трудно было ихъ контролировать, сиди въ Москвѣ и только перѣда наѣзжалъ въ Кіевъ.

²⁾ Ник. IV, 312.

³⁾ Ник. V, 51.

⁴⁾ Ник. V, 32, 34; 1 Новг. 104; А. Н. I № 19; А. З. Р. I № 25.

⁵⁾ Дополн. къ Актамъ II, I, № 180, с. 315.

⁶⁾ Собр. лѣт. XVII, 55.

торое было сказано митрополитомъ „къ доволу всякому духовному и ползѣ“ Кіево-Печерской обители ¹⁾. Послѣ этого Фотій не былъ въ Кіевѣ довольно продолжительное время—по годъ смерти Григорія Цамблака. Самъ Григорій, насколько намъ извѣстно, за свое, впрочемъ, весьма кратковременное управленіе Литовской митрополіей былъ всего одинъ разъ въ Кіевѣ, да и то неудачно: онъ умеръ въ Кіевѣ отъ моровой язвы зимою 1419 г. ²⁾—Какъ только въ Москвѣ получилось извѣстіе о смерти Григорія, Фотій тотчасъ посѣщилъ въ Литву. Въ Новгородѣ онъ видѣлся съ Витовтомъ и примирился съ нимъ, а отсюда направился въ Кіевъ, окрестивъ по дорогѣ, въ Слуцкѣ, Семена Александровича. Въ Кіевѣ, по обыкновенію, Фотій остановился въ Печерскомъ монастырѣ, гдѣ произнесъ третье извѣстное намъ слово ³⁾. На обратномъ пути Фотій посѣтилъ, между прочимъ, Мозырь и, устроивши свои дѣла, какъ ему казалось наилучше, отбылъ въ Москву ⁴⁾.

Митр. Исидоръ—„многимъ языкомъ сказатель и книжникъ“ ⁵⁾—посѣтилъ Кіевъ въ первый и послѣдній разъ на обратномъ пути изъ Флоренціи „во одеждѣ кардинальской“. Объ этомъ посѣщеніи, должно быть, по аналогіи съ приемомъ, какой оказанъ былъ (впослѣдствіи) м. Исидору въ Москвѣ, въ Густынской лѣтописи сохранилось извѣстіе, что Кіевляне „не пріяша его, но паче изгнана“ ⁶⁾. Не смотря на то, что это извѣстіе было принято Антоновичемъ ⁷⁾, Владимірскимъ-Будановымъ ⁸⁾ и нѣкоторыми другими учеными, оно

¹⁾ Дополн. къ Актамъ II, I, № 180, с. 315.

²⁾ Новг. I, 109; IV, 119; Ник. V, 73. Сложилась впослѣд. легенда, будто Григорій переселился въ Молдавію—Макарій IV, 190—191.—Не знаемъ, на какомъ основаніи, м. Евгенийъ утверждать, будто Григорій умеръ въ Вильнѣ, гдѣ якобы основалъ свою каведру (Описание Кіево-Соф. собора, 104); лѣтописи противорѣчатъ этому.

³⁾ Допол. А. И. I, № 180, II. Всего намъ извѣстно три поученія Фотія, адресованныхъ къ Кіево-печерскимъ монахамъ: два изданы въ Допол. А. И. I, № 180, о третьемъ см. ibid., въ примѣч. къ этому №, на с. 15.

⁴⁾ Собр. лѣт. XVII, 59.

⁵⁾ Ник. V, 123; Густ. 354.

⁶⁾ Густ. 355.

⁷⁾ Монографія I, 237.

⁸⁾ А. Ю. З. Р. VII, I, с. 52.

не заслуживаетъ довѣрія, ибо отъ 1441 г. мы имѣемъ подлинную грамоту Кіевского князя Олелька В. на имя „господина и отца Сидора, митр. Кіевского и всея Руси“ ¹⁾, которая, разумѣется, не могла быть пожалована изгнаннику. Изъ самаго же текста этой грамоты явствуетъ, что она дана была еще въ бытность м. Исидора въ Кіевѣ ²⁾.

Итакъ, въ Кіевѣ, несомнѣнно, Исидоръ былъ принятъ, и его кардинальская одежда, вопреки показанію Густынской лѣтописи, не произвела здѣсь ни малѣйшаго смущенія. Но, бывъ принятъ однажды, Исидоръ не терялъ надежды быть принятымъ въ Кіевѣ и вторично. Объ этомъ свидѣлствуетъ грамота Констант. патріарха Григорія Маммы, — безъ года, но съ обозначеніемъ числа (VI, 21), — писанная по случаю запроса Кіевского кн. Олелька Владиміровича „на которомъ дѣле состоялось единчество наше съ Латиною“, вызвавшее въ Россіи „многая раздѣленія и несоглашенія?“ — Отвѣчая на этотъ запросъ, патріархъ говоритъ, что онъ обыскалъ нарочито всю Фригійскую землю и убѣдился, что во всѣхъ важнѣйшихъ вопросахъ Латини согласны съ православными; впрочемъ—добавляетъ онъ—„како прійдетъ къ вамъ пресвященный митрополитъ Кіевскій и всея Руси и всесвятый кардиналъ киръ Исидоръ, о сѣ. Духъ возлюбленный братъ и сослужебникъ нашего смиренія, научитъ и накажетъ васъ о всѣмъ, словомъ и дѣломъ вѣрующихъ“ ³⁾. Однако Исидору все-таки не удалось побывать въ Кіевѣ: по всей вѣроятности, Олелько Вл., освѣдомившись у м. Іоны и у другихъ компетентныхъ лицъ о дѣйствительномъ основаніи единчества своего съ Латинами, не пожелалъ принять митрополита—уніата.

По примѣру своихъ предшественниковъ, и м. Іона нѣсколько разъ наѣзжалъ въ Литву и, разумѣется, не преминулъ посѣтить Кіевъ—тѣмъ болѣе, что приемъ, оказанный

¹⁾ А. И. I, № 259.

²⁾ „А коли отецъ нашъ Сидоръ, митрополитъ Кіевскій и всея Руси, овчидеши дѣла въ свою митрополью, отправаши церкви Божіи: и его намѣстнику— держати и отправаши тое все церьковное, какъ есмо отдали господину отцу своему Сидору“ и проч. А. И. I, № 259, с. 489.

³⁾ Напеч. по списку Синод. библи. Андр. Поповымъ въ книгѣ „Историко-литератур. обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ Латинъ“. М. 1875 г., гл. III, с. 332—4.

здѣсь уніату Исидору, могъ внушать ревнивому архипастырю серьезныя опасенія на счетъ правосвѣрія Кіевлянъ. „И бывають пакы есмь не единова тѣмъ, управленія ради свитыи церкви* — говоритъ онъ въ одномъ посланіи, по случаю появленія въ Литвѣ новаго прелестника Григорія¹⁾. Но еще передъ этимъ, въ 1451 г., Иона посѣтилъ Кіевъ, ознаменовавъ свое пребываніе здѣсь торжественнымъ соборованіемъ во св. Софіи „еже о здравіи и многолѣтствіи самодръжавнаго короля и вел. князя Литовскаго и о его благовѣрныхъ князехъ, и боярехъ, и о всемъ православномъ христіанствѣ вашеи паствы Русски митрополіи Кіевскіе и Литовскіе земли“²⁾. Этотъ ревностный архипастырь не оставлялъ Кіевлянъ послыннымъ руководствомъ и въ отсутствіи своемъ, посылая имъ увѣщательныя грамоты и предостерегая отъ всякой прелести латинской. Намъ извѣстна, напр., его грамота къ Кіевскому кн. Олельку Владимировичу, писанная около 1450 г.³⁾ Эта грамота, какъ уже замѣтилъ А. Поповъ⁴⁾, является какъ бы отвѣтнымъ предостереженіемъ Кіевскому князю по случаю его сношеній съ патр. Маммой, которая могли быть извѣстны Ионѣ. Но, разумѣется, утверждать, что Ионѣ было извѣстно самое содержаніе патриаршей грамоты, никто не станетъ: соотвѣтствіе вызывалось самою вещью. Въ упомянутой грамотѣ м. Иона старается оправдать предъ Кіевскимъ княземъ не совсемъ обычный способъ своего поставленія и обычное уже для того времени пребываніе митрополитовъ въ Москвѣ, а не въ Кіевѣ; предупреждаетъ его отъ латинской лести въ образѣ Исидора, опровергая увѣренія уніатовъ, будто бы папу ведѣтъ поминають въ православныхъ церквяхъ; убѣждаетъ не принимать и не слушать людей, сѣющихъ раздоръ въ Церкви, и проч. Въ заключеніе этого посланія м. Иона выражаетъ увѣренность, что и на будущее время, какъ и доселѣ, Кіевскій князь пребудетъ твердымъ въ вѣрѣ самъ и другихъ укрѣпиль въ томъ же, а послѣднее его желаніе — „да совокупится, по прежнему, святѣйшаа Кіевскаа и всея Руси митрополія во едино, и нашего смиренія дѣло, Божією

¹⁾ Макарій VI, 364, прилож. № 1.

²⁾ Макарій VI, 364.

³⁾ Акты Ист. I, № 47.

⁴⁾ Оп. с. 334—5.

благодатією и нашего благородія попеченіемъ и споспѣшеніемъ и пристояніемъ, да исполнится совершеннѣе¹⁾).

Появленіе въ Литвѣ новаго прелестника, уніата Григорія, заставило Иону вторично обратиться въ Кіевъ съ предостереженіемъ и наставленіемъ. На этотъ разъ былъ посланъ сюда игумень прославленной Троицко-Сергіевой обители старецъ Вассіанъ съ порученіемъ къ княгинѣ Олельковой Анастасіи и ея дѣтямъ—кн. Семену и Михаилу Александровичамъ (также къ Семену Гольшанскому) „о укрѣпленіи ихъ и всего нашего великаго православія, въ немъ же родившагося и св. крещеніе приахъ, чтобъ отъ того благочестія своего и православія не умалено было отъ нихъ, ни прикладено ничто отъ ученія Римскіе церкви*... Объ этомъ фактѣ, какъ о важномъ событіи, м. Иона вспоминаетъ затѣмъ въ двухъ своихъ посланіяхъ — къ Смоленскому епископу Михаилу и къ Черниговскому—Евфимію²⁾. Видно, что Иона особенно дорожилъ Кіевскою епархіей, ибо она, дѣйствительно, въ церковныхъ дѣлахъ того времени имѣла доминирующее значеніе.

Таковы были отношенія Кіевскихъ и всея Руси митрополитовъ къ ихъ первому и собственному сѣдалищу—Кіеву. Изъ выше приведенныхъ фактовъ видно, что въ общемъ они складывались не въ пользу послѣдняго. Разумѣется, Кіевъ въ это время „отъ напора сосѣдственныхъ Азмаковъ“ пришелъ въ состояніе упадка по сравненію съ тѣмъ, что онъ представлялъ изъ себя раньше; несомнѣнно также, что Москва въ это время могла въ гораздо большей степени обезпечить митрополитамъ „постоянные и вѣрные источники доходовъ“, чѣмъ разоренный Кіевъ съ этимъ едва ли кто станетъ спорить. Но все же нельзя не признать, что собственное и первое сѣдалище митрополитовъ въ данный періодъ находилось „не въ аванжаѣ“, и это тѣмъ болѣе непростительно, что за Кіевомъ стояла цѣлая половина (литовская) митрополія, которая нуждалась въ непосредственномъ руководствѣ и ближайшемъ пастырскомъ надзорѣ. Судя съ этой стороны, обычные упреки, посылаемые жителями юга

¹⁾ Акты II, I, № 47.

²⁾ Акты II, I, №№ 62 и 273.

Кіевскимъ и всея Руси митрополитамъ, нужно признать въ значительной степени справедливыми: они меньше заботились о литовской половинѣ своей паствы, чѣмъ бы это слѣдовало. Въ частности же и прежде всего отъ этого проигрывалъ Кіевъ.

Отдѣлившись отъ московской половины, какъ мы сказали выше, Кіевская митрополія (въ узкомъ смыслѣ—*eparchia*) должна была стать въ нѣсколько иныхъ условій существованія, чѣмъ въ какихъ находилась до этого момента, прежде всего—въ отношеніи къ патріарху, затѣмъ—въ отношеніи къ велик. князьямъ литовскимъ и королямъ польскимъ.

Послѣ всѣхъ неурядицъ, которыя пришлось пережить православной Русской Церкви въ послѣднее время, въ значительной мѣрѣ изъ-за алчности Константиноп. патріарховъ и подкупности ихъ домашняго собора, авторитетъ высшей церковной власти сильно упалъ. Это нагляднѣйшимъ образомъ выразилось въ оправдательныхъ посланіяхъ литовскихъ епископовъ и вел. кн. Витовта по случаю избранія и посвященія Григорія Цамблака. Епископы, впрочемъ, дипломатично обходятъ самихъ патріарховъ, слагая всю вину на императора: это онъ „своихъ дѣла прибиткомъ неправедныхъ“, не захотѣлъ посвятить избраннаго ими кандидата¹⁾. Но Витовтъ попадаетъ прямо въ цѣль. „То сею на нихъ гораздо познали,—пишетъ онъ въ своемъ посланіи,—штожь они хотятъ того, штобы по своей воли ставити митрополита, *по нахуу*, хто ся у нихъ накупить на митрополію, штобы таковий въ ихъ воли былъ: здѣ бы грабя, пуето чиня, а къ нимъ выносилъ“²⁾. Естественнымъ результатомъ такого упадка патріаршаго авторитета было то, что умалилась и власть патріарха надъ вновь образовавшеюся митрополіей. Если прежде обычной практикой поставленія на митрополитскую кафедру была та, что сами патріархи избирали и посвящали кандидатовъ, — въ крайнемъ случаѣ, если не избирали, то хоть посвящали,—то теперь установилась нѣсколько иной порядокъ. Когда въ 1475—6 г. патріархъ Равацкъ задумалъ

¹⁾ А. З. Р. I, № 24.

²⁾ А. З. Р. I, № 25.

посвятить въ Кіевскіе митрополиты Спиридона Тверитянина, за его „рѣзвость“ прозваннаго Сатаною, то въ Литвѣ на это посмотрѣли уже такъ, что „Спиридонъ поставленъ на мздѣ патріархомъ, а повеленіемъ Турскаго царя“, и посадили его въ заключеніе (потомъ онъ бѣжалъ въ Москву и былъ заключенъ тамъ въ Ферапостовъ монастырь)¹⁾. Съ другой стороны, когда сами Литовцы, безъ предварительнаго благословенія патріарха, избрали и посвятили въ митрополиты Макарія, прозвищемъ Чорта (1495 г.), то патріаршій посолъ счелъ нужнымъ поставить имъ это на видъ, предостерегая на будущее время такимъ образомъ не поставлять митрополита, „кроме великое нужда“. И это предостереженіе было принято въ резонъ²⁾. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній въ отношеніяхъ Литовской митрополіи къ патріарху, установился такой *modus vivendi*: мѣстное население избираетъ кандидата, патріархъ даетъ ему благословеніе и затѣмъ, благословенный патріархомъ, посвящается соборомъ мѣстныхъ епископовъ. За благословеніе, разумѣется, патріарху шла извѣстная пошлина. Въ церковномъ управленіи въ разсматриваемый періодъ патріархъ больше уже не принималъ никакого участія. Въ его компетенціи остались только чисто религіозныя дѣла: благословеніе церквей и монастырей (если за этимъ обращались)³⁾, присылка антиминовъ⁴⁾, разрѣшеніе тѣлъ заклятыхъ⁵⁾ и нѣкоторые другіе случаи религіозной жизни или церковной практики.

Какъ же происходило избраніе кандидатовъ на митрополію?

Первоначально оно имѣло видъ соборнаго избранія. Такъ, Григорій Цамблакъ былъ избранъ „всеми князьями литовскихъ и русскихъ земель, боярами, вельможами, архимандритами, игуменами, благоговѣйными иноками и попами—ихъ совѣтомъ и волею, избраніемъ и хотѣніемъ“⁶⁾. Митр.

¹⁾ Собр. лѣт. VI, 233; Макарій IX, 63—4.

²⁾ Кіев. лѣт. 141—3.

³⁾ Археограф. Собр. IX, №№ 1 и 2.

⁴⁾ А. З. Р. II, № 55.

⁵⁾ Русс. 359.

⁶⁾ А. З. Р. I, №№ 24 и 25.

Симеонъ, первый постъ Григорія (1480 г.)¹⁾, если доверять „Палинодіи“ Копыстенского, былъ избранъ также соборомъ епископовъ и всѣхъ становъ людей²⁾. О способѣ избранія его преемника, благодаря тому, что до насъ сохранилась грамота избравшаго его собора къ Константиноп. патриарху, мы имѣемъ наиболѣе подробныя извѣстія. Такъ какъ здѣсь наглядно изображается весь процессъ избранія, отъ его подготовительной стадіи и до завершительной, то мы остановимся нѣсколько долѣе надъ этой грамотой, чтобы представить его въ возможно конкретныхъ и въ то же время—типическихъ чертахъ. Такимъ именно образомъ представлялись, какъ можно думать, и другіе митрополиты, о которыхъ въ лѣтописяхъ только сказано, что они „поставлены“³⁾.

Первый моментъ въ процессѣ поставленія митрополита—это *долзание господара*: „намъ же непреставно прилежнымъ моленіемъ господара нашего упросившимъ, да повелить его держава избрати годнаго настоятеля престола Киевскому и всея Руси“. Когда его величеству угодно было соизволить на избраніе, наступалъ второй моментъ—*взысканіе* годнаго кандидата: „и тако взысканіе многу бывшу, въ венхъ странахъ державы господара нашего и по многихъ временныхъ днехъ, обрѣтохомъ правителя, христьянству въ писаніехъ сугубо наказаннаго, могущаго нѣхъ ползовати и противящихся закону нашему силного возбранителя и оустъ таковымъ затыкателя, господина Іону архиепископа Полоцкаго“. Третій моментъ—самое *избраніе*; „оному же вышереченному архиепископу велико не хотящу и недостойно себе глаголющу (что не есть, впрочемъ, постоянное условіе, а случайность), но повелѣніемъ *господара* нашего и моленіемъ и прошеніемъ наплз напередъ всего *духовенства* и *поскопства* едва умоленъ волю приложити къ тому“. Этимъ и оканчивалось собственно самое избраніе, но избранный не являлся еще вполне правомочнымъ въ своей должности. Поэтому требовался еще

¹⁾ Слѣдующій по порядку, Мисанлъ, едва-ли не умеръ Смоленскимъ епископомъ. Манарій IX, 150.

²⁾ Рус. Ист. Библ. IV, 1037.

³⁾ Указанная грамота напечатана въ Археогр. Сбор. I, № 2; научное паданіе ея принадлежитъ проф. Перетцу—Кіевск. университет. Изв. 1904 г., X. Цитируемъ по послѣднему.

другой процессъ, который мы назвали бы, въ отличіе отъ перваго, процессомъ *поставленія* въ собственномъ и узкомъ смыслѣ. Итакъ, четвертымъ моментомъ въ этомъ ряду дѣйствій будетъ *благословеніе* патриарха избранному кандидату. Онъ заключался въ томъ, что избранный кандидатъ въ митрополиты „изъ листы его держала величества“ и съ прошеніемъ всего собора „отъ мала и до велика“—послалъ архимандрита къ патриарху за посвященіемъ, „яко да учинитъ святыня его къ ихъ утвержденію, ради тѣснющихъ въ вѣрѣ, отъ руки своей мечъ духовный“ новозбранному отцу, „имже оборонити добро творящихъ, а злыхъ (наказати)“. Но почему не самъ новозбранный ѣдетъ за благословеніемъ къ своему патриарху, а посылаетъ архимандрита? На это даетъ отвѣтъ, знаменательный для даннаго періода, то же посланіе: „самовиднообличивъ съслужобинку твоему, отцу нашему, *невмѣстно* пренти тамо“. Вотъ этотъ новый порядокъ вещей, новый взглядъ на митрополита: ему уже „невмѣстно“ ѣздить къ патриарху даже за простымъ благословеніемъ!—За благословеніемъ патриарха, которое, само собой разумѣется, слѣдовало *посланиціе*, которое совершилъ соборъ епископовъ¹⁾.

Обычай избранія митрополитовъ людьми „всѣхъ становъ“, утвердившейся было на первыхъ порахъ, съ теченіемъ времени падаетъ, замѣняясь или рекомендаціей пановъ греческаго закона, или просто подкупомъ. Уже отъ 1534 года мы имѣемъ слѣдующую грамоту, знаменующую собой новый порядокъ вещей:

„Билъ намъ чоломъ владыка Луцкій и Острозекій епископъ Макарей и просилъ насъ, абыхмо его пожаловали *хлебомъ духовнымъ*, митрополіею Киевскою и Галицкою и всея Руси, которую держать предокъ его митрополитъ Иосифъ. О чомъ же и королева наша ее милость и великая княгиня Вона намъ за нимъ у причине мовила; и воевода Виленскій, канцлеръ нашъ, староста Белскій и Мозырскій, пан Олбрахтъ Мартиновичъ Кваштолтъ и вси князи и панове закону греческаго насъ за нимъ ждали, абыхмо туу митрополіею ему дали и тымъ хлебомъ духовнымъ его по-

¹⁾ Густынская лѣтопись неправильно представляетъ дѣло, утверждая, будто Іона Глебла былъ посвященъ самимъ патриархомъ М. Философомъ,—с. 359.

жаловали. Как же и самъ митрополитъ бывшій Иосифъ, еще будучи здоровъ, ту ю митрополію по животе своемъ ему спустилъ¹⁾. Просьба Макарія была уважена: онъ получилъ митрополію со всеми имѣніями, доходами и платежами и съ правомъ править и рядить, „какъ и предки его, перъашшіи митрополиты Киевскіи справовалися, и водле обычая закону своего греческогого“²⁾.

Въ выше приведенной грамотѣ особаго вниманія заслуживаютъ два обстоятельства: а) рекомендація наравнѣ съ князьями и панами греческаго закона и католиковъ (кор. Бона и п. Гаштольдъ) и в) переуступка митрополіи „по своему животѣ“. Самая же эта переуступка, какъ равно и то, что въ дѣлѣ оказалась замѣшана королева Бона, извѣстная своей подкупностью, могутъ служить достаточнымъ основаніемъ для утвержденія, что въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ послѣдующихъ, дѣло не обошлось безъ подкуна: предшественникъ продалъ, преемникъ купилъ, а королева Бона, какъ „честный маклеръ“, была посредницей въ этой сдѣлкѣ. Такой порядокъ „избранія“ въ дальнѣйшемъ становится господствующимъ, пока не дѣлается единственно возможнымъ. Впрочемъ, покупка у предшественника не всегда оказывалась необходимой: достаточно было во многихъ случаяхъ обращенія къ самому господарю, чтобы за посредничествомъ королевы Боны или другихъ близкихъ къ нему лицъ получить митрополію. Такимъ именно образомъ, какъ мы знаемъ, получилъ ее преемникъ Макарія, за 5 лѣтъ еще до смерти послѣдняго, мечникъ виленскій и ключникъ Вѣлькевичъ³⁾.

Въ послѣднихъ двухъ случаяхъ мы имѣемъ уже дѣло съ *jus patronatus*, какъ своеобразнымъ выраженіемъ одной изъ прерогативъ верховной власти. Это *jus patronatus* первоначально, въ чистой идеѣ, представляло изъ себя не что иное, какъ право господаря на государственныя земли. Въ идеѣ вся территорія, входившая въ составъ Литовскаго государства, какъ въ массѣ, такъ и въ частяхъ своихъ, счита-

¹⁾ Сборникъ Малиновскаго с. 23 — 4; Матеріалы Лебединцева с. 39 — 40.

²⁾ Макарій IX, с. 329—30, прим. 338.

лась принадлежащей господарю. Но такъ какъ обыкновенно духовныя должности были связаны съ владѣніемъ недвижимыми имуществами, съ которыхъ отбывалась государственная служба и другія повинности, то естественно было, чтобы всякій кандидатъ на таковыя должности испрашивалъ у своего господара позволеніе на пользованіе этими имуществами, а господарю принадлежало, разумѣется, право утвердить за нимъ это пользованіе или иѣтъ. Такъ именно понимается *jus patronatus* и авторъ Апокриеса. Онъ говоритъ: „Иная есть речъ урядъ, а иная—добра до уряду для доброго его отправованья прилученыя: урядъ власне отъ духовныхъ при посвященію, добра власне не отъ духовныхъ, але отъ короля е. м. даваны бывають“¹⁾. Въ послѣдующей стадіи *jus patronatus*, какъ выраженіе (первоначально) верховныхъ правъ господаря на землю, въ силу феодальныхъ отношеній Литовско-русскаго государства, перешло и къ частнымъ владѣльцамъ, но мѣръ того, какъ имъ раздавались государственныя земли „со всемъ правомъ и панствомъ“. Наконецъ, въ послѣдней стадіи своего развитія *jus patronatus* стало смѣшиваться съ правомъ подаванья самыхъ должностей. Патроны мало-по-малу усвоили себѣ взглядъ, что „чье подаванье, того и право“, и стали допускать въ этомъ отношеніи всевозможныя злоупотребленія, примѣръ которыхъ подавали сами господа, впрочемъ, безъ всякой намѣренной цѣли вредить православію. Такъ, одной рукой они давали монастырямъ широкое самоуправленіе, а другой—подписывали привилегіи разнымъ проходивцамъ на полученіе архимандричьихъ мѣстъ. Въ результатѣ оказывалось, что монастырская община, покровительствуемая какъ будто бы господами, въ концѣ концовъ разваливалась, монахи разбѣгались. Для иллюстраціи этой мысли приведемъ одну справку изъ исторіи Киево-Печерскаго монастыря.

Въ 1522 г., какъ извѣстно, этотъ монастырь получилъ отъ короля Сигизмунда право выбора своего архимандрита не только голосами самихъ старцевъ, но и при активномъ участіи князей, пановъ и бояръ всей Киевской земли²⁾. Это

¹⁾ Рус. Ист. Вѣст. VII, 1292.

²⁾ А. З. Р. II, № 112.

было при архимандритѣ Игнатіи. Не прошло, однако, и двухъ лѣтъ, какъ тотъ же Сигизмундъ I далъ „держати“ Печерскую архимандритію какому-то Антонію, безъ всякаго выбора мѣстнаго населенія и при живомъ архимандритѣ— томъ же Игнатіи, о чемъ и писалъ послушный листъ къ старцамъ названнаго монастыря¹⁾. Не трудно предвидѣть, что изъ этого вышло. Уже черезъ годъ Кіево-Печерскіе старцы, поддерживаемые К. Острожскимъ, жаловались королю, „повѣдаючи, ижъ онъ—Антоній—не только въ томъ монастыри общины не держалъ, але еще и до конца ее сказилъ“, и просили короля, чтобы онъ возвратилъ архимандритію ея прежнему настоятелю²⁾. Просьба челобитчиковъ была удовлетворена; но Антоній не сдавался. Онъ поѣхалъ въ Краковъ съ цѣлью лично оправдаться передъ королемъ въ возводимыхъ на него обвиненіяхъ и, такъ какъ король отложить разбирательство дѣла, то Антоній выпросилъ у него, тѣмъ временемъ, въ держаніе Овручскій Богородицкій монастырь, увѣряя, что тамошній игумень Германъ „неридиѣ ся справуетъ“³⁾. Впослѣдствіи Антонію дѣйствительно удалось оправдаться и, за посредничествомъ двухъ воеводъ—Виленскаго (Гапгольда—католика) и Кіевского (А. Немирча), обратно получить въ свое распоряженіе Кіево-Печерскую архимандритію, на этотъ разъ даже съ повышеніемъ—до живота⁴⁾. Это случилось 20/ви 1528 г., а 2/ш. 1526 г. Сигизмундомъ I была выдана послушная грамота на имя старцевъ Кіево-Печерскаго монастыря о повиновеніи вторично опредѣленному на эту архимандритію Антонію⁵⁾. Очевидно, старцы отказывали непрощенному архимандриту въ повиновеніи, а при такихъ условіяхъ, разумѣется, и самая община процвѣтать не могла.

Таковы основныя явленія церковной жизни разсматриваемаго времени. Освободившись отъ власти и контроля Конст. патриарховъ, Кіевскіе митрополиты попали въ зависимость отъ литовскихъ государей, а низшее духовенство

¹⁾ А. З. Р. II, № 126.

²⁾ А. З. Р. II, № 135.

³⁾ А. Ю. Р. I, № 80.

⁴⁾ А. З. Р. II, № 154.

⁵⁾ А. Ю. Р. I, № 82.

—отъ частныхъ владѣльцевъ, бывъ предоставлено ихъ произволу. Разумѣется, это не могло не подрывать авторитета духовенства въ народѣ, а падая авторитетъ духовенства—понижалась и народная нравственность, за отсутствіемъ въ тѣ времена другихъ средствъ для ея поддержанія на должной высотѣ.

Что касается самихъ митрополитовъ разсматриваемаго времени, то въ силу только что изложенныхъ обстоятельствъ, трудно ожидать отъ нихъ многого. Въ большинствѣ случаевъ это были незамѣтные личности¹⁾. Наиболее выдаются изъ среды ихъ: преемникъ Исидора—Григорій, выражаясь языкомъ старыхъ лѣтописей—„книжникъ и философъ“; за нимъ—Иосифъ Солтанъ, иниціативъ котораго принадлежитъ созывъ Виленскаго собора, и м. Макарій, убитый Татарами въ Скригаловѣ; нетлѣнные мощи его доселѣ почиваютъ въ Кіево-Софійскомъ соборѣ.

Послѣ Исидора нѣкоторые митрополиты Кіевскіе дѣлали попытки къ распространенію и введенію униі, но все—неудачно. Самъ Григорій, его ученикъ и преемникъ, послѣ 10-лѣтнихъ усилій окончилъ тѣмъ, что обратился къ Константинопольскому патриарху за благословеніемъ, какое ему и было дано. О преемникѣ Григорія по избранію, но едва-ли когда посвященномъ,—Мисаилѣ Смоленскомъ—мы знаемъ, что онъ съ единомышленными ему князьями и панами обращался къ папѣ Сиксту VI съ уклончивымъ исповѣданіемъ униатской вѣры и съ просьбой—быть заступникомъ за его православную паству передъ литовскимъ государемъ и католическимъ духовенствомъ. Но эта попытка оказалась не болѣе удачной, чѣмъ все предшествующія²⁾. Столь же неудачной была и попытка Иосифа Болгариновича, изъ Смоленскихъ епископовъ, въ союзѣ съ Ив. Сопѣгой имѣвшаго намѣреніе совратить въ унию даже королеву Елену, дочь Ивана III Московскаго³⁾.

¹⁾ Преемственный рядъ ихъ: Григорій (+1473) Мисаилъ (+1477), Симеонъ (+1488), Иона Гленза (+1494), Макарій (+1497), Иосифъ I Болгариновичъ (+1501), Иона II (+1507), Иосифъ II Солтанъ (+1520), Иосифъ III Русинъ (+1533), Макарій II (+1556), С. Валькевичъ (+1568), и Иона III (+1577).

²⁾ Макарій IX, 40.

³⁾ „У насъ ся стала замѣтня велика межи латыны нашего хри-

Въ отношеніи къ Киеву митрополиты этого времени были весьма невнимательны. Каедрой ихъ считался Новгородокъ Литовскій; нерѣдко они бывали также и въ Вильнѣ, но едва ли когда заглядывали въ Киевъ: послѣ Менгли-Гиреева вынѣтъ они потеряли для нихъ всякій интересъ. Исключеніе представлятъ, кажется, только м. Макарій, которому Киевская лѣтопись приписываетъ желаніе „помощи церкви Божьей Софій, разореной Агаряны“; но какъ разъ по дорогѣ въ Киевъ онъ былъ убитъ тѣми же Агарянами. Въ Киевъ были привезены только его священные останки, внушавшіе горожанамъ упованіе, что „сему архиерею Божію сія случится смерть к большому его здозовданію“¹⁾. Святая Софія, ограбленная Менгли-Гиреемъ, не находила себѣ благодѣтелей—можетъ быть потому, что заносчивые и корытолюбивые намѣстники не внушали къ себѣ народнаго довѣрія. Можно даже сомнѣваться, совершалось ли въ ней непрерывно богослуженіе въ теченіе всего разсматриваемаго нами періода. Такъ было унижено это первое и собственное сѣдалище митрополитовъ, не смотря на то, что оно же было выставлено яблокомъ раздора въ моментъ отдѣленія Киево-Литовской митрополіи отъ Московской. Свои митрополиты оказались менѣе внимательны къ Киевской каедрѣ, чѣмъ далекіе и чуждые ей Москвичи и Греки.

Не смотря на многія обстоятельства, которыя не могли не угнетать церковно-религіозной жизни въ разсматриваемый періодъ, все же мы замѣчаемъ, что Церковь—главнымъ образомъ реликви и монастыри—продолжаетъ пользоваться извѣстнымъ уваженіемъ не только въ массахъ простого народа, но и въ высшихъ слояхъ его. Въ монастыри, въ особенности кievскіе, стовсюду стекаются богомольцы; многія знатныя фамиліи стараются завести здѣсь свои усыпальницы²⁾; богатые и бѣдные, простые и вельможные—запи-

стательства: въ нашего шлadyку Смоленского дiаволь ся везли съ Софiєю, со отменникомъ ихъ, на православную вѣру; князь великии неволитъ государыню нашу, в. кн. Олену, въ латынскую прокляту вѣру.—Донесеніе Оболенскаго, въ Сбор. Пет. XXXV, № 57, с. 273-4. Ср. А. З. Р. I, № 155; Воскр. II, 238.

¹⁾ Киев. лѣт. над. Оболенск. с. 145.

²⁾ Въ одномъ Печерскомъ монастырѣ — князя: Олельковичи,

сываютъ монастырямъ (рѣже — церквямъ) разныя фондуши на поминъ души, по своему животѣ: то—св. Спасу, то—св. Николѣ, то—архангелу Михаилу и проч. Благодаря притоку пожертвованій, монастыри и нѣкоторыя особенно чтимыя церкви быстро богатѣютъ. Къ концу разсматриваемаго періода они являютъ самыми крупными владѣльцами недвижимыхъ имуществъ въ Киевской землѣ. Были, впрочемъ, между ними и очень бѣдные. Такъ, по Киевской лѣтописи полов. XVI в. Пречистенскій монастырь въ Зарубѣ только „однѣ чернецъ стрезеть для пожару“; прочіе или разбѣжались, или побиты Татарами. Усердіе кievскихъ обывателей къ церкви сказывается, между прочимъ, и въ церковномъ строительствѣ, насколько тому не мѣшали особыя обстоятельства. Такъ, въ Киевѣ даже послѣ Менгли-Гиреева вынѣтъ, радикально подорвавшего экономическое благосостояніе страны, черезъ какихъ-нибудь 50 лѣтъ, въ 40 г.г. XVI в. мы видимъ уже, сверхъ 10 православныхъ церквей, и нѣсколько монастырей¹⁾; въ Овручѣ около того же времени насчитывается 8 церквей при 2 монастыряхъ и т. д.²⁾. Показателемъ религіознаго настроенія того времени служатъ также нерѣдкіе примѣры постриженія въ монашество многихъ знатныхъ особъ. Въ числѣ ихъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ занимаютъ кн. Острожскіе, изъ которыхъ вышелъ св. Феодоръ, доселѣ нетлѣнно почивающій въ Дальнихъ кievскихъ пещерахъ. Въ свое время это былъ вліятельный князь и знаменитый рыцарь, принимавшій дѣятельное участіе въ борьбѣ Свитригайла за русскую народность; но когда дѣло было проиграно, то онъ „оставилъ прелесть міра сего и княжескую славу, взялъ на себя святое иночество, и такъ подвизался крѣпко о спасеніи своемъ, угождаючи Богу ажъ до смерти, душу свою всяко украшаючи, Господеву въ рудѣ отдать“. По примѣру своего мужа, постриглась въ мо-

Острожскіе, Корецкіи, Сангушки, Полубенскіе и др.; папы: Тышкевичи Ельцы, Суриновы и др.—Максимовичъ II, 228—34.

¹⁾ Зг. Малиновскаго, отд. II, № 2 (т. II). Ср. А. Ю. З. Р. IV, I, № 16.

²⁾ Ильинская, Іоаннимо—Аннинская, Никольская, Питицкая, Михайловская, Васильевская, Козмо-Демьяннская и Воскресенская; монастыри: Пречистенскій и Спасскій.—А. Ю. З. Р. VII, I, № 17; ibid. IV т. I, № 10; А. Ю. Р. II, № 116.

нашество также и жена его Агаея, и его меньшій братъ— Александръ ¹⁾). Не менѣе, если не болѣе, разительный примѣръ такого уваженія къ иноческому „куколу“, показали, какъ намъ извѣстно, и кн. Олелько Кіевскій, сдѣлавшійся, по выраженію надгробія, слугою Бога и, послѣ едва-ли долговременнаго служенія Ему, по все же „съ честью“,—мирно почившій въ оградѣ обители. За Олелькомъ послѣдовала и его супруга—Настасья, бывшая игуменьей въ одномъ изъ кіевскихъ монастырей. Въ дополненіе къ сказанному, въ Печерскомъ поминникѣ мы находимъ еще кн. „Олгимонта, нареченнаго въ святомъ крещеніи Михаилъ, а въ иноцѣхъ — Евфимій“ ²⁾, и нѣсколько другихъ княжескихъ и боярскихъ фамилій, оставившихъ прелесть міра сего и удалившихся въ монастырское уединеніе для служенія Богу „въ куколѣ“.

На ряду съ этими примѣрами высокаго религіознаго подъема, Кіевская земля въ разсматриваемый періодъ представляетъ намъ немало и отрицательныхъ сторонъ: съ одной стороны—грабежи и разбои, съ другой—открытый развратъ отмѣчаются путешественниками, какъ не менѣе характерныя явленія этого же времени ³⁾.

¹⁾ Малековичъ I, 169—71.

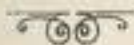
²⁾ с. 7.

³⁾ О нихъ рѣчь впереди.

ЧАСТЬ II.

ОТЪ АВТОРА.

Вторая часть настоящаго сочиненія, согласно задуманному плану, содержитъ въ себѣ IX очерковъ, по числу повѣтовъ Киевской земли въ разсматриваемый періодъ. Къ каждому очерку приложена карта соответствующаго повѣта, съ указаніемъ на ней населенныхъ мѣстъ и съ обозначеніемъ границъ повѣта. Карты эти составлены по специальнымъ картамъ Шуберта, причемъ въ качествѣ историческаго руководства намъ служилъ атласъ Левассера Боплана, изданный В. Г. Лякоронскимъ въ 1901 г. При всемъ нашемъ желаніи и стараніи, однако, не оказалось никакой возможности занести на карту всѣхъ населенныхъ мѣстъ, указанія на которыя намъ удалось найти въ документахъ, — отчасти потому, что многія изъ нихъ, вѣдѣтвіе особенностей политической жизни страны, не оставили по себѣ никакого слѣда въ современной номенклатурѣ, а отчасти и потому, что при наличности нѣсколькихъ одноименныхъ поселеній въ извѣстномъ районѣ нельзя было съ опредѣленностію локализовать документальныя данныя. Въ большинствѣ случаевъ все же можно было занести на карту тѣ или другія поселенія, хотя при этомъ приходилось пользоваться не совсемъ безупречнымъ методомъ — созвучіемъ заносимыхъ названій съ тѣми, которыя фигурируютъ на современной картѣ. Этотъ методъ, разумѣется, не всегда приводитъ къ прочнымъ результатамъ, но иначе нельзя было поступить въ виду совершеннаго почти отсутствія въ документахъ топографическихъ опредѣленій относительно многихъ, можно даже сказать — всѣхъ населенныхъ мѣстъ, за немногими исключеніями.

Мозырскій повѣтъ.

(Очеркъ I).

Въ 1506 г. кн. Василій Мунча просилъ для своего поживенія у кор. Александра „села въ Мозырскомъ повѣтѣ, на имя Тулеговичъ“, причемъ повѣдалъ, что съ этого села шли въ пользу господаря такія-то и такія-то дани. Удостоившись изъ личныхъ распросовъ Киевскаго воеводы, „иже тая речъ такъ есть, какъ онъ намъ поведалъ“, король удовлетворилъ просьбу челобитчика и велѣлъ Киевскому воеводѣ Ивану Глинекому дать ему увизаніе ¹⁾. Это одно изъ наиболѣе раннихъ указаній на принадлежность Мозырскаго повѣта къ Киевской землѣ. Но вопросъ въ томъ — съ какихъ поръ онъ сталъ считаться въ ея составѣ? Несомнѣнно, въ до-Монгольскій періодъ Мозырь принадлежалъ Киевскимъ князьямъ ²⁾. Затѣмъ — по всей вѣроятности, еще въ XIII в. — онъ перешелъ подъ власть Литвы, бывъ „одраженъ“ т. о. отъ Киева ³⁾. Последнимъ обстоятельствомъ мы объясняемъ, между прочимъ, то, что въ разсматриваемый періодъ Мозырскій повѣтъ тянулъ данями не къ Киеву, а къ Вильно ⁴⁾. Но уже при удѣльныхъ князьяхъ онъ снова былъ „привлащенъ“ къ своей метрополю. Это мы выводимъ изъ слѣдую-

¹⁾ Акты Леонтовича II, № 747—Акты Д.—З. № 95.

²⁾ „Иванъ Д. посла къ брату Святослану, даи ему Мозырь и Чичерскъ“.—Иван. с. 341.

³⁾ Литов.-русс. лѣтописи приурочиваютъ этотъ фактъ къ Скирмунту, который будто бы, поразивъ Заволжскаго царя Валакля, подчинилъ себѣ Мозырь, Черниговъ, Стародубъ и Карачевъ (т. XVII, 247—8, 302, 481). Это извѣстіе можно принимать въ томъ смыслѣ, что Мозырь былъ подчиненъ Литвѣ въ незапамятныя времена.

⁴⁾ А. З. Р. П., № 75.

шого факта. Въ люстраціи 1552 г. Михайло Гагинъ названъ *нерымль державцей Мозырскимъ* ¹⁾; этотъ же самый М. Гагинъ, въ бытность свою старостой и городничимъ въ Мозырѣ, по свидѣтельству тамошнихъ старожиловъ, выкопалъ въ замкѣ колодезь, который, „яко збудованъ, водле повести старымъ, стоить 70 лѣтъ“ ²⁾. Отсчитавъ отъ 1552 г. 70 лѣтъ, получилъ 1482: тогда былъ прокопанъ колодезь. Но Мозыр. державцей М. Гагинъ могъ быть нѣкоторое время еще и передъ тѣмъ, что ведетъ насъ къ началу воеводскаго управленія. Кто же въ такомъ случаѣ могъ держать Мозыръ раньше перваго Мозырскаго державца? Разумѣется, никто другой, какъ Киевскіе удѣльные князья черезъ своихъ наместниковъ.

Съ именемъ Мозыря необходимо связывается представленіе о Припятскомъ полѣвѣ. Какими же чертами можно характеризовать природу этого края? — Въ смыслѣ геогностическомъ характернымъ для Мозырщины признакомъ является признакъ поздняго намывного происхожденія почвы. Съ одной стороны, песчаная возвышенности, правда, довольно немногочисленныя на данной территоріи, но во всякомъ случаѣ напоминающія песчанія дюны Балтійскаго моря, а съ другой — болотныя низменности съ богатыми торфяными отложеніями, — все это, по словамъ акад. Эйхвальда, „составляетъ слѣды огромнаго озера, существовавшаго тамъ во время Геродота, въ землѣ древнихъ Вудиновъ, и соединившагося нѣкогда съ Балтійскимъ моремъ“ ³⁾. На помощь этому научному выводу приходитъ народное преданіе, согласно которому Черное море распространилось нѣкогда до самаго Пинска, но Киевскій князь раскопалъ горы и тѣмъ далъ возможность далеко выдвинувшимся заливамъ слиться въ лонѣ своей метрополи ⁴⁾. Какъ бы то ни было, но течение р. Припяти и доселѣ представляетъ котловину со всѣми признаками намывной формации въ видѣ заносныхъ глыбъ и вывѣтъ, еще и понынѣ продолжающихся образованій и измѣненій земной поверхности.

¹⁾ А. З. Р. VII, I, с. 625.

²⁾ *ibid.* 612.

³⁾ Геогнолія преимущественно въ отношеніи къ Россіи II, с. 200.

⁴⁾ Krazkewski Wspomnienia Wolynia, Polesia i Litwy I, с. 121.

Эти донинѣ продолжающіеся образованія и измѣненія земной поверхности суть торфяныя отложенія, въ большомъ количествѣ находящіяся въ болотахъ Мозырщины. Достаточно водѣ застояться нѣкоторое время въ бассейнообразныхъ углубленіяхъ, чтобы образовались условія, благоприятныя для произрастанія болотныхъ растений (вслѣдствіе постепеннаго осажданія наливныхъ животныхъ и прѣсноводныхъ водорослей), которыя въ свою очередь, умножаясь въ числѣ, поглощаютъ воду и обращаются въ *торфъ*. Съ другой стороны, накопленіе кремнистыхъ панцирей разныхъ наливочныхъ животныхъ способствуетъ образованію *болотной руды*, состоящей изъ водяной окиси желѣза съ фосфорною кислотой, кремнеземомъ и смѣсью глины и песку. Такой болотно-желѣзной рудой изобилуютъ въ особенности мѣстности по теченію р. *Славечной*, лѣвый берегъ которой, до впаденія притока *Чертея*, входилъ въ составъ Мозырскаго повѣта ¹⁾.

Почва Мозырщины разнообразна. На возвышенностяхъ она болѣею частью песчаная, съ глинистою подпочвою; въ мѣстахъ низменныхъ — б. ч. сѣропесчаная, иногда переходящая въ черноземъ, на глинистой, песчаной или супесчаной подпочвѣ. Кромѣ мѣстностей, уже хозяйственно освоенныхъ, многія низменности Мозырщины при осушеніи ихъ, и многія пространства, занятія т. н. *лазовыми* лѣсами, при ихъ очищеніи, въ значительной степени способны къ культурѣ (если не содержатъ окиси желѣза) или подъ луга, или подъ пашни. Стоитъ, однако, забросить ихъ на 2—3 года, и они снова дичаютъ, такъ какъ почва Мозырскаго пов. склонна къ произрастанію сорныхъ травъ и кустарниковъ.

По устройству поверхности Мозырскій повѣтъ представляетъ въ общемъ однообразный видъ низкой равнины, покрытой безконечными лѣсами и трудно проходимыми болотами. Одно изъ такихъ болотъ, въ восточной части Мозырскаго пов., окружающее князь — *Озеро*, простирается на 450 верстѣ. При такихъ условіяхъ мѣстности, естественно, что поселенія встрѣчаются уединенными, удаленными другъ отъ друга островами, впрочемъ, богатыми травою и нѣрѣдко весьма удобными для хлѣбопашества. Соещеніе между от-

¹⁾ См. *Starożytna Polska* III, 840.

дѣльными поселеніями, по причинѣ явныхъ и скрытыхъ болотъ, довольно затруднительно и даже опасно, особенно для незнакомыхъ съ мѣстностью.

Единственная, болѣе или менѣе значительная возвышенность, прорѣзывающая территорию Мозырскаго повѣта почти на всеъ его протяженіи, начинается у г. Турова, тянется по теченію р. Припяти, преимущественно по правому ея берегу. Постепенно повышаясь, эта возвышенность у самаго Мозыря, образуетъ живописные — высокіе, крутые, по мѣстамъ даже обрывистые берега, а затѣмъ, въ направленіи р. Славечной, идетъ постепенное пониженіе, причемъ сплошной до тѣхъ поръ кряжъ превращается въ невысокіе холмы, характерные вообще для лѣваго берега рѣки, на означенномъ протяженіи. Продолженіемъ этой возвышенности является песчано-глинистый кряжъ, который тянется отъ м. Юревичъ въ направленіи г. Брагина.

Мозырскій повѣтъ богатъ лѣсами — не даромъ онъ входитъ въ составъ Полѣсья. Здѣсь, по словамъ путешественниковъ, вы найдете и такая огромныя деревья, которыя поражаютъ своею толщиною и великолѣпнымъ видомъ разросшихся вѣтвей — превосходный матеріалъ для разнообразныхъ построекъ; но, съ другой стороны, встрѣчаются и такіе — не деревья, а скорѣе кустарники, захватывающіе нерѣдко обширныя болотныя пространства, — которые (кустарники) имѣютъ жалкій видъ и состоятъ изъ тощей березы или ели, не достигающихъ никогда размѣровъ, необходимыхъ для самыхъ ничтожныхъ построекъ¹⁾. Причиной послѣдняго является слишкомъ тонкій грунтъ, не дающій деревьямъ достаточнаго питанія. Даже и тамъ, гдѣ произрастаніе большихъ деревьевъ, по условіямъ мѣстности, возможно, они не имѣютъ прочности хорошаго строевого лѣса: таковой произрастаетъ только на мѣстахъ, болѣе или менѣе возвышенныхъ. Не смотри на то, населеніе Мозырскаго повѣта и по сей день ведетъ значительную торговлю строевымъ лѣсомъ съ Поддѣпровскими портовыми городами: Киевомъ, Кременчугомъ, Екатеринославомъ, Херсономъ.

¹⁾ Шильовскій Мозырщина, с. 8; Зеленой Матеріалы для географіи и статистики Россіи I, 97.

Этому въ значительной степени способствуетъ обиліе сплавныхъ рѣкъ. Правда, постоянныхъ, сплавно-судоходныхъ рѣкъ въ Мозырщинѣ немного: Припять, да нѣсколько притоковъ: Уборть, Птичь, Ина, Славечна; зато временныхъ — сколько угодно, разумѣется, только въ извѣстныя времена года — весной и осенью, когда большая часть рѣкъ, вслѣдствіе низкихъ береговъ, выходитъ изъ своего ложа и заливаешь на большомъ протяженіи окрестныя низменности. Тогда тамъ, гдѣ прежде не ступала нога человѣка, спускаются плоты, плывутъ *шугалеи*; въ болѣе глубокихъ мѣстахъ, по теченію рѣкъ, медленно двигаются *байдаки*, нагруженные тяжелою кладью¹⁾.

Луга, при всемъ ихъ обиліи, не отличаются хорошими качествами, такъ какъ производятъ траву, вслѣдствіе большого количества влаги, мало вкусную и питательную, а въ дождливое время — и вредную. Нужно, однако, замѣтить, что такими качествами отличаются низменные луга, въ болотистой мѣстности; возвышенные же даютъ превосходную траву и сѣно.

При обиліи лѣсовъ и водъ, естественно ожидать соотвѣтствующаго изобилія и въ живыхъ обитателяхъ этихъ стихій. Дѣйствительно, Мозырщина въ этомъ отношеніи занимаетъ одно изъ видныхъ мѣстъ. Правда, въ настоящее время здѣсь уже не попадаются ни соболи, ни олени, ни зубры, ни росомахи, какъ то было прежде; но до сихъ поръ здѣсь водятся породы, въ другихъ мѣстахъ уже исчезнувшія или составляющія большую рѣдкость, какъ-то: бобры, выдры, куніцы, рыси, норки, барсуки; обыкновенные же обитатели мозырскихъ лѣсовъ — медвѣди разныхъ породъ, дикія свиньи, лоси, серны, волки, лисицы, бѣлки и хорьки.

Это — животныя. Столь же разнообразно и царство птицъ, изъ которыхъ предметъ охоты составляютъ: глухари, тетерева, рябчики, сломки (вальшнепы), бекасы, дупеля, дикіе гуси, утки и голуби etc. Въ рѣкахъ и озерахъ въ изобиліи находятся: карпы, лини, караси, изи, плотва, лещи, щуки, судаки, окуни, рѣже — сомы, вѣрозубы (*cyprinus cephalus*), се-

¹⁾ Шугалея — видъ баряса, выдѣланнаго изъ дубоваго ствола, внутри и снаружи обшитаго сосновыми досками. Байдакъ — родъ барки.

лява (сур. *albuginus*), угри. Болота и каналы кишатъ вѣями.

Таковъ край, который въ разсматриваемый нами періодъ входитъ въ составъ Мозырскаго повѣта. Послѣ всего выше сказаннаго о природѣ страны, ея свойствахъ и особенностяхъ, является возможнымъ, по крайней мѣрѣ, въ общихъ чертахъ, опредѣлить экономическое положеніе населенія Мозырскаго повѣта въ разсматриваемый періодъ.

Начнемъ съ земледѣлія, хотя оно едва-ли играло въ данный періодъ первенствующую роль въ ряду другихъ факторовъ, поддерживавшихъ благосостояніе края. И ясно—почему оно не играло этой роли: потому что территория, занятая Мозырскимъ повѣтомъ, съ одной стороны, не такъ плодородна, какъ въ другихъ мѣстахъ, напр., въ Подоліи и на Волынѣ, а съ другой—потому, что эта же самая территория съ меньшей затратой рабочей энергіи давала населенію несравненно большіе барыши въ другихъ отрасляхъ хозяйства, но не въ земледѣліи. Во всякомъ случаѣ и эта отрасль хозяйства въ Мозырщинѣ не была въ пренебреженіи, хотя, можетъ быть, служила только для удовлетворенія мѣстныхъ нуждъ: каждый сѣялъ хлѣба столько, сколько требовалось для удовлетворенія его собственныхъ потребностей и рѣдко—больше. Насколько Мозырцы преуспѣвали въ земледѣліи, мы можемъ судить на основаніи показаній очевидца и современника—Александра Гвагнина, продолжительное время служившаго въ польскихъ войскахъ и имѣвшаго случай и желаніе лично познакомиться съ условіями жизни даннаго края. По его словамъ, Мозырцы сѣяли озимые и яровые хлѣба, также горохъ и рѣпу¹⁾. Въ какомъ размѣрѣ—другой вопросъ, но во всякомъ случаѣ—достаточно. Это видно, между прочимъ, изъ того, что подать т. н. *оказанная*—„жита и овесъ“—была весьма распространенной въ волостяхъ, тянувшихся въ Виленскому и Троцкому ключамъ (въ томъ числѣ—и въ Мозырской); иногда она называется и *житициной*²⁾. По люстраціи Мозырца, при старостѣ Андрей Немиричѣ.

¹⁾ Gwagnin, с. 214 и 215.

²⁾ А. З. Р. II, № 159; ср. Акты Д.—З. № 184; Любавскій Областное дѣленіе, с. 475.

вносили ему на разныя потребности 260 бочекъ жита „мѣры мозырское“ („а мѣра мозырская великая“); тамъ же въ рядѣ даней сельскаго населенія фигурируетъ также и пшено (ср. Домановичи, Гулевичи, Лучины и пр.).

При томъ изобиліи луговъ, какое наблюдается въ этомъ краѣ, естественно предполагать, что *скотоводство* занимало одно изъ видныхъ мѣстъ въ ряду другихъ хозяйственныхъ статей. Это предположеніе, дѣйствительно, находитъ себѣ оправданіе въ росписяхъ даней и штрафовъ, относящихся—въ однихъ случаяхъ прямо къ Мозырщинѣ, въ другихъ—къ болѣе обширной территоріи, объединенной одинаковыми хозяйственными условіями, къ т. н. Подгѣпрскимъ волостямъ. Изъ этихъ источниковъ мы узнаемъ, что одной изъ обычныхъ даней въ этой мѣстности была т. н. *мезлева*—подать съ домашнихъ животныхъ, перѣдко и собиравшаяся натурой. Такъ, въ § 12 устава державцамъ и урядникамъ господарскихъ волостей, приписанныхъ къ Виленскому и Троцкому замкамъ, читаемъ: „Мезлевы, которыя на насъ съ подданныхъ нашихъ на каждый годъ приходятъ, то бы державцы наши пѣязьми отбирали (раньше—натурой), т. е. за *яловицу*—30 гр., за *вепра*—20 гр., за *барана*—4 гр. (за *куре* и за 10 *яецъ*—1 гр.)“; § 18 той же устава повелѣваетъ, „кгда мужикъ на заказанье державцы нашего або урядника его, на роботу не выидеть день одинъ, або непослушокъ будетъ, ма быть мѣрою грабицею каранъ, а ничого больше надъ *барана*“¹⁾. Въ нѣкоторыхъ повѣтахъ Кіевской земли, въ частности—въ Мозырскомъ собиралась дань, извѣстная подъ названіемъ *волоцины*, самымъ именемъ указывающая, какой предметъ сельскаго хозяйства подвергался обложенію. Эта именно дань, въ количествѣ 13 гр., была показана господарскимъ дворяниномъ Счастливымъ Полозомъ въ числѣ другихъ даней, собиравшихся съ жителей с. *Загомычъ* Мозырскаго повѣта²⁾.

Но, разумѣется, не земледѣліе, пожалуй, даже и не скотоводство, а—*промыслы*, благодаря своей общедоступности, питали экономическое благосостояніе края. Дѣятельные лѣ-

¹⁾ А. З. Р. II, № 159.

²⁾ Акты Леоптовича II, № 719; Акт. Д.—З. № 93.

са Мозырскаго повѣта и обильныя рѣки представляли въ этомъ отношеніи богатые источники для жизни. Пчеловодство, обработка и сплавъ лѣса, охота и рыбная ловля — таковы основныя формы промышленной дѣятельности мозырскаго населенія. Изъ нихъ на первое мѣсто, безъ сомнѣнія, нужно выдвинуть *пчеловодство*: дань медовая занимаетъ господствующее положеніе не только въ люстраціи, но и въ другихъ актахъ, имѣющихъ отношеніе къ Мозырщинѣ. На второмъ мѣстѣ можно поставить *обработку и сплавъ лѣса*. Мозырцы — извѣстные добродеревцы, и въ качествѣ таковыхъ, вмѣстѣ съ другими Поддѣпрскими волостями, обязаны были поставлять матеріалъ и работниковъ при постройкѣ кievскихъ замковъ. На широкое развитіе лѣсного промысла указываетъ также и существованіе подати, извѣстной подъ именемъ *дубастины*, которую проф. Любавскій объясняетъ, какъ „замѣну обязанности ставить барки или *дубасы* на Днѣпръ для казенныхъ надобностей“¹⁾. Отсюда, по методу обратнаго заключенія, слѣдуетъ, что было время, когда эти дубасы поставлялись натурой и, поскольку всякая подать имѣетъ общій характеръ и сообразуется съ условіями страны, нужно думать, что постройка дубастъ и помимо казенныхъ надобностей была распространеннымъ способомъ эксплуатаціи лѣсныхъ богатствъ въ Поддѣпрскихъ волостяхъ.

Тѣ же лѣса представляли обывателямъ Мозырскаго повѣта широкій просторъ для *охотничьей дѣятельности*. Изъ X разд. § 2 Литовскаго статута 1588 г., опредѣляющаго пеню за убитыхъ или пойманныхъ въ чужихъ лѣсахъ животныхъ, видно, какія породы водились еще въ то время въ литовскихъ пуцахъ, въ томъ числѣ, конечно, и въ Мозырщинѣ. Это — зубръ, лось, олень, медвѣдь, дикая лошадь, дикій кабанъ, серна, рысь, соболь и куница. Нѣкоторыя породы изъ этого перечня теперь уже вывелись или составляютъ большую рѣдкость; но большинство ихъ, какъ сказано было выше, и до сихъ поръ огромными массами наполняютъ мозырскіе лѣса: что же говорить о томъ времени, когда человѣкъ составлялъ въ тѣхъ мѣстахъ большую рѣдкость, а

¹⁾ Областное дѣленіе, с. 480.

звѣрь — обычное явленіе! То же должно сказать и о паретвѣ птицѣ.

Рыбность мозырскихъ рѣкъ общезвѣстно. По словамъ Михалона, Припять въ одномъ мѣстѣ у Мозыря, близъ устья р. Туры, при накопленіи свѣжей воды изъ источниковъ наполняется ежегодно около 1 марта такимъ количествомъ рыбы, что копые, брошенное въ середину, останавливается твердо, какъ въ землѣ: такъ густа рыба. „Я не повѣрилъ бы этому — говорить указанный писатель — если бы самъ не былъ свидѣтелемъ, какъ черпали тамъ рыбу безпрерывно и наполняли въ одинъ день около 1000 телѣтъ, принадлежащихъ прѣбазнымъ купцамъ, которые нарочно съѣзжаются къ этому времени“¹⁾. Вышеприведенное свидѣтельство о рыбности р. Припяти подтверждаетъ и Герберштейнъ въ своихъ запискахъ о Московіи (почти современникъ Михалона). Онъ называетъ р. Туръ, впадающую въ Припять недалеко отъ Мозыря, „обильною рыбой“²⁾.

Въ социальномъ отношеніи Мозырскій повѣтъ представляетъ значительныя особенности по сравненію съ другими повѣтами Киевской земли, раздѣляя ихъ, въ свою очередь, со всеѣмъ комплексомъ т. н. Поддѣпрскихъ и Задвинскихъ волостей. Корень этихъ особенностей скрывается въ сохраненіи общиннаго устройства. Въ то время, какъ въ другихъ повѣтахъ Киевской земли господствуетъ подворное землевладѣніе, въ Мозырскомъ повѣтѣ оно — общинное, а въ соответствии съ этимъ единицей обложенія является не служба, а сама община, которая уже отъ себя раскладываетъ подати на отдѣльныхъ своихъ членовъ. О существованіи общиннаго землевладѣнія въ Поддѣпрскихъ волостяхъ, въ томъ числѣ и въ Мозырской, узнаемъ изъ грамоты кор. Александра Богущу Боговитиновичу „о браньѣ даней съ волостей Поддѣпрскихъ“, въ которой, между прочимъ, читаемъ: „а которые у насъ будутъ земли пустошскіе або люди голтыиные, *абы по собѣ раскинули*, на большого большей, а на меньшого меньшей, какъ адавнѣ бывало“³⁾. То же находимъ и въ листѣ

¹⁾ Отрывки, с. 62.

²⁾ С. 159; ср. люстр. 1552 г., с. 621.

³⁾ Любавскій Областное дѣленіе, прилож. № 12; ср. Акты Д—З. № 126.

Сигизмунда I, адресованномъ на имя Ольбрахта Гаштольда отъ 12 X 1533 г.¹⁾: запрещая своимъ вридикамъ, сидящимъ въ Подиѣпрскихъ волостяхъ, брать доходы съ пустошницъ, король повелѣваетъ, „поднимаючи ся намъ вси пустошницы межы себе разобрати и дань нашу сполна выдавати“²⁾.

При существованіи общиннаго землевладѣнія естественнымъ является то, что община считалась отвѣтственной за всѣ волостныя земли — не только хозяйственно освоенныя, но и пустошницы: съ тѣхъ и другихъ она одинаково обязана была вносить числящуюся на нихъ сумму податей. Нужно, однако, замѣтить, что населеніе всемирно уклонялось отъ взноса дани съ хозяйственно неосвоенныхъ земель, отказываясь въ то же время и отъ ихъ эксплуатаціи: „они тыхъ пустошницъ обѣжчаютъ, а межы себе не разбирають“, требуя облегченія податнаго бремени. Мало того: изъ того же листа Ольбрахту Гаштольду узнаемъ, что общины нерѣдко уклонялись и отъ податей съ земель осѣлыхъ. „Довѣдали есмы о томъ — пишетъ король — изъ люди по волостямъ нашимъ таковыи хитрыи обычаи взяли, ижъ коли часъ приходитъ дани наши выдавати, тогда они, опустивши отчмыны свои, а черезъ годъ вживавшии, и на тотъ часъ отходить по иншимъ волостемъ нашимъ, князьскимъ и паньскимъ, а какъ тотъ часъ оминеть, они за ся къ своимъ домоу приходять, а иншии такы, тамъ по иншимъ волостемъ мешкаючи, а отчмыны держуть и земли пашуть и борти лазять, а даней нашихъ нигды не дѣють, а въ томъ шкода и тяжкосты подданнымъ нашимъ дѣють, ижъ они за тыхъ сами дань нашу платять“. Для предупрежденія этихъ злоупотребленій, король приказываетъ державцамъ „щильностью стеречи“, чтобы люди не переходили изъ одной волости въ другую, и на сосѣднее населеніе возлагаетъ обязанность о такихъ переходящихъ людяхъ, какъ только они появляться въ чужомъ селѣ, доводить до свѣдѣнія урядниковъ, которые подъ угрозой штрафа должны ихъ водворять на отчинахъ.

Ближайшими руководителями сельскихъ общинъ являлись выборные волостные старцы. Въ документахъ они обык-

¹⁾ О. Г. въ это время былъ старостою Мозырскимъ.

²⁾ Любавскій Областное дѣленіе, прил. № 51.

новенно выступать въ качествѣ защитниковъ интересовъ своей общины противъ утисковъ господарскихъ урядниковъ: „Били намъ чоломъ старецъ и вся волость Бчинская“, „жаловали намъ старецъ и вся волость Мозырская“ — обычныя выраженія актовъ, относящихся къ тяжбамъ волошанъ съ урядниками¹⁾. Эта тѣсная связь старцевъ съ волостью объясняется не только ихъ избираемостью, но также и собственными выгодами: старцамъ невыгодно было, если господарскіе намѣтники и державцы притѣсняли ихъ подданныхъ, ибо въ такомъ случаѣ неизбежно сокращались и ихъ собственные доходы. А что эти доходы въ общемъ были довольно значительны, показываютъ единовременные взносы „за старченье“ отъ тѣхъ лицъ, которые избирались на эту должность²⁾. Старцамъ, такимъ образомъ, предоставлялось вознаграждать себя путемъ поборовъ изъ вѣренной имъ волости. При такомъ положеніи дѣлъ, естественно, открывалось поле для злоупотребленій — и тѣмъ болѣе, что, повидимому, въ компетенцію старцевъ входило „метать меты“ на нужды волости³⁾.

Въ общественныхъ отношеніяхъ извѣстное положеніе однихъ группъ населенія неизбежно сказывается и на положеніи другихъ. То же общинное устройство, которое способствовало выдѣленію волостного населенія Мозырскаго повѣта изъ массы населенія другихъ повѣтовъ Киевской земли, способствовало также и выдѣленію мозырскаго мѣщанства: разумѣемъ мѣщанское землевладѣніе. Согласно люстраціи 1552 г., „поль распахивати (мѣщанамъ) неволью, ажъ у волошанъ, людей господарскихъ и землянскихъ просить, або поля земли купять, або закупують“⁴⁾. Это мы объясняемъ силой общины, которая въ данной мѣстности сохраняла еще свое значеніе. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ мозырскіе мѣщане пользовались „вольностями“, а именно: они имѣли право „у дрова ѣздити, избы рубити, колья на езы

¹⁾ Любавскій ор. с., прилож. № 17; А. Ю. З. Р. VII, 1, № LXXXV; Акты Д.—З. № 184.

²⁾ Акты Д.—З. №№ 16 и 33. Подробнѣе объ этомъ въ III-й части настоящаго сочиненія.

³⁾ Любавскій Областное дѣленіе, № 51 прилож.

⁴⁾ С. 624.

пушати—вверхъ по Припяти за мило, по р. Турь, а внизъ на мило по с. Седельники, и по обѣ стороны Припяти за 7—8 миль, яко земля волостная зашла¹⁾. Кромѣ того, „мещане сено на себе косятъ, где хотять, по дубровамъ сель господарскихъ волостныхъ“, ловятъ около мѣста волковъ, зайцевъ и лисицъ и взимаютъ въ свою пользу съ гостей, пошлину за перевозъ на Припяти, „а волощанъ даромъ должны возить“²⁾. Не располагая собственной землей, мозырскіе мѣщане, естественно, мало занимались хлѣбопашествомъ. Люстрація насчитываетъ всего 32 участка земли, снимаемой мѣщанами за кунницу, а „тоѣ земли куничное, съ которое тотъ платъ куничный даютъ, большей ее нѣтъ, одно 30 солянокъ“³⁾. Все вниманіе мозырскихъ мѣщанъ, поэтому, было обращено на ремесла и промыслы. Въ числѣ ремесленниковъ люстрація отмѣчаетъ: чоботарей, лучинковъ, кузнецовъ, бондарей, рѣшетниковъ, кушнеровъ и др. Въ промышленной жизни мозырскаго мѣщанства обращаетъ на себя вниманіе сильное развитіе *угодничества*. Мозырскихъ мѣщанъ мы встрѣчаемъ на самомъ югѣ Киевской земли—въ черкавскихъ уездахъ; переселенцы изъ Мозыря фигурируютъ почти во всѣхъ киевскихъ замкахъ.

Боярское землевладѣніе въ Мозырекомъ повѣтѣ не играло большой роли. Здѣсь мы насчитываемъ около 15 боярскихъ семействъ, значительнѣйшія изъ которыхъ принадлежатъ другимъ повѣтамъ и землямъ (кн. Острожскіе, Збаражскіе, паны: Заморенки, Гангольды, Служки, Лозки); на долю же собственно Мозырщины остается ихъ не болѣе 10—всѣ мелкія, владѣющія всего нѣсколькими дворницами (п. Дурасовъ, Обухъ, В. Еськовичъ, Талуевичъ, Клопотъ и др.). Не смотря на то, и здѣсь боярское землевладѣніе оказывалось факторомъ разрушительнымъ. Оно разрушало сельскую общину, такъ какъ освобождало, хотя и не всегда на законномъ основаніи, частновладѣльческихъ подданныхъ отъ выполнения земскихъ повинностей, которыя несли остальные члены волости⁴⁾. Оно подкапывалось, съ другой стороны,

¹⁾ Люстр. с. 624.

²⁾ Ibid.

³⁾ С. 623.

⁴⁾ „Не хотять — читаемъ въ одномъ вырокѣ кор. Сигизмунда—

подъ мѣщанское благосостояніе, ограничивая его платежно-повинностными средствами и не принимая на себя соответствующей доли этихъ платежей и повинностей¹⁾. Для противодействия такимъ злоупотребленіямъ мѣщане объединяются съ господарскими подданными, ведутъ процессъ и даже выигрываютъ его, но спустя какихъ-нибудь 25 лѣтъ мы видимъ, что фактически этотъ выигрышъ сводится къ нулю: бояре попрежнему и „отъ многихъ лѣтъ“ (до 1552 г.) уклоняются отъ несенія земскихъ повинностей, оставляя себѣ только выгоды.

Въ административномъ отношеніи Мозырскій повѣтъ раздѣлился на три волости: собственно *Мозырскую*, *Бчицкую* и *Брянскую*. Изъ нихъ послѣдняя обыкновенно выдѣлялась изъ вѣдѣнія Мозырскихъ намѣстниковъ-старостъ, какъ особая держава, дававшаяся для „поживенья“ тѣхъ или другихъ лицъ, хотя въ обводѣ 1566 г. все же еще числится въ Мозырекомъ повѣтѣ²⁾.

Во главѣ всего повѣта стояли *старосты*, именуемые чаще *наместниками* и *державцами*, въ большинствѣ случаевъ изъ выдающихся магнатскихъ родовъ: Мозырская держава считалась одной изъ пожиточнѣйшихъ въ Киевской землѣ³⁾. Рядъ Мозырскихъ намѣстниковъ-державцевъ представляются въ слѣд. видѣ: *Михайло Гагинъ* (1482 — 1504⁴⁾,

тымъ (волощанамъ и мѣщанамъ) помочни быти в подымшчине, и въ работѣ замковой, и в житѣ и в грошахъ, которыи они даютъ на замокъ нашъ Мозырскій подле листу и вставы нашею (Акты Д. З. № 184, с. 207).

¹⁾ У месте есть людей боярскихъ много (сознается тамошній державца), которые бояре покупили пляцы (соединя по нѣсколько въ одинъ дворъ), а инше отчизниле мають, и на тыхъ мѣстцахъ люди седятъ и тые жъ волности и уступы, озы быти и въ сеножатехъ и въ торгохъ мають, а работи не хотять“ (А. Ю. З. Р. VIII, V, с. 59; ср. люстр. 1552 г., с. 625).

²⁾ А. Ю. З. Р. VII, II, с. 365.

³⁾ Странно, что волыніскіе земляне, жалуясь на уменьшеніе своихъ пожитковъ, указываютъ, между прочимъ, будто нѣкогда они jako Мозырскую волость, tak tywunszczynu i bobrowszczynu po rokomi derzywali (Zg. VI, 24).

⁴⁾ Акты Леонтовича II, № 684 (ошибочно Сасинъ); ср. люстр. с. 625.

Якубъ Ивановичъ (1506—7¹), Андрей Нелиричъ (1510²), Юрій Н. Радивиль (1511 — 14³), Ольбрахтъ М. Гантольдъ (1515—39⁴), вторично Ю. Радивиль (1534⁵), Николай В. Нарбутъ (1541—51⁶) и Николай Ю. Радивиль (1575 г.⁷).

По акту 1569 г. Мозырскій пов., którzy przу Kijowie zdawna bywał, были „одраженъ“ отъ него и „привлащенъ“ непосредственно къ Великому Княжеству, хотя Кіевляне долго еще не признавали совершившагося факта, hаmija i piérgzeruszegaја королевскихъ живностей, двигавшихся по Днѣпру изъ Мозыря, zowią byс Kijowską ziemią⁸).

Административнымъ центромъ повѣта являлся, конечно, г. Мозырь, завѣстный намъ еще изъ предыдущаго періода⁹). Средоточіе его—замокъ, пространствомъ въ 28×63 саж. Замокъ расположенъ на горѣ, возвышавшейся приблизительно на 15 саж. надъ окружающею мѣстностью. Въ немъ помѣщались разныя сооружеія для храненія провіанта и артиллеріи, церковь св. Спаса и нѣсколько жилыхъ помѣщеній. Былъ здѣсь когда-то и колодезь, но онъ засыхался. Къ замку примыкалъ парканъ (острогъ), огороженный на пространствѣ 36×8½ саж. Въ парканѣ находились: церковь св. Николая и разныя другія постройки, преимущественно хозяйственныя. Наконецъ, надъ берегомъ Припяти раскинулось и самое мѣсто, украшенное двумя церквями: Пречистенской и Михайловской. Населеніе г. Мозыря въ полов. XVI в. выражалось слѣдующей таблицей:

	Дом.
Мѣщанъ господарскихъ	194
Мѣщанъ, позадовавшихся за Нарбута	22
Духовенства	4
Слугъ путныхъ	6

¹) Сбор. Оболенскаго с. 20, 30, 82; А. З. Р. П., № 36.

²) Акты Д.—З. № 126.

³) А. Ю. Р. П., № 102; А. З. Р. П., № 87.

⁴) Spis dignitarz. y Bonieckiego (Poczet rodów).

⁵) А. З. Р. П., № 177.

⁶) Закревскій Описаніе Кіева I, с. 237; Книга Посольская I, № 36.

⁷) Spis Bonieckiego.

⁸) Зр. XX, 11.

⁹) Ипат. 331.

	Дом.
Пушкарей	3
Людей владѣльческихъ	54
Бояръ	ок. 10
Итого	293

Итакъ, все населеніе г. Мозыря въ полов. XVI в. выражается цифрой 293, или кругло-300 домовъ. Принявъ въ среднемъ по 7 человекъ на домъ, мы получимъ около 2100 человекъ. Въ числѣ этихъ 2100 человекъ люстрація отмѣчаетъ: 4 Чичерякъ, 2 Случанина, 3 Глушанина, 2 Москалей и только 1 Литвина и 1 Нильца. Судя по этимъ даннымъ, этнографическій составъ городского населенія отличался необыкновенной чистотою. Однако имена нѣкоторыхъ мозырскихъ мѣщанъ, помимо отмѣтокъ люстратора, изобличаютъ ихъ не—русское происхожденіе. Таковы: Курило Момотушичъ, Мокей Андруховичъ, Концый, Олиферъ прихожій, Василій Кучуръ, Мишко Андруховичъ, Белко Харатуричъ, Анцюта Киселевичъ, Ежей прихожій—повидимому, Татары; Гридко прихожій, Яцко Слушанинъ, Зенько Прійма, Иванъ Радковичъ, Мацко Грабовичъ, Мацота Булавичъ, Ходоръ Бутримовичъ, Стась прихожій, Стась мельникъ, Дорошъ прихожій, Радко кривоускъ—Поляки или Литвины; наконецъ—Сенько Юдичъ, Андрей Рухлевичъ, Мишко Шухъ—могутъ быть выкращенными Евреями. Остальные же, за немногими исключеніями, должны быть признаны чисто русскаго происхожденія, точнѣе—бѣлорусскаго.

Мозырская волость въ отношеніи замковой службы дѣлилась на 6 недѣль или очередей; въ каждой недѣлѣ состояло одно или нѣсколько сель. Для удобства иаложенія мы будемъ разсматривать колонизацію Мозырской волости по недѣлямъ.

Недѣля Богутницкая.

С. Богутичи, съ населеніемъ въ 29 человекъ. С. Мытва на рѣкѣ того же имени (1560¹). С. Смолизовичи—на лѣвомъ берегу Мытвы, южнѣе. Въ люстраціи Чернобыльскаго замка

¹) Люстраціи 1560 г., издана недавно въ А. Ю. З. Р. VII, V, с. 478—96.

Смолиговичи показаны „волости Овруцкой, недѣли Чернобыльской“—не извѣстно почему. По крайней мѣрѣ въ грамотѣ Свигригайла отъ 1435 г. ¹⁾ Смолиговичи именуется въ Мозырекомъ повѣтѣ. Изъ грамоты же Сигизмунда старого Кіевскому воеводѣ Юрію Н. Радивилу объ отводѣ Кіевскому Пустынскому монастырю „человѣка Малѣя и зъ его потужинки“ видно, что не только р. Мытва, но и Славечна числились въ Мозырекомъ повѣтѣ ²⁾.

Первое упоминаніе о Смолиговичахъ относится къ 1435 году, когда Свигригайло пожаловалъ боярину луцкому Ерипу Терешковичу „оу Мозыри села Смолиговичи данники и зъ данью и со всеми доходы и приходы“. Какая участь постигла Ерипа Терешковича, мы не знаемъ, но по люстраціи 1552 г. Смолиговичи числятся уже за Кмитами, какъ выслуга „отъ 20 лѣтъ“. Впрочемъ, этому какъ будто противорѣчить копія листа Сигизмунда Августа, которую въ 1622 году показывалъ сеймовымъ комиссарамъ уполномоченный п. Сопѣги. Эта копія содержала въ себѣ королевскій приказъ Кіевскому воеводѣ Григорію Ходкевичу, aby p. Semionu Kmityczu podał na wieczność siedm służeb ludzi w powiecie Kijow: siolo Smolihowicze—dwie służbie, siolo Antonowicze—dwie służbie etc. Дата приказа—23. III. 1555 г. ³⁾.

С. Гришковичи, на томъ же лѣвомъ берегу Мытвы. Въ половинѣ XVI в. въ Г-ахъ числилось 10 человекъ населенія, которые проживали въ мѣстѣ на тяглыхъ мѣщанскихъ дворищахъ.

С. Вербовичи, на правомъ берегу Мытвы. По грамотѣ кн. Василія Владиміровича, изъ Вербовичъ имѣла идти дань въ количествѣ 1 ведра меду на ц. св. „Великого Василія Мурованого въ мѣстѣ Овручу“ ⁴⁾. Въ 1622 г. Слуга п. Харлинскаго, владѣтели В., показывалъ сеймовымъ комиссарамъ листъ кор. Сигизмунда I, адресованный на имя Кіев.

¹⁾ Археограф. Сбор. VII, № 3, съ датой: 9 I 1450 года, инд. 13. Но такъ какъ въ это время Свигригайло имѣлъ владѣнія только на Волыни, то мы считаемъ возможнымъ датировать эту грамоту 1435 г. (сохраняя тотъ же индигетъ).

²⁾ А. Ю. Р. II, № 102.

³⁾ Зг. XX, 95.

⁴⁾ Грамоты Антоновича, № 37.

воеводы Юрія Александровича, aby dwóch człowików w Wierbkowiczach w wojew. Kijew. podał Kostюшкѣ Мишкевичу, со pierwej zdrajca niejaki Michajło Nahin trzymal (дата I. 7. 1510 г.); показывалъ и другой листъ—отъ п. воеводы Кіевского (Ю. А.) do atamana i mužow wierbkowskich, aby byli posłuchni rani swemu (1510 г. II. 25); привилеемъ кор. Сигизмунда I Вербовичи подтверждены п. Сеньку Костюшковичу (1521 г. III. 2). Слуга Харлинскаго осылаелъ еще и на др. документы, изъ которыхъ слѣдовало, что Вербовичи тянули къ Кіеву, напр., на квитанціи побороныя. Но обыватели Мозырекаго повѣта показывали немало протестацій, реліцій и декретовъ, ukazując należność tej majętności Werbkwicz do ptu Mozyrskiego. Сеймовые комиссары согласились съ доводами послѣднихъ, хотя окончательное рѣшеніе вопроса о принадлежности В. къ тому или др. повѣту отложили до ближайшаго сейма ¹⁾.

С. Карповичи, въ сторонѣ Припяти. По записи игум. Макарія на одномъ старожитномъ Евангеліи, въ 20 г. XVI в. „на Припяти люди церковные Карповичи давали дани 9 вед. меду“ на ц. Михаила Златоверхаго въ Кіевѣ ²⁾.

С. Вересковичи въ люстр. Чернобыльскаго замка показано волости Овруцкой, недѣли Чернобыльской, но мы будемъ придерживаться грамоты Сигизмунда Старого, по которой р. Славечна числится въ Мозыр. пов. ³⁾. То же должно сказать и о *Бѣломъ Берегу* бояръ Суриновыхъ (3 службы людей—Овруч.) и *Антоновичахъ*—Кр. Кмитича ⁴⁾.

С. Демидовичи (на Славешной)—данина Сигизмунда I Кіев. монастырю Николи Пустынскаго, — 7 человекъ населеніе. Села: *Вишенки* и *Опугы* — въ сторонѣ р. Наровли (1560 г.).—С. *Мелешковичи* (надъ Лозной, лѣвымъ прит. Чертея)—29 человекъ населенія.—С. *Михалки*—на большой дорогѣ изъ Овручъ въ Мозырь (1560 г.).—С. *Боково*—по сосѣдству (1560)—С. *Борисковичи* (по дорогѣ въ Скригаловъ)—13

¹⁾ Зг. XX, 95—6.

²⁾ А. З. Р. II, № 140.

³⁾ А. Ю. Р. II, № 102.

⁴⁾ По Овруцкой люстр. въ Антоновичахъ было 2 службы людей; по записи игум. Макарія А-чи „даютъ двѣ ведра меду“ Златоверхо-Михайловскому монастырю.

человѣкъ.—*Козелька*—въ 1560 г. урочище, принадлежавшее мозыр. мѣщанину Ивану Замыкъ, а въ 1571 г. уже село Козиричи, на жителей котораго жалуется Киев. митрополитъ мозыр. земскому судѣ Фуру, прося побудить ихъ ко взносу Пустынскому монастырю медовой дани съ земли Хохлинской (за три года) ¹⁾.

Недѣля Скригаловская:

С. Скригаловъ (на правомъ берегу Припяти)—пристань; извѣстно въ исторіи по судьбѣ митр. Макарія, убитаго здѣсь въ 1497 г. Перескопскими Татарами. Въ полов. XVI в. въ Скригаловѣ было 32 человѣка населенія.—*С. Шестовичи*, на устьѣ р. Сколодзи въ Припять; въ 1512 г. пожаловано К. Ив. Острожскому ²⁾. По люстр. 1552 г. въ Шестовичахъ было 7 человѣкъ населенія.—*С. Воложесичи*—пристань на Припяти; пожаловано тогда же и тому же князю; по люстр. 1552 г. имѣло 30 человѣкъ населенія.—*С. Заховичи*, или Жаховичи, на правомъ берегу Припяти; въ 1506 г., по челобитію господарскаго дворянина Счастнаго Полоза, пожаловано ему кор. Александромъ „з людьми и з данми грошовыми и медовыми и з бобры, не кунницами и со всеми поплата и езы, со всеми с тымъ, што к тому селу адавна слушало“ ³⁾.—*С. Михловичи*, кажется, прежде находилось при устьѣ Вчича, но теперь въ нѣсколькихъ верстахъ отъ него.—выслуга п. Ратомскаго отъ 1542 г., но въ 1552 г. принадлежало уже Татарамъ Кодышевичамъ, съ населеніемъ въ 5 человѣкъ.—*С. Оточилово*, теперь исчезнувшее, около 1510 г. было пожаловано кор. Сигизмундомъ кievскому Армянину Ленку Демяновичу въ вознагражденіе за убытки, которые онъ понесъ въ бытность свою у Менгли-Гирея. Въ то время все населеніе Оточилоничъ состояло только изъ двухъ человѣкъ, „а дани, де, с того села бывало 3 копы грошей, а 3 бобры, а пол-колоды меду“ ⁴⁾. Постепенно увеличиваясь велѣдствіемъ „присаживаніа“ и естественнаго размноженія, населе-

¹⁾ П. Троицкій Кіево-Выдубицкій, Свято-Михайловскій монастырь, с. 167.

²⁾ Arch. Lub.—Sang. III, № 123.

³⁾ Акты Д.—З. № 93—Акты Леопольвича I, № 719.

⁴⁾ Сбор. Малиновскаго с. 307.

ніе О. къ половинѣ XVI в. достигло 15 человѣкъ.—*С. Костюковичи*, на Припяти, съ правой стороны; въ моментъ люстраціи 1552 г. имѣло 4 человѣка населенія.—*С. Сьдѣльничковичи*—пристань на Припяти.—*С. Напрудѣ*, м. б. т. Прудокъ, на правомъ притоку Припяти; съ 1522 г. принадлежало Армянамъ Ленковичамъ, имѣя въ полов. XVI в. 5 человѣкъ населенія.—*С. Куровичи*, по всей вѣроятности, т. Куритичи.

Недѣля Загальская:

С. Загалѣ на лѣвомъ берегу р. Выти, по дорогѣ изъ м. Юревичъ въ Хойники,—14 человѣкъ населенія (1552 г.).—*С. Клевы*—сѣверо-восточнѣе (1560).—*С. Тулиговичи*, при соединеніи рр. Выти, Судановки и Ставу — до Припяти. До 1506 г. Т. тянули къ замку, но въ этомъ году кн. В. Муича выпросилъ ихъ для своего пожизненія, причемъ увязать ново пожалованнаго было поручено Киев. воеводѣ Ив. Л. Глинскому ¹⁾. Послѣ возстанія [М. Глинскаго, Муича эмигрировалъ въ Москву, а с. Тулиговичи было пожаловано господарю Васю Петровичу, съ освобожденіемъ его населенія отъ всѣхъ податей и повинностей. Въ 1510 это пожалованіе было подтверждено ²⁾; но спустя два года, мы находимъ уже Тулиговичи во владѣніи Заройскихъ, въ качествѣ выслуги, а Заройскіе продали его Колонтаямъ, за которыми Т. и числятся по люстраціи 1552 г., имѣя 15 человѣкъ населенія.

С. Бобичи (т. м. Барбаровъ) на устьѣ Солокучи въ Припять; отдано Сигизмундомъ Старымъ въ 1509 г. дворянину А. Б. Гостьскому ³⁾, но затѣмъ снова возвратилось къ господарю и въ 1532 г. было пожаловано за службу кн. Збаражскимъ, за которыми и числятся по люстраціи 1552 г., съ населеніемъ въ 30 человѣкъ.—*С. Юревичи* (т. мѣст.) на маломъ трактѣ изъ Хойникъ въ Домановичи; утверждено въ 1510 г. за земьями волынскими Сербиновыми ⁴⁾, но въ моментъ люстраціи 1552 г. принадлежало уже Костюковичамъ, съ населеніемъ въ 23 человѣка.—*С. Стрѣльское* (т. деревня)

¹⁾ Акты Д.—З. № 95—Акты Леопольвича II, № 747.

²⁾ Кн. II Суд. дѣль, № 85.

³⁾ Любавскій Област. дѣленіе, с. 238; Boniecki Poczet rodów, str. 92.

⁴⁾ Любавскій оп. с. 238.

на Припяти, по обоимъ берегамъ ея; выслуга Балакировъ отъ 1512 г. — *Сс. Олекси и Оводовичи*, въ составѣ 19^{1/2} службъ, съ людьми, тамъ обѣвшими, и съ данью грошовой и медовой etc. пожалованы леннымъ правомъ въ 1568 г. землянамъ Богдановичамъ-Крушевичамъ въ обмѣнъ на ихъ имѣнія въ окрестностяхъ Чернобыля, наданныя Филону Кмитѣ (взамѣнъ его браславскихъ и винницкихъ имѣній, разоренныхъ Татарами) ¹⁾.

Недѣля Айтючирская:

С. Айтючи, по дорогѣ изъ Чернобыля въ Озаричи, — 23 человекъ населенія. — *С. Запале* — по соседству (1560) — *С. Ширейковичи* (т. Шаренки); по раздѣлу между сыновьями Бориса Лозы, (въ 1507 г.) досталось Яцку ²⁾, въ моментъ люстраціи 1552 г. числилось за Василіемъ Лозой, съ населеніемъ въ 7 человекъ. — *С. Крыниччи* землянина Мелничкова, — 2 человекъ. — *С. Гулевичи* (на притокѣ Неночи), с. *Калемикоичи* (по дорогѣ изъ Мозыря въ Бобруйскъ) и с. *Путиловичи* (т. итъ) — всё вмѣстѣ въ полов. XVI в. имѣли населенія 17 человекъ. — Селще *Утиловское* — на р. Ситней (1560 г.). — *С. Носовичи* — 25 человекъ. — *С. Заностое* — южиѣ (1560 г.).

Недѣля Домаповичская:

С. Домаповичи — на большой дорогѣ изъ Мозыря въ Бобруйскъ и малой — изъ Юревичъ въ Озаричи, — 32 человекъ. — *С. Сыховичи* (на р. Неночи) — 8 человекъ. — *С. Дудичи* (по дорогѣ изъ Мозыря въ Бобруйскъ) — 7 человекъ. — *С. Горбовичи* (по правую сторону Неночи) — 13 человекъ. — *С. Шыичи* (ibid. на сѣверѣ) — 15 человекъ. — *С. Вичковичи* — по соседству (1560 г.). — *С. Бобровичи* — 13 человекъ. — *С. Туровичи* — на устьѣ Дрененки въ Обидовку (1560 г.). Села: *Морморичи* и *Курени* (по верхнему теченію Ипы), *Хили* и *Полетневичи* — всё въ совокупности имѣли населенія въ моментъ люстр. 1552 г. 22 человекъ и принадлежали п. Служкѣ по женѣ его, дочери Немирча. — *С. Путичичи* (т. деревня) въ моментъ люстраціи 1552 г. принадлежало Хребтовичамъ, съ населеніемъ въ 30 человекъ.

¹⁾ А. Ю. З. Р. VII, I, № 24.

²⁾ Зг. XXI, 478.

Недѣля Ипская:

С. Якимовичи (по лѣвую сторону р. Ипы) — 25 человекъ. — *С. Тереховъ*, на правомъ берегу Тремли, — Ратомекаго (1560 г.). — *С. Кротова*, сѣвернѣе Якимовичъ, — 9 человекъ ¹⁾. — *С. Капчичи* (противъ устья Орѣховатки) — 25 человекъ. — *С. Новоселки* (на правомъ берегу Ипы, выше устья Орѣховатки) — около 1535 г. пожаловано кн. Владиміру Путивальскому; въ моментъ люстр. 1552 г. числилось за его женой, съ населеніемъ въ 25 человекъ. — *С. Колловичи* (на противоположномъ берегу Ипы) — 28 человекъ. — *С. Куровичи* (т. Куровичи) — на верховьяхъ Ипы (1560 г.). — *С. Озаричи* — конечный пунктъ малаго тракта, идущаго отъ с. Кожушковичъ черезъ м. Юревичи, — 42 человекъ. — *С. Везожъ*, (т. Вязовица, на сѣверъ отъ Носовичъ) — 39 человекъ населенія.

Волость Бичицкая раскинулась въ бассейнѣ нижняго теченія р. Бичи на сѣверъ, приблизительно до впаденія въ нее съ правой стороны р. Орессы, а съ лѣвой — Смоловки. Дѣлилась на недѣли —

Багриновская недѣля:

С. Багриновичи на устьѣ Бичи въ Припять — 12 человекъ. — *С. Копотковичи*, по правую сторону Бичи — 18 человекъ.

Недѣля Рудобѣльская — представлена всею однимъ с. *Рудия Бѣлки* (въ сторонѣ р. Смоловки). Въ 1507 г. воевода Троицкій Николай Радивиль жаловался кор. Сигизмунду „штожь дей даней некоторыхъ къ воеводству Троицкому къ своей живности не маеть“, и просилъ уступить ему дань съ доходомъ писарскимъ въ Рудыхъ Бѣлкахъ, Мозыр. пов., Опчицкой волости, на колько лѣтъ ку поживенью* ²⁾. Просимое „на колько лѣтъ“ ему было дано, но съ теченіемъ времени кольколѣтнее держаніе обратилось въ постоянное. По люстраціи 1552 г. Рудия Бѣлки числятся за тѣмъ же М. Радивиломъ, съ населеніемъ въ 99 человекъ.

¹⁾ Въ запискѣ земельныхъ дачъ кор. Казимира читаемъ: „п. Михайлу Кезгайловичу с. Кротова, а 12 человекъ“ (Док. Ю. I, с. 45, § 17); м. б. это самое?

²⁾ Любавскій Прилож. къ Област. дѣленію, № 16.

Недѣля Коптевицкая:

С. Коптевичи—на маломъ трактѣ изъ Копатковичъ въ Глушскѣ. Въ 1516 г. с. Коптевичи было пожаловано кор. Сигизмундомъ Матвеемъ Заморенку, съ освобожденіемъ его жителей отъ подводъ и стацій¹⁾. Спусти 5 лѣтъ, Заморенку объѣзжая Коптевичи на с. Мохово (Гаштольда) подѣль Любчемъ. Въ полов. XVI в. въ К. было населенія 40 дымовъ.—*С. Челище* (т. Челищевичи) — по тому же тракту, южнѣе, — 20 человѣкъ населенія. Челище первоначально принадлежало Балакирамъ, затѣмъ обмѣнено на Гаштольдово с. Вельчу подѣль Любчемъ.—*С. Коптевичи* далеки отъ Лучиць 9 миль²⁾; слѣдъ это не тѣ Коптевичи, что на р. Ведричи, тѣмъ болѣе — не тѣ, что на р. Бобрискѣ, какъ ошибочно полагаетъ Любавскій³⁾, а скорѣе всего — тѣ, что по лѣвую сторону р. Мороча — крайній пунктъ мозыр. колонизаціи. Отъ 1512 г. Коптевичи далеки заложены за К. Острожскаго „для кривдъ отъ старостъ Мозырскихъ“⁴⁾. Населенія — „дымовъ 20 и болше“ (1552 г.).

Недѣля Лучицкая:

С. Лучицы (по правую сторону р. Вчица) и с. *Фойная* (по лѣвую сторону той же рѣки, недалеко отъ устья въ нее Смоловки) — оба вмѣстѣ въ половинѣ XVI в. имѣли населенія 54 человѣка.

Недѣля Скочишинская выдвинулась далеко на западъ, въ сосѣдство непроходимыхъ болотъ. Любавскій почему-то на своей картѣ отнесъ населенные пункты этой недѣли, вмѣстѣ съ Княжъ—озеромъ, къ Пинску: не вѣрно⁴⁾.

С. Скочишино — не названо въ люстраціи Мозыр., но по Овруц. въ С. 1 служба людей принадлежала Кр. Кмитичу⁵⁾. —*С. Хвостовичи* — на лѣвомъ берегу Орессы. *С. Комаровичи* — на противоположномъ берегу. Села: *Пилиповичи*, *Новоселки*, *Ванюжичи* — слѣдуютъ одно за другимъ, въ нисходящемъ

¹⁾ Любавскій *op. c.* 496.

²⁾ *Ibid c.* 238.

³⁾ *Arch. Lub. Sang.* III, № 123, *op. люстр.* 1552 г.

⁴⁾ Областное дѣленіе *etc.*

⁵⁾ А. Ю. З. Р. IV, I, *c.* 49.

порядкѣ; с. *Бобрискъ*, нѣсколько на ю.-з. отъ послѣдняго изъ нихъ, и с. *Грабово* — еще юго-западнѣе (на маломъ трактѣ изъ Петрикова въ Слудкѣ) — всѣ въ совокупности въ моментъ люстраціи 1552 г. имѣли 71 человѣкъ населенія.

Недѣля Сѣкирицкая, по лѣвую сторону Вчица, представлена всего однимъ селомъ *Сѣкиричи*, съ населеніемъ въ 38 человѣкъ.

Недѣля Волосовская:

С. Волосовичи, на с.-в. отъ Сѣкиричь, — 94 человѣка. Села: *Нестановичи*, *Мушцы*, *Грабье* и *Нивна* — по сосѣдству (1560 г.) — *С. Перетрутовичи*, на востокъ отъ Сѣкиричь. При кор. Казимирѣ, но не извѣстно точнѣе — когда, было дано п. Довжгирду въ Мозырской волости 4 человѣка Перетрутовичи, о чемъ сохранилась отмѣтка въ Книгѣ земельныхъ раздачъ¹⁾. По имени этихъ первыхъ насельниковъ впоследствии было прозвано и цѣлое село. Послѣ Гаштольда Перетрутовичи были привернуты къ Глушску. Сосѣднее село *Ковжъ* имѣло ту же участь (К. на верховьяхъ Тремни).

Недѣля Ворсицкая особливая:

С. Ворсицы („дымовъ 70 и болше“) — не извѣстно гдѣ. *С. Литвиновичи* (выше Озаричъ) — въ моментъ люстр. 1552 г. принадлежало хорунжему Ошменскому и Островицкому (Товлуевичу?), съ населеніемъ въ 40 дымовъ. *С. Михновичи* (10 дымовъ) — не извѣстно гдѣ.

Въ такомъ видѣ представляется намъ колонизація Мозырскаго повѣта по люстраціи 1552 г. и ея дополненію — люстр. 1560 г.²⁾ (другіе документы прибавляютъ очень мало). Результаты ея можно выразить въ слѣд. цифрахъ: около 90 населенныхъ мѣстъ, или 1254 хозяйства, т. е. полагая на хозяйство по 7 человѣкъ, получимъ около 8,780 человѣкъ сельскаго населенія. Однако, нужно замѣтить, что наши люстраціи — далеко не полный источникъ по данному вопросу. Такъ, напр., въ ряду недѣль по люстр. 1552 г. не

¹⁾ *Докум. Ю. I c.* 31, § 7.

²⁾ Данная, занимаемая изъ этой послѣдней люстраціи, мы всегда сопровождаемъ отмѣткой въ скобкахъ: 1560 г.; всѣ же остальные (безъ цитаты) относятся къ люстр. 1552 г.

показано население *Алтубинской*, упомянутой люстраторомъ совершенно случайно; въ *Сковитинской* недѣлѣ не показано с. *Сковитино*, съ его данными и населениемъ и т. п. Что же касается люстраціи 1560 г., то уже ее издатели обратили вниманіе на то, что она „несомнѣнно отличается неполнотою“ и при томъ сохранилась „въ не вполне исправномъ спискѣ“¹⁾. Имѣя въ виду все это, нужно полагать, что въ дѣйствительности население Мозырскаго пов. было гораздо многочисленнѣе, чѣмъ то показываетъ нашъ итогъ.

Бросая общій взглядъ на колонизацію Мозырскаго повѣта, нельзя не замѣтить ее отличительнаго характера, по сравненію съ колонизаціей другихъ повѣтовъ Киевской земли. Это — значительная населенность селъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ переходящая за 50 дворовъ и достигающая иногда цифры 99, чего рѣшительно не видимъ въ другихъ повѣтахъ Киевщины. Объясняется же это, съ одной стороны, топографіей края, дающей возможность населенію размѣщаться только на возвышенностяхъ, разбросанныхъ удаленными другъ отъ друга островами, а съ другой — сравнительной безопасностью отъ кочевниковъ, которые мѣшали на югѣ населенію существовать скученными массами, — не говоря, конечно, о другихъ особенностяхъ жизни на югѣ и на сѣверѣ.

Въ 1506 г. господарскій дворянинъ Данило Дѣдковичъ былъ челомъ кор. Александру, „штожь онъ, будучи на нашей службѣ в орде Перекопской, тратячи ся и впомянки даючи, всего того выдал 200 коп. и 30 коп. гр.“, и просилъ „абыхмо ему дали в тыхъ пенезехъ волостку Брагинскую держати, и дань грошовую и медовую и куничную и иные вси наши доходы с нее брати до тыхъ часовъ, поки онъ бы себе тую 200 и 30 коп. гр. заплатилъ“²⁾. Брагинская волостка, о которой здѣсь идетъ рѣчь, занимала верхнее и среднее теченіе р. Брагинки, лѣваго притока Припяти. Съ востока ее отдѣляла полоса, принадлежавшая къ Любецкому повѣту (Лоевская волость), съ запада она граничила съ Загальской недѣлей Мозырской волости, по линіи: *Кожушковцы, Новоселки, Храповъ, Дворище, Хойники, Великій Боръ* и р. *Шы-*

¹⁾ А. Ю. З. Р. VIII, V, с. 496.

²⁾ Акты Леонтовича II, № 700—Акт. Д.—З. № 92.

*чова*¹⁾; крайнимъ пунктомъ на сѣверѣ были *Избимъ* (Варсуки уже Могилевской волости). На югѣ брагинская граница проходила приблизительно по линіи *Кожушковцы-Храковичи*, отдѣляясь отъ Черныбыльскаго повѣта рядомъ непроходимыхъ озеръ и болотъ. Въ этихъ своихъ границахъ Брагинская волостка, по вычисленію Яблоновскаго, заключала 40 кв. миль²⁾.

Брагинская волостка занимала возвышенное, глинисто-песчаное плато, въ видѣ большого острова выдвигающееся изъ окружающихъ его низинъ и болотъ, въ особенности на сѣверѣ и на югѣ. Это наиболѣе удобная для оеѣдной жизни территория на всемъ протяженіи р. Брагинки. Въ физическомъ отношеніи Брагинская волостка представляетъ все особенности той самой холмистой возвышенности, характерныя черты которой были указаны нами въ географическомъ обзорѣ Мозырскаго повѣта: повторяться не станемъ.

Наиболѣе раннее упоминаніе о Брагинской волосткѣ относится еще къ предыдущему періоду. Именно, эту волость Киевскій кн. Рюрикъ Ростиславичъ далъ въ удѣлъ своему 10-лѣтнему сыну Ростиславу, обрученному съ 8-лѣтней Суздальской княжкою Верхуславной³⁾. Въ настоящемъ періодѣ наиболѣе раннее упоминаніе о Брагинской волости находимъ въ приходо-расходныхъ записяхъ времени Казимира (1496 г.), гдѣ читаемъ, между прочимъ: „наместникъ Брагинскій (далъ) две копе грошей“⁴⁾. Въ 1506 г. кор. Александръ, принимая во вниманіе убытки, которые сталъ нести Данилу Дѣдку на господарской службѣ, на его, приведенное уже нами челобитье, „тую волостку Брагинъ ему далъ со всеми доходы и присуды“. Королевскій привилей гласитъ: „Нехай онъ тую волостку держити и дан грошовую и медовую и куничную и вси иные доходы, которые с тое волостки намъ даваны, берет до тыхъ часовъ, поки он тую 200 копъ и 30 гр. тыми нашими доходы себе заплатитъ“. Въ случаѣ же его смерти на господарской службѣ, жена и дѣти Дѣдка, по этому привилею, „тую дань вышей писаную

¹⁾ Зг. XX, 96.

²⁾ Зг. XXII, 664.

³⁾ Ипат. лѣт. 443.

⁴⁾ Акты Д.—З. № 33, с. 64.

и все наши доходы Брагинские имеют брати дотолѣ, пока себе 200 коп. и 30 коп. гр. выберуть¹⁾. Въ дѣйствительности случилось, однако, нѣсколько иначе. Преемникъ Александра, Сигизмундъ I, въ 1507 г. взялъ Брагинскую волость на себя, а взаменъ нея далъ Д. Дѣдку Черкасскую корчму на 2 года²⁾. Вскорѣ мы видимъ Брагинскую волостку въ доживотномъ держаніи кн. М. В. Збаражскаго, которое въ 1512 г. переходитъ въ вѣчное и потомственное „зѣ мѣстомъ и съ корчмами, и зѣ мытомъ, и зѣ городищомъ, и со всеми селы, и зѣ людьми, кромѣ тыхъ селъ, што первѣй того кому въ той волости будемъ дали“³⁾. Въ 1559 г. кн. Збаражскіе переуступили Брагинскую волостку Вишневецкимъ, каковая сдѣлка и была санкціонирована королевскимъ привилеемъ⁴⁾.

Въ числѣ „тыхъ селъ, што первѣй того кому у той волости будемъ дали“, можно указать два: *Хойники* и *Остроглядовичи*—внслугу Полозовъ. По смерти Семена Полоза, оба эти села, вмѣстѣ съ другими, Кіевскій воевода Андрей Немиричъ привернулъ было къ Кіевскому замку, но по наказу короля, въ 1532 г. долженъ былъ возвратитъ единственной дочери небожчика—Фенѣ, состоявшей замужемъ за кн. Дмитріемъ Виденицкимъ; отъ Виденицкихъ, черезъ дочь—Феню, Хойники и Остроглядовичи перешли затѣмъ въ домъ Харлензкихъ⁵⁾.

Подводя итогъ всему сказанному нами о колонизаціи Мозырскаго повѣта, мы можемъ ограничить его такимъ образомъ. По правую сторону р. Припяти мозырская граница шла по Славечной⁶⁾ и Чертеню—на устье Уборти; затѣмъ, по теченію Припяти слѣдовала на западъ до впаденія въ нее верхней Случи; по Случи поднималась до впаденія въ

1) А. Ю. Р. II, № 123.

2) Любавскій Областное дѣленіе, с. 239.

3) Wolff Kniasiwie, 556.

4) Wolff 206; Boniecki 252; Slowayk III, 163.

5) Листраторъ 1570 г. говоритъ, что между Мозыремъ и Кіевомъ в срѣдней граници przedtemъ bywali (Зр. XX, 11); онѣ сходились на Славечной, заходя одна за другую, такъ что даже сами современники не могли разобратъся, гдѣ проходила дѣйствительный рубежъ соседнихъ полѣтовъ.

9. Мозырь

9. Случь (Случь)

Мозырь

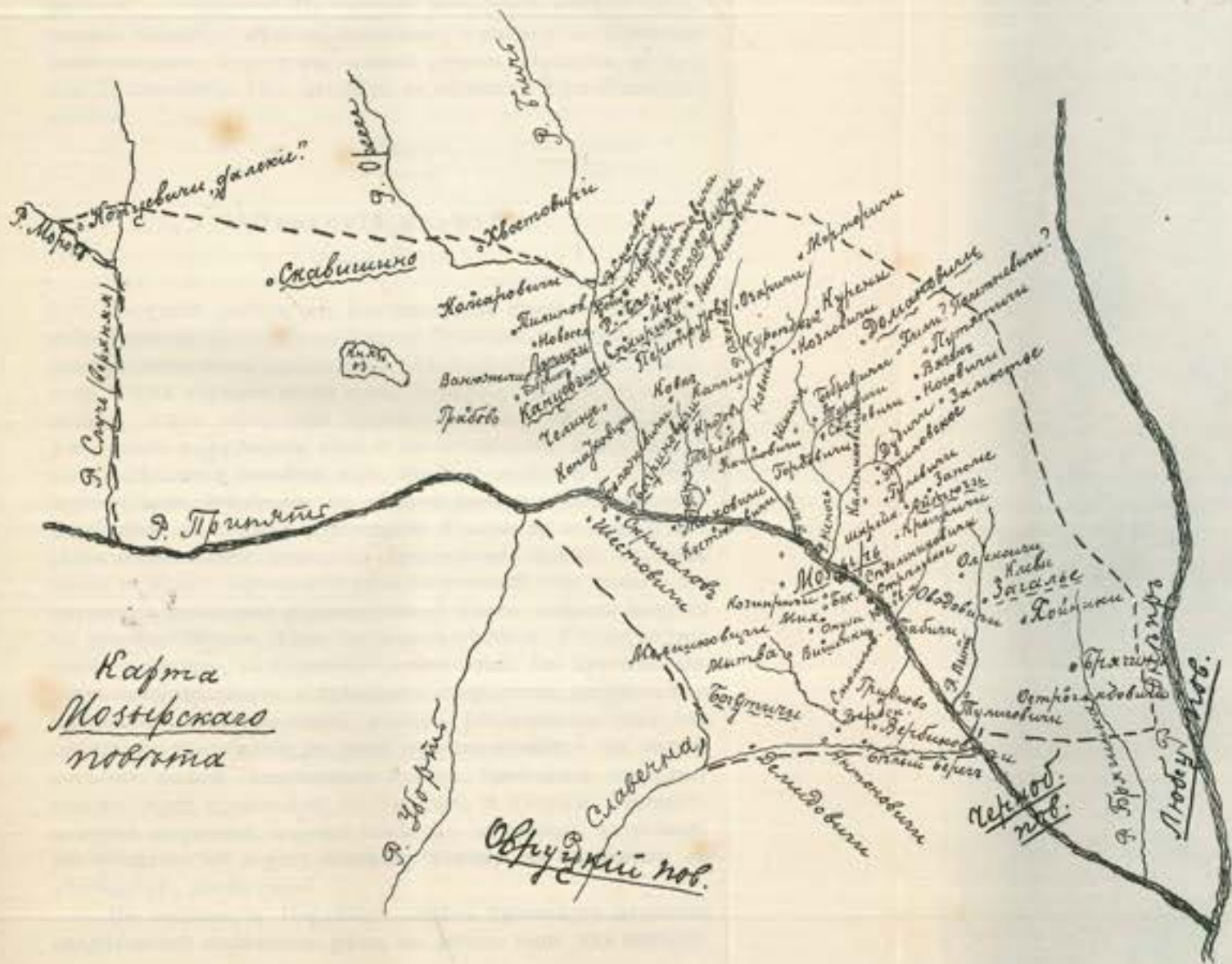
шли доходы Брагинские мают брати дотолѣ, поки со-
оп. и 30 коп. гр. выберуть". Въ дѣйствительности
сь, однако, иѣсколько иначе. Преемникъ Александра,
идѣ I, въ 1507 г. взялъ Брагинскую волость на се-
амѣнѣ нея далѣ Д. Дѣдку Черкасскую корчму на
Вскорѣ мы видимъ Брагинскую волостку въ до-
мѣ держанин кн. М. В. Збараженскаго, которое въ
переходитъ въ вѣчное и потомственное „зѣ мѣстомъ
рчмами, и зѣ мытомъ, и зѣ городищомъ, и со вси-
и зѣ людьми, кромѣ тыхъ селъ, што первѣй того
той волости будемъ дали" 2). Въ 1559 г. кн. Збараже-
еуступили Брагинскую волостку Вишневецкимъ, ка-
дѣлка и была санкціонирована королевскимъ приви-

числѣ „тыхъ селъ, што первѣй того кому у той во-
удемъ дали", можно указать два: Хойники и Острогля-
внелугу Полозовъ. По смерти Семена Полоза, оба
д, вмѣстѣ съ другими, Киевскій воевода Андрей Не-
привернулъ было къ Киевскому замку, но по наказу
въ 1532 г. долженъ былъ возвратитъ единственной
небожчика—Фенѣ, состоявшей замужемъ за кн. Дми-
Виденицкимъ; отъ Виденицкихъ, черезъ дочь—Феню,
и Остроглядовичи перешли затѣмъ въ домъ Хар-
ь 4).

дводи итогъ всему сказанному нами о колонизаци
каго повѣта, мы можемъ ограничить его такимъ об-
По правую сторону р. Припяти мозырская граница
Славечной 5) и Чертеню—на устье Уборти; затѣмъ,
нью Припяти слѣдовала на западъ до впаденія въ
хней Случи; по Случи поднималась до впаденія въ

А. Ю. Р. II, № 123.
Любавскій Областное дѣленіе, с. 239.
Wolff Kniasiowie, 556.
Wolff 206; Boniecki 252; Stownyk III, 163.

Постраторъ 1570 г. говоритъ, что между Мозиремъ и Киевомъ
і границу przedtem bywali (Zr. XX, 11); онѣ сходились на Сла-
заходя одна за другую, такъ что даже сами современники
и разобратъся, гдѣ проходила дѣйствительный рубежъ сосед-
ствонъ.

нее Морочи, даже нѣсколько выше—до Концевичъ далекихъ; отсюда мозырекая граница по горизонтальной линіи переходила на среднее теченіе р. Орессы и слѣдовала ею до самаго устья въ Бичь; крайней границей на с.-в. была параллель р. Смоловки. На востокъ Мозырекій повѣтъ захватывалъ бассейнъ лѣвыхъ притоковъ Припяти, до Брягинки включительно. Впрочемъ, лѣвый берегъ Припяти, на югъ отъ Тулиговичъ, уже входилъ въ составъ Чернобыльскаго повѣта.

Овруцкій повѣтъ.

(Очеркъ II).

Овруцкій повѣтъ въ значительной своей части является продолженіемъ Припятьскаго Полѣсья, съ тѣми же характеристическими признаками. Лѣса на болотистой почвѣ—вотъ общая картина этого края, картина, впрочемъ, съ каждымъ годомъ нѣсколько измѣняющая свой видъ, по мѣрѣ того, какъ вырубается лѣса и на очищенной и осушенной почвѣ дѣлаются запашки подъ посѣвъ—главнымъ образомъ жита и льна. Мѣстность въ общемъ ровная и низменная, съ наклономъ въ сторону р. Припяти. Только по теченію р. Норыни поднимается довольно значительный кражъ, въ древности и теперь довольно густо заселенный,—да такого же характера небольшія возвышенности узкою полосой тянутся по теченію Жерева, Уши, въ иныхъ мѣстахъ—Случи, то глинисто-песчаная, то гранитно—каменистая. Въ другихъ мѣстахъ возвышенности встрѣчаются спорадично, островами, и население, вслѣдствіе этого, живетъ разбросанно, такъ что иногда на протяженіи 20 миль путешественникъ не встрѣтитъ ни одного населеннаго пункта. Сообщеніе затруднительно; пути пролегаютъ по болотамъ и лѣснымъ пущамъ, которыя, впрочемъ, хорошо извѣстны мѣстнымъ жителямъ, но пускаться въ дорогу человѣку новому, не знакомому съ мѣстностью, рискованно.

На территоріи Овруцкаго повѣта протекаетъ довольно значительное количество рѣкъ, но только одна изъ нихъ су-

доходна—Случь, сплавы—Уборть и отчасти Славечна; другія могут служить для сплава только въ извѣстныя времена года. Изъ нихъ достойны упоминанія — Ушь съ Нормною и Жеревань, Стелга.

Богатство края, разумѣется, заключается не въ пахатной землѣ, на возвышенностяхъ, впрочемъ, довольно плодородной (по Случи, напр.), а въ лѣсахъ, немилосердно истребляемыхъ съ давнихъ поръ, но и доселѣ еще значительныхъ. Преобладающія породы — сосна, ель, береза; дубъ встрѣчается сравнительно рѣдко—чаще *quercus robur*, чѣмъ *quercus pendulata*; еще рѣже попадаются ольха, осика, липа: вообще Овруцкій повѣтъ не изобилуетъ чериолѣсьемъ.

Изъ минераловъ въ изобиліи встрѣчается торфъ, покрывающій болота; въ иныхъ мѣстахъ — желѣзная руда, которую эксплуатировали уже Деревляне, какъ то видно изъ раскопокъ въ землѣ Деревни проф. Антоновича¹⁾. Громадныя глыбы сѣраго гранита, особенно въ окрестностяхъ Искорости, камень красноватаго цвѣта въ окрестностяхъ Овруча, залежи горнаго кристалла и желтаго топаза возлѣ Олевска, опалы и гранаты въ зеринетомъ видѣ надъ Убортью и Нормною—все это богатства, которыя только въ будущемъ ожидаютъ своей разработки, но въ разсматриваемый періодъ едва-ли эксплуатировались.

Гораздо большее значеніе имѣетъ для насъ царство животныхъ, доставлявшее въ разсматриваемый періодъ, какъ средства пропитанія, такъ и предметы торговли. Въ настоящее время нима изъ животныхъ породъ, нѣкогда изобиловавшихъ въ Овруцкихъ лѣсахъ, вымерли, другія ушли въ глубь Полѣсья. Вмѣсто оленей, напр., мы теперь встрѣчаемъ на территоріи Овруцкаго повѣта только огромные рога этого красиваго животного; но медвѣдь еще встрѣчается, хотя и въ единичныхъ экземплярахъ. Нѣсколько чаще попадаются рыси, выдры, черныя куницы и бобры, нѣкогда составлявшіе важную статью ловецкаго промысла. Бобровые гоны въ актахъ разсматриваемаго періода стоятъ въ ряду съ обычными хозяйственными угодыми—съ землями паш-

¹⁾ Въ извѣстныхъ размѣрахъ эксплуатировалась и въ данный періодъ: въ лѣстр. упоминается, напр., въ числѣ мѣщанъ Гринь *рудникъ*.

ными и бортными, съ сѣножатями и дубровами.. съ бобровыми гонами¹⁾. Куницы въ то время составляли обычную принадлежность дани: „съ данями грошовыми, медовыми и куничными“ — стереотипная формула жалованныхъ грамотъ. Насколько Овруцкій повѣтъ тогда изобилывалъ этимъ звѣремъ, можно судить хотя бы изъ того, что въ тамошнемъ замкѣ купцы—куничники содержали свою особую городню. Подать, извѣстная подѣ названіемъ куничной, хотя уже переведенная на деньги, перешла и въ послѣдующій періодъ.—Лось, нѣкогда обитавшій и въ Овруцкомъ повѣтѣ, теперь встрѣчается только въ сѣверо-западныхъ частяхъ Волынской губерніи (уѣз. Владимір., Ковельск. и Ровенск.); зато и до сихъ поръ въ овруцкихъ лѣсахъ въ изобиліи водятся дикія свиньи, волки, лисы, зайцы, барсуки, тхоры ежи и нѣсколько породъ домашнихъ животныхъ.

Изъ птичьяго царства въ настоящее время чаще, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, въ Овруцкомъ пов. встрѣчаются: соколы, кроквы (*scagula*), тетерева, глухари, язоньки, дрохвы, черныя ястреба, мышеловы, ичелоѣды, рыбиты, бѣлозоры, цапли и масса другой дичи, обычной въ лѣсныхъ чащахъ. Изъ рыбъ върозубъ составляетъ въ настоящее время важную статью волынской торговли; възны кишать въ рѣкахъ и озерахъ; короны, щуки, караси, лини, плотва etc.—обычное явленіе.

Въ силу чисто физическихъ свойствъ и особенностей края, о которыхъ только что была у насъ рѣчь, исполнѣ естественнымъ является то, что овруцкіе поселяне предпочитали занятіе промыслами сельскому хозяйству. Это прежде всего и преимущественно *данники*, т. е. люди, платящіе подать главнымъ образомъ медомъ, бобрами и куницами—отъ своего обычнаго промысла. Однако ошибочно было бы предполагать, что земледѣліе въ Овруцкомъ повѣтѣ находилось въ пренебреженіи: оно велось здѣсь въ гораздо большихъ размѣрахъ, чѣмъ во всѣхъ другихъ повѣтахъ Кіевской земли, по условіямъ почвы даже самыхъ благопріятныхъ для такого занятія. Объясняется же это, повидимому, странное яв-

¹⁾ Лѣстр. 1552 г. отмѣчаетъ бобровые гоны—въ Сидоровичахъ, Булгаковскомъ, Нешконцахъ, Жеревѣ и на Нормни (с. 46—7).

леніе сравнительной удаленностью Овруцкаго повѣта отъ степныхъ кочевниковъ, которая (удаленность) давала мѣстному населенію хотя нѣкоторую гарантію въ томъ, что, затратившись на посѣвъ, оно можетъ собрать свою жатву. Въ Овруцкой люстраціи мы встрѣчаемъ около 10 указаній на существованіе у мѣстныхъ землевладѣльцевъ дворцовъ, т. е. хозяйствъ, поставленныхъ болѣе или менѣе на широкую ногу. Они обыкновенно обходились собственнымъ инвентаремъ ¹⁾, но иногда приходилось обращаться и къ найму ²⁾.

Благодаря тому, что въ силу указанныхъ обстоятельствъ земледѣліе оказывалось выгоднымъ занятіемъ, мы встрѣчаемъ въ Овруцкомъ пов. работныхъ крестьянъ, которыхъ мы не нашли въ Мозырскомъ и не будемъ встрѣчать во многихъ другихъ повѣтахъ Киевской земли. О существованіи здѣсь такого разряда крестьянъ мы узнаемъ, между прочимъ, изъ двухъ документовъ, касающихся Звигольскаго намѣстника Яцка Межа. Въ 1496 г. этотъ самый Межь билъ челомъ господарю о человѣка въ Овруцкомъ пов., на имя Лазорка Мошковица, съ его сынами и братаничами, и повѣдалъ— „штожъ дей с нихъ одна служба, а дани они даютъ 20 ведеръ меду, а померного два гроши, а подымьщина, а служба дей ихъ тое 3 дни сена косятъ, а 3 дни жита жнуть и иные службы служатъ“ ³⁾. Обратимъ вниманіе на издѣльную повинность, съ которой мы здѣсь впервые встрѣчаемся. Для Киевской земли она представляетъ довольно высокое обложеніе—6 рабочихъ дней въ году, при другихъ службахъ и даянхъ. Еще болѣе высокое обложеніе встрѣчаемъ въ другомъ документѣ, близкомъ къ настоящему по времени. Въ 1501 г. тотъ же бояринъ киевскій Яцко Межь просилъ у

¹⁾ Напр., въ имѣніи кн. Сенскаго, на имя *Безовичи*, люстрація отмѣчаетъ „дворецъ и пашню надъ Вручаемъ“; то же и въ *Гумичахъ*. Въ имѣніи М. Вороневскаго — *Горлоуцкии* по той же люстраціи „дворное пашни всео деветидесять ведеръ вруцкихъ“; у Онофрея Ивановича „дворецъ въ *Вручичахъ*“; у В. Панковича „дворецъ въ *Нешковичахъ*“; то же и у Орена Костюшковны „у *Мешковичахъ*“ и др.

²⁾ Напр., тотъ же Онофрей Ивановичъ, который имѣлъ дворецъ во Вручичахъ, закупалъ еще пашню „на двѣ сохи земли“ и пахалъ ее „наймомъ“. Точно также поступали В. Панковичъ и Орена Костюшковна.

³⁾ Акты Д.—З. № 42—Ак. Леонтовича I, № 267—Грам. Антоновича № 10.

господаря людей въ Овруцкомъ пов. „на имя Лавривона а Яцка Давидковичовъ съ ихъ братією и братаничами“, и повѣдалъ, „штожъ тыи люди служатъ намъ одною службою, а даютъ намъ дани 30 и 6 вед. меду и къ замку нашому по 3 дни орати и жати, и жита возити, и сѣна косити, и молотити ходять, и ледъ колютъ, и огородъ городять и инныя службы къ замку нашому служатъ“ ¹⁾.

Овруцкое мѣщанство по своимъ занятіямъ въ общемъ мало выдѣлялось изъ массъ сельскаго населенія. Люстрація, напр., отмѣчаетъ цѣлый рядъ куничниковъ, которые сидятъ на владѣльческихъ земляхъ, „на чией земли—куничи паномъ по 12 гр. даютъ“, состоя въ то же время подъ замковымъ присудомъ. Даже повинности мѣщане отбываютъ такимъ образомъ, какъ то больше всего приличествуетъ крестьянскому населенію. „Винность мейская—читаемъ въ люстраціи—пашню пахати: мещане и волочане, которые слывуть службы поленицкое, орутъ на лете день одень, а жати тежъ день, а косити полтрета дня, и посушити, и попрятати сено (были) винны“ ²⁾. Нужно, однако, замѣтить, что уже въ полов. XVI в. проявляется у мѣщанъ тенденція къ обособленію отъ сельскаго населенія на почвѣ обычныхъ занятій. Отрицательнымъ образомъ эта тенденція сказывается въ томъ, что „отъ 12 лѣтъ“ овруцкіе мѣщане перестали исполнять выше указанные повинности; положительнымъ образомъ—въ развитіи ремесленнаго производства. Уже люстрація 1552 г. ³⁾ отмѣчаетъ въ числѣ овруцкихъ мѣщанъ 2 сѣдельниковъ, 2 золотарей, 2 чоботарей, 1 плотника, 1 метлю, 1 слесаря, 1 рѣзника и 1 рудника—итого 11 ремесленниковъ. Спустя 25 лѣтъ, эти цифры значительно измѣняются въ сторону увеличенія ремесленнаго населенія города. Въ люстр. 1571 г. находимъ по этому вопросу такія данныя: 14 шевцовъ, 6 кравцовъ и кушнеровъ, 4 лучника, 2 ковала, 1 збройникъ, 1 здунъ, 1 тесля, 1 табельникъ—10 человѣкъ неизвѣстнаго ремесла—

¹⁾ Акты Леонтовича II, № 594.

²⁾ с. 39.

³⁾ Издатели ошибочно помѣтили ее 1545 годомъ: въ этомъ году Овруцкимъ старостою былъ Кр. Кмитичъ, между тѣмъ какъ люстрація составлена при Іосифѣ Халецкомъ (1551—3).

итого 40 ремесленников¹⁾. Въ итогѣ т. о. получается значительный ростъ городского ремесленного населенія, выражающійся отношеніемъ 1: 4 (при удвоеніи населенія).

Для полноты картины любопытно сравнить отношеніе выше приведенныхъ цифръ къ цифрѣ промышленно—ролейнаго населенія (мѣщанскаго же). Люстрація 1552 г. даетъ не совсѣмъ точныя данныя. Подъ одной рубрикой, напр., она помѣщаетъ мѣщанъ, „которые жадного повиноватства з слугами орьдинскими, из мещанамъ поленицкими не держать, а иише и на земляхъ князскихъ, панскихъ, и землянскихъ, боярскихъ, поповскихъ и мѣщанскихъ сядятъ“. „Иише“ сидятъ на частновладѣльческихъ земляхъ, а „иише“, разумѣется, состоятъ въ к-л. другомъ положеніи. Въ числѣ этихъ послѣднихъ указаны ремесленники: золотари, чоботари и проч. Исчерпывалось ли число не сидѣвшихъ на владѣльческихъ земляхъ указанными въ этой рубрикѣ ремесленниками, мы навѣрное не знаемъ, но весьма возможно, что — исчерпывалось. Въ такомъ случаѣ мы будемъ имѣть для промышленно—ролейнаго населенія (исключ. мѣщанскаго) г. Овруча въ 1552 г. цифру—57 домовъ (68—11). Такимъ образомъ, промышленно—ролейное населеніе превышаетъ ремесленное въ 5 разъ. По люстр. 1571 г. мы имѣемъ на 40 ремесленниковъ (домовъ) 53 дома промышленно—ролейнаго населенія¹⁾, т. е. промышленниковъ и ролейниковъ больше всего на 1/4. Это сравненіе показываетъ, что количество ремесленниковъ г. Овруча за 20 лѣтъ возросло: абсолютно въ 4 раза и относительно—въ 2.

Чтобы покончить съ людьми разныхъ наименованій и присудовъ, скажемъ еще нѣсколько словъ объ ихъ взаимоотношеніяхъ. — Обративъ вниманіе именно въ эту сторону, мы увидимъ, что въ полов. XVI в. уже въ значительной степени опредѣлилась дифференціація между частновладѣльческимъ населеніемъ и господарскими. Напр., частновладѣльческое населеніе не несло замковой (и полевой?) службы, даже то, которое пребывало въ самомъ мѣстѣ. „У замку

1) Зг. XX, 26, 29.

2) Въ томъ числѣ 24 куничниковъ господар., 15—владѣльческихъ, 8 огородничьихъ и 6—гультайскихъ.

сторожа—читаемъ въ люстраціи—день у воротъ замковыхъ стерегутъ по человѣку, по тыжню, и з селъ изъ мѣста подданные господарские и *нѣкоторые и землянские*¹⁾. Частновладѣльческое населеніе, даже, освобождалось отъ подниманія подводами и стаями пословъ и гонцовъ, что обязаны были дѣлать волощане господарскіе; даже мѣщане, состоявшіе подъ присудомъ замка, но сидѣвшіе на владѣльческихъ земляхъ, не считали себя обязанными нести замковыя повинности: „а повинности жадное з нихъ на замокъ нѣтъ“. Все эти повинности, такимъ образомъ, ложились непосильнымъ бременемъ на плечи господарскихъ подданныхъ. Послѣдніе не въ силахъ оказывались ихъ выносить—и разбѣгались въ разныя стороны. Вотъ одинъ изъ частныхъ случаевъ, довольно характерный въ этомъ отношеніи. На р. Норини стоялъ господарскій млынъ, къ которому вела черезъ рѣку гребля. Но эта гребля обслуживала не только одинъ млынъ: по ней совершалось сообщеніе одного берега съ другимъ, необходимое для всего населенія, какъ господарскаго, такъ и владѣльческаго. Казалось бы поэтому, что гатить греблю должны были подданные, какъ господарскіе, такъ и частновладѣльческіе, въ своихъ же интересахъ. На дѣлѣ, однако, оказывается далеко не то: „гатить греблю слуги орьдинскіе, и мещане тамошние и волощане подданные господарскіе, а ездятъ греблю вси люди землянскіе, а робити гребли не помагаютъ“. Въ результатѣ этой и многихъ другихъ тяжкостей, пронестекавшихъ изъ одного и того же источника, получалось то, что „подданные господарскіе... ся прочь роскодятъ и, в месте живучи, за господаря ся не закладаютъ“²⁾.

О боярствѣ Овруцкаго повѣта много говорить не приходится—именно потому, что все существенное о немъ было сказано въ свое время проф. Антоновичемъ въ его изслѣдованіи объ Овруцкой околичной шляхтѣ, къ которому мы и отсылаемъ читателя за подробностями³⁾. Здѣсь же мы коснемся этого класса только въ общихъ чертахъ.

Люстрація 1571 г. отмѣчаетъ цѣлыя села, сплошь заселенныя шляхтичами, *którzy swych poddanych nie mieli*,

1) А. Ю. З. Р. IV, I, с. 39.

2) Ibid.

3) См. предисловіе къ IV, I А. Ю. З. Р.

ale sami z dymów swych płacili¹⁾ подати, обрабатывая землю своим собственным трудом. Это в большинстве случаев — потомки тех родов, „которые перед тем были слугами ордынскими, но повѣдают себе вызволенными отъ господарей ихъ милости с тою службою ордынской, и мѣняти себе быти шляхтичами“²⁾. В меньшинствѣ между этими шляхтичами, разумѣется, могли быть — и действительно были — и потомки настоящих бояръ, захудалых вельдетвѣ размноженія — съ одной стороны и недостаточности наслѣдственныхъ грунтовъ — съ другой. В документахъ обыкновенно они называются околичной шляхтой, что подало поводъ покойному Антоновичу къ выдѣленію ихъ въ особый разрядъ боярства, подъ специальнымъ названіемъ „околичной шляхты“. Это, по его словамъ, была шляхта, проживавшая въ родовомъ бытѣ³⁾. Однако имѣть никакой надобности создавать изъ овруцкой провинціальной шляхты какой-то особый разрядъ „околичнаго“ боярства (въ такомъ же бытѣ состояла и любецкая шляхта), хотя, действительно, она отличалась отъ шляхты др. повѣтовъ (кроме только что названнаго) простотой своего быта и сильно тяготѣла къ родовымъ связямъ. И то и другое вызывалось самымъ положеніемъ вещей: матеріальной необезпеченностью и, такъ сказать, захолустностью ихъ мѣстожителства. Отдѣленные мало проходными лѣсами и болотами отъ культурныхъ центровъ, занятые всегда вопросомъ о насущномъ кускѣ хлѣба, который они добывали самоличной земледѣльческой работой, околичныя овруцкіе шляхтичи, естественно, должны были поддерживать въ своей средѣ простоту быта и родовыя отношенія, какъ результатъ вышеуказанныхъ условій ихъ существованія.

Большинство овруцкой околичной шляхты, какъ сказано выше, происходило изъ слугъ. Слуги эти были разса-

1) Жг. XX, 27.

2) А. Ю. З. Р. IV, 1, № 10, с. 41.

3) „Отличительнымъ чертамъ околичной шляхты состоятъ въ настоящемъ, какъ и въ прошедшемъ, въ слѣдующемъ: они раздѣляются на роды, носящіе отдѣльныя фамиліи, причемъ каждый родъ, иногда отъ многочисленнаго, занижаетъ отдѣльное село, носящее названіе общаго съ фамиліею населяющаго его дворянскаго рода“. — с. 1—2.

жены удѣльными кievскими князьями и литовскими господарями на особыхъ грунтахъ, главнымъ образомъ по Заушью, въ цѣляхъ военной защиты края отъ непрестанныхъ набѣговъ кочевниковъ. Но съ теченіемъ времени они сами или ихъ потомки разными правдами и неправдами приобрѣтали себѣ земленскія права, освобождавшія ихъ, „какъ отъ юрисдикціи, такъ тежъ одъ иныхъ повинностей замку Овруцкого“. Это, однако, не мѣшало старостамъ приводить ихъ „подъ свою мощь“ и вообще чинить разные „утиски и кривды“, не совмѣстимые съ шляхетскимъ достоинствомъ. Отсюда безконечныя жалобы и тяжбы, которыми тянутся въ теченіе многихъ лѣтъ на протяженіи всего Литовскаго періода и заходятъ далеко въ глубь слѣдующаго (подробности у Антоновича).

Послѣ этихъ предварительныхъ свѣдѣній о природѣ и социальномъ-экономическомъ состояніи Овруцкаго повѣта, переходимъ къ вопросу о колонизаціи.

Овручь, надъ Нормью и Вручаемъ — главный городъ повѣта; извѣстенъ еще изъ глубокой древности. При Святославѣ Игоревичѣ здѣсь сидѣлъ одинъ изъ его сыновей (Олеги)¹⁾; во второй половинѣ XII в. Кіевскій кн. Рюрикъ Ростиславовичъ имѣлъ въ Овручѣ какія-то „орудія“ (дѣла, интересы)²⁾, но, вообще говоря, въ до-Монгольскій періодъ этотъ городъ не игралъ большой роли. Въ разсматриваемый періодъ первое достовѣрное извѣстіе объ Овручѣ относится къ 1394 г., когда онъ былъ занятъ войсками Витовта, передъ изложеніемъ Владиміра Ольгердовича³⁾. На основаніи Сѣверскаго синодика и одной грамоты, изданной Антоновичемъ подъ № 37, можно полагать, что въ Овручѣ въ періодъ удѣловъ сидѣли ближайшіе родственники кievскихъ князей. Овручь упоминается, далѣе, въ запискѣ Свитригайла нѣмецкому Ордену въ числѣ населенныхъ и торговыхъ городовъ⁴⁾. Одна изъ грамотъ Оленька Владиміровича дана „у-Вовручомъ“⁵⁾. Вообще, можно думать, что въ свое вре-

1) Ипат. с. 49.

2) Ibid. с. 443, 450, 452, 453—4.

3) Собр. лѣт. XVII, 515; Strykowski II, 102.

4) О его датѣ см. ниже.

5) Док. Грушевскаго XI, № 1; А. Ю. З. Р. IV, 1, № 1.

мя Овручъ представлялъ изъ себя одинъ изъ лучшихъ городовъ Киевской земли. Судя по отрывку люстраціи 1519 г., еще тогда въ Овручѣ было „домовъ веѣхъ зъ князичими и панскими 500 дей и много къ тому“¹⁾. Но впоследствии, вѣроятно, по винѣ Татаръ, Овручъ обдѣлѣлъ, и только 8 церквей да 3 монастыря остались нѣмыми свидѣтелями его былого величія.

Въ періодъ воеводскаго управления Овручъ состоялъ въ непосредственномъ заведѣваніи намѣстниковъ, съ 30-хъ годовъ XVI в. начинающихъ именоваться старостами. Премственный рядъ ихъ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

- Волчко Романовичъ—1478 г.²⁾;
 Романъ Ивашковичъ 1486³⁾;
 Горностаѣ Романовичъ 1487—93⁴⁾;
 Григорій Глинскій 1496—1503⁵⁾;
 Семенъ Романовичъ 1506—7⁶⁾;
 Сенько Ѡ. Полозовичъ 1510—17⁷⁾;
 Михайлъ Халецкій 1522—31—1534⁸⁾;
 Криштофъ Кмитичъ 1534⁹⁾;
 Тыхво Гринковичъ Косинскій 1535¹⁰⁾;
 Андрей Немирничъ 1536—9¹¹⁾;
 Кр. Кмитичъ вторично 1539—46¹²⁾;
 Андрей Капуста 1546—50¹³⁾;
 Іосифъ Халецкій 1551—53¹⁴⁾;
 Андрей Капуста вторично 1554—69¹⁵⁾;

¹⁾ А. Ю. З. Р. VII, II, № 5.

²⁾ А. Ю. З. Р. IV, I, № 2.

³⁾ Док. Грушевскаго XI, № 1; А. Ю. З. Р. IV, I, № 1.

⁴⁾ Акты Д.—З. № 21; А. Ю. З. Р. VIII, IV, № 14; ср. spis Bonieckiego (Poczet rodów, прилож.).

⁵⁾ Акты Д.—З. № 42; Strykowski II, 318.

⁶⁾ Акты Леонтовича II, № 737; А. Ю. Р. II, № 88.

⁷⁾ А. Ю. Р. II, № 99; А. Ю. З. Р. VIII, IV, № 26, VII.

⁸⁾ А. Ю. З. Р. IV, I, № 7; ср. spis Bonieckiego.

⁹⁾ Spis Bonieckiego.

¹⁰⁾ А. Ю. З. Р. IV, I, № 8.

¹¹⁾ А. З. Р. II, № 195; ср. spis Bonieckiego.

¹²⁾ А. Ю. З. Р. IV, I, № 8; ibid, VIII, V, с. 389.

¹³⁾ А. Ю. З. Р. VII, III, с. 43; Wolff Kniaziewie, с. 158.

¹⁴⁾ А. Ю. З. Р. IV, I, с. 22, 57—61, 51.

¹⁵⁾ А. Ю. З. Р. VIII, V, с. 237; Wolff Kniaziewie, с. 158.

Послѣ уніи Овручъ сдѣлался мѣстомъ, гдѣ собирались провинціальныя сеймики.

Населеніе г. Овруча около половины XVI в. выражалось въ нижеслѣдующей таблицѣ:

	До-	Го-
	мовъ	ловъ
Мѣщанъ господарскихъ . . .	33	231
Мѣщанъ землянскихъ . . .	35	245
Людей землянскихъ . . .	22	154
Людей церковныхъ . . .	46	222
Слугъ замковыхъ . . .	26	182
Слугъ ордынскихъ . . .	18	126
Землянъ и бояръ . . .	25	175
Поповъ . . .	11	77

Итого 216 1512

Спустя 20 лѣтъ, по люстраціи 1571 года¹⁾, населеніе Овруча представляется уже въ такомъ видѣ:

	До-	Го-
	мовъ	ловъ
Мѣщанъ разныхъ приудовъ . . .	39	273
Ремесленниковъ . . .	40	280
Огородниковъ . . .	17	119
Перекупневъ . . .	9	63
Гультяевъ . . .	8	56
Людей духовенства . . .	4	28
Бояръ и землянъ . . .	26	182

Итого 143 1001

Изъ выше приведенныхъ цифръ слѣдуетъ, что за послѣдніе 25 лѣтъ населеніе Овруча уменьшилось больше, чѣмъ въ полтора раза. Объясняется это отчасти „тяжкостями“, которыя съ приближеніемъ уніи все больше увеличивались, вслѣдствіе освобожденія частновладѣльческаго населенія отъ земныхъ повинностей, а больше всего тѣмъ, что владѣльческіе люди, вслѣдствіе большаго спокойствія отъ Татаръ, разошлись по своимъ селеніямъ.

¹⁾ На дана дважды: Яблоновскимъ въ *Zródła*-хъ, т. XX и Киевской Комиссіей въ А. Ю. З. Р. ч. VII, т. III, № 1.

Относительно этнографического состава городского населения Овруча люстрація 1552 г. сообщает слѣдующія данныя (люди разныхъ присудовъ и наименованій): Литвиновъ—3, людей прихожихъ — 33. Терминъ „прихожий“, конечно, еще не говоритъ о принадлежности того или другого лица къ какой-либо опредѣленной этнографической группѣ: онъ только свидѣтельствуетъ, такъ сказать, о географическомъ распредѣленіи населенія (движеніи его) и то — въ самыхъ общихъ чертахъ. Въ большинствѣ случаевъ имена этихъ прихожихъ—чисто русскія; но есть между ними и извѣстный процентъ инородцевъ, наприм.: Шимко, Мардосъ, Юхашерейко и нѣкоторые другіе ¹⁾. Въ общемъ, однако, процентъ инородцевъ весьма незначителенъ.

Въ разсматриваемый нами періодъ населеніе Овруцкаго повѣта распредѣлилось по волостямъ. Это дѣленіе мы и будемъ примѣнять, ради удобства изложенія, къ обзору колонизаціи.

Волость Овруцкая, тянувшая непосредственно къ Овруцкому замку, съ сѣвера—

села: *Ремезы* и *Шаринъ*, на противоположныхъ берегахъ Чертея (въ Славешну), на границѣ съ Мозырскимъ повѣтомъ. Земля *Ремезовщина* пожалована была на вѣчность землямъ Макаревичамъ еще въ 1503 г.; затѣмъ подтверждена за ними листомъ Сигизмунда I отъ 1518 г. ²⁾ Въ половинѣ XVI в. на этой землѣ уже находилось село, въ которомъ одна служба людей принадлежала Суринамъ, а двѣ службы—Ельцамъ. С. Шаринъ въ половинѣ XVI в. принадлежало Заморенкамъ, но находилось въ заставѣ у Угриновскаго.—С. *Высокое* (на с.-з. отъ первыхъ)—въ третьей части Угриновскихъ ³⁾, а кому принадлежало остальное — мы не знаемъ.—С. *Велавскъ*—въ области р. Славешенки. Отъ 1450 г. мы имѣемъ грамоту Киевскаго князя Олелька Владиміровича (дана „у Воувручомъ“) слугѣ Ларивону Велавскому, освобождающую его отъ платовъ и пошлявъ, съ причисленіемъ

¹⁾ Въ числѣ не-прихожихъ можно указать одного Татарина (Петръ Агаринъ) и одного, поименованнаго, Литвина (Блашко Бонтовичъ).

²⁾ А. Ю. З. Р. IV, I, № 128.

³⁾ А. Ю. З. Р. VIII, IV, № 60.

къ сословію землянъ ¹⁾ Этотъ Ларивонъ, очевидно, получилъ свое прозвище отъ имѣнія Велавскъ, о которомъ идетъ рѣчь. Постепенно дроблясь между родственниками, Велавскъ въ половинѣ XVI в. принадлежалъ уже нѣсколькимъ владѣльцамъ: 2 дѣла — Стецкому, 1—Угриновскому, 11 — Гринковичамъ и 12—Стежневичу.—С. *Котчище* — по соседству. Въ 1538 году ^{1/2} Котчище вмѣстѣ съ другими имѣніями была подтверждена за Матеемъ Угриновскимъ, по случаю пропавши документовъ (сгорѣли въ Луцкѣ) ²⁾. Матеею наследовалъ Прокопъ Угриновскій, который въ 1554 году оставилъ своей женѣ (Оринѣ Болбасовѣ) въ 200 коп. гр. литовской дѣлбы „имене отчинное, никому ни въ чомъ невинное—с. Котчища, часть свою, люди на имя: Павла отамана, Якимъ Манца, Ванца Полуяна; а въ другомъ селѣ своемъ — у Велавску, челоуѣка своею части, на имя Евдокима“, въ повѣтѣ Овруцкомъ ³⁾. О дальнейшей судьбѣ обеихъ селъ мы не имѣемъ свѣдѣній.

С. *Кузмичи* (на устьѣ Славешенки)—Ивана Служки.—С. *Скородное* — на Славешнѣ, при устьѣ Ясеницы. Согласно сознанію Овруцкаго намѣстника Сеньки Полозовича, Левъ Тышкевичъ еще при жизни своей записалъ Николо-Пустьинскому монастырю 4 данника въ с. Скородномѣ ⁴⁾. Въ 1522 г., по челобитію игумена этого монастыря Антонія, упомянутая запись была подтверждена кор. Сигизмундомъ ⁵⁾. Въ моментъ люстраціи 1552 г., кромѣ Пустьинскаго монастыря, въ Скородномѣ имѣли своихъ людей—Иванъ Олехновичъ (2 дѣла), Орена Костюшковна (4 службы) и І. Тышкевичъ (2 челоуѣка).

С. *Выступовичи*—выслуга Овруцкаго намѣстника Волчка Романовича (конецъ XV в.). Волчко Романовичъ отписалъ Выступовичи вмѣстѣ съ другими имѣніями своему родному брату Сеньку, отъ котораго они спали затѣмъ, по бли-

¹⁾ Док. Грушевскаго XI, № 1 — А. Ю. З. Р. IV, I, № 1.

²⁾ А. Ю. З. Р. VIII, IV, № 60.

³⁾ А. Ю. З. Р. VI, I, № 11; ср. люстр. 1552 года. По разграниченію 1622 г. Котчище отнесено къ Мозыр. пов. (Зл. XX, 95), но въ данномъ документѣ оно показано въ Овруцкомъ повѣтѣ, какъ и въ люстраціи.

⁴⁾ А. Ю. З. Р. VI, I, № 1.

⁵⁾ А. З. Р. II, № 110.

зости, на Ив. Михайлова. Ивашко Михайловъ, еще не будучи увязанъ въ тѣ имѣнія „и не маючи ихъ въ своей мощи, —тими разы вмираючи“, записалъ Выступовичи съ прочими селами своей матери Михайловой, изъ рода Полозовъ. Въ 1518 г. по этому поводу возникла тяжба между дочерью Волчка Романовича — Духною Суриновой и п. Михайловой „о дядковщину ея“. Комиссары, разсматривавшіе это дѣло по порученію господаря, нашли, что Ивашко „не слушнымъ обычаемъ, выше третее части“, завѣщалъ своей матери; поэтому спорныя имѣнія были присуждены, по близости, Духнѣ Суриновой, которая въ видѣ уступки передала свою часть въ Выступовичахъ п. Михайловой¹⁾. По люстраціи 1552 г., 8 дымовъ въ Выступовичахъ принадлежали Солтану Стецковичу.

С. *Мухомдовичи*—на Рыси. Упоминается впервые въ грамотѣ кн. Василя Владиміровича; впоследствии составляло выслугу Иващенко. Въ 1522 году В. Боговитиневичъ и Сенько Вабинскій жаловались господарю, что эти Иващенко держатъ близость ихъ: Мухомдовичи, Иепашъ etc; но отвѣтчики доводили, что они „тими именья мають отъ господаря короля е. м., а е. м. имъ то и привиліемъ своимъ подтвердилъ на вечность“. Для рѣшенія возникшаго спора господарь назначилъ „съ obu сторонъ“ рокъ, на которомъ, кажется, дѣло окончилось тѣмъ, что спорныя имѣнія были подѣлены между тяжущимися²⁾. По люстраціи 1552 г., Мухомдовичи числятся за Макаревичами-Иващенко.

С. *Барановичи*—на р. Вильчѣ (въ Илшу); возникло на грунтахъ, нѣкогда пожалованныхъ предку бояръ Барановскихъ Кіевскимъ княземъ Омелькомъ Владиміровичемъ. Судя по названію ихъ въ грамотѣ кор. Сигизмунда I („Барановичи“, а не „земля В—ая“), Барановичи въ качествѣ населеннаго пункта существовали уже въ 1518 г.³⁾—С. *Паловичи*, *ibid*. По грамотѣ кн. Василя Владиміровича, жители этого села должны были давать на церковь „святого Великого Василя мурованого у месте Овручу“ 1/2 ведра меду. Эта обязанность была подтверждена за ними и грамотой Кіевск.

¹⁾ Кн. II Суд. дѣлъ, № 297; Arch. Lub.-Saug. III, № 187.

²⁾ Кн. II Суд. дѣлъ, № 325; ср. Сбор. Малиновскаго, с. 313-14.

³⁾ А. Ю. З. Р. IV, I, № 5.

воеводы Ф. Пронскаго¹⁾.—С. *Варевичи*. Въ 1499 г. кіевскій землянинъ Михайло Павлиць съ сестренцемъ своимъ Ивашкомъ Семеновичемъ жаловался на князей Полубенскихъ „о имѣнія, о отчину материзны ихъ — Варевцы, а Уберновъ, а Кокотовъ“ (положеніе послѣднихъ двухъ не извѣстно); такъ какъ Полубенскіе не явились на назначенный имъ рокъ, то указанныя имѣнія были присуждены истцамъ²⁾. Отъ Павлиць Варевцы по женской линіи перешли къ Ивану Немричу, а отъ него возвратились къ Суриновымъ — своимъ первоначальнымъ владѣльцамъ. Извѣстный уже намъ Ивашко Михайловичъ, умирая, отписалъ Варевцы, вмѣстѣ съ другими имѣніями, матери; но, по жалобѣ Духны Суриновой, въ 1518 г. они были возвращены ей и продолжали оставаться въ ея потомствѣ³⁾. По люстраціи 1552 года, 6 службъ въ Варевичахъ принадлежало Суринамъ, а одна (5 дымовъ)—Ф. Владыкѣ. Земская служба изъ Варевичъ шла на Чернобыльскій замокъ.

С. *Кабаны*, на ю.—в. отъ Варевичъ,—въ полов. XVI в. дѣлится между двумя владѣльцами: I. Немричемъ и Горностаемъ. Земская служба изъ К. шла на Чернобыльскій замокъ.—С. *Мартыновичи*—на Уши. Въ 1498 г. Быкъ Александровичъ выпросилъ у вел. кн. Александра „человѣка въ Овруц. пов., на имя Мартынца Путковича и его двоихъ братьевъ“, которые служили господарю одну панцирную службу⁴⁾. Это были первые насельники Мартыновичъ. П. Быкъ вскорѣ былъ убитъ Татарами, и Мартыновичи перешли съ его дочерью къ Ив. Гостьскому, что и было санкціонировано листомъ кор. Александра отъ 28 I 1506 г.⁵⁾ Уже будучи бодрскими людьми, согласно показанію записи о денежныхъ и медовыхъ даяхъ, Мартыновичи платили также дань и на п. св. Софіи: „Ондреевскій островъ на Уши подъ Мартыновичи—5 вед. меду“⁶⁾. По странной случайности Мартыновичи

¹⁾ Грамоты вел. кн. Литовскихъ, изд. Антоновичемъ, № 37.

²⁾ Акты Леонтовича II, № 451.

³⁾ Кн. II Суд. дѣлъ, № 297; Słownyk IX, 196, 704.

⁴⁾ Акты Леонтовича I, № 299.

⁵⁾ *ibid*. II, № 737.

⁶⁾ Запись эта найдена по рукописи Шафарика въ А. З. Р. I, № 26. Она лишена даты, но надатели помѣтили ее „1415 г. или позже“, вѣроятно, предполагая, что эта записка имѣетъ связь съ описью митропо-

въ обѣихъ люстраціяхъ смежныхъ повѣтовъ не упомянуты, но извѣстно, что уже въ началѣ XVI в. Мартыновичи принадлежали Сеньку Полозовичу, по смерти котораго съ рукой его дочери переходили къ Сенскимъ и Любецкимъ, въ 1560 г. затвержены за Богушемъ Любецкимъ и по вдовѣ послѣдняго поочередно принадлежали пяти ея мужьямъ¹⁾.—С. Максимовичи—на Бобрискѣ, въ полов. XVI в. принадлежало Горностаємъ, земскую службу отбывало при Чернобылѣ²⁾.

личныхъ имѣній при Витовтѣ, по случаю изгнанія м. Фотія. Однако съ этой датировкой нельзя согласиться (хотя она всѣми признана) и вотъ почему.—Въ упомянутой записи, между прочимъ, мы находимъ, кромѣ „острова Ондраѣнскаго подъ Мартыновичи“, также землю „Подольшвенскую у Хобной лоды Паволомъ“. Лица съ этими именами извѣстны намъ изъ конца XV и начала XVI вв. О Мартыновичахъ сказано выше; Полозовъ же, родоначальникъ овруц. земель Полозовъ, жилъ при кор. Казимирѣ, во второй полов. XV в. (Акты Д.—З. с. 32 и др.). Онъ-то и былъ первымъ владѣтелемъ Хабного, о чемъ см. ниже, с. 218. Уже по этимъ двумъ фактамъ происхожденіе записи нельзя относить къ 1415 г. Но противъ этой даты мы имѣемъ еще болѣе рѣшительные аргументы. Въ рассматриваемой записи упоминается до 20 селъ и земель „боарскихъ“, въ числѣ которыхъ, между прочимъ, находимъ: *Селько, Хабное, Новоселки, Сокалчу, Скоцате, Водотый, Шулскъ, Романовъ, Журки* и др. Всѣ эти села, по несомнѣннымъ документальнымъ даннымъ, перешли въ боарскія руки не раньше люстраціи 1471 г. и не позже 1505 г. (Романовъ). Значитъ, рассматриваемую записъ мы можемъ датировать началомъ XVI в.—однако не раньше 1505 г.

¹⁾ Wolff Kniázowie 206—7; Boniecki Poczet rodbów 252.

²⁾ Большинство селъ, примыкающихъ къ границѣ Овруцкаго и Чернобыльскаго повѣтовъ, упомянуты въ люстраціяхъ обонхъ замковъ. Но въ то время, какъ одни изъ нихъ упомянуты безъ всякой оговорки, другія сопровождаются оговоркой: волости Овруцкой—недѣли Чернобыльской, что даетъ намъ критерій къ отысканію границъ соседственныхъ повѣтовъ. Съ такой именно оговоркой въ люстраціи Черноб. замка названы, между прочимъ, Варенцы, Кабаны и Максимовичи.—очевидно они были крайними населенными пунктами Овр. пов. Соответственно съ этимъ, мы и будемъ проводить границу Овр. пов. съ Черноб. отъ устья Бобриска на Максимовичи и Воробіевичи. Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что нашъ обводъ не согласуется съ разграниченіемъ повѣтовъ, предложеннымъ Яблоновскимъ (Жг. XXII, 25, 27), который ведетъ границу на Хабне и Воробіевичи, ссылаясь на то, что Х. „само повѣтъ Киевскій, але приближише ку Овручому маетъ“. Но терминъ „повѣтъ“ въ данномъ случаѣ, очевидно, употребленъ въ „волость“—Завшская, которая, какъ извѣстно, тинула земской службой къ Киеву, хотя въ административномъ отношеніи числилась за Овручемъ; значитъ, эта ссылка ничего не доказываетъ.

Обходя волость Завшскую, обратимся теперь къ обзору колонизаціи въ области лѣвыхъ притоковъ Уши — волости Овруцкой.

С. *Давыдки*—на Грезлѣ. Въ 1501 г. кiev. бояринъ Яцко Межь билъ челомъ господарю и просилъ у него людей „у-въ Овруцкомъ пов., на имя Лавринона а Янка Давидковичовъ и зъ ихъ братією и братаницы“¹⁾. Возможно, что отъ этихъ поселенцевъ и пошло с. Давыдки. Въ Овруцкомъ пов. были еще одни Давыдки (а м. б. и больше) „въ пуестинѣ Черниговцизнѣ, миль отъ замку“, отъ 1525 г.— Султана Степановича. Но что Давыдки на Грезлѣ не менѣе давняго происхожденія, за это ручается до сихъ поръ сопровождающій ихъ предикатъ—Севрюки. Эти-то Давидковичи впоследствии принадлежали, по всей вѣроятности, Гринковичамъ (1552 г.).—С. *Толкачи*, на верховьяхъ Грезли; въ 1569 г. принадлежало Закусенламъ²⁾.

„Село на Ноздрици“, близъ устья ея въ Ушь (т. Ноздрищъ); по записи о денежныхъ и медовыхъ даняхъ, вносило въ пользу св. Софій съ Полочанской земли 1½ ведр. меду и поданье. Въ половинѣ XVI в. большая часть села принадлежала Сѣмашковичу, а 3 дыма—Философу. Въ 1571 г. Сѣмашковичъ имѣлъ въ Ноздрици только одного подданнаго, а Гринко Янковичъ—другого³⁾.—*Дорогинъ, Клищевичи* и *Кацовичи*—на противоположныхъ берегахъ Норыни. Въ 1488 г. намѣст. Житомирскій п. Сень Романовичъ билъ челомъ кор. Казмиру, „штожь деи перво сего бояринъ Вруцкій, на имя Андрей Хлюсъ, взялъ его собѣ за сына мѣсто въ дѣдину свою и въ отчину, въ имѣніе на имя Дорогинъ, въ Овр. пов.“, на что ему былъ выданъ и господарскій листъ „съ произволеніемъ“, каковой листъ у него сгорѣлъ подъ часъ кievскаго „вынятя“: „и просилъ насъ — гласить подтвердительная королевская грамота—абыхмо ему другій нашъ листъ на тое имѣніе дали“, — что и было исполнено, подъ условіемъ, если дѣло представлено королю такъ, какъ оно было⁴⁾. Сенько Романовичъ былъ женатъ на дочери кiev-

¹⁾ Акты Леонтов. II, № 594.

²⁾ Жг. XXII, 621.

³⁾ Жг. XX, 28.

⁴⁾ Акты Леонтовича I, № 54.

скаго землянина Михайла Павши, которой и записать въ вѣнѣ выслугу свою, на имя *Дорожикъ, Клищевичи и Коцовичи*, въ Овр. пов. По смерти сестры, эти имѣнія спали на самого Павшу, за которымъ и были подтверждены королевскими листами ¹⁾.

С. Ключки—на Норми. По записи о денежныхъ и медо-выхъ даяхъ, „у Ключкевичахъ зъ Волшиньской земли“ въ пользу св. Софїи собиралось съ боярскихъ людей 3 ведр. меду и „поданья“. Въ полов. XVI в. Ключки перешли вѣномъ за Суриновой къ Дѣдкамъ ²⁾.—*С. Ласки*—западнѣе, на Норми же; въ полов. XVI в. принадлежало Ив. Олехновичу (8 дымовъ).—*С. Гумичи* *ibid.*—дворецъ и пашня двор. Суриновъ; населеніе состояло изъ двухъ службъ конныхъ людей. — *С. Мошки*—на Норми. Мошковскій грунтъ между рр. Нормиью и Жеревой былъ пожалованъ предку бояръ Мошковскихъ за разныя заслуги, затѣмъ подтверждаеся нѣсколько разъ, какъ кїевскими, такъ и литовскими князьями ³⁾, но о населеніи его до полов. XVI в. мы не имѣемъ свѣдѣній; по люстраціи же 1552 г., оно состояло изъ 6 слугъ ордынскихъ, 1571 г.—изъ 11 бояръ путныхъ.—*С. Хвостня*—нѣсколько на ю.—з. отъ предыдущаго. Въ 1437 г. Свитригаило за вѣрную службу пожаловалъ Каленику Мишковичу имѣнія въ Овр. пов.: „*С. Остафьево* на Киоринѣ, какъ Остафей держалъ, а Вальковичи, а Демидовичи и Дмитревича дѣти на *Хвостниці*“ ⁴⁾. По всей вѣроятности, эти „дѣти“ и составляли первоначальное населеніе Хвостни. Въ первой четверти XVI в. Хвостня принадлежала господарскому дворянину, державцѣ Чернобыльскому (1514—24), Ив. Немиричу ⁵⁾.—*С. Гошево*—еще южнѣе, по большому тракту изъ Овруча въ Пекорость; выслуга предковъ бояръ Васьковичей на кор. Витовтѣ, подтверждено вел. кн. Александромъ за Сидоромъ Юхновичемъ, „ведлугъ дѣльчаго листа М. Гаштольда“ отъ 1494 г. ⁶⁾. Въ 1518 г. встрѣчаемъ уже Гошево во вла-

¹⁾ А. Ю. З. Р. VII, II, № 9—Arch. Lub.—Sang III, № 109.

²⁾ Słownyk XII, 534.

³⁾ А. Ю. З. Р. IV, I, № 5 и др.

⁴⁾ А. Ю. З. Р. I, № 19—Arch. Lub.—Sang. I, № 35.

⁵⁾ Słownyk IX, 196.

⁶⁾ А. Ю. З. Р. IV, I, № 3.

дѣній двухъ родовъ: Васьковичей и Барановичей. Въ 1571 г. населеніе Гошево состояло изъ 9 путныхъ бояръ ¹⁾.

С. Гладковичи (на с.—в. отъ Овруча)—впервые было пожаловано выкращенному Татарину Лекѣ, родоначальнику кн. Глинскихъ, въ родѣ котораго оставалось до зрады Михаила Львовича ²⁾. Въ моментъ возстанія Глинскаго Гладковичи вмѣстѣ съ другими имѣньями этой фамилии были отобраны на господари и, спустя нѣкоторое время, пожалованы шляхетноурожденному намѣстнику Вруцкому Сеньку Полозовичу, въ вознагражденіе за его знаменитыя послуги господарямъ литовскимъ и королямъ польскимъ — до Сигизмунда I включительно, „с початку его панованья“ ³⁾. По смерти Сенька Полозовича, Гладковичи спали на его единственную дочь—Феню, которая внесла ихъ вѣномъ въ домъ князей Любецкихъ, откуда по женской линіи они перешли затѣмъ къ Харлецкимъ ⁴⁾. Населеніе Гладковичъ въ полов. XVI в. состояло изъ 22 дымовъ.—*С. Норинскъ*, на правомъ берегу Норми; въ полов. XVI в. 8 дымовъ въ Норинскѣ принадлежало Аксакамъ, 4 службы — Киселямъ и 4 человекъ—Оренѣ Костюшковнѣ („на Норми“). — *С. Велодники*, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ рѣки, на почтовой дорогѣ изъ Норинска въ Славечно; по раздѣлу между сыновьями Кмиты, досталось Криштофу ⁵⁾, за которымъ и числится по люстраціи, съ населеніемъ въ 3 потуга людей.—*С. Балжи*, на с.—з. отъ послѣдняго; въ 1571 г. было населено путными боярами (5 человекъ), *którzy rod soba potrosze ziemie maja*, тамъ же было 2 человекъ, принадлежавшихъ Пречистенскому монастырю въ Овручѣ ⁶⁾.—Селище *Коптевичина*, на с.—в. отъ Вѣлоки; около половины XVI в. принадлежало п. Посетовскому.—*Гмезичи* и *Левковичи* — родовая гнѣзда бояръ того же имени, происходившихъ отъ Ларивона Велавскаго. Гмезичи (*Hajowieze*) въ 1571 г. имѣли 5 человекъ населенія, *Левковичи*—6 (бояръ путныхъ).

¹⁾ Zr. XX 27.

²⁾ Родославная Временника Москов. Общ. Ист. и др. X, 157 и 196.

³⁾ А. Ю. З. Р. VIII, IV, № 41.

⁴⁾ Słownyk III, 162—3; Wolff Kniazowie 206—7.

⁵⁾ Słownyk IV, 416.

⁶⁾ Zr. XX, 28.

По теченію Жерева ильмъ:

С. Селець, недалеко отъ устья Жерева въ Ушь. По записи о денежных и медовыхъ даняхъ въ пользу св. Софій, „у Селци зъ Мѣжирѣцкое земли 2 ведр. (меду) и поданье“ (даютъ)¹⁾. Объ этомъ же свѣдѣ въ 1496 г. „жаловаль кн. великому дворянинъ е. м. Руеня на Михайла Волчковича, штожь дей онъ отчину ихъ держитъ на имя Сельце, въ Оврупов., — и онъ на тотъ часъ не хотѣлъ ся съ нимъ розправити въ томъ, штожь братъ его мѣшкаеть во Вгриехъ“. Для рѣшенія этого спора господаремъ былъ назначенъ рокъ „на Боже нароченіе прійдучое“²⁾, но о результатахъ его мы не имѣемъ извѣстій. Впрочемъ, изъ позднѣйшаго узнаемъ, что Сельцо все-таки осталось за Михаиломъ Волчковичемъ, по смерти котораго перешло къ его единственному сыну — Ивашку. Этотъ Ивашко, умирая, отписалъ Сельцо съ др. имѣніями своей матери, но вырокомъ кор. Сигизмунда отъ 31 VIII 1518 г. оно снова возвращено въ родъ Суриновъ³⁾. — С. *Закусилы* — на Жеревѣ; въ 1571 г. въ немъ проживало 4 убогихъ шляхтича. — С. *Жерево* *ibid.*, нѣсколько на западъ; въ 1552 г. одна служба людей и бобровые гоны на Жеревѣ принадлежали Панковичу, а др. — Троицкой. — С. *Болсуны*, на Жеревѣ, по дорогѣ изъ Искорости въ Олевскъ, — родовое гнѣздо бояръ Болсуновскихъ, выслуженное предкомъ ихъ на Киевскомъ кн. Александрѣ Владиміровичѣ и подтвержденное за ними многими грамотами вел. кн. литовскихъ и королей польскихъ⁴⁾. — Селище *Становицина* (т. Остапы), недалеко отъ м. Каменной Горки; въ 1552 г. здѣсь проживалъ 1 человекъ поленицкой службы. — С. *Путиловичи* — на р. Кремнѣ; въ 1552 г. принадлежало Тышкевичамъ, съ населеніемъ въ 3 службы людей. — С. *Ковское* — Колоцко на Кремнѣ? — въ 1552 г. принадлежало Посеговскому, имѣя вмѣстѣ съ Коптевичной 8 дымовъ населенія. — С. *Воняйки*, на востокъ отъ послѣдняго — 1 служба Суриновыхъ (1552 г.).

Если мы отъ того пункта, гдѣ р. Ирша пересѣкается большимъ Житомиро—Овруцкимъ трактомъ (то есть прибли-

1) А. З. Р. I, № 26.

2) Акты Леонтовича I, № 234.

3) Кн. II Суд. д., № 297 = Arch. Lab. — Sang. III, № 187.

4) А. Ю. З. Р. IV, I, № 5.

зительно отъ с. Вобрика), проведемъ линію на Вѣлошину и р. Ушь, до устья въ нее Вобрика, а отъ устья Вобрика — на устье Жеревки въ Тетеревъ и по Иршѣ до исходнаго пункта, — то получимъ подобіе усѣченного треугольника, заключающаго въ себѣ, по вычисленію Яблоновскаго, 82, 48 м. кв.¹⁾ Это и будетъ такъ называемая „волость Завшская“, или *За-Ушье*, съ точки зрѣнія Овруча, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, на сѣверѣ, она на довольно значительное разстояніе вытягивается въ направленіи Овруча, переходя уже съ точки зрѣнія Киева — за Ушь²⁾. Объ этой-то волости вел. кн. Александръ писалъ въ 1494 г. воеводѣ Киевскому и ключнику, чтобы они не замкивали въ теченіе двухъ лѣтъ даней съ 16 человекъ, которыхъ „брали поганство Татарове“³⁾.

Завшская волость въ ряду другихъ волостей Овруцкаго повѣта находилась въ особомъ положеніи, которое тѣмъ именно и было особенно, что военная служба съ этой волости шла не на Овруцкій замокъ, а на Киевскій. „Бояре, или слуги (читаемъ въ люстр. 1570 г.), издавна тянувшіе къ Киевскому замку, были Завшане, которые въ 20 слишкомъ мѣсяхъ отъ замка имѣли свои оубдлости; ихъ всего было 24 коня. Повинность этихъ бояръ состояла въ томъ, что когда ѣхалъ противъ непріятели п. воевода или, въ его отсутствіе — справца того города, то они разставляли шатры и наметы и дѣлали нныя послуги въ походѣ, по мѣрѣ надобности“⁴⁾. По Овруцкой люстраціи 1552 года эти бояре обязаны были ѣздить при воеводѣ Киевскомъ, „якъ ихъ обоплеть, а при старосте Овруцкомъ ѣздити не вины, крапн своее доброе воли“⁵⁾. Въ административномъ отношеніи Завшская волость причислялась къ Овруцкому повѣту. Это видно изъ того, что въ Киевской люстр. *Завшане* показаны „у—Овруцкой волости“, а въ Овруцкой люстр. поименованы многія

1) Зг. XXII, 655.

2) О селахъ, которые входили въ составъ Заушья, см. Зг. XX, str. 29 и 70.

3) Област. дѣленіе 243. Владимірскаго-Будапловъ ошибочно полагають, что Заушье есть село („это село едва-ли относится къ Киев. повѣту“ — А. Ю. З. Р. VII, II, с. 36). Ту же ошибку повторилъ и Довнаръ-Запольскій-Украинскія староства с. 188.

4) Зг. XX, 7.

5) с. 40.

села, входившія въ составъ Завшья. Но для обезпеченія интересовъ Кіевскаго воеводы на Заушью сидѣть его намѣстникъ, обязанность котораго, по всей вѣроятности, состояла въ томъ, что въ случаѣ нужды онъ собиралъ завшское ополченіе и велъ его по указанію воеводы или самихъ обстоятельствъ. При Фридрихѣ Пронскомъ такимъ намѣстникомъ былъ Гришко Лучичъ, который въ 1554 г. жаловался Кіевскому воеводѣ на братьевъ Выговелихъ, „штожь деи которую землю маєт онъ зъ ними судеревную, они деи въ той землі его кривды и утиски въ забираи земль пашныхъ и сеножатей, дерева бортиго деланого и проч. — „делаютъ“¹⁾.

Населення мѣста Завшской волости:

С. Хабне—на Уши (т. мѣст.). По записи о денежныхъ и медовыхъ даняхъ, люди с. Хабного съ разныхъ угодій вносили въ пользу Св. Софій нѣсколько ведеръ меду²⁾. Во второй половинѣ XV в. вдова Семена Одельковича Марія Слущкая пожаловала Хабне съ др. имѣніями Ивану Полозу, отъ котораго оно перешло затѣмъ къ Сеньку Полозовичу и затвержено за послѣднимъ грамотой вел. кн. Александра отъ 1494 г. — „въ Кіев. пов., въ Завшской волости“³⁾. По смерти Сенька Полозовича, его маєтности въ Кіев. и Овруц. пов. забралъ на себя воевода Кіевскій Андрей Немирцъ, но кор. Сигизмундъ грамотой отъ 5 III 1532 г. велѣлъ ему возвратити ихъ—между другими и Хабне—кн. Дим. Р. Виденицкому-Любецкому, какъ зятю Семена Полозовича (по Фенѣ), и для увязанія его въ тѣ имѣнія послать своего дворянина⁴⁾. Въ 1541 г., по просьбѣ Дмитрія Романовича, кор. Сигизмундъ дозволилъ ему въ Хабномъ „замокъ себе збудовати и место при томъ замку своемъ садити и торгъ тамъ, на который день воли его будетъ, учинити и корчмы мети и съ того себе пожитки привлащати безъ шкоды наше господарькое“, но подъ непремѣннымъ условіемъ со-

¹⁾ А. Ю. З. Р. ч. III, т. I, № 87.

²⁾ Именно, съ острововъ: Пашковского, Дроадовскаго, Оксентіенскаго, Ондраевскаго и Плявннскаго; земель — Подольшеской и Пльчевской.

³⁾ А. Ю. З. Р. VIII, IV, № 16.

⁴⁾ Wolff op. c. 206.

держатъ замокъ въ боевой готовности¹⁾. Около этого времени, по люстраціи, въ Хабномъ было уже 20 семействъ „вольнаго“ населенія, а о количествѣ дворовой челяди не имѣемъ свѣдѣній.

По смерти своего мужа Дм. Р. Виденицкаго, Феня Полозовна записала Хабне съ др. имѣніями своему сыну, кн. Богущу Дмитровичу, отдавая отъ наслѣдства дочь Феню и внуковъ по первому мужу, кн. Ив. Сенскомъ,—что и подтверждено Сигиз. Августомъ отъ 17 III 1560 г. Богущъ Д. былъ женатъ на Ганнѣ Иванов Монтовт. Умеръ онъ въ 1564 г. и, когда жена везла его прахъ для погребенія въ Кіево-Печерскій монастырь, ее настигъ въ Хабномъ швагеръ Малхеръ Насиловскій, осадилъ въ замокъ и принудилъ ее къ уступкѣ послѣдняго, не смотря на то, что Богущъ Д. записалъ Ганнѣ на Хабномъ 200 коп. гр. Итакъ, Хабне оказалось загробленнымъ. Чтобы пріобрѣсти себѣ защитника, Ганна Ив. вынуждена была выйти вторично замужъ за Василия Соколинскаго, а по его смерти — за Николая Харленкаго, которому принесла въ вѣно и мѣсто съ замкомъ—Хабне²⁾.

С. Святоцькое, на югъ отъ Хабного. По записи о денежныхъ и медовыхъ даняхъ въ пользу Св. Софій „у Святошичахъ корайманъ, а ручьку меду (даютъ)“. О дальнѣйшей судьбѣ его не имѣемъ свѣдѣній.—*С. Волчково*, на проселочной дорогѣ изъ Хабного въ м. Иванковъ—очевидно, гнѣздо бояръ Волчковичей. По люстр. 1571 г. въ В. проживало 6 путныхъ бояръ — *С. Голубьевичи*, нѣсколько западнѣе — данина Кіевскихъ удѣльныхъ князей Феодору Глинскому. Въ 1496 г., по просьбѣ Богдана Феодоровича, „с. Голубьесъ въ Завшской волости“ было подтверждено за нимъ грамотой вел. кн. Александра и вторично—въ 1498 г.—„а въ томъ селѣ одинъ человекъ данний“³⁾. Какъ видно изъ одной памятной записи на рукописномъ бумажномъ Евангеліи XVI в., хранящемся въ монастырской библиотекѣ (дата: 1526 г.), въ Голубьевичахъ было пожаловано Кіево-Михайловскому монастырю

¹⁾ А. Ю. З. Р. VIII, V, № 14.

²⁾ Wolff 207; Slownyk I, 537—8; Уѣзды Похилевича с. 259. О Ганнѣ Монтовтѣ см. специальную развѣдку О. Левицкаго въ Литер.—Науков. Вісти. 1911, II—III.

³⁾ А. З. Р. I, №№ 129 и 158; Arch. Lub.-Sang. I, № 112.

озеро ¹⁾, которое онъ въ 1561 г. обмѣнял на землю *Золототкаевскую*, по сосѣдству съ *Селивоновичиною*, въ Толстомъ Лѣсѣ—власность Кр. Кмитича ²⁾. Этому же Кр. Кмитичу по люстр. 1552 г. принадлежала въ Голубѣвичихахъ одна служба людей—вѣроятно, по зрадѣ Глинскаго.—С. *Сидоровичи*; по люстр. 1552 г. 2 службы въ Сидоровичихахъ принадлежало В. Дѣдку, 1½ службы—Панкевичу и не извѣстно что—Коташевичу.—С. *Старовичи*, на приокѣ Жеревка-Красивной—въ полов. XVI в. Олизаровъ Волчковичей ³⁾.—С. *Воробѣвичи*—тоже на Красивной. Въ обводѣ 1566 г. граница Киев. пов. съ Житомир. проведена отъ Вруслова „до села митрополитчяго Воробѣвичъ“ ⁴⁾.

Въ бассейнѣ Каменки и Звиздала, правыхъ притоковъ Уши, и по самой Уши мы находимъ села:

С. *Недашки*—на верховьяхъ Звиздала. По люстр. 1571 г. населеніе Н. состояло изъ 3 бояръ завшескихъ.—С. *Сухаревичи*—на лѣвомъ берегу Звиздала, сѣвернѣе Недашекъ. Въ 1499 г., какъ значится въ Литовской Метрицѣ, намѣстнику Путивльскому кн. Богдану Ѳ. Глинскому „данникъ данъ Сухаревичъ въ Киев. пов., въ Завской волости, до воли“ ⁵⁾. По имени этого данника названо впоследствии и село. По люстр. 1552 г. въ Сухаревичихахъ—4 дыма, населеніе которыхъ даетъ на господаря подачки и ходитъ на службу по одному человѣку на недѣлю; власность Ельца.—С. *Клищевичи*—на одномъ изъ притоковъ Уши; утверждено въ 1511 г. грамотой кор. Сигизмунда за Михайломъ Павшей, на котораго спало по смерти сестры его, бывшей за Семеномъ Романовичемъ ⁶⁾. По люстр. 1552 г., Клищевичи числятся уже за Троицкой.—С. *Шипиловка* (на Звиздалѣ)—1 служба Суриновыхъ (1545 г.).—С. *Народичи*—на Уши, недалеко отъ впаденія въ нее Жерева. По записи о денежныхъ и медовыхъ данихъ въ пользу св. Софін, „у Народичохъ съ Хотиновъ-

¹⁾ А. З. Р. II, № 140.

²⁾ А. Ю. Р. I, № 156.

³⁾ См. люстр. Житомира 1552 г.

⁴⁾ А. Ю. З. Р. VII, II, № 27, с. 365.

⁵⁾ Акты Леонтовича II, № 517.

⁶⁾ А. Ю. З. Р. VII, II, № 19—Arch. Lub.-Sang. III, № 109.

ской земли ведро меду* (собиралось) ¹⁾. Въ 1552 г. Народичи принадлежали Ельцу, съ населеніемъ въ 4 дыма (=2 службы).—С. *Ширковичи* (по сосѣдству)—1 человѣкъ полницкій того же Ельца.—С. *Литвиновичи*—на верхней Каменкѣ (т. Ксаверовъ); отъ 1507 г.—Ельцовъ ²⁾. С. *Шкураты*—по сосѣдству; въ 1571 г. имѣло населеніемъ 4 бояръ завшескихъ.—С. *Липляны*, на западъ отъ Шкурать,—1 служба Кмитовъ (1552 г.).—С. *Ходаки*—въ 10 вер. отъ Искорости, на с.-в. Въ 1552 г. одинъ дымъ въ Х. принадлежалъ Ельцамъ; по люстр. 1571 г. въ Ходакахъ проживало 11 дымовъ бояръ завшескихъ.—С. *Немировка*—на Уши; въ 1571 г. населеніе его состояло изъ 9 убогихъ шляхтичей.—С. *Татаровичи*—3 потуги бояръ Волчковичей ³⁾.—С. *Обыходы*—тогда еще „земля пустошеская у волости Завской“—было предоставлено Киевскимъ воеводой и державшей Овруцкимъ А. Немиричемъ въ распоряженіе землянина Василя Дмитровича, подъ условіемъ земской службы. Но по смерти В. Д. преемникъ Немирича—А. Коширскій отнялъ эту землю у семьи покойнаго и пожаловалъ еѣ Гришкѣ Лучичу Поповичу, которому, однако, не суждено было воспользоваться этимъ наданьемъ: въ 1541 г. Обыходовщина была возвращена вдовѣ покойнаго—Полони Васильевой съ дѣтьми, по особому распоряженію кор. Сигизмунда ⁴⁾.—С. *Межирѣчка*—на Уши, близъ устья Шестена. По записи о денежныхъ и медовыхъ данихъ въ пользу св. Софін, „съ Вручого Тынѣичихъ съ Межирѣцкое земли даетъ ведро (меду)*. О дальнейшей судьбѣ М. мы не имѣемъ свѣдѣній.—С. *Искорость*, на Уши—городъ Деревляны, извѣстный еще со времени Игоря и Ольги. По люстр. 1570 г. въ Искорости проживало 4 боярина завшескихъ и 3 людей попа Искоростенскаго.—С. *Валюшица*—недалеко отъ Уши; въ 1571 г. имѣло населенія 6 бояръ завшескихъ.

По обомъ берегамъ р. Ирши раскинулась частновладельческая волость *Малинская*, заключающая, по вычисленію

¹⁾ А. З. Р. I, № 26.

²⁾ Stownyk V, 799; Zg. XXII, 393.

³⁾ Значится въ люстр. Житомира, въ 18 миляхъ отъ замка.

⁴⁾ Arch. Lub.-Sang. IV, № 237.

Яблоновскаго, 5,20 кв. миль пространства ¹⁾). Первое упоминаніе о Малинской землѣ находимъ въ извѣстной записи о денежныхъ и медовыхъ даяхъ въ пользу св. Софіи: „зъ Малинской земли 2 дукнѣ пятнадцатыхъ, а третее четвернадцатое, а тивунщина, а подавья (и знамя у той земли коникъ)“ ²⁾). При кор. Александрѣ Малинскими грунтами владѣлъ Грынко Внучкевичъ, дочь котораго—Марина—по выходѣ замужъ за Ив. Ельца, внесла въ его домъ въ качествѣ вѣна Малинъ. Самъ Елецъ былъ дѣдичемъ сосѣднихъ *Пирожковъ*, на грунтахъ которыхъ уже при немъ возникли: *Головки* (Голанки), *Лопан* (Славовъ, на Ризнѣ) и *Реманьковка*. Наслѣдники Ив. Ельца къ указаннымъ имѣніямъ прибавили еще *Сосновскую* землю по обѣ стороны Ирши, *Повлязовичи*, *Ельцовку* и др. ³⁾). По люстр. 1552 г. въ Малинѣ значится 2 дыма—1 служба Ельцовъ.

С. Чоповичи—противъ устья Тростяницы въ Иршу; получило свое названіе отъ перваго владѣльца тѣхъ имѣній—Игнатія Чона, которому оно было пожаловано кор. Александромъ за военные подвиги. Впрочемъ, Чоповскіе ссылались и на болѣе древніе документы въ подтвержденіе своихъ владѣльческихъ и землянскихъ правъ, документы, восходившіе будто бы еще ко времени Киевскихъ удѣльныхъ князей. Но если таковые документы дѣйствительно когда-либо существовали, то они были утеряны подъ часъ инкурсій неприятельскихъ—татарскихъ, московскихъ и казацкихъ и до насъ не дошли ⁴⁾.—*С. Мелевцы*—недалеко отъ Ирши; въ 1571 г. здѣсь проживало 5 бояръ завшскихъ.—*С. Шершневичи*—на Иршѣ. Въ 1496 г., по челобитію кiev. землянина Пряжовскаго, „для сказы отъ поганства“, его людемъ въ завшской волости, на имя *Шершневичамъ*, отпущена была вел. кн. Александромъ медовая дань, которую они издавна давали въ ключъ Киевскій ⁵⁾. По люстр. Житомир. замка (1552) 2 человекъ въ Шершневичахъ принадлежало Волчковичамъ.—*С. Бобринько*—на Иршѣ; въ 1571 г. здѣсь

¹⁾ Зр. XXII, 659.

²⁾ А. З. Р. I, № 26.

³⁾ Slownyk V, 634; VIII, 89.

⁴⁾ А. Ю. З. Р. IV, I №№ 52, 53, 55.

⁵⁾ Акты Леопольва I № 264.—Акты Д.—З. № 40.

проживало 2 боярина завшскихъ. Села съ тѣмъ же названіемъ есть на Жеревѣ и при устьѣ Бобриньки въ Ушь, но въ виду того, что всѣ др. села, указанные въ этой люстраціи, въ рубрикѣ бояръ *Завшскихъ*, расположены именно въ этой мѣстности, правильнѣе будетъ, кажется, остановиться на Бобринькѣ на Иршѣ.

На сѣверѣ Завшская волость, какъ сказано было въ самомъ началѣ, нѣсколько выдвигалась за р. Ушь въ направленіи Овруча ¹⁾. Здѣсь мы имѣемъ:

С. Васьковичи на Шестепѣ—родовое гнѣздо бояръ Васьковскихъ; тамъ же, по сосѣдству, были *Ущановичи*—отчина бояръ Ущановскихъ. Сначала тѣ и другіе владѣли своими грунтами совмѣстно, но въ 1494 г. подѣлились, причемъ раздѣлъ между ними былъ утверждён грамотой вел. кн. Александра, согласно представленію Киев. воеводы М. Гаштольда отъ 24 IV 1494 г. ²⁾. Въ послѣдствіи этотъ дѣлъ нѣсколько разъ повѣрялся и подтверждался, о чемъ см. грамоту Сигиз. I овруцкимъ боярамъ отъ 1518 г., также извлеченіе изъ люстраціи Киев. воеводства отъ 1616 г. и др. документы ³⁾. Въ 1552 г. въ с. Васьковцахъ было 8 слугъ ордынскихъ, а объ Ущановичахъ не имѣемъ свѣдѣній.—*С. Михалковцы*—на притоцѣ Шестени; въ 1552 г. здѣсь проживало 4 слугъ ордынскихъ.—*С. Бехи*—родовое гнѣздо Беховъ. Грунты, извѣстные подъ именемъ Беховщины на Уши, были пожалованы родоначальнику бояръ Беховъ еще Киев. кн. Владиміромъ Ольгердовичемъ; затѣмъ подтверждались неоднократно вел. литовскими князьями и королями польскими, о чемъ см., напр., рѣшеніе королев. суда по дѣлу о грабежахъ и насиліяхъ, причиненныхъ кiev. землянину Евфиму Беху Овр. старостою Мышкою зъ Варковичъ ⁴⁾. Въ 1552 г. въ Беховичахъ проживало 2 слугъ ордынскихъ и былъ дворецъ съ пашней кн. Сенскаго.—Села: *Чигиры* и *Пашини* (на Уши)—родовня гнѣзда бояръ Чигиревскихъ (Волчковскихъ) и Пашиничей, выслуженныя ихъ родоначальниками еще

¹⁾ См. Зр. XX str. 29 и 46.

²⁾ А. Ю. З. Р. IV, I № 3.

³⁾ *ibid* №№ 5, 14 и др.

⁴⁾ А. Ю. З. Р. IV, I, № 6.

при Киев. удѣльных князьях¹⁾. Въ 1552 г. одинъ дѣль въ Чесиревщинѣ принадлежалъ боярамъ Коркошамъ; о Пашничихъ не имѣемъ свѣдѣній. — С. *Выговъ*, на Выгѣ, первоначально земля *Скочковская*. Эту землю (пустовщину) Скочковскую, „въ пов. Киев. у Завши“, которую передъ тѣмъ держалъ служебникъ Киевскаго воеводы Станиславъ Подоляннъ, кор. Сигизмундъ пожаловалъ въ 1541 г. „для пожизненья“ братьямъ Лучичамъ и приказалъ тогдашнему справцѣ воеводства Киевскаго—А. Коширскому дать имъ увязанье²⁾. — С. *Исайки*, на притоку Уши—монастыря Пустынскаго. Въ обводѣ 1566 года граница поветовъ Овруцкаго и Житомирскаго проведена съ Воробѣвичъ на Серповичи, Исайки и далѣе. С. *Серповичи*—теперь не существуетъ.

Далѣе на западъ, по теченію р. Уборти съ ея притоками, раскинулась обширная *волость Олевская*, занимавшая по вычисленію Яблоновскаго, 48, 79 кв. миль³⁾. Эта волость принадлежала къ числу тѣхъ, которыя давались въ очередное держаніе киевскимъ землянамъ. Такъ, въ 1473 году киевскій бояринъ Пирхайло былъ челомъ кор. Казимиру, „штожь давно ему дана волость Олевско, и онъ съ тое волости еще и до тыхъ местъ не держалъ, и былъ челомъ королю е. м., абы далъ ему тотъ годъ выдержати, *омодвинувши иншихъ*, а другой бы годъ к тому придалъ на окупъ, што жона его и дети у орде“,—что и было уважено королемъ⁴⁾. Съ теченіемъ времени Олевская волость несколькозуда изъ коленъ, бывъ роздана по частямъ разнымъ служилымъ людямъ; вмѣстѣ съ тѣмъ разрушилось и ея административное единство.

Г. *Олевскъ* (т. мѣстечко, на Уборти) — по всей вѣроятности, возникъ уже при Киевскихъ князьяхъ Ольгердовичахъ. Въ періодъ воеводскаго управленія, какъ сказано выше, Олевскъ вмѣстѣ съ волостью давался въ очередное держаніе киевскимъ боярамъ, но уже въ началѣ XVI в. онъ составлялъ властность Обернѣвичей: время очередного держанія кончилось. — Первымъ владѣльцемъ Олевска былъ

¹⁾ *ibid.* №№ 5 и 128.

²⁾ А. Ю. З. Р. III, I, № 86=*ibid.* VIII, IV, № 64.

³⁾ *Зр.* XXII, 652.

⁴⁾ Акты Д.—З. с. 48=Акты Леонтовича I, № 25; ср. А. Ю. З. Р. VII¹ II, № 2.

Юхно Обернѣвичъ, который описалъ „у Олевску городище зъ людьми и зъ землями“ Киево—Пустынскому монастырю¹⁾, а этотъ, въ свою очередь, обмѣнялъ Олевское городище на что-то другое у Немиричей. Иванъ Немиричъ, „маючи волю въ томъ имени своемъ на властной своей на той меновой земли для непреспеченства людей неприятельскихъ Татаръ замокъ будовати“, выпросилъ на то позволеніе у кор. Сигизмунда и приступилъ къ работѣ. Но по чьему-то доносу, будто постройка замка на городищѣ будетъ „ку великой переказе и шкоде тамошнимъ замкомъ и местомъ“ господарскимъ, и будто самъ Обернѣвичъ владѣтъ Олевскомъ „до воян, а не на вѣчность“—королевскимъ распоряженіемъ постройка замка была приостановлена. Немиричу, впрочемъ, удалось доказать неосновательность доноса, и на старомъ Олевскомъ городищѣ возникло мѣсто Городище съ замкомъ, торгомъ (разъ въ недѣлю), корчмази и мытной заставой для сбора пошлинъ, „яко отъ збожя, такъ и отъ соли и отъ иныхъ купецкихъ речей отъ возу по полугрошу“²⁾.

С. *Суцаны* (на Уборти, выше Олевска)—выслуга Ивана Глинскаго, вѣроятно, пожалованная ему еще въ то время, какъ онъ былъ Киевскимъ воеводой. По впадѣ Глинскихъ, Суцаны были пожалованы Теодору Корецкому³⁾, который, повидимому, кое-что переуступилъ (путемъ продажи или замѣна) Кмитичамъ, потому что по люстраціи 1552 г. за послѣдними числится въ Суцанахъ двѣ службы людей. — С. *Ирово* (т. Юрово, на Уборти же)—выслуга Тышкевичей. Въ 1499 году Богданъ Глинскій купилъ у нихъ „огнину въ Киев. пов. у—въ Олевской волости, на имя Ирову—5 потуговъ на р. большой на Уборти и на р. Ировцѣ“, каковая купля и была утверждена листомъ вел. кн. Александра отъ 21 XI того же года⁴⁾. Богданъ Глинскій, какъ извѣстно, при взятіи Путивля московскими войсками былъ захваченъ въ плѣнъ и умеръ въ Москвѣ (1512 г.); имѣнія небожчика, дотолѣ состоявшія въ завѣдываніи его служебника—Заморенка, были отобраны на господаря и пошли въ дальнѣй-

¹⁾ А. З. Р. II, № 110.

²⁾ А. Ю. З. Р. VIII, V, № 22.

³⁾ А. З. Р. II, № 37.

⁴⁾ Акты Леонтовича II, № 520.

пий оборотъ ¹⁾. Между прочимъ, Ирово было пожаловано кн. Михаилу Осовецкому ²⁾. Но послѣ Богдана остался сынъ Владиміръ, который, по возвращеніи изъ Москвы, потребовалъ своей отчины. Съ большою неохотою Михаилъ Осовецкій вынужденъ былъ возвратити ему Ирово, которое Владиміръ векорѣмъ затѣмъ заставилъ Костюшкѣ Феодоровичу за 400 коп. гр. Но оказалось, что права Владиміра на Ирово не были безспорными. По еознанію кievскихъ князей и пановъ, отецъ Владиміра не купилъ Ирова, а только держалъ его отъ Бориса Тышкевича въ заставѣ, въ 100 коп. гр.; ближайшимъ же наследникомъ этого имѣнія былъ Олизаръ Волчкевичъ, по своей женѣ. Поэтому листомъ отъ 1533 г. на имя Киев. воеводы Андрея Немировича кор. Сигизмундъ велѣлъ возвратити Ирово Олизару Волчкевичу, получивъ съ него заставу. Но, вѣроятно, спорящія стороны на чемъ-нибудь сговорились, ибо по листу 1532 г. Ирово числится за кн. Володиміровою (единственнымъ сынъ Владиміра-Богдана—умеръ бездѣтнымъ) ³⁾. По смерти ея, Ирово вмѣстѣ съ др. имѣніями спало на Корещкихъ ⁴⁾.

С. *Хочене* (т. *Хочини* на Уборти, выше Ироваго) — отчина Тышкевичей; въ 1552 г. здѣсь было населенія 24 человекъ — С. *Глушковичи* (*ibid*, сѣвернѣе) — по всей вѣроятности, выслуга Тышкевичей. Въ 1552 г. Глушковичами владѣлъ ихъ спадкоемець — Олизаръ Волчкевичъ; кромѣ того, 1 служба здѣсь принадлежала и Панкевичу. — С. *Долгоселье* — на Уборти, южнѣе Олевска. Вмѣстѣ съ *Сковидовичами* на Ствигѣ Долгоселье въ 1552 г. принадлежало Немировичамъ.

На юго-востокѣ Олевская волость ограничивалась теченіемъ рр.: Теремша (въ Уборти) и Жерева, съ правымъ притокомъ его — Кремно. Въ этой части мы имѣемъ слѣдующіе населенные пункты:

С. *Новоселки* — м. б. т. *Новаки* на Кремнѣ. Въ первой четверти XVI в. Новоселки въ Олевской волости принадле-

¹⁾ А. З. Р. II, № 76.

²⁾ Сбор. Малиновскаго, с. 13—14; ср. Довнаръ-Запольскаго Украинскія старосты, с. 22 — „Копія з листу п. воеводу кievского“.

³⁾ Wolff Kniazowie, с. 88.

⁴⁾ А. Ю. З. Р. ч. I, т. I, № 17.

жали Кр. Кмитѣ, по раздѣлу его съ братомъ Семеномъ ¹⁾. — С. *Бялокоровичи* (на Жеревѣ) — выслуга отъ 1532 г. Султана Стецкаго, которому въ 1552 г. принадлежало здѣсь 5 службъ ордынскихъ и 6-ая поленицкая. — С. *Радоселье* — на сѣверо-западъ отъ Бялокоровичъ; отъ 1511 г. принадлежало Капустамъ ²⁾. — С. *Хишино* — по соседству же. — С. *Жебровичи* — на верховьяхъ Теремша. Въ числѣ имѣній отчизныхъ и материнныхъ Остафія Дашкевича были, между прочимъ, „Жебровичи и Волевщине“ — по чтенію Археографич. Комиссіи ³⁾, но едва ли такое чтеніе правильно. Предлагаемъ читать — „Жебровичи у — въ Олевщинѣ“ или, какъ иногда пишется и читается — „у Волевщинѣ“, т. е. въ Олевской волости. По листу 1552 г. Жебровичи числятся за Печерскимъ монастыремъ. — *Зубковичи* (противъ устья Теремша) и *Джуржевичи* (на верховьяхъ Теремша) — „два сельца пустыхъ“ ⁴⁾ в Киевскомъ повѣтѣ в Волевской волости — были пожалованы въ 1509 г. кор. Сигизмундомъ дворянину Михайлу Павшѣ, согласно его просьбѣ ⁵⁾. Спустя пять лѣтъ, Павша „записалъ выслугу свою у Волевской волости, человекъ на имя Василя Подтопчича и зъ его товариши — одну службу, на имя Зубковичи“ Киевскому Нико-Шустиновскому монастырю ⁶⁾, а о дальнейшей судьбѣ Джуржевичъ (т. *Держановка*?) не имѣемъ свѣдѣній. — С. *Замысловичи* — надъ Пьеркой. Въ 1552 г. одна служба въ Замысловичахъ принадлежала Кр. Кмитичу, по наследству отъ отца, а остальное — Капустамъ.

На западѣ Олевская волость ограничивалась теченіемъ р. Олевы и бассейномъ Случи, на югѣ — водораздѣломъ Уборти и Случи. Здѣсь мы имѣемъ:

С. *Боровое* — отчина Глинскихъ. Въ 1496 г. вел. кн. Александръ выдалъ Путивльскому намѣстнику Богдану Ѳ. Глинскому подтвердительную грамоту на имѣнія, „пштожь кн. Олелко и кн. Семень подавали отцу его, кн. Феодору, села

¹⁾ Słownik IV, 416.

²⁾ Wolff Kniazowie, 158; Любавеній Областное дѣленіе, с. 242.

³⁾ А. Ю. З. Р. II, № 117.

⁴⁾ „Всѣ люди тихъ селець поганство Тьтарове побрали“.

⁵⁾ А. Ю. З. Р. VIII, IV, № 33.

⁶⁾ А. Ю. З. Р. I, № 59.

въ Киев. пов. у—въ Олѣвской волости, на имя Боровое¹⁾ etc. ¹⁾ Это подтвержденіе дано было до времени—пока у господари окажутся подъ руками необходимыя для справокъ книги; поэтому въ 1498 г. было выдано вторичное и окончательное подтвержденіе, изъ котораго, между прочимъ, явствуется, что въ Боровомъ въ то время было 5 человекъ данных²⁾. Послѣ илѣна В. Ф. Глинскаго, имѣніями его въ Литвѣ завѣдывалъ его служебникъ Заморенко, а по смерти владѣльца, они были розданы господаремъ его ближайшимъ родственникамъ: Боровое досталось кн. Ю. И. Дубровицкому. По возвращеніи изъ Москвы Владиміра Б., Боровое снова перешло къ Глинскимъ и еще по люстраціи 1552 г. числится за княгиней Володиміровой Путивальской; по ея смерти спало на кн. Корецкихъ³⁾.—С. *Баловежъ*—20 вер. сѣвернѣе Сновидовичъ; въ 1511 г. обыскано Киевскимъ воеводой Юріемъ Александровичемъ для Черкаскаго намѣтника Тим. Капуеты.—С. *Собичинъ*—на верховьяхъ Студеницы; въ 1552 г.—Гринковичей, съ населеніемъ въ 20 дымовъ.—*Войццичина* (т. Войтковичи, 25 вер. сѣвернѣе Собичина²⁾)—земли Кривановской.—Сс. *Ракитка* (на верховьяхъ Переросли) и *Масвици* (ожкиѣ)—Капуеть.

Далѣе на западъ, по теченію р. Случи, отъ устья Бобра до с. Каминнаго на Случи, раскинулась владѣльческая волость, извѣстная подъ именемъ *Каменовая*. До зрады она принадлежала Глинскимъ; послѣ же ихъ зрады, въ 1508 г., вмѣстѣ съ Боровымъ Каменовая была пожалована кн. Юрію Ив. Дубровицкому⁴⁾. Въ 1552 г. К. принадлежала уже Бабинскимъ. Извѣстные намъ населенные пункты въ этой волости—с. *Каминное* на Случи и *Ленчинъ*—на Бобрѣ.

Между теченіемъ рр. Славечной и Уборти или точнѣе—ея праваго притока—Плотницы (Свидовка) раскинулись обширныя имѣнія Капитулы Виленской подъ названіемъ: *Земля Смольяна*, или *Каменьщина*. Крайнимъ пунктомъ этой волости на югъ было с. *Славечна* (въ 50 гт.—замокъ⁵⁾), а на

¹⁾ А. З. Р. I, № 129—Arch. Lub.-Sang. I, № 112.

²⁾ А. З. Р. I, № 158.

³⁾ Wolff op. c. 80 и 108; А. Ю. З. Р. ч. I, т. I, № 17.

⁴⁾ Wolff Kniakowie, c. 80 и 108.

⁵⁾ Археограф. Сбор. I, № 37.

сѣверь—*Стодолчи*, относившіеся уже къ Убортской волости бискуповъ Виленскихъ. Сеймовые комиссары 1622 г., согласно съ люстраціей Овруцкаго замка, признали Каменьщину въ Овруц. пов.¹⁾ Это была волость, сколь громадная по своимъ размѣрамъ²⁾, столь же и населенная. Овруцкая люстрація 1552 г. нечисляетъ ея населеніе въ 800 человекъ. Впрочемъ, эту цифру не слѣдуетъ принимать безусловно, такъ какъ за отсутствіемъ владѣльцевъ и ихъ подданныхъ „о можностяхъ и пожиткахъ“ этой волости люстратору „доведатися было не въ кого“. Это же обстоятельство было причиною того, что мы не имѣемъ почти свѣдѣній о населенныхъ пунктахъ Каменецкой волости.

С. *Славечна*, на верховьяхъ рѣки того же имени—*dwór Slowieczna i wszystkie włość Kamieniecka z gruntami i należnościami i wsiami*. Отъ 17/xii 1554 г. мы имѣемъ наказъ отъ всѣхъ прелатовъ и канониковъ главнаго Виленскаго костела св. Станислава старцу и мужамъ Каменецкой волости, „жебы замокъ робили имъ самимъ, жонамъ и дѣтиамъ ихъ для особливой обороны и ехованью ихъ отъ непріятель“³⁾. Изъ этого наказа видно, что онъ уже „неоднокротъ“ повторился, а замокъ все-таки не строился. Для побужденія непослушныхъ къ его постройкѣ на этотъ разъ почтенные прелаты и каноники предприняли угрожающія мѣры—подъ зарукой 300 коп. гр. и экзекуціи отъ Татаръ. Нужно полагать, что подобная перспектива оказала рѣшительное дѣйствіе на старца и мужей Каменецкой волости, и что замокъ въ концѣ концовъ былъ выстроенъ. Кромѣ Славечной, люстрація называетъ еще въ Каменецкой волости — *Дхаринъ* (т. Тхоринъ на Славечной же), *Можары* (на верховьяхъ Ясеницы), *Листвица* (на верховьяхъ Норини) и *Вьгуны* (на притоку Плотницы).

По соседству съ Каменьщиной находилась т. н. *волость Убортская* бискуповъ Виленскихъ, пожалованная имъ, вѣроятно, еще при Витовтѣ. Люстрація 1552 г. не называетъ въ этой волости никакихъ поселеній, ограничиваясь только указаніемъ общей цифры ея населенія—800 человекъ (?). Начи-

¹⁾ Зг. XX, 92.

²⁾ По Яблоповскому, 15, 22 кв. миль. Зг. XXII, 653.

³⁾ Археограф. Сбор. I, № 37.

наясь от с. Милашевичъ на Уборти¹⁾, эта волость тянулась по обѣимъ сторонамъ упомянутой рѣки въ направленіи Петрикова до с. Вуйновичъ включительно, имѣя своимъ средоточіемъ „село и дворъ“ Аельчице²⁾. Сеймовые комиссары 1622 г. признали эту волость относящейся къ Великому Княжеству, слѣд. вѣд. Овруцкаго повѣта, strzegąc porządkie granic, zé od pięty dukt prowadząc z inszemi dobrami obywatelów wiel. ks. Litews.³⁾, что санкціонировано сеймомъ 1625 г. Такимъ образомъ, въ концѣ первой четверти XVII в. Убортьская волость была инкорпорована къ Мозырскому пов. Однако сомнительно, чтобы она входила въ составъ Мозырскаго пов. до уніи, ибо трудно ее исключить изъ овруцкихъ границъ въ то самое время, когда Велавскъ, Корма и Высокое, бесспорно, признавались лежащими въ Овруцкомъ пов.; тѣмъ болѣе, что по листраціи 1552 г. то „тежъ волости и села—даннина господарская отъ замку Овруцкаго“⁴⁾.

Принимая во вниманіе все, доселѣ сказанное нами о колонизаціи Овруцкаго пов., можно приблизительно указать и его границы. Говоримъ: приблизительно, потому что повѣтовые границы въ этотъ періодъ вообще не отличались выразностью.

Начинаясь приблизительно отъ урочища Могильнаго на Случи, граница Овруцкаго повѣта шла по теченію р. Случи до с. Каминнаго Вабинскихъ; отсюда поворачивала на востокъ, оставляя въ сторонѣ с. Сеховъ (?) и Слободку съ рудней на р. Олевѣ, — на Ракитно—на Вѣловежъ (на Ствигѣ)—на Войтковичи, обходила Убортьскую волость бискуповъ Виленскихъ съ запада и сѣвера, до с. Вуйновичъ включительно; отъ Вуйновичъ овруцкая граница шла на Ремезы и Чертеземъ спускалась въ Славечну.

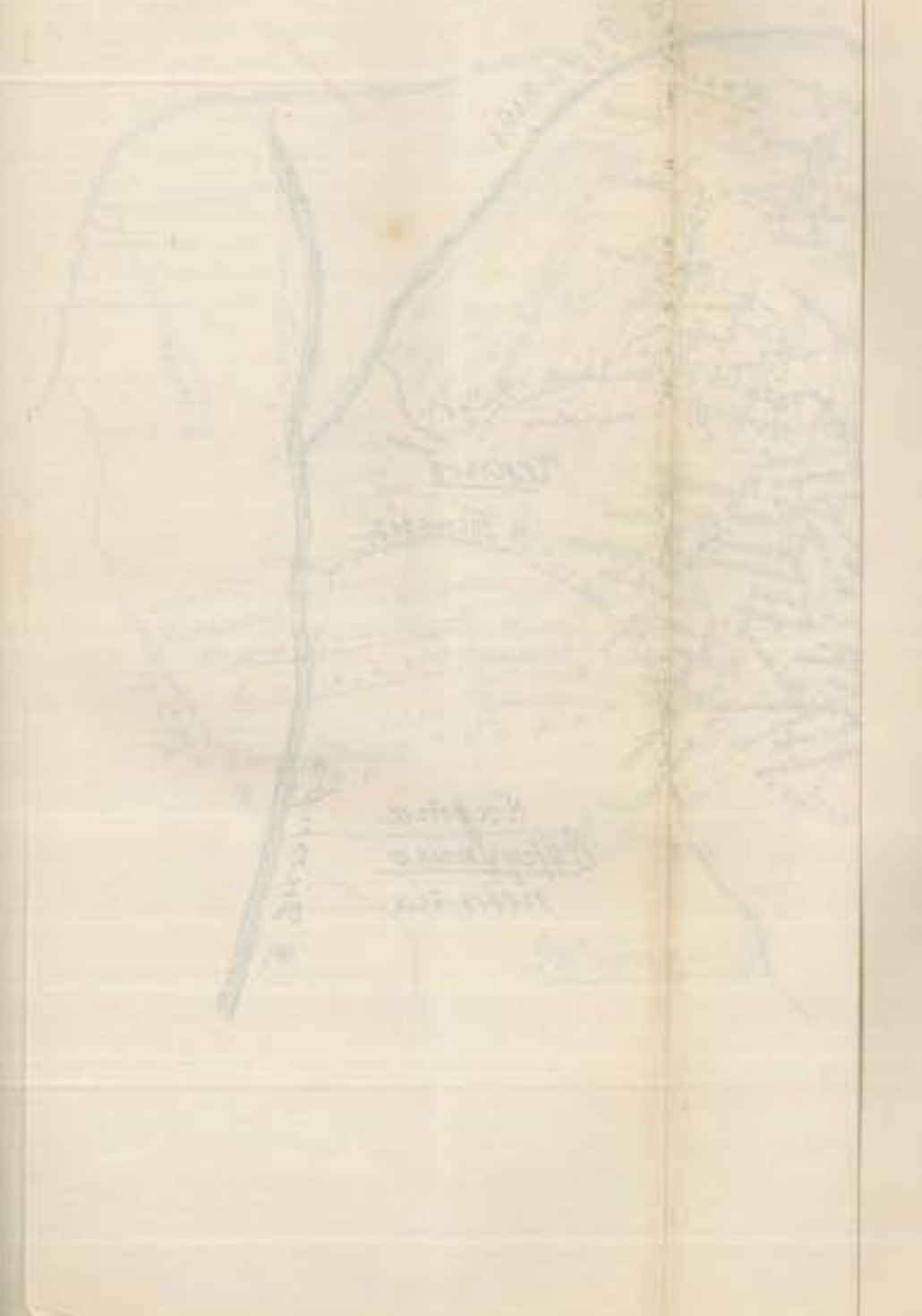
Далѣе, отъ устья Чертеня граница Овруцкаго повѣта съ Чернобыльскимъ шла на с. Выступовичи.—на Мухомды,

¹⁾ На юго-востокѣ границей владѣній бискуповъ и капитулы считалась р. *Поминца*, или *Локница*: „ни бискупомъ черезъ Локницу, ни каноничимъ; а бобры у Локницы съ полу гонити“. А. Ю. Р. II, № 75.

²⁾ По вычисленію Ябловскаго, Убортьская волость занимала „до 20 кв. миль“. Зг. XXII, 663.

³⁾ Зг. XX, 92.

⁴⁾ с. 48.

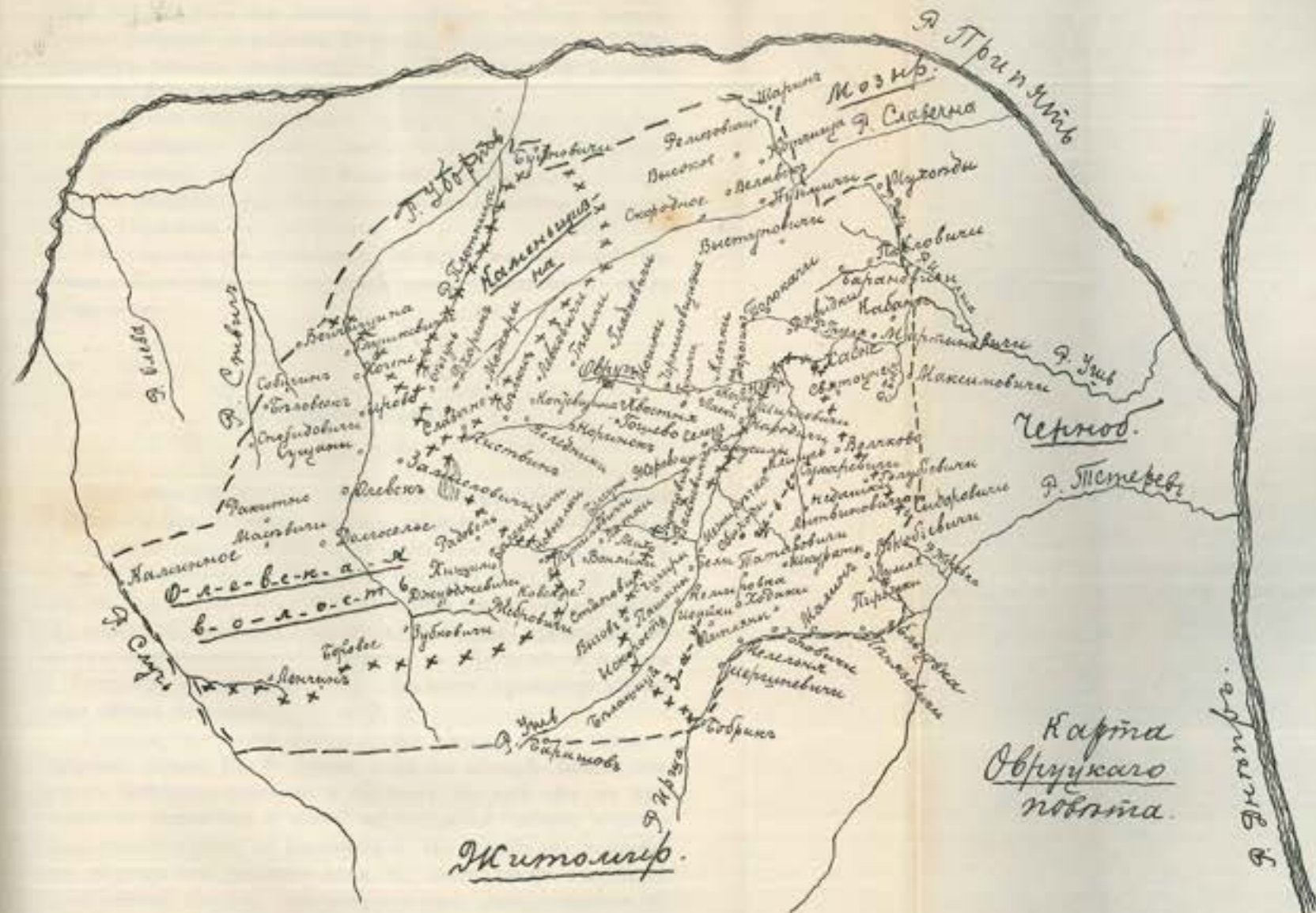

ашеничь на Уборти¹⁾, эта волость тяну-
торонамъ упомянутой рѣки въ направле-
е. Буйновичъ исключительно, имѣя своимъ
и дворъ" Дельчице²⁾. Сеймовые компе-
напи эту волость относящейся къ Велико-
ѣд. виѣ Овруцкаго повѣта, strzegąc porząd-
ięty dukt prowadząc z inszemi dobrami oby-
Litewsk.³⁾, что санкціонировано сеймомъ
бразомъ, въ концѣ первой четверти XVII
длость была инкорпорирована въ Мозырскому
ительно, чтобы она входила въ составъ
до уиѣн, ибо трудно ее исключить изъ
цѣ въ то самое время, когда Велавскъ,
безспорно, признавались лежащими въ
тѣмъ болѣе, что по люстраціи 1552 г. то
села—данна господарская отъ замку Ов-

во вниманіе все, доселѣ сказанное нами о
вруцкаго пов., можно приблизительно указать
говоримъ: приблизительно, потому что повѣ-
этотъ періодъ вообще не отличались вы-

приблизительно отъ урочища Могильнаго на
вруцкаго повѣта шла по теченію р. Случи
Бабненихъ; отсюда поворачивала на по-
въ сторонѣ с. Сеховъ (?) и Слободку съ руд-
— на Ракитно—на Бѣловежъ (на Ствигѣ)
обходила Убортьскую волость бискуповъ
запада и сѣвера, до с. Буйновичъ включи-
ловичъ овруцкая граница шла на Ремезы
укалась въ Славечну.

устья Чертеня граница Овруцкаго повѣта
шла на с. Выступовичи,—на Мухомды,
тогда границей владѣній бискуповъ и каштулы счи-
или Локница: „ни бискупомъ черезъ Локницу, ани
ры у Локница съ полу гонити“. А. Ю. Р. II, № 75
енію Яблоновскаго, Убортьская волость занимала
Ст. XXII, 653.

отсюда течением р. Речи спускалась въ Илшу и слѣдовала Илшей до устья въ нее Вильчи, отъ устья Вильчи падала на устье Бобриска; течениемъ Бобриска спускалась до с. Максимовичъ, отсюда поворачивала на Сидоровичи и Воробіевичи и по Ризи спускалась въ Иршу.

Р. Иршей шла супольная граница Овруцкаго повѣта съ Житомирскимъ, такъ что, напр., м. Городище принадлежало Житомиру, а сосѣдній Малинь—Овручу,—до с. Бобриска; отъ с. Бобриска овруцко-житомирская граница сворачивала на Барашовъ—и въ Случь.

Въ указанныхъ границахъ, по приблизительному вычисленію Яблоновскаго, Овруцкій повѣтъ занималъ около 280 кв. миль ¹⁾.

Житомирскій повѣтъ.

(Очеркъ III).

Житомирскій повѣтъ находится между двухъ, рѣзко различныхъ между собою, полосъ: лѣсной и степной. Та и другая захватываютъ извѣстную часть его территоріи, такъ что по характеру мѣстности Житомирскій повѣтъ является какъ бы двуликимъ Янусомъ: сѣверная половина его—лѣсная, южная же напоминаетъ степь. Если мы проведемъ линію приблизительно отъ Полоннаго на Чудновъ и дальше по Тетереву, то она какъ разъ придется границею между этими двумя частями.

Упомянутыя части различаются между собою также и составомъ почвы. Въ то время, какъ на сѣверѣ почва изобилуетъ болотами, песками и торфомъ, на югѣ она по преимуществу глинистая и часто черноземная; обиліе мергеля много способствуетъ ей плодородію. Но еслибъ мы попробовали поднять эти верхніе слои, то подъ ними нашли бы плутоническія породы, характеризующіяся совершеннымъ отсутствіемъ органическихъ окаменѣlostей древнихъ періодовъ и преобладающею массою чисто сѣраго гранита, прорѣзывае-

¹⁾ Зр. XX, 31 wstep.

маго жилами весьма рѣдкихъ и драгоценныхъ жильныхъ скалъ¹⁾. Порою эти плутоническія породы, особенно по теченію рѣкъ, обнажаются, поражая зрителя удивительнымъ разнообразіемъ формъ и цвѣтовъ. Пока приходится довольствоваться этимъ, ибо разработка минеральныхъ богатствъ этого изобильнаго на нихъ края, можно сказать, что еще не началась. Впрочемъ, обработка глины и эксплуатація желѣзной руды для домашняго употребленія и почти первобытными способами ведется и теперь (въ скромныхъ размѣрахъ) мѣстными жителями.

Таковъ край. Изъ сказаннаго, между прочимъ, слѣдуетъ, что въ южной своей части онъ пригоденъ для земледѣлія. И мы имѣемъ указанія, что населеніе Житомирскаго повѣта дѣйствительно занималось имъ, поскольку особыя обстоятельство не препятствовали этому. Древнѣйшая люстрація Киевской земли отмѣчаетъ, напр., въ Чудновѣ 32 человекъ, „которые землю пахутъ“; такихъ же въ Ловковѣ 18 человекъ, въ Крошиѣ—20, въ Сѣпоговѣ — 55²⁾ и т. д. Въ этой же люстраціи указаны фольварки (слѣдовательно, хозяйство поставлено уже на болѣе или менѣе широкую ногу) въ Чудновѣ, Житомирѣ, Костешомѣ, Грежанахъ. Въ соотвѣтствіи съ этимъ, мы находимъ въ Житомирскомъ повѣтѣ и издѣльные повинности, которыя, впрочемъ, ограничиваются одной толокой. По той же люстраціи, на толоку ходятъ жители селъ: Тетеровки и Сипелевки; жители с. Котельни „съ топоромъ и косяю ходятъ“; жители с. Рудниковъ будутъ на толоку ходить, „какъ волю высѣдигъ“.

Все выше приведенныя данныя относятся къ 70-мъ гг. XV ст., т. е. къ самому началу воеводскаго режима³⁾. Документы XVI в. тоже упоминаютъ о земледѣліи—о земляхъ

¹⁾ Объ этомъ см. ст. Г. Осоевскаго въ Трудахъ Волынской губ. Статист. Комитета, вып. I, Житомир 1867 г.

²⁾ Собственно платящихъ подымщину, но обыкновенно только „веданныхъ люди, што пахутъ“, давали подымщину. См. А. Ю. З. Р. VII, II, № 1.

³⁾ Эти данныя можно было бы еще пополнить на основаніи грамоты А. Боголюбскаго Киево-Печерскому монастырю, которая обязываетъ населеніе нѣкоторыхъ мѣстъ Житомирскаго повѣта (Мышко, Ловковъ, Кочерево, Кичкиры) платить въ пользу означеннаго монастыря десятину отъ пашень.

пашенныхъ и пашняхъ дворянскихъ¹⁾, но, судя по нѣкоторымъ даннымъ, земледѣліе въ это время являлось уже случайнымъ занятіемъ, а въ качествѣ обычнаго и постояннаго выступаютъ промыслы.

Изъ промысловъ на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить бортничество, затѣмъ—звероловство, въ частности — бобровые гоны, рудничество и проч.

Бортничество было болѣе распространеннымъ занятіемъ мѣстнаго населенія. Уже древнѣйшая люстрація отмѣчаетъ цѣлый рядъ бортниковъ въ Чудновской волости, которыя, впрочемъ, не пренебрегали и бобровыми гонами; нѣкоторыя пустошины, по той же люстраціи, эксплуатировались „полазамъ“, т. е. находомъ — подъ пчелъ; *данники* въ этой люстраціи — болѣе многочисленный разрядъ платящихъ. Если мы, затѣмъ, изъ XV в. перенесемся въ XVI, то увидимъ то же самое, и даже болѣе того, такъ какъ въ это время промыслы развивались за счетъ земледѣлія и являлись основнымъ факторомъ, питавшимъ благосостояніе края. Люстрація 1545 г. сообщаетъ о житомирскомъ пушкарѣ Сигизмундѣ, между прочимъ, что онъ держитъ земли—одну служебную, а другую—гивунскую, *w kotorychъ zemlachъ derewo bortnoie iestъ u medъ na siebie lazitъ*²⁾. Въ 1559 г. житомирскіе земляне Вороны—племянникъ и дядя—учинили раздѣлъ дѣдичныхъ имѣній — наполю: *медъ съ бортяхъ съ пчелами и безъ пчелъ, поля, пшени дворянныя etc.*³⁾. Продукты бортничества служили для житомирскихъ обывателей обычнымъ предметомъ торговли, находя себѣ сбытъ преимущественно въ господарскихъ замкахъ. Въ 1539 г. земляне повѣта Житомир.—Яхно и Грыцко Вороны—жаловались на своего старосту, между прочимъ, за то, что тотъ заборонялъ *miodu*

¹⁾ „Земли пашенныя“ въ числѣ друг. угодьевъ упоминаются въ привилеѣ К. Острожскому на Чудновъ и Звяголь; Воронычи дѣлятся „пашнею дворянскою“; по люстр. 1552 года, на замки приходилось около 100 коп. десятины съ городской земли, сдаваемой въ аренду (ср. А. Ю. З. Р. VIII, II, № 25).

²⁾ *Žr.* VI, 141. Та же люстрація, только по другому списку, нашла въ А. Ю. З. Р. VII, I, № 17.

³⁾ А. Ю. З. Р. VII, I, № 7, с. 58.

przasnego do zamków hospodarskich dla pożywienia swego woźić y przedawać¹⁾.

На второмъ мѣстѣ послѣ боргничества нужно поставить звѣроловство и бобровые гоны. Древнѣйшая люстрація отмѣчаетъ бобровые гоны (въ Тетеревкѣ) и специальный налогъ въ пользу господарскихъ бобровничихъ; здѣсь мы встречаемъ также *ловцовъ* (с. Ловковъ, Костешое) и *сочниковъ* (с. Бордвиковъ), занятіемъ которыхъ, очевидно, было ловить или сочить звѣря; подати иногда отмѣчаются куницами (шеретью?). То же и въ XVI в. Въ 1507 году, напр., король Сигизмундъ жалуетъ кн. Острожскому имѣнія въ Житомир. повѣтъ—Чудновъ и Звыголь, между прочимъ, и съ *ловами лѣвриными* и *пташними*²⁾. Нѣсколько раньше (1505 г.) Д. А. Кмита, прося у господари с. Романова въ Житом. повѣтъ, повѣдалъ, между прочимъ, что дани съ того села даютъ „40 ведеръ меду пресного, а 12 лисиц шерстью, а къ тому дѣй въ томъ селе *бобровые гоны*“,—и господарь, на его челобитье, то сел. Романовъ ему далъ, „з людьми и лисичными изъ *бобровыми гонми*“³⁾. Въ 1540 г. земляне Житомир. повѣта—Вороничи жалуются на своего старосту кн. Ѡ. Корецкаго, że w oyczyzny ich strzelcy wysła zwierz lowić, strzelać y w oyczyznie ich, sieliszczu Kroszenskim, bobrowe gony pospołu z nimi goni, a rogoniwszy z nami dzielnice naszą nam niedaie⁴⁾. Въ рядѣ документовъ, относящихся къ этимъ землямъ, и затѣмъ въ люстраціяхъ бобровые гоны отмѣчаются по Тетереву, Коднѣ и обѣимъ Каменкамъ. Житомирскіе обыватели вообще славилась, какъ отличные охотники. Wsi ziemianie y mieszczanie guczniczy w sebe maiut y strelati dobre wmeiut—свидѣтельствуютъ люстраторы 1545 г.⁵⁾ Продукты охоты, какъ и боргничества, также служили предметомъ торговли. Въ 1545 году бояре, мѣщане и всѣ люди тамошніе съ плачемъ жаловались люстраторамъ на своего старосту, что тотъ не позволяетъ имъ—ні меду пресного, ані звергу моchnatoho, ані воску nihde woziti i prodawati, и просили ласки госпо-

¹⁾ Ibid., с. 51, ср. ч. VIII, т. V, № 25.

²⁾ А. З. Р. II, № 29, I и III.

³⁾ Акты Д.-З. № 91; Леонтов. II, № 717.

⁴⁾ А. Ю. З. Р. VII, I, № 7, с. 53; ср. ч. VIII, т. V, № 25.

⁵⁾ Зг. VI, с. 140.

даркою, чтобы имъ wolno bylo kudy chotia iesditi, torhowati¹⁾.

Наконецъ, въ документахъ, какъ и въ тогочасной номенклатурѣ, мы находимъ указанія и на эксплуатацію минеральныхъ богатствъ, въ частности — *железной руды*. Въ 1537 г., напр., житомирскіе мѣщане жаловались на дворянина Лукаша Лозовицкаго, „штожь забралъ онъ руды и селница ихъ“, въ числѣ которыхъ поименованы, между прочимъ, *Руда Рудная*, *Руда Малая*, *Руда Немецка* — всѣ по Гуйвѣ²⁾. Приблизительно въ той же мѣстности намъ извѣстно и с. *Рудники* п. Тышкевичей, а грамота Владимира О. Половцу зе Сквира называетъ *Рудню* на Тетеревѣ. Къ этому можно еще прибавить, что въ раздѣлѣ между дядей и племянникомъ Вороничами въ 1559 году пошла также и *железная руда*—наполю.

Объ эксплуатаціи лѣсовъ мы не имѣемъ непосредственныхъ документальныхъ данныхъ изъ разсматриваемаго періода, но можно думать, что житомирскіе обыватели не преминули воспользоваться и этой категоріей природныхъ богатствъ. По крайней мѣрѣ люстрація 1570 г. говоритъ о *льсахъ*, *пущахъ* і *инныхъ* wszelakich pożytkach, выражая желаніе, aby mieszczanie używali (ich) wedle starodawnego zwyczaju³⁾.

Не смотря на въ общемъ благоприятныя природныя условія для экономического развитія края, оно въ дѣйствительности стояло далеко не на той высотѣ, на какой могло бы стоять, не будь одного препятствія—именно Татаръ. Близость степи живо давала себя чувствовать населенію Житомирскаго повѣта, заставляя его значительное количество времени проводить подъ защитою замка—dla pohanstwa Tatar po seliszczam swoim rachati ne smeia. Бывали даже моменты, когда это населеніе грозило разойтись прочь и, можетъ быть, дѣйствительно разошлось бы, еслибъ ему не были даны всевозможныя льготы и привиллегіи. Отъ татарской грозы запустѣли села отъ 6—7—8—10 лѣтъ передъ люстраціей

¹⁾ Ibid. с. 143.

²⁾ Грамоты Антоновича, прилож. № 3; А. Ю. З. Р. VII, I, № 12.

³⁾ Зг. XX, 15.

1552 г. ¹⁾ Предыдущая люстрація насчитываетъ такихъ запустѣвшихъ селъ-селищъ 10, которыя не имѣли не только населенія, но и были лишены владѣльцевъ — *kotoryi zhinuli od Tatar, a inszyi wumerli, odrodków żadnych nie zostało sia* ²⁾. Тѣ же, которые остались въ живыхъ, находились въ крайнемъ убожествѣ. Бояре жаловались, что они все — калѣки, *inszyi u woła nie mająt* ³⁾, мѣщане представляли себя въ видѣ горчаковъ, которые — 40 или 50 человекъ — не только не могутъ полнить своихъ повинностей, но и сами не могутъ жить, *nie mająt szum sia pożywiti u koncu na szom zachowati, bo dey koždy z nas chleb surniem na Wolyi u na Podole iezdeczy, u wzo dey szuia nasza od chleba niełobodna* ⁴⁾. Все же группы населенія Житомирскаго повѣта — земляне, мѣщане и люди тамошніе — *placziwie szołom bili* люстраторамъ, что, если не будетъ ласки и милости господарской, *pru tom zamku uderzati sia nie możem a poudem wsi prosz* ⁵⁾.

Сельское населеніе Житомирскаго повѣта почти до конца XVI вѣка тянуло къ замкамъ — Житомирскому или Чудновскому. Это были, въ большинствѣ случаевъ, *данники* или *слуги*, въ меньшинствѣ — *люди тяглые*. Въ XVI в. картина рѣзко мѣняется. Въ моментъ люстраціи 1545 г. уже ни одно село не тянетъ къ замку — все правдами или неправдами пошло въ руки землянъ. Отчасти это обстоятельство, а больше всего татарскія опустошенія, начавшіяся съ Менгли-Гирея, внесли въ среду мѣстнаго крестьянскаго населенія такую перевероть, что *слуги* перешли въ разрядъ *данниковъ*, люди *тяглые* освободились отъ своего тягла, осѣдлые земледѣльцы бросили насиженные мѣста и, проживая зимой и лѣтомъ при замкѣ, находомъ пахали свои поля или обращались въ бродячихъ промышленниковъ.

Что касается житомирскаго мѣщанства, то оно въ своихъ занятіяхъ ничѣмъ не выдѣлялось отъ сельскаго населенія, хотя въ другихъ отношеніяхъ и было отъ него обособлено. По древнѣйшей люстраціи, напр., все мѣщане чуднов-

¹⁾ Эта люстрація издана въ А. Ю. З. Р. VII, I, № 18.

²⁾ *Зг.* VI, 133.

³⁾ *ibid.* 135.

⁴⁾ *ibid.* 139.

⁵⁾ *ibid.* VI, 143.

скіе „на толоку ходять жита жати и сена косити“ ¹⁾; там же — можетъ быть, среди самихъ мѣщанъ — упомянутая люстрація отмѣчаетъ 32 человекъ, „которые землю пахуть“. Еще въ XVI вѣкѣ житомирскіе мѣщане имѣютъ свои власные пасѣки и уходы, изъ-за которыхъ ведутъ борьбу то съ поселянами, то съ боярами. Такъ, при Житомирскомъ мѣстникѣ Кмитѣ Александровичѣ мѣщане жаловались кор. Александру на данниковъ господарскихъ, „штожь дей гдѣ они пчолы свои мають по пасѣкамъ здавна, и они одтол ихъ выгоняють и не даютъ имъ пчель своихъ мѣти“. Одновременно они жаловались также и на тамошняго боярина Окуша Калениковича, что тотъ „землю ихъ власную и выходъ въ нихъ однять и жытомъ насѣять“ ²⁾. Кроме того, житомирскіе мѣщане располагали еще замковой землей на протяженіи $1 \times \frac{1}{2}$ мили отъ города, которую имъ „вольно было пахать“ безвозмездно. Но съ теченіемъ времени все эти пашни и уходы переходятъ въ руки мѣстнаго боярства. Уже въ 1570 г. житомирскіе мѣщане *z wielką obciążliwością uskarżali się, że są uciśnieni od szlachty przed osiedzenie gruntów miejskich*. Люстраторы, расслѣдовавшіе дѣло, нашли, что ихъ грунты są *miedzy szlachtą rozebrane*. Между прочимъ, въ этомъ люстраторы усматривали не маловажное препятствіе къ дальнѣйшему развитію города: *miasto szzerzeć się nie mogło* ³⁾.

Въ отношеніи отбыванія повинностей житомирскіе мѣщане, вслѣдствіе своего убожества, пользовались значительными льготами. „Послѣ того, какъ Менгли-Гирей царь (читаемъ въ люстраціи) мѣсто добылъ и звалъ за Казимира короля е. м., тогда дей господарь король, бачачи знищенье мѣста адѣшняго и спустошенье селъ, одъ тое *стацем* и *модводъ* вызволилъ ихъ“ ⁴⁾. За этимъ вызволеніемъ, на обязанности мѣщанъ осталось только — кошеніе сѣна, погоня за неприятелемъ и оправленье замка ⁵⁾.

¹⁾ Еще по люстр. 1552 г. на обязанности житом. мѣщанъ оставалось сено косити на замок дей одуп у *zwaszytu*, с. 145.

²⁾ *Зг.* VI, 137.

³⁾ *Зг.* XX, 15.

⁴⁾ *Зг.* VI, 139, А. Ю. З. Р. VII, I, № 17, с. 131.

⁵⁾ А. Ю. З. Р. VII, I, № 18, с. 145.

Житомирское боярство—земле в большинстве случаев состояло из магнатов, имевших свои имения не только в Житомирском, но и в других повятах, даже не всегда Киевской земли. Не говоря уже о кн. Острожских, возможность которых весьма известна, упомянем в этом числе п. Горностаев, занимавших при дворе видные должности и владевших обширными поместьями в разных землях Литовского государства; Вороничей, проживавших обыкновенно в Хмельнику, а в Житомир приѣзжавших только для выбора дани,—Немиричей, Халецких, Олизаров-Волчквичей. Были, впрочем, в Житомирском повете и очень бедные шляхтичи, как, напр., боярин Бѣликъ, владѣвшій одной Бѣликовщиной, да и изъ той вытиснутый Кристофомъ Кмитичемъ; какъ Шеніовскіе, владѣвшіе только однимъ селіщемъ, да и то—пустымъ; Филипповскій—тоже. По отношенію къ этимъ шляхтичамъ не будетъ преувеличеніемъ сказать, что *inszy i wola nie maieł*. Остальные, хотя и представлялись передъ люстраторами калѣками, въ дѣйствительности были далеко не такими. Напротивъ, житомирское боярство—крайне агрессивный и самоуправный элементъ. Пользуясь своими связями и матеріальной силой, оно грабило и всячески притѣсняло другія общественныя группы, какъ, напр., мѣщанство, было поводомъ даже своимъ, болѣе слабымъ собратіямъ (какъ Кр. Кмитичъ Бѣлика); наконецъ, великими правдами и неправдами уклонялось отъ замковой службы. Приведемъ нѣсколько фактовъ для иллюстраціи только что сказаннаго.

Въ 1505 г. Дм. Кмита выпросилъ себѣ у господара замковую волость Романовъ, въ которой была дань медоваа и служба шла на замокъ. Впоследствии эта волость перешла къ Острожскимъ, которые „всю повинность обернули къ Чудову“, а на то—замѣчаетъ люстраторъ—*zadnoie twerdosci nie maieł*. Тотъ же Кмита въ 1499 г. выпросилъ другое имѣніе въ Житомирскомъ повете—Коростешевъ, въ которомъ было 18 путныхъ слугъ, полнившихъ замковую службу, а Кристофъ Кмитичъ пораздавалъ тѣ земли на дань себѣ „и тое все повинность на сторону одложилъ и на замокъ господарскій полнити не хочеть“. Къ тому же онъ еще вытиснулъ изъ соседняго имѣнія боярина Бѣлика „и тую зем-

лю себѣ забралъ безъ дани крулевской“. Подобнымъ образомъ поступалъ и Грыцко-Вороничъ. Онъ присвоилъ себѣ господарскую служебную землю Алексеѣвщину, „которую мѣнить себѣ закрошненскою“, хотя въ его жалованныхъ листахъ оной земли, на имя писанной, не показано, какъ не показано въ нихъ и вызволенія отъ работъ и повинностей замковыхъ, отъ даванія стацій и подводъ и проч. обязанностей, которыхъ онъ не хотѣлъ нести съ своего отчиннаго имѣнія—Крошии¹⁾.

Послѣ того, какъ уклоненіе отъ замковой службы и др. повинностей фактически уже совершилось, житомирскіе бояре постарались санкціонировать его господарскимъ листомъ, каковой, дѣйствительно, и получили отъ кор. Сигизмунда за годъ до ревизіи замка (1544 г.). Эта хартія вольностей житомирскаго боярства содержала въ себѣ вызволеніе „зъ ласки господарской“, *od roboty mostu zamkowego, y od klikowazszyny y od desetiny dawania—ich samych y ludey ich*²⁾. О подниманіи послѣдовъ господарскихъ подводъ и стаціями въ этой хартіи не говорится, однако, житомирскіе бояре и отъ этой повинности „повѣдали себя вызволенными“, осылаясь на нее же.

Послѣ всего выше сказаннаго, считаемъ возможнымъ приступить къ обзору колонизаціи.

Г. Житомиръ—мѣсто, резиденція старостъ и замокъ. Въ до-Монгольскій періодъ Житомиръ не упоминается въ лѣтописяхъ и, по всей вѣроятности, онъ тогда еще не существовалъ. Впервые Житомиръ упоминается въ пространной литовско-русской лѣтописи (спис. Выховца и примыкающ.) при описаніи похода Гедимина на Кіевъ³⁾. Но такъ какъ самый этотъ походъ есть позднѣйшій вымыселъ, то и существованіе Житомира въ эту пору остается сомнительнымъ. Первое достоверное извѣстіе о Житомирѣ восходитъ къ 1394 году, когда подъ нимъ происходило свиданіе Витовта съ Владиміромъ Ольгердовичемъ, окончившееся на первый разъ перемиріемъ⁴⁾. Въ 1399 году Житомиръ, по всей вѣ-

¹⁾ Зр. VI, 142—3.

²⁾ Зр. VI, 135.

³⁾ Собр. лѣт. XVII, 492.

⁴⁾ *ibid.*

роитности, былъ разоренъ Темирь-Кутлуемъ; не смотря на то, въ извѣстномъ спискѣ городовъ Свирягайла онъ фигурируетъ въ числѣ торговыхъ и населенныхъ мѣстъ Литовской Руси. Вообще XV в., до Менгли-Гиреева вынѣтїя, былъ временемъ развитїя и процвѣтанїя города. Въ это время Житомиръ велъ торговлю не только съ другими мѣстами Литвы и Польши, но даже и съ заграницей (Данцигъ). Но Менгли-Гирей нанесъ рѣшительный ударъ городу, отъ котораго онъ больше уже не могъ оправиться въ теченїе всего разсматриваемаго періода. Правда, литовскіе господа, насколько могли, старались залечить его раны: освободили горожанъ отъ содранїя волосъ и гонцовъ и пр., но это мало въ общемъ подняло благосостояніе Житомира. „Вжо — жаловались горожане — кушмы мало Житомира займають, вси ся обернули черезъ поле иншею дорогою — на Слободыше ѣздити“¹⁾. Это было фактическимъ признанїемъ упадка города, хотя еще и въ то время (40-е гг. XVI в.) пошлины съ житомирскихъ корчемъ и мыта составляли „не малую суму пенежную“²⁾.

Въ разсматриваемый періодъ (начиная съ водворенїя въ Киевщинѣ воеводекаго режима) Житомиръ управлялся намѣстниками, которые около 1520 г. стали именоваться старостами. Изъ намѣстниковъ старость Житомирскихъ намѣстны:

- Сенько Романовичъ 1488³⁾;
- Жигимонтъ Ольбрыховичъ⁴⁾;
- Дмитрій А. Кмита 1501—22⁵⁾;
- Ягъ бискупъ — князь 1525⁶⁾;
- Глѣбъ Пронскій 1536⁷⁾;
- Семень Пронскій 1538—9⁸⁾;
- Вогушъ Ѡ. Корецкій 1539—46⁹⁾;

¹⁾ Зр. VI, 139.

²⁾ А. Ю. З. Р. VIII, V, с. 41.

³⁾ Акты Леонтовича I, № 54.

⁴⁾ А. Ю. З. Р. I, VI, № 6.

⁵⁾ Зр. VI, 136-7, 41.

⁶⁾ Сбор. Малиновскаго, с. 13.

⁷⁾ А. Ю. З. Р. VIII, V, с. 456.

⁸⁾ А. Ю. З. Р. VII, I, с. 51—53; *ibid.* VIII, V, с. 456.

⁹⁾ А. Ю. З. Р. VIII, V, с. 459; *ibid.* № 25.

Дмитрій—Петръ Сангушковичъ 1549—52¹⁾;

Андрей Г. Пронскій 1554—57²⁾;

Романъ Ѡ. Сангушко и его справца

Миханлъ Сѣмашко³⁾.

Въ 1559 году Житомиръ признанъ столицей повѣта, съ привилегіей на повѣтовые сеймики. Конституціей этого года постановлено отбывать въ Житомирѣ вторые роки земскіе Киевскіе, въ понедѣльникъ по Новомъ годѣ⁴⁾.

Житомирскій замокъ имѣетъ свою исторію. Въ 1482 г. онъ былъ разрушенъ Менгли-Гиреемъ; восстановленный послѣ этого, онъ „згорѣлъ одъ прыгоды“ въ державіе Дм. А. Кмиты (около 1552 г.⁵⁾); вторично восстановленный Яномъ бискупомъ-княземъ, онъ снова сгорѣлъ около 1538 г.⁶⁾. Послѣ этого Житомирскій замокъ вновь отстроенъ „пенязьми скарбу господарского черезъ справу и шафованье пана Семена Бабинскаго“, въ каковомъ видѣ и представляется намъ въ люстраціяхъ⁷⁾.

Житомирскій замокъ стоялъ на горѣ, на $\frac{2}{3}$ скалистой, съ крутыми обрывами, надъ р. Каменкой, при впаденїи ея въ Тетерень. Доступъ неприятелю открывался только со стороны мѣста, но былъ прегражденъ глубокимъ ровомъ. Пространность замка—82×25 саж. На этомъ протяженїи довольно высокія стѣны замка имѣли для своей защиты 45 городенъ, 4 вежи и 2 башты. Но, защищенный самою природою и столькими сооруженїями, Житомирскій замокъ, по отзыву люстраторовъ, не представлялъ изъ себя оборонительной силы, ибо былъ „недбале зробленъ“. Прежде всего — онъ не

¹⁾ А. Ю. З. Р. VII, I, № 18; Wolff Kniazowie, 432.

²⁾ Wolff *op.* с. 400.

³⁾ А. Ю. З. Р. VII, I, с. 58; Wolff *op.* с. 433-4.

⁴⁾ Первые отбывались въ Киевѣ, въ понедѣльникъ по св. Юрія, третьи — въ Овручѣ, въ понед. по св. Бартоломеѣ. — *Volum. legum.* II, 159—60; *Slownyk* XIV, 906.

⁵⁾ Зр. VI, с. 41.

⁶⁾ А. Ю. З. Р. VIII, V, № 8. Подозрѣвали, что „оного спаленя замковаго прычыною былъ земляниъ Житомирскій Иванъко Премковскій“; однако этихъ подозрѣній никто не рѣшился доказывать передъ панамъ радой на Виленскомъ сеймѣ.

⁷⁾ Напомнимъ, что люстр. 1545 г. издана въ А. Ю. З. Р. VII, I, № 17 и въ Зр. VI, с. 128 *sqq.*, а 1552 г. — въ А. Ю. З. Р. VII, I, № 18.

занималъ всей горы въ обрѣзъ, такъ что „можно было идти около замка и возомъ ѣздити, а часу пригоды“ неприятель могъ „добре за тарасомъ на гору прийти и зостановившия на замокъ быти и стрѣляты“. Затѣмъ—гора была въ трехъ мѣстахъ „скажона“ глинокопателями „и ямы великии покопаны, гдѣ можетъ пѣсь ходити подъ вежу воротную“. „Опатренье“ замка—худое: покрытие на вежахъ и на всѣхъ обланкахъ „вельми худо и не моцио“, такъ что безъ малаго черезъ годъ послѣ зарубленія замка „нжо дыры сушь и на многихъ мѣстахъ каплетъ“. Стѣны плохо обмазаны; въ замкѣ нѣтъ ни воды, ни достаточнаго количества военныхъ припасовъ; нѣтъ даже подъемнаго моста, такъ что „часу пригоды одѣ неприятеля не только возомъ въ замокъ не можно проѣхати, але и пѣшому трудно на взводъ взйти, алежъ поползкомъ“. Въ виду этого, отсутствіе полевой стражи при замкѣ не было слишкомъ ощутительнымъ, ибо, по словамъ житомирскихъ обывателей, „николы сторожа не встережеть, а хоти и подстережеть Татарь, тогда до замку втекти передъ ними не могутъ“.

Населеніе Житомира въ разное время, разумѣется, колебалось въ своемъ числѣ. Мы имѣемъ, напр., обрывокъ люстраціи Кіевской земли, составленный около 1471 г., въ которомъ, правда, не указывается прямо количество городскаго населенія въ Житомирѣ, но сообщается одинъ фактъ, который можетъ служить критеріемъ къ его опредѣленію. Это—20 корчмъ, на которыхъ обратилъ уже вниманіе Владимірскій-Будановъ¹⁾, справедливо полагая, что значительному количеству этого рода заведеній должно соответствовать и значительное число обитателей—не только въ окрестностяхъ, но и въ самомъ городѣ. Опредѣленную цифру населенія г. Житомира сообщаютъ намъ люстраціи 1545—1552—1571 гг. Ее можно видѣть на слѣдующей таблицѣ:

	Домовъ			Головъ		
	1545 г.	1552 г.	1571 г.	1545	1552	1571
Мѣщанъ господарскихъ	49	52	105 ²⁾	343	364	735

¹⁾ Населеніе Ю.-З. Россіи, въ А. Ю. З. Р. VII, II, с. 25.

²⁾ Къ числу мѣщанъ мы относимъ слѣд. группы: мѣщанъ, живу-

	Домовъ			Головъ		
	1545 г.	1552 г.	1571 г.	1545	1552	1571
Мѣщанъ владѣльческихъ	—	—	—	—	—	—
Слугъ замковыхъ и др.	11	8	—	77	56	—
Людей владѣльческихъ	104	152	6 (амков.)	728	1064	42
Землянъ и бояръ	22	13	7 (цуты.)	154	91	49
Итого	186	225	118	1302	1575	826

Эти цифры показываютъ, что населеніе Житомира было наиболѣе многочисленно въ 1552 г. и наименѣе—въ 1571 г. Но эти выводы слѣдуетъ ограничить, такъ какъ въ первыя двѣ люстраціи занесены люди владѣльцевъ, и притомъ въ количествѣ, далеко превышающемъ собственно городское населеніе. *Tyi ludi*—говоритъ люстраторъ—*w meste Żytomirskom mieszkauiut*, а на *seliszczach* не *smeiut* передъ *Tatary* *żyti*. Но въ моментъ послѣдней люстраціи время было болѣе спокойное, и эти люди уже не показаны въ числѣ городскаго населенія. Выключивъ, поэтому, изъ нашихъ итоговъ случайные элементы, мы получимъ такіа цифры:

$$\text{для 1545 г.} - 82 \times 7 = 574$$

$$\text{для 1552 г.} - 73 \times 7 = 511$$

$$\text{для 1571 г.} - 118 \times 7 = 826.$$

Изъ этого слѣдуетъ, что количество собственно городскаго населенія за послѣдніе 25 лѣтъ увеличилось почти въ 1½ раза.

Что касается этнографическаго состава населенія, то въ массѣ своей, разумѣется, оно было русское. Въ числѣ примѣси можно отмѣтить среди горожанъ: 1 Нѣмца (пушкарь), 5 Татаръ¹⁾, 4 Литвиновъ и Поляковъ²⁾. Среди людей владѣльческихъ можно указать около 11 Татаръ³⁾ (Поляковъ и Литвиновъ не замѣтно).

нихъ въ мѣстѣ и въ заулкахъ (56+14), людей убогихъ, живущихъ за мѣстомъ (14), коморниковъ (11), перекупцевъ (5) и ремесленниковъ (5).

¹⁾ Ходоръ Турчинъ, Геранъ Кадантовичъ, Кучуць и два Епанчи.

²⁾ Яновець и Мацько изъ Овруча, Мацота изъ Милатана и Каспаръ прикомій.

³⁾ Анцухъ, Мандуръ Чернышкеничъ, Вендей, Маньюкъ Великовичъ, четыре Маньюковича, два Епанчи и Мефедко.

Мѣстность по теченію рѣкъ: Гуйвы, Гувки и верхней Роставицы нѣкогда была довольно заселенной. По Гуйвѣ намъ извѣстно до Менгли-Гиреева „вынятя“ около 7 населенныхъ мѣстъ, да по верхней Роставицѣ почти столько же. Но послѣ этого печальнаго событія всѣ села заустѣли, сдѣлавшись прибѣжищемъ однихъ подлазниковъ, которые на ходомъ устранивали здѣсь свои пасѣки. Только съ теченіемъ времени нѣкоторыя изъ нихъ получили болѣе обѣдое населеніе.

С. *Иляшевъ*—на берегу р. Гуйвы. Въ люстраціи 1545 г. Иляшевъ упоминается въ числѣ девяти другихъ селъ по теченію Гуйвы, заустѣвшихъ отъ Татаръ и лишившихся своихъ владѣльцевъ. Но уже въ 1555 г. Иляшевъ, вмѣстѣ съ *Хворощей* (ibid.) и *Тамашевымъ* (Ивница), принадлежалъ А. Кошлубаю, потомку котораго, имѣя постоянное мѣстопробываніе въ этомъ селѣ, по его имени прозванъ Иляшевскими¹⁾.—С. *Скипорова* ibid.—въ 1545 г. принадлежало Прержовскимъ, какъ закупное.—С. *Тулинъ*—южнѣе, на правомъ берегу Гуйвы. Во второй половинѣ XV в. Тулинъ былъ пожалованъ Кіев. кн. Семеномъ Омельковичемъ боярину Скинору, съ его сыновьями—Петромъ и Михайломъ. Въ 1482 г. оба послѣдніе были взяты Менгли-Гиреемъ въ плѣнъ и нѣкоторое время „терпѣли нужду заключенія въ Ордѣ Перекопской“, какъ гласитъ привилей Сигизмунда I. Затѣмъ какимъ-то образомъ—должно быть, выкупленные—Скипоры снова появляются на господарской службѣ. Имъ все-таки суждено было принять смерть „отъ рукъ поганскихъ“, послѣ чего имѣнія Скипоровъ—въ томъ числѣ и Тулинъ—по женской линіи перешли въ домъ Горностаевъ (Марія Скипорова за Остафіемъ Горностаевъ²⁾, за которыми и числятся по люстраціямъ. Въ 1545 г. Тулинъ вмѣстѣ съ *Сосновымъ* на Гнилонягѣ имѣлъ 10 человѣкъ населенія.—С. *Тамашевка* (т. Ивница), въ сторонѣ отъ Тулина. По люстраціи 1545 г. половина Ивницы тинула къ Житомиру, а другая—къ Киеву. Первую половину держалъ служебникъ старосты Житомирскаго—Яковъ Стрѣлецъ; кто держалъ другую половину, мы

¹⁾ Słownik VII, 46.

²⁾ Słownik III, 127.

не знаемъ, но въ 1555 г., по словамъ Руликковского, Ивница вмѣстѣ съ Хворощей и Иляшевымъ досталась леннымъ правомъ Александру А. Котлубаю¹⁾. Въ обводѣ 1566 г. граница смежныхъ повѣтовъ проведена на Ивницу, согласно съ данными люстраціи.

С. *Лещинъ*—противъ Тулина, на другомъ берегу р. Гуйвы. Въ 1517 г. при записи Ивашки Полозовича на островъ Кучуковъ и землю Мутишинскую Николо-Пустыинскому монастырю, въ числѣ людей добрыхъ былъ, между прочимъ, и *игуменъ Лещинскій*²⁾, изъ чего нужно заключить, что въ Лещинѣ въ это время былъ монастырь. Въ обѣихъ люстраціяхъ Лещинъ почему-то не упомянутъ³⁾, но въ 1559 г. при раздѣлѣ имѣній между дядей и племянникомъ Вороничами, въ числѣ людей добрыхъ, свѣтковъ околичныхъ, присутствовало и 5 человѣкъ изъ Лещина⁴⁾.—С. *Ивановцы* ibid. По люстраціи 1471 г. въ Ивановцахъ было 10 слугъ и 4 человѣка тяглыхъ, которые ходили на толоку и давали подымщину. Не извѣстно кѣмъ и когда, но, очевидно, уже впоследствии—Ивановцы были пожалованы церкви Пречистой въ Житомирѣ, а по ея заустѣніи, уже при Александрѣ—Гивѣушу Воронѣ.—С. *Волосовъ*—Олизара Волчкенича (1545).—С. *Котельня*—на правомъ берегу Гуйвы, въ томъ мѣстѣ, гдѣ эта рѣка расширяется въ озеро,—„городище, повѣдають, вельми доброе, мило не таковое, яко и Житомирское“. Въ 1471 г. въ Котельнѣ было 24 человѣка населенія, изъ которыхъ высидѣвше на волѣ ходили съ топоромъ и косою къ Житомирскому замку. Въ 1545 г. Котельня—городище безъ людей, въ 1572—„люди с. Котельни, въ числѣ 12, къ замку Житомирскому прислухаютъ“⁵⁾.

С. *Жерделевъ* (т. е. Халаньгородъ), *Звиачевъ* и проч. Въ 1471 г. въ Жерделевѣ было 3 слуги, въ Звиачевѣ—4 слуги и 5 тяглыхъ населенія. Тогда оба села тинули къ Житомирскому замку; но векорѣ послѣ этого Жерделевъ и Звиачевъ съ другими имѣніями по теченію р. Гуйвы были

¹⁾ ibid, VII, 46.

²⁾ А. Ю. З. Р. ч. I, т. VI, № 12.

³⁾ Яблоновскій отождествляетъ его съ Тулинскимъ.—Зг. XX, 152.

⁴⁾ А. Ю. З. Р. VII, т. I, № 7, с. 62.

⁵⁾ Зг. XX, 34.

пожалованы господарскому дворянину Нелюбу Гринковичу Лозовицкому, имѣвшему свое родовое гнѣздо въ Берестейскомъ пов. — Лозовицы. При нашествіи Менгли-Гирея всѣ эти имѣнья были опустошены, причемъ погорѣли и жалованныя грамоты на нихъ. Лозовицкіе снова переселились въ Литву, повидимому, отказавшись отъ запустѣвшихъ имѣній въ Житомирскомъ пов. Между тѣмъ татарская гроза минула, опустѣвшія селища снова стали заселяться, и Лозовицкіе увидѣли, что заброшенныя было имѣнія могутъ снова приносить доходы. Поэтому, спустя 10 лѣтъ по Менгли-Гиреевомъ вынѣтыи, Нелюбъ Гринковичъ бьетъ челомъ господарю, повѣдая, „штожь какъ поганство Татаре около Житомера были, такъ статку его побрали, домъ и въ томъ дому листы вси пожегли на 6 селищъ дѣдизны и отчизны его въ Житомирскомъ пов., около р. Гуйвы, нарицаемыя *Звилячка* и *Звилячак*, великій и малый *Жерделезъ*, *Руда Руйная* и *Руда Малайка*,—и проситъ господаря, абы ограничилъ и на то далъ листъ свой и тые селища 6, дѣдизну и отчизну его, подтвердилъ ему листомъ своимъ на вѣчность¹⁾, каковая просьба и была уважена господаремъ „для упадку его, который ему стался одъ поганства, одъ Татарь“. Впослѣдствіи эти имѣнья вторично были подтверждены Лозовицкимъ при кор. Сигизмундѣ I. При раздѣлѣ имѣній между сыновьями Нелюба Г., селища по теченію р. Гуйвы достались Лукашу Лозовицкому. Но этотъ мало ими занимался, будучи дѣятельнымъ слугою господаря, а тѣмъ временемъ Житомирскіе мѣщане прибрали упомянутыя имѣнья къ своимъ рукамъ. Когда, наконецъ, владѣлецъ вспомнилъ о своихъ имѣніяхъ и сдѣлалъ попытку фактически освоить ихъ, мѣщане обратились на него съ жалобой къ кор. Сигизмунду I, „штожь забралъ онъ руды и селища наши Житомирскыи, гдѣ они уходы свои мѣвали, около р. Гуйвы, почавши одъ mezi селища *Галчицкого* одъ *Рудки Нетечи*, занявъ *Руду Малайку* и *Руду Руйную*, къ тому великій и малый *Жерделезъ*, и тын руды, земли и селища до своихъ селищъ *Звилячылъ* приворочають, а мѣщанъ Житомирскихъ одтолъ выганяють“. Лозовицкому немного труда стоило показать не-

¹⁾ Грам. Антоновича, Прилож. № 4.

основательность этихъ претензій, въ результатѣ чего всѣ шесть селищъ по теченію р. Гуйвы были присуждены ему господарскимъ листомъ отъ 11/II 1537 г.¹⁾

Выигравъ процессъ, Лукашъ Л. на томъ и успокоился. Имѣнья по теченію р. Гуйвы только номинально числились въ его владѣніи, ибо онъ мало ими интересовался. При ревизіи Житомирскаго замка черезъ бискупа Фальчевскаго (1545 г.) и Льва Потѣя, когда всѣ земине должны были показать свои владѣльческіе листы, Лукашъ, будучи на послугѣ господарской за границей, не предъявлялъ своихъ листовъ, вѣдѣтвіе чего ревизоры привернули его имѣнья къ замку — въ той мысли, что неявившіеся либо „згинули одъ Татарь“, либо вымерли — „одродкозъ жадныхъ не зосталося“. Возвратившись изъ за-границы и найдя свои имѣнья во владѣніи замка, Лукашъ подалъ протестацію кор. Сигизмунду II „Повѣдиль передъ нами“ — говорится въ королевскомъ вырокѣ по этому случаю, — „штожь какъ послали есмо его на потребахъ нашихъ на ружные места, тогда безъ бытности его, кгда кн. Фальчевскій, бискупъ Лушкій и Берестейскій, а дякъ нашъ, п. Левъ Патѣй были одъ насъ на ревизію до Житомера посланы венхъ землянь, которые на онъ часъ около Житомера въ домахъ своихъ были, какъ которого зъ нихъ зовуть и имѣнія и селища ихъ отчизные и выслужонные, меновите пописали, а тые селища, которыхъ отчычи не отозвались, розумѣючи, што ихъ Татаре побили, або померли, и его Лозовицкого шесть селищъ дѣдичные и отчизные около р. Гуйвы у повитѣ Житомерскомъ лежащие, называемые *Звилячку* и *Звилячую*, вел. и малый *Жерделезъ*, руду *Руйную* и руду *Малайку* въ однемъ обрубѣ, то все безъ бытности его къ замку Житомерскому за пустыи въ ренстрѣ выписали... и билъ намъ чоломъ, абы есмо... тые селища его дѣдизные и отчизные тымъ нашимъ листомъ подтвердили ему на вѣчность“, — что и было исполнено²⁾.

Наслѣдникъ Лукаша — Андрей Лукашевичъ, оставшійся владѣтелемъ 6 селищъ на Гуйвѣ, заставилъ ихъ Фридриху Тышкевичу въ 30 коп. гр. литовскихъ. Отъ этого Тышке-

¹⁾ Грам. Антоновича, Прил. № 3—А. Ю. З. Р. VII, I, № 12.

²⁾ Грам. Антоновича, Прил. № 4.

вича тѣ селища перешли захватнымъ правомъ къ осѣднему владѣльцу изъ Котельни—Кирику Ружинскому, который на посадѣ великаго Жерделя построилъ замочекъ, снабдилъ его вооруженіемъ, населилъ людьми и назвалъ его *Скоргородомъ*, въ воспоминаніе того, что *był napredce, hartownie założony*. Но въ скоромъ времени Тышкевичъ добылъ этотъ замочекъ и уничтожилъ его. Все это, впрочемъ, совершалось уже за предѣлами рассматриваемаго нами періода¹⁾.

Изъ шести селищъ, упоминаемыхъ въ исторіи выше означенныхъ имѣній, въ настоящее время существуютъ только—*Гавчинъ* и *Жерделевъ* (т. Халаимгородъ); остальные исчезли, какъ исчезли еще 3 селища на Гуйвѣ, показанныя въ числѣ запустѣвшихъ люстр. 1545 г.—*Големичево, Борцово, Олибеловщина*.

С. Хвороща (т. Нехворощъ) — на р. Хворощи, послѣ Менгли Гиреева вынута прозванной Пустохой. Разоренная Менгли-Гиреемъ Хвороща еще въ 1545 г. оставалась селищемъ безъ обитателей, забытая также и своими владѣльцами, почему люстраторы 1545 г. причислили ее въ числѣ другихъ 9 селищъ къ Житомирскому замку. Въ 1555 г. Хвороща досталась леннымъ правомъ А. А. Котлубаю, но за отсутствіемъ средствъ не была снабжена жителями до самаго конца рассматриваемаго періода²⁾. — *С. Скрылецы* (т. Крыловка?)—между Хворощей и Жерделемъ; издавна тянуло къ Житомирскому замку, но около 1545 г. „тоє селище п. Василей Тышкевичъ отнял и привернулъ къ замку своему Слободыщу“³⁾. — *С. Бернавка*, или Бѣлополь, надъ р. Закіяной (уже въ Киев. губ., Бердич. уѣзд.) нѣкогда въ составѣ Слободыщенскихъ имѣній было пожаловано Свигригайломъ его слугѣ Каленику Мишковичу, родоначальнику Тышкевичей. Въ моментъ люстраціи 1545 г. Бернавка принадлежала Василію Тышкевичу. — *С. Рудники* — м. б. т. Чернорудца, на востокъ отъ Бернавки? По люстр. 1471 г. въ Рудникахъ было 9 человекъ тяглыхъ, которые еще воли не высидѣли. Въ 1437 г. Рудники въ числѣ др. имѣній были пожалованы

¹⁾ Нѣкоторые дополненія къ указаннымъ нами документамъ, сообщаетъ Руликоскій въ *Słownik* I, 540-1.

²⁾ *Słownik* VII, 46.

³⁾ *Słownik* I, 192; *Зр.* VI, 130.

Свигригайломъ Каленику Мишковичу, въ потомствѣ котораго сохранялись еще и въ XVI в. (1545 г.).

Теченіе верхней Роставицы тоже, повидимому, входило въ составъ Житомирскаго пов. Именно въ этой мѣстности находились владѣнія черкасскихъ бояръ Зубриковъ, которыя, однако, въ документахъ очевидно выдѣляются изъ состава Черкаскаго повѣта, именуясь въ пов. Киевскомъ. Но такъ какъ и Житомиръ нѣрѣдко именуется въ Киевскомъ пов., а съ другой стороны—къ составу владѣній этихъ самыхъ Зубриковъ причисляются одновременно и неразрывно также селища и пасѣки по Гуйвѣ и Гуевкѣ—несомнѣнно уже въ пов. Житомирскомъ, — то можно думать, что и верхняя Роставица тянула туда же, тѣмъ болѣе, что таково именно положеніе дѣлъ было послѣ уни (Вѣлизовка на Роставицѣ—Житомир. пов.).

Въ 1539 г. бояринъ черкасскій Ив. Зубрикъ билъ челомъ кор. Сигизмунду, повѣдая, что теща его, землянка черкасская Анна Гринковая, записала ему, своему зятю, въ вѣчное и потомственное владѣніе „половину селищъ своихъ, въ пов. Киевскомъ, на имя: *Бѣловцы, а Остапковцы, Лисуновцы, Новоставки*, такъ тежъ и пасѣки ихъ, до тыхъ селищъ принадлежныхъ, въ *Черемошной, въ Радоставѣ* надъ Быстрикомъ, въ *Остапковѣ* и во всихъ пасѣкахъ, такъ надъ р. Роставицей, якъ и надъ Гуйвой и Гуевкой (а въ *Черкаскамъ* — Мглиевъ, Орловцы и Линчинцы)“, — каковую записъ Зубрикъ просилъ подтвердить ему господарскимъ листомъ на вѣчность¹⁾. Изъ другихъ документовъ по тому же дѣлу мы узнаемъ, что у Анны Гринковой на эти владѣнія имѣлись *подтвердительные* листы кор. Александра, слѣдов. самое пожалованіе выше указанныхъ имѣній нужно относить еще къ болѣе раннему времени²⁾. Мѣстоположеніе Бѣловцевъ, Остапковцевъ, Лисуновцевъ и проч. въ общемъ достаточно опредѣляется сопровождающими ихъ топографическими указаніями — въ области сбавженія Быстрика и Роставицы съ Гуйвой и Гуевкой; но въ частности ни одно изъ названныхъ селищъ не поддается безспорной локализациі. Пред-

¹⁾ Грамоты Антоновича № 31.

²⁾ *ibid.* № 29.

положительно же Вѣдловы—Вѣгловы—Вѣловы¹⁾ можно локализовать на мѣстѣ или по близости т. м. *Бѣлыловки*, расположеннаго на обоихъ берегахъ р. Роставицы съ Сытней,—тѣмъ болѣе, что западная окраина этого мѣстечка, вверхъ по Роставицѣ, называется Черемошной²⁾, что соответствовало бы наименованію другого селища, а оба эти пункта, вмѣстѣ взятые, отвѣчали бы къ тому же и общимъ даннымъ документа—о топографической близости ихъ. Что касается остальныхъ селищъ, то даже и приблизительная локализация ихъ не возможна, за совершеннымъ отсутствіемъ подходящихъ наименованій на современной топографической картѣ³⁾.

Поселенія въ бассейнѣ р. Коденки.

С. Пращево — отчина бояръ Пращовскихъ; въ 1552 г. имѣло 3 человѣка населенія. — *С. Городище*, кѣде Трубисовъ пазуваѣа. По люстр. 1471 г. „Малавей землю держитъ Трибесовщину, а съ тое земли даетъ чотыри ведра меду, а двѣ куницы, а ловчому чотыри гроши, бобровнику 3 гр.“. Тогда Трибесовщина тянула къ Житомир. замку. Но въ 1502 г. житомир. земанинъ Андрей Пращовскій былъ челомъ кор. Александру „и просилъ селища пустаго въ Житомир. пов., на имя Трибесовъ“, утверждая, что это не будетъ „шкодно“ для тамошняго замка. Такъ какъ по справкамъ оказалось, „ижь то такъ есть, какъ онъ того просилъ“, то просьба Пращовскаго была уважена: Трибесовъ „со венемъ тымъ, што къ тому сельцу прислухало“, былъ пожалованъ просителю⁴⁾. Въ 1545 г. Трибесовъ принадлежалъ сыну Андрея Пращовскаго—Богдану.—*С. Кодня*. По записи о денежныхъ и медовыхъ даняхъ, „у Коднѣ Петръ діаконовъ (даетъ) 2 кораймана (меду)⁵⁾. Кто раньше владѣлъ Кодней, намъ не извѣстно,

¹⁾ Подобнымъ образомъ видоизмѣняется въ документахъ Михліево—Мгліево—Мліево, т. м. Мліево, Черкасска у.

²⁾ См. Похилевича „Волоховъ, Губинъ, Вицижъ и Вѣлыловка“, отискъ изъ Кіев. губ. Вѣдом. за 1883 г.

³⁾ Яблоновскій, напр., сблизаетъ Радоставъ въ с. Выстрикомъ, но это предположеніе основано только на томъ, что Радоставъ былъ на р. Выстрикѣ.

⁴⁾ А. Ю. З. Р. VII, II, № 3=Ак. Леонтов. II, № 627.

⁵⁾ А. З. Р. I, № 26.

но въ 1545 г. она принадлежала уже Василию Тышкевичу на правахъ покупки.

На Гнилопять.

С. Шумскъ. По записи о денежныхъ и медовыхъ даняхъ, „у Шюмъску Подерътовщина земля (приноситъ) 2 ведра меду“. Въ первой полов. XVI в. Шумскъ составлялъ уже отчину Макаревичей, которые продали его Грыцку Воронѣ. Въ 1552 г. населеніе Шумска состояло изъ 7 потуговъ. *С. Трояновъ*—отчина Вороничей. Въ 1552 г. населеніе Троянова состояло изъ 3 потуговъ.—*С. Сосновъ* (на устьѣ Пятка) пожаловано было Семеномъ Омельковичемъ въ числѣ др. имѣній боярину Скипору, по смерти котораго, спустя нѣкоторое время, перешло по женской линіи въ домъ Горностаевъ.—*С. Слободыще*. Ок. 1438 г. Свтригаило пожалованъ Слободыще съ обширными пространствами земли надъ Гнилопятью и Гуйвой своему вѣрному слугѣ Каленику Мишковичу, имѣя его за *glowę do rady, za prawicę do wojny*. По безплатной смерти Каленика, его имѣнія спали на братьевъ, которые произвели раздѣлъ между собою въ Житомирѣ (1450 г.). По имени одного изъ нисходящихъ — Тышка его потомки прозвались Тышкевичами. Въ моментъ люстраціи 1545 г. Слободыщами владѣлъ Василий Тышкевичъ, пятый сынъ этого Тышка. Умирая, онъ завѣщаль (1561 г.) „имѣніе отчину и дѣдизну и штомъ закупилъ въ повѣтъ Кіевскомъ, на имя: *Слободыщи, дворъ Чертолисы (Пулины), Бердичево, Кодня, Рудники*—то сыномъ своимъ, Юрью и Каленикови, и внуку своему Константину (сыну Остафія) и ихъ потомкомъ, на вѣчные часы“. Кромѣ вышепоименованныхъ сыновей, у В. Тышкевича была еще дочь Настасья, относительно которой онъ дѣлаетъ въ своемъ завѣщаніи такое примѣчаніе: „а нема вступатыся до тыхъ добръ дочка моя Настасья, бо якомъ отдалъ ей замужъ за Ивана Мелешка, то даль посагъ“. Въ силу этого завѣщанія и по раздѣлу между сыновьями Василия, владѣльцемъ Слободыщъ (и Бердичева) остался Каленикъ Тышкевичъ, женатый на Варварѣ Соломерецкой, вдовѣ по Конст. Ратомскомъ. На слободыщенскихъ земляхъ онъ заселилъ еще одно мѣсто—*Мазновку* и воздвигъ

замокъ, какъ въ ней, такъ и въ Слободыцахъ¹⁾. Жежелевъ и Холматовъ „на Пяту“ — отчина по женѣ Нефедка Мошконица (1545).

*Населенные пункты между Киевскимъ повѣтомъ
и р. Тетеревомъ.*

С. Велья (т. Вилья)—при рѣкѣ того же имени, 10 вер. на ю.—в. отъ м. Коростешова. По записи о дenezныхъ и медовыхъ даняхъ въ пользу св. Софій, „у Вельи 6 каранмановъ меду, а 7 каранманъ хто коли беретъ“. С. Велица упоминается и въ грамотѣ Владиміра Ольгердовича Юрію Ивановичу, какъ составная часть удѣла предка его — Туторхана. Состоя до 1536 г. во владѣніи этого рода. В. затѣмъ испала съ др. имѣніями на ближайшаго родственника по женской линіи—Ивана Немирича.—*Пуково* и проч. Въ 1507 г., по раздѣлу между сыновьями умершаго Бориса Лозы, младшему изъ нихъ—Яцку—досталось: мѣстечко Пуково съ дворомъ и съ селами; с. *Батыево* съ монастыремъ и церковью, недалеко отъ Батыева; также островъ, что на ту церковь записала тетка Лозовъ, княжна Ромейкова, съ двумя озерами по р. Иршѣ, подъ Зарудьемъ; села: *Щенковка* и *Забуцъна*; с. *Высокое* при границѣ *Заблочной* монастыря Печерскаго; села: большія и малыя *Ставица* и бояринъ панскій, обитавшій подлѣ Рачки надъ р. Здвигденемъ, между Батыевымъ и Пуковымъ, у границы Здвигденъ—земли монастыря Печерскаго Брусилловской²⁾.

Изъ упомянутыхъ здѣсь названій до сихъ поръ на картѣ Киевской губерніи фигурируютъ: *Заблоче*, *Ставица* и *Высокое*; Пуково можно локализовать на мѣстѣ т. Карабачина, Батыево и Монастырище—по дорогѣ изъ Брусилова въ Рожавъ, близъ Осова—w górę Osowych lasów³⁾.

¹⁾ Изъ архив. записокъ Руликковскаго—Słownik V, 375-6; I, 134-5; XIV, 690 etc.

²⁾ Зг. XXI, 478.

³⁾ Кстати, объ Осовѣ. По списку населенныхъ мѣстъ Похилевича, „въ актахъ XVI в. Осово упоминается по случаю пожалованія кн. Ив. С. Кобринскимъ Киево-Печерскому монастырю этого села съ данями и доходами“ (Уѣзды с. 189, ссылка на А. З. Р. I, № 111). Но почтенный антикваріи ошибся. Въ документѣ, на который онъ ссылается, рѣчь

Яцко продолжалъ владѣть наследственными грунтами по теченію Здвиги еще въ 1525 году, отъ какового года мы имѣемъ подтвердительную (въ извлеченіи) кор. Сигизмунда, выданную по случаю пропажи документовъ. Любопытно отмѣтить измѣненія, которыя произошли за послѣдніе 17 лѣтъ въ положеніи имѣній Яцка. — Сравнивая упомянутую подтвердительную съ актомъ о раздѣлѣ 1507 г., мы находимъ, что, во-первыхъ, кое-что за это время успѣло опустѣть, а, во-вторыхъ, кое-что приросло. Пуково, напр., называется уже селищемъ, „гдѣ мѣсто предка—дѣда его и млынъ на р. Здвигденіи подлѣ того селища Пукова былъ“; Батыево и Высокое также называются селищами (прежде — „веси“). Въ графѣ прироста можно отмѣтить не названное по имени селище, лежащее подъ Батыевымъ, между грунтами Коростешовскими и другихъ селищъ, какъ Высокое и проч.: такого селища въ актѣ 1507 г. мы не видимъ. Далѣе, въ подтвердительной 1525 г. упоминаются, раньше не извѣстныя, острова и селища подлѣ *Кочура* и луговъ: *Озерища*, *Копыловка* (въ Киевскомъ повѣтѣ²⁾, *Юный Ручай* и *Приворотье*³⁾.

По смерти Яцка Лозы, его сыновья (Филовъ, Богданъ и Василій²⁾) раздѣлили между собой отцовское имущество

идеть не о Киевскомъ, а о Мнисконъ Осовѣ, въ сѣвер. части т. Борисовскаго уѣз. (Любовскій Област. дѣленіе, с. 121; о князьяхъ Осовецкихъ см. Wolff'a Książowie 341—2), пожалованномъ передъ 1484 г. Киево-Печерскому монастырю дѣдомъ кн. Кобринскаго—Андреемъ Владиміровичемъ, который въ Киевской землѣ не имѣлъ никакихъ имѣній, какъ не имѣлъ ихъ и внукъ его—кн. Кобринскій. Объ этомъ же Осовѣ идетъ рѣчь и въ подтвердительной грам. Сигизмунда I кн. Ю. С. Слуцкому, наследнику безпотомнаго брата, касательно исправленія нѣкоторыхъ повинностей людьми архимандрита Печерскаго монастыря—Осольянами (А. Ю. Р. I, № 76). Князья Осовецкіе въ Киевщинѣ не имѣли владѣній, за исключеніемъ одного Михаила, который получалъ было по яралѣ Галицкихъ нѣкоторыя ихъ мѣстности (по баканости), но на весьма короткое время. Если же исключить все выше приведенныя свидѣтельства источниковъ, какъ не относящихся къ дѣлу, то на долю Киевскаго Осова останется только опредѣленіе мѣстоположенія Монастырища подлѣ Батыевомъ w górę Osowych lasów,—Зг. XXI, 479.

¹⁾ Зг. XXI, 479.

²⁾ А. Строженко (Переяславская Старина с. 64—5), оспаривая С. Голубева (Истор. Киев. Дух. Акад. вѣст. I, с. 123), предлагаетъ считать Филона, Богдана и Василія сыновьями не Яцка, а Федьки Лозы. Но дѣло въ томъ, что Федько, какъ видно изъ раздѣла 1507 г., не владѣлъ

такъ, что Василию досталось село Пуково съ селищемъ — полемъ Батыевымъ, с. Колбязицы, Раковщина, селища: Высокое, Монастырище, земля Забущина и проч. ¹⁾ Впоследствии эти имѣнія въ качествѣ вѣна за Хвадей Лозковой перешли къ Киселямъ, отчего и стали прозываться *Киселовщиной*.

Брусилонъ. По грамотѣ Андрея Боголюбскаго, Семень Олельковичъ далъ Киево-Печерскому монастырю „отъ всего десятину съ Брусилова, со всякой пашни, да 2 ведр. меду, да старцамъ кораманъ меду“. Впоследствии Брусилонъ попалъ въ частное владѣніе землянъ Бутовичей, по имѣнію прозванныхъ Брусилонскими. Одна изъ представительницъ этой фамиліи — схимница Пелагія — заставила Брусилонъ Печерскому архимандриту Вассіану въ 15 коп. грошей литовскихъ. По смерти упомянутой Пелагіи, „когда потомка иного не осталось, кромѣ братанича п. Яцка Бутовича, старосты Константиновскаго“, онъ выкупилъ заставленное имѣніе, ²⁾ такъ что уже въ люстраціи 1552 г. мы его больше не встрѣчаемъ въ числѣ владѣній монастырскихъ ³⁾. — С. *Хухори* — верстахъ въ 7 отъ Виленки, на сѣверъ. По записи о денежныхъ и медовыхъ даняхъ, „у Хухори Левонъ Стапѣвичъ даетъ 4 ведр. меду, Кузма даетъ 4 ведр.“ — Селище *Озериче* — по дорогѣ изъ Брусилова въ Радомель. По словамъ о. Похилевича, ⁴⁾ въ началѣ XVI в. Озериче, вмѣстѣ съ Хомовкой, было пожаловано Ходкевичемъ Печерскому монастырю; но это не вѣрно: Ходкевичи въ Киевской землѣ никакихъ владѣній не имѣли. Настоящее же Озериче, какъ видно изъ подтвердительной Сигизмунда I отъ 1525 г., принадлежало Яцку Лозѣ, который затѣмъ продалъ его Тышкевичамъ; за послѣдними Озериче еще числится по люстр. Житомира отъ 1545 г.

Кочерево и *Рудня* на Тетереви, — грамотой Владиміра Ольгердовича отъ 1390 г. оба они подтверждены Юрію Ив.

землями въ Житомир. пов., тогда какъ Яцко, вопреки утверженію автора, имѣлъ владѣнія и по се и по ту сторону Дибра, унаследовавъ послѣднія, очевидно, отъ Федька (Zr. XXI, 479, ср. Переяслав. Стар. с. 82—3). Ошибка Голубева заключается лишь въ томъ, что онъ отнесъ смерть Яцка къ 1522 г., тогда какъ это случилось послѣ 1525 г.

¹⁾ Zr. XXI, 478—9.

²⁾ А. Ю. Р. I № 169 — выпись безъ даты.

³⁾ Zr. Malinowskiego II, 135; А. Ю. З. Р. VII, 1, с. 120.

⁴⁾ Уѣзды с. 189; ссылка на А. Ю. З. Р. III, № 117.

Половцу за Сквиря, какъ удѣлъ предка его — Тугортхана. Впоследствии эту осѣдлость, „бардзо спустошалу одъ неприятель, якъ бы то въ пустѣ восталася“, утвердилъ Олелько Владимировичъ за сыномъ Юрія — Михаиломъ, изъ уваженія къ заслугамъ его предковъ и его собственнымъ. Отъ Михаила Кочерево и Рудня съ другими имѣніями перешли къ его сыну Яцку, который, умирая, завѣщалъ ихъ, въ случаѣ безпотомной смерти своихъ сыновей — Демьяна и Телемона — вую Ивану Немиричу, съ тѣмъ, чтобы тотъ снабдилъ приданнымъ его дочь и сестру. Сыновья Яцка, дѣйствительно, умерли безпотомно, и все имѣніе Половцовъ за Сквиря перешли къ Немиричамъ. Одинъ изъ этихъ Немиричей — Іосифъ — въ 1568 г. получилъ подтвердительный листъ на это наслѣдство, причемъ взялъ изъ канцеляріи коронной на польскомъ языкѣ копию двухъ грамотъ удѣльныхъ Киевскихъ князей, о которыхъ упомянуто выше ¹⁾.

По ту сторону Тетерева Житомирскій повѣтъ, захватывая устье Ирши, переходилъ за эту послѣднюю; затѣмъ, въ иныхъ мѣстахъ онъ шелъ по правому берегу Ирши, въ иныхъ — отступалъ отъ него на нѣсколько верстъ.

С. *Зарудье* — надъ Иршей. По раздѣлу между сыновьями Бориса Лозы, Зарудье вмѣстѣ съ *Вятеревымъ* и др. имѣніями досталось Олехну. — С. *Городицко* (на Иршѣ) — Волчочичей (1152). — С. *Ворсовка* — на Вознѣ. Въ 1496 году нѣкто Федко Козаковичъ билъ челомъ вел. кн. Александру о дядковщину свою въ Житомир. повѣтъ, „што дядко его Иванко Гвоздь держалъ, на имя *Новоселки* (въ сосѣдствѣ Облитокъ) а *Ворсичи*, што теперь то держитъ Мишко Затыка, а жоны ни дѣтей не маєть, а по животе Мишкове онъ есть къ тымъ имѣніямъ близшій“ ²⁾. Далѣе актъ урывается, но можно думать, что просьба челобитчика была уважена. Впоследствии оба выше поименованныя села перешли къ Стрыбуламъ, за которыми и числятся по люстраціи 1552 года. — Селище *Пяневщина* *ibid.* По записи о денежныхъ и медовыхъ даняхъ „съ Пяневщины Голѣвичины дѣти даютъ четырнадцатое лукно, а тивуныщина и поданья“. О дальнѣйшей судьбѣ П.

¹⁾ Słownik I, 660; III, 371; VI, 494, 742; IX, 428, 725; X, 744; XI, 100; XII, 517, 539 и др.

²⁾ Акты Леонтовича I, № 329.

не имѣемъ свѣдѣній. — *Сыховицкая* — на Тростяницѣ (т. Рудня Сычевская). Передъ люстраціей 1545 г. Сыховицкую держалъ на службѣ конной Працко Зеленникъ, но въ самый моментъ люстраціи она была уже пуста. — *С. Мокалевичи* — на устьѣ Вырны въ Тетереви. По записи о денежныхъ и медовыхъ даянхъ „у Моколевичахъ съ Тарасовское земли 2 четырьпядныхъ лука и тивуньщина, и поданья“. — *С. Вышевичи* (надъ Тетеревомъ) — по люстр. Киевскаго замка (1552 г.) принадлежало монастырю Печерскому. — *Веприкъ* — сѣвернѣе. По люстр. 1471 г. земля Вепревщина тивула къ Грезанамъ и находилась въ держаніи нѣкоего Ивана. О дальнѣйшей судьбѣ ея мы не имѣемъ свѣдѣній. Села: *Вирлоокъ* — на Коробочкѣ и *Филиповичи* — на Быстрѣвкѣ. По записи о денежныхъ и медовыхъ даянхъ въ пользу св. Софій, вносили 3 ручки меду съ Шиткѣвской земли „Филиповскій человекъ и Вирлоокскій человекъ“. По люстраціямъ, селища Филиповское и Вирлоокское принадлежатъ Сtryбулямъ въ качествѣ отчины. — *С. Корчезо* (на притокѣ Быстрѣвки), вѣроятно, тождественное съ Кочуремъ, о которомъ мимоходомъ упоминается въ подтвердительной кор. Сигизмунда Янку Лозѣ, — родовое гнѣздо землянъ Корчевскихъ. — *С. Осечень*, въ сторонѣ отъ р. Осѣчи, впоследствии прозванной Шклимаркой (т. Заньки). По записи о денежныхъ и медовыхъ даянхъ „у въ Осѣчи Павелъ съ дѣтми и съ Армакомъ даетъ 9 ведъ“ (меду). За Софійской кафедрой Осечень оставался въ продолженіи всего Литовскаго періода (иногда именуется и монастыря Печерскаго — обычное смѣшеніе) ¹⁾. — *С. Облитки*, въ сторонѣ той же рѣки, — Киево-Софійской кафедрѣ ²⁾. — *С. Старосельцы* (на Свиннолужкѣ) — первоначально принадлежало Корчевскимъ, у которыхъ было откуплено Сtryбулямъ; въ 1545 г. принадлежало уже этимъ послѣднимъ. — *С. Щеніонъ* — на верховьяхъ Мыки. Сель съ этимъ именемъ было два: Щеніонъ малый (Забродье) и большой — отчина бояръ Щеніовскихъ; въ 1545 г. оба оставались безъ людей. — *С. Минейки* — на той же рѣкѣ. Въ 1545 г. Минейки — отчина бояръ Корчевскихъ; въ 1552 г. въ Минейкахъ вмѣстѣ съ Корчезомъ было населеніи 9 человекъ.

¹⁾ Зг. XX, 39.

²⁾ А. З. Р. I, № 26; Зг. XXII, 551.

С. Брилево — на Мыкѣ же? Въ 1497 г. п. Быкъ Александровичъ билъ челомъ вел. кн. Александру, повѣдая, „што отецъ его, король е. м., далъ ему имѣніе въ Житомир пов., на имя Брилево, што держалъ *Кичкирь*, а тотъ деи Кичкирь тое имѣніе выслужилъ на кн. Семенѣ Олельковичѣ и умеръ, а дѣтей ничего зъ жоноу своею не мѣлъ, ани ближнихъ, только деи одна жона его осталася“, которую кор. Казимиръ велѣлъ содержать челобитчину до ея живота. Быкъ Александровичъ въ данномъ случаѣ просилъ подтвержденія на упомянутое имѣніе, каковое подтвержденіе и было ему дано ¹⁾. На современной картѣ с. Брилева нѣтъ, но зато есть с. Кичкири, своимъ именемъ указывающее, очевидно, на боярина Кичкиря. Это с. Кичкири въ 1470 г. было подтверждено Николо-Пустьевскому монастырю, по подложной грамотѣ Андрея Боголюбскаго. По люстраціи 1552 г. Кичкири принадлежатъ уже Сtryбулямъ.

С. Ставоки — на Тетереви. „Ставокъ, что надъ Тетеревомъ рѣкою есть“, впервые упоминается въ подложной грамотѣ Андрея Боголюбскаго Печерскому монастырю, по которой оно будто бы „съ вѣковъ“ обязано было вносить на монастырь св. Николы, чудотворца Христова, десятину со всякой пашни, 6 вед. меду и 70 гр. польскихъ. При Казимирѣ Ставомъ вѣ которое время владѣлъ кiev. бояринъ Пирхайло, извѣстный намъ по грамотѣ этого короля отъ 1474 г. ²⁾, а затѣмъ — Иванъ Дашковичъ Глинскій. Мы имѣемъ подтвердительную грамоту на имя этого послѣдняго, выданную вел. кн. Александромъ отъ 1499 г. V 15 — „на тое имѣніе, въ Киев. пов., въ Житомири, Пирхайловское, на имя Ставокъ, даянну отца нашего, короля е. м.“ ³⁾. По зрадѣ Глинскихъ, имѣнія ихъ были конфискованы на господаря, въ томъ числѣ и Ставокъ. Въ 1514 г. кор. Сигизмундъ, принимая во вниманіе вѣрныя и накладныя послуги шляхетно — урожденнаго намѣстника Врудскаго Семена Полозовича, пожаловалъ ему Ставокъ въ вѣчное и потомственное владѣніе ⁴⁾. Семенъ Полозовичъ ос-

¹⁾ Акты Леонтовича I, № 356.

²⁾ Акты Леонтовича I, № 25.

³⁾ А. З. Р. I, № 171.

⁴⁾ Текстъ привилей по оригиналу Археограф. ком. впервые издавъ

тавила по себѣ единственную дочь Феню, которая, въ свою очередь, отъ второго брака (съ Дм. Любецкимъ) тоже оставила единственную дочь съ именемъ Фени. Эта послѣдняя внесла вѣномъ въ домъ Харлецкихъ между другими имѣніями и Ставокъ, по смерти мужа доставшійся ея сыну — Станиславу Харлецкому. — По люстр. 1545 г. Дим. Любецкій „держитъ имѣнія пасынковъ своихъ, кн. Сенскихъ“, въ томъ числѣ и Ставокъ.

„Городъ Мическъ надъ р. Микою, а другою большою р. Тетеревию, подъ которымъ городкомъ и городищемъ р. Мика въ р. Тетереви впадала“, извѣстенъ намъ еще изъ XII в. ¹⁾ Уже тогда, можетъ быть, онъ входилъ въ составъ имѣній потомковъ Тугортхана-Половцевъ зе Сквиря. Грамотой Владимира Ольгердовича отъ 1390 г. „Мицко при Тетереви“ подтвержденъ Юрію Ивантичу, Омелько Вл. подобнымъ образомъ подтвердилъ это имѣніе сыну упомянутого Юрія — Миханлу. Уже тогда удѣлъ Тугортхана „какъ бы то въ пустыни остался“; поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что многія его части, какъ хозяйственно не освоенныя, отчасти были самовольно разобраны и присвоены соседями, отчасти пожалованы князьями другимъ лицамъ и учреждениямъ. Такая судьба, повидимому, постигла и Мыкгородъ съ его окрестностями. Собираясь съ тѣми данными, какія мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи, можно думать, что запустѣвшія имѣнія Половцевъ зе Сквиря, прилегавшія къ Мыкгороду, равно какъ и Мыкгородское городище, еще въ этотъ періодъ запустѣнія были присвоены Николо-Пустынскимъ монастыремъ, съ владѣніями котораго могли граничить по Мыкѣ, Ратчи или Вѣлкѣ, а впоследствии этотъ захватъ былъ санкціонированъ въ надлежащемъ порядкѣ. По подложной грамотѣ Андрея Боголюбскаго, которая своимъ происхожденіемъ восходитъ къ послѣднимъ годамъ правленія Семена Озельковича, Мыкгородъ затвержденъ за этимъ монастыремъ, какъ имѣніе, уже въ достаточной степени заселенное.

С. Коростышевъ — на лѣвомъ берегу Тетерева. Въ 1499 г. п. Кмита Александровичъ былъ челомъ вел. кн. Александру Руликоскыи въ *Stownyk* III, 162; второе наданіе его въ А. Ю. З. Р. VIII, IV, № 41.

¹⁾ Ипат. лѣт. 286.

„и просилъ село въ Житомирскомъ повѣтѣ, на имя Коростешово и данниковъ Гурина а Василья и ихъ товаришовъ“, — что и было ему пожаловано ¹⁾. По смерти Кмиты, Коростешевъ перешелъ къ его сыну — Криштофу, за которымъ и числился еще въ половинѣ XVI вѣка, имѣя 10 человекъ населенія, — отъ Криштофа къ Семену, а отъ Семена — къ Филону, по нисходящей прямой линіи. Послѣдній, чтобы поправить свои дѣла, нѣсколько пошатнувшіяся влѣдетвіе его безпрестанныхъ отлучекъ изъ имѣній и разныхъ затратъ на господарскія послуги, продалъ въ 1565 г. Коростешевъ своему родственнику Ивану Олизару за 400 коп. литовскихъ ²⁾. — С. *Ловково* *ibid.* Первое упоминаніе о Ловковѣ находимъ въ подложной грамотѣ Андрея Боголюбскаго Кіево-Печерскому монастырю. По люстраціи 1471 г., въ Ловковѣ было 10 данниковъ, „а не данныхъ людей, што напуть“ — 18 человекъ; 3 слугъ („што подымщныи не дають“) и 5 ловцовъ. Впоследствии, при кор. Александрѣ, Ловково было пожаловано Гибвушу Воронѣ; въ 1545 г. оно находилось уже во владѣніи его сына — Стецка, съ населеніемъ, вмѣстѣ съ Крошней, въ 24 человекъ (въ 1552 г. въ одномъ Ловковѣ было всего 10 человекъ населенія). — С. *Сельцо* (*ibid.* въ 7 вер. отъ Житомира) пожаловано было Свигригайломъ, вмѣстѣ съ другими имѣніями въ Житомирскомъ повѣтѣ, его вѣрному слугѣ Каленику Мишковичу, отъ котораго затѣмъ перешло къ его сыну Иванку К—чу. Этотъ Иванко Калениковичъ, умирая, записалъ „имена свои отчизныи, отдаленыи отъ брата своео, на имя *Чертолесцы* а *Селце* въ Житомир. пов., на реце, на Тетереви, у 100 копахъ грошей широких“ — своей женѣ Настасіи Заньковнѣ, которая въ 1513 году заставила упомянутыя имѣнія въ той же суммѣ грошей кн. Констант. Ив. Острожскому ³⁾. Впоследствии они были выкуплены Тышкевичами, и въ моментъ люстраціи 1545 г. Сельцо принадлежало уже обособившейся линіи Т—ей — боярамъ Корчевскимъ.

С. *Крошня* — на рѣкѣ того же имени, въ 5 вер. отъ Житомира. Первое упоминаніе о Крошнѣ мы находимъ въ древнѣйшей люстраціи Кіевской земли: тогда Крошня тянула къ

¹⁾ Акты Леонтияча II, № 452.

²⁾ Уѣзды 171, *Stownyk* IV, 417.

³⁾ Arch. Lub.-Sang. III, № 131.

Житомирскому замку, имѣя населенія: 3 данника, 20 людей „польныхъ“, 5 ловцовъ и 5 слугъ. Въ 1506 г. селище Крошня было пожаловано, согласно его челобитію, землянину житомирскому Ив. Вороничу, за его вѣрную службу и съ ласки господарской—„зъ людьми (12 службъ) и изъ бобровыми гони и зо венмъ тымъ, што ку тому селищу прислухало“, причемъ увязать пожалованнаго поручалось Киев. воеводѣ ки. Ив. Глинскому. Сигизмундомъ I отъ 1511 года Крошня подтверждена въ вѣчное и потомственное владѣніе тому же Вороничу. Затѣмъ мы имѣемъ цѣлый рядъ тяжёбныхъ дѣлъ владѣльцевъ Крошни съ Житомирскими старостами по разнымъ поводамъ и, наконецъ, нѣсколько документовъ по раздѣлу Крошенскихъ имѣній между Вороничами. Всѣ эти документы приведены in extenso въ рѣшеніи королевскихъ комиссаровъ по дѣлу о разграниченіи Житомирскаго староства отъ имѣній Вороничей, с. Крошни (отъ 1595 года)¹⁾. По люстраціи 1545 г., Крошня принадлежала Грыцку Воронѣ, имѣя населенія, вмѣстѣ съ Ловковымъ, 24 человекъ; въ 1552 г. въ Крошнѣ одной было 7 человекъ населенія.—С. *Голено*—по большому тракту изъ Житомира въ Радомисль; въ половинѣ XVI вѣка принадлежало п. Тышѣ, въ пользу котораго съ жителей этого села шло 80 гр. деньгами и 3 кади меду.—С. *Студеница* (на рѣкѣ того же имени) — отчина Корчевскихъ, но въ 1545 году принадлежало уже Стрыбулимъ, какъ закушное.—Сс. *Вильскъ* и *Хотеничи* (на р. Печерянкѣ)—отчина и дѣдина Халецкихъ. Въ 1559 г., при дѣлѣ между дядей и племянникомъ Вороничами, присутствовало, между прочимъ, 5 людей добрыхъ изъ Вильска²⁾.

С. *Ивановичи*—на верховьяхъ Ирши. Въ 1552 г. Ивановичи принадлежали Герасиму Халецкому.—С. *Чертольсы* (т. Тулины, на верховьяхъ Тыни)—отчина Калениковъ со времени Свигригайла. Въ 1513 г. Чертольсы, вмѣстѣ съ Сельцомъ на Тетеревѣ, были заставлены женой Ивана Калениковича ки. К. Ив. Острожекому въ 100 копахъ гр. широкъ³⁾, но впоследствии выкуплены и въ моментъ люстраціи 1545 г. числятся уже за Василіемъ Тышкевичемъ.—С. *Сол-*

¹⁾ А. Ю. З. Р. VII, I, № 7.

²⁾ *ibid.*

³⁾ Arch. Lab. Sang. III, № 31.

дирь—въ сторонѣ отъ Ирши, ниже м. Горопека. По люстраціи 1471 г., Солдирь—приселокъ къ Грешанамъ, съ населеніемъ—1 слуга и 3 данника. Въ половинѣ XVI ст. Солдирь принадлежали уже Волчкевичамъ, съ населеніемъ въ 5 слугъ (1552 г.). Гдѣ-то по близости къ Солдирамъ, тоже на Иршѣ, нужно искать и дворъ *Грешаней*, тянувшій до 1471 г. къ Житомирскому замку. По древнѣйшей люстраціи Киевской земли, въ Грешаняхъ было 6 „человѣкъ“—должно быть, тялыхъ, 5 „людей“ — должно быть, невольныхъ, 2 голтя и 7 данниковъ. Дворное хозяйство состояло: изъ 8 воловъ, 4 коровъ, 3 назимковъ, 7 свиней, 12 гусей и житной пашни. Но по Менгли-Гиреевомъ вынаты все это „згинуло“ безслѣдно. Въ моментъ уни Грешаны принадлежали уже Дзялынскимъ¹⁾.—С. *Славозъ* (на притокѣ Тростяницы) „за вышеткимъ Надберестынцемъ“ Владимиръ Ольгердовичъ затвердилъ за Юріемъ Ивановичемъ, Полощемъ за Сквиря, въ 1390 г.—С. *Черняхозъ* (по Житомирско-Овруцкому большому тракту)—отчина Скобейковъ, а въ 1545 г.—„матчина по Скобейку“ Юсифа Немирича. Населеніе Чернехова въ 1545 году состояло изъ 11 человекъ.—*Хлупинцы* (т. Слупчицы, въ сторонѣ отъ р. Выстрѣвки?) по люстраціи 1471 г.—приселокъ къ Грешанамъ, съ населеніемъ въ 3 человекъ. По Менгли-Гиреевомъ вынаты Хлупинцы, по всей вѣроятности, запустѣли: больше мы съ ними не встречаемся.—С. *Мократинцы*—на верховьяхъ Тростяницы; въ 1545 году — отчина Вороничей, очевидно, выслуженная на Александрѣ Казимир. Въ 1552 году населеніе Мократынецъ состояло изъ 2 потуговъ.—С. *Топорыца*—*ibid.*, сѣвернѣе; въ половинѣ XVI в. принадлежало Вороничамъ съ населеніемъ въ 10 человекъ.—*Барашевъ* на Уши—пограничное селеніе между Овруцкимъ и Житомирскимъ повѣтами, тянувшее скорѣе въ сторону послѣдняго; въ первый и послѣдній разъ упоминается въ обводѣ 1566 г.

Въ западной части Житомирскаго повѣта мы имѣемъ:

С. *Денешы* и гдѣ-то въ сосѣдствѣ ихъ—*Ханталымы*, на Тетеревѣ. Оба выступаютъ на сцену при раздѣлѣ дяди и племянника Вороничей, въ 1559 г.²⁾—С. *Бурковцы* и проч.

¹⁾ *Zx.* XXII, 598.

²⁾ А. Ю. З. Р. VII, I, № 7.

Въ 1487 г. Свигайло за вѣрную службу пожаловалъ п. Каленику Мишковичу обширныя имѣнія въ Житомирскомъ повѣтѣ, между которыми были: „с. *Бурковцы*, а слободица во Звягли; а *Межівичи*, а *Ходорковичи*, а *Тейковичи*, а под Полонимъ *Вишикусовичи*, а селище на усть — Каменицы на Случи“¹⁾. Изъ названныхъ селъ Бурковцы находятся на верховьяхъ Тетерева, Вишикусовичи—на сѣверо-зап. отъ Бурковецъ, Межівичи или, по болѣе правдоподобному чтенію Археографической комиссіи — Михеевичи—находятся на р. Цѣпрѣ, недалеко отъ ея устья въ Случь (слѣва), Ходорковичи—т. е. Ходорки, на сѣверо-востокъ отъ Михеевичъ, Тейковичи—т. е. Тайки, еще далѣе на с.-в., а селище на усть Каменицы въ Случь будетъ уже въ повѣтѣ Овручкомъ—на вѣстное с. Каминное.

Г. *Чудновъ*—на Тетеревѣ. Изъ предыдущаго періода Чудновъ не извѣстенъ: нужно думать, что тогда еще его не было. Мы не находимъ также Чуднова въ извѣстномъ спискѣ городовъ Свигайла. Но во второй половинѣ XV в. Чудновъ былъ уже городомъ съ замкомъ, который для своей защиты располагалъ тремя пушками и двумя пицалами. О населеніи этого города древнѣйшая люстрація Киевской земли сообщаетъ слѣдующія данныя: тяглыхъ 32 человекъ, челяди 2 паробка, 3 жонки и 3 дѣтей; „а тыхъ *досель* людей, которые еще воли не высидели“—очевидно, рѣчь идетъ пока о населеніи, работавшемъ на господарскій фольваркъ въ Чудновѣ. О мѣщанскомъ же собственно населеніи, составлявшемъ массу, люстрація замѣчаетъ глухо, что „на месте людей полно“ и, какъ бы въ доказательство этого, указываетъ на *53 корчмы* въ Чудновѣ²⁾. Въ это время, т. е. въ 70 гг.

¹⁾ Такъ въ Arch. Lub-Sang. I, № 35. Въ А. Ю. Р. I, № 19, гдѣ этотъ документъ напечатанъ по копіи, занесенной въ Литовскую Метрику по случаю спора между кн. Василиемъ Острожскимъ и кн. Бедтой Ильной (1541 г.), данное мѣсто читается такъ: „с. *Бурковцы*, а с. *Бодиче* во—въ Звягли, а *Михеевичи*, а *Ходорковичи*, а *Тейковичи*, а подъ Полонимъ *Виши* и *Кусовичи*, а *Плище* на усть Семенимъ на Случи“. Отдаемъ предпочтеніе подлиннику архива Острожскихъ.

²⁾ Доходы отъ чудновскихъ корчмъ иногда раздавались господамъ на поживеніе разнымъ лицамъ. Напримеръ, въ приходо-расходныхъ записяхъ времени Казимира мы читаемъ: „Ивашку Сербину 6 коп. с корчмъ Чудновскихъ“. Акты Д.—З. № 15, с. 41.

XV столѣтія, въ Чудновѣ сидѣлъ намѣстникъ, который содержалъ городъ на доходъ изъ мыта; онъ же завѣдывалъ и господарскимъ дворцомъ, хозяйство котораго состояло: изъ пашни, обрабатываемой отчасти дворовой челядью, отчасти обязательною службой мѣщанъ, — изъ 20 воловъ, 6 коровъ, полтринадцати свиней и неопредѣленнаго количества гусей. Если съ этой стороны Чудновъ походилъ на господарскую экономію, то съ другой онъ представлялъ въ признаки торговаго мѣста: черезъ него шли караваны изъ Волыни въ Киевщину и ежегодно, на Петровъ день, собиралась ярмарка (какъ то видно изъ привилея Константину Острожскому). Естественно, что Чудновъ, какъ такой бойкій пунктъ, привлекалъ къ себѣ населеніе изъ разныхъ мѣстъ, въ частности—католическое. Во второй половинѣ XV в. въ Чудновѣ существовалъ уже костелъ, устроенный на средства мѣстнаго католическаго населенія и вспомошествоваемый изъ доходовъ отъ сосѣдняго села *Сербиньки*, о чемъ мы узнаемъ, правда, изъ позднѣйшаго документа, хранящагося при чудновскомъ костелѣ¹⁾.

Разумѣется, Чудновъ, какъ укрѣпленный городъ—замокъ и какъ резиденція намѣстника, обслуживался цѣлымъ рядомъ селъ, разбросанныхъ въ окрестности. Это была особая *волость*, м. б. даже не уступавшая ничѣмъ сосѣдней—Житомирской. Изъ селъ, тянувшихъ къ Чуднову во второй половинѣ XV в., древнѣйшая люстрація Киевской земли называетъ слѣдующія:

С. *Сапоговъ*—т. Мирополь на Случи, съ населеніемъ въ 55 человекъ тяглыхъ и 3 слугъ; с. *Тетеровка*, географическое положеніе котораго не извѣстно,—10 человекъ тяглыхъ; с. *Синелевцы*, тоже исчезнувшее, съ населеніемъ въ 9 человекъ тяглыхъ и 3 слугъ; с. *Паневцы* — 4 слугъ; с. *Гриневцы* (на Случи, ниже Любара) — 3 человекъ тяглыхъ и 2 слугъ; с. *Яворовцы*—2 слугъ и 1 тяглый; с. *Нанатъ*—3 слугъ; наконецъ, Чудновъ обслуживало 8 данниковъ—бортниковъ, вносящихъ въ пользу города и его церкви 18 ведеръ меду и служившихъ „всякую службу“ на замокъ.

¹⁾ Słownik I, 714.

Во время Менгли-Гиреева вынужденная картина радикально мѣняется: села обращаются въ селища, городъ—въ городище; кто успѣлъ спастись въ дѣсахъ, болотахъ или въ пропастяхъ земныхъ—спасся, а кто не успѣлъ—погибъ отъ меча непріятеля или попался въ плѣнъ. Довольно населенная до того времени Чудновская волость въ мигъ опустѣла и только къ концу XV в. начинаетъ видимо заселяться. Въ началѣ XVI в. мы уже встрѣчаемъ въ ея границахъ два крупныхъ населенныхъ пункта: *Чудновъ* и *Романовъ*. Изъ нихъ первый мало-по-малу привлекаетъ къ себѣ население изъ другихъ мѣстъ, не одного только Житомирскаго повѣта, и самъ становится центромъ значительной частновладѣльческой волости.

Въ 1507 г. кор. Сигизмундъ, «вбачивши глубокость вѣры и непорухомую сталость, и мужества терпимость, и не лютованье горла на противку непріятелей господарскихъ свѣтло-уроженного кн. Константина Ив. Острожского, гетмана вел. кн. Литовского etc., и хотючи ему, зъ ласки своей паньскоѣ, нѣкоторую потѣху, для таковыхъ высокихъ его послугъ, вчинити и тымъ его накладомъ нѣкоторую заплату вдѣлати»,—пожаловалъ ему имѣніе въ Киевскомъ повѣтѣ, на имя *Чудновъ*, съ дозволеніемъ «заясать тотъ замокъ збудовати, и мѣсто осадити, и торгъ, и мыто, и корчмы мѣти, и ярмарокъ встановити (потомужь, какъ было за отца нашего славной памяти кор. Казимира и перво того за кн. Семена Александровича), на св. Петра день». Привилей королевскій не ограничивался однимъ Чудновомъ: его дѣйствіе распространялось и на всю Чудновскую волость, раскинувшуюся на обширномъ пространствѣ между Тетеревомъ, Лѣною и Случью; по вычисленію Яблоновскаго, на 31, 35 кв. миль въ окружности¹⁾. «Маеть кн. Константинъ—гласить выше указанный привилей—и его справедливые наследники тотъ замокъ Чудновъ и мѣсто держати, со всеми бояры Чудновскими и зъ ихъ селы и зъ мѣщаны, и слугами путными, и зъ людьми волости Чудновскоѣ тяглыми и данными и зъ ихъ всеми землями etc., и съ всеми съ тымъ, што здавна къ тому замку Чудновскому слухало, какъ было

¹⁾ *Зг.* XXII, 658.

за кн. Семена Александровича и потомъ за отца нашего кор. Казимира,—со всеми правомъ и панствомъ»¹⁾.

По смерти К. Ив. Острожскаго (1530 г.), его имѣнія, въ числѣ которыхъ былъ и Чудновъ, унаследовалъ сынъ—Илья, женатый на Беатѣ Костелецкой, —отдавая отъ соимѣнія свою матуху и своднаго брата Василя²⁾. Илья жилъ недолго и, умирая (1539 г.), завѣщалъ своей беременной женѣ большую половину отцовскихъ имѣній (другая часть—Василя)³⁾. Но testamentъ кн. Илии былъ лишенъ силы королевскимъ декретомъ отъ 11 I 1541 г. въ пользу достигшаго уже 15-лѣтняго возраста своднаго брата небожника—Василя Константиновича⁴⁾. Временно все имѣнія Острожскихъ были конфискованы, и опекуномъ надъ ними назначенъ кн. Ф. А. Сангушко. Векорѣ, однако, споряція стороны сошлись на компромиссѣ, въ силу котораго, между прочимъ, Звяголь достался кн. Василю К., а кн. Беатѣ съ новорожденной дочкой (Галшеской)—Чудновъ. По дополнительному раздѣлу между кн. Беатой и ея дочерью, Чудновъ достался этой послѣдней⁵⁾ и оставался въ ея владѣніи до конца разсматриваемаго періода⁶⁾. Какія села вновь возникли на территоріи Чудновской волости въ промежутокъ времени 1507—1569 г., и какія существовали въ моментъ пожалованія этой волости кн. Константину Ивановичу Острожскому, мы не знаемъ; но что она въ теченіе этого времени значительно заселилась, можно судить хотя бы потому, что въ 1582 г. въ Чудновской волости было уже 45 населенныхъ мѣстъ⁷⁾.

С. *Романово*—на верховьяхъ Лѣсной. Одно изъ наибольше раннихъ упоминаній о Романовѣ находимъ въ записи о денежныхъ и медовыхъ данихъ въ пользу св. Софіи: «а

¹⁾ А. З. Р. II, № 29 = Arch. Lub.-Sang. III, № 79.

²⁾ Arch. Lub.-Sang. III, № 413.

³⁾ Arch. Lub.-Sang. IV, № 162.

⁴⁾ Arch. Lub.-Sang. IV, № 243.

⁵⁾ Arch. Lub.-Sang. IV, № 253, отъ 12 V. 1542 г. Въ это время Чудновъ уже былъ городомъ; ср. *ibid.* № 219.

⁶⁾ Нѣкоторыя дополнительныя свидѣнія см. у Wolff'a *Kniaziowie str.* 347—54.

⁷⁾ А. Ю. З. Р. VII, т. I, № 32.

зъ Романова идетъ, за Чюдновымъ, 50 грошей¹. При Семенѣ Омельковичѣ Романовъ тянулъ къ Житомиру, имѣя населенія въ 70 гг. XV в. 27 данниковъ, неизвѣстное количество людей новыхъ и людей, платящихъ подымщину, 9 слугъ поленицкихъ и 1 путнаго. Менгли-Гиреево вынятье, конечно, совершенно измѣнило эту картину, и только съ теченіемъ времени Романовъ сталъ оправляться.

Въ 1505 г. намѣстникъ Житомирскій п. Дмитрій А. Кмита билъ челомъ кор. Александру, прося у него „села в Житомор. пов., на имя Романово из людьми“, и повѣдалъ при этомъ, „штож в томъ селе осмьнадцать человекъ данныхъ и тяглыхъ, а два слуги посельскихъ“. Въ виду своихъ заслугъ и „з ласки господарское“ челобитчискъ получить просимое „со всимъ е тымъ, што здавна к тому селу прислухало и какъ на господаря держано“². Дмитрій А. имѣлъ двухъ сыновей: Александра и Богухвала. По раздѣлу между ними Романово досталось послѣднему. Богухвалъ умеръ до 1529 г. Отъ 1529 г. мы имѣемъ запродажную запись Богухваловой Дмитровича Богданы Величковицы, выданную ки. Константину Ивановичу Острожскому на имѣніе Романово, оцѣненное въ 1000 копъ грошей литовской монеты по 10 пенязей на грошъ. Въ томъ же году эта сдѣлка была утверждена кор. Сигизмундомъ³. Въ 1545 г. Романовымъ владѣла уже ки. Ильина, по смерти своего мужа, обративши повинности Романовцевъ къ Чуднову, безъ всякаго на то права. По свидѣтельству мѣстныхъ людей, въ то время въ Романовѣ было 18 службъ людей (1545 г.).

Сѣверо-западную часть Житомирскаго пов. занимала довольно значительная по своимъ размѣрамъ волость Зягольская, между верховьями Уши, Тнею съ Нивной и Цѣремъ (послѣднія впадаютъ въ Случь съ противоположныхъ сторонъ). Впрочемъ, къ Кіевской землѣ причислялась, кажется, только восточная половина этой волости, по р. Случь (ее Яблоневскій помѣщаетъ между теченіемъ рѣкъ: Вершницы и Нивны⁴).

¹) Акты Д.—З. № 91 = Акт. Леонтовича II, № 717.

²) Arch. Lub.-Sang. III, №№ 360 и 361.

³) Зг. XXII, 657. Привилей Каленику Мишковичу однако показыва-

Первое упоминаніе о Звягльѣ мы находимъ въ описаніи борьбы Данила Галицкаго съ людьми, „сбѣлшими за Татары“. Звяголь въ то время сильно пострадалъ за свое противодѣйствіе объединительной политикѣ Данила: городъ былъ сожженъ, а его населеніе разведено по разнымъ мѣстамъ¹). Послѣ этого, до княженія въ Кіевѣ Свиргайла, мы не имѣемъ о Звягльѣ никакихъ извѣстій. Наконецъ, при этомъ князѣ Звяголь снова появляется на сцену, но уже не одинъ, а въ сопровожденіе цѣлой волости. Отъ 17/x 1497 г. мы имѣемъ жалованную грамоту ки. Свиргайла на имѣнія „въ Житомирскомъ пов. во-въ Звягли“ вѣрному слугѣ его Каленику Мишковичу—„слободница: Меженевичи (Михеевичи), а Ходорковичи, а Тейковичи“. Владѣть ли кто подѣ Свиргайломъ въ это время Звягольской волостью, какъ таковой, и если владѣть, то—на какомъ основаніи, не извѣстно; но въ 40 гг. того же вѣка мы уже встрѣчаемся съ князьями Звягольскими. Именно — ки. Иванъ Зягольскій и братъ его Семенъ подписаны на привилей, выданномъ въ 1446 г. (въ Несвижѣ) ки. Ивану Дмитровичу на Острожець²). Подпись одного ки. Ивана Борисовича Зягольскаго фигурируетъ на запродажной Ивана Дичка ки. Семену В. Несвижскому на дворъ и село Ровное, отъ 1461 г.³). Ки. Иванъ Борисовичъ, по всей вѣроятности, умеръ безпотомно; его братъ Семенъ оставилъ по себѣ двухъ сыновей: Василия и Андрея. Князья Василий и Андрей Семеновичи Звягольскіе ведутъ въ 80 гг. XV ст. процессъ съ ки. Маріей Семеновича Трабской о владѣніе Остромъ, но неудачно⁴). Векорѣ они совсѣмъ сходятъ со сцены, а ихъ Звягольскій удѣлъ обращается въ намѣстничество, на первыхъ порахъ состоявшее подѣ управленіемъ сына извѣстнаго уже намъ Каленика — Окуша Калениковича. Нужно думать, что около этого времени потомство Звягольскихъ князей угасло.

Кто же были эти загадочные Звягольскіе князья?—Судя

изъ, что въ дѣйствительности территория Звягольской волости была гораздо шире.

¹) Ипат. лѣт. 555—6.

²) Wolff Kniazowie, 620.

³) Arch. Lub.-Sang. I, № 56.

⁴) А. З. Р. I, № 77.

по их отчеству, они происходили от какого-то князя Бориса, который имел жить в концѣ XIV или нач. XV в. Судя по их тѣжбѣ съ Маріей Трабской, можно думать, что родъ Звягольскихъ князей имелъ какое-то отношеніе къ Остерекской волости, однако это отношеніе не опредѣлялось какимъ-нибудь единичнымъ привилеемъ, а входило составною частью въ объемъ какихъ-то болѣе общихъ правъ на Киевскіе удѣлы, и притомъ по времени предшествующихъ правленію Олельковичей. Князья Звягольскіе возражали Маріи Трабской, «иже тоѣ имѣніе отцу еѣ далъ кн. Олельско»; очевидно, свои права на него они считали болѣе древними и почтенными. Судя по всѣмъ этимъ признакамъ, кѣмъ же могли быть Звягольскіе князья?—Полагаемъ, что это были потомки Бориса—Коригаила, оставшіеся въ мелкихъ Киевскихъ удѣлахъ послѣ Іоанна Борисовича Киевскаго и его сына — Андрея ¹⁾. Возможно, что уже тогда, кромѣ Звяглы, они владѣли и Остромъ; отсюда—ихъ столкновение съ Маріей Трабской и неизбежное съ этимъ пораженіе, ибо въ то время, какъ Марія Трабская могла показать передъ кор. Казимиромъ опредѣленный документъ на владѣніе своей отчиной,—на какой документъ могли сослаться они, кромѣ неофициальной воли своихъ старшихъ сородичей—Киевскихъ князей, нѣкогда уступившихъ имъ (въ лицѣ предковъ) часть своихъ владѣній?

Объ объемѣ правъ, на которыхъ владѣли Звягольскимъ удѣломъ упомянутые князья — отчичи, мы можемъ только догадываться. По всей вѣроятности, эти права не выходили изъ рамокъ обычнаго вотчиннаго владѣнія—«со всемъ правомъ и панствомъ»,—на какихъ правахъ та же волость впоследствии была пожалована Константину Ивановичу Острожскому ²⁾. Впрочемъ, въ періодъ удѣловъ эти права могли быть и шире, сообразно съ духомъ времени. О дѣятельности Звягольскихъ князей мы знаемъ только то, что они жа-

¹⁾ Этимъ м. б. объясняется то, почему Звягольскіе князья служили Святигайлу, а не Олельковичамъ, хотя въ привилее К. Ив. Острожскому Звяголь именуется «в повѣто Киевскомъ».

²⁾ Звягольская волость пожалована К. Острожскому «тымъ же обычаемъ какже и перю того держали тыи выше мѣлоши князата: кн. Василей а кн. Андрей».

ловали своимъ слугамъ имѣнія въ своемъ удѣлѣ, съ которыхъ ихъ преемнику не велѣно «рушати тѣхъ, естли будутъ ему хотѣтъ елужити». Но подобнаго рода слуги были и у другихъ владѣтелей, даже въ боярскомъ званіи; и другіе владѣтели жаловали ихъ имѣніями, какъ, напр., тѣ же князья Острожскіе, такъ что выше отмѣченный фактъ не даетъ ничего характернаго для сужденія объ объемѣ правъ Звягольскихъ князей въ ихъ удѣлѣ, а другихъ указаній по этому предмету мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ.

По прекращеніи рода Звягольскихъ князей, ихъ удѣлъ спалъ на господара, отъ лица котораго Звягольской волостью управляли особые намѣстники. Изъ нихъ намъ извѣстно два—возможно, что больше и не было; выше упомянутый *Окушъ Калениковичъ* и *Яцко Межъ*. Перваго кор. Казимиръ, между прочимъ, увѣдомляетъ въ 1488 г. о сдачѣ въ аренду луцкимъ купцамъ мыта и корчмы во Звягль и приказываетъ ему не вступаться въ теченіе этого времени въ отчужденныя статьи господарскихъ доходовъ ¹⁾; второй извѣщаетъ намъ по случаю тѣжбы съ какимъ-то Кузьмой Григорьевичемъ о Конячій островъ; ему же въ 1496 г. вел. кн. Александръ пожаловалъ «человѣка въ Овруцкомъ пов., на имя Лазорка Мошковича и зъ его сынами и братаничи» ²⁾.

Звяголь мы находимъ въ спискѣ городовъ Святигайла; значитъ, тогда уже это былъ городъ болѣе или менѣе населенный и торговый. Иллюстрацію этого общаго положенія даетъ господарскій листъ Окушу Калениковичу отъ 1488 г. Изъ него мы почерпнемъ слѣдующія данныя. Звяголь—это мѣсто, въ которомъ есть корчма, таможенная застава. Ежегодный доходъ казны отъ корчмы и мыта равнялся 15 коп. широкихъ грошей. Въ мѣстѣ, разумѣется, были мѣщане. Имъ дозволялось для своихъ надобностей два—три раза въ году «варити корчмы»—держати склады. Черезъ Случь былъ перевозъ.

Обозрѣвъ состояніе колонизаціи, не трудно будетъ указать и приблизительныя границы повѣта. — На югѣ Жито-

¹⁾ Бернадскій Документы и Регесты I, № 17.

²⁾ Акты Леонтовича I, № 107; Акты Д.—З. № 42 = Леонтов. I, № 267.

мирекой пов. захватывалъ, съ одной стороны, верховья Тетерева, проходи по водораздѣлу рѣкъ: Коранки и Синводи въ Случь (Гончариха); съ другой—обнималъ верховья Гнилопята и Роставицы, гранича съ Подольемъ, также съ Черкасскимъ пов. Отъ верховьевъ Роставицы, Гуйвы и Гуевки граница Житомирскаго пов. шла на Ивницю, захватывала верховья Здвижи по Брусилонъ, отъ Брусилова почти по прямой линіи подымалась къ устью Ирпени, падая на Тетерева у Макалевичъ и упиравалась на крайнемъ сѣверѣ въ митрополичье с. Воробіевичи. Отъ Воробіевичъ граница Житомир. пов. спускалась по лѣвому притоку Рязни и самой Рязнѣ на Иршу; Иршей шла суходольная граница съ Овруцкимъ пов., такъ что, напр., Малинъ принадлежалъ Овручу, а Городище подѣ нимъ—Житомиру.

Иршей граница Житомирскаго пов. съ Овруцкимъ шла приблизительно до села Бобрика; отсюда поворачивала на Барашовъ, Зерновичи и упиравалась въ Случь близъ устья р. Вершицы.

Западная граница Житомирскаго повѣта съ Волынью шла по Случи приблизительно до с. Гриневки, откуда поворачивала на Гончариху, слѣдуя къ верховьямъ Гнилопята, Гуйвы и Роставицы.

По вычисленію Яблоновскаго, Житомирскій повѣтъ въ этихъ своихъ границахъ заключалъ 253, 24 кв. миль ¹⁾.

Любецкій повѣтъ.

(Очеркъ IV).

Любецкій повѣтъ—каковымъ онъ сталъ около XVI в.—занималъ довольно узкую полосу по правому берегу Днѣпра, сѣвернѣе Любеча, и захватывалъ среднее теченіе Брягинки, южнѣе его. По лѣвую же сторону территорія Любецкаго повѣта заключалась теченіемъ рѣкъ: *Замглая* и *Пакулки*. По устройству поверхности западная часть Любецкаго

¹⁾ Жг. XX, 51 wstep.

Handwritten text in the right margin, possibly a title or a note related to the sketch. The text is faint and difficult to read, but appears to be in Cyrillic script.

повѣта возвышенна, восточная — низменна и болотиста, въ особенности по теченію р. Замглая. Болота, поросшія верболозомъ, — преобладающая черта любецкаго ландшафта, хотя нѣтъ недостатка и въ строевомъ лѣсѣ. Любецкій повѣтъ — составная часть Черниговскаго Полѣсья.

Не знаемъ съ точностью, когда Любецкій повѣтъ вошелъ въ составъ Кіевской земли. Въ наиболѣе раннихъ документахъ изъ даннаго періода онъ выступаетъ въ качествѣ особой волости, жалуемой господаремъ его вѣрнымъ слугамъ за какія-либо заслуги или въ политическихъ видахъ. Такъ, въ 1483 году Любечъ былъ пожалованъ кор. Казимиромъ князю Василю Михайловичу Вереискому, убѣжавшему изъ Москвы ¹⁾; въ 1503—8 гг. отходилъ къ Москвѣ ²⁾ и по возвращеніи былъ пожалованъ въ доживотное держаніе воеводѣ *Кіевскому*, п. Юрію Мих. Монтовтовичу ³⁾. Въ 1516 году Любечъ поступилъ въ „вѣчное“ владѣніе п. Ольбрахта М. Гаштольда „подлѣ данины тшо его“, кн. Василю Вереискому ⁴⁾. Но Ольбрахтъ М. Гаштольдъ умеръ безпотомно въ 1542 г., вслѣдствіе чего его имѣнія были отобраны кор. Сигизмундомъ Старымъ на его сына — Сигизмунда Августа. Впрочемъ, пока жива была жена небожчика, Софія Вереиская, ей было позволено пользоваться имѣніями по отцу, до ея живота ⁵⁾. По смерти Вереиской, которая, нужно думать, не замедлила своимъ приходомъ, Любечъ съ тянувшей къ нему областью былъ обращенъ въ повѣтъ, управлявшійся особыми намѣстниками — державцами изъ руки господаря. Изъ этихъ намѣстниковъ въ разсматриваемый нами періодъ извѣстно всего два: *Иванъ Служка* (1551 — 3) ⁶⁾ и *Павелъ Сопка* (1560) ⁷⁾.

Такова судьба этой волости — повѣта. Что касается колонизаціи, экономического состоянія и взаимоотношеній от-

¹⁾ Любавскій Област. дѣленіе с. 114; подтвердительная отъ 1499 г. — въ А. Ю. З. Р. VIII, IV, № 22.

²⁾ Сбор. Истор. т. 35, с. 398—402; 485, 486.

³⁾ А. З. Р. II, № 38.

⁴⁾ Любавскій ор. с. 244.

⁵⁾ Bonieski с. 60; Wolff Kniaziowie 549.

⁶⁾ Сбор. Истор. т. 59, с. 352, 357; Археогр. Сбор. I, № 35.

⁷⁾ А. Ю. З. Р. VIII, III, с. 468—9; былъ Любеч. старостою еще въ 1571 г. См. Матеріалы Каманни № 9—А. Ю. З. Р. VIII, III, № 99.

дѣльных классовъ населенія—вообще внутренней исторіи Любецкаго повѣта, то, къ сожалѣнію, мы поставлены въ этомъ отношеніи въ очень невыгодныя условія. Для Любеца мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи всего одну люстрацію, да и то—позднѣйшаго времени ¹⁾. Другіе документы, числомъ не болѣе 5, даютъ очень мало. На основаніи этихъ источниковъ мы можемъ представить себѣ слѣд. картину Любецкаго повѣта.

Повидимому, Любецкій повѣтъ, подобно Овруцкому, состоялъ приближенно изъ мелкой шляхты—околичныхъ бояръ, обрабатывавшихъ землю собственнымъ трудомъ и служившихъ однимъ конемъ господарскую службу. По этому вопросу мы имѣемъ, между прочимъ, любопытный документъ, изданный Каманинымъ въ приложеніи къ его изслѣдованію о казачествѣ ²⁾. Въ этомъ документѣ, относящемся къ 1571 г., фигурируетъ 14 земель, изъ которыхъ каждый держитъ одну, двѣ, много—три земли, и то въ супольномъ владѣніи съ кѣмъ-нибудь изъ братьи, „зъ которыхъ земля каждый з нихъ зособна своею ку службѣ нашою военной коня ставитъ“. Въ подтвержденіи ихъ владѣльческихъ правъ между составными частями имѣній не упомянуты люди; слѣдовательно, мы можемъ полагать, что эти земли не были населенными, т. е. обрабатывались самими владѣльцами.

Въ выше упомянутомъ актѣ фигурируетъ разомъ 14 земель. Можно думать, что они не случайно выступаютъ въ такой массѣ, тѣмъ болѣе, что подтвердительный листъ на ихъ владѣніи выданъ королемъ не каждому особо, а для всѣхъ одинъ. Отсюда, естественно, напрашивается аналогія, которую мы провели вначалѣ, указывая на овруцкое боярство. По всей вѣроятности, всѣ 14 бояръ, фигурирующие въ нашемъ документѣ, объединились въ какой-нибудь восходящей степени общимъ родоначальникомъ.

Для подтвержденія мысли о родовомъ бытѣ любецкаго боярства можно воспользоваться еще однимъ документомъ, изданнымъ Археографической комиссіей въ Литовской Метрицѣ. Около 1522 г. „тегалися передъ господаремъ бояре

¹⁾ См. Зг. XX, стр. 30, 1571 г.

²⁾ Чтенія въ Общ. Истор. Литовскаго VIII, № 9

Любецкия, (числомъ 11 ¹⁾ съ п. Мартиномъ Мелешковичемъ в Мышкою Холуневскимъ о шляхотство свое, и повелили передъ его милостью родъ братью свою“. Для рѣшенія этой тяжбы господарь заложилъ рокъ—„отъ понедѣльника третьей недѣли, вступивши въ постъ, за четыре недѣли“. Въ назначенный срокъ явилось передъ господаря всего 5 бояръ—„ся ставили, а братьи своею не поставили“,—въ виду чего господарь положилъ имъ другой рокъ „по Велицедни въ трехъ недѣляхъ“, подъ угрозой „страченія“ права. Явизались на этотъ разъ уже вся братья или нѣтъ—мы не знаемъ, такъ какъ въ дальнѣйшемъ документы насъ оставляютъ; для насъ же въ этомъ фактѣ важно то, что любецкое боярство цѣлою группой—братья—выступаетъ въ спорѣ съ двумя людьми, которые осмѣлились не признавать его шляхетскихъ правъ: явный признакъ, что эта группа была объединена родовыми связями—происходила отъ одного родоначальника. Къ тому же результату мы приходимъ и съ другой стороны. На вырокъ господаря явилось изъ 11 заинтересованныхъ всего 5 человекъ, „а братьи своею не поставили“. Очевидно, что эти 5 человекъ ставились передъ господаремъ отъ лица всей братьи: такъ какъ дѣло было общее, то представлялось излишнимъ личное присутствіе всего рода, in corpore, хотя для господаря такое представительство оказалось недостаточнымъ. Въ доказательство отъ противнаго можно сослаться на то, что выводъ шляхетства былъ настолько важнымъ и жизненнымъ фактомъ для тогдашняго боярства, что почти невозможно допустить, чтобы остальные не явились на судъ чести, рискуя безъ суда потерять свое званіе и соединенныя съ нимъ права. Но такого риска въ данномъ случаѣ не будетъ, если мы допустимъ, что всѣ эти 11 бояръ происходили отъ одного родоначальника.

Судя по даннымъ люстраціи 1571 г., любецкое боярство было почти столь-же многочисленно, какъ и овруцкое. Эта

¹⁾ Ихъ имена: Гапонъ Яковичъ, Богданъ Петрашевичъ, Левко Варваричъ, Игуменъ, Першко Игнатовичъ, Зань Антоновичъ, Паревъ Величковичъ, Дешко Коковичъ, Сенько Некрашевичъ, Якухъ Куприяновичъ, Хома Воймловичъ. Между ними, очевидно, нѣкоторые были и не-русскаго происхожденія: 2 Поляки и, вѣроятно, 1 Литвинъ (Воймловичъ—Война).

люстрація насчитываетъ въ Любечѣ 78 землянь, если допустить правильное соотношеніе ролей и владѣльцевъ: z dymów i ról ziemiańskich 63 per. gr. 20, a z ról 15 per gr. 10.

Населеніе Любецкаго повѣта занималось земледѣліемъ и промыслами. Въ какой мѣрѣ тѣмъ и другимъ — трудно сказать, по недостатку данныхъ. Но если обратить вниманіе на нѣкоторыя указанія люстраціи, то можно думать, что земледѣліе, сверхъ ожиданія, не было въ пренебреженіи. Люстрація, наприм., регистрируетъ поборъ съ 15 ролей мѣщанскихъ и 78—боирекихъ. Впрочемъ, эти данныя односторонни, и на основанія ихъ ошибочно было бы дѣлать какіе-либо общіе выводы. Характеръ края въ общемъ больше благопріятствовалъ промысламъ, чѣмъ земледѣлію. Какія именно хозяйственныя статьи подвергались эксплуатаціи, можно видѣть изъ перечня угодій, подтвержденныхъ Сигизмундомъ Августомъ 14 любецкимъ землянамъ: „зъ землями пашьными, зъ бобры, лесы, сеножатны, съ пасеками, зъ реками, зъ озерами, зъ бобровыми гонями etc.“¹⁾

Что касается собственно мѣщанскаго населенія (65×7—455 человекъ), то по даннымъ люстраціи оно въ такой же мѣрѣ занималось хлѣбопашествомъ, въ какой и огородничествомъ. Обращаетъ на себя вниманіе также значительное количество ремесленниковъ (11), далеко превышающее потребность мѣстнаго городского населенія.

Вотъ и все, что мы можемъ сказать по интересующему насъ вопросу на основаніи того матеріала, которымъ въ данную минуту располагаемъ. Теперь приступимъ къ обзору колонизаціи.

Г. *Любечъ* — родина преп. Антонія²⁾, въ древности извѣстная пристань. Среди владѣній черниговскихъ князей въ до-Монгольскую эпоху Любечъ занималъ довольно видное мѣсто, но уже со второй половины XII в. начинается его упадокъ. Какъ отразился на Любечѣ Татарскій погромъ, кто и когда затѣмъ возстановилъ его, если онъ былъ разрушенъ, — мы не знаемъ. О состояніи Любеча въ разсматриваемый періодъ тоже не имѣется извѣстій. Первая люстрація

¹⁾ Кн. II Суд. дѣлъ, №№ 342 и 349.

²⁾ Исслѣдованіе Милорадовича подл. этимъ титуломъ для разсматриваемаго періода не даетъ почти ничего.

Любеча относится къ 1571 г.; изъ нея-то мы и почерпнемъ дальнѣйшія свѣдѣнія.

Населеніе Любеча въ 1571 г. выражалось въ слѣдующей таблицѣ:

	домовъ	головъ
Рольниковъ и огородниковъ	15	105
Огородниковъ на чиншѣ, безъ работы	16	112
Ремесленниковъ-здуновъ	11	77
Перекупшевъ	4	28
Людей убогихъ, неподатныхъ	19	133
Драбовъ	23	161
Земли	78	546
Итого	166	1162

С. *Вельча* (т. Величка, на ю.-в. отъ Любеча) — согласно люстраціи Мозырскаго замка (1552 г.), обмѣнено Гаштольдомъ на с. Челшице Балакирей. — Земля *Разсудовская* (т. Разсудова, на Борзнѣ) — пожалована Сигизмундомъ Августомъ Ваську Климовичу¹⁾. — Земля *Неданчицкая* (т. с. Неданчичи) — пожалована тѣмъ же королемъ Грысичамъ²⁾. — С. *Мнево* — выше устья Пакульки, на лѣвомъ берегу Днѣпра. По Кіевской люстраціи 1552 года, населеніе Мнево состояло изъ 11 человекъ, принадлежавшихъ монастырю Петерскому. — С. *Плехово* (т. Плеховъ, на верховьяхъ Пакульки) — половина Любецкая, а другая — Черниговская³⁾. — С. *Кувечичи* — на р. Свишѣ, притокѣ Вѣлоуса, тоже пограничное (1523 г.). — С. *Лопяны* — т. Лопатная, на лѣвомъ берегу Днѣпра? — 8 человекъ населенія (1571 г.). — С. *Яриловичи* (на Немильной) — пограничное съ Гомелемъ (1523 г.).

С. *Глушець* — на правомъ берегу Днѣпра, выше Любеча (7 человекъ населенія). — С. *Деряжичи* — ibid. (10 человекъ). С. *Ловъ* — противъ устья Сожа (3 человекъ). — С. *Мохово* — нѣсколько выше по Днѣпру. По люстраціи Мозырскаго замка (1552 г.), Мохово обмѣнено Гаштольдомъ на с. Коптевичи Заморенка; въ 1571 г. имѣло 4 человекъ населенія. — С. *Поздьяковичи* — гдѣ-то по сосѣдству (7 человекъ). — С. *Саковичи* — т.

¹⁾ Зг. V, 89.

²⁾ Зг. V, 91.

³⁾ Названо въ обводѣ 1523 г. См. Док. Ю. I, № 2, с. 64—6.

Исаковичи, южнѣ м. Холмича (2 человекъ). Это крайній пунктъ любецкой колонизаціи на сѣверѣ.

Южнѣ г. Любеча мы имѣемъ: с. Жылчи—на правомъ берегу Дѣпра (3 человекъ).—С. Хрековичи—ближе къ Брягинскѣ (6 человекъ). Земли: *Песочка*, *Мечовицна* (т. Чемерина?) и островъ *Просмычъ* (т. село на Брягинскѣ)—пожалованы Чемерисамъ Сигизмундомъ Августомъ ¹⁾.—С. *Ессурженичи*—можетъ быть, т. Ассаревичи на Дѣпрѣ?—3 человекъ.—С. *Левча*—т. Елча *ibid*?—10 человекъ.—С. *Шерка*—по правую сторону Брягинки (3 человекъ).—С. *Совичи*—т. Савичи, на сѣверо-западѣ отъ Шерки (29 человекъ).—Села: *Бедзвинъ* (5 человекъ) и *Копоны* (2 человекъ)—не поддаются никакой, даже приблизительной, локализаци.

Большинство названныхъ поселеній, какъ видно изъ выше положеннаго, находилось по правую сторону Дѣпра. По лѣвую сторону мы могли указать, кромѣ Любеча, только 8 населенныхъ пунктовъ, изъ которыхъ Миево отбывало недѣли при Чернобыльскомъ замкѣ, а относительно Лоплянъ мы не совсемъ увѣрены, соответствуетъ-ли ихъ положеніе т. Лопати. Обидно мало для такой территоріи! Возможно, впрочемъ, и даже весьма вѣроятно, что тѣ земли, о которыхъ идетъ рѣчь въ документѣ Каманна, находились именно по лѣвую сторону Дѣпра. Тогда количество извѣстныхъ намъ поселеній (хуторовъ) въ этой мѣстности значительно увеличивается. Эти земли: *Сельчанская*, *Кувечинская*, *Смолигова*, *Серехова*, *Гавриловская*, *Быковцизна*, *Тертежъ*, *Пенязецизна*, *Голенащовская*, *Обылицкая*, *Погориская*, *Алексѣевская*, *Петроцкая*, *Велитецъ*, *Семеничъ* (борокъ); острова: *Турпечъ*, *Творыговскій*, *Вильдянскій*, *Крицы* и одно селище—*Голзовъ* ²⁾.

Относительно границъ Любецкаго повѣта мы довольно хорошо осведомлены, благодаря обводу 1523 г. ³⁾. По даннымъ этого документа, южной границей Любеча съ Чернобыльской недѣлей монастыря Печерскаго (Навозъ и проч.) служила р. *Пакулка*. Поворотомъ этой рѣки Любеть граничила съ Черниговомъ—до с. *Плохова*, откуда любецко-черниговская граница шла на *Руду*, *Свищову* (гдѣ с. Кувечичи),

¹⁾ Зг. V, 92.

²⁾ Чтенія Кіевскія VIII, докум. № 9; ср. Зг. V, с. 86 и сл.

³⁾ Докум. Ю. I, № 2, с. 63—5.

на *Долгую* и *Дорогань* рѣки, — на *Боянцы* и на *Сухой Вырь* (притокъ *Замглая*). На сѣверѣ шла граница Любеча съ *Гомелемъ* отъ с. *Игоревичъ* на р. *Выти* къ *Ерилсвичамъ* (на *Немильной*), отъ *Уеть* (*Выти же?*)—на *Сожь*—на *Колодичи* на *Дибирѣ*. „А вступу нетъ *Черниговцомъ* и *Гомяномъ* за границу у *Любецкое*, а *Любечаномъ* до нихъ, бо ся они ни вшошто не вступаютъ, якъ было съ стародавна“.

По правую сторону *Дибира* *Любецкая* территория занимала довольно узкую полосу, приблизительно въ направлении р. *Пѣсоченки*; противъ *Любеча* раздвигаясь, она захватывала среднее теченіе р. *Бригинки*, внизъ до с. *Чикаловичъ*—и въ *Дибирѣ*. Въ противоположность восточной, западная граница *Любецкаго* повѣта не можетъ быть проведена съ такой опредѣленностью за отсутствіемъ точнаго разграниченія.

Остерскій повѣтъ.

(Очеркъ V).

Остерскій повѣтъ расположенъ по нижнему теченію р. *Десны*, не захватывая, однако, ея устья, въ мѣстности низменной и обильной болотами, особенно между *Десной* и *Дибиромъ* (*Вершины*, *Выдры* и др.). Въ настоящее время на устьѣ *Остра* (въ *Десну*), собственно говоря, заканчивается линия *Черниговскаго* Полѣсья. Но прежде она, несомнѣнно, спускалась гораздо ниже ¹⁾. Остатки бывшихъ лѣсовъ теперь еще можно видѣть на верховьяхъ *Трубежа*; по ниже *Остра*, по *Деснѣ*, они уже расчищены подъ пашню или такъ истреблены, безъ толку, вслѣдствіе неумѣлаго хозяйничанья.

Первоначально почти весь *Остерскій* повѣтъ входилъ въ составъ *Сѣверскаго* отдѣла потомковъ *Тугоркана*, *Половцевъ* за *Сквира*, отъ с. *Рожнова* на *Деснѣ* прозванныхъ *Рожниовскими*; именно—*Рожны* за *внѣсткимъ*, *Крехово*, *Осово*, *Святимыново*, *Бердово*, *Островець*, *Буковъ*, *Варно*, *Валузовъ*, *Нижинъ*, *Дорогинъ*, за *внѣсткими* иными урочищами пущами

¹⁾ Иллюстрація отмѣчаетъ боръ „за мило отъ замку, въ *Литовскую* сторону“, с. 595.

въ тѣмъ отдѣлѣ, *почавши отъ Десны, по Удаю и по Остерѣ** etc. Впоследствии, должно быть, запустѣвшій отъ Татаръ, какъ никому фактически не принадлежавшее добро, этотъ отдѣлъ былъ по частямъ присвоенъ другими владѣльцами, а что осталось, было отобрано на Киевскихъ князей, которые щедрою рукой раздавали остерскія земли духовенству, боярамъ, слугамъ, сокольничимъ—и Татарамъ киевскимъ. Впрочемъ, это было уже при Олелькѣ и Семенѣ. При Витовтѣ же Остерская волость была пожалована кн. Митьку Сѣкирѣ, изъ рода Гольшанскихъ¹⁾, который умеръ, по всей вѣроятности, безъ мужского потомства, вслѣдствіе чего королемъ Казимиромъ Остеръ былъ переданъ въ распоряженіе Олелька Владиміровича²⁾.

У Митька Сѣкиры было двѣ дочери: одна (Марія—Марина) за Семеномъ С. Трабскимъ, а другая (Елисавета)—за Яномъ Гаштольдомъ³⁾. Первая изъ нихъ, по уничтоженіи Киевскаго удѣла, возбудила передъ королемъ Казимиромъ процессъ о свою отчизну—Остеръ, которую у нее въ то время оспаривали князья Звягольскіе. „Искала—гласить судебный вырокъ кор. Казимира—княгиня Семенова (Трабская) подѣ ними имѣнья, отчизны своеѣ, на имя Остра, што держалъ небожикъ отецъ еѣ, кн. Митько Сѣкира, при вел. кн. Витовтѣ и Жигимонтѣ, а и подѣ иными тежъ искала селъ и селищъ, которые жъ издавна слухали и тянули къ тому имѣнью Остру, што роздали кн. Олелько, а кн. Семень архимандриту Печерскому, и боярамъ, и слугамъ, и сокольникомъ, и Татаромъ Киевскимъ... а они отпирали ей, ижъ тое

¹⁾ Bonieski (Poczet rodów 351), а вслѣдъ за нимъ и Леонтовичъ (Очерки, с. 196) полагають, что Митько Сѣкира былъ племянникъ кн. Святигайла, мазненнай по приказанію Сигизмунда Кейстутевича. Но Остеръ присужденъ Трабской, какъ „отецъ еѣ, кн. Митько Сѣкира, держалъ при вел. кн. Витовтѣ и Жигимонте“. Поэтому намъ кажется болѣе правильнымъ предположеніе Wolffa, что Митько Сѣкира происходитъ изъ рода Гольшанскихъ-Зубревичихъ (Kniaziowie, с. 96).

²⁾ Докум. Ю. I, с. 56, § 19.

³⁾ По Вольфу, не сестра, а дочь Маріи Трабской была за Гаштольдомъ и не Яномъ, а Мартиномъ Я. Но жена Мартина Я. умерла до 1490 г., а вырокъ Казимира имѣлъ мѣсто въ 1489 г. (см. Inventarium Rykaszewskiego, с. 275). Поэтому принимаемъ мнѣніе Бонцкаго (Poczet rodów, с. 56).

имѣнье Остеръ отцу еѣ далъ кн. Олелько*. Но король, разсмотрѣвши дѣло, нашель доводы Звягольскихъ князей „не слушными“, а права княгини Трабской — заслуживающими вниманія. Поэтому—гласить королевскій привилей—, по близости, тое имѣнье Остеръ со всемъ, какъ они держали, и тые села и селища вышеписанные, которые будутъ издавна слухали и тянули къ тому имѣнью Остру, што держалъ отецъ еѣ, кн. Митько Сѣкира, за вел. кн. Витовта и Жигимонта, присудили есмо княгини Марьѣ¹⁾. Марія Трабская въ 1490—96 г. отписала свой маєтокъ „внуку“ — Ольбрахту М. Гаштольду, который, какъ извѣстно, умеръ безпотошно въ 1542 г., вслѣдствіе чего его имѣнья были отобраны королемъ на его сына—Сигизмунда Августа. Съ этого момента Остерская волость обращается въ повѣтъ Киевскаго воеводства, управляемый намѣстниками изъ руки господара. Изъ Остерскихъ намѣстниковъ (державцевъ и старостъ), намъ извѣстны: Янушъ Ю. Гольшанскій—1542²⁾, Семень—Фридрихъ Глыбовичъ Пронскій—1545-6³⁾, Петръ Корсакъ — 1538—48⁴⁾, Константинъ Ратомскій⁵⁾ и Филонъ Климта—1562⁶⁾.

О бытѣ населенія Остерскаго повѣта мы имѣемъ мало данныхъ. На основаніи поборового реестра можно заключить, что оно занималось земледѣліемъ и скотоводствомъ, хотя большимъ преимуществомъ для земледѣлія служила близость Татаръ⁷⁾. Это, разумѣется, не исключаетъ и другихъ формъ сельскаго хозяйства, точнѣе—промысла. Въ 1522 г. король Сигизмундъ подтвердилъ, напр., воеводѣ Виленскому, п. Гаштольду с. Жукинь въ Киев. пов. и человекъ, который на томъ селищѣ сидитъ, „со всеми землями того селища и человекъ, пашными и борными, и съ сѣножатми, и зъ ган, и лѣсы, и дубровами, и зъ ловы звѣриными и пташьими, и съ озера, и зъ рѣками, и зъ езы на Деснѣ, и съ ставы и

¹⁾ А. З. Р. I, № 77.

²⁾ А. Ю. З. Р. VII, т. I, № 7.

³⁾ А. Ю. З. Р. ч. I, т. VI, № 18, Arch. Lub.-Sang. IV, № 354.

⁴⁾ Книга Посольская I, №№ 31 и 3.

⁵⁾ А. Ю. З. Р. VII, I, № 83.

⁶⁾ Арх. Сбор. IV, № 5.

⁷⁾ „Пашнали на замокъ у трехъ мильхъ на поли у Столшич, а тыхъ часохъ (1552 г.) пашни тамъ опущена за неспокоємъ стъ Татаръ“ (люстр. с. 595).

зъ млыны и ихъ вымелки, и зъ бобровыми гоны, и зъ хмелищи, и зъ данми грошовыми и медовыми, и бобровыми и куничными... и со венемъ тымъ, яко ся тоє селище и челоуѣкъ съ стародавна самъ въ собѣ и въ границахъ своихъ маєтъ¹⁾. Едва ли челоуѣкъ, который сидѣлъ на упомянутомъ селищѣ, располагалъ всѣми тѣми доходными статьями, которая въ нашемъ документѣ перечислены, напр., млынами. Но нужно полагать, что, подтверждая права Гаштолда на его владѣніе, господарь сообразовался съ тѣми условіями хозяйства, которая были обычны для данной мѣстности,—которыхъ м. б. не было на лицо въ данномъ случаѣ, но они могли возникнуть впоследствии, и въ интересахъ владѣльца было, конечно, поставить его въ извѣстность относительно этихъ обычныхъ условий. Въ частности, среди доходныхъ статей—промысловъ мѣстнаго Остерскаго населенія можно отмѣтить *рыболовство*. По даннымъ люстраціи, рыболовы платили уряднику 10-го осетра, каждую бѣлугу, „а бѣлая рыба вся тому, кто городить езь“. Очевидно, вслѣдствіе изобилія, она потеряла свою цѣну. Изъ другихъ промысловъ въ Остерскомъ повѣтѣ процвѣтало *челововодство*. По даннымъ Кіевской люстраціи, население 4 селъ Остерскаго повѣта платило подати почти исключительно медомъ (Лутава, Дубечна, Слободка, Жукинъ).

Что касается, въ частности, мѣщанства, то оно въ общемъ не отличалось отъ крестьянскаго населенія: платило подати грошами и сѣномъ. Впрочемъ, люстрація отмѣчаетъ и ремесленниковъ: 2 кушнера, по 1 чоботарю и кравцу. Вспомогательную статью мѣщанскаго дохода составляли заработокъ отъ каравановъ, которые направлялись черезъ Кіевъ въ Москву и обратно. Старосты Остерскіе получали вознагражденіе за сопровожденіе каравановъ военной стражей²⁾, а мѣщане—за разныя услуги по ихъ передвиженію, какъ то видимъ въ Черкассахъ и Кіевѣ.

Остерское боярство—шляхта, по своему количеству, довольно значительно: люстрація опредѣляетъ его цифрой 28. Но это была мелкая, захудалая шляхта, которая выѣзжала

¹⁾ А. Ю. Р. I. № 72.

²⁾ Люстр. отмѣчаетъ одинъ случай, когда Остерскій староста (Петръ Корсака) заработалъ т. о. 10 коп. гр. одновременно.

на службу господарскую „своею парусною“, на одномъ конѣ, хотя служба отбывалась „изъ отчизнѣ осѣлыхъ“. Одинъ шляхтичъ, повидимому, не располагалъ такой отчизной, поэтому, живя за острогомъ, не несъ земской службы. На мѣру значенія этой шляхты указываетъ уже одно присутствіе въ ея рядахъ такихъ господъ, какъ Мартинъ Драбъ, Станиславъ Драбъ и Данило Волошемиъ. Въ общемъ остерская шляхта не могла похвалиться знатностью своего происхожденія.

Отчасти отмѣченное выше обстоятельство—мелкопомѣстность и незнатность остерской шляхты, а отчасти и украинное положеніе повѣта—способствовали тому, что здѣсь мало развилась социальная обособленность: отдѣльныя группы населенія имѣютъ между собой много общихъ точекъ соприкосновенія. Въ частности—въ отношеніи повинностей. Работу острожную, напр., выполняютъ, какъ мѣщане, такъ бояре и люди ихъ. Бояре, мѣщане и волощане выѣзжаютъ ежегодно первую порошею на Трубежъ—въ ловы на старосту. Городецкія повинности въ нѣкоторыхъ случаяхъ раздѣляются между мѣщанами и боярами: сторожа замковая содержится коштомъ мѣщанъ, остроговая—бояръ.

Административный центръ повѣта—г. Остеръ, на устьѣ р. Остра въ Десну; хорошо извѣстенъ намъ еще изъ предыдущаго періода¹⁾. Разоренный, безъ сомнѣнія, Татарами въ 1240 г., Остеръ неизвѣстно кѣмъ и когда возстановленъ. Первый извѣстный намъ изъ даннаго періода Остерскій замокъ построенъ на „старомъ городище, около церкви стародавнее мурованое опустело“²⁾ Ольбрахтом М. Гаштольдомъ около 1538 г. Онъ былъ расположенъ на „невеликой и неприкрой горѣ“; только въ сторону Остра эта гора спускалась обрывистымъ отвѣсомъ, дѣлая невозможнымъ приступъ (со стороны рѣки) къ замку. Самый замокъ построенъ изъ сосноваго дерева, какъ и другіе, и такъ же, какъ другіе, „надбале весь робленъ“. Площадь замка — 37×31 саж. на

¹⁾ Исторію г. Остра см. у Константиновича: „Развалины Юрьевой Вожицы въ с. Старогородкѣ“, Кіев. Ст. 1896 г., XI.

²⁾ Разумѣется Вожица Юрія Долгорукаго, изображеніе которой (развалины) можно найти въ брошюрѣ М. Александровича: „Остерскій уѣздъ“. Ч. I, К. 1881 г.

какомъ пространствѣ помѣщалось 30 городенъ и 5 вежъ; восемь городенъ устроено вновь въ 1549 г., остальные за 18 лѣтъ своего существованія сдѣлались „некрѣпки, ветхи“. Большой недостатокъ чувствовался въ водѣ, которую, за отсутствіемъ колодезя, приходилось добывать изъ Остра, черезъ фортку. Замокъ былъ окруженъ острогомъ, пространствомъ въ 370 саж.; здѣсь проживала часть мѣщанъ, 1 бояринъ и здѣсь же, по всей вѣроятности, находились церкви: *Ивановская* и *Михайловская*.

Населеніе г. Остра въ половинѣ XVI в. состояло: изъ 59 домовъ мѣщанскихъ и 28—боярскихъ. Итого—87 домовъ, или 609 человекъ. Въ числѣ ихъ люстрація отмѣчаетъ 2 Москалей, 2 Вѣлоруссовъ и одного Волоха, а собственныя имена избобличаютъ еще 4 Поляковъ и Литвиновъ и 4 Татаръ¹⁾. Остальные все—Русскіе или настолько обрусѣвшіе, что по именамъ нельзя распознать ихъ національности.

Населенные пункты въ Остерскомъ повѣтѣ:

С. Выползово—на Деснѣ; упоминается въ судебномъ вырочѣ кор. Казимира, какъ отчина Трабской²⁾. Въ 1552 г. Выползово имѣло 7 человекъ населенія.—*С. Ельминка*—*ibid.* (5 человекъ). *С. Боденковцы*—еще южнѣе (5 человекъ).—*С. Крохасово*—на лѣвомъ берегу Десны (5 человекъ).—*С. Жукино*—на правомъ берегу Десны. Первое упоминаніе о Жукино находимъ въ записи о денежныхъ и медовыхъ даняхъ въ пользу св. Софіи: „у Жукини зъ Выползовскоѣ земли 3 кади меду“³⁾. Можетъ быть, уже тогда Жукино принадлежалъ Роману Еськовичу, который продалъ половину его кн. Богдану Глинскому. Отъ 1496 г. по этому поводу мы имѣемъ подтвердительную грамоту вел. кн. Александра на половину

¹⁾ Судя по именамъ, за Поляковъ или Литвиновъ можно принять: Ходка Рубеньковича, Санька Яхимовича, Санька Радковое, Станислава пушкари, Мартина и Станислава Драбовъ. Повидимому, Татары: Данило Бурносоничъ, Авраамъ Султановичъ, Степанъ Гламада и Сегаръ Судаковичъ.

²⁾ Въ этомъ же вырочѣ названы слѣд. села: *Черное*, *Боденковцы*, *Выползово*, *Носово*, *Рожны*, *Литковичи* и *Славутичовичи*. Называютъ ихъ здѣсь, чтобы больше не обращаться къ этому.

³⁾ А. З. Р. I, № 26.

Жукина, проданную съ его произволенія⁴⁾. Послѣ зрады Михаила Глинскаго, въ числѣ другихъ имѣній этой фамилии былъ отобранъ на господаря и Жукино. Послѣдній кор. Сигизмундъ пожаловалъ Ольбрахту Гаштольду. Подлинница этого пожалованія мы не имѣемъ, но сохранилась подтвердительная того же Сигизмунда Старого отъ 9/ви 1522 г. на „селищю въ Кіев. пов.—Жукино и человекъ, который на томъ селищи сидитъ“⁵⁾. Въ люстраціи Кіев. замка о Жукино находимъ слѣдующую замѣтку: „Ж.—село господарское на Десне, на митрополита 6 ведеръ меду зъ него хаживало, а теперь привернено къ Остру“. По люстраціи Остра, въ Жукино было 6 человекъ населенія.

С. Коленцы—по лѣвую сторону Десны; впервые упоминается въ недошедшей до насъ люстраціи 1550 г.⁶⁾—*С. Литковичи*—*ibid.*; единственное упоминаніе о немъ въ вырочѣ Казимира.—*С. Свиноды*—*ibid.* Въ началѣ XVI в. игуменъ Выдубицкаго монастыря Якимей доискался старинна, „ижъ мужи Свинофденіи мають выробити избу Трапезу у монастырь Св. Михаила Выдубицкаго со всемъ и на все, и тое дерево припровадити подъ монастырь и на берегъ выволочити; а черезъ то не мають они у монастырь инкаторое хромини робити, а ни провадити, а ни покрывати“ etc.⁷⁾. По люстраціи 1571 г., въ Свинофдахъ Выдубицкому м. принадлежало 3 бортиныхъ земли⁸⁾.—*С. Рожны* *ibid.*; первоначально входило въ составъ имѣній Половцевъ зе Сквиря, по имени этого имѣнія прозванныхъ Рожниновскими. Въ 1483 г. Рожны присуждены Маріи Трабской, перешли затѣмъ къ Ольбрахту Гаштольду, по смерти котораго, кажется, снова попали въ руки своихъ первоначальныхъ владѣтелей и не раньше 1552 г. привернуты къ замку, но, по приказанію Сигизмунда Августа, снова возвращены Рожниновскимъ—на этотъ разъ уже самозванцамъ.

С. Дубечна—на правомъ берегу Десны; по Кіевской люстраціи, здѣсь въ половинѣ XVI в. было 7 данниковъ мо-

¹⁾ А. З. Р. I, № 158.

²⁾ А. Ю. Р. I, № 72.

³⁾ См. люстр. 1628 г. въ А. Ю. З. Р. VII, I, № 46.

⁴⁾ Троицкій, Кіево-Выдубицкій Св. Михайловскій монастырь, с. 170.

⁵⁾ Зг. XX, 24.

настыря Печерскаго. — С. Слобода „на Деснѣ“, по той же люстраціи, имѣло 14 данниковъ, принадлежавшихъ тому же монастырю. — С. Чернинъ — въ сторонѣ Днѣпра. До процесса Маріи Трабской Чернинъ принадлежалъ архим. Печерскому, но судебнымъ вырокомъ Казимира присужденъ этой послѣдней. По Остерской люстраціи, въ Чернинѣ было 5 человѣкъ населенія. — С. Руда — въ области Трубежа. О принадлежности Руды къ Остерскому повѣту „здавна“ свидѣтельствуетъ позднѣйшая люстраціи (1628 г.), ссылаясь на показанія старожиловъ и декретъ святой памяти кор. Казимира. Хотя въ этомъ послѣднемъ, по изданію Виленской комиссіи, Руда не поименована, но разъ Свѣтлыново тянуло къ Остру, то она не могла выходить изъ его границъ; свидѣтельство же старожиловъ можно привлечь для подтвержденія существованія Руды и въ Литовскій періодъ. — С. Дымирка (на юго-зап. по желѣзной дорогѣ) — тоже „здавна до замку Остерскаго належало, яко ся то верификуеть декретомъ св. памяти кор. Казимира у ревизіи 1550 г.“¹⁾ — С. Свѣтлыново — на Трубежѣ; впервые упоминается въ подтвердительной Владиміра Ольгердовича Юрію Ивантичу зе Сквиря Половцу; вырокомъ Казимира присуждено Маріи Трабской. — *Васань etc.* Грунты Васанскіе въ качествѣ пустощины были пожалованы великн. Александромъ господарскому дворянину Дашку Ивановичу въ 1503 г. При Остафіи Дашкевичѣ, извѣстномъ старостѣ Черкасскомъ и Каневскомъ, они были уже заселены, причѣмъ Старая Васань отдѣлялась мѣстечкомъ, *Марковъ, Кулажинъ* и др. — его приселками. Отъ 1530 г. эти имѣнія принадлежали уже Дублинскимъ²⁾. — С. Ярославское — между Васанью и Марковымъ; около 1455 г. было пожаловано Оделькомъ Владиміровичемъ боярину Олехну Сохновичу, а въ началѣ второй четверти XVI в. по женской линіи перешло къ Лозкамъ³⁾.

С. Козарь — на Острѣ. Въ ревизіи 1550 года, которую Остерцы показывали позднѣйшимъ люстраторамъ (1628 г.), по которой до насъ не дошла, „ся ясно показуеть, иже Ко-

¹⁾ А. Ю. З. Р. VII, I, № 46, с. 343.

²⁾ Антоновичъ *Монаграфіи* I, с. 206.

³⁾ Архивъ Песочинскаго, въ Киев. Стар. 1882 г., II и въ *Очеркахъ Переяславской Старинны Стороженка*, с. 79-80.

зарь до Остра трыmano“¹⁾. — С. *Иржавецъ* — сѣвернѣе; въ 1535 году „слобода“²⁾. — С. *Носовъ* — на р. Носовкѣ, вырокомъ кор. Казимира присуждено Маріи Трабской. — С. *Нѣжинъ* — на Острѣ, подтверждено Владим. Ольгердовичемъ Половцу зе Сквиря, но впоследствии совершенно запустѣло.

Вверхъ по Деснѣ намъ извѣстно всего одно поселеніе, да и то тянуло даями и службой къ Киевскому замку: это *Лутава*. Сосѣдній Моровійскъ принадлежалъ уже Чернигову.

Вотъ и всѣ населенные пункты, которые мы можемъ указать въ Остерскомъ повѣтѣ, какимъ онъ является передъ нами во время воеводскаго управленія. Въ періодъ удѣловъ, при Киевскихъ князьяхъ, онъ могъ быть и, навѣрное, былъ гораздо шире, какъ это показываютъ грамоты Половцамъ зе Сквиря. Но такъ какъ о границахъ собственно Остерщины того времени мы не имѣемъ яснаго представленія, то для избѣжанія недоразумѣній и не оправдываемыхъ документами гипотезъ, мы будемъ принимать Остерскій повѣтъ въ тѣхъ границахъ, какія ему положены въ люстраціяхъ, какъ „стародавнія“ (ер. вырокъ Казимира М. Трабской).

Какіе же выводы можно извлечь изъ наблюденія надъ колонизаціей Остерскаго повѣта?

Уже при первомъ взглядѣ на карту Остерскаго повѣта бросается въ глаза крайняя неравномѣрность размѣщенія. Большинство селъ скучено по обомъ берегамъ р. Десны, преимущественно на югъ отъ г. Остра. Сѣвернѣе намъ извѣстенъ всего одинъ населенный пунктъ, западнѣе — одинъ, на юго-востокъ — четыре и столько же на востокъ (а всего 25). Это и понятно, если мы примемъ во вниманіе условія мѣстной жизни. Десна была жизненной артеріей этого края, какъ въ отношеніи торговли, такъ и промысла (рыболовство); прибрежная же полоса ея — наиболѣе удобнымъ мѣстомъ для поселеній: западнѣе, южнѣе и восточнѣе мѣстность низменная и болотистая, почему тамъ и не могло сгуститься населеніе. Преобладающій типъ поселеній — хутора въ 3—5 дворовъ.

¹⁾ А. Ю. З. Р. VII, I, № 46, с. 347.

²⁾ *Зг.* XXII, 682.

Для сужденія о границахъ Остерскаго повѣта мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи наиболѣе обстоятельную люстрацію 1628 г. — правда, позднѣйшую, но опирающуюся на документы, которыхъ мы или вовсе не имѣемъ (люстрація 1550 г.), или имѣемъ, повидимому, не въ томъ видѣ, въ какомъ они существовали въ то время (вырокъ Казимира). Небезполезны будутъ для насъ также и показанія старожилонъ, указывавшихъ въ 1628 г. остерскія границы, „какъ они были зетародавна“. Само собою разумѣется, что при этомъ мы будемъ имѣть въ виду, какъ люстр. Остерскаго замка 1552 г., такъ и современныя ей люстраціи сосѣднихъ повѣтовъ.

Судя по веѣмъ этимъ документамъ, граница Остерскаго повѣта отъ с. *Луцка* шла по *Деснѣ* до устья р. *Смолянки*, *Смолянкой* — до ея верховьевъ, — на р. *Остерь*, *Остромъ* до устья р. *Двѣицы* (т. *Новый Потокъ*), — на устьѣ р. *Звидовца*, — въ *Супой*, *Супой* вверхъ до *Валотовой могилы* (на верховьяхъ *Свидовца*), — на р. *Гядру* (гдѣ *Лысая долина*), — на верховья *Басанки*, *Басанкой* внизъ, — на р. *Смердзевку*, *Смердзевкой* въ р. *Трубежь*, *Трубежемъ* внизъ, до устья р. *Плоской Руды*, *Плоской Рудой* вверхъ до болота *Милотичи* (изъ котораго вытекаетъ *Пл. Руда*), отголъ на болото *Избродъ* (въ мѣстѣ пресѣченія его торговой дорогой изъ *Кіева* въ *Рожны*), черезъ болото *Избродъ* къ *Рожнямъ*, на *Спасово озеро* (между *Рожнями* и *Пуховой*) — и въ *Десну*.

На западѣ граница Остерскаго повѣта съ *Чернобыльскими* недѣльми монастыря *Печерскаго* на *Днѣпрѣ* шла, придерживаясь въ общемъ теченія р. *Десны*, отдѣляясь отъ *Чернобыльской* территоріи обширными болотами — *Вершини* и *Выдры*. Исключеніе представляется только для с. *Чернина*, которое, не смотря на свое положеніе въ ряду селъ *Чернобыльскихъ*, все-таки тянуло къ *Остру*.

Въ указанныхъ границахъ, по вычисленію *Яблоновскаго*, *Остерскій повѣтъ* занималъ площадь около 234 квадрат. миль ¹⁾.

¹⁾ *Жг. XX water, 32.* Объ *Остерскомъ повѣтѣ* есть уже упомянутая нами брошюра *Александровича*: „*Остерскій уѣздъ. Историч. описаніе.* ч. I. К. 1881 г.“ Въ этой брошюрѣ авторъ пользуется новымъ, до тѣхъ поръ не извѣстнымъ матеріаломъ, какъ люстраціи, хотя въ на-

Путивльскій повѣтъ.

(Очеркъ VI).

Въ 1499 г. вел. кн. Александръ утвердилъ за бояриномъ Сорокою имѣнiе, купленное имъ у Путивлянки Орны Митковны, жены Остапковича и ея дѣтей, селище *Еремковичи*—, а то дѣй данина была отцу мужа ея Остапку князя Александра Владимировича, а потомъ подлугъ данины отпа своего кн. Семенъ Александровичъ ему жъ подтвердилъ листомъ своимъ¹⁾. Изъ этого документа, который Любавскій приводитъ по оригиналу Литовской Метрики, ясно, что Путивльскій пов. принадлежалъ къ составу Кіевскій земли еще при удѣльныхъ Кіевскихъ князьяхъ. Вѣроятно, это обстоятельство и подало поводъ автору пространной литовско-русской лѣтописи назвать Путивль кіевскимъ пригородомъ: современныя ему отношенія онъ перенесъ на время, давно прошедшее, когда Путивль едва-ли могъ состоять въ границахъ Кіевской земли (въ до-Монгольскій періодъ онъ, несомнѣнно, выходилъ изъ этихъ границъ).

Повѣтомъ Кіевской земли Путивль продолжалъ состоять и въ періодъ воеводскаго управления. Объ этомъ свидѣтельствуеъ „справозданье“ кор. Сигизмунду I о Кіевской землѣ, (относится приблизительно къ 1520 г.), въ которомъ изложены, между прочимъ, жалобы кіевскихъ бояръ по случаю перехода Путивльскаго повѣта въ руки московскаго вел. князя. „Вашъ господарскій непріятель московскій—жаловались кіевскіе бояре—посѣлъ Путивль, *кіевское держанье*, а къ Путивлю было *14 волостей* вашихъ господарскихъ; тѣ волости отъ вашихъ господар. предковъ слуги вашей милости—князья, паны и земляне *земли Кіевской*—по року держивали, и зъ тыхъ волостей слуги в. м., предки и отцы наши, кони ѣдживали и шубы теплы куньи одѣвали, и зъ року на рокъ тѣми волостями веѣми в. м. слуги отъ предковъ и отъ отца в. м. завжды одѣваны и обуты были—мы сами и слуги наши; а къ тому въ Путивли-жъ бискупли и

стоящее время все это уже надано Кіевской Комиссіей. Но утервъ интересъ повннны, эта брошюра все-таки не бесполезна будетъ для обыкновеннаго читателя.

¹⁾ Любавскій Областное дѣленіе, с. 244—5.

князские и панские волости той же вассъ господарскій неприятель московскій ку своей руцѣ прибралъ¹⁾. Прибрание Путивля къ рукамъ вел. кн. московскаго началось въ 1500 г., а было санкціонировано договоромъ 1503 г., по которому все Посемье, во главѣ съ Путивлемъ, отошло къ Москвѣ²⁾. Съ этого момента прекращаетъ свое существованіе Путивльскій повѣтъ Киевской земли.

О Путивльскомъ повѣтѣ мы имѣемъ самыя скудныя свѣдѣнія: ни одной дѣстраціи и — всего нѣсколько случайныхъ актовъ о земельныхъ раздачахъ кор. Казимира и о сборѣ мыта, одна отказная запись, ярлыкъ крымскихъ хановъ и трактатъ Свиртригайла съ закономъ — вотъ почти весь историческій матеріалъ, которымъ мы располагаемъ. Разумѣется, съ такими данными никакъ не возможно создать цѣльной картины повѣта: для сужденія, напр., объ экономическомъ состояніи населенія и взаимоотношеніяхъ отдѣльныхъ группъ его у насъ совершенно нѣтъ матеріала. Кое-что только можно сказать о колонизаціи повѣта и объ управленіи. Съ этого мы и начнемъ, опуская географическій очеркъ, такъ какъ онъ оказался бы, при такихъ условіяхъ, оторваннымъ отъ всей совокупности историческаго матеріала, которымъ мы располагаемъ.

Путивльскій повѣтъ управлялся черезъ особыхъ намѣстниковъ — первоначально изъ руки Киевскихъ князей, а затѣмъ — литовскихъ господарей. Такъ, при кн. Свиртригайлѣ намѣстникомъ Путивльскимъ былъ Каленикъ Мишковичъ, родоначальникъ панской фамиліи Тышкевичей. По словамъ Оковскаго, правилей на Путивльское намѣстничество, данный этому Каленику Свиртригайлѣмъ, сохранился въ архивѣ Тышкевичей еще въ его время³⁾. При Казимирѣ намъ извѣстно два Путивльскихъ намѣстника: *Романъ Иванковичъ* (1476—82)⁴⁾ и *Климъ Александровичъ* (1486—90). „Романъ з

1) *Жг. Малиновскаго* II, № 1, с. 122.

2) *Сбор. Истор.* т. 35, № 75, X=A. З. Р. I, № 192, с. 288.

3) *Словник* XIV, 690.

4) Такъ у Леонтовича (*Акты* I, № 31), у Волфа (*Kniaziowie* 405) и у Bonieskiego (*Roszet rodów* 100). Но у Любовекаго почему-то *Иванко Романовичъ* (Областное дѣленіе 245). Былъ ли у этого Романа сынъ Иванъ — мы не знаемъ, но на эпископѣ къ папѣ Сиксту подписанъ

Кіева, староста Путивльскій⁵⁾, поднесать въ 1476 г. эпископію къ папѣ Сиксту VI¹⁾; его же извѣщаль король въ 1482 г. о предоставленіи двухъ селищъ въ Путивльскомъ повѣтѣ Роману Волконскому, „какъ и перво сего были ему дали“²⁾. Митъка Александровича, намѣстника Путивльскаго, въ 1486 г. Казимиръ извѣщаетъ объ отдачѣ на откупъ мыта и корчемъ путивльскихъ кievской и троцкой жидовъ; по аналогичному же поводу этотъ король обращается къ нему и въ 1490 г.³⁾ При вел. кн. Александрѣ выступаетъ Путивльскимъ намѣстникомъ кн. Богданъ Ѳ. Глинскій — во многихъ актахъ. Напр., въ 1495 г. вел. кн. Александръ подтвердилъ ему разныя имѣнія въ Овруцкомъ и Черкасскомъ повѣтахъ⁴⁾; тотъ же господарь извѣщаетъ въ 1496 г. намѣстн. Путивльскаго, кн. В. Ѳ. Глинскаго о расчетѣ съ арендариами мыта путивльскаго, приказывая „не давати на нихъ пенязей кому, бо намъ за тыи два годы заплатили“⁵⁾, и т. д. Въ 1500 г., при взятіи Путивля московскими воеводами, въ числѣ другихъ литовскихъ вельможъ попалъ въ плѣнъ и Богданъ Ѳ. Глинскій; тамъ онъ и умеръ (1512). Извѣщая родствениковъ о его смерти, кор. Сигизмундъ называетъ В. Ѳ. Глинскаго „княземъ Путивльскимъ“⁶⁾, что подало поводъ проф. Любавскому заключить, не владелъ ли въ послѣднее время небожчикъ Путивлемъ на правахъ отчины?⁷⁾ — возможно.

Итакъ, Путивльскій повѣтъ управлялся черезъ особыхъ намѣстниковъ. Эти намѣстники, въ свою очередь, для управленія столь обширной областью, ежеминутно угрожаемой къ тому же съ сѣвера (Москва) и съ юга (Орда), имѣли въ своемъ распоряженіи служебныхъ бояръ. До насъ сохранилась одна отказная запись Богдана Глинскаго на имѣніе Гатное, въ Киев. пов. Въ этой записи въ ряду другихъ людей добрыхъ — свѣтковъ подписаны „бояре наши: Занко Ми-

братъ его Иванъ изъ Кіева, стронтель замковъ и посолъ до папъ новъ“.

1) Мазаріи *Исторія Церкви* IX, 57.

2) *Акты Леонтовича* I, № 31.

3) *Бершадскій Документы и регесты* I, №№ 13 и 24.

4) *А. З. Р. I*, № 129.

5) *Акты Леонтовича* I, № 259.

6) *А. З. Р. II*, № 76.

7) *Областное дѣленіе*, с. 244.

кулиничъ, а сыновець Ивановичъ¹⁾ etc. ¹⁾). Тотъ же документъ даетъ намъ понятие и о волостномъ управленіи. Во главѣ волостей въ Путивльскомъ повѣтѣ, по даннымъ этой записи, стояли *сотники*, которые также подписаны въ числѣ свѣтковъ на выше упомянутой отказной.

Центромъ повѣта былъ г. *Путивль* на Семи, хорошо извѣстный изъ древней исторіи, нѣкогда бывшій резиденціей особихъ Путивльскихъ князей черниговской вѣтви. Судья по Любецкому Синодику, и послѣ Татарскаго погрома Путивль продолжалъ оставаться столицей Путивльскаго княжества. По общепринятому мнѣнію, Путивльскіе князья будто бы нѣкоторое время занимали и Кіевскіе удѣлы; но это едва ли справедливо. Въ разсматриваемый періодъ Путивль выступаетъ, какъ пограничная крѣпость и торговый городъ. Въ немъ находились военные гарнизоны и таможенная застава, собиравшая пошлины съ каравановъ и купцовъ, гл. обр. слѣдовавшихъ изъ Орды въ Москву и обратно. Здѣсь же были и корчмы, которыя, судя по нѣкоторымъ указаніямъ, вели довольно бойкую торговлю спиртными напитками. И то и другое подтверждается, между прочимъ, такимъ фактомъ: въ 1495 г. вел. кн. Александръ извѣщаетъ намѣстника Путивльскаго, что „продать мыто путивльское и корчму Федору Новокрещеному и затью его Петру на три годы по осемь сотъ коп. грошей широкихъ“—сумма, для того времени весьма значительная ²⁾).

Жалуясь на свою судьбу по случаю отхода Путивля къ Москвѣ, кіевскіе болре говорили, между прочимъ, что тамъ было нѣкогда 14 господарскихъ волостей, которыя давались ихъ предкамъ въ очередное держаніе. Къ сожалѣнію, намъ не извѣстны имена всѣхъ 14 волостей, но извѣстны нѣкоторыя. Въ Литовской Метрицѣ, напр., сохранилось записъ, „што король е. м. давалъ бояромъ жигомйскимъ въ Кловѣ“. Въ этой записи читаемъ: „Марку Володкевичу волость *Биримъ* на годъ послѣ первыхъ; Семьку Романовичу—волость *Хотенъ* на сесь годъ; Юшку Полковичу—волость *Золыажъ* на годъ послѣ первыхъ; Петрушку Скипоровичу—волость *Утешковъ*

¹⁾ А. З. Р. I, № 178.

²⁾ Акты Леонтовича I, № 195.

на сесь годъ, Семьку Жеребитичу волость *Лопатимъ* на сую осень, на окупъ зъ Татарь³⁾. Нѣкоторыя изъ этихъ волостей можно локализовать. Такъ, *Биримъ* м. б. т. *Биримъ* на р. Чашѣ къ Семи (лѣв.) Путивльск. уѣз., Курск. губ. *Хотенъ*—т. село того же имени въ сѣвер. части Сумскаго уѣз. Харьков. губ., на р. Олешнѣ. *Утешковъ* по списку Воескр. лѣт.—на Сулѣ ²⁾. *Лопатимъ*—м. б. т. Лопатинскій хуторъ, Богодуховск. уѣз. Харьков. губ. О Жолыажѣ см. ниже.

Въ извѣстной отказной записи Глинекихъ на с. Гатное мы находимъ указаніе на существованіе, кромѣ уже упомянутыхъ—Хотенской и Биринской волостей, еще *Меленской* и *Немирской*. При составленіи упомянутого акта присутствовали въ числѣ людей добрыхъ—свѣтковъ: „сотникъ *Меленскій* Гридя а сотника *Немирскаго* сынъ Яковъ“. Самая эта записъ совершена „въ Млѣнѣ, на рѣцѣ Семи“ ³⁾. *Млѣня*, или *Мельня*—т. с. Кроловецкаго уѣз. Черниговской губер. *Немиръ*—положеніе его не извѣстно.

Весьма важное значеніе для исторіи колонизаціи Путивльскаго пов. имѣетъ списокъ городовъ Свитригайла. Коцебу ссылается на него при описаніи событій 1432 г. ⁴⁾, но Даниловичъ въ *Scarbiec* помѣтилъ этотъ списокъ подъ датой 1402 г., какъ предполагаемое приложение къ трактату Свитригайла съ Ордемомъ отъ 2. III. 1402 г. ⁵⁾. Но въ то время Свитригайло владѣлъ всего только однимъ Подоліемъ, между тѣмъ какъ по списку его владѣнія простираются отъ Дона до западнаго Буга и отъ Березини до ю. Буга. При такомъ положеніи дѣлъ совершенно невѣроятно, чтобы Свитригайло рѣшился занести въ списокъ своихъ владѣній города и земли, которые ни въ то время, ни до того никогда ему не принадлежали. Но другое дѣло—послѣ 1430 г. Если даже въ то время Свитригайло фактически уже не владѣлъ нѣкоторыми землями (напр., западнымъ Подоліемъ), то, какъ

¹⁾ Акты Леонтовича I, № 24 (1472 г.)=Акты Д.—З. с. 48—А. Ю. I. Р. VII, II № 2.

²⁾ Собр. лѣт. VII, с. 240.

³⁾ А. З. Р. I, № 178.

⁴⁾ Свитригайло, вел. кн. Литовскій, с. 130.

⁵⁾ *Scarbiec* I, стр. 331. Съ этимъ согласенъ и Антоновичъ—Кіев. Ст. 1896, X, с. 10.

бывшій недавно вел. кн. Литовскимъ (тогда уже имъ не быть: въ спискѣ Вильно отсутствиемъ), онъ имѣлъ, по крайней мѣрѣ, предлогъ, если не основаніе, претендовать на нихъ. Но и эти претензіи имѣли свой предѣлъ: послѣ битвы при Вилькомирѣ онѣ становились уже нелѣпыми. Въ силу этихъ соображеній, не претендуя на абсолютную точность, мы относимъ списокъ городовъ и земель Свитригайла ко времени 1432—35 гг. ¹⁾

Итакъ, въ этомъ спискѣ мы находимъ упоминаніе о слѣдующихъ городахъ и земляхъ: *Бирлаа*, *Хотмыль*, *Доніскъ* со многими уѣздами, *Осколь*, *Милолюбъ*, *Мужецъ* со многими уѣздами и *Курекъ* со многими же уѣздами. Относительно другихъ мы не знаемъ, въ какомъ повѣтѣ они состояли, а потому и воздерживаемся отъ заключеній. Всѣ эти города, „съ ихъ выходы и данми, зъ землями и водами“ фигурируютъ также и въ ханскихъ ярлыкахъ, слѣдовательно, возможно допустить, что они просуществовали по крайней мѣрѣ до 1500 г., когда Путивльскій повѣтъ отошелъ къ Москвѣ. Въ частности.—

Бирлаа, очевидно, тотъ же Биринъ. *Хотмыль* — т. заштатный городъ Гайворонскаго уѣзда Курской губ., на р. Пселѣ. *Доніскъ*, или Донецъ навѣтенъ намъ еще изъ предыдущаго періода. Въ 1185 г. Игорь Святославичъ нашелъ себя здѣсь пріютъ послѣ 11 — дневнаго бѣгства изъ половецкаго плѣна ²⁾. Доселѣ на правомъ берегу р. Уды, верстахъ въ 8 отъ Харькова, сохранились окопы и рвы этого городка, подвергавшагося уже неоднократно археологическому изслѣдованію ³⁾. — *Милолюбъ* etc. Первое извѣстіе о Милолюбѣ восходитъ еще къ началу XV в. По словамъ Московскихъ лѣтописей, въ 1404 г. въ Милолюбѣ произошла встрѣча Витовта съ Ягайломъ, какъ нужно думать — при объѣздѣ ими владѣній; сюда же посѣщали и митрополитъ Ки-

¹⁾ Изданъ впервые Коцебу въ приложеніи къ его книгѣ на с. 10—12, перепечатанъ въ *Skarbioc I*, № 746.

²⁾ Ипат. 438.

³⁾ О раскопкахъ въ Донецкомъ городищѣ см. рефераты: *Доклады Донецкое и Хорошевское городища*, Харьковъ 1902 г.; *Городища Донецкое городище*, Труды XII арх. съѣз. т. I и Отчетъ въ Археологич. лѣт. Ю. Россіи 1904 г.

рианъ—, и пребыша вкушѣ недѣлю и разыдошася розно ¹⁾. Впоследствии Милолюбъ вмѣстѣ съ *Осколомъ*, *Мужечемъ*, *Ядревичами* и *Берковымъ* „въ Киев. пов. а въ Путивльскомъ“, были пожалованы какому-то татарскому князю Яголдаю, сынъ котораго — Борисъ приходился тестемъ кн. Юрію Б. Вяземскому. Борисъ Яголдаевичъ въ качествѣ вѣна за своей дочерью далъ упомянутыя имѣнія зятю. Послѣ зрады Вяземскихъ, эти имѣнія достались по близости женѣ ихъ (дядковщина) кievскимъ боярамъ: Дебру Калениковичу, Михайлу Гагину, Ѳедку Голонцицу и Куицу Сеньковичу ²⁾. О дальнѣйшей судьбѣ ихъ мы не имѣемъ свѣденій, да, впрочемъ, это для насъ и не важно, такъ какъ, спустя 3 года, эти имѣнія перешли къ Москвѣ и съ того времени являются достояніемъ Московской исторіи. — Что касается географическаго положенія указанныхъ городовъ, то Милолюбъ, повидимому, соответствуетъ т. д. Мирлобово Фатижск. уѣз. Курек. губ., Мужецъ — т. д. Мужичѣ на р. того же имени (въ Сеймѣ слѣва) въ восточной части Рыльского уѣз. Курск. губ.; Осколь — т. уѣздный городъ Курской губ., на правомъ берегу рѣки того же имени. Относительно Ядревичъ и Беркова мы не увѣрены, состояли ли они въ Путивльскомъ или въ какомъ-либо другомъ пов. Киевской земли, поэтому воздерживаемся отъ всякихъ заключеній.

Въ 1499 г. п. Сенько Жеребятичъ билъ челомъ вел. кн. Александру о подтвержденіи ему закупленныхъ земель въ Путивльскомъ пов. „на имя подѣ Богданомъ Мишковичомъ дву братовъ куплю, а отца его Павла, а дядка его Максема, а подѣ Дробишомъ, *Жолытымъ* сотникомъ, на имя *Порозъ* куплю, а подѣ Олтухомъ *Гиревскую* куплю, а подѣ Ильинскимъ попомъ, што купилъ у Бобловича, а подѣ Орсекиничомъ Давидомъ *Городиское* волости и тежъ *Нехльбовскую* куплю *Жолыжское* волости“. Согласно желанію челобитчика, всѣ эти земли — купли были подтверждены ему господарскимъ листомъ. Но съ теченіемъ времени Путивльцы пришли съ жалобой на Сеньку, что онъ выпросилъ у господари подѣ ними земли. Вступаясь за пожалованнаго, вел. князь

¹⁾ Воскр. VIII, 77; Ник. IV, 315; XI, 192.

²⁾ Акты Леонтовича I, № 339. Яголдай былъ женатъ на Зиновіи Ельцовой — А. Ю. З. Р. I, VI, № 15.

придалъ ему еще нѣсколько владѣній: „подъ Игнатовою, на имя Бородавкою, землю, куплю ее сельцо *Гердутьшино*“ etc. ¹⁾ Большинство упомянутыхъ въ этомъ актѣ земель, какъ не названныхъ по имени, мы не можемъ локализовать, но положеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ, хотя приблизительно, можно указать. Напр., *Городище* и *Жолвяжъ*, согласно перечню Воскр. лѣт., лежали на Пелѣ. Точнѣе Городище можно локализовать на правомъ берегу р. Пела, въ Лебединск. уѣздъ Харьков. губ. По сосѣдству съ нимъ, должно быть, находилась и Жолвяжская волость во главѣ съ Жолвяжемъ. Тамъ же, на Пелѣ, нужно искать и г. *Ловичи*, упоминаемаго, какъ въ ханскихъ ярлыкахъ, такъ и въ перечнѣ Воскр. лѣтописи. *Гиревская* купля, м. б., т. е. *Гиринъ*, при р. Давильцѣ, въ запад. части Сумскаго уѣзда. Курск. губ., или д. Гирья при р. Гирьякѣ и р. Пелѣ, въ ю.—з. части Сужданск. уѣзда. Курск. губ. *Порозъ*—есть два поселенія съ этимъ именемъ: Порозъ Большой и Малый, въ ю.—з. углѣ Грайворонск. уѣзда. Курск. губ.,—оба при р. Порозкѣ, впадающей въ Вореклу.

Въ 1482 г. кор. Казимиръ извѣщалъ Путивльскаго намѣстника Романа Ивановича, „што перво сего дали были ки. Роману Волковскому селища, на имя *Гончаръ* и *Стоплату*“, которыя и оставляются за нимъ, не смотря на претензіи родственниковъ предыдущаго владѣльца ²⁾. Изъ этихъ селищъ Гончаръ м. б. т. е. Гончаровка Лебединск. уѣзда. Харьков. губ., а для Стоплаты трудно найти соответствующее мѣстоположеніе.

Наконецъ, послѣдній документъ—подтвердительная боярину путивльскому Демиду на села „у Путивли“, на имя Чаплища и землю Теря. На владѣніе этими имѣніями „зъ озера и зъ перевесѣмъ, и во всеми входы“ челобитчикъ предъявилъ господарю листъ „небошниковъ ки. Семеновъ Александровича“ и просилъ подтвержденія: исполнено ³⁾ Для земли Теря мы можемъ указать слободу съ тѣмъ же именемъ при р. Теря, Лебединск. уѣзда. Харьков. губ.; въ-

¹⁾ Акты Леонтовича II, № 511.

²⁾ Акты Леонтовича I, № 31.

³⁾ *ibid.* № 37.

роятно, гдѣ—нибудѣ по близости находилось и селище Чаплища.

При той скудости географическихъ данныхъ, какая выпала на долю Путивльскаго повѣта, весьма затруднительнымъ или лучше сказать—совершенно невозможнымъ является точное разграниченіе его съ сосѣдными землями—литовскими и московскими. Возможно только общее очерченіе границъ Путивльскаго повѣта. Матеріаломъ при этомъ могутъ служить: во-первыхъ, указанія люстрацій о кievскихъ и черкасскихъ уходахъ; во-вторыхъ, разграниченіе Свиридова, въ—третьихъ, опредѣленіе границъ по мирному договору 1503 (т. е. перечень городовъ и сель, принадлежавшихъ той и другой сторонѣ); въ—четвертыхъ, опредѣленіе границъ при Сигизмундѣ I, около 1523 г. и, наконецъ, въ—пятыхъ, данныя о сторожевой, станичной и полевой службѣ на польской украинѣ Московскаго государства ¹⁾ Последняго рода матеріалъ, вопреки Грушевскому ²⁾, мы считаемъ наименѣе пригоднымъ, такъ какъ московская сторожевая служба отбывалась не только въ границахъ Московскаго государства, но и далеко за его предѣлами, напр., въ Каневѣ и Черкассахъ, ровно какъ и польско-литовская заходила въ черниговскія границы Московскаго государства.

На юго-западѣ Путивльскій повѣтъ сходилъ съ черкасскими уходами по Вореклѣ, Орели, и Самарѣ; на Пелѣ и Сулѣ сходилъ съ каневскими. Бассейнъ Самары можно весь предоставить въ распоряженіе Черкасцевъ ³⁾, по верхнее и часть средняго теченія большихъ рѣкъ—Ворсклы и Пела, несомнѣнно, принадлежало Путивлю, такъ какъ здѣсь намъ извѣстны путивльскія земли и города. На Сулѣ с. *Паминъ* составляло рубежъ Кіева съ Путивлемъ: „то село оетачное на граници у Сулу реку, а Сула у Дибиръ ушла, а то на поля, объ сю сторону Сула реки“ ⁴⁾. Т. о. верхонья

¹⁾ Эти данныя собраны въ послѣд. Вѣльева подъ указаннымъ титуломъ, въ Чтеніяхъ Москвитинъ, 1846, III.

²⁾ Исторія IV, примѣтки до мап, с. 500.

³⁾ Черкасскій уходъ на Самарѣ „почоньши отъ Ольхового плеса и Волчье воды, ажъ до верху“.—Люстр., с. 84.

⁴⁾ Докум. Ю. I, № 2, с. 63. Ср. Каневскую люстр.: „Земля Чобановская на рубежи Путивльскомъ, подъ Княжою горою, на рече Сулцы“.—А. Ю. З. Р. VII, т. I, с. 102.

Сулы должны быть отнесены также къ Путивльскому повѣту. На Семи крайній извѣстный намъ пунктъ этого повѣта—г. Мельня. Обходимъ его и ведемъ путивльскую границу въ направленіи Рыльска съ такимъ расчетомъ, чтобы оставить Рыльскъ въ сторонѣ московской, а Ольговъ — въ сторонѣ литовской—и къ верховьямъ Оки.

Юго-восточная граница Путивльскаго пов., согласно разграниченію Черкаскаго намѣстника Свиридова, можетъ быть проведена „уверхъ Овечей воды, а отъ верховъ Овечей воды уверхъ Сомора, уверхъ Оргѣя, ажъ до Донца, а отъ Донца по Тихую Сосну“, гдѣ Свиридовъ оставляетъ уже насъ своими указаніями „мѣсть урочистыхъ“¹⁾. Но такъ какъ мы знаемъ, что г. Осколъ на р. того же имени принадлежалъ Литовскому вел. княжеству, а съ другой стороны, р. Сосна (безъ предиката) входила въ составъ московской территоріи, то дальнѣйшую границу Путивльскаго повѣта слѣдуетъ вести по—за Осколемъ съ востока и по—за верховьями Сосны съ запада, а на водораздѣлѣ Сосны, Оки и Десны соединить съ другимъ концомъ обвода.

Чернобыльскій повѣтъ.

(Очеркъ VII).

Въ физическомъ отношеніи Чернобыльскій повѣтъ является продолженіемъ Волынскаго Полѣся, со всѣми его характеристическими признаками, какъ-то: лѣсами, болотами, бездорожьемъ, глинисто-песчаной почвой на возвышенностяхъ. Устройство поверхности въ общемъ однообразно-низменное, что тотчасъ же бросается въ глаза при взглядѣ на карту: въ Чернобыльскомъ повѣтѣ заканчиваютъ свое теченіе главнѣйшія рѣки праваго бассейна Днѣпра: Припять, Ушь, Тетеревъ. Изъ нихъ Ушь и Тетеревъ, нагорныя и каменныя въ верхнемъ и отчасти въ среднемъ своемъ теченіи, въ Чернобыльскій повѣтъ входятъ уже не стѣсняемая

¹⁾ А. З. Р. II, 190.

гранитными берегами, плывутъ въ открытомъ и низменномъ ложѣ, разливаясь весной и осенью на значительное пространство, особенно близъ устья. Въ этомъ отношеніи Черныбыльскій повѣтъ напоминаетъ отчасти Мозырское Полѣсье, еще болѣе обильное водами и низменностями. Болотныя заросли и дремучіе лѣса, въ разныхъ направленіяхъ испещренные теченіемъ рѣкъ и ручьевъ—вотъ господствующій ландшафтъ этого края, именуемаго также Кіевскимъ Полѣсьемъ.

Занятія населенія Черныбыльскаго повѣта, разумѣется, соответствовали условіямъ мѣста и времени. Такъ какъ почва здѣсь мало пригодна для успѣшнаго занятія земледѣліемъ, то центръ тяжести переносился на промыслы, хотя и земледѣліе существовало въ мѣру возможности. Такъ, напр., Черныбыльскіе мѣщане, не имѣя даже своей земли, снимали въ аренду соответствующіе участки у замка, „за кунцу по 12 гр.“ „Приходить же венхъ тыхъ кунцъ пашенныхъ и иныхъ, по замѣчанію люстратора, году 10 коп. гр., а иного 11 або и 14, бо не завжды ровно пашниковъ бываетъ“. Если земледѣліемъ занимались мѣщане, не имѣющіе своей земли, то тѣмъ болѣе занимались имъ крестьяне—это само собою разумѣется¹⁾. Но, повторяемъ, занятія земледѣліемъ не благоприятствовали въ общемъ физическія условія края. Оно выгодно было только мѣстами, на „островахъ“. Главнѣйшимъ же факторомъ въ экономической жизни мѣстнаго населенія, въ силу указанныхъ причинъ, являлись промыслы.

Въ ряду промысловъ на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить *бортный промыселъ*, такъ какъ медовая дань является преобладающею формою уплаты податей въ Черныбыльскомъ повѣтѣ. Она фигурируетъ и въ записи кн. Василя Владиміровича на церковь Василя Мурованого въ Овручѣ, и въ записи на рукописномъ Евангеліи XVI в., хранящемся въ Кіевско-Михайловской библиотекѣ (сс. Селивановское, Мосановичи), и въ пожалованіи вел. кн. Александра Изв. Глинскому (данички въ Запрудичахъ), и въ реестрѣ поборовъ съ

¹⁾ Есть и прямые указанія; напр., по люстр. Копачевца „пашутъ и живутъ въ городѣ“; Златоверхо-Михайловскій монастырь владѣлъ въ Толстомъ Лѣсѣ „землею бортною и пашною“ (А. З. Р. II, № 140); Сем. Полозовичъ записалъ Пустыиск. монастырю часть свою въ Шепеличахъ... „и съ пашными землями“ (А. Ю. З. Р. ч. I, т. VI, № 5) и т. п.

митрополичьихъ селъ (Кіев. люстр.), и въ отказной Семена Полозовича Николо-Пустьинскому монастырю на „люди властныи не похожи“ въ с. Шепеличахъ, и въ нѣкоторыхъ др. документахъ того времени ¹⁾. На второмъ мѣстѣ можно поставить *запроловство*. Звѣриные ловы были одной изъ доходныхъ статей мѣстныхъ державцевъ; самыя подати иногда уплачивались продуктами этого промысла—бобрами и кунницами. Такъ, напр., Толстолѣсскій Кононъ платилъ Пустьинскому монастырю колоду меду „съ бобры и съ кунницами“ ²⁾; власные люди непохожіе Семена Полозовича изъ с. Шепеличь давали отступного бобровнику и ловчему (господарскимъ?) по кунницѣ. Люстрація отмѣчаетъ бобровые гоны по Уши, Ильинкѣ, на Норыни, Вереснѣ и Припяти. Тѣ же рѣки, съ присоединеніемъ къ нимъ еще Днѣпра, давали широкій просторъ и для *рыбнаго промысла*: 30 рыба съ комити составляла немаловажную статью намѣстничьихъ доходовъ. Есть, наконецъ, указанія и на обработку *железной руды*, которая и теперь въ нѣкихъ мѣстахъ встрѣчается на территоріи бывшаго Чернобыльскаго повѣта. Въ Чернобылѣ, напр., въ моментъ люстраціи, было 5 кузницъ; человекъ Дитятковичъ платилъ подати, между прочимъ, и топоромъ ³⁾.

Ремесламъ занимались, главнымъ образомъ, мѣщане. Люстрація отмѣчаетъ, кромѣ 5 кузницъ, еще 3 дома бондарей и 4 чоботарей—гораздо больше, чѣмъ то нужно для удовлетворенія потребностей столь незначительнаго городка, въ періодъ натурального хозяйства.

Что касается положенія и взаимныхъ отношеній отдѣльныхъ общественныхъ группъ, то въ этомъ отношеніи Чернобыльскій повѣтъ, какъ одинъ изъ захолустныхъ, отличался въ общемъ патриархальными традиціями. Здѣсь не замѣтно того рѣзкаго соціального обособленія, какое создавалось, напр., въ Мозырскомъ или въ Житомирскомъ повѣтахъ. Городовыя (починка замка) и земскія (подводы и стаціи) повинности отбываютъ въ Чернобыльскомъ повѣтѣ всѣ подданные, безъ различія присудовъ: господарскіе, земля-

¹⁾ Грамоты Антоновича № 37; А. З. Р. II, № 140; А. З. Р. I, № 171; А. Ю. З. Р. I, т. VI, № 5.

²⁾ Закревскій Описание Кіева II, 745-6.

³⁾ Акты Довнаръ-Запольскаго № 21—А. Ю. З. Р. VII, IV, № 14.

скіе и церковные; то же нужно сказать и о ловахъ. Впрочемъ, неизбежная дифференціація къ концу разсматриваемаго періода проявляется и здѣсь. Такъ, на вальномъ Виленскомъ сеймѣ 1563 г. чернобыльскіе земляне уже выражаютъ протестъ противъ совмѣстной земской службы ихъ людей съ тамошними мѣщанами—„же они подданныхъ нашихъ ку повинностямъ своимъ местекимъ притягаютъ, коли кольвекъ воевода киевскій до Кіева або с Кіева едетъ, они стацей и подводы непомерные на людей нашихъ берутъ“, которыхъ подводы и стацей, по словамъ жалобщиковъ, ихъ подданные „дарати и воеводе киевскому неповинны“. Поэтому чернобыльскіе земляне били челомъ господарю, „абы ку даванью таковыхъ стацей и подводу отъ мещанъ чернобыльскихъ подданные ихъ прымущуваны не были“ ¹⁾. Но по люстраціи 1552 г. эти обязанности, какъ сказано выше, еще лежали на землянскихъ подданныхъ не по „примушванью“, а по сложившемуся укладу жизни.

Въ административномъ отношеніи Чернобыльскій повѣтъ—величина весьма неустойчивая, что замѣтно уже по самой терминологіи документовъ: „въ Кіевскомъ повѣтѣ“, вм. „въ Чернобыльскомъ“—обычное явленіе. Да и въ хронологическомъ порядкѣ Чернобыльскій повѣтъ принадлежитъ къ наиболѣе позднимъ формаціямъ. Не говоримъ о времени удѣловъ, о которомъ не имѣемъ положительныхъ извѣстій, хотя Чернобыльскій замокъ уже и тогда существовалъ ²⁾; но разоренный вскорѣ послѣ смерти послѣдняго удѣльнаго князя (въ 1473 или 1482 гг.), если не до нея (1467 г., напр.), Чернобыльскій замокъ былъ восстановленъ лишь около 20 гг. XVI ст., и только съ этого времени мы можемъ съ увѣренностью говорить о существованіи Чернобыльскаго повѣта. Можемъ съ увѣренностью говорить о существованіи *повѣта* именно потому, что въ Литовскій періодъ дѣленіе на повѣты обуславливалось потребностями замковой службы: какъ только возникалъ господарскій замокъ, такъ къ нему начинали тянуть окрестныя села и селища—являлся повѣтъ.

¹⁾ Докум. Москов. архива Мин. Юстиціи I, № XII, с. 148.

²⁾ См. гр. Олелька Владиміровича Лариону Велавскому, освобождающую его отъ надѣли Чернобыльской.

Мы сказали, что Чернобыльскій замокъ возникъ около 20 гг. XVI ст. Прямого свидѣтельства объ этомъ мы не имѣемъ — по крайней мѣрѣ не находимъ его въ томъ запасѣ матеріала, какимъ располагаемъ въ данную минуту; но кое-какія указанія документовъ могутъ привести насъ къ довольно опредѣленному выводу на этотъ счетъ. Имѣемъ въ виду жалованную грамоту кор. Сигизмунда I отъ 1523 г. кiev. землянину Дмитрію Ивашенцовичу на Чернобыльскій замокъ — „ижъ оны тотъ замокъ своими тежъ людьми робить“. Король далъ Ивашенцовичу этотъ замокъ на 2 года послѣ Крыштофа Кмитича „со веимъ потому, какъ и *першии* державцы наши, небожыкъ Михайло Павша, а Крыштофъ Кмитичъ отъ насъ держали“¹⁾. Въ этомъ документѣ, который Любавскій приводитъ по оригиналу Литовской Метрики, Михайло Павша и Крыштофъ Кмитичъ называются „первыми державцами“ Чернобыльскими. Время державства Михаила Павши въ общемъ намъ извѣстно. Мы имѣемъ королевскій листъ отъ 1522 г. 23 XI, которымъ приказывается Чернобыльскому намѣстнику п. Михайлу Павшѣ „подать челоуѣка путнаго въ Чернобыльскомъ повѣтѣ, въ Вѣлой Сорощѣ—Мартина Заньковича и въ землю Крывскою, на которой тотъ челоуѣкъ сидитъ“²⁾. Любавскій при этомъ полагаетъ, что Михайло Павша векорѣ умеръ, ссылаясь на челоуѣкъ Дм. Ивашенцовича о Чернобыльскій замокъ. Но нѣтъ никакой надобности отправлять ad patres челоуѣка, который въ это время, можетъ быть, пребывалъ еще въ добромъ здоровѣ, потому что Чернобыльскій замокъ, какъ намъ извѣстно, давался въ очередное держаніе — „колеею до певного часу“, однимъ—на годъ, другимъ—на два, согласно заранѣе выговоренному условію господара со строителями замка (о чемъ ниже). Имѣя это въ виду, мы въ состояніи будемъ опредѣлить время перваго державца Чернобыльскаго: оно падаетъ на 1521—2 г. XVI ст. Значитъ, около этого приблизительно времени возникъ впервые послѣ Татарскаго погрома Чернобыльскій замокъ, а слѣдовательно — и Чернобыльскій повѣтъ. До этого же времени его территория дѣлилась

¹⁾ Областное дѣленіе, с. 240.

²⁾ *ibid.*

между двумя сосѣдними повѣтами: Киевскимъ и Овруцкимъ, почему, напр., нѣкоторыя села Овруцкаго повѣта тянули и въ послѣдующее время податями и присудомъ къ Овручу, а службой (замковой)—къ Чернобылю; прежнія же отношенія Чернобыльской территоріи къ Киеву сказываются довольно чувствительно въ терминологіи актовъ³⁾.

Выше сказано, что Чернобыльскій замокъ (со веимъ повѣтомъ) давался господаремъ въ очередное держаніе кievскимъ землянамъ. Объ этомъ мы узнаемъ, между прочимъ, изъ грамоты кор. Сигизмунда I, адресованной на имя всѣхъ кievскихъ бояръ (1526 г. I 12): „што есьмо дозволили вамъ замокъ у Чернобыли збудовати вашимъ накладомъ, а вы мѣли тотъ замокъ держати *по году*, а инши *по два*, подлѣ данины нашое“⁴⁾. Это условіе первоначально исполнялось господаремъ аккуратно, и только подъ конецъ разсматриваемаго періода Сигизмундъ Августъ далъ Чернобыль въ доживотное держаніе п. Скумину Львовичу (Тышкевичу). Но кievское землянство справедливо усмотрѣло въ послѣднемъ дѣйствіи короля „надъ привилія вольности свои уближенье свое быти“ и на вальномъ Виленскомъ сеймѣ (1563 г.) било челомъ господарю, „абы рачиль о держанье того замку Чернобыльскаго подлѣ привиліевъ его заховати“. Король, однако, нашель возможность на этотъ разъ „заховати“ пожалованнаго ведлугъ своей прежней данины — до его живота, обѣщая послѣ смерти Скумина Львовича снова предоставить Чернобыльскій замокъ въ kolejное держаніе кievскимъ землянамъ⁵⁾. Дѣйствительно, послѣ смерти Скумина Львовича, которая случилась въ томъ же 1563 г., 10 X⁶⁾, Сигизмундъ Августъ пожаловалъ Чернобыль въ очередное держаніе Филону Кмитѣ, которое затѣмъ было перенесено „на вѣчность“ (1568 г.⁷⁾). Собственно говоря, уже этимъ Чернобыльскій по-

¹⁾ До возобновленія замка въ Чернобылѣ тамъ существовалъ только господарскій дворъ съ пашней, куда черноб. мѣщане и волостчане „хаживали на толоку орати и жати на стравѣ дворной“. Люстр. А. Ю. З. Р. VII, I, с. 588.

²⁾ Любавскій Приб. № 41 къ Областному дѣленію.

³⁾ Докум. Ю. I, № 12, § 4.

⁴⁾ Матеріалы для исторіи и топографіи г. Києва отд. II, с. 33; Максимовичъ Соч. II—„О надгробіяхъ“.

⁵⁾ А. Ю. З. Р. VII, I, № 24.

вѣтъ, какъ административное дѣленіе, потерялъ всякое значеніе. Официальное признаніе совершившагося факта находимъ въ постановленіяхъ Люблинскаго сейма: конституціей 1569 г. Чернобыльскій повѣтъ инкорпорированъ къ Киевскому староству.

О состояніи Чернобыльскаго замка первой постройки (20 гг. XVI ст.) мы не имѣемъ свѣдѣній. Тотъ же замокъ, который описанъ въ люстраціи 1552 г.¹⁾, „отъ всѣхъ иныхъ пригородковъ киевскихъ землянскимъ властнымъ накладомъ забудованъ естъ“ за 4 года передъ тѣмъ, т. е. около 1548 г. Помѣщался онъ на устьѣ р. Уши (въ Припять), въ трудно доступной мѣстности — съ этой стороны, но со стороны мѣста „ровно, какъ по столу“, вслѣдствіе чего въ этомъ направленіи былъ прокопанъ для защиты замка ровъ, глубиной въ 2 саж. Пространство замка—22×17 саж.; на этомъ пространствѣ мѣстилось 18 городенъ и 2 вежицы. Замокъ построенъ изъ сосноваго дерева. Содержаніе замка, какъ и вообще водилось въ это время, было „недбалое“: ни воды, ни живности въ немъ не было, что и понятно, такъ какъ держаніе козлею несколько не благоприятствовало хорошему содержанію замка. Впрочемъ, и само правительство мало заботилось о безопасности Чернобыля, ибо въ 1563 г., при посылкѣ изъ Вильно необходимыхъ припасовъ для вооруженія украинскихъ замковъ, для Чернобыля предназначалось только 6 старыхъ фальконетовъ и 30 гаковницъ²⁾. Видимо, даже и въ глазахъ правительства Чернобыль не игралъ важной роли въ системѣ защиты Киевской земли.

Что касается самого г. Чернобыля, то онъ извѣстенъ намъ еще изъ конца XII вѣка: въ 1193 г. Рюрикъ Ростиславичъ совершалъ ловы подъ Чернобылемъ³⁾. Въ 1240 г. Чернобыль, навѣрное, разоренъ Татарами, но существовалъ уже при Киевскихъ удѣльныхъ князьяхъ; вторично разоренный Татарами во второй полов. XVI ст., Чернобыль снова заселился въ непродолжительномъ времени, благодаря сравнительной безопасности и экономической выгоды

1) А. Ю. З. Р. VII, I, № 82.

2) Slowzyk I, 750—4.

3) Ипат. 455.

своего мѣстоположенія (вблизи трехъ главнѣйшихъ рѣкъ Киевской земли). Въ періодъ воеводскаго управленія Чернобыль является резиденціей господарскихъ намѣстниковъ, обыкновенно именуемыхъ державцами. Преемственный рядъ ихъ идетъ въ слѣдующемъ порядкѣ: *Михайло Павша* (1521—2), *Кримилофъ Кмитичъ* (1523), *Кр. и Дм. Иващенкоичи*, *Иванъ Полозъ и Яцко Елещъ* (по 2 года), *Андрей Нелмировичъ* черезъ своего намѣстника *Ф. А. Киселя* (1529)¹⁾, *Матоей Загоренокъ*, *Иванъ и Левъ Полозовичи*, *Олизаръ Волчковичъ*, *Мо. Проскура*, *Макаръ Иващенкоичъ*, *Ив. Нелмиричъ* (1536)²⁾, *Мо. Загоренокъ* (1539)³⁾, *Селенъ Кмитичъ* (1540—41)⁴⁾, *Олизаръ Волчковичъ* и *Тышко Проскура* (по два года), *Стасъ Суриновичъ* и *Солтанъ Стецковичъ*, *Микола Кузмистровичъ* (два года), *Ф. Г. Пронскій* (1549—54)⁵⁾, *Скуминъ Л. Тышкевичъ* (1559—63)⁶⁾ и *Филокъ Кмита*⁷⁾.

Населеніе г. Чернобыля въ моментъ люстраціи 1552 г. выражалось въ слѣдующихъ рубрикахъ и цифрахъ:

	До- мовъ	Го- ловъ
Мѣщанъ господарскихъ	159	1113
Мѣщанъ владѣльческихъ	7	49
Земля	9	63
Слугъ	12	84
Бояръ	9	63
Итого	196	1372

Въ этнографическомъ составѣ городского населенія можно указать: 3 Татаръ⁸⁾ и около 2 Поляковъ⁹⁾, остальные въ Русскіе.

1) Любавскій Областное дѣленіе, с. 240.

2) А. Ю. З. Р. VIII, V, № 7.

3) А. З. Р. II, № 195.

4) А. Ю. З. Р. VIII, V, № 20.

5) А. З. Р. II, № 147; Кн. Посольская I, № 69.

6) Док. Ю. I, № 12, § 4; Сбор. Ист. т. 71, с. 20.

7) А. Ю. З. Р. VII, I, № 24. Порядокъ Чернобыльскихъ державцевъ (гдѣ не показаны питаны) заимствуемъ у Бонецкаго (Роскет годъ), но за его правильность не ручаемся.

8) Влежець Вахаръ, Тарабура, Лаворъ Урупа.

9) Яцко Пилипецъ, Савецъ Глушаничъ.

Чернобыльскій повѣтъ состоялъ изъ двухъ волостей: собственно Чернобыльской и Бѣлосороцкой, которыя, въ свою очередь, дѣлились на ведѣли, въ порядкѣ отправленія замковой службы. Раземотримъ сначала состояніе колонизаціи въ собственно Чернобыльской волости.

Повѣля Чернобыльская.

С. Копачевцы, на правомъ берегу Припяти.—Кухмистровичевъ (1552).—*С. Гапоновичи*—на ю.-з. отъ Чернобыля. По люстраціи 1571 г. въ Гапоновичахъ проживало 4 убогихъ околичныхъ шляхтича¹⁾.—*С. Новоселки* на Ушии. По всей вѣроятности, это тѣ самыя Н., которыя принадлежали по Овруцкой люстраціи 1552 г. Андрею Немировичу.—*С. Ильинцы*—въ сторонѣ р. Илли. Въ извѣстной записи о денежныхъ и медовыхъ данихъ встрѣчаются *Ильичевская* земля и *Ильинскій* островъ. Въ началѣ XVI в. на этой землѣ существовало уже село, которое держали пополамъ Волчко и Семень Романовичи, по своему отцу. По смерти Семена, его часть въ Ильинцахъ пала на единственнаго сына—Ивана, который, умирая, отписалъ ее неслухнымъ обычаемъ своей матери—Михайловой; но вырокомъ Сигизмунда I отъ 31 XII 1518 г. она возвращена Духиѣ Суриновой и продолжала оставаться въ распоряженіи этой фамиліи до конца разеатриваемаго періода²⁾. По Овруцкой люстраціи 1562 г. въ Ильинцахъ было 10 службъ людей ясачныхъ (ср. Черноб.).

Теремцы, Ладыжичи etc.—по ту сторону Припяти. Въ 1497 г. кiev. землянинъ Данило Дѣдковичъ билъ челомъ вел. кн. Александру и повѣдалъ, „штожь понялъ боярина кiev. Степанову жону Мутнишча, на имя Марію, а въ тое дей Маріи было съ тымъ Степаномъ двое дѣтей, сынъ а дочка, што дей тотъ сынъ Степановъ втонулъ, а дочка вмерла, нижли толко одна дочка того Степана первое его жены, на имя Настасія, осталася и служить кн. Семеновой Олелковича Пинской“. Въ виду этого, Д. Дѣдковичъ просилъ у господаря имѣній, „пго Степанъ Мутнишчъ держалъ, на имя *Кучурковъ*, а *Ладыжичи*, а *Теремцы*, а *Бѣлси* и иные

¹⁾ Зг. XX, 28.

²⁾ Кн. II Суд. дѣлъ, № 297 = Arch. Lub.-Sang. III, № 187.

сельца, и што здавна къ тому прислухало¹⁾. Просьба челобитчика была удовлетворена.—Долго ли, мало ли владѣли Дѣдки указанными имѣніями, мы въ точности не знаемъ, но въ 1537 г. Теремки и Ладыжичи уже принадлежали Полозамъ (какъ вѣно за Дѣдковной?). Объ этомъ мы узнаемъ изъ листа кор. Сигизмунда, писаннаго до пановъ рады въ справѣ Льва Полоза съ Ивашенцовичами о спорныхъ езахъ и берегахъ²⁾.

С. Опачицы—по правую сторону Припяти. Во второй половинѣ XV в. этимъ селомъ—или тогда м. б. только землей—владѣлъ Ивашко Опачица, который продалъ свое имѣніе нѣкому Роману, а Романъ переуступилъ его вѣномъ по своей дочери кн. Ив. Л. Глинскому. По зрадѣ Глинскихъ, Опачицы были отобраны на господаря и въ 1508 г. пожалованы кiev. землянину Ваську Жеребитичу³⁾. Кажется, что дочь (или жена?) этого самаго Жеребитича была замужемъ за Дмитріемъ Ивашенцовичемъ, которому достались въ качествѣ вѣна и Опачицы. Въ 1537 г. Ивашенцовичи уже ведутъ споръ со Львомъ Полозовичемъ „о езы и берега его Теремскии и Лодыжицкии, менуючи то своимъ отчизными берегами Опачичинскими“⁴⁾. Окончаніе этого спора намъ не извѣстно, но едва-ли онъ окончился въ пользу Ивашенцовичей.

С. Довмонтово на Дибѣрѣ, въ низменной, болотистой мѣстности,—отчина князей Довмонтовъ. Не извѣстно, когда эта фамилія сомнительнаго происхожденія, но во всякомъ случаѣ—не русскаго, появилась въ Кіевщинѣ; но въ 1411 г. мы встрѣчаемъ уже подинее кн. Довмонта на привилеѣ Олелька В. Домниканскому кляштору⁵⁾. Одинъ изъ этихъ Довмонтовъ, именно Ваенлій, и былъ дѣдичемъ настоящаго селенія, носящаго его имя⁶⁾.

¹⁾ Акты Леонтовича I, № 355.

²⁾ Сбор. Малиновскаго, с. 336—7.

³⁾ Skarbies II, № 2202.

⁴⁾ Сбор. Малиновскаго, с. 336—7.

⁵⁾ Митр. Евгеній Описание Кіев.—Соф. собора, Приб. с. 17—Skarbies № 957.

⁶⁾ Słownik II, 118.

Горностайполь и проч. Обширные пространства земли вниз по течению р. Тетерева, по лѣвую его сторону, издавна были извѣстны подъ именемъ имѣній *Рохтицкихъ* и *Дитятковскихъ* пановъ Горностаевъ. Эти имѣнья раскинулись въ низменной, лѣсистой и мочаристо-болотистой мѣстности, мало пригодной къ земледѣлю, но имѣвшей то преимущество, что тамъ было укрытіе тамошнему населенію „часу небезпечного“ отъ Татаръ. Съ этими имѣньямы мы впервые знакомимся въ тотъ моментъ, когда единственнымъ ихъ обитателемъ изъ человѣческаго рода былъ вѣкій *Дитятковичъ*, пожалованный кор. Казимиромъ намѣстнику Овруцкому п. Горностаю Романовичу¹⁾. Этотъ Горностаи погибъ въ 1503 г. въ битвѣ съ Татарами надъ Ушью²⁾, послѣ чего кор. Александръ подтвердилъ Дитятковича съ землею, на которой тотъ сидѣлъ, сыну Горностаи—Остафію—въ вѣчное и потомственное владѣніе. Съ теченіемъ времени къ одинокому Дитятковичу стали присоединяться другіе насельники, и такимъ образомъ возникло село, извѣстное доселѣ подъ именемъ *Дитятковъ*.—Остафій Горностаи былъ женатъ первымъ бракомъ на Гринковой Внучкевичевой, которая, съ позволенія короля, внесла въ его домъ свое дѣдичное имѣніе—*Рохтичи*, по сосѣдству съ Дитятками. Остафій Горностаи умеръ, оставивъ отъ второй жены (Скипоровой) двухъ сыновей: Оникія и Ивана Горностаевъ, на которыхъ, съ господарскаго произволенія и согласно договору заинтересованныхъ лицъ, и виспали Рохтичко-Дитятковскія имѣнія. Сами Горностаи, впрочемъ, бывали здѣсь только наѣздами, проводя время на послугахъ господарскихъ. Въ ихъ отсутствіе, около половины XVI в., и возникъ *Горностаиполь*. Основателями этого селенія были извѣстные въ исторіи колонизаціи Кіевской земли Хома и Вачило, съ которыми мы еще встрѣтимся въ другомъ мѣстѣ. Это были уже послѣдній подвигъ неутомимыхъ колонизаторовъ. Въ 1567 г. Татары неожиданнымъ нападеніемъ опустошили имѣнія Горностаевъ, причемъ погибли отъ ихъ руки неразлучные спутники и сотрудники—Хома и Вачило. Впрочемъ, вся эта околица очень скоро

¹⁾ Акты Д.—З. № 21 = А. Ю. З. Р. VIII, IV, № 14.

²⁾ Strykowski II, 318.

снова стала заселяться, что видно, между прочимъ, изъ одного письма Оникія Горностаи къ Ивану Г. (+1569), въ которомъ онъ извѣщаетъ своего брата о сборѣ дани съ Рохтицкихъ имѣній¹⁾.

С. Оране, на Тетереви—монастыря Печерекаго.—*Приборцы*—*ibid.*, среди лѣсовъ. Первымъ извѣстнымъ намъ владѣльцемъ Приборцы былъ Ивашко Немиричъ, овруцкій землинъ, державца Чернобыльскій. Между прочимъ, къ нему, какъ къ державцѣ, писалъ король Сигизмундъ о кривдахъ подданныхъ Рохтицкихъ, повелѣвая поступить съ ними по давнему обычаю. По смерти Ивана Немирича, Приборцы съ др. имѣньямы перешли къ его сыну—Юсефу, дворянину Сигизмунда Августа, которому и принадлежали въ моментъ люстраціи 1552 г.²⁾—*С. Пироговичи*, вверхъ по Тетереву—Василево (Немирича?)—*С. Обуховичи*, въ сторонѣ отъ Тетерева—*Проскуринныхъ*.—*Трудневщина* и *Пасынковщина*—*Иванковъ*. Трудневичи впервые были пожалованы Оделькомъ Владимировичемъ Михайлу Юрьевичу Половцу за Сквиря, но, должно быть, векорѣ запустѣли и, покинутые своими владѣльцами, снова возвратились къ тому же Одельку В., который незадолго до своей смерти пожаловалъ Трудневщину своему боярину, Олехну Сохновичу. Въ третьемъ поколѣніи Трудневщина перешла по женской линіи къ Лозкамъ³⁾. По сосѣдству съ Трудневщиной нужно искать и *Пасынковщину*. Обыкновенно объ эти земли, вслѣдствіе своей смежности, смѣшиваются—не правильно: это были разныя земли, принадлежавшія двумъ различнымъ, хотя и родственнымъ, фамиліямъ. По раздѣлу между дочерьми Ивана Юхнова сына Олехновича, произведенному въ Кіевѣ 4 VII, инд. 12 (1494?)⁴⁾, „Трудневщина на Тетереви“ досталась Маріи Ѳедковой Лозниной и оставалась въ ея потомствѣ еще въ XVII в.; между тѣмъ какъ „земля пустая Пасынковщина“ находилась въ обладаніи Проскуръ—Суцанскихъ: въ 1524 г. она подтверждена Сигизмундомъ I за кіев. землинномъ

¹⁾ Słownyk III, 126—30.

²⁾ *Ibid.* IX, 195—6.

³⁾ Архивъ Песочинскаго.

⁴⁾ *Ibid.*

Ташкомъ Проскурой ¹⁾. Настоящее свое имя—*Иванко*ъ Пашанковскія имѣнія получили отъ Ивана Проскуры—Сушанскаго, городского судьи кiev., уже послѣ уніи ²⁾.—С. *Запрудичи*—выше по Тетереву, надъ р. Любшой. Въ 1499 г. вел. кн. Александръ подтвердилъ кн. Ивану Д. Глинскому „подлѣ Кіева имѣніе, на имя Гостомль, зъ данники въ Загальцохъ и Запрудичохъ, даннну свою, выслугу его... со всемъ правомъ и паньствомъ“ ³⁾. Послѣ зрады Глинскихъ, имѣнія этой фамилин были отобраны на господаря—въ томъ числѣ и Запрудичи, но кому они достались, мы не имѣемъ положительныхъ указаній въ документахъ, хотя возможно допустить, что никому другому, какъ Сеньку Полозовичу (амѣтъ съ Гостомлемъ и проч.).—С. *Жеревъ*, на Жеревкѣ; по всей вѣроятности, это есть то самое Жерево, о которомъ въ 1522 г. шелъ споръ между Василемъ Боговишиновичемъ и Сенькомъ Бабинскимъ—съ одной стороны, а Ивашенцами—съ другой ⁴⁾. Документы не даютъ прямыхъ указаній объ окончаніи этого спора, но по всей вѣроятности, Жеревъ остался за Ивашенцами.—С. *Униа*, на устьѣ Жеревка. По записи о денежныхъ и медовыхъ даняхъ въ пользу св. Софіи „у—въ Униѣ Павель даетъ корайманъ меду, Захарья—тоже, Ходика—ведро, Агафоникъ—ведро“. Впослѣдствіи вокругъ Униа сгруппировалась цѣлая волость, состоявшая во владѣніи митрополитовъ Кіевскихъ.—С. *Старосичи*—на притокѣ Жеревка—Крапивной; въ половинѣ XVI в.—Олизаровъ—Волчковицей ⁵⁾.

С. *Левковичи*, въ сторонѣ Вересни (въ Ушѣ)—Ельповъ.—С. *Мойсейковцы*, по сосѣдству, на р. Болотнѣ,—дворянина Браславскаго (Овр. 1552 г., Черноб. 1552 г.), другое село съ тѣмъ же именемъ не извѣстно гдѣ—монастыря Печерскаго (Черноб.)—С. *Соколовичи*—на Вереснѣ. Въ 1492 г. господарь дворянинъ и Суригъ билъ челомъ вел. кн. Александру и просилъ у него „села въ Кіев. пов., на имя Соколовичовъ, зъ людьми“,—что и было ему дано, подъ условіемъ земской

¹⁾ Любавскій Областное дѣленіе, с. 538.

²⁾ Slowuk III, 314.

³⁾ А. З. Р. I № 171.

⁴⁾ Книга II Суд. дѣлъ, № 325.

⁵⁾ См. люстрація Житомира 1552 г.

службы ¹⁾. Впослѣдствіи мы видимъ Соколовцевъ отбывающихъ недѣли при Чернобылѣ.—Пуустовщина *Драчиловская*—Суриновъ (Овруч.)—*Терехи*—на Вереснѣ; по люстраціи 1571 г. принадлежало Овруцкому діакону (одинъ дымъ) ²⁾.

II. Недѣля монастыря Печерскаго.

С. *Гдѣнь*, на Брягникѣ — 3 человекъ населенія (Кіев. люстраціи).—С. *Сваремля*, на Днѣпрѣ, ниже устья Ирпени—7 человекъ (ibid).—С. *Тарасовичи*, на Днѣпрѣ же, выше устья Ирпени—6 человекъ (ibid).—С. *Новоселки*, противъ устья Тетерева—2 человекъ (ibid).—С. *Ошитковичи*, по сосѣдству—7 человекъ (ibid).—С. *Глыбовъ*, на параллели Горностайноля—11 человекъ (ibid).—С. *Сороковичи*, противъ устья Припяти—10 человекъ (ibid).—С. *Навозъ*, ниже устья Пакульки—44 человекъ (ibid).—С. *Мнево*, выше устья Пакульки—6 человекъ (ibid) ³⁾.

III. Недѣля и волость Бѣлосороцкая.

Въ прихода-расходныхъ записяхъ времени Казимира, между прочимъ, читаемъ: „ключнику кіевскому Горностаю (даню) у *Бѣлой Сороки* 4 копы“ ⁴⁾. Бѣлосороцкая волость раскинулась на обширномъ пространствѣ, по обѣимъ сторонамъ Припяти, примыкая на сѣверѣ къ Мозырскому повѣту, на востокѣ—къ Любецкому, на югѣ упираясь въ течение р. Илиши и на западѣ—въ овруцкую границу. По вычисленію Яблоновскаго, площадь Бѣлосороцкой волости занимала 17, 87 кв. миль ⁵⁾. Въ составъ этой волости входили:

С. *Бѣлая Сорока*, близъ устья Костеровки въ Припяти. Было ли это село господарскимъ или владѣльческимъ и, если владѣльческимъ, то—чьимъ, мы не знаемъ.—С. *Довгляды* по сосѣдству, на правомъ берегу Припяти—Сенскихъ по Семенѣ Полозовичѣ (1552), загѣмъ—Харленскихъ (1569).—*Полозачи* etc. По записи на одномъ старожитномъ Евангеліи, выписъ изъ котораго даетъ Кіев. воевода Фридрихъ Г. Прон-

¹⁾ Акты Леонтовича I № 73.

²⁾ Зг. XX, 29.

³⁾ Последнее принадлежало уже къ Любецкому повѣту.

⁴⁾ Акты Д.—З. с. 40.

⁵⁾ Зг. XXII, с. 667.

ский отъ 1551 г., кн. Василий Владимировичъ пожаловалъ на перковь св. Великаго Василя Мурованого въ Овручѣ „у Полохачовъ въ земли Петинское чотыри ведр. меду, у Гажиня — ведро меду, у Павловичахъ $\frac{1}{2}$ ведр. меду, у Вулочъ ведро меду“¹⁾. Изъ названныхъ здѣсь селъ въ другихъ документахъ мы встрѣчаемъ только Углы и Гажинь. По люстраціи Овруцкаго замка, Углы принадлежали Заморенкамъ (1552 г.); по люстраціи Чернобыля, „Андронъ у Гажину“ отбывалъ недѣли при Чернобыльскомъ замкѣ. Полохачи, Гажинь и Углы на картѣ Шуберта показаны въ области лѣвыхъ притоковъ Речи и правыхъ — Припяти. Повидимому, въ тѣхъ же мѣстахъ нужно искать и селъ: *Испачичи* и *Подсычи*, о которыхъ въ 1522 г. шла тяжба между Сенькомъ Бабинскимъ и Ивашенцами²⁾. — С. Толстый Лѣсъ. Въ 1427 г. какой-то Долгольдъ... датовичъ записалъ на монастырь св. Николы Пустынскаго по своей душѣ, „што есмь выслужилъ у Бога и у вел. кн. Витовта государя своего... тую землю, на имя Толетолѣвскаго Конона“, съ данью медовою, бобровою и куничною, также съ полудьемъ³⁾. Впослѣдствіи, при Киевскомъ воеводѣ Андрѣе Немировичѣ въ томъ же Толстомъ Лѣсѣ было пожаловано Златоверхо-Михайловскому монастырю селище *Селимоновское*, которое онъ въ 1561 г. обмѣнялъ на часть Голубей въ Завшской волости, принадлежавшую Семену Кмитичу⁴⁾. Передъ тѣмъ еще Кмитичи владѣли нѣкоторой частью Толстаго Лѣса (земля Золототкаевская съ полтрети службы людей); послѣ же этого обмѣна весь Толстый Лѣсъ оказался въ рукахъ Кмитичей. — С. Шепеличи, на Припяти — выслуга Романа Сурина еще на господарѣ Александрѣ, если не раньше. Романъ оставилъ по себѣ двухъ сыновей: Волчка и Сенька, которые раздѣлили Шепеличи пополамъ. Въ 1507 г. Семень Романовичъ записалъ свою часть въ Шепеличахъ — „отчизни свои властныи не похожіи люди на имя: отамона Василя Гридковича, а Семена Микитича, а Огдохима Семеновича, а Семена Турма-

¹⁾ Грамоты Антоновича № 37.

²⁾ Кн. II Суд. дѣль, № 325.

³⁾ Запись на Евангеліи 1411 г., принадлежащемъ Пустынскому монастырю, у Закревскаго — Описание Киева II, 745—6.

⁴⁾ А. Ю. Р. I, № 156; А. З. Р. II, № 140.

новича, а землю бортную Петрову“ — Николо-Пустынскому монастырю¹⁾. Спустя 10 лѣтъ послѣ этого, внукъ Волчка Романовича — Иванъ записалъ тому же монастырю и другую половину Шепеличь²⁾.

С. Мосановичи — по лѣвую сторону Припяти. По одной памятной записи, находящейся на рукописномъ бумажномъ Евангеліи XVI в. (принадлежитъ Златоверхо-Михайловскому монастырю) среди другихъ замѣтокъ о фундушяхъ Златоверхо-Михайловскаго монастыря, занесенныхъ сюда въ 1526 г. игуменомъ Макариемъ, читаемъ: „въ Мосановича двѣ ведрѣ меду“³⁾. Повидимому, Мосановичъ здѣсь обозначаетъ не село, а человѣка. Отсюда можно установить и приблизительную дату для начала поселенія: рубежъ первой четверти XVI в. — С. Оревичи — вверхъ по Припяти. Первымъ извѣстнымъ намъ владѣльцемъ Оревичъ былъ Армянинъ — толмачъ Макарь Ивановичъ, которому въ 1516 г. Киев. воевода Андрей Немировичъ далъ, между прочимъ, селище Лысковщину⁴⁾. При томъ же воеводѣ игумень Златоверхо-Михайловскаго монастыря Макарий купилъ (въ 1524 г.) за 100 коп. гр. у этого самаго Армянина „двѣ службы людей на Припяти у — въ Оревичахъ, волости Вѣлосороцкой, на имя *Лысковщину* и землю *Нагонную*“. Купчая на эти земли была утеряна при преемникѣ Макарія — Подоприсвѣтѣ, который сбѣжалъ изъ монастыря, но ее удалось возстановить по свидѣтельству Андрея Сангушковича (справца воеводства Киев.), неоднократно „оглядавашаго“ ее подлинникъ, и киевскихъ землянъ, присутствовавшихъ при увязаніи Подоприсвѣта⁵⁾. — Гдѣ-то на Припяти, м. б. въ сосѣдствѣ Оревичъ, находились и двѣ земли пустовскихъ, на имя *Пилиповщизна* и *Кузнецщина*, пожалованныя еще при Александрѣ Я. Сеньку Полозовичу и подтвержденныя за нимъ кор. Сигизмундомъ I въ 1514 году⁶⁾. — С. Осарыччи на Припяти же — монастыря Пе-

¹⁾ А. Ю. З. Р. ч. I, т. VI, № 5.

²⁾ А. З. Р. II, № 110; А. Ю. Р. III, № 49; ср. Кн. II Суд. дѣль, № 297.

³⁾ А. З. Р. II, № 140.

⁴⁾ Любанскій Област. дѣленіе, с. 240.

⁵⁾ А. З. Р. II, № 228.

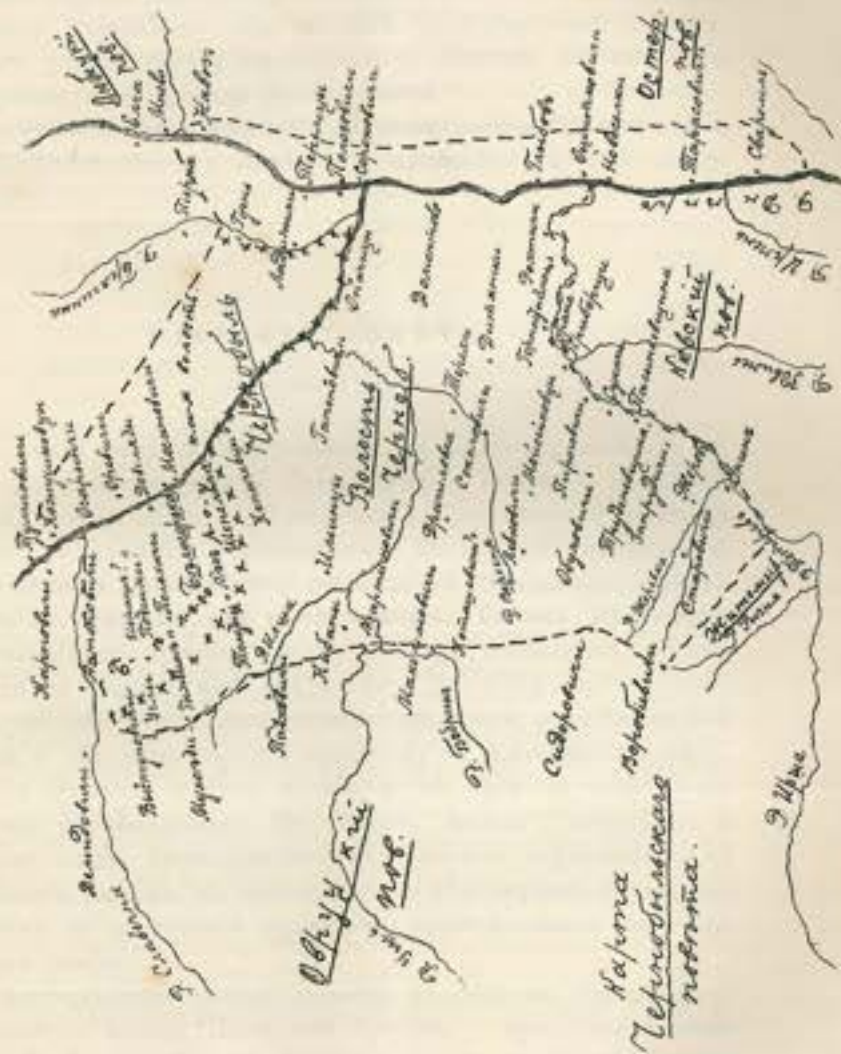
⁶⁾ А. Ю. З. Р. VII, IV, № 41.

черскаго. По Киевской люстрации въ Осарыччахъ было 2 данника.—С. *Кожушковцы*, *ibid.*—бискуповъ Киевскихъ.

Если мы къ этому несложному перечню присоединимъ еще с. *Палозовичи* по линіи Тетеремцы—Ладжичи и *Котатевичи*—гдѣ-то въ сторонѣ Вересни—оба въ волости Чернобыльской, то скажемъ о колонизаціи Чернобыльскаго повѣта все, что можно было сказать на основаніи имѣющихся въ нашемъ распоряженіи документовъ. А документовъ этихъ весьма ограниченное количество: всего одна люстрація и нѣсколько актовъ. Люстрація крайне поверхностна. Ни для одного села, наиримѣръ, она не сообщаетъ цифры населенія, не даетъ реестра поборовъ, даже не считаетъ нужнымъ сообщить болѣе или менѣе точныя свѣдѣнія о службѣ на замкѣ: „и иныя села по всемъ повете Чернобыльскомъ и Овруцкомъ повинни стацей... чергами по недѣлямъ“. Какія же „иныя“?—Это для насъ интересно было бы въ данномъ случаѣ знать, но, къ сожалѣнію, этотъ интересъ остается безъ удовлетворенія. Впрочемъ, нужно замѣтить, что, судя по характеру мѣстности, Чернобыльскій повѣтъ и не могъ принадлежать къ числу особенно населенныхъ. Не смотря на недостатокъ документовъ, мы, кажется, не ошибемся, если въ общемъ итогѣ скажемъ, что картина колонизаціи Чернобыльскаго повѣта—весьма рѣдкія села, съ небольшимъ количествомъ населенія.

Послѣ всего, сказаннаго нами о колонизаціи Чернобыльскаго повѣта, можно указать въ общихъ чертахъ и его границы.

На югѣ Чернобыльскій повѣтъ упирался въ теченіе р. Тетерева; границей съ Житомиромъ можетъ служить линія, восстановленная къ с. Воробѣвичамъ отъ того пункта на р. Тетеревѣ, который является срединнымъ между устьями, съ одной стороны, Жеревка, а съ другой—Ирши. Отъ митрополичьяго села Воробѣвичъ шла граница Чернобыльскаго повѣта съ Овруцкимъ на Максимовичи, Кабаны и по теченію р. Илии съ Рысью—къ Славечной. Непосредственно къ Славечной, кажется, Чернобыльскій повѣтъ не примыкалъ: правый берегъ ея принадлежалъ, по всей вѣроятности, Овручу. Поэтому границу Чернобыльскаго повѣта можно провести въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ Славечной; но устье

Славчаной, кажется, принадлежало Чернобылю, какъ и лѣвый берегъ Припяти, до с. Кожушковицъ включительно. На сѣверѣ Чернобыльскій повѣтъ примыкалъ къ границамъ брагинскимъ, на востокѣ—къ любецкимъ. Нижнее теченіе р. Брягинки, приблизительно отъ с. Чикаловицъ, равно какъ и правый берегъ Дѣпра, приблизительно отъ с. Елчи, принадлежали Чернобылю. На востокѣ Чернобыльскій повѣтъ занималъ узкую полосу по теченію р. Дѣпра на югъ отъ р. Пакульки и не доходилъ устья Десны.

Въ указанныхъ границахъ, по вычисленію Яблоновскаго, Чернобыльскій повѣтъ занималъ площадь въ 139, 14 кв. миль ¹⁾.

Кіевскій повѣтъ.

(Очеркъ VIII).

Кіевскій повѣтъ, заключавшій въ разсматриваемый періодъ пространство между Тетеревомъ и Росью — съ одной стороны, между тѣмъ же Тетеревомъ, Дѣпромъ и далѣе за Дѣпръ, до границъ черкасскихъ — съ другой, представляетъ въ общемъ поверхность ровную, въ сѣверныхъ своихъ частяхъ къ тому же еще и низменную. Только мѣстности, прилегающія къ правому берегу Дѣпра, нѣсколько приподняты, да на самомъ югѣ ландшафтъ разнообразится болѣе или менѣе значительными возвышенностями, прорѣзывается балками и оврагами, придающими ему оч. живописный видъ.

Что касается состава почвы, то въ разныхъ частяхъ повѣта она разнообразна. На сѣверѣ, между Тетеревомъ и Ирпенью, почва преимущественно песчаная, переходящая съ движеніемъ на югъ въ супесчаную и сѣрочерноземную (подзолстую), но настоящій черноземъ принадлежитъ уже Черкасскому повѣту.

Распределеніе растительности въ общемъ соответствуетъ различію почвы. Песчаный грунтъ — преимущественно лѣсистый. Линія лѣса въ прежнее время спускалась по те-

¹⁾ Зр. XX, 32.

чению Тетерева и Ирпени къ верховьямъ послѣдней. Впрочемъ, уже въ половинѣ XVI в. лѣсная полоса отступила отъ верховьевъ Ирпени, такъ что лежащія тамъ селенія именуются уже „польными осадами“. Съ другой стороны, въ направленіи Кіева лѣса переходили и за Ирпень, обходили затѣмъ Кіевъ и спускались по правому берегу Днѣпра до самаго Треноля¹⁾; отдѣльныя развѣтвленія ихъ заходили и на Стугну. Но, вообще говоря, южная часть повѣта имѣла преобладающій характеръ степной, а сѣверная — полѣсскій.

Это — по сю сторону Днѣпра. На Заднѣпровьѣ линия лѣса спускалась по теченію Днѣпра довольно широкой полосой почти до устья Трубежа. На сѣверѣ она захватывала верховья самаго Трубежа съ Удаемъ; все же остальное пространство на югъ и востокъ было степное.

При разсмотрѣніи экономическаго состоянія Кіевского повѣта слѣдуетъ обратить вниманіе на два факта: составъ почвы и отношеніе къ степи. Безусловно, южная часть повѣта по составу почвы благоприятствуетъ земледѣльческой культурѣ, но близость степи въ значительной степени парализовала это благоприятное условіе. Документы, которыми мы располагаемъ, при всей ихъ незначительности, допускаютъ даже утверженіе, что съ движеніемъ на югъ, не смотря на улучшеніе почвы, въ обратной пропорціи сокращалось земледѣліе. По иллюстраціи половины XVI в., земледѣліемъ наиболѣе интенсивно занимаются на Сѣверѣ — въ *Демидовцахъ* и въ *Петровцахъ*. Эти многочисленныя села почти сплошь населены тяглецами, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ показаны только данники. То же подтверждается и другими источниками. Въ актахъ пожалованій, въ дарственныхъ и купчихъ грамотахъ и въ другихъ документахъ разсматриваемаго періода на сѣверѣ чаще фигурируютъ пашни, на югѣ же почти исключительно — уходы. Но и на сѣверѣ, уже въ силу однихъ топографическихъ условій, занятіе земледѣліемъ не было единственной и даже не всегда — важнѣйшей статьей дохода: для разнаго рода промысловъ открывался широкій просторъ. Вотъ нѣсколько иллюстрацій.

¹⁾ Остатки ихъ видны и теперь.

Въ 1557 г. нѣкто Богданъ Дублянекій продалъ Кіевскому мѣщанину С. Мелешковичу землю Юрьевскую на р. Ветѣ, землю, по опредѣленію акта, „пашную, бортиную и сѣножати, зѣ дубровами, и пашнями, и припашаи, польми, бобровыми гоны, лова звѣринными и пташными и зо всеми ишими входы и пожитки“. Подобныя же угоды перечислены и въ жалованной вел. кн. Александра Б. Глинскому на с. Гостомль: земли пашныя и бортиныя, сѣножати, озера, рѣки и рѣчки съ ихъ потоками и съ бобровыми гонами, езы, ставы и ставища, гаи, ляды и лядицы etc. ¹⁾ Ошибочно было бы предполагать, что въ этихъ и др. подобныхъ актахъ перечислены разныя угоды безъ всякаго отношенія къ ихъ пользованію. Это не только угоды, но и статьи дохода, обычныя для данной мѣстности: онѣ даютъ реальное представленіе о занятіяхъ населенія.

Въ частности—о сѣножатахъ. Онѣ, естественно, заставляютъ предполагать о существованіи скотоводства, для котораго заливныя и поемныя луга Кіевского повѣта по Ирпени, Здвижи, Тетереву, Днѣпру, Трубежу и другимъ болѣе мелкимъ рѣкамъ, текущимъ въ низменныхъ берегахъ, представляли широкій просторъ. Это предположеніе, отирающееся отъ перечня угодій къ ихъ эксплуатаціи, дѣйствительно, подтверждается документальными данными. Напр., въ 1481 г. кор. Казимиръ жаловался Менгли—Гирею, что „его люди, пришедши безвѣстно подъ замокъ нашъ Кіевъ, стадо намѣстника нашего и. Андрея Александровича, который тыми разы отъ насъ въ Кіевѣ на мѣстцу воеводинѣ мѣшкаеть, и стадо мѣщанское, и твоихъ пословъ, брата нашего, и купцовъ каинскихъ отогнали, коней всего поголовья 800“ ²⁾. Въ данномъ документѣ названы только лошади. Уставная гр. вел. кн. Александра кіевскимъ мѣщанамъ (1494 г.) перечисляетъ, кромѣ коней, еще животину, овецъ и свиней: „коней, и животины, и овецъ, и свиней по кіевскимъ дворомъ не згонити: мають то вѣдати клеплинцы и выбонники“ ³⁾.

¹⁾ А. Ю. Р. I, № 156; А. З. Р. I, № 171. См. еще: А. Ю. Р. I, № 48; *ibid.* № 156 (с.лице Глинское), *ibid.* № 161; Захренскій Описание Кіева I, с. 235 (Осокорское), Док. Грушевскаго XI, № 4 (Сѣрюковъ) и др.

²⁾ Сбор. Муханова № 22.

³⁾ А. З. Р. I, № 120.

Нѣсколько странно, что при такихъ условіяхъ народнаго хозяйства, какія мы замѣчаемъ на территоріи Кіевского повѣта, встрѣчается ненормально-высокое (для Кіевской земли) податное обложеніе; между тѣмъ это дѣйствительно такъ. Подобное обложеніе мы встрѣчаемъ, правда, всего въ двухъ селахъ: *Демидовцахъ* и *Петровцахъ*, которые населены работными крестьянами. Населеніе этихъ селъ въ теченіе 3—4 дней „въ лѣто“ ореть на замокъ, исполняютъ разныя другія услуги и платятъ еще въ придачу къ этому дани. Напр., Семень Микитовичъ изъ с. Демидовець „повиненъ на замокъ давати кожного году колеса, а самъ орати 3 дни“; Василь Ивановичъ изъ того же села „даеть на замокъ ведро меду, а ореть 3 дни“. Это еще низшая степень обложенія. А вотъ высшая: „атамонъ Микита Вареникъ (изъ Петровецъ) даеть на замокъ меду полтретя ведеръца, которыхъ въ кади 15 ведерець, а грошми по 40 гр., стоць сена, т. е. 10 возовъ, 5 возовъ дровъ, а 4 дни ореть, а 10 копъ жита, або ярины на замокъ жнеть, а на церковь Воздвиженъя честного креста 12 ведерець меду, ледъ на замокъ прачеть“¹⁾. Еще разъ оговариваемся, что подобное обложеніе и по его роду, и по высотѣ мы встрѣчаемъ въ извѣстныхъ намъ документахъ только въ двухъ названныхъ селахъ и—нигдѣ больше. Обыкновенно же въ Кіевскомъ повѣтѣ фигурируютъ данники, которые никакихъ работныхъ повинностей не несутъ, только платятъ грошовыя, медовыя, бобровыя и куничныя дани, и притомъ въ весьма скромныхъ размѣрахъ.

Кіевскій повѣтъ, благодаря своему украинскому положенію и вслѣдствіе важности самого столичнаго города, былъ надѣленъ отъ вел. кн. литовскихъ и королей польскихъ широкими привилегіями. Привилегировано и кіевское боярство и кіевское мѣщанство, хотя эти привилегіи не всегда служили въ пользу ихъ обладателямъ. Въ частности—относительно боярства.

Кіевская шляхта свое право „добровольное хрестыянское“ получила еще отъ кор. Казимира; затѣмъ оно подтвер-

¹⁾ Эти данныя мы заимствуемъ изъ люстраціи, которая задана дважды въ А. Ю. З. Р. VII, I № 14 и у Малиновскаго II. Кіевская коммиссія помѣстила ее подъ датой 1552 г., Малиновскій—1543—48, но это, несомнѣнно, одна и та же люстрація.

ждалось Александромъ и, наконецъ, эта харгія шляхетскихъ вольностей дошла до насъ въ редакціи Сигизмунда I отъ 1507 г.¹⁾ Документъ, о которомъ мы говоримъ, принадлежитъ къ числу (обще)—земскихъ привилеевъ, такъ какъ онъ имѣетъ въ виду шляхту всей Кіевской земли; тѣмъ не менѣе обычная административная практика въ примѣненіи къ шляхтѣ разныхъ повѣтовъ разнообразилась, въ зависимости отъ мѣстныхъ условій — то приближаясь, то удаляясь отъ основной привилегіи²⁾. Только кіевская шляхта въ собственномъ смыслѣ пользовалась безусловно всеми благами земскаго привилея и даже—съ излишкомъ. За всеми льготами, дарованными кіевской шляхтѣ уставной грамотой, на ея плечахъ оставалось только двѣ обязанности — minimum для шляхетства того времени: а) заступать службу со своихъ имѣній „самими своими головами“ и в) „дѣлать городъ“; но и эти обязанности фактически не всегда исполня-

¹⁾ А. З. Р. II, № 30. Яснискій, а вслѣдъ за нимъ и Довнаръ — Запольскій—полагаютъ, что привилей кіевской шляхты пожалована еще Витовтомъ, по смерти Скаргайла.—на томъ основаніи, что въ привилей 1507 г. „встрѣчаются постоянныя ссылки на обычай, права и порядки, существовавшія еще при Витовтѣ (Уставныя грамоты, с. 69; Украинскія староства, с. 7 и слѣд.) Ссылки эти дѣйствительно встрѣчаются, но изъ нихъ трудно вывести, чтобы гипотетичной привилей Витовта когда—либо существовала, тогда какъ о грамотахъ Казимира и Александра ясно дается знать, что такими дѣйствительно были пожалованы въ свое время. Яснискій въ особенности направляетъ на конечныя слова привилея 1507 г.—о мытахъ: „бо мы старины не рушаемъ, а новины не вводимъ, хочемъ все по тому мѣти, какъ будетъ было за вел. кн. Витовта и Жакимонка“. Но изъ этихъ словъ больше, чѣмъ изъ какихъ-либо другихъ, ясно, что привилей Сигизмунда имѣетъ въ виду старую практику, а не господарскіе листы. Ссылается же онъ на Витовта и Жакимонка потому, что для Кіевской земли въ ея отхоженіяхъ въ Литвѣ не было болѣе старой практики, какъ изъ времени Витовта и Жакимонка. Даже и самыя эти ссылки на старую практику не всегда слѣдуетъ принимать безусловно, ибо въ документахъ Литовскаго періода онѣ употребляются даже и тогда, когда стоятъ въ прямомъ противорѣчій со старинной.

²⁾ Напр., по уставной грамотѣ частновладельческіе люди освобождались отъ подводъ „село отъ села“, также отъ зазруды своихъ косыбъ сѣна на замокъ и проч., а на дѣлѣ въ к.—и. Чернобыльскомъ или Остерскомъ пов. они изъ года въ годъ несли эти службы и повинности, хотя и не всегда безроотно.

лись—м. б. даже чаще не исполнялись, чѣмъ исполнялись. Незадолго, напр., до Берестейскаго сейма (1524 г.), Киевскій воевода Андрей Немировичъ писалъ королю, „повѣдаючи, которыхъ князи и панове и земляне мають у Киевскомъ повете имения свои, тыи деи при немъ на замку николи ку потребѣ не бывають“¹⁾. На вальномъ Вилонскомъ сеймѣ въ 1563 г., когда въ виду тревожныхъ политическихъ обстоятельствъ было рѣшено во что бы то ни стало укрѣпить украинныя замки и въ числѣ другихъ — Киевъ, то киевская шляхта была челомъ господарю, чтобы онъ уволилъ ее людей отъ „будованья“ этого замка: „яко предкове наши, такъ и мы сами николи полнити а людьми своими замку Киевского робити неповинни“ — говорили челобитчики. Потребовалось увѣреніе со стороны короля, что „у пошлину и повинность то имъ напотомъ не поидеть“²⁾, чтобы успокоить расхолодившуюся шляхту, — хотя въ постройкѣ Киевскаго замка едва ли она и послѣ того принимала дѣятельное участіе. Печальная пронія слышится въ устахъ короля при обещаніи этого дѣла. Ручаясь за то, что Киевскій городничій не будетъ прилекать къ постройкѣ замка тѣхъ бояръ, которые передъ тѣмъ его „робити и опривовати были неповинни“, король замѣчаетъ, что „для рыхлейшого и способнейшого будованья того замку королевской милости Киевского, подь тотъ часъ теперъ отъ неприятеля небезпечный, радъ бы то е. кор. м. по нихъ, верныхъ подданныхъ и слугъ своихъ видеть, жебы и они сами для себе, яко в речы посполитой земской, приложившыся до того ку лепшому и безпечнейшому захованью и подданныхъ своихъ отъ людей неприятельскихъ, на тотъ теперъ часъ робити и збудовати того замку господарского Киевского людьми своими помогали“³⁾. Напрасныя надежды!

Киевское мѣщанство издавна пользовалось многими привилегіями, санкціонированными въ уставной грамотѣ кор. Казимира⁴⁾. Подлинникъ этой грамоты не сохранился, но

¹⁾ Док. Ю. I, с. 527.

²⁾ Ibid. с. 145—6.

³⁾ Ibid. с. 146.

⁴⁾ Дана, по всей вѣроятности, вскорѣ послѣ смерти Семона О., при назначеніи Киевскимъ воеводой Мартина Гаштольда.

мы имѣемъ подтвержденіе ея въ привилеѣ вел. кн. Александра отъ 1494 г.

Такъ какъ эта грамота представляетъ изъ себя основу, на которой строилось дальнѣйшее зданіе мѣщанскихъ вольностей, то мы считаемъ необходимымъ болѣе внимательно остановиться на ея содержаніи.

Уставная грамота вел. кн. Александра, подтверждающая въ основныхъ чертахъ только то, „какъ было за вел. кн. Витовта“, слѣдовательно—давніе порядки, содержитъ въ себѣ слѣдующія льготы для киевскихъ мѣщанъ. Во-первыхъ, она заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя общія правовыя нормы, къ числу которыхъ относятся: а) судебныя гарантіи („холопу и робѣ не верити“, „казнити виновного по его дѣламъ“, а не по родству съ преступниками и проч.); б) свобода перехода по всему Великому Княжеству — съ властью и съ отчужденіемъ таковой; в) наследственность имѣній и свобода распоряженія недвижимою собственностью съ господарскаго произволенія. Во-вторыхъ, эта грамота санкціонируетъ многочисленныя льготы преимущественно экономическаго порядка, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ—и служебнаго. Къ числу таковыхъ относятся: а) освобожденіе отъ подводъ и стацій, съ нѣкоторыми ограниченіями въ пользу литовскихъ и ордынскихъ пословъ и гонцовъ; б) освобожденіе отъ ордынской службы; в) освобожденіе отъ работъ по содержанію замка (кошеніе сѣна, сыпаніе става, облавы и проч.); д) освобожденіе отъ мыта „по всей земли Киевской“, однако со многими ограниченіями (корговщина, осмичество, повѣтчина); е) упорядоченіе куничной дави (шерстью или 5 грош.); ж) свобода торговли (кромѣ людей ясачныхъ); з) пользованіе сервитутами и др.¹⁾

Въ послѣдующее время количество и качество перечисленныхъ выше льготъ было увеличено: такъ, въ 1497 г. вел. кн. Александромъ было распространено дѣйствіе льготы отъ мыта на всю территорію Великаго Княжества,²⁾ а Сигизмундомъ Августомъ (въ 50 гг. XVI в.)—и на территорію Короны³⁾; въ 1503 г. тотъ же Александръ Я. грамотой на

¹⁾ А. З. Р. I, № 120.

²⁾ А. Ю. Р. I, № 237.

³⁾ Доппаръ—Запольскій Государств. хованство, с. 51.

имя Киевскаго воеводы Дм. Путятича освободить киевскихъ мѣщанъ отъ подниманія чыхъ бы то ни было пословъ и гонцовъ, въ томъ числѣ—литовскихъ и ордынскихъ¹⁾, а Сигизмундъ Августъ въ 1558 г. предоставилъ имъ винную монополію, подлѣ условіемъ ежегодной платы въ казну 800 коп. гр. кашцины²⁾. Но самой важной привиллегіей, какую когда-либо имѣли киевскіе мѣщане, безъ сомнѣнія, нужно признать Магдебургское право. Нѣкоторыя общія замѣчанія о Магдебургскомъ правѣ, касающіяся его основъ и литературы вопроса, мы надѣемся дать въ III части настоящаго сочиненія. Здѣсь же, не выходя изъ рамокъ настоящаго очерка, мы постараемся установить только время, когда киевскіе мѣщане получили эту важную льготу.

Проф. Антоновичъ, по неизвѣстнымъ намъ соображеніямъ, относилъ пожалованіе Магдебурскаго права г. Киеву еще ко времени „около половины XV столѣтія“³⁾. Но для такого предположенія трудно подыскать какое-либо основаніе. Между тѣмъ въ подтвердительной кор. Сигизмунда отъ 1514 г. прямо говорится, что Александръ „для полнѣнненія мѣста Киевскаго, въ ласки своею, далъ ему право Нѣмецкое, т. е. Магдебургское“⁴⁾. То же читаемъ и въ грамотѣ самого Александра отъ 1499 г.: „штожь который влады и пошныи городскіи первыи воеводы завѣдали... ино какъ семо дали вамъ право Нѣмецкое, и вы дей тыи вси влады и пошныи городскіи за себе забрали“⁵⁾. Дѣло т. о. говоритъ само за себя: Магдебургское право было пожаловано г. Киеву вел. кн. Александромъ. Вопросъ только въ томъ, когда же именно оно было пожаловано?—По словамъ М. Грушевскаго, уже грамота 1494 г. „згадуе про вѣста й нѣмецкые право“⁶⁾; но это недоразумѣніе, ибо ни слова о нѣмецкомъ правѣ въ упомянутой грамотѣ нѣтъ, а вѣсть хотя и называется, но онъ не есть показатель Магдебурскаго права: вѣстовъ мы встрѣчаемъ и въ другихъ городахъ Киевской земли. Дѣйствитель-

¹⁾ А. З. Р. I, № 207.

²⁾ Грамоты Антоновича № 38.

³⁾ Монографія I, 162.

⁴⁾ А. Ю. Р. II, № 103.

⁵⁾ А. З. Р. I, № 170.

⁶⁾ Історія т. V, ч. I, изд. 1905 г., с. 230.

ный же показатель этого права — коллегіи бурмистровъ и радцевъ—отсутствуетъ въ грамотѣ 1494 г.¹⁾ Она открыва-ется челобитіемъ мѣщанъ киевскихъ—всего посполства, тогда какъ въ послѣдующихъ грамотахъ выступаютъ на сцену „войтъ мѣста Киевскаго, бурмистры, радцы и вси мѣщане“ въ качествѣ челобитчиковъ или адресатовъ²⁾. Въ виду этого, мы полагаемъ, что въ 1494 г. киевскіе мѣщане еще не имѣли Магдебурскаго права, а получили его въ промежуткѣ между 1494 и 1497 гг.

Магдебургское право, естественно, влекло за собою и другія льготы. Той же грамотой вел. кн. Александра, подтвержденной затѣмъ кор. Сигизмундомъ въ 1514 г., киевскимъ мѣщанамъ предоставлялось: право шинковать, съ обращеніемъ дохода съ этой статьи на свои мѣстскія потребности, съ отпущеніемъ также медового помѣрнаго; право строить безпрепятственно клѣтки, ятки, мясныя лавки, держать воскобойню „со всеми пожитки и доходы“, за вычетомъ пошлыны, которую мѣщане обязаны были платить „съ каждое коморы въ каждый годъ двѣ копѣ грошей“. Для вспоможенія мѣста, къ нему были приписаны всякіе люди „звѣстныи“, тамошніе и прихожіе, „откулѣ будетъ который у мѣстѣ мѣшкають и торгомъ ся обыходять, во всякіи службы и поплатки мѣстскіи“. Два раза въ годъ разрѣшалась ярмарка: на Рождество Христово „до актавы“ и на Рождество Богородицы—тоже „до актавы“. За вычетомъ всѣхъ этихъ привиллегій, на обязанности киевскихъ мѣщанъ оставалось: давать на господарскій екарбъ *загу* и *важное* — по старинѣ, также *серебницзну*, „какъ и иншии мѣста наши мають намъ платити“. Въ счетъ земской службы киевскіе мѣщане должны были содержать полную стражу, „подле давного обычая“, также ѣздить въ погоню за Татарами „конне и збройне, каждый своею головою, подле своего статку“, по первому приказанію господара или его урядниковъ. Наконецъ, на обязанности киевскихъ мѣщанъ лежала еще замковая служба: „на замку нашемъ Киевскомъ мають они въ ночи стеречи и кликати podle стародавного обычая“³⁾.

¹⁾ А. З. Р. I, № 120.

²⁾ 1497 г.—А. З. Р. I, № 149; 1499 г.—ibid. № 170.

³⁾ А. Ю. Р. II, № 103.

Но легче было получить привилегіи, чѣмъ воспользоваться ими. Исторія кіевскаго мѣщанства наполнена фактами непрестанной борьбы его съ „утисками“ уряда и своеволіемъ частныхъ лицъ—явленіе, впрочемъ, не только мѣстное, а и—повсемѣстное. Видно, что вся система литовскаго управления, не смотря на благія намѣренія лицъ, стоявшихъ во главѣ его, не въ состояніи была гарантировать подданнымъ Великаго Княжества спокойнаго пользованія ихъ правами.

Частныя лица нарушали интересы мѣщанства въ двухъ случаяхъ: когда они пользовались его правами, не раздѣляя въ то же время соединенныхъ съ ними обязанностей, или когда они явно дѣйствовали вопреки мѣщанскимъ привилегіямъ. Сплошь и рядомъ случалось, напр., что люди прихожіе (какъ Милославчани) или принадлежавшіе мѣстнымъ владѣльцамъ, построили дома на мѣщанскихъ пляцахъ, промыслили въ мѣстѣ торговли и ремеслами на правахъ мѣщанъ, уклоняясь служить „поспоу съ ними службы мѣстскія“; господарскіе служебники низшаго разряда, въ родѣ драбовъ и десятниковъ, вопреки привилею, позволяли себѣ шинковать въ частныхъ домахъ; духовные и свѣтскіе владѣльцы, „которые поблизу Києва пуши свои мають“, не допускали мѣщанъ пользоваться лѣсными сервитутами; они же, „не дбаючи о листы и росказанье его королевской милости—по словамъ мѣщанъ—предея уво имѣньяхъ своихъ мыта на нихъ вездѣ берутъ и товары ихъ гамують, въ чомъ же ся имъ великая кривда и тяжкость отъ нихъ дѣеть“¹⁾.

Наибольшія кривды и тяжести дѣялись кіевскимъ мѣщанамъ отъ господарскихъ урядниковъ, главнымъ образомъ на почвѣ земскихъ и городскихъ повинностей. Уже въ 1503 г. мѣщане жаловались на своего воеводу (Дм. Путятича), что онъ требуетъ отъ нихъ подводъ и стацій, вопреки господарскимъ листамъ²⁾; спустя 20 лѣтъ мѣщане представили кор. Сигизмунду цѣлый списокъ „кривдъ и тяжкостей всякихъ и повинъ“, чинимыхъ имъ мѣстнымъ воеводою. Въ этомъ пространномъ спискѣ, между прочимъ, показано—что воевода велитъ идти въ погоню за Татарами

¹⁾ А. Ю. Р. I, №№ 68 и 237; А. Ю. З. Р. VIII, V, № 49; А. З. Р. I, № 207.

²⁾ А. З. Р. I, № 207.

безлошаднымъ (такіе должны оставаться при замкѣ), отнимаетъ у мѣщанъ коней и „зброю“ и даетъ своимъ слугамъ, велитъ имъ стеречь пойманныхъ Татаръ (что обязаны были исполнять также и люди владѣльческіе—„чергами“), беретъ у нихъ многія вещи и живность „и за то имъ заплаты не даеть“; не по праву взимаетъ съ нихъ мыто дровяное; отнимаетъ ездъ на Черторыи; грабитъ ихъ дворища, выгоны, пашни и раздаеть постороннимъ; посылаетъ ихъ съ листами своими и дозволяетъ своимъ слугамъ бить мѣщанскихъ кликуновъ и проч. и проч.³⁾

Любопытно, что въ жалобахъ кіевскихъ мѣщанъ довольно часто фигурируютъ указанія на „драпежства“ урядниковъ (во главѣ съ воеводой), объясняемая своекорыстными побужденіями. Въ выше приведенномъ документѣ такихъ указаній нѣсколько; они повторяются и въ другихъ случаяхъ. Такъ, въ 1556 г. кіевскіе мѣщане жалуются, что п. воевода (Г. Ходкевичъ) „отъ рыбы десятую рыбу, а отъ каждое судины меду пресного поветщины по грошу, а отъ вару пива такежь по грошу варового, а отъ соли съ комяги и зъ возу мыта на себе брати кажетъ“—совершенно произвольно, вопреки „привиліямъ“⁴⁾. Дѣло дошло до того, что Кіевскій воевода К. Острожскій сталъ вымогать отъ мѣщанъ ежегодно огромную сумму денегъ (200 коп. гр.), „менуючи то себе быти за поклонъ“, и мѣщане въ теченіе ряда лѣтъ уплачивали эту контрибуцію, только бы онъ ихъ „увѣ обороне своей маючи, отъ всякихъ кривдъ ихъ оборонять и тежь корчомъ покутныхъ никому тамъ у Києве держати не допускалъ“⁵⁾. Конечно, отъ воеводъ не отставали и ихъ служебники, „речи крамные и стравные и пенезми и конми ку потребе своей беручи“ у мѣщанъ—съ тѣмъ, чтобы, за покрытіемъ воеводъ, никогда ихъ не отдавать; а насколько были разорительны эти поборы, можно судить потому, что въ 1564 г. они составили сумму въ 293—200 коп. гр.⁶⁾

Разумѣется, не всегда „кривды“ и „драпежства“ воеводъ объяснялись ихъ личными побужденіями: иногда они

¹⁾ А. Ю. Р. II, № 108.

²⁾ А. Ю. З. Р. VIII, V, № 49.

³⁾ А. Ю. З. Р. VIII, V, № 64.

⁴⁾ А. Ю. З. Р. VIII, V, № 64.

прямо вынуждались силою вещей. Въ 1494—1503 гг., напр., кievскіе мѣщане были освобождены отъ подводъ и стаций, а между тѣмъ воеводы не получили распоряженія о подниманіи пословъ и гонцовъ на господарскій счетъ, но ихъ нужно же было поднимать чѣмъ-нибудь. Воеводамъ т. о. не оставалось ничего другого, какъ грабить мѣщанъ или расплачиваться изъ собственныхъ средствъ; но такъ какъ никто себѣ не врагъ, то всегда избиралось первое. Только въ 1522 г., по поводу вторичной жалобы мѣщанъ о „кривдахъ“ и „лупежствахъ“ Кіевскихъ воеводъ, вышло распоряженіе отъ кор. Сигизмунда о подниманіи пословъ и гонцовъ за счетъ казны¹⁾;

Какъ бы то ни было—по тѣмъ или инымъ побужденіямъ, со стороны ли уряда или частныхъ лицъ—а экономическіе интересы кievскихъ мѣщанъ страдали очень чувствительно. Большой опасности подвергалась также и свобода мѣщанскаго самоуправленія—мѣстекій присудъ и мѣстекое хозяйство.

Уже въ 1503 году кievскіе мѣщане жаловались господарю, что воевода подчиняетъ ихъ тунскому суду. Хотя отвѣтной грамотой кор. Александра отъ 3/xi 1503 г. упомянутый судъ былъ упраздненъ²⁾, но это не прекратило дальнейшихъ недоразумѣній на той же почвѣ между мѣщанскимъ самоуправленіемъ и воеводскимъ урядомъ. Спустя 20 лѣтъ, мы снова слышимъ жалобы на насильственное привлеченіе кievскихъ мѣщанъ къ воеводекому присуду, жалобы, встрѣтившія полное сочувствіе господара, который въ своемъ вырокѣ грозно напоминалъ тогдашнему воеводѣ Андрею Немировичу, что ни онъ, ни врядники его „не мажутъ судити и рядити мѣщанъ, кромѣ войтъ, бурмистры и радцы“³⁾. Не смотря на то, случалось иногда, что воевода и самую мѣщанскую раду—бурмистровъ и радцевъ— „до везенья сажалъ“, какъ то было, напр., при К. Острожекомъ⁴⁾.

Въ послѣднемъ счетѣ, не смотря на частыя злоупотребленія, кievскимъ мѣщанамъ удалось все-таки отстоять, по крайней мѣрѣ, самое существованіе своего присуда. Иначе

¹⁾ А. Ю. Р. II, № 106.

²⁾ А. З. Р. I, № 207.

³⁾ А. Ю. Р. II, № 108.

⁴⁾ А. Ю. З. Р. VIII, V, № 64.

дѣло обстоило съ ихъ хозяйственнымъ управленіемъ. Послѣ единичныхъ покушеній Кіевскихъ воеводъ подчинить хозяйство мѣщанскаго самоуправленія своему контролю, они въ концѣ концовъ достигли этого—къ полному своему удовольствію. Въ декретѣ Сигизмунда Августа отъ 29/ii 1556 г. на имя кievскихъ мѣщанъ сказано, что „въ каждый годъ со всехъ доходовъ, месту тамошнему на данныхъ и въ привиліи ихъ местекомъ описанныхъ, передъ воеводами кievскими личбу они чинити повинни будутъ, где а на которые потребности местекіе выдадутъ“¹⁾. Такимъ образомъ, къ концу разема-триваемаго періода Кіевскіе воеводы получили доступъ къ мѣщанскому самоуправленію. Дальнѣйшая исторія Кіевской земли покажетъ, насколько губельно или благотворно было это вмѣшательство господарскаго уряда въ мѣстекія дѣла.

Не смотря, однако, на всѣ отмѣченные выше факты, было бы ошибочно видѣть въ кievскихъ мѣщанахъ какихъ-то козловъ отпущенія, съ которыми воеводы дѣлали, что хотѣли. Вынгриявая, велѣдствіе своей настойчивости и корпоративной солидарности, почти всѣ процессы, которые они возбуждали передъ господарями по поводу тѣхъ или иныхъ кривдъ, чинимыхъ воеводами, кievскіе мѣщане вели иногда и открытое наступленіе противъ господарскаго уряда; тогда уже самимъ воеводамъ приходилось жаловаться на „утиски“ отъ своихъ же подданныхъ. Такъ было, напр., въ 1499 г., при Кіевскомъ воеводѣ Дм. Путятичѣ. „Жаловаль намъ очевието на васъ воевода Кіевскій, ки. Дмитрей Путятичъ (читаемъ въ листѣ вел. ки. Александра кievскимъ мѣщанамъ отъ 14/v этого года), штожь который вряды и пошлны биривали на городъ, ино, какъ есмо дали вамъ право Нѣмецкое, и вы дей тын вси вряды и пошлны городекін за себе забрали“. Въ виду этого вел. ки. счелъ нужнымъ дать городу уставную грамоту о воеводинныхъ доходахъ, чтобы предупредить на будущее время возможность посягательства со стороны подданныхъ на доходы и пошлны господарскихъ урядниковъ²⁾.

Не смотря на всю привилегированность своего положенія, сильно выдѣлявшую его изъ массы остального насе-

¹⁾ А. Ю. З. Р. VIII, V, № 59.

²⁾ А. З. Р. I, № 170.

денія всего повѣта, кievское мѣщанство до конца разсматриваемаго періода не успѣло еще окончательно сформироваться, какъ *городское* сословіе. На ряду съ торговлей и ремеслами оно продолжаетъ попрежнему заниматься земледѣліемъ, бортнымъ промысломъ, охотой и т. п. Мѣщанскіе промыслы развиваются, главнымъ образомъ, на почвѣ ухадничества, земледѣліе же—на почвѣ частнаго и общиннаго землевладѣнія. Остановимъ свое вниманіе на послѣднемъ, такъ какъ оно является характернымъ показателемъ того, насколько кievское мѣщанство можно считать приближающимся или удаляющимся отъ типа въ собственномъ смыслѣ городского населенія.

Еще уставная грамота Александра отъ 1494 г. предусматриваетъ возможность мѣщанскаго землевладѣнія, дозволяя „въскогѣль ли бы хто землю пашную, а либо бортную записать къ церкви“, записывать „съ господарскимъ произволениемъ“. Эта возможность оставалась на реальной почвѣ въ теченіе всего разсматриваемаго періода. Кievская мѣщанка Гришковая съ своимъ внукомъ владѣть, напр., цѣлымъ селеніемъ *Бусавымъ*, которое продаетъ въ 1495 г. кievскому ключнику Сеѣнку Полозовичу¹⁾. Кievскій мѣщанинъ Митько Григорьевичъ владѣть за Дѣбпромъ *землею Григорьевскою*, которую въ 1506 г. продаетъ „обѣль вѣчно“ Пустынскому монастырю²⁾. Кievскій же мѣщанинъ Семень Мелешковичъ покупаетъ у Дублянскихъ землю Юрьевскую „обаполь р. Вети“ и отписываетъ ее въ 1563 г., по своему животѣ, Златоверхо-Михайловскому монастырю³⁾. Все это примѣры частнаго мѣщанскаго землевладѣнія; но есть указанія и на корпоративное. Въ длинномъ спискѣ кривдъ, новинъ и тяжкостей, чинимыхъ Кievскими воеводами тамошнимъ мѣщанамъ, какъ мы видѣли, фигурируютъ также и земельныя угодья: островъ и выгоны, сдаваемые подъ распашку⁴⁾. Что мѣщескія угодья этимъ не ограничивались, можно заключить хотя бы изъ того, что при Казимирѣ Та-

¹⁾ Акты Леонтовича I, № 156—Сбор. Малиновскаго, с. 237-8.

²⁾ А. З. Р. I, № 223.

³⁾ А. Ю. Р. I, № 156.

⁴⁾ А. Ю. Р. II, № 108.

гары угнали въ Перекопъ цѣлое стадо коней мѣщанскихъ¹⁾. Воспоминаніе о земляхъ, принадлежавшихъ городу, не было утрачено кievскимъ мѣщанствомъ еще и въ XVII ст. Въ годъ присоединенія Украины къ Московскому государству оно черезъ своего войта съ товарищами представило Алексеѣю Михайловичу роспись тѣмъ землямъ, „которыя предковъ ихъ, мѣщанъ кievскихъ, шляхта поотымывали и маестности себѣ подѣляли“,—числомъ 16²⁾.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что кievское мѣщанство въ своей массѣ еще не сформировалось окончательно въ истинно городское населеніе. Но оно стояло на пути къ этому. Занятіе земледѣліемъ далеко не поглощало всѣхъ или даже—большинства силъ и энергій этой группы населенія. Съ другой стороны, кievское мѣщанство является передъ нами въ роли ремесленно-торговаго и промышленнаго класса. Наиболѣе ранніе документы уже отмѣчаютъ въ средѣ кievскихъ мѣщанъ многочисленныя цехи, состоявшіе въ присудѣ магистрата — лучниковъ, ковалей, чоботарей, золотарей, кравцовъ, кушнеревъ, ковалей, шевцовъ, винниковъ, хлѣбопеконъ, перекупней, рыболововъ, конвессаровъ, постригачей, стрѣльниковъ и плотниковъ³⁾. Для нѣкоторыхъ изъ названныхъ разрядовъ люстрація полов. XVI в. сообщаетъ и цифровыя данныя. Она насчитываетъ въ Кievѣ: 8 чоботарей (домовъ), 5 кушнеровъ, 5 кравцовъ, 10 лучниковъ, 3 ковалей (2 сѣдельниковъ), 2 винниковъ, 2 постригачей и по одному—бондарю, колеснику, стрѣльнику, золотарю и слесарю. Разумѣется, за полноту этихъ данныхъ нельзя поручиться, хотя и они уже до извѣстной степени обрисовываютъ фیزیомію кievскаго мѣщанства, какъ ремесленно-промышленнаго класса.

Гораздо полнѣе ремесленно-промышленное населеніе въ Кievѣ вычислено въ люстраціи 1571 г. Здѣсь мы имѣемъ на 534 человекъ мѣщанъ (семействами), состоявшихъ въ мѣщескомъ присудѣ, 71 ремесленника и 144 промышленника⁴⁾, т. е. гораздо больше, чѣмъ $\frac{1}{2}$. Но и эта классификація не совсѣмъ еще отвѣчаетъ дѣйствительности. Люди убогіе, напр.,

¹⁾ Сбор. Муханова № 22.

²⁾ А. Ю. Р. X, № 13, с. 626.

³⁾ А. З. Р. I, №№ 170 и 207; II, № 3; А. Ю. Р. I, № 68.

⁴⁾ Зр. XX, стр. 22-3.

фигурирующие въ люстраціи подъ разными именами—коморниковъ, гультяевъ и т. п., перечислены безъ указанія ихъ занятій, между тѣмъ они съ чего-то жили: или съ промысла, или съ ремесла, или съ огорода—не иначе. Во всякомъ случаѣ и въ такомъ своемъ видѣ люстрація 1571 г. даетъ намъ представленіе о киевскомъ мѣщанствѣ, какъ ремесленно-промышленномъ классѣ, уже достигшемъ въ этомъ отношеніи значительнаго развитія.

Столько—о мѣщанствѣ.

Что касается социальнаго-правового положенія сельскаго, крестьянскаго населенія, то о немъ можно сказать немного. Судя по древнѣйшей люстраціи, въ началѣ воеводскаго управленія подавляющее большинство населенія Киевскаго повѣта (какъ и др.) состояло въ присудѣ господарскомъ¹⁾. Но въ дальнѣйшемъ начинается усиленная раздача населенныхъ и ненаселенныхъ мѣстъ, которая, или crescendo, привела къ тому, что въ половинѣ XVI в. къ Киевскому замку тянуло всего 3 села (съ Лутавой), а всѣ остальные принадлежали уже частнымъ владѣльцамъ.

Отношеніе сельскаго населенія къ своимъ владѣльцамъ и уряду въ общемъ регулировалось уставной грамотой киевской шляхты, пожалованной кор. Казимиромъ и подтвержденной Сигизмундомъ въ 1507 г.²⁾ По этой грамотѣ, оно состояло въ присудѣ своихъ пановъ и освобождалось отъ нѣкоторыхъ замковыхъ повинностей: обלאвы, подводъ и проч. Въ дѣйствительности же, въ отношеніи господарской службы положеніе владѣльческихъ людей было льготнѣе. Изъ жалобъ киевскихъ мѣщанъ отъ 1523 г. видно, напримѣръ, что владѣльческіе люди уклонялись—конечно, съ согласія своихъ господъ, при покровительствѣ воеводъ—отъ обязанности стеречь и водить пойманныхъ Татаръ, отъ ремонта своихъ дѣльницъ въ острогѣ и проч.³⁾ Въ данномъ случаѣ рѣчь шла о тѣхъ людяхъ, которые проживали при замкѣ. Нечего и говорить, разумѣется, о тѣхъ, которые жили по

¹⁾ Собств. эта люстр. перечисляетъ только госпдар. населеніе; но въ др. документахъ мы имѣемъ указанія и на существованіе владѣльческаго.

²⁾ А. В. Р. II, № 30.

³⁾ А. Ю. Р. II, № 108.

селамъ и селищамъ; вдали отъ замка. Эти послѣдніе имѣли дѣло только съ своими владѣльцами.

Во главѣ повѣта, какъ и всей Киевской земли, стоялъ г. Кіевъ, „съ высоты котораго“, по словамъ извѣстнаго публициста времени Сигизмунда Августа, „видны многія мѣста“¹⁾. Передъ нами этотъ знаменитый городъ выступаетъ съ фizioноміей двуликаго Януса: какъ замокъ, и какъ мѣсто, славное не только по воспоминаніямъ, но и по дѣйствительному своему положенію въ Литовско-русскомъ государствѣ. Kuwen—сказалъ однажды Витовтъ—ein hepht ist von alders aller Russischen landen²⁾.

Киевскій замокъ издавна существовалъ на „горѣ“, занимая сравнительно небольшую часть Старо-киевского плато, господствующую надъ Подоломъ. Во время св. Владиміра граница замка (города) шла отъ Десятинной церкви къ мѣсту преемленія т. уллицъ Львовской и Б. Владимірской (противъ зданія Старо-киевского участка)—тамъ были ворота; отсюда она направлялась къ Трехсвятительской церкви, гдѣ и окончивалась у такъ называемаго „Чортова беремища“—тогдашняго спуска на Подоль. При Ярославѣ Мудромъ пространство замка было значительно увеличено присоединеніемъ къ нему Софійской площади³⁾. Въ границахъ Ярославова города, „у него же врата суть Злата“, Кіевъ, собственно говоря, просуществовалъ до Татарскаго погрома. Кто и въ какомъ видѣ возобновилъ Киевскій замокъ послѣ этого рокового событія, мы не знаемъ, но наши источники застаютъ его уже существующимъ на Киселевскѣ. Контарини, посѣтившій Кіевъ въ 1474 г., т. е. въ началѣ воеводскаго періода (если не считать 30-лѣтняго перерыва при Витовтѣ) говорить о Киевскомъ замкѣ, что онъ „вообще весь сдѣланъ изъ

¹⁾ Михалонъ, с. 61.

²⁾ Cod. epis. Witoldi, p. 780. Изъ литературы о Кіевѣ укажемъ: *Сборникъ матеріаловъ для исторіи и топографіи Кіева*. К. 1874 г.; статьи *Макаловича* во II т. *Собр. соч.*; *Закарскаго* *Описание Кіева* I—II; *Галубова* *О древнѣйшемъ планѣ г. Кіева*, въ XII т. *Чтеній въ Общ. Нестора* лѣт.; *Обзоръ Антоновича*, въ *Трудахъ XI археол. съѣзда*, II, с. 135; *его же* *исслѣдованіе о Кіевѣ* въ *Монogr.* т. I и *возраженія Соболевскаго* въ *Унив.* Изв. 1885 г., VIII.

³⁾ Тогда же граница стараго города была нѣсколько раздвинута въ направленіи Спорыженской церкви и Кудринца.

дерева¹⁾. Это—самое раннее свидѣтельство, какое мы имѣемъ о Кіевской замкѣ изъ даннаго періода.

Изъ времени воеводскаго управления мы имѣемъ уже рядъ документовъ и свидѣтельствъ, которые позволяютъ намъ прослѣдить исторію Кіевского замка на протяжении многихъ десятильѣтъ, до самой уни. Для этого намъ могутъ служить: а) „справозданье“ кор. Сигизмунду о Кіевской землѣ, составленное около 1520 г.; б) люстрація Кіевского замка половины XVI в.; в) Документы Москов. Арх. Мин. Юстиціи, т. I и нѣсколько случайныхъ актовъ. На основаніи этихъ документовъ мы можемъ представить вниманію читателей слѣдующую историческую справку о Кіевскомъ замкѣ въ періодъ воеводскаго управления—до Люблинской уни.

Еще при Кіевскомъ воеводѣ п. Иванѣ Ходкевичѣ (около 1480 г.) кор. Казимиръ посылалъ своихъ людей изъ Подиѣпрскихъ волостей опрaвлять Кіевскій замокъ, подъ руководствомъ городничьяго Шепеля. Замокъ, выстроенный или поновленный этими людьми, въ 1482 г. былъ разрушенъ Менган-Гиреемъ; поэтому немедленно были сформированы новые кадры работниковъ. Былъ посланъ въ Кіевъ воевода Тропкій Богданъ Андрушковичъ въ сопровожденіи людей со всего Великаго Княжества—отъ Смоленска до Браслава и отъ Берестя до Новгородъ—Сѣверска; всего, по словамъ нашего документа, собралось въ Кіевѣ 40 т. войска для охраня работъ и 20 т. топоровъ изъ Подиѣпрскихъ и Задвинскихъ волостей—для ихъ производства. Замокъ, однако, не былъ „добре заробленъ и поставленъ такъ, яко бы мѣло быть“. Поэтому, при Кіев. воеводѣ Юріи Пацевичѣ (1486—9) кор. Казимиръ работою тѣхъ же волостей снова вынужденъ былъ его опрaвлять. На этотъ разъ замокъ былъ уже „добре заробленъ и на мѣстѣ поставленъ“ (при городнич. В. Шепеличѣ). Такъ онъ простоялъ до воеводства Дм. Путятича (1492—504), при которомъ, по приказанію кор. Александра, въ четвертый разъ былъ опрaвленъ людьми Подиѣпрскихъ волостей (при городнич. С. Косинскомъ). Въ пятый разъ

¹⁾ С. 22. Ср. Длугоша: *Arch. Kijowia—in colle, ex quercibus roboribus constructa.*—Lib. I, p. 41.

Кіевскій замокъ былъ такимъ же способомъ опрaвленъ въ началѣ XVI в., при воеводѣ Ю. А. Гольшанскомъ (1508—10) и городничемъ Митькѣ Посткнебталѣ. При Кіев. воеводѣ Ю. Н. Радивиллѣ и городничемъ Мих. Халецкомъ Кіевскій замокъ въ шестой разъ былъ зарубленъ работою Подиѣпрскихъ волостей¹⁾.

Это было въ началѣ правленія Сигизмунда I. Въ срединѣ своего правленія тотъ же король снова возбуждаетъ вопросъ о возобновленіи Кіевского замка. Объ этомъ онъ неоднократно пишетъ къ панамъ рады и, когда уже начались работы возлѣ замка, негодуетъ на своихъ урядниковъ, что „замокъ нашъ Кіевъ еще не добре зробленъ для того, никъ люди наши (по винѣ урядниковъ) зъ волостей Подиѣпрскихъ въ часъ не приходять“²⁾. Съ большимъ замедленіемъ замокъ на этотъ разъ былъ оконченъ, но спустя 13 лѣтъ мы снова видимъ его строящимся, сначала подъ надзоромъ Януша Дубровницкаго (1537 г.), а затѣмъ—Ивана Служки³⁾. При этомъ случилось, между прочимъ, что Свислочьскій державца, кн. Жеславскій, выслалъ для этой цѣли, вмѣсто 60, только 35 топоровъ, безъ дерева, безъ клячь и безъ приставы, вслѣдствіе чего присланные имъ люди послѣ 15 городенъ разбѣжались, оставивъ 35 городенъ непокрытыми⁴⁾. Не смотря на то, замокъ былъ все-таки оконченъ и просуществовалъ въ такомъ видѣ до люстраціи 1552 г. Въ записяхъ Литовской Метрики подъ этимъ годомъ мы встрѣчаемъ отмѣтку о посылкѣ господар. дворянина Андрея Люля въ Русскія волости „на выгонянье людей ку работе замку нового Кіева“; съ тою же миссіей и въ томъ же году, „для огуретва ихъ“, вторично былъ посланъ Матѣей Олехновичъ⁵⁾; нужно думать, что въ концѣ концовъ новый Кіевскій замокъ былъ выстроенъ и оборудованъ. Въ послѣдній разъ Кіевскій замокъ былъ отстроенъ въ 60 гг. XVI в., незадолго до уни.—о чемъ предварительно не мало было говорено на вальномъ Виленскомъ сеймѣ. Но теперь уже господарь от-

¹⁾ *Żr. Malinowskiego II, c. 119—21.*

²⁾ Док. Ю. I, с. 522.

³⁾ А. Ю. З. Р. VIII, V, № 11.

⁴⁾ А. Ю. Р. I, № 109.

⁵⁾ А. Ю. З. Р. VIII, V, с. 92—3.

казался возобновлять замокъ работой исключительно своих волостей, ссылаясь на ихъ разореніе, а также на прецедентъ въ правленіе Казимира, когда Кіевскій замокъ „не одно нашими волостями, але и венги людьми, которми на тотъ часъ у Кіевѣ были“, маршалокъ земскій В. Андрушковичъ „зарубить и то з великимъ трудомъ“¹⁾.

Изъ выше приведенной справки видно, что Кіевскій замокъ, въ среднемъ, черезъ каждые 10 лѣтъ былъ возобновляемъ. Происходило это оттого, что а) самый матеріалъ, который употреблялся на сооруженіе замка, не былъ надеженъ (сосновые брусья), а б)—и это самое главное—замокъ рѣдко „дбале“ былъ „робленъ“, вслѣдствіе случайныхъ подосмотровъ и явныхъ злоупотребленій великокняжескихъ урядниковъ: тамъ нѣтъ „покрытъ“ и черезъ то „каплетъ“, тамъ—„ямы покопаны“, вслѣдствіе чего стѣны не имѣютъ надлежащей опоры,—всѣ эти недочеты способствовали тому, что замокъ или преждевременно гнить, или разваливался. Между тѣмъ Кіевскій замокъ имѣлъ весьма важное значеніе не только для обороны Кіевской земли, но и всего Великаго Княжества. „Боже рачи вховати“—писали однажды литовскіе паня рады по поводу слуховъ о „порозумѣніи“ Турецкаго царя съ царемъ Перекопскимъ о походѣ подѣ украинныя замки,—„Боже рачи вховати, абы ся въ руки непріятельскій мѣлъ достати тотъ замокъ в. м. Кіевъ, который есть какъ ворота всего панства в. м-ти: латвѣй бы было непріятелеви валчити о все панство в. м., такъ, ижъ нигды быхмо яко покою отъ него мѣти не могли, ажо быхмо мѣли домовую и вставичную валку съ нимъ“²⁾.

Кіевскій замокъ находился на горѣ, впоследствии прозванной по имени Адама Киселя, послѣдняго воеводы Кіевского, *Киселевой* (т. Фроловская). Но на одной ли этой горѣ? Закревскій полагаетъ, что—нѣтъ, ибо по его арифметическому вычисленію выходитъ, что эта гора не могла вмѣстить на себѣ всѣхъ замковыхъ построекъ съ ихъ принадлежностями и обитателями³⁾. Но такъ какъ замокъ строился не для мирнаго времени, а на случай осады, то обычныя правила

¹⁾ Док. Ю. I, с. 326—7.

²⁾ А. З. Р. II № 144.

³⁾ Описание Кіева I, 362—3.

гражданской архитектуры и обычныя условія существованія не должны быть принимаемы въ расчетъ при опредѣленіи его помѣстительности тѣмъ болѣе, что люстрація на этотъ счетъ даетъ ясныя указанія. По ея словамъ, отъ полночи къ замку прилегла гора, на имя *Щиковица*; отъ полудня, черезъ ровъ, „где можетъ человекъ каменемъ зъ руки докинути“, прилегла гора на имя *Клименъ* (подѣ Десятинной ц.), а другая тамъ же, подалѣй, на имя *Вадыхальня* (подѣ Андреевской ц.), „але тая остра, можетъ быти унижена копаньемъ“; наконецъ, съ запада, отъ церкви св. Спаса, еще одна гора¹⁾. Документъ такимъ образомъ ясно различаетъ Киселевку отъ Вадыхальниці, какъ двѣ особыя горы, предлагая даже мѣру для униженія одной въ пользу другой,—что очевидно говоритъ противъ гипотезы Закревскаго о якобы позднѣйшимъ раздѣленіи этихъ горъ, первоначально будто бы слитыхъ; и тогда онѣ достаточно раздѣлялись.

Переносъ замка со Старо-кіевскихъ горъ на Киселевку, правительство, очевидно, надѣялось на изолированность этой горы и на ея „прикрость“. Но, какъ впоследствии оказалось, мѣстоположеніе этой горы между другими было не совсѣмъ выгодно. Отъ полуночи, напримѣръ, передъ замкомъ находилась *Щекавица*, также „прикрая“ гора, „з которе видно все посередѣ замъку черезъ стену, бо гора замковая с тое стороны похила на долъ, а въ серединѣ вышина, нижъли по краямъ“. Вслѣдствіе этого, непріятель могъ свободно наблюдать за движеніемъ осажденныхъ и безошибочно наводить на нихъ свои орудія. Столь же удобныя позиціи представляли для него и другія горы, равныя замковой по своей высотѣ. Отсюда, впрочемъ, представлялся выходъ: одну гору можно было раскопать, со стороны другихъ устроить прикрытія „тарасомъ, который бы щитилъ“ замокъ въ часъ небезпечный. Но при тогдашней халатности все было предоставлено на волю судьбы, и никакихъ сооружений для прикрытія замка не было сдѣлано до самаго конца разсматриваемаго періода. Мало того: не были поправлены даже прорѣхи, прорытыя „пльненьемъ песку зъ водою дождевою“.

¹⁾ А. Ю. З. Р. VII, I, с. 107; *Źr. Malinowskiego* II, str. 125—6.

Пространство Киевского замка не показано, но нужно думать, что он занимал всю гору, которая, по вычислению Закревского, представляла поверхность въ 3,200 кв. саж. ¹⁾ На этомъ пространствѣ помѣщалось 133 городни, всѣ „з бланкованьемъ добрымъ, дранницами не тонкими побитымъ, з помосты, з подсабитьемъ, з дверьми, а съ столъбами, гдѣ ихъ потреба“, — и 15 вежъ „з подсабитьемъ а покрытымъ добрымъ, з помосты, съ столъбами, съ стрельбами земляными, середними, верхними, и выведены дахи стѣнные повышей“. Въ замковой стѣнѣ были продѣланы сѣни и коморы для хранения припасовъ, свѣтлица и проч. Въ самомъ замкѣ помѣщалось 3 русскіихъ и одна латинская церкви, два дома церковныхъ, нѣсколько землянскихъ и 30 домовъ сотничкихъ. Для своей защиты замокъ располагалъ полтора десятками дѣлъ снискныхъ (пушекъ) и соответствующими военными запасами, въ родѣ пуль, пороха, селитры, желѣза. Живности въ замкѣ было въ моментъ люстраціи (въ половинѣ XVI в.) 204 солянокъ жита и съ возъ свиного мяса, „што и собаки не едятъ“. Постоянный гарнизонъ Киевскаго замка составляли жолнеры, которыхъ люстрація насчитываетъ 42 дома, но въ дѣйствительности ихъ было гораздо больше, судя потому, что однихъ десятничныхъ домовъ въ замкѣ было 30. Кромѣ того, на случай погони за неприятелемъ, киевскіе мѣщане (по общему положенію) обязаны были „конно и збройно“ выступать въ походъ.

Мѣсто Кіевъ располагалось „въ долѣ подъ замкомъ“, въ направленіи рѣки Днѣпра. Оно имѣло (при Бопланѣ) въ длину, по теченію Днѣпра, 4000, а въ ширину, между рѣкою и горою—3000 шаговъ. Вся эта территория была оточена острогомъ, „досетъ никчемнымъ“. По словамъ позднѣйшей люстраціи (1570), въ мѣстѣ Киевскомъ ни мѣста поряднаго, ни улицъ слушныхъ нѣтъ: просто садятся, jako w lesie, каждому вольно строниться, jako chce i gdzie na którum miejscu chce ²⁾. По словамъ Лясоты—правда, позднѣйшаго писателя

¹⁾ Ор. с. 1, 360.

²⁾ *Жг.* XX, 8. По словамъ Боплана (1648 г.), въ Кіевѣ существовало только три красивыхъ улицы, всѣ же остальные, не будучи ни прямыми, ни дугобразными, извивались на подобіе лабиринта. По изд. Лянскоронскаго с. 5.

но въ отношеніи даннаго вопроса это не имѣетъ большого значенія, — по словамъ указаннаго писателя, мѣщанскіе дома были окружены садами, такъ что городъ въ общемъ имѣлъ довольно раскинутый видъ ¹⁾. Бопланъ дополняетъ эти свѣдѣнія, говоря, что дома въ Кіевѣ выстроены по московскому образцу—рядомъ, довольно низко и обыкновенно въ одинъ этажъ ²⁾. По словамъ Контарини, (1474 г.), хорошихъ домовъ въ Кіевѣ совсѣмъ нѣтъ, такъ что ему приходилось помѣщаться, не смотря на званіе Венеціанскаго посла, въ довольно плохой квартирѣ ³⁾. Обыкновенный способъ освѣщенія—лучина, которая такъ дешева, что за два денарія можно ее имѣть больше, чѣмъ надо для освѣщенія въ самую долгую зимнюю ночь ⁴⁾.

Изъ многочисленныхъ и нѣкогда величественныхъ памятниковъ зодчества въ разсматриваемый періодъ сохранились лишь немногіе, большинство же находилось въ развалинахъ, видъ которыхъ, даже и въ этомъ печальномъ состояніи, поражалъ путешественниковъ признаками былого великолѣтія. Впрочемъ, по свидѣтельству Михалона, и въ разсматриваемый періодъ въ Кіевѣ сохранились церкви, „построенныя съ большими издержками изъ мрамора и другихъ иностранныхъ матеріаловъ, съ кровлями свинцовыми, мѣдными, а мѣстами и позолоченными. Сохранились и монастыри, очень богатые, особенно монастырь *Пресвятой Дѣвы Маріи*, въ тайникахъ и подземельныхъ ходахъ котораго находятся многія гробницы, съ сухими и неповрежденными тѣлами святыхъ, пользующихся у Русскихъ большимъ уваженіемъ“ ⁵⁾. Но большинство того, что сохранилось отъ все-разрушающаго вѣянна времени, находилось за предѣлами новаго Кіева—„въ полѣ“. Подобно оазисамъ въ пустынѣ, выселись надъ Днѣпромъ *Пустынскій* монастырь и *Печерская* Лавра, находившіе себѣ вельможныхъ покровителей среди киевской знати и смиренныхъ, но щедрыхъ жертвователей въ массѣ русскаго населенія. Нѣсколько ближе къ

¹⁾ Матеріалы по исторіи и топографіи Кіева, Отд. II, № 9, с. 18.

²⁾ с. 5.

³⁾ с. 21.

⁴⁾ Бопланъ *Описание* Украины, с. 5.

⁵⁾ с. 69.

мѣсту скромно ютился среди зелени *Спасъ на Берестовѣ*¹⁾, покинутый даже своимъ предстоятелемъ, проживавшимъ обыкновенно подъ замкомъ. Еще ближе, на старомъ городѣ, сохранились: „досыть коштовный костель св. Михаила Златоверхого“—тогда еще *Златоверхо-Михайловскій* монастырь, впрочемъ, далеко не въ прежнемъ своемъ видѣ, и церковь *св. Василя*, едва-ли функционировавшая²⁾. Сохранился, наконецъ, хотя и не вполне, также „костель *св. Софїи*, коштомъ великимъ змурованный“—тогда еще православная церковь, веѣми, впрочемъ, забытая со времени Менгли-Гирея и предоставленная въ добычу стихїямъ³⁾.

На самомъ Подолѣ сохранился *Кирилловскій* монастырь, съ его знаменитыми фресками—и только⁴⁾. 9 изъ 10 церквей, о которыхъ упоминаетъ люстрація, какъ деревянная, не могли сохраниться изъ предыдущаго періода, а были выстроены вновь. Имена ихъ: *Пречистенская* (*Успенская*), *Демидовская* (положеніе ея не извѣстно), *Воскресенская*, *Притиско-Никольская*, *Никола-Горданская*⁵⁾, *Борисоглебская*, *Бялицкая* (въ сосѣднемъ селѣ—Вѣличахъ?), *Рождественская* и *Августинская* (положеніе ея не извѣстно). Къ этимъ 10 церквамъ нужно прибавить еще три замковыхъ, изъ которыхъ намъ извѣстны: монастырь *св. Флора* и *Лаура* и церковь *св. Николая*; о третьей не имѣемъ свѣдѣній⁶⁾. Католики и Армяне также имѣли свои церкви. Изъ католическихъ церквей одна находилась въ замкѣ, а другая (кляиторъ *св. Николая*)—подъ замковой горой (т. Петро-Павловская церковь)⁷⁾. О количествѣ армянскихъ церквей мы не

¹⁾ Такъ мы понимаемъ указаніе люстраціи о существованіи въ мѣстѣ дома *Наберьскаго Спаскаго* (обыкновенно считаютъ двухъ поповъ).

²⁾ Повидному, Васильевскую церковь наблюдали настоятели Притиско-Никольскіе: „подъ Притиско-Никольскій и Васильевскій повѣдиль“—А. Ю. З. Р. I, т. VI, № 14.

³⁾ О костеляхъ *св. Софїи* и *Михаила Златоверхого* см. люстрацію 1570 г.—*Зг.* XX, 6.

⁴⁾ А. Ю. З. Р. I, № 145.

⁵⁾ Соб. люстрація называетъ только двухъ Никольскихъ поповъ, но изъ другихъ документовъ мы знаемъ, что на Подолѣ существовали именно эти церкви. См. А. Ю. З. Р. II, № 110; А. Ю. З. Р. ч. I, т. VI, № 14.

⁶⁾ А. Ю. З. Р. I, № 145 и II, № 145.

⁷⁾ См. грамоту І. Калшира у м. Евгени; Приб. № 6; ср. Воцлана с. 5.

имѣемъ свѣдѣній, но одна изъ нихъ, кажется, называлась *Рождественскою*¹⁾.

Населеніе г. Кіева въ полов. XVI в. состояло:

	Домовъ	Головъ
Мѣщанъ подъ Масдебур. правомъ	173	1211
Мѣщанъ владѣльческихъ	69	483
Мѣщанъ подъ замков. присудомъ	159	1113
Жолнеровъ	75 ²⁾	525
Землянъ	6	42
Казаковъ	?	?
Поповъ	17+	119+
Итого	499+	3493+

Въ отношеніи этнографическаго состава населеніе г. Кіева распредѣлилось такимъ образомъ: вся жолнерская рота, за исключеніемъ 1 Литвина и 2 Русскихъ (Носко Браведъ и Мартинъ Стѣдовъ) состояла изъ Лиховъ; къ нимъ же нужно причислить, судя по именамъ, около 10 мѣщанъ³⁾ и 1 пушкаря (Станиславъ Слосарчукъ). Затѣмъ люстрація называетъ 7 Армянъ (домовъ), 3 Литвиновъ и 1 Нѣмца. Судя по именамъ, среди кїевского мѣщанства было и около 1½ десятка Татаръ; напримѣръ, Охмать Севрукъ, Карой Севрукъ, Черкасъ, Ходяка Кобызевичъ, Хвица Кобызевичъ, Макемъ Кобязовичъ, Вацюръ Поповичъ, Нагай, Шавулл, Малика Борзукъ, Ельбей, Цонка, Митько Скутренко и др. Впрочемъ, въ числѣ сейчасъ названныхъ именъ могли быть и Армяне. Вообще нужно полагать, что, кромѣ отмѣченныхъ уже нами 7 армянскихъ домовъ, ихъ было еще не мало, такъ какъ люстрація говоритъ объ армянскомъ поствѣ и армянскихъ „шпиталяхъ“. Армяне же фигурируютъ и въ уставныхъ грамотахъ кїевскихъ мѣщанъ, какъ величина весьма замѣтная.

Въ до-Монгольскій періодъ Кіевъ славился, какъ міровой торговый городъ, въ которомъ наиболѣе развиты въ

¹⁾ Захревскій Описание Кіева II, с. 859—60.

²⁾ Въ томъ числѣ: 30 десятковъ въ замкѣ и 3 пушкарскихъ (два остальныхъ поименованы въ спискѣ жолнерской роты).

³⁾ Въ числѣ ихъ люстрація называетъ 9 съ именемъ Яцка, 1 Завька Яциничъ, 1 Касдора.

торговомъ отношеніи націи Востока и Запада имѣли свои конторы. Еще даже Пляно—Карпини, посѣтившіи Кіевъ въ 1247 г., векорѣ послѣ Татарскаго погрома, встрѣтили тамъ купцовъ изъ Генуи, Венеціи, изъ Акры и Пизы—изъ Константинополя ¹⁾. Но эти купцы едва-ли уже производили въ Кіевѣ свои торговыя операціи: они попали сюда пробѣдомъ. Съ Татарскимъ погромомъ значеніе Кіева въ міровой торговлѣ, и безъ того сильно подорванное междуособицами князей, окончательно падаетъ. Но все же и въ разсматриваемый періодъ Кіевъ представлялъ изъ себя весьма замѣтную величину, которая выступаетъ передъ нами то съ преобладающимъ характеромъ складочнаго мѣста и торговаго рынка, то съ преобладающимъ характеромъ таможенной заставы.

Кіевъ съ преобладающимъ характеромъ складочнаго мѣста и торговаго рынка выступаетъ передъ нами при удѣльныхъ князьяхъ. На такую именно роль Кіева указывали московскому вел. князю литовскіе послы въ отвѣтъ на рѣчи Михайла Еропкина. „А иные гости заморскіе—говорили они—николи не бывали въ нашей земли далѣй Кіева; до Кіева приѣзживали съ товары и попродавши товары въ Кіевѣ, опять за ся съ Кіева ворочались; бо *давна* бывало, и за отца нашего великъ гостемъ заморскимъ *складъ* бывалъ въ Кіевѣ“ ²⁾. Съ тѣхъ немногихъ купцовъ и каравановъ, которые пропускались черезъ Кіевъ, взымалось мыто въ Кіевѣ и Вышгородѣ, какъ то видно изъ жалобъ Еропкина на стѣсненіе московской торговли. „Напередъ того имали въ Кіевѣ—докладывалъ упомянутый Еропкинъ—тридцатое одно съ воза по 30 гр., да Вышегородского съ саней по 2 гр. А какъ княгини Настасья въ черниці постриглася, и княгини Настасья да кн. Семень прибавли: хто ся перевезетъ въ судиѣ черезъ Нѣпръ, съ того имали другое тридцатое въ Кіевѣ и Вышегородское“ ³⁾.

¹⁾ Ліб. П, сар. IX, р. 216 по изд. Янакова.

²⁾ Сбор. Муханова № 56—с. 129 Матеріаловъ Уляницкаго, изд. въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Др. 1887. III. М-ва. Обращаемъ вниманіе проф. Грушевскаго на настовій документъ, относительно котораго почтенный ученый ошибочно полагалъ, будто его „досі не опубліковано в аутентичній формі“.—Історія VI, с. 17, прим. 1.

³⁾ Сбор. Им. Русск. Ист. Общ. XXXV, с. 9.

Такъ было при Кіевскихъ удѣльныхъ князьяхъ и, по всей вѣроятности, въ первое время управленія воеводъ: торговля Кіева процвѣтала. Но послѣ „каза“ Менгли-Гирея положеніе дѣлъ сильно мѣняется—не въ пользу Кіева. Правда, и въ это время Кіевъ, какъ таможенная застава, продолжаетъ оставаться по количеству собираемаго мыта однимъ изъ главнѣйшихъ центровъ въ Великомъ Княжествѣ, но активная его торговля упала. Говоримъ: упала, но спѣшимъ прибавить: не окончательно, ибо и въ это время Кіевъ продолжаетъ оставаться складочнымъ мѣстомъ для заграничныхъ товаровъ, здѣсь же и распродаваемыхъ, хотя далеко уже не въ той мѣрѣ, какъ прежде. Въ 1498 г., напр., въ отвѣтъ на жалобы московскаго правительства о задержаніи въ Путивлѣ посла Палеяева (со многими гостями) вел. кн. Александръ приказалъ говорить, что московскіе послы „гостей купцовъ проводятъ съ собою мимо наши *головные мыта*, а тамъ, въ нашей земли, въ Кіевѣ и въ Луцку *склады издавна были великъ купцовъ заморскихъ*“ ¹⁾. Насколько значительна была роль Кіева, какъ складочнаго мѣста для всякихъ заморскихъ и даже мѣстныхъ товаровъ, можно судить хотя бы потому, что въ 60 гг. XVI ст., когда были установлены литовскимъ правительствомъ новые налоги на нѣкоторые товары, уже состоявшіе въ обращеніи, а кіевскіе мѣщане не допустили господарскихъ чиновниковъ до выбора этихъ налоговъ, то правительство нечисляло свои убытки на Кіевскомъ складѣ въ 5000 коп. гр. ²⁾.

Но, повторяемъ, что въ періодъ воеводскаго управленія характеръ Кіева, какъ таможенной заставы, выступаетъ на первый планъ. И нужно замѣтить, что въ этомъ отношеніи Кіевъ располагалъ весьма данными для такой именно роли промежуточнаго пункта. Обратимъ вниманіе на его географическое положеніе—на великомъ водномъ пути, по лѣтписной терминологіи—„изъ Варягъ въ Греки“,—на Днѣпрѣ, который являлся и въ разсматриваемый періодъ жизненной артеріей для торговли Востока съ Западомъ,—тѣмъ болѣе, что дороги черезъ поля, въ Заднѣпровьѣ, нѣкогда

¹⁾ А. З. Р. I, № 154—Сбор. Ист. XXXV, № 52, с. 245.

²⁾ Давнаръ—Запольскій Государ. Хозяйство I, с. 503.

проторенныя арабскими купцами, были забыты. „Для всего — говорить Михалонъ, — что привозится изъ Азии, Персии, Индіи, Аравіи и Сиріи на сѣверъ — въ Московію, Псковъ, Новгородъ, Швецію, Данію, — нѣтъ другой болѣе вѣрной, прямой и извѣстной дороги, какъ отъ порта моря Эвксинскаго, т. е. отъ Кафы, черезъ ворота Тавриды и Таванскія перевозы на Днѣпръ, а потомъ черезъ Кіевъ“. Этою дорогою, по словамъ того же писателя, часто отправляются чужестранные купцы караванами, въ коняхъ бываетъ ихъ до 1000, со многими повозками и осѣдлыми верблюдами ¹⁾. Въ частности, отъ Чернаго моря въ Москву, которая въ это время вела весьма бойкую торговлю съ заморскими странами, преимущественно Востока, путь на Кіевъ считался единственно безопаснымъ (поскольку вообще можно говорить о безопасности въ то время) и, съ точки зрѣнія литовскаго правительства, единственно легальнымъ. Фактически можно было ѣздить и черезъ „яловыя поля“, изъ Перекопа прямо на Путивль; но это уже былъ путь нелегальный и за безопасность купцовъ въ этомъ направленіи литовское правительство заранее снимало съ себя всякую отвѣтственность. Тынъ купцы сами себе въ томъ кривы (отказывало оно въ отвѣтъ на жалобы Крымцевъ о погромѣ каравановъ у Санжарова), какъ опустивши дороги свои звечетыи, стародавныи и нейдучи съ товари своими, водле давного обычаю, на замки е. м.: Кіевъ, Черкасн и Каневъ, яко и первой бывало, а нѣшними дорогами новыми незвычайными, где есть великая небезпечность, съ товари своими пошли, а до замьковъ е. м. дорогою старою ни не хотѣли“, — что лишало ихъ права на вознагражденіе убытковъ ²⁾. Насколько важную роль игралъ Кіевъ, какъ таможенная застава, можно видѣть изъ слѣдующей таблицы таможенныхъ доходовъ важнѣйшихъ городовъ Великаго Княжества, которую приводитъ Довнаръ—Запольскій въ своемъ сочиненіи: „Государственное хозяйство вел. кн. Литовскаго при Ягеллонахъ“, с. 559—60:

	Ежегодно кон. гр.		
	1489—92	1495—98	1507—9
Луцкъ	2,100	500	800

¹⁾ с. 67, ср. № 23 Книги Посольской I.

²⁾ Книга Посольская I, № 22.

Владиміръ	140	50	—
Берестье	1,100	700	400
Новгородъ	322	50	—
Минскъ	250	120	200
Ковно	250	250	666
Смоленскъ	200	200	—
Путивль	366	366	—
Кіевъ	950	750	700 ¹⁾

Изъ этой таблицы видно, что и послѣ Менгли-Гиреевой сказы ²⁾ Кіевъ являлся одной изъ важнѣйшихъ таможенъ Великаго Княжества, занимая обыкновенно второе, а иногда — третье мѣсто по количеству собираемыхъ въ немъ таможенныхъ пошлинъ.

Но Кіевъ и въ періодъ воеводскаго управленія отнюдь не игралъ одной только пассивной роли въ заграничной торговлѣ: съ своей стороны, онъ являлся и активнымъ участникомъ въ ней. Въ этомъ отношеніи армянская колонія въ Кіевѣ занимала выдающееся положеніе, въ особенности по торговлѣ съ Востокомъ. По словамъ Гвагвина, армянскіе купцы заѣзжали до Кафы, Константинополя, Александріи, Египта, Алькаира и даже до Индіи киріе завожае і przewoжае ³⁾. Предметами торговли съ Востокомъ служили: ладонъ, фиціамъ, шафранъ, перецъ и др. ароматы; драгоценныя каменья, шелковыя и золотыя шитья, ткани, сафьяны, ковры, тижмы (ботники) тебеньки (лошадиные уборы), чамляты (сукна) и проч. ⁴⁾.

Совершенно особую статью торговли съ югомъ (Перекопъ) составлялъ *аргана*, какъ нужно думать — степныя стада. Скотоводство—главнѣйшее занятіе кочевниковъ вообще, благодаря обилію пастбищъ, можно сказать, процвѣтало

¹⁾ Съ изъятіемъ аргана, „который тыми рыми пришло до Кіева“. — А. З. Р. II, № 1—Докум. и Регест. Бершадскаго I, № 44.

²⁾ До исказы доходы Кіевской таможи, несомнѣнно, были гораздо выше. Пагубное дѣйствіе „исказы поганской“ на доходность кіевскаго мыта констатируютъ и тогдашніе документы. См., напр., контрактъ кор. Казимира съ откупщиками кіевскаго мыта отъ 1486 г. у Бершадскаго: Докум. и Регесты I, № 10.

³⁾ Z Kroniki, с. 201.

⁴⁾ Михалонъ Отрывни, с. 67; Книга Посольская I, № 23; А. З. Р. III, т. I, № 1—Акт. Леопольда II, № 644; ср. достр.

въ Черноморскихъ степяхъ. Съ одной стороны, сами Перекопскіе Татары разводили громаднѣйшіе табуны коней, овецъ и всякаго „быдла“; съ другой—они предоставляли часть своихъ угодій, прилегающихъ къ Бугу, турецкимъ чабанамъ, съ которыхъ за это брали „великую“ десятину¹⁾. Т. о. на югѣ Литвы скоплялась масса аргиша, которая нуждалась въ сбытѣ. И Кіевъ въ этомъ отношеніи являлся однимъ изъ самыхъ видныхъ рынковъ для сбыта аргиша. Это можно видѣть изъ слѣдующаго факта—Въ 1508 г. кіев. мытникъ Шамаку за королевскіе долги (660 коп. гр.) было отдано съ половиною на два года аргишевое мыто; при этомъ сборъ аргиша былъ обставленъ исключительными гарантіями. Когда приговали изъ Кіева аргиши, то мытникъ, не вступаясь въ мыто, обязанъ былъ извѣщать объ этомъ правительство, которое посылало отъ себя особаго чиновника (дьяка); и только послѣ того, какъ этотъ чиновникъ, вмѣстѣ съ мытникомъ, пересчитывалъ аргиши, Шамакъ могъ вступаться въ свои права, какъ мытникъ²⁾. Въ выше приведенномъ фактѣ обращаютъ на себя вниманіе два обстоятельства: во-первыхъ, очень высокая сумма аргишеваго мыта—660 коп. гр., а во-вторыхъ, необычный способъ его сбора—непременно въ присутствіи господарскаго чиновника, тогда какъ во всѣхъ другихъ случаяхъ мытники сами выбирали свои пошлины. Все это свидѣтельствуетъ объ исключительной важности аргишевой торговли для литовской казны прежде всего, разумѣется, а затѣмъ—и для самого Кіева³⁾.

Не малое значеніе въ оборотахъ кіевской торговли имѣла также и соль. Соль Кіевъ привозилъ изъ двухъ мѣстъ: т. н. „бѣлую“, въ головажняхъ—изъ Галича (Каломіи) черезъ Подолье и „снizu“ соль—изъ черноморскихъ озеръ и лимановъ, въ частности—изъ Качибей. „А до Качибей—чита-

¹⁾ Книга Посольская I, №№ 96, 102 и др.

²⁾ А. Ю. Р. II, № 90.

³⁾ За это говорить также и то, что до полов. XVI в. аргишевое мыто изымалось изъ вѣдѣній Кіев. новгородъ при пожалованіи имъ, для пожизненна, всѣхъ другихъ таможенныхъ пошлинъ. Литов. господа пользовались весьма удобнымъ случаемъ даже для изыатія аргишевого мыта изъ вѣдѣній мытничковъ—откупщиковъ: такъ оно было доходно. См. А. Ю. Р. I, № 111; II, 90; А. З. Р. II, № 1.

емъ въ одномъ договорѣ—по соль ѣздити и брать, и водлугъ обычаю стародавняго мыто давати съ Кіева.. мають за сторожею людей нашихъ“⁴⁾. Качибейскую соль вывозили кіевскіе чумаки („соляники“) цѣлыми партіями, которыя назывались „десятками“, складывая ихъ частію въ комяги (родъ барки), частію на возы. Излишекъ соляного привоза отправлялся изъ Кіева вверхъ по Днѣпру и Припяти на Мозырь и дальше⁵⁾.

Положеніе Кіева, какъ пристани на Днѣпрѣ, ниже главнѣйшихъ притоковъ этой рѣки, давало ему возможность выгодно пользоваться системою Днѣпра для торговыхъ сношеній. По Деснѣ, напр., онъ удобно могъ вести торговлю съ Москвою, по Днѣпру—съ Смоленскомъ и Тверью, по Припяти—съ разными провинціями Литовскаго государства. „Много рѣкъ течеть въ Днѣпръ вверхъ и внизъ изъ Литвы, Россіи, Волыни и Московіи, по которымъ привозятъ въ Кіевъ рыбу, мясо, кожи, медъ (и соль изъ Таврическихъ соляныхъ мѣстъ, называемыхъ Качибеевскими)“—говоритъ Михалонъ⁶⁾. Въ частности, мы имѣемъ опредѣленные свѣдѣнія о торговлѣ Кіева съ Тверью и съ Москвою. О торговыхъ сношеніяхъ съ Тверью свидѣлствуютъ договоры Витовта и Казимира съ Тверскими князьями, въ которыхъ Кіевъ фигурируетъ въ ряду наиболѣе развитыхъ въ торговомъ отношеніи городовъ Литовскаго государства (по торговлѣ съ сѣверомъ)—Смоленска и Витебска, послѣ двухъ первыхъ и впереди Дорогобужа и Вязьмы⁷⁾. О торговлѣ съ Москвою говоритъ Венеціанскій посоль Контарини, посѣтившій Кіевъ въ 1474 г. По его словамъ, въ Кіевъ съѣзжается множество купцовъ изъ Великой Россіи съ различными мѣхами, которые они отправляютъ въ Каю съ караванами⁸⁾.

⁴⁾ Книга Посольская I, № 40, А. З. Р. II, № 200. Интересная бытовья подробность: ханъ жалуются, что когда приходять въ Качибей солныики, то „кого сольвекъ потають изъ людей нашихъ, и мають, забиваютъ“.—Книга Посольская I № 18.

⁵⁾ См. листъ 1552 г.

⁶⁾ с. 63.

⁷⁾ А. З. Р. I, № 33=Codex epis. Witoldi № 107=Сбор. Муханова № 1=Skarbiec I, 642; А. З. Р. I, № 51=Сбор. Муханова № 8; А. З. Р. I, № 79=Skarbiec II, № 2024 и др.

⁸⁾ с. 21.

„Въ Кіевѣ есть не мало купцовъ, занимающихся торговлею съ Москвою“ — говоритъ Р. Гейденштейнъ—и добавляетъ, что очень выгодную торговлю производятъ Кіевъ по Днѣпру и Деснѣ, которая за ея глубину прозывается другою половиною Днѣпра ¹⁾. Дополняя того и другого, Михалонъ называетъ слѣдующіе предметы московскаго экспорта, которые происходили по всей Литвѣ, слѣдъ заходили и въ Кіевъ. Это — деревянные чаши и палки для опоры слабымъ, сѣдла, конья, украшенія и различныя оружія ²⁾.

Почти всѣ приведенныя нами указанія на роль Кіева въ торговыхъ сношеніяхъ говорятъ о томъ, что провозилось черезъ него, или что привозилось въ Кіевъ для распродажи. Но было бы большимъ упушеномъ, говоря о значеніи *места* Кіева, ограничиться только тѣмъ, что выше изложено, хотя, съ другой стороны, наши свѣдѣнія объ активной торговлѣ Кіева очень скудны. Оно и понятно, такъ какъ этого рода операціи были менѣе замѣтны для посторонняго наблюдателя, а частныхъ актовъ по этому предмету почти не сохранилось. Тѣмъ не менѣе мы попытаемся извлечь, что возможно, изъ имѣющагося въ нашемъ распоряженіи матеріала для характеристики и этой стороны въ дѣятельности г. Кіева.

Основное богатство того района, который тянулся къ Кіеву, составляли промыслы, въ числѣ которыхъ на первомъ мѣстѣ нужно поставить *бортиничество*. Медь—обычная форма данн въ Кіевской землѣ. Эта дань стекалась въ господарскій ключъ, состоявшій въ завѣдываніи особаго чиновника—ключника, а отсюда, за удовлетвореніемъ потребностей господарскаго скарба, поступала въ продажу. Это — одна сторона. Съ другой стороны, и помимо господарскаго ключа, изъ чистыхъ рукъ, медь поступала въ продажу. Но такъ какъ Кіевъ былъ извѣстнымъ торговымъ центромъ, а кіевскіе мѣщане — довольно предприимчивый народъ, то вѣроятно, что продукты бортичества стекались изъ окрестностей въ Кіевъ и отсюда уже развозились по периферіямъ ³⁾.

На второмъ мѣстѣ, послѣ меда, изъ предметовъ кіевской заграничной (за предѣлами воеводства, а иногда—и

¹⁾ Матеріалы по исторіи Кіева, Отд. II, № X, с. 24.

²⁾ с. 33.

³⁾ А. Ю. З. Р. VIII, V, с. 111; ср. *ibid.*, с. 163.

Великаго Княжества) торговли можно поставить рыбу. Рыба приходила въ Кіевъ, какъ „снизу“, такъ и „сверху“, въ комягахъ и полукомягахъ, въ бочкахъ, на возахъ—рыба свѣжая, вяленая и соленая, рыба разныхъ сортовъ: щуки, корюпа, лещи, сомы, бѣлуги, осетры ¹⁾. Всѣмъ этимъ бассейны Днѣпра въ высокой степени изобиловали. Въ Кіевѣ приведенная рыба обмычивалась и поступала въ продажу — или въ самомъ мѣстѣ, или вывозилась дальше, гдѣ была обеспечена для нея сбытъ. Насколько эта статья кіевской торговли процвѣтала, можно судить по суммѣ рыбнаго мыта которую намъ сообщаютъ иллюстраторы времени унии. *Myto od ryb, króre Dnieprem do miasta i gdzie indziej na Nysz statkami szrednemi prowadza, jakośmy się dowiedzieli, kiedy bywało arendowane, czyniło kop. litew. 200 na każdy rok* ²⁾.

Въ иныхъ случаяхъ Кіевъ могъ торговать и предметами своего ремесленнаго производства. Мы знаемъ, напр., со словъ Литвина, что Кіевляне перѣдко за качибѣвскую соль расплачивались стрѣлами собственной работы (за 10 стрѣлъ можно было купить барку соли) ³⁾. Кіевскіе золотари, кушнеры, рымари и проч. также могли имѣть отъ своего ремесла болѣе или менѣе значительные доходы.

Наконецъ, какъ это ни странно, мы находимъ въ документахъ указаніе и на хлѣбную торговлю Кіева. „Шигъ-Ахмать царь, коли на своей Орде былъ — доносилъ литовскому правительству въ 1506 г. Менгли-Гирей—тогда наши Базаране до Кіева поехали, *жениа купити*“ ⁴⁾. Это можно объяснить только тѣмъ, что Кіевъ закупалъ хлѣбъ въ соседнихъ провинціяхъ — на Подоліи, Волынѣ и въ др. мѣстахъ и затѣмъ перепродавалъ его тѣмъ, кто имѣлъ нужду въ хлѣбѣ. Дѣйствительно, въ документахъ, относящихся къ Доминиканскому монастырю въ Кіевѣ, мы находимъ указанія на довольно широкія операціи кіевскихъ мѣщанъ по закупкѣ хлѣба, далеко превышающія мѣстныя потребности ⁵⁾.

¹⁾ А. З. Р. I, №№ 120 и 170; А. Ю. З. Р. VIII, V, с. 110—11; ср. *ibid.*, 1552 г.

²⁾ Зр. XX, 8.

³⁾ с. 63.

⁴⁾ Сборникъ Оболенскаго, с. 75.

⁵⁾ Описание Кіево-Соф. Собора, Приб. № 5; *Дст.* Д-3, № 129.

Важное значение для определения предметов киевской торговли и самого способа экспортирования их имѣетъ договоръ киевскихъ мѣщанъ съ Печерскимъ монастыремъ о побирании мыта въ с. Навозѣ (ниже устья Пакульки въ Днѣпрѣ). Это мыто взымалось монахами съ повозки или судна „съ товарами, съ живностями, збожьемъ, съ пшеницей, ячменемъ, съ солодами, съ луками, съ мясомъ и съ иными живностями“. Всѣ перечисленные предметы экспортировались по Днѣпру въ комягахъ, полукомягахъ, байдакахъ („великихъ комягахъ“) и челнахъ; иногда два байдака связывались „въ одно мѣсто“, составляя какъ бы „паромъ“; иногда въ подобные паромы соединялись челны; иногда челны самостоятельно выходили въ Днѣпръ. Существовала также и сухопутная перевозка, главнымъ образомъ, зимой: возы шли въ одиночку, чаще—по два-три въ рядъ („подъздка“) „уверхъ до Могилева и далее, або тежъ зверху на низъ“¹⁾.

Вообще киевскіе мѣщане были народъ оборотливый. По словамъ люстратора время у нихъ, они рѣдко сидѣли дома — *wszystey handlami bawą, jeżdżąc do cudzych ziem i państw jk. mei, że inny i w rok w domu nie biędzie*. Въ городѣ оставались только убогіе, которые не въ состояніи были даже выставить и 30 коней для погони за неприятелемъ²⁾.

Въ виду сказаннаго, намъ немного придется прибавить о значеніи Кіева для внутренней торговли. Сюда стекалось, разумѣется, все, что производилось въ странѣ, для обмена на продукты, въ которыхъ нуждались отдѣльныя провинціи и частныя лица. „Который кадо меду або рыбы добудеть, до Кіева возить того продавати и за то себе жыта и иныхъ живностей куповати“³⁾ — таковъ былъ характеръ этой базарной торговли, пускавшей въ оборотъ меду, жыта и ярины, бобры, куницы и лисцы, рыбу свѣжую и вяленую⁴⁾, соль и прочіе товары.

Какъ и теперь водится, провинціальныя продавцы—покупатели собирались въ Кіевѣ въ большомъ числѣ, и купли-продажа рѣдко обходилась безъ характернаго для мало-

¹⁾ Довнаръ-Запольскій Госуд. хозяйство с. 385.

²⁾ Зг. XX, 9, стр. А Ю. З. Р. VIII, V, № 69 (торговля съ Москвой).

³⁾ А. Ю. З. Р. VII, II, с. 367—VIII, V, с. 10; стр. *ibid.*, с. 111.

⁴⁾ А. З. Р. II, № 164.

русской жизни моговичу: по крайней мѣрѣ люстрація 1571 г. застаётъ въ Кіевѣ 58 корчемъ (изъ нихъ 50 мѣщанскихъ), которыя къ концу разсматриваемаго періода давали 800 коп. гр. кащизны¹⁾. Значитъ, были пьющіе не въ маломъ числѣ и по какому-то случаю они шли, такъ какъ Малороссы безъ „оказія“ обыкновенно не любятъ пить. Самая же подходящая оказія въ данномъ случаѣ — благополучное окончаніе торговыхъ сдѣлокъ.

Разумѣется, что при такомъ положеніи дѣлъ Кіевляне отличались зажиточностью, хотя это не мѣшало имъ при случаѣ жаловаться передъ господаремъ на свое убожество. Отъ торговыхъ операцій наживались Кіевскіе воеводы, откупщики, купцы, мѣнялы, лавочники, вошки, корчмари и вообще всѣ, кто сколько-нибудь былъ предприимчивъ, а таковъ именно былъ господствующій духъ городского населенія.

По словамъ Михалона, часто случалось, что „киевскіи хижини, обильныя, впрочемъ, плодами, молокомъ и медомъ, мясомъ и рыбою, но грязныя, наполнялись драгоценными шелковыми тканями, дорогими каменьями, собольими и другими мѣхами и прочимъ, такъ что я находилъ — говорить этотъ бывалый человекъ — шелкъ дешевле, чѣмъ лѣтъ въ Вильнѣ, а перецъ дешевле соли“²⁾. То же подтверждаетъ и Контарини, говоря, что „Кіевъ изобилуетъ хлѣбомъ и всякаго рода мясомъ“³⁾. Этотъ же самый Контарини сообщаетъ намъ любопытныя свѣдѣнія о времяпровожденіи киевскихъ обывателей. По его словамъ, Кіевляне обыкновенно проводятъ утро, до 3 часовъ, въ занятіяхъ, а потомъ отправляются въ шинки, гдѣ остаются вплоть до самой ночи и нерѣдко, напившись дѣньгана, заводятъ между собою драки⁴⁾. Оно и не удивительно: такъ какъ воеводы запрещали горожанамъ освѣщать свои помѣщенія, то имъ не оставалось другого утѣшенія, какъ отправиться въ шинокъ для при-

¹⁾ Зг. XX, 8. Право исключительной виноторговли, подл условіемъ уплаты 800 коп. гр. кащизны, киевскіе мѣщане получили въ 1558 г. Грамоты Антоновича, № 38.

²⁾ с. 67-8.

³⁾ с. 21.

⁴⁾ с. 21.

ательской бесѣды, которая подъ винными парами могла обратиться и въ есору. Времяпровождение высшего общества было изысканіе. Судя по приему Контарини у Гаштольда, здѣсь было въ обычаѣ развлекаться пѣніемъ (хоры), особенно во время ѣды.

Съ одной стороны, роскошь, а съ другой—присутствие восточныхъ гостей, не могли не повліять на нравы Кіевлянъ. Многіе писатели и путешественники того времени, вопреки утверженію Закревскаго¹⁾, заслуживающіе полнаго довѣрія, единогласно свидѣтельствуютъ о распущенности кіевскихъ нравовъ. „Отъ людей, достойныхъ вѣры (между проч. и отъ О. Гаштольда, не разъ бывавшаго въ Кіевѣ) слышалъ я — говорить, напр. баронъ Герберштейнъ,—что дѣвочки рѣдко тамъ сохраняютъ невинность послѣ седьмого года... Купцамъ позволено пользоваться ими, но никакъ не увозить ихъ, ибо, если кто будетъ пойманъ въ увозѣ дѣвицы, тотъ лишается жизни и имущества, если только не будетъ спасенъ милостью князя“²⁾. Это подтверждаетъ и Михалонъ Литвинъ. По словамъ послѣдняго, кто изъ купцовъ былъ захваченъ въ прелюбодѣяннѣ, наказывался въ Кіевѣ конфискаціей имущества. Впрочемъ, надзоръ администраціи за поведеніемъ горожанъ съ теченіемъ времени сталъ ослабѣвать. „Законъ этотъ — продолжаетъ Михалонъ,—называвшійся осмичествомъ, постановленный для обузданія сарацинской похотливости и наблюдавшійся въ продолженіи многихъ вѣковъ, недавно сталъ выходить изъ употребленія“³⁾. Законъ осмичества извѣстенъ и нашимъ актамъ. Въ уставной грамотѣ вел. кн. Александра кіевскаго мѣщанамъ отъ 1499 г., между прочимъ, есть слѣдующая статья о функціяхъ осмника: „Коли осмникъ воеводитъ застанеть котораго мѣщанина або купца, а любо козака христіанина зъ бѣлыми головами непочестныя речи дѣлаючи“, то намѣстнику митрополичьему — вира, а воеводѣ—вина; „а коли осмникъ въ таковыхъ речахъ застанеть гостя Турчина, або Татарина, а любо Ормянина“—тогда вина одному воеводѣ⁴⁾. Если, по мнѣнію За-

¹⁾ Описаніе Кіева I, с. 32—4.

²⁾ Записки о Московіи, с. 158.

³⁾ с. 67.

⁴⁾ А. З. Р. I, № 170. Въ виду документальнаго подтвержденія и

кревскаго, эта статья и свидѣтельствуетъ о чистотѣ тогдашнихъ нравовъ, то ужъ никакъ не кіевскихъ обывателей, а скорѣе—администраціи, и „басень“ о нецѣломудріи Кіевлянокъ, будто бы представленныхъ въ превратномъ освѣщеніи выше названными писателями, обращается въ дѣйствительный фактъ!

Въ разсматриваемый періодъ Кіевъ управлялся — то удѣльными князьями, то — воеводами. О князьяхъ сказано въ своемъ мѣстѣ, а перечень воеводъ представляемъ здѣсь — тѣмъ болѣе, что доселѣ существующіе реестры (послѣдній — у Бонцакаго) изобилуютъ пропусками и неточностями.

Михаилъ Ив. Гольшанскій 1422—33¹⁾;

Юрша, Станко Ганкевичъ 1436—38²⁾;

Мартинъ Гаштольдъ 1471—75³⁾;

Дмитрій Путятичъ—1478⁴⁾;

Иванъ Ходкевичъ 1478—82⁵⁾;

Юрій Пацевичъ 1486—89⁶⁾;

Андрей Александровичъ 1491⁷⁾;

безъ того авторитетныхъ свидѣтельствъ современниковъ и, пожалуй, очевидцевъ, авторъ настоящаго изслѣдованія не считаетъ возможнымъ согласиться съ мнѣніемъ уважаемаго рецензента, будто онъ „слишкомъ уже на вѣру принимаетъ слова Герберштейна о необыкновенной распущенности Кіевскихъ“ (Отзывъ проф. Липиниченко, с. 15).

¹⁾ Cod. dipl. reg. Poloniae et Mag. Ducis Lit. Dogiel, IV, p. 115; Skarbice I, № 80; Собр. лѣт. XVII, 62, 531.

²⁾ Cod. epis. saec. XV, t. I, № 92; А. З. Р. I, № 36.

³⁾ Dingosans XIII, 462, 514; Strykowski II, 272, 280.

⁴⁾ Этотъ Дмитрій Путятичъ во всѣхъ существующихъ реестрахъ дигитаткей и во всѣхъ родословахъ пропущенъ, а между тѣмъ онъ не тождественъ съ одноименнымъ ему вельможей — княземъ временъ вел. кн. Александра, хотя и тотъ также былъ Кіевскимъ воеводой. Этотъ Дм. Путятичъ умеръ около 1479 г., какъ то видно изъ посольскаго акта кор. Казимира, адресованнаго къ Менгли-Гирею: „Послани воеводу Кіевскому кн. Дмитрея Путятича и за тѣмъ зъ Божьего допущенія того слуги нашего доброго кн. Дмитрея Путятича изъ животѣ не стало — Божь его съ того свѣта собрали.“ (Сбор. Муханова, № 22; ср. прим. 81 къ А. З. Р. I).

⁵⁾ Golebiowski Dzieje Polski III, str. 235—6; Собр. лѣт. XVII, 401; VIII, 215; Сурп. 138, 147.

⁶⁾ Акты Леонтовича I, № 41; А. З. Р. I, № 93.

⁷⁾ А. Ю. З. Р. VIII, IV, с. 158.

- Дмитрій Путятинъ II 1492—506 ¹⁾;
 Ив. Ив. Глинскій 1506-7 ²⁾;
 Юрій Мих. Монтовтовича 1507-8 ³⁾;
 Юрій А. Гольшанскій 1508—10 ⁴⁾;
 Юрій Ник. Радивилъ 1511—14 ⁵⁾;
 Андрей Я. Немировича 1515—39 ⁶⁾;
 Андрей Мих. Коширокій—сравца 1541 ⁷⁾;
 Янушъ Ю. Дубровицкій 1542—44 ⁸⁾;
 Владимиръ Ю. Д.—его сравца 1543 ⁹⁾;
 (Ив. Вялькевичъ—намѣстникъ?) ¹⁰⁾;
 Семень-Фридрихъ Г. Пронскій 1544—54 ¹¹⁾;
 Александръ Вишневецкій—сравца 1548 ¹²⁾;
 Григорій Ходкевичъ 1555—59 ¹³⁾;
 Константинъ Острожскій 1559—69 ¹⁴⁾;
 Мих. А. Збаражскій | 1559 и 1563 ¹⁵⁾;
 | сравца его
 Ив. Ѡ. Чарторыскій | 1564—65;
 Ѡ. Тиша—намѣстникъ ¹⁶⁾.

¹⁾ Акты Леонтовича I, № 73; А. Ю. З. Р. I, № 224.

²⁾ А. Ю. З. Р. II, №№ 1 и 7.

³⁾ А. Ю. З. Р. I, VI, № 4; А. Ю. З. Р. II, № 38.

⁴⁾ А. Ю. З. Р. II, № 44; А. Ю. З. Р. I, VI, № 9; и А. Ю. З. Р. I, № 57 ошибочно поименованъ Ю. А. Хойсевичъ.

⁵⁾ А. Ю. З. Р. II, № 102; А. Ю. З. Р. II, № 177. Въ последнемъ изданіи ошибочно поставленъ 1534 г. вм. 1514: ср. Довнаръ-Запольскаго Украинскія староства, с. 22—4, также Spis Bonczaka.

⁶⁾ А. Ю. З. Р. II, № 93; *ibid.* № 195.

⁷⁾ А. Ю. З. Р. I, № 105; А. Ю. З. Р. II, № 214.

⁸⁾ А. Ю. З. Р. I, № 111 = А. Ю. З. Р. VIII, V, с. 462; Собр. лѣт. XVII, 409; Strujkowski II, 399. Въ А. Ю. З. Р. I, VI, № 14 ошибочно поставленъ 1539 г.

⁹⁾ Арх. Сбор. VII, №№ 13 и 14 = Arch. Lub.-Sang. VI, №№ 297 и 299; убитъ Татарами подъ Киевомъ.—Книга Посольская I, № 22.

¹⁰⁾ А. Ю. З. Р. I, VII, № 14—ошибочная дата 1539.

¹¹⁾ Собр. лѣт. XVII, 353; Strujkowski II, 400; Книга Посольская I, № 69.

¹²⁾ Книга Посольская I, № 32.

¹³⁾ Зг. V, 82; Сбор. Малиновскаго, с. 40—2.

¹⁴⁾ Сбор. Малиновскаго, с. 42—4; А. Ю. З. Р. VIII, V, № 79.

¹⁵⁾ А. Ю. З. Р. II, № 134; I, № 156, с. 177.

¹⁶⁾ А. Ю. З. Р. I, № 145; А. Ю. З. Р. VIII, V, № 65.

Кіевскій повѣтъ занималъ довольно обширную территорию по сю и по ту сторону Днѣпра. По сю сторону—на правобережьи—мы находимъ.

Вышгородъ на Днѣпрѣ — городъ Ольжинъ, прославившійся впоследствии мужественной защитой отъ полчищъ Андрея Боголюбскаго ¹⁾. Несомнѣнно, Вышгородъ былъ разрушенъ при Татарскомъ погромѣ, въ 1240 г., но, по всей вѣроятности, возстановленъ Кіевскими удѣльными князьями. По крайней мѣрѣ Длугошъ, дополняя извѣстныя намъ лѣтописныя данныя, говоритъ, что Скиргайло былъ отравленъ in castro Wischegrod, prope Kijowiam ²⁾. Упоминаніе Вышгорода въ числѣ русскихъ городовъ въ отрывкѣ Воскресенской лѣтописи, на который ссылается Дашкевичъ ³⁾, особаго

¹⁾ Ипат. лѣт., с. 38.

²⁾ Lib. X, p. 143.

³⁾ Уния. Изв. VIII, 335-6; Замѣтки, с. 40-50. Кстати—объ этомъ отрывкѣ существуетъ въ нашей литературѣ совершенная неопредѣленность. По Малиновичу (I, 678, 695 и др.), онъ составленъ въ концѣ XIV в.; по Дашкевичу, это могло случиться только послѣ смерти Витовта. Почтенный ученый находитъ возможнымъ даже допустить, что упомянутый отрывокъ „включаетъ въ себя разнообразныя вставки“ позднѣйшихъ редакторовъ. Но развѣ это такъ, то откуда же берется его авторитетность? Антоновичъ въ этомъ отношеніи гораздо послѣдовательнѣе. Объяснивъ, что отрывокъ Воскр. лѣт. „приложенъ къ ней въ качествѣ общаго перечня всѣхъ городовъ, упомянутыхъ въ лѣтописи одновременно (Моногр. I, 55), онъ совершенно отказывается отъ пользованія имъ въ качествѣ источника. М. Грушевскій, которому были извѣстны оба послѣднихъ взгляда, склонился то къ ту, то къ другую сторону, не пришедъ ни къ какимъ положительнымъ выводамъ, хотя и заявляетъ, что въ разсматриваемомъ отрывкѣ есть нѣсколько разновременныхъ наслоеній (Очерки, с. 17-8, 51-2). По нашему мнѣнію, этотъ отрывокъ дѣйствительно состоитъ изъ разнообразныхъ вставокъ и наслоеній, которыя можно свести къ двумъ источникамъ: лѣтописному и современному. Изъ старыхъ лѣтописей сюда могли попасть такіе города, какъ *Дзержь, Юрскъ, Трениль, Перельченъ, Перельскъ Русскій, Гливарскань, Остречскій* (если угодно, можете не раздѣлять запятой) и др. О нѣкоторыхъ изъ этихъ городовъ мы еще будемъ вести рѣчь особо.

Вторымъ источникомъ отрывка Воскр. лѣт., какъ мы сказали, служили современныя данныя, насколько они были извѣстны его редакторамъ. Такимъ образомъ могли въ немъ появиться: *Сменгородъ, Утешиковъ, Пески Косма, Ховскъ, Городокъ, Жолмажъ, Ховлянка, Брелавъ, Пшавъ, Замигородъ, Черкассы* и проч. Но и эти данныя не были внесены въ отрывокъ одновременно. Одни изъ названныхъ въ немъ

довѣрія не внушаетъ, но, вопреки Грушевскому¹⁾, нужно думать, что въ концѣ XV в. Вышгородъ еще существовалъ, какъ населенный пунктъ: тамъ была таможня и собиралась пошлина съ проходившихъ мимо каравановъ и купцовъ²⁾.

С. Петровцы—на Дѣбурѣ. По лѣтописи половины XVI в. въ Петровцахъ было населенія 16 человекъ, полнившихъ разнообразную службу на замокъ и платившихъ дани на разные монастыри и церкви, между другими—на церковь св. Спаса и монастырь св. *Николаи Межигорскаго*. Спасская церковь—приходская въ Петровцахъ, а монастырь *Николаи Межигорскаго* перенесенъ сюда изъ Межигорья (3 вер. выше Вышгорода), вѣроятно, послѣ Менгли-Гиреева вынута. Изъ достопримѣчательностей этого монастыря извѣстно на-престольное Евангеліе, пожертвованное ему Юріемъ Слупкимъ въ 1500 г. (утеряно). Спуетя около полувѣка, подобное же пожертвованіе сдѣлалъ тому же монастырю и Андрей Полозъ. Евангеліе, пожертвованное Полозомъ, до сихъ поръ сохраняется въ библіотекѣ Кіево-Соф. собора, съ помѣткой жертвователя: „Въ лѣто 7054 ш/8, инд. 4 положилъ есмь сіе Евангеліе въ монастырь Межигорскій, на престолъ св. Ми-

городовъ, какъ напр., *Черниговъ, Брестъ, Новгородъ-Сѣверскій* въ числѣ кіевскихъ могли оказаться только при Святигайлѣ; другіе, какъ напр., города восточной Подолія, въ томъ числѣ—*Звенигородъ* и *Черкассы*—могли оказаться въ числѣ польскихъ городовъ только послѣ уніи. Предположеніе Грушевскаго, выдуманное специально для реабилитации отрывка, будто бы въ послѣднемъ обстоителствѣ играла роль передача Браслава Польскъ Бѣдкомъ Несвицкимъ въ 1434-5 г. (Очерки, с. 18), не можетъ быть принято, во-первыхъ, потому, что это былъ мнимый фактъ, а во-вторыхъ, потому, что Черкассы и, пожалуй, даже Звенигородъ Браславу не подчинились, въ особенности въ то время: Черкассы и Звенигородъ именованы въ спискѣ городовъ Святигайла, составленномъ, по несомнѣннымъ признакамъ, именно въ 1432-5 гг. Допустить же, что авторъ(ы) Воскр. отрывка впали въ ошибку вследствие незнанія современныхъ ему административно-политическихъ отношеній Польши и Литвы означало бы лишить упомянутой отрывокъ всякой авторитетности, т. е. сдѣлать то же, что и мы, только по др. основаниямъ.

Итакъ, отрывокъ Воскр. лѣт. мы дражимъ принять сборомъ разновременныхъ наслоеній и вставокъ, даты которыхъ мы не можемъ установить, а потому и научное пользование имъ не допустимо.

¹⁾ Очерки, с. 481.

²⁾ А. З. Р. I, № 120; Сбор. Исч. XXXV, 9.

колы рабъ Божій Андрей Полозъ. Кто бы мелъ сіе Евангеліе съ монастыря св. вяти, тотъ розсудится на томъ свѣтѣ". На этомъ Евангеліи тогдашнимъ игуменомъ *Николаи Межигорскаго* Адрианомъ сдѣлана запись о денежной и медовой дани на монастырь съ разныхъ отчинъ, списанная съ прежняго изветшавшаго Евангелія. Изъ другой приписки на томъ же Евангеліи мы узнаемъ, что совершеніе Межигорскаго храма св. Спаса съ храмомъ св. *Николаи* и свв. апостоловъ Петра и Павла стало въ 1555 (?) году, при Межигорскомъ игуменѣ *Онуфріи*¹⁾. Сохранилась грамота кор. Сигизмунда I отъ 8/ш 1523 г., которая даетъ нѣкоторые указанія относительно судьбы этого захудалаго монастыря въ разсматриваемый періодъ. Изъ нея мы узнаемъ, что въ означенномъ году „игумень съ Кіева“ *Михайло Щербина* просилъ короля, „абыхмо ему дали монастырь, прозываемый Межигорскій, зложенъ св. Спаса и придѣлы до него належаніе—св. *Николаи* и свв. апостолъ Петра и Павла, который монастырь неподалеку Кіева вверху Дѣбуромъ, на сей часъ ввустъ лежитъ“. О томъ же просили господаря и нѣкоторые кіевскіе бояре. Въ отвѣтъ на ихъ челобитье король пожеловалъ *Михайлу Щербинѣ* тотъ Межигорскій монастырь, со всѣми его принадлежностями, подъ условіемъ, что жалувный „маеть тамъ монастырь збудовати и общину въ немъ справити, подлѣ ихъ закону греческого, по тому, какъ и по инымъ монастыремъ“. При этомъ игумень Межигорскаго монастыря освобождался отъ городского мыта и обѣтки „отъ своего збожя, которое собѣ на живность отколь кольвекъ будетъ провадити“. Тою же грамотою, адресованною на имя Кіевского воеводы *Андрея Немировича*, господарь бралъ имѣющей устроиться монастырь на себя, господаря, освобождая его отъ подаванья, какъ воеводу, такъ и митрополитовъ: „а то есмо учинили для того, ижъ дей тая церковь Божія отъ вынута Кіевского опустѣла, и хваны Божои въ немъ не было“²⁾.

¹⁾ См. Максимовича „Сказаніе о Межигорскомъ монастырѣ“—Собр. соч. II, 226. Отсюда черпаетъ свои свѣдѣнія и *Закревскій*—Описание Кіева II, 459-60.

²⁾ А. З. Р. II, № 121.

По люстраціяхъ 1570—71 гг. Петровцы—незначительная деревушка, съ населеніемъ въ 5 дымовъ, платившая медовую и грошевую дань ¹⁾.

С. Бѣличы. Въ Киевской люстраціи упоминается домъ попа Бѣличкаго. Полагаемъ, что приходъ этого попа былъ въ с. Бѣличахъ, а въ Киевѣ—только убѣжище на случай непріятельскаго нашествія.—*Г. Балгородка* на Ирпени—лѣтописный Бѣлгородъ ²⁾. Въ 1474 г. въ „Бѣлиграохъ“ Контарини нашель бѣлый замокъ съ королевскимъ дворцомъ, въ которомъ ему пришлось провести весьма неспокойную ночь ³⁾. Изъ уставной грамоты вел. кн. Александра видно, что во второй половинѣ XV в. въ Бѣлгородѣ была таможня, собиравшая мыто съ проѣзжихъ купцовъ ⁴⁾. Въ первой половинѣ XVI в. мы встрѣчаемъ Бѣлгородку во главѣ недѣли, отбывавшей службу при Киевскомъ замкѣ ⁵⁾; но въ 60 гг. этого столѣтія она уже находилась въ распоряженіи кн. Острожскихъ. Кн. К. К. Острожскій, *державца Балгородскій*, въ 1565 г. ограничиваетъ селище Глеваху, купленное Михайловскимъ монастыремъ у одного киевскаго землянина ⁶⁾.—*С. Гатное*—при вершинѣ ручья Ветя. Въ 1000 г. намѣстникъ Путивальскій В. Ф. Глинскій, по просьбѣ своей тетки, смиренной инокини Гавтелины, пожертвовалъ имѣніе Гатное въ Киевск. пов., „со всемъ тымъ, што къ тому имѣнію при-слухало, окромѣ людей, што въ томъ имѣніи добровольнии есть похожи“—Николо-Пустынскому монастырю ⁷⁾.—*Гнилецъ* (Володарка)—подъ Киевомъ. Иадавна здѣсь существовалъ монастырь, съ каменной церковью во имя пресвятой Богородицы, заложенный еще Метиславомъ Владиміровичемъ (1125—32). При нашествіи Татаръ монастырь подвергся разрушенію, и иноки вынуждены были искать себѣ убѣжища въ одной пещерѣ. Съ теченіемъ времени самые грунты запустѣвшаго монастыря перешли во владѣніе митрополичьей

¹⁾ Зг. XX, с. 6, 23.

²⁾ Ипатск. л. с. 53.

³⁾ с. 20-1.

⁴⁾ А. З. Р. I, № 120.

⁵⁾ А. Ю. Р. II, № 124.

⁶⁾ Закревскій Описание Киева II, 514.

⁷⁾ А. З. Р. I, № 178.

каедры. Въ 1504 г. игумень Выдубицкаго монастыря Іякимей, поддерживаемый Киев. воеводой Андреемъ Немировичемъ и Печерскимъ архим. Антоіемъ, просилъ у Киевскаго митрополита Іосифа „землицы Гнилецъ, гдѣхъ издавна былъ монастырь, штохъ держалъ набожчикъ Микула Паньковичъ“. Довѣдавшись, „штохъ дей съ тою земли монастыря Гнилецкаго нѣкоторое службы и подачекъ намъ нетъ, а шкоды тежъ нѣкоторой нету“ ¹⁾, митрополитъ удовлетворилъ просьбу челобитчика. Съ этого момента „держана была та земля немалый часть къ тому св. монастырю“, пока не была отнята „безъ воли и вѣдомости“ митрополита его Софійскимъ намѣстникомъ Еськомъ Прокоповичемъ. Но въ 1564 г., по просьбѣ игумена Феофила, митр. Сильвестръ снова возвратилъ Гнилецъ Выдубицкому монастырю „со всемъ на все, какъ ся та земля зъ давнихъ часовъ со всеми пожитки въ собѣ маєтъ“ ²⁾.

С. Сѣряковъ (т. Сѣряково городище, по Антоновичу—лѣт. Звенигородъ), „лежачее у повете Киевскомъ, у дву мильхъ отъ Киева, надъ рекою и обополь р. Котовки“,—въ 1465 г. было пожаловано Киев. кн. Семеномъ Одельковичемъ кн. Юрію Борисовичу. Юрій Б. продалъ Сѣряковъ Ивану Игнатьевичу Ельцу, отъ котораго, по раздѣлу между его сыновьями—Яцкомъ и Феодоромъ—онъ достался (1535 г.) послѣднему. Отъ Феодора Ельца Сѣряковъ перешелъ затѣмъ къ его сыну—Димитрію, который, пользуясь „ухвалою“ Берестейскаго сейма, „иъ каждому шляхтичу волю именами своими шафовати и кому хотячи отдати, продати, не смотречи третее части, але все уадоимомъ“,—продалъ Сѣряковъ за 60 коп. гр. личбы и монеты литовской десятнику Марку Поплавскому. 15/хІ 1571 г. эта сдѣлка была занесена въ Киевскія городскія книги ³⁾.

На ю.-з. отъ Киева раскинулись обширныя имѣнія митрополичьей каедры—цѣлыхъ 7 селъ, изъ которыхъ нѣкогда „выхаживало на службу господарскую 146 человекъ люду панцерного“, но ко времени люстраціи уже запустѣвшихъ (1552 г.) Это были села: *Попадичи, Рославичи, Яковичи,*

¹⁾ Максимовичъ Соч. II, 293-4; Закревскій опис. сит. I, 233.

²⁾ Максимовичъ II, 290-300; Закревскій I, 238.

³⁾ Докум. Грушевскаго XI, № 4.

Юрьевичи, Невеселово, Иванковичи и Куликовъ. Нѣкоторые изъ нихъ впоследствии были вновь заселены и до сихъ поръ фигурируютъ на картѣ Киевской губ., нѣкоторыя же исчезли — одни безслѣдно, мѣстоположеніе другихъ можно установить на основаніи документальныхъ данныхъ. До сихъ поръ существуютъ: *Рославичи, Янковичи и Юрьевичи*; безслѣдно исчезли *Попадичи*; можно установить мѣстоположеніе *Невеселова, Куликова и Иванковича*. Положеніе Невеселова (и Иванковича) достаточно опредѣляется грам. Андрея Боголюбскаго: „изъ р. Бугаевки въ яругу, тою яругою на *Невесело* поле въ долину глубокую, отъ той долины черезъ поле на курганъ на *Невеселомъ* поли... на р. Стугну до с. Васильевского Петричина“, — т. е. приблизительно возлѣ Хавбинова или на его мѣстѣ. По сообщенію съ Невеселовымъ было и Иванково „съ церковью и млиномъ на Стугнѣ“. Положеніе Куликова опредѣляется другимъ документомъ — запродажной Д. Ельца на с. Сѣряковъ. Тамъ мы встрѣчаемъ, между прочимъ, долину *Куликову* по теченію р. Котовки.

С. Лѣсники — существовало уже въ концѣ XV в. Именно, въ 1498 г. п. Семенъ Сколовичъ обязался за себя и за своихъ потомковъ платить въ пользу Печерскаго монастыря по 2 копы гр. съ имѣнія *Лѣсниковъ*¹⁾, изъ чего можно заключить, что уже тогда Лѣсники имѣли нѣкоторое населеніе. Постепенно разрастаясь, Лѣсники въ XVI в. обратились въ мѣстечко, съ храмомъ во имя Преображенія. На рукописномъ Октоихѣ, хранящемся въ библиотекѣ Выдубицкаго монастыря, имѣется, между прочимъ, слѣдующая надпись: „Я рабъ Божій Михайло отъѣнилъ (?) сію книгу Охтай за власныя гроши: за 3 коп. и 23 гр. литовскихъ въ мѣстахъ Лѣсникахъ до храма Преображенія Божого“²⁾. — *С. Гвоздовъ.* Въ записяхъ о денежныхъ и медовыхъ даяхъ въ пользу св. Софій упоминается земля *подъ Гвоздомъ* — Хрестецъ, съ которой шло ведро меду³⁾. Въ 1514 или 1529 г. староста Черкасскій и Капневскій Евстафій Дашкевичъ, „бдучи на господарскую службу“, записалъ свое властное отчизное селеніе

¹⁾ С. Голубевъ „Кіев. митр. Петръ Могила и его сподвижники“, 1883. Прилож. къ т. I, с. 12 и 15.

²⁾ Похилевичъ Уѣзды, с. 107.

³⁾ А. З. Р. I, № 26.

Гвоздово Киевскому Пустынскому монастырю¹⁾. — *С. Козинъ* — при р. Ржавецъ, въ сторожѣ отъ Дибѣра; упоминается въ первый и послѣдній разъ по случаю спора Михайловскаго монастыря съ Кіев. воеводой Дм. Путятичемъ о владѣніи лугомъ Кораблица, „близъ с. Козина и р. Ржавецъ“²⁾. — *С. Глевахъ* — на р. Глевахѣ. По древнѣйшей люстраціи Киевской земли, въ Глевахѣ было 8 человекъ населенія, которые „на толоку хаживали до Белогорода, а иного ничего не знали“. О дальнѣйшей судьбѣ этого селенія мы не имѣемъ свѣдѣній вплоть до 60 гг. XVI ст. Въ 1563 г. селеніе Глевахъ было куплено Михайловскимъ монастыремъ у кiev. землянина Семена Гришковича и его жены — Грабянки, Софій Петровны, за 30 коп. гр. литовскихъ и подтверждено за нимъ листомъ Сигизмунда Августа³⁾. — *С. Подгорцы* — на верховьяхъ р. Тихани (слѣва въ Стугну). Судя по завѣщанію Семена Мелешковича отъ 1563 г., хранящемуся въ библиотекѣ Кіево-Михайловскаго монастыря, с. Подгорцы первоначально принадлежало кiev. землянину Богушу Павшѣ, который заложилъ его Мелешковичу за „позыченныя“ деньги, а этотъ послѣдній завѣщалъ П. Николо-Пустынскому монастырю, съ правомъ выкупа его настоящими владѣльцами⁴⁾. — *С. Безрадичи*, на той же рѣкѣ, ближе къ Стугнѣ. Грамотой Богуша Корецкаго (1548 г.), хранящейся въ библиотекѣ Кіево-Печерской Лавры, Безрадичи пожертвованы этому монастырю, со всеми своими угодьями⁵⁾. — *С. Бугаевка* на р. Утеи (въ Стугну). Въ 1495 г. это селеніе купилъ Кіевскій ключникъ Сенько Полозовичъ „со всемъ, што здавна къ тому селенію прислухало, въ мѣщанки кievское, у Гришковое, въ старици, на имя въ Настасьи, и ее внука, у Васка Панковича, за 200 коп. широкихъ грошей чешское монеты, а польское личбы, личачи по 60 гр. въ кону“. Эта купля была подтверждена вел. кн. Александромъ 20/1 того же года⁶⁾. О дальнѣйшей судьбѣ Бугаева не имѣемъ свѣдѣній.

¹⁾ А. З. Р. II, № 89.

²⁾ Кіев. Епар. Вѣд. 1908 г, № 24; Ср. Закревскаго оп. с. II, 509.

³⁾ А. Ю. Р. I, № 156.

⁴⁾ Похилевичъ Уѣзды, с. 109.

⁵⁾ Уѣзды 113-14; Голубевъ Петръ Могила, Прилож. къ т. I, с. 15.

⁶⁾ Акты Леонтовича I, № 156 = Сбор. Малиновскаго, с. 297-8.

Обширныя пространства земли, „обанолъ вверхъ и на подолъ р. Стугны“, начиная отъ верховьевъ Веты на сѣверѣ и кончая верхнимъ теченіемъ р. Рута, ниже Перепята и Перепятихи — на югѣ, были пожалованы по подложной грамотѣ Андрея Боголюбскаго Киево-Печерскому монастырю „со всѣми гражданами и ихъ поплаты и повинностями, со всѣми людьми поселеными и со селами и селищами, полями и пашнями, съ пасѣками, сѣножатями, дубровами, борти и лѣсами, рѣчками, озерами и прудами, со десятинами со всякой пашни въ годъ же годъ, и на третій годъ отъ пчолъ, говядь всякихъ десятое, съ тратьбою и погосты, съ бояры путными и паробками людьми“, — словомъ „со всемъ, яко тая земля здавна соби-маеть“. На этой территоріи въ той же грамотѣ указаны:

Г. *Васильковъ* — на Стугнѣ. — С. *Петричицъ*, которое Яблоновскій, слѣдуя за Похилевичемъ¹⁾, локализируетъ на мѣстѣ т. с. *Барахты*, но которое въ дѣйствительности находилось на устьѣ р. Барахты въ Стугну („съ млинами на Стугнѣ“). — *Ивашково село*, съ церковью и млиномъ — на Стугнѣ же. — С. *Колбасино* — въ границахъ Васильковскихъ. — С. *Гуляники* — на верховьяхъ Стугны. — С. *Перетворье* съ церковью — на р. Перетворкѣ. — Селище *Чмелево*, на р. Ольшаницѣ „въ заходами и пасѣками тамо сущими Василевскими“. Наконецъ, с. *Соловевичъ*, т. Соловника при расширеніи Протоки. О нѣкоторыхъ изъ выше названныхъ селъ слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ особо, насколько позволяютъ документальными данными.

С. *Гуляники*, на границѣ полей и лѣсовъ. По народному преданію, на мѣстѣ Гуляникъ нѣкогда стоялъ г. *Мима*, населенный Греками. Во время татарскихъ набѣговъ этотъ городъ будто бы запустѣлъ, а мѣсто его стало называться пустыми городищами. Эти городища съ теченіемъ времени стали заселяться — возникли Гуляники. Въ удѣльный періодъ „Гуляники на Стугнѣ“ были подтверждены Одельмомъ Владимировичемъ Михаилу Юрьевичу, Половцу де Сквиря. Впоследствии Гуляники не нѣвѣстно какимъ образомъ попали въ руки Печерскаго монастыря, за которымъ подтвер-

¹⁾ Зг. XXII, 174, 177; Сказанія Похилевича, с. 486.

ждены Семеномъ Одельковичемъ по подложной грамотѣ Андрея Боголюбскаго. Въ то время въ Гуляникахъ было 11 слугъ во главѣ съ атаманомъ, которые „на войну хаживали, а подымщину на 3-ій годъ давали за вел. кн. Витовта“¹⁾. По нашествіи Менгли-Гирея, несомнѣнно, Гуляники запустѣли и, какъ *bonus pullius*, были пожалованы кор. Александромъ киевскому Армянину Филиппу Ивановичу, но Ивашковичи были не въ состояніи фактически освоить Гуляники; поэтому мы видимъ, что въ 1560 г. Киев. воевода К. Острожскій жалуетъ „пустыню“ Гуляники нѣкому Мотовидлу „на осадництво“. По имени этого Мотовидла Гуляники и прозваны впоследствии Мотовидловка, подъ какимъ именемъ, съ опущеніемъ буквы *ѣ*, извѣстны и до сихъ поръ²⁾.

С. *Чмелево* — на р. Ольшаницѣ (т. Тростинка), пожалованное по подложной грамотѣ Андрея Боголюбскаго Киево-Печерской Лаврѣ, съ теченіемъ времени перешло на господаря и было передано въ другія руки. Нужно думать, что передъ тѣмъ оно запустѣло и, при новомъ заселеніи, получило названіе по имени своего владѣльца — Гридка. Въ 1507 г. земиниъ Сенько Гридковичъ, „не маючи по себѣ потомства, записалъ на церковь Божію св. Николѣ Пустинскому село, лежащее въ повѣтѣ Киевскомъ, на имя Гридково, у полѣ, на верху Ольшаницы“. Это село, по словамъ Сенька Г., онъ выслужилъ на Жигимунтѣ Олбрыховичу, старостѣ Житомирскомъ (?)³⁾. — С. *Соловевичъ* (т. Соловника, на расширеніи Протоки-Рута), наданное по подложной грамотѣ Киево-Печерской Лаврѣ, впоследствии возвратилось также на господаря и было пожаловано кому-то изъ Суриновыхъ, которымъ и принадлежало въ полов. XVI в. (люстр. Овруч.). Василий Трипольскій, женившись на Соломонидѣ Суриновой, взялъ, между прочимъ, вѣномъ и половину Соловевички, въ Киев. пов.⁴⁾

Сс. *Игнатово* и *Игнатовцы* на Стугнѣ — одно близъ ея устья (т. Злодѣвка), а другое не извѣстно точнѣе, въ какомъ мѣстѣ, но нужно думать, что поблизости. Въ 1541 г.

¹⁾ А. Ю. З. Р. VII, т. II, № 1.

²⁾ Słownik VI, 742-3; Похилевичъ Убавы, с. 475-6.

³⁾ А. Ю. З. Р. ч. I, т. VI, № 6.

⁴⁾ Słownik XII, 534;

кор. Сигизмундомъ были подтверждены разныя фундуши на Выдубицкій монастырь, въ томъ числѣ — „старосты Черкаскаго и Каневского, небожчика п. Остафея Дашкевича, селище *Игнатковцм*, выслуга отца его“, и Зиновія Еггодлаевны Яцковича Елцевича, „селище на Стугнѣ, на имя *Игнатова*“¹⁾. Впоследствии то и другое было отнято у Выдубицкаго монастыря Дѣдковичами Трипольскими, о чемъ узнаемъ изъ подлиннѣйшей челобитной малороссійскаго духовенства царю Алексею Михайловичу, 1654 г.²⁾ — С. *Солтаево* — на Стугнѣ, выше Василькова — Солтановка? Въ началѣ XVI в. (1518 г.) 2 человека въ Солтаевѣ принадлежало Суриновымъ³⁾.

Лукавица и проч. Въ 30 г.г. XV ст. кн. Свирягаило пожаловалъ своему стороннику Станку Гавковичу Юршѣ, воеводѣ Киевскому, обширныя пространства земли „въ Киевскомъ повѣтѣ надъ рѣчкою Лукавицею, Стугною, и Бобрницею“, съ населенными мѣстами: *Лукавицею, Веприкомъ, Хворощней* и *Главагою* (позже Германовка). По смерти Юрши, эти имѣнья перешли къ его сыну — Ивашку Юршичу, намѣстнику Владимірскому⁴⁾, у котораго были отняты Олелькомъ Владиміровичемъ. По этому поводу разыгрался неприятный для Киевскаго князя инцидентъ, въ результатѣ котораго упомянутыя имѣнья остались все-таки за своимъ отчичемъ⁵⁾. Въ нашествіе Менгли — Гирея всѣ четыре населенныхъ пункта были опустошены, такъ что наследникъ Ивана Юршича, за Олехномъ Дорогостайскимъ, достались только „впустѣ лежація селища“. Оставаясь, за отсутствіемъ у Юршичей мужскаго потомства, въ родѣ Дорогостайскихъ, эти селища перешли за гѣмъ къ Петру Олехновичу — литовскому кукмистру (1499 г.), отъ котораго прозвались *Кукмистровщиной*. По смерти Петра, Кукмистровщину наследовалъ его сынъ — Николай, оставившій четырехъ сыновей: Николая, Петра, Станислава и Яна. По раздѣлѣ между ними, въ 1550 г., Кукмистровщина досталась младшему — Яну, который, однако,

¹⁾ А. Ю. З. Р. ч. I, т. VI, № 15.

²⁾ А. Ю. З. Р. X, № 16.

³⁾ Arch. Lub-Sang. III, № 187; во II кн. Суд. дѣлъ № 297 — *Солтаево*, что больше подходит къ Колтаево надъ Россью.

⁴⁾ А. Ю. З. Р. VII, I, с. III.

⁵⁾ Докум. Грушевскаго XXXII.

вскорѣ умеръ, оставивъ малолѣтняго наследника — Павла, подъ опекой дяди — Петра Н. Дорогостайскаго. Этотъ опекунъ, выслалъ своего племянника за границу учиться, по ложному слуху о его смерти продалъ Кукмистровщину кн. Острожскому, что послужило поводомъ для продолжительной тяжбы заинтересованныхъ сторонъ, въ результатѣ которой Кукмистровщина осталась при ея законномъ наследникѣ. Но это уже случилось за предѣлами рассматриваемаго періода. Для насъ здѣсь, впрочемъ, не бесполезно будетъ отмѣтить, что въ періодъ непродолжительнаго владѣнія Кукмистровщиной кн. Острожскими одинъ подданный — Обухъ заселилъ селище Лукавицу и по его имени оно прозвано было впоследствии *Обуховомъ*¹⁾.

С. *Триполь*, на устьѣ Красной, извѣстно еще изъ предыдущаго періода²⁾. Въ рассматриваемый же періодъ Триполь впервые выступаетъ на границѣ XV—XVI ст.; именно, въ 1500 г. „село въ Киев. пов., на имя Триполь“, было пожаловано землянину Данину Дѣдковичу въ вознагражденіе за его военныя заслуги. Тогда въ немъ было „7 человекъ служебныхъ и не данныхъ“, которые платили Киевскому воеводѣ „на годъ по двѣ лисицы, а по 5 возъ сѣножати“³⁾. При малолѣтнемъ наследникѣ Дѣдка — Василин — Триполь былъ присвоенъ Киевскими воеводами, по случаю чего завязался продолжительный споръ за его обладаніе, дошедшій до короля, который и возвратилъ спорное имѣніе его законному наследнику. 8-ix 1548 г. Сигизмундъ Августъ поновилъ Дѣдкамъ привилей Александра на владѣніе Триполемъ. По имени этого имѣнія сами Дѣдки впоследствии прозваны Трипольскими⁴⁾. — С. *Халенъ* — на устьѣ Бобрка въ Днѣпрѣ, извѣстно еще изъ предыдущаго періода. Въ рассматриваемый періодъ случайно встрѣчаемъ упоминаніе о Халенѣ въ запродажной записи господарскаго толмача Солтана Альбѣева Пустынескому монастырю на землю Полуквижевскую, „которая земля есть отъ Киева за Днѣпромъ, а при-

¹⁾ Slownyk VII, 356; Похилевичъ Уѣды, с. 119.

²⁾ Ипат. 153.

³⁾ Акты Леонтовича II, № 525.

⁴⁾ Slownyk XII, 534.

слухала къ Халемлю¹⁾. Но что было съ X. прежде и потомъ, мы не знаемъ.—С. *Стайки* (на Дѣпрѣ), въ сосѣдствѣ котораго нѣкогда были поселены бѣглецы изъ г. Юрьева²⁾. Согласно родословію, внукъ Мамая—Лекса, крестившись въ Киевѣ съ сыномъ своимъ—Иваномъ, получили отъ Витовта с. *Стайну* въ отчину. Этотъ Лекса былъ родоначальникомъ ки. Глинскихъ³⁾. По раздѣлу между Глинскими, Стаино, или Стайки отошли къ линіи ки. Путняльскихъ и, по смерти послѣдней представительницы этой линіи — княгини Володимировой, спали „правомъ прироченымъ“ на Корецкихъ⁴⁾.—С. *Витачевъ*—гавань на Дѣпрѣ, извѣстная еще со временъ Константина Порфиророднаго. Въ 1508 г. Витачево было пожаловано за вѣрную и справедливую, знаменито наглядную службу Овруцкому намѣстнику Сеньку Полозовичу (по Глинскихъ?). По смерти Сенька, Витачево съ др. имѣніями этой фамилии спало на единственную дочь—Феню,—на единственную дочь этой дочери съ тѣмъ же именемъ (отъ брака съ Дм. Любецкимъ),—и вѣномъ утвердилось въ домѣ Харлецихъ. По лостр. 1571 г. Витачевъ принадлежитъ уже бискупамъ Киевскимъ, съ населеніемъ 7 огородниковъ⁵⁾.

С. *Жуковцы*—на Бобркѣ; существовало уже въ XVI в., о чемъ свидѣтельствуетъ надпись на древнемъ служебникѣ, хранищемся въ числѣ памятниковъ Археологическаго Общества при Киевской Духовной Академіи⁶⁾.—С. *Некрашевъ*, „въ Киев пов., на Красной рѣцѣ“ (т. Красное?), куплено, не извѣстно у кого, отцомъ Богдана Глинскаго и подтверждено за этимъ послѣднимъ грамотой вел. кн. Александра отъ 2/ix, 1498 г.⁷⁾.—С. *Ржищевъ*—на Дѣпрѣ. Впервые подъ этимъ именемъ Р. упоминается въ древнѣйшей люстраціи Киевской земли; тогда въ немъ было населенія „отамонъ и два слуги“. Дальнѣйшая судьба Ржищева намъ не извѣстна. Впрочемъ,

¹⁾ А. Ю. Р. I, № 48; ср. А. Ю. З. Р. VIII, IV, № 28, II.

²⁾ Ипат. 159—60; о Юрьевскомъ холмѣ въ Стайкахъ см. Сказанія Похилевича, с. 47.

³⁾ Временникъ Общ. Ист. и Др. X, 157, 196 (М. 1851 г.).

⁴⁾ А. Ю. З. Р. I, I, № 17.

⁵⁾ Słownik III, 163; Zr. XX, str. 23.

⁶⁾ Похилевичъ Уѣзды, с. 132.

⁷⁾ А. З. Р. I, № 158.

Похилевичъ, ссылаясь на акты Киевской каведры, утверждаетъ, что до XVI в. Ржищевъ принадлежалъ Киевскимъ митрополитамъ¹⁾.—*Иноходковцы* и *Евдадмевъ*, упомянутыя въ той же люстраціи на ряду съ Ржищевомъ, исчезли безъ слѣда, вѣроятно, при Менгли-Гиреевомъ нашествіи.

С. *Фацово*—на Рпени²⁾. Въ 1390 г., вмѣстѣ съ другими имѣніями, Фацово (т. Фастовъ) было подтверждено Владиміромъ Ольгердовичемъ Юрію Ивантичу Половцу за Сквиря; но впоследствіи, по причинѣ неоднократныхъ опустошеній отъ Татаръ, запустѣло и было заброшено своими владѣльцами. Въ этотъ моментъ и завладѣли Фастовомъ дѣдичи сосѣдняго Рута—Ивашенцовичи, отъ главнаго своего имѣнія—Макарова прозванные также Макаревичами. Когда этотъ захватъ покрылся давностью, одинъ изъ Ивашенцовъ—Макаревичей, по имени Андрей, заставилъ Фастовъ въ 15 коп. гр. литовскихъ Киев. бискупу Папу (1561 г.). Нѣсколько лѣтъ спустя, именно въ 1568 г., то же имѣніе въ числѣ другихъ извѣстныхъ подъ общимъ названіемъ „Глѣбова на Рпени“, было пожаловано Сигизмундомъ Августомъ „вѣчнымъ дѣдичнымъ правомъ“ Богусу Гулькевичу. Отъ столкновенія различныхъ правъ на одно и то же имѣніе возникъ продолжительный и упорный споръ между заинтересованными сторонами, который въ концѣ концовъ разрѣшился въ пользу бискуповъ Киевскихъ. Впрочемъ, Фастовъ тогда не представлялъ особой цѣнности, ибо былъ всего только урочищемъ, годнымъ развѣ для пасѣкъ³⁾.

Между Унавой и Ирпенью:

Можначъ, *Бѣлки* и проч. Ок. 1455 г. (3 инд.) Киевскій кн. Олелько Владиміровичъ пожаловалъ своему вѣрному слугѣ Олехну Сохновичу два обширнѣйшихъ имѣнія: одно за Дѣпромъ, въ старой Переяславщинѣ, а другое—въ Киев. пов., надъ Ирпенью и Унавой. Въ составъ послѣдняго входили: „селище *Бѣлки*, *Можначъ*, селище *Веприки*, селище *Островы* (т. Лозовики?) надъ Ирпенемъ и Унавою, селище

¹⁾ Уѣзды, с. 144.

²⁾ Słownik I, 660; Staroż. Polska II, 575—6; Сказанія Похилевича, с. 478—9.

*Махновщина** etc. Впоследствии эти имѣнья перешли къ внуку Олехна — Ивану Юхновичу, который, „будучи на постели Божой“, завѣщалъ ихъ своимъ сыновьямъ: Федку и Ваську, „который теперь сидеть у въ орде“, — съ тѣмъ, чтобы Федко, выкупивши Ваську, подѣлился съ нимъ, и оба вмѣстѣ выдали замужъ своихъ сестеръ: Орынну и Марію, давши имъ приличное вѣно. Не извѣстно, выкупили ли Федко Васька но ок. 1494 г. мы застаемъ уже ихъ сестеръ за дѣлежемъ дѣдичныхъ имѣній. По этому дѣлежу, „уходы на Рпени: Белки, Мохначи, Веприки и Михѣновщина, а на Унаве-Острова, што усе было въ заставе у п. Михайла Половца“, — все это досталось Орынѣ Сенковой Суцанской—Проскуринной¹⁾. Съ этого момента до конца разсматриваемаго періода выше указанная имѣнья не выходятъ изъ дома Проскуровъ — Суцанскихъ.

С. *Криве* — на притокѣ Ирпени. Нѣкогда изъ Кривого „хаживало 3 кади меду“ на Киевскій замокъ, но въ половинѣ XVI в. оно считалось уже запустѣвшимъ „отъ многихъ лѣтъ“. — С. *Ходорково* — на верховьяхъ Ирпени. Вѣроятно, къ этому именно пункту относится упоминаніе записи о денежныхъ и медовыхъ даяхъ въ пользу св. Софіи о ведрѣ меду „у Ходора (хъ)“²⁾. Въ 70 гт. XV ст. въ Ходорковѣ было населенія 7 человекъ, восьмой — атаманъ, „а вси — слуги“. По люстраціи полов. XVI в., какъ и Криве, Ходорково считается запустѣвшимъ „отъ давнихъ лѣтъ“.

Ок. 1553 г. Киев воевода Фридрихъ Глѣбовичъ Пронскій Криве и Ходарково — „два селища пустовскихъ, въ пов. Киев., надъ рѣками: Ирпениемъ и Веліей“, надалъ Теодору Тишѣ, несшему пограничную господарскую службу. 19/xii 1554 г. Сигизмундъ Августъ особымъ привилеемъ подтвердилъ это наданіе въ вѣчное и потомственное владѣніе Тышей — подъ тѣмъ условіемъ, чтобы они отбывали съ этихъ имѣній земскую службу, наравнѣ съ остальною киевскою шляхтой. Съ этого момента Тыши крѣпко посѣли тѣ мѣста, пограничныя съ Чернымъ Шляхомъ, вознесли въ Ходор-

¹⁾ Архиръ Песочинскаго въ Киев. Ст. 1892, II; Очерки Переяславской Старинны, с. 82—3.

²⁾ А. З. Р. I, № 26.

ковѣ замокъ — и разрослись въ нѣсколько линій, изъ которыхъ одна носила названіе Тышей Быковскихъ на Ходорковѣ¹⁾.

С. *Койлове* на Унавѣ — отчина Глинскихъ — Путивльскихъ, спавшая затѣмъ правомъ прираженымъ на Богуща Корецкаго²⁾. — *Сокольча* — ibid. По записи о денежныхъ и медовыхъ даяхъ въ пользу св. Софіи, „у Сокольчи 3 кораймана меду, а сами тѣ Сокольчание возятъ на Софійскій дворъ“. Ок. 1471 г. въ Сокольчѣ было 20 слугъ и 5 человекъ, которые еще воли не высидѣли; но въ полов. XVI в. село „запустѣло отъ давнихъ лѣтъ“.

Между рр. Збичею и Ирпеною.

„*Глѣбовъ на Рпени*“. Это — не с. Глѣбовка на ручьѣ Пеховкѣ, впадающемъ въ болото Дибировской долины, какъ ошибочно полагалъ Похилевичъ, а совершенно другое поселеніе, которое въ документахъ разсматриваемаго времени выступаетъ во главѣ имѣній, расположенныхъ по верхнему теченію Ирпени (Мохначъ, Вѣлки etc.). Впервые Глѣбовъ на Рпени упоминается въ жалованной — подтвердительной Олелька Владиміровича Михайлу Юрьевичу, Половцу зе Сквира, въ родѣ котораго оставался до его пресѣченія. Одинъ изъ послѣднихъ представителей этого рода — Яцко, умирая, завѣщалъ свои имѣнья — въ томъ числѣ и Глѣбовъ на Рпени — въ случаѣ прекращенія его потомства въ мужской линіи (имѣть двухъ сыновей: Демьяна и Темена) — своему вую Ивану Немиричу, съ тѣмъ, чтобы тотъ выдалъ замужъ съ вѣномъ его сестру и дочь. Родъ Половцевъ, съ безпотошною смертью Яцковичей, дѣйствительно пресѣкъся, и въ 1538 г., съ дозволенія короля, Глѣбовъ на Рпени съ другими имѣньями Половцевъ перешелъ къ Немиричамъ³⁾.

С. *Козаровичи* — на Ирпени, въ лѣсистой мѣстности. Нѣкогда здѣсь сочили мохнатого звѣря на Киевскихъ воеводъ; но въ 1511 г. король Сигизмундъ пожаловалъ Козаровичи Яцку Ельцу, уволивъ при этомъ единственнаго обита-

¹⁾ Słownik I, 608.

²⁾ А. Ю. З. Р. I, I, № 17.

³⁾ Похилевичъ Уѣзды, с. 20; Słownik III sub voce.

теля Козаровичъ отъ осочинческой службы. Не смотря на то, Кіевскій воевода Андрей Немировичъ продолжалъ вступаться въ отчужденное имѣніе. Это вызвано жалобу его обладателя и вторичный привилей кор. Сигизмунда, освобождающій Козаровичаго человека отъ осочинцкой службы и приказывающій воеводѣ „дать ему покой“. Отъ Яцка Козаровичи перешли къ его сыну—Феодору, который въ 1532 г. продалъ ихъ Андрею Немировичу. Андрей Немировичъ, въ свою очередь, отпродалъ Козаровичи Ивану Горностаю, выговоривъ себѣ доживотное держаніе ихъ. Отъ 1540 г. мы имѣемъ грамоту кор. Сигизмунда къ мужамъ Козаровичкимъ, чтобы они были послушны Горностаю—значить, было уже значительное населеніе. Но Горностаю, для скорѣйшаго и пожиточнѣйшаго заселенія Козаровичъ, привлечь сюда еще новыхъ осадниковъ, извѣстныхъ колонизаторовъ тамошнихъ мѣстъ—Хому и Бачила. Съ теченіемъ времени, какъ говорятъ документы, къ нимъ „собралось много людей“. Въ 1551 году Иванъ Горностаю, занятый господарской службой, уступилъ половину Козаровичъ своему сыну—тоже Ивану, а другую — брату Аникію. Но и сынъ Иванъ не сталъ хозяйничать въ Козаровичахъ, а отдалъ ихъ въ держаніе нѣкому Матвѣюцу, а съ 1567 г. — Ивану Фуреу. Этими державцамъ Хома и Бачило платили медовую дань, пока не погибли отъ Татаръ. Смерть знаменитыхъ колонизаторовъ, однако, не остановила заселенія мѣстности. Благодаря ея укромному положенію и естественнымъ богатствамъ, колонисты стекались сюда отовсюду, такъ что въ скоромъ времени были населены не только Козаровичи, но и другія имѣнія Горностаевъ по Тетереву, въ сосѣдствѣ Горностаюполя: *Зоринъ* и *Богдановщина*. Заселенію Козаровичъ много способствовало возвращеніе изъ бѣговъ ихъ прежнихъ сельщиковъ. Въ одномъ документѣ архива Горностаевъ Рупиковскій нашель указаніе о 12 одновременно выданныхъ листахъ, которыми предоставлялись мужамъ Козаровичкимъ ихъ „отчизни“. Эти мужи имѣли своего атамана, въ лѣсахъ — свои борти ¹⁾. По люстр. 1571 г. въ Козаровичахъ числится населенія 7 дымовъ ²⁾.

¹⁾ Slownyk IV, 537—8.

²⁾ Zr. XX, 24.

С. Демидово — на Ирпени. По записи о денежныхъ и медовыхъ даняхъ „у Демидови Глуховичи даютъ карайманъ меду“. Въ половинѣ XVI в. здѣсь проживало уже 16 человекъ, несшихъ разнообразную службу на Кіевской замкъ. Въ 50—60 гг. того же вѣка въ Демидовѣ сочили звѣря извѣстные намъ уже колонизаторы — Хома и Бачило, почему Демидовъ иногда звался и Хоминащиной. Послѣ 1567 г. окончившагося раковымъ образомъ для упомянутыхъ осадниковъ, Демидовъ опустѣлъ ¹⁾. Въ началѣ 70 гг. XVI в. Демидовъ представлялъ изъ себя только веску *bardzo pędznie*, изъ которой шла медовая дань на Кіевскій замокъ ²⁾. *С. Гаврылково* — на ю.—з., по Овруцкой люстраціи принадлежало Суриновымъ, съ населеніемъ 1 служ. людей.

С. Гостомль — на полуостровѣ, образуемомъ ручьемъ Рокачемъ, при соединеніи его съ Ирпенью. При кор. Казимирѣ Кіевскій воевода Юрій Пацевичъ далъ Гостомль Сеньку Володкевичу, безъ господарскаго разрѣшенія. Сенько Володкевичъ „былъ того имѣнія въ держани отъ колка лѣтъ и затѣмъ отѣхалъ до Мстиславля мѣшкати“. Въ это время Иванъ Львовичъ Глинскій, по дѣду прозываемый Дашковичемъ, выпросилъ подъ нимъ у вел. кн. Александра Гостомль „со всемъ тѣмъ, што къ тому имѣнію здавна прислухало“. Въ 1496 г. оба владѣльцы стояли уже передъ господаремъ и мовили о томъ очевидно: каждый доводилъ свои права на владѣніе Гостомлемъ. Выслушавъ обоихъ, господарь присудилъ спорное имѣніе Ивану Дашковичу „подлугъ первое наше данины“, подъ непремѣннымъ условіемъ земской службы ³⁾. Въ 1499 г. Гостомль былъ подтвержденъ за тѣмъ же Ив. Дашковичемъ „со всемъ провомъ и панствомъ“ ⁴⁾. Но зрадъ Глинскихъ, кор. Сигизмундъ пожаловалъ Гостомль шляхетноурожденному намѣстнику Вруцкому Сеньку Полозовичу, и въ дальнѣйшемъ онъ раздѣлили участь всѣхъ другихъ имѣній этого землянина. Унія застала Гостомль въ рукахъ Харлецихъ ⁵⁾.

¹⁾ Slownyk I, 952—3.

²⁾ Zr. XX, 6.

³⁾ Акты Леонтовича I, №№ 213, 300 и 301.

⁴⁾ А. З. Р. I, № 171.

⁵⁾ А. Ю. З. Р. VIII, IV, № 41; Slownyk III, 161—3.

С. *Микуличи*, на верховьях Рокача,—пожаловано Киев. кн. Олелькомъ В. Михаилу Юрьевичу, Половцу зе Оквира. По прекращеніи рода Половцевъ, Микуличи перешли къ Немиричамъ. Но Немиричи не имѣли достаточныхъ средствъ, чтобы хозяйственно освоить это имѣніе, влѣдствие чего Микуличи были присвоены Киевскими митрополитами, какъ составная часть ихъ Радомысльскихъ владѣній ¹⁾.—С. *Козинцы*—при ручьѣ Мыслинѣ. По мнѣнію Похилевича, здѣсь была деревушка *Киселевичи*, которую Юрій Зиновьевичъ подарилъ Печерской Лаврѣ съ медовою и денежною данью ²⁾. Но почтенный антикварій ошибся, ибо Киселевичи, подаренные въ 1486 г. Юріемъ Зиновьевичемъ Киево-Печерской Лаврѣ „подлугъ отца его данья и запису“, были не въ Киев. повѣтъ, а въ Вобруйской волости — слишкомъ далеко отъ разсматриваемыхъ мѣстъ ³⁾. Это же село — Козинцы, а не Киселевичи—въ исторіи Киевской земли въ разсматриваемый періодъ ничѣмъ не извѣстно.—*Борисовъ* (Мотыжинъ), *Налевайковка*, *Лосевъ Рогъ* (Колонизація)—все села, входившія въ составъ Яценецкихъ имѣній Макаревичей и раздѣлившія съ послѣдними ихъ судьбу.

С. *Княжичи*. По мнѣнію Похилевича, это есть именно то село, которое король Казимиръ велѣлъ Киев. воеводѣ Юрію Пацевичу отвести Николо-Пустынецкому монастырю подъ пашню ⁴⁾. Но почтенный антикварій и тутъ ошибся: Казимиръ велѣлъ отвести этому монастырю „селце пустое, за 2 мили отъ Киева, за *Днѣпромъ*“ ⁵⁾, — что не отвѣчаетъ данному мѣсту. Эти же Княжичи намъ извѣстны по записи о денежныхъ и медовыхъ данихъ въ пользу св. Софій: „у Княжичохъ земля бортная, а съ ней корайманъ меду, и бобровые гоны, и ставь“ ⁶⁾. Эти Княжичи дѣйствительно платили подать на митрополичью кафедру, что не мѣшало имъ, впрочемъ, принадлежать другимъ владѣльцамъ. Княжичи на Ирпени принадлежали въ XVI в. Суриновымъ, отъ ко-

¹⁾ Slownyk VI, 494; Уѣады, с. 39.

²⁾ Уѣады, с. 38.

³⁾ А. З. Р. I, № 86.

⁴⁾ Уѣады, с. 72.

⁵⁾ А. З. Р. I, № 93.

⁶⁾ А. З. Р. I, № 26.

торыхъ вѣномъ по Соломонидѣ Суриновой перешли около половины этого вѣка въ домъ Дѣдковичей Трипольскихъ—половина Княжичъ ¹⁾.

С. *Новоселки*—на Ирпени. Вѣроятно, именно къ этому селу относится упоминаніе записи о денежныхъ и медовыхъ данихъ: „у Новомъ селѣ Ондриѣны дѣти дають ведро меду“. О дальнѣйшей судьбѣ его не имѣемъ извѣстій.—С. *Долгоселье*. По подложной грамотѣ Андрея Боголюбскаго, Киевскій кн. Семень Олельковичъ придалъ Печерскому монастырю „дворъ свой Высокій на горѣ, надъ р. Ирпенемъ и надъ прудомъ на той же рѣкѣ, со всею челядью, паробками и говяды, и съ тѣмъ дворомъ Высокимъ село Долгоселицу, со всѣми людьми и ихъ пошлинами, съ десятинами съ пашень, пчель и говядь“ ²⁾. Это первое упоминаніе о Долгосельѣ. Съ теченіемъ времени, отъ безпрестанныхъ татарскихъ опустошеній, въ особенности—отъ Менгли-Гиреева „вынятя“, Долгоселье опустѣло. По народному преданію, остался на старомъ пепелищѣ только одинъ дѣдъ, отъ котораго новое поселеніе и получило свое названіе—*Дѣдовщина*. Судя по нѣкоторымъ документамъ Мотовидловскаго архива, Дѣдовщина еще въ XVI в. состояла въ распоряженіи митрополитовъ (имѣнія Печерскія съ Софійскими часто мѣшались) ³⁾.

С. *Вышевъ*—надъ Лупой (въ Ирпень). Уже въ первой половинѣ XVI в. Вышевъ принадлежалъ фамиліи Полозовъ, происходившей изъ старой киевской шляхты. Прежде всѣхъ владѣлъ Вышевымъ Сенько Володкевичъ Полозь; затѣмъ, его сынъ—Семень Полозь, ключникъ Киевскій, оставившій по себѣ единственную дочь — Феню, а эта отъ Дм. Любецкаго—тоже Феню, съ которой Вышевъ, по второму ея браку, перешелъ въ домъ Харлецкихъ. Одинъ изъ этихъ Харлецкихъ, именно Счастный, мужъ Фени, вознесъ на давнемъ Вышевскомъ городищѣ замокъ, окруженный валами и вооруженный по тогдашнему обычаю ⁴⁾. — С. *Карашинъ* (между Здвизью и Карашинкой)—отъ половины XVI в. принадле-

¹⁾ Slownyk XII, 534.

²⁾ Описание Киево-Печерской Лавры Евгенія, с. 1—10 Праб. (по I изд.), с. 167—74 текста (по 2-му).

³⁾ Slownyk II, 31.

⁴⁾ Ibid I, 516.

жало князьямъ Острожскимъ ¹⁾. — Села: *Лучина*, *Селище* и *Турбовъ*, надъ р. Турбовкой (въ Ирпень)—дѣдина Ельцовъ, будто бы еще изъ предыдущаго періода; именно, въ качествѣ таковой эти села были подтверждены кор. Казимиромъ Яцку Ельду, передъ тѣмъ бывъ отняты у нихъ настоящихъ владѣльцевъ и приписаны къ Киеву (Владиміромъ О.). Самъ Елецъ, однако, не жилъ ни въ одномъ изъ названныхъ сель. Онъ имѣлъ свое мѣстопребываніе неподалеку, въ одномъ старомъ городищѣ, въ дѣсной глуши, надъ Ирпенью, которое и до сихъ поръ народнымъ преданіемъ именуется Ельцовскимъ. У Яцка былъ сынъ Феодоръ, который въ соудствѣ Лучина основалъ село *Феодоровку*. По смерти этого послѣдняго, Лучинскія имѣнія перешли къ его сыну—Димитрію ²⁾.

С. *Корнинъ* — на Ирпени; возникло на грунтахъ, нѣкогда принадлежавшихъ Половцамъ за Сквиря, уже послѣ Менгли-Гиреева вынѣтъ. Корнинъ былъ пожалованъ кор. Сигизмундомъ I Гринку Внучкевичу, а затѣмъ съ одной изъ его дочерей перешелъ въномъ въ домъ Ивана Ельца. При Сигизмундѣ Августѣ мы видимъ уже владѣльцемъ Корнина Богдана Проскуру, черезъ куплю или наслѣдство — не извѣстно. Съ этого времени Проскуры, прозваніе по главному имѣнію въ Овруцкомъ пов. Суцанскими, прочно основываютъ въ Корнинѣ свое родовое гнѣздо ³⁾. — С. *Скочище* — на верховьяхъ Ирпени. По древнѣйшей люстраціи Киевской земли, въ Скочищѣ было 8 слугъ во главѣ съ атаманомъ, 1 коланный, и 4 челоуѣка еще „новыхъ“, которые не высидѣли воли. Скочище упоминается также въ записи о денежныхъ и медовыхъ даняхъ въ пользу св. Софін, но о дальнѣйшей судьбѣ этого поселенія мы не имѣемъ свѣдѣній. — С. *Водотый* — въ сторонѣ отъ Здвизи. По люстраціи 1471 г. въ В. было 12 слугъ, которые „на войну хаживали, сѣно кошивали, ставъ сыпывали“, и два челоуѣка еще новыхъ. Водотый упоминается также въ записи о денежныхъ и медовыхъ даняхъ — и только.

¹⁾ Stownyk III, 831.

²⁾ Ibid. V, 798-9.

³⁾ Ibid. IV, 407-8.

Между Ушемъ и Здвизью:

Колыницы и *Тригубовщина* (Феневичи) — на Здвизи. Оба были пожалованы Олелькомъ Вл. Михайлу Ю. за Сквиря Половцу и въ дальнѣйшемъ раздѣляли участь всѣхъ другихъ имѣній этой фамиліи ¹⁾. — С. *Марча* — надъ рѣкою того же имени; возникло на Микулицкихъ грунтахъ, пожалованныхъ Олелькомъ Владиміровичемъ тому же Половцу. Что Марча существовала издавна, можно догадываться потому, что послѣ Менгли-Гиреева вынѣтъ она называется „селищемъ Мирошиной“. Запустѣло ²⁾. — С. *Шибене* — въ сторонѣ Здвизи; въ половинѣ XVI в. принадлежало монастырю Печерскому (люстр.). — С. *Бородянка* (на Здвизи) издавна было извѣстно подъ именемъ селнца *Козятичъ*, опустошеннаго Татарами. Въ XV в. Козятичи принадлежали какому-то кн. Роману (Половцу?) и входили въ составъ имѣній Ясеничкихъ. Этотъ Романъ имѣлъ двухъ сыновей и одну дочь; сыновья погибли въ 1482 г. отъ Татаръ, и Козятичи съ дочерью перешли въ домъ Иващенкоуичей. Въ дальнѣйшемъ Козятичи пошли по женской линіи съ Маріей Иващенкоуовой въ домъ кн. Ивана Глинскаго, а по зрадѣ его возвратились къ мужескому потомству Иващенкоуичей, какъ „дядковщина по матцѣ“. Иващенкоуичей было пятеро, но только двое оставили мужское потомство: Димитрій и Богданъ. Вскорѣ, впрочемъ, родъ Димитрія пресѣкъся, и Иващенкоуичи остались представленными только потомствомъ Димитрія. Отъ сына этого послѣдняго — Макара, а по немъ — и отъ главнаго имѣнія Макарова, они прозвались Макаревичами ³⁾.

С. *Загальцы* — за озеромъ Галло. Въ 1499 г. вел. кн. Александръ подтвердилъ Ивану Глинскому „подлѣ Киева имѣніе, на имя Гостомль, съ данниці въ *Загальцохъ* и *Запрудичохъ*, даннину нашу, выслугу его“ ⁴⁾. По зрадѣ Глинскихъ эти имѣнія перешли къ Полозамъ. — С. *Андреевка* — на

¹⁾ Какъ видно изъ раздѣла между Лозками 1507 г., кое-что въ Феневичинѣ приходилось и на ихъ долю (2 кади меду). — *Зр.* XXI, 478.

²⁾ Stownyk VI, 494.

³⁾ Ibid. I, 316.

⁴⁾ А. З. Р. I, № 171.

Здвижи. По народному преданію, на этомъ мѣстѣ нѣкогда существовалъ городъ, называвшійся Андреевымъ, а въ XVI в., по словамъ Похилевича, здѣсь былъ монастырь, зависѣвшій отъ Кирилловскаго ¹⁾ — С. *Нешчоловичи* — въ первый и въ послѣдній разъ упоминается въ записи о денежныхъ и медовыхъ данихъ въ пользу св. Софін.

С. *Воромино*, на Здвижи, — издавна входило въ составъ имѣній такъ называемыхъ Ясеницкихъ, къ которымъ еще принадлежали: *Ясеницы* (т. нѣтъ), *Козятичи* (Бородянка), *Борисовъ* (Мотыжинъ), *Наливайковка*, *Лосевъ Рогъ* (Колонщина), *Липова* и др. По князѣ Романѣ — первомъ владѣльцѣ этихъ имѣній — они испали на его дочь (или сестру?), бывшую замужемъ за Иващенкоичемъ, затѣмъ на дочь этого послѣдняго, за Иваномъ Глинскимъ, а по зрадѣ послѣдняго, какъ дядковщина его матери, достались Иващенкоичамъ въ мужской линіи. По имени одного изъ этихъ Иващенкоичей — Макара, Воромино было прозвано впоследствии *Макаровымъ*. Правнукъ Макара Иващенкоича — Николай Николаевичъ — Макаровский дворянскій «дворъ съ городищемъ» обратилъ въ замокъ, окружилъ палисадомъ и обемналъ валами. Однако, это уже было за предѣлами разсматриваемаго періода ²⁾.

Рожевъ — надъ Здвижью. Первымъ владѣтелемъ Рожева уже при концѣ XV в. былъ Овѣдко Лоза, женатый на Марусѣ Юхновой. По смерти Овѣдка, наследникомъ Рожева и другихъ имѣній, доставшихся этой фамилии по Юхнѣ Сохновичѣ, остался Борнѣ, имѣвшій трехъ сыновей. По раздѣлу между ними, «мѣстечко новое» Рожевъ, *Ситниковщина*, *Калтежичи* и др. достались младшему — Яцку, который на старомъ Рожевскомъ городищѣ вознесъ замочекъ ³⁾. — С. *Мигалки* — на Тетереѣ. По записи о денежныхъ и медовыхъ данихъ, «у Мигальчичахъ 2 ведра меду» шло въ пользу св. Софін. Около половины XVI в. одна служба въ Мигальчичахъ была дана церковному слугѣ Матѣю Мильковичу «съ данью у *Завсальца* (?); «въ томъ же селѣ человекъ прихожій далъ тому жъ Матѣю на службу и жеребей пустый» (люстр. 1552 г.).

¹⁾ Уѣзды, с. 50.

²⁾ Stownyk V, 921-2.

³⁾ Ibid IX, 870-1; Зр. XXI, 478.

За Днѣпромъ къ Киевскому повѣту причислялась еще значительная часть старой Переяславщины, на сѣверъ — до границъ Остерщины, на востокъ — до границъ Путивля, на югъ — до границъ Черкащины (не доходя Сулы). По устройству поверхности мѣстность эта въ общемъ ровная, по составу почвы — песчаная и сѣро-черноземная, по характеру своему — въ сторонѣ Днѣпра, также въ верховьяхъ Трубежа и Суоя — лѣсистая, въ остальномъ — степная. Земли пашня, сѣнокосы, озера и рѣки съ рыбными ловами, бобовые гоны, дубровы съ пасѣками, ловы звѣринные и птициные — вотъ обычный составъ угодій въ этомъ районѣ.

Населенные пункты и уходы:

С. *Багриново* («надъ Днѣпромъ и потокомъ Любкою, въ доброй милѣ отъ замка») — «з вѣковъ» было пожаловано Киевскими князьями Выдубицкому монастырю; впоследствии подтверждено за нимъ королями польскими и господарями литовскими, но, какъ жалованная, такъ и подтвердительныя грамоты погибли въ то время, «коли Киевъ и монастырь тотъ отъ неприятеля св. Креста по колько кротъ былъ збурень». Отъ 5/ш 1541 г. мы имѣемъ по этому случаю грамоту кор. Сигизмунда, «оное селище Багриново со всемъ, якъ ся аздавна въ себе со всеми пожитки маєтъ, ку той перкви Божой» подтверждающую ¹⁾. По люстр. 1552 г. въ Багриновомъ было нѣкогда 15 службъ людей, но въ половинѣ XVI в. оно уже «пусто лежитъ». — С. *Милославичи* (т. Выгуровщина) извѣстно еще изъ предыдущаго періода; въ данный же періодъ мы встрѣчаемся съ нимъ при концѣ XIV вѣка: въ окрестностяхъ Милославичей Скиргайло передъ своей смертью совершалъ послѣдніе ловы. Въ грамотѣ кор. Александра отъ 1503 г. Милославчане поименованы рядомъ съ другими категоріями людей, которые, проживая продолжительное время въ городѣ по своимъ торговымъ дѣламъ, «служобъ мѣстскихъ посполу съ тамошними мѣщанами не хотѣли служити» ²⁾. Очевидно, Милославичи въ то время представляли изъ себя населенный и бойкій пунктъ; — чи-

¹⁾ Закревскій Описание Киева I, 236.

²⁾ А. З. Р. I, № 207.

елятся за Киевскимъ замкомъ еще по люстраціи 1552 г. — Селище *Чотаново* (т. Троещино?). Въ 1492 г. вел. кн. Александръ пожаловалъ кievскому землянину Ваську Жеребитичу „в Киев. пов. в Милославичох селище, на имя Чотаново, на одну соху, а два озерцы—Вереща а Вихча со всѣмъ, што к ним здавна прислухало“¹⁾. По смерти Васька Жеребитича, селище Чотаново по близкости перешло къ какому-то Валку, сынъ котораго—Левко Валкевичъ—продать его Киевскому войту Семену Мелешковичу; озера же—вообще берегъ „на Деснѣ рецѣ, уверхъ едучи по правой сторонѣ, Погребовъ не доезжаючи“, Васько Жеребитичъ завѣщаль „для своего душевнаго забавленія“ Николо-Пустынскому монастырю, каковое завѣщаніе и было утверждено тогдашнимъ Киев. воеводой Андреемъ Немировичемъ. Въ 1560 г. возникъ споръ между Пустынскимъ монастыремъ и Семеномъ Мелешковичемъ о владѣніи Чотановскимъ берегомъ—и въ результатѣ берегъ остался за Пустынскимъ монастыремъ²⁾.

Земля Полукнязевская (т. Никольское, противъ Киева)—выслуга толмача Солтана Албѣева на кор. Казимирѣ. Въ 1508 г. этотъ Албѣевъ, съ согласія Киев. воеводы, записалъ Полукнязевскую землю Николо-Пустынскому монастырю „со всѣмъ, што съ нею къ Халеню слушало: селища и пашини земли, бобры и дубровы, рѣчки и перевѣсья“ и проч.³⁾ Въ 1522 году на это пожертвованіе выдана монастырю подтвердительная кор. Сигизмунда⁴⁾.—*С. Позняки*—ниже Киева. Согласно люстр. 1571 г., адѣсь проживали бояре, служившіе четырьмя конями пугнуу службу при Киевскомъ воеводѣ⁵⁾.—*С. Осокоровское* (еще ниже) — „з вѣковъ“ было придано Русскими князьями Выдубицкому монастырю; ограничено Киев. воеводой А. Немировичемъ; подтверждено въ 1538 г. кор. Сигизмундомъ, съ островомъ Николаевскимъ и озерами Колтобами⁶⁾.—*С. Вишенки* (на границѣ Остер. уѣз. съ Переяславскимъ)—въ 1501 г. пожаловано кор. Александръ

¹⁾ А. Ю. З. Р. VIII, IV, № 18 = А. Ю. Р. II, № 124.

²⁾ А. Ю. З. Р. VIII, IV, № 26, док. 9.

³⁾ А. Ю. Р. I, № 48; ср. А. Ю. З. Р. VIII, IV, № 26, док. 2.

⁴⁾ А. Ю. Р. I, № 71.

⁵⁾ Зг. XX, 7.

⁶⁾ Закревскій Описание Киева I, 235.

ромъ толмачу Берендѣю. Эту жалованную впоследствіи потомки Берендѣя—Ленковичи—показывали господар. комиссарамъ по случаю спора съ Печерскимъ монастыремъ о нѣкоторыхъ озерахъ¹⁾. Вишенки затѣмъ были проданы кievскому мѣщанину Семену Мелешковичу (за 120 коп. гр.), который въ 1562 г. отписать ихъ по своему животѣ Киево-Печерской лаврѣ²⁾.—*С. Княжичи*—на большой дорогѣ изъ Броваровъ въ Переяславъ и дальше. Въ 1489 г. кор. Казимиръ пожаловалъ „селище пустое (Княжичи), за 2 мили отъ Киева, за Дибромъ... пусто еще за вел. кн. Витовта“ Николо-Пустынскому монастырю. Извѣщая объ этомъ Киевскаго воеводу Юрія Пацевича, господаръ приказывалъ ему не препятствовать Пустынскимъ монахамъ пахать Княжичскую пашню³⁾. Въ 1514 г. пожалованіе Казимира было подтверждено грамотой кор. Сигизмунда⁴⁾.

С. Погребы (на Деснѣ)—монастыря Печерскаго (1552). Въ 1560 году, во время тяжбы Пустынскаго монастыря съ Семеномъ Мелешковичемъ о владѣніи Чотановскимъ берегомъ, въ числѣ свѣтковъ былъ, между прочимъ, и „митрополитъ человекъ з Погребовъ Степанъ, Ивановъ сынъ“⁵⁾.—*Исаковцы* (подъ Борисполемъ), *Борщовцы* и *Остролучье* (оба на Трубежѣ, Переяславскаго уѣз.)—всѣ три въ полов. XVI в. тянули къ Киевскому замку. Тамъ же, по соседству съ Остролучьемъ, „обаноль Трубежа“, находилась и бортная земля *Мутиницкая*, пожертвованная въ 1517 г. Ив. Полозовичемъ Николо-Пустынскому монастырю⁶⁾.

Около 1455 г. Киевскій князь Омелько Владиміровичъ пожаловалъ въ вознагражденіе за вѣрную службу своему боярину Олехну Сахновичу разныя имѣнія по ту и по сю сторону Дибра, между которыми были: „городиче *Старое* надъ Дибромъ Покалаурово (т. Переяславск. уѣз.; сохранились земляныя валы), селище *Булачинъ* (т. Ерквцы у про-

¹⁾ А. Ю. З. Р. I, VI, № 18.

²⁾ А. Ю. Р. I, № 161.

³⁾ А. З. Р. I, № 93.

⁴⁾ А. З. Р. II, № 90.

⁵⁾ А. Ю. З. Р. VIII, IV, № 26, док. 9.

⁶⁾ А. Ю. Р. I, № 66; А. Ю. З. Р. ч. I, т. VI, № 12; ср. люстрацію

тока Булатецъ), селище *Крулое* (?), с—ще *Сошниково* за Каранью зъ озеромъ *Белимъ* (есть) и къ тому три городисча за Днепромъ: *Бусурманское* (т. Каратуло?), *Ярославское* (выше Басани, Кроловец. уѣз.?), *Сальково* зъ озерцемъ *Линовымъ* (есть) и селище *Процесо*¹⁾ (есть¹⁾). Дальнѣйшая исторія этихъ имѣній намъ уже извѣстна: по раздѣлу между дочерями Ивана Олехновича, Заднѣпровье досталось (1498 г.) Маріи Проскуриной Суцанской, затѣмъ спало на Яцка Лозку, въ потомствѣ котораго оставалось до конца разсматриваемаго періода.

Любопытно отмѣтить нѣкоторыя измѣненія въ состояніи выше указанныхъ имѣній, происходившія съ теченіемъ времени. — Судя по подтвердительной Сигизмунда I Яцку Лозѣ отъ 1525 г., около этого времени успѣли уже возникнуть нѣкоторыя новыя села и селища: с. *Жеребятимъ*, *Клясинимъ*, *Рагозы* и *Вороноквичи*. Въ раздѣльномъ актѣ между сыновьями Яцка Лозы, составленномъ послѣ 1525 г., ко всѣмъ этимъ пунктамъ присоединяется городище *Глѣбовское*²⁾. Старая Переяславщина, очевидно, начала возрождаться.

Въ 1503 г. кор. Александръ пожаловалъ своему дворянину Дашку Ивановичу обширныя имѣнія по верхнему теченію Трубежа и Супоя. Тогда вся эта мѣстность была еще совсѣмъ пустыня. Но сынъ и наслѣдникъ этого Дашка, извѣстный Черкасскій и Каневскій староста Остафій Дашкевичъ, заселилъ ее, такъ что уже при немъ „на грунтахъ Басанскихъ и Быковскихъ“ появилось два мѣстечка и 9 селъ. Мѣстечки: *Басань*, (на р. Нодрѣ) и *Быковъ* (на верховьяхъ Трубежа); села: *Ст. Басань*, *Марковъ* (при желѣз. дорогѣ), *Юрковъ* (?), *Павловъ* (?), *Максимовъ* (?), *Бресинци* (на Супоѣ), *Кулажимъ* (на Трубежѣ, подъ Свѣтальномъ), *Карпиловка* (?) и *Воронокъ* (на Супоѣ). По смерти Остафія Дашковича эти имѣнія, какъ отчизныя, перешли къ его старшей племянницѣ по сестрѣ—Духиѣ, за Стефаномъ Дублянскимъ, сынъ котораго—Григорій—продать ихъ въ 1572 г. кiev. мѣщанину Андрею Кошколдовичу³⁾.

¹⁾ Архивъ Песочинскаго.

²⁾ Зг. XXI, 478, 479.

³⁾ Антоновичъ I, 206.

Ж

НВ. На грунтах Басанскихъ или въ близкомъ соедѣствіи съ ними мы находимъ с. *Пески*. Не здѣсь ли былъ монастырь Песоченскій или, по крайней мѣрѣ — селеніе, изъ котораго вышелъ Кіево-Печерскій архимандритъ Иларіонъ *Песочинскій*? ¹⁾

Послѣ всего, что сказано нами о колонизаціи Кіевского повѣта, остается только провести его приблизительныя границы. Начнемъ съ правобережья.

Теченіемъ р. Тетерева Кіевскій повѣтъ граничилъ съ Чернобыльскимъ и отчасти съ Житомирскимъ—до с. *Мигалокъ* включительно. Отъ с. *Мигалокъ* граница Кіевского повѣта съ Житомирскимъ шла на *Брусилонъ* (на *Здвижи*), поза верховьями *Ирпени* и *Унавы* и на верховьяхъ *Каменки* сходилась съ границей Черкаскаго повѣта. Лѣвый бассейнъ Роси въ общемъ весь принадлежалъ Черкасскому повѣту, за исключеніемъ, можетъ быть, верховьевъ *Рута* (*Соловѣнка*) и *Гороховатки* (*Лукавица* etc.).—По лѣвую сторону *Дѣпра* Кіевскій повѣтъ захватывалъ нижнее теченіе р. *Десны* (съ *Погребами*), бассейнъ *Трубежа* (до *Кулажина*) и бассейнъ *Супой*, кромѣ нижняго теченія этой рѣки ²⁾. Бассейны *Сулы* входили уже въ составъ Черкаскаго повѣта.

Черкасскій повѣтъ.

(Очеркъ IX).

Черкасскій повѣтъ въ рассматриваемый періодъ захватываетъ теченіе рр. *Роси* и *Тясмина* — по правую сторону *Дѣпра* и обширныя пространства по *Сулѣ*, *Пелу*, *Вореклѣ* и *Самарѣ* съ ихъ притоками — по лѣвую. Въ этихъ границахъ Черкасскій повѣтъ изобиловалъ всевозможными дарами природы. Съ одной стороны, мощный пластъ залегающаго на значительную глубину чернозема благоприятство-

¹⁾ А. Ю. Р. I, № 161.

²⁾ Последнее уже принадлежало Черкасскому пов.; тамъ совершались ловы на *Катевскій замокъ*. А. Ю. З. Р. VII, I, с. 97.

валъ земледѣлю; съ другой — дѣвственные степи Заднѣпровья и Приднѣпровья, изрѣзываемыя множествомъ рѣкъ, открывали широкій просторъ для всевозможныхъ промысловъ. Не было недостатка и въ лѣсахъ. Лѣсная полоса тянулась по правому берегу Днѣпра черезъ весь повѣтъ, широко раздвигаясь въ бассейнѣ Ольшанки и Тясмина; обширныя Ирдынскія болота и большія Смѣлянскія озера (Бѣлое, Бузуково, Яськово и др.) придавали этой мѣстности видъ глубокаго полѣся.

При сравнительно и абсолютно рѣдкомъ населеніи эти естественныя богатства края давали возможность черкасскимъ обывателямъ собирать значительныя пожитки съ наименьшей затратой труда и времени. Но такъ какъ эта наименьшая затрата труда и времени падала все-таки на промыслы, а не на земледѣліе, не смотря на плодородіе почвы; и такъ какъ, съ другой стороны, близость степи лишала земледѣльца увѣренности, что онъ пожнетъ имъ самимъ посѣянное, — то естественно, что не земледѣліе, а промыслы явились основой экономическаго благосостоянія жителей Черкаскаго повѣта. И не только основой. Обратившись къ документамъ, мы видимъ, что земледѣліе при всякаго рода отхожихъ промыслахъ является до нѣкоторой степени какъ бы случайнымъ занятіемъ; напр., въ с. Конончѣ въ пользу владѣльцевъ люстрація отмѣчаетъ подачки съ рыбъ и бобровъ — „а пашни, когда пашутъ, десятина“¹⁾. Это — „когда пашутъ“ — является характернымъ показателемъ экономической жизни сельскаго населенія Черкаскаго повѣта. Дѣйствительно, если мы обратимъ вниманіе на то, чѣмъ занимается масса населенія и какія платитъ дани, то увидимъ, что ея главное занятіе — уходы, ея дани — рыба, бобры, медъ. Только люстрація Каневского замка отмѣчаетъ нѣсколько селъ — всего два-три, — жители которыхъ платятъ *подымщину*, т. е. живутъ съ земледѣлія (Колтыгаево, Со-винъ). Люстрація же Черкаскаго замка и вовсе не знаетъ подымщины, какъ устойчиваго обложенія. Это, конечно, не значитъ, что населеніе совершенно не занималось земледѣ-

¹⁾ Въ настоящемъ очеркѣ мы пользуемся двумя люстр.: Черкаскаго и Каневского замковъ. Изданы онѣ въ А. Ю. З. Р. VII, I, №№ 14 и 15 (обѣ 1552 г.).

ліемъ. Оно имъ занималось, въ особенности подъ защитой замковъ. Каневская люстрація, напр., отмѣчаетъ мѣщанскія пашни, которыя давали старостѣ дохода 10 коп. жита и столько же ирины (съ десятины); по Черкасской люстраціи „пашутъ Черкашене мещане и бояре на поли, где хто хочеть“¹⁾. Но уже самыя эти данныя свидѣтельствуютъ о крайне слабомъ развитіи или точнѣе — объ отсутствіи развитія этой отрасли сельскаго хозяйства.

Мы т. о. возвратились къ тому, съ чего начали. Продолжая дальше наше изложеніе, мы должны показать: въ чемъ же заключалось богатство края и въ соотвѣтствіи съ этимъ — благосостояніе мѣстнаго населенія? На это отмѣчаютъ люстраціи.

Общее впечатлѣніе, какое получается при чтеніи Каневской и Черкасской люстраціи и подтверждается при внимательномъ изученіи ихъ — то, что населеніе вообще не сидитъ осѣдло, а отправляется въ уходы: селъ мало, но много уходниковъ. Какое же понятіе мы должны соединять съ терминомъ: *уходъ*? — Уходъ представляетъ изъ себя хозяйственное угодіе трехъ родовъ: либо это озеро и рѣка, изобилующія рыбой; либо бобровыя гоны; либо, наконецъ, мѣсто, удобное для насѣки. Помимо того, можно было отправляться еще „въ стрѣльбу“ — это былъ тоже своего рода уходъ, но скорѣе, какъ дѣйствіе, а не какъ вещь въ себѣ, поддающаяся точной локализаци. Скажемъ нѣсколько словъ о каждомъ изъ названныхъ угодій и занятій.

Рыбная ловля совершалась либо въ озерахъ, либо въ рѣкахъ. Выгода Черкасскихъ озеръ заключается въ томъ, что они расположены большею частью въ низменной мѣстности, въ періодъ половодья заливаемой Днѣпромъ и постоянно пополняемой свѣжими запасами рыбы: это уступы, или затоны. „Въ тыхъ озерахъ — читаемъ въ люстраціи Черкаскаго замка — рыбы досыть завжды въ Днѣпра“²⁾. Если въ озерахъ „завжды“ было „досыть“ рыбы, то по той же причинѣ ее было „досыть“, и даже больше, чѣмъ „досыть“, въ рѣкахъ, впадающихъ въ Днѣпръ, не говоря уже о самомъ Днѣпрѣ. И дѣйствительно, путешественниковъ всегда поражало это

¹⁾ с. 86.

²⁾ с. 86.

изобилие рыбы. Бопланъ, напр., называетъ р. Песель „очень рыбной“, Омельникъ—„чрезвычайно изобилующей рыбой“, Ворсклу—„еще болѣе рыбной, чѣмъ всѣ предыдущія“, а для Замокана (близь Верхне-Днѣпровска впадаетъ въ Д.) не находить подходящихъ выражений. Эта рѣка съ окружающими ее озерами была столь переполнена рыбой, „что безчисленное количество ея (рыбы), стѣсненное въ этой стоячей водѣ, по словамъ Боплана, гибнетъ и приходитъ въ такое сильное разложение, что даже заражаетъ воду“¹⁾. О рыбности Днѣпра уже нечего говорить: объ этомъ свидѣлствуютъ почти всѣ путешественники, наблюдавшие его своими глазами. Люстрации отмѣчаютъ рыбныя ловли на Роси, Ольшаницѣ, Тясмени, обоихъ Ингулахъ, — на Сулѣ, Ворсклѣ, Орели и Самарѣ съ ихъ притоками. Здѣсь „хаживали“, какъ бояре, такъ и мѣщане черкасскіе, „а давали съ того старосте съ каждое ватаги — великое або малое, зъ рыбъ по 30 рыбъ, яко: щуку, корошовъ, лещовъ, сомовъ; а кгда будутъ осетры, ино а ватаги старосте осетръ одинъ, хотя-бъ одинъ только уловенъ“²⁾. На осетры, разумѣется, самой благодарной была охота на Днѣпрѣ. „Приходятъ уходники весною на осетры и ставятъ сети деревяныя на Днепру, по лукамъ“³⁾, а старостѣ съ того доходъ. Но въ то время осетры водились и въ другихъ рѣкахъ; напр., на Роси было село *Осетровъ*, впоследствии прозванное Сахновской: очевидно, первоначальное свое названіе это село получило отъ уходниковъ, которые занимались здѣсь ловлей осетровъ. Обычная норма вознагражденія владѣльцевъ рыбныхъ уходовъ была— $\frac{1}{3}$ часть улова.

На тѣхъ же озерахъ и рѣкахъ производились и *бобровыя гоны*, но бобровъ были уже не отъ восьмой части, а съ половины: видно, бобры были не такъ часты и не очень легко давались гонителямъ. Это можно подтвердить даже прямыми указаніями люстрацій; напр., въ с. *Подсычалъ* (Канев.) и. Служки люстрація отмѣчаетъ рыбныя ловы и бобровыя гоны: „сего году досталоса ему (владѣльцу) рыбы за 5 коп. грошей, бобръ—одинъ“; или въ с. *Тулиблѣ*—„бобры

¹⁾ По изд. Лисковскаго с. 11.

²⁾ с. 85.

³⁾ с. 85.

на поля; сего лета одного убито“¹⁾. Иногда, впрочемъ, случалось убивать въ одно лѣто на томъ же угодіи и нѣсколькихъ бобровъ; напр., въ с. *Калтыгасовъ* (Канев. же) „сего года досталоса тамъ рыбы за 6 коп. гр., бобры—три“; или въ с. *Совинъ*: „бобровъ убито сего года три“²⁾. Нужно, однако, замѣтить, что всѣ эти данныя относятся къ району, близкому къ мѣстамъ постоянного жительства, въ частности—къ Каневскому обводу. Но уже въ Черкасскомъ обводѣ ловы были, нужно полагать, и болѣе обильны и болѣе привольны,—не говоря уже, конечно, о Сиверскихъ уходахъ, изобиліе которыхъ намъ хорошо извѣстно по свидѣтельствамъ путешественниковъ.

Обыкновенно по берегамъ озеръ и рѣкъ, но, вообще говоря, независимо отъ ихъ мѣстонахожденія—гдѣ было пожиточнѣе—разставлялись пасѣки. Наиболѣе выгодными для пасѣки считались опушка лѣса или гай. Кто не имѣлъ подходящихъ угодій, арендовалъ ихъ у другихъ. Аренда платилась деньгами, причѣмъ обычнымъ вознагражденіемъ считалось 12 коп. гр., хотя—разумѣется—въ каждомъ частномъ случаѣ эта обычная норма могла повышаться или понижаться, смотря по качеству и пространству самого угодія—„яко ся умоватъ“. Впрочемъ, въ иныхъ случаяхъ — напр., люди замковые, отъ замковыхъ угодій—не давалось совсѣмъ никакой платы за пользованіе пасѣчными угодьями; такъ, въ селищѣ *Цареволъ* двумя пасѣками стоявшіе люди замковые, „не даютъ ничего“, а землинскіе—по 8 гр., „або яко ся умоватъ“; или въ селищѣ *Тельсесолъ*: „пасѣки держать люди замковые — не даютъ ничего“³⁾. Насколько широка была эксплуатация пасѣчныхъ угодій и насколько производительна, можно судить хотя бы по слѣдующему случаю. Нѣкто Чайка, будучи намѣстникомъ Каневскимъ при Остафій Дашкевичѣ, получалъ съ однихъ Сиверскихъ уходовъ (только замковыхъ) отъ половинниковъ 90 кадей меду, „окромѣ бобровъ, рыбъ, мяса и иныхъ пожитковъ“⁴⁾.

¹⁾ с. 99.

²⁾ с. 99, 100.

³⁾ с. 100, 101.

⁴⁾ с. 103.

Отходъ „въ стрѣльбу“ былъ не менѣе распространенъ и прибыльнымъ занятіемъ. Въ большинствѣ случаевъ, впрочемъ, онъ едва-ли составлялъ самостоятельный (спеціальный) промыселъ: охотились попутно. Характерный типъ промышленниковъ того времени—человѣкъ съ ружьемъ или лукомъ за плечами. Отправляясь въ угодъ за много десятковъ верстъ отъ мѣстъ человѣческаго поселенія, въ степь, населенную хищными звѣрами и обозрѣваемую во всѣхъ направленіяхъ не менѣе хищными кочевниками, разумѣется, было бы безразсудно не захватить съ собою какого-либо оружія. А разъ оружіе имѣлось подъ руками, то трудно было удержаться отъ охоты, да и зачѣмъ? Охотиться же было гдѣ и на кого. „Въ этихъ степяхъ (отъ Браслава до Очакова, примыкавшихъ къ Черкащинѣ)—говоритъ почти современный путешественникъ (1578 г.)—водятся дикіе буйволы, лоси, лошади, олени, однорогіе бараны, козы, вепри и степные медвѣди“¹⁾. Дополняя его, Вонзагъ, спустя около 70 лѣтъ строившій крѣпости на территоріи Украины, — говоритъ, что еще въ его время (уже по ту сторону Днѣпра) въ изобиліи водились: маленькіе звѣрьки, называемые на мѣстномъ нарѣчій *байбахами* (между Супоємъ и Сулой); особый видъ животнаго, ростомъ съ козу, мясо котораго столь же вкусно, какъ мясо дикой козы, а рога отличаются бѣлизною, гладкостью и блескомъ; олени и дикія козы, бродившіе стадами; также дикіе кабаны чудовищнаго роста; дикія лошади, табунами въ 50 — 60 головъ; на границѣ съ Московіей — буйволы и другіе большіе звѣри, равно какъ бѣлые зайцы и дикія кошки; въ сторонѣ Валахія — бараны съ длинною шерстью и десяти-фунтовымъ хвостомъ и проч.²⁾. Все это было въ предѣлахъ Черкасскихъ или въ близкомъ сосѣдствѣ съ ними.

Привольныя степи Черкасскаго повѣта давали широкій просторъ для занятія *скотоводствомъ*. И мы дѣйствительно имѣемъ указанія на то, что скотоводство въ Черкасскомъ повѣтѣ, можно сказать, процвѣтало. Люстраціи, напр., отмѣчаютъ въ рубрикѣ старостинскихъ доходовъ „кони зъ ди-

¹⁾ Броневскій, въ Зап. Одесск. Общ. Ист. и Др. VI, 1867 г., с. 334.
²⁾ с. 34-35.

ковъ“. „Хтобъ коня, або колько ихъ выгнать з диковъ, мають кони тые привести до замку; и будутъ ли Черкашенина котораго, мають Черкашенинъ кони тии свои взяти, давши отъ нихъ по 12 гр. тому, хто выгнать“ (а если чужегородца, то—старостѣ¹⁾). Очевидно, Черкашане разводили лошадей табунами на манеръ того, какъ теперь дѣлается у донскихъ и другихъ казаковъ. Когда же лошади оказывались „въ дикахъ“, т. е. отбившись отъ табуна, заходили въ чужія владѣнія и были пойманы тамъ, т. е. на мѣстѣ преступленія, то владѣлецъ лошадей долженъ былъ платить вознагражденіе потерпѣвшему, а чужегородецъ къ тому же—и штрафъ уряду. Что скотоводство дѣйствительно въ широкихъ размѣрахъ практиковалось въ Черкасскомъ повѣтѣ, это подтверждается и другими данными. Такъ, въ 1560 г. бѣлгородскіе казаки, сдѣлавъ нападеніе на Бѣлую-Церковь, увели съ поля *череда*²⁾; въ 1546 г. Черкасцы жаловались на своего старосту Онкія Горностая, что онъ пускаетъ своихъ *коровъ* и *козъ* на ихъ уходы³⁾; въ числѣ движимаго имущества небожчика Остафія Дашковича оказались, между прочимъ: *стадо сверетне* (лошади?), *бѣгло*, *овцы* и *свины* (и бчюла пасѣчная въ Черкассахъ и Каневѣ⁴⁾). Для широкаго развитія скотоводства Черкасскаго повѣта располагалъ всѣми данными. „Почва этихъ степей—говоритъ Броневскій—чрезвычайно плодородна: по нимъ растутъ въ изобиліи разнаго рода травы пахучія и чрезвычайно питательныя для огромныхъ стадъ овецъ и рогатаго скота“⁵⁾. Эти выгоды лучше, м. б., чѣмъ кѣмъ-либо другимъ, были оценены Татарами. Еще при Остафіи Дашковичѣ, по указанію хроникъ и актовъ, крымскій царевичъ Осламъ-Султанъ просилъ короля Сигизмунда I разрѣшить ему кочевать въ предѣлахъ Черкасскаго повѣта—и кочевать здѣсь, съ разрѣшенія литовскаго правительства, съ 70 т. людей и безчисленнымъ количествомъ стадъ⁶⁾.

¹⁾ с. 83.

²⁾ А. Ю. Р. I, № 135. Ср. Ки. Посольск. I, № 135.

³⁾ А. Ю. З. Р. VII, II, с. 372.

⁴⁾ А. Ю. Р. II, № 117.

⁵⁾ оп. с. 335.

⁶⁾ Gwagnin 152-3; А. З. Р. II, № 156.

Доселъ мы говорили объ угодьяхъ и доходахъ черкаскаго населенія, т. е. хозяйственнаго характера. Но была у Черкасцевъ еще одна статья доходовъ, которая подъ указанную рубрику не подходитъ, но однако же имѣла важное значеніе въ ихъ обиходѣ. Это—*отходъ въ козацтво*. Черкасскій повѣтъ, благодаря своему украинному положенію, служилъ прибіжищемъ для всякаго рода бѣглецовъ, которые приходили сюда не только изъ Литвы и Польши, но и съ юга—изъ Крыма и Турціи, и здѣсь находили для себя покровительство среди мѣтнаго населенія; такъ, напр., въ 1506 г. Менгли-Гирей жаловался королевскому послу (Якубу Ивашенцовичу), что „Шадый-Чекчи имя—слуга мой, сбежавши въ Черкасахъ: были наши слуги, видели его и въ Черкасцовъ прохали его Чурулу—не дали ему, и они его отослали къ Каневу“¹⁾. По словамъ Ренгольда Гейденштейна, „всякій, кто былъ въ тяжкой нуждѣ, или былъ осужденъ за уголовныя преступленія, и всѣ тѣ, которымъ или обстоительства, или законы не дозволяли жить въ отчествѣ, какъ изъ другихъ народовъ, такъ и изъ Поляковъ и Литовцевъ,—собирались сюда, чтобы жить грабежомъ и добычею“²⁾. Живились эти удалыцы большею частью на счетъ Турокъ и Татаръ, добывая себѣ такъ называемыя „бутынки“. Этотъ промыселъ находился даже подъ покровительствомъ властей и былъ обложенъ определенной податью. „Кгда ся придасть Черкасцомъ бутынокъ або языки з людей неприятельскихъ, тогда старосте з бутынку того одно, што лепшее: кони, або зброя, або языкъ; а иншии языки и бутынокъ имъ; такъже кгда козаки, в земли неприятельской здобывшии приходять, з добытку того старосте одно што лепшее“³⁾.

Таково экономическое положеніе Черкаскаго повѣта. Не менѣе своеобразна и его социальная структура. Уже въ другихъ украинскихъ (Остерскій) или захолустныхъ (Чернобыльскій) повѣтахъ Киевской земли мы имѣли случай отмѣтить извѣстную гармонию во взаимоотношеніяхъ разныхъ группъ населенія. Въ Черкасскомъ повѣтѣ эта гармонія про-

¹⁾ Сбор. Оболенскаго, с. 86.

²⁾ Записки о Московской войнѣ I, с. 9.

³⁾ с. 83, стр. 97.

является въ наиболѣе яркомъ освѣщеніи. Начнемъ съ боярства.

Черкасское боярство, не смотря на присутствіе въ его рядахъ нѣкоторыхъ знатныхъ фамилій, напр., князей Глинскихъ и Довмонтовъ, въ общемъ не отличалось ни сановитостью, ни зажиточностью. Да оно и не многочисленно: не больше 20 семействъ (въ двухъ обводахъ). Правда, нѣкоторые изъ черкасскихъ бояръ владѣли обширными пространствами земли, напр., бояринъ Драбъ занималъ все теченіе р. Пела;—но что значили эти обширныя, хотя бы и плодородныя пространства, при отсутствіи рабочихъ рукъ? Приходилось собственнымъ трудомъ ихъ эксплуатировать, чтобы извлекать хотя малую пользу. И дѣйствительно, есть указанія, что нѣкоторые бояре такъ и поступали. „Бобровыи гоны по рекахъ вышайписанныхъ хаживали Черкасцыи мещане и бояре“—читаемъ въ люстраціи Черкаскаго замка; или въ другомъ мѣстѣ: „пануть Черкашане мещане и бояре на поли, где хто хочеть“¹⁾. Впрочемъ, можетъ возникнуть сомнѣніе: подлинно ли сами бояре пануть? Не относится ли это къ ихъ подданнымъ?—Но возникшее сомнѣніе легко разрѣшается тѣмъ, что многіе изъ черкасскихъ бояръ совершенно не имѣли подданныхъ. Они имѣли только угодья, которыя сдавались подъ эксплуатацію за весьма низкую арендную плату, да и то не всегда: случалось, что не было охотниковъ и на это. Напримѣръ, въ трехъ селищахъ Жубрика, обыкновенно арендуемыхъ подъ пасѣку, „теперь пусто, не стоить никто, только одна его самого пасека“; то же и въ четвертомъ селищѣ того же боярина—Радивоновскомъ: „теперь тамъ только его самого пасека“²⁾. Разумѣется, что при такомъ положеніи дѣлъ, черкасскимъ боярамъ приходилось собственнымъ трудомъ эксплуатировать свои угодья.

Въ отношеніи замковыхъ повинностей черкасское боярство не пользовалось никакими привилегіями по сравненію хотя бы съ мѣщанствомъ. На его обязанности (также людей владѣльческихъ и мѣщанъ) лежало: оправдать замокъ, рубить острогъ, содержать стражу („с пенязей сели-

¹⁾ с. 85, 86.

²⁾ с. 90.

ковщизны*—квартирнаго налога), ѣздить однажды въ году въ ловы на старосту, наконецъ, „служитиконъ по, збройно и ездити съ старостою, або и безъ старосты, съ служебниками его, противъ людей неприятельскихъ и во погоню за ними“, ѣздить даже и тогда, когда не было слуху о неприятелѣ — ради предосторожности¹⁾. Все это—факты, во многихъ отношеніяхъ характерные для данной мѣстности (повѣта).

Переходимъ къ селянству.

Въ Черкасскомъ повѣтѣ не видно того обособленія отдѣльныхъ группъ сельскаго населенія по присудамъ, а въ силу этого—и по нѣкоторымъ обязанностямъ, какое въ широкой степени замѣчается, напримѣръ, въ Киевскомъ или даже Житомирскомъ повѣтахъ,—прежде всего, разумѣется, потому, что владѣльческихъ *подданныхъ* въ собственномъ смыслѣ здѣсь почти не было. Масса населенія Черкаскаго повѣта состояла изъ вольныхъ уходниковъ, которые только экономически, и то слабо, были связаны съ боярствомъ. Между тѣмъ близость степи—съ другой стороны—настоятельно требовала концентраціи населенія подъ замковымъ присудомъ. Поэтому мы видимъ, что „подданныхъ всихъ, яко замьковыхъ, такъ князскихъ, земинскихъ и церьковныхъ староста судить“²⁾. Въ другомъ мѣстѣ нѣсколько разъясняется, что это за *подданные*—въ какомъ отношеніи они стоятъ къ замку и къ своимъ владѣльцамъ. „Подданные земьянские и церьковные, которые при замьку в месте и по островомъ живутъ, и гости повинни послушны быти присуду замькового, подводы и стаеня посполу зъ мещаны давати, а часовъ потреби—противъ людей неприятельскихъ и в погоню за ними ходити, ижгли *подачки паномъ своимъ дають*“³⁾. Такимъ образомъ, все подданство владѣльческихъ людей своимъ владѣльцамъ заключалось только въ томъ, что они „подачки паномъ своимъ дають“.

¹⁾ с. 81, 82, 94-5, 97.

²⁾ с. 96. Отъ 27/ви 1495 г. мы имѣемъ листъ вел. кн. Александра къ Черкасскому намѣстнику о несуженіи владѣльческихъ людей (А. З. Р. I, № 130); но онъ, очевидно, не имѣлъ никакого вліянія на мѣстную администрацію.

³⁾ с. 98.

Уже изъ всего выше сказаннаго слѣдуетъ, что и мѣщанство черкасское не представляло изъ себя обособленной социальной группы. Въ своихъ занятіяхъ оно сливалось съ селянствомъ, службу раздѣляло съ боярствомъ и дѣйствовало за—одно съ послѣднимъ въ упорной борьбѣ противъ уряда.

Какъ черкасскіе, такъ и каневскіе мѣщане имѣли свои—мѣстскіе—уходы: на Тшемени, Дябпрѣ, Сулѣ, Самарѣ и въ другихъ мѣстахъ. Уходы эти, впрочемъ, значительно уже сократились около половины XVI в. влѣдствіе многочисленныхъ захватовъ господарскихъ урядниковъ и частныхъ лицъ, но все-же и въ то время они еще существовали¹⁾. На этихъ уходахъ мѣщане занимались разнообразными промыслами, а пахали—„гдѣ хто хочеть“: при тогдашнемъ обиліи земли объ этомъ не приходилось особенно беспокоиться. Впрочемъ, около половины XVI в. и въ этомъ отношеніи возникло уже стѣсненіе. „Земля по полемъ, надъ мнестомъ—жаловались Каневцы—мещаномъ на пашню здавна была вольна, ижгли недавно кн. Володимиръ Путивльскій, вышодши изъ Москвы, почалъ на тыхъ земляхъ с пашень мещанскихъ брати десятину“²⁾. Но въ Черкассахъ мѣщане пахали еще невозбранно.—Помимо мѣстскихъ, общинныхъ земель, многіе мѣщане имѣли еще свои властныя—отчизныя или вновь „набутилъ“ земли. (Изъ документовъ, опубликованныхъ Каманинымъ, видно, напримѣръ, что дѣдъ черкаскаго казака Тишка Валевича купилъ у мѣщанина Ив. Безмолного „пашку въ Монтренинѣ, по—надъ Еничемъ лѣсъ съ подлесемъ, съ селожатми и пахотнимъ полемъ“³⁾); люстрація Каневскаго замка отмѣчаетъ уходы четырехъ мѣщанъ отчизные „на Сулѣ, уверхъ далей отъ Войловьскаго земьлею ити—два дни, а рекою—болитъ“; такіе же—отчизные—уходы по Сулѣ, Сулицѣ, Мнозѣ и Удаю принадлежали, по той же люстраціи, мѣщанамъ: Бродовичамъ, Чабановичамъ, Колотвиновичамъ и Дидковичамъ⁴⁾. Въ отбываніи земской службы черкасскіе (повѣтовые) мѣщане имѣли только одну льготу:

¹⁾ А. Ю. З. Р. VIII, V, № 82; ср. люстр.

²⁾ с. 97-8.

³⁾ Матеріалы № 3 въ Чт. Нестора лѣтоп. VIII, 1894.

⁴⁾ с. 101, 102.

кто поднималъ подводами и стаціями пословъ, тотъ не обязанъ былъ ѣздить конно и збройно при старостинскихъ ярдникахъ, а только со старостою; самая же обязанность подниманія подводами и стаціями ограничивалась лишь татарскими послами и гонцами. Впрочемъ, до Остафія Дашкевича, а м. б. еще и въ первые годы его правленія, черкасскіе мѣщане пользовались еще одной льготой: они были свободны отъ ясачной службы, которую несли особо назначенныя для того села.

Мы уже имѣли случай замѣтить, что населеніе Черкаскаго повѣта состояло въ извѣстной части изъ бѣглецовъ разныхъ націй, но разнымъ причинамъ некавшихъ здѣсь пріюта. Въ большинствѣ случаевъ это были люди своевольный, который вносили духъ непокорства и въ среду мѣстнаго населенія. Да и безъ посторонняго вліянія это послѣднее, уже въ силу своей близости къ неизмѣрному простору степей, манившихъ на привольную жизнь, имѣло причины быть беспокойнымъ. Навболѣе яркаго своего проявленія это беспокойство достигло въ казачествѣ; менѣе ярко, хотя все же чувствительно, оно сказалося въ борьбѣ черкаскаго мѣщанства съ господарскимъ урядомъ, — и не только одного мѣщанства, но и боярства — всего городекаго посполства. Последнее обстоятельство мы въ особенности подчеркиваемъ, такъ какъ оно указываетъ на своеобразную структуру черкаскаго общества, нигдѣ въ другихъ повѣтахъ Киевской земли не зарекомендовавшаго себя такой солидарностью, какъ въ Черкасскомъ, а эта солидарность, съ оборотной стороны, свидѣтельствуетъ объ отсутствіи рѣзкой дифференціи въ массѣ населенія.

Не извѣстно въ точности — когда, но, должно быть, векорѣ послѣ смерти Остафія Дашкевича (+1535) — славнаго казака, но, повидимому, крутого и своекорытнаго администратора, при Черкасскомъ (и Каневскомъ) старостѣ Васи́лїи Тышкевичѣ — войтъ и веѣ черкасскіе мѣщане били челомъ кор. Сигизмунду I, „штожь дей якъ держалъ тотъ замокъ Черкасы небожчикъ и Остафей Дашкевичъ, ино дей въ тотъ часъ кривды ся великіе имъ отъ него стали“. Челобитчики при этомъ просили господара оставить ихъ по старинѣ. Въ числѣ кривдъ Черкасцы указывали: что Остафій

Дашкевичъ „у свою моць взялъ“ ихъ братію и тѣмъ увеличилъ тяжесть мѣщанскаго тягла; что онъ наложилъ на нихъ новыя повинности — дрова таскать, сѣно косить, неводу волочить и т. п.; сталъ брать половинную часть отъ ихъ промысловъ; отнял у нихъ уходы и пораздавалъ чужгородцамъ; отнял корчму; запретилъ возить въ Кіевъ рыбу и медъ, закупая у мѣщанъ эти продукты по произвольной цѣнѣ; забиралъ у нихъ весь „здобытокъ“ отъ бутынковъ, вмѣсто одного „выимка“; лишилъ ихъ свободы передвиженія; о Рождествѣ Христовѣ, вмѣсто добровольныхъ подарковъ, обязалъ ихъ куницами и лисицами; присвоилъ себѣ право на „статокъ“ жены умершаго и проч. и проч. Обо всемъ этомъ черкасскіе мѣщане били челомъ господарю, „абы милосердіе свое надъ ними учинилъ — при старинѣ ихъ оставилъ, и не казалъ имъ надъ обычаи стародавние кривды чинити и повини уводити“. Въ отвѣтъ на это челобитіе кор. Сигизмундъ писалъ Черкасскому старостѣ Васи́лїю Тышкевичу, чтобы тотъ „заховалъ“ во всемъ старину и, если бы случилось, что небожчикъ Остафій Дашкевичъ дѣйствительно ввелъ новины, отмѣнилъ таковыя ¹⁾.

Судя по дальнѣйшему, можно думать, что Васи́лїй Тышкевичъ не облегчилъ положенія черкасскихъ мѣщанъ. Во всякомъ случаѣ мѣщане не сочли себя удовлетворенными его уступками, если таковыя даже были имъ сдѣланы, и заодно съ боярствомъ взбунтовались противъ своего старосты. Въ этомъ ихъ поддержало отчасти и каневское мѣщанство ²⁾. Въ какихъ формахъ проявился бунтъ Черкасцевъ, мы не знаемъ. Инициаторомъ его былъ, повидимому, господарскій дворянинъ Янъ Пенъко, который въ то время по дѣламъ своей службы оказался въ Черкасахъ ³⁾. Комиссары, по порученію короля разслѣдовавшіе это дѣло, направили къ нему причастными также черкасскихъ бояръ „и казали ихъ скарати“. По этому случаю мы имѣемъ правный листъ кор. Сигизмунда II (со ссылкой на таковой же его отца и

¹⁾ А. Ю. З. Р. VII, II, № 18; *ibid.* VIII, V, № 6.

²⁾ Между прочимъ, когда, по приказанію господара, на помощь В. Тышкевичу вышли служебники Киевской роты и, соединившись со служебниками Черкаскаго старосты, напали на Каневъ, то Каневцы ихъ „побили, поранили и речи ихъ побрали“. — А. Ю. З. Р. VIII, V, № 24.

³⁾ А. Ю. З. Р. III, I, № 2.

предшественника) на имя названных въ немъ черкасскихъ бояръ¹⁾, листъ, освобождающій ихъ отъ признаннаго судомъ безчестія, согласно заявленію означенныхъ бояръ, что во время бунта Черкасцевъ и Каневцевъ они стояли на сторонѣ старосты²⁾. Въ нашемъ распоряженіи имѣется и еще одинъ документъ по этому дѣлу. Это—манифестація А. Солтановича, которую онъ въ 1536 г. просилъ занести въ памятную книгу, манифестація, которая содержитъ въ себѣ жалобу на Черкаскаго и Каневскаго старосту Василия Тышкевича, „штожь дей онъ на его властной земли хоромы мощно, гвалтомъ пожогъ и людей побилъ и къ тому тывувъ его зъ людьми, двоухъ человекъ п. Александроны поймавшы у Гоцовѣ, збилъ и змучилъ и въ нетство посажалъ безправно“³⁾. Кромѣ указанныхъ документовъ, мы ничего больше не имѣемъ по данному дѣлу, до сихъ поръ темному въ своихъ подробностяхъ. Во всякомъ случаѣ для насъ ясны его результаты: В. Тышкевичъ послѣ этого громкаго проищестія не усидѣлъ на своемъ старостѣ—его смѣнилъ тотъ самый Янъ Пенько, котораго молва, должно быть, не безъ основанія, обвинила въ подстрекательствѣ къ бунту.

Смѣной старосты, однако, инцидентъ не былъ исчерпанъ. Черкасскіе мѣщане остались недовольны и Пенькомъ. По жалобѣ ихъ на своего старосту, въ 1539 г. Киевскій воевода⁴⁾ выѣзжалъ въ Черкасы для разбирательства возникшихъ недоразумѣній, но не „нашелъ его ни въ чомъ виновного“. Тѣмъ не менѣе воевода „вчинилъ такъ на обѣ стороны, яко ся на то они сами зволчили“—значительно облегчилъ мѣщанское тягло⁵⁾. Натянутыя отношенія между мѣщанами и старостой, не смотря на это облегченіе, все-таки продолжались и м. б. поэтому именно Янъ Пенько уступилъ свое мѣсто кн. Андрею Глѣбовичу Пронскому. Но и этотъ не внесъ умиротворенія въ среду Черкашанъ. Около

¹⁾ Ив. Зубрика, Берендѣя, Яна Малыхъ-Ваши, Жакда Сѣманковича (вар. Жадка Сенюшковича) съ братомъ его Поаднякомъ и Васька Ремея (вар. Релея).

²⁾ А. Ю. Р. II, № 127 = А. Ю. З. Р. VIII, V, с. 466 и сл.

³⁾ Расплата за бунтъ?—Arch. Lub.-Sang. IV, № 23.

⁴⁾ Андрей Немировичъ.

⁵⁾ А. З. Р. II, № 195.

1540-1 г. черкасскіе мѣщане, не желая больше терпѣть обтяжливостей—многихъ кривдъ, новинъ и необычныхъ пошлинъ, чинимыхъ имъ новымъ старостой надъ ихъ стародавние обычаи, — въ количествѣ нѣсколькихъ десятковъ семействъ, съ женами и дѣтьми вышли изъ Черкассъ и поселились въ Каневѣ, откуда выслали братію свою — тамошнихъ мѣщанъ—съ челобитіемъ къ господарю „о тые кривды и обтяжливости свои, которыя ся имъ отъ старосты дѣють“. Въ то же время отправилось подобное же посольство отъ войта, мѣщанъ и всего посполства г. Черкассъ. Манифестація была эффектная, но не достигла результатовъ, на которые рассчитывали манифестанты. Выслушавъ обѣ стороны, король велѣлъ старостѣ „заховать“ мѣщанъ и все посполство, согласно уставѣ Андрея Немировича, которою тотъ оправдывался, но при этомъ, впрочемъ, далъ ему нѣкоторыя директивы — „абы ся о томъ вѣдалъ и имъ ся поступилъ и нѣкоторыхъ (спор)овъ правныхъ з ними не починалъ, а спокойне и лагодне с ними ся мѣшкаль“¹⁾.

Однако „спокойная“ и „лагодная“ жизнь черкасскихъ мѣщанъ оказалась невозможной: староста не хотѣлъ поступиться своими правами, а мѣщане не отказывались отъ своихъ притязаній. Черезъ два-три года тяжущіяся стороны снова предстали передъ господаремъ, который поручилъ разсудить ихъ своему сыну—Сигизмунду Августу, совмѣстно съ панами рады. Изъ этой тяжбы, между прочимъ, выяснились *ria desideria* черкасскихъ мѣщанъ. На вопросъ: чинилъ ли имъ теперешній староста что-нибудь надъ уставу Андрея Немировича?—мѣщане откровенно сознались, что—не чинилъ, но при этомъ выразили свое недовольство самой уставой, передъ тѣмъ „ухваленной“ королемъ. „Одно дей тая устава—жаловались черкасскіе мѣщане—есть намъ въ тяжкость, ожь быхмо дей мѣли з тыхъ уходовъ нашихъ (въ данномъ случаѣ споръ шель именно о мѣщанскихъ уходахъ—по Днѣпру, Орели и Тясмени) такъ много добычи старостѣ давали, и тежь ижь бы мѣли городъ рубити и оправовати“. Происхожденіе самой уставы въ ея настоящемъ содержаніи мѣщане объясняли тѣмъ, что—до „тую уставу небожчикъ п.“

¹⁾ А. Ю. З. Р. VII, II, № 18.

воевода Киевский учинилъ къ воли брату своему, п. Пеньку, а ку нашей тяжкости". Когда мѣщанъ, далѣе, спросили: имѣють ли они властные свои уходы и, если имѣють, то — какой урокъ хотѣли бы давать съ нихъ старостамъ? — вопрошаемые отвѣчали, что властныхъ уходовъ и земель они не имѣють — „одно Божье да господарское“, — но тѣмъ не менѣе они не хотѣтъ ничего давать старостѣ отъ своихъ уходовъ, „бо дей за то служимъ“. Признаніе очень важное! Оно рисуетъ передъ нами социальныя идеалы черкаскаго мѣщанства, а такъ какъ въ данномъ случаѣ жалоба шла также и отъ всего черкаскаго посполства, то — и этого послѣдняго (вообще). „Не желаемъ платить, ибо служимъ“ — это, очевидно, и есть та точка, вокругъ которой вращался весь споръ черкаскаго посполства съ урядомъ.

Выслушавъ показанія обѣихъ сторонъ, Сигизмундъ Августъ приказалъ, а его отецъ „подтвердилъ на обѣ стороны“; „мають ся они водлѣ тое уставы наше (Андр. Немирова) справовати и з ней ни въ чимъ выступати подъ великимъ а немилостивымъ каранемъ нашимъ — не мають“. Для большаго авторитета устава Андрея Немировича была подтверждена на вальномъ сеймѣ въ Берестѣ (1544 г. ¹⁾).

Однако, ни рѣшеніе двухъ господарей, ни авторитетъ Берестейскаго сейма не оказали должнаго воздѣйствія на черкасское посполство. Пришлось снова перемѣнить старосту, но и на новаго — Онкия Горностая — посыпались жалобы и обвиненія въ разныхъ новинахъ и притѣсненіяхъ, которыя оканчиваются на 1546 году м. б. только потому, что съ этого года насъ покидаютъ документы. Дальнѣйшей исторіи черкаскаго мѣщанства и вообще посполства, за отсутствіемъ документальныхъ данныхъ, прослѣдить невозможно; но, повидимому, упорство ихъ продолжалось и дальше, такъ что вынудило въ концѣ концовъ польско-литовское правительство на нѣкоторыя уступки, въ иномъ, впрочемъ, направленіи: въ 1558 г. Черкасцы и Каневцы были освобождены отъ мыта за „збожье“ на территоріи Великаго Княжества, а въ 1569 г. — отъ всеобщей земской подати — серебщины, изъ уваженія къ ихъ службѣ и „небезпе-

¹⁾ А. Ю. З. Р. VII, II, № 18.

ченству“ ²⁾. Это была т. е. компенсація за „тяжкости“, не всегда изъ прихоти налагаемая на нихъ господарскимъ урядомъ.

Мы нарочито остановились на этихъ подробностяхъ, такъ какъ онѣ, съ одной стороны, способствуютъ выясненію внутренняго быта разныхъ общественныхъ группъ Черкаскаго повѣта — на первомъ мѣстѣ, разумѣется, мѣщанства; а во вторыхъ, могутъ послужить къ уясненію исторіи казачества: такова, слѣдовательно, была атмосфера, въ которой развилось это оригинальное явленіе южно-русской общественной жизни.

Теперь обратимся къ исторіи колонизаціи, но предварительно скажемъ нѣсколько словъ о планѣ ея. — На территоріи Черкаскаго повѣта въ теченіе (всего ?) разсматриваемаго періода существовало два господарскихъ замка — Черкассы и Каневъ, къ которымъ тянула службой и повинностями болѣе или менѣе опредѣленная территорія. Около половины XVI ст. къ этимъ двумъ замкамъ присоединился еще третій — Бѣлая-Церковь. Тѣмъ не менѣе, въ теченіе всего разсматриваемаго періода мы имѣемъ дѣло не съ двумя, какъ бы слѣдовало ожидать, а только съ однимъ Черкасскимъ повѣтомъ: Каневскаго повѣта въ документахъ Литовскаго періода мы не встрѣчаемъ. Поэтому территорію, тянувшую къ замкамъ, мы назовемъ не повѣтомъ, а — слѣдуя терминологіи Яблонскаго — обводомъ. Въ число Черкасскихъ обводовъ мы включимъ, ради удобства, также и Бѣлоцерковскій, хотя повторяемъ и для избѣжанія недоразумѣній — предупреждаемъ, что Бѣлоцерковскій обводъ возникъ только съ половины XVI в.; до этого же времени его территорія тянула, по всей вѣроятности, къ Черкасскому обводу. Границы Бѣлоцерковскаго обвода мы обозначаемъ по позднѣйшей люстраціи, 1616 года ³⁾.

Каневскій обводъ.

Г. Каневъ — при устьѣ Роси въ Днѣпръ; по соображеніямъ, стоитъ на мѣстѣ лѣтописной Родки, въ которой нѣ-

¹⁾ А. Ю. З. Р. II, №№ 131 и 133; А. Ю. З. Р. VIII, V, № 81; Довнар-Запольскій Государ. хозяйство I, 756.

²⁾ А. Ю. З. Р. VII, I, № 43, с. 289—96.

когда Владиміръ св. осаждалъ брата своего Ярополка¹⁾. Послѣ того съ Родней „на устьи Рои“ мы уже больше не встречаемся, но находимъ на ея мѣстѣ г. Каневъ. Въ до-Монгольскій періодъ Каневъ не разъ служилъ резиденціей молодыхъ князей²⁾, имѣлъ также епископскую кафедру, перенесенную сюда изъ Юрьева подъ конецъ XI в.³⁾ Послѣ Татарскаго погрома Каневъ не остался въ развалинахъ, какъ другіе города Киевщины, но сохранилъ свое населеніе *immediate sub Tartaris*⁴⁾. Въ періодъ воеводскаго управления въ Каневѣ сидѣли намѣстники—или подъ Черкасскимъ старостою, или самостоятельно, по назначенію отъ центрального правительства. Изъ нихъ намъ извѣстны: *О. Дашкевичъ* (1510)⁵⁾, *Чайка*⁶⁾, *Чижъ* (1535 г.)⁷⁾, *Бободъ* (1540—42 г.)⁸⁾ и *В. Соломерецкій* (1545 г.)⁹⁾.

Каневскій замокъ въ томъ видѣ, въ какомъ застала его люстрація 1552 г.¹⁰⁾, былъ построенъ Остафіемъ Дашкевичемъ ок. 1535 г.¹¹⁾ на высокой и „прикрой“ горѣ, обрывами спускавшейся въ Днѣпръ. Съ другой стороны, отъ мѣста, гора была столь же неприступна, такъ что приходилось восходить къ замку только по узкой дорожкѣ. Опасность замку могла грозить лишь со стороны Черкассъ, гдѣ отъ поля „прилегла близко гора вышша“, и со стороны стараго городища „съ валы немалыми, съ котораго можетъ быти на замокъ стрельба шходлива“. Пространство замка— $45\frac{1}{2} \times 18$ саж.; на этой площади находилось 6 вежъ и 23 городни. Въ половинѣ XVI в. состояніе замка было печальное. Онъ почти весь сгнилъ, такъ что сдѣлалось опасно не только

¹⁾ Ипат. 51.

²⁾ Ипат. 268, 277, 329, 452.

³⁾ Ипат. 327—1154 г.; дальше, какъ и передъ тѣмъ, Поросьскіе епископы продолжаютъ титуловаться Юрьевскими, но сомнительно, чтобы они съ 1095 г. (Ипат. 160) проживали въ Юрьевѣ.

⁴⁾ Плино-Карпини lib. I, cap. I, по изд. Языкова с. 11.

⁵⁾ Pułaski Stosunki, № 115, с. 368.

⁶⁾ А. Ю. З. Р. VII, I, № 15—при Остафіи Дашкевичѣ.

⁷⁾ Собр. лѣт. XVII, 471.

⁸⁾ Собр. Малиновскаго, с. 25; А. Ю. З. Р. ч. I, т. VI, № 17.

⁹⁾ А. Ю. З. Р. ч. I, т. VI, № 18.—Въ каталогѣ Бовецкаго (Roszet godów) поименованъ только Бободъ, всѣ же остальные пропущены.

¹⁰⁾ А. Ю. З. Р. VII, I, № 15, с. 91—105.

¹¹⁾ Въ люстраціи: „отъ поль—четвернадцати лѣтъ, за п. Остафія“. Но Остафіи Дашкевичъ умеръ до 25/II 1536 г. Ср. А. Ю. З. Р. II, № 117.

обороняться въ немъ, но и держать стражу — „бо не лѣза вже ходити по блянѣхъ: што не поспадало, ино и то ледви отъ витру колышется“. Въ замкѣ находились: церковь св. *Спаса*, домъ намѣстника, избы пушкарей и драбовъ (въ стѣнѣ), сѣни, комора и сарап для храненія военныхъ припасовъ. Въ самомъ мѣстѣ располагались: другая церковь (св. *Василія*), сохранившаяся м. б. еще изъ предыдущаго періода, и помѣщенія горожанъ, со всѣми ихъ принадлежностями.

Населеніе г. Канева въ половинѣ XVI в. состояло:

	Домовъ	Головъ
Мѣщанъ господарскихъ	124	868
Слугъ	46	322
Драбовъ	7	49
Бояръ	7	49
Казаковъ	?	? ¹⁾
Людей владѣльческихъ	40	280
Итого	224	1568

Въ отношеніи этнографическаго со става городского населенія люстрація указываетъ: 4 Черемисовъ, 2 Волоховъ и по одному—Нѣмцу, Мордвиновичу, Пятигорчнину и Жидовину. Но судя по именамъ, инородческой элементъ г. Канева былъ гораздо значительнѣе. Звучать не по-русски: Яногоско, Яцко Чоботаръ, Янъ драбъ (2), Скиндеръ, Валентый (Поляки или Литвины), — Мальфіецъ, Бунъ, Якулька, Толукъ, Жчалашъ, Марвинъ, Тембердѣвичъ, Азикъ и др. (Татары?).

Главное занятіе городекихъ жителей, какъ сказано было выше, состояло въ отхожихъ промыслахъ; но они занимались также и ремеслами. Люстрація называетъ, напр., чоботарей (5), кравцовъ (3), ковалей (3), кушнеровъ (2), мельниковъ (2), лучниковъ (2). Подспорьемъ для каневскихъ мѣщанъ въ ихъ промышленныхъ и ремесленныхъ занятіяхъ служили проводы каравановъ. По установившемуся обычаю, если караванъ шель водою, то каневскіе мѣщане имѣли монополію поставлять подъ него челны, за что получали соответствующее вознагражденіе. Впрочемъ, уже Евстафій Даш-

¹⁾ „Выявляетъ ихъ неровно завѣжды, але яко которыхъ часовъ“.

кевичъ постарался значительную часть этого вознаграждения обратить въ свою пользу, а его преемники вѣзали съ каждаго челна по злотому: что получалось сверхъ того, шло въ пользу поставщиковъ. Относительно торговли мы не имѣемъ свѣдѣній, чтобы она была стѣснена въ Каневѣ, какъ въ Черкассахъ. По крайней мѣрѣ люстрація говоритъ, что староста покупаетъ медь прѣсный у тамошнихъ мѣщанъ „ценою“. Въ такомъ случаѣ Каневцы могли сбывать продукты отхожихъ промысловъ въ Кіевъ или на Волинь и извлекать изъ этого довольно значительную пользу, судя по широкому распространенію ухадничества. Въ 1558 г. Каневцы получили даже для облегченія своихъ торговыхъ сношеній освобожденіе отъ мыта „отъ тыхъ товаровъ, которые они живность собѣ скуповати ѣдучи, зъ собою мѣти будутъ, такъ тежъ игды скупивши живность назадъ съ нею до Канева поѣдутъ“¹⁾. Этотъ привилей объясняетъ и самый механизмъ торговли: Каневцы вывозили продукты своихъ промысловъ, чтобы взаменъ ихъ купить себѣ предметы первой необходимости—гл. обр., разумѣется, хлѣбъ.

По Днѣпру:

С. Тулибле, въ 1 вер. отъ замка, — въ 1498 г. пожаловано Богдану Ѡ. Глинскому, а въ слѣдующемъ подтверждено за нимъ²⁾. По люстр. 1552 г. въ Тулиблѣ было населенія 6 семействъ, которыя половину года проживали при замкѣ. Въ то время Тулибле принадлежало кн. Володиміровой Путивльской (по Богданѣ Г.) — послѣдней представительницѣ этой линіи Глинскихъ (въ Литвѣ). Съ ея смертью Тулибле съ др. имѣньями спало „правомъ прирочнымъ“ на Богуща Корецкаго³⁾.—*С. Подсичи*, 2 мили отъ замка—п. Служки; населенія 6 семействъ, проживавшихъ зимой и лѣтомъ при замкѣ. — *С. Григорьево*, по сосѣдству, нѣсколько выше,—выслуга бояр. Григорія на кн. Оленькѣ Владиміровичѣ, около половины XVI в. перешедшая по женской линіи къ Богущу Морозовичу⁴⁾.—*С. Зарубъ* (нѣсколько въ сто-

¹⁾ А. Ю. Р. П., № 131.

²⁾ Акты Леонтовича I, № 392; II, № 520.

³⁾ А. Ю. З. Р. I, 1, № 17.

⁴⁾ См. Таганчу и Товаровъ.

ронѣ отъ Днѣпра) — мѣсто уединенія митр. Иларіона, оратора и философа, подвизавшагося въ здѣшнемъ монастырѣ до своего избранія и поставленія на Кіевскую митрополию¹⁾. Въ Кіевской люстраціи указываются уходы церкви *Зарубской Терехтемировской*, изъ чего слѣдовало бы, что или Зарубская церковь была перенесена въ Терехтемироу, или Терехтемировцы тянули къ Зарубской церкви: скорѣе первое, чѣмъ послѣднее.—*С. Каменка* — вверхъ по Днѣпру; „покинуто“ на церковь Зарубскую Терехтемировскую землинномъ Балакиремъ.—*С. Терехтемирово* „данина государская п. Остафью, а отъ него монастырю Печерскому, а потомъ отъ монастыря променено за ся у руки господарскіе ку замку, Кіевскому воеводе“ (?); службу, однако, отбывало вмѣстѣ съ Каневцами. Населеніе Терехтемирова въ половинѣ XVI в. состояло изъ 9 семей, проживавшихъ при замкѣ.

С. Жердево, подѣ Терехтемировымъ, — въ 1469 г. пожаловано Кіев. кн. Семенемъ Оленьковичемъ боярину Андрею Морозову. По смерти Андрея, Жердево спало на его сына—Богуща, жена котораго — Милоха — продала его въ 1564 г. своему братаничу Григорію Богдановичу Потановича за 27 коп. гр. литовской личбы²⁾.—*С. Ходорово*, въ 3 миляхъ отъ замка. Въ 1536 г. господарскій дворянинъ Гридко Алексѣевичъ билъ челомъ кор. Сигизмунду, что небожчикъ Остафій Дашкевичъ, за живота своего, далъ былъ ему за его службу „селцо у повете Веніцкомъ (?) на имя Новоселци“, которое, затѣмъ, господарь прибралъ къ своимъ рукамъ. Въ вознагражденіе за эту утрату Гридко просилъ у короля „селища у повете Кіевскомъ, на имя Ходорово, на реце Днепре, изъ островомъ и землею Русиновскою, которая к тому селищу здавна прислухала“. Просьба челобитчика была удовлетворена: онъ получилъ Ходорово „с тими всеми входы, какъ тоє селища Мелечов держалъ“³⁾. По люстраціи, Ходорово держитъ уже Кіининъ Онковичъ.—*С. Вороново*, первоначально принадлежало землинну Мизю, а затѣмъ вѣномъ съ его дочерью перешло къ кн. Капустѣ. Въ половинѣ XVI в. Вороново имѣло населенія 15 семействъ.

¹⁾ Ипат. 241.

²⁾ Докум. Грушевскаго XI, № 3.

³⁾ Arch. Lub.—Sang. IV, № 42.

С. *Пекари*—на устьѣ Роси. Въ Каневской дистриктѣ встрѣчается Янко *Пекарецъ*, очевидно, отсюда.—*Конопча* и *Сорклановъ*—надъ Россью, въ милѣ отъ замка. Въ 1510 г. Остафій Дашкевичъ отписалъ Николо—Пустынскому монастырю свою выслугу, „што выслужить на господари вел. королѣ Жигимонте, на кони своемъ седечи, а горла своего не жалуючи на господареконь службѣ, селище на имя *Сорклановъ*, подъ *Конопчею*“¹⁾. Кто тогда владѣлъ Конопчею—не извѣстно, но въ половинѣ XVI в. она уже числится за тѣмъ же монастыремъ, по завѣщанію кн. Богуса Корецкаго.—*Колтыгаевъ* etc., по соедѣству,—выслуга Остафія Дашкевича на кор. Сигизмундѣ; по духовному завѣщанію небожника отошло къ Николо—Пустынскому монастырю, за которымъ и утверждено грамотой кор. Сигизмунда отъ 30/VI 1536 г. „зъ людми, и зъ землями, и зъ озеры, и со всемъ, какъ самъ О. Дашкевичъ держалъ“²⁾. Въ 1552 г. въ Колтыгаевѣ было 6 семействъ населенія, проживавшихъ половину года при замкѣ.—Къ Колтыгаеву тянули еще селища: *Черленково* и *Ярилово*, которыя каневскіе мѣщане, „паховали и съ того дей десятину на тотъ монастырь давали“. Но съ теченіемъ времени они нашли лишнимъ платить десятину на Пустынской монастырь, „селища оныя отчизною себе быти менуя“. По этому поводу мы имѣемъ листъ кор. Сигизмунда отъ 3/III 1542 г., приказывающій каневскимъ мѣщанамъ подъ зарукою на господари 100 руб. гр., „ижъ бы они у-въ оныя селища церковныя ничимъ ся не вступовали и земли Колтыгаевскихъ нѣкоторыхъ церковныхъ подъ себе безправне не забирали“³⁾.

С. *Товаровъ* (Межирѣчь) и *Тоганче*—выслуга бояръ Григорьевичей на кн. Олелькѣ Вл. Эти же Григорьевичи владѣли въ Черкасскомъ повѣтѣ по отцу еще селищемъ его имени. Братья звались: Ивашко и Петро. У Ивашка былъ сынъ Кузьма, а у Петра—Ивашко; но Петръ умеръ раньше своего брата. Это послужило поводомъ къ ссорѣ между дядей и племянникомъ: очевидно, дядя хотѣлъ больше своей части. По жалобѣ Ивашка Петровича, Кіевскій воевода Мар-

¹⁾ А. Ю. З. Р. VII, I, №№ 15 и 43.

²⁾ А. Ю. З. Р. VII, I, № 11.

³⁾ А. Ю. З. Р. I, т. VI, № 17.

тинъ Гапшольдъ (1471—75) посылалъ своихъ комиссаровъ для раздѣла спорныхъ имѣній, которыя были подѣлены пополамъ: Ивашку Григорьевичу досталось Товарово, а Ивашку Петровичу — Таганча, Григорьево же пошло на—полю. По смерти Ивашка Петровича, снова поднялся споръ объ указанныхъ имѣніяхъ: Ивашко Петровичъ не извѣстно за что жаловался на брата своего стряпчего Кузьму Ивашковича. Вел. кн. Александръ, разбиравшій это дѣло въ 1494 г., разсудилъ тяжущихся „ведлугъ первого делу и суду п. Мартинова“: Товаровъ и половина Григорьева подтверждены за Кузьмой Ивашковичемъ, Таганча и другая половина Григорьева остались за Ивашкомъ Петровичемъ⁴⁾. Кузьма Ивашковичъ, очевидно, вскорѣ продалъ Товарово Богдану Глинскому, въ родѣ котораго оно сохранялось еще въ полов. XVI в., а Петровичи задержали за собой Таганчу до конца разсматриваемаго періода⁵⁾.

С. *Совинъ*—3 мили отъ замка, на Роси. По завѣщанію п. Семена Романовича (Полоза) с. Совинъ отошло къ Николо-Пустынскому монастырю⁶⁾. Въ 1532 г. Пустынскіе монахи жаловались на Черкаскаго и Канев. старосту Остафія Дашкевича, что онъ „людей ихъ церковныхъ Совинцовъ кажетъ имати и въ нятство сажати, и за поруки давати, и вины дей непомѣрныи зъ нихъ собѣ беретъ, а въ томъ дей тому монастырю и имъ самымъ отъ него кривда и шкода ся великая дѣеть“⁷⁾.—По люстраціи, въ Совинѣ было 9 семей, которыя зиму и лѣто проводили при замкѣ.—Селище *Осетровъ* (т. Сахновка), на Роси, въ 4 миляхъ отъ замка, — бобровые гоны. — Селище *Ождылово*, 5 миль отъ замка, — въ половинѣ XVI в. принадлежало Ельцу, но держалъ его землинъ Драбъ, отъ котораго, по всей вѣроятности, оно прозвано Драбовскою; пасѣки.—С. *Терпелевъ*, въ 5 миляхъ отъ

⁴⁾ Докум. Грушевскаго XI, № 2; Акты Леонтовича I, № 98.

⁵⁾ Не знаемъ, откуда Руликоскій (Stownyk V, 46) позаимствовалъ свидѣнія о томъ, что въ 1571 г. Таганчей и Товаронымъ владѣлъ уже В. Проскура. Изъ докум. Грушевскаго видно, что еще въ 1572 г. Таганча оставалась въ родѣ Григорьевичей — Потаповичей Мошенскихъ. Не правильно также его предположеніе, будто Т. и Т. входили въ составъ имѣній Олехна Сохновича.

⁶⁾ А. Ю. З. Р. VII, I, № 43.

⁷⁾ А. З. Р. II, № 171.

замка (Набутовъ или Нетеребка?). По люстраціи 1471 г. въ Терпебавѣ было 5 слугъ, 3 куничниковъ и 3 человекъ „новыхъ“; пасѣка.—Селище *Арагеевъ*, въ 5 милехъ отъ замка и въ милѣ—отъ Роси, надъ оз. Дежу; въ полов. XVI в.—бобровые гоны и пасѣка Печерекаго монастыря.—С-ще *Царево*, 8 милъ отъ замка и 1½ — отъ Роси, на р. Саковницѣ (т. Селище?); пасѣки. С-ще *Валм*, 8 милъ отъ замка (т. Валива),—пасѣка.—С-ща: *Пеховъ* и *Ренеховъ* на Медвинцѣ, подъ лѣсомъ (т. Медвинъ? ¹⁾)—пасѣки.

С. *Бужковъ*, въ 3 милехъ отъ замка,—Балакирей; пасѣки, бобровые гоны, рыбные ловы (лука на осетровъ и панвя).—С. *Тубольцы* (въ Тулибле ли?)—княгини Володиміровой Путивльскои; населеніи 5 семействъ, проживавшихъ при замкѣ.—С. *Мошны*—половина Богуса Морозовича тянула къ Каневскому замку, а другая — къ Черкасскому; рыбные ловы, бобровые гоны и пасѣка.

Кузяковъ и *Повстаникъ*—на Россавѣ. По народному преданію, на Украинѣ было когда-то три ватажка: Перепятъ, Подкова и Батинъ. Каждый изъ нихъ сдѣлалъ въ особомъ городкѣ: Перепятъ за Вѣлой—Церковью, Подкова—въ Крыловѣ, а Батинъ—въ Козинѣ, надъ Россавою. На противоположной сторонѣ Россавы, въ другомъ городкѣ, сдѣлали Татары, откуда производили постоянныя нападенія на Козинъ. Эти-то Татары и разогнали населеніе Козина ²⁾. Но это — легенда. Дѣйствительно историческія данныя о Кузяковѣ (Козинѣ) и Повстаникѣ (т. Ржавецѣ) восходятъ къ XV в.; именно, ок. 1455 г. Киевскій князь Олелько Владиміровичъ пожаловалъ эти „два городища въ поли на Расавѣ“ своему

¹⁾ Кстатъ, о Медвинѣ. По Славянскимъ Похиленичъ (с. 563), Медвинъ въ XVI в. „считался пригородомъ Богуслава и отъ послѣдняго зависѣлъ въ хозяйственныхъ своихъ дѣлахъ“. Есть будто бы „благодарственный адресъ Богуславскаго приказа (?) отъ 1520 г., данный Медвинскому купцу Ярошину за похвальное управленіе дѣлами пригорода“. Это извѣстіе было принято за чистую монету и Э. Рудниковскимъ въ *Slownyk-ъ Geogr.* (V, 236). Но такъ какъ самъ Богуславъ въ первой половинѣ XVI в. не былъ городомъ, а только безвѣстнымъ городищемъ, то и Медвинъ не могъ зависѣть отъ него, какъ пригородъ. Если документъ, изъ котораго Похиленичъ почерпнулъ свое извѣстіе, достоверенъ, то очевидно, произошла описка въ датѣ: им. 1520 г.—1520.

²⁾ Чубинскій *Записки* I, с. 301; *Slownyk Geogr.* V, 41.

вѣрному слугѣ Олехну Сохновичу. Со смертью послѣдняго мужского представителя этого рода, имѣнія Олехновичей были подѣлены между двумя сестрами (1498 г.), причемъ Кузяковъ и Повстаникъ достались Оринѣ Сеньковой Суцанской ¹⁾.

На Заднѣпровѣ къ Каневскому обводу принадлежало нижнее теченіе Сулоя и большая часть бассейновъ Сулы и Пела, но почти вся эта обширная территорія была лишена осѣдлаго населенія; исключеній немного, причемъ число ихъ увеличивается въ направленіи удѣльнаго періода и—обратно—уменьшается съ приближеніемъ къ уни. Впрочемъ, наши свѣдѣнія по этому предмету весьма ограничены.

Еслибы можно было положиться на Воскресенскій отрывокъ, то въ области Сулы и Пела мы имѣли бы около десятка городовъ, существовавшихъ въ данный періодъ; но, къ сожалѣнію, этотъ отрывокъ и по своему составу, и по времени своего происхожденія не внушаетъ довѣрія. Зато мы можемъ положиться на ханскіе ярлыки, правда, и тутъ не безусловно. Замѣтвая географическія данныя изъ извѣстныхъ намъ ярлыковъ Хаджи-Гирея (1462 г.), Менгли-Гирея (два: одинъ отъ 1473, а другой — 1507 гг.) и Саипъ-Гирея (1540) ²⁾, необходимо помнить, что самые эти ярлыки—не оригиналы, а списки (иногда съ вариантами), имѣющіе своимъ прототипомъ не дошедшій до насъ ярлыкъ, по всей вѣроятности — Тохтамышъ, данный вел. кн. Витовту. Поэтому, принимая въ расчетъ географическія данныя упомянутыхъ ярлыковъ, не слѣдуетъ строго придерживаться ихъ даты: безусловно, населенные пункты, въ нихъ названные, въ свое время существовали (при Витовтѣ—немного раньше и позже него), но въ моментъ выдачи повторныхъ ярлыковъ могли и запустѣть.

Итакъ, въ ханскихъ ярлыкахъ, показанія которыхъ мы принимаемъ съ упомянутой оговоркой, называются въ Каневскомъ обводѣ: „*Синорожъ* и *Глинскъ* со всеми ихъ людьми, *Синечъ* (т. Сѣвча Лохвицк. уѣз.) съ землями и водами,

¹⁾ Архивъ Песочинскаго.

²⁾ Первые два изданы у *Golębiowskiego Dzieje Polski za Jagiellońów* III, с. 230—3; послѣдніе—въ *A. S. P. II, №№ 6 и 200* и въ другихъ мѣстахъ.

и данми и выходы³⁾, можетъ быть, еще и другіе города, но мы не увѣрены, тутъ ли они находились, или въ другомъ мѣстѣ. Къ этимъ тремъ городамъ, несомнѣнно существовавшимъ при Киевскихъ удѣльныхъ князьяхъ и почти навѣрное запустѣвшимъ при воеводахъ (хотя и далѣе продолжавшимъ именоваться, по старой памяти, „городами“), можно присоединить „*Прилуку* за Днѣпромъ“, въ которой дана была одна изъ грамотъ Семена Олельковича⁴⁾, да м. б. еще *Полтавск* (т. е. Повстанъ, въ ю.-в. углу Пирятинск. уѣз. Полтавск. губ.), въ 1498 г. бывшій уже только городищемъ²⁾. Этимъ и исчерпывается весь нашъ запасъ свѣдѣній о населенныхъ мѣстахъ въ Каневскомъ обводѣ Заднѣпровья. Остальное было—земли и уходы, безъ осѣдлаго населенія.

Весь бассейнъ Сулы нѣкогда—номинально по крайней мѣрѣ—принадлежалъ князьямъ Глинскимъ. Это былъ пришлый родъ татарскаго происхожденія, которому, однако, въ исторіи Киевской земли суждено было играть довольно видную роль. „Къ вел. кн. Витовту—говоритъ родословіе—прѣхалъ служити Татаринъ кн. Лекса, да крестился и по крещеніи имя ему (дано) Александръ, а отчина у него была Глинскъ, да Глинница, да Полтава“³⁾. Отъ этого Лексы пошли князья Глинскіе, которые въ 1498 г. произвели раздѣлъ фамильныхъ имѣній. По этому раздѣлу „Богдану большому досталось Сѣверъ-Сулекая, и рѣка Сула съ верху и до устья, и на иныхъ мѣстахъ и иные помѣстья; а Григорью меньшому досталось Сѣверъ Глинщина, и въ Ворсклѣ, и Мерла рѣчка съ верху до устья, а на рѣчкѣ Удой Сѣверъ и городище Полтавинъ, и рѣчка Куренка, и иные помѣстья розныя въ иныхъ мѣстахъ“⁴⁾. Легко, разумеется, было дѣлиться рѣчками „съ верху и до устья“, но фактическаго контроля надъ столь обширной, да еще и пустынной, территоріей провести совсѣмъ не было никакой возможности. Вотъ почему уже тогда, а особенно впоследствии, Сульскіе уходы были присвоены отчасти городомъ, отчасти замкомъ, а отча-

³⁾ Грамоты Антоновича, № 9.

²⁾ Дворцов. Разряды II, 200.

³⁾ Временникъ Общ. Ист. и Др. X, с. 84, стр. с. 157 и 196.

⁴⁾ Дворцовые Разряды II, 900.

сти и частными лицами. Люстрація Каневского замка перечисляетъ слѣдующія земли и уходы въ бассейнѣ р. Сулы.

Нижнее теченіе р. Сулы, по р. Переволочную, принадлежало къ Черкасскому обводу. Выше Переволочной, на 1/2 мили, подъ Войномъ городищемъ—уходы мѣщанскіе, около половины XVI в. отнятые на старость. Выше Война городища „землею ити 2 дни, а рекою большъ“, находились уходы—*Ролковщина*, *Мехведовщина*, *Шукаховщина* и знамя *Колявтинское*—четыре мѣщанъ-отчичей, занятые уже Драбамъ. Отъ Володины горы до Лубенъ простирался уходъ *Гостимловскій*—мѣщанскій; земля *Лубни*—замковая. Выше, „отъ замку землею ити 4 дни, водою—8“, находились земли: *Жолудева*, *Хорошковщина*, *Ширковщина* и *Демковщина*—старостинскія (ходили ихъ казаки). Земля Прокша—*Желтязовщина*—отчичей Бродовичей. На рубежѣ путивльскомъ была земля *Чабановщина*—отчича Чабановича. Въ неопредѣленномъ мѣстѣ—„на Сулѣ“—помѣщались пять замковыхъ уходовъ, на имя: *Половичи*, *Лукияковичи*, *Лихошерстова*, *Хотино* и *Корчицева*; тамъ же *Ачекларова* и *Макарыно*—церкви Зарубской.

Въ Ровникахъ на р. Мнозѣ земля *Колотвинская*—отчича Колотвиновича; тамъ же земли: *Колемовщина*, *Валосовщина*, *Кашутовщина* и *Войтовщина*—замковыя.

На Удаѣ земли: *Дидковщина*—отчича Дидка, *Милищина*—замковая, *Пирятинская*—боярина Чайки; неизвѣстная пустошина—мѣщанъ, *Поднятковщина*—церкви св. Василия и не извѣстно что—церкви св. Спаса.

По Сулѣ и Сненороду раскинулась *Галчевщина*.

На Оржицѣ стародавніе уходы мѣщанъ отданы замковому слугѣ Ваську Козаковичу. Другой слуга, по имени Гридко Колодезскій, держитъ тамъ же уходъ *Лехведовщину*. Земля *Кашина* на рѣчкѣ того же имени—бобровые гоны и пасѣки боярина Чайки.

Въ 4 миляхъ отъ Сулы, „где Хороль река у Пейль упала“, располагались опустѣвшіе замковые уходы: „половинники не ходятъ, а мешаномъ ходити тамъ староста не дозволяетъ“. На Пелѣ всѣ уходы, по словамъ люстраціи, заняты бояринъ Драбъ; но изъ его владѣній нужно исключить нижнее теченіе р. Пела, приблизительно до устья Хо-

рола, принадлежавшее уже къ Черкасскому обводу. Къ Каневскому обводу, вмѣсто того, слѣдуетъ отнести нижнее теченіе р. Супоя, на протяженіи 4 миль отъ замка; тамъ были замковые ловы.

Бѣлоцерковскій обводъ—

занималъ бассейны р. Роси отъ небольшихъ ея притоковъ—Кисловки и Синицы—по правую сторону и Гороховатки — по лѣвую, до житомирско-винницкихъ границъ на западъ и юго-западъ. Такимъ образомъ, въ составъ Бѣлоцерковского обвода входила большая часть той территоріи, которая въ предшествующій періодъ была известна подъ специальнымъ названіемъ *Поросья* и какъ бы составляла особую область въ Кіевскомъ княжествѣ. Съ этой территоріей у всякаго изслѣдователя древне-русской исторіи неразрывно соединяется представленіе о *Торческѣ* и *Юрьевѣ*: первый былъ, такъ сказать, столицей чернокобужскихъ колоній, разкинувшихся по теченію р. Роси, а второй—каведрой Поросскихъ епископовъ. Съ Торческомъ мы въ настоящей періодъ не имѣемъ дѣла: при нашествіи Батяи онъ исчезъ почти безслѣдно, съ чѣмъ всѣ согласны; но о Юрьевѣ слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ въ виду того, что обычное мнѣніе считаетъ его существовавшимъ еще въ XIV в., и на этомъ держится авторитетъ документа (Воскр. отрывокъ), который мы по всей справедливости считаемъ не заслуживающимъ такого авторитета.

Существовалъ ли Юрьевъ въ разсматриваемый періодъ или—нѣтъ?

Для рѣшенія этого вопроса мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи три документа, которые а silentio доказываютъ, что Юрьевъ не существовалъ уже въ это время. Документы эти: грамота Владиміра Ольгердовича Юрію Ив. Половцу на Сквирскій (и др.) удѣлъ, ханскіе ярлыки и списокъ городовъ Свитригайла. Во всѣхъ этихъ документахъ имени Юрьева мы не встрѣчаемъ, а между тѣмъ есть полное основаніе утверждать, что въ нихъ-то онъ долженъ былъ быть, если вообще существовалъ въ то время. Въ грамотѣ Половцу, напр., въ составѣ Сквирскаго удѣла поименованы: *Сквира*, *Ягмятинъ*, *Трилясы* и *Хвастовъ*—селенія или города, никог-

да не игравшіе сколько-нибудь замѣтной роли (до XVII в.); въ списокѣ Свитригайла значится, между прочимъ, *Зягаль*, *Житалирь*, *Черкасс* и др.; но Юрьевъ въ обоихъ документахъ отсутствуетъ. Наконецъ, въ ханскихъ ярлыкахъ весьма подробно перечисляются всѣ пограничные города и даже городища, не исключая и столь незначительныхъ, какъ *Ходоровъ* и *Балаклы* (Черкасск. пов.), а Юрьева, какъ на зло, нѣтъ. Въ трехъ документахъ, которые нарочито перечисляютъ населенные пункты Приднѣпровья или еще уже—Поросья—Юрьевъ отсутствуетъ: значить, его уже въ то время не было, и даже самое городище его было забыто.

Впрочемъ, для опредѣленія мѣстоположенія Юрьева мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи три лѣтописныхъ текста, изъ которыхъ явствуетъ, что онъ стоялъ на Роси, въ сосѣдствѣ Рута, на лѣвомъ берегу рѣки ¹⁾. На основаніи этихъ данныхъ обыкновенно полагаютъ, что Юрьевъ находился въ близкомъ сосѣдствѣ г. *Бѣлой Церкви*, „въ трехъ верстахъ вверхъ отъ мѣстечка по Роси, на возвышенномъ берегу рѣки“ ²⁾. Это предположеніе поддерживается, между прочимъ, и находкой бронзовой позолоченной панагии, съ изображеніемъ, на одной сторонѣ—св. Георгія, а на другой—шестиконечнаго креста. Такъ какъ всѣ другія предположенія, локализирующія лѣтописный Юрьевъ то на мѣстѣ *Ерчицкое* ³⁾, то въ сосѣдствѣ *Ольшанцы* ⁴⁾, не имѣютъ подъ собой совершенно никакихъ основаній, кромѣ простого созвучія именъ, то мы должны при современномъ состояніи нашей исторической науки считаться съ тѣмъ, что лѣтописный Юрьевъ дѣйствительно находился въ указанномъ мѣстѣ. Если—такъ, то мы можемъ его поставить въ связь съ *Бѣлой Церковью*, вѣроятно, получившею свое названіе отъ руинъ Юрьевского собора.

Когда именно Бѣлая-Церковь впервые возникла подъ этимъ своимъ названіемъ, трудно сказать. У Стрийковского

¹⁾ Ипат. 159, 344, 356.

²⁾ Антоновичъ Археологич. карта Кіев. губ. М. 1895 г., с. 42; Грушевскій Очеркъ Исторіи Кіевской земли, с. 27 и сл.

³⁾ Барсовъ Очерки русск. историч. географіи 1873 г., с. 119.

⁴⁾ На мѣстѣ Райгородскаго городища—Андреевскій, Лѣтописный Юрьевъ на Роси, въ Кіев. Ст. 1883, IX.

Вѣлая-Церковь упоминается уже въ описаніи похода Ольгерда на Синюю воду, который походъ, по словамъ этого писателя, окончился тѣмъ, что Ольгердъ Białocerkiew, Swinigród i wszystkie pola aż za Oczaków od Kijowa i od Potiwła aż do uscia Donu od Tatarów wolno uczynił¹⁾. Но если въ то время Вѣлая-Церковь дѣйствительно существовала, то въ скоромъ времени была разрушена, потому что мы ее не встречаемъ уже въ тѣхъ документахъ, въ которыхъ можно было бы надѣяться ее встрѣтить. Въ состояніи небытія Вѣлая-Церковь продолжала оставаться до половины XVI в. Около 1550 г.²⁾ Кіевскій воевода Фридрихъ Г. Пронскій заложилъ на мѣстѣ т. Вѣлой-Церкви замокъ и заселилъ его въ самомъ непродолжительномъ времени, благодаря широкимъ льготамъ, дарованнымъ ново-построенному городу Сигизмундомъ Августомъ.

Вѣлая-Церковь въ исторіи Литовскаго періода еще болѣе обойдена документами, чѣмъ Путиваль, не говоря уже о другихъ кіевскихъ замкахъ: ни одной люстраціи, и всего нѣсколько документовъ съ упоминаемъ имени города—вотъ все, что мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи для исторіи Вѣлой-Церкви.

Въ срединѣ 1552 г. былъ посланъ господарскій дворянинъ Бокей въ „Русскія“ волости выгонять людей „на работу замковую ку Вѣлой-Церкви“³⁾. Получивъ „на страву“ 5 коп. грошей, означенный дворянинъ выѣхалъ изъ Вильно 9 іюля и повелъ свою миссію такъ удачно, что къ концу того же 1552 г. постройка замка была уже закончена; оставалось только выкопать „студню“ (колодезь), да снарядить его оружіемъ и живностью. Для обороны „новозбудованнаго“ замка тогда уже была поставлена въ немъ рота служебниковъ подъ командой Станислава Речковскаго, который, по видимому, былъ въ одно и то же время, какъ его комендантомъ, такъ и намѣстникомъ⁴⁾.

Замокъ, основанный въ богатѣйшей, хотя и пустынной мѣстности, тотчасъ же привлекъ къ себѣ многочисленныхъ

¹⁾ Kronika II, 7.

²⁾ А. Ю. З. Р. VIII, V, с. 75, 93, 107.

³⁾ Ibid. с. 93.

⁴⁾ Ibid. № 36.

поселенцевъ: „при томъ замку нашомъ не мало вко бояръ и мещанъ домами своими осели“ — свидѣтельствуемъ самъ господарь въ своемъ листѣ отъ 13/II 1555 г., т. е. спустя два съ небольшимъ года по основаніи замка. Тѣмъ же листомъ Сигизмундъ Августъ, „абы и на передний часъ тымъ болшей людей ку оселости тамъ до того замку нашего Белое Церкви приходили“, по особенной своей ласкѣ, предоставилъ тамошнимъ обывателямъ—настоящимъ и будущимъ—„вольности отъ всехъ платовъ и подачокъ и отъ плаченя капцизны съ корчомъ и отъ иныхъ всехъ работъ и послужъ“—срокомъ на 10 лѣтъ¹⁾. Въ 1562 г. срокъ упомянутыхъ льготъ былъ продолженъ еще на 5 лѣтъ—до 1570 г., съ ясной оговоркой на этотъ разъ, что льгота отъ мыта на „збожыя“ и „живность“ распространяется на все Великое Княжество²⁾.

Мѣстоположеніе Вѣлой-Церкви, выгодное въ одномъ отношеніи, было невыгодно въ другомъ, что, впрочемъ, имѣлось въ виду еще при заложении замка. Прямымъ назначеніемъ Вѣлой-Церкви было—защищать Кіевскую землю отъ вторженія Татаръ со стороны Руси—отъ Чернаго шляху: съ этой точки зрѣнія позиція новаго замка была хотя и полезна для страны, но тѣмъ самымъ и опасна для его обывателей. Имѣющіеся въ нашемъ распоряженіи документы даютъ знать о двухъ—трехъ нападеніяхъ Татаръ на Вѣлую-Церковь³⁾, но ихъ, несомнѣнно, было гораздо больше; по крайней мѣрѣ послѣ — Люблинскій привилей Сигизмунда-Августа (1571 г.), продолжающій льготные годы Вѣлоцерковцевъ на трехлѣтіе съ 1576 по 1579 г., мотивированъ „великимъ ихъ убожествомъ и знищеніемъ отъ непріятеля тамошняго—поганства Татаръ“⁴⁾.

Огромная территорія Вѣлоцерковскаго обвода, по вычисленію Яблоновскаго равная 125,62 кв. миль⁵⁾, въ общемъ въ разсматриваемый періодъ оставалась не заселенной. Только мѣстами, въ видѣ оазисовъ, изрѣдка попадались

¹⁾ А. Ю. З. Р. VIII, V, № 47.

²⁾ Ibid. № 61.

³⁾ Книга Посольская I, №№ 101, 135 и др.; А. Ю. Р. I, № 135; II, № 137; А. Ю. З. Р. VIII, V, с. 124 и 138.

⁴⁾ А. Ю. Р. I, № 160.

⁵⁾ Zr. XX, 32 wstep.

села, увеличиваясь въ числѣ по направленію ко времени удѣльныхъ князей¹⁾; чаще можно было встрѣтить уходы, эксплоатируемые въ извѣстное время года припальцами. Все же остальное—были пустыни, такъ и извѣстныя въ документахъ подъ именемъ пустынь, „за Вѣной-Церковью лежащихъ“.

С. Чернышки—надъ Кисловкой (т. Ковшоватое). Еще во второй полов. XVI в. Чернышки, подъ именемъ *Бовкуна*, выступаютъ въ документахъ, какъ пустое селище, на которомъ Вѣлоцерковцы сидѣли пасѣками, либо ловили звѣри. Сигизмундъ II пожаловалъ это селище нѣкому Чернышу, отъ котораго оно прозвалось Чернышками. Въ 1571 г. Чернышки, иначе—*Ковшовату* посѣлъ „стародавней ленностью“ вѣлоцерковской бояринъ Тышковичъ²⁾.

Мѣстность между рѣками: Гороховаткой и Ракитной—по лѣвую сторону Роси и между Козлукемъ и Котлукемъ—по правую, называлась въ XVI в. пустынею *Бовкунамъ*, или Бовкунекимъ лѣсомъ. Свое слово бовкунъ (откуда—бовкуновщина, какъ подать) означаетъ одноупряжнаго вола³⁾. По этой терминологіи выходило бы, что означенная территория нѣкогда служила пастбищемъ для скота,—что весьма вѣроятно. Было, однако, время—и оно не выходитъ изъ предѣловъ нашего періода,—когда эта пустыня имѣла, хотя и рѣдкое, но осѣдлое населеніе; именно, „селищами въ полѣ, на имя: *Дмитровичы* (т. Дмитренки, на Медвенскѣ?), а *Морулинъ* (впослѣд. Коровинцы, т. Кирдяны?), а *Рокитное*, а *Ольшаница*, съ езомъ на Роси“—владѣть уже въ первой четверти XVI в. бояринъ Романъ, по смерти котораго упомянутыя имѣнія перешли, по раздѣлу между братьями, къ Сенюшкѣ Романовичу. За безпотомной смертью этого послѣдняго, его имѣнія спали, по близкости, на Ивашка Михайловича, который отписалъ ихъ „песлушнымъ“ обычаемъ своей матери—Михайловой; но вырокомъ кор. Сигизмунда Дмитриевича, Морулино, Рокитное и Ольшаница съ др. были присуждены, по близкости, Духиѣ Суриновой⁴⁾. Начиная,

¹⁾ Это доказывается существованіемъ городищъ и селищъ, которыя люстраторы 1570 г. do miasta przynęwóciłi.—*Зр.* XX, 16.

²⁾ *Stownyk* IV, 486.

³⁾ *Ibid.*, с. 103; Словарь Уманца I, 95.

⁴⁾ Кв. II Суд. дѣлъ, № 297 = *Arch. Lub.-Sang.* III, № 187.

однако, съ битвы при Ольшаницѣ (1527 г.), эти села отъ постоянныхъ татарскихъ набѣговъ пустѣютъ, вѣдѣтвіе чего Суриновы бросаютъ ихъ на произволъ судьбы¹⁾. Возвратившись по указанной причинѣ на господаря, пустыня Бовкунъ только съ половины XVI в. снова стала поступать мало-помалу въ пользованіе бояръ и заселяться; такъ, *Скурулино*, по даннымъ позднѣйшей (1616 г.) люстраціи, было пожаловано въ 1555 г. Сигизмундомъ Августомъ боярамъ Кожановскимъ²⁾.

Села: *Пимчуки* и *Селивошки* на Рутѣ, также „хуторъ Рудекъ“ въ 1622 году выступаютъ въ качествѣ владѣній Черниевскихъ, пожалованныхъ имъ еще при Сигизмундѣ Августѣ³⁾. *Рутъ* старый и новый, *Тогановъ*, *Очковъ*, *Новоселе*, *Клайклище* и *Кохтомировъ* въ бассейнѣ того же Рута (т. не существующія) первоначально (конецъ XV в.) принадлежали какому-то кн. Роману (не Половцу ли?), затѣмъ по женской линіи перешли къ Глинскимъ, а по зрадѣ ихъ—снова возвратились къ Ивашенцамъ⁴⁾ и въ дальнѣйшемъ раздѣляли судьбу остальныхъ имѣній этой фамилии.

С. *Тришесы*, на Каменкѣ,—подтверждено въ 1390 г. Владиміромъ Ольгердовичемъ за Юріемъ Ивантичемъ, зе Сквира Половцемъ, но съ теченіемъ времени совершенно заустѣло.—С. *Почуйки*, на Каменкѣ же,—въ 1471 г. имѣло населенія 12 человекъ; послѣ Менгли-Гиреева внятя заустѣло.—С. *Новоселица*—въ 1555 г. дано вѣчнымъ правомъ боярину Малевичу⁵⁾.

М. *Паволочъ*, при устьѣ Паволочки въ Роставицу; съ трехъ сторонъ окружено водою, съ четвертой—перекопомъ. Остафій Дашкевичъ, первый извѣстный намъ владѣлецъ Паволочи, построилъ здѣсь замокъ, описаніе котораго по фамильнымъ документамъ даетъ Э. Руликовскій въ *Slow. Geogr.* По его описанію, Паволочскій замокъ былъ огороженъ по валу дубовымъ частоколомъ; небольшой—вмѣщать

¹⁾ *Slownyk* IX, 704.

²⁾ А. Ю. З. Р. VII, I, № 43.

³⁾ *Зр.* XXII, 687.

⁴⁾ *Skarbiec* II, № 2205.

⁵⁾ А. Ю. З. Р. VII, I, № 43.

въ себѣ только домъ и господарскія постройки. На случай непріятельскаго нападенія въ замкѣ имѣлся подземный ходъ для сообщенія съ водой. Подъ защитой замка располагалось мѣсто, окруженное валомъ; черезъ него шла торговая дорога изъ Кіева на Волынь. Въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ города, на могилѣ „Иванъ“, былъ устроенъ сторожевой постъ, на которомъ постоянно находился казакъ съ вѣхой и снопомъ соломы, выматривавшій въ полѣ непріятеля ¹⁾.

Тому же Остафію Дашкевичу принадлежали еще имѣнія въ Бѣлоцерковскомъ обводѣ: *Голохвастовъ* ²⁾, селище *Лука*—на Роставицѣ, два селища съ именемъ *Носовъ*—на Каменицѣ „и нѣшны селища у повѣтъ Кіевскомъ, подъ замкомъ“ ³⁾. Точное мѣстоположеніе указанныхъ селъ не извѣстно, но судьба ихъ замѣчательна; именно, эти имѣнія, какъ отчина и материзна (безъ Голохв.) были выдѣлены изъ состава другихъ имѣній Остафія Дашкевича, выслуженныхъ на Александрѣ и Сигизмундѣ, и пошли въ наслѣдство его единственной сестрѣ — Милохѣ, которая отъ второго брака (съ Ив. Немиричемъ?) имѣла дочь—Богданну, за Иваномъ Волчковичемъ Олизаромъ; наконецъ, Богданна Олизаровна имѣла дочь съ тѣмъ же именемъ, которая свою часть имѣній по Дашкевичѣ внесла въномъ въ домъ Ружинскихъ ⁴⁾.

¹⁾ Slownyk VII, 916—17.

²⁾ Въ Книгѣ записей читаемъ: „Остафію две семьи Голохвастовъ, семью на имя Ходыку, а Михолажу, а 3 пуды меду, што Ходыка давалъ.“—Док. Ю. I, с. 20, § 16.

³⁾ А. Ю. Р. II, № 117.

⁴⁾ Slownyk VII, 916—17. По Антоновичу (I, 206), наслѣдниками О. Дашкевича были Дублявскіе, по его старшей племянницѣ—Духиѣ, за Стефаномъ Дублявскимъ (1530). Въ документѣ же отъ 1536 г. (А. Ю. Р. II, № 117) сказано, что къ имѣніямъ О. Д. „никого иного близкаго нѣтъ, только тая сестра его роконая (Милоха Немирина) и при ней жона его (Олизара Волчковича), дочка ее Богданна“. Такъ, по крайней мѣрѣ, представлялъ дѣло самъ О. Волчковичъ передъ господаремъ. По Ружинковскому, Милоха была дважды замужемъ, причемъ отъ перваго брака, съ Борисомъ Тышковичемъ, имѣла дочь Духиу, за С. Дублявскимъ. Очевидно, дѣло нужно представить такъ, что О. Волчковичъ утѣлъ отъ господари существованіе старшей племянницы О. Дашкевича, но что впоследствии вынужденъ былъ подѣлиться съ нею неправильно унаслѣдованнымъ имуществомъ небожника.

С. Вчерайше, на притокѣ Роставицы-Полетолѣ; въ 1471 г. здѣсь былъ только одинъ атаманъ.—*С. Ягнатицъ*—на Роставицѣ; извѣстно еще изъ предыдущаго періода, какъ городъ Берендѣевъ ¹⁾. Въ 1390 г. Ягнатицъ подтвержденъ Владиміромъ Ольгердовичемъ за Юріемъ Ивантичемъ, зе Сквиря Половцемъ, но впоследствии запустѣлъ.—*С. Щербовъ* (т. Ружинь)—на устьѣ Быстрика. Въ 1471 г. въ Щербовѣ было 15 человѣкъ населенія, но послѣ Менгли-Гиреева вынатыа онъ запустѣлъ, и вся та околица стала называться „пустыней Щербовъ“. Вел. кн. Александръ пожаловалъ эту пустыню братьямъ Левку и Кондрату Тывоновичамъ, которые основали здѣсь поселеніе, вскорѣ, однако, запустѣвшее и до конца разсматриваемаго періода остававшееся безъ населенія ²⁾.—*С. Сквиря*, на Сквиркѣ — центръ Сквирскаго удѣла Половцевъ Рожиновскихъ;—подтверждено въ 1390 г. Владиміромъ О. за Юріемъ Ивантичемъ, но съ теченіемъ времени совсѣмъ запустѣло.

С. Омтоновъ — на р. Березомкѣ; по люстраціи 1471 г. имѣло 28 человѣкъ населенія и 100 „бчоль“.—*С. Слобода*—на Роси (т. Володарка). По той же люстраціи въ Слободѣ было 10 человѣкъ населенія. При Сигизмундѣ III городище Володарское, съ селищемъ *Заложимъ*, называемое также „великая Слобода“, было причислено, какъ *res nullius*, къ пустынь, „за Бѣлой-Церковью лежащей“ ³⁾.

Черкасскій обводъ.

Г. *Черкассы*—на Днѣпрѣ. О происхожденіи Черкассъ сложилось впоследствии слѣдующая легенда, которая записана люстраторомъ Каневского замка. Будто Литовскій князь Гедиминъ, завоевавши Каюу, Перекопъ и Черкассы Пятигорскихъ, часть Черкассъ съ ихъ княгинею поселилъ на Снепородѣ, а другую—на Днѣпрѣ, гдѣ т. г. Черкассы. Поселенныхъ на Снепородѣ онъ впоследствии также перевелъ на Днѣпръ—въ Каневъ, чѣмъ Каневцы объяснили то, что они, „сидячи на Днепре у Каневе, предся отъчизны свои по речь-

¹⁾ Hist. 122; ср. 408.

²⁾ Slownyk X, 47.

³⁾ Slownyk XIII, 887.

камъ тѣмъ Севирскимъ уходить не перестали¹⁾. Опираюсь на это преданіе, между прочимъ, проф. Дашкевичъ думалъ найти въ немъ подтвержденіе для своей гипотезы о завоеваніи Кіева Гедимниомъ. Но это весьма рискованно, ибо имя Гедимина, какъ показала тотъ же Дашкевичъ, заходило дальше, чѣмъ его войска²⁾; слѣд., нѣтъ никакой гарантіи въ томъ, что оно въ Черкассахъ и въ Каневѣ не появилось какъ-нибудь случайно.

Въ подтвержденіе каневского преданія о происхожденіи Черкассъ Дашкевичъ ссылается на два факта: на подчиненныя отношенія народа Czergisi къ Татарской Ордѣ и на инцидентъ съ Ахматовыми слободами³⁾. Но Czergisi могли завѣсть отъ Татарской Орды и, безъ сомнѣнія, завѣсли отъ нея, а г. Черкассъ на Днѣпрѣ могло и не быть: между тѣмъ и другимъ нѣтъ необходимой связи. Эту связь Дашкевичъ хотѣлъ усмотрѣть въ инцидентѣ съ Ахматовыми слободами, которыя были, „яко грады великія“, но затѣмъ ханскій баскакъ Ахматъ разогналъ ихъ жителей, которые—де отсюда перешли на Днѣпръ и тамъ основали Каневъ и Черкасы. Все это было бы весьма доказательно, еслибъ о такомъ именно происхожденіи г. Черкассъ говорили первоисточники. Но первоисточники объ этомъ не говорятъ ни слова⁴⁾, и выше указанное доказательство Дашкевичъ черпаетъ не изъ нихъ, а изъ комментарія Болтина⁵⁾, Рудикова⁶⁾ и Бруна⁷⁾, изъ которыхъ два послѣдніе основываются на Болтинѣ, а самъ Болтинъ въ этомъ вопросѣ не располагалъ никакими другими источниками, кромѣ намъ извѣстныхъ: по крайней мѣрѣ онъ ихъ не показываетъ.

Изъ выше сказаннаго слѣдуетъ, что мнѣніе о глубокой древности Черкассъ не имѣетъ за собой никакихъ данныхъ. Когда же въ такомъ случаѣ Черкасы были основаны? —

¹⁾ А. Ю. З. Р. VII, I, с. 103.

²⁾ Литовско-русское государство, въ Унив. Изв. 1883 г. VIII, с. 337; Замѣтки, с. 50—51.

³⁾ Ibid.

⁴⁾ Лавр. 457—9; Воспр. I, 176—8, Ник. X, 162.

⁵⁾ Примѣчанія на Ле-Клерка I, 344.

⁶⁾ Словник I, 802—4.

⁷⁾ Черноморье I, 117.

Первое несомнѣнное извѣстіе о Черкассахъ восходитъ къ 1394 г., когда Витовтъ велѣлъ Скиргайлу „йти изъ Кіева ко Черкасомъ и ко Звенигороду“¹⁾. Но самый городъ, очевидно, былъ основанъ нѣсколько раньше. Когда же и кѣмъ именно?—Происхожденіе г. Черкассъ естественнѣе всего связывать съ Черкесами, въ просторѣчьи — Черкасами, съ которыми еще въ XV в. боролся Барбаро въ окрестностяхъ Таны²⁾. Ихъ не могъ поселить на Днѣпрѣ Гедиминъ, которому даже пространная литовско-русская лѣтопись не приписываетъ похода на Днѣпръ; но легко могло случиться, что это сдѣлалъ Владиміръ Ольгердовичъ, слѣдуя политикѣ древнерусскихъ князей, которой, въ свою очередь, слѣдовали его преемники (Олелько и Сементь).

Изъ того, что Витовтъ посылалъ Скиргайла добывать Черкасы, слѣдовало бы, что уже тогда Черкасы были городомъ, т. е. имѣли замокъ. Но о состояніи Черкаскаго замка мы не имѣемъ свѣдѣній впродъ до 1552 г. По люстраціи этого года, оно представляется въ такомъ видѣ³⁾.—

Черкасскій замокъ въ описываемомъ видѣ былъ построенъ въ 1549 г. добродеревцами изъ верховыхъ волостей, на горѣ, на разстояніи одного перестрѣла отъ берега рѣки. Со стороны Днѣпра гора была „высока и прикра досить“, хотя въ одномъ мѣстѣ начала уже „рисоваться“. Съ другой стороны, отъ мѣста, было „ровно, какъ по столу“; но мѣстность и здѣсь все-таки была приподнята надъ полемъ больше, чѣмъ на двѣ сажени. По соображеніямъ люстратора, Черкасскій замокъ требовалъ для своей безопасности повышенія горы на протяженіи 13 саж. и углубленія перекопа со стороны поля, также поправки тѣхъ мѣстъ, гдѣ гора стала „рисоваться“. Впрочемъ, тамъ же, въ Черкассахъ, былъ еще и другой замокъ, новоустроенный „справою“ какого-то Ошпана; но—„нехотять Черкашане ку тому новому замьку переселитиися, менячи тамъ небезпечность большу, а просторность замку того непомирное, не по людехъ“; страшило ихъ также

¹⁾ Собр. лѣт. XVII, 80, 515.

²⁾ Библиотекна иностранныхъ писателей 1836 г., т. I, ч. I, с. 29.

³⁾ Надана въ А. Ю. З. Р. VII, I, № 14.

безводье и удаленіе отъ Днѣпра: послѣднее лишило ихъ надежды въ случаѣ осады на выручку изъ Кіева ¹⁾.

Черкасскій замокъ занималъ пространства 30×17 саж., на какомъ пространствѣ мѣстилось 29 городенъ и 4 вежи. Строепія были приземистыя: „можеть на некоторыхъ мѣстахъ человекъ, на земли стоячи, бланькованья, а подъябитья кнемъ досягнути“. Въ замкѣ были, по обычаю: комора, сѣни, свѣтлицы, саран, колодезь и церковь св. *Николая*. Мѣсто было окружено дубовымъ острогомъ „дильванемъ а кольемъ толъстамъ и частымъ“. Для огражденія себя „часовъ потребныхъ, кгда на пашню выходить, або кгда ся выстерегають людей неприятельскихъ“, городъ содержалъ полную стражу на мѣстахъ урочистыхъ: на Тямени, у Чигирина, на Голомъ Тямени, на Рднѣ, у Сухарева и Великаго кургановъ, на Мостицахъ, въ Мошнахъ, „або нигде, где бы потреба указывала“. Вооруженную силу замка составляли: ополченія бояръ и мѣщанъ, отряды слугъ и наемныхъ драбовъ. Отрядъ старостинскихъ слугъ люстрація опредѣляетъ числомъ 61 — прѣзжихъ и мѣстныхъ. Отрядъ драбовъ состоялъ изъ 160 человекъ (семействъ) „з бубны, з прапоры, зъ зброями—въ десятку каждомъ по два копийники въ зброяхъ, зъ ошпы, з корды, а по осми стрельцовъ з ручницами, з мечи“. Очевидно, украинное положеніе замка сильно давало себя чувствовать.

Населеніе города въ полов. XVI в. состояло:

	Домовъ Головъ	
Мѣщанъ господарскихъ	188	1316
Мѣщанъ замковыхъ . . .	32	224
Мѣщанъ земшскихъ . . .	8	56
Бояръ, земинъ и князей	9	63
Слугъ городовыхъ . . .	24	168
Почеть старосты . . .	61	427
Драбовъ	160	1120
Казаковъ	250	250
Итого	732	3624

¹⁾ Не безъ вины, вѣроятно, былъ въ этомъ дѣлѣ и староста. См. А. Ю. З. Р. VIII, V, №№ 28 и 29.

Этнографическій составъ населенія г. Черкасскъ былъ довольно разношерстенъ, хотя массу составляли, разумѣется, Русскіе (не считая драбовъ). Въ числѣ инородческой примѣси люстрація называетъ одного только Волоха, по одному Турчину и Нѣмцу, но, судя по именамъ, къ инородцамъ принадлежали еще—

Татары: Куянь, Ломанъ, Кубеча, Лаука, Дунко, Тиничъ, Балхожа, Гусеймъ, Бахта Розмечитъ, Инука, Мишко Бургосъ, Кудагъ, Мехадъ, Яцко Чигаса, Ширай Козакъ, Данжуль (Волохъ?), Ширай, Махмедеръ, Базыргенева, Малыкъ-Вапа, Бахта, Сохей, Шарпанъ;

Поляки: два Яцка, Радко Яцковичъ, Ѡ. Радкевичъ, Янъ Недрыгаль;

Литвины: Войно и Санко Мацкевичи, Войно Томиловое и Щастный драбъ;

Евреи: Степанъ Жидковичъ, Жидко Трохимовичъ, Жадко Налитневичъ и др.

Главнымъ занятіемъ черкасскихъ мѣщанъ были отхожіе промыслы, въ чемъ они сливались съ сельскимъ населеніемъ; но были между ними и ремесленники. Люстрація въ числѣ послѣднихъ называетъ: чоботарей (8), кушнеровъ (3), стрѣльниковъ (3), ковалей (2) и др. Торговля велась продуктами отхожихъ промысловъ съ Кіевомъ и другими мѣстами, хотя уже начиная съ О. Дашкевича была стѣснена мѣстными старостами; люстрація, напр., отмѣчаетъ, что староста „береть медъ пресный у Черкасцовъ уставою—кадь по поль—девета гр. и не допускаеть имъ продавати меду никому иному“. „А который з нихъ кадю меду або рыбы добудеть—жаловались Черкашане на новины Остафія Дашкевича—и онъ дей не допускалъ имъ до Кіева возити того продавати, и за то себе жыта и иныхъ живностей куповати и то все себе биралъ, якъ дей хотѣлъ, такъ имъ то платилъ“ ¹⁾. При такомъ положеніи дѣлъ, разумѣется, черкасская торговля не могла идти особенно успѣшно, хотя господа, по мѣрѣ возможности, и старались споспѣшествовать ея развитію; такъ, въ 1558 г. Черкасцы, какъ и Каневцы, получили свободу отъ мыта по всему Великому Кня-

¹⁾ А. Ю. З. Р. VII, II, № 17, с. 367—А. Ю. З. Р. VIII, V, с. 10.

жеству¹⁾, „здавна“ они же имѣли „четыри корчмы бражныхъ мѣстекъ“, въ которыя кор. Сигизмундъ не велѣлъ Дашилу Дѣдковичу вступаться, когда пожаловалъ ему привилей на доходы съ черкасской виноторговли²⁾. Видною статью дохода черкасскихъ мѣщанъ, какъ и каневскихъ, служило вознагражденіе за проводы каравана, хотя и его приходилось дѣлить со старостами. „А кгда водою корованъ идетъ, ино ни с кого иного наймати имъ челны не вольно, одно Черкашенъ, и дають с того Черкасцы старосте отъ каждого чолна по золотому“.

Г. Черкассы обыкновенно служили резиденціей старостъ Черкасскихъ и Каневскихъ, объединившихся въ одномъ лицѣ. Первоначально они назывались намѣстниками и только въ XVI в. получили титулъ старостъ. Изъ таковыхъ намѣстны:

Свиридовъ—при Семенѣ Омельковичѣ³⁾;

Вогданъ Ѡ. Глинскій 1494⁴⁾;

Кмита Александровичъ 1494—6⁵⁾;

Иванъ Д. Глинскій 1500—1501⁶⁾;

Сенько Полозовичъ 1503⁷⁾;

Василій Д. Глинскій 1504—7⁸⁾;

Тимоеей Кацета 1511⁹⁾;

Андрей Немировичъ 1511—1514¹⁰⁾;

Ольбрахтъ М. Гангольдъ 1518¹¹⁾;

Остафій Дашкевичъ 1514—35¹²⁾;

¹⁾ А. Ю. Р. II, № 133.

²⁾ А. Ю. Р. II, № 123. Въ моментъ лustrация въ Черкассахъ было уже только двѣ корчмы и обѣ—старосты.—с. 84.

³⁾ А. З. Р. II, № 199.

⁴⁾ Украина IX, 344; Сбор. Истор. т. 41, с. 194—5; ср. Акты Д.—З. № 99.

⁵⁾ А. Ю. З. Р. VIII, IV, № 15; А. З. Р. I, № 130.

⁶⁾ Pułaski Stosunki z Mendli-Girejem, str. 264; Сбор. Истор. т. 41 с. 330.

⁷⁾ А. Ю. З. Р. III, I, № 1—Акт. Леонтовича I, № 641.

⁸⁾ Сбор. Истор. т. 41, с. 542; Pułaski Stosunki, str. 290 sqq.; А. Ю. З. Р. I, VI, №№ 5 и 6.

⁹⁾ Wolff Kniazowie 158, Boniecki Poczet rodów 116; Украина IX, 349.

¹⁰⁾ Pułaski op. с. №№ 122, 133 и 151.

¹¹⁾ Дворцовые Разряды II, с. 900 (инд. 6).

¹²⁾ Д.—Запольскій Украинскіи старосты, с. 22—3; А. З. Р. II, № 178; А. Ю. Р. II, № 117.

Василій Тышкевичъ 1536—7¹⁾;

Янъ Пенько (Немировичъ) 1539²⁾;

Михаилъ А. Вишневецкій 1540³⁾;

Андрей Г. Пронскій 1540—44⁴⁾;

Онскій Горностаѣ 1544—46⁵⁾;

Янъ Хрщоновичъ 1547—52⁶⁾;

Дмитрій Сангушко 1552—(+1554)⁷⁾;

Іосифъ Халецкій 1558—9⁸⁾;

Семень Кмита—справца 1559⁹⁾;

Михаилъ А. Вишневецкій 1560¹⁰⁾.

Черкасскій обводъ еще меньше, чѣмъ Каневскій, и почти столько же, какъ и Вѣлодерковскій, имѣлъ осѣдлыхъ сельскихъ поселеній на своей территоріи. Только изрѣдка, оазисами, попадались здѣсь селенія; все же остальное пространство было подъ уходами, занимавшими иногда сплошь обширную территорію; напр. одинъ уходъ Тисменскій занималъ территорію по теченію рѣки „отъ устья ажъ до верху, кромъ уходовъ Радивоновского а Возуковского“; уходы на Самарѣ простирался „почонъши отъ Ольхового плеса и Волчье воды, ажъ до верху“.

Населенныя мѣста въ Черкасскомъ обводѣ.

С. Мошны—на р. Ольшанкѣ, у истоковъ Ирдыни. Въ Книгѣ Записей, изданной Довнаръ-Запольскимъ въ Документахъ Москов. Архива Мин. Юстиціи, между прочимъ, есть такая отмѣтка: „Кн. Сеньку Глинъскому селищю Мошневское, а

¹⁾ А. Ю. З. Р. III, I, № 2; Arch. Lub.-Sang. IV, № 23.

²⁾ Arch. Lub.-Sang. IV, № 134; А. З. Р. II, № 195.

³⁾ А. Ю. Р. II, № 119.

⁴⁾ Arch. Lub.-Sang. IV, № 133—А. Ю. Р. II, № 120—Сбор. Малиновского, с. 245; А. Ю. З. Р. VII, II, № 18.

⁵⁾ А. З. Р. II, № 233; А. Ю. З. Р. VII, II, № 18.

⁶⁾ Украина IX, 351; А. Ю. З. Р. VII, I, № 14.

⁷⁾ Книга Посольская I, № 45; Przewdzieski Jagiellonki II, № 278.

⁸⁾ Сбор. Историч. т. 59, № 35, с. 548; А. Ю. Р. II, № 134.

⁹⁾ Книга Посольская I, № 117.

¹⁰⁾ А. Ю. Р. II, № 138—140; Дворцовые Разряды II, с. 901. Неправильно кое въ чѣмъ А. Яковлева, напечатаннаго въ IX кн. Украина въ 1907 г. развѣдку о Намѣстниках, державцахъ і старостахъ господарського замку Черкаського вѣ концѣ XV і в XVI вв.

въ немъ два человека, што было за кн. Григоремъ; Григорей де того поступилъ Глинскому, што Глинскій перво держалъ — то отъ него отошло, Крошинского сыну дано¹⁾. Wolff относитъ эту замѣтку къ Мошнямъ Черкасскимъ²⁾; но съ этимъ нельзя согласиться, во-первыхъ, потому, что въ 1448 г. Черкасскій повѣтъ принадлежалъ къ удѣлу Олелька Владиміровича; во-вторыхъ, потому, что князья Крошенскіе никогда въ Кіевской землѣ не имѣли никакихъ владѣній и, наконецъ, потому, что съ точки зрѣнія Вольфа трудно объяснить переходъ Мошенъ къ слѣдующимъ владѣльцамъ: Глинскіе при Олельковичахъ были въ чести. Поэтому исторію Мошенскаго имѣнія (въ Черкасск. пов.) мы начинаемъ со времени Семена Олельковича, который пожаловалъ его боярину Юрію³⁾. Въ 1494 г. сынъ этого Юрія — Васько Ершевичъ — билъ челомъ вел. кн. Александру о Мошны, какъ объ отчину, „штож кн. Семень Олельковичъ далъ отцу его, имень в Черкасскомъ повѣтѣ“. При этомъ Васько повѣдалъ господарю, что „тими разы тыхъ его людей поганство Татарове побрали, а нынѣ до Черкасъ пошли“, и просилъ, „обыхмо ему дозволили в томъ его имѣніи люд садити за ся“. Просьба челобитчика была удовлетворена⁴⁾. — Васько Ершевичъ, повидимому, умеръ бездѣтнымъ, и Мошны спали по близости на его брата — Федька Ершевича. Но и Федько не имѣлъ потомства, въ виду чего рѣшили по своему животу записать отчинныя имѣнія женѣ „у великой сумѣ, не подлугъ обычая права земского“; но по жалобѣ сестры Федька, господарскій комиссаръ (Ольбрахтъ М. Гангольдъ) запретилъ эту сдѣлку. Въ 1520 г. сестра Федька — Ульяна Потапова — обратилась къ господарю съ челобитіемъ, „што братъ ее Федько умеръ, а жона дей его за иного мужа пошла, а тые дей именья (Мошны и Вѣлберегъ) на нее одну спали — иного дей близшого к

¹⁾ с. 36—37, § 19, 1448 г.

²⁾ Kniaziowie, str. 186. При этомъ Вольфъ представляетъ себя дѣломъ такъ, будто кн. Григорій только въ 1448 г. получилъ Мошны, а кн. Семень Глинскій, взявъ ихъ того, дворя Крошинскаго: мало вѣроятно.

³⁾ В. м. не пожаловалъ, а только подтвердилъ: какой-то п. Михайло Мошенскій былъ въ составѣ рады Святигала при пожалованіи Каленику Мишковичу разныхъ имѣній въ Житомир. и Овручск. пов. — Arch. Lub.-Sang. I, № 35—А. Ю. Р. I, № 19.

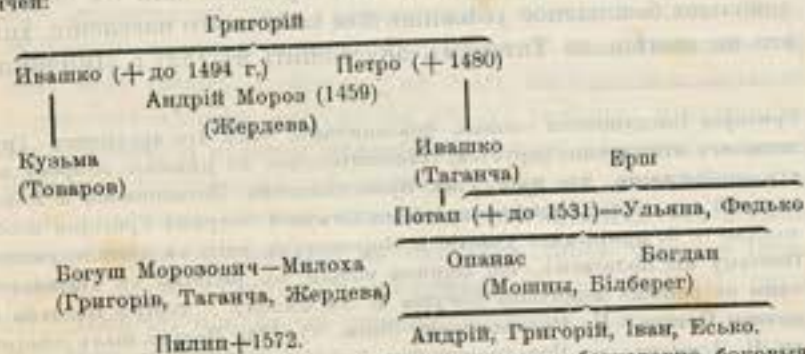
⁴⁾ А. Ю. З. Р. VIII, IV, № 15.

тѣмъ именьямъ никого нетъ“; въ виду этого Ульяна просила подтвердить за ней отчину и материзну ей брата. Эта просьба была удовлетворена¹⁾. Но, по всей вѣроятности, владѣнія Ульяны Потаповой на Мошнахъ ограничивались только извѣстной частью, ибо $\frac{1}{3}$ своихъ имѣній Федько имѣлъ полное право записать своей женѣ. Эта послѣдняя, по словамъ Ульяны, уже въ 1520 году „вышла за иного“. „Иной“ Ульяны — это кн. Василій Довмонтъ.

Василій Довмонтъ былъ дважды женатъ. Отъ перваго брака — съ Ершевой — онъ имѣлъ сына Василія, а отъ втораго — съ Еленой Глинской — двухъ дочерей: за Яномъ Кельбовскимъ и Михайломъ Грабуновскимъ. Янъ Кельбовскій получилъ отъ тестя $\frac{1}{3}$ Мошенскаго имѣнія и др. маекы въ Черкасскомъ пов.; кое-что въ Мошнахъ осталось за Василіемъ Довмонтомъ, а половина Потаповичей числилась (1552 г.) за Богушемъ Морозовичемъ, по дочери Потапа. Въ моментъ уни Потаповичи и Довмонты одинаково именуется Мошенскими, изъ чего слѣдуетъ, что объ эти фамиліи продолжали сохранять свои дѣльницы въ Мошенскомъ имѣніи²⁾.

¹⁾ Докум. Грушевскаго XI, № 2.

²⁾ М. Грушевскій, издавая относящіеся сюда акты (Записки Науков. Тов. ім. Шевченка, т. XI), предложилъ такое родословіе Потаповичей:

Этотъ родословъ въ прямой линіи можно принять безусловно, боковыя же нуждаются въ дополненіи и исправленіи. Такъ, изъ Федьку нужно присоединить Ваську (братъ); что же касается Морозовичей, то предположеніе Грушевскаго о происхожденіи ихъ изъ одного общаго родоначальника (съ Потаповичами) должно быть оставлено. Грушевскій въ данномъ случаѣ основывается на томъ, что Потаповичи называютъ Филипа Морозовича своимъ стрѣчнымъ братомъ. Но Милоха называется

Мліевъ (на Ольшаницѣ), Личинцы (т. Городище, *ibid.*) и Орловцы (на р. Медзянкѣ). Первымъ владѣльцемъ этихъ имѣній былъ бояринъ Федько Васькевичъ. Когда этого Федька Татары убили на господарской службѣ, «а дѣти собѣ не мѣль, а ни близкихъ его никого въ тыхъ селищахъ не было», то они перешли съ его женой—Анной—въномъ къ черкасскому землинцу Гришку Васькевичу, за которымъ и были подтверждены вел. кн. Александромъ отъ 24/ш 1449 г. «за всемъ тымъ, што ку тому здавня прислухало», подъ условіемъ земской службы¹⁾. У Анны Васьковой было двое дѣтей: сынъ Костя (безженный) и дочь Богданна, за черкасскимъ землинномъ (мѣщаниномъ?) Иа. Жубрикомъ. Въ 1533 г. Орловцы, Личинцы и Мигліево, по завѣщанію тещи, утвержденному кор. Сигизмундомъ, достались этому послѣднему (Жубрику)²⁾. Въ 1539 г. на тѣ же селища въ Черкасскомъ пов. была выдана Жубрику подтвердительная³⁾. Иванъ Жубринъ имѣлъ сына Василя, который и наследовалъ его имѣнія въ Черкасскомъ пов. «за всемъ, яко въ собѣ мають». Совершившійся фактъ былъ санкціонированъ грамотой Сигизмунда Августа отъ 10/у 1562 г.⁴⁾, причемъ Михліево, Орловцы и Иличинцы показаны уже «въ Звенигородщинѣ».

Имѣнія Васькевичей—Жубриковъ, расположенныя въ мѣстности лѣвостой и болотистой, представляли въ общемъ довольно безопасное убѣжище для тамошняго населенія, хотя это не помѣшало Татарамъ опустошить въ 1527 г. Личинцы

Григорія Богдановича своимъ братанцемъ, такъ что аргументъ Грушевскаго этимъ аннулируется. Положительное же рѣшеніе вопросу даетъ соображеніе, что въ случаѣ происхожденія Потаповичей и Морозовичей отъ одного потомка въ дѣлѣхъ имѣній боярина Григорія необходимо д. б. принимать участіе и Морозовичи, чего на дѣлѣ не видно. Поэтому мы полагаемъ, что Морозы вошли въ родство съ Потаповичами не раньше женитьбы Вогуша М. на Милохѣ — сестрѣ Богдана и дочери Потапа. — По Руляковскому (*Stow*, VI, 733), Потапъ былъ сыномъ кн. В. Довмонга; но Потаповичи бояре и шляхетные, а не князья.

¹⁾ Грамоты Антоновича № 23.

²⁾ *ibid.* № 29.

³⁾ *ibid.* № 31.

⁴⁾ *ibid.* № 41. По Владимір.-Вуданову (А. Ю. З. Р. VII, II, с. 136), Жубринъ въ 1561 г. будто бы продалъ свои черкасскіе имѣнія Филону Балакиру; но вѣрно.

(Городище). О судьбѣ другихъ селищъ въ это время мы не знаемъ, но возможно, что Орловцы и особенно—Мліевъ, избѣжали участи своего сосѣда, находясь въ болѣе благопріятныхъ топографическихъ условіяхъ; но имъ опасность грозила совершенно иного рода и съ другой стороны. Села: Мліевъ, Личинцы и Орловцы, располагавшія обширными и разнообразными угодьями — Рденскими болотами, лѣсами, рѣчками и рѣчками — раздѣлемъ для пасѣчниковъ, бобровникомъ, звѣро—и птице-лововъ, конечно, представляли изъ себя очень лакомый кусочекъ, на который съ завистью поглядывали черкасскіе уходники. На основаніи имѣющагося въ нашемъ распоряженіи матеріала мы можемъ документально прослѣдить, какъ сначала черкасскіе мѣщане, а затѣмъ — казаки стараются присвоить эти имѣнія то легальнымъ, то нелегальнымъ способомъ.

Уже вскорѣ послѣ смерти Остафія Дашкевича черкасскіе мѣщане жаловались кор. Сигизмунду, будто называющей себя землинномъ *мѣщаниномъ* Иванъ Жубрикъ присвоилъ ихъ властные уходы и пасѣки¹⁾. По этой жалобѣ Киевскій воевода Андрей Немировичъ повѣрилъ границы и права на владѣніе обѣихъ спорящихъ сторонъ и «знашолъ его (Жубрика) быть въ томъ правого и тѣ селища, уходы и пасѣки ему приеудилъ», въ удостовѣреніе чего и выдалъ Ивану Жубрику судебный листъ. Но мѣщане не унимались. Въ 1541 году Иванъ Жубрикъ уже самъ жаловался королю, что черкасскіе мѣщане вступаютъ въ его селища «и зъ того его вытискають, и кривды великіе тамъ ему дѣлають, и всякіе пожитки зъ того на себе мають, а ему въ томъ шкода не мала одъ нихъ дѣется». Принимая во вниманіе эту жалобу, подкрѣпленную семейкой на судебный листъ Андрея Немировича, король приказалъ мѣщанамъ подъ зарокомъ 100 к. гр., «ижъ бы они въ тѣ селища, и уходы, и пасѣки и всякіе пожитки его, ведле суду и листу судебного п. воеводы Киевского, ни въ што не вступали, и зъ того его не вытискали, и жадныхъ кривдъ такъ ему не чинили, и дали бы ему въ томъ покой конечно»²⁾. Грозный вырокъ кор. Сигизмунда,

¹⁾ А. Ю. З. Р. VII, I, с. 368—А. Ю. З. Р. VIII, V, с. 11.

²⁾ Гр. Антоновича № 33.

однако, мало смутить черкасских мѣщанъ. Они продолжали упорствовать въ той мысли, что Жубрикъ безъ всякаго прова „забороняеть ихъ уходы на землѣ господарской спольной ихъ мѣстской Черкасской“, и попрежнему дѣлали наѣзды на имѣнія Жубриковъ. Въ 1555 г. дѣло снова дошло до суда господара. Наруженные по этому дѣлу комиссары—господар. дворянинъ Вацлавъ и Черкасскій староста І. Халецкій—произвели слѣдствіе и нашли мѣщанъ неправыми: Жубрикъ снова выигралъ процессъ¹⁾. Кажется, послѣ этого вырока черкасскіе мѣщане оставили уже въ покоѣ имѣнія Жубриковъ, но явились новые претенденты—казаки.

Въ 1562 г. Василь Жубрикъ жаловался на казака Ждана Повитку, который „року прешлого, въ постѣ на первой недѣлѣ и зъ помочниками своими мощно гвалтомъ на рече Рдени гоны бобровые погонилъ ку немалой кривдѣ и шкодѣ его (Жубрика)“. По этому новоду король приказывалъ Черкасскому старостѣ Михайлу Вишневецкому, чтобы тотъ, поставивъ передъ собой Жубрика, „спроведливостъ въ то ему зъ нимъ учинилъ и справа, въ чомъ оиъ противко ему вынень зосталъ, теды ему платити и за то досытъ учинити казалъ и черезъ то гонъ бобровыхъ гонити и въ тѣ рѣчки вступатися не осмѣлилъ“²⁾.

Василій Жубрикъ имѣлъ дочь Христину, которая, по смерти первыхъ двухъ мужей, убитыхъ Татарами, вышла замужъ за Пахулу Коженевского. Но это уже стоитъ внѣ рамокъ нашей задачи.

Г. Балаклея—на рѣкѣ того же имени. Съ именемъ: Балаклея намъ извѣстенъ царь Заволжскихъ Татаръ, по сказанію литовско-русской лѣтописи, пораженный при Койдановѣ Скирмунтомъ Мингайловичемъ³⁾. Возможно, что по имени этого или к—н. другого Балаклея, получилъ свое названіе и городъ. Время основанія Балаклеи не извѣстно, но, по всей вѣроятности, это случилось при Владимірѣ Ольгердовичѣ: городъ Балаклы, или Балыклы упоминается въ ханскихъ ярлыкахъ. Помимо ярлыковъ, имени Балаклы мы

¹⁾ Влад.-Вудановъ А. Ю. З. Р. VII, II, с. 136 предисловія.

²⁾ Грамоты Антоновича № 42.

³⁾ Сбор. лѣт. XVII, с. 480—1; отсюда это извѣстіе позаимствовало и Стрыйковскій, датируя его 1321 г.—Kronika, I, с. 247.

больше нигдѣ не встрѣчаемъ: запустѣть. Впрочемъ, о Балаклеяскомъ городищѣ вспоминаеть Gwagnin, рекомендуя возобновить его и поставить здѣсь сторожевой постъ¹⁾.

С. Яцково-Тясмина (т. Смѣла)—при расширеніи р. Тясмина, изъ котораго вытекають Гнилой Тикичъ и Серебрянка. Первоначально Яцковскіе грунты входили въ составъ имѣній Жубриковъ, но въ 1533 г. ихъ выпросилъ подъ Жубриками нѣкто Юсько, или Яцко Тымкевичъ. Этотъ Яцко заложилъ на пустомъ урочищѣ хуторъ, прозванный Яцковымъ (также Тясмино), но вскорѣ, однако, запустѣвшій. Послѣднимъ обстоятельствомъ, очевидно, воспользовались Черкасскіе старосты, чтобы привернуть Яцково къ замку, но мандатомъ кор. Сигизмунда отъ 17/IV 1544 г. имъ было приказано возвратити неправно захваченныя имѣнія прежнимъ владѣльцамъ. Какъ только это случилось, Тымкевичи поспѣшили переуступить спорныя владѣнія черкасскимъ мѣщанамъ, очевидно, не надѣясь удержать ихъ въ своихъ слабыхъ рукахъ. Но тутъ снова выступаютъ на сцену Жубрики, которые и выигрываютъ процессъ: отъ августа 1544 г. мы имѣемъ листъ господарскаго комиссара Гарабурды, приказывающій черкасскимъ мѣщанамъ возвратити привилей на селище Яцково боярину Стефану Жубрику. Однако и Жубрикамъ не пришлось спокойно владѣть спорнымъ имѣніемъ. Еще въ 1570 г. Черкашане жаловались, что нѣкоторыя важныя особы—очевидно, тѣ же Жубрики—валятъ насильно у нихъ селища на Тясмени—Яцково и Радивоново²⁾.

Селище Бузуково—при расширеніи Тясмени. Въ концѣ XV или началѣ XVI в. рабъ Божій Иванъ Лисиченко Волгакъ записать на сорокоустъ Печерскому монастырю „въ Черкасехъ селище свое Бузуково и зъ землями, и съ иными доходами, што к тому прислухало“. Когда въ теченіе нѣкотораго времени Печерскій монастырь уже спокойно пользовался Бузуковскими угодьями, Черкасскій староста Остафій Дашкевичъ „отъ колко годовъ“ сталъ вступатися въ нихъ и чинити разныя кривды и утиски тому монастырю. По этому случаю архимандритъ Антоній жаловался кор. Сигизмунду

¹⁾ Z Kroniki, с. 226.

²⁾ Zr. V, с. 224—5; Słownyk X, 880.

въ 1529 г., и король настрого приказалъ своему старостѣ, „абы въ тыи люди его ничимъ ся не устуновать, и съ нихъ дани на себе не брала, и озеро волочити и бобровыхъ гонь гонити не казала, и съ пасекъ плату не брала, и иныхъ кривадъ и утисковъ тому монастырю Печерскому ни въ чемъ не дѣлала—и дала бы ему въ томъ во всемъ покой“¹⁾.— По люстраціи, въ Бузуковскомъ селищѣ, кромѣ уходовъ Печерскаго монастыря, была также пасѣка Николаевской Церкви г. Черкасѣ.

С. Радивонова (г. Жаботинъ), при р. Жабянкѣ,—давнее поселеніе. Въ 1495 г. намѣстникъ Путивальскій, Богданъ Ѳ. Глинскій, билъ челомъ вел. кн. Александру о подтвержденіи ему разныхъ селъ, „штожь кн. Оделко и кн. Семень подавали отцу его, кн. Федору“, въ числѣ которыхъ было и Радивоново „въ Черкасѣхъ“. Это наданье передъ тѣмъ было подтверждено кор. Казимиромъ, но при нашествіи Менгли-Гирея „тогъ привилей въ Киевъ згорѣлъ“; Александръ по этому случаю, въ отвѣтъ на челобитіе Глинскаго, выдалъ ему новый²⁾. Это, однако, не избавило подданныхъ Глинскаго отъ вступленія Черкасскихъ намѣстниковъ. Въ 1495 г. тотъ же Богданъ Глинскій жаловался господарю на Черкаскаго намѣстника Книту Александровича, „штожь тамъ слуги и люди его въ Черкасѣхъ живутъ, и онъ дей тые слуги и люди его судить и радить, и винч, и пересуды на нихъ беретъ“. Удовлетворяя жалобщика, вел. кн. Александръ велѣлъ своему намѣстнику не вступаться въ его подданныхъ, а вести себя сообразно съ правомъ, пожалованнымъ для всей земли Киевской³⁾. Изъ этого факта, между прочимъ, можно заключить, что населеніе Радивонова уже въ то время пряталось подъ защиту замка. По смерти Богдана Глинскаго въ Москвѣ (1512), Радивоново досталось его сыну—Владимиру, который въ 1537 г. продалъ его Ивану Жубрику⁴⁾.

Благодаря приобрѣтенію Радивонова, Черкасскія имѣнія Жубриковъ округлялись, но это не спасло ихъ отъ притя-

¹⁾ Матеріалы Каманина, въ Чтеніяхъ Киев. VIII, № 1, а—с.

²⁾ А. З. Р. I, № 129.—Arch. Lab.-Sang. I, № 112 (ошибочная дата 1496).

³⁾ А. З. Р. I, № 130.

⁴⁾ Зг. V, с. 225.

заній мѣщанъ. Последніе никакъ не хотѣли выпустить Радивонова изъ своихъ рукъ, но испытавъ неудачу явно агрессивныхъ дѣйствій, на этотъ разъ они повели иную тактику. Былъ сфабрикованъ документъ, по которому будто бы Василь Жубрикъ продалъ Радивоново нѣкоему Радузѣ Губѣ (1565 г.), а послѣдній переуступилъ уже это имѣніе черкасскимъ мѣщанамъ (1570 г.). Но, какъ признавался и самъ владѣлецъ упомянутого документа, онъ не имѣлъ надлежащей формы—былъ „приватнымъ“¹⁾.

Изъ грамоты вел. кн. Александра Черкасскому намѣстнику Книту можно заключить, что въ Радивоновѣ числилось населеніе, проживавшее, впрочемъ, большую часть времени при замкѣ. Но въ половинѣ XVI в. даже приписаного населенія здѣсь не встрѣчаемъ: „кто тамъ пасѣкою стоитъ, даетъ Ив. Жубрику на годъ 12 гр., а теперь тамъ только его самого пасѣка“²⁾.

Матреникъ лѣсъ (между Жаботинымъ и Медвѣдовкой)—урочище на Тясминѣ; до сихъ поръ сохранились здѣсь валы, называемые „городищемъ“, въ формѣ лука съ тѣсной и двумя вѣздами. Отъ этого городища тянется дальше окруженное валами еще большее пространство, въ которомъ помѣщался нѣкогда Матренинскій монастырь; на валахъ повзростали уже многолѣтніе дубы. По народному преданію, въ этихъ мѣстахъ нѣкогда пребывать какой-то князь, по имени Юрій, который построилъ замокъ на горѣ Юрьевой (4 вер. отъ Смѣлы), а его сестра—Мотрена—построила въ лѣсу монастырь. Разрушенный Татарами, этотъ монастырь былъ возобновленъ въ 1568 г., по благословенію Киев. митр. Іоны IV Протасевича. Монахи, называвшіе свой монастырь скитомъ, жили въ пещерахъ, слѣды которыхъ видны и до сихъ поръ³⁾.

Изъ документовъ, опубликованныхъ Каманинымъ въ Приложеніи къ изслѣдованію о казачествѣ, видно, что Мат-

¹⁾ Зг. V, с. 225.

²⁾ Антоновичъ падалъ въ Киев. Ст. 1896, X нѣсколько документовъ, изъ которыхъ одинъ (№ 1) заключаетъ въ себѣ подтвержденіе брацлавскому землинцу Мокію Жидкевичу на Жаботинъ и Олевянныя въ Киев. воеводство, подъ датой 1509 г.;—подложный.

³⁾ Słownik VI, 749; Максимовичъ I, 872—3.

ренинъ лѣтъ служить въ разматриваемый періодъ приближительно для пасѣчниковъ. Въ 1600 году казакъ Тишко Волевицъ отписалъ по духовному завѣщанію своему сыну Антону, „пасеку въ Матренинѣ, по—надъ Еничемъ лѣсъ съ подлесемъ, съ сѣножатми и пахотнымъ полемъ (а тотъ грунтъ купленъ небожникомъ дедомъ моимъ Іаковомъ Волевицемъ отъ Івана Безмольного“¹⁾).

Лебедина (на верховьяхъ р. Турп) — была пожалована Киевскими удѣльными князьями Феодору Глинскому вмѣстѣ съ Радивоновымъ и *Кирилловымъ* (т. Кирилловка на Ольшаницѣ?)²⁾. Послѣдующими владѣльцами Лебедина были: Богданъ Ѳ. Путивльскій, Владиміръ Богдановичъ, Елена за Довмонтомъ Мошенскимъ, Михайло Грабуновичъ и Янъ Кельбовскій — зятья этого Довмонта (люстр.).

С. Довмонтовъ на Супоѣ — огчина кн. Довмонтовъ, впоследствии прозванныхъ Мошенскими.

Глинщина, вмѣстѣ съ Глинскомъ и Полтавой, была отчиной кн. Глинскихъ, затѣмъ перешла „правомъ прироченомъ“ на Богуса Корецкого. Въ завѣщаніи послѣдняго, писанномъ въ 1579 г., Глинщина выступаетъ уже и съ другимъ именемъ, которое за нею сохранилось доселѣ: „*Золотоноша*, которую зовутъ *Глинщина*“ (т. уѣз. городъ Полтав. губ.)³⁾.

С. Климатинъ — на Сулѣ. Первымъ известнымъ намъ владѣльцемъ Климатина былъ кiev. бояринъ Есько Костикиничъ. По смерти Костикинича, Климатинъ перешелъ съ его женой къ кн. Юрію Смагѣ, оставившему единственную дочь наследницей своихъ имѣній. Впрочемъ, не замедлилъ явиться и претендентъ на нихъ; это былъ житомирскій бояринъ Пряжковскій, искавшій подъ кн. Смажиной Климатина „по близости“. Но Киевскій воевода Ю. А. Гольшанскій, принимая во вниманіе, что и сама Смажина держала Климатинъ „безъ жадное близости и къ тому и безъ господарской данины“, привернулъ то селище къ Черкасскому замку. Въ 1510 г. господар. дворянинъ Михайло Павша обо всемъ этомъ освѣдомилъ кор. Сигизмунда и, согласно своей

¹⁾ Матеріалы № 3 (Чтенія Киев. VIII).

²⁾ Slowyk V, 642

³⁾ А. Ю. З. Р. I, т. I, № 17.

просьбѣ, былъ пожалованъ отъ него Климатинимъ¹⁾. Спусти около двухъ лѣтъ, тотъ же Михайло Павша отписалъ „свою вѣрную выслугу, селище Климатинъ у Черкасскомъ пов., на Днѣпрѣ, ниже Черкасъ“, Николо-Пустьинскому монастырю „съ пашными землями и съ сѣножатми, и съ звѣриными довищи, и съ озера, и съ затоны, и съ бобровыми гонны, и съ осетрими луками, и съ езы, и съ езовищи, съ пасѣками и пасѣчница, и съ Сульскимъ входомъ, што къ Сулѣ рѣцѣ Климатинскіи входы“ etc.²⁾.

Богатые Климатинскіе уходы (какъ видно изъ выше приведеннаго перечня угодій) служили большимъ искушеніемъ, какъ для Черкасскихъ старостъ, такъ и для мѣщанъ. По этому случаю мы имѣемъ нѣсколько жалобъ Пустьинскихъ старцевъ, обращенныхъ, какъ къ королю, такъ и къ самимъ старостамъ; напр., въ 1532 г. игумень и всѣ старцы жаловались Сигизмунду I на Остафія Дашкевича, „штожеъ дей онъ у-въ уходы перковныи Клемантинскіе вступается и къ тому дей людеи ихъ церковныхъ Совинцевъ кажеъ имати и въ нятетво сакати“³⁾. Въ отвѣтъ на эту жалобу король строго приказалъ своему старостѣ впредь въ Климатинскіе уходы не вступаться.

Климатинскіе — а м. б. и какіе-либо другіе — уходы Пустьинскаго монастыря отъ устья Сулы спускались по теченію р. Днѣпра въ т. н. *Бѣлобереже*. Территорія ихъ опредѣляется выраженіемъ: „на низъ идучи по Ердань, а уверхъ идучи — по Выстрину“. Конечнымъ пунктомъ этихъ уходовъ на югѣ, кажется, было селище *Пим* (выше Кременчуга, т. Недогарки), прославившееся впоследствии Пивогорскимъ монастыремъ. Объ этихъ уходахъ король Сигизмундъ I писалъ въ 1528 г. тогдашнему Черкасскому старостѣ Остафію Дашкевичу, чтобы онъ „Черкасцомъ и козакомъ приказалъ, ижьбы они въ тые уходы монастырскіи ничимъ ся не вступовали, и шкоды и переказы тамъ имъ ни въ чемъ не дѣлали“⁴⁾.

¹⁾ А. Ю. Р. I, № 57.

²⁾ А. Ю. Р. I, № 59 = А. Ю. З. Р. I, т. VI, № 10. На оборотѣ этой записи, хранящейся въ библ. Киев. Дух. Академіи, отиѣчено по-русски и по-польски: „на Климатинъ, т. прозываемое *Жоенинъ*“.

³⁾ А. З. Р. II, № 171.

⁴⁾ А. З. Р. II, № 153 = А. Ю. З. Р. VIII, V, № 26, док. 8.

Однако удержать Черкасцевъ отъ нападковъ на монастырскіе уходы, столь обширныя, что ихъ трудно было контролировать, оказалось не легко. Въ 1544 г. Пустынскіе монахи снова жаловались — на этотъ разъ уже Черкасскому старостѣ Оникію Горностаю, — что Черкасцы продолжаютъ „у-въ уходы ихъ и у-въ урочища ихъ ветунатися, которыхъ съ давнихъ часовъ и за первшихъ старостъ у-во впокойномъ (?) держанъ они были и всякіе пожитки съ нихъ мѣли, такъ и рыбныя уходы по озеромъ, и всякіе пожитки съ того на себе мѣли“¹⁾.

С. *Ворохобичи*, въ Вѣлыхъ Берегахъ, 7 миль отъ замка, — выслуга извѣстныхъ уже намъ Ершевичей на Киевскихъ удѣльныхъ князьяхъ; въ 1531 г. продано Ульяною Потоповою съ ея сыновьями — Опанасомъ и Богданомъ — господарю дворянину Ив. Немирчу²⁾.

Г. *Глинскъ* на Ворсклѣ. Въ Заднѣпровьѣ есть два Глинска: на Сулѣ и на Ворсклѣ. Одинъ изъ нихъ, должно быть, существовалъ еще изъ предыдущей эпохи. Полагаемъ, что это былъ Глинскъ на Сулѣ, который упоминается въ Воекр. отрывкѣ и, по словамъ проф. Линниченко, имѣеть городище съ признаками тюркаго поселенія: отъ этого Глинска потомки кн. Лексы прозвались Глинскими. Другой Глинскъ, нужно думать, зарубленъ уже самими Глинскими и получилъ свое названіе отъ владѣльцевъ. По люстраціи, „селище и городище за Днепромъ у Сквере на реце Ворскле, на имя Глинско“, держалъ въ полов. XVI в. Янъ Кельбовскій, въ качествѣ посата за княжной Довмонтовой; тогда съ Глинска шло въ пользу владѣльцевъ 4 кади меду.

Г. *Полтава* — на Ворсклѣ же, согласно родоводу, отчина тѣхъ же Глинскихъ; съ давнихъ лѣтъ запустѣль.

Вотъ и всѣ болѣе или менѣе населенныя пункты на территоріи Черкасскаго обвода, которые встрѣтились намъ въ документахъ. Ихъ не много; все же остальное — были уходы. Наиболѣе замѣчательныя изъ уходовъ, по сю сторону Днѣпра, „починни отъ Мошенъ“: уходъ и станъ на имя *Дубослей*, съ озерами: *Устульный* и *Западный затоны*, *Засяж-*

¹⁾ А. З. Р. II, № 233.

²⁾ А. Ю. З. Р. VII, I, № 10; ср. Док. Грушевскаго XI, № 2.

ли; уходъ и станъ *Еланскій* съ другою частью тѣхъ же озеръ; уходъ и станъ *Воловскій*; уходъ *Лисокъ*, уходъ *Тягинскій*; уходы на обонхъ *Игулажъ*. Уходы по Днѣпру: *Кременчуцкій*, *Ревуцкій*, *Волмечъ*, *Ненаситецъ*, *Плетеница*, *Бозовлукъ*, *Носовскій*, *Томашовка*, *Аргачинъ*; уходы на *Тавани* и на *Протолчи*, уходъ *Романовскій* ниже устья Самары. На Заднѣпровьѣ, какъ сказано было выше, къ Черкасскому обводу принадлежало нижнее теченіе р. Сулы съ Климятинскими уходами монастыря Пустынскаго; затѣмъ — нижнее теченіе р. Пела, гдѣ располагался уходъ *Щекельскій*; бассейнъ Ворсклы, Орли и Самары со всѣми ихъ уходами.

Уходы по Ворсклѣ и Мерлу нѣкогда входили въ составъ имѣній кн. Глинскихъ. По раздѣлу между братьями Богданомъ и Григоріемъ въ 1498 г., послѣднему досталось: „Оверхъ Глинщина, и въ Ворсклѣ, и Мерла рѣчка съ верху до устья“. Въ 1537 г. эти уходы перешли съ Аграееной Глинской къ Байбузамъ. Въ 1550 г. землянка черкасская Аграеена Васильевна Глинская записала „имѣнья Глинщино и Ворсклѣ и иныя вотчины“ своему зятю Михаилу Ив. Грибунову, по часть Ворскольскихъ уходовъ продолжала оставаться въ родѣ Байбузъ и послѣ уніи. Въ 1638 г. польскіе послы предъявляли московскому правительству „листъ кн. Михаила Вишневецкаго, подъ дачею въ Черкасѣхъ, лѣта 1570 15/х, который вызволяетъ севрюковъ Байбузинныхъ Ворскольскихъ отъ податей всякихъ городовыхъ“¹⁾. Наслѣдники Глинскихъ имѣли претензіи на владѣніе всѣмъ бассейномъ Ворсклы еще много лѣтъ спустя послѣ уніи, но фактически Ворскольскими уходами пользовался, кто хотѣлъ. Люстрація относитъ ихъ даже къ числу тѣхъ, на которыхъ хаживали Черкашане, „такъ бояре, якъ и мешане“, и давали за то старостѣ извѣстную часть добычи. Черкасскіе казаки также имѣли свои стародавніе уходы на Хоролѣ и на Ворсклѣ: „были есьмо на входехъ (стародавнихъ) нашихъ, т. е. на Хоролѣ и на Ворсклѣ“ — показывали они на одномъ судебномъ слѣдствіи (по случаю погрома купцовъ у Санджарова²⁾).

¹⁾ Дворцовые разряды II, 900-1.

²⁾ Книга Посольская I, № 23, ср. № 22.

На Орели люстрація отмѣчаетъ одинъ угодъ Орельскій рат ехсеі и еще два другихъ угода, безъ обозначенія ихъ имени. Въ концѣ 50 гт. XVI в. Орельскіе угоды отошли къ Ногайскимъ Татарамъ, которые за дозволеніе имъ „межи Ореля и поля лежати“ обязались нести сторожевую службу на Великое Княжество¹⁾. На Самарѣ былъ одинъ громаднѣйшій угодъ, „почонъши отъ Ольхового плеса и Волчье воды ажъ до верху“.

Объединяя все доселѣ сказанное о колонизаціи всѣхъ трехъ обводовъ, можно приблизительно очертить границы Черкаскаго повѣта такимъ образомъ.

Начиная отъ Днѣпра, пониже Ржищева, граница Черкаскаго повѣта съ Кіевскимъ направлялась на водораздѣль Роставицы и Унавы. Отъ Вчорайшаго до Ружина шла граница съ Житомирскимъ повѣтомъ; отъ Ружина до Погребница (Бердич. уѣз.) — съ Винницей; отъ Погребница и по Гишлому Тикачу — съ Браславлемъ. Захватывая, затѣмъ, часть Звенигородщины и скользя по верховьямъ Турія, черкасская граница обходила съ юга бассейнъ Тясмина и въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ праваго берега Днѣпра спускалась приблизительно до устья Самары²⁾.

На Заднѣпровьѣ Черкасскій повѣтъ захватывалъ нижнее теченіе Супоя и бассейнъ рѣкъ: Сулы, Пела съ Хоромомъ, Вореклы съ Мерломъ, Орели и Самары съ Волчьею. На крайнемъ востокѣ черкасская граница сходилась съ руближемъ путивльскимъ³⁾.

¹⁾ Книга Посольская I, № 117.

²⁾ См. обводъ 1570 г. въ А. Ю. З. Р. VII, I, № 25 и VIII, V, № 88.

³⁾ Въ такомъ видѣ представляется южная граница Кіевской земли въ періодъ воеводскаго управленія; въ періодъ же удѣловъ она спускалась гораздо южнѣе. См. обводъ Смирнова въ А. З. Р. II, № 199.

ЧАСТЬ III.

Возвращаясь к началу книги, мы должны заметить, что в ней мы не только познакомились с историей, но и с географией, политическими и социальными условиями, с которыми она тесно связана. Мы видели, как в течение веков изменялся облик этой страны, как развивалась ее культура и экономика. Мы узнали, что такое Кавказ, каковы его особенности и значение. Мы увидели, как в разные периоды истории Кавказ служил ареной для различных политических и социальных процессов. Мы поняли, что Кавказ — это не просто географическое пространство, а сложная и многогранная реальность, которая требует глубокого изучения и понимания.

В этой части мы рассмотрим более подробно некоторые из этих процессов, которые оказали наибольшее влияние на развитие Кавказа. Мы поговорим о формировании государственности, о роли культуры и религии, о социальных изменениях. Мы увидим, как в разные периоды истории Кавказ служил ареной для различных политических и социальных процессов. Мы узнаем, что такое Кавказ, каковы его особенности и значение. Мы увидим, как в разные периоды истории Кавказ служил ареной для различных политических и социальных процессов. Мы узнаем, что такое Кавказ, каковы его особенности и значение.

Мы увидим, как в разные периоды истории Кавказ служил ареной для различных политических и социальных процессов. Мы узнаем, что такое Кавказ, каковы его особенности и значение. Мы увидим, как в разные периоды истории Кавказ служил ареной для различных политических и социальных процессов. Мы узнаем, что такое Кавказ, каковы его особенности и значение.

Предлежащая—по счету третья и последняя — часть настоящего сочинения, по плану автора, должна заключать въ себя отчасти выводы и обобщения, отчасти дополнения и комментарий—ко второй и основной части его. Тут, следовательно, будетъ рѣчь: а) о колонизации страны, т. е. о количествѣ, движеніи и этнографическомъ составѣ населенія; б) объ экономическомъ бытѣ и, наконецъ, в) о социальной группировкѣ населенія. Начнемъ съ перваго.

Въ вопросѣ о колонизации мы остановились на томъ, что населеніе средняго Поднѣпровья, съ одной стороны, „не было истреблено или уведено въ плѣнь ни Турками, ни Монголами“, а съ другой—„оно и не выселилось ни на сѣверъ, ни на западъ, продолжая въ массѣ своей оставаться на старыхъ мѣстахъ“. Тамъ именно и застаютъ его документы разсматриваемаго періода; застаютъ, правда, довольно поздно, но во всякомъ случаѣ раньше, чѣмъ галицко-волынскіе шляхтичи начинаютъ жаловаться на оскудѣніе своихъ имѣній. Для иллюстраціи укажемъ цѣлыя волости, въ которыхъ есть основаніе предполагать значительное населеніе, сохранившееся, очевидно, изъ временъ до-монгольскихъ. Начнемъ съ Посемья.

Хотя въ до-Монгольскую эпоху Посемье довольно замѣтно выдѣлялось изъ состава Черинговщины (начиная приблизительно съ полов. XII в.) и имѣло даже нѣсколько своихъ особыхъ политическихъ центровъ, какъ Путивль, Курскъ, Рыльскъ, Вырь,—тѣмъ не менѣе оно не представляло лакового куска для искателей удѣла¹⁾ и, очевидно, было далеко

¹⁾ Слова Ростислава: „лѣши бы ми смерть, а не Курское ширженіе“ (Моленіе Данила Заточника, по изд. Шляпкина с. 6-7). Подоб-

не многолюдно. Между тѣмъ въ разсматриваемый періодъ Посемье является цвѣтущей провинціей, со многими городами и селеніями, провинціей, гдѣ—по воспоминаніямъ кievской шляхты — было до 14 волостей, изобильно ее кормившихъ и одѣвавшихъ. Замѣтите, что начало такого благосостоянія этой провинціи восходитъ далеко въ глубь времени—оно констатируется нашими документами уже „при предкахъ и отцѣ“ Сигизмунда Старого¹⁾. Сколько, значитъ, жизненныхъ силъ заключало въ себѣ Посемье со времени перваго Татарскаго погрома, чтобы пережить всю эту бурную эпоху и перейти подъ скипетръ московскихъ великихъ князей далеко еще не истощеннымъ²⁾!

По сю сторону Днѣпра, повидимому, значительно была населена Олевская волость, о которой въ до-Монгольскую эпоху намъ ничего не извѣстно. Правда, эта волость выступаетъ въ нашихъ документахъ не раньше 1473 г., но уже тогда она отдавалась въ колейное держанье кievскимъ землянамъ—очевидно, какъ одна изъ „пожиточнѣйшихъ“. Кievская лѣтопись, подѣ 1497 г. рассказывая о вторженіи Татаръ, говоритъ, что они взяли „множество плѣна“ въ Олевской волости³⁾.

Волости: Звягольская—удѣлъ князей Звягольскихъ (до 1489 г.), Остерская—Семена С. Трабскаго (тогда же) и Лю-

шамъ же образомъ выражался Исаиасъ Давидовичъ о Вырѣ: „у Выри не могу (не хочу) голодомъ мерети“ (Ипат, с. 354).

¹⁾ Żeg. Malinowskiego II, с. 122.

²⁾ Любопытно, что въ то же самое время сосѣдняя Переяславщина—по крайней мѣрѣ въ сѣверной своей части—представляла изъ себя едва-ли не пустыню. Отъ времени Олелька Владиміровича мы имѣемъ, напр., одинъ документъ, которымъ жалуются боярину Олехну Сохновичу въ г. Переяславскомъ уѣз. 8 пунктовъ—и всѣ селѣща да городища. Мало того: изъ привилегій Олелька Владиміровича на эти имѣнія ясно видно, что названныя въ немъ селѣща и городища были совершенно лишены осѣдлаго населенія. Здѣсь читаемъ: „А какъ ли бы на которомъ селѣщы люди осели, то и тые люди мають быти послушни его и счадковъ его, не мовачи“ (Архивъ Песочинскаго). Сохраненіе населенія на Посемьѣ и въ мѣстностяхъ, съ нимъ смежныхъ (тѣмъ Ягондамъ, сына Сараева), мы объясняемъ добровольнымъ подчиненіемъ его власти Татаръ (какъ Волоховцы); иначе это явленіе, рядомъ съ запустѣвшей Переяславщиной, было бы совершенно непонятно.

³⁾ Над. Оболенскимъ, с. 144.

бецкая—В. Верейскаго (не позже)—очевидно, тоже были довольно населенными еще въ XV в.

Другія мѣстности, какъ, напр., Поросье и Переяславщина, несомнѣнно, сильно запустѣли послѣ Татарскаго погрома, но можно думать, что населеніе ихъ все же осталось въ предѣлахъ средняго Поддѣпровья, подвинувшись къ сѣверу, въ область лѣса¹⁾.

Какую же картину, въ общемъ, представляетъ населенность Кievской земли въ разсматриваемый періодъ?—Прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, считаемъ нужнымъ осведомить читателя о состояніи нашихъ источниковъ, такъ какъ этимъ опредѣляются границы требованій, могущихъ быть предъявленными къ автору.

До XV в. у насъ почти нѣтъ никакихъ документовъ. Для XV же вѣка мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи только одну (и то — обрывокъ) люстрацію, которая сообщаетъ, правда, довольно основательныя данныя относительно Житомирскаго, части Кievскаго и Черкаскаго повѣтовъ. Эти данныя нѣсколько пополняются подложной грамотой А. Боголюбскаго, сфабрикованной въ самомъ концѣ правленія Семена Олельковича. Последняя имѣетъ отношеніе къ Кievскому и Житомирскому повѣтамъ. Если мы къ этому матеріалу прибавимъ еще нѣсколько актовъ, изданныхъ, какъ правительственными комиссіями, такъ и частными лицами, то исчерпаемъ весь запасъ документовъ, которымъ въ данную минуту располагаемъ. Разумѣется—не много.

Теперь—что мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи для колонизаціи XVI вѣка? — Мы имѣемъ люстраціи, на этотъ разъ болѣе обильныя числомъ, но едва-ли основательностью. Почти для каждаго замка (повѣта) изъ половины XVI в. у насъ есть по люстраціи. Но для Житомира сохранилось ихъ цѣлыхъ двѣ—изъ 1545 и 1552 гг., а для Путивля и Любеча—ни одной. Тѣ же люстраціи, которыми мы располагаемъ, не всѣ одинаковаго достоинства. Въ то время, какъ, напр., Мозырская люстрація тщательно пересчитываетъ не только городское, но и сельское населеніе, даже поименно, Черно-

¹⁾ Авторъ предполагаетъ здѣсь знакомство читателя съ Очеркомъ исторіи Кievской земли М. Грушевскаго, въ особенности съ гл. V.

быльская люстрація указывает только села, которыя отбывали недѣли при замкѣ, да и то — не все: „и иные села во всемъ повете Чернобыльскомъ и Овруцкомъ“ — таковъ ея заключительный аккордъ.

Пробѣлы въ люстраціяхъ нерѣдко бываютъ весьма существенны. Пропускаются не только отдѣльныя села, состоявшія въ частномъ владѣніи и потому для люстраторовъ мало интересныя, но и цѣлыя волости. Гдѣ, напр., можно найти опись Брягинской и Чудновской волостей или Бѣлоцерковского обвода? Ихъ напрасно мы стали бы искать, ибо ни въ какой люстраціи упомянутыя волости не числятся, сами же по себѣ онѣ не составляли предмета описанія: чего-нибудь въ родѣ ревизій ихъ или тарифовъ мы не имѣемъ.

Мы сказали, что для нѣкоторыхъ повѣтовъ совсѣмъ не сохранилось люстрацій. Что же мы можемъ знать о нихъ и — откуда? Для колонизаціи Любецкаго пов. мы пользуемся люстраціей времени уніа (1571 г.), для колонизаціи же Путивльскаго — разнообразными документами, какъ-то: ярлыками, епископомъ городовъ Свиритгайла и актами пожалованій. Разумѣется, все это далеко не можетъ замѣнить даже плохой люстраціи.

Кромѣ люстрацій, которыя т. о. являются основнымъ источникомъ по вопросу о колонизаціи, для исторіи XVI в. мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи болѣе обильный активный матеріалъ, чѣмъ для XV, но все же — не достаточный. Нѣсколько десятковъ такихъ документовъ не въ состояніи замѣнить и одной порядочной люстраціи, хотя въ другихъ отношеніяхъ эти пожалованія, дарственные, купчія, судныя и проч. грамоты имѣютъ неоцѣнимое значеніе, напр., въ вопросѣ о землевладѣніи.

Таково состояніе нашихъ источниковъ. Разумѣется, что при такомъ положеніи дѣль статистическія выкладки являются весьма рискованными. Но онѣ все-таки были бы еще возможны, еслибъ не одно обстоятельство, которое отнимаетъ и эту, весьма условную возможность. Это — неспокойная жизнь Украины. Акты разсматриваемаго періода нерѣдко подчеркиваютъ украинность Киевской земли. Идетъ ли рѣчь о пропажѣ документовъ, или о притѣсненіяхъ старостъ, или о непожиточности имѣній, или о чемъ-либо другомъ въ этомъ

родѣ, — доводъ: „яко на Украинѣ“, имѣеть довлѣющее значеніе. Въ чемъ же сказывалась эта украинная жизнь, если не въ крайней неустойчивости колонизаціи? Извѣстная мѣстность, напр., сегодня была еще заселена, а завтра, глядишь — пришли Татары — и она пустѣеть. О насельникахъ такой мѣстности можно сказать словами Саади, что „иныхъ уже нѣтъ, другіе странствуютъ далече“: часть погибла отъ меча или попала въ плѣнъ, остальные разбѣжались въ разныя стороны и больше могли не возвратиться на прежнія мѣста. Отъ городовъ оставались городища, отъ селъ — селища, вся же мѣстность или обращалась въ пустыню, или становилась поприщемъ для ухожихъ промысловъ. Это — разъ.

Два. Отмѣченная уже нами близость Киевской земли, какъ Украины, къ степи, и, какъ слѣдствіе ея, постоянная гроза татарскихъ разореній — съ одной стороны, а съ другой — обиліе чрезвычайно богатыхъ естественными дарами пустошей — манили население на вольную, бродячую жизнь, на просторные уходы, гдѣ оно было свободно, какъ отъ опеки своихъ владѣльцевъ, такъ и отъ притѣсненій мѣстной администраціи. Развивалось казачество. Казакъ — вольный человекъ и никакой регистраціи не подлежитъ. „А окромя того, бываетъ тамъ людей прихожихъ, козаковъ неосѣлыхъ, а бываетъ ихъ неровно завѣжды, але яко которыхъ часовъ“, — читаемъ въ люстраціи Каневского замка¹⁾. Черкасская люстрація подаетъ, правда, опредѣленную цифру ихъ — 250, но, что особенно характерно, число казаковъ превышаетъ количество мѣщанскаго населенія г. Черкассъ, безъ различія присудовъ.

Повторяемъ, что при такихъ условіяхъ опредѣленные, статистическіе выводы о колонизаціи Киевской земли въ разсматриваемый періодъ не мыслимы. Впрочемъ, въ полной мѣрѣ этотъ выводъ относится только къ сельскому населенію. Городское было подвержено меньшимъ колебаніямъ относительно своей численности и, кромѣ того, подлежало учету люстраторовъ; поэтому статистику городского населенія мы считаемъ возможной. Изъ ниже приводимой таблицы читатель можетъ видѣть количество городского населенія

¹⁾ с. 105.

господарскихъ замковъ въ половинѣ XVI в. Именно—городского, т. е. мѣщанъ, бояръ, поповъ, пожалуй, и слугъ; людей владѣльческихъ, жолнеровъ и казаковъ, какъ элементъ случайный, мы выключаемъ изъ списка городского населенія.

	Домовъ	Головъ
Кіевъ	422	2954
Черкаскы	322	2254
Мозырь	239	1673
Чернобыль	196	1372
Каневъ	187	1309
Овручь	148	1036
Любечъ	143	1001
Остеръ	87	609
Житомиръ	82	574
Итого	1,826	12,782

Въ эту таблицу вошло только городское населеніе господарскихъ замковъ, за исключеніемъ, Бѣлой-Церкви и Путивля, о которыхъ мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній. Впрочемъ, Бѣлая-Церковь возникла только въ послѣднее время, а Путивль отошелъ въ 1500 г. къ Москвѣ, такъ что отсутствіе свѣдѣній объ ихъ населенности большого значенія не имѣетъ. Въ общемъ мы можемъ считать количество городского населенія представленнымъ удовлетворительно на выше приведенной таблицѣ.

Для регистраціи сельскаго населенія мы не считаемъ возможнымъ употребить методъ, которымъ воспользовался Владимірскай-Будановъ въ своемъ изслѣдованіи о населеніи Юго-Западной Россіи отъ второй половины XV в. до Люблинской уніи ¹⁾: при завѣдомой неполногѣ люстраціонныхъ данныхъ такимъ способомъ можно только ввести въ заблужденіе читателя. Поэтому мы избираемъ другой путь. Мы приводимъ таблицу, указывающую число населенныхъ пунктовъ на всей территоріи Кіевской земли, констатированныхъ нами на протяженіи всего Литовскаго періода. Эта таблица покажетъ максимумъ населенности. Послѣдующими разъясненіями мы надѣемся ввести директивы, съ помощью кото-

¹⁾ А. Ю. З. Р. VII, I, с. 141 и др.

рыхъ читатель можетъ, оперируя на этомъ максимальномъ фонѣ, создать себѣ приблизительную картину колонизаціи страны примѣнительно къ ея географическому распространенію и главнѣйшимъ моментамъ ея существованія.

Повѣты:	Сель и селища
Кіевскій	135
Овруцкій	115
Житомирскій	110
Черкаскій	85
Мозырскій	90
Чернобыльскій	60
Остерскій	25
Путивльскій	25
Любечскій	20
Итого	670 ¹⁾

Слѣшимъ предупредить читателя отъ поспѣшныхъ выводовъ, какіе можно сдѣлать на основаніи выше приведенной таблицы. По количеству извѣстныхъ намъ населенныхъ пунктовъ первое мѣсто здѣсь отведено Кіевскому повѣту и почти равное съ Овруцкимъ — Житомирскому. Однако по дѣйствительному количеству населенія эти повѣты стоятъ гораздо ниже занимаемаго ими въ таблицѣ мѣста.

Примемъ во вниманіе прежде всего норму населенности отдѣльныхъ пунктовъ. Въ то время, какъ напр., въ Мозырскомъ повѣтѣ средняя населенность сельъ равняется 20

¹⁾ Для сравненія приводимъ количество сельъ и селища въ разныхъ повѣтахъ по люстраціямъ полов. XVI в.

Овруцкій	75
Мозырскій	70
Житомирскій	60
Черкаскій	34
Чернобыльскій	32
Кіевскій	30
Любечскій (1571 г.)	15
Остерскій	9
Путивльскій	?
Итого	325

домам, а въ частности колеблется между 10 и 90 ¹⁾, средняя населенность степныхъ повѣтовъ едва-ли превосходить два дома на одинъ пунктъ. Разумѣется, колебанія и тутъ могутъ быть значительны. Въ открытомъ, напр., Черкасскомъ повѣтѣ преобладаютъ селища—уходы, въ которыхъ нерѣдко стоятъ пасѣками сами хозяева, а иногда—и никто не стоитъ или же чужегородные уходники;—въ сѣверной половинѣ Житомирскаго и Кіевскаго повѣтовъ населенность отдѣльныхъ пунктовъ могла колебаться между 3 — 10 и больше домами.

Затѣмъ, второе условіе—это пагубное вліяніе опустошительныхъ татарскихъ набѣговъ, которое на южныхъ повѣтахъ сказывалось несравненно болѣе ощутительно, чѣмъ на сѣверныхъ. Поэтому, напр., изъ числа населенныхъ пунктовъ, входящихъ въ нашу таблицу на Кіевскій и Черкасскій повѣты, смѣло можно вычеркнуть половину, если мы хотимъ представить себѣ дѣйствительную населенность этихъ повѣтовъ—скажемъ—въ полов. XVI в. Роковымъ событіемъ для колонизаціи упомянутыхъ повѣтовъ—прежде всего и въ гораздо слабѣйшей степени—для колонизаціи всѣхъ остальныхъ—было Менгли-Гиреево вынѣтъ. Это бѣдствіе настолько понизило населенность Кіевской земли, что она едва ли поднялась до прежняго своего уровня даже и ко времени Люблинской уніи.

Въ виду того, что только Менгли-Гиреево вынѣтъ носило общій характеръ, всѣ же послѣдующія, какъ и преды-

¹⁾ Въ Овруцкомъ средняя населенность около 5 человѣкъ. Къ сожалѣнію, населенность большихъ владѣльческихъ волостей Овруцкаго повѣта для насъ остается неизвѣстной (на цифру 800 едва-ли можно положиться), но, повидимому, она въ состояніи сильно помѣнить нашъ взглядъ на состояніе колонизаціи Овруцкаго пов. въ частности и даже всей Кіевской земли—вообще. Вотъ, напр., нѣкоторыя данныя о населенности нѣкоторыхъ волостей Овруцкаго Полѣся, приводимыя Яблоновскимъ въ извлеченіи изъ вѣнаданной рукописи (1570 г.) Олевская волость Немирчей (замокъ и 5 селъ)—47 дымовъ осѣлыхъ и 39 „абѣглыхъ“; въ Боровой волости Коренныхъ (Боровое—еще два села)—85 дымовъ осѣлыхъ и 17 пустыхъ; въ волости Капуеть (Ракитно—еще 7 селъ)—137 дымовъ осѣлыхъ, 2—пустыхъ и 15 абѣглыхъ; въ Каменовой волости Бабинскихъ на Случи—24 д. осѣдлыхъ и 10 абѣглыхъ и т. д. (Зг. XXII, 105). Крайне желательно было бы, чтобы почетный ученый не замедлить издать эту важную рукопись in extenso.

дущія нападенія коснулись лишь отдѣльныхъ мѣстностей, мы полагаемъ, что общее представленіе о колонизаціи Кіевской земли въ достаточной степени будетъ правильнымъ, если разсматривать ее только въ двухъ моментахъ—до и послѣ Менгли-Гиреева вынѣтъ. Подобный планъ тѣмъ болѣе цѣлесообразенъ, что колонизаціонныя потери отъ мелкихъ, хотя и довольно частыхъ татарскихъ набѣговъ, съ избыткомъ компенсировались притокомъ населенія извнѣ.

Но и состояніе колонизаціи въ оба указанные моменты мы не будемъ разсматривать въ полномъ объемѣ, такъ какъ, при завѣдомой неполнотѣ данныхъ, это привело бы читателя къ ложнымъ выводамъ. Въ свое оправданіе еще разъ повторимъ, что мы здѣсь добиваемся не точности (арифметической) выводовъ, а только приблизительной правильности представленій; для этой же цѣли вполне достаточно будетъ иллюстрировать состояніе колонизаціи на тѣхъ мѣстностяхъ, относительно которыхъ имѣется наибольшее количество данныхъ, какъ изъ того, такъ и изъ другого періодовъ. Такими мѣстностями являются: среднее теченіе р. Тетерева (приблизительно отъ Житомира до Радомысла), территория между Тетеревомъ и верховьями Ирпени съ Унавой; наконецъ, часть Кіевскаго пов. отъ параллели Кіевъ—Бѣлгородка до верховья р. Красной и Ржищева (на Дибрѣ). Начнемъ съ бассейна Тетерева.

По люстраціи 1471 г. къ Житомиру тянуло до 30 селъ съ приселками и уходами, между которыми многія были значительно населенными. Кромѣ того, по Гнилопиту нѣсколько населенныхъ пунктовъ, во главѣ съ Слободыщемъ, принадлежало Каленикамъ, а по Гуйвѣ—Лозовицкимъ; Скипоры также имѣли въ этомъ районѣ свои владѣнія (Сосновъ, Тулинъ). Ниже, по Тетереву, грамота Семена Олельковича, alias Боголюбскаго называетъ г. *Мыцко* съ нѣсколькими селами; тамъ же с. *Брилесо* (Кичкиря) и нѣсколько уходовъ, названныхъ въ древнѣйшей люстраціи. Въ общемъ все это составляетъ около 50 населенныхъ и притомъ въ большинствѣ—хорошо населенныхъ мѣсть.

Въ области верхняго теченія Ирпени съ Унавой мы имѣемъ до 10 населенныхъ мѣсть (Скочнице, Соколяча, Ходорково, Бѣлки и др.), но едва ли не наиболѣе населенной

является территория Киевского повѣта, примыкающая къ Днѣпру въ указанныхъ нами границахъ. Подложная грамота Андрея Боголюбскаго называетъ здѣсь г. *Бѣлгородъ* (ср. *Бѣлгородъ* Контарини) съ дворомъ *Высокимъ* и нѣсколькими селами; та же грамота на р. Стугнѣ констатируетъ существованіе г. *Василькова* съ 7 селами; повидимому, 7 митрополичьихъ селъ, ниже Киева, существовали тоже до Менгли-Гиреева вынѣтя; древнѣйшая люстрація Киевской земли называется въ этомъ районѣ около 5 населенныхъ мѣстъ; наконецъ, ко всему этому нужно присоединить имѣнія Юршичей по Лукавицѣ, Стугнѣ и Вобрику съ 5 населенными мѣстами. Итого на небольшой сравнительно территоріи части Киевскаго повѣта мы имѣемъ около 30 населенныхъ мѣстъ, въ томъ числѣ—два города (не считая Киева).

Теперь перенесемся въ XVI вѣкъ—къ его половинѣ, причемъ не слѣдуетъ забывать, что для этого времени въ нашемъ распоряженіи имѣются уже люстраціи, т. е. источники болѣе надежные (въ смыслѣ полноты), чѣмъ частные акты ¹⁾.

Люстрація Житомирскаго пов. (1545 и 1552 гг.) называютъ до 60 географическихъ пунктовъ, изъ которыхъ около 12 совершенно лишены населенія; въ числѣ послѣднихъ фигурируютъ извѣстныя намъ изъ XV в. селенія: Котельня, Иванковичи, Мотоловичи, Слупицы и почти вся Гуява, во главѣ съ Жердеями. Оставшіяся поселенія потеряли отъ половины до $\frac{2}{3}$ своихъ жителей; въ *Романовѣ*, напр., отъ 27 данниковъ осталось 18 службъ, въ *Ловковѣ* 36—20, въ *Крошкѣ* 32—25 и т. д. Еще радикальнѣе заустѣли верховья Ирпени—Унавы. *Криве*, *Ходорковѣ*, *Соколычѣ* и др. опустѣли „отъ давнихъ лѣтъ“, а вмѣстѣ съ ними люстрація называетъ еще 7 селъ митрополичьихъ, изъ которыхъ нѣкогда „выхаживало люду панцерного на службу господарскую 146“; опустѣли *Бѣлгородъ* и *Васильковъ* чуть ли не со всѣми селами.

¹⁾ О состояніи колонизаціи въ переходное время (около начала XVI в.) читатель можетъ судить по записи о денежныхъ и медовыхъ даняхъ въ пользу св. Софіи, имѣющей отношеніе къ Овруцкому, Житомирскому и части Киевскаго повѣтамъ: тамъ преобладаютъ „земли“, т. е. пункты съ минимальнымъ населеніемъ, да и то едва ли всегда постояннымъ.

ми по Стугнѣ, опустѣли и имѣнія Юршичей. Словомъ, къ половинѣ XVI в. картина колонизаціи измѣнилась до неузнаваемости, причемъ заустѣнію подверглись преимущественно открытыя мѣстности: лѣсистая и болотная полоса по Тетереву и въ др. мѣстахъ Житомир. пов. больше сохранила свое населеніе.

Обобщая выше приведенныя сопоставленія, мы, однако, должны предупредить читателя отъ слишкомъ песимистическихъ выводовъ. Это правда, что послѣ Менгли-Гиреева вынѣтя колонизація Киевской земли сильно понизилась, но было бы ошибочно судить о степени этого пониженія по количеству заустѣвшихъ пунктовъ или по степени ихъ заустѣнія: это величины не всегда совмѣстимыя. Одно ограниченіе мы уже имѣемъ: на югѣ, въ открытой мѣстности, заустѣніе сказывалось въ совершенно иной пропорціи, чѣмъ на сѣверѣ, въ мѣстности лѣистой и болотистой. Другое ограниченіе вытекаетъ изъ того, что не всегда и м. б. не въ большинствѣ случаевъ заустѣніе села связывалось съ истребленіемъ жителей: слишкомъ опасныя мѣста временно или даже — навсегда могли оставаться населеніемъ, которое искало себѣ болѣе безопасныхъ убѣжищъ, и въ результатѣ, вмѣсто одного заустѣвшаго села, могло открыться другое или уже существующее получало неожиданно прироста населенія, который не поддается учету изслѣдователя.

И тѣмъ не менѣе, даже и съ указанными ограниченіями, если читатель пожелаетъ составить себѣ приблизительно вѣрное представленіе о колонизаціи Киевской земли въ полов. XVI вѣка, то онъ долженъ уменьшить, по крайней мѣрѣ, въ $1\frac{1}{2}$ раза количество населенныхъ пунктовъ, которое мы собрали на территоріи всей земли за весь Литовскій періодъ. Въ результатѣ получится итогъ, приблизительно отвѣчающій даннымъ люстрацій, но съ надбавкой, которую мы считаемъ необходимой въ виду завѣдомой неполноты этихъ данныхъ ¹⁾.

¹⁾ Полагая, что нѣкоторыми дополненіями намъ удалось хотя отчасти устранивъ упрекъ уважаемаго рецензента въ неясности выводовъ (Отзывъ проф. Линиченко, с. 17). Говоримъ: „хотя отчасти“, потому что совершенной ясности, въ смыслѣ ариметической точности,

Въ интересахъ справедливости слѣдуетъ отмѣтить, что населеніе въ Киевской области (по причинамъ, выше указаннымъ) не только изсякало, но и прилиvalo сюда, чѣмъ въ значительной степени компенсировалась его убыль. Откуда же шель колонизационный притокъ? Въ этомъ отношеніи случайныя м. б. отмѣтки люстраторовъ имѣютъ для насъ первостепенное значеніе. Начнемъ съ сѣвера.

Мозырская люстрація насчитываетъ до 30 „прихожихъ“ безъ обозначенія мѣсть ихъ первоначальнаго жительства и около 30—съ указаніемъ такового. Въ числѣ этихъ 30 мы встрѣчаемъ: *Туровцевъ*, *Глушанъ*, *Бобруянъ* и *Москалей*—по 5, *Чичерянъ*—4, *Случанъ*—3, *Литвиновъ*—2. Овруцкая люстрація насчитываетъ около 1½ десятка прихожихъ, но безъ указанія—откуда. Зато Чернобыльская на эти указанія не скушится. Здѣсь мы находимъ въ числѣ прихожихъ: *Глушанъ*—9, *Туровцевъ*—9, *Петриковцевъ*—2, *Москалей*—2 и по одному *Мозырцу*, *Чичерцу*, *Кричевцу*, *Мстиславцу*, *Свислочанину* и *Волынцу*. Киевская люстрація въ числѣ пришельцевъ отмѣчаетъ: *Литвиновъ*—3, *Мозырянъ*—2 и столько же *Москалей*.

Въ Житомиръ притокъ населенія приходилъ съ двухъ сторонъ: съ сѣвера, черезъ Овручъ, и съ запада, изъ сосѣдней Волыни. Здѣсь мы находимъ: 4 *Бобруянъ*, 2 *Копылянъ*, 9 *Овручанъ*, по одному *Случанину*, *Глушанину*, *Мозырцу* и *Туровцу*, 1 *Волынецъ* безъ точнѣйшаго опредѣленія его мѣста жительства, 3 изъ *Полоннаго*, 3 изъ *Милатина*, 2 изъ *Лука* и по одному изъ *Корца*, *Туткова*, *Мощаницы* и *Жоравна*.—Въ Острѣ пришельцевъ показано немного: 2 *Москаля* и по одному *Туровцу*, *Бобруянину*, и *Могилевцу*. Люстрація двухъ крайнихъ замковъ—Каневского и Черкаскаго—даютъ наименьшій процентъ прихожихъ—вѣроятно, потому, что это обстоятельство, при всеобщемъ сбродѣ населенія, не обращало на себя ничего вниманія. Въ Каневской люстраціи мы не находимъ никакихъ отмѣтокъ о движеніи населенія; Черкасская же называетъ всего—1 *Черниговца*, 1 *Мозырца* и 1 *Московина*.

Чтобы представить выше приведенныя цифры въ болѣе наглядномъ видѣ, обратимся къ помощи таблицы, разпри современномъ состояніи источниковъ, достигнуть не мыслимо, а потому мы и не ставили себѣ этой задачи.

бивъ всѣхъ пришельцевъ на 4 этнографическихъ группы: Вѣлоруссовъ, Москалей, Малоруссовъ ¹⁾ и Литвиновъ.

Вѣлоруссовъ	76—5 ²⁾
Малоруссовъ	24—9 ³⁾
Москалей	10
Литвиновъ	5

Такимъ образомъ, какъ видно изъ выше приведенной таблицы, наибольшій притокъ населенія давала Вѣлоруссія, почти въ три раза меньше—Малоруссія, еще меньше—Великоруссія и совсѣмъ мало—коренная Литва ⁴⁾.

¹⁾ Въ томъ числѣ: Волыны, Овручане, Подолане и Черниговцы.

²⁾ 5 Мозырянъ, которые, какъ мѣстный элементъ, въ конечный счетъ не идутъ.

³⁾ 9 Овручанъ—тоже.

⁴⁾ Къ совершенно обратнымъ выводамъ пришелъ проф. (нынѣ академикъ) А. Соболевскій на основаніи данныхъ языка. По его мнѣнію, главная масса Украинцевъ въ XVI в. вышла изъ Украйны изъ Подолья и Галиціи и изъ сосѣдней съ ними части Волынской губ., масса, въ которой печтало безслѣдно то сравнительно ничтожное количество колонистовъ, которое дало Украинѣ Подѣсье, Киевщина и Вѣлоруссія („Населеніе Украйны въ XVI в.“, с. 399). Къ сожалѣнію, эти смѣлыя выводы языковѣда, идущіе въ разрывъ со всѣми фактами исторіи, не оправдываются даже и съ его специальной точки зрѣнія. Почтенный профессоръ въ данномъ случаѣ имѣлъ въ виду не всѣми признаваемый фактъ, что „особенности украинскаго говора—имѣетъ особенности и подольско-галицко-волынскаго говора того времени, когда онъ составлялъ еще одно цѣлое“ (ibid.). Но если въ самомъ дѣлѣ это такъ, то при чемъ же тутъ переселеніе подольско-галицко-волынскихъ обывателей на територію Украйны? Если нѣкогда подольско-галицко-волынской говоръ съ украинскимъ составляли одно цѣлое, то почему это цѣлое непремѣнно должно заключаться только въ границахъ подольско-галицко-волынской территоріи и затѣмъ, исключительно путемъ массоваго переселенія, о которомъ извѣстно только одному Соболевскому, распространяться на востокъ?—тѣмъ болѣе, что, по словамъ самого же автора, „ведѣ, гдѣ украинскій говоръ болѣе рѣзко отличается отъ своихъ западныхъ сосѣдей, его черты сравнительно съ чертами, послѣднихъ—архангелскія и такія, какія должны были нѣкогда въ нихъ быть, и какія могли въ нихъ еще быть въ началѣ XVI в.“ (ор. с. 399). Но насколько намъ извѣстно и а priori очевидно, сохраненію архангелскія въ языкѣ способствуютъ не переселенія, а—наоборотъ, почему ихъ наибольшее сохранилось въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ населеніе наименѣе подвергалось колонизационнымъ пертурбаціямъ,—изъ Литвы, на Подѣсьѣ.

Какимъ же образомъ эти пришельцы очутились въ Кіевщинѣ? — Двумя способами: или это были чужегородные уходники, съ теченіемъ времени осѣвшіе на новыхъ мѣстахъ, или же добродеревцы, пригоняемые изъ Подиѣбрежскихъ и Задвинскихъ волостей для устройства Кіевскихъ замковъ.

Въ Кіевщину уходники наплывали изъ разнообразнѣйшихъ мѣстъ. „Староста теперешный уходы верху писаные вси дають Княномъ, Чернобыльцомъ, Мозырѣломъ, Петриковѣломъ, Выховѣломъ, Могилевѣломъ и инымъ чужогородцомъ“ — читаемъ въ люстраціи Черкаскаго замка ¹⁾. „Мозырцы, Могилевцы, Рогачевцы, Речичане и иные чужоводцы... рыбу ловять нижей Кіева“ — по словамъ Кіевской люстраціи ²⁾. Число такихъ уходниковъ временами бывало весьма значительно: „а бываетъ уходниковъ немало, яко близко прошлаго (1551) лета было ихъ по всемъ уходамъ о 300 человекъ“ ³⁾. Это — въ одномъ только Черкасскомъ обводѣ; да возьмите еще Каневскій и другіе — вотъ и получится въ общемъ почтенная цифра.

Жители Кіевской земли, благодаря своему украинному положенію, пользовались довольно важной льготой: они были освобождены отъ обязанности строить свои замки. Эту обязанность государь обыкновенно принималъ на себя, выставляя для указанной цѣли своихъ добродеревцевъ. О количествѣ и составѣ ихъ можно судить по слѣдующей записи: „Зъ Вильны отпавлены люди зъ волостей Кіева оправляти: зъ Могилева 90 человекъ, зъ Любочанъ 30, зъ Свиелоча 30, зъ Бобруйска съ обѣихъ половицу 60 человекъ, зъ Чичерска 80 чел—овъ, со Пчица, а съ Мозыра 80 чел—овъ, зъ Горволя 30 чел—овъ“ ⁴⁾. Въ томъ же году отпавлены были изъ Меречи добродеревцы для постройки Черкаскаго замка, о чемъ также находимъ записку въ Литовской Метрицѣ. На этотъ разъ было послано „съ Кричова 100 человекъ съ топоры, а съ Пропойска, со Олучичъ, зъ Дрокова человекъ 100; зъ Речичи 50 человекъ; зъ Брагния

¹⁾ А. Ю. З. Р. VII, I, с. 85.

²⁾ с. 112.

³⁾ с. 85.

⁴⁾ Акты Леопольда I, № 285.

50 человекъ“ ¹⁾. При такомъ наплывѣ чужогородныхъ элементовъ не могло обойтись безъ того, чтобы каждый разъ какой-нибудь десятокъ другой прихожихъ не остался на поселеніе въ Кіевской землѣ.

Могли быть и другія причины, которыя заставляли чужегородцевъ искать счастья въ Кіевской землѣ. „Изъ нихъ одни — говоритъ Михалонъ, — убѣгая отъ власти родителей, или отъ рабства, работы, наказаній или долговъ, другіе отыскивая себѣ выгоды и лучшаго мѣста, приходятъ сюда, а познакомившись съ удовольствіями этой страны, они никогда уже не возвращаются къ своимъ“ ²⁾.

Каковъ же былъ этнографическій составъ населенія Кіевской земли въ разсматриваемый періодъ? — Несомнѣнно, въ массѣ своей оно было чисто русскаго происхожденія, а еще точнѣе — малорусскаго, судя по именамъ и прозвищамъ, нерѣдко весьма тишическимъ. Принявъ за основу эту послѣднюю отрасль русскаго корня, мы будемъ имѣть — пока только относительно состава городского населенія — слѣдующія цифры и разряды „инородцевъ“:

Татарь	75
Бѣлоруссовъ	76—22 ³⁾ .
Поляковъ	40
Москалей	10
Армянъ	7+
Евреевъ	7
Нѣмцевъ	6
Литвиновъ	5
Волоховъ	3.

Изъ выше приведенной таблицы видно, что самый большій процентъ примѣси давали Татары, затѣмъ, — Бѣлоруссы и Поляки, затѣмъ уже, сравнительно мало значительный процентъ составляли остальные національности.

¹⁾ Акты Довнаръ-Запольскаго № 33, с. 64, ср. А. Ю. З. Р. VIII V, с. 93 и 459.

²⁾ с. 68.

³⁾ Отсчитываемъ притокъ Бѣлорусскаго населенія въ Мозырщину, которая сама была населена Бѣлоруссами; но притокъ Мозырцевъ въ южные полаты принимаемъ въ расчетъ, такъ какъ онъ, несомнѣнно, вносилъ примѣсь въ мѣстное м.р. населеніе.

Это — въ составѣ городского населенія, не считая бояръ и жолнеровъ: о боярствѣ будетъ рѣчь особо, а жолнеры почти исключительно состояли изъ Поляковъ. Но мы имѣемъ возможность прослѣдить, на основаніи тѣхъ же люстрацій, и количество примѣей въ составѣ сельскаго населенія. Въ этомъ отношеніи наиболѣе основательной является Мозырская люстрація 1552 г. Судя по именамъ, здѣсь можно насчитать до 30 человѣкъ (домовъ) татарскаго происхожденія¹⁾. Таковыми, повидимому, были: А. Дукоревичъ, Мокидуй Ив., Анисъ Ансучичъ, Чуръ Юрковичъ, Анисъ и Ив. Черничи, Безмень Худневичъ, Трохимъ Щуровичъ, Т. Щуровичъ, Гриняцъ Ортюховичъ, Кузевичъ, О. Ипчончичъ, Палица Кузевичъ, Ив. Андуховичъ, Товлуй и Илья Лавровичи, Д. Евалевичъ, Жихеръ Мухичичъ, Трухонъ Коруховичъ, Ив. Андуховичъ, Мишка Гомзичъ, Пундзилъ Козейковичъ, Морамощъ Чортичъ, Андухъ Зеринловичъ, М. Рыковичъ, Ив. Гехловичъ, Вокузь Ерковичъ, М. и В. Щуровичи, Онцухъ Копыль, Андухъ Климовичъ, Сакъ Сыховичъ и др.

Откуда взялась столь значительная примѣсь Татаръ среди сельскаго населенія Мозырскаго повѣта?²⁾

¹⁾ Между ними могли быть не одни Татары, но и Черемиссы, Мордва, Армяне и др., но такъ какъ этихъ инородцевъ по именамъ трудно различить не-специалисту, то мы всѣхъ ихъ объединяемъ въ одномъ терминѣ: Татары.

²⁾ Какъ видно изъ предыдущаго, главнымъ основаніемъ для сужденія объ этнографическомъ составѣ населенія, какъ въ данномъ случаѣ, такъ и въ другихъ, служатъ для насъ ономастическіе акты. Противъ такого метода возражаетъ, какъ извѣстно, проф. Соболевскій, по мнѣнію котораго „имена нисколько не указываютъ на происхожденіе“, почему „нѣтъ основанія видѣть въ ю-р. Бандлакахъ, Ансакахъ, Караихъ — Тюрковъ или ихъ потомковъ и говорить объ очень сильномъ участіи тюрскаго элемента въ образованіи украинскаго племени“ („Населеніе Украины въ XVI в.“, с. 397). Съ такимъ рѣшеніемъ вопроса, однако, трудно согласиться. Правда, въ документахъ часто приходится встрѣчать при русскомъ имени тюрское отчество, какъ и наоборотъ; но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, что носитель такого имени или отчества — Русскій. Русскіе обыкновенно не имѣли ни нужды, ни повода присваивать себѣ тюрскія имена, тогда какъ на сторонѣ Тюрковъ было то и другое (раніе какъ обратно — въ случаяхъ рецидива); поэтому проф. Соболевскій, отдавая исключительное преимущество русскому элементу въ ономастическихъ актахъ, становится на ирраціональную точку зрѣнія.

По изслѣдованію о. Мухлинскаго, Татары проникали въ Литву тремя путями: путемъ найма и союза, путемъ плѣна и, наконецъ, добровольнаго переселенія изъ Орды по случаю происходившихъ тамъ междоусобій или по особымъ побужденіямъ. Но какимъ бы образомъ ни очутились эти кочевники въ Литовско-русскомъ государствѣ, они пользовались въ немъ отмынымъ гостеприимствомъ, за что, съ одной стороны, должны были нести въ пользу новаго отечества определенную службу. Приобрѣтая осѣдность, многіе изъ нихъ становились *dobrzy i pilni hospodarze*, хотя, однако, продолжали сохранять магометанскую вѣру и особое гражданско-военное устройство¹⁾.

Второе мѣсто, послѣ Татаръ, въ этнографической примѣси Мозырскаго населенія принадлежало Полякамъ. Судя по именамъ, къ нимъ могутъ быть отнесены: Данилъ Ганповичъ, Яцекъ Захаричъ, Мих. Яновичъ, Гринъ Ляховичъ, Кондрать и Ив. Гриневичи. Какъ видно по именамъ, они наполовину уже обрусѣли.

Наконецъ, среди сельскаго населенія Мозырскаго повѣта мы находимъ довольно многочисленную группу Евреевъ. Къ нимъ, напр., можно отнести: Естеръ Савича, Лашука Шимковича, Агримка Зелевича, Василя Еськовича съ братьями Михаиломъ и Андреемъ, Есифера Борисовича, Ермолу Хацковича, Данила и Саву Мацковичей и др. — всего около десятка. Т. о. на 1254 семейства сельскаго населенія Мозырскаго пов. приходится около 70 семействъ инородческихъ: процентъ весьма значительный.

Каневская люстрація въ числѣ 37 сельчанъ, временно проживающихъ при замкѣ, указываетъ около 7 Татаръ и около 2 Поляковъ (или Литвиновъ). За Татаръ признаемъ: Серху (2), Шаршка, вдову Терлевою, Исачка, Изовка и Колбуна; за Поляковъ: Япка и Мацковую.

Среди сельскаго населенія Житомирскаго повѣта мы имѣемъ: 10 Татаръ и 3 Поляка — на 152 человѣка²⁾.

Въ процентномъ отношеніи инородческая примѣсь трехъ

¹⁾ А. Мухлинскій Изслѣдованіе о происхожденіи и состояніи Литовскихъ Татаръ. СПб. 1857 г.

²⁾ См. очеркъ Житомир. пов.

указанных повѣтовъ будетъ выражаться въ слѣдующихъ цифрахъ: Татаръ $4\frac{1}{2}\%$, Поляковъ $1\frac{1}{10}\%$ и Евреевъ $\frac{5}{10}\%$.

Что касается этнографическаго состава кievскаго (областнаго) боярства, то онъ далеко не былъ такъ чистъ, какъ представлялся на первый взглядъ Владимірекому Буданову¹⁾. Хотя уставная грамота кievской шляхты и общаетъ „Кіянину, какъ и Литовца, во чти держати“ и „волости кievскіе Кіаномъ держати, а иному никому“²⁾,—тѣмъ не менѣе чужеродные элементы довольно замѣтною струей просачивались въ опустѣвшіе ряды мѣстнаго боярства, занимая иногда въ его средѣ довольно видное положеніе.

Въ частности, наибольшій процентъ чужеродныхъ примѣсей приходится, кажется, на Татаръ. Татары просачивались въ среду мѣстнаго боярства двумя путями: посредствомъ добровольнаго выхода изъ Орды ради господарской службы или же путемъ плѣна. Изъ выходцевъ наибольшую извѣстность получили *Глинскіе*. Родословіе даетъ въ родоначальники Глинскимъ хана Мамаю, у котораго былъ сынъ Мансуръ—Кіятъ. Послѣ Донскаго побоища этотъ Мансуръ-Кіятъ зарубилъ въ стѣнахъ три города: Глинскъ, Глинницу да Полтаву, на которыхъ остался отчимъ его сынъ Лекса, а другой сынъ—Скиндеръ—предпочиталъ кочевать со стадами коней и верблюдовъ въ Перекопѣ. Лекса затѣмъ принялъ крещеніе въ Кіевѣ и поступилъ на службу къ великому Витовту, который женилъ его на кн. Острожской и пожаловалъ имѣніями. Отъ этого Лексы, въ крещеніи нареченнаго Александромъ, и пошли князья Глинскіе³⁾.

Менѣе или, лучше сказать, почти совсѣмъ не извѣстенъ другой татарскій выходецъ—Яголдай, Сараевъ сынъ, владѣвшій тьмою въ Путивльскомъ повѣтѣ, въ составѣ городовъ: Оскола, Мужеча, Милолюба и др. Этотъ Яголдай былъ женатъ на Зиновіи Ельцовой⁴⁾, отъ которой имѣлъ двухъ сыновей: Романа и Х. У Романа была единственная дочь за кн. Вяземскимъ, съ которымъ сбѣжала въ Москву, а у Х. было нѣсколько дочерей: одна за Дебромъ Калени-

¹⁾ Предисловіе къ А. Ю. З. Р. VII, II, с. 181, 182, 184 и др.

²⁾ А. З. Р. II, № 30.

³⁾ Временникъ X, 84-5, 157, 196.

⁴⁾ А. Ю. З. Р. I, VI, № 15.

ковичемъ, другая за Михайломъ Гагинымъ, третья—за Федкомъ Головничемъ и четвертая—за Кунцомъ Сенковичемъ. Послѣ бѣгства Вяземскихъ за границу, эти бояре раздѣлили между собою Яголдаеву тьму, какъ дядковщину женѣ ихъ по Романѣ, хотя, впрочемъ, черезъ 3 года она отошла уже къ Москвѣ¹⁾.

Какъ Глинскіе, такъ и Сараевичи, служили военную службу господарю, за что и были пожалованы отчинами. Но можно было попасть въ число кievскихъ бояръ и инымъ способомъ—по службѣ толмача. Кievская земля, благодаря своему сосѣдству съ Ордой, имѣла всегда большую надобность въ толмачахъ для сношенія съ Татарами. Толмачи необходимы были въ Кіевѣ—при воеводѣ, въ Каневѣ и Черкаскахъ—при старостахъ. За свою службу они получали иногда извѣстное вознагражденіе деньгами—изъ мыта и другихъ источниковъ, а чаще всего—землями. Такимъ образомъ въ составъ Кievскаго боярства попали, напр., *Солтановичи*²⁾, *Берендовы*³⁾, м. б. *Маликбашы*⁴⁾ и др.

Другимъ источникомъ, вносившимъ татарскую примѣсь въ ряды кievскаго боярства, какъ сказано выше, былъ плѣнъ. Этотъ источникъ былъ жизненнымъ только при Витовтѣ, м. б. еще раньше—при Ольгердѣ и при Кievскихъ удѣльныхъ князьяхъ, когда велась активная борьба съ Татарами. Таково, по всей вѣроятности, происхожденіе мозырскихъ боярскихъ родовъ Товлуевичей и Кодышевичей, м. б. также и нѣкоторыхъ остерскихъ, которые съ теченіемъ времени утратили все признаки своего татарскаго происхожденія.

Послѣ Татаръ наибольшее примѣси въ составъ кievскаго боярства давали *Поляки*. Это были или добровольные выходцы изъ Польши, некатели приключеній, или служилые люди, съ теченіемъ времени отъ драбской службы переходившіе на боярскую. Родовъ польскаго происхожденія намъ извѣстно больше 5. Извѣстный процентъ примѣсей давали

¹⁾ Акты Леонтовича I, № 339.

²⁾ А. Ю. З. Р. I, № 48; А. З. Р. II, № 195; А. Ю. З. Р. I, VI, № 5; ср. Оврун. люстр.

³⁾ А. Ю. З. Р. I, № 161; II, № 127; А. З. Р. I, № 178; А. Ю. З. Р. I, VI, №№ 5 и 6.

⁴⁾ А. Ю. З. Р. I, № 127.

и *Жиды*, большею частью принявшие христианство. Наконец, наименьше—*Литвины*.

Ниже мы помещаемъ перечень боярскихъ родовъ чужеземнаго происхожденія, о которыхъ намъ удалось найти указанія въ документахъ или въ литературѣ предмета, къ слову сказать, весьма мало разработанной.

Татары: Глинскіе, Яголдавичи (по женской линіи) Солтаны (Овруч.), Берендѣи (потомство ихъ приняло имя Ленковичей ¹⁾), Бутовскіе (Брусилон.) ²⁾, Товлуевичи и Кодышевичи (Мозыр.), Половцы, Маликбаши (потомство подъ этимъ именемъ не извѣстно), Кунцевичи ³⁾, Аксаки, Байбузы ⁴⁾ и др.

Поляки: Харлецкіе, наелѣдники Полозовъ ⁵⁾, Далынскіе (Грежаны ⁶⁾), м. б. Прежовскіе (Житомир.), Кельбовскіе ⁷⁾, Радзимицкіе (Гуляники), Драбы (Черкасск.), м. б. Костюшковичи (Овр. ⁸⁾) и др.

Армяне: Филиппъ Армянинъ (если имѣлъ потомство, то оно скрывается подъ неизвѣстнымъ намъ именемъ ⁹⁾), Иванковичи ¹⁰⁾, Ленковичи (Мозыр.) и др.

Жиды: Огроновичи ¹¹⁾, Новокрещенскіе ¹²⁾, Сѣманковичи (Овр. ¹³⁾) и др.

Белокороссы: Пронскіе, Капусты ¹⁴⁾, Хованскіе ¹⁵⁾ и др.
Литвины: Довмонты ¹⁶⁾.

¹⁾ А. Ю. З. Р. I, VI, № 18, ср. А. Ю. Р. I, № 161.

²⁾ По Ерличу, Slownyk I, 389.

³⁾ Акты Леонтовича I, № 339, ibid № 41.

⁴⁾ Зр. XXII, 597, 597.

⁵⁾ Slownyk I, 514—16.

⁶⁾ Зр. XXII, 598.

⁷⁾ Slownyk V, 642.

⁸⁾ Акты Леонтовича I, № 237, ср. люстр.

⁹⁾ А. Ю. Р. II, 124.

¹⁰⁾ Акты Д—З, с. 31; А. Ю. Р. I, № 156.

¹¹⁾ А. З. Р. I, № 151; II, 97.

¹²⁾ Вершадский, Киев. Ст. 1888, X, 75.

¹³⁾ А. Ю. Р. II, № 127, ср. люстр.

¹⁴⁾ См. Палафа Kniaziowie sub vocibus.

¹⁵⁾ Владимірскай Будновъ, въ А. Ю. З. Р. VII, II, с. 178.

¹⁶⁾ Kniaziowie sub voc.

II.

Кіевская земля, занимавшая въ разсматриваемый періодъ обширную площадь въ 4 т. кв. миль ¹⁾ и заключающая въ себѣ, съ одной стороны, дѣственные лѣса, а съ другой—безбрежная степи, и сама по себѣ и въ глазахъ современниковъ представлялась землей поистинѣ обѣтованной, страной, текущей медомъ и молокомъ, какъ въ прямомъ, такъ и въ переносномъ смыслѣ. «Кіевская область—говоритъ Михалонъ,—окруженная со всѣхъ сторонъ полями и лѣсами, до того плодородна, что пашни, вспаханныя одинъ разъ двумя быками, даютъ богатую жатву, а необозримыя степи производятъ травы, питающія человѣка кореньями и стволами ²⁾... Много еще говоритъ этотъ писатель о богатствахъ Кіевской земли, но мы позволимъ себѣ его прервать, чтобы ввести свою рѣчь въ русло строго систематическаго изложенія.

Да, Кіевская земля была чрезвычайно богата дарами природы, но, къ сожалѣнію, не всѣми этими богатствами можно было пользоваться мѣстному населенію. Оставимъ въ сторонѣ ископаемая богатства, для разработки которыхъ доселѣ еще не настало благоприятное время, но остановимъ свое вниманіе на *земледѣліи*—въ первую очередь.

Занятіе земледѣліемъ, безусловно, требуетъ извѣстныхъ затратъ и труда, и капитала. Эти затраты человѣку свойственно дѣлать только въ томъ случаѣ, если онъ надѣется собрать жатву. Но если обстоятельства, отъ земледѣльца не зависящія, лишаютъ его этой гарантіи, то рискованное занятіе оставляется и взамѣнъ того избирается какое-либо

¹⁾ Зр. XXII, 43.

²⁾ с. 61.

другое, болѣе обезпечивающее вознагражденіе. Въ силу своей близости къ степи, Кіевская земля — по крайней мѣрѣ въ южныхъ своихъ частяхъ—находилась именно въ такомъ положеніи, что не могла обезпечить вознагражденія земледѣльцу, не смотря на плодородіе почвы и мягкость климата. Отсюда и понятно, почему земледѣліе въ Кіевской области въ данный періодъ не находило широкаго примѣненія. Но не вездѣ и не всегда оно находилось въ одинаковомъ загоиѣ. Въ нѣкоторые времена и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оно практиковалось въ большихъ размѣрахъ, а въ нѣкоторые времена и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ—въ меньшихъ. Наша задача сейчасъ заключается въ томъ, чтобы показать: когда же именно и гдѣ именно земледѣліе развивалось въ большей мѣрѣ, когда и гдѣ—въ меньшей?

Для сравненія по первому пункту возьмемъ XV и XVI ст., точнѣе—70 г.г. XV и половину XVI вв. Матеріалъ для сравненія намъ дадутъ—съ одной стороны, грамота Семена Олельковича Печерскому монастырю и люстрація 1471 г., съ другой—люстрація 1545—52 г.г.

Судя по грамотѣ Семена Олельковича, въ послѣдніе годы его управленія въ области р. Стугны и затѣмъ — по среднему теченію р. Тетерева было довольно много селъ, занимавшихся хлѣбопашествомъ, не забывая, впрочемъ, и промысловъ. Всѣ они обязывались вносить десятину отъ пашень Кіево-Печерскому монастырю. Въ грамотѣ упоминается также два двора: одинъ на городищѣ, въ соеѣдствіи р. Бобрика, а другой, т. н. Высокій дворъ—надъ р. Ирпенью. Люстрація, произведенная вскорѣ послѣ смерти Семена Олельковича, дополняетъ выше приведенныя данныя. Именно, она насчитываетъ въ Житомирскомъ пов. больше 10 селъ, населеніе которыхъ или въ полномъ своемъ составѣ, или въ какой-либо части платило подымщину, т. е. жило съ земледѣлія. Пр. всей вѣроятности, и остальные села занимались земледѣліемъ, но объ этомъ нашъ документъ умалчиваетъ, т. е. населеніе ихъ, будучи на положеніи слугъ, освобождалось отъ подымщины. Впрочемъ, и здѣсь подымщина платилась, только періодически, черезъ 2 года на 3-й. О значительномъ развитіи земледѣлія въ это время свидѣлствуютъ также

дворцы, которые наша люстрація указываетъ въ Чудновѣ, Житомирѣ, Грежанахъ, Костешомѣ и Бѣлгородѣ.

Теперь, если мы перенесемъ къ половинѣ XVI в., то увидимъ, что картина радикально мѣняется. Дворцы во всей Кіевской землѣ, кромѣ Овруча и Мозыря, исчезаютъ; населеніе бросаетъ свои населенныя мѣста и ютится при замкахъ, „для поганства Татаръ по селншамъ своимъ пахати не смѣя“. Такъ дѣло обстоитъ въ Житомирѣ, Кіевѣ и Острѣ, еще хуже въ Каневѣ и Черкассахъ. Земледѣліе въ послѣднихъ двухъ повѣтахъ обратилось въ занятіе случайное, за исключеніемъ развѣ тѣхъ мѣстностей, гдѣ оно находилось или подъ защитой замка, или въ соеѣдствіи лѣса,—вообще какого-нибудь естественнаго или искусственнаго прикрытія.

Полѣвскіе повѣты Кіевской земли—Овручскій и Мозырскій (Чернобыль въ сторонѣ)—находились въ большей безопасности отъ Татаръ, поэтому земледѣліе здѣсь, особенно въ Овручѣ, играло довольно существенную роль въ экономическомъ обезпеченіи населенія (насколько позволяли топографическія условія). Въ Овручѣ, напр., мы находимъ около 10 дворцовъ—правда, очень мизерныхъ, но все же—дворцовъ. Благодаря любознательности Гвагина, мы имѣемъ даже возможность представить себѣ обычный способъ обработки земли въ этихъ полѣвскихъ повѣтахъ. Онъ состоитъ въ слѣдующемъ.

Въ теченіе времени отъ праздника Петра и Павла до Успенія вырубается лѣса и роши, нарубленное складывается въ кучи, покрывается иногда соломой и такъ остается на зиму. Весной, вскорѣ послѣ Пасхи, какъ только достаточно просохнутъ эти запасы дровъ, они поджигаются и обрастаютъ въ пепель, который служитъ для удобренія земли. На удобренной такимъ образомъ землѣ сѣется пшеница, а послѣ того, заоравъ посѣянное, боронуютъ. Результаты такой обработки поля получались самые благоприятные: „другой на моемъ мѣстѣ—увѣряетъ насъ авторъ — сказалъ бы, будто сама богиня Церера уродила збожье“. Подобнымъ же образомъ сѣется и ячмень, съ тою только разницею, что подъ ячмень употребляются лучшіе лѣса и жириѣйшая пашня. На такой рошѣ производится посѣвъ въ теченіе 6—8 лѣтъ, безъ всякихъ гнойныхъ навозовъ. Жито сѣется на тѣхъ

же роляхъ послѣ сбора пшеницы и ячменя, только для жита нужно дважды взорать землю. Его сѣютъ около Успенія (VII, 15) и не позже Рождества Богородицы (VIII, 8). Посѣвъ жита бываетъ озимый и яровой.

Нашъ авторъ видѣлъ еще и другой способъ посѣва, который онъ называетъ недавно вошедшимъ въ употребленіе. Этотъ способъ состоялъ въ слѣдующемъ. На такомъ же обугленномъ грунтѣ сѣютъ смѣсь части жита на двѣ части ячменя. Посѣвъ производится весной. Ячмень, въ томъ же году созрѣвшій, снимаютъ и убираютъ съ поля, а зеленое жито остается на зиму. Лѣтомъ оно имѣетъ уже такой великолѣпный видъ, что едва можно проѣхать на лошади сквозь его чащу: до 30 и больше колосѣвъ поднимается изъ одного зерна въ ростъ человѣка, сидящаго на лошади ¹⁾.

На югѣ способъ земледѣлія былъ нѣсколько иной. Во-первыхъ, здѣсь земля была настолько плодородна, что cum semel satae fruges fuerint, recidentibus subinde seminibus, segetem novantibus alterae messes sine ratione proveniant ²⁾. Это дѣлало излишнимъ искусственное удобреніе. Во-вторыхъ, удобныхъ для хлѣбопашества земель было такое обиліе, что не приходилось задумываться надъ способами улучшенія почвы: истощенная пашня забрасывалась и занималась новая, которая, уже въ силу этой самой занюки, если передъ тѣмъ нисѣмъ не была освоена, становилась принадлежностью того, кто ее занялъ. Правда, о заимочномъ землевладѣніи въ нашихъ документахъ нѣтъ рѣчи, но данныя, собранныя Лучицкимъ ³⁾, Багалѣмъ ⁴⁾ и Ковалевскимъ ⁵⁾, правда, изъ позднѣйшаго времени, — свидѣтельствуютъ, что способъ заимочнаго землевладѣнія былъ исконнымъ въ ю.-з. Руси, глубоко проникшимъ въ правосознаніе народа.

¹⁾ Z Kroniki 214—16.

²⁾ Diogonus Lib I, p. 48: „когда однажды случится прекрасный урожай, то, вследствие самопроизвольнаго сѣянія сѣмянъ, послѣдующія жатвы произрастаютъ уже безъ искусственнаго посѣва“.

³⁾ „Займанщина и формы заимочнаго владѣнія въ Малороссіи“. Юрид. Вѣст. 1890, I, с. 391—420.

⁴⁾ „Займанщина въ лѣвобережной Украинѣ XVII и XVIII ст.“ Киев, Ст. 1883 г., XII.

⁵⁾ „Трудъ, какъ источникъ права собственности на землю въ Малороссіи и на Украинѣ“. Юрид. Вѣст. 1892 г., V и VI.

Въ большинствѣ случаевъ хозяйство велось силами одной—естественной или искусственной—семьи. Но иногда оно выходило изъ этой нормы, прибѣгая къ труду дворовой челяди или обращаясь къ обязательнымъ повинностямъ крестьянъ, а иногда—и къ найму рабочихъ. Такое хозяйство, поставленное слѣд. на болѣе широкую ногу, называлось *дворовымъ*, а самая хозяйственная единица—*дворцомъ*, фольваркомъ. О характерѣ и размѣрахъ такихъ дворцовъ могутъ дать представленіе слѣдующіе факты.

Возьмемъ для примѣра Чудновскій дворецъ при Семенѣ Омельковичѣ. Хозяйство его состояло: изъ неопредѣленныхъ размѣровъ пашенной земли, засѣваемой житою, пшеницей и овсомъ; изъ 20 воловъ, 6 коровъ, 15 свиней и неопредѣленнаго количества гусей. Необходимыя хозяйственныя работы, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ тивуна Ходыки, производились — отчасти дворовой челядью (2 паробка, 3 жонки и 3 дѣтей), отчасти тяглымъ населеніемъ окрестныхъ селъ, выходившихъ на толоку (Тетеровка, Синелевцы). Иногда такой дворецъ имѣлъ для своихъ надобностей еще нѣсколькихъ ловцовъ, которые доставляли дичь и почти всегда — данниковъ, которые снабжали его медомъ (такъ, напр., ко дворцу въ Кошешомъ было приписано 4 ловца и 5 данниковъ). Подобнаго рода дворцы, при ограниченности ихъ инвентаря и служебнаго персонала, могли, разумѣется, занять подъ пашню весьма ограниченное количество земли. Излишекъ ея, если таковой былъ, отдавался въ аренду. Въ Чудновѣ, напр., этотъ излишекъ славался за опредѣленную урочную плату (по 20 гр.) 32 человѣкамъ ¹⁾.

Изъ XVI в. мы не имѣемъ столь подробныхъ свѣдѣній о дворцовомъ хозяйствѣ, но можемъ составить себѣ о немъ представленіе по даннымъ люстрацій, приведеннымъ въ очеркахъ повѣтовъ. Изъ этихъ данныхъ оказывается, что фольварочное хозяйство было поставлено лучше всего въ повѣтахъ Мозырскомъ и Овруцкомъ. Однако и здѣсь фольварки не представляли изъ себя чего-нибудь значительнаго; напр., въ Острогжѣ (Мозыр.) сѣялось пашни всего на 30 ведеръ. Даже если мы приишемъ къ Острогожу еще поле „за фоль-

¹⁾ А. Ю. З. Р. VII, II, № 1, лостр. 1471 с.

варкомъ" (на 200 солянокъ хлѣба) и сѣножать за р. Нориною (на 200 возовъ сѣна), общее представление о фольварочномъ хозяйствѣ разсматриваемаго времени мало измѣнится. По своему внѣшнему виду такой фольваркъ едва ли чѣмъ отличался отъ современнаго двора средней руки. Службы, напр., одного господарскаго двора въ Овручѣ состояли: изъ черной избы и клѣти, стодола на быдло, еще одной избы и псарни. Устройство другого двора было нѣсколько сложнее. Здѣсь мы находимъ: свѣтлицу съ сѣнами, черную избу, броварь, лазню (баню), станю на 15 лошадей и два овощныхъ огорода ¹⁾.

Повторяемъ, что земледѣліе въ Киевской землѣ разсматриваемаго періода вообще не процвѣтало. Основнымъ занятіемъ мѣстнаго населенія, питавшимъ благосостояніе края, было не земледѣліе, а *промыслы*. Къ сожалѣнію, о нѣкоторыхъ видахъ промысла мы имѣемъ очень мало или почти не имѣемъ свѣдѣній, напр., объ эксплуатациі лѣса и обработкѣ руды. Но о другихъ видахъ въ нашемъ распоряженіи есть кое-какой матеріалъ. О нихъ то и слѣдуетъ вести рѣчь.

Во многихъ жалованныхъ грамотахъ, имѣющихъ отношеніе къ данному предмету, можно встрѣтить перечень слѣдующихъ хозяйственныхъ статей: ловы звѣриныя и птициныя, езы (рыбныя), бобровыя тоны, пасѣки, сѣножатн, млыны съ ихъ вымелками и проч. Эти хозяйственныя статьи были обычными для данной мѣстности. Скажемъ поэтому нѣсколько словъ о каждомъ изъ нихъ.

Ловы. Звѣрей такое множество въ лѣсахъ и степяхъ Киевщины — продолжаетъ прерванную нами рѣчь Литвинъ Михалонъ, — что дикіе волы, дикіе ослы и олени убиваются только для кожи, а мясо бросается, кромѣ филейныхъ частей; козы и кабановъ оставляютъ безъ вниманія; газелей такое множество перебѣгаетъ зимой изъ степей въ лѣса, а лѣтомъ въ степи, что каждый крестьянинъ убиваетъ тысячи; на берегахъ живетъ множество бобровъ; птицъ такое изобиліе, что мальчики весною наполняютъ лодки яйцами утокъ, дикихъ гусей, журавлей, лебедей, и потомъ ихъ выводками наполняютъ птичьи дворы; орляты забираютъ въ клѣтки

¹⁾ с. 615.

для перьевъ къ стрѣламъ; собакъ кормить мясомъ" ¹⁾. Это свидѣтельство, какъ мы имѣли уже случай убѣдиться ²⁾, подтверждается и другими путешественниками: Броневскимъ и Бопланомъ. Броневскій на протяженіи 50 миль отъ Браслава до Очакова, — слѣд. въ степяхъ, прилегающихъ къ Черкасскому повѣту, а отчасти и захватываемыхъ имъ, — встрѣчалъ (1578) въ большомъ изобиліи дикихъ буйволовъ, лосей, лошадей, оленей, однорогихъ барановъ, козловъ, вепрей и дикихъ медвѣдей ³⁾. Бопланъ, спустя уже около 70 лѣтъ, имѣлъ случай наблюдать по ту сторону Днѣпра — стада сернь, оленей и кабановъ, табуны дикихъ лошадей въ 50—60 головъ, буйволовъ, бѣлыхъ зайцевъ, кошекъ, сайгаковъ, байбаковъ и др. животныхъ ⁴⁾. Словомъ, добыча для охотниковъ была самая легкая и въ то же время — богатая. И мы имѣемъ документальныя данныя, которыя свидѣлствуютъ о томъ, что эти природныя богатства страны не оставались втуне. Обратимся прежде всего за этими данными къ иллюстраціямъ.

По иллюстраціи Мозырскаго замка, кто изъ волошанъ убивалъ „лося, або вепря, або свинью", тотъ давалъ на замокъ плечо ⁵⁾. Населеніе Остерскаго повѣта ежегодно первую порошею выѣзжало на трехдневныя ловы за Трубежъ на старосту, остальное же время года било звѣря на себя ⁶⁾. Въ Черныбылѣ городское населеніе обязано было трижды въ годъ по одному дню выѣзжать на ловы вообще и столько же — на серень специально ⁷⁾. Ловы на Киевскій замокъ отбывались подъ Петровцами (на Днѣпрѣ) и подъ Лутавой (за Десной) ⁸⁾. Каневскій замокъ имѣлъ главныя ловы на Супоѣ, Черкасскій — за Днѣпромъ, въ 1½ мил. отъ замка ⁹⁾. Все это — только замковые ловы, которые продолжались всего нѣсколько дней въ году. Но населеніе имѣло возможность заниматься охотой въ теченіе всего года, если на то не были

¹⁾ с. 61—2.

²⁾ См. очеркъ Черкасск. пов., с. 382.

³⁾ Записки Одесск. Общ. Ист. и Др. VI, 1867 г., с. 334.

⁴⁾ Описаніе Украины, с. 34—5.

⁵⁾ с. 622.

⁶⁾ с. 596.

⁷⁾ с. 589—90.

⁸⁾ с. 119, 120.

⁹⁾ с. 93, 96, 86.

установлены определенные сроки, кажется, впрочем, обязательные только для ухотниковъ, сочившихъ звѣря на замковыхъ земляхъ ¹⁾.

Въ степяхъ, разумѣется, для охотниковъ представлялось полное раздолье. Но звѣри и птицы въ тѣ времена изобильно водились не только въ степяхъ, а и въ мѣстахъ, не столь отдаленныхъ отъ осѣдлой колонизаціи, въ особенности въ пущахъ, на болотахъ и озерахъ. Люстрація второй половины XV в. указываетъ, напр., ловцовъ въ такихъ селахъ, какъ Сочинца, Сокольча, Ходорково, Ловково и пр. Изъ другихъ источниковъ мы узнаемъ о звѣринныхъ ловахъ въ Козаровичахъ, подъ Житомиромъ (нынѣшн. Вороничей), на Ольшанкѣ (нынѣшн. Жубриковъ) и въ иныхъ мѣстахъ.

Обыкновенно особо отъ звѣринныхъ лововъ въ документахъ именуется *бобровые гоны*. Дѣйствительно они составляли какъ бы особый родъ промысла, на которомъ даже специализовались нѣкоторые ухотники. Бобровники—это тѣ охотники, которые специально занимались ловлей бобровъ. Наши документы отмѣчаютъ бобровые гоны на Припяти, Славечной, Уши съ ея притоками: Вересней, Жеревомъ и Нормыню; по Тетереву съ Кодевкой и Каменками; по Деснѣ, Днѣпру и во многихъ другихъ мѣстахъ по рѣкамъ и озерамъ.

При такихъ богатыхъ ловахъ, естественно, что продукты охоты расходились далеко за предѣлы Киевской земли. Черкасскій и Каневскій староста Д. Вишневецкій (1566) отправляетъ, напр., бобровые мѣха въ Краковъ, чтобы за нихъ купить тамъ „речей ядвобныхъ и корни“ ²⁾; Киевскій воевода А. Коширскій вывозитъ мясо убитыхъ животныхъ въ Литву для продажи тамошнимъ панамъ. Любопытенъ наказъ его по этому случаю своему справцѣ — Владимиру. „Стрелцомъ бы Т. М. нашимъ розказалъ—писалъ воевода,—

¹⁾ Любопытны эти первые охотничьи законы. „Въ ловы тыи отъ дна Дмитрова, т. е. отъ 28. X до первое пороши неволью ходити никому; а когда по первое пороши староста тамъ же черезъ 3 дни половити, тогда вже вольно тамъ Черънаскомъ зверь бити какъ до Дмитрова жь дни“ (с. 86.).

²⁾ K. Putaski Szkice historyczne, 61.

абы на насъ звер били, а Янъ нехай ихъ в бечки солит, бо маемъ тую зверину некоторымъ паномъ адѣ казатъ везти, а зъвалаца зубрину“ ¹⁾.

„Рѣки Киевскія — продолжаетъ свою рѣчь Михалонъ— до невѣрности обильны всякаго рода большой рыбой, восходящей вверхъ изъ моря въ прѣсную воду“ ²⁾. Въ особенности же ею изобиловала, по словамъ этого писателя, р. Припять, близъ устья Турин. О рыбности Припяти, какъ мы уже видѣли ³⁾, говоритъ и Герберштейнъ. О рыбности дѣваго бассейна Днѣпра мы приводили свидетельство Боллана ⁴⁾. Если таковы были притоки Днѣпра, питавшіеся наплывомъ рыбы изъ Чернаго моря, то тѣмъ болѣе — самъ Днѣпръ, основное русло, по которому эти массы разнокалиберной рыбы поднимались вверхъ и распространялись по всей Днѣпровской системѣ. Dniپر — говоритъ Длугошъ — adeo piscium ferax, ut vix similis alia ⁵⁾.

О рыбности системы Днѣпра можно составить себѣ достаточно наглядное представление по тѣмъ отмѣткамъ, которыя дѣлаютъ люстраторы въ рубрикахъ о воеводскихъ и старостинскихъ доходахъ. Мыто рыбное являлось одной изъ важнѣйшихъ статей этихъ доходовъ. Обложение было различное. Черкасскій староста, напр., получалъ одно время по 30 рыбъ съ ватаги, а затѣмъ сталъ брать $\frac{1}{8}$ улова—съ чужегородцевъ и $\frac{1}{4}$ —съ Черкашанъ. Каневскій староста также бралъ $\frac{1}{8}$ улова, какъ съ осетровъ, такъ и съ прочей рыбы. Согласно Киевской люстраціи, Мозырцы, Могилевцы, Рѣчичане, Рогачевцы и др. чужегородцы, ловившіе рыбу ниже Киева, на обратномъ пути должны были давать воеводѣ десятую рыбу или, не желая пересчитывать, платили отъ комаги по 6—7, до 10 рыбъ, „а бываетъ комагъ о колько десять одное осени“ ⁶⁾, замѣчаетъ люстраторъ. Въ пользу Осетерскаго старосты, съ Подесенскаго еза взимался десятый осетеръ, каждая бѣлуга, „а бѣлая рыба вся тому, хто горо-

¹⁾ Arch. Lub.-Sang IV, № 299—Археогр. Сбор. VII, № 14.

²⁾ с. 62.

³⁾ См. Очеркъ Мозыр. пом., с. 179.

⁴⁾ См. с. 380.

⁵⁾ Lib. I, p. 41.

⁶⁾ с. 112.

установлены опредѣленные сроки, кажется, впрочемъ, обязательные только для уходниковъ, сочиншихъ звѣря на замковыхъ земляхъ ¹⁾.

Въ степяхъ, разумѣется, для охотниковъ представлялось полное раздолье. Но звѣри и птицы въ тѣ времена изобильно водились не только въ степяхъ, а и въ мѣстахъ, не столь отдаленныхъ отъ осѣдлой колонизаціи, въ особенности въ пушахъ, на болотахъ и озерахъ. Люстрація второй половины XV в. указываетъ, напр., ловцовъ въ такихъ селахъ, какъ Скочища, Сокольча, Ходорково, Ловково и пр. Изъ другихъ источниковъ мы узнаемъ о звѣринныхъ ловахъ въ Козаровичахъ, подъ Житомиромъ (имѣнія Вороничей), на Ольшанкѣ (имѣнія Жубриковъ) и въ иныхъ мѣстахъ.

Обыкновенно особо отъ звѣринныхъ лововъ въ документахъ именуется *бобровые гоны*. Дѣйствительно они составляли какъ бы особый родъ промысла, на которомъ даже специализовались нѣкоторые уходники. Бобровники—это тѣ охотники, которые специально занимались ловлею бобровъ. Наши документы отмѣчаютъ бобровые гоны на Припяти, Славечной, Уши съ ея притоками: Вересней, Жеревомъ и Нориною; по Тетереву съ Коленкой и Каменками; по Деснѣ, Днѣпру и во многихъ другихъ мѣстахъ по рѣкамъ и озерамъ.

При такихъ богатыхъ ловахъ, естественно, что продукты охоты расходились далеко за предѣлы Киевской земли. Черкасскій и Каневскій староста Д. Вишневецкій (1566) отправляетъ, напр., бобровые мѣха въ Краковъ, чтобы за нихъ купить тамъ „речей ядвобныхъ и кореня“ ²⁾; Киевскій воевода А. Коширскій вывозитъ мясо убитыхъ животныхъ въ Литву для продажи тамошнимъ панамъ. Любопытенъ наказъ его по этому случаю своему справцѣ — Владиміру. „Стрелцомъ бы Т. М. нашимъ розказалъ—писалъ воевода,—

¹⁾ Любопытны эти первые охотничьи законы. „Въ ловы тыи отъ дня Дмитрова, т. е. отъ 26. X до первое пороши неволью ходити никому; а когда по первое пороши староста тамъ же черезъ 3 дни полонитъ, тогда вже вольно тамъ Черкасцомъ зверь бити ажъ до Дмитрова жъ дня“ (с. 86.).

²⁾ K. Pułaski Szkice historyczne, 61.

абы на насъ звер били, а Янъ нехай ихъ в бечки солитъ, бо маемъ туу зверину некоторымъ паномъ здѣ казатъ везти, а зълаца зубрину“ ¹⁾.

„Рѣки Киевскія — продолжаетъ свою рѣчь Михалонъ— до невѣроятности обильны всякаго рода большой рыбой, восходящей вверхъ изъ моря въ прѣсную воду“ ²⁾. Въ особенности же ею изобиловала, по словамъ этого писателя, р. Припять, близъ устья Турин. О рыбности Припяти, какъ мы уже видѣли ³⁾, говоритъ и Герберштейнъ. О рыбности лѣваго бассейна Днѣпра мы приводили свидѣтельство Боплана ⁴⁾. Если таковы были притоки Днѣпра, питавшіяся наплывомъ рыбы изъ Чернаго моря, то тѣмъ болѣе — самъ Днѣпръ, основное русло, по которому эти массы разнокалиберной рыбы поднимались вверхъ и распространялись по всей Днѣпровской системѣ. Dniپر — говоритъ Длугонъ — adeo piscium ferax, ut vix similis alia ⁵⁾.

О рыбности системы Днѣпра можно составить себѣ достаточно наглядное представление по тѣмъ отмѣткамъ, которыя дѣлаютъ люстраторы въ рубрикахъ о воеводскихъ и старостинскихъ доходахъ. Мыто рыбное являлось одной изъ важнѣйшихъ статей этихъ доходовъ. Обложение было различное. Черкасскій староста, напр., получалъ одно время по 30 рыбъ съ ватаги, а затѣмъ сталъ брать $\frac{1}{8}$ улова—съ чужегородцевъ и $\frac{1}{2}$ —съ Черкашанъ. Каневскій староста также бралъ $\frac{1}{8}$ улова, какъ съ осетровъ, такъ и съ прочей рыбы. Согласно Киевской люстраціи, Мозырцы, Могилевцы, Рѣчищане, Рогачевцы и др. чужегородцы, ловившіе рыбу ниже Киева, на обратномъ пути должны были давать воеводѣ десятую рыбу или, не желая пересчитывать, платили отъ комага по 6—7, до 10 рыбъ, „а бываетъ комагъ о колько десять одное осени“ ⁶⁾, замѣчаетъ люстраторъ. Въ пользу Осетерскаго старосты, съ Подесенскаго еза взымался десятый осетеръ, каждая бѣлуга, „а бѣлая рыба вся тому, хто горо-

¹⁾ Arch. Lub.-Sang IV, № 299—Археогр. Сбор. VII, № 14.

²⁾ с. 62.

³⁾ См. Очеркъ Мозыр. пом., с. 179.

⁴⁾ См. с. 380.

⁵⁾ Lib. I, p. 41.

⁶⁾ с. 112.

дигъ езь¹⁾. Въ Чернобылѣ вѣзмалась 30-ая рыба съ улова и такая же съ кояги, когда привозили продавать; въ Мозырѣ—десятая рыба или десятый грошъ.

Согласно Слову о полку Игоревѣ, „гдѣ есть трупъ, тамъ собираются и орлы“: гдѣ есть добыча, туда обыкновенно направляются и купцы. Такъ было и въ Киевщинѣ. По словамъ Михалона, ко времени рыбныхъ лововъ съѣзжались къ Припяти чужеземные купцы и закупили весь уловъ, какъ бы онъ ни былъ изобилень²⁾. То же, разумѣется, было и на Двѣрѣ и въ другихъ мѣстахъ. Чего не закупили прѣвѣжѣ, то складывалось въ кояги или въ бочки, частью солилось, частью вялилось, а иное оставалось временно въ свѣжемъ видѣ—и такъ вывозилось на торгъ³⁾.

Безъ сомнѣнія, главнѣйшимъ видомъ промышленной дѣятельности кievскаго населенія было *пчеловодство*, которое въ Мозырскомъ повѣтѣ до конца разсматриваемаго періода составляло видную статью государственныхъ доходовъ, а во веѣхъ другихъ — было таковой до тѣхъ поръ, пока почти всѣ земли съ ихъ населеніемъ не перешли въ частное владѣніе. Это можно видѣть по тѣмъ немногимъ документамъ о „личбѣ“ Киевскихъ ключниковъ, которые доселѣ изданы. Въ 1496 г., напр., Киевскій ключникъ Сенько Полозовичъ давалъ господарю отчетъ о сборѣ медовой дани; при этомъ онъ „приходу положилъ северское и полское дани 300 судовъ и 14 судовъ, т. е. караимановъ“⁴⁾. Въ предыдущій отчетный годъ, по личбѣ того же Сенька Полозовича, „пришло приходу 200 караимановъ и 12 караимановъ медомъ и грошми со всѣхъ волостей Киевскихъ“⁵⁾. И въ послѣдующее время медъ является господствующей формой дани, но уже уплачиваемой не господарю, а въ большинствѣ случаевъ — частнымъ владѣльцамъ. Считаю отдѣльные примѣры недостигающими цѣли, отсылаемъ читателя прямо къ иллюстраціямъ.

Пчелы эксплуатировались двумя способами: или въ бортахъ, или въ ульяхъ. Очевидно, Михалонъ имѣетъ въ

¹⁾ с. 596.

²⁾ с. 62.

³⁾ А. З. Р. I, №№ 120 и 170; ср. листр.

⁴⁾ Акты Д.—З. № 44.

⁵⁾ *ibid.* № 26.

виду первый способъ, когда говорить, что „старые дубы и ясени (въ Киевщинѣ), въ конхъ образовались дупла отъ ветхости, изобилуютъ роями пчелъ и сотами, пріятными цвѣтомъ и вкусомъ“¹⁾. Иллюстраціи южныхъ замковъ знаютъ только *насыжи*, за постою которыхъ владѣльцы земельныхъ угодій обыкновенно вѣзмали по 12 гр. въ годъ. Вообще, бортничество было господствующей формой пчелинаго промысла на сѣверѣ, насѣчничество — на югѣ. Любопытны нѣкоторыя особенности того и другого способа пчеловодства.

Слово: *борть*, по Линде²⁾, означаетъ дупло въ старыхъ соснахъ и дубахъ, служащее помѣщеніемъ для пчелъ. Это есть первоначальное и преимущественное значеніе этого термина. Дальнѣйшее же его значеніе — ульи изъ луба и дерева, прилаживающіеся къ бортиному дереву для пчелъ, — отверстіе въ самомъ ульѣ и его середина, сверху до низу, гдѣ держится пчелиное гнѣздо съ сотами, и проч. Последняго рода приспособленіе называется въ документахъ деревомъ бортинымъ „дѣланымъ“, въ противоположность естественному³⁾. Самый процессъ выбирания меду изъ бортей назывался „драніемъ“⁴⁾. Для этой же цѣли употреблялось еще и другое выраженіе: „лазить“, „подлазить“.

Бортиное дерево при его занятіи отмѣчалось особыми нарѣзами на его корѣ — „знаменемъ“. Дерево съ такой отмѣткой считалось частнымъ владѣніемъ, и выдираніе изъ него меда посторонними трактовалось, какъ нарушеніе правъ собственности⁵⁾. Земля, на которой стояли борти, называлась *землею бортиной*. Наибольше рельефно своеобразные обычаи кievскихъ бортниковъ изображаются въ одномъ древнемъ документѣ, который Руликовскій приводитъ въ Slow.

¹⁾ с. 61.

²⁾ Linde Słownik Języka Polskiego, wyd. drugie, I, str. 57, 95 (Lwów, 1854).

³⁾ А. Ю. З. Р. III, I, № 87.

⁴⁾ Въ 1503 г. Овручскій старецъ Михалковичъ жалуется на своего старосту Гр. Глинскаго, что тотъ „медъ на себе з острова подарлъ“. — Грамоты Антоновича, № 7.

⁵⁾ А. Ю. З. Р. III, I, № 87—Зависеній намѣстникъ жалуется на братьевъ Выговскихъ, что они „по властному его сеченью, подъ знаменемъ его, пчолы на себе держать и ижывають и ему въ томъ, яко властности его, покою дати не хотять“.

Geogr. sub voce Kozarowicze. „Barcie—читаемъ здѣсь—называютъ певными назвискими свемі, напр. od Kargra—Kargrowszczuzna, od Malacha—Malachowszczuzna, od Chomy—Chomińszczuzna etc., а jeżeli jedną ziemię obrębem granicą swoją kilku poddanych trzyma, nazywają: *sumieszna ziemia*; jednak na drzewach bartnych każdy z nich ma swój napis, to jest znak; i stąd, choć jeden grunt, jedna ziemia, w jednym miejscu, *denominacio* ma swoje różne, *sumpto vocabulo* od onych poddanych jako którego zowią, którzy tam barci swoje mają i na nich napisy; i stąd, jedna ziemia seu grunt *diversis nominibus appellatur* 1).

Пасѣки, какъ мы сказали, соотвѣтственно условіямъ мѣстности, находили себѣ примѣненіе преимущественно въ южныхъ частяхъ Кіевщины, гдѣ пасѣчничество достигло широкаго развитія. Мы уже имѣли случай указать на признакіе Каневского намѣтника Чайки, что онъ при Остафій Дашкевичѣ получалъ „з уходовъ тыхъ Сиверскихъ меду отъ половинниковъ 90 кадей, окромъ бобровъ, рыбе, мяса и иныхъ пожитковъ“ 2). Древнѣйшая люстрація Кіевской земли сообщаетъ даже нѣкоторыя статистическія данныя о количествѣ „бчоль“ въ пасѣкахъ (напр., с. Евдадмевъ—„а въ томъ селі пасека, а в пасеце бчоль 45“; или с. Онтоновъ—„а въ томъ же селі пасека есть, а въ той пасеце 100 бчоль“). Подробностей пасѣчнаго пчеловодства, къ сожалѣнію, наши документы не сообщаютъ, но изъ данныхъ, собранныхъ Леонтовичемъ, видно, что въ Литвѣ пасѣчныя пчелы содержались въ трехъ формахъ: въ *корениникахъ*, *ульяхъ* и *колодахъ*. Корениникомъ назывался улей изъ коры дуба, въ отличіе отъ улья или шня, сдѣланнаго изъ самаго ствола дерева съ продолбленной серединой. Подобный же улей, только м. б. большихъ размѣровъ и въ лежачемъ положеніи называется „колодой“ или „лежакомъ“ 3). Дикія пчелы, никому не принадлежавшія, носили названіе *свепетовъ*. О казакахъ, напр., Каневская люстр. говоритъ, что они „установише тамъ (на уходахъ) живуть на мясе, на рыбе, на меду, з пасекъ, з свепе-

1) IV, 538.

2) Люстр. с. 103.

3) Крестинскій дворъ II, с. 37—39. (изъ Варш. Унив. Изв. 1897, VII).

говъ, и сытять тамъ себе медъ, яко дома“ 4). Свепеты здѣсь противопоставляются пасѣкамъ, какъ именно дикое, никому не принадлежащее добро 5).

Въ нашихъ документахъ въ числѣ разныхъ угодій жалуемаго или отказываемаго имѣнія часто называются сѣножатіи—и не даромъ: онѣ имѣютъ прямое отношеніе къ условіямъ мѣстнаго хозяйства и промысла. Эти сѣножатіи, которыми Кіевская земля одинаково изобилвала, какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ, служили привольнымъ поприщемъ для разведенія всевозможныхъ породъ скота, начиная со свиней и кончая быками. Намъ уже случалось указать нѣсколько документовъ, имѣющихъ прямое отношеніе къ данному вопросу. Въ одномъ изъ нихъ, напр., говорится о стадѣ *коней* „всего поголовья 800“ 6); въ другомъ—о „чередѣ“, которую параллельный документъ расчленяетъ на *коней* и *быдло* 7); въ остальныхъ—о *коровахъ* и *козахъ*, о стадѣ *свириль*, *быдла*, *овецъ* и *свиней* 8). Эти данныя о скотоводствѣ можно еще пополнить на основаніи люстрацій. „Кони з диковъ“ (т. е. отбившіеся отъ табуна), какъ особая статья урядоваго дохода, упоминаются не только въ люстраціяхъ Черкассъ и Канева, но также—Остра, Мозыря („блудяти“) и Житомира 9). Все эти факты указываютъ на широкое развитіе скотоводства въ Кіевской землѣ.

Въ качествѣ особыхъ видовъ промышленности Кіевской земли можно упомянуть о *винодѣліи* и *плькарствѣ*. То и другое составляло государственную монополію, которая въ иныхъ случаяхъ отчуждалась въ пользу частныхъ лицъ и учреждений, но для широкихъ массъ не была доступна.

Въ частности—о винодѣліи. Хотя Михалонъ и говорить, что Кіевская земля произрастаетъ „виноградныя лозы съ большими кистями, мѣстами же, на берегахъ, понадаются и дикій виноградъ“ 10), тѣмъ не менѣе винодѣліе въ собствен-

1) с. 103.

2) См. Яенискаго Уставныя грамоты, с. 159, прим. 270.

3) Сбор. Муханова № 22.

4) А. Ю. Р. I, № 135, ср. Книгу Посольскую I, № 135.

5) А. Ю. З. Р. VII, II, с. 372; А. Ю. Р. II, № 117.

6) с. 83, 97, 595, 623 и 147.

7) с. 61.

номъ смыслѣ здѣсь не получило развитія. Правда, въ самомъ Киевѣ люстрація отмѣчаетъ двѣ винницы — одну на Щекавицѣ, а другую — въ Вышгородѣ, но —, пожалуйтъку з винницъ тыхъ мало: не вытескають вина — ягоды тамъ бывають¹⁾. Зато шинкованье находило себѣ значительную поддержку въ мѣстномъ населеніи и могло развиваться съ большимъ успѣхомъ, не смотря даже на недостатокъ въ мѣстномъ хлѣбѣ.

Корчма — непремѣнная принадлежность господарскихъ замковъ, а въ нѣкоторыхъ изъ нихъ мы встрѣчаемъ даже по нѣсколько десятковъ корчемъ. Вотъ данныя люстрацій по этому вопросу. — Въ Черкассахъ въ полов. XVI в. было двѣ корчмы: медовая и горѣлочная (обѣ старосты). Обѣ ихъ оборотахъ люстраторъ повѣдаетъ, что „меду в корчмахъ тыхъ выпивають ино кгда на день сыченье одна кады, а кгда здобывшиися откуль люди приходять (что бывало часто), тогда и трехъ кадей сыченья на одинъ день не станеть“. Иногда, впрочемъ, особенно въ лѣтнее время, одной кади сыченья хватало на нѣсколько дней²⁾. О расходѣ горѣлки не имѣемъ свѣдѣній.

УВ. Кады меду продавалася по 8 коп. и 2 $\frac{1}{2}$ гр., ведро горѣлки — по 40 гр.

Въ Каневѣ было двѣ корчмы: медовая и горѣлочная (обѣ старосты). Выпивають меду, по словамъ люстратора, „одного дня иногда двухъ або трехъ кадей сыченья, а иногда — и одное кади сыченье на колькось дней трымаеть“³⁾.

УВ. Кады сыты продавалася по 8 коп. и 40 гр., ведро горѣлки — по 40 гр.

Въ Киевѣ было въ моментъ люстраціи 59 корчемъ, въ томъ числѣ неизвѣстное количество пивныхъ. Въ 1558 г. корчемная торговля была переуступлена мѣщанамъ за 800 копъ гр. канцизны⁴⁾.

Въ Чернобылѣ была, повидимому, одна корчма-горѣлочная и медовая, приносявшая сравнительно незначительный доходъ (запродана съ мытомъ и помѣрнымъ за 100 коп. гр.).

¹⁾ с. 117.

²⁾ с. 84.

³⁾ с. 96.

⁴⁾ Грамоты Антоновича № 38.

Въ Острѣ была также одна корчма, шинковавшая медомъ, пивомъ и горѣлкой. Она запроживалася въ разное время за неодинаковую сумму: то за 180 (при старостѣ П. Корсакѣ), то за 80 (при Дубровицкомъ — раньше), а въ моментъ люстраціи — за 170 коп. гр.¹⁾.

Мозырская корчма (медовая и горѣлочная) запроживалася при М. Гантольдѣ, вмѣстѣ съ помѣрнымъ, торговымъ, повѣтчиной, езами и озерами — за 40¹⁾ коп. гр.²⁾.

Въ Овручѣ было, повидимому, три корчмы, изъ которыхъ двѣ принадлежали старостѣ (медовая и горѣлочная) а 3-я сословіямъ. О медовой корчмѣ люстраторъ сообщаетъ, что „не выпивають больше 30 кадей въ годъ“. Горѣлочную корчму староста запроживалъ за 50 коп. гр. на годъ³⁾.

Въ Житомирѣ въ XV в. было 20 корчемъ, изъ которыхъ въ половинѣ XVI в. осталось всего двѣ: горѣлочная и медовая. Первая запроживалася за 100 коп. гр. на годъ, вторая — за 50⁴⁾.

Помимо указанныхъ 8 господарскихъ замковъ, вино-торговля производилася и въ другихъ мѣстахъ или замкахъ, напр., въ Брягинѣ, Чудновѣ, Звягль; но о ея размѣрахъ мы не имѣемъ свѣдѣній. Впрочемъ, слѣдуетъ оговориться, что не имѣемъ свѣдѣній — для XVI в. Для XV же вѣка въ нашемъ распоряженіи имѣются кое-какія данныя и для этихъ мѣстъ. По люстр., напр., 1471 г. въ Чудновѣ было 56 корчемъ. Въ томъ же вѣкѣ, только нѣсколько позже (80 гг.), Звягольская корчма отдавалася на откупъ лупкой жидовѣ за 15 коп. гр. широкихъ, вмѣстѣ съ мытомъ⁵⁾.

Въ общемъ, если мы соберемъ данныя о всѣхъ киевскихъ корчмахъ воедино, то получится довольно значительный торговый оборотъ по спиртнымъ напиткамъ, — значительный по тому времени.

Мымы такъ же, какъ и виноторговля, составляли господарскую монополію: заведеніе ихъ частными лицами или учрежденіями возможно было не иначе, какъ съ особаго на

¹⁾ с. 595.

²⁾ с. 622.

³⁾ с. 40.

⁴⁾ с. 145.

⁵⁾ Вершадскій Документы и регесты I, № 17.

каждый разъ разрѣшенія предержавшей власти, чтобы отъ того не страдали интересы казны, — господарю „не шкодно было“. Между прочимъ, и поэтому, млинами владѣли въ Киевской землѣ только господарскіе замки да весьма немногія изъ частныхъ лицъ и учреждений. Начнемъ съ господарскихъ замковъ.

О млинахъ въ южныхъ замкахъ—Черкасскомъ и Каневскомъ—мы не имѣемъ свѣдѣній и, очевидно, тамъ ихъ вовсе не было: незначительный урожай отъ рѣдкихъ посѣвовъ могъ быть смолотъ и домашнимъ способомъ. Въ Киевѣ былъ только одинъ млынъ, на р. Кудрявицѣ, подъ замкомъ — „а мелеть на замокъ только“¹⁾; больше не для кого было молотъ. Въ Чернобылѣ нѣкогда былъ дворный млынъ въ Лихвицахъ, но съ уничтоженіемъ самого дворца онъ прекратилъ свое существованіе или перешелъ въ частныя руки (Заморенка²⁾). Остеръ обходился безъ млына. Въ Мозырѣ млынъ на р. Припяти „вчинить на годъ мерки 10 солянокъ, часомъ большъ, а часомъ меньшъ, яко рокъ который“³⁾. Вдвое больше давалъ вымелку Овруцкій млынъ⁴⁾. Наконецъ, въ Житомирѣ было два млына: одинъ на Каменнѣ, а другой на Тетеревѣ. На Каменнѣ — „коло ступное, што просо толкутъ“, а на Тетеревѣ — два кола, оба „млиновые“. Объ оборотахъ второго млына джостраторъ замѣчаетъ, что „добрыхъ лѣтъ, кгда пшня роживала, а мелючы тутъ, во млыно муку до Киева и до иныхъ замковъ, прихоживало тогда з млына выховане хлѣбомъ на 40 особъ“. Такіе, сравнительно значительные обороты житомирскаго млына джостратору объясняли тѣмъ, что „сутъ привозывано молоти и з Чуднова, и з Слободыщъ, и з иныхъ селъ, што по Тетеревѣ“. Но уже въ моментъ джостраціи (1552) положеніе дѣлъ было совсѣмъ другое: „а теперъ Житомирцы индѣ збожжѣ купують, ѣдзячи, тамже и мелютъ“⁵⁾.

NB. Вымелку бралась десятая мѣрка отъ млыновъ и ступъ.

¹⁾ с. 107.

²⁾ с. 588.

³⁾ с. 615.

⁴⁾ с. 39.

⁵⁾ А. Ю. З. Р. VII, I, с. 147.

Изъ владѣльческихъ млыновъ намъ извѣстны немногіе — прежде всего монастырскіе. Михайловскому монастырю принадлежалъ млынъ „звѣчистый“ на Лыбеди, „повыше Звѣринецкаго млына“ (1526 г.)¹⁾, а этотъ послѣдній числился за монастыремъ Выдубицкимъ. Повидимому, тому же Выдубицкому монастырю принадлежалъ и еще одинъ млынъ на Лыбеди, который онъ держалъ сначала пополамъ съ Петерскимъ, а затѣмъ — самостоятельно²⁾. Пустынской монастырь имѣлъ „властное млынище“ на р. Воршковѣ и второе — на р. Дарницѣ³⁾. Третій млынъ того же монастыря находился (1499 г.) въ селницѣ Ивоницахъ на р. Красной (даръ Михайла и Булгака Лисиченковъ⁴⁾). Владѣлъ ли Печерскій монастырь какимъ-либо млыномъ, переуступивши свою часть Выдубицкому, мы не имѣемъ свѣдѣній, но нужно полагать, что — владѣлъ. Во всякомъ случаѣ во второй полов. XV в. онъ получилъ отъ Семена Олельковича два млына на Стугнѣ по подложной грамотѣ Андрея Боголюбскаго. — Изъ млыновъ, принадлежавшихъ частнымъ лицамъ, намъ извѣстно всего два, да и то — одновременно. Въ 1500 г. Глинскіе владѣли млыномъ въ с. Гатномъ, половину котораго Богданъ Ѳ. завѣщалъ Пустынскому мон.⁵⁾ Изъ жалобы овруцкихъ землянъ Гринковичей-Васьковскихъ на Кр. Кмитича мы узнаемъ, что и они имѣли млынъ или даже — млыны въ своихъ дѣдичныхъ имѣніяхъ (1544 г.)⁶⁾. Въ дѣйствительности млыновъ было, разумѣется, гораздо больше, чѣмъ намъ ихъ извѣстно по документамъ, хотя въ силу особыхъ условий мѣстной жизни въ общемъ итогъ число ихъ едва ли было велико⁷⁾.

Въ заключеніе этого бѣглаго обзора экономическаго состоянія Киевской земли намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о ремеслахъ. Специально о сельскихъ ремесленникахъ

¹⁾ А. З. Р. II, № 140.

²⁾ А. З. Р. III, № 44.

³⁾ А. З. Р. II, № 97; А. Ю. З. Р. VIII, IV, № 26, док. 5.

⁴⁾ А. З. Р. III, № 49.

⁵⁾ А. З. Р. I, № 178.

⁶⁾ Грамоты Антоновича № 35.

⁷⁾ Выше приведенный перечень владѣльческихъ млыновъ можно пополнить еще двумя на основаніи незаданной рукописи, которой пользуется Яблоновскій (1570 г.): въ Горловичахъ (Овруч.) и Корчевѣ (Житомир). — *Зр.* XXII, 339.

сказать нечего, такъ какъ мы по этому вопросу не имѣемъ никакихъ данныхъ, а не имѣемъ ихъ потому (отчасти), что ремесла въ то время не были въ ходу. Даже мѣщанское населеніе мало ими занималось, будучи предано промышленной дѣятельности въ тѣхъ ея видахъ и формахъ, какіе изложены выше, и какіе у него были общи съ сельскимъ населеніемъ. Объединяя тѣ факты, какіе были нами собраны по этому вопросу въ очеркахъ отдѣльныхъ повѣтовъ, и отчасти пополняя ихъ новыми, можно указать слѣдующіе разряды ремесленниковъ, извѣстные Киевской землѣ въ рассматриваемый періодъ: лучники, стрѣльщики, сѣдельники, платнеры ¹⁾, ковали, золотари, чоботари, кравцы, шевцы, кушнеры, дойдиды ²⁾, постригачи, адуны и нѣкоторые другіе. О степени развитія ремесленного производства можно судить по тѣмъ указаніямъ, какія даютъ люстраціи, отмѣчая спеціальныя занятія населенія при именахъ ихъ носителей: Иванъ Кравецъ, Васько Лучникъ и т. п. Такихъ отмѣтокъ въ общемъ немного: немного было и специалистовъ по ремеслу.

Результатъ настоящихъ замѣтокъ объ экономическомъ состояніи Киевской земли въ Литовскій періодъ можетъ быть выраженъ въ рядѣ изъ трехъ словъ: на первомъ мѣстѣ — промыслы, на второмъ — земледѣліе, на третьемъ и послѣднемъ — ремесла.

¹⁾ Овр. „Долмитъ Громъ на нещѣткою своєю Савиною—служба платнерская“ (с. 42). Объясненіе этого термина см. у Леонтовича—Крестинскій дворъ III, Варш. 1898 г. (платнеръ—панцирный мастеръ).

²⁾ Люстр. Момар., с. 616-617 (дойдидъ—плотникъ).

III.

Послѣ общихъ замѣчаній о колонизаціи страны и ея экономическомъ состояніи считаемъ возможнымъ перейти къ обзору положенія отдѣльныхъ группъ населенія Киевской земли въ рассматриваемый періодъ. Начнемъ съ крестьянства.

Въ нашихъ документахъ мы встрѣчаемся съ различными терминами для обозначенія сельскихъ поселеній, которые нуждаются въ комментаріи. Это—*дымъ, дворнице, служба, попуга, жеребий, селище, островъ, земля, насѣжа, угодъ и село.*

„Дымъ“, безъ сомнѣнія, былъ древнѣйшимъ и первичнымъ типомъ сельскаго поселенія на среднемъ Поднѣпровьѣ. Уже Поляне и Сѣверяне платили дань Хазарамъ „по бѣлѣ и вѣверицѣ отъ дыма“ ¹⁾. Нѣсколько позже Свенельдъ, воевода кн. Игоря, взималъ на Деревлянахъ „по чернѣ куиѣ отъ дыма“ ²⁾. Поэтому, равно ошибаются, какъ тѣ ученые, которые считаютъ первоначальной формой сельскихъ поселковъ дворнице ³⁾, такъ и тѣ, которые приписываютъ введеніе подымной подати Татарамъ ⁴⁾; не менѣе ошибается и Довнаръ-Запольскій, полагая, что подымщина введена въ Киевской землѣ только при Витовтѣ ⁵⁾; она существовала издавна. Что касается самой единицы обложенія, то характеръ ея въ достаточной степени опредѣляется уже названіемъ: дымъ — домъ (въ прямомъ и переносномъ смыслѣ), хозяйственная единица и наименьшій поселокъ. Такого рода поселки, какъ особняки, встрѣчались только на пустоши-

¹⁾ Ипат. 11.

²⁾ Собр. лѣт. V, 97.

³⁾ Ефименко Южная Русь I, 376, 392; Яблоновскій Зр. XXII, 180.

⁴⁾ Любавскій Областное дѣленіе, с. 482; Очеркъ ист. Литов.-русс. госуд. с. 146.

⁵⁾ Государственное хозяйство, с. 720.

нах¹⁾; обыкновенно же они входили въ составъ болѣе сложнаго цѣлаго—дворища или службы.

Терминъ „дворище“ въ нашихъ документахъ обыкновенно употребляется для обозначенія городского поселка — „дворище въ мѣстѣ“ (въ такомъ смыслѣ мы встрѣчаемъ его, напр., въ Мозырской и Овруцкой люстраціяхъ²⁾; поэтому не дворище, а службу нужно считать объектомъ обложения въ Киевской землѣ.

„Служба“—это прежде всего совокупность обязанностей, лежавшихъ на томъ или иномъ участкѣ земли; затѣмъ — самый этотъ участокъ. О сравнительной величинѣ служебныхъ участковъ можно судить по словамъ волынекихъ пановъ, которые жаловались люстратору, что ихъ два дворища не стоятъ и одной литовской службы: „завжды суть неровно болшии службы литовскіи, нижли наши дворища волынескіи“³⁾. Последнее значеніе термина „служба“ — поселокъ („двѣ службы людей на Припяти у Веровичахъ“—земли: Лысковщина и Погонная⁴⁾. Размѣръ службы, какъ поселка, подверженъ значительнымъ колебаніямъ. Иногда служба равнялась дыму, напр., въ Овруцкой люстраціи: с. Беховичи — 2 человекъ—2 дыма—2 службы, с. Ласки—8 дымовъ—8 службъ⁵⁾; но с. Мошки—6 человекъ—6 дымовъ—1 служба, с. Васковцы—8 человекъ—5 дымовъ—1 служба⁶⁾ и т. д.

Вмѣсто службы, въ нашихъ документахъ часто употребляется „потуга“, какъ понятіе ей равнозначное по объему, хотя м. б. и нѣсколько различное по своему характеру. Последнее выяснится изъ дальнѣйшаго, когда мы будемъ говорить о братьяхъ и потужникахъ; сейчасъ же мы имѣемъ въ виду именно это соотвѣтствіе потуги службѣ, какъ оно выразилось, напр., въ привилеѣ Богдану Ѳ. Глинскому на с. Ирову, „въ Киевскомъ пов. у—въ Олевской волости“—5 по-

¹⁾ Овр. „Въ Чигиревщинѣ—1 дымъ, 1 служба“ etc. (с. 47).

²⁾ Мозыр.-„Ташевское дворище“ etc. (с. 625); Овр.-„Солтана дворище и огородъ у мѣсте“ (с. 45), Орены Костюшковны „дворище въ месте Овручу“ (с. 47) etc.

³⁾ Памятники Киев. IV, 2, с. 50, 60; *Зр.* VI, 24, 28.

⁴⁾ А. Ю. Р. I, № 156, А. З. Р. II, № 228.

⁵⁾ с. 44, 45.

⁶⁾ с. 44.

туговъ⁴⁾. Подобное же употребленіе этого термина мы встрѣчаемъ въ Овруцкой и Житомирской люстраціяхъ (Хобне — потуговъ 14—дымовъ 25, Патечи — потуговъ 2, дымовъ 9, Татаровичи—3 потуга, Трояновцы—3 etc.).

Повидимому, близко подходит къ понятію потуги — службы и терминъ „жеребій“. Преимущественное употребленіе этого термина въ Подлякин—странѣ мелкаго землевладѣнія, возникшаго на развалинахъ сябринной общины, равно какъ и его общее значеніе, въ связи съ нѣкоторыми намеками документовъ,—дали поводъ Довнаръ-Запольскому видѣть въ жеребьи „такой участокъ, который произошелъ отъ дѣленія цѣлой земли“⁵⁾. Леонтовичъ, однако, полагаетъ, что нѣтъ надобности связывать происхожденіе жеребьи съ земельнымъ раздѣломъ, утверждая, что жеребій можетъ означать не только земельный участокъ, но и крестьянскій поселокъ — особнякъ или часть самостоятельнаго поселенія, подобно дворищу или службѣ⁶⁾. Наши документы не даютъ матеріала для разрѣшенія этого вопроса, такъ какъ въ нихъ мы встрѣчаемся съ жеребьемъ всего два — три раза, и то съ предикатомъ: „пустый“⁴⁾ (напр., въ Овруцкой люстраціи: с. Булгаковское и Давидковичи—„жеребей въ пусте лежить“; въ Киевской: „въ томъ же селе (Михалчичи) человекъ приходный далъ томуужъ Матвею на службу и жеребей пустой“⁷⁾).

„Селище“ прежде всего обозначаетъ пустошь, когда-то имѣвшую населеніе („селище не тиглое, а не данное, а пусто дей лежить вжо давно“⁸⁾). Дальнѣйшее значеніе селища — участокъ земли, подобно жеребью; поэтому въ селѣ могло быть нѣсколько селищъ („селище Чотаново въ Милославичохъ на одну соху“⁷⁾). Наконецъ, селище можетъ обозначать и поселеніе—приселокъ или особнякъ (Везель и Бѣловежа „и зъ селища“, т. е. съ приселками; „селище въ Киевскомъ пов.

¹⁾ Акты Леонтовича II, № 520.

²⁾ Госуд. хоз., с. 213—14; ср. Любавскаго Област. дѣл., с. 459—60.

³⁾ Крестьянскій дворъ I, Ж. М. Н. Пр. 1896 г. III, с. 18—21.

⁴⁾ Вѣроятно, поэтому Леонтовичъ и просмотрѣлъ его—ор. с. р. 22; на нѣмъ последовалъ и Любавскій—Очеркъ исторіи Литов.-русск. госуд., с. 97.

⁵⁾ А. Ю. З. Р. IV, I, с. 46, *ibid.* VII, I, с. 122.

⁶⁾ Акты Леонтовича I, № 41.

⁷⁾ А. Ю. Р. II, № 124 = А. Ю. З. Р. VIII, IV, № 18.

—Жукинъ съ челоукомъ, который на томъ селищи сидитъ*, — особнякъ¹⁾. Въ документахъ встрѣчаются не рѣдко и селища болѣе населенныя, даже населеніе, чѣмъ нѣмъ села — напр., въ Житомир. листр 1552 г. селища: Крошня и Шумекъ — по 7 потуговъ²⁾.

То же селище, только въ положеніи островка среди лѣса, болотъ или зарослей называлось „островомъ“³⁾.

„Земля“ — прежде всего хозяйственное угодье, часто съ предикатомъ: бортная, пашная и проч.⁴⁾; затѣмъ — часть селенія, подобно дворищу или службѣ (въ такомъ смыслѣ поименованы, напр., многія земли въ записи о денежныхъ и медовыхъ даняхъ⁵⁾; наконецъ, подъ землей разумѣется иногда и особенный поселокъ, настолько, правда, небольшой, что онъ какъ бы теряется въ обширномъ пространствѣ окружающихъ его угодій (напр., въ Овруцкой листраціи: „на земли Навитенской 1 дымъ = 1 служба“, „на земли Чаплинской — 1 дымъ = 1 служба“ и т. п.).

Земля, на которой стояли пасѣки, называлась „пасѣкой“. Пасѣки, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, располагались преимущественно и почти исключительно въ южной полосѣ; мы ихъ встрѣчаемъ, напр., въ листраціяхъ Каневского и Черкаскаго замковъ. Въ частности „бчолоу пасѣкою“ въ Черкассахъ и Каневѣ владѣлъ Остафій Дашкевичъ⁶⁾; многочисленныя пасѣки надъ Роставицей, Гуйвой и Гуевкой принадлежали по кудели, боярамъ Жубрикамъ⁷⁾. Пасѣки носили особыя названія, подобно селамъ: Черемошня, Радостава, Остапковъ и т. п. Настоящій типъ пасѣкъ — это хутора.

¹⁾ Акты Леонтиича I, № 395; ср. А. Ю. Р. I, № 156; *ibid.* № 72.

²⁾ Въ такомъ же значеніи употребляются иногда и термины: *зоро-баче* и *пустовщина*. Обыкновенно — это участки безъ населенія, но они бывають и населенныя; напр., пустовщина на Фостницѣ (Овр.) имѣла населеніе 3 дыма = 1 службу (с. 44); городище Юхна Обериѣвича въ Одескѣ было пожертвовано Пустыяскому монастырю „въ людми и въ землямъ“ (А. З. Р. II, № 110) и т. п.

³⁾ А. З. Р. I, № 26; Arch. Lub.-Sang. IV, № 42; А. Ю. З. Р. IV, I, № 12.

⁴⁾ А. З. Р. I, № 151; II, № 110.

⁵⁾ А. З. Р. I, № 26.

⁶⁾ А. Ю. Р. II, № 117.

⁷⁾ Грамоты Антоновича № 31 и др.

Но было бы ошибочно полагать, что въ пасѣкахъ находились только одні пчелы; хозяйство пасѣкъ было гораздо шире и разнообразнѣе. „Иная пасѣка — говорить листраторъ Браславскаго замка (1545 г.) — стѣбитъ больше трехъ селищъ; при нѣкоторыхъ пасѣкахъ земли на цѣлую милью, а самое малое — на 1/2 мили; тамъ у него (пасѣчника) пашня, спускные става, множество пчелъ, всякій звѣрь, сады, роскошные огороды и всякія другія выгоды“¹⁾.

Еще шире значеніе „ухода“. Подъ именемъ ухода разумѣются самыя разнообразныя угодья, которыя обыкновенно эксплуатировались въ теченіе извѣстнаго времени года и не имѣли своего осѣдлаго населенія. Это, слѣдовательно, могли быть пасѣки въ узкомъ смыслѣ, ловы звѣриныя и рыбныя, бобровыя гоны или что-нибудь въ этомъ родѣ — отдѣльно или въ комбинаціяхъ.

„Уходъ“ — граница осѣдлости. На противоположномъ полюсѣ стоитъ „село“, какъ совокупность дымовъ и дворищъ, съ различною нормою населенія на сѣверѣ и на югѣ.

Таковы типы поселковъ, обыкновенно встрѣчаемые на территоріи Киевской земли въ разсматриваемый періодъ. Какое же былъ обычный типъ крестьянскаго хозяйства — двора?

Обыкновенно такому двору принадлежали разнообразныя угодья, удовлетворяющія потребностямъ сельскаго хозяйства. Возьмемъ для примѣра селище Жукинъ, въ Остерскомъ пов. Единственный обитатель этого селища обладалъ землями пашными и бортными, сѣножатями, гаями, лѣсами, дубровами, ловами звѣринными и пташными, озерами, рѣками, езами на Деснѣ, ставами, бобровыми гонами и т. п.²⁾ При тогдашнемъ изобиліи пустошей населенію была предоставлена полная возможность путемъ займанщины приобрѣтать себѣ сколько угодно земли и въ какомъ угодно составѣ (напр., по древнѣйшей листраціи, „Малаею землю держитъ Трибѣсовщину“ — ту самую, на которой впоследствии находимъ цѣлое село — Трибѣсовъ). Если мы примемъ теперь, вопреки Любавскому, мнѣніе Довнаръ-Запольскаго³⁾, что не участокъ въ его матеріальной обстановкѣ, а служба тяготѣла

¹⁾ А. Ю. З. Р. VI, I, 26.

²⁾ А. Ю. Р. I, № 72.

³⁾ Государственное хозяйство, с. 214—15, 222.

къ среднему уровню, то отсюда будетъ самый естественный переходъ къ „братымъ“ и „потужникамъ“. Населенію выгодно было, чтобы земли подъ хозяйствомъ состояло какъ можно больше, а служба была какъ можно легче, притомъ же разработка хозяйственныхъ угодій на сыромъ корнѣ (въ Польсѣ, напр.) требовала совокупныхъ усилій многихъ рукъ. Стали, поэтому, жить болѣе или менѣе сложными семейными общинами, которыя въ дальнѣйшемъ могли пополняться въ своемъ составѣ и сторонними лицами. Такимъ образомъ возникла и поддерживалась сябринно-семейная община, которую мы преимущественно встрѣчаемъ на сѣверѣ Киевской земли.

Семейно-сябринная община состояла прежде всего изъ членовъ, происходящихъ отъ одного отца,—братьевъ¹⁾. Затѣмъ, мы встрѣчаемъ въ составѣ этого рода общины чаще всего дядей и племянниковъ²⁾. Наконецъ, въ составѣ сложной семейной общины могли входить самыя разнообразныя линіи, прослѣдить происхожденіе которыхъ часто нѣтъ никакой возможности³⁾.

Слѣды семейно-общиннаго землевладѣнія до сихъ поръ сохранились въ патримоніальныхъ названіяхъ нѣкоторыхъ селъ Киевской земли. Такъ напр., отъ четырехъ человекъ Перетрутовичей въ Мозырской волости, пожалованныхъ кор. Казимиромъ п. Довкгирду⁴⁾, произошло село *Перетрутовичи*, существующее и по сей день; отъ людей въ Мозырскомъ же повѣтѣ, на имя Болжевичъ, Коптевичъ и Шестовичъ, пожалованныхъ въ 1512 г. Конст. Острожекому⁵⁾, произошли села: *Болжевичи*, *Коптевичи* и *Шестовичи*; отъ двухъ семей Голохвастовъ⁶⁾—село *Голохвастовъ*, т. Хвастовъ на Роси и т. д.

¹⁾ Напр., „четыре человека, на имя Павелъ и Шинило съ братьями ихъ“—въ Скородномъ (А. Ю. Р. П. № 110); „человекъ Мартынецъ и его два брата, на имя Олешко и Сидоръ“ (Акты Леонтовича I, № 399).

²⁾ Напр., „люди въ Овруцкомъ пов., на имя Ларивонъ и Яцко Давидковичи и съ ихъ братьями и братанцами“ (Акты Леонтовича II, № 594); „человекъ Лазорко Мозковичъ и съ его сынами и братанцами“ (Акты Д.—З. № 42 = Акты Леонтовича I, № 267).

³⁾ А. Ю. З. Р. IV, I, №№ 5, 12 и др., Грамоты Антоновича № 35.

⁴⁾ Док. Ю. I, с. 31, § 7.

⁵⁾ Arch. Lub.-Sang. III, № 123.

⁶⁾ Док. Ю. I, с. 20, § 16.

И безъ того уже сложная семья съ теченіемъ времени еще болѣе усложнилась, когда въ ее среду входили въ качествѣ совладѣтелей посторонніе, не—кровные члены. Такіе посторонніе сочлены, съ одной стороны, облизывались полнить часть службы, выпадающей на данный дворъ, а съ другой—получали участіе въ выгодахъ отъ совместнаго хозяйства. Въ документахъ они носятъ названіе *потужниковъ*, *товарищей*, *сябровъ*¹⁾ и т. п.

О внутреннемъ бытѣ семейно-сябринной крестьянской общины наши документы не даютъ представленія. Но мы можемъ для выясненія этого вопроса воспользоваться данными, касающимися овруцкой околичной шляхты, тѣмъ болѣе, что эта шляхта, проживая на сельскихъ участкахъ и занимаясь земледѣльческимъ трудомъ, имѣла весьма много общаго съ бытомъ собственно крестьянства.

Въ 1552 г. Овруцкій староста І. М. Халецкій разбираетъ споръ землянина Невмирицкаго, Солуяна Сидоровича, и его сыновей съ землянами же Невмирицкими, сябрами ихъ: Гриднемъ и Онкиемъ Сидковичами и сябрами этихъ сябровъ—Феодоромъ и Андреемъ съ братьями Гридковичами о забраніи пашенной властной земли Сидоровичей съ дубровами, засѣвками, сѣножатями и деревомъ бортинымъ старымъ—въ „земли сполешой а ними, которую подъ его знаменемъ подъ себе забрали и въ свой подводъ понисали“. Ставши на спорномъ грунтѣ, Солуянь жаловался старостѣ на братьевъ Сидковичей съ ихъ сябрами такимъ обычаемъ. Земля—де, на которой онъ стоитъ, есть жеребя его дяди, Нестора, которымъ (жеребьямъ) прошлой зимы, на вальномъ Вилевскомъ сеймѣ, Гринъ Сидковичъ, „маючи зуполную моць и поручене отъ брати своей“, поступился ему на вѣчность, поди извѣстной суммой заруки. Не смотря на то, Сидковичи съ

¹⁾ Примеры: „человекъ Малъи и съ его потужники—Онаасомъ и Кондратомъ, одной службы“ (А. Ю. Р. П. № 102—Мозыр. пов.); „человекъ, на имя Василь Подтопчичъ и съ его товарищи—одна служба на имя Зубковичи“ (А. Ю. Р. I, № 59—Овруцкій пов.); „данички Гуринъ и Василь и ихъ товарищи“ (Акты Леонтовича II, № 452—Житомир. пов.); „Тарасъ Кубилинскій изъ себрами своими“ (А. Ю. З. Р. IV, I, с. 41—Овруцкій пов.)—Леонтовичъ почему-то просмотрѣлъ существованіе сябровъ въ Киевщинѣ—Ж. М. П. Просв. 1896 г., IV, с. 231—6.

сябрами своими Гридковичами насильно засѣли на себя всю ту ниву—его островъ: въ дѣйствительности же нивъ и сѣножатей ихъ тамъ нѣтъ—одно бортью входъ мають; и в судереви ему во всемъ од нихъ половина, такъ въ земли пашенной, якъ в бортной, в дубровахъ и въ сеножатахъ". На это Григъ и Оникій Сидковичи съ сябрами своими Гридковичами повѣдали, что въ спорномъ островѣ, ихъ отчизномъ, имъ принадлежитъ во всемъ половина. Но Солуянъ стоялъ на своемъ, утверждая, что, кромѣ входа бортью, его отвѣтки не имѣютъ части въ спорномъ островѣ, такъ какъ они владѣютъ „напротивко тому острову тежъ обрубнымъ островомъ, на имя Слышовымъ". Староста спрашивалъ Сидковичей съ сябрами ихъ: имѣеть ли петець въ островѣ Слышовѣ входъ нивою, сѣножатами и бортнымъ деревомъ? Тѣ отвѣчали, что — нѣтъ: одно только бортнымъ деревомъ, но имъ въ его островѣ во всемъ должна быть половина. Съ этимъ показаніемъ Солуянъ не хотѣлъ согласиться—и пошелъ указывать властные знаки, которыми ограничилъ еще его отецъ спорная владѣнія, когда дѣлался съ своими братьями. Дошло дѣло до присяги; но тутъ отвѣтки не устояли и пошли на компромиссъ: каждая сторона осталась при своемъ островѣ съ правомъ взаимнаго входа бортью. Староста подтвердилъ этотъ дѣлежъ на вѣчныя времена, — „а по ся зась дотычетъ дубровъ и пивнихъ ихъ неделеныхъ нивъ", относительно таковыхъ постановилъ: „маеть Солуянъ, зъ сынами своими, а ними по половици держати, за межами старыми, водлугъ стародавнаго обычаю, на вѣчине часы" ¹⁾.

На выше приведенномъ документѣ можно иллюстрировать всѣ главнѣйшія черты сябриннаго землевладѣнія. Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ тремя семьями: съ одной стороны, съ Солуяномъ Сидоровичемъ и его сыновьями; съ другой—съ сябрами его: братьями и дѣтьми Сидковичами и съ третьей—съ сябрами этихъ сябровъ — братьями Гридковичами, а всѣ имѣеть составляютъ одну сябринную общину Невмирицкихъ. Разными частями земли они владѣютъ на разныхъ основаніяхъ: острова—м. б. потому, что они обрубные—сябренники подѣлили пополамъ, предоставивъ другъ другу

¹⁾ А. Ю. З. Р. IV, I, № 12.

только право входа бортями; другія же земли остаются въ ихъ снопольномъ, судеревномъ пользованіи, но, повидимому, и здѣсь были какіе-то признаки, которыми обозначались владѣнія одной группы членовъ отъ другой. Далѣе, изъ факта переуступки Сидковичами обрубнаго острова Сидоровичамъ можно заключить, что извѣстныя части владѣній, м. б. разработанныя самостоятельно, гдѣ-нибудь въ сторонѣ, составныя группы общины сохраняли за собою право, съ согласія своихъ членовъ—„зупольной мощи и порученія брати"—уступать другимъ. Наконецъ, что касается службы, то изъ даннаго акта видно, что она раздѣлялась составными группами общины въ части, соответствующей ихъ долгу въ общемъ владѣніи.

Въ дѣйствительности, разумѣется, комбинаціи могли быть еще болѣе разнообразными. Община, напр., могла жить однимъ хозяйствомъ, или подѣливши общинныя группы на извѣстныя доли,—и въ то же время нести совместно повинности; отдѣльныя группы общины могли имѣть своихъ потужниковъ и т. п. ¹⁾.

¹⁾ Подробности и замѣтки—у *Лувинскаго* Сибири и сябринное землевладѣніе въ Малороссіи (Сѣв. Вѣст. 1889 г. I, с. 69—82); его же *Займанщина* и формы замочнаго владѣнія въ Малороссіи (Юрид. Вѣст. 1890, III, с. 391—420); *Ефименко* Дворянское землевладѣніе въ южной Руси (Русск. Мысль 1892 г., №№ 4 и 5, перепеч. въ Сбор. Юж. Русь I); *Докторъ-Зопальскаго*—Государственное хозяйство, с. 218—19; *Лубаскаго* Областное дѣленіе, с. 449 и сл.

Недавно вышла изъ печати новая книга молодого ученаго Слабченка (Опыты по исторіи права Малороссіи, Одесса 1911), въ которой посвящено „нѣсколько словъ" и сябрамъ. Авторъ считаетъ сябровство „союзомъ экономическимъ, хотя въ него входили родственники и неродственники" (с. 288); самыя родственныя отношенія между сябрами, по его мнѣнію, возникли „не столько изъ первоначальной заимки, сколько изъ позднѣйшаго ея роста, когда владѣльцы идеальныя части женились между собою, вступали въ родственныя отношенія, дѣлались пріятелями", такъ что „покровенство имѣлось слишкомъ поздно, а не слишкомъ рано" (с. 290). Въ вопросѣ о происхожденіи сябровства какъ уже извѣстно читателю, мы держимся иного взгляда. Не оспаривая того, что сябровство—союзъ экономическій, мы въ то же время полагаемъ, что онъ вышелъ изъ семьи: родственники сообща дѣлали заимку, а затѣмъ уже принимали къ себѣ въ сотоварищи и постороннихъ. Думать, что „покровенство имѣлось слишкомъ поздно, а не слишкомъ рано", значитъ — представлять себѣ людскія отношенія навыворотъ—

Въ 1507 г. кор. Сигизмундъ пожаловалъ кн. К. Острожскому въ Житомирскомъ пов. Чудновъ съ боярами, мѣщанами, слугами и съ людьми волости Чудновское тиглами и данными¹⁾ (с. 1). Люди тиглые и данные—это двѣ основныя категоріи, на которыя можно подѣлить крестьянское население. Въ качествѣ третьей равноправной категоріи сюда можно было бы, пожалуй, еще присоединить слугъ, но мы ради системы выделяемъ слугъ въ особый разрядъ, вѣщающійся землянствомъ, разсмотрѣніе котораго оставляемъ на послѣдую. Въ категорію данныхъ людей мы относимъ тѣхъ, которые платятъ дани, но не обязаны тиглой службой на господарскихъ и владѣльческихъ фольваркахъ. Обязанные подобной службой входятъ въ нашу категорію людей тиглыхъ. Впрочемъ, это дѣленіе, какъ и всякое другое; есть вещь условная, и мы различаемъ людей тиглыхъ отъ данныхъ только ради удобства изложенія, хотя такое различіе въ то же время не стоитъ въ противорѣчіи съ документами²⁾.

Данники иногда носили спеціальныя названія—бортничковъ, куничниковъ, ловцовъ, смотря потому, какимъ промысломъ они занимались. Для насъ здѣсь не такъ важны эти самыя названія, какъ то, какія же именно дани платили кievскіе данники въ разсматриваемый періодъ?

будто чужіе, хотя бы то и въ цѣляхъ экономическихъ, сходится спорѣ, чѣмъ родственниши.

1) А. З. Р. II, № 29, 1.

2) По вопросу о классификаціи населенія въ нашей литературѣ была поднята полемика Любавицкыи—противъ Бершадскаго (Областное дѣленіе, с. 318, 336) и Леонтовичемъ противъ Любавицкаго (Ж. М. Н. Пр. 1897, IV, 409—14), но она не имѣетъ подъ собою твердой почвы, такъ какъ акты Литовскаго періода строгой классификаціи населенія не придерживаются. Въ однихъ случаяхъ въ нихъ противопоставляются другъ другу только два разряда людей—служебный и данный (Акты Леонтовича II, № 525—7 человекъ „служебныхъ и не-данныхъ“) или данный и тиглый (Акты Леонтовича I, № 41—селище „не тиглое и не данное“, въ другихъ—три: данный, служебный и тиглый (Акты Д.—З. № 91—18 человекъ „данныхъ и тиглыхъ, а 2 слуги поселенныхъ“). При такомъ положеніи источниковъ всякому изслѣдователю должна быть предоставлена полная возможность классифицировать населеніе такъ, какъ то окажется наиболѣе удобнымъ въ цѣляхъ его изложенія.

Наиболѣе распространенной формой дани была, разумеется, медовая. По известной запискѣ о денежныхъ и медовыхъ даняхъ нѣсколько десятковъ сель платили въ пользу митрополичьей канцеляріи исключительно медовую дань, измѣряемую короманами¹⁾. Это было въ началѣ XVI вѣка. Въ древнѣйшей люстраціи также есть нѣсколько сель—въ полномъ ли составѣ, или въ какой-либо части—платившихъ исключительно медовую дань (Ловковъ, Кропши, Костешовъ и др.). Изъ еще болѣе ранняго времени мы имѣемъ грамоту вѣроитно, Овруцкаго князя Василя Владиміровича, въ которой упоминается 6 сель въ сторонѣ Припяти, и вѣдъ шесть платятъ исключительно медовую дань въ пользу Овруцкой церкви²⁾. Наконецъ, изъ люстрацій полов. XVI вѣка видно, что медовая дань и въ это время была наиболѣе распространенной въ Киевской землѣ.

Пчеловодство было только одной, хотя и наиболѣе распространенной отраслью промышленности въ разсматриваемый періодъ. Вѣдъ другія отрасли въ также служили предметомъ обложения: ихъ продуктами также нередко уплачивались дани; напр., люди с. Романова въ Житомирскомъ пов., согласно показанію Дмитрія Александровича, платили дань медовую (а 12 злениць шеретю³⁾; люди обѣихъ половинъ с. Заховичъ, по показанію Счастнаго Полозовича, платили по 4 бобра и по 2 жуница⁴⁾. Платы грошовыя, медовыя, куничныя и липичныя поименованы въ господарскихъ привилегіяхъ разнымъ лицамъ—на с. Гостомль, въ Киевскомъ пов. на с. Тулишовичи въ Мозырекомъ, на Чудновъ и Зягалы въ Житомирскомъ, на Жужинъ въ Остерскомъ и во многихъ другихъ документахъ разсматриваемаго времени⁵⁾. Вообще эти дани были обычными въ Киевской землѣ.

Въ 1499 г. Кнута Александровичъ просилъ у господаря села въ Житомирскомъ пов. на имя Коростешевъ, приехать

1) А. З. Р. I, № 26.

2) Грамоты Антоновича № 37.

3) Акты Леонтовича II, № 717.

4) Акты Д.—З. № 93 = Акты Леонтовича II, № 719.

5) А. З. Р. I, 171; Акты Д.—З. № 95 = Леонтов. II, 747; А. З. Р. II, № 23 = Arch. Lub.-Sang. I № 117 и III, № 79; А. З. Р. I, № 72; Arch. Lub.-Sang. III, №№ 123 и 360 и др.

повѣдалъ, что жители его даютъ дани „только полтрети ведра меду и осмь ведеръ *полюдыя*“¹⁾. *Полюдые* мы встрѣчаемъ и въ другихъ документахъ, имѣющихъ отношеніе къ Кіевской землѣ. По всему видно, что эта подать была весьма распространенной здѣсь²⁾. Но каково ея происхожденіе? О князьяхъ X в. мы имѣемъ свѣдѣнія, что зимой они ѣздили по подчиненнымъ волостямъ „полюдовать“, т. е. за сборомъ дани, причемъ продовольствованіе князей съ ихъ дружиной въ теченіе всего времени *полюдованія* возлагалось на мѣстное населеніе³⁾. Отсюда и названіе самой дани, по способу ея сбора — *полюдые*. Обычай *полюдованія* сохранился въ иныхъ мѣстахъ Кіевской земли еще и въ XVI в. Въ 1509 г., напр., старецъ и вся волость Бчицкая докладывали кор. Сигизмунду, что „заванна“ у нихъ быть такой порядокъ: „коли бывало, намѣстникъ Мозырскій пріѣдетъ въ году на *полюдые* свое, и они на него съчиывали носатку меду, а по лиценци даивали съ кожного дыму“⁴⁾. Съ теченіемъ времени обычай *полюдованія* вывелся, такъ какъ онъ сопровождался массой злоупотребленій. По люстраціи 1552 г. Бчицкая волость платитъ уже *полюдые* и *звладѣ* — очевидно, взаменъ *полюдованія*: „изъ Бчицкой волости за уѣздъ старостинскій або писарскій, за рубль уѣздный, за 1/2 кади меду, за яловину, за кури, за гуси, за овесъ, за сено, и всякие живности, *чтобы мель по волости владати*, даютъ 10 коп. гр., а *полюдыя* за всей волости Бчицкой плати на каждый годъ 25 копъ гр.“⁵⁾.

Съ переходомъ сель въ частныя руки обыкновенно и всѣ сборы, взимавшіеся прежде на господаря, обращались на новаго владѣльца. Но *полюдые*, какъ и слѣдующая *подымщина*, кажется, еще въ началѣ XVI в. „вынимались“ на господаря. По крайней мѣрѣ въ отказной Сенька Романовича Пустынекому монастырю на свою часть въ с. Шепеличахъ мы встрѣчаемъ такое выраженіе: „а тыи мѣ люди даивали...

¹⁾ Акты Леонтовича II, № 452.

²⁾ А. Ю. З. Р. I, VI, № 5; VII, II, № 1.

³⁾ Ипат. лѣт. с. 34, ср. с. 521; De administr. imperio Констан. Порфиророднаго цар. IX, въ переводѣ Ласкина с. 75.

⁴⁾ Любавскій Прилож. № 17 къ Областному дѣленію.

⁵⁾ с. 623.

полюдые... и на господаря *полюдые*“¹⁾. Если—такъ, то время перехода *полюдной* подати въ руки частныхъ владѣльцевъ намъ не извѣстно.

Столь же давней податью, какъ и *полюдые*, была *подымщина*. О давности ея мы уже говорили. Здѣсь только слѣдуетъ сдѣлать нѣкоторыя любопытныя сопоставленія о предметѣ обложенія *подымной* податью.—Въ начальной лѣтописи, на с. 11, мы читаемъ, что Козаре „имахуть на Полинехъ и на Сѣверехъ, и на Витичахъ... отъ дыма“. Дальше, когда Святославъ налѣзъ на Витичей и спросилъ ихъ, кому они даютъ дань, то получили отвѣтъ: „Козарамъ—*отъ рала*“²⁾. Наконецъ, когда Владиміръ побѣдилъ Витичей, то, по словамъ той же лѣтописи, „наложи на ня дань *отъ плуга*, яко же отецъ его ималъ“³⁾. Сопоставляя всѣ эти данныя, мы въ правѣ вывести, что *подымщиной* въ древности называлась подать, которую платили *землепашцы*. Обратившись теперь къ древнѣйшей люстраціи Кіевской земли, мы находимъ то же самое. Относительно с. Ловкова, напр., мы въ ней читаемъ: (данники даютъ медъ, а) „неданьныхъ людей, што пашуть, 18 человекъ, тые вси *подымщину* даютъ“. Подобное же и относительно Крошии: „тые вси *подымщину* даютъ, што озимъ пашуть“. Отсюда понятно, почему *подымщину* мы встрѣчаемъ въ Черкасскомъ пов. только въ двухъ селахъ (Колтыгаево, Совинь); очевидно, *земледѣліемъ* тамъ мало занимались.

Судьба *подымщины* такова же, какъ и *полюдыя*. Въ то время, какъ всѣ другія подати, съ пожалованіемъ *господарскихъ* людей, переходили въ руки ихъ новыхъ владѣльцевъ, *подымщина* продолжала взиматься на *господаря* до самаго конца 20 г.г. XVI ст. Еще въ подтвердительной Сигизмунда кіевской шляхтѣ отъ 1507 г. *подымщина* оставлена, „какъ будетъ было за вел. кн. Витовта“⁴⁾, и только подтвердительной грамотой отъ 1529 г. люди владѣльческіе уволены отъ этой подати въ пользу своихъ владѣльцевъ: „а *подымщину*

¹⁾ А. Ю. З. Р. I, VI, № 5.

²⁾ Ипат. с. 42.

³⁾ Ibid. с. 54.

⁴⁾ А. Ю. З. Р. II, № 30.

людямъ ихъ намъ господарю не давати: низьки мають они паномъ своимъ давати, хто кому служитъ" ¹⁾).

Нѣсколько новыхъ видовъ податей мы встрѣчаемъ въ привилеѣ кор. Александра Счастному Полозовичу на с. Заховичи въ Мозырскомъ повѣтѣ. По сознанию Счастнаго Полозовича, жители этого села, кромѣ грошовой, медовой, бобровой и куничной дани, платили еще господарю 13 гр. воловщины, а 2 гр. паньского, а доводничого, а тивунщины" etc. ²⁾. Воловщина въ данномъ случаѣ, очевидно, означаетъ то же, что въ люстрации 1571 г. болкуновщина, но что такое самая эта болкуновщина? — Въ малорусскомъ слово: „бокунъ" означаетъ одноуприжного вола, которымъ и доселѣ ѣздятъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Киевскаго Полѣся. Отсюда народная поговорка о разорившемся хозяинѣ: „бывъ колісь хозяйн, а теперъ бокуномъ ізидить" ³⁾. Не зная происхожденія термина, Довнаръ — Запольскій впалъ въ большую ошибку, полагая, что болкуновщина, какъ и равнозначная ей воловщина, — это подать посонная ⁴⁾. Въ дѣйствительности же не съ сохи (воловою), а съ рогатаго скота вималась эта подать, и не лошадыми, какъ утверждаетъ Леонтовичъ ⁵⁾, а только скотомъ. Впоследствии воловщина была переведена на деньги.

Паньское — обыкновенно повинна, взимающаяся отъ продажи того, что мѣрилось. Здѣсь она, очевидно, обозначаетъ постоянную подать. Доводничое — повинна судебнымъ приставамъ (дѣцкимъ); другое имя ея — *дыкованье*. Обыкновенно она вималась въ каждомъ частномъ случаѣ по расчету разстоянія ⁶⁾, но въ данномъ разѣ, очевидно, обозначаетъ постоянную подать. Тивунщина — повинна тивуну (судбно-административная должность, извѣстная еще изъ предыдущаго періода ⁷⁾).

¹⁾ А. З. Р. II, № 164.

²⁾ Акты Д.—З. № 93=Актъ Леонтовича П, № 719.

³⁾ Словарь русско-украинскій Уманця і Свідки I, 95; Slownyk. Geogr. IV, 103; Грушевскій Історія V, I, с. 122.

⁴⁾ Государственное хозяйство, с. 113, 717.

⁵⁾ Крестьянскій дворъ, Ж. М. Н. II, 1897 г. V, с. 41—2.

⁶⁾ Акты Д.—З. № 126.

⁷⁾ Ипат. 229, 555.

Ловчее, бобровничее, соколиничее ¹⁾ — это пошлины, которыя извѣстное населеніе платило господарю за право охоты на принадлежавшихъ ему угодьяхъ. Впрочемъ, эти подати прекращали свое существованіе (если не переносились на владѣльцевъ) въ каждомъ данномъ случаѣ, когда то или другое село переходило отъ государства въ частныя руки, потому что привилеѣ киевской шляхты гласитъ: „а бобровъ (и вообще всякаго звѣря?) по церковнымъ селамъ и по княжскимъ и по панскимъ и по боярскимъ не гонити" ²⁾.

Въ люстр. 1471 г. упоминается, между прочимъ, *уроки*: „человѣкъ сидитъ на вроце, полавны въ годъ же даетъ" (Скоцище, ср. Слобода). Равнозначное этому — *чинь*, которое мы встрѣчаемъ въ привилеѣ К. Острожекому на Чудновѣ и Звиголь ³⁾. Врокъ и чинь — плата за безерочно-арендное пользованіе чужой землей. Отъ чиншевниковъ нужно отличать *куничниковъ*, которые снимали нужные имъ участки земли въ краткосрочную аренду. Впрочемъ, были куничники — и куничники. Нужно различать куниду нашенную отъ куниды шеретью, которую платили охотники отъ своего промысла.

Кромѣ перечисленныхъ нами даней, въ Киевской землѣ существовало еще и много другихъ; напр. въ Остерскомъ повѣтѣ давали по нѣсколько возовъ сѣна; въ Мозырскомъ — пшено, сиръ, масло, хлѣбъ; человѣкъ Дитятковичъ въ Черныбыльскомъ давалъ своему владѣльцу по топору и стогу сѣна ⁴⁾, по записи о денежныхъ и медовыхъ даянхъ нѣкоторыхъ селъ вноесли въ пользу ев. Софіи по куку четырехпиднаго сукья и т. п. Вообще дани были самая разнообразныя.

Разнообразенъ былъ не только составъ даней, но и величина ихъ, такъ что подвести ихъ къ одному знаменателю нѣтъ никакой возможности, тѣмъ болѣе, что за отсутствіемъ инвентарей мы не знаемъ цѣнности угодій, съ которыхъ платились дани. Общее же впечатлѣніе отъ документовъ, относящихся къ данному вопросу, получается такое, что дани

¹⁾ А. Ю. З. Р. VII, I, № 85; II, № 1.

²⁾ А. З. Р. II, № 30.

³⁾ А. З. Р. II, № 23=Arch. Lab.-Sang. I, № 117; III, № 79.

⁴⁾ Акты Д.—З. № 21=А. Ю. З. Р. VIII, IV, № 14.

въ Киевской землѣ разсматриваемаго періода были весьма легкими и не обременительными для сельскаго населенія.

Тяглыми или работными крестьянами мы называемъ тѣхъ, которые отбывали панщину (напр., въ древнѣйшей люстр.: с. *Рудники*—9 человекъ и все новые люди тяглые, еще волн не выселили, а какъ волку выселять, и они будутъ подымщину давати и на толоку будуть ходити¹⁾). Разрядъ тяглыхъ людей въ Киевщинѣ вообще не могъ быть значительнымъ, такъ какъ для этого требуется широко поставленное дворное хозяйство, а его—то здѣсь, въ силу извѣстныхъ уже намъ условій, какъ разъ и не было. Поэтому, даже и въ тѣхъ немногихъ мѣстахъ, гдѣ мы встрѣчаемся съ тяглыми, ихъ работная повинности не велики.

Самая легкая панщина, которую мы встрѣчаемъ въ древнѣйшей люстраціи Киевской земли, — это однодневная толока, иногда даже на господарскомъ хлѣбѣ и медѣ. „Ходить на толоку“ или „ходить съ топоромъ и косою“ — такъ опредѣляется здѣсь эта повинность. Кромѣ толоки, люди тяглые давали еще подымщину (напр., въ с. *Иванковъ*: „11 тяглыхъ на толоку ходитъ, а подымщину даютъ“). Иногда къ этому присоединялись еще и замковыя работы (напр., жители с. *Тетеровки* „подымщину даютъ, а на толоку на одну ходятъ, а городъ робятъ“). Больше никакихъ тяглыхъ повинностей въ этой люстраціи мы не встрѣчаемъ, хотя, несомнѣнно, въ другихъ мѣстахъ Киевской земли онѣ существовали.

Въ документахъ позднѣйшаго времени мы встрѣчаемъ тяглыхъ крестьянъ въ Овруцкомъ, Чернобыльскомъ и сѣверной части Киевскаго повѣта. Относительно Овруцкаго повѣта мы имѣемъ по данному вопросу два документа: о Лазоркѣ Мошковицѣ (1496 г.) и о Давидковичахъ (1501)¹⁾. Лазоръ Мошковицъ, кромѣ подымщины и помѣрного, косилъ 3 дня сѣно и жаль 3 дня жито въ пользу своихъ владѣльцевъ. Давидковичи, кромѣ медовой дани, обязаны были по 3 дня въ году орать, жать, свозить нажатое, молотить, косить, колоть ледъ, городить городъ и служить разныя другія службы. Для Чернобыльскаго повѣта мы имѣемъ всего одинъ

¹⁾ Акты Д.—З. № 42—Леонтовича I, № 267; II, № 594.

документъ: это — дарственная Семена Романовича Николо-Пустынскому монастырю на свою часть въ с. Шелеличахъ¹⁾. Кромѣ разнообразныхъ податей, какъ о: потдымщины, обивѣтки, полюдья, ловчому, бобровнику, жалуемые должны были давати на монастырь человекъ съ топоромъ „отъ снѣгу до снѣгу“, косить совмѣстно 6½ стоговъ сѣна и „сани дровни—зима имъ давати, а зима—не давати“. О тяглыхъ людяхъ въ Киевскомъ повѣтѣ мы почерпаемъ свѣдѣнія изъ люстраціи полов. XVI в. Такой разрядъ крестьянъ существовалъ тамъ въ двухъ селахъ: *Демидовцахъ* и *Петровцахъ*. Тяглыми обязанности жителей этихъ селъ заключались въ томъ, что они отъ 2 до 4 дней въ году орали, отъ 5 до 10 коп. жали, косили по нѣсколько стоговъ сѣна и прятали ледъ на замокъ. Кромѣ того, они еще платили медовую и грошовую дань.

Вотъ и всѣ данныя, какія мы имѣемъ о разрядѣ тяглыхъ крестьянъ въ Киевской землѣ. Данныхъ этихъ немного, и они не одновременны: одни идутъ изъ XV в., другіе—изъ XVI. Это обстоятельство не даетъ возможности построить какихъ-либо строго опредѣленныхъ выводовъ о положеніи тяглыхъ крестьянъ въ разсматриваемой области. Но, принимая во вниманіе совокупность всѣхъ условій экономической и политической жизни данной страны, едва-ли мы ошибемся, выставивъ два положенія: а) разрядъ тяглыхъ былъ весьма незначительнымъ и в) тяглыя повинности — очень легкими.

Мы разсмотрѣли положеніе крестьянскаго населенія съ точки зрѣнія податей и повинностей. Въ этомъ отношеніи оно разбивалось на двѣ категоріи: людей данныхъ и тяглыхъ. Но то же крестьянское населеніе можно разсматривать еще и съ другой точки зрѣнія—права. Тутъ само собою выдвигаются два основныхъ вопроса: а) на какихъ основаніяхъ крестьянинъ владѣлъ землею? и в)—въ какихъ отношеніяхъ (правовыхъ) онъ стоялъ къ своимъ владѣльцамъ?

Былъ ли крестьянинъ собственникомъ земли, ея отищемъ?—Вопреки Антоновичу²⁾ и Владимірекому—Буданову³⁾

¹⁾ А. Ю. З. Р. I, VI, № 5, 1507 г.

²⁾ А. Ю. З. Р. VI, II, с. 18, 19.

³⁾ Чтения въ Обществѣ Нестора лѣт. VII, с. 41, 42 и др.

слѣдуетъ полагать, что — и въ, хотя иногда крестьянамъ и удавалось фактически производить разныя операціи съ своими землями, какъ бы съ собственными. Земля прежде всего принадлежала господарю. Отчужденіе государственныхъ земель въ частныя руки, хотя бы на нихъ сидѣли крестьяне — отщичи, — является вел. кн. Александръ въ своемъ вырокѣ по поводу тяжбы Путивлятъ съ Васькомъ Жеребятичемъ — «то есть въ нашей воли господарской»¹⁾. «Кметъ и вся его маетность — наша», гласитъ устава на волоки²⁾. Этотъ порядокъ вещей признавался и самимъ населеніемъ. Когда черкасскихъ мѣщанъ спрашивали имѣютъ ли они властныя земли? — то тѣ отвѣчали, что својеho niczoho не мајем — одно: Božie i hospodarskie³⁾. Но господарь, какъ известно, могъ отчуждать государственный земли въ пользу частныхъ лицъ, «со всемъ правомъ и панствомъ, ничего на себе не выймаючи». Для крестьянъ т. о. не оставалось никакихъ владѣтельныхъ правъ на землю: «мужикъ покулъ добръ, потуль есть отщичъ»⁴⁾.

Не имѣя точки опоры въ землѣ, крестьянинъ въ то же время былъ лишень поддержки и въ судѣ. «Мы на то право дали всей землѣ Киевской, што вридикъ нашъ не маеть слугъ и людей князьскихъ и боярьскихъ ни судити, ни ридити», писалъ вел. кн. Александръ своему Черкасскому наместнику: своихъ людей судить сами владѣльцы⁵⁾.

Разъ дѣло обострало такъ — а оно обострало именно такъ, — то отсюда естественнымъ становился переходъ къ закрѣпощенію крестьянъ. Не хотѣлось человѣку, особенно если онъ сѣлъ на сыромъ корнѣ, бросать его потомъ воздѣланный участокъ, а выйти съ нимъ изъ — поды пана, нельзя было — онъ и оставался служить своему владѣльцу. Оставался — и засиживался. Проходило такимъ образомъ лѣтъ 10—15 или больше; помѣщикъ привыкалъ видѣть даннаго крестьянина на своей землѣ и поды своимъ присудомъ. Само

¹⁾ Акты Леонтовича II, № 511.

²⁾ Памятники Киев. II, § 29, с. 119—А. З. Р. III, № 19, § 36, с. 83.

³⁾ А. Ю. З. Р. VII, II, № 18, с. 374.

⁴⁾ Акты Виленск. пом. т. XVII, № 292. Подробнѣе объ этомъ у Любавскаго — Областное дѣленіе с. 387—9, 400 и др.

⁵⁾ А. З. Р. I, № 190.

собою отсюда выработывалось представленіе о такомъ засѣдѣломъ человѣкѣ, какъ о непохожемъ; и человѣкъ, какъ земля, долженъ былъ принадлежать владѣльцу. Разумѣется, самъ собою фактъ засѣдѣнія, вопреки установленному мнѣнію¹⁾, не могъ сдѣлать человѣка непохожимъ; но онъ да-

¹⁾ Высказано въ категорической формѣ Любавскимъ (Областное дѣленіе, с. 379 и сл.), принято Леонтовичемъ (Ж. М. Н. П. 1896 г. X, 190) и Владимѣрскимъ Вудановымъ (Обзоръ исторіи русскаго права, с. 147). Полемизируя съ Леонтовичемъ, который одно время центр тяжести въ процессѣ закрѣпощенія крестьянъ полагалъ въ экономической зависимости отъ своихъ владѣльцевъ (Киев. Унив. Изв. 1863 г. X, 18, 21), Любавскій пытался основать весь этотъ процессъ на понятіи давности, но доказательства, которыя онъ приводитъ, не совсемъ торопитъ въ пользу автора. Во многихъ вырочкахъ, гдѣ онъ имѣетъ дѣло съ давностью (Любавскій ор. с. 392), центр тяжести заключается не въ томъ, что прошла эта самая давность, а въ томъ, что субъекты ея многократно допускали трактовать себя, какъ несвободнаго, т. е. самъ призналъ себя таковымъ a silentio, а это, — и именно это — давало судьямъ гарантію въ томъ, что выламывающійся въ данномъ случаѣ изъ крѣпости человѣкъ былъ дѣйствительно крѣпостнымъ; но достаточно было такому старожилу показать «удостовереніе или записъ своего вольнаго состоянія», чтобы повернуть дѣло въ свою пользу (Любавскій, Очеркъ исторіи Литовско-русскаго государства, с. 104). Что принципъ давности не имѣлъ того достоящаго значенія, какой ему приписываетъ Любавскій, видно, какъ изъ господарскихъ вырочковъ въ пользу отщичей (= крестьянъ), приводимыхъ Леонтовичемъ (по дѣлу Осташиковича и Нова — Ж. М. Н. П. 96 г. XII, 155—6), такъ и изъ контекста привилегій, указываемыхъ Любавскимъ: «а если отщичи тыхъ земель вышутся, а востовлять имъ ни отщичахъ своихъ жонъ (парянтъ: до него прийти)», и они мають емужь въ тыхъ земляхъ служити» (с. 397, 410). Но не достаточно было одного желанія прихожаго отщича служить прежнему владѣльцу: о каждомъ такомъ прихожемъ нужно было еще бить челомъ господарю, чтобы дозволить удерживать его за собой (Областное дѣленіе, с. 410—411). Очевидно, эти отщичи не считались отщичами въ томъ строгомъ смыслѣ, въ какомъ ихъ разумѣетъ Любавскій. Они сохранили право выхода, только, можетъ быть, ограниченное землями, на которыхъ лежала подобная же служба съ тяглами — на типичныя (по аналогіи съ отщичами Московскаго государства, о которыхъ дѣльная сообщенія приводитъ проф. Серѣвничъ въ своемъ новомъ трудѣ: «Древности русскаго земледѣлія», въ Ж. М. Н. Просв. 1901, IV, с. 334 и сл.). Изъ нашего запаса документовъ мы можемъ указать одинъ, въ которомъ своевольный уходъ отщичей трактуется, какъ явленіе нормальное. Въ 1544 г. Прокопъ Угрюмовскій астаивается своей женой Орпѣй Волбасовицѣ за «поличенные» гроши село Котчица и человекъ своей части въ Велавскѣ, съ такимъ примѣчаніемъ: «а если бы который че-

валъ помѣщику поводъ стараться о томъ, чтобы получилъ именно этотъ результатъ. Наилучшій же способъ къ тому— всевозможныя льготы при осаживаніи людей прихожихъ, затѣмъ—суды въ послѣдующее время, въ которыхъ (судбахъ) крестьяне всегда имѣли нужду, въ виду постоянныхъ неприятельскихъ опустошеній; далѣе— кабалныя записи по тому или другому случаю; наконецъ, и явныя злоупотребленія, вытекавшія изъ судебной юрисдикціи помѣщика, — все это въ связи съ засѣдніемъ могло вести крестьянина къ закрѣпощенію.

Такимъ образомъ произошли люди непохожіе, т. е. лишенные права выхода. Правовое положеніе ихъ достаточно выясняется изъ привилегій кievской шляхты, въ которомъ сказано: „а имъ нашихъ людей, а ни Литовскихъ, не пріймати, а намъ церковныхъ людей и князскихъ и панскихъ за себе не пріймати, отчизныхъ людей непохожихъ“¹⁾. Въ противоположность этому, людьми похожими будутъ тѣ, которымъ предоставлялось право выхода; отказывается, напр., с. Гатное „со всемъ тамъ, што къ тому имѣнью Гатному прислухаетъ, окромъ людей, што въ томъ имѣнью добровольныи естъ похожи“²⁾.

Въ нашемъ запасѣ мы находимъ только одинъ документъ, въ которомъ встрѣчаются непохожіе люди. Это — отказная Сенька Романовича Николо-Пустьинскому монастырю на свою часть въ с. Шепеличахъ— „отчизныи властныи не похожии люди, на имя: отамана Васля Гридковича, а Семена Микитича а Отрохима Семеновича, а Семена Турмановича“³⁾. О повинностяхъ этихъ людей сказано выше. Но здѣсь же слѣдуетъ замѣтить, что едва-ли непохожихъ людей въ Кіевщинѣ было много: при первомъ же серьезномъ неу-

ловѣкъ мой отчизный съ того имѣня, за держани жены моеи, прочъ гдѣ поволю, тогда и сама, дѣти и близкіе мои того на жене моеи поскивати не маемъ“ (А. Ю. З. Р. VI, I, № 11). Очевидно, уходъ отчичей былъ настолько частымъ, что его приходилось имѣть въ виду въ каждомъ частномъ случаѣ и, хотя онъ сопряженъ былъ съ убытками для владѣльца, но приходилось отказываться отъ ихъ возмѣщенія. Однако предусмотрительность не мѣшаетъ— и дѣлается примѣчаніе.

¹⁾ А. Ю. З. Р. II, № 30.

²⁾ А. Ю. З. Р. I, № 178.

³⁾ А. Ю. З. Р. I, VI, № 5.

довольствіи на своихъ хозяевъ они имѣли полную возможность скрыться отъ ихъ преслѣдованій въ безбрежныхъ степяхъ.

Отъ людей непохожихъ слѣдуетъ отличать людей *невольныхъ*, или *челядь*. Довольно многочисленная въ періодъ до-Монгольской, челядь послѣ Татарскаго погрома почти вся растворилась въ массѣ свободнаго населенія. Но, разумѣется, въ частности и въ рассматриваемый періодъ были причины, которыя иногда приводили къ рабству. Изъ нихъ Статутъ 1529 г. признаетъ легальными только четыре; а) рожденіе отъ раба; б) плѣнь; в) замѣну рабствомъ смертной казни и д) сознательный бракъ свободнаго на рабѣ, равно какъ и обратно¹⁾. Въ числѣ нелегальныхъ, но фактически дѣйствовавшихъ причинъ, были: обращеніе въ рабство за вину, не влекущую за собой смертной казни,—за долги, продажа дѣтей родителями или самопродажа во время голода²⁾.

Впервые мы встрѣчаемся въ нашихъ документахъ съ рабскимъ населеніемъ въ люстр. 1471 г. Это такъ называемая „челядь невольная“, работавшая на господарскихъ фольваркахъ. Число ея было незначительно (напр., въ Чудновѣ—5 человекъ, не считая дѣтей, въ Житомирѣ—4, въ Костешомѣ—6 и столько же, повидимому, въ Грезанахъ). Челядь иногда носила и особыя названія— „паробковъ“, „жонковъ“ (напр., въ Житомирѣ— „челяди 2 паробки, две жонки“; въ Чудновѣ— „челяди 2 паробка и 3 жонки“). Послѣ люстр. 1471 г. мы больше съ челядью въ Кіевской землѣ не встрѣчаемся: ни въ люстраціяхъ, ни въ другихъ актахъ о ней нѣтъ и помину. Очевидно, челядь перешла въ разрядъ тяглыхъ непохожихъ людей и скорѣе всего— по тому пути, какой указанъ въ нѣскольکو запоздаломъ постановленіи Статута 1588 г.: (челядники) „мають быти осаживаны на земляхъ, а розумены быти за отчичовъ“³⁾.

Чтобы покончить съ крестьянствомъ, намъ остается еще сказать о судѣ и объ управленіи.

Каждый крестьянинъ по закону и сложившемуся обычаю подлежалъ присуду своего владѣльца. Выше мы при-

¹⁾ Временникъ Москов. Общ. Исторія и Др. XVIII, XI, § 15.

²⁾ *ibid.* §§ 7 и 11.

³⁾ Чтенія Москов. Общ. Ист. и Др. XXIII, XII, § 21.

вели по этому поводу выдержку из листа вел. кн. Александра, указывающую на какое-то право, данное всей Киевской землей, которое до нас не дошло, если только оно не тождественно съ известным привилеем киевской шляхты. Въ подтвержденіи этого привилея (1507 г.), пожалованнаго еще при Казимирѣ — вѣроятно, вскоре по уничтоженіи Киевскаго удѣла — по вопросу о присудѣ есть такая статья: „а на церковные люди и на князские и на боярские дѣцки не давати: первѣи обоелати листомъ, шобы къ праву стати, а любо человека поставити; а не стати, а любо человека не поставити, до кого дѣло будетъ — ино тогда дѣцкога дати, а вину государю осуженую заплатити, чей будетъ человекъ“¹⁾. Судя по редакціи этой статьи, можно было бы допустить, что судили владѣльческихъ людей не сами владѣльцы, а господарские урядники. На самомъ же дѣлѣ было такъ, что господарскіе урядники судили владѣльческихъ людей только въ известныхъ случаяхъ и то не самостоятельно. „Колн зъ нашимъ человекомъ — читаемъ въ листѣ Александра — приходить князьскому, або паньскому, а любо боярьскому право имѣти, ино тогда уряднику нашему судити его человекъ зъ его судью“²⁾. „Вина“ отъ такого суда шла въ пользу того, чей былъ человекъ.

Таковъ былъ законъ. Исходя изъ альтернативы, что судъ можетъ принадлежать только двумъ категоріямъ — правительству или помѣщикамъ, — господарь передаетъ юрисдикцію надъ владѣльческими людьми въ руки этихъ послѣднихъ. Но здѣсь еще не предусматрѣна третья возможность — судебная компетенція самихъ людей. Между тѣмъ акты, собранные въ XVIII в. Виленскою комиссіею, а частію разбросанные и въ другихъ изданіяхъ, показываютъ, что община принимала самое дѣятельное участіе въ отправленіи сельскаго правосудія. Въ чемъ же и какъ выражалось это участіе?

9/II 1536 г. киевскій землянинъ А. Солтановичъ просилъ кор. Сигизмунда, чтобы была занесена въ книги его жалоба на „кривды“ и „утиски“ Черкаскаго и Каневскаго староствъ Василя Тышкевича, причиненныя, какъ его имуще-

¹⁾ А. З. Р. II, № 30.

²⁾ А. З. Р. I, № 130.

ству, такъ и его людямъ. При этомъ манифестантъ затангъ: „а што дей людямъ его присудила жона 3 копы гр. на людехъ его Гощовскихъ (Овр.), и онъ дей людямъ своимъ того платити не кажетъ“¹⁾. Это единственное упоминаніе о судебной компетенціи копы въ Киевской землѣ, какое находится въ доселѣ изданныхъ документахъ. Поэтому мы, констатируя фактъ существованія подобной организаціи въ данной области по современному документу, вынуждены заимствовать характеристику копы изъ другихъ источниковъ²⁾.

Копя есть давностью установленная организація нѣсколькихъ селъ въ дѣлахъ соблюденія общественной тишины и безопасности, а также матеріальнаго возмѣщенія убытковъ, причиненныхъ правонарушителями и преступниками отдельнымъ членамъ общины. Въ составъ копы входили все свободные люди, имѣющіе земельную осѣдлость въ данномъ округѣ. Вѣдѣнію копы подлежали главнымъ образомъ дѣла, непосредственно затрагивающія хозяйственные интересы сельскаго населенія, какъ то: пограба, своевольный покосъ сѣна, присвоеніе чужихъ бортей, незаконная порубка дѣса, граничные споры, кража, поджогъ и т. п. Копя вѣдала также и дѣла о побояхъ, убійствѣ и т. п., но это уже было на второмъ планѣ³⁾. Право возбужденія дѣла принадлежало или самому потерпѣвшему, или лицу, почему-либо заинтересованному отправленіемъ правосудія, напр., уряднику или тому, на чьей землѣ случилось убійство незавѣтнаго проѣзжаго (чтобы смыть „змазу“ грунту“, т. е. оскорбленіе земли). Обыкновенно дѣло велось такъ. Допустимъ, что у кого-нибудь совершена кража. Какъ только потерпѣвшему стало из-

¹⁾ Arch. Lub.-Sang. IV, № 23.

²⁾ *Ивановскіе* — О древнихъ сельскихъ общинахъ въ Юго-Зап. Россіи. Русск. Вѣстн. 1857, III; особо изд. Киев. Археогр. ком. 1863 г., перепечатано въ Собр. соч. Г. Ефименко — Копные суды въ лѣвобережной Украинѣ. Киев. Стар. 1885, X. *Ея же* — народный судъ въ Запад. Русѣ. Русск. Мысль 1893 г. №№ 8-9. Оба изслѣдованія перепечатаны въ Сбор. Южная Русь. I. С. II. В. 1905. *Справки* — О копныхъ судахъ. Предислов. къ XVIII т. Агровъ. Вид. ком.

³⁾ Статутное законодательство о судебной компетенціи копы см. у *Леонтовича*: Крестьяне Ю.-З. Россіи по Литовскому праву XV и XVI ст. Унив. Изв. 1893 г. X, с. 40—48, XI, с. 1—7. Въ дѣйствительности же компетенція копы была гораздо шире.

вѣстно объ этомъ, онъ собиралъ, сколько могъ, людей добрыхъ изъ своей околицы и „гналъ слѣдъ“ до сосѣдняго села. Ставши на его границѣ, эта малая или „горячая“ копа извѣщала село о случившемся и просила его выслать на границу людей, чтобы они отвели слѣдъ. Если село отводило слѣдъ, то копа гнала его дальше, если же—нѣтъ, то или соглашалось выдать преступника, или предлагало „трусъ“ (поголовный обыскъ). Если же оно не дѣлало ни того, ни другого, то само должно было явиться отаѣтчикомъ передъ слѣдующей, большой, вальной, генеральной копой.

Эта послѣдняя собиралась по возможности въ полномъ составѣ хозяевъ даннаго округа и въ присутствіи урядоваго представителя, на опредѣленномъ мѣстѣ, „гдѣ въ давнихъ часовъ копа бывала“, и производила уже самый судъ на основаніи слѣдетвеннаго матеріала, добытаго горячей копой, или личныхъ показаній потерпѣвшаго. Если же преступникъ не былъ открытъ, то вальная копа сама производила дознаніе путемъ опроса всѣхъ своихъ членовъ, не знаетъ ли кто чего-либо о преступникѣ или преступленіи. Если преступникъ открывался и винился, то копа тутъ же присуждала ему возмѣстити убытки потерпѣвшаго или дозволяла примириться съ нимъ (если истецъ выражалъ къ тому желаніе). Если же виновный не сознавался въ преступленіи, то надъ нимъ производили „пробу“, или „попытъ“ — обыкновенно при посредствѣ кнѣзь („дубцовъ“) или огни. Если подсудимый обнаруживалъ коренную непорченность, являясь вообще врагомъ общественной тишины и безопасности, напр., рецидивистомъ—поджигателемъ или воромъ, то копа могла присудить его къ казни—черезъ повѣшеніе, сожженіе или даже четвертованіе. Иногда дѣло по своей сложности или по какому-либо стороннему препятствію не могло быть окончено въ одинъ разъ: тогда заповѣдывалась другая, третья или даже четвертая „завитая“ копа, которая обыкновенно и приводила его къ благополучному концу.

По окончаніи производства, копа получала съ виновнаго половину перекупа, а другую отсылала—или владѣльцу осужденнаго, или въ городскій урядъ, представитель котораго (вижъ или возный) присутствовалъ при судопроизводствѣ. Реляція о копномъ судѣ, составляемая обыкновенно

урядовымъ представителемъ, заносилась въ городскія книги, при свидѣтеляхъ отъ копы.

Сельскимъ управленіемъ вѣдали: *атаманы, сотники, старцы.*

Атамановъ мы находимъ почти во всѣхъ повѣтахъ Кіевской земли: въ Черкасскомъ (люстр.), Житомирскомъ (люстр.), Кіевскомъ (люстр.), Овруцкомъ ¹⁾ и Чернобильскомъ ²⁾. Въ Остерскомъ повѣтѣ не имѣемъ свѣдѣній, а въ Мозырскомъ атаманы, повидимому, носили названіе *мужей*, иногда съ предикатомъ: „старшій“ ³⁾.

Кого же мы должны разумѣть подъ титуломъ атамана?

Первое извѣстіе объ атаманахъ мы находимъ въ литовско-русскихъ лѣтописяхъ, въ разсказѣ о событіяхъ XIV в. „Тыи три брата у Ордѣ пановали, а отчычи и дѣдичи были Подольскіе земли, а одъ тыхъ положени были на Подолі атаманы, которые вси доходы завѣдали; къ нимъ прѣзжали баскаки Татарскіе и, въ тыхъ атамановъ беручы дани, к Ордѣ возжывали“ ⁴⁾. Отсюда естественно выводить и самое названіе атамановъ—отъ татарскаго слова „одамонъ“, что значитъ: старшій пастухъ, головной чабанъ ⁵⁾. Въ дальнѣйшемъ употребленіи это слово могло получить болѣе общій смыслъ челоуѣка начальнаго вообще, правителя, старшины.

Кѣмъ же управляли и чѣмъ распорядились эти атаманы?

Принимая во вниманіе данныя люстрацій, въ особенности же древнѣйшей изъ нихъ, мы можемъ выставить за несомнѣнное положеніе, что въ каждомъ селѣ не можетъ быть больше одного атамана. Это, слѣдовательно, правители селъ. Но понятіе правителя непременно предполагаетъ наличность людей управляемыхъ. Кѣмъ же могъ управлять атаманъ, напр., въ слѣд. случаѣ: „Селище Вчорашнее, а на

¹⁾ Котича—А. Ю. З. Р. VI, I, № 11.

²⁾ Шепеличи—А. Ю. З. Р. I, VI, № 5.

³⁾ Мозырскіе старцы заправляли цѣлой волостью; старшіе мужи по селамъ были ихъ помощниками, подобно какъ въ Каменской волости кантулы Вытвенской.—Арх. Сбор. I, № 37.

⁴⁾ Собр. лѣт. XVII, 170, 278, 328, 454.

⁵⁾ Грушевскій Барское староство 300-1, Данкевичъ Волоховская земля, с. 114 (въ Трудяхъ III арх. сѣба. т. II).

гомъ селища отамонъ сидить¹⁾ (1471)—только одинъ отамонъ, и болѣе—никто? Итакъ, мы должны допустить, что отамонъ могъ оставаться отамономъ и безъ личности подданныхъ, т. е. что онъ получалъ это званіе и соединенныя съ нимъ прерогативы еще раньше, чѣмъ приобреталъ подданныхъ. Иначе—отамонъ былъ никто другой, какъ самъ *осадій*. Правительство или частныя лица выбирали изъ среды своихъ подданныхъ или занимали на сторонѣ челоука, который соответствовалъ предъявляемымъ къ нему требованіямъ, и поручали такому челоуку приглашать поселенцевъ на пустыя селища. За эту миссію, по всей вѣроятности, осадій получалъ какое-нибудь материальное вознагражденіе, а главное—производился въ атаманъ, т. е. начальникъ села, которое самъ же имѣлъ заселить. Такъ это слѣдуетъ изъ тѣхъ данныхъ, которыя нами выше указаны. Но что было впоследствии, когда умиралъ или уходилъ первый атаманъ: выбирало ли себѣ новоосаженное село другого атамана или такой назначался самими владѣльцами,—мы не знаемъ; хотя можно предполагать, что порядокъ оставался тотъ же, т. е., что владѣльцы сами назначали атамановъ.

О функцияхъ атамановъ мы можемъ сказать только то, что они заботились о привлеченіи поселенцевъ въ свои села, а также собирали и относили своимъ владѣльцамъ слѣдующія имъ дани. О прочемъ предоставляемъ догадываться самому читателю.

Въ отъясной намѣтницѣ Путивльскаго В. Ф. Глинекаго (1500 г.) изъ с. Гатиное въ числѣ людей добрыхъ — сѣтковъ мы находимъ: сотника Хотѣньское волости Некраша, сотника Меленьскаго Грйда, а Виринское волости Матвѣя Аборака и сотника Немирьскаго сына Якова²⁾. Сотника—богарина мы встрѣчаемъ, затѣмъ, въ острерскаго Остерскаго замка³⁾. Наконецъ, въ привилеѣ кор. Сигизмунда I Филиппу Армянину на пустое селище Лисавоно въ Кіев. повѣтъ это послѣднее именуется „Бѣлогородскаго *десяткю*“⁴⁾. Десятокъ и сотня это есть дѣленіе сельскаго (и городскаго⁵⁾) населенія; десятники и сотники—стоятъ во главѣ этого дѣленія. Что

¹⁾ А. З. Р. I, № 178.

²⁾ А. Ю. З. Р. VII, I, с. 597.

³⁾ А. Ю. Р. II, № 124.

же можно сказать о томъ и другомъ на основаніи данныхъ, которыя находятся въ нашемъ распоряженіи?

Начнемъ съ того, что десятокъ и сотекіе извѣстны намъ еще изъ предыдущаго періода, начиная со времени св. Владиміра¹⁾; но какъ о происхожденіи ихъ, такъ и о характерѣ ихъ власти мы ничего положительнаго не знаемъ. Впрочемъ, для насъ интересны не столько сами сотники, сколько дѣленіе на сотни. Разъ были сотники, то, разумѣется, такое дѣленіе существовало. Къ такому именно дѣленію, какъ намъ извѣстно, Мстиславъ Д. приурочилъ свое *дочее*, наложенное имъ на Берестяны за ихъ коромолу — „*со ста* по двѣ луги меду, а по двѣ овцы, а по пятнадцать десятковъ льну, а по сту хлѣбовъ, а по 5 цевровъ овеа, а по 5 цевровъ ржи, а по 20 куръ, а потому со всякаго *ста*“²⁾.

Значеніе сотенной организаціи, констатируемой нашими документами, но ими совершенно не раскрываемой, можно уяснить себѣ только при помощи аналогіи съ подобной же организаціей въ земляхъ Галицкой Руси, на основаніи Сяноцкихъ судебныхъ книгъ. Сяноцкая сотня, по изслѣдованію проф. Линниченка³⁾, представляетъ изъ себя общину, организованную специально ради замковой службы. Самая сотня прикрѣплена къ замку, а каждый членъ ея — къ своей сотнѣ: сотня обязывается круговой порукой за исправность своихъ членовъ. За службу сотенные люди получаютъ извѣстные участки земли и опредѣленную „*заномену*“ отъ замка — инвентарь. Ограниченные въ правахъ выхода, они, однако, свободны въ распоряженіи своимъ благопріобрѣтеннымъ имуществомъ и могутъ наследовать своимъ родственникамъ. — Сотня раздѣляется на десятки, во главѣ съ десятниками, во главѣ же сотни стоитъ сотникъ⁴⁾.

Перенесемъ теперь отъ Сяноцкой сотни къ Кіевской. Въ какомъ видѣ мы должны представлять себѣ эту послѣднюю?—Если мы обратимъ вниманіе на мѣсто распространенія этой организаціи — Путивльскій, Остерскій и Кіевскій

¹⁾ Ипат. 86, 108.

²⁾ Ипат. 613.

³⁾ Черты изъ исторіи сословія въ ю.-в. Руси XIV-XV вв.

⁴⁾ Оп. с. р. 107—9.

повѣты, то аналогія между Киевской и Сяноцкой сотней для насъ покажется довольно очевидной. Въ частности, въ Путивльскомъ повѣтѣ, какъ мы уже знаемъ, было много городовъ. Нужно думать, что города эти, не вызванные промышленнымъ ростомъ страны, а исключительно стратегическими соображеніями, были незначительны по населенію, но тѣмъ труднѣе было ихъ содержать: на городское населеніе ложилось тяжкое и неудобное бремя. Для облегченія этого бремени и необходимо было организовать извѣстнымъ образомъ подзамковое населеніе. Оно было организовано въ десятки, во главѣ которыхъ стоялъ самъ городъ съ своимъ сотникомъ. Но сотня, въ свою очередь, входила въ составъ тысячи, во главѣ которой долженъ былъ стоять тысячникъ. Для Киевскаго и Остерскаго повѣтовъ допускать существованіе тысячникъ не стоить, ибо населеніе ихъ было незначительно. Но въ Путивльскомъ повѣтѣ тысячники, несомнѣнно, существовали. Это доказываютъ ханскіе ярлыки, въ которыхъ читаемъ: „дали... Курскую *тму*. Сараева сына Яголдаева *тму*“ etc.¹⁾ Изъ какихъ частей состояла Курская *тма*, намъ не извѣстно, но изъ Актвъ Литовской Метрики, изданныхъ Леонтовичемъ, мы знаемъ, что Яголдаева *тма* состояла изъ городовъ: Оскола, Милолюбя и Мужеча, а можетъ быть и еще другихъ²⁾. Очевидно, самъ Яголдай, а по немъ его сынъ—Романъ Яголдаевичъ—были темниками надъ этою *тмою*.

Что касается Остерскаго повѣта, то сотенная организація населенія въ цѣлихъ замковой службы здѣсь также была весьма кетати, ибо при Остерскомъ замкѣ ни одного разряда слугъ мы не встрѣчаемъ.

При Киевскомъ замкѣ слуги, правда, были, но въ весьма ограниченномъ количествѣ. Въ XV в. здѣсь, какъ видно изъ привилея вел. кн. Александра (1494), были и ясаичники³⁾, но затѣмъ они куда-то дѣлись, и больше мы съ ними не встрѣчаемся. А между тѣмъ, Киевскій замокъ больше, чѣмъ какой другой, имѣлъ нужду въ служебномъ персоналѣ. Можно ду-

¹⁾ А. З. Р. П., № 6.

²⁾ I, № 339.

³⁾ А. З. Р. I, № 120.

мать, что эти самые ясаичники и были организованы въ сотни для службы при Киевскомъ замкѣ.

Сотниковъ, какъ начальниковъ подзамкового населенія, естественно видѣть въ роли предводителей ополченія, составленнаго изъ сотенъ. Дѣйствительно, изъ отказной Б. Глинскаго на с. Гатное можно заключить, что сотники не чужды были этой роли. Отказная составлена, очевидно, въ походѣ: она писана на р. Мленѣ, въ 1500 г., т. е. какъ разъ въ то время, когда московскія войска вторглись въ границы Путивльскаго повѣта. Это лишний разъ доказываетъ, что въ сотняхъ мы имѣемъ дѣло именно съ организаціей населенія въ цѣлихъ замковой, а при случаѣ—и военно-полевой службы.

Въ сѣверныхъ волостяхъ Киевской земли мы встрѣчаемъ *старцевъ*. Старцы—преимущественная принадлежность Мозырскаго повѣта: „били намъ чоломъ старецъ и вся волость Бчицкая“; „жаловали намъ старецъ и вся волость Мозырская“. Но встрѣчаются старцы и въ Овруцкомъ повѣтѣ; напр. посланіе прелатовъ и канониковъ Виленскихъ о постройкѣ замка адресовано къ старцу и мужамъ Каменецкой волости¹⁾. Старцевъ мы находимъ и въ люстраціи Овруцкаго замка.

Институтъ старцевъ весьма древній. Съ нимъ мы встрѣчаемся чуть ли не на первыхъ страницахъ нашей лѣтописи. Старцы фигурируютъ уже на пирахъ Владиміра и принимаютъ участіе въ его думѣ²⁾. Нужно полагать, что и тогда они были представителями волостей, какъ и въ данный періодъ.

Каково же происхожденіе старцевъ?

Въ документахъ, относящихся къ данному вопросу, старцы почти всегда выступаютъ въ роли защитниковъ народныхъ интересовъ, совместно съ своей волостью. Такъ, около 1509 г. старецъ и вся волость Бчицкая жалуются кор. Сигизмунду на кривды и новины Мозырскихъ намѣстниковъ³⁾; они же повѣдали въ 1552 г. люстратору Мозырскаго замка о злоупотребленіяхъ мѣстныхъ державцевъ; въ 1528 г.

¹⁾ Археогр. Сбор. I, № 37.

²⁾ Пов. с. 86, 87.

³⁾ Любанскій прилож. № 51 къ Област. дѣленію.

старецъ и вся волость. Мозырекая жалуются на владѣльческихъ людей, что они „не хотятъ помочни быти в подымшине и въ робте замковой“¹⁾ и т. п. Это обстоятельство настолько бросается въ глаза всякому изслѣдователю, что даже проф. Любавскій не могъ не признать старцевъ „представителями волостей“²⁾, а въ послѣднее время онъ вынужденъ былъ согласиться также и съ тѣмъ, что старцы „были выборными мѣстныхъ мировъ“, хотя „утверждались въ своемъ званіи самимъ господаремъ“³⁾. Выборы старцевъ происходили обыкновенно весной—„межи себе по веснѣ собравшиися зъ мужми посполъ“⁴⁾. Въ кандидаты намѣчались „люди добрые а годные, кого волость похочеть и которые бы за людьми стояли и правду чинили“⁵⁾. Для населенія было далеко не безразлично, кто окажется избраннымъ, такъ какъ волостные старцы имѣли довольно широкую компетенцію; имъ, напр., принадлежала судъ (съ ограниченіями⁶⁾), они метали раскладку податей, какъ идущихъ въ господарскій скарбъ, такъ и на мѣстныя потребности, — иногда самолично, иногда при участіи всей волости и въ присутствіи урядоваго представителя (вижа)⁷⁾. Сдѣлавши разметъ, старцы, затѣмъ, выбирали дани, что съ кого слѣдуетъ, и поступали съ ними по назначенію, т. е. дани грошовыя, бобровыя и куничныя отвозили до скарбу господарскаго, а медь прѣсный—до ключа⁸⁾; подати же, собиравшиися на мѣстныя по-

1) Акты Д.—З. № 184.

2) Областное дѣленіе, с. 436.

3) Очеркъ Литовско-русскаго государства, с. 135. Последнее обстоятельство дѣлало старцевъ устройчицею передъ избравшею ихъ общиной, такъ что для нихъ открывалась возможность даже притѣвнать послѣднюю; отсюда жалобы волостей на злоупотребленія старцевъ въ родѣ, напр., того, что „старцы частымъ меты мечуть на нихъ и тѣмъ пенни беручи, на свои потребности оборочають“ (Любавскій, Областное дѣленіе, Прилож. № 51).

4) А. Ю. Р. I, № 73, с. 62.

5) Акты Д.—З. № 235. Примѣрный актъ избранія старца (Любавшанской волостью) приводитъ Довнаръ-Запольскій въ статьѣ: „Запад—русск. сельская община въ XVI в.“, с. 109.

6) А. З. Р. I, с. 171.

7) Любавскій—Областное дѣленіе, Прилож. № 51.

8) А. З. Р. II, № 75. Впрочемъ, порядокъ сбора господарской дани часто мѣнялся: то она собиравалась старцами, то—шесирами. Объ этомъ

требы, оставались въ распоряженіи старцевъ, которые расходовали ихъ по мѣрѣ надобности. Въ системѣ администраціи старцы играли посредствующую роль между урядомъ и избравшею ихъ волостью, такъ что почти все распоряженія центрального правительства относительно волостей, адресуемая господарскимъ намѣстникамъ, сообщались въ то же время и старцамъ особымъ листомъ.

см. упомянутую статью Д.—З. въ Ж. М. Н. Пр. 1897, VII и значительно дополненное издавіе ея въ Очеркахъ по организаціи западно-русскаго крестьянства въ XVI в. К. 1905, Очеркъ I.

IV.

Говоря о мѣщанскомъ населеніи Киевской земли въ Литовскій періодъ, мы будемъ кратки—во-первыхъ, потому, что мѣщанство въ разсматриваемый періодъ было не многочисленно и въ общемъ мало чѣмъ выдѣлялось изъ состава селѣнскаго населенія, а во-вторыхъ, потому, что о мѣщанствѣ довольно было говорено въ очеркахъ отдѣльныхъ повѣтовъ. Здѣсь мы поэтому предлагаемъ только резюме того, что сказано было по данному вопросу раньше, съ нѣкоторыми лишь дополненіями, которыя считаемъ необходимыми для полноты представленія о Киевскомъ (областномъ) мѣщанствѣ.

Городское населеніе, какъ намъ извѣстно, въ древности составляло общину, которая болѣе или менѣе самостоятельно рѣшала свои домашніе дѣла. „Новгородци бо изначала, и Смоленяне, и Кыяне, и Полочане, и вся власти якоже на думу на вѣча сходятся“, ¹⁾ гдѣ и обсуждались эти дѣла. Но уже тогда городская община начала разлагаться—съ одной стороны, подъ влияніемъ княжескаго уряда, а съ другой—вслѣдствіе естественной дифференціаціи въ ея собственной средѣ. Это разложеніе городской общины продолжалось и въ разсматриваемый періодъ. Оно шло въ двухъ направленіяхъ: а) городская община разлагалась въ своемъ личномъ составѣ и в) городская община разлагалась въ своихъ имущественныхъ правахъ.

Населеніе города не односторонне. Здѣсь мы видимъ бояръ, поповъ, слугъ разныхъ наименованій, людей (сельчанъ), иногда—жолнеровъ и казаковъ. Интересы тѣхъ и дру-

¹⁾ Лавр. лѣт., с. 368.

гихъ расходились. Исключеніе представляютъ только Черкассы и Каневъ, да и тамъ солидарность городекаго населенія проявляется только въ исключительныхъ случаяхъ; въ мелкой же, повседневной жизни и здѣсь чувствовался антагонизмъ не только между отдѣльными категориями населенія, какъ напр., боярство и мѣщанство (см. споры Жубриковъ съ черкасскими мѣщанами изъ-за владѣнія землей), но даже и въ предѣлахъ одной и той же категоріи: мѣщане владѣльческіе и старостинскіе, напр., враждуютъ съ мѣщанствомъ городекимъ, собственно общиной.

Итакъ, городскую общину въ широкомъ смыслѣ можно считать не существующей. Но, можетъ быть, была, по крайней мѣрѣ, хоть мѣщанская община? Эта—была, но только не въ завидномъ состояніи. Съ одной стороны—замокъ, съ другой—бояре обоюдно обезенливаютъ мѣщанскую общину, лишая ее, какъ тяглыхъ рукъ, такъ и солидарности. Имѣемъ въ виду различіе мѣщанъ по присудамъ. Одна часть закладывается за старость, другая—за бояръ. Но какъ старосты, такъ и бояре, конечно, имѣютъ желаніе извлечь изъ своихъ подданныхъ возможно большія выгоды, т. е. стараются оторвать ихъ отъ тяглой службы „посполю з мѣщанъ“, чтобы обратить ее въ свою собственную пользу. „Закрываться“ старостою или боярствомъ становится обычнымъ явленіемъ для такихъ выдѣлившихся изъ общины мѣщанъ.

Это—одна сторона медали. Если мы обратимъ вниманіе на другую, то увидимъ нѣчто подобное. „Пашуть (Черкашане) мѣщане и бояре на поли, где хто хочеть“, ¹⁾—это было такъ сначала во всѣхъ городахъ: поле принадлежало городекой общинѣ. Но въ полов. XVI в. этотъ порядокъ остался въ силѣ лишь въ однихъ Черкассахъ. Въ сосѣднемъ Каневѣ сохранилось только воспоминаніе о томъ, что когда — то земля надъ мѣстомъ была для мѣщанъ „вольна“, „нижели недавно ки. Володимиръ Путивльскій, вышодши изъ Москвы, началъ на тыхъ земляхъ съ пашень мѣщанскихъ брати десятину“ ²⁾. Въ отдаленномъ Мозырѣ не сохранилось даже и такихъ воспоминаній: „(мѣщанамъ) поле распахивати не-

¹⁾ А. Ю. З. Р. VII, I, с. 86.

²⁾ *ibid.* с. 97—8.

волью, ажъ у волошанъ, людей господарскихъ и землянскихъ просятъ, або поля земли купятъ, або закупуютъ¹⁾. Другіе города не до такой еще степени лишились своихъ земельныхъ правъ: житомирскіе мѣщане имѣютъ кое—какія пасѣки, кievскіе—дворища, выгоны и езы, но за право обладанія всѣмъ этимъ приходится вести упорную борьбу то съ урядомъ, то—съ боярствомъ. Въ концѣ концовъ и Кіевъ, и Житомиръ остаются безъ общинной земли, и только отдѣльные мѣщане сохраняютъ еще свои властные уходы и пашни.

Не смотря на все выше изложенное, Кіевское (областное) мѣщанство не сумѣло и не смѣгло стать въ положеніе чисто городского, ремесленно — торговаго сословія. Оно въ своихъ занятіяхъ въ общемъ сливается съ селянствомъ. Мы не говоримъ уже о Черкассахъ и Каневѣ, гдѣ мѣщанство пока еще выдерживаетъ борьбу съ расхитителями его общиннаго имущества, если не совсѣмъ успѣшно, то, по крайней мѣрѣ, и не совсѣмъ безнадежно. Но даже въ Мозырѣ (и Черныбыль?), гдѣ мѣщанское землевладѣніе было окончательно ликвидировано, городское населеніе занимается отчасти земледѣліемъ, отчасти промыслами, на ряду съ крестьянствомъ, и только нѣкоторая часть его всецѣло посвящаетъ себя ремесламъ или торговлѣ. Лишь одинъ Кіевъ въ этомъ отношеніи можетъ быть поставленъ на особомъ положеніи, но вѣдь только онъ одинъ и пользовался Магдебургскимъ правомъ, которое, несомнѣнно, оказывало сильное вліяніе на развитіе городского сословія.

Фактическое ограниченіе мѣщанской общины въ имущественныхъ правахъ, разумѣется, не могло не побудить его развиваться въ томъ направленіи, какое, можетъ быть, было для него не совсѣмъ желательно, но оно навязывалось обстоятельствами. Изъ нѣкоторыхъ параллелей, которыя мы приводили въ очеркахъ повѣтовъ, и которыя можно было бы еще привести, видно, что количество ремесленно-торговаго населенія въ городахъ растетъ: городъ медленно, но, повидимому, неуклонно стремится къ тому, чтобы принять образъ, какой у насъ обыкновенно соединяется съ этимъ име-

¹⁾ *ibid.* 625.

немъ. Городецкое сословіе формируется, а въ иныхъ повѣтахъ—готовится къ тому.

Какова была организація мѣщанства?

Къ сожалѣнію, на этотъ вопросъ нельзя отвѣтить со всею основательностію, но при вниманіи къ документамъ можно изъ нихъ выжать кое-что. Прежде всего нужно сказать, что, не смотря на отмѣченныя нами неблагоприятныя обстоятельства, мѣщанство—по крайней мѣрѣ, господарское—все-таки представляло изъ себя нѣкоторое цѣлое—юридическое лицо, которое могло въ качествѣ такового, какъ проявлять собственную инициативу, такъ и служить объектомъ для дѣйствій на него со стороны. Иными словами—это была община.

Во главѣ мѣщанской общины стояли *войты*, которыхъ мы неоднократно встрѣчаемъ въ роли ея представителей¹⁾. Должность войта состояла въ томъ, чтобы „межи всеми мещаны того места порядку доброго доглядати, стерегучи пожитковъ скарбу господарскому, то есть, абы были платы и доходы господарские и вины podle уставы справедливе и зуполна до скарбу господарского выдаваны, ктому при отбранью платовъ и доходовъ господарскихъ при враде завжды быти, тежъ о межу, о борть и о испашъ, и страву межи всеми мещаны доглядати“²⁾. За свою службу войтъ пользовался извѣстнымъ участкомъ земли, обремененнымъ „отъ войтъ платовъ и подачокъ господарскихъ“, а также судебными пошлинами по выше указаннымъ процессамъ. Должность войта—выборная („за прозбою всехъ мещанъ“), хотя, повидимому, нуждается въ господарскомъ утвержденіи, такъ какъ войтъ другой стороной своей дѣятельности примыкалъ къ системѣ правительственныхъ чиновъ.

Всякая общественная организація, кромѣ управленія, нуждается еще и въ матеріальныхъ средствахъ для поддержанія своего существованія; имѣла ихъ и мѣщанская община разсматриваемаго времени. Къ удовлетворенію ея потребностей служили: частію извѣстныя статьи дохода, какъ

¹⁾ Грамоты Антоновича, Прилож. № 3; А. Ю. Р. II, № 123; А. Ю. З. Р. VII, II, № 18; *ibid.* VIII, V, №№ 6, 24, 82.

²⁾ А. Ю. З. Р. VIII, V, № 86.

корчма и проч.¹⁾), частью определенныя взносы по самообложению. О послѣднемъ мы узнаемъ изъ листа короля Казимира п. Мартину Гаштольдъ о покупке дома у киевскаго мѣщанина Рога. Листъ этотъ писанъ въ 1481 году—слѣдовательно, до получения Киевомъ Магдебургскаго права и потому можетъ имѣть значеніе вообще для иллюстраціи тогдашнихъ порядковъ не только одного Киева, но и другихъ городовъ данной области. Дозволяя Гаштольдъ купить означенный домъ, король пишетъ: „а подводъ и иныхъ всякъ полатковъ мѣстекъ и разметовъ не надобѣ ему давати“²⁾. Слово: „розметъ“ въ актахъ Литовскаго періода имѣетъ спеціальныи смыслъ самообложения. Да и безъ этого дѣла ясно само собою. Разъ, напр., города ведутъ столь продолжительныя и упорныя тяжбы, какъ Черкассы со своими старостами, то имъ необходимо имѣть для этой цѣли средства, а ихъ можно было добыть, въ виду общаго дѣла, только путемъ самообложения.

Мѣщане господарскіе (какъ и замковыя), не пользовавшіеся Магдебургскимъ правомъ, подлежали замковому присуду (владѣльческіе—владѣльческому). Какія, въ частности, взаимоотношенія существовали между мѣщанскою общиною и замковымъ урядомъ, между войтомъ и старостой, мы не знаемъ и, вѣроятно, никогда не будемъ знать. Но нужно полагать, что была какая-то демаркаціонная линія, раздѣлявшая компетенцію замка и общины.

Въ иномъ положеніи находились мѣщане, пользовавшіеся Магдебургскимъ правомъ, именно киевскіе въ узкомъ смыслѣ. Магдебургское право, съ одной стороны, освобождало ихъ „отъ всякаго права и мочи и отъ насилія вѣнхъ подданныхъ вел. кн. Литовскаго, отъ воеводъ и отъ судей и отъ вѣнхъ посполите врядниковъ“ господарскихъ, а съ другой — предоставляло управленіе въ руки общины, во главѣ съ войтомъ, правда, не избираемымъ, но назначаемымъ отъ центральнаго правительства. Самъ войтъ зависѣлъ только отъ господаря. Представители отъ мѣщанской общины, подъ главенствомъ войты, составляли городской магистратъ. Соб-

¹⁾ А. Ю. Р. П., № 123; А. Ю. З. Р. VII, I, №№ 14 и 15; Любавскій Областное дѣленіе, Прилож. № 21.

²⁾ Arch. Lub.-Sang. I, № 82.

ственно магистратъ состоялъ изъ двухъ коллегій: коллегіи лавниковъ (присяжныхъ) и райцевъ. Коллегія лавниковъ, подъ предѣлательствомъ войты, вѣдала дѣла уголовныя—великія и малыя, какъ „злодѣйство, разлитіе крови, мужебойство, пожеги, взятіе члонковъ“ и т. п. Ей была предоставлена въ отношеніи этихъ дѣлъ „супольная мочъ судити и осудити, карати, и стинати, и на колъ бити и топити“¹⁾, согласно артикуламъ Магдебургскаго права. Коллегія же райцевъ, подъ предѣлательствомъ *бурмистра* (назначаемого войтомъ?), вѣдала дѣла административно — полицейскія и по частнымъ искамъ. Въ частности, въ ея компетенцію входило: приумножать общественное добро, предупреждать вредъ, угрожающій обществу; судить нововозникшія распри; смотрѣть, чтобы не было дороговизны въ пищѣ и питъѣ; карать перекупней за неисполненіе распоряженій рады; смотрѣть за пекарями и шинкарями; провѣрять мѣры и вѣсы; онекать вловъ и спротъ; не допускать азартныхъ игръ и т. п.²⁾ Каждый годъ коллегія райцевъ переизбиралась, но предварительно обязана была дать отчетъ передъ посполитствомъ въ расходо-ваніи общественныхъ суммъ.

На Магдебургское право въ земляхъ Польши и Литвы часто раздавались нареканія. Одни винятъ его въ разложениі общиннаго быта³⁾, другіе считаютъ мертворожденнымъ учрежденіемъ, совершенно не приспособленнымъ къ условіямъ даннаго мѣста и времени, а потому бесполезнымъ⁴⁾. Въ примѣненіи къ Киеву ни того, ни другого мы не видимъ. Магдебургское право здѣсь не могло быть вреднымъ, потому что связь города съ волостью въ Киевской землѣ давно уже и основательно была порвана; но оно не могло быть и бесполезнымъ, потому что, какъ—никакъ, а все-же давало го-

¹⁾ А. Ю. Р. П., № 103.

²⁾ Гроцкій *Porządek sądów i spraw miejskich prawa magdeburskiego w Koronie polskiej*. Цитируемъ по Влад.-Буданову IX, 795.

³⁾ Владимір. Будановъ, *Нѣмецкое право въ Польшѣ и Литвѣ* (Ж. М. Н. П. 1868 г. VIII, IX, XI и XII). Въ своемъ изслѣдованіи авторъ, къ сожалѣнію, не обратилъ никакого вниманія на Киевъ, и это отразилось довольно замѣтно на его конечныхъ выводахъ (авторъ, кажется, не чуялъ славянофильскихъ тенденцій).

⁴⁾ Антоновичъ, *Изслѣдованіе о городахъ Ю.-З. Россіи* (Предисловіе къ А. Ю. З. Р. V, I; перепечатано въ *Монографіяхъ*)—въ томъ же духѣ.

роду извѣстная гарантія его независимости, подѣ прикрѣ-
тѣемъ которыхъ городъ могъ управляться, мало сообразуясь
съ артикулами Магдебургскаго права, — на основаніи обыч-
наго права. Во всякомъ случаѣ мы не только не замѣчаемъ
упадка Кіева подѣ Магдебургскимъ правомъ, но напротивъ,
—рѣчь можетъ идти лишь объ улучшеніи его благосостояніи.

Въ разсматриваемый періодъ каждая общественная
группа обязана была нести ту или иную службу на господари.
Несли ее и города, въ частности—Кіевской земли: одни—въ
большемъ объемѣ, другіе — въ меньшемъ. Но существовали
извѣстный минимумъ, обязательный для всѣхъ городовъ.
Это—погоня за непріятелемъ, сторожевая служба и починка
замка. Кромѣ того, города, не пользовавшіеся особыми при-
вилегіями, какъ Чернобыль, Остеръ, Овручь и Мозырь —
должны были поднимать пословъ и гонцовъ подводами и
стаціями ¹⁾—иногда сами, иногда совмѣстно съ волощанами.
Обыкновенно—сами. Земскія и замковыя повинности — это
удѣлъ города. По общему положенію, такія повинности дол-
жно было полнить все населеніе города, безъ различія при-
судовъ. Но такова уже черта даннаго времени: владѣльче-
скому населенію негласно дозволено было уклоняться отъ
господарской службы. Такимъ образомъ, вся тяжесть этой
службы падала на одно мѣщанское населеніе и еще уже —
на господарскихъ мѣщанъ. „Многіе мѣщане Черкасскіе, наши
потужники—жаловались Черкашане—за пана старосту по-
закладалися и жадныхъ повинностей они съ нами стародав-
ныхъ полнить не хочуть, а панъ староста ихъ отъ того бо-
ронить и тыхъ всихъ повинностей стародавнихъ тягнути съ
нами не кажетъ“ ²⁾.

Въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ о мѣщанахъ, которые
позадавались за старосту. Разумѣется, староста наблюдалъ
свои выгоды. Но не только лица, облеченныя властью, а и
рядовые владѣльцы находили способы, какъ сами, такъ и
съ своими людьми, уклоняться отъ замковыхъ и земскихъ

¹⁾ Стація—кормъ въ видѣ яловины, гусей, куръ, овса, сѣна и
т. п. Въ другихъ мѣстахъ она носила названіе дика и меалева. См.
Леоптовича Крестьянскій дворъ, Ж. М. П. 1897 г. V, с. 40—2; Довнаръ-
Запольскаго—Государственное хозяйство, с. 228.

²⁾ А. З. Р. II, № 195.

повинностей. Кіевскіе мѣщане жалуются уже на мѣстныхъ
бояръ, что тѣ уклоняются отъ „сиравованья“ своихъ дѣль-
ницъ въ острогѣ, сваливая всю работу на нихъ однихъ;
также не хотять стеречь пойманныхъ Татаръ и т. п. ¹⁾.

И безъ того тяжелая, вслѣдствіе малочисленности го-
родскаго населенія, служба, усугублялась еще многократно отъ
прямыхъ „кривдъ“ и „утисковъ“ господарскихъ старостъ и
намѣстниковъ. Изъ исторіи кіевскаго и черкаскаго мѣщан-
ства намъ извѣстно уже отчасти, въ чемъ выражались по-
добныя насилія. Это, во-первыхъ, были многообразныя пови-
лины, которыя изобрѣтались урядниками для ихъ личной
наживы, въ родѣ, напр., пошлины на право поставлять чел-
ны для каравановъ или пошлины на „отумерлыя речи“, рав-
нявшейся иногда половинѣ „статку“ умершаго; всевозможныя
пошлины за право ловли рыбы, гона бобровъ и т. п. Затѣмъ,
урядники нерѣдко обращали услуги мѣщанъ въ свою пользу:
забирали, напр., у нихъ подводы подѣ своихъ слугъ и свои
вещи, заставляли косить сѣно и возить дрова къ себѣ на
дворъ, посылали въ разныя мѣста по своимъ надобностямъ
съ листами и проч. т. п. Наконецъ, урядники не церемо-
нились и прямо грабить мѣщанъ: забирали на себя ихъ из-
вѣщныя уходы, езы, выгоны и дворища, закупали по произ-
вольной цѣнѣ у нихъ товары, а иногда просто „брали съ
нихъ многіе речи, живности и за то имъ заплата не давали“ ²⁾.
Отъ этого происходило то, о чемъ въ одномъ частномъ слу-
чаѣ говоритъ люстраторъ Овруцкаго замка: „ся прочь рос-
ходятъ и, въ месте живучи, за господаря ся не закладають“.
Оставшіеся приходилось выносить всю тяжесть этихъ по-
рядковъ на своихъ плечахъ.

Городское населеніе, такимъ образомъ, сильно и ото-
всюду было стѣснено въ своемъ развитіи: города „ширяться“
не могли.

¹⁾ А. З. Р. II, № 108.

²⁾ А. З. Р. II, № 108; *ibid.* № 195; А. Ю. З. Р. VII, II, № 18.

ной исторіи казачества, прежде чѣмъ приступить къ настоящей задачѣ даннаго очерка.

Слово „казакъ“, очевидно, не русскаго происхожденія: мы должны искать его у Тюрковъ. Во веѣхъ тюркскихъ нарѣчіяхъ это названіе: казакъ означаетъ человѣка вольнаго, независимаго, искателя приключеній, бродягу¹⁾. Съ такими примѣтами казаки выступаютъ уже въ давнія времена. Въ греческомъ Синаггарѣ, напр., относящемся къ г. Сугдеѣ (1308), мы находимъ такую приписку: „Въ тотъ же день скончался рабъ Вожій Альмальчу, сынъ Самака—увы, молодой человѣкъ—заколотій казаками (σφαγῆς ὑπὸ κούρκων)*²⁾. Болѣе обстоятельныя свѣдѣнія о казакахъ, хотя и болѣе поздняго времени, даетъ уставъ Генуэзскихъ колоній, составленный въ 1449 году. Здѣсь читаемъ: „Если случится приобрести какую-нибудь добычу казакамъ коннымъ или Каенцамъ, какъ на охотѣ и въ погонѣ за татарскими быками, такъ и въ чемъ-либо другомъ, постановляемъ и опредѣляемъ: чтобы консулъ Каѣи, или другіе чиновники, или какая-нибудь высокая персона, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ не смѣли требовать себѣ части отъ такой добычи; пусть будетъ и трактуется она, какъ свободная (отъ налога) и съ полнымъ правомъ принадлежащая тѣмъ, кто еѣ захватилъ или подстрѣлилъ, и пусть консулъ Каѣи старается такихъ казаковъ конныхъ поддерживать, оказывая имъ всякую помощь и ласку“³⁾.

Итакъ, Крымъ и Азовско-Черноморскія степи — вотъ первоначальныя очаги казачества, существованіе котораго, какъ выше сказано, можно констатировать уже въ самомъ началѣ XIV в. Наибольшаго распространенія это явленіе достигло, разумѣется, у Татаръ; изъ татарскихъ улусовъ по преимуществу и главнымъ образомъ выходили безшабашные удалыцы на понеки за легкой добычей. *Fugitivi, praedones et exules, quos sua lingua... kozakov appellant* — такъ ха-

¹⁾ Радловъ Опытъ словаря тюркскихъ нарѣчій. Вып. VIII (1896 г.), с. 364-5. Ср. Codex Sumanicus, ed. G. Kuhn'a, p. 118.

²⁾ Записки Одесскаго Общ. Истор. и Др. 1863 г., V, с. 613.

³⁾ Ibid. 767; см. еще ibid. 239-40, 789.

V.

Совершенно особый разрядъ населенія — не крестьяне и не мѣщане, меньше же всего — бояре — составляли казаки, люди прихожіе, несѣлые или, по московской терминологіи — воровскіе. О происхожденіи и бытѣ этого разряда людей въ нашей литературѣ до сихъ поръ не установилось прочнаго мнѣнія: въ то время, какъ одни утверждаютъ, что это были просто уходники, которые часто, однако, вмѣсто обычныхъ уходническихъ промысловъ, занимались грабежомъ и разбоемъ на степныхъ дорогахъ¹⁾, другіе склонны считать казаковъ исконнымъ земледѣльческимъ и землевладѣльческимъ населеніемъ, выдвинутымъ русской общиной на аванпосты колонизаціи для борьбы съ степью²⁾. Въ виду указаннаго разнорѣчія, чтобы остановиться на томъ или иномъ взглядѣ по вопросу о казачествѣ, всякому новому изслѣдователю не достаточно только примкнуть къ одному изъ существующихъ уже мнѣній, но необходимо также и указать основанія, почему онъ сталъ на ту, а не иную точку зрѣнія. Это побуждаетъ насъ сдѣлать экскурсъ въ область началь-

¹⁾ Яблоновскій *Жг.* XXII, 395 и дальше, особ. 411—12; Любавскій *Областное дѣленіе* 529 и сл.; но ближе къ нашему предмету его рецензіи на изслѣдованіе Каманина въ *Жг.* М. Н. Пр. 1906, VII: „Начальная исторія мал. казачества“.

²⁾ Антоновичъ *Исслѣдованіе о казачествѣ*, въ А. Ю. З. Р. III, I (авторъ впоследствии нѣсколько измѣнилъ свой взглядъ на казачество — „Кіевъ, его судьба и значеніе“ — въ *Моногр.* I, 251, 252). *Дашкевичъ* *Болоховская земля и ея значеніе* (въ *Трудахъ III археол. съѣзда т. II и отдѣльно*); его же *Новѣйшіе домыслы о Волоховѣ и Болоховцахъ* (въ *Кіев. Унив.р.* Изв. 1884 г., № 4 и отдѣльно). *Каманинъ* *Къ вопросу о казачествѣ до В. Хмельницкаго*, въ *Чтеніяхъ Кіев.* 1894 г., кн. VIII, и др.

растеривают их Дрогошь, повѣствуя о набѣсѣ Татаръ на Литву, Волынь и Киевщину въ 1466 г. ¹⁾

Чужой примѣръ часто вызываетъ подражаніе, тѣмъ болѣе, что казакованіе, съ одной стороны, было выгодно (легкая добыча), а съ другой—заманчиво своей привольной жизнью, неполненной приключеній. И вотъ, по примѣру татарскихъ удалцовъ, изъ ю.-р. замковъ и селъ потянулись въ направленіи степи вереницы искателей приключеній и легкой наживы, ничѣмъ не уступавшихъ предыдущимъ. Эти также подстерегали добычу: то они караулили ее въ чистомъ полѣ, укрывшись гдѣ-нибудь за курганомъ или дубравой, то „конные“ и „водные“ подѣлажали подъ татарскіе улусы, чтобы извлечь оттуда „бутынокъ“ или „языка“. И такъ какъ аналогія между тѣми и другими напрашивалась сама собой, то и русскіе удалцы были прозваны казаками ²⁾. Впослѣд-

¹⁾ XIV, р. 530-11.

²⁾ Проф. Любавскій (Областное дѣленіе, с. 531-2, а отсюда это мнѣніе перешло и къ Яблоновскому—*Жг.* XXII, 395-8) иначе объясняетъ происхожденіе ю.-русского казачества и въ частности—киевского. Основываясь на известномъ „спискѣ речей“, отобранныхъ Черкасскимъ намѣстникомъ Сенькомъ Полозовичемъ у казаковъ кн. Дмитрія (А. Ю. З. Р. III, I, № 1—Акт. Леонтовича II, № 641), онъ полагаетъ, что киевское казачество позаимствовало свое имя отъ Татаръ—плѣнниковъ либо добровольныхъ колонистовъ, перемѣщенныхъ въ Черкасскомъ и др. повѣтахъ. Но дѣло въ томъ, что это—единственный документъ, въ которомъ мы встрѣчаемъ намекъ на известную организацію Татаръ (и Татаръ ли?) въ Киевской землѣ (хотя, безъ сомнѣнія, татарскіе колонисты здѣсь были). Однако, еслибъ такая организація дѣйствительно существовала здѣсь, то мы съ нею непременно встрѣтились бы еще не разъ; допустить же, что эта организація распалась подъ вліяніемъ обрусенія едва ли возможно, такъ какъ на сѣверѣ, въ горахъ болѣе трудныхъ условій Татары продолжали сохранять ее во всей неприкосновенности (Dlugossus X, р. 153; Gwagnin, с. 84-5). Въ виду вышеназложеннаго, мы полагаемъ, что „казаки Щуровой роты“—это просто служебники Киевскаго воеводы или Черкаскаго старосты, которымъ было поручено проводить купцовъ до татарской границы, а „казаки кн. Дмитрія“—это можетъ быть сбродная дружина Дмитрія Глинскаго (на челѣ подобныхъ дружинъ выступали и другіе члены этой фамиліи—Водлянъ и Василій Глинскіе).

Н.В. Антоновичъ ошибочно принялъ „кн. Дмитрія“ за Дм. Вишневецкаго (см. Любавскаго Областное дѣленіе, с. 532); Яблоновскій (*Жг.* XXII, 408) и Грушевскій (Исторія VII, 85, 90) также ошибочно прини-

стивъ казачество сдѣлалось у насъ столь обычнымъ явленіемъ, что выработался даже спеціальныи терминъ—„ходить въ козацтво“; это означало прежде всего—выходить „на поле“ или „на низъ“ за добычей—„бутынкомъ“ или „языкомъ“ ¹⁾.

Колебелю казачества мы должны признать Черкасскій повѣтъ, который по своимъ географическимъ условіямъ являлся наиболѣе подходящей ареной для ихъ дѣятельности. Черкасское населеніе и само могло выдѣлять изъ своей среды извѣстные контингенты для казачества, а еще болѣе, вѣроятно, ряды послѣдняго пополнились пришельцами изъ разныхъ земель и, пожалуй, даже—національностей. Припомнимъ по этому случаю слова Михалона о знаменитомъ стеченіи людей въ Киевской области, „изъ которыхъ одни, убѣгая отъ власти отповеской, или отъ рабства, работы, наказаній или долговъ, другіе—отыскивая себѣ выгоды и лучшаго мѣста, приходятъ сюда, особенно весною; а познакомившись съ удовольствіями этой стороны, они никогда уже не возвращаются къ своимъ, но дѣлаются профессиональными охотниками на медвѣдей и дикихъ быковъ“ ²⁾. Ту же мысль развиваетъ и нѣсколько позднѣйшій писатель—Р. Гейденштейнъ. „Всякій—говоритъ онъ—кто былъ въ тяжкой нуждѣ,

мають его за Дм. Путигича (въ документѣ сказано: „у козаковъ Черкасскихъ—у кн. Дмитріевыхъ козаковъ“).

¹⁾ А. Ю. З. Р. VII, I, с. 82. Въ люстраціяхъ мы находимъ еще одинъ терминъ, который по своему значенію весьма близко подходитъ къ понятію казакъ; это—*севрюки*. Владимірскій-Буданоль (Населеніе ю.-в. Россіи II, 175, 189), а за нимъ М. Грушевскій (Исторія III², 153) и А. Стороженко (Стефанъ Баторій, с. 10) толкуютъ это слово, какъ издѣвленное Сѣвериницъ, но едва ли правильно. Прежде всего между Сѣвериницомъ и севрюкомъ (вар. севрукъ) по самому звуковому составу словъ подобіе слишкомъ отдаленное, а затѣмъ—въ числѣ севрюковъ мы иногда находимъ лицъ, которая ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть чистокровными потомками Сѣверинъ, напр., Охмать севрюкъ, Карой ерк. (Кіев. люстр., с. 115) и др. Поэтому севрюковъ лучше всего производить отъ татар. *saŋruq*—суровый, одичалый = вкр. севрюкъ (Соболевскій, Ж. Ст. 1893, III, 398). Подлиннѣйшая люстрація въ поясненіе этого слова говоритъ: *sewtaki, t. j. sitxalcy* (*Жг.* XX, 23). Возможно, что дѣйствительно эти севрюки имѣли своей спеціальностью охоту гдѣ-нибудь въ извѣстной сторонѣ, напр., въ Сѣвериницѣ (ср. Strykowski Kronika II, 122; Сбор. Ист. т. 41, с. 188; т. 95, с. 89). Въ дальнѣйшемъ севрюки могли слиться съ казаками.

²⁾ с. 68.

или быть осужденъ за уголовныя преступленія, и всё тѣ, которымъ или обстоятельства, или законы не дозволяли жить въ отечествѣ, какъ изъ другихъ народовъ, такъ и изъ Поляковъ и Литовцевъ, — собирались сюда, чтобы жить грабежомъ и добычею". Въ прежнія же времена — продолжаетъ тотъ же писатель — при общемъ мирѣ между народами, даже нѣкоторые апатныя юности стремились къ этимъ мѣстамъ, ненавидя спокойную жизнь, избѣгая праздности и бездѣйствія и желая упражняться въ военныхъ подвигахъ¹⁾. Въ общемъ, однако, перевѣсъ брали элементы чисто русскіе. „Жители города Черкасскъ — говоритъ Гвагнинъ — называются Черкасцами, но это не тѣ Черкассы, которые живутъ въ горахъ при Понтѣ Экскенскомъ: они — Русскіе, люди храбрые и воинственные, которые часто воюють съ своими сосѣдями — Перекопскими Татарами“²⁾.

По документамъ разсматриваемаго времени наиболѣе извѣстны казаки каневскіе и черкасскіе, иногда просто называемые Черкасцами. Менѣе извѣстны казаки кievскіе, и потому о нихъ слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ особо. — Первое извѣстіе о кievскихъ казакахъ восходитъ, если не ошибаемся, къ 1489 году: тогда они ограбили на Тавани московскихъ купцовъ³⁾. Затѣмъ о нихъ есть упоминаніе въ уставной грамотѣ вел. кн. Александра кievскимъ мѣщанамъ отъ 1499 года: „коли которые кушцы, а либо казаки приходятъ до Кіева, а въ которого мѣщанина стануть на подвирья, тотъ мѣщанинъ маєть ихъ обѣстити воеводѣ Кіевскому, або намѣстнику его, водлугъ давного обычаю“⁴⁾. Послѣдующія извѣстія о кievскихъ казакахъ неоднократно встрѣчаются въ дипломатической перепискѣ польско-литовскихъ господарей съ перекопскими ханами. Изъ этой переписки мы, напр., узнаемъ, что къ веснѣ 1545 г. кievскіе казаки, совмѣстно съ черкасскими и каневскими, погромили турецко-татарскихъ купцовъ у Саиджарова, а немного спустя, ограбили перекопскихъ купцовъ „на врочици на Еброве“⁵⁾. Въ 1554 г.

¹⁾ Записки о Московской войнѣ I, с. 8.

²⁾ Z Kroniki с. 209.

³⁾ Сбор. Ист. т. 35, с. 23, 26, 42. Ср. с. 518 этой книги.

⁴⁾ А. З. Р. I, № 170.

⁵⁾ Книга Посольская I, №№ 19 и 20.

кievскіе казаки въ той же компаніи, пришедши на Богъ, „где завжды чабаны цара Турецкого овцы пасутъ, а Перекопскому — десятина“, взяли 13060 овецъ, 66 воловъ и 8 стадъ коней; въ томъ же году они проявили себя еще грабежомъ стада кобылъ и овецъ подъ татарскими улусами¹⁾ и т. д. Кievскіе казаки упоминаются и въ люстраціи, но не въ качествѣ болѣе или менѣе постояннаго элемента, имѣющаго хотя бы свои дома въ мѣстѣ, а въ качествѣ гостей: „козакъ, або який кольвекъ гость, хто до Кіева зверху, знизу, або въ заполья приедеть, повиненъ дати каждаый обвистки намѣстнику воеводиному грошь“²⁾.

Казаки были и въ Остерскомъ повѣтѣ. Можно думать, что о нихъ идетъ рѣчь въ грамотѣ вел. кн. Александра отъ 1499 года, когда говорится, что „которые козаки зъ верху Дняпра и съ иныхъ сторонъ ходять водою на низъ, до Черкасскъ и далѣй“, то Кievскому воеводѣ — десятина³⁾. Позднѣйшее извѣстіе объ остерскихъ казакахъ мы находимъ въ Посольской Книгѣ подъ 1559 годомъ. Черниговскій намѣстникъ дьякъ Ржевскій жалуется вел. кн. Ивану Васильевичу, что „люди Остерьскіе казаки — Игнатко да Иванко, Лыско да Хомька съ товарищи, пришедъ въ Черниговскіе уходы на Удай, многие борти выдрали“ и произвели разные насилія надъ московскими людьми⁴⁾.

Если мы упомянемъ еще Вѣлюю-Церковь, то исчерпаемъ всё наши свѣдѣнія о географическомъ распространеніи казачества въ Кievской землѣ. О существованіи бѣлоцерковскихъ казаковъ даетъ знать листъ Сигизмунда Августа къ Кievскому воеводѣ К. Острожескому. Въ этомъ листѣ король сообщаетъ о жалобахъ, поступившихъ къ нему отъ бѣлогородскаго анчака, что „зъ замковъ украинныхъ — Кіева, Вѣлое Церкви и др. подданнымъ цесара Турецкого великіе ся шкоды дѣють“; вслѣдствіе чего король настрого предписываетъ всѣмъ украиннымъ урядникамъ, „жебы служебникомъ своимъ и козакомъ замковъ господарскихъ староство ихъ

¹⁾ Ibid. №№ 66 и 72.

²⁾ с. 112.

³⁾ А. З. Р. I, № 170.

⁴⁾ Книга Посольская I, № 106.

шкodu подданнымъ цесаря Турецкаго и влусомъ цара Перекопскаго чинити не казали¹⁾.

О количествѣ казаковъ мы имѣемъ только указанія изъ полов. XVI в. и то—далеко не точныя. Въ Черкассахъ ихъ было въ моментъ люстраціи 250, въ Каневѣ—,бываетъ людей прихожихъ, козаковъ носелыхъ... не равно завжды, але яко которыхъ часовъ²⁾. И не удивительно: обычное мѣсто-пробываніе казаковъ не въ городахъ, а на уходахъ, въ степяхъ; тамъ они собирались въ большихъ массахъ. Гвигниъ считаетъ однихъ низовыхъ казаковъ на нѣсколько десятковъ тысячъ³⁾. Въ дѣйствительности же число всѣхъ казаковъ было гораздо меньше, но все-же значительно. Въ этомъ убѣждаютъ насъ слѣдующіе факты.

Въ 1545 г. крымскій ханъ жаловался польско-литовскому правительству, что казаки, собравшись изъ разныхъ украинскихъ городовъ на полѣ за Черкассами, „оселъ сотъ ихъ головами и вышей, по колку кротъ корованы купцовъ Турецкихъ и Перекопскихъ громили⁴⁾. Въ числѣ этихъ 800 были, впрочемъ, не только кievскіе казаки (Черкасы, Каневъ), но и подольскіе (Браславъ, Винница). Въ слѣдующемъ случаѣ мы, кажется, имѣемъ дѣло только съ одними кievскими казаками: ханъ жалуется (1559 г.), что королевскій слуга Недригаль съ кievскими и черкасскими казаками, въ числѣ 1500, „и со многими людьми московскими водночившиися“, въ напствахъ его большія шкodu починилъ⁵⁾. Въ нныя времена казаковъ собиралось въ одномъ мѣстѣ такое множество, что никому не было отъ нихъ прохода. Въ 1558 г. Сигизмундъ Августъ вынужденъ былъ даже отправлять въ Перекопъ своего посла черезъ Валахію—,для небезпечности отъ козаковъ, которые немалымъ почѣтомъ поля на тотъ часъ наполнили и вси перевозки залегли⁶⁾.

Что послы и гонцы подвергались въ полѣ опасности отъ казаковъ, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: ее не

¹⁾ А. Ю. Р. II, № 138.

²⁾ А. Ю. З. Р. VII, I, с. 105.

³⁾ с. 221.

⁴⁾ Книга Посольская I, № 17.

⁵⁾ Ibid. № 110.

⁶⁾ Ibid. № 94; ср. А. З. Р. II, № 227.

избѣгали даже и крымскія войска, если неосторожно углубились въ казакіи степи. Намъ извѣстны, напр., такіе случаи.—Въ 1540 году, когда войска Сапъ-Гирей шли воевать московскія границы, „козаки кievскіе, пришедши зъ невѣсти на людей его, на капры ударили и 20 человекъ до смерти забили и 250 коней въ нихъ взяли¹⁾. Нѣсколько позже подобное же случилось и съ войсками Эминъ-Гирей, ходившими на помощь турецкому султану. На возвратномъ пути, когда Эминъ-Гирей пришелъ изъ перевозамъ и хотѣлъ переправиться за Днѣпръ, кievскіе (областные) казаки ударили на него—,нигшихъ побили, а нигшихъ поимали, а самъ ледве втекъ до Бела города²⁾. Въ виду подобныхъ случаевъ, крымскіе ханы не считали излишнимъ, когда это было возможно, заранее предупреждать польско-литовское правительство о пропускѣ своего войска мимо украинскихъ замковъ—Черкасы и Кенева. Такъ поступилъ, напр., Сапъ-Гирей въ 1527 г., когда во главѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ человекъ намѣревался напасть на московскія границы; такъ же поступилъ и Девлетъ-Гирей въ 1561 году, по аналогичному случаю³⁾.

Эти факты не менѣе, чѣмъ какія-либо цифры, показываютъ, что число казаковъ въ Кievской землѣ было очень и очень значительно.

Какой же образъ жизни вели казаки въ это время?

Если мы прочитаемъ книги посольскихъ сношеній польско-литовскаго правительства съ сосѣдними государствами, главнымъ образомъ—Москвою и Крымомъ,—то у насъ составится о казакахъ такое представленіе, что это люди своевольные, занимающіеся только грабежомъ и разбоемъ. И такими они являются уже съ первыхъ страницъ своей исторіи. Такъ, въ 1492 г. Менгли-Гирей жаловался вел. кн. Александру, что „люди Каневцы и Черкасцы“ разбили судно подъ Тигинью, захватили 10 лошадей и увели въ плѣнъ 4 человекъ. Хотя Черкасцы и Каневцы въ данномъ случаѣ не названы казаками, но изъ отвѣта вел. кн. видно, что на-

¹⁾ А. Ю. Р. I, № 105—Arch. Lub.-Sang. IV, № 236—А. Ю. З. Р. VIII, V, № 19.

²⁾ Книга Посольская I, № 18.

³⁾ А. З. Р. II, № 150; А. Ю. Р. II, № 140.

бѣгъ подѣ Тягинь совершили именно они, а не кто иной: poslalismy do naszych urzédnikow ukrainnych — писаль вел. князь Александръ въ отвѣтъ на выше указанную жалобу хана—aby gzeszy te wszystkie odszukali między kozakami, a co wupajda, aby oddali etc¹⁾. Спустя годъ, казаки — „люди многие“—подѣ начальствомъ Черкаскаго воеводки Богдана (Глинскаго) и въ союзѣ съ царевичемъ Удемиримъ взяли и разорили татарскій городокъ на нижнемъ Днѣпрѣ и по случаю ограбили московскаго посла Ив. А. Субботу, когда тотъ намѣревался переправиться черезъ Днѣпръ въ компаніи съ посломъ Валахскаго господара Стефана²⁾. Въ 1500 году черкасскіе казаки, уже вмѣстѣ съ кievскими, подстерегали на Днѣпрѣ московскаго посла Ларева, но неудачно: благодаря конвою въ 300 человекъ, высланному своевременно Менгли-Гиреемъ, подстерегатели потеряли 7 человекъ убитыми и столько же ранеными, и должны были ретироваться³⁾.

Послѣ всего сказаннаго, считаемъ возможнымъ отнести на счетъ казаковъ и слѣдующій случай, который представляется однимъ изъ самыхъ раннихъ проявленій ихъ существованія. Въ 1489 г. возвращалсь изъ Крыма московскіе купцы въ сопровожденіи литовскаго посла Яна. На Таванскомъ перевозѣ на нихъ напали „люди п. Юрьева Пацевича“ и гѣхъ гостей—по словамъ московскаго князя—„перебили и переграбили, а товаръ у нихъ весь поимали, многихъ людей до смерти побили и перетопили“⁴⁾. Хотя эти люди казаками не называются, но очевидно, что это былъ никто другой, какъ именно они: больше некому было хозяйничать на Тавани.

Въ XVI в. поведение казаковъ остается тѣмъ же. То они подстерегаютъ пословъ, то грабятъ купцовъ, то, наконецъ, подѣзжаютъ подѣ самыя татарскіе улусы и тамъ производятъ всевозможныя опустошенія. Выше, по другимъ случаямъ, были указаны примѣры такого образа дѣятвнй.

¹⁾ K. Pułaski Szkiece i poszukiwania historyczne, I. Krakow, 1887. Dzikie pola, str. 19.

²⁾ Сбор. Истор. т. 41, с. 194-5—Матеріалы Уляницкаго, въ Чтеніяхъ Москв. Общ. Истор. и Древ. 1887 г. III, с. 122-3.

³⁾ Сбор. Истор. т. 41, с. 476, 479.

⁴⁾ Сбор. Истор. т. 35, с. 23, 26, 42 и др.

Не желая плодить ихъ безъ особенной нужды, мы здѣсь приведемъ только одну изъ многочисленныхъ жалобъ крымскаго правительства, которая въ общихъ чертахъ даетъ характеристику всей дѣятельности казачества въ этомъ направленіи. „Ваши люди—жалуется Сигизмунду Августу крымскій ханъ (1545) -- на Тавани, по Днепру, на Бургуве, на Черной Криницѣ, на Дробныхъ Криницахъ, на Самари людей нашихъ бють, купцовъ громятъ, итѣшихъ забиваютъ, а итѣшихъ живыхъ имають, и товари ихъ берутъ, и влудемъ громятъ, и быдло и стада берутъ безъ числа; а которыи соленики приходятъ по соль до Кочубиева и кого кольвекъ потькають зѣ людей нашихъ, имають, забиваютъ“¹⁾.

Всѣ эти дѣятвнй казаковъ, очевидно, происходили не безъ явнаго попустительства господарскихъ урядниковъ. „Старосты Черкасскіи и Каневскіи пускають казаковъ съ казаками неприятеля твоего и моего Путивльскими по Днепру подѣ улусы наши“—жалуется Сантъ-Гирей Сигизмунду Старому около 30 гг. XVI в.²⁾ „Таковыя зачепьки и злочинства—жалуется позже Девлетъ-Гирей—ни отъ кого не приходятъ, только отъ самого старосты Черкаскаго“³⁾. Причастности своихъ урядниковъ къ казацкимъ злочинствамъ не отрицало и само литовско-польское правительство. „И може то кождый разумѣти—писаль Сигизмундъ Августъ кievскимъ урядникамъ въ 1541 году—ижъ тѣмъ шкодливымъ речамъ земскимъ причина есть то, штожъ вы для своего пожитку дозволяете козакомъ на влудемъ татарскіе наѣждчати и шкоды имъ чинити, а тѣми ихъ добытки напольи ся съ ними дѣлите“⁴⁾. И это была сущая правда. Согласно экстраціямъ Каневскаго и Черкаскаго замковъ, казацкіе разбойничьи промыслы были обложены опредѣленной пошлиной, которая платилась, какъ отъ „языка“, такъ и отъ „бутынка“. „Кгда козаки—читаемъ мы здѣсь—въ земли неприятельской

¹⁾ Кн. Посольская I, № 18; ср. №№ 38, 71 и др.

²⁾ А. З. Р. II, № 150.

³⁾ Кн. Посольск. I, № 38.

⁴⁾ А. Ю. Р. I, № 105—Arch. Lub.-Sang. IV, № 236—А. Ю. З. Р. VIII, V, № 19.

здобывшися, приходять, з добытку того старосте одно што лепшее (кони, або зброя, або изыск)¹⁾.

Разбой и грабежи—только одна сторона дѣятельности казаковъ. Съ другой стороны, это промышленники, занимающіеся охотой, пчеловодствомъ, рыбной ловлей, извозомъ соли и т. п. Акты Посольской Книги упоминаютъ о казачьихъ стародавнихъ уходахъ на Хорозѣ и Пелѣ²⁾; по Каневской люстраціи казаки „установичне живутъ (на Сульскихъ уходахъ) на мясе, на рыбе, на меду — з пасекъ, зъ свепетовъ, и сытять тамъ себе медь, яко дома“³⁾. Нѣкоторые изъ нихъ могли имѣть и свои властные уходы, какъ, напр., Яковъ Волевскій, который купилъ (конецъ XV в.) у нѣкоего Ивана Безмольнаго „пасеку въ Мотренине, по—надъ Еничемъ лѣсъ съ подлесемъ, съ сножатми и нахотинимъ полемъ“⁴⁾.

Главнымъ приютомъ казаковъ служилъ Днѣпръ, гдѣ на многочисленныхъ островахъ они могли безопасно заниматься мирными промыслами, а при случаѣ—и подстергать другого рода добычу. Еще въ 1493 году Менгли-Гирей доносилъ московскому вел. князю, что ему не удалось застать врасплохъ жителей Черкаскаго городка, такъ какъ „которые ихъ люди на Днѣпрѣ стояли, видѣвши, шодъ сказали“ о приближеніи непріятеля⁵⁾. Естественно допустить, что стоявшіе на Днѣпрѣ люди были черкасскіе и проч. казаки. Выше мы привели свидѣтельство документовъ о томъ, что казаки „немалымъ почтомъ“ залегли въ перевозы на Днѣпрѣ, вследствие чего королю пришлось послать въ Перекопъ посла окружной дорогой черезъ земли валашскаго господаря⁶⁾. Это свидѣтельство можно было бы дополнить еще грамотой Сигизмунда Старого отъ 1522 г., въ которой онъ предупреждаетъ Саипъ-Гирей, что, по дошедшимъ до него слухамъ, „лихіе люди козаки зъ немалымъ почтомъ на рѣцѣ Днѣпру лежать, и кони съ собою мають“⁷⁾. Въ данномъ

¹⁾ А. Ю. З. Р. VII, I, с. 83, 97.

²⁾ Ч. I, №№ 22 и 23.

³⁾ с. 105.

⁴⁾ Матеріалы Каманши № 3, с. 14.

⁵⁾ Сбор. Истор. т. 41, с. 196.

⁶⁾ Ки. Посольская I, № 94.

⁷⁾ А. З. Р. II, № 227.

случаѣ кони были припасены не для мирныхъ цѣлей, но казаки на Днѣпрѣ занимались и мирными промыслами. „Мѣшкають казаки — говоритъ Гвагинъ — на р. Низѣ (?), которая впадаетъ въ Днѣпръ; иногда забавляются ловлей рыбы, которыхъ тамъ же безъ соли на солицѣ сушатъ и тѣмъ живутъ“¹⁾. Повидимому, казаковъ—промышленниковъ въ этомъ родѣ имѣеть въ виду и привилей вел. кн. Александра киевскимъ мѣщанамъ въ той именно статьѣ, гдѣ говорится о побираниіи десятины съ казаковъ, „которые зъ верху Днѣпра и съ иныхъ сторонъ ходять водою на низъ, до Черкасъ и далѣй“²⁾. Рыба „зъ низу“—очевидно, казацкаго улова, равно какъ и соль, — составляли довольно видную статью киевской внутренней, а отчасти и внѣшней торговли.

Занимаясь мирными по существу промыслами, казаки и тутъ не преминули обнаружить свою истинную природу, какъ люди своевольные и воровскіе. Изъ судебныхъ процессовъ пустынскихъ монаховъ о Бѣлобережскихъ уходахъ мы знаемъ, напр., что черкасскіе казаки свободно входили въ чужія владѣнія, заставляли тамъ сѣти на рыбу и гоняли бобровъ³⁾. То же они дѣлали и въ Смѣлянскихъ имѣніяхъ Жубриковъ, вѣроятно, также и на Сульскихъ уходахъ: „установичне живутъ на мясе, на рыбе, на меду—зъ пасекъ, зъ свепетовъ, и сытять тамъ себе медь, яко дома“, не обращая никакого вниманія на хозяевъ.

На Днѣпрѣ, какъ и на другихъ уходахъ, казаки проводили большую часть года, но на зиму обыкновенно искали приюта при замкахъ. „На зиму — говоритъ Гвагинъ — до мѣся близкихъ расходятся, какъ Кіевъ, Черкассы, Каневъ, Браславъ, Бѣлая-Церковь и др., лодки свои на островѣ, въ безопасномъ мѣстѣ, при Днѣпрѣ попрятавши и оставивши тамъ нѣсколько сотъ человекъ „на кореню“, какъ они говорятъ—при стрѣльбѣ“⁴⁾. Нѣкоторые, а м. б. и многіе—казаки имѣли даже въ городахъ свои собственные дома, особенно въ Черкассахъ. „Козаки—гласить люстрація послѣдняго, —

¹⁾ с. 221.

²⁾ А. З. Р. I, № 170.

³⁾ А. Ю. З. Р. VII, II, № 4—ibid. VIII, IV, № 26, док. 8; А. З. Р. II, №№ 153, 171, 233.

⁴⁾ с. 221.

которые дома тамъ въ Черкассахъ мають, и тые дають старосте колядки по 6 гр. и сена косятъ ему по 2 дни на лете толоками за его стравою и за медомъ¹⁾. Хотя зваріе: казакъ обозначаютъ человека вольнаго, неосѣлаго, но случилось иногда, что казаки по тѣмъ или инымъ обстоятельствамъ занимались и въ частную службу на болѣе или менѣе продолжительные сроки. „А которыми казаки — читаемъ въ люстраціи Черкаскаго замка—не отходячи у козацтво на поле, ани рекою у низъ, служатъ въ местехъ въ наймехъ бояромъ або мешаномъ, тымъ старосте колядки давати, ани сена косити не повинни²⁾“.

Какова же была организація казачества въ рассматриваемый періодъ?

Исходя изъ того факта, что во главѣ казаковъ иногда выступаютъ князья (Дмитрій, Богданъ и Василій Дашковичи), Антонович³⁾, а велѣды за нимъ и Каманич⁴⁾ — пришли къ выводу, что князья играли доминирующую роль въ первоначальной исторіи казачества — были его возбуждателями, покровителями и руководителями. Документы, однако, не оправдываютъ такого вывода. Здѣсь мы встрѣчаемъ рядомъ съ казаками кн. Дмитрія и казаковъ какого-то Шура; князья: Богданъ воеводка, Иванъ и Василій Дашковичи не суть особые предводители казаковъ, въ роли пѣсенныхъ дудъ или солтысовъ валашскаго права, а господарскіе намѣстники въ Каневѣ и Черкассахъ, — и не потомки Остафія Дашкевича, который, дѣйствительно, никогда не имѣлъ княжескаго титула, равно какъ и мужского потомства, а потомки Лексы Глинскаго (женаты на дочери Дашка Острожекаго)—князья Глинскіе⁵⁾. Изъ того же рода—полагаемъ—были и кн. Дми-

¹⁾ А. Ю. З. Р. VII, I, с. 82.

²⁾ Ibid.

³⁾ А. Ю. З. Р. III, I, с. 23 и сл.

⁴⁾ Op. с. 68-9.

⁵⁾ Въ частности — кто былъ кн. Богданъ, Черкасскій воеводка, принимавшій участіе (въ 1493 г.) въ разореніи „новаго городка“ и ограбленія посла Субботы (Сбор. Ист. т. 41, с. 195, 196), посвящая „судовый листъ кн. Богданова Теодоронича“, который въ 1507 г. Ваврочьевымъ дѣти предъявили кор. Сигизмунду для подтвержденія (Акты Д.—З. № 99). Богданъ Глинскій былъ захваченъ при вѣзтіи Путивля московскими войсками въ 1500 г. и умеръ въ плѣну; въ 1495 г. онъ со-

трій, люди котораго около 1503 г. ограбили татарскій караванъ.

За выключеніемъ немногихъ случаевъ участія князей въ походахъ казачьихъ дружинъ, во главѣ послѣднихъ обыкновенно фигурируютъ лица низшаго класса, какъ—Богданъ, да Голубецъ, да Васко Жила; Солтанецъ, а Ворча, а Масло; Каригъ, а Андрушка, а Лесунъ, а Яцко Вѣлоуеъ; Кари—казакъ; Росомака и писарь Марко Шромоватый; Савна Аминта; Игнатко да Иванко, Лыско да Хомко; Ивашко а Масло, Каригъ а Янъ Дершко; слуга Недригаль и др.¹⁾ До-

стоять уже намѣстникомъ Путивля—слѣдовательно, едва ли могъ фигурировать даже въ роли комиссара въ упомянутомъ процессѣ (накъ украинный намѣстникъ). Остается такимъ образомъ допустить, что судовый листъ Ваврочьевымъ дѣтямъ былъ выданъ до 1495 г., что приближаетъ насъ къ моменту дипломатическихъ переговоровъ о разрушеніи новаго городка и ограбленія посла Субботы. Въ 1493-4 гг. Богданъ Теодороничъ могъ быть намѣстникомъ Черкасскимъ—тѣмъ болѣе, что судовый листъ Ваврочьевымъ дѣтямъ подтверждается только въ 1507 году: слѣд. это не былъ судъ комиссарскій, который пуждается въ немедленномъ подтвержденіи.

Иванъ Дашковичъ въ листѣ кн. Александра къ Менгли-Гирею называется прямо Черкасскимъ намѣстникомъ (Сбор. Ист. т. 41, с. 330), какъ Дмитрій Путивичъ—Киевскимъ воеводой. Черкасскій намѣстникъ, разумѣется, далеко не то же, что казачій атаманъ (старшина), тѣмъ болѣе, что Иванъ Дашковичъ, подъ фамиліей Глинскаго, извѣстенъ намъ не по одному акту: онъ былъ воеводой Киевскимъ (впослѣдствіи).

ИВ. Дашковичъ по дѣду со стороны матери, а по отцу—Львовичъ. Не можемъ согласиться съ Wolff-омъ, который, вопреки родослову, усматриваетъ Ивана не существовавшему Дашку Глинскому (Kniaziowie, с. 79): въ 1496 г. кн. Иванъ Дашковичъ получилъ отъ вел. кн. Александра Гостомля въ Киев. (Акты Лениновича I, № 301), а въ 1514 г. кор. Сигизмундъ надаетъ Гостомлю Сеньку Полозовичу, по *архиву Не. Львовичъ Глинскій* (А. Ю. З. Р. VIII, IV, № 41). Очевидно, эти лица тождественны, а не различны, какъ полагаетъ Вольфъ. Что касается Черкаскаго же намѣстника Василія Дашковича (очевидно, родного брата Ивана), которому въ 1507 г. кор. Сигизмундъ писалъ о ѣздахъ Черкасской корчмы Д. Дѣду (А. Ю. З. Р. II, № 123), то въ параллельныхъ документахъ онъ называется кн. Глинскимъ (А. Ю. З. Р. I, VI, №№ 5 и 6), что разбѣиваетъ всѣякія недоумѣнія на счетъ происхожденія обоихъ. По сравненію съ этимъ и „Черкасскій князь“ 1504 г., не названный по имени (Сбор. Ист. т. 41, с. 542), можетъ быть только В. Глинскій (ср. Pulaskiego op. с. №№ 64 и 65).

¹⁾ Сбор. Ист. т. 35, с. 23, 26, 42; А. З. Р. II, № 150; Книга Посоль-

кументы, изъ которыхъ мы почерпаемъ эти свѣдѣнія, къ именамъ казацкихъ старшинъ не присоединяютъ никакого титула. Это не гетманы или что-либо въ томъ же родѣ: это ватажки, которые имѣютъ своихъ товарищей, иногда— „старшіе казаки“ или люди, стоящіе „въ головахъ“ известной компаніи; иногда члены подобной компаніи называются „казаками такого-то“, напр. Саввы Аминты. По всему видно, что эти ватажки едва-ли даже были выборными. Это были просто смѣлые инициаторы, первые кликнувшіе кличь и собравшіе вокругъ себя охотниковъ специально для того или другого предпріятія. Они даже не всегда были русской національности: Солтанецъ, Кари — казакъ, Росомака, м. б. и Савва Аминта, повидимому—Татары, Яцко Бѣлоусъ и Янъ Дершко—Поляки или во всякомъ случаѣ—католики. Не требовалось непременно, чтобы эти ватажки были даже изъ среды казаковъ: въ числѣ ихъ мы находимъ писаря Марка Шромоватаго и господарскаго слугу Недригайла. Словомъ, никакой прочной организаціи казаковъ въ разсматриваемый періодъ мы не видимъ. Они не дѣлятся еще ни на курени, ни на полки, о гетманахъ нѣтъ и помину. Это просто люди неосѣлые, уходники, иногда для своей защиты объединяющіеся въ артели стрѣльцовъ, рыболовъ и т. п., разбойники и грабители, но—не болѣе.

Были ли попытки со стороны заинтересованнаго правительства привлечь на свою сторону казаковъ, обратить ихъ безшабашное молодечество на службу государству?—Были и даже—нѣсколько.

1506. Первый былъ гетманъ войскъ Запорожскихъ Прецлавъ Лянцкорунскій, фамиліи сенаторской; сей съ казаками землю Турецкую счастливо военать. За сего гетмана отъ короля Польскаго Жигимунта I козакамъ за службу ихъ дано волность и землю выше и ниже пороговъ по обонихъ сторонъ Днѣпра во владѣніе вѣчное и привиліемъ королевскимъ утверждено². Такъ читается это мѣсто у разныхъ лѣтописцевъ³. Это известіе въ послѣднее время (послѣ

ская I, №№ 17, 24, 72, 100, 106, 110; Записки Наук. Тов. т. XVIII, с. 15—17; ср. Жерела до історіи України—Руси, т. VIII, № 13.

¹) Сбор. лѣт. Юж. и Зап. Руси с. 1; Лѣт. Самовидца 329, Грабники 21.

Антоновича) было принято Каманинымъ¹), который считаетъ въ немъ ошибочной только дату, сближая ее съ мнѣческимъ переворотомъ въ исторіи казачества 1508 г. Въ дѣйствительности же ошибочна не только одна дата — ложно самое свидѣтельство. Каманинъ утверждаетъ, что оно писано по памяти, за утратой къ тому времени подлиннаго привилея Сигизмунда I и даже копія его: но такого привилея никогда и не существовало. О какихъ казацкихъ вольностяхъ съ 1506 или 508 г. можетъ идти рѣчь, когда мы въ теченіе всего разсматриваемаго періода видимъ со стороны центрального правительства только одно недоброжелательство къ казакамъ, какъ къ таковымъ, недоброжелательство, доходящее до того, что, напр., въ Кременцѣ не дозволялось никому принимать у себя больше 3 дней казака, не оповѣстивъ всей деревни о его присутствіи — „бо одъ таковыхъ велишкоды и злодѣйства во всякъ дѣють ся“²). Что касается „Низа“, то, дѣйствительно, онъ состоялъ во владѣніи казаковъ, но не больше, какъ фактическомъ, такъ какъ среди другихъ группъ населенія не было охотниковъ на полученіе этой земли, изъ которой никто не надѣялся извлекать никакой пользы. На легальное же пользованіе Низомъ, фиксированное какимъ-либо привиліемъ, мы не только не находимъ никакого подтвержденія въ актахъ того времени, но по умолчанію о таковомъ въ известныхъ случаяхъ можемъ даже заключить о противномъ: имѣемъ въ виду процессы Пустынскаго монастыря съ тѣми же казаками о Бѣлобережскихъ уходахъ³). Еслибъ казаки имѣли какой-либо привилей, то они, навѣрное, сослались бы на него для доказательства своихъ правъ на эти уходы. Но казаки такого привилея не предъявляли и, очевидно, никогда его не имѣли. Поэтому Каманинъ дѣйствительно правъ, утверждая, что лѣтописцы о привилей Сигизмунда I писали по памяти (хотя и на это у него не было никакого основанія): они писали о немъ по преданію, но писаніе гласитъ: „не всякому слуху вѣруйте“. Разъ должнымъ оказывается свидѣтельство лѣтописцевъ о

¹) Оп. с. р. 81.

²) А. Ю. З. Р. VII, II, с. 114.

³) А. Ю. З. Р. VII, II, № 4—ibid. VIII, IV, № 26, док. 8; А. З. Р. II, №№ 153, 171, 233.

привилей 1506—1516 г. (варианты), то, несомненно, ложно и самое основание—за службу. Не было привилей—не было и службы или скорѣе—наоборотъ: не было службы, а потому и не было привилей.

Первую попытку къ привлеченію неосѣлыхъ казаковъ на государственную службу Сигизмундъ I сдѣлалъ только въ 1523 году, незадолго до Берестейскаго сейма. Въ этомъ году, какъ нужно думать, по порученію короля, Сенько Полозовичъ и Криштофъ Кмитичъ, собравши малый „почотъ“ казаковъ, лежали съ ними на Днѣпрѣ и въ теченіе короткаго времени съ малыми силами оказали блестящіе успѣхи въ пограничной войнѣ съ Татарами. Имѣя въ виду этотъ опытъ, король на Берестейскомъ сеймѣ предлагаетъ уже отъ себя организацію казачества для цѣлей военной службы, но, кажется, безрезультатно¹⁾. Въ концѣ своего правленія тотъ же Сигизмундъ I сдѣлалъ еще попытку къ регистраціи казачества—на первый разъ только кievскаго. Для этой цѣли въ 1541 г. былъ посланъ даже къ тогдашнему справѣ воеводства Киевскаго А. Коширскому господарскій дворянинъ Стреть Солтовичъ²⁾; но едва-ли его миссія была удачна: для этого у правительства не доставало необходимыхъ средствъ.

Дѣло, не удавшееся польско-литовскому правительству въ 1523-4 гг., чуть было не осуществилось по инициативѣ частнаго лица, хотя и велось на имя господара. Этимъ лицомъ былъ извѣстный авантюристъ Д. Вишневецкій. Собравъ вокругъ себя нѣсколько „почотъ“ казаковъ, этотъ искатель приключеній воздвигъ на Хортицѣ городокъ и сумѣлъ въ теченіе нѣкотораго времени съ успѣхомъ отразить всѣ покушенія на него со стороны Татаръ. Но, не получивъ поддержки отъ своего правительства, Вишневецкій вынужденъ былъ оставить занятую имъ позицію—и городокъ былъ разрушенъ³⁾. Послѣ этого Низъ попрежнему оставался не укрѣпленнымъ. Время для Запорожской Сѣчи еще не настало—не было и устойчивой организаціи казачества.

¹⁾ Док. Юст. I, 523. Подробно см. въ главѣ о состояніи обороны, с. 126-7.

²⁾ А. Ю. Р. I, № 103—Arch. Lub.-Sang. IV, № 236—А. Ю. З. Р. VIII, V, № 19.

³⁾ См. с. 136 и сл. настоящаго сочиненія.

Слѣдующую попытку къ привлеченію казаковъ на коронную службу сдѣлалъ Сигизмундъ Августъ въ 1561 году. Посылая свой охранный листъ казакамъ Д. И. Вишневецкаго, остановившимся на Низу, король предписываетъ своему старостѣ уговорить своевольныхъ къ поступленію на жалованье къ правительству, для войны въ Лифляндіи¹⁾. О результатахъ этой попытки скажемъ въ другой разъ.

Наконецъ, послѣдняя правительственная попытка къ организаціи казачества сдѣлана была за годъ до Люблинской унии тѣмъ же Сигизмундомъ Августомъ. Приказывая всѣмъ казакамъ, чтобы они „съ поля, съ Низу и во всѣхъ уходовъ до замковъ и местъ господарскихъ вышли (покинувъ, значитъ, властныя земли на Низу, отведенныя имъ Каманинцямъ), король обѣщаетъ, что „при замцахъ господарскихъ найдете имъ служба, за которую жалованье каждый съ нихъ одержитъ“²⁾. Но и эта попытка ни къ чему не привела³⁾.

Такимъ образомъ, казачество оканчиваетъ настоящій періодъ тѣмъ же, чѣмъ и начало его—свободнымъ, неосѣлымъ, своевольнымъ населеніемъ, не имѣющимъ никакой прочной организаціи и занимающимся на половину мирными промыслами, на половину —, грабежомъ и разбоемъ, часто не разбирая своихъ и чужихъ.

¹⁾ А. Ю. Р. II, № 143.

²⁾ А. Ю. З. Р. III, I, № 3.

³⁾ См. А. Ю. З. Р. VIII, V, № 78.

VI.

Киевская земля въ качествѣ украинной требовала для своей обороны, какъ значительнаго количества замковъ, такъ и подвижныхъ войскъ. Но первые нуждались въ прислужникахъ, вторыя — въ извѣстной исправкѣ, которая дается только продолжительнымъ упражненіемъ. Отсюда — два разряда служебныхъ людей: одинъ и именно — низшій исполняетъ разныя замковыя работы и платитъ дани на замокъ; другой — высшій обязанъ военной службой, будетъ ли то гарнизонная или полевая — безразлично. Зданіе служебной іерархіи вѣнчаетъ незначительная сравнительно группа лицъ, отбывающая военную службу (конемъ) парангъ съ другими „чиннами“ высшего разряда, но въ то же время и пользующаяся нѣкоторыми правовыми преимуществами, главнымъ образомъ въ отношеніи юрисдикціи. Такова общая схема служилого класса, стройность которой, впрочемъ, иногда нарушается пережитками татарскаго времени. Отдѣльными звеньями въ этой схемѣ являются: люди *коланные* и *ясачные*, слуги *ордынскіе*, слуги *путьные*, слуги *конные*, или *панцирные* и, наконецъ, бояре подъ разными наименованіями: *бояре*, *земляне*, *пань* и *князя*.

„С. Цветковъ — отамонъ, а два человекъ: одинъ слуга, а другой — *коланый* (1471 г.). Больше въ дистраціяхъ Киевской земли мы не встрѣчаемся съ коланными, но изъ свидѣтельства Овруцкаго старожилы Немиры о боярскомъ происхожденіи Велавскихъ, которые „служивали коньми а въ панцирахъ, посполу съ бояры Вруцкими, а съ коланными людьми и съ слугами ордынскими не служивали“¹⁾ — видно,

¹⁾ Кв. II Суд. дѣль, № 482, с. 1191.

что нѣкогда разрядъ коланныхъ былъ довольно распространеннымъ. Кого же мы должны разумѣть подъ коланными?

Изъ того факта, что въ дистраціи Барскаго староства однажды слово коланный употреблено съ предикатомъ: „убогій“ (*slużkowie, alias zubożale ludzi*), Владимирскій-Будановъ вывелъ заключеніе, что въ Литовскомъ государствѣ коланные принадлежали къ разряду свободныхъ, но убогихъ людей, изъ которыхъ рекрутировался классъ служекъ ремесленныхъ, а иногда и не-ремесленныхъ для надобностей замка¹⁾. Но, какъ показалъ проф. Линниченко²⁾, предикатъ: убогій далеко не выражаетъ всей природы коланства: это только его акциденція. Дѣйствительная природа коланства выражается предикатомъ: *illiber*, съ какимъ обыкновенно фигурируютъ коланные въ книгахъ земскихъ и гродскихъ, относящихся къ Галицкой Руси. На основаніи матеріала, собраннаго проф. Линниченко въ его сочиненіи: „Черты изъ исторіи сословій юго-западной Руси XIV—XV вв.“, положеніе коланныхъ можетъ быть представлено въ слѣдующемъ видѣ. Прежде всего коланные лишены права выхода и въ этомъ смыслѣ несвободны. Но состояніе коланства не есть рабское: свидѣтельство коланнаго принимается въ судѣ; по-видимому, онъ могъ имѣть также имущество, заключать нѣкоторыя гражданскія сдѣлки и вести процессы по дѣламъ имущественнымъ черезъ уполномоченныхъ и т. п. За свою службу коланный пользуется участкомъ земли, который, помимо службы, былъ свободенъ отъ всякихъ пошлннъ³⁾.

Эти выводы о природѣ коланнаго сдѣланы проф. Линниченко главнымъ образомъ на основаніи документовъ, относящихся непосредственно къ Галицкой Руси. Но они имѣютъ значеніе и для болѣе широкой территоріи. Въ жалованной грамотѣ кн. Слуцкой Троицкому монастырю на даннаго человекъ мы, напр., читаемъ: „а коли прочь пойдетъ, тогда маєть его искати, какъ *которого коланного*, хто будетъ монастырь тотъ держати“⁴⁾. Здѣсь терминъ: коланный, очевидно, синонимъ непохожаго: монастырю предоставляется искать

¹⁾ А. Ю. З. Р. VII, II, с. 156.

²⁾ См. оп. с. ниже, р. 92 и сл.

³⁾ Черты изъ исторіи сословій, с. 93—5.

⁴⁾ А. З. Р. I, № 98.

бѣглеца, какъ непохожаго, т. е. не имѣющаго права выхода. Въ Актахъ, наданныхъ Леонтовичемъ, относительно интересующаго насъ вопроса мы находимъ такое мѣсто: (записали дворъ Костевскій) „съ коланными, т. е. *тлалыми*, и зъ ихъ землями и зъ данники“¹⁾. Въ этомъ документѣ подчеркивается тяглый характеръ коланства. Наконецъ, мы располагаемъ еще однимъ и послѣднимъ документомъ о коланныхъ, который для насъ имѣетъ тѣмъ большій интересъ, что непосредственно относится къ Киевской землѣ. Это упомянутое уже нами свидѣтельство старожила Немиры о боярскомъ происхожденіи Велавскихъ. „Служивали—говорить о нихъ Немира—коньми, а въ панцырахъ, посполу зъ бояры Вруцкими; а съ коланными людьми и съ слугами Ордингскими не служивали, а жадного *потягу* не тягнули... а *колану* также жадного не служивали“²⁾. Здѣсь коланъ является синонимомъ *потягу*, а коланная служба противопоставляется службѣ боярской, какъ непривилегированная.

Всѣ выше приведенныя данныя въ связи съ изслѣдованіемъ проф. Линиченко позволяютъ намъ установить взглядъ на коланныхъ, какъ на слугъ тяглыхъ и непохожихъ.

Откуда же и какъ появились въ Киевской землѣ коланные?—Для отвѣта на этотъ вопросъ слѣдуетъ уяснить генезисъ самого термина. Несомнѣнно, что слово „коланъ“, „коланный“ не русскаго происхожденія: его слѣдуетъ искать у Тюрковъ. Но сами тюрковѣды до сихъ поръ не согласились относительно происхожденія и значенія этого термина. Проф. Коршъ, напр., полагаетъ, что названіе: коланный имѣетъ связь съ словомъ *кала*—поясъ, подпруга, ремень, кнутъ. Проф. Веселовскій, не соглашаясь съ этимъ, предложилъ отъ себя три конъюнктуры. Во-первыхъ, по его мнѣнію, возможна связь коланныхъ съ татарскимъ *кул*—рабъ; во-вторыхъ, еще болѣе подходит сюда слово *кала*, что означаетъ привилегированнаго раба, имѣющаго гарантію на освобожденіе, и, наконецъ—что самое вѣроятное—это связь коланныхъ съ подушной податью (оброкомъ), носившей у Татаръ названіе: *кала*³⁾. Отсюда, коланными будутъ называться люди оброч-

¹⁾ II, № 621.

²⁾ Кн. II Суд. дѣлъ, № 482, с. 1191.

³⁾ У Линиченко—Черты или исторія сословія, с. 93—7.

ные, тяглые, *illibegі*, т. е. тѣ именно, о которыхъ у насъ идетъ рѣчь.

О службѣ коланныхъ въ Киевской области можно догадываться на основаніи данныхъ, относящихся къ Барскому староству. По экстрактѣ 1565 г.¹⁾, коланные здѣсь платятъ на замокъ подъемное и пушкаревщину, а также отправляютъ замковую службу въ ея низшихъ проявленіяхъ, что лучше всего характеризуется терминомъ—*slużkowie*.

Совершенную аналогію съ коланными—и по названію, и по тяглу—представляютъ люди *ясачные*, которыхъ находимъ, какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ Киевщины. Слово: „ясакъ“, „ясачный“ носитъ несомнѣнные признаки татарскаго происхожденія. По Леонтовичу, *ясакъ* въ монгольско-татарскомъ правѣ неконн означаетъ и правовой обычай и основанныя на немъ тяглыя повинности и дани—разнообразныя службы, отправлявшіеся подданными въ пользу своихъ родовъ или правильнѣе—родовыхъ вождей. Отсюда, люди *ясачные*—это первоначально тѣ, которые въ эпоху татарскаго владычества въ Киевской землѣ были выдѣлены изъ массы остальнаго населенія для какихъ-либо специальныхъ службъ²⁾. Эти, болѣе априорные, чѣмъ фактическіе выводы, сдѣланные Леонтовичемъ на основаніи разныхъ догадокъ и сопоставленій, подтверждаются, какъ нельзя лучше, несомнѣнными документальными данными. Около 1500 г. Менгли-Гирей жаловался на литовскаго великаго князя, что „которые его (хана) люди отъ стороны потягли къ ордѣ, тѣмъ его людямъ вел. князь не велитъ *ясака* давати, ни его, хана, дарагамъ не велитъ у нихъ по старинѣ быти; изъ старины же къ Перекопской ордѣ тянули *Кіевъ* въ головахъ почевъ, а опроче по тѣмъ городкомъ дараги были и *ясаки* съ тѣхъ людей имали: *Камевъ*, да *Нестобратъ*, да *Данко*, да *Яро*, да *Чанамъ*, да *Болдавъ*, да *Кулжанъ*, да *Биринъ*, *Челбанъ*, да *Черкасскій* городокъ, да *Путивалъ*, да *Линятинъ*; тѣ городки и зъ селы всѣ царевы люди“³⁾. *Ясачники* такимъ образомъ въ періодъ фактической зависимости Киевской земли отъ Татаръ (каковой періодъ, по словамъ Менгли-Гирея, продол-

¹⁾ А. Ю. З. Р. VII, II, с. 222—23.

²⁾ Крестьянская дворъ, въ Ж. М. Н. Пр. 1897, V, с. 18—29.

³⁾ Сбор. Истор. т. 35, с. 290—92.

жался будто бы еще при Седи-Ахметѣ, т. е. около половины XV в.) обзаны были, во-первыхъ, платить дань въ Орду, а во-вторыхъ, принимать и содержать у себя дарагъ, т. е. татарскихъ чиновниковъ. Впоследствии, когда власть Татарь надъ Киевомъ сдѣлалась только номинальной, служба ясачниковъ была обращена на мѣстные замки.

Въ 1494 году кievскій бояринъ Васильо Ершевичъ билъ челомъ вел. кн. Александру и повѣдалъ передъ нимъ, „штож кн. Семень Олелковичъ далъ отцу его именью в Черкасскомъ повѣтѣ, на имя Мошны за его отчину, а в том его именьи люди были ясачныи, къ Черкасомъ служили ясачную службу“¹⁾. Въ чемъ же состояла ясачная служба въ Литовскій періодъ? — Объ этомъ узнаемъ изъ жалобъ черкасскихъ мѣщанъ (ок. 1535 г.) на разныя новины и „тяжкости“, возведенныя на нихъ Остафіемъ Дашкевичемъ. „А что си дотычетъ роботы городовое — докладываи мѣщане господарю — передъ тымъ здавна на замокъ дрова возживали и воду ношивали и кликовали особные ясачники, на имя: Сапко а Бодей и село Ирновы Мошны и другое Домонтово село: тые дей вси по недѣли годъ до году оную службу на замокъ служивали“²⁾.

Ясачники навѣстны намъ и въ другихъ повѣтахъ. Къ Чернобыльскому замку, напр., было приписано около 10 селъ, сплошь населенныхъ ясачниками. Объ ихъ обязанностяхъ лекстр. вообще умалчиваетъ, но относительно Андрея Мишковича съ его племенемъ и потужниками она замѣчаетъ, что упомянутыя лица „повинны даватъ воеводе Киевскому на годъ 30 гр., стогъ сена, а меду пресного 4 ведерца, которыхъ 15 у кади“³⁾. Въ той же люстраціи названы еще нѣсколько уходниковъ, которые даютъ „ясачины“, но уже панамъ своимъ. Изъ этого проф. Любавскій сдѣлалъ выводъ, что ясачники — вообще люди данные⁴⁾; но Андрей Мишковичъ съ племенемъ своимъ платилъ дани въ пользу Киевскаго воеводы; о мѣстной же ихъ службѣ люстрація ничего не говоритъ, хотя въ другихъ случаяхъ включаетъ ясачни-

¹⁾ А. Ю. З. Р. VIII, IV, № 14 = Słownyk VI, 733 = Сказаніа Похилевича, с. 620.

²⁾ А. Ю. З. Р. VII, II, с. 363 = *ibid.* VIII, V, № 6, с. 10—11.

³⁾ А. Ю. З. Р. VII, I, с. 590.

⁴⁾ Областное дѣленіе, с. 342.

ковъ въ Чернобыльскія недѣли, т. е. поручаетъ имъ тяглую службу, подобную той, какую несли черкасскіе ясачники. Да и само собою мало вѣроятно, чтобы чернобыльскіе ясачники ограничивались одной только данью Киевскому воеводѣ (или своимъ панамъ), въ то время, какъ за недостаткомъ мѣстныхъ служилыхъ людей къ исполненію Чернобыльскихъ недѣль привлекались села изъ другихъ повѣтовъ, напр., Овруцкаго. На полноту Чернобыльской люстраціи вообще не слѣдуетъ полагаться, такъ какъ она, очевидно, писана на скорую руку и сообщаетъ свѣдѣнія самыя поверхностныя.

Ясачная служба съ тяглымъ характеромъ извѣстна и древнѣйшей люстраціи Киевской земли, въ повѣтахъ — Винницкомъ и Житомирскомъ: „подымщину дають, а городъ роблять“ (Дзезеновъ); „имуть тяглы тягнути, какъ и инымъ люди“ (с. Бордвиково).

Выше приведенныя свѣдѣнія о ясачныхъ людяхъ пополняетъ нѣсколько уставная грамота вел. кн. Александра кievскаму мѣщанамъ. Она трактуетъ ясачниковъ, какъ людей, которымъ, не въ примѣръ прочимъ, въ торговлю „не вольно ѣздити“, и въ то же время „на войну ясачнымъ людямъ не ходити“¹⁾. Очевидно, ясачники были тяглые непохожіе люди, которые несли свою службу на замокъ въ видѣ определенныхъ податей и натуральныхъ повинностей²⁾.

Люди коланные и ясачные — это низшіе прислужники замка, штатскіе. Съ характеромъ болѣе военнымъ выступаютъ передъ нами *слуги ордынскіе*. Ордынцы — это слуги, которые, выражаясь словами Овруцкой люстраціи, „повинны при послахъ и гонцахъ господарскихъ ѣздити до Орды, а живуть у мѣстѣ, а земли отчизные, данные, а входы свое на то особливе мають и при старостѣ предся на службу господарскую коню и збройно ехати повинны, а подводомъ и стацкою дають“³⁾. Собственно специальною ордынскихъ слугъ было — сопровождать въ Орду пословъ и гонцовъ, а такъ какъ это доставляло имъ знакомство со степью, то, по

¹⁾ А. З. Р. I, № 170.

²⁾ Къ сожалѣнію, и послѣ рецензіи проф. Линиченко мы не можемъ внести въ это опредѣленіе никакихъ индивидуальныхъ признаковъ — недостаетъ данныхъ.

³⁾ А. Ю. З. Р. IV, I, с. 41—2.

всей вѣрности, ордынцы употреблялись также и для развѣдочной службы. Ради этихъ цѣлей имъ усвоилось и особое вооруженіе. Powinni—читаемъ въ одномъ документѣ—po ordynsku, albo po petyhorsku w rancerzu z mizurka osadze¹⁾.

Что касается правового положенія ордынцевъ, то, по видимому, въ Киевщинѣ они были свободны, т. е. сохраняли за собой jus reclinationis. Заключаемъ изъ того, что Овруцкая люстрація указываетъ цѣлый разрядъ бояръ — слугъ, „которые передъ тымъ были слугами ордынскими, повѣдаютъ себе вызволенными отъ господарей ихъ милости с тое службы ордынского и мѣнячи себе быти шляхтичами“²⁾. Считаемо мало вѣроятнымъ, чтобы вчерашніе illiberi сегодня заявляли свои права на принадлежность къ шляхетскому званію; хотя, съ другой стороны, ордынская служба не была и привилегированной: ордынцы гатили греблю.

Не совсемъ ясна роль слугъ или мѣщанъ *поленицкихъ*, которые навѣтны уже древнѣйшей люстраціи (с. Романово), а въ послѣдующее время задержались только при Овруцкомъ замкѣ. Леонтовичъ высказалъ предположеніе, что это суть сторожа, которые высматривали въ полѣ неприятеля, на мѣстахъ урочистыхъ³⁾; возможно — но документальнаго подтвержденія этому мы не находимъ. По Овруцкой люстраціи мѣщане поленицкіе это—гѣ, „што службу служатъ поленицкую, т. е. и сена косятъ на замокъ, а подводу и стацію посполите зъ иишими дають и ставъ готять... изъ старостою и изъ наместникомъ на службу господарскую ездятъ“⁴⁾. Число ихъ не велико.

Въ Киевской землѣ, какъ граничной, была большая потребность въ слугахъ *путныхъ*, т. е. такихъ, которые бы, съ одной стороны, ѣздили въ качествѣ курьеровъ со всевозможными порученіями, а съ другой — слѣдили бы за шляхами, по которымъ обыкновенно двигались Татары, когда совершали набѣги на Киевскую землю⁵⁾. Мозырская люстра-

¹⁾ А. Ю. З. Р. VII, II, 419.

²⁾ А. Ю. З. Р. IV, I, с. 41.

³⁾ Ж. М. Н. П. 1897, IV, с. 458.

⁴⁾ с. 42.

⁵⁾ Подемизируя съ Любавицкимъ (Област. дѣл. 349), Леонтовичъ старается доказать, что названіе путныхъ произошло не отъ ихъ

ція такъ опредѣляетъ обязанности путныхъ слугъ: „винни—говорить она—ездити на доведанне въ месте о неприятеля, а зъ листомъ старостиннымъ, где розкажетъ“¹⁾. При Киевскомъ замкѣ для подобной службы было назначено с. *Позняковичи*. Повинность жителей этого села, по ихъ собственному сознанию, была: на slaki dla straży jezdzić, za kazdem rozkazaniem wojewody albo sprawce onedo miejsca, także gdzieby nieprzyjaciel w ziemię wtargnał, pod wojsko podjezdzić i insze posługi czynić²⁾. Служба путная считалась ниже боярской (хотя путники часто именуется и боярами); поэтому мы видимъ, что въ путники производятся иногда прямо изъ тяглыхъ. „То слуги путные—читаемъ мы въ Мозырской люстраціи, которыхъ вчинили слугами п. Михайло Гагичъ, державца перный Мозырский, а передъ тымъ были тяглы“³⁾.

Близко къ путникамъ стояли *слуги замковые*. Обязанность ихъ, по Житомирской люстраціи, „на службу господарскую ездити, якъ вѣстей ся довѣловати, такъ и во всѣхъ потребахъ, гдѣ колькакъ имъ розкажутъ“⁴⁾. Этого рода слуги были почти во всѣхъ замкахъ.

Едва ли не самый многочисленный разрядъ слугъ составляли слуги *конные*, или *панцерные*, предназначенные спеціально для военной службы въ полѣ. Съ такими слугами мы встречаемся уже въ древнѣйшей люстраціи Киевской земли: „служба ихъ только на войну ходитъ“, да кромѣ того, черезъ два года на третій они платили при Витовтѣ подымщину, „а иныя службы никоторое не служивали“. Впрочемъ, кн. Семенъ Олельковичъ заставлялъ этихъ слугъ „сено косити, на толоку ходити, а ставъ сыпати“, но „того

разсильной службы, а военной (Ж. М. Н. П. 1897, IV, с. 418—52). Дѣйствительно, ему удалось собрать данныя, изъ которыхъ видно, что *когда* идти въ путь значило: идти на войну. Но, какъ видно изъ нижеслѣдующаго, обязанности слугъ путныхъ были собственно не военными, а разсильными, и нѣтъ никакихъ оснований полагать, чтобы когда-либо было иначе: XVI в. еще болѣе нуждался въ военной службѣ, чѣмъ предшествующіе.

¹⁾ А. Ю. З. Р. VII, I, 625.

²⁾ Зр. XX, 7.

³⁾ с. 625.

⁴⁾ А. Ю. З. Р. VII, I, 148.

дей имъ изъ старины не было—то новина на нихъ“, жалуются обиженные люстратору. Нужно полагать, что эта новина была впоследствии выведена, потому что слуги этой категории по люстраціямъ половины XVI в. уже не несутъ тяглыхъ обязанностей.

Слуги панцирные, собственно говоря, составляли контингенты, наиболее пригодные для активной обороны страны: мѣщанская милиція совсѣмъ для этой цѣли не годилась, а другіе разряды слугъ мало были къ ней приспособлены. Поэтому мы видимъ, что въ тѣ времена, когда въ Кіевѣ сидѣли удѣльные князья, дѣйствительно заботившіеся о безопасности своего удѣла, число панцирныхъ слугъ было весьма значительно. Такъ, по люстраціи 1471 г. на общую цифру 479 человекъ (семействъ) населенія приходится 187 слугъ, т. е. больше, чѣмъ $\frac{1}{2}$. Кіевъ, какъ центральный пунктъ, былъ окруженъ кольцомъ селъ, изъ которыхъ, по словамъ позднѣйшей люстраціи, „выхаживало люду панцерного на службу господарьскую 146 человекъ“¹⁾. Но, вѣроятно, послѣ Менгли-Гиреева вынѣтя или нѣсколько позже эти села запустѣли.

Слуги, къ какому бы разряду они ни принадлежали, отбывали службу съ извѣстныхъ участковъ земли, которые по своимъ размѣрамъ считались достаточными для этого. О слугахъ ордынскихъ, напр., Овруцкая люстрація замѣчаетъ, что, хотя они живутъ въ мѣстѣ, но „земли отчизные, данные, а входы свое на то особливые мають“²⁾. Иногда эти участки такъ и назывались по роду службы, которая съ нихъ отправлялась: „земля ордынская“, „земля ковальская“, „земля поленицкая“³⁾. Одинъ и тотъ же человекъ въ одно и то же время могъ нести двѣ разныхъ службы, смотря по тому, какими землями онъ владѣлъ (Павелъ Кузнецъ — ордынецъ и коваль, Матвей Тарелка — ордынецъ и поленица, Яковъ Семеновичъ — пушкаръ и слуга конный etc.). Иногда, впрочемъ, случалось, что поленицкій такого или иного рода службу не имѣлъ въ своемъ распоряженіи даже и одного служебнаго участка въ указанномъ смыслѣ.

¹⁾ А. Ю. З. Р. VII, I, с. 120—1.

²⁾ А. Ю. З. Р. IV, I, с. 41.

³⁾ *ibid.* с. 42.

Это было тогда, если онъ самъ выражалъ желаніе отправлять эту именно службу съ своей наличной земли. Такъ, въ 1514 году кіевскій слуга Ларивонъ Стапкевичъ просилъ замѣнить тяглую службу его отца и братьевъ земскою — „они дей люди достаточны, могутъ гараздъ службу земскую заступовати“. И господарь, уважая просьбу челобитчика, велѣлъ его отцу и братьямъ заступать земскую службу „у троухъ зброяхъ достаточныхъ, какъ и инымъ поданнымъ нашимъ шляхтѣ розказали есмо къ службѣ нашей достаточне ся мети“¹⁾. Но земля осталась за ними тяглая — та самая, какою они владѣли и прежде.

Высшіе разряды слугъ, какъ путники и особенно панцирники, очень тѣсно оббликались съ боярствомъ. Общимъ для тѣхъ и другихъ была служба — и служба конная. Подобная служба считалась уже боярскою, а потому, напр., и путники нерѣдко именовются боярами. Отсюда, для высшей категории слугъ открывался соблазнительный по своей легкости переходъ въ полноправное боярство. Мы уже говорили о боярахъ Овруцкой люстраціи, которые „передъ тѣмъ были слугами оръдынскими, повѣдають себе вызволеными быти отъ господарей ихъ милости с тою службы оръдынской и мѣнячи себе быти шляхтичами“²⁾. Вотъ еще одинъ, болѣе конкретный примѣръ. Въ 1450 году Олелько Владиміровичъ пожаловалъ слугу своего Ларивона Велавскаго: „не надобе ему намъ в слугами службы служити и полатовъ платити и иныхъ никоторыхъ пошлинъ в Чернобыли не велели: подводами, ни стеречи — служити ему службу з бояры“³⁾. Впоследствии, при Семенѣ Олельковичѣ, Велавскіе, за какой-то выступъ, были лишены всѣхъ своихъ имѣній; но это не обратило ихъ въ первобытное состояніе. По смерти своего господина, они съ помощью овруцкихъ старожилевъ выводили свое шляхетство, получаютъ обратно маестности и продолжаютъ дальше именоваться землянами.

Изъ выше приведеннаго примѣра видно также, какимъ образомъ слуги становились настоящими боярами. Для этого

¹⁾ Любавскій Литовско-русскій сеймъ, с. 433.

²⁾ Подобная же метаморфоза случилась и съ боярами Завтскими, которые передъ тѣмъ были на положеніи замковыхъ слугъ. — *Зг.* XX, 7.

³⁾ Док. Грушевскаго XI, № 1—А. Ю. З. Р. IV, I, № 1.

имъ нужно было освободиться отъ повинностей и податковъ, какіе были связаны съ предшествующей службой, въ родѣ недѣли Чернобыльской, явчизны, подводъ и т. п., съ замѣной ихъ службой конной, въ зброѣ. Nie kazali tych powinności zamkowych reńnic—читаемъ въ одномъ вырокѣ Сигизмунда Старого—ale tylko kazali im wesołok z ziemianami z oyczuzi dziedzicznych i wyołozonych na służbę ziemską woenną iezdzie¹⁾. Такъ какъ высшіе разряды слугъ и безъ того состояли на конной службѣ, то переходъ къ боярству совершался мало примѣтнымъ образомъ.

Обыкновенно hoпо повus, тѣмъ или инымъ способомъ получившій боярское званіе, со всеми его преимуществами, старался выдѣлать себя отъ своихъ прежнихъ собратій и новой кличкой: онъ именовалъ себя *земляникомъ*. Землянами еще раньше именовали себя коренные бояре въ тѣхъ же цѣляхъ—чтобы не смѣшиваться съ боярами по титулу, хотя и къ высколкамъ они относились не совсѣмъ доброжелательно: „не вѣдаемъ, отколѣ суть“,—такъ отзывались о нихъ на Волыни представители старинныхъ боярскихъ родовъ.

Часто бояре именовались еще *панами*. Этотъ титулъ обыкновенно прилагается къ магнатамъ, владѣющимъ большими лятифундіями, но можетъ употребляться и вообще для обозначенія челоуѣка благороднаго происхожденія. Проф. Любавскій, полемизируя съ Антоновичемъ относительно условности землянскаго титула²⁾, впалъ въ ошибку съ другой стороны, придавая панамъ какое-то особое значеніе: панъ будто бы крѣпче держалъ свое имѣніе, чѣмъ всякій другой бояринъ³⁾. Крѣпче—поскольку исправнѣе отправлялъ свою службу, но въ принципѣ и въ обычной практикѣ державныя права пановъ и рядовыхъ бояръ были одинаковы, такъ что, напр., въ случаѣ безпотомной смерти пана, его выслуга съ такой же легкостью обращалась въ выморочное имущество, какъ и всякая другая (даже и при наличности боко-

¹⁾ А. Ю. З. Р. IV, I, с. 29; ср. *ibid.* с. 9, 26, 29, 33 и др.

²⁾ Областное дѣленіе, с. 539.

³⁾ *ibid.* 312, 560. Авторы находятъ даже возможнымъ на этомъ патрѣомъ основаніи „установить точный, юридическій смыслъ соціальнаго термина „панъ“.

ныхъ наследниковъ)¹⁾. Поскольку прочіе бояре исправно отбывали свою службу, они такъ же крѣпко держали свои отчины и выслуги, какъ и паны: значить, объ этомъ нечего и разговаривать.

Князей въ Киевской землѣ было не много; изъ мѣстныхъ: Довмонты, Капусты, Половцы, Глинскіе, кратковременно—Сараевичи и Смаги; изъ стороннихъ—Острожекіе, Корещкіе, Сенскіе. Послѣдніе головныя свои имѣнія держали въ другихъ земляхъ.

Магнатовъ хоругвыхъ и тѣхъ, „которые не судятся въ повѣтѣхъ“, среди мѣстныхъ киевскихъ княжескихъ и боярскихъ родовъ не было. Въ этомъ отношеніи киевское боярство довольно односоставно.

Что же представляетъ изъ себя боярство, какъ таковое?

Сила боярства въ недвижимомъ имуществѣ, въ землѣ. Но землей оно владѣло не даромъ: за это съ него требовалась навіѣтная служба. Бояринъ считался отчичемъ своей земли до тѣхъ поръ, пока исправно отбывалъ службу, какая на ней лежала. Въ качествѣ иллюстраціи этого положенія сошлемся на вырокъ вел. кн. Александра въ тяжбѣ Ивана Дашковича Глинскаго съ Сенькомъ Володкевичемъ о имѣніи Гостомль, въ Киев. пов. Хотя Сенько Володкевичъ получилъ это имѣніе безъ воли господарской, по одной только даннѣ Киевскаго воеводы Юрія Пацевича, но господарь поставилъ ему въ вину и то, что тотъ „отѣжчалъ до Мстислава и тамъ два годы мѣшкать, а службы съ того имѣнія съ

¹⁾ Для примѣра обращаемъ вниманіе на дѣло о наследствѣ п. Остафія Дашкевича. Какъ навіѣстно, этотъ панъ умеръ безъ мужского потомства; наследниками его имущества оказались: сестра Милоха и нѣсколько племянницъ. Посоветовавшись съ панами рады, господарь вынесъ такое рѣшеніе: „Што ся дотычетъ имѣннѣмъ выслугѣ небожчика п. Остафія Дашковича, который онъ быль выслужилъ на Александрѣ королѣ, тую всю выслугу п. Остафіеву господарь его милость взялъ къ рукамъ своимъ, яко а частность свою господарскую“ (А. Ю. Р. II, № 117). Между тѣмъ многимъ не—панскимъ фамиліямъ дозволено было вѣствовать въ боковыхъ линияхъ, по кудели. См., напр., Агта Леонтовича I. № 181; Грам. Антоновича № 13.

Подобно тому, какъ съ имѣніями Остафія Дашкевича, было поступлено и съ выслугой кн. Мстиславскаго: она не пошла въ раздѣлъ между его дочерьми, но возвратилась на господаря.—А. З. Р. I, № 131.

Княне не служивалъ¹⁾. Въ результатъ у Сенька Володковича имѣніе было отобрано и передано другому.

Имѣнія, полученныя въ вознагражденіе за службу и подъ условіемъ таковой, могли отчуждаться только въ томъ случаѣ, если гарантировалась исправность этой службы. Это въ одинаковой мѣрѣ касается, какъ купли — продажи, такъ и наслѣдованія. И то и другое совершалось не иначе, какъ съ разрѣшенія или во всякомъ случаѣ — съ вѣдома господара. При этомъ могли быть такіе случаи.

Имѣнія, пожалованныя „до воли“, считались только во временномъ распоряженіи даннаго лица, а потому не могли переходить по наслѣдству или быть отчуждаемы въ другія руки (такъ въ принципѣ, въ дѣйствительности же исключенія были).

Имѣнія купленныя и отчизныя можно было наслѣдовать и отчуждать — съ произволеніемъ господара. Наслѣдованіе допускалось, какъ въ прямой линіи, такъ и въ боковыхъ — по близости. Что касается отчужденія, то существовала значительная разница между имѣніями закунными и отчизными. Въ то время, какъ первыя владѣлецъ могъ свободно распорядиться, не обращая никакого вниманія на родственниковъ, относительно отчизнъ онъ былъ стѣсненъ ограничительными условіями. Статутъ 1529 г. дозволяетъ только $\frac{1}{3}$ отчизныхъ имѣній отчуждать на вѣчность²⁾; $\frac{2}{3}$ должны оставаться въ распоряженіи законныхъ наслѣдниковъ. Въ качествѣ иллюстраціи можно сослаться на такой случай. — Въ 1520 г. черкасская землянка Ульяна Потапова жаловалась кор. Сигизмунду, что ея братъ Федко хочетъ записать своей женѣ отчизныя и материзныя имѣнія — Мохны и Бѣлбергъ — отдавая близкихъ „не подлугъ обычая права земского“. Это дѣло было поручено разобрать О. М. Гапшольду, который „тому Федку не казаль вєихъ именей отъ близкихъ жонє своей записувати, лєчь на третей части, и на то тымъ близкимъ листъ свой судовый далъ“³⁾.

Личная выслуга имѣла довольно условный характеръ, который сказывался въ томъ, что, при отсутствіи прямихъ или способныхъ къ службѣ наслѣдниковъ, она весьма легко

¹⁾ Акты Леонтовича I, №№ 300—301.

²⁾ I, § 16, ср. § 15; во второмъ Статутѣ это ограниченіе снято.

³⁾ Док. Грушевскаго XI, № 2.

становилась выморочнымъ имѣніемъ — возвращалась къ господарю; такъ, напр., было поступлено съ выслугой Остафія Дашкевича, въ то время, какъ его отчизныя и материзныя имѣнія пошли въ раздѣлъ между близкими¹⁾.

Таковы въ основныхъ чертахъ были имущественныя права боярства. Каковы же были его личные права?

Основнымъ положеніемъ признавалось, что всякій бояринъ лично свободенъ. Бояринъ, не въ примѣръ простому человѣку, не могъ быть насильно отданъ въ подданство другому, хотя бы то и князю; но могъ, если хотѣлъ, служить ему добровольно. Въ нашемъ запасѣ имѣется такой случай. По ошибкѣ землянамъ Суринымъ были подданы земляне же, но только захудалые — Доротичи (изъ рода Велавскихъ). Тѣ воспротивились этому и, послѣ того, какъ имъ удалось съ помощью свидѣтельскихъ показаній разныхъ лицъ вывести свое шляхетство, вырокомъ кор. Сигизмунда I Доротичи были признаны свободными²⁾. Вывали, разумѣется, и другіе случаи, когда одинъ бояре жаловались другимъ; напр., Чудновъ пожалованъ К. Острожскому, между прочимъ, „со всеми бояры Чудновскими“³⁾. Но въ подобныхъ случаяхъ обыкновенно дѣлалась, а всегда подразумевалась оговорка: „если восхотятъ служить“. Если же случалось, что такіе бояре отказывались нести службу своему владѣльцу, то имъ предоставлялась полная свобода уйти, но только — безъ земли. „А которые не восхотятъ ему служить — читаемъ въ выше упомянутомъ привилеѣ К. Острожскому — тыи мають оставивши имѣнія свои, прочь отъ него ѣхати со всеми своими статки“.

Что касается присуда, то по этому вопросу достаточно было говорено въ главѣ объ управленіи. Бояре подлежали присуду своихъ воеводъ и даже старостъ, но съ правомъ отзывать на господара. Въ послѣднемъ случаѣ спорящимъ сторонамъ назначался опредѣленный „рокъ“, въ который тѣ, подъ угрозой „страченія“ права и часто — подъ зарукой „пенной“ суммы пенязей — обязаны были явиться передъ пановъ

¹⁾ А. Ю. Р. II, № 117.

²⁾ Кн. II, Суд. дѣль № 482.

³⁾ А. З. Р. II, № 29, ср. А. Ю. З. Р. VIII, IV, № 22 (подтверд. В. Верейскому на г. Любечъ съ волостями).

рады, послѣ того, какъ были установлены судебныя комисиі¹⁾, или передъ самого господаря—до установленія такихъ или даже помимо нихъ.

Извѣстнымъ правамъ должны были соответствовать и извѣстныя обязанности. Это—служба. Бояре обязаны были прежде всего нести конную земскую службу съ своихъ помѣстій — „конно и збройно“ становиться въ походъ своею персоною²⁾. Кромѣ конной, земской военной службы, на боярахъ лежали еще нѣкоторыя замковыя повинности. Они, напр., должны были „подлѣ возможности своею“ содержать на свой счетъ извѣстное количество городень въ замкѣ; они, совместно съ мѣщанами, строили и чинили остроги, выкажали въ извѣстное время съ урядниками на ловахъ. Впрочемъ, эти повинности регулировались и видоизмѣнялись особыми привилегіями или обычаями въ каждомъ повѣтѣ.

Но былъ одинъ привилегій, который опредѣлялъ въ основныхъ чертахъ правовое и служебно-имущественное положеніе всего киевскаго боярства. Это—привилегій, пожалованной киевской областной шляхтѣ еще Казимиромъ и дошедшей до насъ въ подтвержденіи кор. Сигизмунда отъ 1507 г.³⁾ Она даетъ киевской шляхтѣ слѣдующія гарантіи.

Во-первыхъ, *судебныя*. Привилегій гласитъ: безъ права боярь не судить — только за вину и по закону; свидѣтельство раба и холопа не въ счетъ; безъ надобности въ боярскихъ людей не вступаться, кромѣ случаевъ, указанныхъ выше⁴⁾. Здѣсь же начертаны и порядки суда надъ боярами, изложенный нами въ другомъ мѣстѣ⁵⁾.

Во-вторыхъ, *служебныя гарантіи*. Общее положеніе гласитъ: „Кинина, какъ и Литовца, во чти держати, и во вѣхъ врадѣхъ ни въ чомъ не понизити“.

¹⁾ Статутъ 1529 г. VI, § 8.

²⁾ Въ другихъ мѣстахъ Литовскаго государства съ мѣшій, мѣшанскихъ больше 8—10 служба, бояре должны были отправити въ войско еще нахолоковъ (А. З. Р. II, № 152; III, с. 58 и 121). Но Киевскій привилегій гласитъ: „Служба заступати съ тыхъ мѣшій съ Кияны *солмазъ своими головами*“. Яко на Украинѣ?

³⁾ А. З. Р. II, № 30; вторично подтвержденъ съ нѣкоторыми измѣненіями въ 1529 г., *ibid.* № 164.

⁴⁾ См. с. 492.

⁵⁾ На с. 91 и 492.

Въ частности, киевскія волости должны были жаловаться только киевскимъ боярамъ, „кому ся будетъ годити“. Отъ ордынской службы бояре увольнялись, за исключеніемъ особыхъ случаевъ. Отъѣзды за границу свободны (кромѣ земли неприятельской); нужно только осадить въ имѣніи службу, „такъ добрую, какъ бы и сами“.

Въ-третьихъ, *имущественныя гарантіи*. Отчина и выслуга остается за тѣми, кто ими владѣть, только нуждается въ подтвержденіи — „и то вжо будетъ наша дань“. Съ отчинами и выслугами можно устраивать различныя комбинаціи, но только — „съ нашимъ призволеніемъ“. Въ боярскія имѣнія господарскимъ урядникамъ вступу нѣтъ. Боярскіе люди освобождаются отъ нѣкоторыхъ тяглыхъ обязанностей въ пользу замка и т. п.

Взамѣнъ указанныхъ льготъ, привилегій требуетъ отъ киевскаго боярства только земской и замковой службы.

Въ дѣйствительности этотъ привилегій далеко не исполнялся во вѣхъ его „члонкахъ“, какъ съ той, такъ и съ другой стороны. Волости киевскія, напр., не всегда давались Киянамъ, какъ не всегда бояре дѣлали замки, а ихъ люди — стерегли Чернобыльскія недѣли. Но въ общемъ онъ отвѣчаетъ положенію киевскаго боярства въ рассматриваемый періодъ (по уничтоженіи Киевскаго удѣла).

Въ заключеніе этого краткаго очерка мы прилагаемъ перечень болѣе или менѣе видныхъ боярскихъ родовъ, имѣвшихъ помѣстья въ Киевской землѣ, примѣнительно къ половинѣ XVI в.

Аксаки, судя по имени, — Татары. Владѣли Норынскомъ въ Овруцкомъ и др.

Бабинскіе — владѣли Каменовой волостью въ Овруцкомъ, съ населенными пунктами: Каминное и Ленчинь.

Балакиры — владѣли Стрѣльскомъ въ Мозыр. Челнцемъ *ibid.*, которые обмѣняли у Гаштольда на Вельчу подлѣ Любечемъ. — Бувковымъ въ Черкасскомъ.

Богдановичи — *Крушевичи* владѣли не извѣстно чѣмъ въ Чернобыльскомъ; при пожалованіи Чернобыля Кмитѣ (1568 г.) получили взаменъ Олекенчи и Оводовичи на левномъ правѣ, въ Мозыр.

Бутовскіе—Брусилоскіе, по Ерличу, Татары. Владѣли Брусилосымъ въ Житомир.

Владыкы—Варевцы въ Черноб.

Вороны—владѣли обширными помѣстьями въ Житомир. повѣтъ, какъ Трояновъ, Ловковъ, Крошня, Денешы, Ханталины, Шумекъ (отъ Макаревичей), Мократыицы, Топорыца, Ивановцы. Одновременно Вороны имѣли помѣстья и на Волини.

Горностаны—чиновные магнаты. Имѣли помѣстья въ разныхъ повѣтахъ Киевской земли (и за ея предѣлами) — въ Житомирскомъ, по Скипорахъ, Тулинъ и Сосновъ, въ Чернобыльскомъ—Дитятки (90 г. XV в.), Рохтичи (1515, по Гринкахъ-Внуцкевичахъ), Горностайполь (около полов. XVI в.), Богданы и Зоринъ; въ Каневскомъ у Ельцовъ купили Козаровичи (1536 г.).

Гришковичей—с. Гришковичи въ Мозырскомъ.

Гринковичей—Давыдки и Собичинъ въ Овруцкомъ.

Григорьевичи-Потаповичи отчиной имѣли Григорьевъ и Таганчу, выслуженные на Киевскихъ князьяхъ; по кудели отъ Ершевичей получили Мошны, Вѣлберегъ и Ворохобичи. Последнее село въ 1531 г. было продано Немричамъ. Въ 1564 г. Потаповичи купили Жердеву у Морозовыхъ.

Дзяминскіхъ (Поляки) — Греганы въ Житомирскомъ.

Дашкевичи—можный панскій родъ. Ив. Дашкевичъ въ 1503 г. получилъ отъ кор. Александра обширныя, по пустыя имѣнія на Задѣпровѣ — по Трубежу и Супою, въ которыхъ при извѣстномъ Остафѣ Дашкевичѣ возникло два мѣста и 9 сель. Въ Черкасскомъ пов. Дашкевичамъ принадлежали: Паволочъ, два селѣща съ именемъ Лука, Носовъ на Каменницѣ и др.; всѣ—въ Бѣлоцерковскомъ обводѣ. Нѣсколько населенныхъ мѣсть въ Черкасскомъ и Каневскомъ обводахъ были отписаны Остафѣемъ Дашкевичемъ Пустыиному монастырю (Сорклавовъ, Колтыгаевъ, Черленковъ, Ярилово и др.). По безпотомной смерти О. Дашкевича, его имѣнія пошли въ раздѣлъ между племянницами, изъ которыхъ Олизарова-Волчквичева наследовала имѣнія по сю сторону Днѣпра, а Дублянская—по ту.

Кн. *Довмонты* (Литвины?). Родовыя гнѣзда ихъ: Довмонтовъ въ Чернобыльскомъ и Черкасскомъ повѣтахъ. Кромѣ

того, Довмонтамъ принадлежала еще цѣлая половина Мошень (по вдовѣ Ѳедковой) и Лебединъ (по княгинѣ Глинской).

Дѣдки, впоследствии *Трипольскіе*. По кудели отъ Мутышича (около 1500 г.) Дѣдкамъ достались въ Чернобыльскомъ повѣтѣ: Теремцы, Кучуковъ, Ладыжичи и Вѣлки; въномъ за Суриной они получили Ключки (Овр.), часть Соловѣвки и Княжичъ въ Кіев. Сами Дѣдки владѣли Сидоровичами въ Черноб. и Трипольемъ въ Кіев. Отъ послѣдняго прозваны Трипольскими.

Ельцы—владѣли будто бы Лучиномъ и Турбовымъ (Кіев.) еще въ до— Монгольской періодъ; отъ Семена Олельковича получили Сѣряковъ. Въ XVI в. Ельцы имѣли уже помѣстья почти во всѣхъ повѣтахъ Киевской земли. Они владѣли обширной Малинской волостью въ Житомир. (отъ Внуцкевичей); въ Овр. Ремезами (часть), Сухаревичами (по В. Глинскомъ), Народичами, Ширковичами, Литвиновымъ (Кеаверовъ 1507 г.), Ходаками (часть); въ Черноб.—Левковичами; въ Киевскомъ—Козаровичами (около 1507 г.); въ Черкасскомъ—Ождиловымъ.

Жеребятичи владѣли Опачицами въ Чернобыльскомъ (по Глинскихъ) и Чотановымъ (1507) въ Кіев. Кажется, вымерли.

Жубричи (изъ Черкасскихъ мѣщанъ) — по кудели отъ Васькевичей владѣли Вѣгловцами, Остапковцами, Лиеуновцами и Черемошной—въ Житомир. (вдѣ Быстрикомъ, Гуйвой и Гуевкой); Мліевомъ, Линчинцами, Орловцемъ и нѣкоторое время Яськовымъ (Смѣла)—въ Черкасскомъ (1533); у Путивльскихъ прикупили Радивоново (1537).

Закусилъ—Толкачи въ Овр.

Заморенки владѣли: Кошцевичами—въ Мозыр. (обмѣняли около 1522 г. у Гаштольда на Мохово въ Любечк.), Шаринымъ—въ Овруцкомъ и Углами—въ Черноб.

Кн. *Збаражскіхъ*—Бабичи въ Мозырскомъ (1522) и Бригинъ (1512).

Ивашенцовичи—Макаревичи. Гнѣзда ихъ—Козятичи и Янсеница въ Кіев.; тамъ же они владѣли: Борисовымъ, Наливайковкой, Лоевымъ Рогомъ, Липовой; въ Черноб.—Жеревомъ и Мухоѣдовичами (1522). По Глинскихъ Ивашенцовичи

получили дядковщину свою въ Бѣлоцерковскомъ обводѣ: Руть Старый и Новый, Тогановъ, Очковъ, Коштомировъ, Новоселье и Клайклище (1508).

Кн. *Капусты*—отъ Сигизмунда I въ 1511 г. получили: Бѣловежъ, Ракитно, Масѣвичи и Хишимо—въ Овруцкомъ. Тамъ же по люстрации они владѣли: Радовлемъ и Замысловичами; въ Черкасскомъ—Вороновымъ по Мизѣ.

Кмиты въ Мозырекомъ держали: Смолиговичи, Антоново и Сквышино (1545); въ Овруцкомъ—Веледники, Голубѣевъ (часть), Липляны, Новоселки, Серповичи, Замысловичи (часть); въ Чернобыльскомъ—Толстый лѣвъ, а впоследствии и Чернобыль (1568); въ Житомирскомъ—Коростешевъ (1499) и Романовъ (1505—29).

Колонтаевъ—Тулиговичи по Заройскихъ (1512).

Кн. *Коренки*—наслѣдники Глинскихъ. Владѣли: Суцанами (1506), Провымъ и Боровымъ въ Овруцкомъ; Стайками и Коиловымъ—въ Киевскомъ; Глинщиной (Золотоноша)—въ Черкасскомъ.

Корчевские владѣли въ Житомирскомъ Корчевымъ, Минейками и Сельцомъ; нѣкоторое время (до 1545 г.) имъ принадлежали еще Старосельцы, тамъ же.

Костюки держали Вербиковичи и Юрьевичи (по Сербиновымъ, 1510)—въ Мозырекомъ, Скородное (часть) и Норинскъ (часть)—въ Овруц.

Коташевичей—с. Сидоровичи въ Чернобыльскомъ.

Котлубан держали Ивницю, Хворощню и Ильашевъ—въ Житомирскомъ (50 гг. XVI в.)

Крыжановскихъ—Войчищина и др. въ Овр.

Кузмистровичи—*Дорогостайские*—наслѣдники Юршей. По Стугнѣ и Красной въ Киевскомъ владѣли: Лукавищей, Веприномъ, Хворощней и Глевахой; въ Чернобыльскомъ—Копачами (1552).

Ложки, изъ Подлясы. По Олеховичахъ (1494 г.) получили на Задѣпировѣ: Старое, Булачинъ, Бусурманское, Ярославское, Сальково, Процево, Круглое и Сошниково; по сю сторону, въ Киевскомъ же—Мелеховщину, Труденевщину и Тригубовщину. Сами владѣли: м. Пуковымъ, Батыевымъ, Рожавомъ, Феневичами, Зарудьемъ, Высокимъ, Ситниками,

Ставищемъ, Вихеревымъ (1507 г.) и др.—въ Киевскомъ, Щерѣвковичами—въ Мозырекомъ.

Лазовицкіе (изъ Берестейщины)—владѣли обширными, но пустыми имѣніями въ Житомирскомъ по теченію р. Гуйвы: Жердели, Звиняче, Гавчинъ, Руды.

Ленковичей (Армяне) Оточиловъ и Напрудье въ Мозырекомъ, Вишенки (часть)—въ Киевскомъ.

Мошковичей (м. б. изъ Евреевъ) Жежелевъ и Хомутовъ „на Пяту“—въ Житомир.

Морозовы выслужили Жердеву на Семенѣ Олельковичѣ (1459 г.), у Потаповичей купили Григорьево (1565 г.) и по родству отъ нихъ же держали 1/2 Мошенъ.

Немиричи—спадкоємцы нѣсколькихъ родовъ. По Обернѣевичахъ имъ досталась волость Олевская въ Овруцкомъ, съ селами: Спониловичи, Долгоселье и др.; по Скобейкахъ—Черняховъ (матчина) въ Житомирскомъ; по Половцахъ—Глѣбовъ на Рпени, Колѣвцы, Тригубовщина, Мирча и др. Сами Немиричи владѣли: Городищемъ въ Житомирск. (1539), Кабанами и Приборщами—въ Чернобыльскомъ, Ворохобовичами—въ Черкасскомъ.

Олизары-Волквичи по кудели отъ Остафія Дашкевича получили все его отчизныя и материзныя имѣнія по сю сторону Дѣппра, какъ Паволочъ, два селнца съ именемъ Лука, Носовъ на Каменицѣ и др. Сами Олизары владѣли: Старовичами въ Чернобыльскомъ, Татаровичами и Глушкевичами—въ Овруцкомъ, Волозовымъ и Солдиромъ—въ Житомирскомъ; тамъ же они прикупили и Коростешевъ у Кмитовъ (1565 г.). Кромѣ того, по родству къ Олизарамъ перешли Шершневичи—отъ Прижовскихъ и Городище—отъ Немиричей.

Олеховичей—часть Скороднаго и Ласки въ Овруцкомъ.

Кн. *Острожские* въ 1499 г. получили Звяголь по кн. Звягольскихъ, въ 1507 г.—Чудновъ, въ 1529 г. купили у Кмитъ Романовъ—все въ Житомирскомъ. Въ Мозырекомъ Острожскимъ принадлежали: Шестовичи, Воложевичи и Коптевичи далекіе (1512), въ Киевскомъ—Бѣлгородка (1565 г.) и Карашинъ.

Павши держали: Варенцы, Уберновъ и Кокотковъ (ко-

нецъ XV в.) въ Чернобыльскомъ, Дорогинъ, Клищевичи и Кошовичи—въ Овруцкомъ (по Полозахъ, 1511).

Половцы—потомки Тугорхана. Владѣли обширнымъ удѣломъ на Поросьѣ, съ населенными пунктами: Сквира, Ягнитинъ и др.; по Стугиѣ—Хвастовъ, Гуляники, въ сторонѣ—Трилѣсы; по Тетереву—Мыцко, Славовъ, Рудня, Кочереви, Велица, Охотовъ, Темевичи, Тригубовичи, Колѣнцы, Труденевичи, Филимоновичина; на Заднѣпровьѣ—Рожны, Крехово, Осово, Бердово, Свѣтильновъ, Буковъ, Варно, Волозовъ, Нѣжинъ, Дорогинъ и др. Отчасти вслѣдствіе запустѣнія, отчасти вслѣдствіе явнаго насилія, большая часть этихъ имѣній еще при жизни Половцевъ перешла въ чужія руки. По прекращеніи фамилии Половцевъ оставшіяся еще въ ея распоряженіи имѣнія по ея сторону Днѣпра перешли къ Немиричамъ (Глѣбовъ и проч.), а по ту сторону—къ самозванцамъ Рожинскимъ (Остерщина).

Полозы владѣли въ Мозырскомъ; Жаховичами (1505), Хойниками и Остроглядами; въ Чернобыльскомъ—Довглядами; въ Овруцкомъ—Мартыновичами (по Гостскомъ), Гладковичами (по Глинскихъ, 1508), Хабнымъ (1494 г.) и др., въ Киевскомъ—Бугаевкой (1495 г.) и Вышевымъ, Гостомлемъ, Загальцами и Запрудичами (по Глинскихъ, 1508), въ Житомирскомъ—Ставками (1508).

Поселовскихъ—Коптевичи и Ковское въ Овруц.

Кн. Путильскіе (Глинскіе) владѣли: Новоселками въ Мозырскомъ, Боровымъ и Ировымъ въ Овруцкомъ, Стайками и Некрашевымъ—въ Киевскомъ; Тулиблемъ, Товаровымъ (отъ Потаповичей), Полетвиномъ, Кирилловымъ и Лебединомъ—въ Черкасскомъ. Ихъ наслѣдники—Корецкіе, частію Довмонты, частію Байбузы (Лебединъ, Ворскла).

Проскуры—*Суцанскіе* по наслѣдству отъ Олехновичей получили: Полетвинъ и Кузяковъ на Россавѣ (въ Черкасск.), Бѣлки, Мохначъ, Веприки и Острова—въ Киевскомъ; тамъ же имъ принадлежали: Суцанка, Обуховичи, Корвинъ и др.

Ирлѣвскіе родовымъ гнѣздомъ имѣли с. Пряжево въ Житомирскомъ; въ томъ же повѣтѣ имъ принадлежали: Трибсовъ (1502) и Скоморохи, а въ Овруцкомъ—Шершневичи (отъ Олизаровъ, 1552 г.).

Радиминскихъ (Поляки)—Гуляники въ Киевскомъ.

Рагодлинскихъ (Поляки?)—Высокое въ Овруцкомъ.

Радзивиловъ—Рудня—Бѣлки въ Мозырскомъ (1507).

Кн. Сенскіе—*Любецкіе*—наслѣдники (временно) Полозовъ. Владѣли отъ 1532 г. почти до униі имѣніями этой фамилии.

Службы держали: въ Мозырскомъ—Морморичи, Курени, Хили и Полетневичи (по Немиричахъ), въ Овруцкомъ—Кузмичи, въ Черкасскомъ—Подсыхи.

Солтаны—*Стецковичи*, татарскаго происхожденія; владѣли въ Овруцкомъ Выступовичами (часть), Давыдками, Бѣлокоровичами, Гошевымъ, Велавкомъ (часть) и др.

Стрыбулы имѣли въ Житомирскомъ: Новоселки, Ворсичи (по Ф. Козаковичъ), Филишовичи, Вирлоокъ, Старосельцы и Студеницу (отъ Корчевскихъ), Кичкиры.

Сурины владѣли: Бѣлымъ-Берегомъ въ Мозырскомъ, Ремезами (часть), Выступовичами, Гуничами, Сельцемъ и Воняйками—въ Овруцкомъ; Варевцами (по Павшяхъ), Соколовцами, Пилишовкой, Драчиловкой, Ильинцами и др.—въ Чернобыльскомъ; Солтановкой и Гаврылковцами—въ Киевскомъ; Ракитной, Ольшаницей, Морулинымъ и Дмитриевичами—въ Черкасскомъ (1518 г.) и др.

Сьманковичей (изъ Евреевъ) часть въ Ноадриши, Овруцкаго.

Товлуевичей (Татары)—Литвиновичи въ Мозыр.

Тыши—*Быковскіе* въ 1554 г. получили Ходорковъ съ Кривымъ и Быковъ: передъ тѣмъ владѣли Гозеномъ въ Житомирскомъ и Котичемъ—въ Овр.

Тышкевичи—потомки Каленика Мишковича; владѣли въ Житомир. повѣтѣ: Слободищемъ, Вернавкой, Кодней, Бердичевымъ, Рудинками, Чертольсами, Скрылевцами и др., въ Овруцкомъ—Скороднымъ (часть), Путиловичами, Хотеннымъ и др.

Халецкіе (изъ Черниговщины) держали въ Житомирскомъ Вильскъ, Иванковцы, Хотеновичи и др.

Харленжскіе (изъ Харленжа Любельскаго) подъ конецъ разсматриваемаго періода сосредоточили въ своихъ рукахъ почти все имѣнія Полозовичей, разбросанныя въ разныхъ повѣтахъ Киевской земли.

Хрѣтовичей—с. Путигичи въ Мозырскомъ.

Самыми богатыми землевладельцами въ Киевской землѣ, безъ сомнѣнія, были монастыри, по крайней мѣрѣ главнѣйшіе.

Киевская Лавра имѣла свои владѣнія почти во всѣхъ повѣтахъ. Въ Киевскомъ ей принадлежали: Шибене, Безрадичи, Вишенки, Погребы и еще 7 сель, населенныхъ папцарными слугами (подъ конецъ запустѣвшихъ); въ Чернобыльскомъ—Оране, Гдень, Сваремль, Глубово, Ошитковичи, Тарасовичи, Осаричи и Оревичи; въ Любечскомъ—Мнево, Деряжичи, Сѣри; въ Остерскомъ—Новоселки; въ Овруцкомъ—Жебровичи и Суцаны; въ Черкасскомъ—Арагеевъ, Радивоново и др.

Пустыньскому монастырю принадлежали: Савниъ, Колтягаево, Сорклановъ, Коночи, Черленковъ, Яриловъ и Климентинъ съ уходами въ Вѣлобережѣ—всѣ въ Черкасскомъ; Гвоздово, Гатное, Подгорцы, Гридково, Княжичи и Полукняжичи—въ Киевскомъ; Демидово, Козиричи и часть Скороднаго—въ Мозырскомъ; Неайки, Олевекъ (городище) и Зубковичи—въ Овруцкомъ; Шенеличи и часть Мухоѣдъ—въ Чернобыльскомъ и др.

Мизайловскій монастырь владѣлъ: Карповичами и Антоновичами—въ Мозырскомъ; Мосановичами, Лысковщиной, Нагонной и Селивоновщиной—въ Чернобыльскомъ; Голубѣемъ—въ Овруцкомъ (проемѣнено на часть въ Толстомъ лѣсѣ) и др.

Выдубицкому монастырю принадлежали: Звѣринецъ (съ млинами) и Гнилецъ—подъ Киевомъ, Игнатковцы—на Стугиѣ, Осокорское—на Дѣпрѣ и Свинноѣды—на Деснѣ.

Софійская катедрa располагала: Воробьями въ Овруцкомъ, Униномъ—въ Чернобыльскомъ, Долгосельемъ, Зарудьсмъ и Мигалками—въ Киевскомъ.

Бискупы Виленскіе владѣли Убортьской волостью, довольно густо населенною.

Капитула Виленская владѣла Каменецкой волостью, съ населенными пунктами: Славечна (городъ), Дыхаринъ, Можаринъ, Лиетвинъ, Вѣгуиъ и др.

Владѣнія остальныхъ монастырей и церквей не представляютъ особаго интереса.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Борьба съ Тюрками и Татарскій погромъ въ ихъ отношеніи къ колонизаціи средняго Поднѣпровья.

„Богъ всегда Рускы земли и русскыя сыновы въ безчестіи не положиласть естъ; на всѣхъ мѣстахъ честь свою взимали суть; ницѣ же, братье, ревнуемы тому вси у снхъ земныхъ и передъ чужими языки даи имъ Богъ честь свою взяти“.

Рѣчь Мстислава Изяславича.

Ипат. с. 310.

Тюрки, которых летопись называет „казнями Божиими“ и „батогами“, иносмыслаемымъ свыше для вразумленія заблудшихъ ¹⁾, — появились въ Черноморскихъ степяхъ въ концѣ IX в. Первое столкновение ихъ съ Русью произошло еще при Аскольдѣ-Дирѣ ²⁾, и съ этого времени, въ теченіе трехъ слишкомъ столѣтій, они часто нападали на ту или иную землю, уводя съ собою большее или меньшее количество плѣнныхъ и избивая сопротивляющихся. „Створися — говоритъ современникъ этихъ опустошеній — плачь великъ у землѣ нашей, и опустѣша села наша и городѣ наши і быхомъ бѣгающе предъ врагами нашими“ ³⁾. Если присмотрѣться ближе къ этой картинѣ опустошенія, то окажется, что были періоды, въ которые разрушительная дѣятельность кочевниковъ проявлялась съ большей интенсивностью, а въ другіе — съ меньшей, до полного почти затишья. Такихъ періодовъ — усиленныхъ опустошеній — мы насчитываемъ три: первый захватываетъ конецъ X в., второй — конецъ XI в. и третій — конецъ XII вѣка; въ промежуткѣ слѣдовали довольно продолжительные антракты, въ которые население средняго Подніпровья отдыхало отъ турецкой грозы и пополняло свои утраты.

Въ первый періодъ Южную Русь опустошали Печенѣги. „Вѣ рать велика бес переступа“ — говоритъ летописецъ въ описаніи событій этого времени, хотя тутъ же не упускаетъ случая замѣтить, что перевѣсъ все-таки клонился на сторону Руси: „бѣ воюяся с ними (Владимірь) и одоляя имъ“ ⁴⁾. Оно и понятно. Вспомнимъ, что это было время единодержавства св. Владиміра, который могъ употребить для за-

¹⁾ Лавр. с. 440.

²⁾ Ник. I, 9.

³⁾ Ипат. с. 155.

⁴⁾ Ипат. с. 83.

щиты не только „нижние“, но въ случаѣ нужды — и „верхние вой“¹⁾. Располагая громадными матеріальными средствами, онъ имѣлъ возможность въ то же время для огражденія страны отъ кочевниковъ воздвигнуть исполнинскіе валы по теченію рѣкъ и укрѣпить ихъ городами²⁾. Все это, вмѣстѣ взятое, не только давало русскому князю рѣшительный перевѣсъ въ борьбѣ съ кочевниками, но и позволяло ему направлять избытокъ своихъ силъ на востокъ (Серебряные Болгары), югъ (Херсонесъ) и западъ (Хорваты и Литовцы) съ чисто агрессивными цѣлями.

Рать „бес переступа“, о которой мы только что говорили, съ концомъ X в. прекращается или во всякомъ случаѣ—сильно ослабѣваетъ, да и пора — съ востока на Печенѣговъ наираютъ уже Торки, естественные союзники русскаго князя³⁾, а востѣдъ за ними показывается и Половцы—гроза украинско-русскихъ степей.

Въ исторіи русско-половецкихъ отношеній можно отмѣтить два періода особеннаго напряженія: первый приходится на конецъ XI в., а второй — на конецъ XII. Характернымъ для перваго періода русско-половецкихъ отношеній является разговоръ, который лѣтописецъ вкладываетъ въ уста половецкихъ вождей передъ началомъ рѣшительнаго сраженія. Одинъ изъ нихъ—по имени Урусоба—говоритъ: „Просимъ мира в Русѣ, яко крѣпко ся имуть бити с нами, мы бо много зла створихомъ Руской земли“. На это ему отвѣчаютъ младшіе: „Аще ся ты боиши Русѣ, но мы ся не боимъ; сихъ бо избивше, и поидемъ в землю ихъ и приимемъ вся грады ихъ, и кто избавитъ ихъ отъ насъ“⁴⁾. Если при данныхъ обстоятельствахъ борьбы слова „унышихъ“ князей, возражавшихъ Урусобѣ, имѣли свое основаніе, то подобное самоуниженіе въ устахъ тѣхъ же половецкихъ князей въ концѣ XII в. показалось бы въ достаточной мѣрѣ смѣшнымъ. Правда, въ 1151 г. сынъ Боняка выражалъ намѣреніе, по примѣру отца,

¹⁾ Ипат. с. 87.

²⁾ Ипат. с. 83, ср. описаніе путешествія Бруно, (изд. въ Русск. Бесѣдѣ 1856, I). Максимовичъ Соч. II, с. 240; Антоновичъ Киев. Ст. 1884, III.

³⁾ Ипат. с. 56.

⁴⁾ Ипат. с. 183.

посѣчь Золотыя ворота, но въ дѣйствительности его собственная голова была посѣчена скорѣе, чѣмъ онъ успѣлъ достигнуть этихъ воротъ. Безпрестанная борьба съ Украиной въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій и частыя мирныя сношенія (союзныя, торговыя, родственныя) не прошли даромъ для Половцевъ. Уже во второй половинѣ XII в., услышавъ о томъ, что какой-либо князь вышелъ имъ на встрѣчу, Половцы обыкновенно не думали „сихъ избивше, поити в землю Рускую и прияти вся грады ихъ“, а старались только по возможности незамѣтно улизнуть въ степь.

Всѣхъ половецкихъ нападений въ періодъ времени отъ 60 гг. XI в. до Татарскаго погрома, по нашему подсчету, было 27+27. Изъ нихъ на долю Кіевщины (въ тогдашнихъ ея границахъ) приходится 10+13 (въ томъ числѣ на одно Поросье 5+10), Переяславщины—13+8 и Черниговщины—4+6. Такимъ образомъ, судя по числу набѣговъ, Кіевщина съ Поросьемъ и Переяславщина наиболѣе привлекали къ себѣ вниманіе Половцевъ, что и понятно, такъ какъ эти земли непосредственно граничили со степью и по своей природѣ въ большей части были степными. Въ какихъ же результатахъ выразилась эта разрушительная дѣятельность половецкой рати?

Нужно сказать, что результаты эти съ трудомъ поддаются учету. „Много зла створиша крестьяномъ“, „пакости твориша“, „села и волоети повоеваша“, „взяша селъ безъ учета“, „ополонишаея полона“ — таковы обычныя отмѣтки лѣтописца о результатахъ того или другого половецкаго нападенія; но можно ли ихъ привести къ какому-либо общему знаменателю и реализовать хотя бы въ приблизительныхъ числахъ? Такъ какъ всѣмъ такимъ фактамъ приходится давать субъективную оцѣнку—на глазомѣрѣ, то лучше всего, конечно, было бы приводить подлинныя выраженія лѣтописца, чтобы читатель всякій разъ могъ повѣрять чужіе выводы своими собственными впечатлѣніями. Это сдѣлано нами въ особой работѣ (еще не опубликованной), но въ настоящей книгѣ подобная экскурсія въ область лѣтописныхъ фактовъ была бы не совсѣмъ умѣтной; поэтому мы ограничимся только общими соображеніями, могущими служить къ выясненію даннаго вопроса. Эти общія соображенія будутъ на-

саться способовъ защиты и личныхъ качествъ украинско-русскаго населенія—въ тѣхъ рамкахъ, какія намѣчаются поставленнымъ вопросомъ.

Итакъ, что могло служить къ защитѣ нашихъ предковъ при нападеніи кочевниковъ?

Общезвѣстный фактъ, что наши предки любили устраивать свои жилища съ возможными предосторожностями. У Славянъ—говоритъ Маврикій—недоступныя жилища въ лѣсахъ, болотахъ и озерахъ; въ домахъ своихъ они устраиваютъ многіе выходы на всякій опасный случай; необходимы вещи скрываютъ подъ землей, не нѣся ничего лишняго наружи и живя, какъ разбойники¹⁾. То же подтверждаетъ и Иорданъ; для Славянъ—говоритъ онъ—лѣса и болота замѣняютъ укрѣпленія²⁾. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ положительныхъ извѣстій объ устройствѣ частныхъ жилищъ украинско-русскихъ племенъ, но слѣдуетъ думать, что мудрая предусмотрительность не оставила Славянъ и послѣ ихъ расселенія.

Хотя Иорданъ говоритъ, что Славяне *paludes silvasque pro civitatibus habent*, тѣмъ не менѣе и въ это время у нихъ уже существовали города³⁾, объ устройствѣ которыхъ цѣлныя свѣдѣнія сообщаетъ—правда, позднѣйшій путешественникъ—бень-Якубъ въ Запискахъ аль-Бекри⁴⁾. Привычку строить города Славяне принесли и на русскую территорию, такъ что уже въ древности Русь называлась *Гарбарикей*, т. е. страной городовъ. Количество ихъ, дѣйствительно, было чрезвычайно велико, такъ что города, въ частности—южной и еще частіе—Приднѣпровской Руси могутъ быть исчисляемы не сотнями, а тысячами⁵⁾. Это множество укрѣпле-

1) *Strategicum*, XI, 5 (p. 218 ed. Scheffer).

2) *Getica* V, 35 (по изд. Моммсена).

3) См. Самоквасова Древніе города Россіи.

4) Изд. въ Запискахъ Ак. Наукъ, т. 37, кн. II, — с. 48.

5) Самоквасовъ, *op.* с. 74. Устройство городовъ было довольно цѣлесообразно. Для нихъ подыскивалось болѣе или менѣе безопасное мѣстоположеніе—на болотѣ, горѣ, рѣчномъ обрывѣ и т. п.; избранная позиція окружалась высокимъ валомъ или цѣлой системой валовъ (концентрами)—въ такомъ случаѣ по главной линіи вала шелъ частоколъ съ башнями (городница) въ промежуткахъ; въ самомъ неприступномъ мѣстѣ возвышалось главное укрѣпленіе, называвшееся „дѣтн-

ній, то расположенныхъ въ определенной системѣ, то разбросанныхъ по странѣ безъ всякаго видимаго порядка, послужило двойную службу въ борьбѣ съ кочевниками. Города, вошедшіе въ оборонительную линію, заграждали доступъ внутрь страны—ихъ назначеніе преимущественно стратегическое; остальные же предназначались главнымъ образомъ для убѣжища окрестнаго населенія въ случаѣ набѣга кочевниковъ.

Укрѣпленная городами колонизація Украины—Руси въ общемъ представляла слѣдующую картину. Города—центры; отъ нихъ въ разныхъ направленіяхъ, по радіусамъ разной величины раскинулись села, состоящіе изъ нѣсколькихъ домовъ, едва ли больше десятка. Въ случаѣ появленія непріятеля сельскіе обыватели устремляются къ городамъ и прячутся подъ защиту ихъ стѣнъ, съ какимъ случится имуществомъ. Въ крайнихъ обстоятельствахъ населеніе менѣе значительныхъ и укрѣпленныхъ городовъ переходитъ въ соеднѣя, болѣе безопасныя укрѣпленія и тамъ пережидаетъ удаленія непріятеля, пользуясь запасами, какими каждый городъ снабжался заранее на случай осады. Но удалялся непріятель, и мирное населеніе расходилось по домамъ и принималось за свои обычныя занятія. Нѣсколько лѣтописныхъ примѣровъ, помѣщаемыхъ подъ строкой, могутъ служить иллюстраціей къ только что сказанному¹⁾.

цетъ* (акрополь, кремль); съ вѣстной стороны городъ оказывался глубокимъ ровомъ, обыкновенно наполняемымъ водой, для затрудненія непріятелю доступа. Болѣе многолюдные города окружались острогомъ (изъ частокола), въ которомъ проживали менѣе зажиточныя семьи. Величина и форма городовъ были весьма различны, смотря по требованію мѣста и времени.—См. Лискороянскаго Исторію Переяславщины, с. 137; иллюстраціи въ его же рефератѣ „Городища, курганы и длинныя валы въ бассейнахъ р. Сулы“.

1) 1125—„Слышавше ярази Половци смерть Володимирю, и присупушася къ Баручю, рекше; возмемъ Торыи ихъ. Въ же мѣсть Ярополку и повелѣи гнати люди и Торыи в Баручь и въ прочія гради (назоровше же ярази и не идеаша ни въ что же положи“.—Ипат. с. 298). 1147—Ияславъ М. съ братомъ Ростиславомъ „пришедше ко Всеволожоу полныи своими и взяли Всеволожоу градъ на шты, и ина въ нѣмъ баста два города вошла. Слышавше ниия гради—Уленѣжъ, Вѣлавежа, Бохмачъ, оже Всеволожоу взити, и побѣгоша Чернигову, и ниия гради мнози бѣжаша“ (Ипат с. 253). 1150—„Онѣмъ же пакостничишася людемъ

Принявъ во вниманіе, что кочевники чувствовали себя хорошо только въ полѣ, а вести правильную осаду городовъ и не умѣли, и не имѣли охоты, мы должны будемъ признать, что роль городовъ въ исторіи украинско-русской колонизаціи была чрезвычайно велика. Обыкновенно, кто попалъ въ городъ, тотъ могъ считать себя въ безопасности: почти за двухсотлѣтній промежутокъ времени лѣтопись отмѣчаетъ всего 15 городовъ, взятыхъ Половцами ¹⁾ и въ томъ числѣ едва ли не 9, покинутыхъ населеніемъ ²⁾.

Въ обстоятельствахъ, о которыхъ идетъ рѣчь, чрезвычайно полезной была развѣдочная служба. Важно было своевременно раскрыть приближеніе непріятеля, а для этого надлежало организовать правильную сторожевую службу не только на границѣ земли, но и въ округахъ, тянувшихся къ тому или другому городу. Существовала ли подобная организація на Украинѣ — Руси? — Да, существовала. „Вѣ же вѣсть, Ярополку — читаемъ въ лѣтописи — и повелѣ гнати люди и Торки в Боручь и въ прочая грады“, чѣмъ и предупредилъ угрожающую имъ опасность со стороны Половцевъ ³⁾. Болѣе прямое указаніе на дѣятельность этихъ агентовъ мы находимъ въ лѣтописи подъ 1127 г. Половцы, остановившись у Ратмировой дубровы, за Выремь, послали въ Черниговъ для переговоровъ со Всеволодомъ Ольговичемъ пословъ — „и не пустиша ихъ опять, замѣчаетъ лѣтописецъ, — Ярополчи бо бяхуть посадницы по всей Семи... и изымаша послы ихъ на Локитъ“ (очевидно, граница Посемья) ⁴⁾.

Въ Литовскій періодъ каждый украинный замокъ высылалъ стражу, которая на мѣстахъ „урочистыхъ“ высматривала непріятеля; повидному, такой порядокъ ведетъ свое

объясненіе въ градѣ, не смѣющимъ ни скота выпустити изъ города, посла Дюрги сына своего* (Ипат. с. 281). 1196 — Ярославъ пожаши земли своен... города затвори, блюдиши отъ Рюрика* (Ипат. с. 468).

¹⁾ Писоченъ, Прилука, Горошанъ (—1092 г.), Терческа (1093), Устье (1096), Юрскъ (1096), Зарубъ (1105), 6 городовъ Берендѣйскихъ (1177), Рилова (1185) и Чирнакъ (1190). Нѣсколько городовъ, ванныхъ Половцами въ союзъ съ Ольговичами, мы не включаемъ сюда, такъ какъ не извѣстно, кому достались плѣнники.

²⁾ Юрскъ, Устье, Рилова и 6 городовъ Берендѣйскихъ.

³⁾ Ипат. с. 268.

⁴⁾ Лавр. с. 181—2.

начало еще отъ временъ до—Монгольскихъ. „Подъѣжая къ Лукомлю—говоритъ одинъ авторитетный изслѣдователь—невольно приходится обратить вниманіе на рядъ кургановъ, довольно высокихъ и расположенныхъ на недалекомъ разстояніи другъ отъ друга, и на значительный по длинѣ валь и ровъ. Курганы эти, начиная отъ другого берега р. Сулы, возлѣ самаго Лукомля, тянутся цѣною въ степь, теряясь въ отдаленіи. Насколько можно было прослѣдить, они имѣютъ направленіе къ населеннымъ мѣстамъ по р. Слѣпороду и, вѣроятно, служили ложками, съ которыхъ давали знать окрестнымъ жителямъ о набѣгахъ непріятелей. Подобный по своему характеру рядъ кургановъ тянется и вдоль берега, идущаго на югъ отъ Лукомля по направленію къ сс. Онушамъ и Оржицѣ, вѣроятно, также и въ другихъ мѣстахъ ¹⁾.

Кромѣ городовъ, цѣлымъ самосохраненіемъ могли съ избыткомъ служить лѣса, болота, пропасты и ущелія—вообще мало доступныя мѣста, гдѣ можно было на время укрыться отъ непріятеля. Факты на лицо: въ 1146 г. Новгородъ—Сѣверскій князь Святославъ скрывается отъ враждебной ему коалиціи въ лѣсной землѣ Витичей ²⁾; позже—уже при татарскомъ владычествѣ—къ тому же способу самосохраненія прибѣгаетъ Святославъ Липецкій (скрывался въ Воронежскихъ лѣсахъ ³⁾; но въ наиболѣе широкомъ масштабѣ естественныя укрытія были использованы населеніемъ при Татарскомъ погромѣ—„крыхуся въ горахъ, и въ пещерахъ, и въ пропастьхъ, и въ лѣсахъ“ ⁴⁾. Подобныхъ укрытій на Украинѣ было въ избыткѣ, такъ что за этимъ дѣло не стало.

Еще меньше, разумѣется, стало дѣло за самимъ населеніемъ. Оно уже привыкло ко всевозможнымъ „пополохамъ“ и отлично знало, чѣмъ можно горю пособить: ни въ мужествѣ, ни въ подвижности, ни въ изворотливости недостатка не было. Вспомнимъ характеристику Курянь въ „Словѣ о полку Игоревѣ“: „А мои ти Куряни свѣдоми къмети—подъ трубами повити, подъ шеломы възлѣбляни, конецъ копія въскрѣмлени; пути има вѣдоми, аругы имъ знаени, луци у

¹⁾ Ляскоронскій, Киев. Стр. 1893, IX.

²⁾ Ипат. с. 237.

³⁾ Лавр. с. 458, Собр. лѣт. VII, 177, XI, 162.

⁴⁾ Воскр. I, 153.

нихъ напряжены, тули отворены, сабли изъострены сами скачутъ какъ сѣрыи вальцы въ полѣ, ищуще себе чти, а князю славы" 1). Таковы были не только Куряне, но и Переяславцы и Поршане — вообще все население Украины во главѣ съ князьями. Иногда просто удивительно, какъ имъ удается ускользнуть по—здорову изъ—подъ самого носа неприятелей, даже нѣкими городами (какъ убѣжали, напр., Юрьевцы, Римовцы, Баручане и др. 2).

Кому не удалось почему — либо ни тамъ, ни здѣсь укрыться отъ неприятеля,—а это случалось въ большинствѣ случаевъ во время полевыхъ работъ, — тотъ подвергался участи, о которой говорилъ Владимиръ Мономахъ на Долобскомъ сѣздѣ: „Начнетъ смердъ орати, и Половчичи приѣха ударить смерда стрѣлою, а кобылу его поиметь, а въ село вѣхавъ, поиметь жену его и дѣти и все имѣнье его возметъ" 3). Впрочемъ, и въ такомъ случаѣ надежда на спасеніе (для плѣнныхъ) еще не была утеряна: оставалась еще погоня по горячимъ слѣдамъ 4) или засада 5), что нерѣдко приводило къ освобожденію захваченныхъ. Наконецъ, даже положеніе тѣхъ, которые попали въ самыя кочевья, не было совершенно безнадежнымъ. Начиная съ XI в., русскіе князья организуютъ коллективные и единоличныя походы въ самую глубь степей, откуда имъ удавалось иногда отположить „крестьяны" 6). Самыми несчастными были тѣ, которымъ не удался ни одинъ изъ указанныхъ выходовъ: они уводились въ степи и большею частью продавались въ рабство за границу; меньшинство же въ качествѣ челяди прислуживало своимъ поработителямъ.

Надѣемя, что все выше изложенное 7) нѣсколько раз-

1) По над. Тихонравова с. 2—3.

2) Ипат. с. 160, 287, 436.

3) Ипат. с. 183.

4) Ипат. 106, 329, 346, 348, 356, 381, 384; Лавр. 270, 327.

5) Ипат. с. 387, 427.

6) Ипат. с. 317, 369.

7) Болѣе широко этотъ вопросъ поставленъ и разработанъ въ трудѣ П. Голубовскаго: „Печенѣги, Торки и Половцы". Полагаемъ, однако, что и наше резюме будетъ не лишнимъ, во-первыхъ, въ виду его связи съ послѣдующимъ, а во-вторыхъ, потому, что въ сжатомъ очеркѣ предметъ выступаетъ рельефнѣе, такъ какъ вниманіе читателя не от-

сѣетъ впечатлѣніе, получаемое отъ цифры половецкихъ набѣговъ; въ дѣйствительности эти набѣги далеко не были такъ губительны для украинско-русской колонизаціи, какъ это представляется на первый взглядъ, и какъ въ этомъ хотѣтъ насъ увѣрить нѣкоторые ученые.

Въ частности, больше всего пострадала отъ этихъ набѣговъ, кажется, Переяславщина. Въ концѣ XI в. Половцы рыскаютъ по странѣ, какъ по степи; Владимиръ Мономахъ по дорогѣ къ Прилуку внезапно насккиваетъ на нихъ восьмитысячный отрядъ и долженъ скрыться въ городъ 1); *Писочень, Прилука* и *Горошинъ* разорены, жители отведены въ плѣнъ. Въ концѣ XII в. „богостудный“, „безбожный“ и „треклятый“ Кончакъ, по словамъ одного эническаго отрывка, „снесъ Сулу" 2), что по сѣверно-русскому изводу равняется взятію „всѣхъ городовъ" по Сулѣ 3). Впрочемъ, намъ фактически извѣстна только потеря двухъ городовъ—*Лукомля* 4), и *Римова*; принимая же во вниманіе, что подобныя событія въ тѣ времена, въ силу извѣстныхъ уже намъ обстоятельствъ, считались величайшимъ бѣдствіемъ, о которомъ лѣтописецъ обыкновенно считалъ своимъ долгомъ оповѣстить читателей, можно думать, что утрата въ городахъ на Посулѣ не была особенно значительной, хотя населеніе могло пострадать порядочно отъ частыхъ и неожиданныхъ нападений: не даромъ же лѣтописецъ честитъ Кончака не совѣмъ обычными въ его устахъ, ругательными эпитетами 5).

Потери въ городахъ и людяхъ, понесенныя Переяславщиной отъ половецкихъ набѣговъ въ періоды ихъ наиболь-

влекается въ сторону несущественныхъ (въ данномъ случаѣ) подробностей.

1) Лавр. с. 239.

2) Ипат. с. 480.

3) Лавр. с. 379.

4) Ипат. с. 415—„городище Л-ль". Возможно, что Лукомль не былъ разоренъ Половцами, но былъ просто оставленъ населеніемъ.

5) Въ этомъ отношеніи мы расходимся съ Багалъемъ (Исторія Сѣверщины, с. 125) и М. Грушевскимъ (Исторія II, с. 346 и 533), которые позволяютъ Кончаку опустошить Переяславщину по крайней мѣрѣ до самой столицы: какъ отличная конница, Половцы могли забѣгать и выше Переяслава, но это не значитъ, что страна позади нихъ совершенно запустѣла.

шей интенсивности, вполне или отчасти вознаграждались колонизационной деятельностью князей. Такъ, Владиміръ Мономахъ въ 1098 г. заложилъ городъ „на Вѣстри“, его сынъ Ярополкъ въ 1116 г. срубилъ г. *Желымъ* для Дрѣчанъ, „ихже бѣ полонилъ“; г. *Глѣбомъ*, по всей вѣроятности, основанъ Глѣбомъ Юрьевичемъ въ періодъ его княженія въ Переяславѣ (полов. XII в.)¹⁾. Кромѣ того, къ заселенію страны была привлечена масса тюркскихъ колонистовъ, о численности которыхъ можно судить хотя бы по численности берендѣйской дружины Переяславскихъ князей Владиміра Глѣбовича и Мстислава Владиміровича—2100 человекъ (вторая полов. XII в.)²⁾. Безъ сомнѣнія, эти колонисты входили въ брачныя сношенія съ мѣстнымъ населеніемъ, органически, т. е., сливались съ нимъ (въ извѣстной своей части), почему и не могутъ быть обойдены молчаніемъ въ данномъ мѣстѣ.

Непосредственно послѣ Переяславщины, по степени опустошенія, нужно поставить Киевщину — собственно ту часть ея, которая соответствуетъ территоріи Полянъ, и ниже — Поросье. На Деревлянскую территорію Половцы почти не заходили, такъ какъ она представляла большія препятствія для дѣйствія конницы; здѣсь именно вполнѣ мы встречаемъ рядъ цвѣтущихъ городовъ (по Тетереву и проч.), которые оказывали упорное сопротивленіе властолюбивымъ замысламъ Данила Галицкаго³⁾. Но и Полянская территорія была еще въ достаточной степени населена: на этомъ небольшомъ треугольникѣ (между Ирпенью и Стугною) намъ извѣстно около десятка городовъ, — вполне достаточная защита отъ набѣговъ кочевниковъ.

Поросье въ Киевскомъ княжествѣ составляло какъ бы отдѣльную область; въ лѣтописи оно такъ и называется: *Поросье*, въ параллель Посулью, а жители его (русскіе или обрусѣвшіе) — *Поршанами*. Обособленность Поросья чувствуется, какъ въ военно-гражданскомъ, такъ и въ церковномъ отношеніяхъ: именно здѣсь — на Поросьѣ — выкраивались удѣлы

¹⁾ Ипат. с. 179, 203, 433. Глѣбомъ былъ вполнѣ разоренъ Игоремъ Сѣверскимъ.

²⁾ Ипат. с. 426, Лавр. 375.

³⁾ Ипат. с. 555.

для мелкихъ князей⁴⁾; здѣсь же находилась и кафедра епископа Юрьевского, именуемаго иногда также Каневскимъ⁵⁾.

Поросье — это пограничная марка Киевскаго княжества, часто подвергавшаяся нападеніямъ кочевниковъ, но тѣмъ не менѣе довольно благоустроенная. Еще въ концѣ XII в. Киевскій князь Рюрикъ Ростиславичъ называетъ Поросье „лѣншею волостью“⁶⁾; множество городовъ и самый фактъ церковно-гражданскаго обособленія этой волости утверждаетъ насъ въ той же мысли⁷⁾.

Менѣе всего пострадала отъ набѣговъ кочевниковъ Черниговщина, но зато ея немилосердно опустошали свои же, русскіе князья. Такъ, около полов. XII в. коалиціей русскихъ князей была взята на черниговской территоріи г. *Воеволожь*, а жители трехъ другихъ городовъ, наступивше въ полѣ, разбиты, — взяты *Путьяль*, взята „вся волость около Гомня“, опустошены многія села въ Новгородѣ — Сѣверскомъ княжествѣ „оли и до Воловосо“, пожжены *Любечъ* и разграблены его окрестности⁸⁾. Къ этому списку колонизационныхъ утратъ въ XIII в. присоединились еще — *Рѣчица* и иные грады мнози Черниговскія по Днѣпру, *Хороборъ*, *Сосница*, *Сновскъ* и иные грады мнози на Подесеньѣ⁹⁾. Нужно, впрочемъ, имѣть въ виду, что въ домашнихъ междоусобицахъ населеніе не истреблялось, но только забиралось въ плѣнъ, такъ что выше отмѣченныя утраты не были безусловными: происходило только насильственное перемѣщеніе населенія, въ большинствѣ случаевъ съ востока на западъ — въ Киевщину и въ Галицко-Волынское княжество. Не смотря, однако, и на эти опустошенія, Черниговщина продолжала оставаться попрежнему одной изъ наиболѣе населенныхъ ю.-р. земель: при множествѣ городовъ, какими она располагала, потеря

⁴⁾ Ипат. с. 268, 277, 329, 356, 357, 376, 388, 452, 459, 462, 501, 511, 612.

⁵⁾ Ипат. с. 160, 199, 241, 327, 428, 474; Лавр. 278.

⁶⁾ Ипат. с. 462.

⁷⁾ Убыль въ населеніи Поросья пополнялась изъ двухъ источниковъ; во-первыхъ, вслѣдствіе притока тюркскихъ элементовъ, во-вторыхъ, вслѣдствіе колонизационной дѣятельности князей (Владиміра св., Ярослава, Святослава Я., Ярополка Мономаховича, Михаила Юрьевича и др.).

⁸⁾ Ипат. с. 223, 236-7, 251, 252, 254, 255.

⁹⁾ Ibid. с. 514; Собр. лѣт. III, 32.

одного десятка из них далеко еще не означает падения колонизации, тем более, что при взятии городов, как нам уже известно, не всегда уводилось в плен население, — многие города брались пустыми ¹⁾.

¹⁾ В этом отношении мы расходимся с мнением проф. Ключевского, основанном на словах Святослава Ольговича: „взять Черниговъ съ 7-ми городъ пустыхъ—Морочинскъ, Любескъ, Оргошь, Всеволожи, а въ нихъ съдѣти псарене же и Половици“ (Ипат. с. 343). В выше приведенных словах почтенный ученый усматривает указание на запустение „Киевской Руси—Поддѣпровья“ (Курск. русской исторіи, I с. 348-9), но такъ ли это? Обратимъ прежде всего вниманіе на обстоятельства, при которыхъ были сказаны интересующія насъ слова. Дѣло въ томъ, что Изяславъ Давидовичъ, занявъ Киевскій столъ не по праву родового старшинства, оставилъ на своей на всякій случай большую часть Черниговскаго княжества, а остальную, съ семью городами, уступилъ своему двоюродному брату Святославу Ольговичу. Владѣніе этого—очевидно, несправедливаго—дѣлежа, въ рукахъ Святослава могли оказаться города, наименѣе значительные по количеству населенія и наиболѣе потерпѣвшіе въ предыдущихъ междоусобицахъ. Такими въ дѣйствительности и были малозвѣстные Морочинскъ, Оргошь и Всеволожь. Любечъ, хотя древнѣй и славнѣй городъ, какъ разъ передъ тѣмъ былъ пожженъ Мстиславичами, конечно, не безъ ущерба для его жителей. Судя съ этой точки зрѣнія, мы должны признать за словами Святослава известную долю правды, но никакого обобщенія изъ нихъ вывести нельзя.—Съ другой стороны, примемъ во вниманіе и то, по какому поводу сказаны эти слова,—а поводъ былъ благоприятный для преувеличенія во въ пользу колонизаціи. Обидѣвши Святослава несправедливымъ раздѣломъ Черниговщины, Изяславъ въ 1159 г. велѣлъ ему готовить свои полки для совмѣстнаго похода на Ярослава Галицкаго. Святославъ отказался отъ участія въ этомъ походѣ и самому Изяславу не совѣтовалъ начинать предпріятіе. Въ отвѣтъ на это Изяславъ пригрозилъ отнять и ту часть княжества, которая припала на долю Святослава. Последнему при этомъ было естественно, поднимая глаза къ небу, сказать жалобную рѣчь о томъ, какъ онъ по своему добросердечію, „не хотя крови пролити крестьянския, отцины своей погубити“, взялъ Черниговъ съ семью городами, да и тѣ ничего не стоятъ. Постороннему это было естественно въ его положеніи и исполнѣннѣе впечатлѣнію момента. Еще болѣе возможно было такое преувеличеніе въ виду репутаціи самихъ Ольговичей. Вообще говоря, мы не имѣемъ никакого основанія вѣрить показаніямъ какого-либо историческаго лица болѣе, чѣмъ вѣрили ему современники, а Ольговичи и Святославъ—въ частности не пользовались довѣріемъ своихъ современниковъ. „Книже! Ольговичемъ вѣры не ими, ни с ними ходи в путь“—говорили Киевляне Изяславу М. (Ипат. с. 243). Что же касается лично Святослава Ольговича, то Давидовичи характеризуютъ его, какъ чело-

Выводъ изъ всего сказаннаго будетъ такой. Набѣги кочевниковъ на среднее Поддѣпровье въ теченіе до—Монгольскаго періода въ общемъ были болѣе часты, чѣмъ опустошительны. Периодически усиливаясь и ослабывая въ своей интенсивности, они давали населенію возможность восполнять понесенныя утраты путемъ народженія; сверхъ того, сами кочевники выдѣляли изъ своей среды значительные контингенты, которые, мало—по—малу сливаясь съ южно-русскимъ населеніемъ, способствовали въ известной мѣрѣ его размноженію. Короче и яснѣе—сосѣдство кочевниковъ только задерживало естественный ростъ колонизаціи средняго Поддѣпровья, но вовсе не было причиной его запустѣнія ко времени Татарскаго погрома.

Какое же влияние оказали этотъ послѣдній на судьбы среднеподдѣпровскаго населенія?

Съ давнихъ поръ въ нашей литературѣ укоренилось мнѣніе, что Татарскій погромъ оказался роковымъ событіемъ для колонизаціи средняго Поддѣпровья, событіемъ, за которымъ слѣдуетъ конечное запустѣніе этой территоріи, до новаго ея заселенія пришельцами съ сѣвера и запада. Это мнѣніе, не смотря на вѣскія возраженія Максимовича ¹⁾, Антоновича ²⁾, Грушевскаго ³⁾ и др., до сихъ поръ раздѣляется нѣкоторыми учеными, а потому съ нимъ приходится считаться.

Основная трудность въ рѣшеніи вопроса о влияніи Татарскаго погрома на состояніе колонизаціи средняго Поддѣпровья заключается въ скудости матеріала, которымъ располагаетъ исторія; съ тѣмъ болѣе вниманіемъ нужно отнестись къ ея указаніямъ. Критика текста, разумѣется, здѣсь должна предшествовать разбору дѣла по существу; съ ней мы и начинаемъ.

Лѣтописи, какъ южнаго, такъ и сѣверо-восточнаго изводовъ, описывая разрушительныя дѣйствія татарскаго потока,

нѣка, могущаго „играть душой“ (Ипат. с. 264), — что и требовалось доказать.

¹⁾ О мнѣніемъ запустѣнія Украины въ замѣстіи Батыево и населенія ея новопришлымъ народомъ. Соч. I.

²⁾ Киевъ, его судьба и значеніе въ XIV—XVI ст. Моногр. I.

³⁾ Очеркъ исторіи Киевской земан; Історія України—Руси, т. I и III.

въ общемъ употребляютъ почти аналогичныя выраженія: „изби весь“, „не щадя“, „створиша землю пусту всю“ и т. п.¹⁾ Было бы, однако, большою ошибкой понимать подобныя выраженія въ ихъ буквальномъ значеніи: въ существѣ дѣла это не болѣе, какъ условная манера выраженія, лѣтописный стиль, обычная для того времени гипербола. Объ участи Владиміра (на Клязьмѣ), напр., лѣтописи сообщаютъ, что часть населенія погибла въ перкви, остальныхъ же, „отъ уного и до старца и еущаго младенца — та вся исѣкоша, оны убивающе, оны же вѣдуще боемъ и безъ покровъ въ станы свои“²⁾; между тѣмъ на повѣрку выходитъ, что далеко не все Владиміръцѣ погибли: многіе изъ нихъ спаслись — „и бысть радость хрестіаномъ, ихже избави Богъ рукою своею крѣпкою отъ безбожныхъ Татаръ“³⁾. Въ числѣ послѣднихъ лѣтописи называетъ епископовъ, игуменовъ, поповъ и черноризцевъ, „множество“ бояръ и слугъ — точно никакого грома и не было. Подобная же метаморфоза случилась съ Ростовомъ и Суздалемъ⁴⁾. Чтобы представить себѣ, какое приблизительно реальное содержаніе соединяется съ разсматриваемыми выраженіями, мы укажемъ на описаніе событій 1286 г. Татары Телебути, по выраженію ю.-р. лѣтописца, „учиниша пусту землю Володимѣрскую всю“, тогда какъ по подсчету Льва Даниловича всехъ, „што поймано, избито и што ихъ Божию волею изъмерло“, оказалось всего — на — всего „полѣтрѣтынадесять тысячъ“⁵⁾ — число, безъ сомнѣнія, большое, но земля Владимірская и послѣ того, при ближайшихъ преемникахъ Льва, продолжала быть „въ своей чести и времени, всякимъ обиліемъ и славою преимуша“⁶⁾.

Таковъ лѣтописный стиль. Какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, реальное значеніе его весьма условно.

¹⁾ Въ этомъ отношеніи полемику Антоновича (Кіевъ, его судьба и значеніе, с. 224 и сл.) и М. Грушевскаго (Історія ІІР, 148) съ Соболевскимъ (къ вопросу объ историческихъ судьбахъ Кіева, с. 282-3) мы считаемъ безрезультатной: данныя Лавр. лѣт. въ описаніи событій южно-русскихъ могутъ быть столь же достоверными, какъ и данныя Ипат. лѣт.

²⁾ Лавр. с. 441; Ипат. 519.

³⁾ Лавр. с. 444.

⁴⁾ Лавр. с. 439, 441, 443, 444.

⁵⁾ Ипат. с. 588-9.

⁶⁾ Степ. кн. I, 410.

Переходя къ оцѣнкѣ положенія по существу, мы должны сказать, что и à priori, и на самомъ дѣлѣ нѣтъ оснований приписывать Татарамъ чуть ли не поголовнаго истребленія среднеприднѣпровскаго населенія. Какъ бы ни были жестоки ихъ нравы, но маніей человѣкоубійства Татары во всякомъ случаѣ не были одержимы, и мы имѣемъ прямыя указанія, что этой ордой руководили совсѣмъ иныя побужденія. *Intentio autem eorum est* — говоритъ Пляно-Карпини — *sibi totum subijcere mundum, sicut a Chinhischam habent mandatum*¹⁾. Разумѣется, съ этимъ мало вяжется мысль о поголовномъ истребленіи жителей покоряемыхъ странъ; такая тактика примѣнялась только ко всемъ знатнымъ и власть имущимъ, отъ которыхъ всегда можно было ожидать сопротивленія: *intendunt etiam delere omnes principes, omnes nobiles de terra, щадя въ то же время aliquos alios*²⁾. Въ тѣхъ же цѣляхъ Татары съ ожесточеніемъ разрушали города, какъ оплоты независимости мѣстнаго населенія, но щадили тѣхъ, кто добровольно имъ подчинился („люди Татарскіе“) и вообще — нужно думать — сельское населеніе.

Въ соотвѣтствіи съ измѣненіемъ тактики непріятеля должна была измѣниться и тактика населенія. Если прежде, въ годину половецкой бури, оно спасалось преимущественно въ городахъ, то теперь, убѣдившись на многихъ примѣрахъ въ ненадежности этихъ убѣжищъ, южно-русское населеніе должно было искать спасенія въ другихъ мѣстахъ. Такъ оно и было на самомъ дѣлѣ. Только часть „затворяхуся въ городѣхъ (тѣ исповѣданіемъ и со слезами Богу моляще ся, тако отъ поганыхъ немилосердно избѣени быша); инии же бѣжаша въ земли далнии (тѣ придоша на свою землю); а инии же кряху ся въ горахъ, и въ пещерахъ, и въ пропастьехъ, и въ лѣсѣхъ“³⁾. Многіе при этомъ добровольно поддавались Татарамъ, за что пользовались такими вольностями, которыя

¹⁾ У Языкова ІІв. I, сар. 12, р. 44; у Малюши VIII, § 1, р. 37.

²⁾ У Яз. ІІв. II, сар. 8, р. 196; ср. *ibid.* сар. 6, р. 180; у М. VIII, § 1, р. 39, ср. VI, § 5, р. 32.

³⁾ О послѣднихъ Житіе замѣчаетъ, что „мало отъ тѣхъ оста ся“ — обычная принадлежность автографическаго стиля, всегда предст. вляющаго невѣрныхъ въ преувеличенно мрачныхъ краскахъ. — Воскр. лѣт. I, 153, ср. Ипат. с. 529.

казались заманчивыми даже для населения, подчиненного непосредственно русским князьям¹⁾.

Таким образом, общія соображенія и положительныя факты не дают основанія къ предположенію о радикальномъ опустошеніи среднеприднѣпровской Руси въ моментъ Татарскаго погрома²⁾. Подобное предположеніе могло возникнуть только по недоразумѣнію и доселѣ продолжаетъ держаться исключительно потому, что нѣкоторые предпочитаютъ свои собственныя идеи прямымъ либо косвеннымъ указаніямъ источниковъ и выводамъ изъ нихъ исторической критики.

Но если население средняго Поднѣпровья не было въ конецъ истреблено или уведено въ плѣнъ ни Половцами, ни Татарами, то м. б. оно удалилось куда-нибудь подальше отъ опаснаго сосѣдства степи? — Такъ именно и думаетъ проф.

¹⁾ Ипат. 526, 555.

²⁾ Показанія Пляно-Карпини о томъ, что „большая часть Русскихъ побита или уведена въ плѣнъ Татарами“ (Ян. I, § 1, p. 11; М. IX, § 1, p. 45.), и что ему приходилось видѣть въ степи „безчисленное множество череповъ и костей человѣческихъ“ (Ян. II, § 5, p. 155; М. V, § 5, p. 25), отчасти преувеличены, отчасти неправильно толкуются. Не слѣдуетъ забывать, что почтенный Францисканецъ заранѣе имѣлъ уже предвзятое представленіе о жестокости Татаръ, такъ что напередъ склоненъ былъ оцѣнивать ихъ поведеніе нѣсколько пессимистически: къ тому же свой *Libellus historicus* онъ писалъ съ явною цѣлью — побудить западные народы къ крестовому походу противъ враговъ „церкви Божіей, Римской имперіи и всѣхъ христіанскихъ царствъ“ (Ян. II, § 8, p. 199; М. VIII, § 1, p. 38); въ интересахъ автора, слѣдовательно, было — въ возможно большей мѣрѣ очернить противниковъ. Съ другой стороны, сужденіе о томъ, большая или меньшая часть Русскихъ была уведена Татарами, въ устахъ случайнаго путешественника само по себѣ не имѣетъ большого авторитета, если оно принадлежитъ собственно ему; если же Пляно-Карпини говорить это со словъ самихъ Русскихъ, то и въ такомъ случаѣ преувеличеніе весьма естественно и даже необходимо (у страха глаза велики), но оно изобличается тѣмъ, что свои слова путешественникъ равно относитъ, какъ къ Волыни, такъ и къ Киевщинѣ. Что же касается безчисленнаго множества череповъ и костей человѣческихъ, разбросанныхъ по степи, то такое могло принадлежать и Половцамъ, которыхъ Татары истребляли съ особеннымъ ожесточеніемъ; это могли быть также и слѣды прежнихъ схватокъ — Руси съ Половцами, такъ что упомянутое показаніе рѣшительнаго значенія въ разсматриваемомъ вопросѣ имѣть не можетъ (вопреки Ключевскому — Курсъ I, с. 352).

Ключевскій. Съ половины XII в. для него уже „становятся замѣтны признаки запустѣнія Киевской Руси, Поднѣпровья: рѣчная полоса по среднему Днѣпру съ притоками, издавна такъ хорошо заселенная, съ этого времени пустѣетъ, население ея исчезаетъ куда-то“. Отливъ населения изъ Поднѣпровья шелъ, по словамъ Ключевскаго, въ двухъ направленіяхъ. „Одна струя направлялась на Западъ, за Западный Бугъ, въ область верхняго Днѣстра и верхней Вислы, въ глубь Галиціи и Польши (слѣды отлива въ эту сторону обнаруживаются въ судьбѣ двухъ окранныхъ княжествъ — Галицкаго и Волынскаго); другая струя колонизаціи изъ Поднѣпровья направлялась въ противоположный уголъ Русской земли, на сѣверовостокъ за р. Угру, въ междурѣчье Оки и верхней Волги“. Хотя это движеніе и слабо отмѣчено наблюдателями, но проникательный взоръ проф. Ключевскаго подмѣчаетъ слѣды, на него указывающіе. Это — продолженіе прямого пути на сѣверо-востокъ въ Суздальскій край, колонизаціи Суздальскаго края и указанія былины¹⁾.

Таковы въ основныхъ чертахъ взглядъ проф. Ключевскаго на колонизацію средняго Поднѣпровья, взглядъ, начинающій уже проникать и въ учебники по русской исторіи²⁾. Къ сожалѣнію, смѣлость и популярность этого взгляда далеко не соотвѣтствуютъ его основательности. Въ сущности это не болѣе, какъ мифъ, который возникъ въ головѣ автора подъ вліяніемъ его излюбленной тенденціи конструировать русскую исторію на радикальныхъ перемѣнахъ въ движеніи и направленіи колонизаціи. Въ частности —

Относительно переселенія приднѣпровскаго населения на западъ нужно сказать, что ростъ Галиціи и Волыни, съ которымъ Ключевскій его связываетъ, былъ чисто органической, и начался онъ замѣтно для глазъ не при Романѣ, когда достигъ своего апогея, а еще гораздо раньше — при Ростиславичахъ. Этому росту немало способствовало династическое обособленіе указанныхъ земель, талантливость правителей и сравнительная безопасность отъ кочевниковъ, а послѣднимъ фактомъ въ этомъ направленіи было объединеніе

¹⁾ Курсъ русской исторіи I, с. 348—360.

²⁾ К. Елпатьевскій. Учебникъ русской исторіи, с. 90 (изд. XII).

Галича и Волыни въ одно государство. Внутреннія неурядицы, конечно, были и здѣсь, но — временно, и они болѣе отражались на вѣншемъ престижѣ этихъ земель, чѣмъ на ихъ колонизаціи, не въ примѣръ Половецкимъ опустошеніямъ средняго Поддѣпровья. Наконецъ, татарскій потокъ сравнительно легко пронесся здѣсь, всею своею тяжестью обрушившись на востокъ и сѣверъ, причинивъ именно тамъ трудно вознаградимыя потери въ колонизаціи. Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что ростъ Галиции и Волыни, какъ онъ обнаружился къ концу XII и въ началѣ XIII вв., имѣлъ свои и внутреннія и вѣшнія причины, притомъ же — вполне достаточныя, такъ что предполагать непремѣнное участіе здѣсь переселенцевъ изъ средняго Поддѣпровья нѣтъ никакой надобности ¹⁾.

Въ доказательство переселенческаго движенія среднепридѣпровскаго населенія на сѣверо-востокъ Ключевскій ссылается, какъ сказано, на открытіе прямого сообщенія Киевской Руси съ отдаленнымъ Ростовско-Суздальскимъ краемъ, на колонизацію этого края, въ которой слѣдуетъ различать строительную дѣятельность первыхъ Ростовско-Суздальскихъ князей и географическую номенклатуру, и, наконецъ, на теперешнее мѣстонахожденіе былиннаго эпоса. Все это мы рассмотримъ по порядку, но въ краткихъ чертахъ, надѣясь въ будущемъ издать работу, которая специально трактуетъ объ этомъ предметѣ.

Совершенно допустимо, что сообщеніе юга съ сѣверо-востокомъ въ началѣ XI в. было весьма затруднительно, хотя маршрутъ св. Глѣба (его конь споткнулся на берегу р. Тьмы, выше Твери) не имѣетъ здѣсь никакой доказательной

¹⁾ Что же касается направленія въ движеніи колонизаціи XVI в., то мы имѣемъ дѣльные, свидѣтельствующія о населеніи не только изъ Польши и Галиции на востокъ, но и изъ Волыни — на западъ (Грушевскій, *Исторія III*, с. 152); тѣ же, которые переселились на востокъ, могли дѣлать это — и, навѣрное, дѣлали — не потому, что считали себя потомками переселенцевъ изъ Поддѣпровья (вопреки Ключевскому, *op. cit.* р. 353), а потому, что на Поддѣпровья были привольныя мѣста; по аналогичнымъ побужденіямъ и жители коренной Московіи бѣгали на Донъ, — разумеется, лишь к. — л. связи съ мѣстожительствомъ своихъ предковъ.

силы ¹⁾; допустимо же это вслѣдствіе рѣдкости населенія, дикости края и малой оживленности торговыхъ сношеній. Но съ теченіемъ времени, по мѣрѣ увеличенія населенія, расчетки лѣсовъ и оживленія торговыхъ сношеній должно было органически развиваться и сообщеніе юга съ сѣверо-востокомъ. Съ другой стороны, поскольку замедлялся этотъ естественный, органическій ростъ сообщенія, была потребность и въ его искусственномъ, нарочитомъ ускореніи и облегченіи — въ цѣляхъ военно-административныхъ. Такимъ образомъ, уже при Владимірѣ Мономахѣ было намѣчено два пути съ юга на сѣверо-востокъ: сквозь Вятичей и по Дѣпру — на Смоленскъ ²⁾. Самъ Мономахъ одинаково ходилъ и тѣмъ, и другимъ путемъ, насколько видно изъ контекста его Поученія — ни одному изъ нихъ не отдавая преимущества (вопреки Ключевскому) ³⁾; также поступали и другіе князья ⁴⁾. Юрій Долгорукій водилъ свои полки обыкновенно черезъ землю Вятичей, такъ какъ избѣгалъ враждебныхъ ему Мстиславичей, владѣвшихъ Смоленскомъ ⁵⁾. Какая изъ двухъ названныхъ дорогъ была удобнѣе, трудно сказать. По крайней мѣрѣ въ 1148 г. русскіе князья сговаривались предпринять походъ противъ Юрія двумя дорогами: одна часть должна была идти на Смоленскъ, другая — сквозь Вятичей, „а вѣсьмъ снѣтся на Волзѣ“ ⁶⁾. При этомъ рѣшительную роль

¹⁾ Дѣйстви Глѣба столь странны, что нельзя быть увѣреннымъ, по какой причинѣ онъ оказался на устьѣ р. Тьмы: потому ли, что иной дороги на югъ не было, или почему-либо другому. Кроме того, сами биографы даютъ весьма различныя показанія относительно маршрута этого князя: по Нестору онъ бѣжитъ изъ Киева „на полунощная страны“, а по Якову — стремится изъ Муромъ въ Киевъ.

²⁾ Лавр. 238, 241.

³⁾ „Первое к Ростову идохъ сквозъ Вятичѣ, и пакы второе к Смоленську... та и — Смоленська идохъ Володимерю... та идохъ Переяславлю отцу, а по Величѣ дни на Переяславлю та Володимерю... та оттуда Турову, а на вѣну та Переяславлю, таже Турову. И Святославъ умре, и изъ палы Смоленську, а и — Смоленська той же зимѣ та к Новгороду... и потомъ пакы идохомъ к Ростову на зиму — и Смоленську“ (Лавр. с. 238—241).

⁴⁾ Лавр. с. 304, Ипат. с. 330 — на Смоленскъ; Собр. лѣт. VII, 38, IX 172 — сквозъ Вятичей.

⁵⁾ Ипат. с. 236, 323, — *ibid.* 314, 242.

⁶⁾ Ипат. с. 258.

играло время года—„угадаша путь свой, ако ледове стануть“. Очевидно, что и въ томъ, и въ другомъ направленіи преобладали рѣчные сообщения, съ тѣмъ нельзя было не считаться, а это для насъ важно, ибо, если есть еще смыслъ допустить широкое движеніе въ населеніи для прочистки непроходимыхъ лѣсовъ, то для изысканія рѣчныхъ путей сообщенія такое допущеніе совершенно излишне.

Если открытіе сообщенія юга съ сѣверо-востокомъ указываетъ на „какое-то движеніе въ населеніи, прочищавшее путь въ этомъ направленіи сквозь непроходимые лѣса“, то строительная дѣятельность ростовско-суздальскихъ князей—Юрія и Андрея,—по мнѣнію проф. Ключевского, свидѣтельствуетъ о результатахъ этого движенія ¹⁾. Едва ли это такъ. Правда, какъ Юрій, такъ и Андрей, строили въ своей области города, но что значило въ то время построить городъ? Это значило прежде всего—поставить ограду, стѣны, а такъ какъ одну стѣну можно было поставить на мѣстѣ другой, старой, или обвести стѣной раньше уже существовавшее, но не укрѣпленное поселеніе ²⁾, то не въ мѣста лѣтописи, гдѣ говорится о рубленіи городовъ въ Ростовско-Суздальской области, указываютъ на ихъ возникновеніе въ смыслѣ поселковъ. Если же въ другихъ случаяхъ существуетъ между указанными двумя фактами совпаденіе, то оно можетъ имѣть и свое объясненіе, но не то, какое даетъ ему проф. Ключевскій.

Откуда бралось населеніе для новопостроенныхъ городовъ, объ этомъ даетъ знать Татищевъ, говоря, что Юрій Долгорукій населялъ построенные имъ города, „созывая людей отвсюда, которымъ немалую сеуду давалъ, и въ строеніяхъ и другими подаяніями помогать, — въ которые приходя множество Болгаръ, Мордвы, Венгровъ, кромѣ Русскихъ, селились и предѣлы яко многими тысячами людей наполняли“ ³⁾. Примѣру отца слѣдовалъ и сынъ: „Приведе

¹⁾ Курскъ русской исторіи I, с. 356-7.

²⁾ Напр., подъ 1191 г. въ Лавр. лѣт. читаемъ: „заложить бысть градъ Суздаль и срубить бысть того же лѣта“ (с. 388). Новгородъ и Кіевъ закладывались и рубились по нѣскольку разъ въ теченіе до-Моногальскаго періода. См. Самоиловъ. Древніе города Россіи.

³⁾ Исторія Россійская III, 76, ср. Ипат. с. 83, 358.

ему Богъ изъ веѣхъ земель мастера... и Болгаръ, и Жидовъ, и вся погань видѣша славу Божию“ ¹⁾. Другимъ источникомъ для заселенія городовъ служила плѣнь ²⁾, а извѣстно, что Юрій и Андрей вели безчисленныя войны на востокъ, западъ и югъ ³⁾—почти всегда на чужой территоріи, не рискуя опустошеніемъ своей, и по большей части—удачно, т. е. забирали массу плѣнныхъ, которыхъ затѣмъ и разсаживали по городамъ. Наконецъ, возникновеніе городовъ въ Ростовско-Суздальской области можно до извѣстной степени связывать и съ переселенческимъ движеніемъ, но меньше всего—съ юга. Обыкновенно принято думать, что колонизаціонный притокъ въ область средней и нижней Оки шелъ съ сѣвера (Новгородъ) и сѣверо-запада (Кривичи) ⁴⁾, отчасти же съ береговъ Сожа и верховьевъ Оки (Радимичи и Вятичи) ⁵⁾.

¹⁾ Ипат. с. 401; Лавр. с. 333.

²⁾ Ипат. с. 105, 203.

³⁾ съ Болгарами, Мордвой, Новгородомъ и Кіевомъ. См. Корсаковъ—Мера и Ростовское княжество.

⁴⁾ Барсовъ. Очерки русской исторической географіи, с. 149, 155, 156, 173—4.

⁵⁾ Забѣлинъ. Исторія русской жизни. I, 32; Спицынъ. Разселеніе древне-русскихъ племенъ, Ж. М. Н. П. 1899, VIII, с. 335. Иначе думаютъ Корсаковъ и Шахматовъ. Въ своей допольно изданной въ обществ. монографіи Корсаковъ высказалъ мысль о колонизаціи Ростовскаго княжества южанами, но обосновалъ ее странными аргументами. „Коченики—говоритъ онъ—не давали тамъ (на югѣ) Славянамъ покоя, и толпы Славянъ являлись туда, гдѣ лучше, а лучшее имъ легко представлялось въ неводѣланномъ, непочатомъ сѣверо-востокѣ, въ Чудскомъ краѣ“, который въ пылкомъ воображеніи южнаго Славянина представлялся страной чудесъ, страной волшебства и невѣдомой мнѣческой силы; иная, сильная натура стремилась въ этотъ край, чтобы испробовать свою удалъ богатырскую, помѣриться силами съ алыми чудовищами“, тѣмъ болѣе, что „въ самомъ характерѣ южнаго населенія, съ самаго его начала, замѣчается склонность къ бродячничеству, подвижности, свободной, независимой жизни“ (Мера и Ростовское княжество, с. 51). Въ приведенныхъ словахъ ясно проглядываетъ образъ мысли сѣвернина: истый южанинъ думалъ бы совершенно иначе. Суровый сѣверъ съ его морозами и непроходимыми лѣсами не представляется намъ благословенною страной: глазъ, привыкшій обозрѣвать безконечная степи, не найдетъ тамъ достаточной широты кругозора; натура, привыкшая къ созерцанію картинъ южной природы и чуждая вѣчнаго напряженія черной работы въ борьбѣ за существованіе, не

Колонисты въ мѣста новыхъ поселеній обыкновенно переносятъ номенклатуру своей родины — это фактъ, не подлежащій сомнѣнью; но, чтобы имѣть возможность судить по указанному признаку о происхожденіи самихъ колонистовъ, для этого необходима наличность извѣстныхъ условий, которыя не всегда имѣются налицо. Главнѣйшія изъ нихъ — органическое происхожденіе номенклатуры и ея размѣщеніе полосами.

Прежде чѣмъ дѣлать выводы о передвиженіи населенія на основаніи номенклатурныхъ данныхъ, необходимо имѣть увѣренность, что передъ нами продуктъ народнаго творчества, а не личнаго произвола; иначе, напр., встрѣчая на югѣ Россіи такія названія, какъ Мысъ Доброй Надежды, Зеленый Мысъ, Персія, Китай — городъ (Екатеринославской губ.), Дамаскъ, Фонтенебло, Троя, Пальмира (Полтавской

найдемъ тамъ излюбленныхъ для нея жизненныхъ условий, а борьба съ волшебствомъ и невидимыми мистическими силами не можетъ прельщать натуру сильныхъ, когда они сами стоятъ въ центрѣ гораздо болѣе реальной и захватывающей борьбы — съ проворными и хищными кочевниками. Бродяги... не лучше ли имъ рысать съ лукомъ за спиной, на добромъ конѣ, въ привольной и всеобильной степи, чѣмъ съ топоромъ въ рукахъ шатъ за шиломъ прокладывать дорогу въ чащахъ непроходимаго лѣса?

Не выискивая психологическихъ мотивовъ, анад. Шахматовъ останавливается на самомъ фактѣ переселенія южанъ (Сѣверянъ) на сѣверъ, не доходя Ростова — въ Рязанскую область. Наличность такого факта, по мнѣнію почтеннаго ученаго, доказывается появленіемъ (въ XII—XIII вв.) въ Рязанскомъ краѣ, по Окѣ и ея двумъ притокамъ цѣлаго ряда городовъ, между тѣмъ какъ въ самомъ центрѣ земли Вятичей — по верхней Окѣ — намъ не навѣстно (будто бы) ни одного города и на притокахъ Оки — всего два и то — небольшихъ: Лопасна и Козельскъ. Такъ какъ автору кажется неуброеннымъ, «чтобы Вятичи, племя совершенно некультурное еще въ началѣ XII в., могли быть строителями городовъ и цивилизаторами Рязанскаго края», то онъ допускаетъ, что «Рязанская земля заселена Сѣверянами» (Къ вопросу объ образованіи русскихъ нарѣчій, с. 334). Но, во-первыхъ, по верхней Окѣ намъ извѣстно гораздо больше двухъ городовъ (Девагорскъ, Дѣдославль, Мценскъ, Корднв, Кромъ и др.), а во-вторыхъ, изъ того, что намъ сказано въ раннихъ мѣстахъ о происхожденіи и характерѣ древне-русскихъ городовъ, кажется намъ, для читателя будетъ ясно, что выводъ ак. Шахматова построенъ на пескѣ: города строились князьми по мѣрѣ надобности и въ массѣ своей никакой культурной роли не играли, — это просто огороженные поселенія.

губ.) и т. п., мы можемъ придти къ совершенно издорнымъ заключеніямъ. Удовлетворяетъ ли этому условію номенклатура городовъ Ростовско-Суздальской области? — Нѣтъ, не удовлетворяетъ. По обыкновенію, эти города строились князьми, которые и давали имъ имена — въ честь ли своего патрона (Юрьевъ „въ полѣ“), или своихъ сыновей (Дмитровъ), или по какимъ-либо особымъ случаямъ и побужденіямъ. Въ послѣднюю категорію какъ разъ входитъ мотивъ, которымъ Татищевъ (или его источникъ) объясняетъ сходство названій сѣверо-восточныхъ городовъ съ южно-русскими. „Лишенный великаго княженія въ Русской землѣ, Юрій, по словамъ Татищева, строилъ города тѣми же именами, какъ въ Руси суть, хотя тѣмъ утолить печаль свою, что лишился великаго княженія Русскаго“¹⁾. Андрей Боголюбскій, повидимому, не имѣлъ побужденій называть города своего строенія именами южно-русскихъ, но въ дѣйствительности — прислушаемся къ причитаніямъ народа по случаю его смерти. „И нача весь народъ плача молвити: „ужели Кіеву поѣха, господине, в ту церковь, тѣми Золотыми вороты, их(ъ) же дѣлать послалъ бже той церкви на велицѣмъ дворѣ на Ярославѣ, а река: „хочю создати церковь такую же, ака же ворота си Злата, да будетъ память всему отчеству моему“²⁾. Андрей Боголюбскій имѣлъ тенденцію считать и Кіевскую землю своимъ отечествомъ, а для вѣншаго выраженія этой связи строилъ города въ Суздальскомъ краѣ съ именами кіевскихъ: и у меня, молъ, Русская земля, — отсюда и право распоряжаться кіевскимъ столомъ или, по крайней мѣрѣ, имѣть часть въ подлинно „Русской“ землѣ.

Итакъ, номенклатура городовъ Ростовско-Суздальской области не отвѣчаетъ требованію органическаго происхожденія. Болѣе устойчива въ этомъ отношеніи номенклатура топографическая, но она не удовлетворяетъ второму требованію — размѣщенію полосами.

Вообще говоря, номенклатура племенъ, родственныхъ по происхожденію, имѣетъ много общаго (Новгороды и Вышгороды повторяются на картахъ почти всѣхъ славянскихъ

¹⁾ Исторія Россійская III, 76.

²⁾ Ипат. с. 402—3.

странъ¹⁾; въ частности это должно сказать о номенклатурѣ русскихъ племенъ, въ то время очень мало различныхъ между собою: названіе Новгородъ, напр., мы встрѣчаемъ на Деснѣ (Сѣверскій), на Волховѣ (Великій) и на Волгѣ (Нижній); Звенигородъ и Вышгородъ существовали въ землѣ Кіевской, Галицкой, Суздальской. Попробуйте дѣлать на основаніи этихъ случайныхъ совпаденій какіе-либо выводы относительно движенія населенія, и вы неизбежно впадете въ заблужденіе. Чтобы избѣжать послѣдняго, необходимо имѣть дѣло, по справедливому замѣчанію проф. Филевича, „не съ единичными номенклатурными фактами, а съ цѣлыми полосами, въ языкѣ земли которыхъ — и только въ нихъ — безспорно отпечатлѣвается процессъ племенныхъ взаимодействій“²⁾. Но этого-то условія какъ разъ мы и не видимъ въ номенклатурѣ Ростовско-Суздальской области³⁾. Итакъ, номенклатура сѣверо-востока, въ которой проф. Ключевскій усматриваетъ слѣды переселенческаго движенія съ юга, не удовлетворяетъ требованіямъ научнаго примѣненія ея въ данномъ вопросѣ, а потому въ общемъ она бездоказательна. Въ частности же могло случиться, что названіе какой-нибудь Лыбеди или Ирпени перенесено на сѣверъ плѣнниками, взятыми тѣмъ или другимъ княземъ въ Кіевской землѣ.

Послѣдній аргументъ проф. Ключевского—это расцвѣтъ былиннаго эпоса не на югѣ, гдѣ онъ „выросъ“, по мнѣнію автора, а на сѣверѣ, гдѣ онъ „не былъ посеянъ“⁴⁾. Однако, подлежитъ еще большому спору, гдѣ былъ посеянъ и выросъ первоначально былинный эпосъ — на югѣ или на сѣверѣ, потому что, по словамъ самого же Ключевского, Кіевъ въ тѣ времена былъ „связующимъ и обобщающимъ центромъ“ для всѣхъ частей Русской земли, а населеніе ея находилось подѣ дѣйствіемъ однородныхъ условій, „жило об-

¹⁾ См. Географич. словарь Головацкаго.

²⁾ Труды X археол. съѣзда, т. I, с. 337.

³⁾ Проф. Ключевскому (въ отчаст. и Шахматову, *op. cit.* p. 335) кажется особенно знаменательнымъ кочеваніе одного географическаго названія—Переяславъ—по территоріи древней Руси, въ направленіи съ юга на сѣверъ; но названіе Кіева повторяется еще, кромѣ Суздальской Руси, въ Моравіи и Угріи (Словарь Головацкаго, с. 143—4) — что же изъ того?

⁴⁾ Курь I, с. 359.

щей жизнью“¹⁾; если все это — такъ, то не лучше ли было бы думать, что былинный эпосъ одновременно и независимо возникалъ на югѣ и на сѣверѣ? Но даже и это положеніе, имѣющее раздѣлительную форму, можно оспаривать — въ пользу послѣдней его части. Припомнимъ для примѣра, что древне-греческій эпосъ родился не на материкѣ, а въ Іонійскихъ колоніяхъ, т. е. выражаясь словами проф. Ключевского, „расцвѣлъ именно тамъ, гдѣ не былъ посеянъ“. Правда, въ одномъ похвальномъ словѣ²⁾ мы находимъ указаніе, что существовали и на югѣ какія-то свѣтскія гѣсени въ честь Владиміра, но приближались ли онѣ къ т. великорусскимъ былинамъ—это еще вопросъ, а скорѣе всего нужно думать, что это были историческія гѣсени, прославлявшія дѣйствительные подвиги Владиміра, такъ какъ онѣ славились еще въ то время, когда память объ этихъ подвигахъ была свѣжа, и притомъ въ странѣ, гдѣ хорошо знали настоящаго, живого Владиміра; героическій же эпосъ (какъ показываетъ примѣръ древне-греческаго эпоса, и какъ можно догадываться *à priori*) требуетъ для своего возникновенія нѣкоторой перспективы—отдаленія отъ театра дѣйствія его героевъ.

Какъ бы тамъ ни было, а передъ нами несомнѣнный фактъ, что былины о Владимірѣ сохранились только на сѣверѣ. Если даже допустить, что онѣ когда-либо существовали и на югѣ, то исчезновеніе ихъ здѣсь легко объясняется особенностями вѣжно-русской исторіи, богатой событіями, глубоко волновавшими народную жизнь и тѣмъ самымъ вытѣснявшими изъ обихода старыя преданія: новыя времена — новыя и гѣсени... Быть можетъ также забвенію былины способствовала канонизація Владиміра, церковнымъ авторитетомъ и наличностью мощей въ Кіевѣ поддерживавшая иныя воспоминанія и угнетавшая противныя имъ. На сѣверѣ дѣло обстоитъ нѣсколько иначе; но и тамъ былинный эпосъ сохранился не повсюду, а только въ извѣстныхъ мѣстахъ—на Поморьѣ, въ Приуральѣ, въ Заонежѣ, въ Сибири. Если мы справимся съ исторіей, то увидимъ, что былинная поэзія съ удивительной свѣжестью сохранилась именно тамъ, куда заходили только отголоски великой Московской разрухи, и

¹⁾ *ibid.*, с. 362.

²⁾ Голубинскій Исторія Церкви II, 185—6.

гдѣ національное, патриотическое движеніе менѣе всего сказывалось. Не сохранилась она, съ другой стороны, на Поволжьи, такъ какъ была вытѣснена отсюда другимъ могучимъ движеніемъ — воюющей Пугачева и Стеньки Разина.

Итакъ, разсмотрѣвъ аргументы проф. Ключевскаго, мы не находимъ возможности согластаться съ его теоріей колонизаціоннаго движенія среднепродвѣровскаго населенія — ни на западъ, ни на сѣверо-востокъ: предполагать такое движеніе нѣтъ оснований. Но если, съ одной стороны, какъ показано нами раньше, это населеніе не было истреблено или уведено въ плѣнъ кочевниками, а съ другой стороны, какъ видно изъ разбора теорій Ключевскаго, оно нигде не выселилось, то слѣдовательно, остается признать, что оно оставалось на своихъ прежнихъ мѣстахъ, «въ старыхъ городахъ и селахъ», чему положительными доказательствами служатъ номенклатура края и народныя преданія.

Уже Срезневскимъ была высказана мысль, что древнія названія, въ изобиліи встрѣчаемая на югѣ Россіи, «могли удержаться только постояннымъ знаніемъ мѣстностей, которыми они принадлежали, постоянно близкими къ нимъ жителями»¹⁾. Эту мысль впоследствии развили Голубовскій, оставивъ ее многими иллюстраціями, за которыми и отсылаютъ читатели къ его изслѣдованію;²⁾ здѣсь же мы только констатируемъ фактъ и указываемъ его очевидныя слѣдствія. Мы говоримъ: на среднемъ Поднѣпровьи сохранилась масса городовъ со старыми лѣтописными названіями, слѣдовательно, преемственно сохранилось и населеніе ихъ.

О томъ же свидѣлствуютъ и народныя преданія, сохранившіяся на среднемъ Поднѣпровьи отъ временъ до—и —монгольскихъ. Въ этихъ преданіяхъ фигурируютъ перѣдко — то Царградъ, то историческіе Татары, то мѣстныя воспоминанія. Укажемъ для примѣра легенду о Михайлѣ Семилѣтнѣ³⁾, преданія о Дѣвнѣ — горѣ къ с. Сахновкѣ⁴⁾,

¹⁾ Изв. Акад. Наукъ 1859, VIII, с. 319.

²⁾ Печенѣги, Торки и Половцы.

³⁾ Костомаровъ по изд. 1903 г. I, с. 139 — Записки о южной Руси Кулиша I, с. 3—5.

⁴⁾ Чтенія Москов. Общ. Ист. и Др. 1846, VI.

Кириллѣ Кожемякѣ¹⁾, бѣлгородскомъ воеводѣ, о кіевскихъ урочищахъ — Щекавицѣ, Хоревницѣ, р. Лыбеди и проч.²⁾ Днѣпровскій край сохранилъ доселѣ многочисленныя воспоминанія о княгинѣ Ольгѣ въ топографическихъ названіяхъ и народныхъ преданіяхъ, съ ними связанныхъ, такъ что и до сихъ поръ не потеряли окончательно своего значенія слова лѣтописца: «Ловища ея суть по всей земли, знаменья и мѣста и новости... и по Днѣпру перевѣсца и по Деснѣ, и есть село ее Ольжини и доселе»³⁾.

Такимъ образомъ, и положительнымъ, и отрицательнымъ путемъ мы приходимъ къ тому выводу, что, хотя колонизація средняго Поднѣпровья въ борьбѣ со степными хищниками повесела немалыя потери, какъ матеріальныя, такъ и моральныя, но главный масса населенія и въ самыхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ, не покидая населенныхъ мѣстъ, «дожила до новой колонизаціи степей и послужила оплотомъ для новыхъ поселенцевъ». Причина, которая удерживала его на старомъ мѣстѣ, — это любовь къ родному краю... «Только эта любовь — закончимъ мы словами проф. Котляревскаго — могла побудить разбѣжавшеся при вторженіи Татаръ населеніе къ возвращенію на прежнія жилища. Эту привязанность къ отчизнѣ не могли искоренить даже многолѣтныя бури непосѣдной казацкой жизни: подвергаемое многочисленнымъ искушеніямъ святое чувство это только крѣпло, мужало: оно и теперь залегло основнымъ камнемъ народнаго малорусскаго характера, — и оно-то, главнымъ образомъ, служитъ вѣрною порукою, что цѣлѣнное Малороссіине — простое и достойное потомки тѣхъ Русичей, къ народному чувству которыхъ обращался лѣтописецъ Игоря, возбуждая встуниться за землю Русскую и за обиду того времени»⁴⁾.

¹⁾ Костомаровъ I, с. 85—86.

²⁾ Котляревскій Были ли Малоруссы незаконными обитателями Польской земли? Основа 1862, X и отдѣльно.

³⁾ Ипат. с. 38; Лавр. с. 59. См. также Борбисъ Сказанія объ урочищахъ Овручскаго уѣзда, Житомиръ, 1898; Москвитинъ на мѣстахъ жизни св. Ольги равноапостольной, Русск. Царств. 1910, № 27.

⁴⁾ Были ли Малоруссы незаконными обитателями Польской земли? — с. 14.

УКАЗАТЕЛИ.

а) Указатель личный.

А.

Адашев, окольникий 137.
Агаея (Острожская) 168.
Адрианъ, игуменъ 353.
Аксакл 215.
Алфеевъ, толмачъ 374.
Алексей, еп. и митр. 17, 19, 20, 21, 139, 141—3, 151.
Анастасія, жена Олелька, 157, 168.
Андрей Александр., намѣстн. 315, 349.
Андрей Боголюбскій 58, 575.
Андрей Вл. Ольгердовича 27, 30.
Андрей Вруцкій 40, 41, 42.
Антоній, архим. 164, 355, 423.
Антоній, митр. Галицкій 142.

Б.

Бабинскіе 307, 310.
Байбузы 429.
Балахны 190, 192, 275, 397.
Барановичи 215, —скій 210.
Батый 40.
Бачило, колонизаторъ, 306, 366.
Безмолвный, канакъ 520.
Берендѣи 375, 451.
Бехи 27, 112, 223.
Бобофдъ, стар. 102, 394.
Богдановичи—Крушовичи 190.
Болгаки 423.
Болсуновскіе 216.
Бона, королева, 161.
Борисъ Ольгердовичъ 35, 36, 38.
Бутоичи Вруцловскіе 254.
Будивидъ, ил. Литовскій, 13.
Бытъ Александровичъ 211, 257.
Вѣликъ 238.
Вѣльскіе, князья, 60, 61.

В.

Василій Андр. Путинскій 41.
Василій Влад. Овруцкій 41.
Василій Влад. Ольгердовича 37, 38.
Василій Дм. землинъ, 221.
Василій еп. 2, 14, 15.
Васса Вѣльская 91.
Вассіанъ, архим. 67.
Васкъ вичи 214—15, 223, 420.
Васко Климовичъ 275.
Велавскій Ларивонъ 208.
Верейскіе, князья, 270.
Виденинцѣ—Любецкіе 135, 196, 212, 215, 218, 350.
Вишневецкіе, князья, 136, 137, 417.
Владиміръ Іоаннъ Кіев. 41, 42.
Володковичи, Сенько и Марко, 81, 290, 367, 539.
Волконскій Романъ 289, 294.
Вороны 238, 245, 251, 259, 260, 261.
Выгонскіе 218, 221, 224.
Вяземскіе, князья, 293.
Вильковичъ Ив., намѣстн. 350.

Г.

Гагинъ Михайло, державца, 172, 183, 293.
Гаетелія, инокиня, 354.
Гаштольды 11, 51, 56, 59, 60, 62, 89, 92, 161, 184, 192, 271, 275, 278—9, 283, 349, 416.
Герасимъ, митр. 50, 148.
Германъ, игуменъ 164.
Гусодъ Иванко, зем. 255.
Глинскіе, князья, 60, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 76, 81, 82, 107, 110, 111, 118, 171, 205, 206, 225, 257, 308, 349, 367, 471, 492, 416, 417, 429, 450, 539.

Гольшанське, князь 83, 34, 35, 43, 44, 50, 60, 61, 95, 99, 112, 118, 228, 279, 349, 350.
Горностан 82, 206, 211, 212, 238, 244, 251, 306, 366, 417.
Гостьскій, дворянинъ 189, 211.
Грабуновське 419, 426, 429.
Григорій, митр. 150-65.
Гришковичи 359, 397.
Гришковичи 209, 213, 222, 228, 249, 298, 370, 469.
Гришчя, зем. 275.
Гудьковичъ В., зем. 363.
Гвєнське, бояре 215.

Д

Данковичи, паны 66, 102, 105, 106, 107, 113, 118, 125, 126, 134, 227, 284, 360, 376, 394, 397, 398, 409, 410, 416, 539.
Давляньське, земля 293.
Діонисій Суздальскій 28, 144.
Дитятковичъ, человекъ 82, 306.
Дмитрій Евковичъ, тысящій 13.
Домгирдь, зем. 193.
Доимонти, князь 205, 419, 426, 428.
Дорогичи, бояре 73, 541.
Драбы 403-4.
Дублицьке 315, 376.
Дядковичи 81, 87, 99, 194-6, 214, 220, 304, 360, 361.

Е

Ельцы 208, 220, 221, 222, 303, 307, 355, 360, 365, 370, 399.
Ерошинъ, посоль 89, 338.
Ершевичи 418.

Ж

Жданъ Понтула, паны 104.
Жеребятчи 291, 293, 305, 374.
Жисмонтъ Ольбрыхвичъ, староста, 240.

З

Забережанскій, паны 63, 64, 65, 66.
Закусилы, зем. 217.
Заморенки 113, 192, 208, 275, 303, 310.
Зарофеніе 189.
Збаражське, князь 189, 196, 350.
Зягольське, князь 267, 378.
Зубрики (или Жубрики) 92, 104, 249, 420-22, 424-5.

И

Иванъ Борисовичъ Киев. 34, 35, 38, 40.
Иванъ Калита 14.
Иваненцовичи 66, 184, 300, 303, 305, 308, 310, 363, 371, 372, 409.
Игнацій, архим. 164.
Іоаннъ Владиміръ Іоанновичъ Киев. 39, 40, 42.
Іона, митр. 54, 147-50.
Іосифъ Солтанъ, митр. 165.
Ісидоръ, митр. 148, 154-5.

К

Калениковичи, зем. 214, 248, 251, 259, 260, 262, 267, 288.
Капусты, ки. 206, 227, 228, 297, 416.
Кельбонське 419, 426, 428.
Кипріянь, митр. 28, 32, 142-5, 151-3.
Киселы, зем. 215, 303.
Кичкири 59, 257.
Князты 100, 110, 112, 113, 126, 186, 187, 192, 206, 215, 220, 221, 225, 227, 238, 240, 258, 259, 260, 279, 288-9, 300, 303, 310, 416, 417.
Кодышовичи 188, 451.
Кожановське 409.
Колонтай 65, 189.
Коркоми 224.
Косинскій, стар. 206.
Корещьке, князь 112, 225-6, 228, 240, 357, 365, 396, 398, 426.
Корсаки 279.
Корчевське 256, 259, 260.
Коташевичи 220.
Котлубан 244-5, 248.
Копирське, ки. 99, 350.
Котколдовичи 376.
Кухмистры Дорогоставське 303, 304, 360-1.

Л

Левковське 215.
Левка, родонач. Глинскихъ 62, 215, 362, 402.
Ленкова, зем. 93, 113.
Ленко Демитровичъ 188, 189, 375.
Ловки 190, 252, 254, 255, 307, 372, 376.
Лозовицьке 246 и сл.

М

Макаревичи - Иваненцовичи 208, 210, 251, 363, 368, 371.

Макарія, митр-ы 117, 159, 161, 165, 166.
Макарій, ки. 311.
Максимъ, митр. 189.
Мелешковичи, мѣш. 315, 357, 374, 375.
Межь Яико, зем. 200-1, 213, 269.
Мендонъ Альгимунтовичъ 2.
Мизъ, бояр. 397.
Мисаиль, еп. Смоленскій 160, 165.
Митяко Овчиря, ки. 53, 278.
Митяй, архим. 143-4.
Михайлъ Омельковичъ 56, 5, 60, 61, 157.
Михайлуша Сигизмундовичъ, ки. 51, 52.
Монтовы, паны 92, 97, 219, 271, 350.
Морозовы, зем. 396, 397, 409, 419.
Мунчи, ки. 82, 171, 189.
Муншиничи, зем. 301-5.

Н

Нарбутты Н., стар. 184.
Настлюскій М., зем. 219.
Немирчи 135, 211, 214, 225, 298, 262, 261, 303, 365, 368.
Немировичи, паны 79, 88, 94, 113, 118, 119, 184, 256, 266, 303, 304, 350, 366, 416, 417.

О

Оберіфевичи, зем. 224-5.
Одроланжъ, повода 71.
Олегъ Переяславскій 2, 69.
Омелько Владимировичъ, ки. 42, 43, 51, 56, 72, 73, 149, 155, 168, 278, 284, 287, 363, 375, 396, 397, 400, 418, 424, 434, 537.
Олехновичи 209, 214, 284, 307, 363, 364, 375, 401, 434.
Олицары Волхвичи 220, 226, 238, 245, 253, 303, 307, 410.
Ольговичи, ки. Черингон. 16, 39.
Онуфрій, ки. 353.
Орени Костюшовы, зем. 209, 215.
Осовецьке, ки. 226, 253.
Остроискіе, ки. 67, 80, 95, 99, 112, 117, 124, 132, 188, 192, 259, 260, 264, 323, 350, 354, 370.

П

Павши, зем. 211, 214, 220, 227, 300, 303, 357, 426.
Панковичи 216, 270, 226.
Паньчъ Юрій, повода 81, 89, 99, 343.

Паньковичъ, паны 93.
Панъ, бескутъ 363.
Пантиничи, бояре 111, 223.
Пасоченскій Пларіонъ, архим. 377.
Пимень, митр. 144.
Пирхайло, зем. 224, 257.
Подолричскій, ки. 311.
Половцы де Скыра, ки. 27, 252, 255, 258, 261, 277, 287-285, 307, 359, 363, 365, 368, 371, 404, 409, 411.
Полоны 87, 107, 110, 188, 196, 212, 215, 303, 305, 307, 311, 352, 362, 367, 369, 371, 375.
Полубенське, ки. 211.
Посоченське, зем. 216.
Потановичи 396-399, 418-19, 428.
Прежовське 86, 244, 250, 426.
Прокопій, архим. 110-11.
Пронскіе, ки. 42, 93, 107, 112, 240, 241, 279, 303, 350, 417.
Проскура-Суданське 303, 307, 364, 370, 376, 401.
Путиччи, ки. 81, 82, 94, 121, 344, 350.

Р

Радивилы, паны 184, 191, 350.
Ратомське, зем. 188, 191, 279.
Романовичи (Волчко, Соцько, Михайло В. и Иванко М.) 210, 211, 215, 216, 290, 304, 310, 399, 408.
Романъ Бринскій, ки. 2, 6.
Романъ, митр. 17-21, 141, 142.
Романъ Паньковичъ 206, 288, 294.
Рабиччи, Евреи 89, 98.

С

Савушскіе, ки. 36, 37, 241, 417.
Савриловъ, памѣсти 75, 416.
Саврилайло 19, 76, 42-53, 72, 143, 149, 200-2, 360.
Семень Омельковичъ 56-58, 60, 71, 73, 74, 76, 154, 157, 278, 294, 355, 359, 369, 397, 418, 424, 537.
Сенскіе, ки. 211, 223, 258, 309.
Сигизмундъ Кейстульевичъ, ки. 41-46, 48, 51, 53, 317.
Скипора, зем. 88, 244, 251, 290.
Скирайло I, 25, 29-33, 36, 38, 39, 75.
Скобевичи, зем. 261.
Смага, ки. 426.
Соловирецкій В., памѣсти 394.
Соцьки, паны 65, 165, 271.
Софія Андр., супруга Ігайла 41.
Спиридонъ Тверитиничъ, митр. 159.
Стишеславъ Киев., ки. 2, 7, 9, 10, 16.

Отецковичи, зем. 209, 210, 227, 303, 451.
 Острыбули 255—257, 260.
 Суббота, посоль 518, 523.
 Сурини 73, 187, 308, 310, 211, 314, 216, 220, 303, 304, 307, 308, 310, 359, 367, 368, 408-9.

Т.

Терентій, Киев. кн. 42.
 Тимошеи, намѣсти. 152.
 Токлуевичи, зем. 193, 451.
 Трабоніе, кн. 278, 282—286.
 Трипольскіе (Дѣди) 359—361, 369.
 Троицкяч, зем. 216, 220,
 Тугортханъ 27-8.
 Тыши Быковскіе 365.
 Тышевичи (отъ Тыши Каленно-
 вича) 209, 216, 225-6, 248-9, 251,
 254, 259, 260, 301, 417.

У.

Угриновскій, зем. 208-9.
 Узбекъ, ханъ 8.
 Ушатовскіе, бояре 223.

Ф.

Филипповскій, бояринъ 238.
 Филиппъ Из. Армянскій 359.
 Фотій, митр. 56, 145—7, 153-4.

Х.

Халенскіе, старосты 111, 206, 417.
 Харленжскіе ¹⁾, зем. 215, 219, 238,
 258, 260, 309, 362, 367, 369.
 Ходкевичи, паны 89, 99, 117, 213, 350.
 Хозяинъ, посоль 67.
 Хома, колонизаторъ 306, 366.
 Хребтовичи, зем. 190.
 Хрщоновичъ, стар. 417.

Ц.

Цамблакъ Гр., митр. 83, 104-5.

Ч.

Чапка, намѣсти. 394.
 Чарторыйскій Из., кн. 350.
 Черниевскіе, зем. 409.
 Чигировскіе, бояре 223.
 Чижъ, намѣсти. 119, 394.
 Чоповскіе, бояре 222.

¹⁾ Въ текстѣ ошибочно—Харленіе.

Ш.

Шамакъ, мытникъ 342.
 Шепель и Шепелитч—городничіа,
 320.

Щ.

Щербина, иг. 353.

Э.

Эдика, ханъ 116.

Ю.

Юрій Поросьскій, кн. 28.
 Юрій Долгорукій 58, 575.
 Юрма и Юршичи 45-6, 51, 72—74,
 349, 360.

Я.

Ягоддай Сарвентчъ 393, 450-1.
 Якимей, иг. 283, 335.
 Янъ бискупъ, староста 240.
 Ярославъ Ярославичъ, кн. 13-14.

Ф.

Феогноста, митр. 15—17.
 Феодоритъ, митр. 16—19, 140.
 Феодоръ, Киев. кн. 3, 15, 16, 19, 23-4.
 Феодоръ св. (Острожскій) 167.
 Феодосій, архіеп. Полоцкій 145.
 Феодосій, намѣсти. Соф. 153.
 Феоза Наувоитъ, чернецъ 30—32, 152.

в) Указатель географическій.

А.

Айтючи Мозыр. 190.
 Алексѣевская зем. Любец 276.
 Алтубинская педѣла М. 194.
 Андреевка Киев. 372.
 Антоновичи М. 187.
 Арагѣвъ Черк. 400.

Б.

Багриновичи М. 190.
 Багриново К. 376.
 Балаклея Черк. 125, 128, 422—3.
 Барановичи Овр. 210.
 Барахта р. 358.
 Барахты К. 358.

Барашевъ Ж. 261.
 Басанка р. 386.
 Басанъ Ост. 284, 386.
 Баскуль р. 122.
 Батыево Ж. 252.
 Бахна Гпилая 122.
 Ведавичъ Л. 276.
 Безрадичи К. 351.
 Вердово Ост. 277.
 Березомка р. 411.
 Берковъ П. 203.
 Бернавка Ж. 248, 251.
 Беки Овр. 223.
 Бильднискій островъ Л. 276.
 Биринъ П. 129, 280, 292.
 Бобичи М. 189.
 Бобринское Овр. 222—3.
 Бобринъ р. 217, 223.
 Бобринъ р. 72, 360.
 Бобриничи М. 190.
 Бобринъ М. 193.
 Бовкунъ Черк. 408.
 Богдановщина К. 366.
 Богуславъ Черк. 400.
 Богутичи М. 185.
 Боденковичи Ост. 282.
 Боково М. 187.
 Болженичи М. 188.
 Болотня р. 317.
 Борани р. 375.
 Борисковичи М. 187.
 Борисовичи К. 368.
 Боровое Овр. 227—8.
 Бородеяна К. 371.
 Борцова р. 82.
 Борцово Ж. 248.
 Борцовичи К. 375.
 Брегиничи К. 376.
 Брилево Ж. 257.
 Брусилловъ Ж. 254.
 Брягиничи р. 195, 276, 309.
 Брягинская воз. 194—7.
 Брягинъ М. 174.
 Бувковъ Черк. 400.
 Бугаевка р. 356.
 Бугаевка К. 357.
 Бузунково Черк. 423.
 Буйновичи Овр. 230.
 Буковъ Остр. 277.
 Булачинъ К. 375.
 Бургунъ р. 128, 519.
 Бурковичи Ж. 261—2.
 Бусурманское К. 376.
 Бѣтцкая вол. 99.
 Быковъ К. 376.
 Быковщина Л. 276.
 Быстрикъ р. 249.
 Бышевъ К. 136, 369.

Бѣловичи Ж. 249.
 Бѣгуль Овр. 229.
 Бѣлая Сорока Черноб. 309.
 Бѣлая Церковь Черк. 119, 122, 124,
 130, 136, 405, 515.
 Бѣлгородка К. 5, 128, 354—5.
 Бѣлгородъ (Бѣлгородъ) 119.
 Бѣличы К. 354.
 Бѣлки Черноб. 304—5, К. 363; Овр. 215.
 Бѣлобережье Черк. 427.
 Бѣловезъ Овр. 288.
 Бѣлое оз. 378.
 Бѣлороничи Овр. 227.
 Бѣлосороцкая вол. 309—12.
 Бѣлоусъ р. 275.
 Бѣлый Берогъ М. 187.

В.

Валя Черк. 400.
 Ванювичи М. 192.
 Варно Ост. 277.
 Василевъ К. 128, 358.
 Васильевичи Овр. 223.
 Варенича Овр. 211.
 Велокъ М. 191.
 Велавичъ Овр. 208.
 Велелички Овр. 215.
 Велитецъ Л. 370.
 Вельча Л. 275.
 Велья Ж. 252.
 Вепричи К. 363.
 Вепринъ К. 360; Ж. 256.
 Вербоичи М. 110, 186—7.
 Вересковичи М. 187.
 Вересня р. 208, 307.
 Вершина бол. 286.
 Вершина р. 296.
 Вета р. 315.
 Вадыхальня гора 333.
 Вилькомръ 44, 45.
 Вильскъ Ж. 260.
 Вилия р. 45.
 Вильча р. 210, 231.
 Вирлово Ж. 256.
 Витачевъ К. 122, 362.
 Витебскъ 8, 45, 45, 148.
 Вичковичи М. 190.
 Вишени М. 187; К. 374.
 Вишикусовичи Ж. 262.
 Водотай К. 370.
 Войцшица Овр. 228.
 Володарка Черк. 411.
 Волосовичи Ж. 193.
 Волосовъ Ж. 245.
 Волотона могила 286.
 Волуновъ Ост. 277.
 Волчково Овр. 219.

Волшинская земля Овр. 264.
Воняки Овр. 216.
Воробейчи Овр. 220.
Воронковичи К. 376.
Воронково К. 376.
Воронно К. 372.
Ворово Черк. 397.
Ворохобичи Черк. 428.
Ворсичи М. 193.
Ворсовка Ж. 255.
Ворслар. 34, 35, 38, 115, 116, 295, 380, 429.
Вручий см. Овручь.
Всеволожъ 363.
Вуглы Черноб. 310.
Вчерайше Черк. 411.
Выговъ Овр. 222.
Выгуровщина К. 373.
Выдры бол. 286.
Выползово Ост. 281.
Вырна р. 256.
Выръ р. 277.
Высогоръ Ост. 27.
Высокое Овр. 308; Ж. 252, 254.
Выступовичи Овр. 209.
Вышгородъ К. 5, 32, 128, 351.
Вышевичи Ж. 256.
Ватероно Ж. 255.

Г.

Гавриаловичи К. 367.
Гавриаловская зем. Л. 276.
Гайчигъ Ж. 246.
Гажигъ Черноб. 310.
Гайоновичи Черноб. 304.
Гайное К. 289, 354.
Гвоздовъ К. 356.
Глень Черноб. 309.
Гердунтишко П. 294.
Германовка К. 360.
Гиринъ П. 393-4.
Гладковичи Овр. 215.
Гловаха К. 357, 360.
Глинскъ Черк. 129, 401-2, 426, 428.
Глинщина Черк. 426.
Глушечъ Л. 275.
Глушечичи Овр. 226.
Глабовъ Черноб. 309.
Глѣбовское К. 376.
Глѣбовъ К. 365, 562.
Гилецъ К. 354-5.
Гинюлягъ р. 122, 244, 251.
Голено Ж. 260.
Голенашовская зем. Л. 276.
Голенишово Ж. 248.
Голковъ Л. 276.
Головичи Овр. 221.

Голохвастовъ Черк. 410.
Голтва р. 118.
Голубевичи Овр. 219.
Гончариха уроч. 270.
Гончаръ П. 294.
Горбовичи М. 190.
Горностайполь Черноб. 306.
Горелнице Ж. 135, 225; П. 294; Черк. 420.
Городишко Ж. 255.
Гороховатка р. 377, 404, 408.
Горошинъ 361.
Гостомль К. 76, 81, 315, 367.
Гощено Овр. 214.
Грабово М. 193.
Грабье М. 193.
Грежанъ Ж. 261.
Грелъ р. 213.
Григорьево Черк. 396.
Гришковичи М. 186.
Грицково К. 111, 359.
Гуйва р. 235, 244.
Гулевичи М. 190.
Гуланики К. 358.
Гуниччи Овр. 214.
Гѣдра р. 286.
Гѣвиччи Овр. 215.

Д.

Давыдки Овр. 213.
Двина р. 50.
Дежю оз. 400.
Демидовичи М. 187; Овр. 214.
Демидово К. 367.
Денюши Ж. 261.
Деревенная зем. 12-3, 562.
Деряжичи Л. 275.
Десна р. 39, 278, 282, 344.
Джурженччи Овр. 227.
Дитятковичи Черноб. 306.
Дитровичи Черк. 408.
Дитъвъ р. 22, 27, 30-1, 52, 81, 117, 119, 121, 125, 137-8, 344.
Донглады Черк. 309.
Долгая р. 277.
Долгоселье Овр. 226; К. 369.
Долянич 25.
Домановичи М. 190.
Домонтовъ Черноб. 305; Черк. 426.
Донецъ р. 122.
Донецъ П. 129, 292.
Дороганъ р. 277.
Дорогичи Ост. 2; 7; Овр. 213.
Драчиновская зем. Черноб. 309.
Дренелла р. 190.
Друнскъ 42, 66.
Дубечна Ост. 283.

Дудичи М. 190.
Дхаринъ Овр. 229.
Дымирка Ост. 284.
Дѣвица р. 286.

Е.

Ебровъ уроч. 514.
Еремковичи Л. 287.
Ельничка Ост. 282.
Ельцовка Овр. 222.
Ельча Л. 276.
Ерковичи К. 375.
Есеуркиевичи Л. 276.

Ж.

Жаботинъ Черк. 424.
Жабянка р. 424.
Жебровичи Овр. 227.
Жежелевъ Ж. 252.
Жердено Черк. 397.
Жерделевъ Ж. 245 и сл.
Жеребитинъ К. 376.
Жерено Овр. 216.
Жеревъ р. 197, 214.
Житомиръ 3, 12, 29, 66, 68, 117, 127, 128, 132, 239-43.
Жолванскъ П. 129, 280, 294.
Жолшинъ Черк. 427, 562.
Жукинъ Ост. 279, 282.
Жуковичи К. 362.
Жылчи Л. 276.

З.

Забушникъ Ж. 252, 254.
Забѣлочье Ж. 252.
Загалье М. 189.
Загальны К. 371.
Закусилы Овр. 216.
Замглай р. 270.
Замонанъ р. 380.
Замостье М. 190.
Замысловичи Овр. 227.
Занолье М. 190.
Запрудичи Черноб. 307.
Зарубъ Черк. 122, 396.
Зарудье Ж. 255.
Заушье Овр. 53, 86, 217-224.
Заховичи М. 177, 188.
Звондонецъ р. 186.
Звональ р. 220.
Звнячье Ж. 245.
Зноложье Черк. 411.
Звяголь Ж. 128, 136, 267-9.
Звягольская пол. 266-69.
Зднникъ р. 365.

Золотоноша Черк. 426.
Золототкаевская зем. Овр. 220.
Зоринъ К. 366.
Зубковичи Овр. 66, 227.

И.

Ивановичи Ж. 260.
Иванковичи К. 356.
Иванковцы Ж. 245; К. 375.
Иванковъ Черноб. 307.
Иванца Ж. 244.
Игнатово-ица К. 360.
Избродъ бол. 286.
Иава р. 231, 304.
Ильничка р.
Ильнички Черноб. 304.
Ильшанскъ Ж. 244.
Игуль р. 380.
Ива р. 175, 191.
Ирданъ бол. 378.
Иржавецъ Ост. 285.
Ировна р. 225.
Ирово Овр. 225.
Ирпень р. 3, 7, 10, 314.
Ирша р. 255.
Исаики Овр. 224.
Искорости Овр. 221.
Испачи Черноб. 310.

К.

Кабаны Овр. 211.
Калениковичи М. 190.
Каменка р. 122, 234.
Каменка Черк. 397.
Каменованъ пол. Овр. 228.
Каменщина Овр. 228.
Калинное Овр. 228.
Каневъ Черк. 5, 78, 100, 118-9, 124, 127, 129, 190, 393-6.
Канличчи М. 191.
Каранъ р. 376.
Каранитъ К. 369.
Каршловка К. 376.
Карповичи М. 187.
Кациовичи Овр. 219.
Качибей 128, 342, 519.
Качкино лѣсъ 122.
Кава 743.
Киень 1-4, 7-10, 12-22, 26, 29-31, 35, 40, 44, 45-6, 51-53, 56-7, 60-1, 67-8, 70-72, 83, 87-89, 116-119, 124, 129, 131, 318, 320, 329-48 и др.
Киевская земля 107-115.
Кирданъ Черк. 408.
Киселевщина Ж. 254.
Киселова р. 404.

Качиры Ж. 59, 257.
 Клайклише Черк. 409.
 Клевы М. 189.
 Клинецъ гора 333.
 Климентий Черк. 426—8.
 Клишевичи Овр. 213, 220.
 Клочки Овр. 214.
 Клягиния К. 376.
 Княжичи К. 368, 375.
 Ковское Овр. 216.
 Ковшолово Черк. 408.
 Кодня Ж. 250—1.
 Кожушкови Черноб. 812.
 Козаровичи К. 365—6.
 Козарь Ост. 284.
 Козиричи М. 188.
 Козинъ К. 357.
 Козловичи М. 191.
 Козлуй р. 408.
 Козлячи К. 371.
 Колбасно К. 358.
 Койлове К. 365.
 Колбасицы Ж. 254.
 Колтежичи К. 372.
 Колтыгаевъ Черк. 108, 308.
 Колыны Ост. 283; К. 371.
 Комаровичи М. 192.
 Комка р. 122.
 Комонча Черк. 398.
 Копатковичи М. 191.
 Копачи Черноб. 304.
 Коптевичи М. 192.
 Коптевица Овр. 215.
 Кошчевичи М. 192.
 Копылова К. 253.
 Копыль 30, 56.
 Кориния К. 370.
 Коробочка р. 256.
 Коровицы Черк. 408.
 Коросешель Ж. 258—9.
 Корчено Ж. 256.
 Костерова р. 309.
 Костюшковици М. 189.
 Коташевичи Черноб. 312.
 Котельня Ж. 245.
 Котлуй р. 408.
 Котчица Овр. 209.
 Котханий остров. 125.
 Кочерово Ж. 254—5.
 Котомы Л. 276.
 Котомировъ Черк. 409.
 Красная р. 362.
 Кременчугъ Черк. 125, 128.
 Кремль р. 216, 226.
 Крехово Ост. 277, 282.
 Крива К. 364.
 Крицы Л. 276.
 Криницы ур. 519.

Кротонъ М. 191.
 Крошны р. 260.
 Крошны Ж. 259—60.
 Круглое К. 376.
 Крышичи М. 190.
 Ксаверовъ Овр. 221.
 Кувечичи Л. 275.
 Кузмичи Овр. 209.
 Кузнецовина Черноб. 311.
 Кулакони Черк. 400.
 Кулакши Ост. 284, 378.
 Куликовъ К. 356.
 Курени М. 190.
 Куренка р. 402.
 Куродичи М. 189, 191.
 Курскъ П. 292.
 Кучуковъ Черноб. 304—5.

Л

Ладимичи Черноб. 304—5.
 Лавки Овр. 214.
 Лебедина Черк. 122.
 Левковичи Овр. 215; Черноб. 307.
 Левчины Ж. 228.
 Лешинъ Ж. 245.
 Лещинцы Черк. 420.
 Лешляны Овр. 221.
 Липова К. 372.
 Лисуновы Ж. 249.
 Листинъ Овр. 229.
 Литвиновичи М. 193; Овр. 221.
 Лояково Ж. 259.
 Лоевъ Рогъ К. 368.
 Лозная р. 187.
 Ломля Овр. 222.
 Лопатинъ П. 291.
 Лопляны Л. 275.
 Лосичи П. 129.
 Лубни Черк. 403.
 Лука Черк. 410.
 Луканица р. 72, 360.
 Лукманъ 560.
 Луна р. 369.
 Лутала Ост. 285.
 Лучинъ К. 370.
 Лучины М. 192.
 Лысковици Черноб. 311.
 Любеть 130, 271, 274—5, 563.
 Любка р. 373.
 Лысная р. 265.
 Лысины К. 356.
 Лытковичи Ост. 283.

М

Майдановъ лѣсъ 122.
 Макаровъ К. 363, 371.

Мамгородъ Ж. 128, 258.
 Мытва р. 185—6.
 Мытва М. 185.

Н

Наволъ Черноб. 319, 346.
 Нагонша Черноб. 311.
 Надберестанецъ Ж. 261.
 Наоны Ж. 76.
 Налевайковка К. 369.
 Нанякъ Ж. 263.
 Напрудье М. 189.
 Народичи Овр. 220.
 Новоселово К. 356.
 Недавичи Л. 275.
 Недаши Овр. 220.
 Нежраментъ К. 362.
 Немиронка Овр. 221.
 Немиръ П. 291.
 Непочъ р. 190.
 Нерабайловъ лѣсъ 122.
 Нестановичи М. 193.
 Нешиловичи К. 372.
 Нивна М. 193; р. 264.
 Никольское К. 374.
 Новосели М. 191, 192; Овр. 226; Черноб. 304, 309; К. 369.
 Новоселье Черк. 409.
 Новославки Ж. 249.
 Ноадришь Овр. 213.
 Норинскъ Овр. 215.
 Нория р. 198, 298.
 Носовичи М. 190.
 Носовка р. 285.
 Носовъ Ост. 285; Черк. 410.
 Ножинъ Ост. 277, 285.

О

Обидовка р. 190.
 Облитки Ж. 256.
 Обуховичи Черноб. 307.
 Обуховицкая зем. Л. 276.
 Обходы Овр. 221.
 Оветья вода 296.
 Оводовичи М. 190.
 Овручь 3, 5, 6, 12, 29, 40, 41, 42, 66, 68, 104, 126, 130, 205—8.
 Озаричи М. 191.
 Озерце Ж. 253, 254.
 Олева р. 227.
 Олевский вол. 117, 224—28, 434.
 Олевскъ Овр. 128, 224.
 Олесичи М. 190.
 Олибзовици Ж. 248.
 Ольшаница р. 118, 125, 358; Черк. 408.
 Ольшаница р. 122, 420.

Максимовичи Овр. 212.
 Максимовъ К. 376.
 Малая вол. 221—2.
 Малинь Овр. 222.
 Марковъ Ост. 284.
 Мартыновичи Овр. 211.
 Маслячи Овр. 228.
 Матренинъ лѣсъ Черк. 425, 450.
 Махновщина К. 364.
 Медвигъ Черк. 401.
 Меданка р. 420.
 Меза р. 122.
 Межовичи Ж. 262.
 Мейсирѣчка Овр. 216, 221.
 Меленцы Овр. 222.
 Мелешиковичи М. 187.
 Мерль р. 402, 429.
 Мечовици Л. 276.
 Мигалки К. 372.
 Мисулчи К. 368.
 Милолюба П. 129, 292.
 Милославичи К. 31, 373.
 Милотичи бол. 286.
 Мина К. 358.
 Минейка Ж. 256.
 Мирча К. 371.
 Михайлы М. 187.
 Михалковичи Овр. 223.
 Михаловичи М. 188, 193.
 Мишуричь Рогъ 128.
 Мическъ Ж. 258.
 Мленя П. 191.
 Млєвъ Черк. 420.
 Мнєво Л. 275, 309.
 Можары Овр. 229.
 Мозыръ 6, 12, 66, 68, 88, 117, 130, 154, 171, 172, 184, 343.
 Мойсейковцы Черноб. 307.
 Мокаленичи Ж. 256.
 Мократыни Ж. 261.
 Молочная р. 122.
 Монастирскъ Черк. 193.
 Монастирище Ж. 254.
 Мордынь Москов. 52.
 Морморичи М. 190.
 Морочъ р. 192.
 Морудино Черк. 408.
 Мосановичи Черноб. 301.
 Моталжинъ К. 368.
 Мохачъ К. 363.
 Мохово Л. 275.
 Мошки Овр. 214.
 Мошны Черк. 400, 417—19.
 Мужецъ П. 129, 292.
 Мутишинская К. 375.
 Мухомовичи Овр. 210.
 Мушны М. 193.
 Мыса р. 256.

Омельник р. 380.
Ондриевский остров Овр. 211.
Онтонов Черк. 411.
Опузы М. 187.
Опачины Черноб. 305.
Орбви р. 296.
Орель р. 439, 430.
Оресса р. 191, 192.
Оржица р. 403.
Орловы Черк. 420.
Орховатка р. 191.
Осарычи Черноб. 311.
Осетровы Черк. 399.
Осколь П. 129, 292, 293.
Осово Ост. 277.
Осокоровское К. 374.
Остапковцы Ж. 249.
Остафьево Овр. 214.
Остерь р. 278.
Остерь 53, 100, 124, 127, 130, 278, 281-2, 362.
Островец Ост. 277.
Острова К. 363.
Остроголовы М. 190.
Остролучье К. 375.
Осичень Ж. 256.
Осичня р. 258.
Отчиловы М. 188.
Очюнь Черк. 409.
Оштинковичи Черноб. 309.

П.

Павловичи Овр. 210, 310.
Павловы К. 376.
Павлович Черк. 136, 409.
Пакуляк р. 270, 319.
Павелы Ж. 263.
Пасмиковичи Черноб. 307.
Патинь П. 296.
Пашины Овр. 223.
Пекари Черк. 398.
Пенязовщина Л. 276, —чи Овр. 222.
Переволочная р. 403.
Перевать-пха 358.
Перетворка р. 358.
Перетворье К. 358.
Перетрутовичи М. 193.
Переяславщина 28, 373, 434, 555, 562.
Пески К. 377.
Песоченка р. 277.
Петровцы К. 352.
Пеховы Черк. 400.
Пилы Черк. 427.
Пирка р. 227; Л. 276.
Пидиповщина Черноб. 311; М. 192.
Пинчуки Черк. 409.
Пироговичи Черноб. 307.

Пирожки Овр. 222.
Плюская Руда р. 296.
Плотинца р. 28.
Плохово Л. 275.
Погориская Л. 276.
Погребы К. 375.
Подгорцы К. 357.
Подсычи Черк. 310, 396.
Поздняки К. 374.
Поздиковичи Л. 275.
Полетневичи М. 190.
Полозовичи Черноб. 312.
Полозорья р. 119.
Полохачи Черноб. 309.
Полочанская зем. Овр. 213.
Полетняк Черк. 402.
Полетовы р. 411.
Полтана Черк. 420, 428.
Полуживовская зем. К. 374.
Польсье 41, 42, 122, 127, 172, 197, 271, 296-7, 378.
Пондичи К. 355.
Порова П. 293-4.
Поросье 27, 28, 404, 435, 555, 562.
Посемье 7, 28, 39, 188, 433.
Почуйки Черк. 409.
Приворотье Ж. 252.
Приборщи Черноб. 307.
Прилука Черк. 129, 402, 561.
Процено К. 376.
Правено Ж. 250.
Псаль р. 282, 294, 401, 403-4, 439.
Пуково Ж. 252-4.
Путьки 2, 6, 7, 9, 12, 39, 40, 52, 287, 290, 563.
Путыловичи М. 190; Овр. 216.
Путычи М. 190.
Пьяненица Ж. 255.
Писочень 561.

Р.

Раговы К. 376.
Радовель Овр. 227.
Радивоново Черк. 424-5.
Радоставы Ж. 249.
Расудовская зем. Л. 275.
Ракошница Ж. 254.
Рдень бол. 420.
Ремель Овр. 208.
Реминь Овр. 222.
Репеховы Черк. 400.
Ржавель Черк. 400.
Ржищевы К. 362.
Риана р. 222.
Римовы 561.
Рожики Ост. 277, 283.
Ромачь р. 367-9.

Ромитня р. 408.
Ромитное Черк. 408.
Романовы Ж. 263-6.
Ромчиць дъсь 122.
Рославичи К. 355.
Россава р. 400.
Ростаница р. 122, 244, 410.
Рось 122, 398, 399, 405, 411.
Рохитчи Черноб. 306.
Руда Ост. 284.
Рудники Ж. 248, 251.
Рудня Ж. 254-5.
Руды: Молыки, Нечка, Руфина — Ж. 246-7.
Руды Бяки М. 191.
Русиновская Черк. 397.
Рухоль уроч. 118, 122.
Рута р. 358, 409.
Рута Черк. 409.

С.

Савоничи р. 400.
Савоничи Л. 275.
Сальково К. 376.
Самара р. 122, 295, 429, 430, 519.
Самаровы уроч. 340, 514.
Салоговы Ж. 263.
Сахновка Черк. 399.
Сваремь Черноб. 309.
Свидовок р. 228.
Свишоты Ост. 283.
Свиша р. 275.
Свитовце Овр. 219.
Світальново Ост. 277, 284.
Селень Овр. 216.
Селиновцы (Гребенцы) Черк. 409.
Селиновщина Овр. 220.
Селище К. 370.
Сельцо Ж. 259.
Сельчанская зем. Л. 276.
Семенчи Л. 276.
Сербинька Ж. 263.
Серебрянка р. 423.
Серехова Л. 276.
Серпичи Овр. 221.
Сидоровичи Овр. 220.
Сипеть Черк. 129, 401-2.
Синица р. 404.
Синя вода 121.
Сипеленцы Ж. 263.
Ситковичи Л. К. 372.
Сквиря Черк. 411.
Сквиря р. 411.
Сковичино М. 192.
Сколоды р. 188.
Скоморохи Ж. 244.

Скочище К. 370.
Скочковская зем. 117, 224.
Скригаловы М. 188.
Скрыленцы Ж. 248.
Славовы Ж. 261.
Слобода Черк. 411.
Слобода Ост. 284.
Слободыше Ж. 251.
Словечня р. 173, 174, 175, 180, 198, 228, 312-13.
Словечня Овр. 156, 228-9.
Случь р. 30, 196, 198.
Смердовка р. 386.
Смолиговна Л. 276.
Смолиговичи М. 185-6.
Смолишина зем. Овр. 228.
Смоловы р. 191.
Смолянцы р. 280.
Смѣла Черк. 423.
Снопороды Черк. 129, 401-2.
Сноподовичи Овр. 226.
Сновсь 563.
Собищичи Овр. 228.
Совинь Черк. 399.
Совичи Л. 276.
Сомоловичи Черноб. 308.
Совольча К. 365.
Солдирь Ж. 261.
Соловевичи К. 358, 359.
Соловучь р. 189.
Солтаво К. 360.
Сордановы Черк. 398.
Сороковичи Черноб. 309.
Сосна Тихая 296.
Сосница 563.
Сосновская зем. Овр. 222.
Сосновы Ж. 244, 251.
Сосниково К. 376.
Ставица Ж. 252.
Ставки Ж. 257.
Ставки К. 362.
Стаповщина Овр. 216.
Старовичи Черноб. 280, 308.
Старосельцы Ж. 256.
Ставга р. 198.
Стодолычи Овр. 229.
Столицы П. 294.
Стрѣльское М. 189, 190.
Стугна р. 72, 314, 356.
Студеница р. 228; Ж. 260.
Сула р. 122, 295, 402, 427, 429, 561.
Сульские уходы 402-3.
Супой р. 376, 401-2, 426.
Сухаревичи Овр. 222.
Суцаны Овр. 225.
Суховичи М. 190.
Суховщина Ж. 256.
Сыверщина 12, 18, 22, 27, 57, 80.

Сядельниковичи М. 189.
Скиричи М. 193.

Г.

Гавань р. 126, 128, 518, 519.
Гарасовичи Черноб. 309.
Гатаровичи Овр. 221.
Гворисовский Л. 276.
Гейковичи Ж. 262.
Геребовь М. 191.
Геремцы Черноб. 304-5.
Геремцы р. 226.
Герехи Черноб. 309.
Герехтенирова Черк. 397.
Герты П. 294.
Гершебель Черк. 393.
Гершежь Л. 276.
Гетерова М. 263.
Гетерезь р. 234, 252, 296.
Гичичь р. 423.
Гихань р. 357.
Гогановь Черк. 409.
Голкачи Овр. 263.
Голытый Лысь Черноб. 310.
Гомашенка остров 125.
Гомашень Ж. 244.
Гопорыша Ж. 261.
Горчеськ Черк. 404.
Гремля р. 193.
Грибьсовь Ж. 250.
Григубовщина К. 371.
Грильсы Черк. 409.
Гриполь К. 81, 87, 361.
Гростяница р. 222.
Грубежь р. 291, 286, 314, 375.
Груделевичи Черноб. 307.
Губольцы Черк. 409.
Гугочоловское Ж. 76.
Гулибле Черк. 396.
Гулиговичи М. 82, 171, 189.
Гулиць Ж. 244.
Турбовка р. 370.
Турбовь К. 370.
Туровичи М. 190.
Турпечь Л. 276.
Турь р. 179, 182.
Тягивь 128.
Тясмино Черк. 423.
Тясминь р. 423.

У.

Уборть р. 175, 196, 224.
Углы Черноб. 310.
Удай р. 278, 314, 402.
Украина 71, 78, 80, 89, 98, 118, 119,
123, 124, 128, 327, 436.

Упана р. 363.
Ушинь Черноб. 307.
Усть р. 357.
Утешковь П. 280.
Утиловское М. 190.
Уходы Черкасские 429-9.
Ушь р. 27, 118, 197, 290.
Ушановичи Овр. 223.

Ф.

Фастовь К. 363.
Фезань р. 125.
Феррара 148.
Филипповичи Ж. 256.
Флоренция 148.
Фойная М. 192.

Х.

Хабне Овр. 135, 218-19.
Халець К. 361-2.
Ханталыны Ж. 261.
Хворощня Ж. 244, 248, К. 360.
Хвостня Овр. 214.
Хвостовичи М. 192.
Хили М. 190.
Хинимо Овр. 227.
Хлупинь Ж. 261.
Ходаки Овр. 221.
Ходоровичи Ж. 262.
Ходорково К. 364.
Ходорова Черк. 397.
Хоминщина К. 367.
Хомутовь Ж. 252.
Хороборь 563.
Хороць р. 403, 429.
Хорошиць 122.
Хоргица 136, 157.
Хотеновичи Ж. 260.
Хотень П. 129, 291.
Хотиньская зем. Овр. 220.
Хотмынь П. 129, 292.
Хочене Овр. 226.
Хрековичи Л. 276.
Хухори Ж. 254.

Ц.

Царево Черк. 400.
Цешинь руда 122.

Ч.

Чаплица П. 294.
Чапчаклей р. 125.
Челыше М. 192.
Черемонка Ж. 249.

Черкассы 2, 5, 30, 70, 92, 100, 118,
119, 124, 127, 128, 129, 138, 411.
Черлениковь Черк. 398.
Черинь Ост. 284.
Чернобыль 89, 127, 130, 299.
Чернышчи Черк. 408.
Черняховь Ж. 261.
Чертець р. 173, 187.
Чертольськ Ж. 251.
Чигары Овр. 223.
Чмелено К. 58, 359.
Чоповичи Овр. 222.
Чотаново К. 374.
Чудновская вол. 263-5.
Чудновь Ж. 76-7, 128, 136, 262-5.

Ш.

Шаринь Овр. 298.
Шелеличи Черноб. 110, 310-11.
Шершневичи Овр. 222.
Шестень р. 221.
Шестовичи М. 188.
Шибене К. 371.
Шинилова Овр. 220.
Ширейковичи М. 190.
Ширковичи Овр. 221.
Шкурата Овр. 221.
Шукель Ж. 251.
Шыичи М. 190.

Щ.

Щербовь Черк. 411.
Щепиць Ж. 256.
Щенкова Ж. 252.
Щанковина гора 332.
Щитквельская зем. Ж. 256.

Ъ.

Ъчмяданиць 37.

Ю.

Юный Ручай Ж. 253.
Юревичи М. 189.
Юрковь К. 376.
Юрьевичи К. 356.
Юрьевская зем. К. 315.
Юрьевь Черк. 401-5.
Юшковь Рогь 122.

Я.

Яворовцы Ж. 263.
Ягянтань Черк. 411.
Ядревичи П. 293.
Якимовичи М. 191.

Яковичи К. 355.
Яриловичи Л. 275.
Ярилово Черк. 398.
Ярославское Ост. 284, 376.
Ясеница р. 209, 229.
Ясеница К. 375.
Яськово оз. 378.
Яцково Черк. 423.

с) Указатель предметный.

А.

Аргинь 89, 99, 341-2.
Атамань 495-6.
Авемасельская цер. 336.

Б.

Богородицкий мон. 164.
Болкуновщина 484.
Борисоглебская цер. 3 Б.
Бортничество 344, 463-4.
Вояре 78, 79, 80, 91, 103, 133, 189,
203-4, 217, 238-9, 272-4, 280-1,
289, 299, 301, 316-18, 385-6, 539-50.
Вальцван цер. 336.

В.

Васильевская цер. 93, 110, 186, 210,
336, 394.
Видь во владение 81, 85, 105.
Визь 96, 106.
Воевода 77-94, 97-99, 108-115.
Воеводство 76-77.
Войты 320, 388, 391, 505.
Воловица 177, 484.
Волость 76-7.
Воскресенская цер. 336.
Выдубицкий мон. 283, 356, 360, 373,
374, 469.

Г.

Грамота Андрея Боголюбского Ки-
ево-Печер. мон. 58-9.
Грамота Олександра Ва. Домини-
намь, отъ 1411 г. с. 43.
Городицкыи 80, 95, 96, 106.

Д.

Данинсь 481-8.
Дворець 457.
Дворище 472.
Демидовская цер. 336.

Держава 70.
Держання 77, 8, 105, 300.
Домніциане 26, 27, 43, 54.
Драбы 133.
Дубасична 177.
Дамъ 471.
Дякто 176.
Дякцив 96.

Ж.

Жеребів 473.
Житинна 176.
Жолнерц 101, 124, 125, 133, 334.

З.

Замковые слуги 535.
Замка 456.
Замость 1, 3—8.
Зампель о денежнихъ и медонныхъ
денгахъ изъ польскау си Софія, с.
211—12.
Зарука 92.
Земледѣліе 176, 196, 232, 297, 314,
378, 454—8.
Земли 474.
Земле 79, 104, 538.
Златоверхо—Михайловскій мон. 84,
184, 187, 219, 311, 336, 357, 469.

И.

Ивановскій цер. 282.
Идѣльниця повинности 200, 232,
3, 6, 476—7.
Иваніе 80, 81, 82, 87, 92, 105, 109,
310, 539—41.
Иордановскій цер. 84, 336.

К.

Казакъ 89, 102, 127, 310—327.
Кашцана 320, 347, 407.
Каштелинь 80, 90.
Кирилловскій мон. 93, 336.
Классификація населенія 490.
Ключникъ 86, 87.
Ключъ 87, 88.
Книжки 91, 539.
Коланіе слуги 528—31.
Комендантъ 79, 101.
Копиле слуги 535.
Кона 493—5.
Корчма 86, 90, 96, 97, 99, 105, 196,
269, 347, 466—7.
Крестьяне 90, 200, 237, 328, 386, 443,
471—501.

М.

Магдебургское право 91, 320 и сл.,
506 и сл.
Маршалокъ 93, 96.
Мезингорскій мон. 84, 352—3.
Мезингорскія рукоп. 3, 8, 9, 10, 11.
Мелена 177.
Михайловскій цер. 281.
Млянартво 467—9.
Мыгшиль 89, 98.
Мыто 89, 97, 99, 105, 319, 322, 338,
339, 342, 345, 346, 392, 396, 413.
Мѣщане 78, 87, 88, 90, 101, 102, 181,
201—2, 237—8, 274, 280, 318—28,
387—93, 447, 502—9.

Н.

Намѣстникъ 77, 78, 89, 90, 91, 95,
100—115.
Непохожіе люди 490.
Николая св. церкви 84, 93, 184, 336,
352, 414.

О.

Область 77.
Община 179—81, 476—9.
Орданеніе слуги 533—4.
Осмики 83, 90, 96, 348.
Островъ 173—4, 474.
Острогъ 130.
Отрывокъ Воскр. 351—2.
Охота 178, 382, 458—60.

П.

Паншарные слуги 535—6.
Паны 538—9.
Паски 384, 404—5.
Патронать церков. 162 и сл.
Повѣтъ 70, 76—7, 298.
Подаваніе хлѣбовъ духовныхъ 84.
Подмашина 378, 454, 483.
Полодное 26, 54.
Поленицкіе слуги 534.
Полудье 482.
Помѣстье 82, 95, 109.
Потуга 472.
Потужники 477—9.
Повинны и дани 85, 87, 89, 90, 96,
97, 99, 106, 176—7, 320, 321, 325,
482—85.
Пречистенскіе мон. 184, 215, 245.
Присутствіе судебно-административ-
ное при Кіев. воеводѣ, с. 112—13.
Притиско-Никольскія цер. 93, 336.

Промыслы 177—9, 280, 283—5, 297,
345, 378—84, 458—69.
Путные слуги 534—5.

Р.

Рядъ XXIX—XXXIV, 71, 75, 77, 82,
92, 102, 542.
Ремесленники 90, 162, 201, 280, 298,
321, 327, 395, 415, 469—70.
Рождественская цер. 84, 336.
Рокъ 91, 92.
Ротмистръ 101.

С.

Сельгъ XXXIV—XXXIX.
Селіше 473.
Серебщина 321, 392.
Скарбъ 85, 86, 87, 98, 99, 124.
Служба 472, 542.
Сотники 290, 496—9.
Софія Кіев. (соборъ) 152, 153, 156,
166, 211, 213, 214, 218, 219, 220,
221, 250, 251, 252, 254, 256, 265,
282, 317, 336, 356, 364, 365, 368,
369, 370, 372.
Сочинки 234.
Списокъ городовъ Свѣтригайла 291.
Справы 93, 95.
Старожильство 488—90.
Староста 77—9, 100—115.
Старцы 181, 409—501.

Т.

Станія 508.
Стража 123, 127, 128, 203, 414, 568—9.
Свѣтры 177—9.

У.

Ушачин 96.
Урокъ 483.
Уходники 182, 446.
Уходъ 379, 475.
Успенскія цер. 87, 336.

Ф.

Флоровскій мон. 84, 336.

Ц.

Цехи 327.
Циниць 485.

Ч.

Челюдь 491.

Я.

Ярлыкъ 129, 401, 405—6.
Явчники 531—33.

ОПЕЧАТКИ и ПОПРАВКИ.

Стр-ица	Стр-ца	Напечатано:	Нужно читать:
3—14 св.		Со своей стороны	Съ своей стороны
5—2 св.		„в Вышегородскою прим. 1 и Вѣлгородскою	„в Вышегородского и Вѣлгород- ского
8—6 св.		Бреста,	Берестя,
9—5 св.		на ^л рѣкою Ирѣ ^н ю	на ^л рѣкою Ирѣ ^н ю
12—прим. 2		Красницкй списокъ.	Красницкй списокъ.
32—10 св.			
44—прим. 4		джерела	джерела
21—12 и 18 св.			
		прим.	
27—8 св.	прим. 2	(населеніе I, с. 63—6)	(Населеніе I, с. 63—4)
31—3 св.	прим. (Барбашевъ)		Барбашевъ.
33—прим. 5			относится къ слѣд. стр-ицѣ, име прим. 1.
34—прим. 1			примѣч. 2.
34—прим. 2			относится къ предыдущей стр-ицѣ, какъ прим. 5.
35—6 св.		л.	лишнее.
47—прим. 1			
42—2 св.	прим. 1	наз. за 1868 г.	Наз. за 1868 г.
43—2 св.	прим. 1	(речеста)	(речеста)
55—прим. 2		Материалы по исторіи и географіи	Материалы по исторической топо- графіи
65—11 св.		подъ нами подѣсти ^н	подъ нами подѣсти ^н
66—11 св.		Якубъ Пашинцовичъ.	Якубъ Пашинцовичъ
88—10 св.			
114—13 св. и 5 св.	прим.		
118—12 св. и 7 св.			
119—14 св.		Андрей	Андрей
133—17 св.		Немирчъ.	Непримчъ.
164—14 св.			
176—послѣд.			
186—1 св. и др.			

89—6 св.	} оргишеваго	аргишеваго
и 11 св.		
90—9 св.	капциана	капциани
98—8 св.	скорба	скарба
111—1 св.	Гриджово, на Ольшаницѣ (Черкасск. пов.)	Гриджово, на Ольшаницѣ (Кіев. пов.)
126—11 св.	до Тавани,	до Тавани,
128—2 св.	прим. 1	прим. 2
135—14 св.	что поощрило разумѣется,	что поощрило, разумѣется,
154—7 св. прим.	въ примѣн.	въ примѣн.
156—2 св. прим.	полемическихъ сочиненій	полемическихъ сочиненій
158—3 св.	кандидатовъ	кандидатовъ
159—6 св.	въ Ферантонствъ монастырь	въ Ферантонствъ монастырь
161—13 св.	просто	просто
174—17 св.	видамъ	видамъ
179—3 св.	общезвѣстно	общезвѣстно
185—14—17 св.	Гриджо прихожій, Зенько Прійма, Иванъ Радковичъ, Стасъ прихожій, Стасъ Мельникъ, Радко привоуекъ.	исключить изъ перечня инородцевъ—въ итогъ не вошло.
187—2 св.	изъ Овручъ	изъ Овручи
188—прим. 1	} Троицкій	Троицкій
283—прим. 3		
194—3 св.	Сковитино	Сковитино
306—6 св.	3 монастыря	2 монастыря
212—2 св. прим. 2	осыпка	сыпка
218—14 св.	по записи	по записи
227—1 св.	заключаннан	заключаннан
232—6 св.	жители сель	жители сель
232—3 св.	данныя	данныя
234—4 св.	бобровые тоны	бобровые тоны.
237—8 св.	пользовалось	пользовались
240—12 св.	содержанія	содержанія
250—8 св.	тамошнего	тамошняго
263—12 св.	Кіевском	Кіевской
267—9 св.	Семеновича	Семеновича
280—1 св. прим. 1	Петръ Корсакъ.)	(Петръ Корсакъ)
281—1 св.	сказ. на кановой	сказ. на кановомъ
301—прим. 4	} Матеріалы по исторіи и топографіи	Матеріалы по исторіи топографіи
329—прим. 2		
335—прим. 1		
344—прим. 1		

304—17 и 18 св.	по смерти Семена... на единственнаго сына—Ивана,	По смерти Волчка... на единственнаго мужа—Ивана,
305—13 св.	по своей дочери	по своей сестрѣ
314—12 св.	на Сѣверѣ	на сѣверѣ
317—2 св. прим. 1	употребляются	употребляются
338—3 св.	въ 1247 г.	въ 1246 г.
350—2 св.	Ив. Пн. Глинскій	Ив. Львовичъ Глинскій
351—3 св.	мы находимъ.	мы находимъ:
362—9 св.	предоставительнымъ	представительнымъ
367—8 св.	раковымъ	роковымъ
371—16 св.	и одну дочь	и одну сестру
371—9 св.	потомствомъ Дмитрин	потомствомъ Богдана
372—12 св.	на его дочь (или сестру?)	на его сестру
384—прим. 2	Записки о Москов. войнѣ I, с. 9.	Записки о Москов. войнѣ I, с. 8.
386—2 св.	„служитикомъ по со стана	„служити коняцо состава
395—19 св.	Ольшаница	Ольшанка
445—2 св.	Малоруссонъ	Малоруссонъ
474—8 св.	часто съ; предикатомъ:	часто съ предикатомъ:
484—10 св.	въ эвстраціи 1571 г.	въ эвстраціи 1471 г.
487—3 св.	какъ—о:	какъ то:
510—2 св. прим. 1	Ж. М. Н. Пр. 1905, VII.	Ж. М. Н. Пр. 1895, VII
540—1 св.	¹⁾ Док. Грушевскаго о Олизаровъ	²⁾ Док. Грушевскаго до Олизаровъ
542—1 св.	Рѣчь Метислава Наяславича.	Рѣчь Изислава Метиславича.
551—2 св.	ed. Scheffer	ed. Scheffer
556, прим.		